О ДЕМОКРАТІИ

ВЪ АМЕРИКѢ.

СОЧИНЕНІЕ

Алексѣя де Токвиля.

ПЕРЕВЕЛЪ

СЪ 14-ГО ФРАНЦУЗСКАГО ИЗДАНІЯ

В. Н. Линдъ.

МОСКВА.
Изданіе магазина „Книжное Дѣло".
Моховая, домъ Бенкендорфъ.
1897.

Предисловіе переводчика дозволено цензурою. Москва, 26 января 1897 г.

4466-0

2007110630

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., собств. домъ.
1897.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Сочиненіе Токвиля: «Демократія въ Америкѣ», являющееся теперь во второмъ русскомъ переводѣ [1]), написано было уже около шестидесяти лѣтъ тому назадъ [2]), но и въ настоящее время оно сохранило свой интересъ и значеніе. Разумѣется, теперь въ немъ никто не станетъ искать изображенія современной Америки. Жизненное развитіе Соединенныхъ Штатовъ идетъ такъ быстро, что шестидесятилѣтній періодъ для нихъ соотвѣтствуетъ цѣлымъ вѣкамъ для большинства другихъ народовъ. На сколько измѣнились съ того времени фактическія условія, видно хотя бы изъ того, что во времена, описываемыя Токвилемъ, не существовали еще ни Калифорнія съ Санъ-Франциско, ни Чикаго съ его милліоннымъ населеніемъ. Обѣ эти мѣстности представляли тогда еще пустыни. На столько же измѣнилась бытовая сторона жизни, такъ что теперь даже странно читать, напримѣръ, замѣчаніе Токвиля объ отсутствіи богатыхъ людей въ Америкѣ. Наконецъ, въ общественномъ строѣ и въ законодательствѣ произошло съ тѣхъ поръ такое капитальное измѣненіе, какъ уничтоженіе рабства. Такимъ образомъ книга Токвиля, по скольку она касается собственно Америки и американской жизни, имѣетъ въ настоящее время значеніе исключительно историческое, давая намъ вѣрную и безпристрастную картину того, чѣмъ были Сѣверо-Американскіе Штаты шестьдесятъ лѣтъ назадъ, такъ что читать ее и изучать слѣдуетъ приблизительно такъ же, какъ мы изучаемъ напримѣръ описаніе Германіи, сдѣланное Тацитомъ, въ которомъ мы можемъ ожидать найти нѣкоторыя основныя черты дальнѣйшаго развитія германскаго народа, но никакъ не свѣдѣнія о настоящемъ его состояніи. Даже тѣ изъ выводовъ автора, которые впослѣдствіи не были подтверждены исторіей (напр. относительно дальнѣйшей судьбы вопроса о невольничествѣ), а слѣдовательно

---

1) Первый переводъ былъ изданъ въ 60-хъ годахъ.

2) Первые два тома вышли въ 1835 году, третій въ 1840 году.

должны быть признаны невѣрными, имѣютъ свое, опять-таки, *историческое* значеніе, представляя отраженіе тогдашнихъ мнѣній и ожиданій по этимъ вопросамъ, мнѣній, характеристичныхъ для состоянія американскаго общества того времени. Такой взглядъ на сочиненіе Токвиля заставилъ насъ перевести его безо всякихъ примѣчаній и дополненій относительно произшедшихъ съ того времени измѣненій. Притомъ же измѣненія эти такъ велики, что такого рода примѣчанія свелись бы къ написанію новой книги, подобной книгѣ Токвиля, чего, конечно, мы не могли имѣть въ виду. Желающіе познакомиться съ послѣдующей исторіей Соединенныхъ Штатовъ и современнымъ ихъ положеніемъ могутъ обратиться къ слѣдующимъ сочиненіямъ, существующимъ на русскомъ языкѣ: *Брайсъ Д.*: „Американская республика“, перев. В. Н. Невѣдомскаго. М. 1890 г. (Цѣна 10 р. 50 к.)— наиболѣе обширное и серьезное сочиненіе по исторіи и политическому устройству Соединенныхъ Штатовъ. *Чаннингъ Э.* Исторія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. М. 1897 (1 р.). Другія, существующія на русскомъ языкѣ сочиненія объ Америкѣ имѣютъ болѣе отрывочный или монографическій характеръ. Таковы: *Циммерманъ*: „Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Изъ путешествій 1857 — 58 и 1869—70 г.“. М. 1873. (Ц. 1 р. 50 к.) *Диксонъ*: „Борьба расъ въ Америкѣ“ С.-Пб. 1877 (2 р. 50 к.) *Его же* „Новая Америка“ пер. Зайцева. Спб. 1867 (2 р.). *Мекри*: „Американцы у себя дома“ Спб. 1876 (3 р. 50 к.) *Владиміровъ*: „Русскій среди Американцевъ“ Спб. 1877 (2 р.). *Курбскій*: „Русскій рабочій у американскаго плантатора“. Спб. 1874 г. *Паевская* А.: „Годъ въ Америкѣ. Изъ воспоминаній женщины врача“. Спб. 92 (1 р.). *Тверской*: „Очерки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ“. Спб. 1895 (2 р.). *Макъ-Гаханъ*: „Письма изъ Америки“. „Сѣв. В.“ 86г . 1—2; 92 г. 1—12; 93 г. 1—4, 6—12. *Его же* „Пауперизмъ въ Соединенныхъ Штатахъ“ В. Е. 91 г. 7, 8; *Е. Ковалевскій*: „Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ“. Спб. 1895 г. (2 р.). *Быкова*: „Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты“ М., 1896 г. (50 к.). Очень короткое, но довольно обстоятельное изложеніе политическаго устройства въ брошюркѣ *А. Шенбахъ*: „Государственный строй Сѣверо-Американскихъ-Соединенныхъ Штатовъ“, (Международная библіотека 1894 г. № 5 Ц. 15 к.)

Но, кромѣ этого спеціально-историческаго значенія, книга Токвиля имѣетъ и другое, болѣе общее. Пользуясь данными, взятыми изъ наблюденія надъ американскимъ общественнымъ строемъ, авторъ изслѣдуетъ формы проявленія основнаго демократическаго принципа во всѣхъ странахъ и во всѣхъ явленіяхъ политической и общественной жизни, какъ въ сферѣ государственной со всѣми ея подраздѣленіями на законодательную, административную и судебную, такъ и въ сферѣ религіи, умственной дѣятельности и нравовъ, и даетъ широ-

кія общія формулы, изъ которыхъ логически вытекаютъ самыя разнообразныя практическія примѣненія. Поэтому Ройе-Коларъ до извѣстной степени правъ, сравнивая сочиненіе Токвиля съ „Духомъ законовъ“ Монтескье. Подобно послѣднему „Демократія въ Америкѣ“ представляетъ собою логически стройное и цѣлостное выраженіе общихъ принциповъ, лежащихъ въ основѣ всякаго общественнаго устройства. Многія положенія, высказанныя Токвилемъ сдѣлались въ настоящее время азбучными истинами въ политическомъ ученіи Западной Европы и въ этомъ смыслѣ, пожалуй, можно сказать, что сочиненіе это не представляетъ теперь прелести новизны. Однимъ изъ важнѣйшихъ достоинствъ его должно-быть признано постоянно выдержанное, безпристрастное отношеніе къ разсматриваемымъ въ немъ, иногда очень живымъ и жгучимъ вопросамъ. Ни по воспитанію своему, ни по характеру Токвиль не былъ ни предвзятымъ сторонникомъ демократіи, ни тѣмъ менѣе вообще горячимъ и увлекающимся новаторомъ. Поэтому, если онъ высказываетъ предпочтеніе къ американскому демократическому режиму, то не потому, чтобы личная симпатія къ нему заставляла его забывать о его недостаткахъ; напротивъ онъ по всякому вопросу указываетъ какъ на выгоды такъ и на невыгоды демократическаго устройства. Онъ самъ говоритъ о своей книгѣ, что она „не слѣдуетъ ни за кѣмъ“. „Написавши ее,—продолжаетъ онъ,—я не имѣлъ въ виду ни помогать, ни противодѣйствовать какой-нибудь партіи; я хотѣлъ видѣть не иначе чѣмъ видятъ партіи, но дальше ихъ и, въ то время какъ онѣ заботятся о завтрашнемъ днѣ, я желалъ подумать о будущности“. Эта постоянная, спокойная ровность даже дѣлаетъ рѣчь его иногда слишкомъ холодною; но съ другой стороны, это безпристрастное отношеніе невольно вызываетъ довѣріе къ выводамъ автора даже у людей мало склонныхъ симпатизировать демократическимъ началамъ. Читая его вы чувствуете, что это пишетъ не проповѣдникъ извѣстнаго ученія, а просто умный человѣкъ, который, такъ сказать, поневолѣ приходитъ къ извѣстнымъ заключеніямъ, потому что къ нимъ приводитъ его логика.

Если въ чемъ книга Токвиля можетъ-быть признана не отвѣчающею требованіямъ настоящаго времени, то это въ недостаточной разработкѣ экономическихъ вопросовъ. Экономическая сторона народной жизни въ то время еще не подвергалась такимъ глубокимъ и всестороннимъ изслѣдованіямъ, какія были въ этой области произведены въ послѣднее время. Да и самые вопросы эти получили съ тѣхъ поръ значительно большую сложность, а въ то же время разрѣшеніе ихъ сдѣлалось болѣе настоятельнымъ. Но, не требуя отъ книги Токвиля того, чего она не могла дать по условіямъ своего времени, мы не думаемъ, чтобъ это обстоятельство лишало ее зна-

ченія, такъ какъ, признавая вполнѣ всю важность экономическихъ вопросовъ, мы, вопреки взглядамъ, высказывавшимся нѣкоторыми писателями новѣйшаго времени, не считаемъ, чтобы вопросы политическіе должны вслѣдствіе этого быть отодвинуты на второй планъ. Факты исторіи всегда многопричинны, и если причины экономическія въ большинствѣ случаевъ и составляютъ естественную подкладку историческихъ явленій, то окончательная форма, въ которую онѣ выливаются, дается взаимодѣйствіемъ факторовъ не только экономическихъ, но и другихъ, имѣющихъ по преимуществу интеллектуальный и моральный характеръ.

Въ заключеніе мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣкоторыя біографическія указанія о Токвилѣ. Онъ родился въ 1805 году и былъ сыномъ графа де-Токвиля и г-жи Розамбо, внучки Мальзерба, слѣдовательно по рожденію принадлежалъ къ аристократіи и даже къ легитимистамъ. До 1830 года онъ занималъ незначительныя судейскія должности. Въ этомъ году ему было дано порученіе изучить въ Америкѣ устройство тюремной части. Для этого въ слѣдующемъ году онъ отправился въ сопровожденіи своего друга г. де-Бомонъ въ Соединенные Штаты. Плодомъ этого изслѣдованія была написанная ими вмѣстѣ книга „О пенитенціарной системѣ въ Соединенныхъ Штатахъ и ея примѣненіи во Франціи“, вышедшая въ 1832 г. Предлагаемая въ этой книгѣ система состоитъ въ постоянномъ одиночномъ заключеніи, при которомъ заключенные никогда не видятся другъ съ другомъ и съ посторонними людьми, но ихъ обучаютъ религіи, чтенію и ручнымъ работамъ. Противъ этой системы были впослѣдствіи высказаны очень вѣскія возраженія, но въ то время она все-таки представляла первую серьезную попытку къ упорядоченію тюремнаго дѣла и къ улучшенію положенія заключенныхъ. Но, помимо изслѣдованія о тюрьмахъ, путешествіе Токвиля въ Америку имѣло и другіе, болѣе важные результаты. Его интересовало въ Америкѣ больше всего увидѣть на дѣлѣ, какимъ образомъ уживаются вмѣстѣ два принципа: свободы и равенства, которые въ теоріи стоятъ рядомъ, на практикѣ же шли въ то время врозь во Франціи. Для достиженія этой цѣли онъ лично побывалъ въ значительной части Соединенныхъ Штатовъ, вездѣ знакомясь съ людьми самыхъ разнообразныхъ взглядовъ, партій и общественныхъ положеній и, возвратясь во Францію, результаты своихъ наблюденій и размышленій изложилъ въ вышедшемъ въ 1835 году двухтомномъ сочиненіи о демократіи въ Америкѣ, къ которому черезъ пять лѣтъ присоединилъ еще третій томъ. Книга эта произвела большое впечатлѣніе во Франціи и открыла Токвилю доступъ въ академію. Въ 1839 году онъ былъ выбранъ членомъ академіи нравственныхъ наукъ, а въ 1841 г. въ члены французской академіи.

Во вступительной рѣчи, говоря о своемъ предшественникѣ де-Сессакѣ, креатурѣ Наполеона, Токвиль сдѣлалъ строгую характеристику императорскаго режима съ точки зрѣнія того же вопроса о свободѣ и равенствѣ: Революція стремилась къ первой, учреждая конституціонный порядокъ и ко второму, установляя централизацію власти. Наполеонъ предоставилъ свой геній только на службу равенству и въ качествѣ представителя всего народа, избравшаго его своимъ главою, уничтожилъ свободу. Онъ былъ великъ,—заключилъ свою рѣчь Токвиль, на сколько человѣкъ можетъ быть великъ безъ добродѣтели.

Не довольствуясь теоретическимъ изученіемъ вопросовъ политики, Токвиль пожелалъ примѣнить свои идеи и на практикѣ, занявши мѣсто въ парламентѣ. Живя съ рожденія въ своей провинціи въ отцовскомъ помѣстьи и будучи съ дѣтства знакомъ мѣстнымъ жителямъ и любимъ ими, онъ легко былъ въ 1839 году избранъ въ палату, не принимая на себя никакихъ обязательствъ и должностей. Еще раньше онъ отказался отъ судейскаго званія. Ему необходимо было быть вполнѣ свободнымъ, чтобы всецѣло посвятить себя развитію своихъ идей.

Въ этомъ случаѣ оказалось, какъ это часто бываетъ, что глубокій и всесторонній теоретическій мыслитель не всегда могъ выказать качества необходимыя для практическаго дѣятеля. Безпристрастіе и отсутствіе односторонняго увлеченія, составляющія непремѣнныя условія правильнаго теоретическаго мышленія, на практикѣ могутъ иногда повести къ недостаточной энергіи и нерѣшительности. Въ качествѣ депутата Токвиль во время министерства Гизо почти всегда находился въ оппозиціи. Онъ не былъ человѣкомъ партіи и и не поступался своими взглядами, а они тогда были непопулярны. Онъ былъ противникомъ централизаціи, видя въ ней опасность для свободы, а общественное мнѣніе того времени желало сохранить ту же централизацію какая была при имперіи, придавъ ей лишь внѣшній видъ свободы. Впрочемъ и будучи въ меньшинствѣ, Токвиль пользовался большимъ уваженіемъ всѣхъ партій, такъ что палата давала ему самыя серьезныя порученія. Такъ въ 1840 году онъ былъ докладчикомъ коммиссіи, подготовлявшей уничтоженіе невольничества во французскихъ колоніяхъ. Событія 1848 года не удивили его, такъ какъ онъ предвидѣлъ и даже предсказывалъ ихъ, но они возбуждали его недовѣріе и опасенія за будущее. Однако, будучи выбранъ въ учредительное собраніе, онъ искренно готовъ былъ служить республикѣ. Во время іюльскихъ дней, стоя вполнѣ на сторонѣ правительства и признавая необходимость подавленія народнаго возстанія, онъ, однако, подалъ голосъ противъ введенія осаднаго положенія. Онъ былъ однимъ изъ членовъ комиссіи для составленія конституціи, но не могъ провести въ ней своихъ идей.

Тѣмъ не менѣе въ 1849 году онъ былъ избранъ въ законодательное собраніе, которое затѣмъ выбрало его своимъ вице-президентомъ. Вскорѣ затѣмъ президентъ республики пригласилъ его занять мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ Въ этомъ званіи ему пришлось имѣть дѣло съ римскимъ вопросомъ. Римъ былъ взятъ и папа возстановленъ французскими войсками въ управленіе и при молчаливомъ согласіи Токвиля, разсчитывавшаго, повидимому, на то, что возстановленный папа будетъ управлять на либеральныхъ началахъ, провозглашенныхъ имъ въ 1847 г. Какъ извѣстно, надежды эти совершенно не оправдались. Впрочемъ Токвиль оставался въ министерствѣ только четыре мѣсяца. Видя невозможность соглашенія президента съ палатой, онъ вышелъ въ отставку, сохранивъ званіе депутата. Время его дѣятельности съ 1848 по 1850 г. описано было имъ самимъ въ очень интересныхъ воспоминаніяхъ [1]). Въ 1851 году ему былъ порученъ докладъ о пересмотрѣ конституціи. Въ немъ онъ указалъ на опасность положенія, вытекающую изъ того, что вслѣдствіе ошибокъ законодателей 1848 года управленіе Франціей было ненормально и не удовлетворяло страну; но, будучи докладчикомъ комиссіи, въ которой мнѣнія были раздѣлены, онъ не высказалъ опредѣленнаго заключенія. Такъ какъ въ палатѣ не было получено требуемыхъ двухъ третей голосовъ за пересмотръ, то онъ, какъ извѣстно, и былъ отвергнутъ. Затѣмъ произошли событія 2 декабря 1851 года, послѣ которыхъ Токвиль навсегда удалился отъ политической дѣятельности, занявшись снова своими историко-политическими изслѣдованіями, результатомъ которыхъ было новое, можетъ-быть еще болѣе важное произведеніе, L'ancien régime et la révolution [2]). Въ короткомъ біографическомъ очеркѣ невозможно конечно входить въ разборъ столь серьезнаго сочиненія; поэтому мы ограничимся лишь указаніемъ на его основную мысль, заключающуюся въ томъ, что хотя повидимому революція измѣнила старый строй въ самыхъ его основаніяхъ, но въ дѣйствительности это измѣненіе было далеко не такимъ радикальнымъ, какъ казалось, потому что касалось почти исключительно лишь того, чѣмъ нарушалось равенство, каковы были личныя сословныя и мѣстныя привилегіи. Но уничтоженіе послѣднихъ и введеніе одного для всѣхъ закона еще болѣе усилило объединеніе всей общественной дѣятельности въ правительствѣ и ослабило личную самодѣятельность гражданъ, т.-е. вело къ уменьшенію свободы. Такимъ обра-

---

[1]) Изданы на русскомъ языкѣ въ переводѣ В. Невѣдомскаго въ 1893 году (Цѣна 2 руб.).

[2]) Это сочиненіе издано въ прошломъ году въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ „Старый порядокъ и революція". М. (Цѣна 50 к.).

зомъ и здѣсь главною задачей Токвиля было уясненіе того же вопроса объ отношеніяхъ между равенствомъ и свободою. Къ сожалѣнію, это глубоко задуманное и превосходно изложенное сочиненіе не могло быть окончено вслѣдствіе болѣзни и смерти автора. Оно останавливается именно въ томъ пунктѣ, когда старый порядокъ оканчивается. Токвиль умеръ въ 1859 году не достигши пятидесяти трехъ лѣтъ. Лабулэ написалъ его некрологъ [1]), которымъ мы преимущественно и пользовались при составленіи этого біографическаго очерка.

---

[1]) Онъ помѣщенъ въ сборникѣ политическихъ статей Лабулэ, вышедшемъ въ 1865 году подъ названіемъ: L'état et ses limites.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ переводчика . . . . . III—IX

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Введеніе. 1
Глава I.—Внѣшнія формы Сѣверной Америки 13
Глава II.—Исходная точка и ея важность для будущности англо-американцевъ. 20
Причины нѣкоторыхъ особенностей, представляемыхъ англо-американскими законами и обычаями 33
Глава III.—Общественный строй англо-американцевъ 35
Самый выдающійся пунктъ англо-американскаго строя состоитъ въ томъ, что онъ по существу своему имѣетъ демократическій характеръ. . 35
Политическія слѣдствія общественнаго строя англо-американцевъ. . . 40
Глава IV.—Принципъ верховной власти народа въ Америкѣ. 41
Глава V.—Необходимость изучить то, что происходитъ въ отдѣльныхъ штатахъ, прежде чѣмъ говорить о союзномъ управленіи 43
Общинная система въ Америкѣ. 44
Предѣлы общины. 45
Общинныя власти въ Новой Англіи 46
Жизнь общины. 48
Общинный духъ въ Новой Англіи. 50
О графствѣ въ Новой Англіи 52
Объ администраціи въ Новой Англіи 53
Общія понятія объ администраціи въ Соединенныхъ Штатахъ 61
О государствѣ штатѣ 64
Законодательная власть штата . . . . . —
Объ исполнительной власти штата. 65
Политическія слѣдствія административной децентрализаціи въ Соединенныхъ Штатахъ. 66
Глава VI.—Судебная власть въ Соединенныхъ Штатахъ и ея вліяніе на политическое общество. 76
Другія права, данныя американскимъ судьямъ. 80
Глава VII.—Политическіе приговоры въ Соединенныхъ Штатахъ 82
Глава VIII.—О союзной конституціи 87
Историческія условія союзной конституціи. . . . . —
Общая картина союзной конституціи 88
Предметы вѣдѣнія союзнаго правительства 90
Союзная власть 91
Власть законодательная. . . . . -
Другое различіе между сенатомъ и палатой представителей. 93
Объ исполнительной власти. 94
Въ чемъ положеніе президента Соединенныхъ Штатовъ отличается отъ положенія конституціоннаго короля во Франціи. 95
Случайныя причины, могущія увеличить вліяніе исполнительной власти . 98
О выборѣ президента. 99
Способъ избранія. 103
Выборный кризисъ 105
О вторичномъ избраніи президента 107
О союзныхъ судахъ 109

Стр.

Способъ опредѣленія подсудности въ союзныхъ судахъ 112
Случаи различной юрисдикціи 113
Форма судопроизводства въ союзныхъ судахъ 116
Высокое мѣсто, занимаемое верховнымъ судомъ въ ряду высшихъ властей государства 118
Въ чемъ состоитъ превосходство союзной конституціи надъ конституціей Штатовъ. 120
Чѣмъ союзная конституція Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ отличается отъ всѣхъ другихъ союзныхъ конституцій. 123
Выгоды федеративной системы вообще и польза ея спеціально для Америки 126
Отчего федеральная система не примѣнима ко всѣмъ народамъ и что дало возможность принять ее американцамъ. 130

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I.—Почему можно вполнѣ точно выразиться, что въ Соединенныхъ Штатахъ управляетъ народъ. 139
Глава II.—О партіяхъ въ Соединенныхъ Штатахъ. 140
Объ остаткахъ аристократической партіи въ Соединенныхъ Штатахъ . 143
Глава III.—О свободѣ печати въ Соединенныхъ Штатахъ 145
Глава IV.—О политической ассоціаціи въ Соединенныхъ Штатахъ. 152
О различныхъ способахъ пониманія права ассоціаціи въ Европѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ и о различномъ его примѣненіи. 155
Глава V.—Объ управленіи демократіи въ Америкѣ. 158
Всеобщая подача голосовъ . . . . . —
О народномъ выборѣ и о стремленіяхъ, проявляемыхъ американскою демократіей въ своихъ выборахъ. . . . . —
О причинахъ, могущихъ отчасти исправить эти инстинкты демократіи . 160
Вліяніе, оказанное американскою демократіей на избирательные законы. 162
Общественныя должностныя лица подъ управленіемъ американской демократіи 163
О произволѣ магистратуры при господствѣ американской демократіи . 165
Административная неустойчивость въ Соединенныхъ Штатахъ 166
Общественныя повинности подъ управленіемъ американской демократіи. 168
О направленіи американской демократіи въ дѣлѣ опредѣленія жалованья служащихъ лицъ. 171
Трудность разобраться въ причинахъ, обусловливающихъ стремленіе американскаго правительства къ экономіи. 173
Можно ли сравнивать государственные расходы Соединенныхъ Штатовъ съ государственными расходами Франціи 174
Объ испорченности и порокахъ управляющихъ лицъ въ демократіи. Результаты ихъ для общественной нравственности 178
Къ какимъ усиліямъ способна демократія 180
О власти, которую американская демократія имѣетъ сама надъ собой . 182
Какимъ образомъ американская демократія ведетъ внѣшія дѣла государства. 184
Глава VI.—Въ чемъ состоятъ дѣйствительныя выгоды, получаемыя американскимъ обществомъ отъ демократическаго правленія 187
Общее направленіе законодательства при господствѣ американской демократіи и стремленіе лицъ, примѣняющихъ законы. . . . . —
Общественный духъ въ Соединенныхъ Штатахъ 191
Понятіе о правахъ въ Соединенныхъ Штатахъ. 193
Объ уваженіи къ закону въ Соединенныхъ Штатахъ. 195
Дѣятельность, царствующая во всѣхъ частяхъ политическаго организма въ Соединенныхъ Штатахъ.—Вліяніе, оказываемое ею на общество . 196
Глава VII.—О всемогуществѣ большинства въ Соединенныхъ Штатахъ и о послѣдствіяхъ этого. 200
Какимъ образомъ всемогущество большинства увеличиваетъ въ Америкѣ законодательную и административную неустойчивость, свойственную природѣ демократій 202
Тиранія большинства 204
Вліяніе всемогущества большинства на произволъ американскихъ должностныхъ лицъ 206

Стр.

О власти, проявляемой большинствомъ въ Америкѣ надъ мыслью . . . 207
Вліяніе оказываемое тиранніей большинства на національный характеръ американцевъ. Духъ лести въ Соединенныхъ Штатахъ. 209
О томъ, что величайшая опасность для американскихъ республикъ происходитъ отъ всемогущества большинства. 211
Глава VIII.—Чѣмъ умѣряется въ Соединенныхъ Штатахъ тиранніа большинства. Отсутствіе административной централизаціи. 213
О духѣ законовѣдѣнія въ Соединенныхъ Штатахъ и о томъ, какъ онъ служитъ противовѣсомъ для демократіи. 214
О судѣ присяжныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ, разсматриваемомъ какъ политическое учрежденіе. 220
Глава IX.—Главнѣйшія причины, способствующія поддержанію демократической республики въ Соединенныхъ Штатахъ. 226
О случайныхъ или провиденціальныхъ причинахъ, содѣйствующихъ поддержанію существованія въ Соединенныхъ Штатахъ демократической республики . . . . . —
О вліяніи законовъ на поддержаніе демократической республики въ Соединенныхъ Штатахъ. 234
О вліяніи нравовъ на поддержаніе демократической республики въ Соединенныхъ Штатахъ. 235
О религіи, какъ политическомъ учрежденіи. Какимъ образомъ она сильно содѣйствуетъ къ поддержанію у американцевъ демократической республики . . . . . —
Косвенное вліяніе, оказываемое религіозными вѣрованіями на политическое общество въ Соединенныхъ Штатахъ 238
Главнѣйшія причины, дѣлающія религію могущественной въ Америкѣ . 241
Какимъ образомъ просвѣщеніе, привычка и практическая опытность американцевъ способствуютъ успѣху демократическихъ учрежденій. . . . 247
О томъ, что законы больше, чѣмъ физическія причины, а нравы еще больше, чѣмъ законы, служатъ къ поддержанію демократической республики въ Соединенныхъ Штатахъ. 250
Были ли бы достаточны законы и нравы для поддержанія демократическихъ учрежденій въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Америки? 254
Возможность предыдущаго по отношенію къ Европѣ 256
Глава X.—Нѣкоторыя соображенія о настоящемъ состояніи и вѣроятной будущности трехъ расъ, живущихъ на территоріи Соединенныхъ Штатовъ . 259
Настоящее состояніе и вѣроятная будущность индѣйскихъ племенъ, обитающихъ на территоріи, принадлежащей Союзу. 264
Положеніе, занимаемое черной расой въ Соединенныхъ Штатахъ, опасности, угрожающія бѣлымъ, вслѣдствіе ея присутствія 279
Какая вѣроятность долговременнаго существованія Американскаго Союза и какія опасности угрожаютъ ему. 299
О республиканскихъ учрежденіяхъ въ Соединенныхъ Штатахъ и о вѣроятной ихъ прочности. 326
Нѣкоторыя соображенія о причинахъ большого торговаго значенія Соединенныхъ Штатовъ 330
Заключеніе. 336

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Предувѣдомленіе 341

Отдѣлъ первый.

Вліяніе демократіи на умственное движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ. 343
Глава I.—О философскомъ методѣ американцевъ . . . . . —
Глава II.—О главномъ источникѣ вѣрованій у демократическихъ народовъ. . 347
Глава III.—Отчего американцы выказываютъ больше способности и склонности къ общимъ идеямъ, чѣмъ ихъ предки англичане. 350
Глава IV.—Отчего американцы никогда не относились такъ страстно, какъ французы, къ общимъ идеямъ въ области политики 353
Глава V.—Какимъ образомъ въ Соединенныхъ Штатахъ религія умѣетъ пользоваться демократическими инстинктами 354
Глава VI.—Объ успѣхахъ католицизма въ Соединенныхъ Штатахъ 361
Глава VII.—Какая причина того, что умъ демократическихъ народовъ склоненъ къ пантеизму. 362

Стр.

Глава VIII.—Какимъ образомъ равенство внушаетъ американцамъ идею безграничнаго совершенствованія человѣка 363
Глава IX—Почему примѣръ американцевъ не доказываетъ того, чтобы демократическій народъ не могъ имѣть способности и наклонности къ наукамъ, искусствамъ и литературѣ 364
Глава X.—Отчего американцы стремятся больше къ научной практикѣ, чѣмъ къ теоріи 368
Глава XI.—Въ какомъ духѣ американцы занимаются искусствомъ 373
Глава XII.—Почему американцы воздвигаютъ одновременно памятники столь мелкіе и столь большіе 377
Глава XIII.—Литературная физіономія демократическихъ вѣковъ 378
Глава XIV.—О литературной промышленности 383
Глава XV.—Почему изученіе греческой и латинской литературы особенно полезно въ демократическихъ обществахъ . . . . . —
Глава XVI.—Какимъ образомъ американская демократія внесла измѣненія въ англійскій языкъ 385
Глава XVII.—О нѣкоторыхъ источникахъ поэзіи у демократическихъ народовъ. 390
Глава XVIII.—Отчего американскіе писатели и ораторы часто бываетъ напыщенными 395
Глава XIX.—Нѣкоторыя замѣчанія о театрѣ у демократическихъ народовъ. . 396
Глава XX.—О нѣкоторыхъ особенныхъ тенденціяхъ, свойственныхъ историкамъ, пишущимъ въ демократическія времена 400
Глава XXI.—О парламентскомъ краснорѣчіи въ Соединенныхъ Штатахъ. . . 403

Отдѣлъ второй.

Вліяніе демократіи на чувства американцевъ 407
Глава I.—Почему у демократическихъ народовъ любовь къ равенству обнаруживаетъ больше пылкости и постоянства, чѣмъ любовь къ свободѣ . . . . —
Глава II.—Индивидуализмъ въ демократическихъ странахъ 410
Глава III.—Почему при завершеніи демократической революціи индивидуализмъ сильнѣе, чѣмъ во всякое другое время 411
Глава IV.—Какъ американцы борятся съ индивидуализмомъ при помощи свободныхъ учрежденій 412
Глава V.—Роль ассоціацій въ гражданской жизни американцевъ 415
Глава VI.—Объ отношеніяхъ ассоціацій и газетъ 419
Глава VII.—Отношенія между гражданскими и политическими ассоціаціями. . 421
Глава VIII.—Какъ американцы борятся съ индивидуализмомъ при помощи ученія хорошо понятаго интереса 425
Глава IX.—Какъ американцы примѣняютъ ученіе правильно понятаго интереса къ религіознымъ вопросамъ 427
Глава X.—Стремленіе къ матеріальному благосостоянію въ Америкѣ 429
Глава XI.—Особенныя послѣдствія любви къ матеріальнымъ наслажденіямъ въ демократическія эпохи 431
Глава XII.—Почему у нѣкоторыхъ американцевъ замѣчается такой восторженный спиритуализмъ 432
Глава XIII.—Почему американцы и въ довольствѣ выказываются такими безпокойными 433
Глава XIV. Какимъ образомъ любовь американцевъ къ матеріальному благосостоянію совмѣщается съ любовью къ свободѣ и усердіемъ къ общественнымъ дѣламъ 436
Глава XV.—Какъ религіозныя вѣрованія увлекаютъ отъ времени до времени американцевъ къ духовнымъ наслажденіямъ 438
Глава XVI.—Какъ излишняя любовь къ благосостоянію можетъ повредить ему . 442
Глава XVII.—Почему во времена равенства и сомнѣнія слѣдуетъ отодвигать въ будущее цѣль человѣческой дѣятельности 443
Глава XVIII.—Почему у американцевъ всякій честный трудъ уважается . . . 445
Глава XIX.—О причинахъ общей почти всѣмъ американцамъ склонности къ промышленной дѣятельности 446
Глава XX.—Какимъ образомъ изъ промышленности могла бы возникнуть аристократія 449

Отдѣлъ третій.

Вліяніе демократіи на нравы въ собственномъ смыслѣ
Глава I.—Какимъ образомъ уравненіе сословій вліяетъ на смягченіе нравовъ . 452

Стр.

Глава II.—Какимъ образомъ демократія вноситъ простоту и свободу въ обыденныя отношенія американцевъ 456
Глава III.—Почему американцы такъ мало требовательны въ отношеніи вѣжливости у себя въ домѣ и такъ щепетильны на этотъ счетъ въ Европѣ . 457
Глава IV.—Выводъ изъ трехъ предыдущихъ главъ 460
Глава V.—Какъ демократія измѣняетъ отношенія слуги къ господину 461
Глава VI.—Какимъ образомъ демократическія учрежденія и нравы способствуютъ возвышенію арендной платы и уменьшенію арендныхъ сроковъ . 468
Глава VII.—Вліяніе демократіи на заработную плату 470
Глава VIII.—Вліяніе демократіи на семью 472
Глава IX.—Воспитаніе молодыхъ дѣвушекъ въ Соединенныхъ Штатахъ. . . . 477
Глава X.—Какимъ образомъ отличительныя черты дѣвушки переносятся на женщину 478
Глава XI.—Какъ равенство вліяетъ на чистоту американскихъ нравовъ. . . 480
Глава XII —Какъ американцы смотрятъ на равенство мужчины и женщины . 485
Глава XIII.—Какимъ образомъ равенство естественно раздѣляетъ американцевъ на множество мелкихъ отдѣльныхъ обществъ. 488
Глава XIV.—Нѣсколько замѣчаній о внѣшнемъ обращеніи американцевъ . . . 490
Глава XV.—О серьезности американцевъ и почему эта серьезность часто не мѣшаетъ имъ поступать необдуманно 492
Глава XVI.—Почему американцы болѣе щекотливы и обидчивы въ своей національной гордости, чѣмъ англичане 495
Глава XVII.—Почему общество въ Соединенныхъ Штатахъ, несмотря на свою подвижность, кажется въ то же время однообразнымъ. 497
Глава XVIII.—О чести въ Соединенныхъ Штатахъ и въ демократическихъ обществахъ. 499
Глава XIX.—Почему въ Соединенныхъ Штатахъ такъ много честолюбивыхъ людей и въ то же время такъ мало возвышеннаго честолюбія 508
Глава XX.—О добываніи должностей у нѣкоторыхъ демократическихъ народовъ 513
Глава XXI.—Почему великія революціи должны дѣлаться рѣже 515
Глава XXII.—Почему демократическіе народы естественно хотятъ мира, а демократическія арміи—войны 524
Глава XXIII.—Какой классъ въ демократическихъ арміяхъ самый воинственный и самый революціонный 529
Глава XXIV.—Почему демократическія арміи при началѣ войны оказываются слабѣе другихъ армій, а по мѣрѣ продолжительности войны становятся сильнѣе. 532
Глава XXV.—О дисциплинѣ въ демократическихъ арміяхъ. 535
Глава XXVI.—Нѣсколько замѣчаній о войнѣ въ демократическихъ обществахъ . 536

Отдѣлъ четвертый.

О вліяніи демократическихъ идей и чувствъ на политическое общество.
Глава I.—Равенство естественно заставляетъ людей любить свободныя учрежденія. 541
Глава II.—Понятія демократическихъ народовъ относительно формы правленія естественнымъ образомъ способствуютъ концентраціи власти. 542
Глава III.—Чувства демократическихъ народовъ ведутъ ихъ, также какъ и ихъ идеи, къ концентраціи власти 544
Глава IV.—О нѣкоторыхъ особенныхъ и случайныхъ причинахъ, которыя окончательно приводятъ демократическіе народы къ централизаціи власти или же отклоняютъ ихъ отъ нея 547
Глава V.—О томъ, что въ европейскихъ государствахъ нашего времени верховная власть усиливается, хотя правители менѣе прочны. 551
Глава VI.—Какого рода деспотизма демократическимъ народамъ слѣдуетъ всего болѣе опасаться. 561
Глава VII.—Продолженіе предыдущихъ главъ 565
Глава VIII.—Общій взглядъ на предметъ 572
Примѣчанія 575
Конституція штата Нью-Іоркъ 599
Конституція Соединенныхъ Штатовъ. 609

ДЕМОКРАТІЯ ВЪ АМЕРИКѢ.

СОЧ. АЛЕКСѢЯ ДЕ-ТОКВИЛЛЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ числѣ новыхъ предметовъ, обратившихъ на себя мое вниманіе, во время пребыванія моего въ Соединенныхъ Штатахъ, всего болѣе поразило меня равенство общественныхъ положеній. Я безъ труда усмотрѣлъ, какое чрезвычайное вліяніе имѣетъ этотъ первичный фактъ на ходъ общественной жизни. Онъ даетъ извѣстное направленіе духу общества и извѣстный характеръ законамъ, новыя правила для управляющихъ и особыя привычки для управляемыхъ.

Вскорѣ я убѣдился, что значеніе этого факта распространяется далеко за предѣлы политическихъ обычаевъ и законовъ и что господство его проявляется съ такою же силой въ гражданскомъ обществѣ, какъ и въ управленіи; онъ создаетъ мнѣнія, порождаетъ чувства, установляетъ обычаи и вноситъ измѣненія и во все то, что не имъ произведено.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ изученія мною американскаго общества, я все болѣе и болѣе убѣждался, что равенство общественныхъ положеній есть та первопричина, изъ которой вытекаютъ, повидимому, всѣ другіе частные факты и которую я постоянно встрѣчалъ передъ собой, какъ центральный пунктъ, куда сводились всѣ мои наблюденія.

Тогда я мысленно обратился къ нашему полушарію, и мнѣ показалось, что я и въ немъ могу различить нѣчто аналогическое тому, что представлялось для меня въ Новомъ Свѣтѣ. Я увидѣлъ, что и здѣсь равенство общественныхъ положеній хотя и не достигаетъ своего крайняго предѣла, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, но постоянно все болѣе къ нему приближается, и что та самая демократія, которая господствуетъ въ американскихъ обществахъ, быстро, какъ мнѣ кажется, подвигается къ власти и въ Европѣ.

Съ этой минуты я задумалъ написать книгу, которая предлагается читателю.

Великій демократическій переворотъ совершается между нами; всѣ его видятъ, но не всѣ одинаково судятъ о немъ. Одни видятъ въ немъ новость и, считая его случайностью, надѣются еще остановить его, между тѣмъ какъ другіе признаютъ его неотвратимымъ, потому что онъ кажется имъ фактомъ самымъ непрерывнымъ, самымъ древнимъ и постояннымъ изъ извѣстныхъ въ исторіи.

Переносясь на минуту къ тому, чѣмъ была Франція семьсотъ лѣтъ тому назадъ, я нахожу ее раздѣленной между немногими фамиліями, которыя владѣютъ землей и управляютъ жителями; право управленія передается отъ поколѣнія къ поколѣнію вмѣстѣ съ наслѣдствомъ; люди могутъ дѣйствовать другъ на друга только однимъ способомъ—силой; для власти можно усмотрѣть только одно происхожденіе—владѣніе недвижимою собственностью.

Но вотъ установляется и скоро распространяется политическое могущество духовенства. Оно открываетъ свои ряды для всѣхъ богатыхъ и бѣдныхъ, для лицъ изъ правящаго класса и изъ простого народа. Посредствомъ церкви равенство начинаетъ проникать въ правительственную среду, и тотъ, кто въ качествѣ крѣпостного навсегда влачилъ бы рабское существованіе, въ качествѣ священника занималъ мѣсто на-ряду съ членами благороднаго сословія, а часто садился и выше королей.

По мѣрѣ того какъ общество дѣлается болѣе цивилизованнымъ и устойчивымъ, различныя отношенія между людьми становятся сложнѣе и многочисленнѣе. Сильнѣе ощущается потребность въ гражданскихъ законахъ. Тогда появляются законовѣды; они выходятъ изъ темныхъ помѣщеній судовъ, изъ пыльныхъ убѣжищъ канцелярій и засѣдаютъ при дворѣ государей, рядомъ съ феодальными баронами, одѣтыми въ горностаевыя мантіи и желѣзныя латы.

Короли разоряются на обширныхъ предпріятіяхъ; дворянство истощаетъ себя частными войнами; простолюдины обогащаются торговлей. Въ государственныхъ дѣлахъ начинаетъ чувствоваться значеніе денегъ. Денежные обороты являются новымъ источникомъ для власти—и финансисты становятся политическою силой; ихъ презираютъ, но за ними ухаживаютъ.

Мало-по-малу распространяется просвѣщеніе; пробуждается вкусъ къ литературѣ и искусствамъ, и тогда умъ становится однимъ изъ элементовъ успѣха; наука является средствомъ управленія, умственныя способности дѣлаются общественною силой; образованные люди входятъ въ сферу общественной дѣятельности.

Однако, по мѣрѣ открытія новыхъ путей для достиженія власти, цѣнность преимуществъ, даваемыхъ рожденіемъ, понижается. Въ XI вѣкѣ дворянское достоинство было выше всякой цѣны; въ XIII вѣкѣ его уже можно купить; первое возведеніе въ дворянское достоинство было въ 1270 году и равенство стало проникать въ управленіе черезъ самую аристократію.

Въ теченіе протекшихъ семисотъ лѣтъ случалось иногда, что въ видахъ борьбы противъ королевской власти, или чтобъ отнять власть у своихъ соперниковъ, дворяне предоставляли политическую силу народу.

Еще чаще бывало, что короли предоставляли низшимъ классамъ государства участіе въ управленіи, чтобъ унизить аристократію.

Во Франціи короли являлись постоянно самыми дѣятельными уравнителями. Когда они были властолюбивы и сильны, то они старались поднять народъ на одинъ уровень съ дворянствомъ; когда же они были умѣренны и слабы, то допускали, что народъ становился выше ихъ самихъ. Одни помогали демократіи своими талантами, другіе—своими пороками. Людовикъ XI и Людовикъ XIV постарались уравнять все, что было ниже трона, а Людовикъ XV и самъ со своимъ дворомъ снизошелъ наконецъ во прахъ.

Какъ только граждане стали владѣть землей на другомъ правѣ, кромѣ феодальной зависимости, и какъ только движимое богатство стало признаваться и получило возможность въ свою очередь создавать вліяніе и

давать власть, такъ ни одно открытіе въ искусствахъ, ни одно усовершенствованіе въ области промышленности не дѣлалось безъ того, чтобъ этимъ не создавались какъ бы новые элементы человѣческаго равенства. Съ этого момента всѣ вновь открываемые способы, всѣ нарождающіяся потребности, всѣ желанія, требующія удовлетворенія, представляютъ собою поступательные шаги къ общему уравненію. Вкусъ къ роскоши, страсть къ войнѣ, господство моды, всѣ какъ самыя поверхностныя, такъ и самыя глубокія страсти человѣческаго сердца, какъ бы сговорясь, стремятся къ обѣднѣнію богатыхъ и къ обогащенію бѣдныхъ.

Съ того времени, какъ умственный трудъ сдѣлался источникомъ силы и богатства, слѣдовало смотрѣть на каждое научное усовершенствованіе, каждую новую идею, какъ на зачатокъ силы, предоставленный народу. Поэзія, краснорѣчіе, память, изящество ума, огонь воображенія, глубина мысли—всѣ эти дары, распредѣленные небомъ случайно, шли на пользу демократіи, и даже тогда, когда ими обладали ея противники, они все же служили ея цѣлямъ, выдвигая впередъ естественное величіе человѣка; такимъ образомъ завоеванія демократіи распространялись вмѣстѣ съ цивилизаціей и просвѣщеніемъ, и литература сдѣлалась открытымъ для всѣхъ арсеналомъ, въ которомъ слабые и бѣдные постоянно искали себѣ оружія.

Пробѣгая страницы нашей исторіи, нельзя, можно сказать, найти ни одного значительнаго событія, которое бы въ послѣднія семьсотъ лѣтъ не способствовало успѣхамъ равенства.

Крестовые походы и войны съ англичанами ведутъ къ уменьшенію числа дворянъ и къ раздѣлу ихъ земель; учрежденіе общинъ вводитъ демократическую свободу въ среду феодальной монархіи; изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія уравниваетъ крестьянина и дворянина на полѣ битвы; книгопечатаніе даетъ равныя средства для ихъ ума; почта приноситъ свѣтъ на порогъ хижины бѣдняка, также какъ и къ дверямъ дворца; протестантизмъ утверждаетъ, что всѣ люди равно способны найти дорогу къ небу. Вновь открытая Америка представляетъ тысячи новыхъ путей для достиженія успѣха и даетъ въ руки неизвѣстныхъ авантюристовъ богатства и власть.

Если, начиная съ XI вѣка, вы будете всматриваться въ то, что происходитъ во Франціи въ теченіе пятидесятилѣтнихъ періодовъ, то въ концѣ каждаго изъ нихъ вы непремѣнно увидите, что въ состояніи общества произошелъ двойной переворотъ: дворянинъ понизился на общественной лѣстницѣ, а простолюдинъ возвысился на ней; одинъ сходитъ внизъ, другой идетъ кверху. Каждое полустолѣтіе сближаетъ ихъ, и скоро они будутъ соприкасаться.

И такъ дѣло идетъ не въ одной только Франціи. Куда бы мы ни обратили нашъ взглядъ, всюду мы видимъ такую же революцію, простирающуюся на весь христіанскій міръ.

Всюду оказывалось, что различныя обстоятельства, случавшіяся въ жизни народовъ, обращались на пользу демократіи; всякаго рода люди помогали ей своими усиліями: какъ тѣ, которые имѣли въ виду способствовать ея успѣхамъ, такъ и тѣ, которые вовсе не думали ей содѣйствовать; какъ тѣ, которые боролись за нее, такъ даже и тѣ, кто заявлялъ себя ея врагомъ,—всѣ, безпорядочно перемѣшиваясь, толкались на одинъ путь и всѣ работали сообща, одни противъ своего желанія, другіе безсознательно, какъ слѣпыя орудія въ рукахъ Бога.

Такимъ образомъ постепенное развитіе общественнаго равенства есть

фактъ провиденціальный и имѣетъ всѣ главнѣйшіе признаки такового: оно существуетъ во всемъ мірѣ, постоянно и съ каждымъ днемъ все болѣе ускользаетъ изъ-подъ власти человѣка, и всѣ событія, какъ и всѣ люди, служатъ этому развитію.

Разумно ли будетъ предполагать, что соціальное движеніе, идущее столь издалека, можетъ быть пріостановлено усиліями одного поколѣнія? Можно ли думать, что, разрушивши феодальный строй и побѣдивши королей, демократія отступитъ передъ буржуазіей и богатымъ классомъ? Остановится ли она теперь, когда она сдѣлалась столь сильною, а ея противники столь слабыми?

Куда же мы идемъ? Никто не въ состояніи этого сказать, потому что мы уже не имѣемъ основаній для сравненія. Общественное равенство между христіанами въ настоящее время больше, чѣмъ оно было когда-либо, въ какой-либо странѣ; такимъ образомъ величина того, что уже сдѣлано, не позволяетъ предвидѣть того, что можетъ быть еще сдѣлано впереди.

Вся послѣдующая книга была написана подъ впечатлѣніемъ нѣкотораго рода религіознаго ужаса, произведеннаго въ душѣ автора видомъ этой неудержимой революціи, идущей въ теченіе столькихъ вѣковъ черезъ всѣ препятствія, и которая и теперь видимо подвигается впередъ среди производимаго ею разрушенія.

Нѣтъ необходимости слышать голосъ самого Бога, чтобы видѣть несомнѣнные признаки Его воли; для этого достаточно наблюдать привычный ходъ природы и постоянное направленіе событій; и не слыша голоса Творца, я знаю, что свѣтила движутся въ пространствѣ по орбитамъ, начертаннымъ Его перстомъ.

Еслибы долгія наблюденія и искреннія размышленія привели людей нашего времени къ сознанію того, что постепенное и прогрессивное развитіе равенства составляетъ какъ прошедшее, такъ и будущее ихъ исторіи, то одно это открытіе дало бы этому развитію священный характеръ воли Высшаго Владыки. Желаніе удержать демократію представилось бы тогда борьбой противъ самого Бога, и народамъ оставалось бы только примѣняться къ соціальному положенію, созданному для нихъ Провидѣніемъ.

Въ настоящее время христіанскіе народы представляютъ, какъ мнѣ кажется, страшное зрѣлище: несущее ихъ движеніе уже достаточно сильно для того, чтобъ его можно было пріостановить, и еще не на столько быстро, чтобъ имъ нельзя было управлять; судьба людей находится въ ихъ рукахъ, но скоро она уйдетъ отъ нихъ.

Дать образованіе демократіи, оживить, если возможно, ея вѣрованія, очистить нравы, упорядочить ея движенія, замѣнить мало-по-малу ея неопытность въ дѣлахъ знаніемъ, ея слѣпые инстинкты—пониманіемъ ея дѣйствительныхъ интересовъ; примѣнить ея управленіе соотвѣтственно условіямъ мѣста и времени, измѣнить его сообразно съ обстоятельствами и характерами людей—такова въ наше время главная обязанность тѣхъ, кто даетъ направленіе обществу.

Совершенно новому обществу нужна и новая политическая наука.

Но объ этомъ-то мы вовсе и не думаемъ. Находясь посреди быстротекущей рѣки, мы упрямо направляемъ нашъ взоръ на какіе-нибудь нибудь остатки, еще видные на берегу, въ то время какъ теченіе увлекаетъ насъ и несетъ къ пропасти.

Ни у одного изъ европейскихъ народовъ описанная мною великая соціальная революція не сдѣлала такихъ быстрыхъ успѣховъ какъ у насъ; но движеніе ея у насъ всегда имѣло случайный характеръ.

Никогда главы государства не подумали о томъ, чтобы подготовить къ ней что-нибудь заранѣе; она дѣлалась вопреки имъ или помимо ихъ. Наиболѣе могущественные, интеллигентные и нравственные классы народа не старались овладѣть движеніемъ, чтобы его направить. Демократія, слѣдовательно, была предоставлена своимъ дикимъ инстинктамъ; она выросла какъ тѣ дѣти, лишенныя родительскихъ заботъ, которыя сами собой воспитываются на улицахъ нашихъ городовъ и знаютъ изъ общественной жизни только ея пороки и слабости. Казалось, еще никто не зналъ о ея существованіи, когда она неожиданно захватила въ свои руки власть. Тогда всѣ рабски подчинились ея малѣйшимъ желаніямъ; передъ ней преклонились какъ передъ образомъ силы; и когда наконецъ она была ослаблена собственными излишествами, то законодатели задались безразсудною цѣлью уничтожить ее, вмѣсто того чтобы постараться научить ее и исправить и, не желая обучить ее управленію, думали лишь о томъ, чтобы удалить ее отъ управленія.

Результатомъ этого было то, что демократическая революція произошла въ составѣ общества, а между тѣмъ ни въ законахъ, ни въ понятіяхъ, ни въ нравахъ и обычаяхъ не произошло перемѣны, необходимой для того, чтобы сдѣлать эту революцію полезной. Такимъ образомъ у насъ есть демократія, но безъ того, что могло бы ослабить ея пороки и выдвинуть впередъ ея естественныя преимущества; поэтому, уже видя причиняемое ею зло, мы не знакомы еще съ тѣмъ добромъ, которое она намъ можетъ дать.

Когда королевская власть, опираясь на аристократію, мирно управляла европейскими народами, въ то время общество, при всемъ своемъ жалкомъ состояніи, пользовалось многими видами счастія, которые въ наше время трудно себѣ представить и оцѣнить.

Могущество нѣсколькихъ подданныхъ воздвигало непреодолимыя преграды тиранніи государя, и короли, сознавая притомъ, что въ глазахъ толпы они облечены почти божественными свойствами, въ самомъ возбуждаемомъ ими почтеніи почерпали рѣшимость не злоупотреблять своею властью.

Находясь на безконечномъ разстояніи отъ народа, члены благороднаго сословія относились, однако, къ его участи съ тѣмъ благосклоннымъ и спокойнымъ участіемъ, съ какимъ пастырь обращается къ своему стаду и, не считая бѣдняка себѣ равнымъ, они заботились о его судьбѣ, какъ о вкладѣ, переданномъ имъ на храненіе Провидѣніемъ.

Не имѣя никакого понятія о другомъ общественномъ строѣ, кромѣ существующаго, не воображая когда-нибудь сравняться со своими господами, народъ принималъ ихъ благодѣянія и не разсуждалъ объ ихъ правахъ. Онъ любилъ ихъ, когда они были великодушны и справедливы, и безъ труда, безъ униженія подчинялся ихъ суровымъ требованіямъ, смотря на нихъ какъ на бѣдствіе, ниспосылаемое Богомъ; кромѣ того, нравы и обычаи установили предѣлы для тиранніи и основали нѣкотораго рода право въ средѣ, гдѣ господствовала сила.

Когда дворянинъ не имѣлъ и мысли о томъ, чтобы кто-нибудь хотѣлъ у него отнять его привилегіи, признаваемыя имъ законными, а крѣпостной смотрѣлъ на свое низкое положеніе какъ на слѣдствіе неизмѣннаго природнаго порядка, то понятно, что между этими двумя классами, участь которыхъ была столь различна, могло установиться нѣкотораго рода взаимное доброжелательство. Въ обществѣ существовало тогда неравенство, разные недостатки и бѣдствія, но въ душѣ людей не было униженія.

Ни пользованіе властью и ни привычка къ повиновенію развращаютъ людей, а употребленіе такой силы, которую они признаютъ незаконной, и повиновеніе такой власти, на которую они смотрятъ какъ на произволъ и угнетеніе.

Съ одной стороны было богатство, сила, свободное время, а вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе къ роскоши, утонченность вкуса, умственныя наслажденія, поклоненіе искусству.

Съ другой—трудъ, грубость и невѣжество.

Но въ средѣ этой грубой и невѣжественной толпы встрѣчались энергическія страсти, великодушныя чувства, глубокія вѣрованія и первобытныя добродѣтели.

Организованный такимъ образомъ общественный строй могъ обладать прочностью, силой и въ особенности славой.

Но вотъ ряды смѣшиваются; установленныя между людьми преграды падаютъ; земельныя владѣнія дѣлятся, власть распредѣляется, просвѣщеніе распространяется, умственное развитіе уравнивается; строй общества становится демократическимъ и наконецъ господство демократіи мирно установляется въ учрежденіяхъ и нравахъ.

При такихъ условіяхъ, можно бы представить себѣ такое общество, всѣ члены котораго, смотря на законъ какъ на свое твореніе, будутъ любить его и безъ труда подчиняться ему, общество, гдѣ власть правительства будетъ уважаться въ силу ея необходимости, а не божественности, гдѣ любовь, обращенная къ главѣ государства, будетъ имѣть характеръ не страсти, а разсудительнаго и спокойнаго чувства. Такъ какъ всѣ будутъ обладать правами и всѣ будутъ увѣрены въ сохраненіи за ними ихъ правъ, то между всѣми классами должно установиться серьезное взаимное довѣріе и нѣкотораго рода взаимная снисходительность, равно далекая какъ отъ гордости, такъ и отъ уничиженія.

Уразумѣвши правильно свои интересы, народъ понялъ бы, что для пользованія благами общества необходимо подчиниться налагаемымъ имъ обязанностямъ. Свободная ассоціація гражданъ могла бы тогда замѣнить собою личное могущество благороднаго класса, и государство было бы защищено и отъ тираніи, и отъ своеволія.

Я понимаю, что въ демократическомъ государствѣ, устроенномъ такимъ образомъ, общество не останется неподвижнымъ; но движенія соціальнаго организма могутъ въ немъ сдѣлаться правильными и прогрессивными. Если въ немъ окажется меньше блеску, чѣмъ въ средѣ аристократіи, то въ немъ будетъ меньше недостатковъ и страданій, въ немъ будетъ меньше крайностей относительно пользованія благами и болѣе равное общее благосостояніе; науки не будутъ стоять такъ высоко, но и невѣжество будетъ встрѣчаться рѣже, чувства будутъ менѣе энергичны и привычки мягче, въ немъ замѣтно будетъ больше пороковъ и меньше преступленій.

За недостаткомъ энтузіазма и горячности въ вѣрованіяхъ, граждане будутъ иногда приносить большія жертвы ради просвѣщенія и пріобрѣтенія опытности; каждый человѣкъ, будучи одинаково слабымъ, будетъ чувствовать одинаковую потребность въ себѣ подобныхъ, и зная, что онъ можетъ оказывать имъ содѣйствіе, онъ легко убѣдится въ томъ, что для него личная выгода совпадаетъ съ пользой общественной.

Взятая въ цѣломъ, нація будетъ имѣть менѣе блеску, менѣе славы, можетъ-быть и менѣе силы; но большинство ея гражданъ будетъ имѣть болѣе счастливую участь, и народъ въ ней будетъ вести себя спокойно не

потому, чтобы онъ отчаялся въ возможности для себя лучшаго, но потому что онъ чувствуетъ себя хорошо.

Еслибы въ подобномъ порядкѣ вещей и не все было хорошо и полезно, то общество по крайней мѣрѣ восприняло бы изъ него все то, что въ немъ было бы хорошаго и полезнаго, и люди, отказавшись навсегда отъ общественныхъ преимуществъ, даваемыхъ аристократіей, взяли бы отъ демократіи все то хорошее, что она могла имъ доставить.

Но мы-то, отказавшись отъ общественнаго устройства нашихъ предковъ, бросивши въ безпорядкѣ позади насъ ихъ учрежденія, ихъ идеи и нравы, что получили мы вмѣсто нихъ?

Обаяніе королевской власти исчезло, не будучи замѣнено величіемъ закона; въ наше время народъ презираетъ власть, но боится ея, и страхомъ можно отъ него взять больше, чѣмъ въ прежнее время давалось уваженію и любви.

Я вижу, что мы уничтожили личности, которыя могли, каждая въ отдѣльности, бороться съ тиранiей; но я вижу, что государство одно наслѣдуетъ всѣ прерогативы, отнятыя у семейныхъ союзовъ, корпорацій и отдѣльныхъ лицъ; такимъ образомъ сила небольшого числа гражданъ, имѣвшая иногда притѣснительный, но часто и охранительный характеръ, замѣнилась слабостью всѣхъ.

Раздробленіе имуществъ уменьшило разстояніе, отдѣлявшее бѣднаго отъ богатаго; но сдѣлавшись ближе другъ къ другу, они какъ будто нашли новыя основанія для взаимной ненависти и, бросая одинъ на другого взгляды, полные страха и зависти, отталкиваютъ другъ друга отъ власти; для одного, какъ и для другого не существуетъ понятія о правѣ, и сила представляется имъ обоимъ, какъ единственное основаніе для настоящаго положенія и единственная гарантія для будущаго.

Бѣдный человѣкъ сохранилъ большую часть предразсудковъ своихъ отцовъ, но безъ ихъ вѣрованій, ихъ невѣжество безъ ихъ добродѣтелей; за правило для своихъ дѣйствій онъ принялъ ученіе о выгодѣ, не зная его научныхъ основаній, и эгоизмъ его остается столь же мало просвѣщеннымъ, какъ въ прежнее время его преданность.

Общество спокойно не потому, чтобъ оно сознавало свою силу и свое благосостояніе, но, наоборотъ, потому, что оно считаетъ себя слабымъ и немощнымъ; оно боится умереть, сдѣлавши усиліе; каждый чувствуетъ, что ему худо, но ни у кого нѣтъ необходимаго мужества и энергіи, чтобъ искать лучшаго; люди имѣютъ желанія, сожалѣнія, печали и радости, не приводящія ни къ чему видимому и прочному, подобно старческимъ страстямъ, результатомъ которыхъ является только безсиліе.

Такимъ образомъ мы отвергли то, что въ прежнемъ порядкѣ могло быть хорошаго, и не пріобрѣли того полезнаго, что могъ доставить новый порядокъ; мы уничтожили аристократическое общество и, оставаясь самодовольно посреди развалинъ стариннаго зданія, какъ будто хотимъ поселиться въ нихъ навсегда.

То, что происходитъ въ интеллектуальномъ мірѣ, не менѣе прискорбно.

Стѣсненная въ своемъ поступательномъ движеніи и предоставленная своимъ безпорядочнымъ страстямъ, французская демократія опрокинула все попадавшееся ей на пути, пошатнувши то, что не удалось уничтожить. Она не захватывала общество мало-по-малу, чтобъ мирно утвердить въ немъ свое господство, она все время двигалась впередъ, посреди безпорядка и волненія битвы. Подъ вліяніемъ оживленія, произ-

водимаго горячностью борьбы, побуждаемые мнѣніями и крайностями противниковъ, всѣ выходятъ изъ естественныхъ границъ своихъ мнѣній, и каждый теряетъ изъ виду самый предметъ своихъ стремленій и говоритъ языкомъ, не соотвѣтствующимъ его дѣйствительнымъ чувствамъ и его скрытымъ инстинктамъ.

Изъ этого происходитъ та странная сумятица, свидѣтелями которой намъ по-неволѣ приходится быть.

Я напрасно ищу въ своихъ воспоминаніяхъ; я не нахожу ничего болѣе достойнаго горя и жалости, какъ то, что происходитъ передъ нашими глазами; кажется, будто въ наше время разорвана естественная связь, соединяющая мнѣнія со склонностями и дѣйствія съ вѣрованіями; симпатія, замѣчавшаяся во всѣ времена между чувствами и идеями людей, повидимому, оказывается уничтоженной и, кажется, можно сказать, что всѣ законы моральной аналогіи подверглись отмѣнѣ.

Между нами еще встрѣчаются ревностные христіане, религіозная душа которыхъ любитъ питаться истинами иной жизни; такіе люди конечно воспламеняются на пользу человѣческой свободы, которая есть источникъ всякаго моральнаго величія. Христіанство, сдѣлавшее всѣхъ людей равными передъ Богомъ, не будетъ имѣть ничего противъ того, чтобы всѣ граждане стали равными передъ закономъ. Но, по стеченію странныхъ обстоятельствъ, религія въ настоящую минуту находится въ средѣ тѣхъ властныхъ силъ, которыя демократія стремится сокрушить, а потому ей часто приходится отталкивать равенство, которому она сочувствуетъ, и проклинать свободу, какъ своего противника, тогда какъ, подавши ей руку, она могла бы освятить ея усилія.

Рядомъ съ религіозными людьми я нахожу другихъ, взоры которыхъ обращены болѣе къ землѣ, чѣмъ къ небу. Будучи сторонниками свободы не только потому, что они видятъ въ ней начало болѣе благородныхъ добродѣтелей, но въ особенности потому, что они признаютъ ее источникомъ большаго благосостоянія, они искренно желаютъ упрочить ея господство, чтобы всѣ люди пользовались ея благодѣяніями. Я понимаю, что такіе люди поспѣшатъ призвать къ себѣ на помощь религію, такъ какъ они должны знать, что нельзя установить царство свободы безъ господства нравственности, ни добрыхъ нравовъ безъ вѣрованій; но они видятъ религію въ рядахъ своихъ противниковъ и этого довольно для нихъ; одни изъ нихъ нападаютъ на нее, а другіе не смѣютъ ее защищать.

Прошлые вѣка были свидѣтелями того, какъ низкія и продажныя души превозносили рабство, тогда какъ люди съ независимымъ умомъ и великодушнымъ сердцемъ безнадежно боролись за спасеніе человѣческой свободы. Но въ наше время часто встрѣчаются люди по природѣ своей благородные и съ чувствомъ собственнаго достоинства, мнѣнія которыхъ находятся въ прямой противоположности съ ихъ склонностями и которые восхваляютъ духъ рабства и уничиженія, не испытанныхъ никогда ими самими. Есть, напротивъ, другіе, которые говорятъ о свободѣ, какъ будто могутъ понимать ея святость и величіе, и которые шумно требуютъ для человѣчества тѣхъ правъ, которыя они сами никогда не уважали.

Я знаю добродѣтельныхъ и мирныхъ людей, которымъ ихъ чистая нравственность, ихъ спокойныя привычки, ихъ богатство и образованность естественнымъ образомъ даютъ мѣсто во главѣ окружающаго ихъ народонаселенія. Искренно любя свое отечество, они готовы для него на значительныя жертвы: и однако цивилизація часто встрѣчаетъ въ нихъ сво-

ихъ противниковъ; они смѣшиваютъ ея злоупотребленія съ ея благодѣяніями и въ ихъ умѣ понятіе зла неразрывно связано со всякимъ новшествомъ.

Рядомъ съ ними я вижу другихъ, которые во имя прогресса, стараясь матеріализировать человѣка, хотятъ найти полезное, не заботясь о справедливомъ, найти науку, далекую отъ вѣрованій, и благосостояніе, не связанное съ добродѣтелью. Эти называютъ себя борцами за новѣйшую цивилизацію и дерзко становятся во главѣ ея, захватывая не по праву мѣсто, которое имъ уступаютъ, но которое они недостойны занимать.

Гдѣ же мы находимся?

Религіозные люди ведутъ борьбу со свободой, а друзья свободы нападаютъ на религію; благородные и великодушные умы прославляютъ рабство, а низкія и рабскія души восхваляютъ независимость; честные и просвѣщенные граждане являются врагами всякаго прогресса, тогда какъ люди, не имѣющіе ни патріотизма, ни нравственности, дѣлаются апостолами цивилизаціи и просвѣщенія.

Неужели же всѣ вѣка были похожи на нашъ? Неужели человѣкъ всегда имѣлъ передъ собою, какъ и въ наше время, міръ, въ которомъ нѣтъ никакой связи, гдѣ добродѣтель бываетъ безъ генія, геній безъ чести, гдѣ любовь къ порядку смѣшивается со склонностью къ тираніи и священный культъ свободы—съ презрѣніемъ къ законности, гдѣ совѣсть лишь бросаетъ сомнительный свѣтъ на человѣческія дѣла, гдѣ нѣтъ болѣе ничего, что признавалось бы запрещеннымъ или позволеннымъ, честнымъ или постыднымъ, вѣрнымъ или ложнымъ?

Могу ли я думать, что Творецъ для того создалъ человѣка, чтобъ онъ бился безъ конца посреди окружающихъ его умственныхъ бѣдствій? Я не могу этому вѣрить. Богъ предназначаетъ европейскимъ обществамъ болѣе опредѣленную и спокойную будущность. Мнѣ неизвѣстны Его предначертанія, но я не перестану вѣрить въ нихъ оттого, что я не могу ихъ постичь, и предпочту скорѣе сомнѣваться въ моемъ пониманіи, чѣмъ въ Его справедливости.

Есть на свѣтѣ страна, гдѣ та великая соціальная революція, о которой я говорю, повидимому уже почти достигла своего естественнаго предѣла; она произошла тамъ просто и спокойно, или лучше сказать, страна эта пользуется результатами той же демократической революціи, которая происходитъ и у насъ, не испытавъ самой революціи.

Эмигранты, поселившіеся въ Америкѣ въ началѣ XVII вѣка, высвободили, такъ сказать, принципъ демократіи отъ всѣхъ другихъ, съ которыми онъ долженъ былъ бороться въ средѣ старинныхъ европейскихъ обществъ, и пересадили его въ чистомъ видѣ на берега Новаго Свѣта. Тамъ онъ могъ свободно расти и, видоизмѣняясь вмѣстѣ съ нравами, получить спокойное развитіе въ законодательствѣ.

Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что рано или поздно мы, подобно американцамъ, придемъ почти къ полному общественному равенству. Я не заключаю изъ этого, что мы когда-нибудь необходимо выведемъ изъ такого общественнаго строя тѣ же политическія слѣдствія, которыя вывели изъ него американцы. Я очень далекъ отъ мысли, что они нашли единственную форму правленія, которую можетъ установить для себя демократія. Но достаточно того, чтобы въ обѣихъ странахъ существовала одна и та же производящая причина для законовъ и нравовъ, чтобы знаніе того, что она произвела въ каждой странѣ, представило бы для насъ величайшій интересъ.

Поэтому я изслѣдовалъ Америку не изъ одного любопытства, которое впрочемъ было бы законно; я желалъ найти въ ней указанія, которыми мы могли бы воспользоваться. Совершенно ошибочно было бы думать, что я хотѣлъ написать похвальное слово; всякій прочитавшій эту книгу убѣдится въ томъ, что не таково было мое намѣреніе; я не имѣлъ въ виду также и выставлять преимущества той или иной формы правленія вообще, потому что я принадлежу къ числу тѣхъ, кто думаетъ, что въ законахъ нѣтъ абсолютнаго совершенства; я даже не берусь судить о томъ, полезна или вредна для человѣчества общественная революція, ходъ которой я считаю неудержимымъ; я призналъ эту революцію, какъ совершившійся или близкій къ совершенію фактъ, и изъ народовъ, въ средѣ которыхъ она происходила, я выбралъ такой, у котораго она достигла наиболѣе полнаго и спокойнаго развитія, въ тѣхъ видахъ, чтобы ясно различить ея естественныя послѣдствія и, если возможно, отыскать средства для того, чтобы сдѣлать ее полезною людямъ. Сознаюсь, что въ Америкѣ я видѣлъ больше, чѣмъ только Америку; я искалъ въ ней образъ самой демократіи, съ ея склонностями, характеромъ, предразсудками и страстями; я хотѣлъ познакомиться съ демократіей хотя бы для того, чтобъ узнать по крайней мѣрѣ, должны ли мы на нее надѣяться или бояться ее.

Поэтому въ первой части этого сочиненія я желалъ указать то направленіе, которое демократія, предоставленная въ Америкѣ своимъ собственнымъ склонностямъ и почти безъ всякаго стѣсненія повинующаяся своимъ инстинктамъ, естественно даетъ законамъ, тотъ путь, по которому она заставляетъ итти правительство, и вообще силу, проявляемую ею въ общественной дѣятельности. Я хотѣлъ знать, какое получалось отъ нея добро и зло. Я изслѣдовалъ, какія предосторожности употреблялись и упускались изъ виду американцами, чтобы управлять демократіей, и я поставилъ себѣ задачею опредѣлить тѣ причины, которыя давали ей возможность править обществомъ.

Я имѣлъ въ виду во второй части изобразить то вліяніе, которое общественное равенство и демократическое управленіе оказываетъ на гражданское общество, на обычаи, понятія и нравы; но я начинаю чувствовать въ себѣ меньше охоты къ исполненію этой задачи. Прежде чѣмъ я буду въ состояніи выполнить мое предположеніе, трудъ мой уже сдѣлается почти безполезенъ. Другой авторъ скоро долженъ изобразить передъ читателями главнѣйшія черты американскаго характера и скрывши подъ легкимъ покровомъ серьезность своихъ картинъ, придать истинѣ ту прелесть, которою я не могъ бы ее украсить [1]).

Не знаю, удалось ли мнѣ передать все то, что я видѣлъ въ Америкѣ, но я увѣренъ въ томъ, что таково было мое искреннее намѣреніе и что

---

[1]) Во время перваго изданія этого труда Г. Гюставъ де-Бомонъ, мой спутникъ во время путешествія по Америкѣ, работалъ еще надъ книгой подъ заглавіемъ Marie, ou l'Esclavage aux Etats-Unis (Марія или рабство въ Соединенныхъ Штатахъ). Главная цѣль г. Бомона состояла въ томъ, чтобы выставить на видъ и уяснить положеніе негровъ въ англо-американскомъ обществѣ. Сочиненіе его бросаетъ новый и яркій свѣтъ на вопросъ о рабствѣ, жизненный вопросъ для соединенныхъ республикъ. Если я не ошибаюсь, то мнѣ кажется, что книга г. Бомона, возбудивъ живой интересъ въ читателяхъ, желающихъ получить отъ нея сильныя впечатлѣнія и ищущихъ картинныхъ изображеній, должна имѣть также и болѣе прочный успѣхъ у тѣхъ читателей, которыхъ прежде всего привлекаютъ вѣрные взгляды и глубокія истины.

только невольно я могъ уступить желанію приноровить факты къ идеямъ, вмѣсто того чтобы подчинить идеи фактамъ.

Когда какой-нибудь пунктъ могъ быть установленъ съ помощью письменныхъ документовъ, то я всегда старался пользоваться оригинальнымъ текстомъ или сочиненіями самыми достовѣрными и пользующимися наибольшимъ уваженіемъ [1]). Я указывалъ свои источники въ примѣчаніяхъ, такъ что каждый можетъ провѣрить ихъ. Когда дѣло шло о мнѣніяхъ, политическихъ обычаяхъ или о наблюденіи нравовъ, то я обращался за совѣтомъ къ самымъ просвѣщеннымъ людямъ. Если вопросъ былъ важный или сомнительный, я не довольствовался однимъ свидѣтельствомъ, но дѣлалъ выводъ на основаніи совокупности всѣхъ показаній.

Здѣсь необходимо, чтобы читатель повѣрилъ мнѣ на слово. Я бы часто могъ въ подтвержденіе сказаннаго мною привести авторитетныя имена, извѣстныя ему или по крайней мѣрѣ достойныя быть извѣстными, но я этого не дѣлаю. Иностранецъ узнаетъ часто въ домѣ своего хозяина такія важныя истины, которыя послѣдній можетъ-быть не сообщилъ бы и другу; съ иностранцемъ вознаграждаютъ себя за вынужденное молчаніе; его нескромности не боятся, потому что онъ остается не надолго. Каждое изъ полученныхъ мною сообщеній было тотчасъ же записано, но они никогда не выйдутъ изъ моего портфеля; я желаю лучше повредить моему разсказу, чѣмъ присоединить свое имя къ списку путешественниковъ, уплачивающихъ неудовольствіями и затрудненіями за полученное ими великодушное гостепріимство.

Я знаю, что, несмотря на мои старанія, ничего не будетъ легче, какъ критиковать эту книгу, если только кто-нибудь займется ея критикой.

Тѣ, кто ближе въ нее всмотрится, найдутъ, я думаю, во всемъ сочиненіи одну основную мысль, которая связываетъ, такъ сказать, всѣ ея части. Но разнообразіе предметовъ, о которыхъ мнѣ пришлось говорить, такъ велико, что желающій безъ труда можетъ противопоставить отдѣльный фактъ совокупности приводимыхъ мною фактовъ, или оторванную мысль — общности идей. Я бы поэтому желалъ, чтобы мнѣ оказано было то снисхожденіе, что меня читали бы въ томъ же духѣ, который давалъ направленіе моему труду, и судили бы о книгѣ по оставляемому ею общему впечатлѣнію, такъ же какъ и я дѣлалъ свои заключенія не на основаніи одной причины, но всей массы причинъ.

Не слѣдуетъ также забывать, что авторъ, желающій, чтобъ его поняли, принужденъ бываетъ доводить каждую свою мысль до всѣхъ ея теоретическихъ послѣдствій и часто до предѣловъ ложнаго и неисполнимаго; такъ какъ если иногда и бываетъ необходимо уклониться отъ правилъ логики въ практической дѣятельности, то этого нельзя сдѣлать въ словесномъ разсужденіи, и человѣкъ встрѣчаетъ почти столько же трудностей,

---

[1]) Законодательные и административные документы были мнѣ доставлены съ обязательностью, воспоминаніе о которой всегда будетъ возбуждать мою признательность. Въ числѣ американскихъ должностныхъ лицъ, которые такимъ образомъ содѣйствовали моимъ изслѣдованіямъ, я долженъ особенно упомянуть г. Эдварда Ливингстона, бывшаго тогда статсъ-секретаремъ (теперь онъ посланникомъ въ Парижѣ). Во время моего пребыванія въ средѣ членовъ конгресса, г. Ливингстонъ любезно передалъ мнѣ большую часть имѣющихся у меня документовъ, относительно союзнаго правительства. Г. Ливингстонъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которыхъ можно полюбить читая ихъ сочиненія, которые еще раньше знакомства съ ними возбуждаютъ удивленіе и уваженіе, и которымъ пріятно быть обязаннымъ признательностью.

желая быть непослѣдовательнымъ въ словахъ, какъ и въ томъ случаѣ, когда онъ старается быть послѣдовательнымъ на дѣлѣ.

Въ заключеніе, я укажу самъ на то, что значительною частью читателей будетъ признано за существенный недостатокъ этого труда. Эта книга стоитъ нѣсколько особнякомъ; писавши ее, я не имѣлъ въ виду ни служить какой-либо партіи, ни бороться съ нею; я отнюдь не стремился стать на особую точку зрѣнія, но только хотѣлъ видѣть дальше, чѣмъ видятъ партіи и въ то время, какъ онѣ заботятся о завтрашнемъ днѣ, я желалъ подумать о болѣе отдаленномъ будущемъ.

О ДЕМОКРАТІИ ВЪ АМЕРИКѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Внѣшнія формы Сѣверной Америки.

Сѣверная Америка раздѣлена на двѣ обширныя области, изъ которыхъ одна спускается по направленію къ полюсу, а другая къ экватору.— Долина Миссисипи.—Встрѣчаемые въ ней слѣды геологическихъ переворотовъ.—Берега Атлантическаго океана, гдѣ были основаны англійскія колоніи. — Различіе между Сѣверной и Южной Америкой во время ея открытія.—Лѣса Сѣверной Америки.—Травяныя степи.—Бродячія туземныя племена.—Ихъ внѣшній видъ, нравъ, языкъ.—Слѣды неизвѣстнаго народа.

Въ своей внѣшней фигурѣ Сѣверная Америка представляетъ общія черты, которыя легко отличить съ перваго взгляда.

Раздѣленіе суши и водъ, горъ и долинъ въ ней слѣдуетъ нѣкоторому правильному порядку. Простое и величественное расположеніе замѣчается въ ней, несмотря на смѣшеніе отдѣльныхъ предметовъ и чрезвычайное разнообразіе картинъ.

Двѣ широкія области дѣлятъ ее между собою почти пополамъ.

Одна изъ нихъ имѣетъ своими предѣлами на сѣверѣ сѣверный полюсъ, на востокѣ и западѣ два большихъ океана, затѣмъ она направляется къ югу, образуя треугольникъ, котораго неправильно-очерченныя стороны сходятся наконецъ ниже Канадскихъ озеръ.

Вторая часть начинается тамъ, гдѣ кончается первая, и распространяется на всю остальную поверхность материка.

Первая имѣетъ легкій склонъ къ полюсу, вторая—къ экватору.

Мѣстность, входящая въ составъ первой области, понижается къ сѣверу такимъ незамѣтнымъ уклономъ, что, можно сказать, образуетъ почти совершенную плоскость. Внутри границъ этой громадной площади нѣтъ ни высокихъ горъ, ни глубокихъ долинъ.

Воды струятся по ней какъ бы по случайнымъ направленіямъ; рѣки переплетаются, соединяются, раздѣляются, опять встрѣчаются, теряются во множествѣ болотъ, поминутно скрываясь въ образованномъ ими влажномъ лабиринтѣ, и только лишь послѣ безчисленныхъ поворотовъ доходятъ до полярнаго моря. Большія озера заканчивающія эту первую область не заключены, какъ большая часть озеръ Стараго Свѣта, въ рамку изъ скалъ и холмовъ. Берега ихъ плоски и только на нѣсколько футовъ возвышаются надъ уровнемъ воды. Такимъ образомъ каждое изъ нихъ представляетъ какъ бы обширную чашу, наполненную до краевъ; малѣйшія измѣненія въ

структурѣ земного шара заставили бы ихъ воды излиться или въ сторону полюса, или къ тропическимъ морямъ.

Вторая часть представляетъ больше неровностей и лучше подготовлена къ тому, чтобы сдѣлаться постояннымъ жилищемъ человѣка; двѣ длинныхъ горныхъ цѣпи проходятъ по ней во всю ея длину: одна, называемая Аллеганами, идетъ вдоль берега Атлантическаго океана, другая направляется параллельно берегу Южнаго моря.

Пространство, заключенное между этими горными цѣпями, занимаетъ 228.843 квадратныхъ льё (3.987.102 квадр. версты) [1]. Слѣдовательно, его поверхность приблизительно въ шесть разъ больше Франціи [2].

Однако эта обширная территорія образуетъ только одну долину, которая, спускаясь отъ округленной вершины Аллегановъ, снова возвышается, не встрѣчая преградъ, до вершинъ Скалистыхъ горъ.

Въ глубинѣ долины протекаетъ гигантская рѣка; къ ней со всѣхъ сторонъ стремятся воды, текущія съ горъ.

Нѣкогда французы назвали ее рѣкою Святого Лудовика (Saint-Louis) въ память покинутаго отечества; а индѣйцы на своемъ высокопарномъ языкѣ назвали ее отцомъ водъ, или Миссисипи.

Миссисипи беретъ свое начало на границѣ двухъ великихъ поясовъ, о которыхъ я говорилъ выше, около высшей точки раздѣляющей ихъ плоской возвышенности.

Возлѣ ея истока вытекаетъ также другая рѣка [3], которая изливается въ полярное море. Самая Миссисипи сначала какъ бы не рѣшается, по какому пути ей направиться; много разъ она поворачиваетъ назадъ, и только уменьшивъ силу своего теченія переходомъ черезъ озера и болота, она рѣшается наконецъ и медленно направляетъ свой путь на югъ.

Она тихо течетъ въ глинистомъ руслѣ, вырытомъ для нея природою, вздуваясь иногда отъ грозовыхъ ливней, и орошаетъ своимъ теченіемъ болѣе 1.000 льё [4].

На шестистахъ льё [5], выше своего устья, Миссисипи имѣетъ уже среднюю глубину въ 15 футовъ, и суда въ 300 тоннъ могутъ ходить по ней на разстояніи около двухъ сотъ льё.

Пятьдесятъ семь большихъ судоходныхъ рѣкъ несутъ въ нее свои воды. Въ числѣ притоковъ Миссисипи есть одна рѣка въ 1.300 лье длины [6], одна въ 900 [7], одна въ 600 [8], одна въ 500 [9], четыре въ двѣсти [10], не говоря уже о безчисленномъ множествѣ ручьевъ, отовсюду бѣгущихъ, чтобы исчезнуть въ ея лонѣ.

Долина орошенная Миссисипи какъ будто создана исключительно для

---

1) 1.341.649 миль. См. Darby's View of the United States, стр. 469. Я перевелъ мили въ лье: 2000 туазъ.

2) Франція имѣетъ въ себѣ 35.181 квадр. льё.

3) Красная рѣка.

4) 2.500 миль, 1.032 льё (4.307 верстъ). См. Уорденъ: „Описаніе Соединенныхъ Штатовъ“, т. I, стр. 166.

5) 1.364 мили, 563 льё (2.350 верстъ). См. id т. I, стр. 169.

6) Миссури. См. id. т. I, стр. 132 (1278 льё) (5.973 верстъ).

7) Арканзасъ. См. id. т. I, стр. 188 (877 льё) (4099 верстъ).

8) Красная рѣка. См. id т. I, стр. 190 (598 льё) (2.795 верстъ).

9) Огіо. См. id. т. I, стр. 192 (490 льё) (2.290 верстъ).

10) Иллинойсъ, Санъ-Педро, Санъ-Франциско, Муангона. За основаніе для приведенныхъ выше мѣръ я взялъ законную милю (statute mile) и почтовую милю или льё въ 2.000 туазовъ.

нея; отъ нея зависитъ тамъ добро и зло; она есть какъ бы ея божество. Вблизи рѣки природа проявляетъ неисчерпаемое плодородіе; по мѣрѣ удаленія отъ ея береговъ растительныя силы истощаются, почва оскудѣваетъ, все чахнетъ или умираетъ. Нигдѣ великія потрясенія земной коры не оставили слѣдовъ столь очевидныхъ, какъ въ долинѣ Миссиссипи. Весь видъ страны указываетъ на дѣятельность въ ней водъ. Какъ безплодіе, такъ и плодородіе ея произведены ихъ дѣйствіемъ. Воды первобытнаго океана отложили въ глубинѣ долины громадные слои растительной земли, для нивеллированія которыхъ онѣ имѣли достаточно времени. На правомъ берегу рѣки встрѣчаются обширнѣйшія равнины, ровныя какъ поверхность поля, по которому земледѣлецъ прошелъ съ каткомъ. Напротивъ, по мѣрѣ приближенія къ горамъ, почва становится все болѣе неровною и безплодною; верхній слой почвы тамъ, такъ сказать, продырявленъ въ тысячѣ мѣстахъ и первобытныя горныя породы показываются то тутъ, то тамъ, какъ кости скелета, мускулы и мягкія части котораго уничтожены временемъ. Гранитный песокъ и неправильные каменные обломки покрываютъ поверхность земли; немногія растенія съ трудомъ пробиваются своими ростками сквозь эти препятствія; мѣстность имѣетъ видъ какъ бы плодороднаго поля, покрытаго обломками обширнаго зданія. Въ самомъ дѣлѣ, анализируя этотъ песокъ и камни, легко замѣтить совершенную аналогію ихъ состава съ составомъ безплодныхъ и изломанныхъ вершинъ Скалистыхъ горъ. Снеся землю въ глубину долины, воды, конечно, увлекли туда же и часть основной горной породы; онѣ катили обломки ея вдоль ближайшихъ склоновъ и, раздробивши ихъ одни объ другіе, усѣяли подошву горъ этими обломками, оторванными отъ ихъ вершинъ (A).

Взявши все въ разсчетъ, долина Миссиссипи есть великолѣпнѣйшее мѣсто, когда-либо уготованное Богомъ для жилища человѣка; а между тѣмъ можно сказать, что она представляетъ изъ себя еще только обширную пустыню.

На восточномъ склонѣ Аллеганскихъ горъ, между ними и Атлантическимъ океаномъ, простирается длинная полоса, покрытая обломками скалъ и пескомъ, которые какъ бы оставлены удалившимся моремъ; эта территорія имѣетъ только 48 льё ширины (200 верстъ) [1]), но въ ней считается около 390 льё длины (1.628 верстъ [2]). Въ этой части американскаго материка почва только съ трудомъ поддается культурной обработкѣ. Растительность въ ней слабая и однообразная.

На этомъ-то негостепріимномъ берегу сосредоточились прежде всего усилія человѣческой промышленной дѣятельности. На этой безплодной полосѣ земли родились и выросли англійскія колоніи, изъ которыхъ должны были потомъ образоваться Американскіе Соединенные Штаты. И понынѣ эта мѣстность представляетъ собою центръ дѣятельной силы, тогда какъ позади нея почти втайнѣ группируются настоящіе элементы великаго народа, которому, безъ сомнѣнія, принадлежитъ будущность материка.

Когда европейцы высадились на берегахъ сначала Антильскихъ острововъ, а потомъ Южной Америки, они сочли себя перенесенными въ сказочныя страны, прославленныя поэтами. Море свѣтилось тропическимъ блескомъ; необыкновенная прозрачность его водъ въ первый разъ открывала глазамъ пловцовъ глубину бездны [3]). Тамъ и сямъ виднѣлись маленькіе,

---

[1]) 100 миль.
[2]) Около 900 миль.
[3]) Въ Антильскомъ морѣ, по словамъ Мальтъ-Брёна (т. 3, стр. 726), вода такъ

благоухающіе острова, будто корзины съ цвѣтами, плавающія по спокойной поверхности океана. Все, что въ этой очарованной мѣстности представлялось взорамъ, казалось приготовленнымъ для нуждъ человѣка и разсчитаннымъ на его удовольствіе. Большая часть деревьевъ была покрыта питательными плодами, и даже наименѣе полезныя человѣку услаждали его взглядъ блескомъ и разнообразіемъ своихъ красокъ. Въ рощахъ изъ душистыхъ лимонныхъ деревьевъ, дикихъ фиговыхъ деревьевъ, круглолистныхъ миртъ, акацій и олеандровъ, переплетенныхъ цвѣтущими ліанами, множество неизвѣстныхъ въ Европѣ птицъ сверкали своими пурпурными и лазуревыми крыльями и присоединяли концертъ своихъ голосовъ къ общей гармоніи природы, полной движенія и жизни (B).

Подъ этимъ блестящимъ покровомъ скрывалась смерть; но тогда ее не было видно и, кромѣ того, въ воздухѣ и условіяхъ этихъ мѣстъ было какое-то невѣдомое, обезсиливающее дѣйствіе, которое привязывало человѣка къ настоящему и дѣлало его беззаботнымъ относительно будущаго.

Сѣверная Америка представилась въ другомъ видѣ: все въ ней было строго, серьезно, торжественно; можно было сказать, что она создана, чтобы сдѣлаться областью разума, также какъ другая – областью чувствъ.

Бурный и пасмурный океанъ окружалъ ея берега; гранитные утесы или песчаныя, плоскія прибрежья опоясывали ее; лѣса, покрывавшіе ея берега, отличались листвой темной и меланхолической; въ нихъ росли только сосны, лиственицы, вѣчно-зеленый дубъ, дикая оливка и лавръ.

За этой первой опушкой начинались тѣнистые срединные лѣса, въ которыхъ перемѣшивались самыя большія деревья обоихъ полушарій: яворъ, катальпа, сахарный кленъ и виргинскій тополь сплетали свои вѣтви съ вѣтвями дубовъ, буковъ и липъ.

И здѣсь, какъ и въ лѣсахъ, подчиненныхъ владѣнію человѣка, смерть поражала безостановочно; но никто не заботился объ уборкѣ мертвыхъ остатковъ; поэтому они нагромождались одни на другіе; времени не хватало, чтобы превратить ихъ въ прахъ и подготовить новыя мѣста. Но и посреди этихъ остатковъ дѣло воспроизведенія продолжалось безостановочно; ползучія растенія и всякаго рода травы пробивались сквозь препятствія; онѣ извивались около упавшихъ деревъ, забирались въ ихъ пыль, приподнимали и разрывали еще покрывавшую ихъ увядшую кору и пробивали дорогу своимъ молодымъ росткамъ. Такимъ образомъ смерть здѣсь какъ бы помогала жизни. Та и другая были вмѣстѣ и повидимому стремились къ тому, чтобы перемѣшать и слить свои дѣйствія.

Въ нѣдрахъ этихъ лѣсовъ царила глубокая темнота; тысячи ручьевъ, теченіе которыхъ еще не было направляемо человѣческимъ искусствомъ, поддерживали въ нихъ всегдашнюю сырость; изрѣдка лишь можно было въ нихъ видѣть какіе-нибудь цвѣты, или дикіе плоды, или встрѣтить какихъ-нибудь птицъ.

Паденіе дерева, свалившагося отъ старости, шумъ рѣчного водопада, мычаніе буйволовъ и свистъ вѣтра — одни нарушали въ нихъ безмолвіе природы.

Къ востоку отъ великой рѣки лѣса частію исчезали; вмѣсто нихъ ра-

---

прозрачна, что можно различать кораллы и рыбъ на глубинѣ 60 саженей. Корабль кажется плывущимъ въ воздухѣ. Нѣкотораго рода головокруженіе охватываетъ путешественника, взоръ котораго проникаетъ сквозь хрустальную влагу, въ подводные сады, гдѣ раковины и золотистыя рыбы блестятъ между группами фукусовъ и кустами морскихъ водорослей.

стилались безпредѣльныя травяныя степи. Природа ли въ своемъ безконечномъ разнообразіи отказала этимъ плодороднымъ пространствамъ въ сѣмянахъ деревьевъ, или же скорѣе покрывавшій ихъ лѣсъ былъ когда-то истребленъ рукою человѣка? Отвѣта на это не могли дать ни преданія, ни научныя изслѣдованія.

Эти безконечныя пустыни не были однако совершенно лишены присутствія человѣка; нѣсколько племенъ въ теченіе вѣковъ бродили въ тѣни лѣсовъ, или по степнымъ лугамъ. Отъ устья рѣки Святого Лаврентія до дельты Миссиссипи и отъ Атлантическаго океана до Южнаго моря, эти дикари представляли признаки сходства, доказывавшіе общность ихъ происхожденія. Но за то они отличались отъ всѣхъ извѣстныхъ расъ [1]). Они не были ни бѣлые, какъ европейцы, ни желтые, какъ большинство жителей Азіи, ни черные, какъ негры. Кожа ихъ была красноватая, волосы длинные и блестящіе, губы тонкія и скулы очень выдающіяся. Нарѣчія, которыми говорили дикія племена Америки, различались одно отъ другого словами; но всѣ они были подчинены однимъ грамматическимъ правиламъ. Эти правила во многихъ пунктахъ отличались отъ тѣхъ, которыя, какъ до того времени казалось, управляли образованіемъ человѣческаго языка.

Языкъ американцевъ казался продуктомъ новыхъ комбинацій; онъ доказывалъ присутствіе у его изобрѣтателей такихъ усилій ума, къ которымъ нынѣшній индѣецъ, повидимому, мало способенъ (С).

Общественное устройство этихъ народовъ также во многихъ отношеніяхъ отличалось отъ того, какое существовало въ Старомъ Свѣтѣ. Казалось, они свободно размножались среди своихъ пустынь, не соприкасаясь съ расами болѣе цивилизованными, чѣмъ они сами. Поэтому между ними не встрѣчалось тѣхъ сомнительныхъ и безсвязныхъ понятій о добрѣ и злѣ и той глубокой испорченности, которая обыкновенно примѣшивается къ невѣжеству и грубости нравовъ у болѣе цивилизованныхъ народовъ, возвратившихся снова къ варварству. Индѣецъ былъ всѣмъ обязанъ только самому себѣ; его добродѣтели, пороки и предразсудки были его собственнымъ дѣломъ; онъ выросъ въ естественной дикой независимости.

Грубость людей низшаго класса въ цивилизованныхъ странахъ зависитъ не только отъ того, что они невѣжественны и бѣдны, но и оттого, что будучи такими, они ежедневно находятся въ сношеніи съ людьми образованными и богатыми.

Сознаніе своего несчастнаго положенія и своей слабости, которыя ежедневно противопоставляются ими счастію и могуществу нѣкоторыхъ подобныхъ имъ людей, вызываютъ въ то же время въ ихъ сердцѣ гнѣвъ и страхъ; чувство ихъ подчиненнаго положенія и зависимости раздражаетъ и унижаетъ ихъ. Это внутреннее состояніе души отражается въ ихъ нравахъ и языкѣ, которые въ одно и то же время и дерзки и низки.

Справедливость этого легко доказывается наблюденіемъ. Низшій классъ грубѣе въ аристократическихъ странахъ, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ, и въ богатыхъ городахъ, чѣмъ въ деревнѣ.

---

[1]) Съ тѣхъ поръ нашли нѣкоторое сходство между физическимъ строеніемъ, языкомъ и обычаями съ одной стороны сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, а съ другой тунгусовъ, манчжуровъ, монголовъ, татаръ и другихъ кочующихъ племенъ Азіи. Послѣдніе живутъ близко къ Берингову проливу, что позволяетъ предположить, что въ древнюю эпоху они могли перейти на материкъ Америки, тогда еще безлюдный, и населить его. Но наука еще не дошла до разъясненія этого вопроса. См. объ этомъ Мальтъ-Брёна т. 5; сочиненія Гумбольдта; Фишера, *Соображенія о происхожденіи американцевъ*; Adair, History of the American Indians.

Въ этихъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются люди столь сильные и богатые, слабые и бѣдные чувствуютъ себя какъ бы подавленными своимъ униженіемъ. Не видя никакого способа, посредствомъ котораго они могли бы достигнуть равенства, они совершенно отчаиваются въ себѣ и падаютъ ниже человѣческаго достоинства.

Этого печальнаго результата противоположности общественныхъ положеній не существуетъ въ жизни дикарей: всѣ индѣйцы невѣжественны и бѣдны, и въ то же время всѣ они равны и свободны.

Во время прибытія европейцевъ туземцы Сѣверной Америки не знали еще цѣны богатства и оставались равнодушными къ тому благосостоянію, которое вмѣстѣ съ богатствомъ пріобрѣтается цивилизованнымъ человѣкомъ. Однако же въ нихъ не замѣчалось ничего грубаго; напротивъ, въ ихъ обращеніи царствовала привычная сдержанность и нѣкотораго рода аристократическая вѣжливость.

Кроткій и гостепріимный во время мира, безжалостный во время войны, переходя въ этомъ даже за извѣстные предѣлы человѣческой свирѣпости, индѣецъ готовъ былъ умереть съ голоду, чтобы помочь чужому человѣку, который стучался вечеромъ въ двери его хижины, и онъ же собственными руками раздиралъ трепещущіе члены своего плѣнника. Никогда въ самыхъ знаменитыхъ древнихъ республикахъ не проявлялось, на общее удивленіе, болѣе непоколебимаго мужества, болѣе гордаго духа, болѣе неодолимой любви къ независимости, чѣмъ тогда въ дикихъ лѣсахъ Новаго Свѣта [1]). Высадившіеся на берегъ Сѣверной Америки европейцы произвели мало впечатлѣнія. Ихъ присутствіе не возбудило ни зависти, ни страха. Какое вліяніе могли они имѣть на подобныхъ людей? Индѣецъ умѣлъ жить безъ потребностей, страдать, не жалуясь, и умирать съ пѣснею [2]). Впрочемъ, подобно всѣмъ другимъ членамъ великой человѣческой семьи, эти дикари вѣрили въ существованіе лучшаго міра и поклонялись подъ различными именами Богу, творцу вселенной. Ихъ понятія относительно великихъ умственныхъ истинъ были вообще просты и философичны (D.).

Какимъ бы, однако, первобытнымъ ни казался народъ, характеръ котораго мы здѣсь описываемъ, но несомнѣнно въ той же странѣ ему предшествовалъ другой народъ болѣе цивилизованный и во всѣхъ отношеніяхъ болѣе его подвинувшійся впередъ.

Темное преданіе, распространенное, однако, между большею частью индѣйскихъ племенъ, живущихъ около Атлантическаго океана, сообщаетъ намъ, что когда-то мѣстожительство этихъ самыхъ племенъ находилось на западъ отъ Миссисипи. Вдоль береговъ Огіо и во всей центральной долинѣ еще и теперь ежедневно находятъ холмики, насыпанные руками человѣка.

---

[1]) У ирокезовъ случалось, какъ говоритъ президентъ Джефферсонъ ("Замѣтки о Виргиніи", стр. 148), что когда они подвергались нападенію сильнѣйшаго непріятеля, то старики отказывались спасаться бѣгствомъ, не желая пережить гибель ихъ страны и безъ страха встрѣчали смерть подобно древнимъ римлянамъ при взятіи Рима галлами.

Далѣе на стр. 150 онъ говоритъ: не бывало примѣра, чтобы индѣецъ, попавшій въ плѣнъ къ врагамъ, просилъ пощадить его жизнь. Напротивъ, плѣнный ищетъ, такъ сказать, смерти отъ рукъ своихъ побѣдителей, всѣми способами оскорбляя и вызывая ихъ.

[2]) См. Лепажъ-Дюпратцъ: Исторія Луизіаны; Шарльвуа: Исторія Новой Франціи; письмо пр. Геквельдера; Transactions of the American philosophical Society т. I. Джефферсонъ: Замѣтки о Виргиніи, стр. 135—190. Особенно большое значеніе имѣетъ то, что говоритъ Джефферсонъ, вслѣдствіе какъ личнаго достоинства автора и его особеннаго положенія, такъ и времени, когда онъ писалъ, отличавшагося положительностью и точностью.

Когда раскапываютъ эти памятники до ихъ середины, то всегда, говорятъ, находятъ человѣческія кости, странныя орудія, оружіе и всякаго рода утварь, сдѣланныя изъ неизвѣстнаго теперь металла или напоминающіе обычаи, неизвѣстные нынѣшнимъ расамъ.

Теперешніе индѣйцы не могутъ дать никакихъ свѣдѣній объ исторіи этого неизвѣстнаго народа. Жившіе триста лѣтъ назадъ, во время открытія Америки, также не сообщили ничего, на основаніи чего можно бы было построить хоть гипотезу. Преданія, эти исчезающіе и вновь постоянно возрождающіеся памятники первобытнаго міра, не даютъ никакого объясненія. Однако же тамъ жили тысячи намъ подобныхъ людей: сомнѣваться въ этомъ невозможно. Когда они пришли туда, какое было ихъ происхожденіе, ихъ судьба, ихъ исторія? Когда и какимъ образомъ они погибли? Никто не можетъ на это отвѣтить.

Странное дѣло, существуютъ народы, которые до такой степени вполнѣ исчезли съ лица земли, что уничтожилось даже воспоминаніе объ ихъ имени; языкъ ихъ потерянъ; ихъ слава исчезла, какъ звукъ безъ эхо; но я не знаю, есть ли хотя одинъ, который не оставилъ бы по крайней мѣрѣ могилы въ воспоминаніе о своемъ временномъ существованіи. Такимъ образомъ изъ всѣхъ произведеній человѣка дольше всѣхъ еще сохраняется то, которое лучше всѣхъ выражаетъ его ничтожество и слабость.

Хотя описанная сейчасъ обширная страна и была населена многочисленными племенами туземцевъ, но можно сказать справедливо, что въ эпоху ея открытія она еще представляла изъ себя пустыню. Индѣйцы занимали ее, но не владѣли ею. Только посредствомъ земледѣлія человѣкъ присвоиваетъ себѣ землю, а первые обитатели Сѣверной Америки жили продуктами охоты. Ихъ непримиримые предразсудки, неукротимыя страсти, пороки ихъ и можетъ быть еще болѣе ихъ дикія добродѣтели отдавали ихъ въ жертву неизбѣжному истребленію. Упадокъ этихъ народовъ начался съ того дня, когда европейцы высадились на ихъ берегахъ, и съ тѣхъ поръ постоянно продолжался; онъ заканчивается въ наше время. Провидѣніе, помѣстивши ихъ посреди богатствъ Новаго Свѣта, какъ будто дало имъ ихъ только въ короткое пользованіе; они оставались тамъ только какъ бы въ ожиданіи другихъ. Эти берега, такъ хорошо приспособленные для торговли и промышленности, эти столь глубокія рѣки, эта неистощимая долина Миссисипи, весь этотъ материкъ—представляли тогда изъ себя пустую еще колыбель великаго народа.

Въ этихъ мѣстахъ цивилизованные люди должны были сдѣлать опытъ постройки общества на новыхъ основаніяхъ и, примѣнивъ теоріи до того времени неизвѣстныя или считавшіяся непримѣнимыми, дать міру зрѣлище, къ которому онъ не былъ приготовленъ прошлою исторіей.

ГЛАВА II.

Исходная точка и ея важность для будущности англо-американцевъ.

Полезно знать исходную точку народовъ, чтобы понимать ихъ общественный строй и законы.—Америка есть единственная страна, гдѣ можно знать начало великаго народа.—Въ чемъ всѣ люди, населившіе Англійскую Америку, были похожи другъ на друга?—Въ чемъ они отличались одни отъ другихъ?—Замѣчаніе, относящееся ко всѣмъ европейцамъ, поселившимся на берегахъ Новаго Свѣта.—Колонизація Виргиніи.—Колонизація Новой Англіи.—Своеобразный характеръ первыхъ обитателей Новой Англіи.—Ихъ прибытіе.—Ихъ первые законы.—Общественный договоръ.—Уголовный кодексъ, взятый изъ Моисеева законодательства.—Религіозное усердіе.—Республиканскій духъ.—Тѣсная внутренняя связь между духомъ вѣры и свободы.

Родится человѣкъ; первые его годы проходятъ въ неизвѣстности между забавами и занятіями дѣтства. Затѣмъ онъ растетъ; наступаетъ періодъ зрѣлаго возраста. Міръ открывается, чтобъ его принять, и человѣкъ входитъ въ соприкосновеніе съ себѣ подобными. Тогда въ первый разъ начинаютъ его изучать и думаютъ, что знаютъ, какъ образуются въ немъ пороки и добродѣтели зрѣлаго возраста.

Въ этомъ, если я не ошибаюсь, заключается большая ошибка.

Надо отодвинуться назадъ; разсмотрѣть ребенка, когда онъ еще находится на рукахъ матери; увидать, какъ въ первый разъ внѣшній міръ отражается въ неясномъ еще зеркалѣ его ума; наблюдать, какіе примѣры впервые поражаютъ его взоръ, слышать первыя слова, возбуждающія въ немъ дремлющую силу мысли; наконецъ присутствовать при первой борьбѣ, которую ему придется выдержать,—тогда только мы будемъ въ состояніи понять, откуда происходятъ предразсудки, привычки и страсти, которые будутъ управлять его жизнью. Можно сказать, что человѣкъ весь уже находится въ своихъ колыбельныхъ пеленкахъ.

Нѣчто аналогическое происходитъ и съ націями. Въ каждомъ народѣ всегда остается слѣдъ его происхожденія. Обстоятельства, сопровождавшія его рожденіе и содѣйствовавшія его развитію, сохраняютъ свое вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ его жизни.

Еслибъ мы имѣли возможность проникнуть въ прошедшее до основныхъ элементовъ обществъ и изслѣдовать первые памятники ихъ исторіи, то я не сомнѣваюсь, что мы могли бы въ нихъ открыть первую причину предразсудковъ, привычекъ, господствующихъ страстей, вообще всего того, что составляетъ такъ-называемый національный характеръ; мы могли бы найти тамъ объясненіе такихъ обычаевъ, которые въ настоящее время повидимому находятся въ противорѣчіи съ господствующими нравами, такихъ законовъ, которые противны общепринятымъ принципамъ, тѣхъ безсвязныхъ мнѣній, которыя тамъ и сямъ встрѣчаются въ обществѣ и напоминаютъ собою тѣ обрывки разорванныхъ цѣпей, которые иногда висятъ со сводовъ старинныхъ зданій и ничего уже болѣе не поддерживаютъ. Такимъ образомъ, можно бы было объяснить судьбу нѣкоторыхъ народовъ, которыхъ невѣдомая сила какъ будто влечетъ къ цѣли, не сознаваемой ими самими. Но до сихъ поръ для такого изученія не было фактовъ; духъ изслѣдованія являлся у народовъ только по мѣрѣ того, какъ они старѣли, и когда они наконецъ вздумали оглянуться на свою колыбель, то время

уже скрыло ее въ туманѣ, а невѣжество и гордость окружило ее баснями, за которыми была скрыта истина.

Америка есть единственная страна, гдѣ можно было присутствовать при естественномъ и спокойномъ развитіи общества и имѣлась возможность опредѣлить вліяніе отправной точки на будущность государствъ.

Въ эпоху прибытія европейскихъ народовъ къ берегамъ Новаго Свѣта черты ихъ національнаго характера были уже совершенно опредѣлены; каждый изъ нихъ имѣлъ свою особенную физіономію; и такъ какъ они дошли уже до такой ступени цивилизаціи, на которой люди обращаются къ изученію самихъ себя, то они передали намъ вѣрную картину ихъ мнѣній, нравовъ и законовъ. Люди XV вѣка намъ почти такъ же хорошо извѣстны, какъ и нынѣшніе. Америка, слѣдовательно, показываетъ намъ въ ясномъ свѣтѣ то, что невѣжество или варварство первобытныхъ вѣковъ скрыли отъ нашихъ взоровъ.

Живя въ эпоху достаточно близкую къ той, когда основались американскія общества, чтобы въ подробности знать ихъ составные элементы и достаточно далекую отъ нея для того, чтобъ уже имѣть возможность судить о томъ, что произвели эти зачатки, люди нашего времени предназначены повидимому къ тому, чтобы видѣть дальше своихъ предшественниковъ въ событіяхъ человѣческой исторіи. Провидѣніе дало намъ свѣточъ, котораго не было у нашихъ предковъ, и мы имѣемъ возможность различить въ судьбѣ народовъ первоначальныя причины, которыя были скрыты отъ нихъ во мракѣ прошедшаго.

Если, внимательно изучивши исторію Америки, разсмотрѣть основательно ея политическій и общественный строй, то получается глубокое убѣжденіе въ слѣдующей истинѣ, что нѣтъ ни одного мнѣнія, ни одного обычая или закона,—я бы могъ сказать ни одного событія, которое не объяснялось бы легко точкой отправленія. Поэтому тотъ, кто будетъ читать эту книгу, найдетъ въ настоящей главѣ зачатки всего, что будетъ дальше, и ключъ почти ко всему сочиненію.

Эмигранты, прибывавшіе въ различные періоды времени для занятія той территоріи, на которой находится въ настоящее время американскій союзъ, во многихъ отношеніяхъ отличались другъ отъ друга; ихъ цѣли были не одинаковы, и управленіе ихъ было основано на разныхъ принципахъ.

Но они имѣли и общія всѣмъ имъ черты и всѣ они находились въ сходномъ положеніи.

Связь по языку есть можетъ быть самая сильная и прочная изъ всѣхъ связей, соединяющихъ людей. Всѣ эмигранты говорили на одномъ языкѣ; всѣ были дѣтьми одного народа. Они родились въ странѣ, волнуемой въ теченіе вѣковъ борьбою партій, принужденныхъ поочередно становиться подъ защиту законовъ; ихъ политическое воспитаніе совершилось въ этой суровой школѣ и потому между ними понятія о правѣ и принципы истинной свободы оказывались болѣе распространенными, чѣмъ у большей части народовъ Европы. Въ эпоху первыхъ эмиграцій, общинное управленіе, этотъ плодотворный зародышъ свободныхъ учрежденій, уже глубоко вошло въ англійскіе обычаи, а съ нимъ вмѣстѣ и догматъ верховной власти народа проникъ въ самое сердце монархіи Тюдоровъ.

Это было въ самый разгаръ религіозныхъ несогласій, волновавшихъ христіанскій міръ. Англія съ нѣкотораго рода изступленіемъ бросилась на этотъ новый путь. Характеръ ея обитателей, бывшій всегда серьезнымъ и

разсудительнымъ, сдѣлался суровымъ и склоннымъ къ спорамъ. Образованіе значительно возросло въ этой умственной борьбѣ; умъ пріобрѣлъ въ ней глубокую культуру. Пока занимались разговорами о религіи, нравы сдѣлались чище. Всѣ эти черты, общія всей націи, болѣе или менѣе находились и въ физіономіи тѣхъ изъ ея дѣтей, которые явились искать для себя новой будущности по ту сторону океана.

Между прочимъ одно замѣчаніе, къ которому мы еще будемъ имѣть случай возвратиться впослѣдствіи, должно быть примѣнено не только къ англичанамъ, но также и къ французамъ, испанцамъ и ко всѣмъ европейцамъ, послѣдовательно водворявшимся на берегахъ Новаго Свѣта. Всѣ новыя европейскія колоніи заключали въ себѣ если не въ развитіи, то въ зародышѣ, вполнѣ демократическое устройство. Двѣ причины вели къ этому результату. Можно сказать, что вообще, при своемъ отправленіи изъ родины, эмигранты не имѣли представленія о какомъ-либо превосходствѣ однихъ изъ нихъ надъ другими. Конечно, не сильные и счастливые удаляются въ изгнаніе, а бѣдность, также какъ и несчастіе суть лучшія ручательства равенства, извѣстныя между людьми. Случалось однако нѣсколько разъ, что и знатные господа переселялись въ Америку, вслѣдствіе политическихъ или религіозныхъ несогласій. Въ ней были установлены законы, учреждавшіею іерархію общественныхъ степеней; но вскорѣ увидѣли, что американская почва совершенно отвергаетъ земельную аристократію. Оказалось, что для обработки этой непокорной земли едва достаточенъ постоянный трудъ самаго заинтересованнаго въ дѣлѣ владѣльца. Выходило такъ, что образовавши основной фондъ, нельзя было получить съ него достаточно большой доходъ, чтобъ онъ могъ сразу обогатить и хозяина земли и фермера. Поэтому земля естественно дробилась на мелкія владѣнія, обрабатываемыя однимъ лишь собственникомъ. Между тѣмъ аристократія основывается на земельномъ владѣніи; она держится за почву и на нее опирается; ее установляютъ не одни привилегіи и состоитъ она не въ правѣ рожденія, а въ передаваемомъ по наслѣдству правѣ владѣнія земельною собственностью. Въ народѣ могутъ существовать громадныя богатства и величайшая нищета; но если эти богатства не земельныя, то въ средѣ такого народа будутъ богатые и бѣдные; но въ немъ, въ сущности, не будетъ аристократіи.

Такимъ образомъ, въ эпоху возникновенія англійскихъ колоній, всѣ онѣ имѣли между собой большое фамильное сходство. Всѣ съ самаго начала были повидимому предназначены къ тому, чтобы проявить развитіе свободы,—не аристократической свободы ихъ родины, но буржуазной и демократической свободы,—для которой міровая исторія не представляла еще совершеннаго образца.

Посреди этой общей окраски замѣчались, однако, очень сильные оттѣнки, которые необходимо указать.

Въ большомъ англо-американскомъ семействѣ можно различить двѣ главныя вѣтви, которыя до сихъ поръ росли не сливаясь вполнѣ—одна на сѣверѣ, другая на югѣ.

Первая англійская колонія была основана въ Виргиніи. Эмигранты прибыли туда въ 1607 году. Европа въ эту эпоху еще очень была занята той идеей, что золотые и серебряные рудники составляютъ богатство народовъ; это была гибельная идея, которая больше способствовала обѣднѣнію преслѣдовавшихъ ее европейскихъ націй и больше истребила народа въ Америкѣ, чѣмъ война и всѣ дурные законы вмѣстѣ взятые. Поэтому

въ Виргинію отправили искателей золота [1]), людей безъ средствъ и дурнаго поведенія, которые своимъ безпокойнымъ и буйнымъ духомъ возмутили младенчество колоніи [2]) и сдѣлали невѣрными ея успѣхи. Потомъ прибыли промышленники и земледѣльцы, представлявшіе собою болѣе нравственную и спокойную расу, но которые почти ни въ какомъ отношеніи не были выше уровня низшихъ классовъ Англіи [3]). Никакая благородная мысль, никакая нематеріальная комбинація не вліяли на устройство новыхъ учрежденій. Только-что колонія была создана, какъ въ ней введено было рабство [4]). Это былъ капитальный фактъ, который долженъ былъ имѣть громадное вліяніе на характеръ, законы и всю будущность юга.

Рабство, какъ это мы объяснимъ дальше, безчеститъ трудъ; оно вводитъ въ общество праздность и съ нею невѣжество и гордость, бѣдность и роскошь; оно обезличиваетъ умственныя способности и усыпляетъ дѣятельность людей. Вліяніемъ рабства, соединеннаго съ англійскимъ характеромъ, объясняются нравы и общественный строй юга.

Тѣ двѣ или три главнѣйшія идеи, которыя въ настоящее время служатъ основаніемъ для соціальной теоріи Соединенныхъ Штатовъ, скомбинированы были въ сѣверныхъ англійскихъ колоніяхъ, болѣе извѣстныхъ подъ названіемъ штатовъ Новой Англіи [5]).

Принципы Новой Англіи распространились сначала въ сосѣднихъ штатахъ, потомъ, переходя отъ одного ближайшаго штата къ другому, достигли самыхъ отдаленныхъ и, наконецъ, ими, если можно такъ выразиться, пропитался весь Союзъ. Теперь вліяніе ихъ распространяется за предѣлы Союза на весь американскій міръ. Цивилизація Новой Англіи была подобна огнямъ, зажженнымъ на высотахъ, которые, распространяя тепло вокругъ нихъ, окрашиваютъ своимъ свѣтомъ послѣдніе предѣлы горизонта.

Основаніе Новой Англіи представило новое зрѣлище; все въ немъ было необыкновенно и своеобразно.

Первые обитатели почти всѣхъ колоній были люди безъ воспитанія и безъ средствъ, которыхъ нищета и порочное поведеніе выталкивали изъ страны, бывшей ихъ родиной, или же алчные спекуляторы и промышленники. Есть колоніи, которыя не могутъ претендовать и на такое происхож-

---

[1]) Хартія, дарованная англійской королевскою властью въ 1609 году, заключала въ себѣ, между прочими пунктами, что колонисты будутъ уплачивать коронѣ пятую часть продукта, получаемаго отъ золотыхъ и серебряныхъ рудниковъ. См. *Жизнь Вашингтона*, соч. Маршаля, т. I, стр. 18—66.

[2]) Значительная часть новыхъ колонистовъ, говоритъ Стисъ (Stith: *History of Virginia*), были безпутные молодые люди изъ хорошихъ фамилій, которыхъ родственники отправляли за море, чтобъ избавить ихъ отъ позорной участи. Бывшіе слуги, злостные банкроты, развратники и тому подобные люди, больше способные грабить и разрушать, чѣмъ создать прочное учрежденіе, составляли остальное; склонные къ безпорядку такіе коноводы легко вовлекли эту толпу во всякаго рода безразсудства и крайности. См. относительно исторіи Виргиніи слѣдующія сочиненія:

History of Virginia from the first Settlements in the year 1624, by Smith.

History of Virginia, by William Stith.

History of Virginia from the earliest period, by Beverley, переведена на французскій языкъ въ 1807 году.

[3]) Только уже позже нѣкоторое число богатыхъ англійскихъ землевладѣльцевъ переселилось въ колонію.

[4]) Рабство введено было около 1620 года черезъ посредство одного голландскаго корабля, высадившаго двадцать негровъ на берегахъ рѣки Джемса. См. *Chalmer.*

[5]) Штаты Новой Англіи суть тѣ, которые находятся къ востоку отъ Гудзона; ихъ въ настоящее время шесть: 1) Коннектикутъ, 2) Родъ-Айлендъ, 3) Массачусетсъ, 4) Вермонтъ, 5) Нью-Гемпширъ и 6) Мэнъ.

деніе. Сенъ-Доминго было основано пиратами; и въ наше время англійскіе уголовные суды поставляютъ населеніе для Австраліи.

Эмигранты, поселившіеся на берегахъ Новой Англіи, всѣ принадлежали къ зажиточнымъ классамъ своей родины. Ихъ собраніе на американской почвѣ съ самаго начала представляло необыкновенное явленіе: общество, въ которомъ не было ни вельможъ, ни простого народа и, можно сказать, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Относительно говоря, между этими людьми просвѣщеніе было больше распространено, чѣмъ въ средѣ какой-либо европейской націи нашего времени. Всѣ до одного получили довольно высокое образованіе и многіе изъ нихъ сдѣлались извѣстны въ Европѣ своими талантами и знаніями. Другія колоніи были основаны безсемейными авантюристами; эмигранты Новой Англіи принесли съ собой превосходные элементы порядка и нравственности; они явились въ пустыя мѣста, въ сопровожденіи своихъ женъ и дѣтей. Но что особенно отличало ихъ отъ другихъ колонистовъ, это—самая цѣль ихъ предпріятія. Не нужда заставляла ихъ покидать свою страну; они оставляли въ ней общественное положеніе, котораго стоило пожалѣть, и надежныя средства существованія. Они и не для того переселялись въ Новый Свѣтъ, чтобъ улучшить свое положеніе, или увеличить свои богатства; они отрывались отъ пріятности родины, чтобъ удовлетворить чисто-духовной потребности; подвергаясь неизбѣжнымъ неудобствамъ переселенія, они хотѣли доставить торжество *идеѣ*.

Эмигранты или, какъ они хорошо себя называли, *странники* (pilgrims) принадлежали къ той англійской сектѣ, которая за строгость своихъ нравственныхъ правилъ названа была пуританами. Пуританство не было только религіознымъ ученіемъ; оно, кромѣ того, сливалось во многихъ пунктахъ съ самыми крайними демократическими и республиканскими теоріями. Этимъ оно возбудило противъ себя самыхъ опасныхъ своихъ противниковъ. Преслѣдуемые правительствомъ своей родины, оскорбляемые въ своихъ суровыхъ нравственныхъ правилахъ ходомъ повседневной жизни того общества, въ средѣ котораго они жили, пуритане искали такой варварской и заброшенной всѣмъ свѣтомъ страны, чтобы въ ней позволялось жить по-своему и молиться Богу свободно.

Приведя нѣсколько цитатъ, мы лучше уяснимъ духъ этихъ благочестивыхъ авантюристовъ, чѣмъ мы могли бы сдѣлать это, дополняя что-либо отъ себя.

Натаніель Мортонъ, историкъ первыхъ лѣтъ Новой-Англіи, такъ начинаетъ свое изложеніе [1]): „Я всегда считалъ,—говоритъ онъ,—священнымъ долгомъ для насъ, отцы которыхъ получили столь многіе и столь памятные знаки благости Божіей при основаніи этой колоніи, увѣковѣчить память о нихъ на письмѣ. То что мы видѣли и что намъ было разсказано нашими отцами, то мы должны передать нашимъ дѣтямъ, чтобы будущія поколѣнія научались прославлять Господа, дабы потомство Авраама, его служителя, и сыны Израиля, его избранника, всегда сохраняли память о чудесныхъ дѣлахъ Божіихъ (*Псал.* CV, 5, 6). Надо, чтобъ они знали, какъ Господь перенесъ виноградъ свой въ пустыню, какъ Онъ насадилъ его и отстранялъ отъ него язычниковъ; какъ Онъ приготовилъ ему мѣсто, глубоко внѣдрилъ его корни и оставилъ его, чтобъ онъ распространялся и далеко покрывалъ землю (*Псал.* LXXX, 13, 15); и не это одно знали бы, а также

---

[1]) *New England's memorial*, стр. 13. Бостонъ 1826 г. См. также *Исторію Гётчинсона*, т. 2, стр. 440.

и то, какъ Онъ указывалъ своему народу путь къ своей святой скиніи и водворилъ его на горѣ Его наслѣдія (*Исходъ* XV, 13). Эти дѣла должны быть извѣстны, чтобы Богъ прославился ими, какъ подобаетъ Ему, и чтобы часть лучей Его славы могла пасть на почитаемыя имена святыхъ, бывшихъ Его орудіями".

Невозможно читать это вступленіе, не проникнувшись невольно религіознымъ и торжественнымъ настроеніемъ; кажется, какъ будто въ немъ дышетъ духъ древности и нѣкотораго рода библейскій ароматъ.

Вѣра, одушевляющая писателя, возвышаетъ его рѣчь. На взглядъ читателя, какъ и на его, это уже не есть маленькая компанія авантюристовъ, отправляющаяся за море искать счастья; это—сѣмя великаго народа, посѣянное рукою Бога въ предназначенной для него землѣ.

Затѣмъ авторъ продолжаетъ и такимъ образомъ описываетъ отъѣздъ первыхъ эмигрантовъ [1]):

„Такъ,—говоритъ онъ,—оставили они этотъ городъ (Дельфтъ-Галефтъ), бывшій для нихъ мѣстомъ отдыха; однако они были спокойны, ибо знали, что они суть странники и чужеземцы на этомъ свѣтѣ. Они не прикрѣплялись къ земнымъ вещамъ, но возводили глаза свои къ небу, ихъ дорогой родинѣ, гдѣ Богъ приготовилъ для нихъ святой городъ. Наконецъ они прибыли въ гавань, гдѣ ихъ ожидалъ корабль. Большое число друзей, которые не могли послѣдовать за ними, желали по крайней мѣрѣ проводить ихъ до этого мѣста. Ночь протекла безъ сна; она проведена была въ изліяніяхъ дружбы, въ благочестивыхъ разговорахъ, въ выраженіяхъ исполненныхъ искренней и нѣжной христіанской любви. На другой день они перешли на корабль; ихъ друзья пожелали проводить ихъ и туда; тогда послышались глубокіе вздохи, видно было, какъ слезы текли изъ всѣхъ глазъ, слышны были долгія объятія и горячія молитвы, которыми даже иностранцы были тронуты. Когда былъ поданъ сигналъ къ отплытію, то они упали на колѣни, и ихъ пасторъ, поднявши къ небу глаза полные слезъ, поручилъ ихъ милосердію Господа. Они наконецъ разстались другъ съ другомъ, произнося слово прощанья, которое для многихъ изъ нихъ должно было быть послѣднимъ".

Число эмигрантовъ было приблизительно около ста пятидесяти человѣкъ, считая мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Цѣль ихъ была основать колонію на берегахъ Гудзона; но, послѣ долгаго блужданія по океану, они принуждены были наконецъ пристать къ безплоднымъ берегамъ Новой Англіи въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится теперь городъ Плимутъ. И теперь еще показываютъ ту скалу, на которую высадились странники [2]).

„Но, прежде чѣмъ итти далѣе,—говоритъ приведенный уже мною историкъ,—остановимся на минуту, чтобы посмотрѣть на настоящее положеніе этого бѣднаго народа, и подивимся милосердію спасшаго его Бога [3]).

„Они переплыли теперь обширный океанъ, они достигали цѣли своего странствія; но они не видѣли друзей, которые бы ихъ встрѣтили, ни жи-

---

[1]) *New England's Memorial*, стр. 22.

[2]) Эта скала сдѣлалась предметомъ почитанія въ Соединенныхъ Штатахъ. Я видѣлъ обломки ея бережно сохраняемые во многихъ городахъ Союза. Не ясно ли это доказываетъ, что сила и величіе человѣка вполнѣ заключаются въ его душѣ? Вотъ камень, къ которому одну минуту прикасалась нога нѣсколькихъ жалкихъ людей, и этотъ камень дѣлается знаменитымъ; онъ привлекаетъ къ себѣ взоры великаго народа. Его обломки почитаются. А что сдѣлалось со столькими дворцами? Кто объ этомъ заботится?

[3]) *New England's Memorial*, стр. 35.

лища, которое дало бы имъ пріютъ; это было въ серединѣ зимы и тѣ, кому извѣстенъ нашъ климатъ, знаютъ, какъ суровы наши зимы и какіе жестокіе ураганы свирѣпствуютъ тогда у нашихъ береговъ. Въ это время года трудно передвигаться даже по знакомымъ мѣстамъ, тѣмъ болѣе устраиваться на неизвѣстныхъ берегахъ. Вокругъ нихъ видна была только ужасная и печальная пустыня, полная дикихъ людей и звѣрей, число которыхъ и степень свирѣпости были для нихъ неизвѣстны. Земля была мерзлая; почва покрыта лѣсомъ и кустарниками; все имѣло дикій видъ. Позади себя они видѣли только безпредѣльный океанъ, отдѣлявшій ихъ отъ цивилизованнаго міра. Чтобы найти сколько-нибудь мира и надежды, они могли только обращать свои взоры къ небу".

Не должно думать, что благочестіе пуританъ имѣло только умозрительный характеръ и не касалось до хода человѣческихъ дѣлъ. Пуританизмъ, какъ я уже выше сказалъ, былъ почти столько же политическою теоріей, какъ и религіознымъ ученіемъ. Поэтому эмигранты, только-что высадившись на негостепріимный берегъ, описанный Натаніелемъ Мортономъ, прежде всего позаботились о томъ, чтобъ организовать изъ себя общество. Они немедленно составили актъ такого содержанія [1]): „Мы нижепоименованные, которые ради славы Божіей, процвѣтанія христіанской вѣры и чести нашего отечества, предприняли основать на этихъ далекихъ берегахъ первую колонію, симъ заявляемъ, что по взаимному и торжественному нашему соглашенію и передъ Богомъ мы договорились соединиться въ одно политическое общество съ тою цѣлію, чтобъ управлять нами и трудиться для достиженія нашихъ предположеній, почему въ силу этого договора мы условились издавать законы, акты и приказы и, смотря по надобности, назначать должностныхъ лицъ, которымъ мы обѣщаемъ подчиняться и повиноваться".

Это происходило въ 1620 году. Начиная съ этой эпохи эмиграція уже не прекращалась. Религіозныя и политическія страсти, раздиравшія британское государство въ теченіе всего царствованія Карла I, ежегодно направляли къ берегамъ Америки новые рои сектантовъ. Въ Англіи главный очагъ пуританизма продолжалъ находиться между средними классами; изъ среднихъ классовъ выходила и большая часть эмигрантовъ. Населеніе Новой Англіи быстро возрастало, и тогда какъ въ метрополіи люди еще деспотически распредѣлялись по іерархической лѣстницѣ, колонія все болѣе и болѣе представляла новое зрѣлище общества однороднаго во всѣхъ своихъ частяхъ. Демократія, о какой не смѣла и мечтать древность, цѣликомъ и во всеоружіи выдвигалась изъ среды стараго феодальнаго общества.

Англійское правительство, довольное удаленіемъ зародышей безпокойства и элементовъ новыхъ революцій, безъ неудовольствія смотрѣло на эту многолюдную эмиграцію. Оно даже способствовало ей всѣми своими средствами и, повидимому, мало заботилось объ участи людей, отправлявшихся искать на американской землѣ убѣжища отъ суровости его законовъ. Оно какъ будто смотрѣло на Новую-Англію какъ на страну, принадлежащую

---

[1]) Эмигранты, создавшіе штатъ Родъ-Айлендъ въ 1638 году, тѣ, которые основались въ Нью-Гевенѣ въ 1637 г., первые жители Коннектикута въ 1639 г. и основавшіе Провиденсъ въ 1640 г. также начали съ того, что составили общественный договоръ, который былъ подвергнутъ утвержденію всѣхъ заинтересованныхъ лицъ. *Pitkin's History*, стр. 42 и 47.

грезамъ воображенія и которую слѣдовало предоставить для свободныхъ опытовъ новаторовъ.

Англійскія колоніи,—и въ этомъ заключалась одна изъ главныхъ причинъ ихъ процвѣтанія,—пользовались всегда большею внутренней свободой и большею политической независимостью, чѣмъ колоніи другихъ народовъ; но нигдѣ этотъ принципъ свободы не былъ примѣненъ въ такой полнотѣ, какъ въ штатахъ Новой Англіи.

Въ то время вообще признавалось, что земли Новаго Свѣта принадлежали той европейской націи, которая первая ихъ откроетъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ XVI вѣка, почти всѣ берега Сѣверной Америки сдѣлались англійскими владѣніями. Средства, употреблявшіяся британскимъ правительствомъ для заселенія новыхъ владѣній, были различнаго рода: въ нѣкоторыхъ случаяхъ король подчинялъ извѣстную часть Новаго Свѣта избранному имъ губернатору, который долженъ былъ управлять страной отъ имени короля и по его непосредственнымъ указамъ [1]); это есть колоніальная система, принятая всею остальной Европой. Въ другихъ случаяхъ онъ уступалъ въ собственность нѣкоторыя части странъ одному лицу или компаніи [2]). Тогда вся власть гражданская и политическая оказывалась сосредоточенной въ рукахъ одной или нѣсколькихъ личностей, которыя подъ наблюденіемъ правительства продавали земли и управляли жителями. Наконецъ, третья система состояла въ предоставленіи извѣстному числу эмигрантовъ права образовать изъ себя политическое общество подъ протекторатомъ метрополіи и управляться самимъ въ предѣлахъ того, что не противорѣчило ея законамъ.

Этотъ способъ колонизаціи, столь благопріятный для свободы, былъ примѣненъ на практикѣ только въ Новой Англіи [3]).

Уже въ 1628 году [4]) хартія этого рода была дана Карломъ I-мъ эмигрантамъ, основавшимъ колонію Массачутетсъ.

Но вообще хартіи были дарованы колоніямъ Новой Англіи только значительно спустя послѣ того, какъ существованіе ихъ сдѣлалось уже совершившимся фактомъ. Плимутъ, Провидэнсъ, Нью-Гевенъ, штаты Коннентикутъ и Родъ-Айлендъ [5]) были основаны безъ содѣйствія и какъ бы безъ вѣдома метрополіи. Не отрицая ея верховенства, новые поселенцы

---

1) Такой случай былъ въ штатѣ Нью-Іоркъ.

2) Такъ было въ Мериландѣ обѣихъ Каролинахъ, Пенсильваніи и Нью-Джерси. См. *Pitkin's History*, т. I, стр. 11—31.

3) См. въ сочиненіи, озаглавленномъ: *Historical collection of state papers and other authentic documents intended as materials for an history of the United States of America by Ebeneser Hasard, printed at Philadelphia MDCCXCII*, очень большое число документовъ, драгоцѣнныхъ по своему содержанію и достовѣрности, относящихся къ первому времени существованія колоній, между прочимъ различныя хартіи, дарованныя имъ англійскимъ королевскимъ правительствомъ, а также первые акты мѣстнаго правительства.

См. также разборъ всѣхъ этихъ хартій, сдѣланный мистеромъ Стори, бывшимъ судьей верховнаго суда Соединенныхъ Штатовъ, во введеніи къ его комментаріямъ на конституцію Соединенныхъ Штатовъ.

Изъ всѣхъ этихъ документовъ оказывается, что начала представительнаго правленія и внѣшнія формы политической свободы были введены во всѣхъ колоніяхъ почти со времени ихъ возникновенія. Эти начала получили на сѣверѣ большее развитіе, чѣмъ на югѣ, но они были вездѣ.

4) См. *Pitkin's History*, стр. 35, т. I. См. *the History of the colony of Massachusetts, by Hutchinson*, т. I, стр. 9.

5) См. *id.* стр. 42—47.

не почерпали изъ нея источники своей власти; они сами установили свое управленіе и только черезъ тридцать или сорокъ лѣтъ послѣ того, при Карлѣ II, ихъ существованіе было узаконено королевскою хартіей.

Поэтому, пересматривая первые историческіе и законодательные памятники Новой Англіи, часто бываетъ трудно замѣтить связь, соединяющую эмигрантовъ со страной ихъ предковъ. Ежеминутно оказывается, что они совершаютъ какой-нибудь актъ верховной власти; они назначаютъ своихъ должностныхъ лицъ, объявляютъ войну и заключаютъ миръ, установляютъ правила благоустройства и издаютъ для себя законы, такъ, какъ бы они зависѣли отъ одного Бога [1]).

Нѣтъ ничего болѣе страннаго и болѣе поучительнаго, какъ законодательство этой эпохи; именно здѣсь по преимуществу надо искать ключъ къ великой соціальной загадкѣ, которую представляютъ для міра современные Соединенные Штаты.

Въ числѣ этихъ памятниковъ мы въ особенности укажемъ, какъ на одинъ изъ самыхъ характерныхъ, на сводъ законовъ, изданный для себя маленькимъ штатомъ Коннентикутъ въ 1650 году [2]).

Законодатели Коннентикута [3]) сначала обратили вниманіе на уголовные законы и для сочиненія ихъ они задались странной идеей почерпнуть ихъ изъ текста Священнаго Писанія.

„Кто будетъ поклоняться другому богу, кромѣ Господа,—говорятъ они въ началѣ,—будетъ подвергнутъ смерти“.

Затѣмъ слѣдуютъ десять или двѣнадцать статей такого же рода, буквально взятые изъ книгъ: Исходъ, Левитъ и Второзаконіе.

Богохульство, волшебство, прелюбодѣяніе [3]) и изнасилованіе наказываются смертію; оскорбленіе, нанесенное сыномъ одному изъ родителей, подлежитъ тому же наказанію. Такимъ образомъ законодательство грубаго, полуцивилизованнаго народа переносилось въ среду общества, просвѣщеннаго умомъ и кроткаго нравами. Никогда поэтому смертная казнь не была такъ распространена въ законахъ и не примѣнялась къ меньшему числу виновныхъ.

Въ этомъ сводѣ уголовныхъ законовъ главною заботой законодателей было поддержаніе моральнаго порядка и добрыхъ нравовъ въ обществѣ; они такимъ образомъ постоянно вторгались въ область совѣсти, и почти нѣтъ такихъ грѣховъ, которыхъ бы имъ не удалось подвести подъ судебную кару. Читатель могъ замѣтить, съ какою строгостью эти законы наказывали прелюбодѣяніе и изнасилованіе. Даже простая связь между лицами не

---

[1]) Жители Массачусетса, при установленіи уголовныхъ и гражданскихъ законовъ судопроизводства и судовъ, отклонились отъ обычаевъ, которымъ слѣдовали въ Англіи. Въ 1650 году имени короля еще не было въ заголовкѣ судебныхъ рѣшеній. См. Гетчинсонъ, т. I, стр. 452.

[2]) *Code of* 1650 г., стр. 28 (Hartford, 1830).

[3]) См. также въ исторіи Гетчинсона, т. I, стр. 435—456, разборъ уголовнаго кодекса, принятаго въ 1648 году колоніей Массачусетсъ. Онъ изложенъ на основаніи тѣхъ же началъ, какъ и кодексъ штата Коннентикутъ.

[3]) Прелюбодѣяніе наказывалось смертію также и по законамъ Массачусетса, и Гётчинсонъ т. I, стр. 441 говоритъ, что дѣйствительно многіе люди были подвергнуты смертной казни за это преступленіе. Онъ приводитъ по этому поводу любопытный анекдотъ, относящійся къ 1663 году. Одна замужняя женщина находилась въ любовной связи съ молодымъ человѣкомъ; она овдовѣла и вышла за него замужъ: прошло нѣсколько лѣтъ, наконецъ въ обществѣ стали подозрѣвать о близости, существовавшей когда-то между супругами: они подверглись уголовному преслѣдованію, были заключены въ тюрьму и ихъ обоихъ едва не присудили къ смертной казни.

состоящими въ бракѣ строго ими преслѣдовалась. Судьѣ предоставлялось выбрать для виновныхъ одно изъ трехъ наказаній: пеню, наказаніе розгами или бракъ [1]). И если вѣрить реестрамъ старинныхъ Нью Гавенскихъ судовъ, то процессы этого рода были не рѣдки: подъ 1 мая 1660 года въ реестрѣ находится рѣшеніе, которымъ присуждена къ штрафу и выговору молодая дѣвушка, обвинявшаяся въ произнесеніи нѣсколькихъ нескромныхъ словъ и въ томъ, что она позволила себя поцѣловать [2]). Сводъ 1650 года изобилуетъ предупредительными мѣрами. Праздность и пьянство строго имъ наказывались [3]). Трактирщики не имѣли права поставлять больше извѣстнаго количества вина на каждаго потребителя; штрафомъ или розгами наказывается даже простая ложь, если она можетъ принести вредъ [4]). Въ другихъ мѣстахъ законодатель, совершенно забывая великія начала религіозной свободы, требуемой имъ самимъ въ Европѣ, заставляетъ подъ угрозою пени присутствовать при божественной службѣ [5]) и доходитъ до того, что угрожаетъ строгими наказаніями [6]) и даже смертью христіанамъ, желающимъ молиться Богу по другой формулѣ, чѣмъ онъ [7]). Иногда, наконецъ, чрезмѣрное желаніе все урегулировать заставляетъ его заниматься вещами совершенно недостойными его. Такъ въ томъ же сводѣ есть законъ, запрещающій употребленіе табаку [8]). Не слѣдуетъ впрочемъ терять изъ виду, что эти старинные или тиранические законы не вводились насильственно, что всѣ они были приняты при свободномъ участіи всѣхъ заинтересованныхъ лицъ, и что нравы были еще болѣе строги и имѣли еще болѣе пуританскій характеръ, чѣмъ законы. Въ 1649 году въ Бостонѣ образовалась серьезная ассоціація, имѣвшая цѣлью предупрежденіе мірской роскоши, состоявшей въ ношеніи длинныхъ волосъ [9]) (Е).

Подобныя уклоненія, конечно, составляютъ стыдъ для человѣческаго ума; онѣ указываютъ на низкую степень развитія нашей природы, которая будучи неспособна твердо обнять истину и справедливость, чаще всего принуждена бываетъ выбирать между двумя крайностями.

---

[1]) *Code of* 1650, стр. 48.

Повидимому, иногда случалось, что судьи назначали эти различныя наказанія въ совокупности, какъ это видно изъ рѣшенія, постановленнаго въ 1643 г. (*New-Haven antiquities* стр. 114), которымъ опредѣлено, что Маргарита Бедфордъ, уличенная въ предосудительныхъ поступкахъ, должна быть наказана розгами и обязана будетъ выйти замужъ за Николая Джеммингса, бывшаго ея сообщникомъ.

[2]) *New-Haven antiquities* стр. 104. См. также въ исторіи Гётчинсона т. I, стр. 436 многія рѣшенія столь же удивительныя, какъ и эти.

[3]) *Code of* 1650, стр. 50, 57.

[4]) *Id.*, стр. 64.

[5]) *Code of* 1650, стр. 44.

[6]) Такъ было не въ одномъ Коннектикутѣ. См. между прочимъ законъ, изданный 13-го сентября 1644 г. въ Массачусетсѣ, принуждавшій къ изгнанію анабаптитовъ. *Historical collection of state papers* т. I, стр. 538. См. также законъ, обнародованный 14-го октября 1656 года противъ квакеровъ: „Имѣя въ виду,—говоритъ этотъ законъ,—что вновь возникла проклятая секта еретиковъ, именуемыхъ квакерами...“—слѣдуютъ постановленія, которыми присуждаются къ очень большой пенѣ капитаны кораблей, которые привезутъ въ страну квакеровъ. Квакеры, которымъ удается въ нее проникнуть, подвергаются наказанію розгами и заключенію въ тюрьму на работу. Тѣ, кто станетъ защищать свои убѣжденія, будутъ сначала подвергнуты пенѣ, а потомъ присуждены въ тюрьму и изгнаны изъ провинціи. *Histor. collection* т. I, стр. 630.

[7]) По уголовнымъ законамъ Массачусетса католическій священникъ, появившійся въ колоніи послѣ изгнанія оттуда, наказывается смертью.

[8]) *Code of* 1650, стр. 96.

[9]) *New-England's Memorial*, стр. 316.

Рядомъ съ этимъ уголовнымъ законодательствомъ, такъ сильно проникнутымъ узкимъ сектантскимъ духомъ и всѣми религіозными страстями, усиленными преслѣдованіемъ и еще бродившими въ душахъ, находится и нѣкоторымъ образомъ связанъ съ нимъ сводъ политическихъ законовъ, который, будучи написанъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, кажется еще очень далеко ушедшимъ впередъ сравнительно съ современнымъ духомъ свободы.

Общія основанія, на которыхъ построены новѣйшія конституціи и которые едва были понятны для европейцевъ XVII столѣтія и еще не вполнѣ восторжествовали въ Великобританіи, были всѣ признаны и установлены законами Новой Англіи, а именно: участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ, свободное вотированіе налоговъ, отвѣтственность правительственныхъ агентовъ, свобода личности и судъ присяжныхъ,—все это было установлено въ нихъ безспорно и на дѣлѣ.

Эти основные принципы получили тамъ такое примѣненіе и развитіе, какого не осмѣлился имъ дать ни одинъ изъ народовъ Европы.

Въ Коннектикутѣ избирательное собраніе въ началѣ состояло изъ всей совокупности гражданъ, что совершенно понятно [1]). Въ зарождающемся народѣ царствовало тогда почти полное равенство имущественныхъ состояній и еще большее равенство умственнаго развитія [2]).

Въ Коннектикутѣ въ эту эпоху всѣ агенты исполнительной власти были выбранные, до губернатора штата включительно [3]).

Всѣ граждане старше шестнадцати лѣтъ обязаны были военной службой; они образовывали національную милицію, которая избирала своихъ офицеровъ и должна была во всякое время быть готова итти на защиту страны

Въ законахъ Коннектикута, какъ и вообще Новой Англіи, можно видѣть, какъ зарождается и развивается та общинная независимость, которая еще въ наше время составляетъ какъ бы основное и жизненное начало американской свободы.

Въ большей части европейскихъ націй политическая самостоятельность получила начало въ высшихъ классахъ общества и распространялась мало-по-малу, и притомъ никогда не въ полной мѣрѣ на различныя части общественнаго организма.

Напротивъ, объ Америкѣ можно сказать, что община въ ней была организована ранѣе графства, графство ранѣе штата и штатъ ранѣе союза.

Въ Новой Англіи, начиная съ 1650 года, община уже вполнѣ и окончательно организовалась. Вокругъ общинной единицы группируются и прочно къ ней прикрѣпляются всякіе интересы, страсти, обязанности и права. Въ средѣ общины царствуетъ реальная и дѣятельная политическая жизнь, имѣющая вполнѣ демократическій и республиканскій характеръ. Колоніи признаютъ еще верховенство метрополіи; общій основной законъ государства есть монархія, но въ общинѣ живетъ уже полною жизнью республика.

Община назначаетъ своихъ должностныхъ лицъ всякаго рода; она сама себя таксируетъ, сама распредѣляетъ и взимаетъ съ себя подати [4]). Въ общинѣ Новой Англіи представительство не допускается. Какъ въ Аои-

---

[1]) Конституція 1638 г., стр. 17.

[2]) Уже въ 1641 году общее собраніе штата Родъ-Айленда единогласно потребовало, что правительство штата состояло изъ демократіи и что бы власть исходила отъ собранія свободныхъ людей, которые одни имѣли право издавать законы и наблюдать за ихъ исполненіемъ. *Code of* 1650, стр. 70.

[3]) *Pitkin's History*, стр. 47.

[4]) *Code of* 1650, стр. 80.

нахъ, дѣла касающіяся общихъ интересовъ обсуждаются на площади и въ общемъ собраніи гражданъ.

Если внимательно изучить тѣ законы, которые были обнародованы въ теченіе этого перваго времени существованія американскихъ республикъ, то нельзя не поражаться яснымъ пониманіемъ задачъ управленія и передовыми теоріями законодателей.

Очевидно, что идея, которую они имѣютъ объ обязанностяхъ общества относительно своихъ членовъ, болѣе возвышенна и болѣе полна, чѣмъ та, какую имѣли европейскіе законодатели того времени, и что они предъявляютъ къ нему такія требованія, отъ которыхъ оно еще уклонялось въ другихъ мѣстахъ. Въ штатахъ Новой Англіи участь бѣдныхъ была обезпечена [1]): были приняты строгія мѣры для поддержанія дорогъ; назначены были чиновники для надзора за ними [2]). Общины имѣютъ у себя общественные реестры, куда записываются результаты обсужденія общихъ вопросовъ, смерть, бракъ и рожденіе гражданъ [3]); веденіе этихъ реестровъ поручено особымъ регистраторамъ [4]). Существуютъ чиновники, на обязанности которыхъ лежитъ завѣдываніе имѣніями за отсутствіемъ наслѣдниковъ, другіе наблюдающіе за охраненіемъ границъ наслѣдственныхъ владѣній; многіе имѣютъ главною своею обязанностью поддерживать общественную тишину и спокойствіе въ общинѣ [5]).

Законъ входитъ въ тысячу различныхъ подробностей въ видахъ предупрежденія и удовлетворенія множества общественныхъ потребностей, о которыхъ во Франціи еще въ наше время имѣютъ неясное сознаніе.

Но въ полномъ своемъ свѣтѣ оригинальный характеръ американской цивилизаціи проявляется въ правилахъ, относящихся къ общественному образованію.

„Принимая во вниманіе,—говоритъ законъ,—что сатана, врагъ рода человѣческаго, находитъ въ невѣжествѣ людей свое самое могущественное оружіе и что надлежитъ, чтобы принесенное нашими отцами не было погребено съ ними въ могилѣ,—воспитаніе дѣтей есть одна изъ главныхъ заботъ государства, съ помощію Божіею...“ [6]). Слѣдуютъ постановленія объ открытіи школъ во всѣхъ общинахъ и объ обязаніи всѣхъ жителей, подъ страхомъ большой пени, обложить себя налогомъ на ихъ содержаніе. Такимъ же образомъ въ наиболѣе многолюдныхъ округахъ основываются высшія училища. Городскія власти должны слѣдить за тѣмъ, чтобы родители посылали въ школы своихъ дѣтей; онѣ имѣютъ право налагать штрафъ на тѣхъ, кто отказывается; если же неповиновеніе продолжается, то общество становится въ такомъ случаѣ на мѣсто семьи, беретъ ребенка въ свое распоряженіе и отнимаетъ у родителей права, данныя имъ природой, но которыми они такъ дурно пользовались [7]). Читатель, безъ сомнѣнія, замѣтилъ вступленіе, которымъ начинаются эти постановленія; въ Америкѣ религія ведетъ къ просвѣщенію; исполненіе божескихъ законовъ направляетъ человѣка къ свободѣ.

Когда, бросивъ такимъ образомъ бѣглый взглядъ на американское об-

---

[1]) *Code of* 1650, стр. 78.
[2]) *Id.* стр. 49.
[3]) См. исторію Гётчинсона т. I, ст. 455.
[4]) *Id.* стр. 40.
[5]) *Code of.* 1650, стр. 86.
[6]) *Id.* стр. 90.
[7]) *Code of* 1650, стр. 90.

щество 1650 года, разсмотрѣть состояніе Европы, особенно ея материка, около этой же эпохи, то чувствуешь, какъ проникаешься глубокимъ удивленіемъ: на материкѣ Европы въ началѣ XVII вѣка всюду торжествовала неограниченная монархія на развалинахъ олигархической и феодальной свободы среднихъ вѣковъ. Въ этой блестящей, литературной Европѣ никогда можетъ-быть идея права не была до такой степени совершенно забыта, никогда умы не заботились меньше о понятіи истинной свободы и въ это-то время тѣ же самые принципы свободы, неизвѣстные европейскимъ народамъ, или презираемые ими, провозглашались въ пустыняхъ Новаго Свѣта и становились въ будущемъ исповѣданіемъ великаго народа. Самыя смѣлыя теоріи человѣческаго разума проводились на практикѣ въ этомъ обществѣ, съ виду столь скромномъ и котораго никакой государственный человѣкъ въ то время конечно не удостоилъ бы своего вниманія; человѣческое воображеніе, предоставленное оригинальности своей природы, импровизировало небывалое законодательство. Въ средѣ этой незамѣтной демократіи, которая еще не произвела ни полководцевъ, ни философовъ, ни великихъ писателей, человѣкъ могъ встать въ присутствіи свободнаго народа и, при общихъ выраженіяхъ одобренія, высказать слѣдующее прекрасное опредѣленіе свободы [1]):

„Не будемъ обманываться насчетъ того, что мы должны считать нашею независимостью. Существуетъ дѣйствительно нѣкоторая испорченная свобода, примѣненіе которой свойственно животнымъ, также, какъ и человѣку, и которая состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать все, что нравится. Такая свобода есть врагъ всякой власти; она нетерпѣливо переноситъ всякія правила; съ нею мы дѣлаемся ниже самихъ себя; она врагъ правды и мира, и Богъ счелъ нужнымъ возстать противъ нея. Но есть свобода гражданская и нравственная, которая находитъ свою силу въ единеніи и охрана которой составляетъ предназначеніе самой власти: это—свобода дѣлать безъ страха то, что справедливо и хорошо. Эту святую свободу мы должны защищать отъ всякихъ случайностей и, если нужно, жертвовать за нее нашей жизнью".

Я сказалъ уже достаточно, чтобы выставить въ его настоящемъ свѣтѣ характеръ англо-американской цивилизаціи. Она есть произведеніе (и эта исходная точка должна быть всегда въ нашей мысли) двухъ совершенно различныхъ элементовъ, которые въ другихъ мѣстахъ часто воевали между собой, но которые въ Америкѣ удалось такъ сказать внѣдрить одинъ въ другой и удивительно соединить вмѣстѣ: я говорю о духѣ вѣры и духѣ свободы.

Основатели Новой Англіи были одновременно и горячими сектантами и восторженными новаторами. Сдерживаясь самыми тѣсными оковами извѣстныхъ религіозныхъ вѣрованій, они были свободны отъ всякихъ политическихъ предразсудковъ.

Изъ этого произошли два направленія, различныя, но не противоположныя, слѣды которыхъ легко найти повсюду какъ въ нравахъ, такъ и въ законодательствѣ.

---

[1]) *Mathiew's magnalia Christi americana* т. 2, стр. 13. Эта рѣчь была сказана Winthrop'омъ, его обвиняли въ совершеніи произвольныхъ дѣйствій при исполненіи службы. Послѣ произнесенія рѣчи, изъ которой я взялъ вышеприведенный отрывокъ, онъ былъ оправданъ при общихъ рукоплесканіяхъ, и съ тѣхъ поръ его всякій разъ вновь выбирали губернаторомъ штата. См. *Маршаль*, т. I, стр. 166.

Люди приносятъ въ жертву религіозному убѣжденію друзей, семью, отечество; можно подумать, что они вполнѣ поглощены преслѣдованіемъ этого духовнаго блага, которое они купили столь дорогою цѣною. Оказывается, однако, что они почти съ равною горячностью стремятся какъ къ нравственнымъ наслажденіямъ, такъ и къ матеріальнымъ богатствамъ, отыскивая небо на томъ свѣтѣ и благосостояніе и свободу на этомъ.

Въ ихъ рукахъ политическіе принципы, и человѣческіе законы, и учрежденія представляются такими мягкими предметами, которые могутъ по желанію измѣнять свою форму и комбинироваться другъ съ другомъ.

Передъ ними падаютъ преграды, удерживавшія то общество, въ которомъ они родились; старинные взгляды, въ теченіе вѣковъ управлявшіе міромъ, разсѣиваются; открывается почти безграничное поле для дѣятельности, пространство безъ горизонта; человѣческій умъ устремляется на него и проходитъ его по всѣмъ направленіямъ; но, дойдя до предѣловъ политическаго міра, онъ самъ собой останавливается; онъ со страхомъ отказывается отъ своихъ самыхъ грозныхъ свойствъ; онъ отрекается отъ сомнѣнія, отъ потребности создавать новое; не рѣшается даже поднять завѣсу святилища; онъ почтительно преклоняется передъ истинами, которыя признаетъ, не разсуждая.

Такимъ образомъ въ моральномъ мірѣ все оказывается на своемъ мѣстѣ, все приведено къ соотвѣтствію, все предвидѣно и рѣшено заранѣе. Въ политическомъ мірѣ все волнуется, все недостовѣрно и подлежитъ спору; въ одномъ—пассивное, впрочемъ добровольное, повиновеніе, въ другомъ—независимость, пренебреженіе къ бывшимъ опытамъ и ревнивое отрицаніе всякаго авторитета.

И эти два направленія, повидимому столь противоположныя, не только не вредятъ одно другому, но даже какъ будто взаимно помогаютъ другъ другу.

Религія видитъ въ гражданской свободѣ благородное выраженіе человѣческихъ способностей, въ политическомъ мірѣ,—область, предоставленную Создателемъ дѣятельности ума. Пользуясь въ своей сферѣ свободой и могуществомъ и довольствуясь отведеннымъ ей мѣстомъ, она сознаетъ, что господство ея тѣмъ болѣе обезпечено, что она царствуетъ лишь посредствомъ своей собственной силы и властвуетъ надъ сердцемъ безъ всякой внѣшней поддержки.

Свобода видитъ въ религіи свою спутницу въ борьбѣ и въ торжествѣ, колыбель своего дѣтства, божественный источникъ своихъ правъ. Она считаетъ религію охраною добрыхъ нравовъ, а нравы—гарантіей законности и залогомъ собственной ея прочности (F).

Причины нѣкоторыхъ особенностей, представляемыхъ англо-американскими законами и обычаями.

Нѣкоторые остатки аристократическихъ учрежденій въ средѣ полнѣйшей демократіи.—Откуда они?—Нужно старательно различать то, что имѣетъ пуританское и что англійское происхожденіе.

Читатель не долженъ дѣлать изъ всего предыдущаго слишкомъ общіе и слишкомъ абсолютные выводы. Конечно, общественное положеніе, религія и нравы первыхъ эмигрантовъ имѣли огромное вліяніе на судьбу ихъ новаго отечества. Тѣмъ не менѣе они не могли создать такого общества, начало

котораго лежало бы исключительно въ нихъ самихъ; никто не можетъ вполнѣ освободиться отъ прошедшаго; поэтому имъ случалось то сознательно, то невольно примѣшивать къ понятіямъ и обычаямъ, принадлежавшимъ имъ лично, другіе обычаи и другія понятія, полученные ими или изъ ихъ воспитанія или изъ національныхъ преданій ихъ страны.

Поэтому, желая знать и судить о современныхъ англо-американцахъ, слѣдуетъ старательно различать, что въ нихъ имѣетъ пуританское и что англійское происхожденіе.

Въ Соединенныхъ Штатахъ часто встрѣчаются законы и обычаи, стоящіе въ противорѣчіи со всѣмъ окружающимъ. Эти законы кажутся составленными въ духѣ противоположномъ господствующему духу американскаго законодательства; эти нравы кажутся противными совокупности общественнаго строя. Еслибъ англійскія колоніи были основаны въ вѣкѣ не имѣвщемъ просвѣщенія, или еслибъ ихъ происхожденіе терялось уже во мракѣ временъ, то вопросъ этотъ былъ бы неразрѣшимъ.

Я приведу одинъ примѣръ, чтобы пояснить свою мысль. Гражданское и уголовное законодательство американцевъ знаетъ только два способа начатія дѣлъ: заключеніе въ тюрьму или поручительство. Первое дѣйствіе судебнаго процесса состоитъ въ полученіи поручительства отъ обвиняемаго или отвѣтчика, или, если онъ отказывается его представить, то въ заключеніи его подъ стражу; послѣ этого подвергается разсмотрѣнію значеніе документовъ или важность уликъ.

Очевидно, подобные законы направлены противъ бѣдныхъ и покровительствуютъ только богатымъ. Бѣдный не всегда находитъ поручительство даже въ гражданскомъ дѣлѣ, и если онъ принужденъ ожидать въ тюрьмѣ судебнаго рѣшенія, то его вынужденное бездѣйствіе скоро доводитъ его до нищеты. Богатый, напротивъ, всегда имѣетъ возможность избѣжать заключенія въ гражданскомъ дѣлѣ; даже болѣе, въ случаѣ совершенія имъ проступка онъ легко можетъ избѣжать грозящаго ему наказанія: представивъ залогъ, онъ не является. Такимъ образомъ можно сказать, что для него всѣ наказанія, налагаемыя закономъ, сводятся къ штрафамъ [1]). Что можетъ быть аристократичнѣе подобнаго законодательства?

Въ Америкѣ, однако, законы издаются бѣдными, которые обыкновенно предоставляютъ самимъ себѣ наибольшія общественныя преимущества. Объясненія этого явленія слѣдуетъ искать въ Англіи. Законы, о которыхъ я говорю, суть англійскіе законы [2]). Американцы не измѣнили ихъ, хотя они и противорѣчатъ совокупности ихъ законодательства и общему составу ихъ понятій.

Послѣ обычаевъ народъ меньше всего мѣняетъ свое гражданское законодательство. Гражданскіе законы близко знакомы только юристамъ, т.-е. людямъ, имѣющимъ прямой интересъ въ сохраненіи ихъ въ такомъ видѣ, какъ они есть, будутъ ли они хороши или худы, по той лишь причинѣ, что они имъ извѣстны. Большинство націи едва знаетъ о нихъ; оно видитъ дѣйствіе ихъ только въ частныхъ случаяхъ, съ трудомъ понимаетъ ихъ значеніе и направленіе и безъ размышленія подчиняется имъ.

Я привелъ одинъ примѣръ, но я могъ бы привести много другихъ.

Картина, представляемая американскимъ обществомъ, покрыта, если можно такъ выразиться, слоемъ демократическаго лака, изъ-подъ котораго отъ времени до времени выступаютъ старинныя аристократическія краски.

---

[1]) Есть, конечно, такія преступленія, по которымъ поручительство не допускается, но число ихъ очень невелико.

[2]) См. Блекстонъ и Делольмъ кн. I. гл. X.

ГЛАВА III.

Общественный строй англо-американцевъ.

Общественный строй обыкновенно бываетъ продуктомъ факта, иногда законовъ, а чаще всего соединенія этихъ двухъ причинъ; но разъ онъ существуетъ, то на него въ свою очередь уже можно смотрѣть какъ на первопричину для большей части законовъ, обычаевъ и понятій, управляющихъ дѣйствіями народовъ; чего онъ не производитъ, то измѣняется имъ.

Слѣдовательно, чтобъ ознакомиться съ законодательствомъ и нравами народа, нужно начать съ изученія его общественнаго строя.

Самый выдающій пунктъ англо-американскаго строя состоитъ въ томъ, что онъ по существу своему имѣетъ демократическій характеръ.

Первые эмигранты Новой Англіи.—Они были равны между собой.—Аристократическіе законы, введенные на югѣ.—Измѣненіе въ законахъ наслѣдованія.—Результаты этого измѣненія.—Равенство, доведенное до крайнихъ своихъ предѣловъ въ новыхъ западныхъ штатахъ.—Равенство образованности.

Можно бы сдѣлать много важныхъ замѣчаній относительно общественнаго строя англо-американцевъ, но одно изъ нихъ самое важное.

Общественный строй американцевъ въ высшей степени демократиченъ. Таковъ былъ его характеръ при основаніи колоній, таковъ же онъ и въ настоящее время.

Въ предыдущей главѣ я сказалъ, что между эмигрантами, поселившимися на берегахъ Новой Англіи, царствовало очень большое равенство. Въ этой части Союза никогда не было даже зародыша аристократіи; тамъ могли упрочиться только духовныя вліянія. Народъ привыкалъ почитать нѣкоторыя имена, какъ эмблемы просвѣщенія и добродѣтели. Голосъ нѣсколькихъ гражданъ пріобрѣлъ надъ нимъ такую власть, которую, можетъ быть, основательно было бы назвать аристократической, еслибъ она могла неизмѣнно передаваться отъ отца къ сыну.

Все это происходило къ востоку отъ Гудзона; къ юго-западу отъ этой рѣки и далѣе до Флориды дѣло шло иначе.

Въ большей части штатовъ, находящихся къ юго-западу отъ Гудзона, водворялись крупные англійскіе помѣщики. Они принесли съ собой аристократическіе принципы и вмѣстѣ съ ними англійскіе законы о наслѣдствѣ. Я уже высказалъ причины, которыя препятствовали тому, чтобы въ Америкѣ стало когда-нибудь возможнымъ установленіе могущественной аристократіи. Эти причины хотя и существовали къ юго-западу отъ Гудзона, но тамъ онѣ имѣли меньшее значеніе, чѣмъ къ востоку отъ этой рѣки. На югѣ одинъ человѣкъ съ помощью невольниковъ могъ обработывать большое пространство земли. Поэтому въ этой части материка были богатые земельные собственники; но значеніе ихъ не было собственно аристократическимъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимается въ Европѣ, потому что они не пользовались никакими привилегіями и, обрабатывая землю трудами невольниковъ, не отдавали ее съемщикамъ, а слѣдовательно и не могли

имѣть относительно ихъ ленныхъ правъ. Однако же крупные помѣщики къ югу отъ Гудзона образовали изъ себя высшій классъ, имѣвшій свои понятія и свои вкусы, сосредоточившій въ себѣ вообще политическую дѣятельность. Это былъ родъ аристократіи, мало отличавшейся отъ массы народа; эта аристократія легко раздѣляла его интересы и страсти и не возбуждала къ себѣ ни любви, ни ненависти, въ общемъ она была слабая и мало-живучая. Этотъ-то самый классъ и сталъ на югѣ во главѣ возстанія: американская революція обязана ему своими величайшими людьми.

Въ эту эпоху все общество было потрясено. Въ народѣ, во имя котораго велась война и который сдѣлался силой, возникло желаніе дѣйствовать самому; демократическіе инстинкты были возбуждены; сломивши иго метрополіи, всѣ получили вкусъ ко всякаго рода независимости; индивидуальныя вліянія мало-по-малу сдѣлались нечувствительными; привычки и законы стали согласно дѣйствовать, направляясь къ одной цѣли.

Но послѣдній шагъ къ равенству былъ сдѣланъ закономъ о наслѣдствахъ.

Я удивляюсь, что дрезніе и новые публицисты не придавали законамъ о наслѣдованіи [1]) болѣе важнаго значенія въ ходѣ человѣческихъ дѣлъ. Правда, что эти законы относятся къ отдѣлу гражданскихъ, но ихъ слѣдовало бы помѣстить во главѣ всѣхъ политическихъ установленій, потому что они имѣютъ невѣроятное вліяніе на общественный бытъ народовъ, котораго политическіе законы представляютъ собою лишь внѣшнее выраженіе. Кромѣ того они обладаютъ вѣрнымъ и однообразнымъ средствомъ дѣйствовать на общество. Посредствомъ ихъ человѣкъ облекается почти божественною властью надъ будущностью себѣ подобныхъ. Законодатель разъ навсегда опредѣляетъ порядокъ наслѣдованія гражданъ и успокоивается на цѣлые вѣка; давши движеніе своему творенію, онъ можетъ отнять отъ него свою руку: машина будетъ дѣйствовать собственною силой и направится какъ бы сама собой къ предназначенной цѣли. Устроенная извѣстнымъ образомъ, она соединяетъ, сосредоточиваетъ, группируетъ вокругъ нѣсколькихъ лицъ сначала собственность, а скоро потомъ и власть; она какъ бы заставляетъ аристократію вырастать изъ земли. Если она движется другими принципами и направляется на другой путь, то дѣйствіе ея становится еще быстрѣе; она раздѣляетъ, раздробляетъ, размельчаетъ имущество и власть; тогда случается иногда, что она наводитъ страхъ быстротою своего движенія; отчаявшись остановить ея ходъ, стараются по крайней мѣрѣ поставить ей затрудненія и преграды, хотятъ уравновѣсить ея дѣйствіе усиліями, направленными въ противоположную сторону,— тщетныя старанія: она раздавливаетъ или разбиваетъ въ куски все, что встрѣчаетъ на своемъ пути, безпрестанно подымаясь и падая на почву, пока послѣдняя не превратится въ мельчайшую, сыпучую пыль, на которой установляется демократія.

Когда законъ о наслѣдованіи дозволяетъ, а тѣмъ болѣе требуетъ рав-

---

[1]) Подъ названіемъ законовъ о наслѣдованіи я понимаю всѣ законы, главная цѣль которыхъ—опредѣлить положеніе имущества послѣ смерти владѣльца.

Въ это число входитъ законъ о субституціяхъ; правда, что онъ имѣетъ также тотъ результатъ, что препятствуетъ собственнику распоряжаться своимъ имуществомъ при жизни, но онъ обязываетъ его къ охраненію имущества лишь въ тѣхъ видахъ, чтобы оно безъ ущерба перешло къ его наслѣднику. Слѣдовательно главная цѣль закона о субституціяхъ заключается въ опредѣленіи положенія имущества послѣ смерти собственника; остальное есть только средство, которымъ онъ пользуется.

наго раздѣла отцовскаго имущества между всѣми дѣтьми, то дѣйствіе его бываетъ двухъ родовъ, которые необходимо старательно различать, хотя они и стремятся къ одной и той же цѣли.

Въ силу закона о наслѣдованіи смерть каждаго собственника производитъ переворотъ въ собственности; имущества не только перемѣняютъ владѣльца, но они, такъ сказать, измѣняютъ и свою природу; они постоянно раздробляются на части все болѣе мелкія.

Это есть прямой и такъ сказать матеріальный результатъ закона; слѣдовательно въ тѣхъ странахъ, гдѣ законъ установляетъ равенство въ раздѣлѣ наслѣдства, имущества, а въ особенности земельныя имѣнія, должны имѣть постоянную тенденцію къ уменьшенію. Однако, дѣйствіе такого законодательства становилось бы замѣтнымъ только черезъ долгое время, если-бы законъ былъ предоставленъ собственнымъ силамъ, такъ какъ если-бы въ семьѣ было не болѣе двухъ дѣтей (а среднее число дѣтей на семью въ странѣ населенной, какъ Франція, равняется, говорятъ, только тремъ), то эти дѣти, раздѣливши между собой имѣніе своихъ отца и матери, не сдѣлались бы бѣднѣе, чѣмъ былъ каждый изъ ихъ родителей.

Но законъ равнаго дѣлежа оказываетъ свое вліяніе не только на судьбу имущества, онъ дѣйствуетъ и на самую душу владѣльцевъ, призывая себѣ на помощь ихъ страсти. Эти-то его косвенныя дѣйствія и уничтожаютъ быстро большія состоянія и въ особенности большія земельныя владѣнія.

У тѣхъ націй, у которыхъ законъ наслѣдованія основанъ на правѣ первородства, земельныя владѣнія переходятъ большею частію отъ поколѣнія къ поколѣнію, не раздѣляясь. Изъ этого происходитъ, что духъ семьи нѣкоторымъ образомъ матеріализуется въ землѣ. Семья есть представитель земли, а земля—представитель семьи; она увѣковѣчиваетъ ея имя, ея происхожденіе, ея славу, силу и добродѣтели. Это вѣчный свидѣтель прошедшаго и драгоцѣнный залогъ будущаго существованія.

Когда законъ наслѣдованія установляетъ равный раздѣлъ, онъ уничтожаетъ тѣсную внутреннюю связь, существующую между духомъ семьи и сохраненіемъ земельнаго владѣнія; земля перестаетъ представлять семью, потому что, дѣлясь неизмѣнно черезъ одно или два поколѣнія, она очевидно должна постоянно уменьшаться и наконецъ совершенно уничтожиться. Сыновья крупнаго землевладѣльца, если число ихъ невелико и если счастье имъ благопріятствуетъ, могутъ конечно надѣяться быть не менѣе богатыми, чѣмъ ихъ отецъ, но не владѣть тѣми же имуществами, какъ онъ; богатство ихъ необходимо будетъ состоять изъ другихъ элементовъ.

Но разъ вы отнимете у земельныхъ собственниковъ великій интересъ сохраненія земли, обусловленный чувствомъ, воспоминаніями, гордостью и честолюбіемъ, то можно быть увѣреннымъ, что рано или поздно они ее продадутъ, потому что важный денежный интересъ заставляетъ ихъ продать ее, такъ какъ движимые капиталы приносятъ большій процентъ, чѣмъ другіе, и удобнѣе примѣняются къ удовлетворенію желаній данной минуты.

Разъ будучи раздѣлены, большія земельныя имѣнія уже не образуются вновь, такъ какъ мелкій землевладѣлецъ получаетъ относительно большій доходъ со своего поля [1]), чѣмъ крупный со своего; поэтому первый продаетъ его дороже, чѣмъ послѣдній. Такимъ образомъ экономическіе разсчеты,

---

[1]) Я хочу сказать не то, что мелкій владѣлецъ лучше обработываетъ землю, но онъ прилагаетъ къ ней больше старанія и заботы и выигрываетъ трудомъ то, чего ему не достаетъ въ искусствѣ.

заставившіе богатаго человѣка продавать свои обширныя имѣнія, тѣмъ болѣе воспрепятствуютъ ему купить маленькія, чтобы вновь образовать изъ нихъ большія.

То что называется духомъ семьи часто бываетъ основано на иллюзіи личнаго эгоизма. Желаютъ продолжить и нѣкоторымъ образомъ увѣковѣчить свое существованіе въ своихъ правнукахъ. Тамъ, гдѣ кончается духъ семьи, тамъ личный эгоизмъ реально проявляетъ свои наклонности. Такъ какъ семья уже представляется уму лишь въ видѣ чего-то неяснаго, неопредѣленнаго, невѣрнаго, то всякій сосредоточивается на удобствахъ настоящаго. Думаютъ только объ устройствѣ слѣдующаго поколѣнія и больше ничего.

Поэтому никто не заботится о сохраненіи своего рода, или, по крайней мѣрѣ, если объ этомъ и заботятся, то другими средствами, а не черезъ владѣніе земельною собственностью.

Такимъ образомъ законъ о наслѣдствѣ не только затрудняетъ семьямъ сохраненіе въ неприкосновенности тѣхъ же самыхъ земельныхъ владѣній, но онъ отнимаетъ у нихъ и желаніе стремиться къ этому, привлекая ихъ, нѣкоторымъ образомъ, къ содѣйствію ему въ ихъ собственномъ разоренію.

Законъ равнаго раздѣла проявляетъ себя двумя путями: дѣйствуя на вещь, онъ дѣйствуетъ и на человѣка, а дѣйствуя на человѣка, онъ вліяетъ и на вещи.

Обоими способами онъ достигаетъ того, что наноситъ большой вредъ владѣнію земельною собственностью и ведетъ къ быстрому уничтоженію какъ семьи, такъ и состоянія [1]).

Не мы, конечно, французы XIX столѣтія, ежедневно присутствующіе при политическихъ и соціальныхъ перемѣнахъ, порождаемыхъ закономъ о наслѣдствахъ, будемъ сомнѣваться въ его значеніи. Каждый день мы видимъ, какъ онъ безпрестанно проходитъ взадъ и впередъ по нашей землѣ, опрокидывая на своемъ пути стѣны нашихъ жилищъ и уничтожая ограды нашихъ полей. Но если законъ о наслѣдствахъ многое уже сдѣлалъ у насъ, то ему и остается еще многое сдѣлать. Наши воспоминанія, наши убѣжденія и привычки ставятъ ему сильныя препятствія.

Въ Соединенныхъ Штатахъ его разрушительная дѣятельность уже почти закончена. Тамъ и можно изучить его главные результаты.

Англійскіе законы о переходѣ имуществъ почти во всѣхъ штатахъ были отмѣнены въ эпоху революціи.

Законъ о субституціяхъ былъ измѣненъ такимъ образомъ, чтобъ онъ лишь нечувствительно стѣснялъ свободное обращеніе имуществъ (G).

Первое поколѣніе прошло; земли стали дѣлиться. Съ теченіемъ времени

---

[1]) Такъ какъ земля есть самая прочная собственность, то отъ времени до времени встрѣчаются богатые люди, которые способны принести большія жертвы для ея пріобрѣтенія и которые охотно теряютъ значительную часть своего дохода, чтобъ упрочить остальную часть. Но это только отдѣльные случаи. Любовь къ недвижимой собственности обыкновенно встрѣчается теперь только у бѣдныхъ. Мелкій землевладѣлецъ, менѣе просвѣщенный и имѣющій меньше воображенія и желаній, чѣмъ крупный, обыкновенно только о томъ и заботится, чтобъ увеличить свое имѣніе, а часто случается, что наслѣдства, браки и торговыя случайности мало-по-малу даютъ ему средства для этого.

На-ряду съ тенденціей, заставляющей людей раздѣлять земли, существуетъ, слѣдовательно, другая, направляющая къ ихъ скопленію. Но, будучи достаточною для того, чтобы воспрепятствовать дробленію собственности до безконечности, она не настолько сильна, чтобы создать большія земельныя богатства и, въ особенности, чтобъ удержать ихъ въ однихъ и тѣхъ же семьяхъ.

движеніе становилось все болѣе быстрымъ. Теперь, по прошествіи едва шестидесяти лѣтъ, видъ общества сдѣлался уже неузнаваемымъ; почти всѣ семьи крупныхъ землевладѣльцевъ были поглощены въ общей массѣ населенія. Въ штатѣ Нью-Іоркъ, гдѣ ихъ насчитывалось очень много, осталось только двѣ, въ ожиданіи того, что и онѣ потонутъ въ безднѣ. Сыновья этихъ богатыхъ гражданъ состоятъ теперь торговцами, адвокатами, врачами. Большая часть ихъ впала въ полную неизвѣстность; послѣдній слѣдъ наслѣдственныхъ степеней и отличій уничтоженъ; законъ о наслѣдствѣ провелъ повсюду свой уровень.

Это не значитъ, чтобы въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, не было богатыхъ; я даже не знаю ни одной страны, въ которой бы любовь къ деньгамъ занимала болѣе широкое мѣсто въ человѣческомъ сердцѣ и гдѣ бы заявлялось большее презрѣніе къ теоріи постояннаго равенства имуществъ. Но богатство тамъ обращается съ невѣроятною быстротой, и опытъ показываетъ, что рѣдко когда два поколѣнія подъ-рядъ пользуются его дарами.

Эта картина, какъ бы ни казались усиленными ея краски, даетъ еще только неполное понятіе о томъ, что происходитъ въ новыхъ западныхъ и юго-западныхъ штатахъ.

Въ концѣ послѣдняго вѣка, смѣлые авантюристы начали проникать въ долины Миссисипи. Это было какъ бы вторымъ открытіемъ Америки; скоро главная масса эмигрантовъ направилась туда; тогда вдругъ невѣдомыя общества стали появляться посреди пустыни. Штаты, которыхъ самаго имени еще не существовало нѣсколько лѣтъ тому назадъ, заняли мѣсто въ Американскомъ Союзѣ. На Западѣ именно можно видѣть, какъ демократія достигаетъ своихъ крайнихъ предѣловъ. Въ этихъ штатахъ, импровизованныхъ такъ сказать въ силу счастливой случайности, жители только со вчерашняго дня прибыли на ту землю, которую они занимаютъ. Они едва знаютъ другъ друга и никому неизвѣстна исторія его ближайшаго сосѣда. Поэтому въ этой части американскаго материка населеніе не только ускользаетъ отъ вліянія всякихъ именъ и всякихъ богатствъ, но и отъ той естественной аристократіи, которая происходитъ отъ просвѣщенія и добродѣтели. Никто не обладаетъ тамъ тою достойною уваженія властью, которую люди даютъ тѣмъ, о комъ они помнятъ, что жизнь ихъ на виду у всѣхъ вполнѣ посвящена была добрымъ дѣламъ. Въ новыхъ западныхъ штатахъ есть уже жители, но въ нихъ нѣтъ еще общества.

Но въ Америкѣ равны не только состоянія,—равенство до извѣстной степени простирается и на умственныя качества.

Я не думаю, чтобы на свѣтѣ была другая страна, гдѣ пропорціонально количеству населенія было бы такъ мало невѣждъ и меньше ученыхъ, чѣмъ въ Америкѣ.

Первоначальное образованіе доступно въ ней каждому; высшее образованіе недоступно почти никому.

Это легко понятно и составляетъ такъ сказать необходимый результатъ того, о чемъ мы говорили выше.

Почти всѣ американцы довольно зажиточны, поэтому они легко могутъ пріобрѣсти первыя основанія человѣческаго знанія.

Въ Америкѣ мало богатыхъ; поэтому почти всѣ американцы принуждены избирать какую-нибудь профессію. Но всякая профессія требуетъ обученія; слѣдовательно американцы могутъ посвящать общему образованію ума только первые годы жизни: въ пятнадцать лѣтъ они начинаютъ

свою карьеру; такимъ образомъ ихъ воспитаніе чаще всего оканчивается въ ту пору жизни, когда наше начинается. Если оно продолжается дальше, то направляется уже только на спеціальные и прибыльные предметы; наука изучается какъ ремесло, и въ ней знакомятся только съ ея приложеніями, признаваемыми непосредственно полезными.

Въ Америкѣ большая часть богатыхъ начали съ того, что были бѣдными; почти всѣ праздные люди были въ молодости людьми занятыми; изъ этого слѣдуетъ, что когда могло бы быть желаніе учиться, тогда нѣтъ времени заниматься ученьемъ, а когда оказывается для этого свободное время, тогда проходитъ уже желаніе.

Такимъ образомъ отсутствуетъ и желаніе посвятить себя умственному труду, отсутствуетъ и возможность.

Въ Америкѣ относительно человѣческихъ знаній установился нѣкоторый средній уровень; всѣ умы приближаются къ нему, одни возвышаясь, а другіе понижаясь.

Поэтому встрѣчается чрезвычайное множество людей, которые имѣютъ приблизительно одинаковое количество свѣдѣній по предметамъ религіи, исторіи, естественныхъ наукъ, политической экономіи, законовѣдѣнія и науки управленія.

Умственное неравенство происходитъ прямо отъ Бога, и человѣкъ не можетъ помѣшать тому, чтобъ оно не возобновлялось постоянно.

Но изъ того, что было сказано, выходитъ по крайней мѣрѣ то, что умственныя способности хотя и остаются неравными, какъ то угодно было Создателю, но имѣютъ въ своемъ распоряженіи равныя средства.

Такимъ образомъ, въ наше время, въ Америкѣ аристократическій элементъ, всегда бывшій съ самого начала своего слабымъ, если не уничтоженъ, то по крайней мѣрѣ настолько ослабленъ, что трудно указать, чтобы онъ могъ имѣть какое-нибудь вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ.

Наоборотъ время, событія и законы сдѣлали демократическій элементъ не только преобладающимъ, но, можно сказать, единственнымъ. Никакого вліянія семейнаго или классового невозможно тамъ замѣтить; часто даже нельзя отыскать сколько-нибудь продолжительнаго личнаго вліянія.

Такимъ образомъ американскій общественный строй представляетъ собою самое странное явленіе. Люди оказываются тамъ болѣе равными по своему богатству и умственному развитію, т.-е., другими словами, обладаютъ болѣе равными силами, чѣмъ въ какой либо другой странѣ на свѣтѣ и чѣмъ въ какомъ-либо иномъ вѣкѣ, сохранившемся въ памяти исторіи.

Политическія слѣдствія общественнаго строя англо-американцевъ.

Легко вывести политическія слѣдствія такого общественнаго строя.

Было бы непонятно, еслибъ равенство не проникло наконецъ и въ политическую сферу, какъ и въ другія. Нельзя себѣ представить, чтобы люди вѣчно были неравны въ одномъ пунктѣ и равны въ другихъ; поэтому въ теченіе извѣстнаго времени они дойдутъ до того, что будутъ равны во всѣхъ отношеніяхъ.

Но мнѣ извѣстны только два способа водворить равенство въ политическомъ мірѣ: или дать права каждому гражданину, или не давать ихъ никому.

Слѣдовательно, для народа, дошедшаго до такого общественнаго строя, какъ англо-американцы, очень трудно найти среднее положеніе между верховною властью всѣхъ и неограниченною властью одного.

Не слѣдуетъ скрывать отъ себя, что тотъ общественный строй, который только-что былъ мною описанъ, почти одинаково способенъ примѣниться и къ тому и къ другому изъ этихъ выводовъ.

Въ самомъ дѣлѣ существуетъ мужественное и законное стремленіе къ равенству, которое заставляетъ людей желать, чтобы всѣ были сильны и уважаемы. Это стремленіе направлено къ тому, чтобы низшихъ поднять на уровень высшихъ; но въ человѣческомъ сердцѣ бываетъ и извращенная склонность къ равенству, вслѣдствіе которой слабѣйшіе желаютъ низвести до своего уровня болѣе сильныхъ, и которая ведетъ людей къ предпочтенію равенства въ рабствѣ неравенству при свободѣ. Это не значитъ, что народы, имѣющіе демократическій соціальный строй, естественно пренебрегаютъ свободой; напротивъ, они имѣютъ инстинктивное стремленіе къ ней. Но свобода не есть главный и постоянный предметъ ихъ желаній; то, что они любятъ вѣчной любовью, это—равенство; они устремляются къ свободѣ быстрыми порывами и внезапными усиліями и если не достигаютъ цѣли, то безропотно покоряются судьбѣ; но ничто не могло бы удовлетворить ихъ безъ равенства, и они согласились бы скорѣе погибнуть, чѣмъ его лишиться.

Съ другой стороны, когда всѣ граждане почти равны между собою, то имъ становится трудно защищать свою свободу противъ захватовъ власти. Такъ какъ никто изъ нихъ въ такомъ случаѣ не оказывается достаточно сильнымъ, чтобъ успѣшно бороться въ одиночествѣ, то свобода можетъ быть охранена только соединеніемъ силы всѣхъ; но такое соединеніе не всегда встрѣчается.

Народы, значитъ, могутъ вывести два великихъ политическихъ результата изъ одного и того же соціальнаго строя; эти результаты чрезвычайно разнятся между собою, но оба проистекаютъ изъ одного факта.

Поставленные въ необходимость разрѣшить эту страшную альтернативу, англо-американцы довольно счастливо избѣгли неограниченной власти. Обстоятельство, происхожденіе, образованность и въ особенности нравы дали имъ возможность основать и сохранить верховную власть народа.

ГЛАВА IV.

Принципъ верховной власти народа въ Америкѣ.

Онъ господствуетъ во всемъ американскомъ обществѣ. — Какъ примѣнялся этотъ принципъ американцами еще до революціи.—Развитіе, данное ему революціей.—Постепенное и неудержимое пониженіе ценза.

Говоря о политическихъ законахъ Соединенныхъ Штатовъ, слѣдуетъ всегда начинать съ догмата верховной власти народа.

Этотъ принципъ, всегда болѣе или менѣе существующій въ глубинѣ почти всѣхъ человѣческихъ учрежденій, обыкновенно заключается въ нихъ какъ бы въ скрытомъ видѣ. Ему повинуются, не признавая его, или если иногда случается, что его выдвигаютъ на свѣтъ, то тотчасъ же спѣшатъ снова скрыть его во мракѣ святилища.

Народная воля есть одно изъ тѣхъ словъ, которыми интриганы всѣхъ временъ и деспоты всѣхъ вѣковъ наиболѣе злоупотребляли. Одни видѣли выраженіе ея въ купленныхъ голосахъ нѣсколькихъ агентовъ власти, другіе—въ голосованіи заинтересованнаго и боязливаго меньшинства; нѣкоторые

даже находили, что она вполнѣ выражается молчаніемъ народовъ, и полагали, что изъ самаго *факта* повиновенія вытекало для нихъ *право* повелѣвать.

Въ Америкѣ принципъ верховной власти народа не скрытъ и не безплоденъ, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ націяхъ; онъ признается въ нравахъ и провозглашается въ законахъ; онъ свободно расширяется и безпрепятственно достигаетъ крайнихъ своихъ результатовъ.

Если есть на свѣтѣ страна, въ которой можно надѣяться правильно оцѣнить значеніе догмата верховнаго народовластія, изучить его въ примѣненіи къ общественной дѣятельности и обсудить его выгоды и опасности, то эта страна есть, конечно, Америка.

Я раньше говорилъ, что съ самаго начала принципъ народовластія былъ основнымъ принципомъ большей части англійскихъ колоній въ Америкѣ.

Однако, въ то время онъ далеко не такъ преобладалъ въ общественномъ управленіи, какъ въ настоящее время.

Два препятствія: одно—внѣшнее, другое—внутреннее, задерживали его захватывающее движеніе.

Онъ не могъ открыто выразиться въ законахъ, потому что колоніи еще принуждены были повиноваться метрополіи; поэтому ему приходилось скрываться въ провинціальныхъ собраніяхъ и въ особенности въ общинѣ. Тамъ онъ распространялся втайнѣ.

Американское общество того времени не было еще подготовлено къ воспріятію этого принципа со всѣми его послѣдствіями. Просвѣщеніе въ Новой Англіи, богатство къ югу отъ Гудзона долго, какъ это было мною указано въ предыдущей главѣ, проявляли нѣкотораго рода аристократическое вліяніе, стремившееся къ сосредоточенію общественной власти въ немногихъ рукахъ. Еще далеко не всѣ общественныя должности замѣщались по выбору, и далеко не всѣ граждане были избирателями. Выборное право было заключено въ извѣстныя границы и подчинено требованію ценза. Этотъ цензъ былъ очень небольшой на Сѣверѣ и болѣе значительный на Югѣ.

Произошла американская революція. Догматъ верховенства народа вышелъ изъ общины и овладѣлъ правленіемъ; всѣ классы приняли участіе въ его защитѣ; во имя его сражались и побѣждали; онъ сдѣлался закономъ всѣхъ законовъ.

Почти такое же быстрое измѣненіе произошло внутри общества. Законъ о наслѣдствѣ окончательно разрушилъ мѣстныя вліянія.

Въ то время какъ этотъ результатъ законовъ и революціи начиналъ дѣлаться яснымъ для всѣхъ, побѣда уже безповоротно склонилась на сторону демократіи. Фактически власть была въ ея рукахъ. Даже не позволялось уже болѣе бороться съ ней. Поэтому высшіе классы безъ борьбы и безропотно подчинились злу, сдѣлавшемуся уже неизбѣжнымъ. Съ ними произошло то, что обыкновенно происходитъ съ падающею властью. Личный эгоизмъ овладѣлъ ея членами; такъ какъ вырвать силу изъ рукъ народа было уже нельзя и такъ какъ они не настолько питали отвращеніе къ толпѣ, чтобъ ею пренебречь, то стали думать только о томъ, чтобы во что бы то ни стало заслужить ея благосклонность. Поэтому самые демократическіе законы были наперерывъ вотируемы людьми, интересы которыхъ они наиболѣе нарушали. Дѣйствуя такимъ образомъ, высшіе классы не возбудили противъ себя народныхъ страстей, но они сами ускорили торжество новаго порядка. Поэтому—странное дѣло!—всего неудержимѣе демократическій порывъ проявился въ тѣхъ штатахъ, гдѣ аристократія пустила наиболѣе глубокіе корни.

Штатъ Мериландъ, основанный знатными дворянами, первый провозгласилъ общую подачу голосовъ [1]) и ввелъ въ общій строй своего управленія самыя демократическія формы.

Если какой-нибудь народъ начинаетъ дѣлать измѣненія въ избирательномъ цензѣ, то можно предвидѣть, что, черезъ большій или меньшій промежутокъ времени, онъ придетъ къ тому, что и вовсе его уничтожитъ. Это одно изъ самыхъ неизмѣнныхъ правилъ, управляющихъ обществами. По мѣрѣ того какъ отодвигаются границы избирательныхъ правъ, чувствуется потребность отодвинуть ихъ еще дальше, потому что послѣ каждой новой уступки силы демократіи возрастаютъ и требованія ея увеличиваются вмѣстѣ съ увеличеніемъ ея правъ. Властолюбіе тѣхъ, кто оказывается ниже ценза, раздражается соотвѣтственно увеличенію числа тѣхъ, кто выше его. Наконецъ, исключеніе дѣлается правиломъ; уступки безпрерывно слѣдуютъ одни за другими и это кончается только тогда, когда доходятъ до всеобщей подачи голосовъ.

Въ наши дни принципъ верховной власти народа получилъ въ Соединенныхъ Штатахъ все развитіе, которое можно себѣ представить въ воображеніи. Онъ выдѣлился изъ всѣхъ фикцій, которыми старались окружить его въ другихъ мѣстахъ; онъ принимаетъ постепенно всякія формы, смотря по надобности, являющейся въ каждомъ данномъ случаѣ. Иногда народъ въ полномъ составѣ установляетъ законъ, какъ то было въ Аѳинахъ, иногда всеобщее голосованіе бываетъ представлено созданными имъ депутатами, которые дѣйствуютъ отъ его имени и почти подъ непосредственнымъ его надзоромъ.

Есть страны, въ которыхъ власть, находясь какъ бы внѣ общественнаго организма, дѣйствуетъ на него, направляя его по извѣстному пути.

Есть другія, въ которыхъ сила раздѣлена, находясь одновременно и въ обществѣ и внѣ его. Ничего подобнаго нѣтъ въ Соединенныхъ Штатахъ; общество въ нихъ дѣйствуетъ само собою и на себя; всякая власть существуетъ только въ его средѣ; невозможно даже найти никого, кто бы осмѣлился вообразить, въ особенности высказать о возможности искать ее гдѣнибудь въ другомъ мѣстѣ. Народъ участвуетъ въ составленіи законовъ, выборомъ законодателей, а въ ихъ исполненіи—выборомъ агентовъ исполнительной власти. Можно сказать, что онъ самъ управляетъ, такъ слаба и ограничена часть управленія, предоставленная администраціи, такъ отражается на послѣдней ея народное происхожденіе и такъ она повинуется силѣ, отъ которой исходитъ. Народъ царствуетъ въ американскомъ политическомъ мірѣ, какъ Богъ во вселенной. Онъ есть причина и цѣль всѣхъ вещей, все исходитъ отъ Него и къ Нему возвращается (Н).

ГЛАВА V.

Необходимость изучить то, что происходитъ въ отдѣльныхъ штатахъ, прежде чѣмъ говорить о союзномъ управленіи.

Въ слѣдующей главѣ предполагается изслѣдовать, какая существуетъ въ Америкѣ форма правленія, основаннаго на принципѣ верховной власти народа; какіе его способы дѣйствія, его затрудненія, его преимущества и опасности.

---

[1]) Поправки, сдѣланныя въ конституціи Мериленда въ 1801 и 1809 годахъ.

При этомъ прежде всего представляется слѣдующее затрудненіе: Соединенные Штаты имѣютъ сложное устройство; въ нихъ замѣчается два общества, введенныя или, если я могу такъ выразиться, вставленныя одно въ другое; въ нихъ существуютъ два правительства, совершенно раздѣленныя и почти независимыя: одно—обыкновенное, общаго характера, отвѣчающее ежедневнымъ потребностямъ общества, другое—исключительное и ограниченное въ своей сферѣ дѣйствія, которая касается только извѣстныхъ общихъ интересовъ. Однимъ словомъ, это двадцать четыре маленькихъ націи, пользующихся каждая верховными правами, совокупность которыхъ составляетъ великую союзную организацію.

Изслѣдовать Союзъ раньше, чѣмъ будетъ изученъ отдѣльный штатъ, значило бы вступить на путь усѣянный препятствіями. Форма союзнаго правительства въ Соединенныхъ Штатахъ явилась послѣднею; она была только видоизмѣненіемъ республики, сводомъ политическихъ убѣжденій, распространенныхъ во всемъ обществѣ раньше ея и существовавшихъ независимо отъ нея. Кромѣ того, союзное правительство есть, какъ я уже сказалъ, только исключеніе; правительство штатовъ есть общее правило. Писатель, который бы пожелалъ передать общій видъ такой картины, не показавши сначала ея частностей, впалъ бы необходимо или въ неясность, или въ повторенія.

Великіе принципы, управляющіе теперь американскимъ обществомъ, получили свое начало и развились въ государствѣ-штатѣ,—это несомнѣнно. Значитъ, надо узнать именно штатъ, чтобъ имѣть ключъ ко всему остальному.

Штаты, составляющіе въ наше время американскій Союзъ, по внѣшней формѣ своихъ учрежденій, представляютъ одинакій видъ. Ихъ политическая и административная жизнь сосредоточена въ трехъ фокусахъ дѣйствія, которые можно сравнить съ различными нервными центрами, управляющими движеніями человѣческаго тѣла.

Первую степень представляетъ община, выше ея находится графство и, наконецъ, государство-штатъ.

Общинная система въ Америкѣ.

Почему авторъ начинаетъ разсмотрѣніе политическихъ учрежденій съ общины.—Община встрѣчается у всѣхъ народовъ.—Трудность установить и сохранить общинную свободу.—Ея значеніе.—Почему авторъ избралъ главнымъ предметомъ своего изслѣдованія общинную организацію Новой Англіи.

Не случайно я приступаю сначала къ разсмотрѣнію общины.

Община есть единственная ассоціація, настолько кроющаяся въ самой природѣ вещей, что повсюду, гдѣ есть собравшіеся вмѣстѣ люди, само собою образуется община.

Поэтому общинный союзъ существуетъ у всѣхъ народовъ, каковы бы ни были ихъ обычаи и законы; человѣкъ дѣлаетъ королевства и создаетъ республики; община какъ бы прямо исходитъ изъ рукъ Божіихъ. Но хотя община и существуетъ съ того времени, какъ живутъ люди, за то общинная свобода есть вещь рѣдкая и непрочная. Народъ всегда можетъ установить большія политическія собранія, потому что въ его средѣ обыкновенно находится нѣкоторое число людей, у которыхъ образованіе до извѣстной степени замѣняетъ дѣловой опытъ. Община состоитъ изъ грубыхъ элементовъ, которые часто оказываются неспособными къ законодательной дѣятельности.

Трудность установить независимость общины, вмѣсто того чтобы уменьшаться по мѣрѣ большаго просвѣщенія народовъ, увеличивается, напротивъ, съ ихъ просвѣщеніемъ. Очень цивилизованное общество съ трудомъ лишь переноситъ попытки общинной свободы; оно возмущается при видѣ ея многочисленныхъ уклоненій и не вѣритъ въ успѣхъ опыта раньше достиженія окончательнаго его результата.

Между всѣми видами свободы, свобода общины, такъ трудно установляемая, есть въ то же время и наиболѣе подверженная вмѣшательству власти. Предоставленныя самимъ себѣ, общинныя учрежденія совершенно не могли бы бороться съ сильнымъ и предпріимчивымъ правительствомъ. Чтобъ успѣшно защищаться, имъ необходимо достичь полнаго развитія и войти въ народныя понятія и привычки. Значитъ, пока общинная свобода не вошла въ нравы, ее легко уничтожить, а войти въ нравы она можетъ лишь тогда, когда она давно уже существовала въ законахъ.

Такимъ образомъ общинная свобода ускользаетъ, такъ сказать, отъ усилій человѣка. Поэтому рѣдко случается, чтобы она была сдѣлана; она родится какъ бы сама собою; она почти втайнѣ развивается въ средѣ полуварварскаго общества. Утвержденіе ея достигается путемъ постояннаго дѣйствія законовъ и нравовъ, обстоятельствъ и въ особенности времени. Изъ всѣхъ націй континентальной Европы ни одна, можно сказать, не знаетъ ея.

Между тѣмъ именно въ общинѣ заключается сила свободныхъ народовъ. Общинныя учрежденія такъ относятся къ свободѣ, какъ начальныя школы къ наукѣ. Они дѣлаютъ ее доступною народу, развиваютъ въ немъ склонность къ мирному пользованію ею и пріучаютъ къ обращенію съ нею. Безъ общинныхъ учрежденій нація можетъ дать себѣ свободное правительство, но въ ней не будетъ духа свободы. Временныя стремленія, интересы минуты, случайныя обстоятельства могутъ дать ей внѣшній видъ независимости, но деспотизмъ, вогнанный внутрь общественнаго организма, рано или поздно проявится наружу.

Чтобы читатель ясно понялъ общія начала, на которыхъ основана политическая организація общины и графства въ Соединенныхъ Штатахъ, я счелъ полезнымъ выбрать въ видѣ примѣра одинъ отдѣльный штатъ, разсмотрѣть въ подробности что въ немъ происходитъ и затѣмъ бросить бѣглый взглядъ на остальную страну.

Для этого я выбралъ одинъ изъ штатовъ Новой Англіи.

Община и графство организованы не одинаковымъ образомъ во всѣхъ частяхъ союза; легко однако замѣтить, что во всемъ союзѣ устройство того и другого основывалось на однихъ и тѣхъ же началахъ.

Мнѣ казалось, что эти начала въ Новой Англіи получили болѣе значительное развитіе и достигли болѣе отдаленныхъ слѣдствій, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Поэтому они въ ней рельефнѣе, такъ сказать, выдаются, и болѣе удобны для наблюденія иностранца.

Общинныя учрежденія Новой Англіи образуютъ собою правильное и полное цѣлое; они имѣютъ за себя древность, силу закона, и еще болѣе— силу обычая; они проявляютъ громадное вліяніе на все общество.

По всѣмъ этимъ причинамъ они заслуживаютъ, чтобы мы на нихъ обратили вниманіе.

Предѣлы общины.

Община Новой Англіи (Township) занимаетъ середину между французскимъ кантономъ и коммуной. Въ ней обыкновенно считается отъ двухъ до

трехъ тысячъ жителей [1]); слѣдовательно, она не настолько велика, чтобы всѣ ея жители не имѣли приблизительно одинаковыхъ интересовъ, и съ другой стороны достаточно населена, чтобы найти въ своей средѣ элементы хорошей администраціи.

Общинныя власти въ Новой Англіи.

Народъ есть источникъ всякой власти въ общинѣ, какъ и всюду. — Онъ вѣдаетъ въ ней непосредственно главнѣйшія дѣла.- Нѣтъ муниципальнаго совѣта.—Наибольшая часть общинной власти сосредоточена въ рукахъ выборныхъ (Select-men).—Какъ они дѣйствуютъ.—Общее собраніе всѣхъ жителей общины (Town-meeting).—Перечисленіе всѣхъ общинныхъ должностей.—Должности обязательныя и оплачиваемыя.

Въ общинѣ, какъ и всюду, народъ есть источникъ общественной власти, но нигдѣ онъ не проявляетъ своего права болѣе непосредственно. Въ Америкѣ народъ есть господинъ, которому приходилось угождать до послѣднихъ предѣловъ возможнаго.

Въ Новой Англіи большинство дѣйствуетъ черезъ представителей, когда имѣется въ виду обсужденіе общихъ дѣлъ штата; это требуется необходимостью. Но въ общинѣ, гдѣ законодательная и правительственная дѣятельность ближе къ управляемымъ, представительство по закону не допускается. Общиннаго совѣта не существуетъ; совокупность избирателей, назначивши своихъ чиновниковъ, непосредственно направляетъ ихъ во всемъ, что не составляетъ прямого и безусловного исполненія законовъ государства [2]).

Этотъ порядокъ вещей настолько противорѣчитъ нашимъ понятіямъ и такъ противоположенъ нашимъ привычкамъ, что здѣсь необходимо привести нѣсколько примѣровъ, чтобы сдѣлать возможнымъ его правильное пониманіе.

Общественныя должности въ общинѣ чрезвычайно многочисленны и очень раздроблены, какъ это мы увидимъ ниже; однако же наибольшая часть административной власти сосредоточена въ рукахъ немногихъ лицъ, ежегодно избираемыхъ, которые называются выборными: Select-men [3]).

Общіе законы штата установили для этихъ выборныхъ нѣкоторыя обязательства. Для выполненія ихъ они не имѣютъ нужды въ разрѣшеніи управляемыхъ и не могутъ уклониться отъ исполненія ихъ, не подвергаясь личной отвѣтственности. Такъ, наприм., законъ штата требуетъ отъ нихъ, чтобъ они въ своей общинѣ составляли избирательные списки; если они

---

[1]) Число общинъ въ штатѣ Массачусетсъ было въ 1830 году 305, число жителей 610.014, что даетъ приблизительно въ среднемъ выводѣ по 2.000 жителей на общину.

[2]) Эти правила непримѣнимы къ большимъ общинамъ. Послѣднія имѣютъ обыкновенно мера и общинный совѣтъ, раздѣляющійся на два отдѣленія; но это есть исключеніе, которое должно быть разрѣшено въ законодательномъ порядкѣ. См. законъ 12-го февраля 1822 года, регулирующій организацію властей въ городѣ Бостонѣ, *Laws of Massachusetts*, т. 2, стр. 588. Это касается до большихъ городовъ; часто случается также, что и маленькіе города бываютъ подчинены особой администраціи. Въ 1832 году считалось 104 общины, управляемыхъ такимъ способомъ въ штатѣ Нью-Іоркъ (*William's-Register*).

[3]) Ихъ выбираютъ троихъ въ самыхъ маленькихъ общинахъ и девять въ самымъ большихъ. См. *The Town officer*, стр. 186. См. также главнѣйшіе законы Массачусетса, относящіеся до Select-men'овъ:

Законы: 20 февраля 1786 г., т. I, стр. 219.—24 февраля 1796 г., т. I, стр. 488.—7 марта 1801 г., т. II, стр. 45.—16 іюня 1795 г., т. I, стр. 475.—12 марта 1808 г., т. II, стр. 186.—28 февраля 1787 г., т. I, стр. 302.—22 іюня 1797 г., т. I, стр. 539.

этого не дѣлаютъ, то оказываются виновными въ проступкѣ. Но во всѣхъ дѣлахъ предоставленныхъ вѣдѣнію общины Select-men'ы суть исполнители народной воли, подобно тому, какъ у насъ меръ есть исполнитель постановленій муниципальнаго совѣта. Большею частію они дѣйствуютъ подъ своей личной отвѣтственностью и только слѣдуютъ на практикѣ выводамъ изъ положеній, ранѣе установленныхъ большинствомъ. Но если они хотятъ внести какое-либо измѣненіе въ установленный порядокъ, или желаютъ начать какое-нибудь новое предпріятіе, то они должны обратиться къ источнику своей власти. Представимъ себѣ, что дѣло идетъ объ учрежденіи школы; въ извѣстный день Select-men'ы созываютъ въ заранѣе назначенное мѣсто всѣхъ избирателей; тамъ они докладываютъ о сознаваемой потребности, сообщаютъ о средствахъ ея удовлетворенія, опредѣляютъ, сколько денегъ надо израсходовать, какое мѣсто слѣдуетъ выбрать. Собраніе, обсудивши всѣ эти пункты, принимаетъ предложеніе въ принципѣ, указываетъ мѣсто, вотируетъ соотвѣтствующій налогъ и передаетъ исполненіе своей воли въ руки Select-men'овъ.

Одни только Select-men'ы имѣютъ право созывать общинное собраніе (Town-meeting), но можно требовать, чтобъ они это сдѣлали. Если десять собственниковъ задумали новый проектъ и желаютъ представить его на одобреніе общины, то они требуютъ общаго созыва жителей; Select-men'ы обязаны это исполнить и только сохраняютъ право предсѣдательствовать въ собраніи [1]).

Эти политическіе нравы, эти общественные обычаи конечно очень далеки отъ насъ. Въ настоящее время я не имѣю въ виду судить о нихъ, или указывать тайныя причины, производящія ихъ и дающія имъ жизнь. Я ограничиваюсь ихъ изложеніемъ.

Select-men'ы выбираются ежегодно въ апрѣлѣ или маѣ мѣсяцахъ. Общинное собраніе одновременно избираетъ множество другихъ муниципальныхъ чиновниковъ [2]), завѣдующихъ различными важными административными отдѣлами. Одни изъ нихъ, называемые ассесорами, распредѣляютъ налоги, другіе, носящіе названіе сборщиковъ, взимаютъ ихъ. Чиновникъ, называемый констеблемъ, несетъ на себѣ полицейскія обязанности; онъ наблюдаетъ за порядкомъ въ публичныхъ мѣстахъ и оказываетъ матеріальное содѣйствіе исполненію законовъ. Другой, называемый общиннымъ регистраторомъ (greffier), ведетъ протоколы всѣхъ совѣщаній; онъ же ведетъ метрическія записи. Кассиръ хранитъ общинные капиталы. Къ этимъ должностнымъ лицамъ слѣдуетъ прибавить попечителя о бѣдныхъ, обязанность котораго, очень трудная для выполненія, состоитъ въ примѣненіи на дѣлѣ законовъ, касающихся неимущихъ; школьныхъ коммиссаровъ, завѣдующихъ народнымъ образованіемъ; дорожныхъ инспекторовъ, которымъ поручено завѣдываніе всѣми частностями большого и мелкаго дорожнаго дѣла — и тогда получится списокъ главныхъ агентовъ общинной администраціи; но раздѣленіе функцій на этомъ не останавливается: въ числѣ муниципальныхъ должностныхъ лицъ [3]) мы встрѣчаемъ еще приходскихъ

---

[1]) См. *Laws of Massachusetts*, т. I, стр. 150. Законъ 25 марта 1786 г.

[2]) См. *Laws of Massachusetts*, т. I, стр. 150. Законъ 25 марта 1786 г.

[3]) Всѣ эти должностныя лица дѣйствительно существуютъ на практикѣ.

Чтобъ ознакомиться съ подробностями, касающимися обязанностей всѣхъ этихъ общинныхъ чиновниковъ, см. книгу, озаглавленную: *Town officer, by Isaac Goodwin. Worcester* 1827 г., и собраніе общихъ законовъ штата Массачузетсъ въ 3-хъ томахъ. Бостонъ, 1823.

коммиссаровъ, которые должны вести счетъ расходовъ по исполненію религіозныхъ требъ; разнаго рода инспекторовъ, изъ которыхъ одни должны распоряжаться дѣйствіями гражданъ во время пожара, другіе наблюдать за уборкой хлѣбовъ, третьи принимать временныя мѣры къ устраненію затрудненій, могущихъ возникнуть по поводу изгородей, иные, наконецъ, наблюдать за правильною мѣрой дровъ, или за вѣрностью мѣръ и вѣсовъ.

Всего въ общинѣ считается девятнадцать главныхъ должностей. Каждый изъ жителей обязанъ подъ страхомъ пени принимать на себя эти различныя должности; но, съ другой стороны, большая часть ихъ оплачивается для того, чтобъ и бѣдные граждане могли посвящать свое время ихъ отправленію безъ ущерба для себя. Впрочемъ, американская система состоитъ въ томъ, чтобы не платить чиновникамъ опредѣленнаго жалованья. Вообще для каждаго ихъ служебнаго дѣйствія установлена такса, такъ что они получаютъ вознагражденіе лишь пропорціонально тому, что ими сдѣлано.

Жизнь общины.

Каждый человѣкъ есть лучшій судья всего, что касается только его одного.—Заключеніе, выводимое изъ принципа верховнаго народовластія.—Примѣненіе этихъ ученій, дѣлаемое американскими общинами.—Община Новой Англіи обладаетъ полною самостоятельностью въ дѣлахъ собственно ее касающихся и подвластна во всемъ остальномъ. — Обязанности общины относительно государства.—Во Франціи правительство даетъ своихъ агентовъ общинѣ. — Въ Америкѣ—наоборотъ.

Ранѣе я высказалъ, что принципъ верховной власти народа распространяется на всю политическую систему англо-американцевъ. На каждой страницѣ этой книги мы увидимъ какія-нибудь новыя примѣненія этого ученія.

Въ тѣхъ націяхъ, гдѣ царствуетъ догматъ верховнаго народовластія, каждое отдѣльное лицо представляетъ собою равную часть верховной власти и въ равной мѣрѣ участвуетъ въ управленіи государствомъ.

Предполагается, слѣдовательно, что каждый отдѣльный человѣкъ обладаетъ такою же образованностью, добродѣтелью и способностями, какъ и всякій другой изъ подобныхъ ему людей.

Почему же въ такомъ случаѣ онъ повинуется обществу, и гдѣ находятся естественныя границы такого повиновенія?

Онъ повинуется обществу не потому, что онъ ниже тѣхъ, кто имъ управляетъ, или менѣе чѣмъ другой человѣкъ способенъ управлять самимъ собой. Онъ потому повинуется обществу, что признаетъ полезнымъ союзъ съ подобными себѣ и знаетъ, что этотъ союзъ не можетъ существовать безъ власти, поддерживающей порядокъ.

Такимъ образомъ во всемъ, что касается взаимныхъ отношеній гражданъ, онъ становится въ положеніе подданнаго. Во всемъ, что касается только его самаго, онъ остается господиномъ; онъ свободенъ и въ своихъ дѣйствіяхъ отдаетъ отчетъ одному Богу. Изъ этого вытекаетъ то правило, что каждый отдѣльный человѣкъ есть лучшій и единственный судья своихъ частныхъ интересовъ и что общество только тогда имѣетъ право направлять его дѣйствія, когда отъ этихъ дѣйствій оно чувствуетъ для себя ущербъ, или когда оно имѣетъ нужду въ его помощи.

Ученіе это принято повсемѣстно въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ другомъ мѣстѣ я разсмотрю, какое общее вліяніе оказываетъ оно на обыкновенный ходъ жизни; но въ настоящее время я говорю объ общинахъ.

Община, взятая въ цѣломъ по отношенію къ центральному правительству, есть такая же единица, какъ и отдѣльное лице, и къ ней тоже примѣняется указанная мною теорія.

Поэтому общинная свобода въ Соединенныхъ Штатахъ вытекаетъ прямо изъ догмата верховной власти народа. Всѣ американскія республики болѣе или менѣе признали эту независимость; но между жителями Новой Англіи обстоятельства особенно благопріятствовали ея развитію.

Въ этой части союза политическая жизнь зародилась именно въ средѣ общинъ; можно почти сказать, что каждая изъ нихъ была независимой націей. Когда впослѣдствіи англійскіе короли предъявили требованія на свою долю верховной власти, то они ограничились тѣмъ, что взяли себѣ центральную власть. Они оставили общину въ томъ видѣ, какъ они ее нашли: теперь ново-англійскія общины стали подданными, но сначала этого не было или было едва замѣтно, такъ что онѣ не получили свои права извнѣ, а напротивъ онѣ сами какъ будто уступили государству часть своей независимости: это—важное различіе, которое читатель всегда долженъ имѣть въ своей памяти.

Общины вообще только тогда подчиняются государству, когда дѣло касается такого интереса, который я буду называть соціальнымъ, т.-е. который раздѣляется ими съ другими.

Во всемъ, что касается только до нихъ самихъ, общины остались независимыми единицами, и я полагаю, что между жителями Новой Англіи не найдется ни одного, который бы признавалъ за правительствомъ штата право вмѣшиваться въ распоряженіе чисто-внутренними дѣлами общины.

Поэтому общины Новой Англіи покупаютъ и продаютъ, предъявляютъ иски и защищаются въ судахъ, увеличиваютъ или уменьшаютъ свой бюджетъ, и никакая административная власть не думаетъ этому препятствовать [1]).

Что касается до соціальныхъ обязанностей, то общины должны ихъ исполнять. Если, наприм., штатъ нуждается въ деньгахъ, то община не вольна оказать ему свое содѣйствіе или отказаться отъ него [2]). Если штатъ хочетъ провести дорогу, то община не можетъ закрыть ему свою территорію. Если онъ установляетъ какое-нибудь полицейское правило, община должна его исполнять. Если онъ пожелаетъ организовать обученіе народа на всемъ пространствѣ страны по однообразному плану, то община должна будетъ открывать школы, требуемыя закономъ [3]).

Когда мы будемъ говорить объ администраціи Соединенныхъ Штатовъ, то мы увидимъ, какъ и кѣмъ общины во всѣхъ этихъ случаяхъ принуждаются къ повиновенію. Здѣсь я хочу только установить существованіе съ ихъ стороны такой обязанности. Обязанность эта подлежитъ строгому исполненію, но, налагая ее, правительство штата устанавливаетъ только принципъ; при выполненіи же его община обыкновенно снова входитъ во всѣ свои индивидуальныя права. Такимъ образомъ налоги, конечно, вотируются законодательными учрежденіями, но распредѣляются и взимаются общиной; существованіе школы обязательно требуется, но строится она, оплачивается и управляется общиной.

---

1) См. законъ 23 марта 1786 г. *Laws of Massachusetts*, т. I, стр. 250.

2) *Ibid.*, законъ 20 февр. 1786 г., т. I, стр. 217.

3) См. то же собраніе, законы 25 іюня 1789 г. и 8 марта 1827 г., т. I, стр. 367, и т. III, стр. 179.

Во Франціи государственный сборщикъ взимаетъ общинныя подати; въ Америкѣ общинный сборникъ взимаетъ государственныя подати.

Такимъ образомъ у насъ центральное правительство даетъ своихъ агентовъ общинѣ, въ Америкѣ же община даетъ своихъ чиновниковъ правительству. Уже это одно показываетъ, до какой степени различны эти два общества.

Общинный духъ въ Новой Англіи.

Почему ново-англійская община привлекаетъ къ себѣ сочувствіе всѣхъ живущихъ въ ней.—Трудность создать общинный духъ въ Европѣ.—Общинныя права и обязанности, содѣйствующія въ Америкѣ образованію этого духа.—Отечество въ Соединенныхъ Штатахъ имѣетъ болѣе характерную физіономію, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. — Въ чемъ выражается общинный духъ въ Новой Англіи.—Какія онъ тамъ производитъ счастливыя слѣдствія.

Въ Америкѣ существуютъ не только общинныя учрежденія, но также и общинный духъ, поддерживающій и оживотворяющій ихъ.

Община Новой Англіи соединяетъ въ себѣ два преимущества, которыя всюду, гдѣ они есть, привлекаютъ къ себѣ вниманіе людей, именно независимость и силу власти. Правда, что она дѣйствуетъ въ кругу, изъ котораго она не можетъ выйти; но внутри его движенія ея свободны. Уже одна эта независимость давала бы ей серьезное значеніе, еслибъ она не заслуживала его по своимъ размѣрамъ и населенности.

Необходимо убѣдиться въ томъ, что людская привязанность обращается только туда, гдѣ есть сила. Любовь къ отечеству не долго царствуетъ въ завоеванной странѣ. Житель Новой Англіи привязанъ къ своей общинѣ не столько потому, что онъ въ ней родился, сколько потому, что онъ видитъ въ ней свободную и сильную корпорацію, къ которой онъ принадлежитъ и которая стоитъ того, чтобы позаботиться о ея направленіи.

Въ Европѣ часто случается, что сами управляющіе сожалѣютъ объ отсутствіи общиннаго духа, потому что всѣ признаютъ, что общинный духъ есть важный элементъ порядка и общественнаго спокойствія, но они не знаютъ, какъ его произвести. Сдѣлавши общину сильной и независимой, они боятся раздробить общественную власть и предоставить государство на жертву анархіи. Но если отнять у общины силу и независимость, то въ ней всегда окажутся только управляемые, а не будетъ гражданъ.

Надо притомъ замѣтить важный фактъ: община Новой Англіи такъ устроена, что она можетъ служить притягательнымъ центромъ для живой привязанности, а въ то же время рядомъ съ ней не оказывается ничего такого, чтобы сильно притягивало къ себѣ властолюбивыя страсти человѣческаго сердца.

Чиновники графства не избираются и значеніе ихъ ограничено. Самый штатъ имѣетъ лишь второстепенную важность. Жизнь его проходитъ незамѣтно и тихо. Мало находится людей, которые для полученія права управлять имъ соглашаются удалиться отъ центра ихъ дѣятельности и нарушить порядокъ своей жизни.

Союзное правительство даетъ могущество и славу тѣмъ, кто имъ управляетъ; но число людей, которые имѣютъ возможность вліять на его судьбу, очень невелико. Должность президента есть такое высокое званіе, до котораго можно достигнуть уже въ пожилыхъ лѣтахъ, а другія союзныя должности высшаго порядка получаются, такъ сказать, въ силу случайности и послѣ того, когда человѣкъ прославился уже на другомъ попри-

щѣ. Честолюбіе не можетъ сдѣлать изъ нихъ постоянной цѣли своихъ усилій. Поэтому стремленіе заслужить уваженіе, потребность удовлетворенія реальныхъ интересовъ, склонность къ власти и къ шумной дѣятельности — все это сосредоточивается въ общинѣ, какъ центрѣ обыкновенныхъ житейскихъ отношеній. Эти страсти, такъ часто возмущающія общество, измѣняютъ свой характеръ, когда онѣ могутъ такимъ образомъ проявляться возлѣ домашняго очага и какъ бы въ лонѣ семьи.

Взгляните, съ какимъ искусствомъ въ американской общинѣ позаботились о томъ, чтобы, если можно такъ выразиться, разсѣять власть, чтобы заинтересовать какъ можно больше народу въ общественныхъ дѣлахъ. Не считая избирателей, отъ времени до времени призываемыхъ для совершенія правительственнаго акта, сколько различныхъ родовъ общественной дѣятельности, сколько разныхъ должностныхъ лицъ, которыя всѣ въ кругу своего вѣдомства представляютъ могущественную корпорацію, во имя которой они дѣйствуютъ. Сколько людей получаютъ такимъ образомъ свою выгоду отъ общинной власти и лично въ ней заинтересованы!

Распредѣляя муниципальную власть между значительнымъ числомъ гражданъ, американская система въ то же время не опасается увеличить число общинныхъ обязанностей. Въ Соединенныхъ Штатахъ справедливо думаютъ, что любовь къ отечеству есть родъ культа, къ которому люди привязываются упражненіемъ.

Такимъ способомъ общинная жизнь чувствуется, такъ сказать, ежеминутно. Она каждый день выражается въ исполненіи какой-нибудь обязанности или въ пользованіи какимъ-нибудь правомъ. Такой политическій образъ жизни приводитъ общество въ постоянное, но тихое движеніе, которое волнуетъ его, не нарушая въ немъ порядка.

Американцы привязываются къ своему городу по причинѣ, сходной съ тою, которая заставляетъ любить свою родину жителей горъ. У нихъ отечество имѣетъ опредѣленныя характерныя черты. Въ немъ больше физіономіи, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Американскія общины ведутъ вообще счастливую жизнь; ихъ правительство соотвѣтствуетъ ихъ желанію, такъ же какъ и ихъ выбору. Во время царствующаго въ Америкѣ мира и при тамошнемъ матеріальномъ благосостояніи, бури муниципальной жизни не многочисленны. Веденіе общинныхъ дѣлъ легко. Притомъ народъ уже давно получилъ политическое воспитаніе; или лучше сказать онъ уже совсѣмъ обученнымъ явился въ занимаемую имъ землю. Въ Новой Англіи различіе общественныхъ разрядовъ давно уже исчезло даже изъ воспоминанія; поэтому нѣтъ такой части общины, которая бы стремилась къ угнетенію другой части, а несправедливости, касающіяся лишь отдѣльныхъ лицъ, теряются въ общемъ довольствѣ. Если въ правительствѣ и могутъ быть недостатки, — и конечно на нѣкоторые изъ нихъ не трудно указать, — то они не бросаются въ глаза, потому что правительство дѣйствительно исходитъ отъ управляемыхъ; поэтому достаточно, чтобы оно дѣйствовало хоть какъ-нибудь, и тогда нѣкотораго рода родительская гордость служитъ ему защитою. Кромѣ того его не съ чѣмъ сравнивать. Англія раньше господствовала надъ совокупностью колоній, но всегда народъ завѣдывалъ общинными дѣлами, такъ что верховная власть народа въ общинѣ есть не только древнее, но первоначальное положеніе вещей.

Житель Новой Англіи привязывается къ своей общинѣ потому, что она сильна и независима; онъ интересуется ею потому, что участвуетъ въ ея управленіи; онъ любитъ ее потому, что, находясь въ ней, онъ не можетъ

пожаловаться на свою судьбу; онъ вкладываетъ въ нее свои честолюбивыя надежды и свою будущность; онъ входитъ во всѣ случайности общинной жизни; въ доступной ему ограниченной сферѣ, онъ пріучается управлять обществомъ; онъ привыкаетъ къ тѣмъ формамъ, безъ которыхъ свобода проявляется только въ видѣ революцій, проникается ихъ духомъ, пріобрѣтаетъ склонность къ порядку, понимаетъ правильное соотношеніе властей и получаетъ наконецъ ясныя и практическія понятія о свойствѣ своихъ обязанностей, такъ же какъ и о количествѣ своихъ правъ.

О графствѣ въ Новой Англіи.

Графство Новой Англіи соотвѣтствуетъ французскому округу (arrondissement).—Оно создано въ видахъ чисто-административныхъ.—Оно не имѣетъ представительства.—Управляется не избирательными чиновниками.

Американское графство имѣетъ большую аналогію съ французскимъ округомъ (arrondissement). Какъ и для послѣдняго, границы для него были назначены произвольныя; оно образуетъ изъ себя единицу, части которой не имѣютъ между собою необходимыхъ связей и съ которой не связаны ни чувство, ни воспоминаніе, ни общность жизненныхъ условій. Оно создано въ видахъ исключительно-административныхъ.

Община имѣла слишкомъ ограниченные размѣры, чтобы въ нихъ можно было включить отправленія правосудія. Поэтому графство образуетъ первую судебную единицу. Въ каждомъ графствѣ есть судъ [1]), шерифъ, исполняющій судебныя рѣшенія, и тюрьма для заключенія преступниковъ.

Есть потребности почти равномѣрно ощущаемыя всѣми общинами графства; естественно было поручить удовлетвореніе ихъ одной центральной власти. Въ Массачусетсѣ власть эта находится въ рукахъ нѣсколькихъ чиновниковъ, назначаемыхъ губернаторомъ штата, на основаніи заключенія [2]) его совѣта [3]).

Администрація графства имѣетъ лишь ограниченную и спеціальную власть, распространяющуюся только на небольшое число заранѣе предвидѣнныхъ случаевъ. Правительства штата и общины достаточно для обыкновеннаго хода дѣлъ. Администраторы графства только подготовляютъ его бюджетъ, который вотируется законодательнымъ собраніемъ [4]). Собранія, посредственно или непосредственно представляющаго графство, не существуетъ.

Слѣдовательно, графство, строго говоря, не имѣетъ политическаго существованія.

Въ большей части американскихъ конституцій замѣчается двойная тенденція, ведущая къ тому, что законодатели раздробляютъ исполнительную власть и сосредоточиваютъ власть законодательную. Община Новой Англіи имѣетъ въ самой себѣ основаніе для своего существованія, которое нельзя у нея отнять. Но въ графствѣ пришлось бы фиктивно создавать такую жизненную силу, въ чемъ не ощущалось надобности. Поэтому всѣ общины вмѣстѣ имѣютъ лишь одно представительство, штатъ, который есть средоточіе всѣхъ властей націи: помимо дѣятельности общинной и національной существуютъ, можно сказать, еще только индивидуальныя силы.

---

[1]) См. законъ 14 февраля 1821. *Laws of Massachusetts*, т. I, стр. 551.
[2]) См. законъ 20 февраля 1819. *Laws of Massachusetts*, т. II, стр. 494.
[3]) Совѣтъ губернатора состоитъ изъ избираемыхъ членовъ.
[4]) См. законъ 2 ноября 1891. *Laws of Massachusetts*, т. I, стр. 61.

Объ администраціи въ Новой Англіи.

Въ Америкѣ администрація незамѣтна.—Почему?—Европейцы думаютъ установить свободу, отнявши у общественной власти нѣкоторыя изъ ея правъ, американцы достигаютъ этого, раздробляя ея дѣйствіе.—Почти вся собственно такъ называемая администрація заключается въ общинѣ и распредѣлена между должностными лицами общины.—Нѣтъ и слѣда административной іерархіи ни въ общинѣ, ни выше ея.—Почему это такъ?—Какъ однако выходитъ, что государство управляется однообразно.—Кто долженъ заставлять администрацію общины и графство повиноваться закону?—О введеніи судебной власти въ администрацію.—Слѣдствіе выборнаго начала, распространеннаго на всѣхъ должностныхъ лицъ.—Мировой судья въ Новой Англіи.—Кѣмъ онъ назначается?—Онъ завѣдуетъ графствомъ.—Поддерживаетъ порядокъ въ общинной администраціи.—Періодическіе суды (cours des sessions)?—Какимъ образомъ они дѣйствуютъ?—Кто возбуждаетъ въ нихъ дѣла?—Право инспекціи и жалобы, раздѣленное какъ и всѣ административныя функціи.—Доносители, поощряемые участіемъ въ распредѣленіи штрафовъ.

Европейца, путешествующаго въ Соединенныхъ Штатахъ, всего болѣе поражаетъ отсутствіе того, что называется у насъ правительствомъ или администраціей; въ Америкѣ существуютъ писанные законы и ежедневно замѣчается ихъ исполненіе; все кругомъ васъ движется, но вы нигдѣ не видите двигателя. Рука, управляющая общественнымъ механизмомъ, постоянно скрыта.

Однако подобно тому, какъ всѣ народы для выраженія своихъ мыслей принуждены прибѣгать къ нѣкоторымъ основнымъ грамматическимъ формамъ человѣческихъ языковъ, такъ и всѣ общества, для своего сохраненія, должны подчиняться извѣстной суммѣ власти, безъ которой они впадаютъ въ анархію. Власть эта можетъ быть распредѣлена различными способами, но всегда нужно, чтобъ она была гдѣ-нибудь.

Есть два способа ослабить силу власти въ народѣ:

Первый состоитъ въ ослабленіи правительственной власти въ самыхъ ея основахъ, причемъ у общества отнимается право и способность защищаться въ извѣстныхъ случаяхъ: такого рода уменьшеніе силы власти и есть то, что въ Европѣ обыкновенно называется установленіемъ свободы.

Есть другой способъ уменьшить дѣйствіе власти; онъ заключается не въ томъ, чтобъ отнять у общества нѣкоторыя изъ его правъ, или парализовать его усилія, но въ томъ, чтобы распредѣлить дѣйствіе его силы между многими; увеличить число должностныхъ лицъ, давши каждому изъ нихъ всю силу власти, нужной ему для того дѣла, которое поручено его исполненію. Встрѣчаются народы, которые и такимъ раздѣленіемъ общественныхъ силъ могутъ быть приведены къ анархіи; но само по себѣ оно не заключаетъ въ себѣ ничего анархическаго. Правда, что, распредѣляя такимъ образомъ власть, дѣлаютъ ея вліяніе менѣе непреодолимымъ и менѣе опаснымъ, но этимъ ее не уничтожаютъ.

Революція въ Соединенныхъ Штатахъ произведена была зрѣлымъ и обдуманнымъ стремленіемъ къ свободѣ, а не неяснымъ и неопредѣленнымъ инстинктомъ независимости. Она не опиралась на страсть къ безпорядку, но, напротивъ, она развивалась съ любовью къ порядку и законности.

Поэтому въ Соединенныхъ Штатахъ не предполагали, что въ свободной странѣ человѣкъ имѣетъ право все дѣлать; напротивъ, на него возложены были общественныя обязанности болѣе разнообразныя, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; не было намѣренія дѣйствовать противъ самого принципа общественной власти и оспаривать ея право; довольствовались раздѣ-

леніемъ ея при примѣненіи. Этимъ способомъ желали достичь того, чтобы власть была велика, а чиновникъ малъ, чтобъ общество продолжало правильно управляться и оставалось свободнымъ.

Нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ бы законъ говорилъ такимъ неограниченнымъ языкомъ, какъ въ Америкѣ, и нѣтъ также ни одной, гдѣ бы право его примѣненія находилось въ столь многихъ рукахъ.

Административная власть въ Соединенныхъ Штатахъ не имѣетъ въ своей организаціи ничего центральнаго и ничего іерархическаго; поэтому-то она и не замѣтна. Сила власти существуетъ, но неизвѣстно, гдѣ находятся ея представители.

Мы выше видѣли, что общины Новой Англіи не находятся подъ опекой; поэтому онѣ сами заботятся о своихъ частныхъ интересахъ.

Чаще всего на муниципальныхъ же чиновниковъ возлагается наблюденіе за исполненіемъ общихъ законовъ штата, или же они сами приводятъ ихъ въ исполненіе [1]).

Независимо отъ общихъ законовъ, штатъ установляетъ иногда общія полицейскія правила; но обыкновенно бываетъ такъ, что общины и общинные чиновники, совмѣстно съ мировыми судьями и по соображенію съ мѣстными нуждами, установляютъ подробности общественной жизни и издаютъ предписанія относительно общественнаго здравія, благоустройства и благочинія гражданъ [2]).

Наконецъ муниципальные чиновники по собственной иниціативѣ, безъ всякаго внушенія со стороны, принимаютъ мѣры къ удовлетворенію непредвидѣнныхъ надобностей, ощущаемыхъ иногда обществами [3]).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ Массачусетсѣ административная власть почти вполнѣ заключена въ предѣлахъ общины [4]), и въ ней она распредѣлена между многими лицами.

Во французской общинѣ, строго говоря, есть только одинъ административный чиновникъ—мэръ.

Мы видѣли, что въ ново-англійской общинѣ ихъ насчитываютъ по крайней мѣрѣ девятнадцать.

Эти девятнадцать должностныхъ лицъ вообще не зависятъ одни отъ другихъ. Законъ старательно начертилъ для каждаго изъ нихъ опредѣленный кругъ дѣйствій. Въ этомъ кругу они всесильны въ исполненіи обя-

---

[1]) См. *Town-officer*, преимущественно на словахъ: *Select-men*, *assessors*, *collectors*, *schools*, *surveyors of higways*... Одинъ примѣръ изъ тысячи: государство запрещаетъ безъ нужды путешествовать въ воскресенье. За исполненіемъ этого закона наблюдаютъ особые общинные чиновники—*tythingmen*'ы (десятскіе). См. законъ 8 марта 1792 г. *Laws of Massachusetts*. т. 1, стр. 410.

Select-men'ы составляютъ избирательные списки для выбора губернатора и о результатѣ выбора сообщаютъ секретарю республики. Законъ 24 февраля 1792. Id. т. 1, стр. 488.

[2]) Примѣръ: Select-men'ы даютъ разрѣшеніе на устройство стоковъ, указываютъ мѣста для боенъ, или для устройства такого рода промышленныхъ заведеній, которыя вредно вліяютъ на сосѣдей. См. законъ 7 іюня 1785. Т I, стр. 193.

[3]) Примѣръ: Select-men'ы имѣютъ надзоръ за народнымъ здравіемъ во время заразительныхъ болѣзней и принимаютъ необходимыя мѣры совмѣстно съ мировыми судьями. Законъ 22 іюня 1797, т. I. ст. 139.

[4]) Я говорю *почти*, потому что есть много случаевъ общинной жизни, которые регулируются или мировыми судьями въ предѣлахъ ихъ личной власти, или же мировыми судьями, образующими общее присутствіе въ главномъ городѣ графства. Примѣръ: мировые судьи выдаютъ свидѣтельства на право торговли. См. законъ 28 февраля 1787, т. I стр. 297.

занностей своей должности и не зависятъ ни отъ какой другой общинной власти.

Если взглянуть на то, что выше общины, то едва можно замѣтить слѣды административной іерархіи. Иногда случается, что власти графства измѣняютъ рѣшеніе, принятое общиной или общинными властями [1]); но вообще можно сказать, что административныя власти графства не имѣютъ права давать направленіе дѣятельности общинной администраціи [2]). Они даютъ имъ приказанія лишь въ дѣлахъ, касающихся графства.

Должностныя лица общины, а также и графства должны въ немногихъ заранѣе предусмотрѣнныхъ случаяхъ увѣдомлять о результатѣ своихъ дѣйствій чиновниковъ центральнаго правительства [3]). Но послѣднее не имѣетъ своего представителя въ видѣ человѣка, которому было бы поручено установлять общія правила благоустройства, или давать приказы объ исполненіи законовъ, имѣть постоянныя сношенія съ административными чиновниками графства и общинъ, наблюдать за ихъ поведеніемъ, направлять ихъ дѣйствія и наказывать ихъ неисправности.

Какимъ же образомъ достигаютъ того, чтобъ общество дѣйствовало по приблизительно однообразному плану? Какимъ образомъ можно внушить повиновеніе графствамъ и ихъ администраторамъ, общинамъ и ихъ чиновникамъ?

Въ штатахъ Новой Англіи законодательная власть распространяется на большее число предметовъ, чѣмъ у насъ. Законодатель проникаетъ, такъ сказать, въ самое сердце администраціи; законъ нисходитъ до мелочныхъ подробностей; онъ одновременно предписываетъ, какъ основныя начала, такъ и способы ихъ примѣненія; онъ заключаетъ такимъ образомъ вторичныя общественныя единицы и ихъ административныхъ агентовъ въ кругъ тѣсныхъ и строго опредѣленныхъ обязательствъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что если всѣ второстепенныя общественныя единицы и всѣ должностныя лица дѣйствуютъ сообразно съ закономъ, то общественная жизнь идетъ однообразно во всѣхъ частяхъ общества; но затѣмъ все же остается вопросъ, какъ заставить эти второстепенныя единицы и ихъ агентовъ сообразоваться съ закономъ.

Можно сказать вообще, что общество имѣетъ въ своемъ распоряженіи только два способа заставить служащихъ лицъ повиноваться законамъ.

Оно можетъ дать одному изъ нихъ дискреціонное право распоряжаться всѣми другими и въ случаѣ неповиновенія смѣнять ихъ.

Или оно можетъ поручить судамъ налагать судебныя наказанія на неповинующихся.

---

[1]) Примѣръ: разрѣшеніе на право торговли выдается лишь тому, кто представитъ удостовѣреніе о хорошемъ поведеніи, выдаваемое select-men'ами. Если послѣдніе отказываютъ въ выдачѣ такого удостовѣренія, то можно жаловаться мировымъ судьямъ, соединеннымъ во временный судъ, которые могутъ выдать свидѣтельство. См. законъ 12 марта 1808, т. II, стр. 186. Общины имѣютъ право издавать обязательныя правила (by-laws) и требовать соблюденія этихъ правилъ подъ страхомъ пени, размѣръ которой установленъ; но правила эти подлежатъ утвержденію временнаго суда. См. законъ 23 марта 1786 т. I, стр. 254.

[2]) Въ Массачусетсѣ административныя власти графства часто должны бываютъ высказываться по поводу дѣйствій общинныхъ административныхъ агентовъ; но дальше будетъ указано, что они занимаются этимъ разсмотрѣніемъ въ качествѣ судебной, а не административной власти.

[3]) Примѣръ: общинные школьные комитеты должны ежегодно представлять отчетъ о состояніи школъ секретарю республики. См. законъ 10 марта 1827, т. 3, стр. 183.

Не всегда можно свободно избрать тотъ или другой изъ этихъ способовъ.

Право направлять дѣйствія должностного лица предполагаетъ право его смѣнить, если онъ не слѣдуетъ передаваемымъ ему приказаніямъ, или повысить его, когда онъ ревностно исполняетъ всѣ свои обязанности. Но нельзя ни смѣнить, ни повысить избранное должностное лицо. По природѣ своей должность, замѣщаемая по избранію, безсмѣнна до окончанія срока выбора. Дѣйствительно выборный чиновникъ не можетъ ни на кого надѣяться и никого бояться, кромѣ своихъ избирателей. Слѣдовательно, когда всѣ общественныя должности занимаются по выбору, то между чиновниками не можетъ быть настоящей іерархіи, потому что нельзя соединить въ одномъ человѣкѣ право приказывать и право силой укрощать неповиновеніе, нельзя съ распорядительною властью соединять власть награждающую и наказывающую.

Поэтому тѣ народы, которые вводятъ выборное начало во второстепенныя части своего правительственнаго механизма, по необходимости принуждены широко пользоваться судебными наказаніями, какъ административнымъ средствомъ.

Это не представляется яснымъ съ перваго взгляда. Правители считаютъ первой уступкой сдѣлать должности выборными, а второй уступкой подчинить выборнаго чиновника рѣшеніямъ судей. Они равно боятся обоихъ этихъ нововведеній, и такъ какъ отъ нихъ больше добиваются перваго, чѣмъ второго, то они соглашаются на выборъ служащихъ и оставляютъ ихъ независимыми отъ суда. Между тѣмъ одна изъ этихъ мѣръ есть единственный противовѣсъ для другой. Нужно всегда помнить, что выбранная власть, которая не подчинена судебной власти, рано или поздно ускользаетъ отъ всякаго контроля или сама подвергается уничтоженію. Между центральною властью и выбранными административными учрежденіями посредникомъ можетъ быть только судъ. Онъ одинъ можетъ принудить выборнаго чиновника къ повиновенію, не нарушая правъ избирателя.

Поэтому расширеніе судебной власти въ политическомъ мірѣ должно итти рядомъ съ расширеніемъ сферы избранія. Если эти двѣ вещи не идутъ вмѣстѣ, то государство наконецъ впадаетъ или въ анархію или въ рабство.

Во всѣ времена было замѣчено, что судебныя занятія плохо подготовляли людей къ практической административной дѣятельности.

Американцы взяли у своей родины, Англіи, идею учрежденія, не имѣющаго никакой аналогіи съ тѣми, которыя намъ извѣстны на европейскомъ материкѣ, а именно—мировыхъ судей.

Мировой судья занимаетъ середину между свѣтскимъ человѣкомъ и чиновникомъ, между администраторомъ и судьей. Мировой судья есть гражданинъ образованный, но не имѣющій непремѣнно большихъ свѣдѣній въ законахъ. Поэтому ему поручается только наблюдать за благочиніемъ въ обществѣ,—дѣло, требующее больше здраваго смысла и прямоты характерѣ, чѣмъ знаній. Мировой судья вноситъ въ администрацію, если онъ принимаетъ въ ней участіе, нѣкоторыя требованія формы и гласности, которыя дѣлаютъ его орудіемъ очень неудобнымъ для деспотизма; но онъ не является въ ней рабомъ легальныхъ предразсудковъ, которые дѣлаютъ судебныхъ чиновниковъ малоспособными къ управленію.

Американцы присвоили себѣ учрежденіе мировыхъ судей, но отняли у него аристократическій характеръ, отличавшій его въ метрополіи.

Губернаторъ Массачусетса [1]) назначаетъ во всѣхъ графствахъ извѣстное число мировыхъ судей, срокъ службы которыхъ долженъ продолжаться семь лѣтъ [2]).

Кромѣ того изъ числа этихъ мировыхъ судей онъ назначаетъ трехъ, которые въ каждомъ графствѣ составляютъ то, что называется временнымъ судомъ (cour des sessions).

Мировые судьи, каждый въ отдѣльности, принимаютъ участіе въ общественной администраціи. Иногда имъ поручается вмѣстѣ съ выборными чиновниками исполненіе нѣкоторыхъ административныхъ дѣйствій [3]); иногда они образуютъ изъ себя судъ, передъ которымъ представители власти въ сокращенномъ порядкѣ обвиняютъ гражданъ, отказывающихся повиноваться, или же граждане заявляютъ о злоупотребленіяхъ должностныхъ лицъ. Но самыя важныя изъ своихъ административныхъ функцій мировые судьи исполняютъ, участвуя въ засѣданіяхъ временныхъ судовъ.

Временный судъ собирается два раза въ годъ въ административномъ центрѣ графства. На него-то въ Массачусетсѣ и возложена обязанность держать въ повиновеніи большую часть [4]) общественныхъ должностныхъ лицъ [5]).

Необходимо обратить вниманіе на то, что въ Массачусетсѣ временный судъ есть въ одно и то же время и собственно административное учрежденіе и политическій трибуналъ.

Мы сказали, что графство существуетъ только въ качествѣ административной единицы. Временный судъ непосредственно распоряжается немногими дѣлами, которыя одновременно касаются нѣсколькихъ общинъ или всѣхъ общинъ графства и которыя, слѣдовательно, не могутъ быть возложены ни на одну общину въ частности [6]).

Слѣдовательно по отношенію къ графству обязанности временнаго суда суть чисто-административныя, и если онъ вводитъ въ свою процедуру судебныя формы, то только съ цѣлію уяснить для себя дѣло [7]) и въ видѣ

---

[1]) Мы увидимъ дальше, что такое губернаторъ; теперь я долженъ сказать лишь, что губернаторъ представляетъ исполнительную власть всего штата.

[2]) См. конституцію Массачусетса, гл. II, отдѣлъ I, параграфъ 9; гл. 3, парагр. 3.

[3]) Одинъ примѣръ изъ многихъ другихъ: въ общину пріѣзжаетъ иностранецъ изъ страны, гдѣ свирѣпствуетъ заразительная болѣзнь. Онъ заболѣваетъ. Тогда двое мировыхъ судей, по заявленію select-men'овъ, могутъ дать приказъ шерифу графства перенести больного въ другое мѣсто и наблюдать за нимъ. Законъ 22 іюня 1797 г., т. I, стр. 540.

Вообще мировые судьи входятъ во всѣ важные акты административной жизни и придаютъ имъ характеръ полусудебнаго дѣйствія.

[4]) Я говорю: *большую часть*, потому что дѣйствительно нѣкоторые проступки администраціи подлежатъ вѣдѣнію обыкновенныхъ судовъ. Наприм., если община отказывается дать необходимыя средства на содержаніе своихъ школъ, или назначить школьный комитетъ, то она присуждается къ очень большому штрафу. Этотъ штрафъ назначается или судомъ, называемымъ *suprême judicial court*, или судомъ *common pleas*. См. законъ 10 марта 1827 г., т. 3, стр. 190. Id. когда община не заготовляетъ военныхъ запасовъ. Законъ 21 февраля 1822 г., т. 2, стр. 570.

[5]) Мировые судьи принимаютъ участіе въ размѣрѣ личныхъ своихъ правъ въ управленіи общинъ и графствъ. Важнѣйшіе акты общинной жизни обыкновенно дѣлаются не иначе, какъ съ участіемъ одного изъ нихъ.

[6]) Дѣла, касающіяся графства и которыми занимается временный судъ, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ: 1) постройка зданій для тюремъ и судовъ; 2) составленіе проекта смѣты графства (вотируетъ ее законодательное собраніе штата); 3) распредѣленіе установленнаго такимъ образомъ налога; 4) выдача нѣкоторыхъ патентовъ; 5) устройство и починка дорогъ въ графствѣ.

[7]) Такимъ образомъ, когда дѣло идетъ о дорогѣ, то временный судъ разрѣшаетъ почти всѣ затрудненія съ помощью присяжныхъ.

гарантіи, предоставляемой имъ управляемымъ. Но когда нужно бываетъ охранить порядокъ администраціи въ общинѣ, то онъ почти всегда дѣйствуетъ въ качествѣ судебнаго учрежденія и только въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ въ качествѣ административнаго.

Первое представляющееся затрудненіе состоитъ въ томъ, чтобы заставить повиноваться самую общину, власть которой почти независима отъ общихъ законовъ государства.

Мы видѣли, что общины ежегодно должны назначать извѣстное число чиновниковъ, которые подъ названіемъ ассесоровъ, распредѣляютъ налоги. Община пытается избѣгнуть обязанности уплачивать налогъ тѣмъ, что не назначаетъ ассессоровъ. Временный судъ подвергаетъ ее сильному штрафу [1]). Штрафъ взыскивается со всѣхъ жителей поголовно. Шерифъ графства, судебный чиновникъ, приводитъ въ исполненіе приговоръ. Такимъ образомъ власть въ Соединенныхъ Штатахъ какъ будто ревниво старается скрыться отъ глазъ. Административное распоряженіе почти всегда скрывается тамъ подъ судебнымъ приказомъ; но поэтому оно тѣмъ сильнѣе, такъ какъ имѣетъ за себя почти непреодолимую силу, приписываемую людьми законной формѣ.

Легко прослѣдить и понять этотъ ходъ вещей. То, что требуется отъ общины, обыкновенно ясно и опредѣленно. Требованіе заключается въ простомъ, несложномъ фактѣ, въ принципѣ, а не въ детальномъ примѣненіи [2]). Но затрудненіе является тогда, когда приходится принуждать къ повиновенію не общину, а общинныхъ чиновниковъ.

Всѣ подлежащія преслѣдованію дѣйствія, которыя можетъ совершить общественный чиновникъ, въ концѣ концовъ входятъ въ одну изъ слѣдующихъ категорій:

Онъ можетъ исполнять предписываемое ему закономъ безъ усердія и безъ старанія.

Онъ можетъ не исполнять того, что предписано ему закономъ.

Наконецъ онъ можетъ дѣлать то, что по закону ему запрещено.

Судъ можетъ преслѣдовать дѣйствія должностного лица лишь въ двухъ послѣднихъ случаяхъ. Требуется положительный и ощутительный фактъ, чтобъ явилось основаніе для судебнаго преслѣдованія.

Такъ наприм. если select-men'ы не исполнятъ всѣхъ требуемыхъ закономъ формальностей при общинныхъ выборахъ, то они могутъ быть подвергнуты штрафу [3]).

Но если общественный чиновникъ отправляетъ свои обязанности безъ достаточной разсудительности, безъ старанія и усердія исполняя требованія закона, то онъ находится совершенно внѣ предѣловъ воздѣйствія судебныхъ учрежденій.

Временный судъ, даже будучи облеченъ своими административными пре-

---

[1]) См. законъ 20 февраля 1786 г., т. I, ст. 217.

[2]) Есть косвенный способъ заставить общину повиноваться: Общины по закону обязаны содержать въ хорошемъ состояніи свои дороги. Если они по небрежности не назначаютъ суммъ, требующихся на содержаніе дорогъ, то общинный чиновникъ, завѣдующій дорогами, имѣетъ право своею властью собрать необходимыя деньги. Такъ какъ самъ онъ отвѣтственъ за дурное состояніе дорогъ передъ частными лицами, которыя могутъ подать на него жалобу во временный судъ, то можно быть увѣреннымъ, что онъ воспользуется противъ общины чрезвычайнымъ правомъ, которое ему даетъ законъ. Такимъ образомъ временный судъ, угрожая чиновнику, присуждаетъ общину къ повиновенію. См. законъ 5 марта 1787 г., т. I, стр. 305.

[3]) Законъ Массачусетса, т. 2, стр. 45.

имуществами, безсиленъ въ этомъ случаѣ заставить чиновника исполнять, какъ слѣдуетъ, его обязанности. Только опасеніе отставки могло бы предупредить эти quasi-проступки, но временный судъ не заключаетъ въ себѣ источника общинной власти; онъ не можетъ смѣнять чиновниковъ, которыхъ не онъ назначаетъ.

Кромѣ того, чтобъ убѣдиться въ существованіи небрежности, или нерадѣнія, нужно имѣть за низшимъ чиновникомъ постоянный надзоръ. Между тѣмъ временный судъ засѣдаетъ только два раза въ годъ; онъ не надзираетъ, а судитъ подлежащія преслѣдованію дѣйствія, на которыя ему указано.

Безконтрольное право смѣны общественныхъ чиновниковъ можетъ одно гарантировать съ ихъ стороны то просвѣщенное и дѣятельное повиновеніе, котораго не можетъ имъ внушить судебная репрессія.

Во Франціи мы ищемъ такую гарантію въ *административной іерархіи*, въ Америкѣ ее ищутъ въ *выборномъ началѣ*.

Итакъ резимирую въ короткихъ словахъ все мною изложенное:

Если въ Новой Англіи должностное лицо совершаетъ *преступленіе* при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, то оно судится всегда обыкновенными судами.

Если же служащій дѣлаетъ административную ошибку, то наказаніе его возлагается на чисто-административный трибуналъ, а когда дѣло идетъ о чемъ-нибудь важномъ и спѣшномъ, то судья дѣлаетъ то, что долженъ былъ сдѣлать чиновникъ [1]).

Наконецъ, если тотъ же служащій оказывается виновнымъ въ одномъ изъ тѣхъ неуловимыхъ проступковъ, которые человѣческое правосудіе не можетъ ни опредѣлить, ни оцѣнить, то онъ ежегодно является передъ безапелляціоннымъ судомъ, который сразу можетъ лишить его всякой силы; власть его исчезаетъ вмѣстѣ съ его полномочіями.

Эта система сама по себѣ имѣетъ, конечно, большія преимущества, но въ своемъ выполненіи она встрѣчается съ практическимъ затрудненіемъ, на которое необходимо указать.

Я уже упоминалъ о томъ, что административный трибуналъ, называемый временнымъ судомъ, не имѣетъ права надзора за массой служащихъ. Онъ можетъ дѣйствовать только тогда, когда, выражаясь юридическимъ терминомъ, кто-нибудь *вчинаетъ* въ немъ дѣло. Но въ этомъ-то и заключается слабый пунктъ системы.

Американцы Новой Англіи не учредили органа прокурорскаго надзора при временныхъ судахъ [2]), и понятно, что имъ было трудно его устроить. Еслибъ они ограничились тѣмъ, что помѣстили бы въ главномъ городѣ каждаго графства публичнаго обвинителя и не дали бы ему агентовъ въ общинахъ, то почему этотъ чиновникъ могъ бы больше знать о томъ, что происходитъ въ графствѣ, чѣмъ сами члены временныхъ судовъ? Если же ему дали бы агентовъ въ каждой общинѣ, то въ его рукахъ оказалась бы сосредоточена самая страшная изъ властей, власть управлять именемъ правосудія. Сверхъ того законы родятся отъ обычаевъ; а ничего подобнаго не было въ англійскомъ законодательствѣ.

---

[1]) Примѣръ: если община упорно не назначаетъ ассессоровъ, то ихъ назначаетъ временный судъ, и эти чиновники имѣютъ такія же права, какъ и выбранные. См. приведенный выше законъ 20 февраля 1787 г.

[2]) Я говорю, при временныхъ судахъ. При обыкновенныхъ судахъ существуютъ чиновники, которые исполняютъ при нихъ нѣкоторыя изъ функцій прокурорскаго надзора.

Поэтому американцы раздѣлили право надзора и право жалобы, какъ и всѣ другія административныя функціи.

Согласно закона члены большого жюри (коллегіи присяжныхъ) должны увѣдомлять тотъ судъ, при которомъ они состоятъ, о всякаго рода правонарушеніяхъ, которыя могутъ произойти въ ихъ графствѣ [1]). Есть нѣкоторыя важныя административныя нарушенія, которыя прокурорскій надзоръ общинъ обязанъ преслѣдовать по собственному почину [2]). Всего же чаще обязанность наказывать виновныхъ возлагается на фискальнаго чиновника, завѣдующаго храненіемъ суммъ, получаемыхъ отъ штрафовъ. Такъ, наприм., на казначея общины возложена обязанность преслѣдовать почти всѣ административные проступки, совершенные передъ его глазами.

Но преимущественно американское законодательство обращается къ частному интересу [3]). Это есть основной принципъ, съ которымъ безпрестанно приходится встрѣчаться при изученіи законовъ Соединенныхъ Штатовъ.

Американскіе законодатели выказываютъ мало довѣрія къ человѣческой честности; но они всегда предполагаютъ человѣка обладающаго умомъ. Поэтому они чаще всего возлагаютъ на частный интересъ заботу объ исполненіи законовъ.

Когда частное лицо достовѣрно и дѣйствительно страдаетъ отъ административнаго правонарушенія, то въ самомъ дѣлѣ понятно, что личный интересъ гарантируетъ подачу жалобы.

Но легко предвидѣть, что если дѣло идетъ о такомъ требованіи закона, которое хотя и полезно для общества, но польза котораго не ощущается непосредственно отдѣльнымъ лицомъ, то никто не рѣшается явиться обвинителемъ. Такимъ образомъ и въ силу нѣкотораго рода молчаливаго соглашенія законы легко могутъ потерять свою силу.

Въ этой крайности, до которой американцы доводятся своей системой, они принуждены возбуждать личный интересъ доносителей, предоставляя имъ въ извѣстныхъ случаяхъ долю изъ штрафа [4]).

---

[1]) Члены большаго жюри обязаны, наприм., извѣщать суды о дурномъ состояніи дорогъ. Законъ Массачусетса, т. I, стр. 308.

[2]) Если наприм. казначей графства не представляетъ своего отчета. Законъ Массачусетса, т. I, стр. 406.

[3]) Одинъ примѣръ изъ тысячи: частное лице ломаетъ свой экипажъ или получаетъ поврежденіе на дурно содержимой дорогѣ; оно имѣетъ право искать убытки во временномъ судѣ съ общины и графства, на обязанности которыхъ лежитъ починка дороги. Законы Массачусетса, т. I, стр. 309.

[4]) Въ случаѣ нашествія непріятеля или вооруженнаго возстанія, если общинныя власти не доставляютъ ополченію военныхъ припасовъ и другихъ необходимыхъ предметовъ, то община можетъ быть присуждена къ уплатѣ штрафа отъ 200 до 500 далларовъ (1.000—2.700 франковъ).

Легко видѣть, что въ подобномъ случаѣ можетъ ни у кого не оказаться ни выгоды, ни желанія брать на себя роль обвинителя. Поэтому законъ прибавляетъ: „Всѣ граждане будутъ имѣть право требовать наказанія подобныхъ проступковъ, причемъ половина штрафа должна поступать въ пользу обвинителя“. См. законъ 6 марта 1810 г., т. 2, стр. 236.

Такое постановленіе часто повторяется въ законахъ Массачусетса.

Иногда законъ такимъ способомъ возбуждаетъ не частныхъ лицъ къ преслѣдованію общественныхъ чиновниковъ, а поощряетъ чиновниковъ къ преслѣдованію неповиновенія частныхъ лицъ. Примѣръ: кто-нибудь изъ жителей отказывается выполнить указанную ему долю работы на большой дорогѣ. Надсмотрщикъ за дорогами долженъ возбудить противъ него преслѣдованіе и въ случаѣ его осужденія получаетъ половину штрафа. См. вышеприведенные законы, т. I, стр. 308.

Это способъ опасный, который обезпечиваетъ исполненіе законовъ развращеніемъ нравовъ.

Выше должностныхъ лицъ графства, строго говоря, уже нѣтъ болѣе административной власти, а существуетъ только правительственная власть.

Общія понятія объ администраціи въ Соединенныхъ Штатахъ.

Чѣмъ отдѣльные штаты Союза отличаются одинъ отъ другого въ отношеніи системы администраціи.—По мѣрѣ приближенія къ югу общинная жизнь становится менѣе дѣятельною и менѣе полною.—Власть чиновника при этомъ увеличивается, а власть избирателя уменьшается.—Администрація переходитъ отъ общины къ графству.—Штаты: Нью-Іоркъ, Огайо, Пенсильванія. Административныя начала, приложимыя ко всему Союзу.—Выборъ общественныхъ должностныхъ лицъ или пожизненность ихъ должности.—Отсутствіе чиноначалія.—Введеніе судебныхъ способовъ въ администрацію.

Выше я обѣщалъ, разсмотрѣвши подробно организацію общины и графства въ Новой Англіи, сдѣлать общій обзоръ остальныхъ частей Союза.

Въ каждомъ штатѣ есть община и общинная жизнь; но ни въ одномъ изъ принадлежащихъ къ Союзу штатовъ мы не находимъ общины вполнѣ сходной съ общиной Новой-Англіи.

По мѣрѣ приближенія къ югу, общинная жизнь замѣтно становится менѣе дѣятельною: община имѣетъ меньше должностей, меньше правъ и обязанностей: населеніе не имѣетъ въ ней такого непосредственнаго вліянія на дѣло; общинныя собранія бываютъ рѣже и вѣдѣнію ихъ подлежитъ меньшій кругъ предметовъ. Поэтому власть избранныхъ должностныхъ лицъ сравнительно больше, а власть избирателя меньше; общинный духъ тамъ проявляетъ меньше жизненности и силы [1]).

Эти различія дѣлаются замѣтными въ штатѣ Нью-Іоркѣ; они уже очень чувствительны въ Пенсильваніи, но они становятся менѣе рѣзкими подвигаясь къ сѣверо-западу. Большая часть эмигрантовъ, основавшихъ сѣверо-западные штаты, вышли изъ Новой Англіи и перенесли съ собой въ новое отечество обычаи своей родины. Община въ Огайо имѣетъ много сходства съ общиною Массачусетса.

Мы видѣли, что въ Массачусетсѣ главная часть общественной администраціи находится въ общинѣ. Община есть тотъ фокусъ, въ которомъ сходятся интересы и чувства людей. Но такой порядокъ прекращается по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся къ тѣмъ штатамъ, въ которыхъ просвѣщеніе не такъ повсемѣстно распространено и гдѣ, слѣдовательно, община представляетъ меньше гарантій благоразумія и меньше элементовъ способныхъ къ администраціи. Поэтому, по мѣрѣ удаленія отъ Новой Англіи, общинная жизнь какъ бы переходитъ въ графство, которое дѣлается главнымъ административнымъ центромъ и представляетъ изъ себя власть, посредствующую между правительствомъ и простыми графствами.

---

[1]) Относительно подробностей см. *Revised statutes* штата Нью-Іоркъ, XI главу I части, озаглавленную: *Of the powers, duties and privileges of towns.* О правахъ, обязанностяхъ и привилегіяхъ общинъ, Т. 1, стр. 336—364.

См. въ сборникѣ, носящемъ названіе *Digest of the laws of Pensylvania* слова: *Assessors, Collectors, Constables, Overseers of the poor, Supervisors of highways*; а также въ сборникѣ: *Acts of a general nature of the state of Ohio*, законъ относящійся къ общинамъ, стр. 412. Наконецъ спеціальныя постановленія, относящіяся къ различнымъ общиннымъ должностямъ какъ наприм. *Township's Clerks, Trustees, Overseers of the poor, Fence-Viewers, Appraisers of property, Township's Treasurer, Constables, Supervisors of highways.*

Я сказалъ, что въ Массачусетсѣ дѣла графства вѣдаются временнымъ судомъ. Онъ состоитъ изъ извѣстнаго числа чиновниковъ, назначаемыхъ губернаторомъ и его совѣтомъ. Графство не имѣетъ представительства и его бюджетъ вотируется законодательнымъ собраніемъ націи.

Напротивъ въ большомъ штатѣ Нью-Іоркъ, въ штатахъ Огайо и Пенсильваніи жители каждаго графства избираютъ извѣстное число депутатовъ, которые, собравшись вмѣстѣ, образуютъ представительное собраніе графства [1]).

Это собраніе обладаетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ правомъ обложенія жителей; въ этомъ отношеніи оно имѣетъ характеръ настоящаго законодательнаго учрежденія; въ то же время оно и распоряжается дѣлами графства, управляетъ во многихъ мѣстахъ администраціей общинъ и суживаетъ ихъ власть до гораздо болѣе узкихъ предѣловъ, чѣмъ въ Массачусетсѣ.

Въ этомъ состоятъ главнѣйшія различія, представляемыя организаціей общины и графства въ разныхъ штатахъ, входящихъ въ составъ Союза. Еслибъ я желалъ войти въ подробности способовъ исполненія, то я могъ бы еще указать на многія другія несходства. Но въ мою задачу не входитъ составленіе курса американскаго административнаго права.

Мною, я полагаю, уже достаточно сказано для объясненія общихъ принциповъ, на которыхъ основано административное управленіе въ Соединенныхъ Штатахъ. Принципы эти различно примѣняются; они, смотря по мѣсту, приводятъ къ болѣе или менѣе многочисленнымъ послѣдствіямъ, но въ основаніи своемъ они всюду одни и тѣ же. Законы измѣняются, получаютъ другой видъ, но ихъ одушевляетъ все тотъ же духъ.

Община и графство не вездѣ устроены одинаковымъ образомъ; но можно сказать, что организація общины и графства въ Соединенныхъ Штатахъ повсюду основаны на одной идеѣ, что каждый человѣкъ есть лучшій судья во всемъ, что касается только его самого, и болѣе всего способенъ удовлетворять свои частныя нужды. Поэтому община и графство должны наблюдать свои спеціальные интересы. Государство управляетъ, но не вмѣшивается въ администрацію. Встрѣчаются исключенія изъ этого правила, но не противоположные принципы.

Первымъ выводомъ изъ этой доктрины было то, что административныя власти общины и графства избираются самими жителями, или по крайней мѣрѣ назначаются исключительно изъ мѣстныхъ жителей.

Такъ какъ административные чиновники повсюду выборные или по крайней мѣрѣ несмѣняемые, то изъ этого произошло, что правила чиноначалія не могли быть нигдѣ введены. Такимъ образомъ оказалось почти столько же независимыхъ служащихъ, сколько должностей. Административная власть оказалась раздробленной между множествомъ лицъ.

Такъ какъ административной іерархіи нигдѣ не существуетъ, администраторы выбираются и не могутъ быть смѣнены до срока ихъ службы, то изъ этого вытекаетъ необходимость большаго или меньшаго введенія въ администрацію судебной власти. Отсюда является система штрафовъ, посред-

---

[1]) См. *Revised statutes of the state of New-York* часть 1, гл. XI, т. 1, стр. 340, Id. гл. XII. *Id.* p. 366. *Id. Acts of the state of Ohio.* Законъ 25 февраля 1824, относящійся до county commissioners ,стр. 263.

См. *Digest of the laws of Pensilvania* слова: *County-Rates and levies,* стр. 170.

Въ штатѣ Нью-Іоркъ каждая община выбираетъ депутата, и этотъ депутатъ одновременно участвуетъ въ администраціи и графства и общины.

ствомъ которыхъ второстепенныя административныя единицы и ихъ представители принуждаются повиноваться законамъ. Эта система проходитъ съ одного конца Союза до другого.

Впрочемъ право преслѣдовать административные проступки или, въ случаѣ нужды, исполнять административныя дѣйствія не во всѣхъ штатахъ присвоено однимъ и тѣмъ же судьямъ.

Англо-американцы взяли изъ общаго источника институтъ мировыхъ судей, и онъ находится во всѣхъ штатахъ; но они не всегда одинаково имъ воспользовались.

Всюду мировые судьи принимаютъ участіе въ администраціи общинъ и графства [1]) или являясь сами въ качествѣ администраторовъ, или подвергая преслѣдованію извѣстные административные проступки; но въ большей части штатовъ важнѣйшіе изъ этихъ проступковъ подлежатъ вѣденію обыкновенныхъ судовъ.

Итакъ, избраніе административныхъ чиновниковъ, или пожизненность ихъ должностей, отсутствіе административной іерархіи, введеніе судебныхъ способовъ во второстепенное общественное управленіе, таковы главнѣйшіе признаки, которыми отличается американская администрація отъ Мэна до Флориды.

Въ нѣкоторыхъ штатахъ можно замѣтить появленіе слѣдовъ административной централизаціи. Штатъ Нью-Іоркъ наиболѣе далеко подвинулся въ этомъ направленіи.

Въ штатѣ Нью-Іоркъ чиновники центральнаго правительства въ извѣстныхъ случаяхъ имѣютъ нѣкотораго рода надзоръ и контроль надъ дѣйствіями второстепенныхъ учрежденій [2]). Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ они образуютъ родъ апелляціоннаго присутствія для рѣшенія дѣлъ [3]). Въ

---

[1]) Есть даже такіе южные штаты, гдѣ на членовъ *county courts* возложены всѣ обязанности администраціи. См. *the Statutes of the state of Tennessee* статьи: *Judicary, Taxes....*

[2]) Примѣръ: Управленіе по дѣламъ народнаго образованія сосредоточено въ рукахъ правительства. Законодательное собраніе назначаетъ членовъ университетскаго совѣта, называемыхъ регентами. Губернаторъ и вице-губернаторъ штата непремѣнно въ него входятъ (*Revised Statutes*, т. 1, стр. 456). Университетскіе регенты ежегодно посѣщаютъ колледжи и академіи и представляютъ ежегодный докладъ законодательному собранію. Ихъ надзоръ не только кажущійся, вслѣдствіе особенныхъ причинъ, заключающихся въ слѣдующемъ: колледжи, чтобы сдѣлаться организованными учрежденіями (корпораціями), которыя могли бы покупать, продавать и владѣть собственностью, должны имѣть особую грамоту; во такая грамота выдается законодательнымъ собраніемъ не иначе, какъ согласно заключенію регентовъ. Ежегодно государство распредѣляетъ между колледжами и академіями проценты со спеціальнаго фонда, учрежденнаго для поощренія учебныхъ заведеній; деньги эти распредѣляются регентами. См. гл. 15, Народное образованіе, *Revised Statutes* т. 1, стр. 455.

Ежегодно коммиссары, наблюдающіе за общественными училищами, должны представлять доклады о положеніи дѣла. *Ibid.*, стр, 488.

Такой же докладъ представляется ежегодно о числѣ и положеніи бѣдныхъ. *Ibid.*, стр. 631.

[3]) Если кто-нибудь признаетъ себя потерпѣвшимъ отъ какихъ-либо дѣйствій, исходящихъ отъ школьныхъ коммиссаровъ (это суть общинные чиновники), то онъ можетъ принести на нихъ жалобу завѣдующему начальныхъ школъ, рѣшеніе котораго признается окончательнымъ. *Revised Statutes* т. 1, стр. 487.

Въ законахъ Нью-Іорка изрѣдка встрѣчаются постановленія сходныя съ тѣми, которыя приведены мною въ видѣ примѣровъ. Но вообще эти попытки централизаціи слабы и даютъ мало результатовъ. Давая высшимъ государственнымъ чиновникамъ право надзора и распоряженія надъ дѣйствіями низшихъ агентовъ, имъ не даютъ права награждать или наказывать. На одного и того же человѣка почти никогда не воз-

штатѣ Нью-Іоркъ судебныя наказанія меньше употребляются въ качествѣ административнаго средства, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Также и право преслѣдовать административные проступки принадлежитъ тамъ меньшему числу лицъ [1]).

Та же тенденція замѣчается слегка и въ нѣкоторыхъ другихъ штатахъ [2]). Но вообще можно сказать, что выдающееся свойство общественной администраціи въ Соединенныхъ Штатахъ состоитъ въ чрезвычайной децентрализаціи.

О Государствѣ-штатѣ.

Я уже говорилъ объ общинахъ и администраціи; мнѣ остается сказать о государствѣ-штатѣ и правительствѣ.

Здѣсь я могу недолго останавливаться, не опасаясь не быть понятымъ. То что я имѣю сказать вполнѣ изложено въ письменныхъ конституціяхъ, которыя всякій легко можетъ достать [3]). Самыя эти конституціи основываются на простой и раціональной теоріи.

Большая часть указанныхъ ими формъ принята всѣми націями, имѣющими конституціонное правленіе; поэтому онѣ стали для насъ привычными.

Поэтому я долженъ представить здѣсь лишь краткое изложеніе. Позже я постараюсь обсудить то, что я теперь опишу.

Законодательная власть штата.

Раздѣленіе законодательнаго корпуса на двѣ палаты.—Сенатъ.—Палата представителей.—Различные предметы вѣдѣнія этихъ двухъ собраній.

Законодательная власть штата ввѣрена двумъ собраніямъ; первое вообще носитъ названіе сената.

Обыкновенно сенатъ есть законодательное собраніе, но иногда онъ превращается въ административное и судебное учрежденіе.

Онъ различными способами принимаетъ участіе въ администраціи, смотря по различію конституцій [4]). Но обыкновенно онъ проникаетъ въ сферу исполнительной власти путемъ участія въ выборѣ должностныхъ лицъ.

Онъ принимаетъ на себя долю судебной власти, постановляя приговоръ по нѣкоторымъ политическимъ преступленіямъ, а иногда и рѣшая нѣкоторыя гражданскія дѣла [5]).

лагается обязанность и давать приказанія и преслѣдовать за непослушаніе; поэтому онъ имѣетъ право приказывать, но не имѣетъ средствъ заставить себѣ повиноваться.

Въ 1830 году школьный суперинтендантъ въ своемъ ежегодномъ докладѣ законодательному собранію жаловался на то, что многіе школьные коммиссары, несмотря на его требованія, не доставили ему отчетовъ, которые они обязаны доставлять. „Если такая неисправность,—прибавляетъ онъ,—будетъ повторяться, то я принужденъ буду преслѣдовать ихъ по закону передъ подлежащимъ судомъ.

[1]) Примѣръ. Чиновникъ прокурорскаго надзора въ каждомъ графствѣ (*district-attorney*) долженъ производить взысканіе всѣхъ штрафовъ выше 50 долларовъ, если только это право не предоставлено прямо закономъ другому чиновнику.

Revised Statutes, часть 1, гл. X, 1; V, 1, стр. 383.

[2]) Существуетъ много слѣдовъ административной централизаціи въ Массачусетсѣ. Примѣръ: общинные училищные комитеты обязаны ежегодно дѣлать докладъ секретарю штата. *Laws of Massachusetts* т. 1, стр. 367.

[3]) См. въ концѣ книги текстъ конституціи штата Нью-Іоркъ.

[4]) Въ Массачусетсѣ сенатъ не имѣетъ никакой административной функціи.

[5]) Какъ въ штатѣ Нью-Іоркъ. См. конституцію въ концѣ книги.

Число его членовъ всегда невелико.

Другой отдѣлъ законодательной власти, называемый обыкновенно палатой представителей вовсе не принимаетъ на себя никакихъ административныхъ функцій, а къ судебной власти имѣетъ лишь то отношеніе, что ему принадлежитъ обвиненіе передъ сенатомъ общественныхъ должностныхъ лицъ.

Члены обѣихъ палатъ почти вездѣ подчинены одинаковымъ условіямъ, дающимъ право на избраніе. Тѣ и другіе избираются одинаковымъ способомъ и тѣми же гражданами.

Единственная разница, существующая между ними, заключается въ томъ, что срокъ службы сенаторовъ вообще бываетъ дольше, чѣмъ срокъ депутатскихъ полномочій. Депутаты рѣдко остаются въ своей должности больше года, тогда какъ первые обыкновенно занимаютъ свое мѣсто въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ.

Давая сенаторамъ привилегію быть назначаемыми на нѣсколько лѣтъ и обновляя ихъ составъ по частямъ, законъ заботился о томъ, чтобы сохранить въ средѣ законодателей ядро, состоящее изъ людей, привычныхъ уже къ дѣламъ и которые могли бы оказывать полезное вліяніе на вновь прибывшихъ.

Такимъ образомъ, раздѣляя законодательный корпусъ на два отдѣла, американцы не хотѣли создать два собранія, одно наслѣдственное, а другое выборное; они не предполагали сдѣлать изъ одного аристократическое учрежденіе, а изъ другого представительство демократіи; точно также они не задавались цѣлію найти въ первомъ опору для правительства, предоставивши вѣдѣнію второго интересы и стремленія народа.

Раздѣленіе законодательныхъ силъ и вслѣдствіе этого болѣе медленное дѣйствіе политическихъ собраній, а также созданіе апелляціоннаго трибунала для пересмотра законовъ—вотъ единственныя выгоды, происходящія отъ теперешней конституціи съ двумя палатами, существующей въ Соединенныхъ Штатахъ.

Время и опытъ доказали американцамъ, что и ограничиваясь только этими выгодами, раздѣленіе законодательной власти все-таки составляетъ первостепенную необходимость. Изъ всѣхъ соединенныхъ республикъ только одна Пенсильванія вначалѣ сдѣлала опытъ установленія одного законодательнаго собранія. Самъ Франклинъ, увлеченный логическими выводами изъ догмата верховной власти народа, содѣйствовалъ принятію этой мѣры. Вскорѣ, однако, пришлось измѣнить законъ и учредить двѣ палаты. Такимъ образомъ принципъ раздѣленія законодательной власти получилъ окончательное освѣщеніе; съ этого времени, слѣдовательно, можно уже признать за доказанную истину необходимость раздѣленія законодательной власти между нѣсколькими органами. Эта теорія, почти неизвѣстная древнимъ республикамъ, введенная въ жизнь почти случайно, подобно большей части великихъ истинъ, не признаваемая многими новыми народами, сдѣлалась наконецъ въ наши дни какъ бы аксіомой политической науки.

Объ исполнительной власти штата.

Что такое губернаторъ въ американскомъ штатѣ.—Положеніе занимаемое имъ по отношенію къ законодательному корпусу.—Его права и обязанности.—Зависимость его отъ народа.

Исполнительная власть штата имѣетъ своимъ представителемъ губернатора. Я не случайно употребилъ слово представитель. Дѣйствительно губер-

наторъ штата представляетъ собою исполнительную власть; но онъ пользуется на дѣлѣ лишь нѣкоторыми изъ ея правъ.

Высшее должностное лицо, называемое губернаторомъ, занимаетъ мѣсто рядомъ съ законодательными собраніями въ качествѣ примирителя и совѣтника. Губернаторъ вооруженъ правомъ пріостанавливающаго veto, которое позволяетъ ему по усмотрѣнію останавливать или по крайней мѣрѣ замедлять дѣйствія законодательнаго корпуса. Онъ докладываетъ ему о нуждахъ страны и сообщаетъ о тѣхъ способахъ, примѣненіе которыхъ онъ признаетъ полезнымъ для ихъ удовлетворенія; онъ является естественнымъ исполнителемъ его воли во всѣхъ предпріятіяхъ, имѣющихъ значеніе для всей націи [1]). Въ промежуткахъ между засѣданіями законодательныхъ собраній онъ долженъ принимать всѣ мѣры, нужныя для огражденія государства отъ насильственныхъ потрясеній и непредвиденныхъ опасностей.

Губернаторъ соединяетъ въ своихъ рукахъ всю военную силу штата. Онъ командуетъ милиціей и начальствуетъ вооруженною силой.

Если власть общественнаго мнѣнія, переданная по общему соглашенію закону, не признается, то губернаторъ выступаетъ во главѣ матеріальной силы штата, уничтожаетъ сопротивленіе и возстановляетъ обычный порядокъ.

Впрочемъ губернаторъ не вмѣшивается въ администрацію общинъ и графства, или по крайней мѣрѣ принимаетъ въ ней лишь очень косвенное участіе назначеніемъ мировыхъ судей, которыхъ потомъ онъ уже не можетъ смѣнить [2]).

Должность губернатора избирательная. Даже обыкновенно принято выбирать его лишь на одинъ или на два года, такъ что онъ постоянно остается въ тѣсной зависимости отъ избравшаго его большинства.

Политическія слѣдствія административной децентрализаціи въ Соединенныхъ Штатахъ.

Различіе, которое нужно дѣлать между правительственной и административной централизаціей.—Въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ административной, но есть очень большая правительственная централизація. — Нѣкоторыя вредныя слѣдствія, вытекающія въ Соединенныхъ Штатахъ изъ крайней административной децентрализаціи. — Административныя выгоды этого порядка вещей. — Сила, управляющая обществомъ, имѣетъ въ себѣ меньше порядка, меньше просвѣщенія и знанія, но она значительно сильнѣе, чѣмъ въ Европѣ. — Политическія выгоды этого порядка вещей. — Въ Соединенныхъ Штатахъ отечество чувствуется всюду. Поддержка оказываемая правительству управляемыми.—Провинціальныя учрежденія дѣлаются все болѣе необходимыми по мѣрѣ того, какъ общественный строй становится болѣе демократическимъ.—Почему.

Централизація есть слово безпрестанно повторяемое въ наше время и значеніе котораго никто вообще не старается опредѣлить.

Между тѣмъ существуетъ два очень различныхъ вида централизаціи, которые необходимо изучить.

Есть дѣла общія для всѣхъ частей націи: таковы установленія общихъ законовъ и сношенія народа съ иностранцами.

---

[1]) На практикѣ губернаторъ не всегда исполняетъ предпріятія задуманныя законодательнымъ корпусомъ; часто бываетъ, что послѣдній, вотируя извѣстное постановленіе, назначаетъ и особыхъ агентовъ для наблюденія за его исполненіемъ.

[2]) Во многихъ штатахъ мировые судьи назначаются не губернаторомъ.

Другія дѣла спеціально интересуютъ только извѣстныя части націи, какъ наприм. разныя общинныя предпріятія.

Сосредоточить въ одномъ мѣстѣ и въ однихъ рукахъ власть распоряжаться первыми дѣлами—это значитъ установить то, что я бы назвалъ правительственною централизаціей.

Сосредоточить такимъ же образомъ распоряженіе вторыми—значитъ установить то, что я назвалъ бы централизаціей административной.

Есть пункты, на которыхъ эти два вида централизаціи смѣшиваются. Но взявши въ ихъ общности предметы, входящіе спеціально въ область каждаго изъ нихъ, можно легко достигнуть ихъ различенія.

Понятно, что правительственная централизація получаетъ громадную силу, когда она соединяется съ административною централизаціей. Этимъ способомъ она пріучаетъ людей къ наивному и постоянному отреченію отъ ихъ воли, къ повиновенію не единовременному и не относящемуся къ одному пункту, но къ повиновенію во всемъ и всегда. Въ такомъ случаѣ она не только подчиняетъ ихъ себѣ силою, но и дѣйствуетъ на нихъ посредствомъ ихъ привычекъ; она изолируетъ ихъ и потомъ по-одиночкѣ забираетъ ихъ въ свою власъ изъ общей массы.

Эти двѣ разнаго вида централизаціи помогаютъ другъ другу, привлекаютъ одна другую; но я не могу признать, чтобъ онѣ были нераздѣльны.

При Людовикѣ XIV Франція видѣла величайшую правительственную централизацію, какую только можно вообразить, такъ какъ одинъ человѣкъ издавалъ общіе законы и имѣлъ право ихъ изъяснять, представлялъ Францію во внѣшнихъ сношеніяхъ и дѣйствовалъ отъ ея имени. Государство—это я, говорилъ онъ, и онъ былъ правъ.

И однако при Людовикѣ XIV было гораздо меньше административной централизаціи, чѣмъ въ наше время.

Въ настоящее время мы видимъ одно государство, именно Англію, въ которомъ правительственная централизація доведена до очень высокой степени. Государство тамъ двигается, повидимому, какъ одинъ человѣкъ; по своей волѣ оно приводитъ въ движеніе огромныя массы, сосредоточивая и перенося всюду по своему желанію силу своей власти.

Англія, совершившая въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ столь великія дѣла, не имѣетъ административной централизаціи.

Съ своей стороны я не могу себѣ представить, чтобы нація могла существовать и въ особенности достигнуть благосостоянія безъ сильной правительственной централизаціи.

Но я думаю, что административная централизація способна только обезсиливать подчиняющіяся ей народы, потому что она постоянно стремится къ уменьшенію въ нихъ общиннаго духа. Правда, что административная централизація достигаетъ сосредоточенія въ извѣстное время, въ извѣстномъ мѣстѣ всѣхъ наличныхъ силъ націи, но она препятствуетъ возобновленію этихъ силъ. Она даетъ націи торжество въ моментъ борьбы, но, дѣйствуя въ теченіе долгаго времени, уменьшаетъ ея силу. Поэтому она удивительно можетъ содѣйствовать временному возвеличенію одного человѣка, но не прочному благосостоянію народа.

Слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду, что когда говорятъ о невозможности государственной дѣятельности при отсутствіи централизаціи, то почти всегда безсознательно подразумѣваютъ централизацію правительственную. Говорятъ, что Германская имперія никогда не могла вполнѣ воспользоваться своими силами. Это справедливо; но почему это такъ было? Потому что

сила націи въ ней никогда не была сосредоточена, потому что государство никогда не могло заставить повиноваться его общимъ законамъ, потому что отдѣльныя части этого обширнаго организма сохраняли за собой всегда право и возможность отказать въ содѣйствіи представителямъ общей власти даже въ такихъ дѣлахъ, которыя имѣли значеніе для всѣхъ гражданъ,—другими словами, потому что не было правительственной централизаціи. То же замѣчаніе можно приложить къ среднимъ вѣкамъ: причина всѣхъ несчастій феодальнаго общества заключалась въ томъ, что не только распорядительная, но и управляющая власть находилась въ тысячѣ рукахъ и раздроблялась на тысячу ладовъ; отсутствіе всякой правительственной централизаціи препятствовало тогда европейскимъ народамъ энергически итти къ какой бы то ни было цѣли.

Мы видѣли, что въ Соединенныхъ Штатахъ не существуетъ административной централизаціи и едва лишь замѣтны слѣды іерархіи. Децентрализація доведена въ нихъ до такой степени, какой, я думаю, ни одинъ европейскій народъ не могъ бы перенести безъ большого стѣсненія и которая даже въ Америкѣ приводитъ къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ, но правительственная централизація существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ самой высокой степени. Легко доказать, что силъ націи въ нихъ сосредоточено больше, чѣмъ въ какой-либо изъ старинныхъ европейскихъ монархій. Не только въ каждомъ штатѣ существуетъ лишь одинъ источникъ законовъ, лишь одна власть, могущая создать вокругъ себя политическую жизнь, но законодатели старались даже избѣжать созванія многочисленныхъ собраній округовъ и графствъ, изъ опасенія, чтобъ они не вздумали выйти изъ предѣловъ своего вѣдѣнія и не затруднили тѣмъ дѣятельности правительства. Въ Америкѣ законодательная власть каждаго штата не имѣетъ передъ собою никакой другой власти, которая могла бы ему противостать. Ничто не можетъ остановить ее на пути: ни привилегіи, ни мѣстныя льготы, ни личное вліяніе, ни даже авторитетъ разума, потому что она представляетъ собою большинство, признающее себя единственнымъ выразителемъ разума. Для нея, значитъ, нѣтъ никакихъ границъ кромѣ собственной воли. На-ряду съ ней и близъ нея поставленъ представитель исполнительной власти, который съ помощью матеріальной силы долженъ приводить въ повиновеніе недовольныхъ.

Слабость встрѣчается только въ нѣкоторыхъ частностяхъ правительственной дѣятельности.

Американскія республики не имѣютъ постоянной вооруженной силы для подавленія меньшинства; но меньшенству въ нихъ никогда до сихъ поръ не приходилось воевать, и необходимости въ арміи до сихъ поръ еще не чувствовалось. Государство большею частію пользуется чиновниками общины, или графства, для воздѣйствія на гражданъ. Такъ, наприм., въ Новой Англіи общинный ассесоръ распредѣляетъ налоги, общинный сборщикъ взимаетъ ихъ, общинный кассиръ препровождаетъ собранныя суммы въ казначейство, а возникающія жалобы разбираются обыкновенными судами. Подобный способъ собиранія податей дологъ и затруднителемъ; онъ на каждомъ шагу замедлялъ бы дѣйствіе правительства, имѣющаго большую нужду въ деньгахъ. Вообще желательно, чтобы правительство для всего, что представляетъ для него существенную, жизненную важность, имѣло собственныхъ чиновниковъ, имъ избираемыхъ и имъ увольняемыхъ, и болѣе быстрыя формы процедуры.

Но центральной власти, организованной такъ, какъ въ Америкѣ, всегда

легко будетъ ввести, смотря по надобности, болѣе энергическія и дѣйствительныя средства воздѣйствія.

Поэтому не отъ отсутствія централизаціи въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ это часто повторяютъ, могутъ погибнуть республики Новаго Свѣта; въ нихъ не только нѣтъ недостатка въ централизаціи, но можно утверждать, что американскія правительства слишкомъ централизованы: я это докажу впослѣдствіи. Законодательныя собранія ежедневно поглощаютъ какіе-нибудь остатки правительственной власти. Они стремятся соединить всѣ ихъ въ себѣ, какъ это сдѣлалъ конвентъ. Централизованная такимъ образомъ общественная власть безпрестанно переходитъ изъ рукъ въ руки, такъ какъ она подчиняется народной власти. Часто случается, что у нея недостаетъ благоразумія и предусмотрительности, потому что для нея все возможно. Въ этомъ заключается для нея опасность. Поэтому она подвергается возможности когда-нибудь погибнуть именно отъ своей силы, а не вслѣдствіе своей слабости.

Административная децентрализація производитъ въ Америкѣ многіе разнообразные результаты.

Мы видимъ, что американцы почти совершенно отдѣлили администрацію отъ правительства; въ этомъ они, мнѣ кажется, перешли за границы здравой разумности, потому что порядокъ, хотя бы и во второстепенныхъ дѣлахъ, все же имѣетъ значеніе для всей націи [1]).

Не имѣя собственныхъ административныхъ чиновниковъ, которые бы постоянно находились въ разныхъ опредѣленныхъ пунктахъ территоріи и могли бы получать общее направленіе, штатъ вслѣдствіе этого рѣдко пытается установить общія правила благоустройства; между тѣмъ нужда въ этихъ правилахъ сильно чувствуется. Европеецъ часто замѣчаетъ ихъ отсутствіе. Тотъ кажущійся безпорядокъ, который царствуетъ на поверхности, съ перваго раза приводитъ его къ тому убѣжденію, что въ обществѣ существуетъ полная анархія; только глубже всмотрѣвшись въ положеніе вещей онъ выходитъ изъ своего заблужденія.

Есть предпріятія, имѣющія значеніе для всего штата и которыя однако не могутъ быть выполнены, потому что не существуетъ національной администраціи, которая бы этимъ распоряжалась. Предоставленныя заботамъ общинъ и графствъ и возложенныя на выборныхъ и временныхъ агентовъ, предпріятія эти не приводятъ ни какому результату, или же не достигаютъ ничего прочнаго.

Сторонники централизаціи въ Европѣ утверждаютъ, что правительственная власть лучше распоряжается мирными дѣлами, чѣмъ могло бы это сдѣлать мѣстное управленіе; это можетъ быть вѣрно, когда центральная власть обладаетъ просвѣщеніемъ, а мѣстная нѣтъ, когда первая дѣятельна, а вторая инертна, когда одна имѣетъ привычку активно дѣйствовать, а другая—привычку повиноваться. Понятно даже, что чѣмъ больше усили-

[1]) Власть, представляемая государствомъ, даже тогда, когда она сама не войдетъ въ административныя распоряженія, не должна, по-моему, отказываться отъ права провѣрки дѣйствій мѣстной администраціи. Наприм., я предполагаю, что правительственный агентъ, находящійся въ опредѣленномъ мѣстѣ каждаго штата, могъ-бы сообщать судебной власти о всѣхъ преступленіяхъ и проступкахъ, совершенныхъ въ общинахъ и графствѣ. Не сталъ ли бы отъ этого порядокъ соблюдаться однообразнѣе, а между тѣмъ мѣстная независимость не пострадала бы? Однако ничего подобнаго не существуетъ въ Америкѣ. Выше судовъ графства нѣтъ ничего, а эти суды получаютъ лишь, такъ сказать, случайно свѣдѣнія о тѣхъ административныхъ проступкахъ, которые они должны преслѣдовать.

вается централизація, тѣмъ больше возрастаетъ эта двойная тенденція и тѣмъ больше выдается способность съ одной и неспособность съ другой стороны.

Но я отрицаю, чтобы такъ было и въ томъ случаѣ, когда народъ просвѣщенъ, чутко слѣдитъ за своими интересами и привыкъ заботиться о нихъ, какъ онъ дѣлаетъ это въ Америкѣ.

Напротивъ я убѣжденъ, что въ этомъ случаѣ коллективная сила гражданъ всегда будетъ способнѣе, чѣмъ правительственная власть, достичь общественнаго благосостоянія.

Признаюсь, что трудно опредѣленнымъ образомъ указать способъ, какъ разбудить спящій народъ и дать ему стремленія и знанія, которыхъ у него нѣтъ. Я знаю, что убѣдить людей въ томъ, что они должны заниматься своими дѣлами—задача трудная. Часто бываетъ менѣе трудно заинтересовать ихъ подробностями какого-нибудь придворнаго этикета, чѣмъ исправленіемъ ихъ собственнаго общаго долга.

Но я думаю также, что когда центральная администрація утверждаетъ, что она вполнѣ замѣнитъ собою свободное содѣйствіе людей непосредственно заинтересованныхъ, то она или сама обманывается, или хочетъ обмануть.

Центральная власть, какой бы просвѣщенной, какой бы свѣдущей мы ее ни воображали, не можетъ одна охватить всѣ частности жизни большого народа,—не можетъ потому, что подобный трудъ превышаетъ силы человѣческія. Когда она хочетъ одними своими стараніями создать и поддерживать дѣйствіе столькихъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, то или она довольствуется очень несовершенными результатами, или же истощается въ безполезныхъ усиліяхъ.

Правда, что централизація легко достигаетъ подчиненія внѣшнихъ дѣйствій человѣка извѣстному однообразію, которому люди наконецъ начинаютъ сочувствовать изъ-за него самого, независимо отъ того, къ чему оно примѣняется, подобно тѣмъ богомольцамъ, которые поклоняются статуѣ, забывая объ изображаемомъ ею божествѣ. Централизаціи безъ труда удается установить правильный ходъ для текущихъ дѣлъ, разумно направить частности общественнаго благоустройства, обуздать легкіе безпорядки и небольшія правонарушенія, сохранить въ обществѣ statu quo, которое не есть, собственно говоря, ни упадокъ, ни прогрессъ, поддержать общественный организмъ въ состояніи нѣкотораго рода административной сонливости, которую администраторы имѣютъ обыкновеніе называть порядкомъ и общественнымъ спокойствіемъ [1]). Она вообще имѣетъ превосходныя качества для того, чтобъ удерживать, а не для того чтобы дѣйствовать. Когда требуется глубоко затронуть общество или заставить его быстро двигаться, то сила ея пропадаетъ. Какъ только для ея мѣропріятій требуется содѣйствіе отдѣльныхъ лицъ, такъ эта громадная машина проявляетъ удивительную слабость,—она вдругъ оказывается совершенно безсильною.

---

1) Мнѣ кажется, что Китай можетъ представить самый совершенный образъ того общественнаго благосостоянія, которое очень централизованная администрація можетъ дать подчиняющимся ей народамъ. Путешественники разсказываютъ намъ, что у китайцевъ существуетъ спокойствіе безъ счастія, промышленная ловкость безъ прогресса, прочность безъ силы и матеріальный порядокъ безъ общественной нравственности. Общественная жизнь идетъ у нихъ всегда довольно хорошо и никогда очень хорошо. Я думаю, что когда Китай будетъ открытъ для европейцевъ, то они найдутъ въ немъ превосходнѣйшій образецъ административной централизаціи, какой только существуетъ на свѣтѣ.

Въ такомъ случаѣ бываетъ иногда, что централизація, хватаясь за послѣднее средство, пытается призвать къ себѣ на помощь гражданъ. Но она говоритъ имъ: вы будете дѣйствовать, какъ я хочу, столько, сколько я хочу, и не иначе, какъ въ желаемомъ мнѣ направленіи. Вы возмете на себя частности, не разсчитывая на управленіе цѣлымъ: вы будете работать въ потьмахъ, а потомъ будете судить о моей дѣятельности по результатамъ. Но не на такихъ условіяхъ получается содѣйствіе человѣческой воли. Ей нужна свобода въ ея дѣйствіи, отвѣтственность въ ея поступкахъ. Человѣкъ такъ устроенъ, что онъ предпочитаетъ оставаться неподвижнымъ, чѣмъ не по своей волѣ итти къ неизвѣстной ему цѣли.

Я не буду отрицать, что въ Соединенныхъ Штатахъ часто сожалѣютъ объ отсутствіи тѣхъ однообразныхъ правилъ, которыми каждый изъ насъ какъ будто безпрестанно охраняется.

Отъ времени до времени тамъ бываютъ значительные примѣры общественной беззаботности и нерадѣнія; изрѣдка появляются грубыя пятна, находящіяся повидимому въ полномъ противорѣчіи съ окружающею цивилизаціей.

Полезныя предпріятія, требующія для своего успѣха постоянной работы и строгой точности, часто въ концѣ концовъ бросаются, потому что въ Америкѣ какъ и въ другихъ мѣстахъ, образъ дѣйствія народа состоитъ въ кратковременныхъ усиліяхъ и внезапныхъ порывахъ.

Европеецъ, привыкшій безпрестанно находить возлѣ себя чиновника, вмѣшивающагося почти во все, съ трудомъ примѣняется къ этому разнообразному механизму общинной администраціи. Вообще можно сказать, что на мелкія подробности общественнаго благоустройства, дѣлающія жизнь пріятною и удобною, въ Америкѣ не обращается вниманія, но существенныя гарантіи необходимыя для человѣка, живущаго въ обществѣ, существуютъ тамъ, какъ и повсюду. У американцевъ сила, правящая государствомъ менѣе просвѣщена, менѣе свѣдуща, но она во сто разъ больше, чѣмъ въ Европѣ. Нѣтъ на свѣтѣ страны, въ которой люди дѣлали бы въ окончательномъ выводѣ столько усилій для созданія общественнаго благосостоянія. Я не знаю ни одного народа, которому бы удалось устроить школы столь многочисленныя и столь хорошо достигающія своей цѣли, храмы столь соотвѣтствующіе религіознымъ потребностямъ жителей, общинныя дороги столь хорошо содержимыя. Поэтому въ Соединенныхъ Штатахъ не нужно искать однообразія и постоянства взглядовъ, мелочной заботы о подробностяхъ, усовершенствованныхъ способовъ административнаго дѣйствія [1]). То, что тамъ есть—это образъ силы, правда нѣсколько дикой, но

[1]) Одинъ талантливый писатель, который при сравненіи финансовъ Соединенныхъ Штатовъ и Франціи доказалъ, что умъ не всегда можетъ замѣнить собою знаніе фактовъ, справедливо упрекаетъ американцевъ за тотъ запутанный порядокъ, который царствуетъ въ ихъ общинныхъ смѣтахъ, и представивши образецъ бюджета французскаго департамента, прибавляетъ: „Благодаря централизаціи, этому достойному удивленія созданію великаго человѣка, муниципальные бюджеты какъ большихъ городовъ такъ и самыхъ скромныхъ общинъ съ одного конца королевства до другого, представляютъ не меньшій порядокъ и методичность“. Конечно я восхищаюсь такимъ результатомъ: но я вижу, что большинство французскихъ общинъ, счетоводство которыхъ такъ совершенно, погружены въ глубое невѣжество, относительно ихъ дѣйствительныхъ интересовъ, и находятся во власти такой непобѣдимой апатіи, что общество въ нихъ скорѣе прозябаетъ, чѣмъ живетъ; съ другой стороны я вижу въ этихъ самыхъ американскихъ общинахъ, смѣты которыхъ составлены не по методическимъ и въ особенности не по однообразнымъ планамъ, населеніе просвѣщенное, дѣятельное, предпріимчивое. Я наблюдаю, что общество въ нихъ постоянно работаетъ. Это зрѣлище меня удивляетъ; потому-что на

полной могущества, жизни подверженной случайностямъ, но полной движенія и силы.

Впрочемъ я допущу, если угодно, что селенія и графства Соединенныхъ Штатовъ будутъ съ большею пользой управляться въ административномъ порядкѣ центральною властью, находящеюся вдали отъ нихъ и остающуюся имъ чуждою, чѣмъ должностными лицами, взятыми изъ ихъ среды. Я признаю, если это потребуется, что въ Америкѣ было-бы больше безопасности, что въ ней дѣлалось бы болѣе благоразумное и разсудительное употребленіе изъ общественныхъ средствъ, еслибъ администрація всей страны находилась въ однихъ рукахъ. И все же *политическія* преимущества получаемыя американцами отъ ихъ системы децентрализаціи, заставляютъ меня предпочесть ее противоположной системѣ.

Наконецъ, какая мнѣ польза въ томъ, что существуетъ власть, всегда находящаяся на ногахъ, которая смотритъ за тѣмъ, чтобы мои удовольствія были спокойны, которая сопровождаетъ каждый мой шагъ, отстраняя отъ меня всѣ опасности раньше даже, чѣмъ я позабочусь о нихъ подумать, ежели эта же власть, устраняя съ моего пути малѣйшіе шипы, въ то же время остается неограниченнымъ господиномъ надъ моей свободой и жизнью, если она до такой степени монополизируетъ движеніе и жизнь, что все гаснетъ вокругъ нея, когда она сама слабѣетъ, все спитъ, когда она спитъ и все умираетъ въ случаѣ ея уничтоженія.

Есть такія европейскія націи, въ которыхъ человѣкъ смотритъ на себя какъ на нѣкотораго рода колониста, безучастнаго къ судьбѣ мѣстности, въ которой онъ живетъ. Величайшія измѣненія въ его странѣ происходятъ безъ его участія; онъ даже не знаетъ опредѣленно, что произошло: онъ догадывается объ этомъ; онъ случайно слышалъ разсказъ о событіи. Мало того, благосостояніе его деревни, благоустройство его улицы, участь его церкви и прихода—тоже не трогаютъ его. Онъ думаетъ, что всѣ эти вещи никоимъ образомъ до него не касаются и что онѣ принадлежатъ могущественному чужестранцу, называемому правительствомъ. Что касается до него, то онъ пользуется имѣніемъ, какъ пожизненный владѣлецъ, безъ сознанія собственности и безъ мысли о какомъ-нибудь улучшеніи. Это самоотреченіе простирается такъ далеко, что если наконецъ безопасность его самого или его дѣтей становится невѣрною, то, вмѣсто того, чтобы позаботиться объ удаленіи опасности, онъ складываетъ руки и ждетъ, чтобы вся нація пришла къ нему на помощь. Однако и этотъ человѣкъ, несмотря на столь полное пожертвованіе своей свободной волей, такъ же какъ и всякій другой, не любитъ повиноваться. Правда онъ подчиняется произволу чиновника, но какъ только сила удаляется, такъ онъ готовъ съ презрѣніемъ относиться къ закону какъ къ побѣжденному врагу. Поэтому онъ безпрестанно колеблется между рабствомъ и распущенностью.

Когда народы доходятъ до такого положенія, то они необходимо должны

мой взглядъ, главная цѣль хорошаго правительства состоитъ въ томъ, чтобы устроить благосостояніе народа а не въ томъ, чтобы установить извѣстный порядокъ въ его бѣдственномъ положеніи. Поэтому я спрашиваю себя, нельзя-ли приписать одной и той же причинѣ и благоденствіе американскихъ общинъ и внѣшній безпорядокъ въ ихъ финансовомъ управленіи, а также бѣдственное состояніе французской общины и совершенство ея смѣты. Во всякомъ случаѣ я не довѣряю добру, которое соединено съ такимъ количествомъ золъ, и легко мирюсь со зломъ, которое выкупается такимъ количествомъ добра.

измѣнить свои законы и нравы, или погибнуть; потому-что въ нихъ источникъ общественныхъ доблестей какъ бы изсякъ; въ нихъ есть еще подданные, но нѣтъ уже болѣе гражданъ.

Я говорю, что подобныя націи подготовлены для завоеванія; если онѣ не исчезаютъ съ міровой сцены, то только потому-что онѣ окружены народами такими же, или еще низшими чѣмъ онѣ сами, что въ нихъ еще остается нѣкотораго рода неопредѣленный инстинктъ любви къ отечеству, какая-то безсознательная гордость, связанная съ его именемъ, неясное воспоминаніе о прошлой славѣ, которыя, не относясь опредѣленнымъ образомъ ни къ чему, оказываются достаточными, чтобы въ случаѣ нужды возбудить въ нихъ усиліе къ самосохраненію.

Было бы ошибочно успокоиваться на томъ основаніи, что нѣкоторые народы выказали невѣроятныя усилія для защиты родины, въ которой они жили, такъ сказать въ качествѣ чужеземцевъ. Всмотрѣвшись пристальнѣе мы увидимъ, что почти всегда ихъ главнѣйшимъ двигателемъ была религія.

Прочность, слава или благоденствіе націи сдѣлались для нихъ священными догматами и защищая свое отечество, они вмѣстѣ съ тѣмъ защищали и эту святую общину, въ которой всѣ они были гражданами.

Населеніе Турціи никогда не принимало никакого участія въ управленіи общественными дѣлами. Оно однако же выполняло громадныя предпріятія, пока оно видѣло въ завоеваніяхъ султановъ торжество религіи Магомета. Теперь религія исчезаетъ, одинъ деспотизмъ остается—и нація падаетъ.

Монтескьё, признавая за деспотизмомъ собственно ему принадлежащую силу, оказывалъ ему, какъ я думаю, честь, которой онъ не заслуживалъ. Деспотизмъ самъ по себѣ не можетъ сохранить ничего прочнаго. Если всмотрѣться ближе, то окажется, что причина, производящая долговременное процвѣтаніе абсолютныхъ правительствъ, есть религія, а не страхъ.

Что бы ни дѣлали, настоящая сила людей никогда не найдется ни въ чемъ, кромѣ свободнаго совокупнаго дѣйствія ихъ воли. Но кромѣ патріотизма и религіи нѣтъ ничего на свѣтѣ, что могло бы заставить всѣхъ гражданъ въ теченіе долгаго времени дѣйствовать въ одномъ направленіи.

Законы не могутъ оживить угасающія вѣрованія; но они могутъ заставить людей интересоваться судьбами ихъ страны; они могутъ возбудить и направить тотъ неопредѣленный инстинктъ любви къ отечеству, который никогда не покидаетъ человѣческаго сердца, и связавши его съ ежедневными мыслями, желаніями и привычками, создать изъ него разумное и прочное чувство, и пусть не говорятъ, что уже слишкомъ поздно, чтобы сдѣлать эту попытку: націи не старѣются такимъ же образомъ, какъ отдѣльные люди. Каждое поколѣніе, которое родится въ ихъ средѣ, есть какъ бы новый народъ, отдающій себя въ руки законодателя.

Чему я всего болѣе удивляюсь въ Америкѣ, — это не административнымъ, а политическимъ результатамъ децентрализаціи. Въ Америкѣ отечество всюду даетъ себя чувствовать. Оно составляетъ предметъ попеченій всѣхъ, начиная отъ деревни до всего Союза. Обыватель прилѣпляется къ каждому дѣлу, касающемуся пользы его страны, какъ къ своему собственному. Онъ гордится славою своей націи; въ достигаемыхъ ею успѣхахъ онъ узнаетъ какъ бы плодъ своего труда, и это возвышаетъ его; онъ радуется общему благоденствію, которымъ и онъ самъ пользуется. Для него чувство къ отечеству сходно съ чувствомъ къ своей семьѣ, и онъ интересуется дѣлами государства все-таки въ силу нѣкотораго рода эгоизма.

Европеецъ часто видитъ въ общественномъ чиновникѣ только силу, американецъ видитъ въ немъ право. Можно поэтому сказать, что въ Америкѣ человѣкъ никогда не повинуется человѣку, а праву или закону.

На этомъ основаніи онъ получилъ о себѣ мнѣніе, часто преувеличенное, но почти всегда благотворное. Онъ безъ страха довѣряется своимъ силамъ, которыя онъ считаетъ достаточными для всего. Если частное лицо задумываетъ какое-нибудь предпріятіе, то хотя бы послѣднее и имѣло непосредственную связь съ общественною пользой, никому не приходитъ въ голову обращаться къ общественной власти за полученіемъ ея содѣйствія. Онъ объявляетъ свой планъ, принимаетъ на себя его исполненіе, приглашаетъ силы другихъ частныхъ лицъ на помощь своей и борется одинъ-на-одинъ со всѣми препятствіями. Часто бываетъ, конечно, что ему удается хуже, чѣмъ еслибы на его мѣстѣ было государство, но въ концѣ концовъ общій результатъ всѣхъ частныхъ предпріятій оказывается гораздо больше того, что могло бы сдѣлать правительство.

Такъ какъ административная власть находится рядомъ съ управляемыми и, такъ сказать, представляетъ ихъ самихъ, то она не вызываетъ ни зависти, ни ненависти. Такъ какъ ея средства дѣйствія ограничены, то всякій сознаетъ, что не можетъ исключительно полагаться на нее.

Поэтому, когда административная власть вступаетъ въ кругъ своего завѣдыванія, то она не оказывается предоставленной самой себѣ, какъ въ Европѣ. Не предполагается, что обязанности частныхъ лицъ прекращаются потому, что въ дѣло вступаетъ представитель общества. Напротивъ всякій даетъ ему указаніе, помощь и поддержку.

Когда дѣйствіе индивидуальныхъ силъ соединяется съ дѣйствіемъ силъ общественныхъ, то часто удается сдѣлать то, чего самая централизованная и самая энергическая администрація не могла бы выполнить (J.).

Я бы могъ привести много фактовъ въ подтвержденіе того, что я говорю; но я предпочитаю ограничиться однимъ, выбравши такой, который я лучше всего знаю.

Въ Америкѣ число средствъ, предоставленныхъ въ распоряженіе власти, для открытія преступленій и преслѣдованія преступниковъ, незначительно.

Административной полиціи не существуетъ; паспорты неизвѣстны; судебную полицію Соединенныхъ Штатовъ нельзя сравнивать съ нашей; агенты прокурорскаго надзора немногочисленны и не всегда имѣютъ право вчинать преслѣдованіе. Слѣдствіе ведется быстро и на словахъ. Я сомнѣваюсь, однако, чтобы въ какой-нибудь другой странѣ преступленіе такъ рѣдко ускользало отъ наказанія.

Причина этому та, что всякій считаетъ себя заинтересованнымъ въ отысканіи доказательствъ преступленія и поимки преступника.

Я видѣлъ во время моего пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ жители одного графства, въ которомъ было совершено важное преступленіе, самостоятельно образовали изъ себя комитетъ съ цѣлью преслѣдовать виновнаго и выдать его судебной власти.

Въ Европѣ преступникъ есть несчастный, борящійся за то, чтобы спасти свою голову отъ агентовъ власти. Населеніе, такъ сказать, присутствуетъ при борьбѣ. Въ Америкѣ это врагъ рода человѣческаго, и онъ имѣетъ противъ себя все человѣчество.

Я думаю, что мѣстныя учрежденія полезны для всѣхъ народовъ, но никто не имѣетъ болѣе дѣйствительной нужды въ этихъ учрежденіяхъ, какъ тотъ народъ, у котораго общественной строй—демократическій.

Въ аристократическомъ обществѣ можно всегда съ увѣренностью разсчитывать на сохраненіе извѣстнаго порядка въ средѣ свободы.

Такъ какъ правители рискуютъ много потерять, то порядокъ представляетъ для нихъ большую важность.

Можно также сказать, что при аристократическомъ устройствѣ народъ защищенъ отъ крайностей деспотизма, потому что всегда есть налицо организованная сила, готовая къ сопротивленію деспоту.

Демократія безъ мѣстныхъ учрежденій не имѣетъ никакой гарантіи противъ подобныхъ золъ.

Какъ сдѣлать, чтобы толпа переносила свободу въ большихъ дѣлахъ, когда она въ малыхъ не научилась ею пользоваться?

Какимъ образомъ противиться тиранніи въ странѣ, гдѣ каждая отдѣльная личность слаба и гдѣ онѣ не соединены никакимъ общимъ интересомъ?

Тѣ, кто опасается распущенности, и тѣ, кто боится абсолютной власти, должны поэтому одинаково желать постепеннаго развитія свободы провинціальныхъ учрежденій

Я впрочемъ убѣжденъ, что нѣтъ народовъ болѣе способныхъ подпасть подъ иго административной централизаціи, какъ тѣ, которые имѣютъ демократическій общественный строй.

Къ этому результату приводятъ многія причины, между прочимъ и слѣдующая:

Эти народы постоянно бываютъ склонны сосредоточивать всю правительственную силу въ рукахъ единственной власти, непосредственно представляющей собою народъ, потому что за народомъ нѣтъ болѣе ничего, кромѣ отдѣльныхъ, равныхъ другъ другу, личностей, слитыхъ въ общую массу.

Но когда одна власть облечена всѣми атрибутами правительства, то очень трудно сдѣлать, чтобъ она не старалась проникнуть въ частности администраціи, и въ теченіе сколько-нибудь продолжительнаго срока она всегда найдетъ случай къ этому. Мы были у насъ этому свидѣтелями.

Французская революція представляла два движенія въ противоположномъ направленіи, которыя не слѣдуетъ смѣшивать одно съ другимъ: одно способствовало развитію свободы, другое—развитію деспотизма.

Въ старинной монархіи одинъ король издавалъ законъ. Ниже верховной власти находились нѣкоторые, на половину уничтоженные, остатки провинціальныхъ учрежденій. Эти мѣстныя учрежденія были несогласованы другъ съ другомъ, дурно организованы, часто нелѣпы. Въ рукахъ аристократіи они служили иногда орудіями притѣсненія.

Революція одновременно высказалась и противъ королевской власти и противъ провинціальныхъ учрежденій. Она соединила въ одномъ чувствѣ ненависти все предшествовавшее ей—и абсолютную власть, и то, что могло умѣрять ея суровость; она сразу проявила направленія и къ республикѣ, и къ централизаціи.

Этотъ двойной характеръ французской революціи представлялъ изъ себя фактъ, за который очень старательно ухватились сторонники абсолютной власти. Видя, какъ они защищаютъ административную централизацію, вы полагаете, что они трудятся въ пользу деспотизма? Ничуть; онѣ защищаютъ одно изъ великихъ пріобрѣтеній революціи (К.). Такимъ способомъ можно, оставаясь популярнымъ, быть врагомъ народныхъ правъ, быть скрытымъ слугою тиранніи и явнымъ поклонникомъ свободы.

Я былъ въ двухъ странахъ, развившихъ у себя въ наибольшей степени

систему свободныхъ мѣстныхъ учрежденій, и слышалъ голоса партій, на которыя раздѣляются эти двѣ націи.

Въ Америкѣ я встрѣчалъ людей, втайнѣ стремящихся уничтожить демократическія учрежденія ихъ страны. Въ Англіи я находилъ другихъ, открыто нападавшихъ на аристократію. Но я не видѣлъ ни одного, кто бы не считалъ великимъ благомъ свободныя мѣстныя учрежденія.

Я слышалъ въ обѣихъ странахъ, что бѣдствія государства приписывались тысячѣ разнообразныхъ причинъ, но никогда не общинной свободѣ.

Я слышалъ также, какъ граждане объясняли благополучіе своего отечества множествомъ причинъ, но всѣ они ставили впереди и во главѣ всѣхъ другихъ преимущества мѣстной свободы.

Могу ли я думать, чтобы люди, естественнымъ образомъ имѣющіе мнѣнія настолько различныя, что они не сходятся ни въ религіозныхъ ученіяхъ, ни въ политическихъ теоріяхъ, оказываются согласными относительно одного факта, притомъ такого, о которомъ они всего лучше могутъ знать, такъ какъ онъ каждый день происходитъ на ихъ глазахъ, и чтобы этотъ-то фактъ оказался ошибочнымъ.

Только тѣ народы отрицаютъ полезность мѣстныхъ учрежденій, у которыхъ ихъ вовсе нѣтъ, или мало; такъ что только кто ихъ не знаетъ, тотъ и не одобряетъ.

ГЛАВА VI.

Судебная власть въ Соединенныхъ Штатахъ и ея вліяніе на политическое общество.

Англо-американцы сохранили за судебною властью всѣ признаки, отличающіе ее у другихъ народовъ. — Однако они сдѣлали изъ нея великую политическую силу. — Какимъ образомъ. — Въ чемъ судебная система англо-американцевъ отличается отъ всѣхъ прочихъ. — Почему американскіе судьи имѣютъ право признавать законы противорѣчащими конституціи. — Какъ американскіе судьи пользуются этимъ правомъ.—Предосторожности, принятыя законодателемъ для предупрежденія злоупотребленія этимъ правомъ.

Я счелъ себя обязаннымъ посвятить особую главу судебной власти. Ея политическое значеніе такъ велико, что говорить о ней мимоходомъ значило бы, какъ мнѣ казалось, умалять ея важность въ глазахъ читателей.

Федеративные союзы бывали и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Америки; были и республики въ другихъ странахъ, кромѣ береговъ Новаго Свѣта; представительная система принята во многихъ государствахъ Европы; но я не думаю, чтобъ у какого-нибудь народа на свѣтѣ судебная власть была устроена такимъ же образомъ, какъ у американцевъ.

Что иностранцу всего труднѣе понять въ Соединенныхъ Штатахъ—это судебную организацію. Можно сказать, что нѣтъ такого политическаго событія, по поводу котораго онъ не слышалъ бы ссылки на авторитетъ судьи, изъ чего онъ естественно заключаетъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ судья есть одна изъ важнѣйшихъ политическихъ силъ. Когда затѣмъ онъ начинаетъ разсматривать организацію судовъ, то съ перваго раза онъ находитъ въ нихъ только судебные атрибуты и обычаи. На его взглядъ, судья повидимому вступаетъ въ общественныя дѣла не иначе, какъ случайно; но случайность эта повторяется ежедневно.

Когда парижскій парламентъ дѣлалъ представленія королю и отказы-

вался зарегистрировать какой-нибудь указъ, или когда онъ самъ вызывалъ къ себѣ на судъ какого-нибудь чиновника, нарушившаго свои служебныя обязанности, то политическое дѣйствіе судебной власти проявлялось явно. Но ничего подобнаго не бываетъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Американцы сохранили за судебною властью всѣ признаки, обычно ее отличающіе. Они заключили ее въ тѣ границы, въ которыхъ она обыкновенно дѣйствуетъ.

Первое отличительное свойство судебной власти у всѣхъ народовъ состоитъ въ томъ, что она служитъ посредникомъ въ спорѣ. Чтобы дѣйствіе суда имѣло мѣсто, необходимо существованіе спора. Чтобы былъ судья, нужно, чтобы было судебное дѣло. Стало-быть, до тѣхъ поръ, пока законъ не даетъ основанія для спора, судебная власть не имѣетъ повода его касаться. Она существуетъ, но не видитъ его. Если судья по поводу какого-нибудь судебнаго дѣла высказывается противъ закона, имѣющаго отношеніе къ этому дѣлу, то онъ расширяетъ кругъ своихъ правъ, но не выходитъ изъ него, такъ какъ, чтобъ обсудить дѣло, ему приходится нѣкоторымъ образомъ обсуждать законъ. Если же онъ высказывается относительно закона, не исходя изъ судебнаго дѣла, то онъ совершенно выходитъ изъ своей сферы и вступаетъ въ сферу законодательной власти.

Второе отличительное свойство судебной власти есть то, что оно постановляетъ рѣшенія только по частнымъ случаямъ, а не относительно общихъ принциповъ. Когда при разрѣшеніи судьей частнаго вопроса уничтожается общее положеніе вслѣдствіе той увѣренности, что если каждое слѣдствіе его будетъ такимъ же образомъ уничтожаться, то и самое положеніе сдѣлается недѣйствительнымъ, то судья все же остается въ предѣлахъ естественнаго круга своей дѣятельности; но если судья прямо выступаетъ противъ общаго принципа и разрушаетъ его, не имѣя въ виду частнаго случая, то онъ выходитъ изъ тѣхъ границъ, въ которыхъ онъ заключенъ по общему согласію всѣхъ народовъ. Онъ становится чѣмъ-то уже болѣе значительнымъ, можетъ быть болѣе полезнымъ чѣмъ судья, но онъ уже перестаетъ быть представителемъ судебной власти.

Третье свойство судебной власти состоитъ въ томъ, что она можетъ дѣйствовать только будучи приглашена къ этому кѣмъ-нибудь, или, по юридическому выраженію, въ силу вчинанія судебнаго дѣла. Это свойство не имѣетъ такого общаго проявленія, какъ два другія. Я впрочемъ думаю, что, несмотря на исключенія, его можно считать существеннымъ. По природѣ своей судебная власть недѣятельна: нужно ее привести въ движеніе, чтобъ она стала двигаться. Ей доносятъ о преступленіи—и она наказываетъ преступника; ее призываютъ къ исправленію несправедливости—и она исправляетъ ее; предъявляютъ ей документъ—и она разъясняетъ его значеніе. Но сама она не начинаетъ ни преслѣдованія преступниковъ, ни изслѣдованія несправедливости, ни разсмотрѣнія фактовъ. Судебная власть нарушила бы нѣкоторымъ образомъ эту природную пассивность, еслибъ она сама приняла на себя инициативу и сдѣлалась бы цензоромъ законовъ.

Американцы сохранили за судебною властью эти три отличительныя особенности. Американскій судья можетъ высказываться только тогда, когда есть споръ; онъ вѣдаетъ всегда лишь частные случаи, и чтобы дѣйствовать, онъ долженъ ожидать, пока къ нему обратятся.

Слѣдовательно, американскій судья сходенъ съ судьями другихъ націй. Однакожь онъ облеченъ громадною политической властью.

Отчего это происходитъ? Онъ дѣйствуетъ въ томъ же кругу и тѣми же

средствами, какъ и другіе судьи. Почему же онъ имѣетъ такое значеніе, котораго тѣ не имѣютъ?

Причина этого заключается въ одномъ фактѣ: Американцы признали за судьями право основывать свои рѣшенія больше на конституціи, чѣмъ на законахъ. Другими словами, они дозволили имъ не примѣнять тѣхъ законовъ, которые будутъ имъ казаться противными конституціи.

Я знаю, что подобнаго права иногда требовали для себя и судебныя учрежденія другихъ странъ; но оно имъ никогда не было дано. Въ Америкѣ оно признается всѣми властями, и нѣтъ ни одной партіи, даже ни одного человѣка, которые бы его оспаривали.

Объясненіе этого должно находиться въ самыхъ основаніяхъ американскихъ конституцій.

Во Франціи конституція неизмѣнна, или считается за неизмѣнную. Никакая власть не можетъ въ ней ничего перемѣнить: такова общепринятая теорія (L.)

Въ Англіи за парламентомъ признается право дѣлать измѣненія въ конституціи. Слѣдовательно, въ Англіи конституція можетъ безпрерывно мѣняться, или лучше сказать—ея не существуетъ. Парламентъ въ одно и то же время есть и законодательное и учредительное собраніе (M.)

Въ Америкѣ политическія теоріи проще и раціональнѣе.

Американская конституція не предполагается незыблемой, какъ во Франціи, но и не можетъ быть измѣнена обыкновенными общественными властями, какъ въ Англіи. Она образуетъ особое цѣлое, которое, служа выраженіемъ воли всего народа, обязательно какъ для законодателей, такъ и для простыхъ гражданъ, но которое волею же народа можетъ быть измѣнено, согласно установленнымъ правиламъ и въ заранѣе предвидѣнныхъ случаяхъ.

Такимъ образомъ въ Америкѣ конституція можетъ измѣняться; но пока она существуетъ, она есть источникъ всякой власти. Верховная сила заключается въ ней одной.

Легко видѣть, какъ эти различія должны отразиться на положеніи и правахъ судебныхъ учрежденій въ трехъ упомянутыхъ мною странахъ.

Еслибы во Франціи суды могли не повиноваться законамъ на томъ основаніи, что они находятъ ихъ противорѣчащими конституціи, то учредительная власть оказалась бы въ дѣйствительности въ ихъ рукахъ, такъ какъ они одни имѣли бы право разъяснять конституцію, буквальное выраженіе которой не могло быть никѣмъ измѣнено. Такимъ образомъ они стали бы на мѣсто націи и получили бы господство надъ обществомъ по крайней мѣрѣ постольку, поскольку это допустила бы присущая судебной власти слабость дѣйствія.

Я понимаю, что, не давая судьямъ право объявлять законы противорѣчащими конституціи, мы косвенно даемъ законодательному собранію возможность измѣнять конституцію, такъ какъ она въ такомъ случаѣ не встрѣчаетъ легальнаго препятствія, которое бы его остановило. Но все же лучше предоставить право измѣнять конституцію народа людямъ хотя не совершенно представляющимъ народную волю, чѣмъ другимъ людямъ, представляющимъ только самихъ себя.

Еще болѣе неразумно было бы давать англійскимъ судьямъ право не соглашаться съ волей законодательнаго собранія, такъ какъ парламентъ, создающій законъ, создаетъ точно также и конституцію, и слѣдовательно нельзя ни въ какомъ случаѣ назвать неконституціоннымъ законъ, исходящій отъ трехъ элементовъ власти.

Ни то, ни другое изъ этихъ разсужденій не приложимо къ Америкѣ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ конституція господствуетъ надъ законодателями также какъ и надъ простыми гражданами. Она, значитъ, есть первенствующій законъ и не можетъ быть измѣнена никакимъ закономъ. Слѣдовательно, суды правильно повинуются конституціи предпочтительно передъ всѣми другими законами. Это отношеніе вытекаетъ изъ самой сущности судебной власти: право судьи выбирать между законными постановленіями тѣ, которыя наиболѣе для него обязательны, есть, нѣкоторымъ образомъ, его естественное право.

Во Франціи конституція есть также первенствующій законъ, и судьи имѣютъ такое же право принимать ее за основаніе своихъ рѣшеній; но, пользуясь этимъ правомъ, они неизбѣжно вступили бы въ область другого права, еще болѣе священнаго,—права общества, во имя котораго они дѣйствуютъ. Здѣсь обыкновенные доводы должны уступать государственной необходимости.

Въ Америкѣ, гдѣ нація всегда можетъ, измѣнивъ свою конституцію, принудить судебную власть къ повиновенію, подобной опасности бояться нечего. Въ этомъ пунктѣ, стало-быть, логика и политика сходятся, и какъ народъ, такъ и судья сохраняютъ въ немъ одинаково свои привилегіи.

Слѣдовательно, если въ Соединенныхъ Штатахъ передъ судомъ дѣлается ссылка на законъ, который по взгляду судьи противорѣчитъ конституціи, то судья можетъ отказать въ его примѣненіи. Это есть единственное особенное право, принадлежащее американскому судьѣ, но изъ него вытекаетъ большое политическое вліяніе.

Въ самомъ дѣлѣ, очень мало такихъ законовъ, которые по своей природѣ могли бы надолго ускользать отъ судебнаго анализа, потому что лишь очень немногіе изъ нихъ не касаются личнаго интереса и не могутъ или не должны быть указываемы тяжущимися на судѣ.

Но какъ только судья откажетъ въ примѣненіи какого-нибудь закона въ судебномъ дѣлѣ, такъ тотчасъ этотъ законъ теряетъ часть своего моральнаго значенія. Тѣ, кому онъ не выгоденъ, узнаютъ тогда, что есть способъ уклониться отъ обязательнаго его исполненія: число процентовъ увеличивается и законъ дѣлается безсильнымъ. Тогда происходитъ одно изъ двухъ: или народъ измѣняетъ свою конституцію, или законодательная власть отмѣняетъ свой законъ.

Такимъ образомъ американцы дали своимъ судебнымъ учрежденіямъ огромную политическую власть; но, поставивши ихъ въ возможность бороться съ закономъ только судебнымъ порядкомъ, они значительно уменьшили опасность такой власти.

Еслибы судья могъ нападать на законъ въ теоретическомъ и общемъ смыслѣ; еслибъ онъ могъ взять на себя иниціативу критики законодательства, то онъ съ блескомъ выступилъ бы на политическую сцену; ставши защитникомъ или противникомъ какой-нибудь партіи, онъ привлекъ бы къ участію въ борьбѣ всѣ страсти, раздѣляющія страну. Но когда судья противодѣйствуетъ закону въ незамѣтномъ состязаніи и въ примѣненіи къ частному случаю, то онъ отчасти скрываетъ отъ взглядовъ общества важное значеніе своего противодѣйствія. Цѣль его рѣшенія состоитъ только въ воздѣйствіи на частный интересъ: законъ же страдаетъ при этомъ лишь случайно.

Притомъ законъ, которому такимъ образомъ высказывается порицаніе, не исчезаетъ; его моральная сила является уменьшенной, но матеріальное

его дѣйствіе не пріостанавливается. Только мало-по-малу, подъ повторенными ударами судебной практики, законъ наконецъ уничтожается.

Кромѣ того, понятно, что когда критика законовъ возлагается на частный интересъ и когда искъ противъ закона тѣсно связывается съ искомъ противъ даннаго лица, то можно быть увѣреннымъ, что законодательство не будетъ подвергаться легкомысленнымъ нападкамъ. При такой системѣ оно уже не является открытымъ для ежедневнаго нападенія со стороны разныхъ партій. Указаніе на ошибку законодательства вытекаетъ изъ дѣйствительной потребности; критика отправляется отъ факта положительнаго и опредѣленнаго, такъ какъ онъ долженъ служить основаніемъ судебнаго рѣшенія.

Возможно, что такой способъ дѣйствія американскихъ судовъ будетъ наиболѣе благопріятнымъ и для свободы, также какъ онъ оказывается всего благопріятнѣе для общественнаго порядка.

Если бы судья могъ только прямо нападать на законодателей, то въ иное время онъ бы побоялся это дѣлать, въ другое время духъ партіи наталкивалъ бы его на эти попытки. Такимъ образомъ выходило бы, что законы оспаривались бы тогда, когда власть, отъ которой они исходятъ, была бы слаба и что имъ безропотно покорялись бы при существованіи сильной власти; т.-е. что часто законы водвергались бы нападкамъ тогда, когда было бы полезнѣе уважать ихъ, а уважались бы тогда, когда во имя ихъ легко можно бы было дѣйствовать угнетающимъ образомъ.

Но американскій судья, вопреки своему желанію, выводится на политическую арену. Онъ судитъ о законѣ только потому, что ему надо судить о данномъ процессѣ, о которомъ онъ не можетъ не судить. Подлежащій его разрѣшенію политическій вопросъ связанъ съ интересами тяжущихся, и онъ не можетъ отказаться отъ его разрѣшенія, не совершивши отказа въ правосудіи. Свою дѣятельность въ качествѣ гражданина онъ проявляетъ, исполняя возложенныя на него обязанности въ средней сферѣ судейской профессіи. Правда, что такимъ образомъ юридическая цензура судовъ относительно законодательства не можетъ безразлично распространяться на всѣ законы, потому что между ними есть такіе, которые никогда не могутъ подать повода къ ясно формулированному спору, называемому тяжбою. И даже когда такой споръ возможенъ, то можно себѣ представить случаи, когда не найдется никого, кто бы пожелалъ обратиться къ суду.

Американцы часто сознавали это неудобство, но они сохранили несовершенное лѣкарство изъ страха, чтобы, распространяясь на всѣ случаи, оно не оказало слишкомъ сильнаго и опаснаго дѣйствія.

Но и оставаясь въ своихъ границахъ данная американскимъ судамъ власть высказываться о несоотвѣтствіи законовъ конституціи составляетъ все же одну изъ самыхъ могущественныхъ преградъ, которыя когда-либо были противопоставлены тиранніи политическихъ собраній.

Другія права, данныя американскимъ судьямъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ всѣ граждане имѣютъ право обвинять должностныхъ лицъ передъ обыкновенными судами.—Какъ они пользуются этимъ правомъ.—75 ст. французской конституціи VIII года. Американцы и англичане не могутъ понять смысла этой статьи.

Не знаю, можно ли мнѣ говорить, что въ такомъ свободномъ народѣ, какъ американцы, всѣ граждане имѣютъ право обвинять общественныхъ

должностныхъ лицъ передъ обыкновенными судами и что всѣ судьи имѣютъ право постановлять приговоръ относительно должностныхъ лицъ,—настолько это естественно.

Предоставленіе судамъ права наказывать агентовъ исполнительной власти, нарушающихъ законъ, не есть особая привилегія, даваемая судамъ. Напротивъ, запрещать имъ это значитъ отнимать у нихъ естественно принадлежащее имъ право.

Я не замѣтилъ, чтобы въ Соединенныхъ Штатахъ установленіе отвѣтственности всѣхъ чиновниковъ передъ судомъ повело къ ослабленію силъ правительства.

Мнѣ казалось, напротивъ, что, поступая такимъ образомъ, американцы увеличили уваженіе къ правящимъ лицамъ, такъ какъ послѣднія гораздо болѣе заботятся о томъ, чтобъ избѣжать критики.

Точно также я не наблюдалъ, чтобы въ Соединенныхъ Штатахъ возбуждалось много политическихъ процессовъ, и я легко объясняю это себѣ. Процессъ, каковъ бы онъ ни былъ, есть всегда дѣло трудное и дорого стоющее. Легко обвинять общественнаго дѣятеля въ газетахъ, но призвать его въ судъ рѣшаются не иначе, какъ въ силу серьезныхъ мотивовъ. Поэтому, чтобы предъявить къ чиновнику юридическое обвиненіе, необходимо имѣть справедливый поводъ къ жалобѣ; а когда чиновники боятся судебнаго преслѣдованія, то они никогда не дадутъ такого повода.

Это не зависитъ отъ принятой американцами республиканской формы правленія, такъ какъ подобный же опытъ ежедневно можетъ быть сдѣланъ и въ Англіи.

Эти два народа не считали, что независимость ихъ будетъ обезпечена дозволеніемъ предавать суду главнѣйшихъ агентовъ власти. Они полагали, что обезпеченіе свободы достигается скорѣе посредствомъ мелкихъ судебныхъ дѣлъ, которыя могутъ ежедневно вестись самыми неважными гражданами, чѣмъ посредствомъ большихъ процессовъ, къ которымъ никто никогда не обращается, или которые начинаются слишкомъ поздно.

Въ средніе вѣка, когда очень трудно было ловить преступниковъ, судьи, къ которымъ попадались нѣкоторые изъ нихъ, часто подвергали этихъ несчастныхъ ужаснымъ мученіямъ, что однако не уменьшало числа виновныхъ. Съ тѣхъ поръ нашли, что, сдѣлавшись и болѣе вѣрнымъ и, болѣе мягкимъ правосудіе становится въ то же время и болѣе дѣйствительнымъ.

Американцы и англичане полагаютъ, что къ произволу и тираніи надо относиться какъ къ воровству, т.-е. облегчить преслѣдованіе и смягчить наказаніе.

Въ VIII году Французской республики появилась конституція, въ которой ст. 75 была изложена такъ: „Правительственные агенты, за исключеніемъ министровъ, не иначе могутъ подвергаться преслѣдованію за дѣйствія, относящіяся къ ихъ служебнымъ обязанностямъ, какъ по постановленію государственнаго совѣта; въ послѣднемъ случаѣ обвиненіе вѣдается обыкновенными судами“.

Конституціи VIII года уже не существуетъ, но отъ нея сохранилась эта статья, которую и теперь еще ежедневно противопоставляютъ справедливымъ требованіемъ гражданъ.

Я часто пробовалъ объяснять американцамъ или англичанамъ смыслъ этой 75-й статьи, и всегда это оказывалось для меня очень труднымъ.

Прежде всего они замѣчали, что такъ какъ государственный совѣтъ есть важное присутственное мѣсто, постоянно находящееся въ центрѣ го-

сударства, то предварительное отправленіе къ нему всѣхъ жалобщиковъ является нѣкотораго рода тираніей.

Но когда я пытался объяснить имъ, что государственный совѣтъ не есть судебное учрежденіе въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, но административное присутственное мѣсто, члены котораго зависятъ отъ короля, такъ что король, приказавши, въ силу своей верховной власти, одному изъ своихъ слугъ, называемому префектомъ, совершить какое-нибудь беззаконіе, можетъ въ силу той же верховной власти приказать другому слугѣ, называемому государственнымъ, совѣтникомъ, воспрепятствовать наказанію перваго; когда я указалъ имъ, что гражданинъ пострадавшій отъ королевскаго распоряженія, принужденъ просить самого же короля о разрѣшеніи ему обратиться къ правосудію, то они отказывались вѣрить подобной безсмыслицѣ и обвиняли меня во лжи и въ невѣжествѣ.

Въ старинной монархіи часто случалось, что парламентъ постановлялъ объ арестѣ чиновника, оказавшагося виновнымъ въ преступленіи. Иногда королевская власть, вмѣшиваясь въ дѣло, уничтожала это постановленіе. Тогда деспотизмъ проявлялся открыто и повиновеніе было результатомъ подчиненія только силѣ.

Мы, значитъ, далеко отошли назадъ отъ положенія, достигнутаго нашими предками, потому что мы допускаемъ подъ видомъ правосудія и освящаемъ именемъ закона то, что для нихъ было лишь результатомъ устрашающаго дѣйствія грубой силы.

ГЛАВА VII.

Политическіе приговоры въ Соединенныхъ Штатахъ.

Что авторъ понимаетъ подъ названіемъ политическаго приговора.—Какъ понимается значеніе политическаго приговора во Франціи, Англіи и Соединенныхъ Штатахъ.—Въ Америкѣ политическій судъ имѣетъ въ виду только общественныхъ должностныхъ лицъ.—Онъ болѣе приговариваетъ къ устраненію отъ должности, чѣмъ къ наказанію. — Политическое обвиненіе есть обычное средство правительства. — Политическій приговоръ, въ томъ видѣ, какъ его понимаютъ въ Соединенныхъ Штатахъ, несмотря на свою мягкость, а можетъ-быть и въ силу своей мягкости, есть очень сильное оружіе въ рукахъ большинства.

Подъ названіемъ политическаго приговора я разумѣю опредѣленіе, постановляемое политическимъ собраніемъ, облеченнымъ временно судебною властью.

Для правительства, обладающаго неограниченною властью, безполезно придавать судамъ чрезвычайныя формы. Такъ какъ государь, отъ имени котораго возбуждено преслѣдованіе противъ обвиняемаго, есть господинъ надъ судомъ, какъ и надо всѣмъ остальнымъ, то ему нѣтъ надобности искать гарантіи въ чемъ-нибудь другомъ, кромѣ существующаго представленія объ его могуществѣ. Единственно чего онъ можетъ бояться, это того, что не будетъ соблюденъ даже внѣшній видъ справедливости и что власти его будетъ нанесено безчестіе отъ желанія ее укрѣпить.

Но въ большей части свободныхъ странъ, въ которыхъ большинство никогда не можетъ дѣйствовать на суды такъ, какъ бы это могъ сдѣлать абсолютный монархъ, случалось иногда, что судебная власть на короткое время переходила прямо въ руки представителей общества. Считали за лучшее временно смѣшать такимъ образомъ разнаго рода власти, чѣмъ на-

рушить необходимый принципъ правительственнаго единства. Англія, Франція и Соединенные Штаты ввели въ свои законы политическій судъ; любопытно изслѣдовать, какой результатъ получился изъ этого для каждаго изъ трехъ великихъ народовъ.

Въ Англіи и во Франціи палата пэровъ образуетъ верховный уголовный судъ [1]) націи. Она не судитъ всѣ политическія преступленія, но имѣетъ право судить ихъ всѣ.

Рядомъ съ палатой пэровъ существуетъ другая политическая власть, обладающая правомъ возбуждать обвиненіе. Единственная разница, существующая въ этомъ отношеніи между двумя странами, состоитъ въ томъ, что въ Англіи депутаты могутъ обвинять передъ пэрами кого имъ угодно, тогда какъ во Франціи они могутъ преслѣдовать такимъ образомъ только однихъ королевскихъ министровъ.

Впрочемъ, въ обѣихъ странахъ палата пэровъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи всѣ уголовные законы, чтобы на основаніи ихъ карать виновныхъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, также какъ и въ Европѣ, одинъ изъ двухъ отдѣловъ законодательнаго собранія облеченъ правомъ возбуждать обвиненія, а другой—правомъ судить. Представители указываютъ виновнаго, а сенатъ присуждаетъ его къ наказанію.

Но сенатъ можетъ начать дѣло лишь по иниціативѣ *представителей*, а представители могутъ передъ нимъ обвинять только *должностныхъ лицъ*. Такимъ образомъ компетенція сената уже, чѣмъ компетенція французскаго суда пэровъ, а представители имѣютъ болѣе широкое право обвиненія, чѣмъ наши депутаты.

Но вотъ въ чемъ состоитъ самая большая разница между Америкой и Европой. Въ Европѣ политическіе суды могутъ примѣнять всѣ постановленія уголовнаго кодекса. Въ Америкѣ, послѣ того какъ они снимутъ съ виновнаго его общественный характеръ и объявятъ его недостойнымъ занимать въ будущемъ какую-нибудь государственную должность, ихъ права прекращаются и начинается дѣло подлежащее веденію обыкновенныхъ судовъ.

Предположимъ, что президентъ Соединенныхъ Штатовъ совершилъ преступленіе государственной измѣны.

Палата представителей возбуждаетъ противъ него обвиненіе; сенаторы рѣшаютъ устранить его отъ должности. Затѣмъ онъ долженъ предстать передъ судомъ присяжныхъ, который одинъ имѣетъ право лишить его свободы или жизни.

Это обстоятельство окончательно бросаетъ яркій свѣтъ на занимающій насъ предметъ.

Вводя въ свои законы суды по политическимъ преступленіямъ, европейцы желали достигнуть до важныхъ преступниковъ, каково бы ни было ихъ происхожденіе, общественное положеніе и власть ихъ въ государствѣ. Для этого они соединили временно въ одномъ большомъ политическомъ учрежденіи всѣ судебныя права и преимущества.

Тогда законодатель превратился въ судью; онъ получилъ возможность установить преступленіе, опредѣлить его значеніе и подвергнуть его наказанію. Давши ему право судьи, законъ возложилъ на него и всѣ судейскія

---

[1]) Судъ пэровъ въ Англіи образуетъ кромѣ того послѣднюю апелляціонную инстанцію въ нѣкоторыхъ гражданскихъ дѣлахъ. См. Блекстонъ, кн. III, гл. IV.

обязанности и связалъ его соблюденіемъ всѣхъ формальныхъ сторонъ правосудія.

Когда французскій и англійскій политическій судъ имѣетъ передъ собою въ качествѣ обвиняемаго какого-нибудь правительственнаго чиновника и постановляетъ противъ него обвинительный приговоръ, то тѣмъ самымъ онъ лишаетъ его служебнаго положенія и можетъ объявить его недостойнымъ занимать его и въ будущемъ; но въ этомъ случаѣ политическое лишеніе должности и запретъ на будущее время представляютъ собою послѣдствія приговора, а не самый приговоръ.

Поэтому въ Европѣ приговоръ по политическому процессу есть скорѣе судебный актъ, чѣмъ административная мѣра.

Въ Соединенныхъ Штатахъ бываетъ наоборотъ и легко убѣдиться, что тамъ политическій приговоръ есть скорѣе административная мѣра, чѣмъ судебное дѣйствіе.

Конечно, рѣшеніе сената по формѣ своей имѣетъ характеръ судебнаго акта: постановляя его, сенаторы должны сообразоваться съ торжественными обрядами и обычными правилами судебнаго процесса. Оно имѣетъ также судебный характеръ и по мотивамъ, на которыхъ основывается; обыкновенно за основаніе своего рѣшенія сенатъ долженъ бываетъ принять преступленіе противъ общаго права. Но по своему объекту оно имѣетъ административное значеніе.

Еслибы главною цѣлью американскаго законодателя было желаніе дѣйствительно вооружить политическое собраніе обширной судебною властью, то онъ не ограничилъ бы его дѣятельность сферой должностныхъ лицъ, такъ какъ наиболѣе опасные враги государства могутъ не состоять ни на какой должности; это въ особенности вѣрно въ республикахъ, гдѣ сочувствіе партій представляетъ наибольшую силу и гдѣ человѣкъ часто бываетъ потому и сильнѣе, что онъ легально не имѣетъ никакой власти.

Еслибъ американскій законодатель желалъ дать самому обществу правоподобно судьѣ предупреждать большія преступленія страхомъ наказанія, то онъ предоставилъ бы въ распоряженіе политическихъ судовъ всѣ средства, какія есть въ уголовныхъ законахъ; но онъ далъ ему лишь несовершенное оружіе, которое не можетъ служить противъ самыхъ опасныхъ изъ числа преступниковъ; потому что лишеніе права занимать общественныя должности имѣетъ мало значенія для того, кто хочетъ разрушить самые законы.

Такимъ образомъ главная задача политическихъ приговоровъ въ Соединенныхъ Штатахъ состоитъ въ томъ, чтобъ отнять власть у того, кто дѣлаетъ изъ нея дурное употребленіе, и воспрепятствовать этому гражданину получить ее въ будущемъ. Это, какъ видно, есть административный актъ, которому придана внѣшняя форма судебнаго рѣшенія.

Въ этомъ дѣлѣ американцы, слѣдовательно, создали нѣчто смѣшанное. Они дали административному отрѣшенію отъ должности всѣ гарантіи политическаго судебнаго рѣшенія и отняли у послѣдняго его наиболѣе суровыя стороны.

Разъ это установлено, все затѣмъ оказывается въ связи: становится яснымъ, почему американскія конституціи подчиняютъ всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ судебной власти сената, исключая изъ его юридикціи военныхъ, преступленія которыхъ однако опаснѣе. Въ гражданской службѣ американцы вовсе, можно сказать, не имѣютъ смѣняемыхъ чиновниковъ; должность однихъ пожизненна, служебныя права другихъ основаны на выборѣ, который не можетъ быть отмѣненъ. Потому, чтобъ отнять у нихъ власть, всѣхъ

ихъ приходится подвергать суду. Но военные зависятъ отъ главы государства, который самъ есть гражданское должностное лицо. Поэтому всякій ударъ, направленный на него, распространяется и на нихъ [1]).

Если теперь мы сравнимъ европейскую систему съ американской относительно дѣйствія, производимаго или могущаго быть произведеннымъ тою или другою, то окажется разница не менѣе замѣтная.

Во Франціи и въ Англіи на политическій судъ смотрятъ какъ на исключительное орудіе, которымъ общество имѣетъ право пользоваться лишь для спасенія себя отъ величайшихъ бѣдствій.

Нельзя отрицать того, что политическій судъ такой, какъ его понимаютъ въ Европѣ, нарушаетъ консервативный принципъ раздѣленія властей и постоянно угрожаетъ свободѣ и жизни людей.

Въ Соединенныхъ Штатахъ политическій судъ лишь косвеннымъ образомъ нарушаетъ принципъ раздѣленія властей; онъ не грозитъ существованію гражданъ. Онъ не виситъ, какъ въ Европѣ, надъ головой каждаго, потому что онъ поражаетъ лишь того, кто, принявши на себя общественную должность, тѣмъ самымъ заранѣе подчинился его строгости.

Онъ въ одно и то же время и менѣе страшенъ, и болѣе дѣйствителенъ.

Поэтому законодатели Соединенныхъ Штатовъ смотрѣли на него не какъ на крайнее средство помощи въ случаяхъ великихъ общественныхъ бѣдствій, но какъ на обыкновенное средство управленія.

Съ этой точки зрѣнія онъ можетъ-быть оказываетъ болѣе дѣйствительное вліяніе на общественный организмъ въ Америкѣ, чѣмъ въ Европѣ. Въ самомъ дѣлѣ не слѣдуетъ заблуждаться относительно кажущейся мягкости американскихъ законовъ, поскольку они касаются политическихъ приговоровъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ Соединенныхъ Штатахъ судъ, постановляющій эти приговоры, состоитъ изъ тѣхъ же элементовъ и подчиняется тѣмъ же вліяніямъ, какъ и обвинительная власть, что даетъ почти непреодолимую силу мстительнымъ страстямъ партій. Такимъ образомъ хотя политическіе суды въ Соединенныхъ Штатахъ не могутъ приговаривать къ такимъ строгимъ наказаніямъ, какъ въ Европѣ, за то существуетъ меньше шансовъ быть ими оправданнымъ. Обвиненіе менѣе страшно, но болѣе вѣрно.

Европейцы, установляя политическіе суды, имѣли преимущественно въ виду *наказать* виновныхъ; цѣль американцевъ была *отнять* у нихъ *власть*. Политическій судъ въ Соединенныхъ Штатахъ есть нѣкоторымъ образомъ мѣра предупредительная. Поэтому судья тамъ не долженъ быть связанъ слишкомъ точными опредѣленіями уголовнаго закона.

Нѣтъ ничего страшнѣе неопредѣленности американскихъ законовъ въ отношеніи къ опредѣленію собственно такъ-называемыхъ политическихъ преступленій. „Преступленія, за которыя можетъ быть осужденъ президентъ (говорится въ конституціи Соединенныхъ Штатовъ, отдѣлъ IV, ст. I), суть государственная измѣна, подкупъ и другія значительныя преступленія и проступки“. Большая часть конституцій отдѣльныхъ штатовъ еще менѣе ясны: „Общественныя должностныя лица,—говоритъ конституція Массачусетса, могутъ быть обвинены за ихъ преступное поведеніе и за ихъ дурное управленіе“ [2]). „Всѣ должностныя лица, которыя поставили государство въ опас-

[1]) Это не значитъ, чтобъ офицера можно было лишить его чина, но его можно лишить командованія.

[2]) Глава I, отдѣлъ II, § 8.

ное положеніе дурнымъ управленіемъ, недобросовѣстностью или другими проступками, говоритъ конституція Виргиніи,—могутъ быть обвиняемы палатой депутатовъ". Есть конституціи не указывающія въ частности ни на какое преступленіе, съ цѣлью поставить должностныхъ лицъ въ положеніе неограниченной отвѣтственности [1]).

Но что въ этомъ случаѣ дѣлаетъ американскіе законы такими страшными, происходитъ, смѣлъ бы я сказать, именно отъ ихъ мягкости.

Мы видѣли, что въ Европѣ отрѣшеніе чиновника и лишеніе его права общественной службы является однимъ изъ послѣдствій наказанія, между тѣмъ какъ въ Америкѣ это и есть самое наказаніе. Изъ этого происходитъ слѣдующее: въ Европѣ политическіе суды облечены страшными правами, съ которыми они иногда не знаютъ что дѣлать; случается, что, опасаясь наказать слишкомъ строго, они вовсе не наказываютъ. Но въ Америкѣ не останавливаются передъ наказаніемъ, которое не заставляетъ страдать человѣческое чувство. Приговорить политическаго противника къ смерти, чтобъ отнять у него власть, въ глазахъ каждаго будетъ ужаснымъ убійствомъ. Объявить его недостойнымъ пользоваться этою властью и отнять ее у него, сохранивши ему свободу и жизнь, можетъ казаться результатомъ честной борьбы.

Однако этотъ, столь легко постановляемый, приговоръ составляетъ величайшее несчастіе для большинства тѣхъ, къ кому онъ примѣняется. Крупные преступники, конечно, не обратятъ вниманія на это безполезное проявленіе энергіи, обыкновенные люди сочтутъ, что такой приговоръ разрушаетъ ихъ положеніе, пятнаетъ ихъ честь и осуждаетъ ихъ на постыдную праздность, которая хуже смерти.

Такимъ образомъ политическій судъ въ Соединенныхъ Штатахъ оказываетъ на ходъ общественной жизни вліяніе тѣмъ болѣе значительное, чѣмъ менѣе оно кажется страшнымъ. Онъ не дѣйствуетъ прямо на управляемыхъ, но онъ вполнѣ отдаетъ во власть большинства тѣхъ, кто управляетъ. Онъ не даетъ законодательному собранію громадной власти, которая могла бы быть употреблена въ дѣло только въ критическія минуты,—онъ предоставляетъ ему умѣренную и правильную власть, которою оно можетъ пользоваться ежедневно. Если сила его меньше, за то пользованіе ею удобнѣе и злоупотребленіе легче.

Поэтому мнѣ кажется, что, не дозволяя политическимъ судамъ приговаривать къ уголовнымъ наказаніямъ, американцы скорѣе предупредили лишь самыя ужасныя послѣдствія тиранніи законодательныхъ учрежденій, чѣмъ самую эту тиранію. И если взвѣсить все, то еще неизвѣстно, не окажется ли, что политическій судъ въ томъ видѣ, какъ его понимаютъ въ Соединенныхъ Штатахъ, есть самое грозное орудіе, которое когда нибудь было дано въ руки большинства.

Я думаю, что легко можно будетъ замѣтить, когда американскія республики будутъ клониться къ упадку. Для этого достаточно будетъ знать, не увеличивается ли количество политическихъ приговоровъ (N).

---

[1]) См. конституціи Иллинойса, Мэна, Коннектикута и Георгіи.

ГЛАВА VIII.

О союзной конституціи.

До сихъ поръ я разсматривалъ каждый штатъ, какъ составляющій полное цѣлое, и указывалъ на различные факторы общественной жизни, приводимые въ движеніе народомъ, а также и на употребляемые имъ способы дѣйствія. Но всѣ эти государства-штаты, которыя я разсматривалъ такъ, какъ бы они были независимы, должны однако въ извѣстныхъ случаяхъ повиноваться высшей власти, именно власти Союза. Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть ту часть верховной власти, которая предоставлена Союзу, и вмѣстѣ съ тѣмъ бросить бѣглый взглядъ на союзную конституцію [1]).

Историческія условія союзной конституціи.

Происхожденіе перваго Союза.—Его слабость.—Конгрессъ обращается къ учредительной власти.—Двухлѣтній промежутокъ, протекшій между этимъ моментомъ и обнародованіемъ новой конституціи.

Тринадцать колоній, одновременно свергнувшихъ съ себя господство Англіи въ концѣ прошлаго столѣтія, имѣли, какъ выше сказано, одну религію, одинъ языкъ, одинаковые нравы и почти одинаковые законы; онѣ боролись противъ общаго врага; поэтому онѣ имѣли большія основанія для того, чтобы тѣсно соединиться другъ съ другомъ и слиться въ одну объединяющую ихъ націю.

Но такъ какъ каждая изъ нихъ жила отдѣльною жизнью и имѣла такое правительство, какое ей было нужно, то въ каждой выработаны были свои особые интересы и обычаи, вслѣдствіе чего онѣ и не желали такого полнаго и крѣпкаго союза, который бы уничтожилъ ихъ индивидуальное значеніе, усиливши общее. Отъ этого произошли два теченія: одно направлявшее англо-американцевъ къ соединенію, другое—къ раздѣленію.

Пока продолжалась война съ метрополіей, необходимость заставила отдать предпочтеніе принципу соединенія. И хотя законы, на основаніи которыхъ состоялось это соединеніе, были несовершенны, но, несмотря на то, общая связь продолжала существовать [2]).

Но какъ только миръ былъ заключенъ, такъ недостатки законодательства выказались явно: государство вдругъ какъ будто распалось. Каждая колонія, сдѣлавшись независимою республикой, захватила въ свои руки всю верховную власть. Союзное правительство, самая организація котораго обрекала его на безсиліе, и которое не поддерживалось уже болѣе сознаніемъ общественной опасности, увидало, что флагъ его, оставленный безъ защиты, подвергался оскорбленіямъ со стороны сильныхъ европейскихъ народовъ; въ то же время оно не могло найти средствъ, чтобы справляться съ индійскими племенами и чтобы платить проценты по долгамъ, сдѣланнымъ во время войнъ за независимость. Находясь на краю гибели, оно

---

[1]) См. въ концѣ книги текстъ союзной конституціи.

[2]) См. статьи первой конфедераціи, образовавшейся въ 1778 году. Эта союзная конституція только въ 1781 году была принята всѣми штатами.

См. также анализъ этой конституціи, сдѣланный *Федералистамъ* съ 15 по 22 включительно и г. Стори въ его толкованіяхъ на конституцію Соединенныхъ Штатовъ, стр. 85—115.

само оффиціально заявило о своемъ безсиліи и обратилось къ учредительной власти [1]).

Если когда нибудь Америка сумѣла на мгновеніе подняться на ту высоту словъ, на которой горделивое воображеніе ея жителей желало бы, чтобы мы всегда ее видѣли, то это было въ ту торжественную минуту, когда правительство націи такъ-сказать отрекалось отъ власти.

Что народъ энергически борется для завоеванія своей независимости, это—явленіе бывшее во всѣ вѣка. Притомъ усиліе, совершенныя американцами, чтобъ избавиться отъ господства англичанъ, были сильно преувеличены. Отдѣленные пространствомъ моря въ 1.300 льё отъ своихъ непріятелей и получая помощь отъ могущественнаго союзника, Соединенные Штаты обязаны были своею побѣдой гораздо болѣе своему положенію, чѣмъ храбрости своихъ армій, или патріотизму своихъ гражданъ. Кто рѣшится сравнивать американскую войну съ французскими революціонными войнами и усилія американцевъ съ нашими усиліями, когда Франція, подвергшись нападенію всей Европы, не имѣя ни денегъ, ни кредита, ни союзниковъ, посылала двадцатую часть своего населенія навстрѣчу непріятелю и, одной рукой туша пожаръ, горѣвшій у нея внутри, другой зажигала все вокругъ себя? Но что было новостью въ исторіи общества — это видѣть, какъ великій народъ, извѣщенный своими законодателями, что правительственная машина останавливается, безъ излишней поспѣшности и безъ страха обратилъ вниманіе на самого себя, изслѣдовалъ глубину зла, ожидалъ цѣлыхъ два года, чтобы не спѣша найти лѣкарство, и когда оно было указано, подчинился ему добровольно, такъ что это не стоило людямъ ни одной капли крови, ни одной слезы.

Когда несовершенство первой союзной конституціи сдѣлалось чувствительнымъ, тогда броженіе политическихъ партій, вызванное революціей, отчасти уже улеглось, а всѣ созданные ею великіе люди были еще живы. Это было двойное счастье для Америки. Немногочисленное собраніе [2]), взявшее на себя редактированіе второй конституціи, заключало въ себѣ лучшіе умы и благороднѣйшіе характеры, когда-либо появлявшіеся въ Новомъ Свѣтѣ. Въ немъ предсѣдательствовалъ Джорджъ Вашингтонъ.

Эта народная коммиссія, послѣ долгаго и зрѣлаго обсужденія, представила наконецъ на утвержденіе народа сводъ органическихъ законовъ, которымъ Союзъ управляется еще и въ наше время. Всѣ штаты послѣдовательно его приняли [3]). Новое союзное правительство вступило въ отправленіе своихъ обязанностей въ 1789 году послѣ двухлѣтняго междуцарствія, такъ что американская революція кончилась какъ разъ въ то время, когда начиналась наша.

Общая картина союзной конституціи.

Раздѣленіе атрибутовъ власти между верховною властью Союза и отдѣльныхъ штатовъ. — Правительственная власть штатовъ представляетъ собою общее право.—Власть Союза.—Исключеніе.

Прежде всего американцамъ представлялось слѣдующее затрудненіе: нужно было распредѣлить верховную власть такимъ образомъ, чтобы раз-

---

[1]) Конгрессъ сдѣлалъ это заявленіе 21 февраля 1787 г.

[2]) Оно состояло только изъ 55 членовъ. Въ составъ его входили Вашингтонъ, Мадиссонъ, Гамильтонъ и оба Мориса.

[3]) Онъ былъ принятъ не членами законодательныхъ собраній. Народомъ для этой

личные штаты, составлявшіе Союзъ, сохранили бы свое самоуправленіе во всемъ, что касалось только ихъ внутренняго благосостоянія, но чтобы при этомъ вся нація, представляемая Союзомъ, не потеряла бы своего единства и возможности удовлетворять своимъ общимъ потребностямъ. Задача сложная и трудно-разрѣшимая.

Невозможно было заранѣе точно и совершенно установить, какая часть власти должна принадлежать каждому изъ правительствъ, между которыми предполагалось раздѣлить верховную власть. Кто могъ предвидѣть впередъ всѣ подробности жизни народа?

Права и обязанности союзнаго правительства были просты и легко поддавались опредѣленію, потому что Союзъ былъ образованъ въ видахъ удовлетворенія нѣкоторыхъ важныхъ общихъ потребностей. Напротивъ, права и обязанности правительства отдѣльныхъ штатовъ были разнообразны и сложны, потому что правительство проникало во всѣ подробности общественной жизни.

Поэтому предметы вѣдѣнія союзнаго правительства были тщательно опредѣлены и за тѣмъ объявлено было, что все, что не вошло въ это опредѣленіе, относится къ вѣдѣнію правительства штатовъ. Такимъ образомъ управленіе штатовъ осталось въ области общаго права, а союзное управленіе сдѣлалось исключеніемъ [1]).

Но такъ какъ предвидѣли, что на практикѣ могутъ возникнуть вопросы о точныхъ предѣлахъ этого исключительнаго управленія, и было бы опасно предоставить разрѣшеніе этихъ вопросовъ обыкновеннымъ судамъ, учрежденнымъ въ различныхъ штатахъ самими же штатами, то учредили верховный союзный судъ [2]), единственный въ своемъ родѣ, вѣдѣнію котораго и было, между прочимъ, предоставлено поддержаніе того раздѣленія властей между двумя соперничающими правительствами, которое было установлено конституціей [3]).

собственно цѣли были избраны особые депутаты; въ каждомъ изъ такихъ собраній новая конституція была предметомъ обстоятельнаго обсужденія.

[1]) См. поправку къ федеральной конституціи. *Federalist* № 32, *Story*, стр. 711. *Kent's commentaries*, т. I, стр. 364.

Слѣдуетъ замѣтить, что даже во всѣхъ случаяхъ, когда конституціей не предоставлено конгрессу *исключительнаго* права установлять порядокъ для извѣстнаго рода дѣлъ, это могутъ дѣлать штаты, до тѣхъ поръ, пока конгрессъ не найдетъ нужнымъ этимъ заняться. Напр. конгрессъ имѣетъ право издать общій законъ о банкротствѣ, но онъ его не издаетъ, и тогда каждый штатъ можетъ установить его на свой манеръ. Впрочемъ этотъ пунктъ былъ установленъ только послѣ обсужденія въ судахъ, такъ что онъ касается только судопроизводства.

[2]) Дѣйствіе этого суда не непосредственное, какъ мы это увидимъ ниже.

[3]) Въ 45-й *Федералиста* это раздѣленіе верховной власти между Союзомъ и отдѣльными штатами толкуетъ такимъ образомъ: „Аттрибуты власти, переданные конституціей союзному правительству точно опредѣлены и ихъ немного, остающіяся же за отдѣльными штатами, напротивъ, неопредѣленны и многочисленны. Первые выражаются преимущественно во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, каковы, напр., война и миръ, переговоры, торговыя сношенія. Власть же удержанная за собой отдѣльными штатами распространяется на всѣ предметы, которые, совершаясь въ кругу обыкновенныхъ дѣлъ, касаются жизни, свободы и благосостоянія штата".

Мнѣ еще часто придется цитировать въ этомъ сочиненіи *Federalist*. Когда законопроектъ, сдѣлавшійся потомъ конституціей Соединенныхъ Штатовъ, находился еще передъ народомъ, на одобреніе котораго онъ былъ предложенъ, то три человѣка, бывшіе уже тогда извѣстными и сдѣлавшіеся еще болѣе знаменитыми впослѣдствіи: Джонъ Джей, Гамильтонъ и Мадиссонъ соединились вмѣстѣ съ цѣлію выяснить въ глазахъ народа достоинство проекта, переданнаго на его разсмотрѣніе. Въ этихъ видахъ они издали въ видѣ журнала рядъ статей, совокупность которыхъ составляетъ цѣлый трактатъ.

Предметы вѣдѣнія союзнаго правительства.

Принадлежащее союзному правительству право заключенія мира, объявленія войны и установленія общихъ налоговъ.—Предметы внутренней политики, которыми оно можетъ заниматься.—Управленіе союза въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе централизовано, чѣмъ королевское управленіе во время старинной французской монархіи.

Народы относятся другъ къ другу какъ отдѣльныя личности. Правительственное единство нужно главнымъ образомъ для того, чтобы выгоднымъ образомъ держать себя по отношенію къ иностранцамъ.

Поэтому союзу было дано исключительное право объявлять войну и заключать миръ, заключать торговые договоры, набирать войска и снаряжать флотъ [1]).

Необходимость національнаго правительства не такъ настоятельно выказывается въ управленіи внутренними дѣлами общества.

Однако есть нѣкоторыя общія потребности, удовлетворить которыя съ пользою можетъ только общенародная власть.

Союзу предоставлено было право установить правило относительно всего, что касается цѣны денегъ; ему же поручено было почтовое дѣло; и ему же дано было право проводить значительные пути сообщенія, которые должны были соединить различныя части территоріи [2]).

Вообще признавалось, что въ сферѣ своего вѣдѣнія правительство разныхъ штатовъ было свободно; оно однако могло злоупотреблять этою свободой и неблагоразумными мѣрами повредить безопасности всего Союза. Для такихъ рѣдкихъ и заранѣе предвидѣнныхъ случаевъ допущено было вмѣшательство союзнаго правительства во внутреннія дѣла штатовъ [3]). Такимъ образомъ, наприм., признавая за каждой изъ союзныхъ республикъ право измѣнять и отмѣнять свои законы, имъ однако было запрещено издавать законъ съ обратнымъ дѣйствіемъ или учреждать въ своей средѣ дворянское сословіе [4]).

Наконецъ, такъ какъ нужно было, чтобы союзный совѣтъ могъ исполнить возложенныя на него обязанности, то ему дано было безграничное право установлять налоги [5]).

Если обратить вниманіе на раздѣленіе властей, какъ оно было установлено союзною конституціей, и разсмотрѣть, какая часть верховной власти осталась за отдѣльными штатами и какую взялъ себѣ Союзъ, то легко увидать, что союзные законодатели составили себѣ очень живыя и правильныя понятія о томъ, что я ранѣе назвалъ правительственною централизаціей.

Соединенные Штаты образуютъ изъ себя не только республику, но и

Они дали своему журналу названіе *Федералистъ*, которое и осталось за этимъ сочиненіемъ.

Федералистъ есть прекрасная книга, которая хотя и касается спеціально Америки, но должна бы быть хорошо знакома государственнымъ людямъ всѣхъ странъ.

[1]) См. конституцію отд. VIII, *Федералистъ* № 41 и 42. *Kent's commentaries*, т. I, стр. 207 и слѣд. *Story*, стр. 329, 514.

[2]) Существуютъ еще многія права этого рода, какъ наприм. право изданія общаго закона о банкротствахъ, право выдачи патентовъ на изобрѣтенія. Довольно понятно почему въ этихъ дѣлахъ необходимо было вмѣшательство всего Союза.

[3]) Даже и въ этомъ случаѣ вмѣшательство его не прямое. Союзъ дѣйствуетъ черезъ посредство своихъ судовъ, какъ мы увидимъ далѣе.

[4]) Союзная конституція. Отд. X, ст. 1.

[5]) Конституція отд. VIII, IX, X, Federalist nº 30—36 включительно. Id. 41, 42, 43, 44. Kent's commentaries, т. I, стр. 207 и 381. Story, id, стр. 329, 514.

федерацію. Однако же національная власть въ нихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе сосредоточена, чѣмъ она была въ то время во многихъ абсолютныхъ монархіяхъ Европы. Я приведу только два примѣра.

Во Франціи считалось тринадцать верховныхъ судовъ, которые по большей части имѣли право безъапелляціонно разъяснять законы. Въ ней были кромѣ того извѣстныя провинціи, называвшіяся государственными землями, которыя, когда верховная власть, представляющая націю, рѣшала собрать налогъ, могли отказаться участвовать въ немъ.

Американскій Союзъ имѣетъ лишь одинъ судъ для изъясненія законовъ и одно законодательное собраніе для ихъ изданія. Налогъ, принятый представителями націи, обязателенъ для всѣхъ гражданъ. Значитъ, въ этихъ двухъ существенныхъ пунктахъ Союзъ болѣе централизованъ, чѣмъ была Французская монархія, несмотря на то, что Союзъ есть только собраніе соединенныхъ республикъ.

Въ Испаніи нѣкоторыя провинціи имѣли право устанавливать собственную таможенную систему, право по существу своему принадлежащее національной верховной власти.

Въ Америкѣ одинъ лишь конгрессъ имѣетъ право опредѣлять взаимныя коммерческія отношенія штатовъ. Слѣдовательно въ этомъ отношеніи управленіе Союза болѣе централизовано, чѣмъ управленіе Испанскаго королевства.

Правда, что во Франціи и Испаніи королевская власть всегда имѣла возможность, если это было нужно, сдѣлать силою то, на что не давала ему права конституція королевства, такъ что въ концѣ концовъ выходило то же самое. Но я говорю здѣсь о теоріи.

Союзная власть.

Опредѣливши для союзнаго правительства точно-очерченный кругъ дѣйствія, нужно было затѣмъ сообразить, какъ заставить его двигаться въ этомъ кругу.

Власть законодательная.

Раздѣленіе законодательнаго собранія на два отдѣла.—Различный способъ образованія двухъ палатъ.—Принципъ независимости штатовъ преобладаетъ въ образованіи сената.—Догматъ верховной власти народа—въ составѣ палаты представителей.—Странные результаты того, что конституціи лишь тогда бываютъ логичны, когда народы еще молоды.

При организаціи союзныхъ учрежденій во многихъ случаяхъ слѣдовали плану, начерченному заранѣе частными конституціями каждаго изъ штатовъ.

Законодательное собраніе Союза составлено было изъ сената и изъ палаты представителей.

Стремленіе къ соглашенію заставило руководиться при устройствѣ каждаго изъ этихъ собраній различными основаніями.

Выше я указалъ, что при установленіи союзной конституціи пришлось считаться съ двумя противоположными интересами, вслѣдствіе чего образовалось два мнѣнія.

Одни хотѣли сдѣлать изъ Союза собраніе независимыхъ государствъ, нѣчто вродѣ конгресса, на который представители отдѣльныхъ народностей съѣзжались бы для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, имѣющихъ общій интересъ.

Другіе желали соединить всѣхъ жителей старинныхъ колоній въ одну

націю и дать имъ правительство, которое хотя и имѣло бы ограниченный кругъ дѣйствія, но въ этомъ кругу дѣйствовало бы какъ единственный представитель всей націи. Практическія послѣдствія этихъ двухъ теорій были очень различны.

Такъ, еслибы дѣло шло объ организаціи союза независимыхъ государствъ, а не обще-національнаго правительства, то составленіе закона объ этомъ слѣдовало предоставить большинству штатовъ, а не большинству жителей Союза; потому что тогда каждый штатъ, большой или маленькій, сохранялъ бы за собой значеніе независимой державы и входилъ бы въ Союзъ на положеніи полнаго равенства съ другими.

Если же, наоборотъ, слѣдовало признавать, что всѣ граждане Соединенныхъ Штатовъ составляютъ одинъ народъ, то естественно, что законъ долженъ былъ быть составленъ не иначе, какъ большинствомъ гражданъ Союза.

Понятно, что маленькіе штаты не могли согласиться на примѣненіе послѣдняго взгляда, не отрекшись совершенно отъ своего существованія во всемъ, что касалось до верховной власти Союза, потому что въ такомъ случаѣ они превращались изъ государствъ, совмѣстно распоряжающихся, въ ничтожную долю большого народа. Первая система дала бы имъ слишкомъ большое значеніе, вторая ихъ бы вовсе уничтожила.

При такомъ положеніи дѣла произошло то, что почти всегда происходитъ, когда интересы не сходятся съ разсужденіями: правила логики были подчинены требованіямъ дѣйствительности. Законодатели приняли среднюю мѣру, которая насильственно примиряла двѣ системы, теоретически непримиримыя.

Принципъ независимости штатовъ взялъ верхъ при устройствѣ сената; догматъ верховной власти народа выразился въ составѣ палаты представителей.

Рѣшено было, чтобы каждый штатъ посылалъ въ конгрессъ двухъ сенаторовъ и извѣстное число представителей, пропорціональное его населенію [1]).

Результатомъ такого порядка является то, что въ настоящее время штатъ Нью-Іоркъ имѣетъ въ конгрессѣ сорокъ представителей и только двухъ сенаторовъ, штатъ Делаваръ двухъ сенаторовъ и только одного представителя. Слѣдовательно въ сенатѣ штатъ Делаваръ равенъ штату Нью-Іоркъ, тогда какъ въ палатѣ представителей послѣдній имѣетъ въ сорокъ разъ больше вліянія, чѣмъ первый. Такимъ образомъ можетъ случиться, что меньшинство населенія, преобладая въ сенатѣ, совершенно парализуетъ волю большинства, представляемую другою палатой, что противно духу конституціоннаго правленія.

Все это показываетъ, до какой степени трудно и рѣдко удается логически и раціонально связать между собою всѣ части законодательства.

---

[1]) Каждыя десять лѣтъ конгрессъ вновь опредѣляетъ количество депутатовъ, посылаемыхъ отъ каждаго штата въ палату представителей. Общее число ихъ было въ 1789 году 69, въ 1833 г.—240 (*American almanac*, 1834, стр. 194).

Въ конституціи было сказано, что число представителей не должно превышать одного на 30.000 жителей; но наименьшее ихъ число не было опредѣлено. Конгрессъ не счелъ нужнымъ увеличивать число представителей въ той же пропорціи, какъ возрастало населеніе. Первымъ закономъ, относившимся къ этому предмету 14 апрѣля 1792 года (см. *laws of the United States by* Story, т. I, стр. 235) было рѣшено, что на каждыя 33.000 жителей будетъ по одному представителю. Послѣднимъ закономъ, изданнымъ въ 1832 г. установлено число 1 представителя на 48.000 жителей. Въ составѣ представляемаго населенія считаются всѣ свободные люди и три пятыхъ невольничьяго населенія.

Съ теченіемъ времени въ одномъ и томъ же народѣ всегда возникаютъ разнообразные интересы и установляются различныя права. Когда затѣмъ приходится вводить общую конституцію, то всѣ эти интересы и права оказываются естественными препятствіями, мѣшающими проведенію всякаго политическаго принципа со всѣми его послѣдствіями. Поэтому только при самомъ возникновеніи общества можно быть вполнѣ логичнымъ въ составленіи законовъ. Когда вы видите, что какой-нибудь народъ пользуется этимъ преимуществомъ, то не спѣшите дѣлать заключеніе о его мудрости; скорѣе должно думать, что онъ еще молодъ.

Въ эпоху составленія союзной конституціи въ средѣ англо-американцевъ было только два интереса, рѣшительно противоположныхъ другъ другу: одинъ, выражавшійся въ стремленіи къ обособленію отдѣльныхъ штатовъ, другой въ стремленіи къ соединенію всего народа; нужно было прійти къ какому-нибудь компромиссу.

Надо, впрочемъ, признать, что эта часть конституціи не произвела до сихъ поръ того вреда, котораго можно было ожидать.

Всѣ штаты еще молоды; они близки другъ къ другу; нравы, понятія и потребности ихъ однородны; различіе, происходящее отъ ихъ большей или меньшей величины, недостаточно для того, чтобы создать въ нихъ слишкомъ противоположные интересы. Поэтому никогда не бывало, чтобы въ сенатѣ маленькіе штаты соединялись въ видахъ противодѣйствія намѣреніямъ большихъ. Притомъ законное выраженіе воли всего народа представляетъ собою такую непреодолимую силу, что когда большинство выскажется въ рѣшеніи палаты представителей, то въ виду его сенатъ оказывается очень слабымъ.

Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что не отъ американскихъ законодателей зависѣло сдѣлать одинъ народъ изъ населенія, которому они желали дать законы. Цѣль союзной конституціи состояла не въ уничтоженіи, а только въ ограниченіи самостоятельности штатовъ. Поэтому, если этимъ второстепеннымъ общественнымъ единицамъ оставлялась дѣйствительная власть (а отнять ее у нихъ было невозможно), то уже заранѣе приходилось отказаться отъ постояннаго примѣненія принужденія для подчиненія ихъ волѣ большинства. А разъ это было установлено, то введеніе ихъ индивидуальныхъ силъ въ составъ союзнаго управленія не представляло уже ничего необыкновеннаго. Оно только констатировало фактъ существованія признанной власти, съ которой слѣдовало ладить, а не дѣйствовать на нее насиліемъ.

Другое различіе между сенатомъ и палатой представителей.

Сенаторы назначаются провинціальными законодательными учрежденіями.— Представители избираются народомъ.— Первые проходятъ двѣ степени избранія, вторые—только одну.—Продолжительность сроковъ полномочій.—Предметы вѣдѣнія.

Сенатъ отличается отъ другой палаты не только по самому основанію представительства, но и по способу избранія, продолжительности полномочій и различію предметовъ вѣдѣнія.

Палата представителей избирается народомъ, сенатъ—законодательными собраніями каждаго штата.

Первая является результатомъ прямого выбора, второй—выбора двухстепеннаго.

Полномочія представителей продолжаются только два года; сенаторы сохраняютъ свои права въ теченіе шести лѣтъ.

Палата представителей имѣетъ только законодательныя функціи; въ судебную область она вступаетъ только тогда, когда обвиняетъ должностныхъ лицъ. Сенатъ участвуетъ въ составленіи законовъ; онъ судитъ политическія преступленія, переданныя на его обсужденіе палатою депутатовъ; кромѣ того онъ представляетъ собою главный исполнительный совѣтъ націи. Договоры, заключаемые президентомъ, для вступленія въ законную силу должны быть утверждены сенатомъ; также и для окончательнаго утвержденія избираемыхъ имъ лицъ требуется согласіе этого учрежденія [1]).

Объ исполнительной власти [2]).

Зависимость президента.—Онъ избираемъ и отвѣтственеиъ.—Въ своей сферѣ онъ свободенъ; сенатъ наблюдаетъ за нимъ, но не управляетъ его дѣйствіями.—Жалованье президента опредѣляется при его вступленіи въ должность.—Пріостанавливающее veto.

Американскіе законодатели имѣли передъ собой трудную для выполненія задачу: они хотѣли создать исполнительную власть, которая бы зависѣла отъ большинства и которая тѣмъ не менѣе была бы достаточно сильно сама по себѣ, чтобы свободно дѣйствовать въ своей сферѣ.

Сохраненіе республиканской формы правленія требовало, чтобы представитель исполнительной власти былъ подчиненъ волѣ народа.

Президентъ есть выборное должностное лицо. Его честь, имущество, свобода, жизнь составляютъ постоянное ручательство за хорошее употребленіе имъ своей власти. Притомъ въ проявленіи этой власти онъ не вполнѣ независимъ. Сенатъ наблюдаетъ за его сношеніями съ иностранными державами, а также за производимыми имъ назначеніями на должности, такъ что ни онъ не можетъ быть подкупленъ, ни самъ не можетъ подкупить другихъ.

Союзные законодатели понимали, что исполнительная власть не будетъ въ состояніи съ достоинствомъ и пользою исполнять возложенныя на нее обязанности, если имъ не удастся придать ей болѣе прочности и силы, чѣмъ сколько было предоставлено ей въ отдѣльныхъ штатахъ.

Рѣшено было выбирать президента на четыре года, съ правомъ его переизбранія. Имѣя передъ собой достаточно времени, онъ долженъ былъ имѣть и мужество трудиться на пользу общества и средства это исполнить.

Президентъ былъ сдѣланъ единственнымъ представителемъ исполнительной власти Союза. Его воля не была даже подчинена волѣ совѣта, что составляетъ опасное средство, которое, ослабляя дѣятельную силу правительства, уменьшаетъ также и отвѣтственность правителей. Сенатъ имѣетъ право сдѣлать недѣйствительными нѣкоторыя изъ распоряженій президента, но не можетъ заставить его дѣйствовать, не можетъ и раздѣлять съ нимъ исполнительную власть.

Дѣйствіе законодательныхъ учрежденій на исполнительную власть мо-

---

[1]) *Federalist*, № 52—66 включительно. *Story* стр. 199 — 314. Конституція, отд. II и III.

[2]) *Federalist*, № 67—77 включительно. Конституція, ст. II. *Story*, стр. 315 и 515—780. *Kent's commentaries*, стр. 255.

жетъ быть прямое: мы сейчасъ видѣли, что американцы приняли мѣры къ тому, чтобъ этого не было; оно можетъ быть и косвенное.

Лишая общественнаго чиновника его жалованья, палаты отнимаютъ у него долю его независимости; а такъ какъ они могутъ создавать законы, то слѣдуетъ опасаться, чтобы онѣ мало-по-малу не отняли у него ту долю власти, которую конституція желала за нимъ сохранить.

Эта зависимость исполнительной власти есть одно изъ несовершенствъ, присущихъ республиканскимъ конституціямъ. Американцы не могли отнять у законодательныхъ собраній возможности стремиться къ захвату управленія въ свои руки, но они сдѣлали это стремленіе менѣе неудержимымъ.

Содержаніе президента опредѣляется при его вступленіи въ должность на все время, пока онъ ее занимаетъ. Кромѣ того президентъ вооруженъ правомъ пріостанавливающаго veto, что позволяетъ ему задерживать изданіе законовъ, которые могли бы уничтожить долю независимости, оставленную ему конституціей. Однако борьба между президентомъ и законодательнымъ собраніемъ можетъ быть только неравная, такъ какъ послѣднее, упорствуя въ своихъ намѣреніяхъ, всегда имѣетъ возможность одержать побѣду надъ оказываемымъ ему сопротивленіемъ. Но право задерживающаго veto заставляетъ его по крайней мѣрѣ возвратиться назадъ и снова разсмотрѣть вопросъ, который на этотъ разъ можетъ быть разрѣшенъ только большинствомъ двухъ третей голосовъ. Сверхъ того veto представляетъ родъ обращенія къ народу. Посредствомъ его исполнительная власть, которая безъ этой гарантіи могла бы быть подавлена негласно, защищаетъ свое мнѣніе и заставляетъ выслушать свои доказательства. Но, упорствуя въ своихъ намѣреніяхъ, не можетъ ли законодательное собраніе всегда одолѣть сопротивленіе? На это я отвѣчу, что въ общественномъ устройствѣ всѣхъ народовъ, каково бы оно ни было, всегда есть такой пунктъ, относительно котораго законодатель принужденъ бываетъ положиться на здравый смыслъ и нравственную силу гражданъ. Этотъ пунктъ ближе и замѣтнѣе въ республикахъ, болѣе удаленъ и скрытъ въ монархіяхъ; но гдѣ-нибудь онъ всегда существуетъ. Нѣтъ такой страны, гдѣ бы законъ могъ все предвидѣть и гдѣ бы учрежденія могли замѣнить собою разумъ и нравы.

Въ чемъ положеніе президента Соединенныхъ Штатовъ отличается отъ положенія конституціоннаго короля во Франціи.

Исполнительная власть въ Соединенныхъ Штатахъ также ограничена и исключительна, какъ и верховная власть, во имя которой она дѣйствуетъ.—Во Франціи исполнительная власть, какъ и верховная власть, распространяется на все. Король участвуетъ въ составленіи законовъ. Президентъ есть только исполнитель закона.—Другія различія, вытекающія изъ различной продолжительности существованія этихъ двухъ властей.—Президентъ стѣсненъ въ сферѣ исполнительной власти.—Король въ ней свободенъ.—Несмотря на эти различія, Франція больше похожа на республику, чѣмъ Американскій Союзъ на монархію.—Сравненіе числа должностныхъ лицъ въ обѣихъ странахъ, зависящихъ отъ исполнительной власти.

Исполнительная власть играетъ такую важную роль въ судьбѣ націй, что я считаю нужнымъ остановиться здѣсь на минуту, чтобы лучше уяснить, какое положеніе занимаетъ она у американцевъ.

Чтобы получить ясное и опредѣленное понятіе о положеніи президента Соединенныхъ Штатовъ, полезно будетъ сравнить его съ положеніемъ короля въ одной изъ конституціонныхъ монархій Европы.

При этомъ сравненіи я не буду обращать большого вниманія на внѣшніе признаки власти, которые скорѣе вводятъ въ заблужденіе наблюдателя, чѣмъ служатъ для него указаніемъ.

Когда монархія мало-по-малу превращается въ республику, то исполнительная власть въ ней долго сохраняетъ титулы, почести, знаки уваженія и даже денежныя средства послѣ того, какъ оно потеряетъ дѣйствительное могущество. Англичане, отрубивши голову одному королю и согнавши съ трона другого, продолжали становиться на колѣни, говоря со своими президентами.

Съ другой стороны, когда республики подпадаютъ подъ власть одного лица, то представители правительства сохраняютъ простоту, ровность и скромность въ обращеніи, какъ будто бы они не возвышались уже надъ всѣми. Когда императоры деспотически распоряжались имуществомъ и жизнію своихъ согражданъ, въ это время говоря, съ ними, ихъ называли еще: Кесарь и они ходили запросто ужинать къ своимъ друзьямъ.

Надо, значитъ, оставить въ сторонѣ внѣшность и проникнуть глубже.

Верховная власть въ Соединенныхъ Штатахъ раздѣлена между Союзомъ и штатами, тогда какъ у насъ она едина и нераздѣльна. Изъ этого вытекаетъ первая и самая большая разница, которую я усматриваю между президентомъ Соединенныхъ Штатовъ и королемъ во Франціи.

Въ Соединенныхъ Штатахъ исполнительная власть ограничена и исключительно, также какъ и сама верховная власть отъ имени которой она дѣйствуетъ; во Франціи она, какъ и верховная власть, распространяется на все.

Американцы имѣютъ союзное правленіе, мы имѣемъ національное правленіе.

Въ этомъ состоитъ первая причина меньшаго значенія президента, вытекающая изъ самой природы вещей. Но она не единственная. Вторая по важности причина слѣдующая: верховную власть, собственно говоря, можно опредѣлить такъ: это есть власть издавать законы.

Во Франціи король въ самомъ дѣлѣ входитъ въ составъ верховной власти, потому что законъ не дѣйствителенъ безъ его утвержденія; а кромѣ того онъ есть исполнитель закона.

Президентъ есть также исполнитель закона, но онъ не участвуетъ дѣйствительно въ ихъ изданіи, потому что, отказавши въ своемъ согласіи, онъ не можетъ уничтожить законъ. Онъ, слѣдовательно, не составляетъ части верховной власти, - онъ только ея агентъ.

Король во Франціи не только самъ составляетъ часть верховной власти, но онъ принимаетъ участіе и въ образованіи законодательнаго собранія, которое составляетъ другую ея часть, назначая членовъ одной палаты и прекращая по своей волѣ срокъ полномочія другой. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ вовсе не участвуетъ въ образованіи состава законодательнаго собранія и не имѣетъ права его распускать.

Король раздѣляетъ съ палатами право предлагать законы.

Президентъ не имѣетъ подобной иниціативы.

Король имѣетъ въ средѣ палатъ нѣсколько представляющихъ его агентовъ, которые излагаютъ его взглядъ, поддерживаютъ его мнѣнія и стараются доставить господство избранному имъ правительственному направленію.

Президентъ не имѣетъ доступа въ конгрессъ, изъ котораго также исключены и его министры, такъ что вліяніе его и взглядъ могутъ лишь косвеннымъ путемъ проникать въ это собраніе.

Такимъ образомъ французскій король стоитъ наравнѣ съ законодатель-

нымъ собраніемъ, которое не можетъ дѣйствовать безъ него, какъ и онъ не можетъ дѣйствовать безъ собранія.

Президентъ стоитъ въ сторонѣ отъ законодательной власти, какъ власть низшая и зависимая.

Въ отправленіи исполнительной власти, въ чемъ положеніе президента повидимому всего больше приближается къ положенію французскаго короля, существуютъ тоже очень важныя причины, почему президентъ стоитъ ниже.

Прежде всего власть короля во Франціи имѣетъ за себя преимущество продолжительности. Но продолжительность есть одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ силы. Только то возбуждаетъ любовь и страхъ, что должно существовать долго.

Президентъ Соединенныхъ Штатовъ есть чиновникъ, избираемый на четыре года. Французскій король есть наслѣдственный глава государства.

Дѣйствуя въ качествѣ исполнительной власти, президентъ Соединенныхъ Штатовъ постоянно подвергается ревнивому надзору. Онъ подготовляетъ договоры, но не заключаетъ ихъ, избираетъ должностныхъ лицъ, но не назначаетъ ихъ [1]).

Король Франціи въ исполнительной сферѣ есть властелинъ неограниченный.

Президентъ Соединенныхъ Штатовъ отвѣтственъ за свои дѣйствія. Французскій законъ говоритъ, что личность короля неприкосновенна.

Однако же надъ тѣмъ и надъ другимъ существуетъ направляющая власть, принадлежащая общественному мнѣнію. Эта власть во Франціи имѣетъ менѣе опредѣленное значеніе, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, она менѣе признана, менѣе выражена въ законахъ, но фактически она все-таки существуетъ. Въ Америкѣ она выражается въ выборахъ и постановленіяхъ, во Франціи—въ революціяхъ. Такимъ образомъ, несмотря на различіе своей конституціи, и Франція и Соединенные Штаты имѣютъ между собою то общее, что въ нихъ, въ окончательномъ результатѣ, господствующею властью является общественное мнѣніе. Слѣдовательно источникъ законовъ у обоихъ народовъ есть, собственно говоря, одинъ и тотъ же, хотя развитіе его въ нихъ болѣе или менѣе свободно и хотя вытекающія изъ него слѣдствія часто бываютъ различны. Этотъ источникъ по природѣ своей имѣетъ существенно республиканскій характеръ. Поэтому я и полагалъ, что Франція со своимъ королемъ больше похожа на республику, чѣмъ Американскій Союзъ со своимъ президентомъ на монархію.

Во всемъ предыдущемъ я старался указывать только на главнѣйшіе пункты, въ которыхъ проявляется различіе. Еслибъ я захотѣлъ войти въ подробности, то картина получилась бы еще болѣе поразительная. Но я имѣю слишкомъ много сказать, а потому стараюсь быть краткимъ.

Я сдѣлалъ замѣчаніе, что власть президента Соединенныхъ Штатовъ проявляется только въ сферѣ ограниченной верховной власти, тогда какъ король во Франціи дѣйствуетъ въ сферѣ полной верховной власти.

Я бы могъ указать, какъ правительственная власть короля во Франціи

---

[1]) Конституція оставила подъ сомнѣніемъ вопросъ о томъ, долженъ ли президентъ спрашивать согласія сената въ случаѣ удаленія отъ должности союзнаго чиновника, также какъ и въ случаѣ его назначенія. Въ № 77 *Федералиста* вопросъ этотъ разрѣшается повидимому утвердительно; но въ 1789 году конгрессъ вполнѣ основательно рѣшилъ, что такъ какъ президентъ есть лице отвѣтственное, то невозможно заставать его дѣйствовать черезъ агентовъ, не имѣющихъ его довѣрія. См. *Kent's commentaries*, т. I, стр. 289.

переходитъ даже за свои естественныя границы и тысячью путями проникаетъ въ управленіе интересами отдѣльныхъ личностей.

Къ этой причинѣ вліянія я могъ бы прибавить еще ту, которая происходитъ отъ большаго числа лицъ, занимающихъ общественныя должности, изъ коихъ почти всѣ обязаны своимъ мѣстомъ исполнительной власти. Число это превзошло у насъ всѣ извѣстные предѣлы; оно доходитъ до 138.000 [1]). На каждые изъ этихъ 138.000 назначеній надо смотрѣть какъ на элементъ силы. Президентъ не имѣетъ неограниченнаго права назначать на общественныя должности и число этихъ должностей не превосходитъ 12.000 [2]).

Случайныя причины, могущія увеличить вліяніе исполнительной власти.

Внѣшняя безопасность, которою пользуется Союзъ.—Выжидательная политика.—Армія изъ 6.000 солдатъ.—Лишь нѣсколько кораблей.—Президентъ имѣетъ обширныя полномочія, которыми ему не приходится пользоваться.—Въ томъ, что ему приходится исполнять, онъ слабъ.

Причину, почему силъ у исполнительной власти меньше въ Америкѣ, чѣмъ во Франціи, слѣдуетъ можетъ-быть приписать еще больше обстоятельствамъ, чѣмъ законамъ.

Случаи, въ которыхъ исполнительная власть націи могла бы проявить свою ловкость и силу, встрѣчаются преимущественно при сношеніяхъ ея съ иностранцами.

Еслибы существованію Союза безпрерывно угрожала опасность, еслибы важные интересы его ежедневно приходили въ столкновеніе съ интересами другихъ могущественныхъ народовъ, то значеніе исполнительной власти въ общественномъ мнѣніи увеличилось бы какъ потому, что отъ нея ожидали бы, такъ и потому, что она дѣлала бы.

Президентъ Соединенныхъ Штатовъ есть, правда, начальникъ арміи, но эта армія состоитъ изъ 6.000 солдатъ; онъ начальствуетъ и флотомъ, но во флотѣ считается лишь нѣсколько кораблей; онъ завѣдуетъ отношеніями Союза къ иностраннымъ государствамъ, но у Соединенныхъ Штатовъ нѣтъ сосѣдей. Будучи отдѣлены отъ остальнаго міра океаномъ и будучи еще слишкомъ слабы, чтобы разсчитывать на господство на морѣ, они не имѣютъ враговъ и интересы ихъ только изрѣдка приходятъ въ соприкосновеніе съ интересами другихъ народовъ земного шара.

Изъ этого ясно видно, что не слѣдуетъ судить о правительственной практикѣ на основаніи теоріи.

Президентъ Соединенныхъ Штатовъ обладаетъ почти королевскими прерогативами, которыми онъ не имѣетъ случая пользоваться, и права, которыми до сихъ поръ онъ могъ пользоваться, очень ограничены. Законы позволяютъ ему быть сильнымъ, но обстоятельства дѣлаютъ его слабымъ.

Напротивъ, именно обстоятельства, даже больше чѣмъ законы, даютъ королевской власти во Франціи ея наибольшую силу.

---

[1]) Суммы, уплачиваемыя государствомъ этимъ различнымъ чиновникамъ ежегодно, достигаютъ 200.000.000 франковъ.

[2]) Ежегодно въ Соединенныхъ Штатахъ издается календарь, называемый *National Calendar*; въ немъ находятся имена всѣхъ должностныхъ лицъ Союза. Указанное здѣсь число я взялъ изъ *National Calendar* на 1833 годъ.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что Французскій король располагаетъ въ одиннадцать разъ большимъ числомъ мѣстъ, чѣмъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ, хотя населеніе Франціи только въ полтора раза больше населенія Союза.

Во Франціи исполнительная власть находится въ безпрерывной борьбѣ съ величайшими препятствіями и располагаетъ громадными средствами для того, чтобъ ихъ преодолѣвать. Значеніе ея возрастаетъ соотвѣтственно величинѣ исполняемыхъ ею дѣлъ и важности управляемыхъ ею событій, хотя при этомъ конституціонное положеніе ея не измѣняется.

Еслибы законъ сдѣлалъ ее такою же слабою и ограниченною, какъ исполнительная власть Американскаго Союза, то вліяніе ея все же скоро сдѣлалось бы гораздо больше.

Почему для президента Соединенныхъ Штатовъ, чтобы управлять дѣлами, не нужно имѣть за себя большинства въ палатахъ.

Въ Европѣ признается за аксіому, что конституціонный король не можетъ управлять, когда мнѣніе законодательныхъ палатъ не согласуется съ его взглядами.

Въ Соединенныхъ Штатахъ было нѣсколько случаевъ, что президенты теряли поддержку большинства, но это обстоятельство не заставило ихъ покинуть свою должность и не причинило обществу большого вреда.

Я слыхалъ, что эти факты приводились какъ доказательства независимости и силы исполнительной власти въ Америкѣ. Но достаточно немного подумать надъ ними, чтобъ увидѣть въ нихъ, напротивъ, доказательство ея безсилія.

Европейскій король потому нуждается въ поддержкѣ законодательнаго собранія при исполненіи задачи, возложенной на него конституціей, что самая эта задача громадна. Европейскій конституціонный король не есть только исполнитель закона: забота о его исполненіи настолько всецѣло предоставлена ему, что еслибъ законъ былъ направленъ противъ него, то онъ могъ бы парализовать его силу. Онъ нуждается въ палатахъ для изданія закона, палаты нуждаются въ немъ для приведенія его въ дѣйствіе; это суть двѣ власти, которыя не могутъ существовать одна безъ другой; какъ только между ними нѣтъ согласія, такъ движеніе государственнаго механизма останавливается.

Въ Америкѣ президентъ не можетъ помѣшать выработкѣ законовъ; онъ не можетъ и уклониться отъ ихъ исполненія. Безъ сомнѣнія, его искреннее и усердное содѣйствіе полезно, но оно не необходимо для хода управленія. Во всемъ существенномъ дѣйствія его прямо или косвенно подчинены законодательному собранію. Гдѣ онъ совершенно отъ него независимъ, тамъ онъ почти ничего не можетъ сдѣлать. Слѣдовательно не сила его, а слабость, позволяетъ ему быть въ оппозиціи съ законодательною властью.

Въ Европѣ необходимо, чтобы было согласіе между королемъ и палатами, потому что между ними можетъ быть серьезная борьба; въ Америкѣ согласіе не обязательно, потому что борьба невозможна.

О выборѣ президента.

Опасности выборной системы увеличиваются сотвѣтственно расширенію правъ, присвоенныхъ исполнительной власти. — Американцы могутъ слѣдовать этой системѣ, потому что они могутъ обойтись безъ сильной исполнительной власти. — Какимъ образомъ обстоятельства способствуютъ установленію выборной системы? — Почему выборъ президента не мѣняетъ основаній управленія? — Вліяніе, оказываемое выборомъ президента на судьбу второстепенныхъ чиновниковъ.

Выборная система, примѣняемая къ назначенію главы исполнительной власти многочисленнаго народа, представляетъ опасности, которыя были достаточно уяснены опытомъ и историками.

Поэтому я буду говорить объ этомъ только по отношенію къ Америкѣ. Опасности, происходящія отъ выборной системы, могутъ быть болѣе или менѣе значительны, смотря по мѣсту занимаемому исполнительною властью и ея значенію въ государствѣ, по способу выбора и по тѣмъ условіямъ, въ которыхъ находится избирающій народъ.

Примѣненію избирательной системы къ главѣ государства дѣлается тотъ небезосновательный упрекъ, что такимъ образомъ личнымъ стремленіямъ предлагается столь большая приманка и они такъ сильно возбуждаются къ погонѣ за властью, что часто, не довольствуясь легальными способами, прибѣгаютъ къ силѣ, когда у нихъ не оказывается права.

Ясно, что чѣмъ больше преимуществъ присвоено исполнительной власти, тѣмъ приманка будетъ сильнѣе; и чѣмъ болѣе возбуждаются стремленія претендентовъ, тѣмъ болѣе они находятъ поддержки во множествѣ второстепенныхъ честолюбій, разсчитывающихъ на полученіе себѣ власти, если торжествуетъ ихъ кандидатъ.

Поэтому опасности, представляемыя избирательною системой, возрастаютъ въ прямомъ отношеніи съ тѣмъ вліяніемъ на государственныя дѣла, которымъ пользуется исполнительная власть.

Происхожденіе революцій въ Польшѣ объясняется не только вообще существованіемъ выборной системы, но тѣмъ, что избиравшееся тамъ должностное лицо было королемъ обширной монархіи.

Поэтому, прежде чѣмъ разсуждать объ абсолютномъ достоинствѣ выборной системы, нужно всегда сначала разрѣшить предварительный вопросъ о томъ, допускается ли географическимъ положеніемъ, законами, обычаями, нравами и мнѣніями того народа, у котораго хотятъ ввести выборную систему, возможность установленія слабой и зависимой исполнительной власти; потому что желаютъ одновременно, чтобы представитель государства былъ облеченъ обширною властью, и чтобъ онъ былъ выборный, значитъ, по-моему, выражать два желанія взаимно-противорѣчивыя. Что касается до меня, то я знаю только одно средство для того, чтобы перевести наслѣдственную королевскую власть на положеніе выборной власти: надо заранѣе сузить сферу ея дѣйствія, постепенно уменьшить ея права и преимущества и пріучить мало-по-малу народъ жить безъ ея содѣйствія. Но именно объ этомъ-то европейскіе республиканцы вовсе не заботятся. Такъ какъ многіе изъ нихъ только потому ненавидятъ деспотизмъ, что сами они страдаютъ отъ его суровости, то обширность исполнительной власти не поражаетъ ихъ; они нападаютъ только на ея происхожденіе, не замѣчая тѣсной связи, существующей между этими двумя вещами.

До сихъ поръ не нашлось никого, кто бы захотѣлъ рисковать своей честью и жизнью для того, чтобы сдѣлаться президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, потому что послѣдній имѣетъ только временную, ограниченную и зависимую власть. Нужна громадная ставка въ игрѣ, чтобы на арену явились отчаянные игроки. До сихъ поръ ни одинъ кандидатъ не вызвалъ въ свою пользу слишкомъ горячихъ симпатій и не возбудилъ опасныхъ народныхъ страстей. Причина этого проста: достигши положенія главы правительства, онъ не можетъ дать своимъ приверженцамъ ни большой силы, ни большого богатства, или славы, и вліяніе его въ государствѣ слишкомъ слабо для того, чтобы разныя партіи видѣли въ его возвышеніи свой успѣхъ или свое паденіе.

Наслѣдственныя монархіи имѣютъ за собой одно большое преимущество: такъ какъ въ нихъ частныя выгоды одной семьи всегда связаны съ поль-

зою государства, то не бываетъ такого времени, когда послѣднее было бы предоставлено самому себѣ. Я не знаю, лучше ли въ этихъ монархіяхъ ведутся дѣла, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, но по крайней мѣрѣ тамъ есть всегда кто-нибудь, кто худо ли, хорошо ли, по своимъ способностямъ заботится о нихъ.

Напротивъ, въ государствахъ съ выборнымъ управленіемъ, съ приближеніемъ выборовъ, и еще задолго до нихъ, правительственный механизмъ дѣйствуетъ уже только какъ бы по инерціи. Можно конечно устроить такіе законы, что выборы будутъ производиться единовременно и быстро, такъ что мѣсто занимаемое исполнительною властью никогда, такъ сказать, не будетъ вакантнымъ; но, несмотря ни на что, пустое мѣсто остается въ умахъ, вопреки усиліямъ законодателя.

Съ приближеніемъ времени выбора, глава исполнительной власти начинаетъ думать только о предстоящей борьбѣ; у него уже нѣтъ будущности; онъ ничего не можетъ предпринять и только вяло продолжаетъ то дѣло, которое придется, можетъ-быть, оканчивать другому. „Я уже такъ близокъ ко времени моей отставки, писалъ президентъ Джефферсонъ 21-го января 1809 г. (за шесть недѣль до выборовъ), что участвую въ дѣлахъ только выраженіемъ своего мнѣнія. Я считаю справедливымъ предоставить моему преемнику инціативу тѣхъ мѣръ, за исполненіемъ которыхъ ему придется наблюдать и за которыя онъ долженъ будетъ нести отвѣтственность".

Со своей стороны и взоры народа обращены лишь на одинъ пунктъ. Онъ занятъ только наблюденіемъ за подготовляющимся процессомъ новыхъ выборовъ.

Чѣмъ обширнѣе мѣсто, занимаемое исполнительною властью въ ходѣ общественныхъ дѣлъ, чѣмъ важнѣе и необходимѣе его привычная дѣятельность, тѣмъ опаснѣе подобное положеніе вещей. У народа, привыкшаго быть управляемымъ исполнительною властью, а тѣмъ болѣе находиться въ ея административномъ распоряженіи, выборы непремѣнно должны производить глубокое потрясеніе.

Въ Соединенныхъ Штатахъ дѣйствія исполнительной власти можетъ быть безнаказанно замедлено, потому что оно слабо и предѣлы его ограничены.

Когда глава правительства бываетъ выбранный, то изъ этого почти всегда вытекаетъ недостатокъ устойчивости, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ государства. Это есть одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ выборной системы.

Но онъ бываетъ болѣе или менѣе чувствительнымъ, смотря по величинѣ власти, предоставленной избираемому должностному лицу. Въ Римѣ правительственные принципы не измѣнялись, хотя консулы смѣнялись ежегодно, потому что властью, дававшей направленіе, былъ сенатъ, а сенатъ былъ наслѣдственнымъ учрежденіемъ. Въ большинствѣ европейскихъ монархій, еслибы король выбирался, то королевство мѣняло бы свой видъ при всякомъ выборѣ.

Въ Америкѣ президентъ оказываетъ довольно сильное вліяніе на государственныя дѣла, но не онъ даетъ имъ направленіе; господствующая власть принадлежитъ всему народному представительству. Слѣдовательно, чтобъ измѣнить политическое направленіе, слѣдуетъ перемѣнить не одного президента, а всю массу народа. Поэтому въ Америкѣ выборная система, будучи примѣнена къ назначенію главы исполнительной власти, не вредитъ замѣтнымъ образомъ устойчивости управленія.

Впрочемъ недостатокъ устойчивости есть зло до такой степени тѣсно связанное съ выборною системой, что онъ все-таки даетъ себя знать въ сферѣ дѣятельности президента, какъ бы ни была она ограничена.

Американцы основательно полагали, что глава исполнительной власти для того, чтобы исполнить свое назначеніе и нести на себѣ всю тяжесть отвѣтственности, долженъ быть сколь возможно болѣе свободенъ въ личномъ выборѣ имъ своихъ чиновниковъ и въ удаленіи ихъ по своему усмотрѣнію; законодательное собраніе скорѣе наблюдаетъ за президентомъ, чѣмъ направляетъ его дѣйствія. Изъ этого слѣдуетъ то, что судьба всѣхъ союзныхъ чиновниковъ при каждомъ новомъ выборѣ президента находится такъ сказать на вѣсу.

Въ конституціонныхъ монархіяхъ Европы слышны жалобы на то, что участь незамѣтныхъ административныхъ агентовъ часто зависитъ отъ участи министровъ. Это положеніе оказывается еще гораздо хуже въ государствахъ, гдѣ глава правительства тоже избирается. Причина этого понятна: въ конституціонныхъ монархіяхъ министры смѣняются часто, но главный представитель исполнительной власти никогда не смѣняется, вслѣдствіе чего духъ новшества держится въ извѣстныхъ границахъ. Поэтому административныя системы мѣняются тамъ больше въ частностяхъ, чѣмъ въ основаніяхъ; нельзя рѣзко замѣнить одну систему другою, не произведя нѣкотораго рода революціи. Въ Америкѣ подобная революція дѣлается каждые четыре года на законномъ основаніи.

Что касается до личныхъ неудобствъ, составляющихъ естественное послѣдствіе такого рода законовъ, то надо сознаться, что недостатокъ прочности въ судьбѣ чиновниковъ не производитъ въ Америкѣ того зла, котораго можно бы было ожидать отъ этого въ другихъ мѣстахъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ такъ легко создать себѣ независимое существованіе, что отнявши у чиновника его мѣсто можно иногда лишить его жизненныхъ удобствъ, но никогда не средствъ къ поддержанію жизни.

Въ началѣ этой главы я сказалъ, что опасности соединенныя съ выборомъ примѣнимымъ къ назначенію главы исполнительной власти, могутъ быть болѣе или менѣе велики, смотря по условіямъ, въ которыхъ находится народъ, производящій избраніе.

Какъ бы ни старались уменьшать значеніе исполнительной власти, всегда есть одна сторона, на которую она оказываетъ большое вліяніе независимо отъ положенія, созданнаго для него закономъ: это—иностранная политика. Переговоры могутъ быть начаты и ведены съ пользою не иначе, какъ лишь однимъ человѣкомъ.

Чѣмъ болѣе въ ненадежномъ и опасномъ положеніи находится народъ, тѣмъ болѣе чувствуется необходимость послѣдовательности и устойчивости въ веденіи внѣшнихъ дѣлъ и тѣмъ опаснѣе становится выборная система при назначеніи главы государства.

Политика американцевъ по отношенію ко всему свѣту очень проста. Почти можно сказать, что ни они никому не нужны, ни имъ никто не нуженъ. Независимость ихъ никогда не подвергается опасности.

Такимъ образомъ у нихъ значеніе исполнительной власти столько же ограничено обстоятельствами, какъ и законами. Президентъ можетъ часто мѣнять свои взгляды, но отъ этого государство не страдаетъ и не можетъ погибнуть.

Но каковы бы ни были права и преимущества, присвоенныя исполнительной власти, надо всегда считать время непосредственно предшествую-

щее выборамъ и то, когда они происходятъ, за критическую эпоху въ жизни народа.

Чѣмъ затруднительнѣе внутреннее положеніе страны и чѣмъ сильнѣе внѣшнія опасности, тѣмъ страшнѣе для нея это время жизни. Изъ народовъ Европы немногіе могли бы не опасаться завоеванія или анархій всякій разъ, какъ они перемѣняли бы своего правителя.

Въ Америкѣ общество такъ устроено, что оно можетъ само себя поддерживать безъ внѣшней помощи. Внѣшнія затрудненія никогда не имѣютъ тамъ настоятельнаго характера. Поэтому выборъ президента является поводомъ для агитаціи, а не служитъ причиной паденія государства.

Способъ избранія.

Искусство, выказанное американскими законодателями въ выборѣ способа избранія.—Созданіе особаго избирательнаго учрежденія.—Отдѣльная подача голоса спеціальными выборщиками.—Въ какомъ случаѣ избраніе президента возлагается на палату представителей —Что происходило при двѣнадцати выборахъ, бывшихъ со времени введенія въ дѣйствіе конституціи.

Независимо отъ опасностей, неразрывно связанныхъ съ самымъ принципомъ выбора, существуютъ многія другія, порождаемыя его формами, которыхъ можно избѣжать при заботливости законодателя.

Когда вооруженный народъ собирается на площади для избранія своего вождя, то онъ подвергается не только опасности, заключающейся въ самой выборной системѣ, но также всѣмъ опасностямъ междоусобной войны, могущей произойти изъ подобнаго способа выборовъ.

Когда польскіе законы ставили выборъ короля въ зависимость отъ *veto* одного человѣка, то они или вызывали на убійство этого человѣка, или заранѣе установляли анархію.

По мѣрѣ изученія учрежденій Соединенныхъ Штатовъ и большаго вниманія, обращаемаго на политическое и соціальное положеніе страны, мы замѣчаемъ въ ней удивительное совпаденіе счастливыхъ условій съ человѣческими усиліями. Америка была страна новая, но жившій въ ней народъ уже въ теченіе долгаго времени пользовался свободою въ другомъ мѣстѣ. Обѣ эти причины сильно способствовали установленію внутренняго порядка. Сверхъ того Америка не боялась завоеванія. Воспользовавшись этими благопріятными условіями, американскіе законодатели могли безъ затрудненія установить слабую и зависимую исполнительную власть, а сдѣлавши ее такою, они могли безопасно и сдѣлать ее избирательною.

Затѣмъ имъ оставалось только избрать изъ различныхъ системъ выбора одну наименѣе опасную; установленныя ими на этотъ счетъ правила превосходно дополняютъ собою тѣ гарантіи, которыя уже давало физическое и политическое устройство страны.

Задача, подлежавшая разрѣшенію, состояла въ томъ, чтобы найти такой способъ выбора, который, выражая собою дѣйствительную волю народа въ то же время не возбуждалъ бы сильно его страсти и наименѣе долго держалъ бы его въ ожидательномъ настроеніи. Сначала было постановлено, что для законнаго выбора требуется *простое* большинство. Но получить такое большинство было очень трудно, не рискуя притомъ долгими проволочками, которыхъ прежде всего желали избѣжать.

Въ самомъ дѣлѣ рѣдко случается, чтобы какой-нибудь человѣкъ сразу

получилъ большинство голосовъ въ средѣ многочисленнаго народа. Затрудненіе это еще болѣе увеличивается въ республикѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ соединенныхъ государствъ, въ которой мѣстныя вліянія гораздо болѣе развиты и имѣютъ большую силу.

Для устраненія этого второго затрудненія представлялся такой способъ: передать избирательныя права націи собранію, которое было бы ея представителемъ.

При этомъ способѣ избранія, полученіе большинства становилось болѣе вѣроятнымъ, потому что чѣмъ меньше число избирателей, тѣмъ легче имъ сговориться. Способъ этотъ представлялъ и больше гарантій относительно достоинства выбора.

Но слѣдовало ли передать право выбора тому же законодательному собранію, которое въ обыкновенномъ порядкѣ являлось представителемъ націи, или же, напротивъ, слѣдовало образовать избирательное собраніе, единственною задачей котораго былъ бы выборъ президента.

Американцы предпочли послѣднее рѣшеніе. Они полагали, что люди, которымъ поручается составленіе обыкновенныхъ законовъ могли бы не вполнѣ вѣрно представлять голосъ народа въ отношеніи выбора его главнаго должностнаго лица. Кромѣ того, будучи избираемъ на срокъ болѣе года, они могли бы представлять собою мнѣніе уже измѣнившееся. Они разсуждали такъ, что если поручить законодательному собранію выборъ главы исполнительной власти, то члены этого собранія еще задолго до выборовъ могли бы сдѣлаться предметомъ искушенія и игрушкой интриги; тогда какъ спеціальные выборщики, подобно присяжнымъ, оставались бы неизвѣстными для толпы до того дня, когда они должны бы были дѣйствовать и появлялись бы только въ моментъ произнесенія ими своего рѣшенія.

Поэтому было постановлено, чтобы каждый штатъ назначалъ извѣстное число избирателей [1]), которые въ свою очередь выбирали бы президента. И такъ какъ было замѣчено, что собранія которымъ поручался выборъ главы правительства, въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ былъ выбраннымъ, неизбѣжно дѣлались очагами страстей и искательствъ; что иногда они присвоивали себѣ не принадлежащую имъ власть и что часто ихъ дѣятельность и вытекающая изъ нея неопредѣленность положенія продолжались настолько долго, что повергали въ опасность государство, то по всѣмъ этимъ причинамъ было постановлено, что выборщики всѣ будутъ подавать голоса въ опредѣленный день, но не собираясь вмѣстѣ [2]).

Двухстепенный способъ избранія дѣлалъ вѣроятнымъ, но не вполнѣ достовѣрнымъ полученіе большинства, такъ какъ могло случиться, что выборщины такъ же разошлись бы во мнѣніяхъ, какъ могли разойтись и ихъ довѣрители.

Въ такомъ случаѣ становилось необходимымъ прибѣгнуть къ одной изъ трехъ мѣръ: или назначить новыхъ выборщиковъ, или снова переспросить тѣхъ, которые уже были назначены, или наконецъ передать право избранія другому учрежденію.

Два первые способа, независимо отъ невѣрности ихъ результатовъ, вели къ медленности и поддерживали всегда вредное волненіе.

---

[1]) Столько же, сколько онъ посылалъ членовъ въ конгрессъ. Число избирателей на выборахъ 1838 года было 288. (*The national calendar*).

[2]) Выборщики отъ одного штата собираются вмѣстѣ, но они передаютъ въ центральное государственное управленіе списокъ отдѣльныхъ голосовъ, а не результатъ голосованія большинства.

Поэтому, остановились на третьемъ способѣ, и согласились на томъ, чтобы выборные бюллетени передавались запечатанными президенту сената, который въ опредѣленный день, въ присутствіи обѣихъ палатъ, вскрываетъ ихъ и сосчитываетъ поданные голоса. Еслибы ни одинъ изъ кандидатовъ не получилъ большинства, то палата представителей должна немедленно сама приступить къ избранію; но при этомъ позаботились объ ограниченіи ея правъ. Представители получили право выбирать только одного изъ трехъ кандидатовъ, за которыхъ было подано наибольшее число голосовъ [1])

Такимъ образомъ оказывается, что выборъ нарушается обыкновенными представителями націи только въ рѣдкомъ и трудно-предвидимомъ заранѣе случаѣ, да и то они могутъ выбирать только такого гражданина, на котораго указывало сильное меньшинство спеціальныхъ выборщиковъ; комбинація эта должна быть признана удачной, такъ какъ она примиряетъ должное уваженіе къ волѣ народа съ быстротою исполненія и съ гарантіями порядка, требуемыми интересами государства Впрочемъ и передавая рѣшеніе вопроса палатѣ представителей, все же, въ случаѣ раздѣленія въ ней голосовъ, не достигали полнаго разрѣшенія всѣхъ затрудненій, такъ какъ и въ палатѣ представителей большинство въ свою очередь могло оказаться сомнительнымъ; на этотъ случай конституція не указывала уже никакого выхода. Но, установивъ обязательныя кандидатуры, ограничивъ число ихъ тремя и обращаясь къ рѣшенію нѣсколькихъ просвѣщенныхъ людей, она сглаживала всѣ затрудненія [2]), на которыя она могла сколько-нибудь вліять; другія же были неразрывно связаны съ самой выборной системой.

Въ теченіе сорока четырехъ лѣтъ существованія федеральной конституціи Соединенные Штаты уже двѣнадцать разъ выбирали своего президента.

Десять разъ выборы были произведены въ одинъ моментъ, одновременною подачей голосовъ спеціальныхъ выборщиковъ, находившихся въ различныхъ мѣстахъ территоріи.

Только два раза палата представителей воспользовалась исключительнымъ правомъ, предоставленномъ ей въ случаѣ раздѣленія голосовъ: въ первый разъ въ 1801 г. при избраніи Джефферсона, во второй разъ въ 1825 году, когда былъ выбранъ Квенси (Quincy) Адамсъ.

Выборный кризисъ.

На моментъ президентскихъ выборовъ можно смотрѣть какъ на критическое время въ жизни націи.—Почему?—Народныя страсти.—Заботы президента.—Спокойствіе слѣдующее за выборными волненіями.

Я указалъ, въ какихъ благопріятныхъ условіяхъ для примѣненія выборной системы находились Соединенные Штаты и какія предосторожности были

---

[1]) Въ этомъ случаѣ вопросъ рѣшается большинствомъ штатовъ, а не большинствомъ членовъ, такъ что при обсужденіи этого вопроса Нью-Іоркъ имѣетъ значеніе не больше, чѣмъ Родъ Айлендъ. Такимъ образомъ сначала спрашивается мнѣніе гражданъ Союза, какъ если бъ они составляли одинъ народъ, а если они не могутъ согласиться, тогда снова возстановляется раздѣленіе на штаты и каждому изъ нихъ дается отдѣльный и независимый голосъ.

Это еще одна изъ странностей, представляемыхъ союзною конституціей и объясняемыхъ только столкновеніемъ противоположныхъ интересовъ.

[2]) Однако Джефферсонъ въ 1801 году былъ избранъ только послѣ тридцати-шестикратной подачи голосовъ.

приняты ихъ законодателями для уменьшенія ея опасностей. Американцы привычны ко всякаго рода выборамъ. Они по опыту знаютъ, до какой степени ажитаціи они могутъ дойти и гдѣ должны остановиться. Обширность ихъ территоріи и разрозненность населенія дѣлаетъ столкновеніе различныхъ партій менѣе вѣроятнымъ и менѣе опаснымъ, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. До сихъ поръ политическія условія, въ которыхъ находилась нація во время выборовъ, никогда не представляли никакой серьезной опасности.

Тѣмъ не менѣе все же на моментъ выборовъ президента Соединенныхъ Штатовъ можно смотрѣть какъ на эпоху кризиса въ жизни націи.

Конечно, президентъ имѣетъ лишь слабое и косвенное вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ, но вліяніе это распространяется на всю націю; выборъ того или другого президента не имѣетъ большой важности для каждаго гражданина, но все же онъ имѣетъ значеніе для всѣхъ гражданъ. А всякій интересъ, какъ бы онъ малъ ни былъ, пріобрѣтаетъ важное значеніе, когда онъ становится интересомъ всего общества.

По сравненію съ европейскимъ королемъ, президентъ имѣетъ, конечно, мало средствъ для пріобрѣтенія сторонниковъ; однако число мѣстъ, которыми онъ располагаетъ, настолько велико, что нѣсколько тысячъ избирателей оказываются прямо или косвенно заинтересованными въ его избраніи.

Кромѣ того, въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, партіи чувствуютъ потребность группироваться вокругъ одного человѣка, чтобы такимъ образомъ легче достичь до пониманія толпы. Поэтому они обыкновенно пользуются именемъ кандидата на президентское мѣсто какъ девизомъ, олицетворяя въ немъ свои теоріи. Такимъ образомъ для каждой партіи очень важно склонить выборъ на свою сторону, ни столько въ тѣхъ видахъ, чтобы посредствомъ избраннаго президента способствовать торжеству своихъ идей, сколько для того, чтобъ этимъ выборомъ доказать, что идеи ихъ раздѣляются большинствомъ.

Задолго до наступленія назначеннаго времени выборы становятся самымъ важнымъ и такъ сказать единственнымъ дѣломъ, занимающимъ всѣ умы. Партіи удвоиваютъ тогда свое рвеніе. Всѣ искусственно возбужденныя страсти, которыя только могутъ быть созданы воображеніемъ въ спокойной и счастливой странѣ, начинаютъ въ этотъ моментъ проявляться открыто.

Со своей стороны, президентъ поглощенъ заботой о своей защитѣ. Онъ управляетъ уже не ради государственной пользы, а ради своего переизбранія; онъ падаетъ низъ передъ большинствомъ и часто самъ идетъ на-встрѣчу его капризамъ, вмѣсто того чтобы противостоять его страстямъ, къ чему его обязывалъ бы его долгъ.

По мѣрѣ приближенія выборовъ интриги усиливаются, ажитація оживляется и распространяется. Граждане раздѣляются на нѣсколько лагерей, изъ которыхъ каждый называется по имени своего кандидата. Весь народъ приходитъ въ лихорадочное состояніе; выборъ дѣлаются тогда ежедневнымъ сюжетомъ для публичныхъ изданій и частныхъ разговоровъ, цѣлью всѣхъ дѣйствій, предметомъ всѣхъ мыслей и единственнымъ интересомъ даннаго времени.

Правда, что тотчасъ, какъ только судьба выбора рѣшена, такъ вся эта горячность исчезаетъ, все успокоивается, и рѣка, на минуту вышедшая изъ береговъ, тихо возвращается въ свое русло. Но не удивительно ли, что могла произойти такая гроза?

О вторичномъ избраніи президента.

Когда глава исполнительной власти подлежитъ вторичному избранію, то само государство ведетъ интриги и подкупы. — Желаніе быть переизбраннымъ преобладаетъ надъ всѣми мыслями президента Соединенныхъ Штатовъ. — Неудобство переизбранія имѣющее особое значеніе для Америки. — Естественный недостатокъ демократій состоитъ въ постепенномъ порабощеніи всякой власти большинствомъ даже по отношенію къ малѣйшимъ его желаніямъ. — Вторичный выборъ президента способствуетъ развитію этого недостатка.

Правильно, или нѣтъ поступили законодатели Соединенныхъ Штатовъ, допустивши переизбраніе президента?

Запретить вторичное избраніе главы исполнительной власти съ перваго раза кажется неразумнымъ. Всѣмъ извѣстно, какое вліяніе на судьбу цѣлаго народа могутъ имѣть таланты или характеръ одного человѣка, особенно въ трудныхъ обстоятельствахъ, или во время кризиса. Законы, которые не позволяли бы гражданамъ снова выбирать ихъ первое должностное лицо, тѣмъ самымъ отнимали бы у нихъ лучшее средство для достиженія благоденствія государства, или для его спасенія. Кромѣ того, такимъ образомъ получился бы странный результатъ, что человѣкъ исключался бы изъ управленія какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ вполнѣ доказалъ свою способность хорошо управлять.

Доводы эти, конечно, сильны; но нельзя ли однако имъ противопоставить другіе еще болѣе сильные?

Интриги и подкупы суть пороки естественно присущіе избирательнымъ правительствамъ. Но когда глава государства можетъ быть переизбранъ, то пороки эти распространяются безгранично и подвергаютъ опасности самое существованіе страны. Когда обыкновенный кандидатъ хочетъ посредствомъ интриги достичь своей цѣли, то его маневры могутъ происходить только въ ограниченныхъ предѣлахъ. Напротивъ, когда самъ глава государства становится въ ряды соискателей, то онъ для личныхъ своихъ цѣлей пользуется силами государства.

Въ первомъ случаѣ интриги и подкупы ведутся однимъ человѣкомъ съ его слабыми средствами, во второмъ — самимъ государствомъ съ его громадными средствами.

Обыкновенный гражданинъ, употребляющій преступныя интриги для достиженія власти, можетъ лишь косвеннымъ образомъ вредить общественному благосостоянію; но если на арену выходитъ представитель исполнительной власти, то забота объ управленіи отходитъ для него на второй планъ; главнымъ его интересомъ дѣлается вопросъ объ избраніи. Дипломатическіе переговоры, какъ и законы, имѣютъ для него значеніе лишь въ качествѣ избирательныхъ комбинацій. Мѣста даются въ награду за услуги, оказанныя не народу, а его вождю. Дѣятельность правительства въ такомъ случаѣ если и не всегда направлена противъ интересовъ страны, то, по крайней мѣрѣ, она уже не приноситъ ей пользы. А между тѣмъ только для этой пользы она и существуетъ.

Наблюдая обыкновенный ходъ дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ, невозможно не замѣтить, что желаніе быть снова выбраннымъ господствуетъ надъ мыслями президента; что вся политика его администраціи направлена къ этой цѣли; что самыя мелкія его дѣйствія подчинены ей; что въ особенности съ приближеніемъ критическаго момента личный интересъ занимаетъ въ его умѣ мѣсто общественнаго.

Такимъ образомъ вторичное избраніе дѣлаетъ развращающее вліяніе избирательнаго образа правленія еще обширнѣе и опаснѣе. Оно ведетъ къ упадку общественной нравственности въ народѣ и къ замѣнѣ патріотизма ловкостью.

Въ Америкѣ оно производитъ еще болѣе глубокія поврежденія источниковъ національнаго существованія.

Каждый образъ правленія заключаетъ въ себѣ какой-нибудь естественный порокъ, который повидимому соединенъ съ его основными жизненными условіями; геній законодателя состоитъ въ томъ, чтобы вѣрно его усмотрѣть. Государство можетъ выдержать много дурныхъ законовъ и причиняемое ими зло часто преувеличивается. Но всякій законъ, способствующій развитію этого зародыша смерти, не можетъ съ теченіемъ времени не сдѣлаться гибельнымъ, хотя бы его вредныя послѣдствія и не были замѣтны немедленно.

Такимъ гибельнымъ принципомъ въ абсолютныхъ монархіяхъ является безграничное и переходящее за разумные предѣлы расширеніе королевской власти. Поэтому всякая мѣра, уничтожающая сохраненные конституціей противовѣсы этой власти, будетъ въ корнѣ вредна, хотя бы послѣдствія ея и долго казались нечувствительными.

Точно также въ странахъ, гдѣ управляетъ демократія и гдѣ народъ постоянно все забираетъ себѣ, тѣ законы, вслѣдствіе которыхъ его дѣятельность становится все болѣе быстрой и неудержимой, дѣйствуетъ прямо вреднымъ образомъ на самое существованіе правительственнаго порядка.

Величайшая заслуга американскихъ законодателей состоитъ въ томъ, что они ясно поняли эту истину и имѣли мужество примѣнить ее на практикѣ.

Они поняли необходимость того, чтобы кромѣ народа существовало извѣстное количество властей, которыя, не будучи совершенно отъ него независимыми, пользовались бы однако въ своей сферѣ довольно значительною степенью свободы; такъ чтобы, повинуясь постоянному направленію, даваемому большинствомъ, они однако же могли бороться съ его случайными желаніями и не соглашаться на его опасныя требованія.

Въ этихъ видахъ они соединили всю исполнительную власть націи въ однихъ рукахъ; они дали президенту обширныя преимущества и вооружили его правомъ veto, чтобъ онъ могъ противостоять попыткамъ къ захвату власти со стороны законодательнаго собранія.

Но, введя принципъ переизбранія, они отчасти уничтожили сдѣланное ими. Они дали президенту большую власть и отняли у него желаніе ею пользоваться.

Не будучи вновь избираемымъ, президентъ не былъ бы независимъ отъ народа, потому что онъ все-таки былъ отвѣтственъ передъ нимъ; но благосклонность народа не была бы ему настолько необходима, чтобы для полученія ея онъ долженъ былъ приноравливаться ко всѣмъ его желаніямъ.

Имѣя право быть переизбраннымъ (и это особенно вѣрно въ наше время, когда общественная нравственность падаетъ и великіе характеры исчезаютъ), президентъ Соединенныхъ Штатовъ является только послушнымъ орудіемъ въ рукахъ большинства. Онъ любитъ то, что нравится большинству, и ненавидитъ то, что ему ненавистно. Онъ забѣгаетъ впередъ его желаній, предупреждаетъ его жалобы, подчиняется малѣйшему выраженію его воли; законодатели желали, чтобъ онъ руководилъ большинствомъ, на дѣлѣ онъ слѣдуетъ за нимъ.

Такимъ образомъ, чтобы не лишить государство возможности пользоваться талантами человѣка, они сдѣлали эти таланты почти безполезными; и чтобы сохранить за собой средство нужное въ исключительныхъ обстоятельствахъ, они подвергли страну риску ежедневной опасности.

О союзныхъ судахъ [1])

Важное политическое значеніе судебной власти въ Соединенныхъ Штатахъ.— Трудность разсмотрѣнія этого предмета.- Польза правосудія въ государствахъ съ федеративнымъ устройствомъ.—Какими судами могъ пользоваться Союзъ?— Необходимость учрежденія союзныхъ судебныхъ мѣстъ. Организація союзной юстиціи. Верховный судъ.—Чѣмъ онъ отличается ото всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ судовъ.

Я разсмотрѣлъ законодательную исполнительную власть Союза. Мнѣ остается еще разсмотрѣть судебную власть.

Здѣсь я долженъ высказать читателю свои опасенія.

Судебныя учрежденія имѣютъ большое вліяніе на судьбу англо-американцевъ. Они занимаютъ очень важное мѣсто въ ряду собственно-политическихъ учрежденій. Съ этой точки зрѣнія они въ особенности заслуживаютъ нашего вниманія.

Но какимъ образомъ объяснить политическое дѣйствіе американскихъ судовъ, не входя въ техническія подробности относительно ихъ устройства и формъ; и какъ войти въ эти подробности не оттолкнувши читателя сухостью подобнаго предмета? Какъ сохранить ясность, не переставая быть краткимъ?

Я не льщу себя увѣренностью, что мнѣ удалось избѣжать этихъ различныхъ опасностей. Простые читатели найдутъ, что я еще слишкомъ многословенъ; законовѣды сочтутъ меня черезъ чуръ краткимъ. Но это такое неудобство, которое вообще связано съ моимъ предметомъ и въ частности съ тѣмъ вопросомъ, о которомъ я говорю въ настоящее время.

Главное затрудненіе состояло не въ томъ, чтобы придумать, какъ устроить союзное управленіе, но какъ повиноваться его законамъ.

Вообще правительства имѣютъ только два средства преодолѣть сопротивленіе, оказываемое имъ управляемыми: физическую силу, которую они находятъ въ себѣ самихъ, и моральную силу, которую имъ даютъ рѣшенія судовъ.

Правительство, которое только посредствомъ военной силы могло бы заставить повиноваться своимъ законамъ, находилось бы очень близко къ гибели. По всей вѣроятности, съ нимъ произошло бы одно изъ двухъ: если-бы оно было слабо и умѣренно, то оно употребило бы силу только въ послѣдней крайности и пропустило бы незамѣтно множество частныхъ случаевъ неповиновенія; такимъ образомъ государство мало-по-малу впало бы въ анархію.

---

[1]) См. главу VI: *О судебной власти въ Соединенныхъ Штатахъ*. Въ этой главѣ указаны общіе принципы американцевъ въ судебномъ дѣлѣ. См. также Союзную конституцію, ст. 3.

См. сочиненіе подъ заглавіемъ: *The Federalist* № 78—83 включительно. *Constitutional law, being a view of the practic and juridiction of the courts of the United States by Thomas Seryeant.*

См. *Story*, стр. 134—162, 489—511, 581, 668. См. органическій законъ 24 сентября 1789 въ сборникѣ: *Laws of the United States*, сост. Story, т. I, стр. 53.

Если бъ оно было смѣло и сильно, то оно ежедневно бы прибѣгало къ насилію, и скоро бы оказалось, что оно превратилось въ чистый военный деспотизмъ. Дѣятельность и бездѣятельность его были бы одинаково гибельны для управляемыхъ.

Важная задача правосудія заключается въ томъ, чтобы поставить идею права на мѣсто идеи насилія, чтобъ установить промежуточное звено между управленіемъ и употребленіемъ матеріальной силы.

Удивительно какое большое значеніе въ общественномъ мнѣніи придается людьми вмѣшательству судебной власти. Сила этого мнѣнія такъ велика, что она остается при судебной формѣ даже тогда, когда сущность уже исчезла; она овеществляетъ призракъ.

Моральная сила, которою облечены судьи, дѣлаетъ очень рѣдкимъ употребленіе физической силы, въ большинствѣ случаевъ замѣняя ее собою; если же наконецъ оказывается нужнымъ, чтобы дѣйствовала послѣдняя, то присоединяясь къ ней, она удвоиваетъ ея могущество.

Союзное правительство должно болѣе всякаго другаго стараться пріобрѣсти поддержку судебной власти, потому что по природѣ своей оно слабѣе и противъ него легче организовать сопротивленіе [1]). Еслибы ему постоянно приходилось сразу же прибѣгать къ употребленію силы, то оно бы не справилось со своею задачей.

Потому, чтобы заставить гражданъ повиноваться законамъ, или чтобы отражать нападки, предметомъ которыхъ были бы эти законы, Союзу особенно необходимо было содѣйствіе судовъ.

Но какими судами долженъ былъ онъ воспользоваться? Въ каждомъ штатѣ уже была судебная власть, организованная внутри его. Слѣдовало ли обратиться къ этимъ судамъ? Или нужно было учредить особую союзную юстицію? Легко доказать, что Союзъ не могъ примѣнить для своихъ потребностей судебную власть, установленную въ штатахъ.

Для безопасности каждаго и для свободы всѣхъ важно, конечно, чтобы судебная власть была отдѣлена отъ всѣхъ другихъ; но для существованія націи не менѣе необходимо, чтобы разныя государственныя власти имѣли бы одно происхожденіе, слѣдовали бы однимъ началамъ и дѣйствовали бы въ одной сферѣ, – чтобы, однимъ словомъ, онѣ были *соотносительны* и *однородны*. Никому, я думаю, не приходило въ голову поручить иностраннымъ судамъ судить преступленія, совершенныя во Франціи, для того чтобъ имѣть большую увѣренность въ безпристрастіи судей.

По отношенію къ своему союзному правительству американцы составляютъ одинъ народъ; но въ средѣ этого народа были сохранены политическія единицы, въ нѣкоторыхъ пунктахъ зависящія отъ національнаго правительства, а во всѣхъ другихъ независимыя, имѣющія свое особенное происхожденіе, свои собственныя мнѣнія и свои спеціальные способы дѣйствія. Поручить исполненіе законовъ союза судамъ учрежденнымъ этими политическими единицами, значило бы все равно, что предоставить націю иностраннымъ судьямъ.

Мало того: каждый штатъ по отношенію къ союзу есть не только иностранное государство, но это есть постоянный противникъ, потому что чѣмъ

[1]) Всего больше нуждаются въ судахъ законы союзовъ, а между тѣмъ въ союзахъ то меньше всего ихъ и учреждено. Причина этому та, что большая часть союзовъ были образованы независимыми государствами, не имѣвшими дѣйствительнаго намѣренія повиноваться центральному правительству и которыя хотя и давали ему право распоряжаться, но старательно сохраняли за собой возможность его не слушаться.

болѣе уменьшается верховная власть Союза, тѣмъ болѣе усиливается верховная власть штатовъ.

Слѣдовательно, поручая примѣненіе законовъ Союза судамъ отдѣльныхъ штатовъ, отдали бы націю въ руки не только иностранныхъ, но еще и пристрастныхъ судей.

Притомъ суды отдѣльныхъ штатовъ были неспособны служить національнымъ цѣлямъ не только по своему характеру, но и въ особенности по своей многочисленности.

Уже во время составленія союзной конституціи въ Соединенныхъ Штатахъ было тринадцать безапелляціонныхъ судовъ. Теперь ихъ считается двадцать четыре. Возможно ли допустить существованіе государства, въ которомъ основные законы могутъ быть изъясняемы и примѣняемы двадцатью четырьмя способами сразу? Подобная система столь же противна разуму, какъ и указаніямъ опыта.

Поэтому американскіе законодатели рѣшили создать союзную судебную власть для примѣненія союзныхъ законовъ и для разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ, затрогивавшихъ общіе интересы и тщательно опредѣленныхъ заранѣе.

Вся судебная власть Союза была сосредоточена въ одномъ судебномъ учрежденіи, названномъ верховнымъ судомъ Соединенныхъ Штатовъ, но чтобъ облегчить разрѣшеніе имъ дѣлъ, къ нему были приданы низшіе суды, на обязанность которыхъ было возложено окончательное рѣшеніе менѣе важныхъ дѣлъ или рѣшеніе въ первой инстанціи болѣе важныхъ споровъ. Члены верховнаго суда не подлежали избранію ни народа, ни законодательнаго собранія. Ихъ долженъ былъ назначать президентъ, по выслушаніи мнѣнія сената.

Чтобы сдѣлать ихъ независимыми ото всякой другой власти, ихъ сдѣлали пожизненными и установили, что содержаніе ихъ, разъ опредѣленное, изъемлется изъ-подъ контроля законодательнаго собранія [1]).

Провозгласить въ принципѣ установленіе союзной юстиціи было довольно легко, но трудности тотчасъ являлись во множествѣ, какъ только приходилось опредѣлять точно кругъ ея вѣдомства.

---

[1]) Союзъ былъ раздѣленъ на округи; въ каждомъ изъ этихъ округовъ былъ назначенъ постоянный союзный судья. Судъ, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ, сталъ называться окружнымъ судомъ (*district-court*).

Кромѣ того каждый изъ судей, входящихъ въ составъ верховнаго суда, долженъ былъ ежегодно объѣзжать нѣкоторую часть территоріи республики, чтобы рѣшать на мѣстѣ нѣкоторые болѣе важные процессы. Судъ, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ, названъ былъ объѣзднымъ (*circuit-court*).

Наконецъ наиболѣе важныя дѣла должны были или прямо, или по апелляціи передаваться въ верховный судъ, въ присутствіи котораго всѣ объѣздные судьи собираются одинъ разъ въ годъ, образуя общее торжественное засѣданіе.

Система присяжныхъ введена была въ союзные суды такимъ же образомъ, какъ и въ суды штатовъ и для подобныхъ же случаевъ.

Не существуетъ, какъ видно, никакой аналогіи между верховнымъ судомъ Соединенныхъ Штатовъ и нашимъ кассаціоннымъ судомъ. Верховный судъ можетъ дѣйствовать въ качествѣ первой инстанціи, тогда какъ кассаціонный судъ можетъ быть только второю или третьею. Правда, что верховный судъ, подобно кассаціонному суду, представляетъ собою единичное судебное учрежденіе, на обязанности котораго лежитъ установленіе однообразнаго судопроизводства; но верховный судъ разсуждаетъ какъ о фактѣ, такъ и о правѣ, и самъ постановляетъ рѣшеніе, не передавая дѣла въ другой судъ, чего не можетъ дѣлать судъ кассаціонный.

См. органическій законъ 24 сентября 1789 г., *Laws of the United States*, сост. Story, т. I, стр. 53.

Способъ опредѣленія подсудности въ союзныхъ судахъ.

Трудность опредѣленія компетенціи различныхъ судебныхъ мѣстъ въ государствахъ, имѣющихъ форму союзовъ.—Суды Американскаго Союза получили право сами опредѣлять свою подсудность —Въ чемъ этотъ порядокъ нарушаетъ ту долю верховной власти, которую оставили за собой отдѣльные штаты. — Верховныя права штатовъ ограничиваются какъ законами, такъ и разъясненіемъ законовъ. — Отдѣльные штаты подвергаются въ силу этого опасности болѣе кажущейся, чѣмъ дѣйствительной.

Прежде всего являлся такой вопросъ: такъ какъ конституція Соединенныхъ Штатовъ сопоставляла рядомъ двѣ различныя верховныя власти, представляемыя, въ отношеніи правосудія, двумя родами различныхъ судовъ, то какъ бы ни старались точно установить границы подсудности этихъ двухъ разрядовъ судовъ, все же нельзя было устранить возможности частыхъ столкновеній между ними. Но въ такомъ случаѣ кому должно было принадлежать право установленія подсудности?

У народовъ, образующихъ одно единое политическое общество, когда между двумя судами возникаетъ вопросъ о подсудности, то разрѣшеніе его предоставляется обыкновенно третьему суду, играющему роль посредника.

Это дѣлается безъ затрудненія, потому что у такихъ народовъ вопросы о судебной компетенціи не находятся ни въ какой связи съ вопросомъ о верховныхъ правахъ націи.

Но надъ высшимъ судомъ отдѣльнаго штата и высшимъ судомъ Соединенныхъ Штатовъ невозможно было установить какое-нибудь судебное мѣсто, которое не было бы ни тѣмъ, ни другимъ.

По необходимости надо было дать одному изъ двухъ судовъ право рѣшенія въ собственномъ дѣлѣ, предоставивъ ему или принимать на себя разборъ дѣла, подсудность котораго оспаривалась, или отказываться отъ него. Такое право не могло быть предоставлено различнымъ судамъ отдѣльныхъ штатовъ; это значило бы, установивши въ теоріи верховное право Союза, фактически уничтожить его, такъ какъ право разъясненія конституціи вскорѣ возвратило бы отдѣльнымъ штатамъ ту долю независимости, которая была отнята у нихъ по буквальному смыслу конституціи.

Создавая союзный судъ, имѣли въ виду отнять у судовъ отдѣльныхъ штатовъ право разрѣшенія каждымъ изъ нихъ на свой ладъ вопросовъ имѣющихъ обще-національное значеніе, и такимъ образомъ получить однообразное юридическое учрежденіе для разъясненія союзныхъ законовъ. Эта цѣль не достигалось бы, еслибы судьи отдѣльныхъ штатовъ, воздерживаясь отъ обсужденія процессовъ подлежащихъ вѣденію союзныхъ судовъ, могли бы однако судить ихъ, признавая что они не подлежатъ вѣденію этихъ судовъ.

Поэтому верховный судъ Соединенныхъ Штатовъ былъ облеченъ правомъ разрѣшенія всѣхъ вопросовъ о подсудности [1]).

---

[1]) Впрочемъ, чтобы сдѣлать эти споры о подсудности менѣе частыми, рѣшено было, чтобы въ значительномъ числѣ союзныхъ процессовъ суды отдѣльныхъ штатовъ могли постановлять о подсудности наравнѣ съ союзными судами; но въ такихъ случаяхъ обвиненной сторонѣ было предоставлено постоянное право апелляціи въ верховный судъ Соединенныхъ Штатовъ. Верховный судъ Виргиніи отрицалъ, но напрасно, право верховнаго суда Соединенныхъ Штатовъ рѣшать дѣла по апелляціи на его постановленія.

См. *Kent's commentaries*, т. I, стр. 300, 370 и слѣд.

См. *Story's comm.*, стр. 646, и органическій законъ 1789 г.; *Laws of the United States*, т. I, стр. 53.

Это было самымъ опаснымъ ударомъ, нанесеннымъ верховнымъ правамъ штатовъ. Они такимъ образомъ были ограничены не только законами, но и разъясненіемъ законовъ, одной извѣстной предѣльной чертой и другой неизвѣстной, однимъ точно опредѣленнымъ и другимъ произвольнымъ правиломъ. Правда, что конституціей установлены были опредѣленныя границы верховной власти Союза; но всякій разъ, когда эта власть вступаетъ въ соперничество съ верховною властью штатовъ, споръ ихъ рѣшается союзнымъ судомъ.

Впрочемъ опасности, которыми подобный образъ дѣйствій повидимому угрожалъ верховной власти штатовъ, не были въ дѣйствительности такъ велики, какъ это казалось.

Мы дальше увидимъ, что въ Америкѣ дѣйствительная сила заключается скорѣе въ мѣстныхъ правительствахъ, чѣмъ въ правительствѣ Союза. Союзные судьи сознаютъ относительную слабость той власти, отъ имени которой они дѣйствуютъ, и потому они скорѣе бываютъ склонны отказаться отъ права сужденія въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ имъ предоставляетъ его, чѣмъ требовать его для себя незаконно.

Случаи различной юридикціи.

Характеръ процесса и личность суть два основанія юридикціи союзныхъ судовъ. — Процессы, въ которыхъ судятся посланники, — Союзъ, — отдѣльный штатъ. — Кто ихъ судитъ. — Процессы возникающіе изъ законовъ Союза. — Почему они судятся союзными судами. — Процессы о неисполненіи договоровъ, подлежащіе суду союзной юстиціи. — Вытекающія изъ этого слѣдствія.

Найдя средство установить компетенцію союзныхъ судовъ, законодатели Союза опредѣлили затѣмъ юридическіе признаки тѣхъ случаевъ, на которыхъ оно должно было распространиться.

Было установлено, что есть такіе тяжущіеся, которые могутъ судиться только въ союзномъ судѣ, независимо онъ предмета ихъ иска.

Затѣмъ было признано, что есть такіе процессы, которые могутъ быть рѣшены лишь въ этихъ же судахъ, независимо отъ качества тяжущихся.

Личность тяжущихся и содержаніе процесса сдѣлались, слѣдовательно, двумя основаніями, на которыхъ строилось опредѣленіе компетенціи союзныхъ судовъ.

Посланники представляютъ собою дружественныя Союзу націи; во всемъ что касается до посланниковъ заинтересованъ, такъ сказать, весь Союзъ. Когда посланникъ является стороною въ процессѣ, то послѣдній становится дѣломъ, касающимся до благосостоянія всей націи. Естественно, что рѣшеніе по такимъ дѣламъ постановляется союзными судами.

Самый Союзъ можетъ имѣть тяжебныя дѣла. Въ этомъ случаѣ было бы не согласно ни съ разумомъ, ни съ обычаями всѣхъ народовъ обращаться къ судебнымъ мѣстамъ, представляющимъ другую верховную власть, а не власть Союза. Только союзнымъ судамъ должно принадлежать рѣшеніе по такимъ дѣламъ.

Когда два частныхъ лица, принадлежащихъ къ двумъ различнымъ штатамъ, ведутъ тяжбу другъ съ другомъ, то невозможно допустить безъ неудобства, чтобы ихъ судили судьи одного изъ двухъ штатовъ. Надежнѣе избрать такой судъ, который не можетъ возбудить противъ себя подозрѣнія ни одной стороны, и такимъ естественно представляется союзный судъ.

Когда оба тяжущіеся не суть отдѣльныя личности, а цѣлые штаты, то къ мотиву, основанному на справедливости, присоединяется еще и политическій мотивъ первостепенной важности. Здѣсь уже качество тяжущихся даетъ національное значеніе всѣмъ ихъ процессамъ. Малѣйшій спорный вопросъ между двумя штатами представляетъ важное значеніе для спокойствія всего Союза [1]).

Часто самая сущность процесса должна была послужить основаніемъ для опредѣленія подсудности. Такъ, наприм., всѣ вопросы, имѣющіе связь съ морскою торговлей, должны были подлежать разрѣшенію союзныхъ судовъ [2]).

Причину этого легко указать: почти всѣ эти вопросы входятъ въ опредѣленіе международнаго права. Въ этомъ смыслѣ въ нихъ существенно заинтересованъ весь Союзъ по отношенію къ иностранцамъ. Сверхъ того, такъ какъ море не можетъ быть включено въ какой-нибудь судебный округъ предпочтительно передъ другимъ округомъ, то остается только одна обще-національная судебная власть, которая способна вѣдать тяжбы, вытекающія изъ морской торговли.

Конституція соединила подъ одну категорію всѣ процессы, которые по ихъ существу должны подлежать вѣдѣнію союзныхъ судовъ.

Указываемое ею на этотъ счетъ правило очень просто, но оно одно заключаетъ въ себѣ цѣлую обширную систему понятій и обнимаетъ собою множество фактовъ.

Союзные суды, говоритъ она, должны разбирать всѣ процессы, которые *возникаютъ изъ законовъ Соединенныхъ Штатовъ*.

Два примѣра могутъ вполнѣ пояснить мысль законодателя.

Конституція запрещаетъ штатамъ издавать законы, касающіеся денежнаго обращенія; одинъ изъ штатовъ, несмотря на запрещеніе, издаетъ подобный законъ. Заинтересованныя стороны отказываются повиноваться ему на томъ основаніи, что онъ противорѣчитъ конституціи. Въ этомъ случаѣ надо обращаться къ союзному суду, потому что основаніе для начатія иска взято изъ законовъ Соединенныхъ Штатовъ.

Конгрессъ установляетъ ввозную пошлину. Возникаютъ затрудненія относительно взиманія этой пошлины. Опять надо обращаться въ союзный судъ, потому что основаніе процесса заключается въ разъясненіи одного изъ законовъ Соединенныхъ Штатовъ.

Правило это совершенно согласуется съ основаніями принятыми для союзной конституціи.

Правда, что Союзъ, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ организованъ въ 1789 году, имѣетъ только ограниченную верховную власть, но при этомъ имѣлось въ виду, чтобы въ этихъ предѣлахъ онъ представлялъ изъ себя одинъ народъ [3]). Въ этомъ кругу онъ обладаетъ верховною властью. Разъ

---

[1]) Конституція говоритъ также, что вѣдѣнію союзныхъ судовъ подлежатъ всѣ тяжбы, могущія возникнуть между штатомъ и гражданами другого штата. Скоро возникъ вопросъ о томъ, разумѣлись ли въ конституціи всѣ случаи тяжбы между штатомъ и гражданами другого штата, независимо отъ того, кто изъ нихъ будетъ *истцомъ*. Верховный судъ разрѣшилъ вопросъ утвердительно; но рѣшеніе это возбудило безпокойство въ отдѣльныхъ штатахъ, которые боялись, что вопреки ихъ желанію будутъ по всякому поводу требовать къ отвѣту передъ союзными судами. Поэтому въ конституцію была введена поправка, въ силу которой судебная власть Союза не могла простираться на процессы, въ которыхъ *искъ* предъявлялся къ одному изъ штатовъ гражданами другого. См. *Story's commentaries*, стр. 624.

[2]) Примѣръ: всѣ случаи пиратства.

[3]) Правда, что въ это положеніе введены были нѣкоторыя ограниченія допущеніемъ

этотъ пунктъ будетъ установленъ и принятъ, все остальное становится легко, потому что если признавать, что Соединенные Штаты въ предѣлахъ установленныхъ конституцій образуютъ только одинъ народъ, то конечно имъ и должны быть предоставлены права, принадлежащія всѣмъ народамъ.

Но съ самаго возникновенія общества всѣ согласны въ томъ, что каждый народъ имѣетъ право судить черезъ свои судебныя учрежденія всѣ вопросы, относящіеся къ исполненію собственныхъ его законовъ. На это отвѣчаютъ: Союзъ находится въ такомъ необыкновенномъ положеніи, что онъ только въ отношеніи нѣкоторыхъ предметовъ образуетъ народъ; для всѣхъ же другихъ онъ ничего не значитъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Что, по крайней мѣрѣ, относительно законовъ объ этихъ предметахъ, Союзъ имѣетъ такія же права, какія могли бы быть предоставлены власти, обладающей полнымъ суверенитетомъ. Сущность затрудненія состоитъ въ томъ, чтобъ опредѣлить, какіе это предметы. Разъ этотъ вопросъ будетъ разрѣшенъ (а мы видѣли выше, разсуждая о подсудности, какъ онъ былъ разрѣшенъ), то, собственно говоря, не остается вопроса; такъ какъ разъ только было установлено, что данный процессъ касается Союза, т.-е входитъ въ ту долю верховныхъ правъ, которая по конституціи предоставлена была Союзу, то изъ этого естественно слѣдовало, что лишь союзный судъ могъ его разрѣшить.

Значитъ всякій разъ, когда предъявляется споръ противъ законовъ Соединенныхъ Штатовъ, или дѣлается на нихъ ссылка для защиты, слѣдуетъ обращаться къ союзнымъ судамъ.

Поэтому юрисдикція союзныхъ судовъ то расширяется, то суживается, соотвѣтственно тому, какъ расширяются или суживаются самыя верховныя права Союза.

Мы видѣли, что главная цѣль законодателей 1789 года была раздѣлить верховную власть на двѣ различныя части. Въ одну они передали управленіе всѣми дѣлами Союза, а въ другую завѣдываніе всѣми спеціальными интересами нѣкоторыхъ его частей.

Главною ихъ заботой было вооружить союзное правительство достаточною властью, чтобъ оно могло въ своей сферѣ защищаться противъ захватовъ отдѣльныхъ штатовъ.

Что же касается до послѣднихъ, то, какъ общій принципъ, было признано, что въ своей сферѣ они должны оставаться свободными. Въ ней центральное правительство не можетъ ни направлять ихъ, ни даже наблюдать за ихъ поведеніемъ.

Въ главѣ о раздѣленіи властей мною было указано, что этотъ принципъ не всегда соблюдался. Есть такіе законы, которые не могутъ быть изданы отдѣльнымъ штатомъ, хотя повидимому они касаются его одного.

Когда одинъ изъ штатовъ Союза издаетъ законъ такого рода, то граждане, считающіе свои интересы нарушенными примѣненіемъ этого закона, могутъ апеллировать къ союзнымъ судамъ.

Такимъ образомъ юрисдикція союзныхъ судовъ простирается не только на всѣ процессы, имѣющіе своимъ источникомъ законы Союза, но также и на всѣ тѣ, которые возникаютъ изъ законовъ отдѣльныхъ штатовъ, изданныхъ вопреки конституціи.

отдѣльныхъ штатовъ въ сенатъ, въ качествѣ независимыхъ государствъ, и предоставленіемъ имъ отдѣльной подачи голоса въ палатѣ представителей въ случаѣ выбора президента; но все это—исключенія. Преобладающимъ является противоположный принципъ.

Штатамъ запрещено издавать уголовные законы, имѣющіе обратное дѣйствіе; человѣкъ, осужденный на основаніи закона такого рода, можетъ апеллировать къ союзной юстиціи.

Конституціей запрещено также штатамъ издавать такіе законы, которыми отмѣнялись бы или измѣнялись права, пріобрѣтенныя въ силу контракта (*impairing the obligations of contracts*) [1]).

Какъ только какое-нибудь частное лицо усматриваетъ, что закономъ его штата нарушается одно изъ правъ такого рода, такъ оно можетъ отказаться повиноваться ему и апеллировать къ союзной юстиціи [2]).

Этимъ положеніемъ, мнѣ кажется, верховное право штатовъ подвергается большему нарушенію, чѣмъ отъ всего остального.

Права, предоставленныя союзному правительству съ очевидно національными цѣлями, опредѣлены ясно и легко понятны. Тѣ же, которыя косвенно даются ему той статьей, о которой сейчасъ было сказано, не легко бросаются въ глаза и предѣлы ихъ не разграничены точно. Въ самомъ дѣлѣ есть множество политическихъ законовъ, вліяющихъ на существованіе договоровъ, которые такимъ образомъ могутъ подать поводъ къ захвату лишней власти центральнымъ правительствомъ.

Формы судопроизводства въ союзныхъ судахъ.

Естественная слабость юстиціи въ государствахъ съ федеративнымъ устройствомъ.—Усилія, которыя должны дѣлать законодатели, чтобы, по возможности, дѣйствію союзныхъ судовъ подлежали только отдѣльныя личности, а не цѣлые штаты.—Какимъ образомъ американцы достигли этого.—Прямое дѣйствіе союзныхъ судовъ въ отношеніи частныхъ лицъ.—Косвенное давленіе на штаты, нарушающіе законы Союза.—Приговоръ союзной юстиціи не отмѣняетъ мѣстнаго закона, но дѣлаетъ его безсильнымъ.

Я изложилъ права союзныхъ судовъ; не менѣе важно знать, какими способами они осуществляютъ ихъ на дѣлѣ.

---

[1]) Совершенно ясно, говоритъ г. Стори, стр. 503, что всякій законъ, расширяющій, суживающій или измѣняющій какимъ-нибудь образомъ намѣреніе сторонъ, выражающееся въ условіяхъ контракта, измѣняетъ *impairs* этотъ контрактъ. Тотъ же авторъ въ томъ мѣстѣ обстоятельно опредѣляетъ, что именно союзная юстиція разумѣетъ подъ контрактомъ. Опредѣленіе это очень широко. Концессія выданная штатомъ частному лицу и принятая послѣднимъ есть контрактъ и не можетъ быть отнята въ силу дѣйствія новаго закона. Грамота, данная штатомъ какой-нибудь компаніи, есть контрактъ и составляетъ такой же законъ для штата, какъ и для концессіонера. Стало-быть та статья конституціи, о которой мы говоримъ, охраняетъ существованіе значительной части *пріобрѣтенныхъ правъ*, но не всѣхъ ихъ. Я могу совершенно законно владѣть имуществомъ, хотя бы оно перешло въ мои руки и не по контракту. Право владѣнія имъ есть для меня пріобрѣтенное право, но оно не охраняется союзною конституціей.

[2]) Вотъ замѣчательный примѣръ, приводимый г. Стори, стр. 508. Дармутское училище въ Нью-Гемпширѣ было основано въ силу грамоты, данной нѣкоторымъ частнымъ лицамъ ранѣе американской революціи. Завѣдующія имъ лица, въ силу этой грамоты, образовали изъ себя организованное общество или, по американскому выраженію, *корпорацію*. Законодательное собраніе Нью-Гемпшира нашло нужнымъ измѣнить редакцію первоначальной грамоты и перенесло на новое управленіе всѣ права, привилегіи и льготы, вытекавшія изъ этой грамоты. Прежнее управленіе воспротивилось этому и апеллировало въ союзный судъ, который рѣшилъ дѣло въ его пользу на томъ основаніи, что первоначальная грамота представляла собою настоящій контрактъ между штатомъ и концессіонерами и что новый законъ не могъ измѣнять условій этой грамоты, не нарушая тѣмъ правъ, пріобрѣтенныхъ въ силу контракта, а слѣдовательно и 1-й статьи X отдѣла конституціи Соединенныхъ Штатовъ.

Непреодолимая сила судебной власти въ странахъ съ нераздѣльною верховною властью происходитъ отъ того, что въ этихъ странахъ суды представляютъ собою всю націю въ борьбѣ съ отдѣльною личностью, подвергшеюся дѣйствію приговора. Къ понятію о правѣ присоединяется понятіе о силѣ, поддерживающей это право.

Но въ тѣхъ странахъ, гдѣ верховная власть раздѣлена, не всегда бываетъ такъ. Тамъ чаще всего правосудіе имѣетъ противъ себя не отдѣльное лицо, а нѣкоторую часть націи. Отъ этого ея сила, какъ моральная, такъ и матеріальная, дѣлается меньше.

Вслѣдствіе этого въ государствахъ съ союзною формой правленія правосудіе естественно бываетъ слабѣе, а подсудимый сильнѣе.

Въ такихъ федеративныхъ государствахъ законодатель долженъ постоянно стараться дать судебной власти такое же мѣсто, какое оно занимаетъ у народовъ, не установившихъ у себя раздѣленія верховной власти; другими словами, его постоянныя усилія должны клониться къ тому, чтобы союзная юстиція представляла собою націю, а подсудимый являлся представителемъ частнаго интереса.

Всякое правительство, какова бы не была его природа, должно вліять на управляемыхъ, чтобы заставить ихъ отдавать ему должное; оно должно дѣйствовать противъ нихъ, чтобы защищаться отъ ихъ нападенія.

Что касается до прямого дѣйствія правительства на управляемыхъ съ цѣлью заставить ихъ повиноваться законамъ, то конституція Соединенныхъ Штатовъ устроила дѣло такъ (и это было самымъ совершеннымъ ея созданіемъ), что союзные суды, дѣйствующіе во имя этихъ законовъ, имѣютъ дѣло всегда только съ отдѣльными лицами. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ было провозглашено, что Союзъ въ кругу очерченномъ конституціей составляетъ всего одинъ народъ, то изъ этого выходило, что правительство, созданное этою конституціей и дѣйствующее въ ея предѣлахъ, облечено было всѣми правами національнаго правительства, изъ которыхъ главнымъ было право обращать свои требованія безъ всякаго посредства къ каждому отдѣльному гражданину. Такимъ образомъ когда, наприм., Союзъ установлялъ налогъ, то онъ долженъ былъ для взиманія его обращаться не къ штатамъ, а къ каждому американскому гражданину, сообразно съ его обложеніемъ. Въ свою очередь судебной власти Союза, на которую была возложена охрана выполненія этого закона, приходилось постановлять приговоръ не противъ неповинующагося штата, а противъ плательщика. Какъ и судебная власть другихъ народовъ, она имѣла передъ собой только единичную личность.

Замѣтьте, что въ этомъ случаѣ Союзъ самъ выбиралъ своего противника. Онъ выбралъ слабаго; естественно, что онъ оказался побѣжденнымъ.

Но затрудненіе увеличивается, когда Союзъ, вмѣсто нападенія, принужденъ самъ защищаться. Конституція признаетъ за штатами право изданія законовъ. Эти законы могутъ нарушать право Союза. Въ этомъ случаѣ по необходимости приходится бороться съ верховною властью штата, издавшаго законъ. Остается только изъ разныхъ способовъ дѣйствія выбрать наименѣе опасный. Этотъ способъ заранѣе указанъ общими основаніями, изложенными мною раньше [1]).

Понятно, что въ предположенномъ мною случаѣ Союзъ могъ бы потребовать штатъ къ союзному суду, который объявилъ бы данный законъ

---

[1]) См. главу озаглавленную: *О судебной власти въ Америкѣ.*

уничтоженнымъ; таковъ былъ бы естественный ходъ идей. Но такимъ способомъ союзная юстиція очутилась бы прямо лицомъ къ лицу со штатомъ, чего именно желали по возможности избѣжать.

Американцы разсудили, что было почти невозможно, чтобы новый законъ, при своемъ примѣненіи, не затронулъ какого-нибудь частнаго интереса.

На этомъ-то частномъ интересѣ и основываются авторы союзной конституціи, ведя борьбу съ вѣчною законодательною мѣрою, которою могъ бы быть недоволенъ Союзъ. Ему-то они и оказываютъ покровительство.

Штатъ продаетъ какой-нибудь компаніи земли; черезъ годъ, новый законъ распоряжается иначе этими землями и тѣмъ нарушаетъ статью конституціи, которая запрещаетъ измѣнять права, пріобрѣтенныя по договору. Когда лицо, купившее землю на основаніи новаго закона, является, чтобы войти во владѣніе, то владѣлецъ, основывающій свои права на старомъ законѣ, предъявляетъ къ нему искъ въ союзномъ судѣ и добивается признанія его права недѣйствительнымъ. Такимъ образомъ союзная юстиція приходитъ въ столкновеніе съ верховными правами штата, но она поражаетъ ихъ лишь косвенно и примѣнительно къ частному случаю. Законъ страдаетъ отъ нея въ своихъ послѣдствіяхъ, а не въ основаніяхъ: онъ не уничтожается ею, но теряетъ свою силу.

Оставалось еще послѣднее предположеніе.

Каждый штатъ представлялъ изъ себя корпорацію, имѣвшую свое отдѣльное существованіе и свои особыя гражданскія права; такимъ образомъ онъ могъ искать и отвѣчать на судѣ; наприм., одинъ штатъ могъ предъявлять искъ въ судѣ противъ другаго штата.

Въ этомъ случаѣ для Союза дѣло шло уже не о томъ, чтобы возражать противъ мѣстнаго закона, но о томъ, чтобы разсудить процессъ, въ которомъ штатъ являлся стороной. Это былъ такой же процессъ, какъ и всякій другой; только качество тяжущихся было различно. Опасность, на которую было указано въ началѣ этой главы, существуетъ и здѣсь; но въ этомъ случаѣ ее уже нельзя избѣжать; она неразрывно связана съ самой сущностью союзныхъ конституцій, результатомъ которыхъ всегда будетъ созданіе въ средѣ націи частныхъ лицъ достаточно сильныхъ для того, чтобы правосудіе лишь съ трудомъ могло дѣйствовать противъ нихъ.

Высокое мѣсто, занимаемое верховнымъ судомъ въ ряду высшихъ властей государства.

Ни у одного народа не было установлено такой обширной судебной власти, какъ у американцевъ.—Предѣлы ея вѣдѣнія. Ея политическое вліяніе.—Спокойствіе и самое существованіе Союза зависятъ отъ мудрости семи союзныхъ судей.

Когда, разсмотрѣвши подробно организацію верховнаго суда, получаешь представленіе о всей совокупности предметовъ, предоставленныхъ его вѣдѣнію, то не трудно видѣть, что никогда ни у одного народа не было установлено такой громадной судебной власти.

Верховный судъ и по природѣ своихъ правъ, и по качеству подсудныхъ ему лицъ поставленъ выше всѣхъ извѣстныхъ судовъ.

У всѣхъ цивилизованныхъ народовъ Европы правительство выказывало большое нежеланіе, чтобы дѣла, касающіяся его самого, рѣшались обыкновенными судами. Это нежеланіе естественно бываетъ еще больше при абсолютномъ правительствѣ. Напротивъ, по мѣрѣ усиленія свободы, кругъ вѣ-

домства судовъ постоянно расширяется; но ни одно еще изъ европейскихъ націй не пришло къ тому заключенію, чтобы всякое судебное дѣло, каково бы ни было его происхожденіе, могло быть предоставлено судьямъ, дѣйствующимъ на основаніи общаго права.

Въ Америкѣ эта теорія была осуществлена на практикѣ. Верховный судъ есть единственное судебное мѣсто всей націи.

На него возложено изъясненіе законовъ и трактатовъ; вопросы, касающіеся до морской торговли и вообще всѣ вопросы, относящіеся къ международному праву, входятъ исключительно въ его компетенцію. Можно даже сказать, что вѣдомство его имѣетъ почти совершенно политическое содержаніе, тогда какъ устройство его вполнѣ судебное. Единственная его задача состоитъ въ томъ, чтобы приводить въ исполненіе законы Союза, а Союзъ установляетъ только отношенія правительства къ управляемымъ и націи къ иностранцамъ. Взаимныя же отношенія гражданъ почти всѣ регулируются верховною властью отдѣльныхъ штатовъ.

Къ этой причинѣ его важнаго значенія надо прибавить другую еще болѣе важную. У европейскихъ народовъ вѣдѣнію судовъ подлежатъ только частныя лица; относительно же верховнаго суда Соединенныхъ Штатовъ можно сказать, что онъ вызываетъ въ свою камеру владѣтельныхъ особъ. Когда судебный приставъ, восходя на ступени судейской каѳедры, произноситъ эти немногія слова: „Штатъ Нью-Йоркъ, противъ штата Огайо“, то всякій присутствующій чувствуетъ, что онъ находится не въ камерѣ обыкновеннаго суда. И когда подумаешь, что одинъ изъ тяжущихся представляетъ собою милліонъ людей, а другой два милліона, то удивляешься отвѣтственности, лежащей на семи судьяхъ, приговоръ которыхъ долженъ обрадовать или опечалить такое большое число ихъ согражданъ.

Въ рукахъ семи союзныхъ судей постоянно находятся спокойствіе, благосостояніе и самое существованіе Союза. Безъ нихъ конституція была бы мертвою буквой. Къ нимъ обращается исполнительная власть, защищаясь отъ вмѣшательства законодательнаго собранія, законодательная власть, защищаясь противъ мѣропріятій исполнительной власти. Союзъ, чтобы заставить штаты повиноваться ему, штаты, чтобы устранить излишнія притязанія Союза, общіе интересы, вступая въ борьбу съ частными, консервативные взгляды, противодѣйствуя демократическому непостоянству. Власть этихъ судей чрезвычайно велика, но это есть власть, основанная на общественномъ мнѣніи. Они всемогущи, пока народъ соглашается повиноваться закону; они не могутъ ничего сдѣлать, если онъ будетъ презирать законъ. Между тѣмъ значеніе общественнаго мнѣнія таково, что имъ всего труднѣе пользоваться, такъ какъ невозможно съ точностью указать на предѣлы. Иногда бываетъ такъ же опасно остаться позади ихъ, какъ и перейти за нихъ.

Союзные судьи должны быть не только хорошими гражданами, просвѣщенными и честными людьми: эти качества необходимы для всякаго должностного лица; но они кромѣ того должны быть государственными людьми; нужно, чтобъ они умѣли понимать духъ своего времени, бороться съ препятствіями, которыя могутъ быть побѣждены, и уклоняться въ сторону отъ теченія, когда оно грозитъ унести вмѣстѣ съ ними и верховное право Союза и повиновеніе его законамъ.

Президентъ можетъ ошибаться и при этомъ государство не пострадаетъ, потому что президентъ имѣетъ лишь ограниченную власть. Можетъ заблуждаться и конгрессъ, и отъ этого Союзъ не погибнетъ, потому что выше

конгресса есть общество избирателей, которое можетъ измѣнить его направленіе, перемѣнивши его членовъ.

Но еслибы верховный судъ когда-нибудь оказался составленнымъ изъ легкомысленныхъ или продажныхъ людей, то Союзъ подвергался бы опасности анархіи или междоусобной войны.

Впрочемъ, не слѣдуетъ заблуждаться: первоначальная причина опасности заключается не въ устройствѣ суда, но въ самой природѣ союзнаго управленія. Мы видѣли, что нигдѣ нѣтъ большей необходимости въ твердой организаціи судебной власти, какъ у народовъ, образующихъ Союзъ, потому что нигдѣ отдѣльныя личности, могущія итти противъ общества, не бываютъ такъ сильны и не имѣютъ такой возможности сопротивляться матеріальной силѣ правительства.

Но чѣмъ болѣе необходимо, чтобы власть была сильною, тѣмъ болѣе слѣдуетъ ей предоставить простора и независимости. А чѣмъ власть обширнѣе и независимѣе, тѣмъ злоупотребленіе ею можетъ быть опаснѣе. Стало-быть зло происходитъ не вслѣдствіе организаціи этой власти, а вслѣдствіе организаціи самого государства, требующей существованія подобной власти.

Въ чемъ состоитъ превосходство союзной конституціи надъ конституціей штатовъ.

Какимъ образомъ можно сравнивать конституцію Союза съ конституціей отдѣльныхъ штатовъ.—Преимущество союзной конституціи должно быть приписано въ особенности мудрости союзныхъ законодателей.—Законодательная власть Союза болѣе независима отъ народа, чѣмъ законодательная власть штатовъ.—Исполнительная власть въ своей сферѣ болѣе свободна.—Законодательная власть менѣе подчинена волѣ большинства.—Практическія послѣдствія этого.—Союзные законодатели ослабили опасности, связанныя съ правленіемъ демократіи, законодатели штатовъ увеличили эти опасности.

Союзная конституція существенно отличается отъ конституціи штатовъ цѣлью, которую она имѣетъ въ виду, но она очень похожа на нее по тѣмъ средствамъ, которыми достигается эта цѣль. Предметъ управленія другой, но формы его тѣ же самыя. Съ этой спеціальной точки зрѣнія можно съ пользою ихъ сравнить.

Я думаю, что союзная конституція совершеннѣе всѣхъ конституцій штатовъ. Превосходство это обусловливается многими причинами.

Настоящая конституція Союза составлена была послѣ конституцій большей части штатовъ; поэтому можно было воспользоваться пріобрѣтеннымъ опытомъ.

Но нельзя не прійти къ убѣжденію, что эта причина есть только второстепенная, если принять въ соображеніе, что послѣ установленія союзной конституціи къ Союзу прибавилось одиннадцать новыхъ штатовъ и что они почти всегда скорѣе усиливали, чѣмъ ослабляли недостатки, существовавшіе въ конституціяхъ штатовъ, раньше образовавшихся.

Главная причина превосходства союзной конституціи заключается въ самомъ характерѣ ея составителей.

Въ эпоху, когда она была составлена, паденіе Союза казалось неминуемымъ; оно, такъ сказать, было у всѣхъ передъ глазами. Въ этой крайности народъ выбралъ можетъ-быть не тѣхъ людей, которыхъ онъ больше всего любилъ, но тѣхъ, которыхъ онъ наиболѣе уважалъ.

Я уже высказалъ выше замѣчаніе, что законодатели Союза были почти все люди замѣчательные своими знаніями и еще болѣе своимъ патріотизмомъ.

Всѣ они возвысились среди общественнаго кризиса, во время котораго духъ свободы долженъ былъ постоянно выдерживать борьбу съ сильной и склонной къ господству правительственною властью. Когда борьба была окончена, и когда, какъ обыкновенно бываетъ, возбужденныя страсти толпы направлялись еще на противодѣйствіе давно уже не существовавшимъ опасностямъ, эти люди остановились; они посмотрѣли на свое отечество болѣе спокойнымъ и проницательнымъ взглядомъ и увидали, что окончательный переворотъ уже совершился, и что съ этого времени опасности, угрожающія народу, могутъ возникнуть только изъ злоупотребленія свободой. То, что они думали, они имѣли мужество и высказать, потому что чувствовали въ глубинѣ сердца искреннюю и горячую любовь къ этой самой свободѣ; они осмѣлились говорить о ея ограниченіи, будучи увѣрены въ своемъ нежеланіи ее уничтожить [1]).

Большая часть конституцій штатовъ установляетъ только годичный срокъ для полномочій въ палатѣ представителей и двухлѣтній для сенаторовъ, такъ что члены законодательнаго собранія безпрерывно бываютъ связаны, и притомъ самымъ тѣснымъ образомъ, съ малѣйшими желаніями своихъ избирателей.

Законодатели Союза нашли, что такая чрезвычайная зависимость законодательной власти искажаетъ главнѣйшіе результаты представительной системы, дѣлая народъ не только источникомъ власти, но и правительствомъ.

---

[1]) Въ это время знаменитый Александръ Гамильтонъ, одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ между составителями конституціи, не побоялся высказать въ № 71 *Федералиста* слѣдующее:

„Я знаю,—писалъ онъ,—что есть люди, которымъ бы исполнительная власть не могла ничѣмъ болѣе понравиться, какъ рабскимъ подчиненіемъ желаніямъ народа, или законодательнаго собранія; но мнѣ кажется, что они имѣютъ очень грубое понятіе какъ о цѣли всякаго правительства, такъ и о дѣйствительныхъ способахъ достиженія общественнаго благосостоянія.

„Что мнѣнія народа, когда они продуманы и созрѣли, служатъ руководствомъ для тѣхъ, кому народъ поручаетъ веденіе своихъ дѣлъ, это вытекаетъ изъ установленія республиканской конституціи; но республиканскіе принципы вовсе не требуютъ того, чтобы надо было увлекаться всякимъ вѣтромъ народныхъ страстей, или тотчасъ повиноваться всѣмъ минутнымъ импульсамъ, которые толпа можетъ получать вслѣдствіе лукавыхъ дѣйствій людей, льстящихъ ея предразсудкамъ во вредъ ея дѣйствительнымъ интересамъ.

„Правда, что народъ обыкновенно хочетъ достичь только общественнаго блага; но, стремясь къ нему, онъ часто ошибается. Еслибъ ему стали говорить, что онъ всегда здраво судитъ относительно способовъ, которые должно употребить для полученія національнаго благосостоянія, то его здравый смыслъ заставилъ бы его отнестись съ презрѣніемъ къ подобной лести, такъ какъ ему по опыту извѣстно, что ему иногда случалось ошибаться. Чему слѣдуетъ удивляться, такъ это тому, что онъ чаще не ошибается, будучи постоянно преслѣдуемъ хитростями паразитовъ и сикофантовъ, будучи окруженъ западнями, которыя ему безпрестанно ставятся жадными и лишенными средства людьми и ежедневно подвергаясь обману черезъ лукавства тѣхъ, кто незаслуженно пользуется его довѣріемъ, или кто старается больше его пріобрѣсти, чѣмъ заслужитъ.

„Когда истинные интересы народа находятся въ противорѣчіи съ его желаніями, то долгъ каждаго, кто поставленъ имъ на стражѣ этихъ интересовъ, бороться съ заблужденіемъ, жертвой которой временно становится народъ, чтобы дать ему время очнуться и хладнокровно взглянуть на положеніе вещей. И не разъ бывало, что народъ, спасенный такимъ образомъ отъ гибельныхъ послѣдствій собственныхъ его ошибокъ, воздвигалъ благодарственные памятники тѣмъ людямъ, которые имѣли великодушное мужество рисковать его неудовольствіемъ ради его пользы“.

Они увеличили срокъ избирательныхъ полномочій, чтобы предоставить депутатамъ большую возможность проявить свою свободную волю.

Союзная конституція, также какъ и различныя конституціи штатовъ, раздѣлила законодательное собраніе на два отдѣленія.

Но въ штатахъ эти двѣ части законодательнаго собранія были составлены изъ одинакихъ элементовъ и посредствомъ однороднаго способа избранія. Изъ этого получилось то, что страсти и стремленія большинства съ такою же легкостію могли проявляться и также скоро найти свое выраженіе и свои орудія какъ въ одной, такъ и въ другой палатѣ. Отъ этого составленіе законовъ приняло бурный и торопливый характеръ.

Союзная конституція также выводила обѣ палаты изъ народнаго голосованія; но она видоизмѣнила для каждой изъ нихъ условія избранія и способъ выбора такъ чтобы, одна изъ вѣтвей законодательной власти если и не представляла, какъ въ нѣкоторыхъ націяхъ, интересы различные отъ интересовъ другой, то по крайней мѣрѣ была бы представительницей высшей мудрости.

Чтобы быть сенаторомъ, требовалось имѣть зрѣлый возрастъ и избраніе сенаторовъ было возложено на собраніе, которое само было выборное и немногочисленное.

Демократіи естественно имѣютъ склонность къ сосредоточенію всей общественной власти въ рукахъ законодательнаго собранія. Послѣднее, будучи властью наиболѣе непосредственно исходящею отъ народа, съ тѣмъ вмѣстѣ получаетъ и наибольшую долю его всемогущества.

Поэтому въ немъ постоянно замѣчается стремленіе къ соединенію въ себѣ всякаго рода правительственной власти.

Это сосредоточеніе властей съ одной стороны чрезвычайно вредитъ правильному веденію дѣла, съ другой—въ то же время содѣйствуетъ установленію деспотизма большинства.

Законодатели отдѣльныхъ штатовъ часто поддавались этимъ инстинктамъ демократіи; законодатели Союза всегда мужественно боролись съ ними.

Въ штатахъ исполнительная власть находится въ рукахъ должностного лица, который повидимому стоитъ рядомъ съ законодательнымъ собраніемъ, но въ дѣйствительности есть не что иное какъ слѣпое и пассивное орудіе его воли. Откуда могъ бы онъ получить свою силу? Изъ продолжительности отправленія имъ своей должности? Но онъ обыкновенно назначается на одинъ годъ. Въ своихъ правахъ и преимуществихъ? Онъ, можно сказать, ихъ не имѣетъ. Законодательная власть можетъ сдѣлать его безсильнымъ, поручивши исполненіе своихъ законовъ спеціальнымъ коммиссіямъ, избраннымъ изъ ея среды. Еслибъ она пожелала, то могла бы такъ сказать уничтожить его, отнявши у него содержаніе.

Союзная конституція сосредоточила всѣ права исполнительной власти, также какъ и всю ея отвѣтственность, на одномъ человѣкѣ. Она продолжила существованіе президента на четыре года; она утвердила за нимъ на весь срокъ его должности пользованіе его содержаніемъ; она учредила для него кліентуру и вооружила его правомъ пріостанавливающаго veto. Однимъ словомъ, очертивши старательно сферу исполнительной власти, она постаралась въ этой сферѣ дать ей сколько возможно болѣе сильное и свободное положеніе.

Изъ всѣхъ родовъ власти судебная власть получила въ конституціяхъ штатовъ положеніе наименѣе зависимое отъ законодательной.

Однако во всѣхъ штатахъ законодательная власть сохранила за собой

право назначать жалованье судьямъ, что́, конечно, подчиняетъ послѣднихъ ея непосредственному вліянію.

Въ нѣкоторыхъ штатахъ судьи назначаются только на время, что опять отнимаетъ у нихъ значительную часть ихъ свободы и силы.

Въ другихъ штатахъ законодательная и судебная власть оказываются совершенно смѣшанными. Такъ наприм. сенатъ въ Нью-Йоркѣ образуетъ по нѣкоторымъ дѣламъ высшій судъ штата.

Напротивъ союзная конституція позаботилась отдѣлить судебную власть отъ всѣхъ другихъ. Кромѣ того, она сдѣлала судей независимыми, признавши ихъ жалованье постояннымъ и должность ихъ несмѣняемою.

Легко замѣтить практическія послѣдствія этихъ различій. Для всякаго внимательнаго наблюдателя очевидно, что дѣла Союза ведутся несравненно лучше, чѣмъ частныя дѣла какого-нибудь штата.

Союзное правительство справедливѣе и умѣреннѣе въ своей дѣятельности, чѣмъ правительство штатовъ. Въ его намѣреніяхъ больше разумности, въ его предположеніяхъ больше прочности и соображеній, основанныхъ на знаніи дѣла, и въ исполненіи его мѣропріятій больше умѣнья, послѣдовательности и твердости.

Эту главу можно резюмировать въ немногихъ словахъ.

Двѣ главныхъ опасности угрожаютъ существованію демократій:

Полное рабское подчиненіе законодательной власти желаніямъ массы избирателей.

Сосредоточеніе въ законодательномъ учрежденіи всѣхъ прочихъ правительственныхъ властей.

Законодатели штатовъ способствовали развитію этихъ опасностей. Законодатели Союза сдѣлали все что могли для того, чтобъ онѣ были менѣе страшными.

Чѣмъ союзная конституція Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ отличается отъ всѣхъ другихъ союзныхъ конституцій.

Американскій Союзъ съ виду похожъ на всѣ другіе союзы.—Однако результаты его оказываются другими.—Отчего это происходитъ?—Чѣмъ этотъ Союзъ отличается отъ всѣхъ прочихъ. — Американское правительство не есть союзное, а неполное національное.

Американскіе Соединенные Штаты не были первымъ и единственнымъ примѣромъ федераціи. Не говоря о древности, въ новѣйшей Европѣ было нѣсколько такихъ примѣровъ: Швейцарія, Германская имперія, Нидерландская республика имѣли, или имѣютъ и теперь, федеративное устройство.

Изучая конституцію этихъ различныхъ странъ, мы съ удивленіемъ замѣчаемъ, что власть предоставленная ими союзному правительству приблизительно такова же, какъ и власть данная американской конституціей правительству Соединенныхъ Штатовъ. Подобно послѣдней, онѣ даютъ центральному правительству право заключать миръ и объявлять войну, право набирать людей и собирать деньги, заботиться объ удовлетвореніи общихъ потребностей націи и объ урегулированіи ея общихъ интересовъ.

Однако у всѣхъ этихъ различныхъ народовъ союзное правительство почти всегда оставалось слабымъ и безсильнымъ, тогда какъ правительство Американскаго Союза ведетъ дѣла легко и энергично.

Больше того: первый Американскій Союзъ не могъ существовать по причинѣ чрезвычайной слабости своего правительства, а между тѣмъ это

столь слабое правительство имѣло такія же обширныя права, какъ и теперешнее союзное правительство. Можно даже сказать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ его привилегіи были больше.

Значитъ въ теперешней конституціи Соединенныхъ Штатовъ существуютъ такіе новые принципы, которые не бросаются въ глаза съ перваго раза, но вліяніе которыхъ глубоко чувствуется.

Въ самомъ дѣлѣ эта конституція, которую съ перваго взгляда легко можно смѣшать съ бывшими раньше ея союзными конституціями, основана на совершенно новой теоріи, которая должна быть признана за великое открытіе въ политической наукѣ нашего времени.

Во всѣхъ федераціяхъ, предшествовавшихъ образованію Американскаго Союза 1789 года народы, соединявшіеся въ виду общей цѣли, соглашались повиноваться требованіямъ союзнаго правительства; но они оставляли за собой право наблюдать у себя за исполненіемъ законовъ Союза.

Американскія государства - штаты, соединившіеся въ 1789 г. не только согласились на то, чтобы союзное правительство издавало для нихъ законы, но чтобы оно же само и приводило въ исполненіе свои законы.

Въ обоихъ случаяхъ право одно и то же, только примѣненіе его различно; но изъ этой единственной разницы происходятъ громадныя послѣдствія.

Во всѣхъ федераціяхъ, бывшихъ раньше теперешняго Американскаго Союза, союзное правительство для удовлетворенія своихъ потребностей обращалось къ частнымъ правительствамъ. Въ случаѣ, если требуемая мѣра не нравилась одному изъ нихъ, то оно всегда могло уклониться отъ необходимости повиноваться. Если оно было сильно, то обращалось къ оружію, если слабо, то потворствовало сопротивленію союзнымъ законамъ, ставшимъ его собственными, заявляло о своемъ безсиліи и пользовалось силою инерціи.

Поэтому всегда происходило одно изъ двухъ: или самый сильный изъ соединившихся народовъ бралъ въ свои руки права союзной власти и во имя ея господствовалъ надъ всѣми другими [1]), или союзное правительство оставалось предоставленнымъ своимъ собственнымъ силамъ и тогда между членами Союза водворялась анархія и Союзъ впадалъ въ безсиліе, лишавшее его возможности дѣйствовать [2]).

Въ Америкѣ Союзъ управляетъ не государствами, а частными гражданами. Когда онъ установляетъ налогъ, то обращается не къ правительству напр. штата Массачусетса, а къ каждому жителю этого штата. Старинныя союзныя правительства имѣли дѣло съ народомъ, правительство Американскаго Союза—съ отдѣльными личностями. Оно получаетъ свою силу не извнѣ, а отъ самого себя. Оно имѣетъ своихъ собственныхъ администраторовъ, свои суды, своихъ судебныхъ чиновниковъ и свою армію.

Безъ сомнѣнія національный духъ, общественныя страсти и провинціальные предразсудки каждаго штата также ведутъ къ значительному уменьшенію объема организованной такимъ образомъ союзной власти и къ созданію центровъ сопротивленія ея волѣ; будучи ограничено въ своихъ

---

[1]) Такъ было у грековъ при Филиппѣ, когда этотъ государь взялъ на себя исполненіе приговора амфиктіоновъ. Тоже произошло въ Нидерландской республикѣ, гдѣ всегда высшее распоряженіе принадлежало провинціи Голландіи. То же въ наше время происходитъ въ Германскомъ союзѣ, въ которомъ Австрія и Пруссія являются исполнителями рѣшеній союзнаго совѣта и отъ его имени господствуютъ надъ всѣмъ союзомъ.

[2]) Такъ всегда было въ Швейцарскомъ союзѣ. Швейцарія уже нѣсколько вѣковъ не существовала бы, если бы не взаимная зависть ея сосѣдей.

верховныхъ правахъ, она не можетъ быть столь же сильной, какъ правительство, пользующееся ими вполнѣ; но это уже есть недостатокъ, присущій федеративной системѣ.

Въ Америкѣ каждый штатъ имѣетъ гораздо меньше случаевъ и поводовъ къ неповиновенію; и если бы онъ вздумалъ сопротивляться, то не иначе могъ бы это сдѣлать, какъ явно нарушивъ законы Союза, остановивши правильный ходъ юстиціи и поднявши знамя бунта; однимъ словомъ ему пришлось бы сразу рѣшиться на крайнія мѣры, на что люди обыкновенно долго не рѣшаются.

Въ старинныхъ федераціяхъ права, предоставленныя Союзу, являлись для него источникомъ войнъ, а не силы, потому что эти права увеличивали его требованія, не увеличивая его средствъ заставить себѣ повиноваться. Поэтому оказывалось почти всегда, что дѣйствительная слабость союзныхъ правительствъ возрастала въ прямомъ отношеніи къ ихъ номинальной власти.

Не такъ состоитъ дѣло въ Американскомъ Союзѣ; союзное правительство, подобно большей части обыкновенныхъ правительствъ, можетъ исполнять все, на что ему предоставлено право.

Человѣческій умъ легче создаетъ вещи, чѣмъ слова. Поэтому въ употребленіи находится столько несоотвѣтствующихъ терминовъ и недостаточныхъ выраженій.

Многія націи образуютъ постоянный Союзъ и установляютъ верховную власть, которая, не дѣйствуя на простыхъ гражданъ, какъ это бываетъ при національномъ правительствѣ, обращаетъ, однако, свое дѣйствіе на каждый изъ союзныхъ народовъ, взятый въ его цѣлости

Этотъ образъ правленія, столь отличный отъ всѣхъ другихъ, носитъ названіе федеративнаго.

Затѣмъ есть такая общественная форма, при которой нѣсколько народовъ дѣйствительно сливаются въ одинъ по отношенію къ нѣкоторымъ общимъ для нихъ интересамъ, оставаясь раздѣльными и только союзными въ отношеніи всѣхъ другихъ.

Въ этомъ случаѣ центральная власть дѣйствуетъ на управляемыхъ безъ посторонняго посредства; она сама распоряжается ими и судитъ ихъ, какъ дѣлаютъ это и національныя правительства, но оно дѣйствуетъ такимъ образомъ лишь въ ограниченномъ кругу. Очевидно это уже не федеративное правленіе, а неполное національное. Такимъ образомъ найденъ былъ образъ правленія, который не есть въ точности ни національный, ни федеративный; но на этомъ остановились, и новое слово, которое должно бы было выразить собою новую вещь, до сихъ поръ еще не существуетъ.

Вслѣдствіе незнакомства съ этимъ новымъ видомъ федераціи, всѣ союзы кончали или междоусобной войной, или подчиненіемъ, или бездѣйствіемъ. Всѣ составлявшіе ихъ народы не имѣли достаточнаго знанія, чтобы найти лѣкарство для ихъ болѣзней, или достаточнаго мужества чтобы его примѣнить.

Первый Американскій Союзъ впалъ въ тѣ же ошибки.

Но въ Америкѣ соединенныя государства-штаты, прежде чѣмъ они получили независимость, долгое время были частями одной державы; поэтому они еще не пріобрѣли привычки вполнѣ управляться сами собой, и національные предразсудки не могли еще пустить глубокихъ корней. Болѣе просвѣщенные, чѣмъ остальной міръ и равные другъ другу въ просвѣщеніи, они только слабо ощущали тѣ страсти, которыя обыкновенно служатъ для народовъ препятствіемъ къ расширенію союзной власти, при томъ съ этими

страстями вели борьбу величайшіе граждане. Чувствуя болѣзнь, американцы въ то же время мужественно сознали необходимость лѣкарства. Они исправили свои законы и спасли свою страну.

Выгоды федеративной системы вообще и польза ея спеціально для Америки.

Счастье и свобода, которыми пользуются маленькія націи. — Могущество большихъ націй.—Большія державы содѣйствуютъ развитію цивилизаціи,—О томъ, что сила для народовъ есть иногда первый элементъ благосостоянія.—Федеративная система имѣетъ своею цѣлью соединить преимущества, извлекаемыя народомъ изъ большой и изъ малой величины ихъ территоріи.—Выгоды, получаемыя изъ этой системы Соединенными Штатами.—Законъ измѣняется, примѣняясь къ потребностямъ населенія, а не населеніе примѣняется къ требованіямъ закона.—Дѣятельность, прогрессъ, склонность къ свободѣ и пользованію ею у народовъ Америки.—Общественный духъ Союза есть только *обобщеніе* провинціальнаго патріотизма.—Вещи и мысли обращаются свободно на территоріи Соединенныхъ Штатовъ.—Союзъ свободенъ и счастливъ, какъ маленькая нація, и пользуется уваженіемъ, какъ большая.

Въ маленькихъ націяхъ глазъ общества проникаетъ повсюду; духъ улучшенія нисходитъ до мельчайшихъ подробностей: такъ какъ честолюбіе народа значительно умѣряется его слабостью, то его силы и средства почти всецѣло направляются на его внутреннее благосостояніе и не разлетаются суетнымъ дымомъ славы. Кромѣ того, такъ какъ тамъ способности каждаго обыкновенно бываютъ ограничены, то также ограничены бываютъ и желанія. Посредственность состояній дѣлаетъ ихъ приблизительно равными; нравы тамъ имѣютъ простой и спокойный характеръ. Такимъ образомъ взявши все въ разсчетъ и принимая въ соображеніе различную степень моральнаго и умственнаго развитія, мы обыкновенно находимъ въ маленькихъ націяхъ больше довольства, болѣе густое населеніе и больше спокойствія, чѣмъ въ большихъ.

Когда тиранія водворяется въ средѣ маленькой націи, то она оказывается въ ней болѣе непріятной, чѣмъ гдѣ нибудь, потому что, дѣйствуя въ болѣе ограниченномъ кругу, она въ немъ распространяется на все. Не будучи въ состояніи взяться за какой нибудь важный предметъ, она становится одновременно и грубой, и придирчивой. Изъ политическаго міра, который, собственно говоря, составляетъ ея область, она проникаетъ въ частную жизнь. Распоряжаясь поступками, она стремится распоряжаться и вкусами; управляя государствомъ, она хочетъ управлять и семействомъ. Но это рѣдко случается и, собственно говоря, свобода составляетъ естественное условіе мелкихъ обществъ. Правительственная власть въ нихъ представляетъ слишкомъ мало привлекательности для честолюбія и средства частныхъ лицъ слишкомъ ограничены, чтобы верховная власть могла такъ легко сосредоточиться въ рукахъ одного человѣка. А если бы это случилось, то для управляемыхъ было бы не трудно соединиться и общимъ усиліемъ свергнуть сразу и тирана, и тиранію.

Во всѣ времена поэтому маленькія націи были колыбелью политической свободы. Большая часть изъ нихъ увеличившись потеряли эту свободу, что ясно указываетъ на то, что она зависѣла отъ малой величины народа, а не отъ свойствъ его самого.

Міровая исторія не представляетъ примѣра великой націи, которая долго оставалась бы республикой [1]), что и ведетъ къ утвержденію невозмож-

[1]) Я не говорю здѣсь о союзѣ мелкихъ республикъ, но о большой сплоченной республикѣ.

ности этого. Что касается до меня, то я думаю, что человѣкъ поступаетъ очень неблагоразумно, когда берется ограничивать возможное и судить о будущемъ, въ то время какъ дѣйствительность и настоящее ежедневно ускользаютъ отъ него и онъ безпрестанно оказывается захваченнымъ въ расплохъ въ дѣлахъ наилучше ему извѣстныхъ. Съ достовѣрностью можно сказать лишь то, что существованіе большой республики всегда будетъ подвергаться гораздо большей опасности, сравнительно съ маленькой.

Всѣ страсти, гибельныя для республики, увеличиваются вмѣстѣ съ размѣрами ея территоріи, тогда какъ служащія имъ поддержкой доблести не увеличиваются въ той же пропорціи.

Властолюбіе частныхъ лицъ увеличивается вмѣстѣ со значеніемъ государства, сила партіи возрастаетъ съ важностью преслѣдуемой ею цѣли. Но любовь къ отечеству, которая должна бороться противъ этихъ разрушительныхъ страстей, не становится сильнѣе въ обширной республикѣ, чѣмъ въ маленькой. Даже не трудно было бы доказать, что въ первой она менѣе развита и менѣе сильна. Большія богатства и глубокая нищета столичныхъ городовъ, развращеніе нравовъ, развитіе личнаго эгоизма, запутанность интересовъ суть тѣ опасности, которыя почти всегда возникаютъ изъ обширности государства. Многія изъ этихъ вещей не вредятъ существованію монархіи, а нѣкоторыя даже могутъ содѣйствовать ея прочности. Притомъ въ монархіяхъ правительство имѣетъ собственную свою силу; оно пользуется народомъ, какъ орудіемъ, и не зависитъ отъ него; чѣмъ больше народа, тѣмъ сильнѣе государь; но республиканское правительство можетъ противостать этимъ опасностямъ, только опираясь на большинство. Но этотъ элементъ силы имѣетъ относительно не болѣе значенія въ обширной республикѣ, чѣмъ въ маленькой. Такимъ образомъ, въ то время, какъ средства нападенія постоянно увеличиваются въ числѣ и въ силѣ, сила сопротивленія остается все та же. Можно даже сказать, что она уменьшается, такъ какъ чѣмъ многочисленнѣе народъ и чѣмъ разнообразнѣе становится характеръ мыслей и интересовъ, тѣмъ, конечно, труднѣе образовать прочное большинство.

Сверхъ того можно замѣтить, что человѣческія страсти пріобрѣтаютъ большую силу не только вслѣдствіе значительности преслѣдуемой ими цѣли, но также и вслѣдствіе того, что онѣ одновременно проявляются у множества отдѣльныхъ лицъ. Всякій человѣкъ будетъ чувствовать болѣе сильное душевное движеніе, находясь посреди волнующейся толпы, раздѣляющей его чувства, чѣмъ еслибъ онъ одинъ его испытывалъ. Въ обширной республикѣ политическія страсти становятся неудержимыми не только по причинѣ громадности преслѣдуемыхъ ими цѣлей, но еще и потому, что милліоны людей ощущаютъ ихъ одинаково и одновременно.

Можно поэтому сказать вообще, что ничто такъ не противно благосостоянію и свободѣ людей, какъ большія державы.

Но большія государства имѣютъ и свои особыя преимущества, которыхъ нельзя не признать.

Подобно тому какъ стремленіе къ власти проявляется въ нихъ сильнѣе между обыкновенными людьми, также сильнѣе развивается и любовь къ славѣ въ тѣхъ людяхъ, которые въ одобреніи великаго народа видятъ предметъ достойный ихъ усилій и способный, такъ сказать, возвысить каждаго изъ нихъ надъ самимъ собой. Мысль получаетъ тамъ во всѣхъ дѣлахъ болѣе быстрое и могучее движеніе, идеи обращаются свободнѣе, главные города становятся какъ бы обширными умственными центрами, въ ко-

торыхъ сходятся и проявляютъ свой блескъ всѣ лучи человѣческаго разума; это обстоятельство объясняетъ намъ, почему въ великихъ націяхъ просвѣщеніе и общія условія цивилизаціи прогрессируютъ быстрѣе, чѣмъ въ маленькихъ. Къ этому надо прибавить, что важныя открытія требуютъ часто такого развитія національной силы, къ которому неспособно правительство маленькаго народа; въ великихъ націяхъ правительство имѣетъ больше общихъ идей; оно полнѣе освобождается отъ привычной рутины и мѣстнаго эгоизма. Въ его соображеніяхъ больше генія и больше смѣлости въ его образѣ дѣйствій.

Внутреннее благосостояніе полнѣе и распространеннѣе въ мелкихъ націяхъ до тѣхъ поръ, пока онѣ на мирномъ положеніи; но война вредитъ имъ сильнѣе, чѣмъ большимъ націямъ. Въ послѣднихъ дальность границъ позволяетъ иногда массѣ народа въ теченіе столѣтій оставаться вдали отъ опасностей. Война для нея есть скорѣе поводъ къ безпокойству, чѣмъ къ разоренію.

Впрочемъ въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, существуютъ соображенія, преобладающія надъ всѣмъ другимъ, соображенія необходимости.

Если бы существовали только маленькія націи и не было бы большихъ, то человѣчество, безъ сомнѣнія, было бы свободнѣе и счастливѣе. Но невозможно сдѣлать, чтобы не было большихъ націй.

Это обстоятельство вводитъ въ міръ новый элементъ народнаго благосостоянія, который есть сила. Что прибыли отъ этого, что какой-нибудь народъ представляетъ картину довольства и свободы, если онъ ежедневно сознаетъ себя подъ угрозой опустошенія или завоеванія? Что пользы въ томъ, что у него есть промышленность и торговля, если другой народъ господствуетъ на моряхъ и установляетъ свои законы на всѣхъ рынкахъ? Маленькіе народы часто бываютъ несчастны не потому, что они малы, а потому, что они слабы; и большіе процвѣтаютъ не вслѣдствіе своей величины, а вслѣдствіе своей силы. Слѣдовательно, сила бываетъ часто для націй однимъ изъ главнѣйшихъ условій счастія и даже самого существованія. Отъ этого происходитъ, что маленькіе народы, если не будетъ какихъ нибудь особыхъ обстоятельствъ, всегда кончаютъ тѣмъ, что или насильственно бываютъ присоединены къ большимъ, или сами къ нимъ присоединяются. Я не знаю положенія болѣе печальнаго, чѣмъ положеніе народа не могущаго ни защищаться, ни существовать самостоятельно.

Для того, чтобы соединить вмѣстѣ различныя выгоды, происходящія отъ большой и отъ малой величины націй, и была создана федеративная система.

Достаточно взглянуть на Американскіе Соединенные Штаты, чтобы замѣтить всѣ хорошія слѣдствія, вытекающія для нихъ отъ принятія этой системы.

Въ большихъ централизованныхъ націяхъ законодатель принужденъ давать законамъ единообразный характеръ, не соотвѣтствующій различію мѣстныхъ условій и нравовъ; не будучи никогда знакомъ съ частными случаями, онъ можетъ дѣйствовать только, установляя общія правила; тогда людямъ приходится приноравливаться къ требованіямъ законодательства, потому что законодательство не способно примѣниться къ потребностямъ и нравамъ людей; и это составляетъ важную причину для безпорядковъ и несчастій

Этого неудобства не существуетъ въ странахъ съ федеративнымъ устрой-

ствомъ. Конгрессъ установляетъ лишь правило для главныхъ актовъ общественной жизни; всѣ подробности предоставлены провинціальному законодательству.

Трудно себѣ представить, до какой степени такое раздѣленіе верховной власти способствуетъ благосостоянію каждого штата, входящаго въ составъ Союза. Въ этихъ маленькихъ обществахъ, не заботящихся ни о защитѣ, ни объ увеличеніи, вся общественная сила и вся индивидуальная энергія обращаются на внутреннія улучшенія. Находясь совсѣмъ близко къ управляемымъ, центральное правительство каждаго штата ежедневно имѣетъ свѣдѣнія объ ощущаемыхъ нуждахъ; поэтому ежегодно появляются новые планы, которые, обсуждаясь въ общинныхъ собраніяхъ, или въ законодательномъ собраніи штата и затѣмъ перепечатываясь въ газетахъ, возбуждаютъ къ себѣ общій интересъ и заботливость гражданъ. Эта потребность въ улучшеніяхъ постоянно волнуетъ американскія республики, но не производитъ въ нихъ безпорядка; стремленіе къ власти уступаетъ въ нихъ мѣсто стремленію къ благосостоянію, представляющему собою страсть болѣе низменную, но менѣе опасную. Въ Америкѣ всюду распространено убѣжденіе, что существованіе и прочность республиканскихъ формъ въ Новомъ Свѣтѣ зависятъ отъ существованія и прочности федеративной системы. Большую часть печальныхъ условій, въ которыхъ находятся новыя южноамериканскія государства, приписываютъ тому, что тамъ хотѣли устроить большія республики, вмѣсто того чтобы раздѣлить верховную власть по частямъ.

Дѣйствительно несомнѣнно то, что въ Соединенныхъ Штатахъ склонность и привычка къ республиканскому образу правленія зародились въ общинахъ и въ средѣ провинціальныхъ собраній. Въ маленькой націи, какъ наприм. въ Коннектикутѣ, гдѣ важнымъ политическимъ дѣломъ считается открытіе канала, или проведеніе дороги, гдѣ государство не должно ни платить на содержаніе войска, ни вести войну и не можетъ дать своимъ правителямъ ни большого богатства, ни большой славы, нельзя выдумать ничего болѣе естественнаго и болѣе соотвѣтствующаго природѣ вещей, чѣмъ республика. Но именно этотъ то республиканскій духъ и эти нравы и привычки свободнаго народа, которые зарождаются и развиваются въ отдѣльныхъ штатахъ, и примѣняются потомъ легко ко всей странѣ. Общественный духъ Союза есть въ нѣкоторомъ родѣ не что иное какъ равнодѣйствующая провинціальныхъ патріотическихъ чувствъ. Каждый гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ переноситъ, такъ сказать, интересъ внушаемый ему его маленькой республикой въ сферу любви къ общему отечеству. Защищая Союзъ, онъ защищаетъ возрастающее благополучіе своего околодка, свое право распоряжаться его дѣлами и свою надежду провести въ немъ такой планъ улучшеній, который долженъ обогатить его самого, т.-е все такія вещи, которыя обыкновенно болѣе трогаютъ людей, чѣмъ общіе интересы странъ и слава народа.

Съ другой стороны, если духъ и нравы жителей дѣлаютъ ихъ болѣе чѣмъ другихъ способными устроить благосостояніе большой республики, то федеративная система дѣлаетъ уже эту задачу гораздо менѣе трудною. Союзъ всѣхъ американскихъ штатовъ не имѣетъ обыкновенныхъ неудобствъ большихъ скопленій людей. По своему пространству Союзъ есть большая республика, но его можно бы было нѣкоторымъ образомъ приравнять къ маленькимъ республикамъ по небольшому числу предметовъ, которые подлежатъ вѣдѣнію его правительства. Дѣйствія его важны, но они рѣдки.

Итакъ какъ верховныя права Союза стѣснены и неполны, то пользованіе этими правами не представляетъ опасности для свободы. Точно также оно не вызываетъ тѣхъ неумѣренныхъ стремленій къ власти и къ шуму, которыя такъ гибельны для большихъ республикъ. Такъ какъ въ немъ нѣтъ необходимости всему стремиться къ общему центру, то нѣтъ ни обширныхъ столицъ, ни громадныхъ богатствъ, ни большой нищеты, ни неожиданныхъ переворотовъ. Политическія страсти, вмѣсто того, чтобы подобно расходящемуся пламени распространиться мгновенно по всему пространству страны, разбиваются объ индивидуальные интересы и страсти каждаго штата.

Однако же въ предѣлахъ Союза вещи и мысли обращаются свободно, какъ бы въ средѣ одного и того же народа. Ничто не останавливаетъ тамъ порыва предпріимчиваго ума. Правительство Союза призываетъ къ себѣ таланты и образованность. Внутри границъ Союза царствуетъ глубокій миръ, какъ внутри страны находящейся подъ одной державой; во внѣшнихъ дѣлахъ Союзъ занимаетъ мѣсто въ ряду самыхъ могущественныхъ націй земного шара; онъ представляетъ болѣе восьми сотъ льё береговъ для заграничной торговли и держитъ въ своихъ рукахъ ключи отъ цѣлаго міра; онъ заставляетъ уважать свой флагъ на самыхъ дальнихъ моряхъ.

Союзъ свободенъ и счастливъ какъ маленькая нація, силенъ и славенъ какъ большая.

Отчего федеральная система не примѣнима ко всѣмъ народамъ и что дало возможность принять ее американцамъ.

Каждая федеративная система имѣетъ присущіе ей недостатки, съ которыми законодатели не въ состояніи бороться. — Сложность всякой федеративной системы. — Она требуетъ отъ управляемыхъ ежедневнаго упражненія ихъ умственныхъ способностей. — Практическое знаніе американцевъ въ дѣлахъ государственнаго управленія. — Относительная слабость союзнаго правительства—другой недостатокъ, присущій федеративному устройству.—Американцы сдѣлали его не столь важнымъ, но не могли его вовсе уничтожить.—Верховная власть отдѣльныхъ штатовъ съ виду слабѣе, а въ дѣйствительности сильнѣе власти Союза.—Почему такъ.—Нужно, значитъ, чтобы, кромѣ законовъ, у соединенныхъ народовъ существовали естественныя причины единенія.—Въ чемъ состоятъ эти причины у англо-американцевъ. — Штаты Мэнъ и Георгія, отдаленные одинъ отъ другого на 400 лье, соединены болѣе естественнымъ союзомъ, чѣмъ Нормандія и Бретань.—О томъ, что война есть главный камень преткновенія для федерацій.—Доказательство этого на примѣрѣ самихъ Соединенныхъ Штатовъ.—Американскій Союзъ не имѣетъ повода опасаться большихъ войнъ.—Почему?—Опасности, которымъ подвергались бы народы Европы, еслибъ они приняли для себя федеративную систему американцевъ.

Иногда, послѣ тысячи усилій, законодатель достигаетъ того, что оказываетъ косвенное вліяніе на судьбу націй, и тогда люди прославляютъ его геній, между тѣмъ какъ часто бываетъ, что географическое положеніе страны, съ которымъ онъ ничего не можетъ сдѣлать, соціальныя условія, сложившіяся безъ его участія, нравы и идеи, происхожденіе которыхъ ему неизвѣстно, исходное положеніе, котораго онъ не знаетъ, все это производитъ въ обществѣ такія неудержимыя стремленія, противъ которыхъ онъ тщетно борется и которыя въ свою очередь его увлекаютъ.

Законодатель похожъ на человѣка, направляющаго путь свой по морю. Онъ также можетъ управлять ходомъ несущаго его корабля, но онъ не

можетъ ни перемѣнить его устройства, ни вызвать вѣтеръ, ни удержать океанъ, вздымающійся подъ его ногами.

Я указалъ на выгоды, получаемыя американцами отъ ихъ федеративной системы. Мнѣ остается объяснить, какія условія позволили имъ принять эту систему, потому что не всякій народъ способенъ воспользоваться ея благодѣяніями.

Въ федеративной системѣ существуютъ случайные недостатки, происходящіе отъ законовъ; такіе недостатки могутъ быть исправлены законодателями. Есть и другіе, которые, будучи неразрывно связаны съ системой, не могутъ быть уничтожены народами, вводящими ее у себя. Нужно, слѣдовательно, чтобы эти народы нашли въ самихъ себѣ силу, необходимую для перенесенія естественныхъ несовершенствъ своего правительства.

Въ числѣ недостатковъ, тѣсно связанныхъ со всякою системой федераціи, наиболѣе явный изъ всѣхъ есть сложность употребляемыхъ ею средствъ. Эта система необходимо сопоставляетъ двѣ верховныя власти. Законодатель можетъ достичь того, что дѣйствія ихъ будутъ наивозможно болѣе просты и равны; онъ можетъ заключить ту и другую въ точно очерченныя сферы дѣятельности; но онъ не можетъ сдѣлать, чтобъ была только одна власть и чтобы онѣ гдѣ нибудь не соприкасались.

Значитъ, какъ бы то ни было, федеративная система основывается на сложной теоріи, примѣненіе которой требуетъ отъ управляемыхъ ежедневнаго употребленія ихъ разумныхъ способностей.

Вообще въ народный умъ могутъ проникать только простыя понятія. Ложная, но ясная и опредѣленная идея всегда будетъ имѣть въ обществѣ больше силы, чѣмъ вѣрная, но сложная. Отъ этого происходитъ, что партіи, составляющія какъ бы маленькія націи внутри большой, тотчасъ избираютъ своимъ девизомъ имя, или принципъ, которые часто далеко не вполнѣ выражаютъ собою цѣли, намѣченныя партіями и употребляемыя ими средства, но безъ которыхъ онѣ не могли бы ни существовать, ни дѣйствовать. Правительства, опирающіяся на одну идею, или на одно легко опредѣляемое чувство не суть, можетъ-быть, самыя лучшія, но несомнѣнно наиболѣе сильныя и прочныя.

Напротивъ, разсматривая конституцію Соединенныхъ Штатовъ, самую совершенную изъ всѣхъ извѣстныхъ союзныхъ конституцій, становится страшно отъ того количества разныхъ знаній и той разсудительности, которыя она предполагаетъ у управляемыхъ. Почти все управленіе Союза основано на легальныхъ функціяхъ. Союзъ есть идеальная нація, существующая, такъ сказать, только въ умахъ и пространствѣ и границы которой опредѣляются только разумомъ.

Если хорошо понята общая теорія, то остаются трудности примѣненія, и онѣ безчисленны, такъ какъ верховная власть Союза на столько смѣшана съ верховною властью штатовъ, что съ перваго взгляда невозможно различить ихъ границъ. Въ подобномъ управленіи все условно и искусственно, такъ что оно можетъ быть пригодно только для народа, съ давняго времени привычнаго самостоятельно вести свое дѣло и у котораго политическая наука проникла до послѣднихъ слоевъ общества. Ни въ чемъ я такъ не удивлялся здравому смыслу и практическому пониманію американцевъ, какъ въ способности ихъ избѣгать безчисленныхъ затрудненій, возникающихъ изъ нихъ союзной конституціи. Я почти не встрѣчалъ въ Америкѣ человѣка изъ народа, который бы не отличалъ съ удивительною легкостью требованія, вытекающія изъ законовъ конгресса, отъ требованій,

основанныхъ на законахъ его штата, и который бы не могъ, раздѣливши предметы входящіе въ общій кругъ вѣдѣнія Союза отъ тѣхъ, которые подлежатъ завѣдыванію мѣстныхъ законодательныхъ органовъ, указать тотъ пунктъ, гдѣ начинается подсудность союзнымъ судамъ и гдѣ кончается подсудность судамъ штата.

Конституція Соединенныхъ Штатовъ похожа на тѣ прекрасныя созданія человѣческой индустріи, которыя даютъ славу и богатство своимъ изобрѣтателямъ, но остаются безплодными въ другихъ рукахъ.

Въ наше время это доказала Мексика. Жители Мексики, желая установить у себя федеративную систему, взяли за образецъ и почти совершенно скопировали союзную конституцію ихъ сосѣдей англо-американцевъ [1]). Но, перенеся къ себѣ букву закона, они не могли въ то же время перенести и оживляющій ее духъ. Поэтому они безпрестанно запутывались въ механизмѣ ихъ двойного управленія. Верховная власть штатовъ и верховная власть Союза ежедневно выходили изъ предѣловъ, предначертанныхъ для нихъ конституціей, и проникали одна въ область другой. И теперь еще Мексика постоянно переходитъ то отъ анархіи къ военному деспотизму, то отъ военнаго деспотизма къ анархіи.

Второй и наиболѣе вредный порокъ, который я считаю присущимъ самой федеративной системѣ, есть относительная слабость союзнаго правительства.

Принципъ, на которомъ основаны всѣ союзы, есть раздробленіе верховной власти. Законодательство дѣлаетъ это раздробленіе мало чувствительнымъ; оно даже скрываетъ его до нѣкотораго времени отъ глазъ, но оно не можетъ сдѣлать, чтобъ его вовсе не было. Между тѣмъ раздробленная верховная власть всегда будетъ болѣе слабою, чѣмъ нераздѣльная.

При изложеніи конституціи Соединенныхъ Штатовъ мы видѣли, съ какимъ искусствомъ американцы, хотя и ограничили власть Союза кругомъ дѣлъ союзнаго управленія, однако сумѣли ей дать внѣшній видъ и, до извѣстной степени также и силу національнаго правительства.

Дѣйствуя такимъ образомъ, законодатели Союза уменьшили естественную опасность, заключающуюся въ федеративномъ устройствѣ; но они не могли совершенно ее уничтожить.

Говорятъ, что американское правительство не обращается къ штатамъ; оно предъявляетъ свои требованія непосредственно гражданамъ, которыхъ заставляетъ каждаго въ отдѣльности подчиняться дѣйствію общей воли.

Но еслибы союзный законъ рѣзко задѣвалъ интересы и предубѣжденія какого-нибудь штата, то не слѣдуетъ ли опасаться, что каждый изъ его гражданъ сочтетъ себя заинтересованнымъ въ защитѣ того человѣка, который отказывается повиноваться? Если такимъ образомъ всѣ граждане штатовъ будутъ одинаково и одновременно чувствовать себя обиженными союзною властью, то союзное правительство напрасно будетъ стараться для борьбы съ ними разъединить ихъ; они инстинктивно будутъ сознавать необходимость соединиться для защиты и могутъ для этого найти готовую организацію въ той части верховной власти, пользованіе которою было предоставлено ихъ штату. Фикція тогда исчезла бы, уступивъ мѣсто дѣйствительности, и мы увидѣли бы организованную власть одной части территоріи въ борьбѣ съ центральною правительственною властью.

То же самое я могу сказать и относительно союзной юстиціи. Еслибы

[1]) См. Мексиканскую конституцію 1824 года.

въ какомъ-нибудь частномъ процессѣ союзные суды нарушили важный законъ одного изъ штатовъ, то явилась бы если не явно видимая, то дѣйствительная борьба между обиженнымъ штатомъ, представляемымъ однимъ гражданиномъ, и Союзомъ, представляемымъ его судами [1]).

Надо имѣть очень мало опытности въ житейскихъ дѣлахъ, чтобы предполагать, что, предоставивъ людямъ средства для удовлетворенія своихъ страстей, можно будетъ посредствомъ легальныхъ фикцій сдѣлать всегда такъ, чтобъ они не замѣтили этого средства и не воспользовались имъ.

Значитъ, американскіе законодатели хотя и сдѣлали борьбу между двумя верховными властями менѣе вѣроятною, но не уничтожили ея причинъ.

Можно, идя еще далѣе, сказать, что они не могли въ случаѣ борьбы и обезпечить перевѣсъ за союзною властью.

Они дали Союзу деньги и солдатъ, но за штатами остались любовь и предубѣжденія народа.

Верховная власть Союза есть отвлеченное понятіе, связанное лишь съ немногими внѣшними предметами. Верховная власть штатовъ ясно чувствуется всѣми. Она понимается безъ труда и дѣйствія ея видны ежеминутно. Одна власть новая, а другая возникла вмѣстѣ съ самимъ народомъ.

Верховная власть Союза есть дѣло искусства; верховная власть штатовъ естественна; она существуетъ сама собой, безъ усилій, подобно власти отца семейства.

Верховная власть Союза касается только до нѣкоторыхъ обширныхъ интересовъ людей; она представляетъ собою огромное, далекое отечество и чувство неясное и неопредѣленное. Верховная власть штатовъ окружаетъ, нѣкоторымъ образомъ, каждаго гражданина и ежедневно касается частныхъ случаевъ его жизни. Ей принадлежитъ обязанность охранять его собственность, свободу и жизнь. Она ежеминутно оказываетъ вліяніе на его благосостояніе или нищету. Верховная власть штатовъ опирается на воспоминанія, привычки, мѣстные предразсудки, провинціальный и семейный эгоизмъ,— однимъ словомъ, на все то, что дѣлаетъ инстинктъ патріотизма столь сильнымъ въ человѣческомъ сердцѣ. Какъ же сомнѣваться въ ея преимуществахъ?

Такъ какъ законодатели не могутъ помѣшать тому, чтобы между двумя верховными властями, поставленными рядомъ въ федеративной системѣ, не возникли опасныя столкновенія, то нужно, чтобы къ ихъ усиліямъ, направленнымъ къ устраненію союзныхъ народовъ отъ войны, присоединены были еще особыя условія, которыя направляли бы ихъ къ миру.

Изъ этого слѣдуетъ, что союзный договоръ не можетъ существовать долго, если въ народахъ, къ которымъ онъ примѣняется, не найдется нѣсколькихъ условій соединенія, которыя бы дѣлали удобною совмѣстную жизнь и облегчали бы задачу правительства.

Такимъ образомъ федеративная система для своего успѣха нуждается не только въ хорошихъ законахъ, но и въ благопріятныхъ обстоятельствахъ.

---

[1]) Примѣръ: Конституціей дано Союзу право продавать за свой счетъ незанятыя земли. Представимъ себѣ, что штатъ Огайо присваиваетъ себѣ это право относительно земель, находящихся внутри его границъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что конституція имѣла въ виду лишь территорію не подвѣдомственную еще никакому штату, и на этомъ основаніи онъ хочетъ самъ ихъ продавать. Судебный споръ дѣйствительно былъ бы между пріобрѣтателями, получившими документы отъ Союза и получившими ихъ отъ штата, а не между Союзомъ и штатомъ Огайо. Но еслибы судъ Соединенныхъ Штатовъ потребовалъ ввода во владѣніе союзнаго пріобрѣтателя, а суды Огайо охраняли бы владѣніе имуществомъ его противника, то во что превратилась бы тогда легальная фикція?

Всѣ народы, вступавшіе въ союзы, имѣли нѣкоторые общіе имъ интересы, которые составляли какъ бы духовныя связи ассоціаціи.

Но кромѣ матеріальныхъ интересовъ у человѣка есть еще мысли и чувства. Для продолжительнаго существованія союза не менѣе важно, чтобъ у различныхъ, составляющихъ его, народовъ была такая же однородная цивилизація, какъ и однородныя потребности Между цивилизаціей кантона Водъ и кантона Ури такая же разница, какъ между девятнадцатымъ и пятнадцатымъ вѣкомъ. Поэтому въ Швейцаріи, собственно говоря, никогда не было союзнаго правительства. Союзъ ея различныхъ кантоновъ существуетъ только на картѣ, и это тотчасъ бы стало замѣтно, еслибы центральная правительственная власть вздумала примѣнять одинаковые законы на всей территоріи.

Существуетъ одинъ фактъ, удивительно облегчающій въ Соединенныхъ Штатахъ дѣятельность союзнаго правительства. Различные штаты не только имѣютъ приблизительно одинаковые интересы, одинаковое происхожденіе и одинъ языкъ, но кромѣ того и степень цивилизаціи ихъ тоже одинакова, что и дѣлаетъ почти всегда легкимъ соглашеніе между ними. Я не знаю, есть ли хоть одна маленькая европейская нація, которая въ различныхъ своихъ частяхъ не представляла бы большаго разнообразія, чѣмъ американскій народъ, занимающій территорію по величинѣ равную половинѣ Европы. Отъ штата Мэна до штата Георгіи считается около 400 льё. Однако разница между цивилизаціей Мэна и Георгіи меньше, чѣмъ между цивилизаціей Нормандіи и Бретани. Поэтому Мэнъ и Георгія, находящіеся на двухъ концахъ обширнаго государства, естественно находятъ больше дѣйствительныхъ удобствъ для образованія союза, чѣмъ Нормандія и Бретань, отдѣленныя другъ отъ друга однимъ ручьемъ.

Къ этимъ удобствамъ, предоставляемымъ американскимъ законодателямъ нравами и привычками народа, присоединялись другія, возникавшія изъ географическаго положенія страны. Послѣднимъ въ особенности слѣдуетъ приписать принятіе и сохраненіе федеративной системы.

Важнѣйшее изъ всѣхъ дѣйствій, могущихъ проявиться въ жизни народа, есть война. Во время войны народъ дѣйствуетъ какъ одинъ человѣкъ въ отношеніи къ иноземнымъ народамъ,—онъ сражается за самое свое существованіе.

Пока дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы сохранить миръ внутри страны и содѣйствовать ея благосостоянію, для этого можетъ быть совершенно достаточно умѣлости правительства, разумности управляемыхъ и той естественной привязанности, которую люди почти всегда чувствуютъ къ своему отечеству. Но для того, чтобы народъ въ состояніи былъ вести большую войну, граждане должны взять на себя многочисленныя и тяжелыя жертвы. Предполагать, что значительное число людей будетъ способно по своей волѣ подчиняться подобнымъ общественнымъ требованіямъ, значило бы мало знать человѣчество.

Отъ этого произошло, что почти всѣ народы, которымъ приходилось вести большія войны, были—почти вопреки своему желанію—принуждены увеличить силу своего правительства. Тѣ, кому это не удалось, были покорены. Долгая война почти всегда ставитъ передъ націями ту печальную альтернативу, что пораженіе ведетъ ихъ къ уничтоженію, а побѣда—къ деспотизму.

Поэтому вообще слабость правительства всего явственнѣе и опаснѣе проявляется въ войнѣ; а я уже указалъ, что присущій федеративнымъ правительствамъ недостатокъ есть тотъ, что они очень слабы.

Въ федеративной системѣ не только нѣтъ административной централизаціи, или чего-нибудь на нее похожаго, но даже правительственная централизація существуетъ только въ неполномъ видѣ, что всегда бываетъ большою причиной слабости, когда приходится защищаться противъ народовъ, у которыхъ она существуетъ вполнѣ.

Даже въ союзной конституціи Соединенныхъ Штатовъ, въ которой центральное правительство облечено болѣе дѣйствительною силой, зло это все еще сильно чувствуется.

Слѣдующій примѣръ дастъ возможность читателю судить объ этомъ.

Конституція даетъ конгрессу право призывать на дѣйствительную службу ополченіе различныхъ штатовъ, когда нужно подавить возмущеніе, или отразить вторженіе непріятеля; другая статья говоритъ, что въ этомъ случаѣ президентъ Соединенныхъ Штатовъ становится главнокомандующимъ ополченія.

Во время войны 1812 года президентъ приказалъ ополченіямъ Сѣверныхъ Штатовъ итти на границу. Коннектикутъ и Массачусетсъ, интересы которыхъ нарушались войной, отказались послать слѣдующее съ нихъ количество войскъ.

Конституція, говорили они, даетъ право союзному правительству пользоваться ополченіемъ въ случаѣ *возмущенія* или *вторженія* непріятеля; но въ настоящее время нѣтъ ни того, ни другого. Та же конституція, прибавляли они, которая даетъ Союзу право призывать ополченіе на дѣйствительную службу, предоставляетъ штатамъ право назначенія офицеровъ; изъ этого, по ихъ мнѣнію, слѣдовало, что даже и во время войны никакой офицеръ, назначенный Союзомъ, не можетъ командовать ополченіемъ, кромѣ самого президента. Между тѣмъ дѣло шло о службѣ въ арміи, которою командовалъ не президентъ, а другое лицо.

Эти нелѣпыя и разрушительныя ученія получили одобреніе не только губернаторовъ и законодательныхъ собраній обоихъ штатовъ, но были санкціонированы и ихъ судами, такъ что союзное правительство принуждено было искать въ другомъ мѣстѣ недостававшія ему войска [1]).

Отчего же Американскій Союзъ, хотя и защищаемый относительнымъ совершенствомъ своихъ законовъ, не распадается во время большой войны? Оттого, что онъ не имѣетъ основанія опасаться большихъ войнъ.

Находясь въ центрѣ громаднаго материка, на пространствѣ котораго производящая дѣятельность человѣка можетъ безпредѣльно распространяться, Союзъ настолько же уединенъ отъ остальнаго міра, какъ еслибъ онъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ океаномъ.

Въ Канадѣ считается всего одинъ милліонъ жителей, и населеніе ея раздѣлено между двумя враждебными народами. Суровость климата ограничиваетъ размѣръ ея территоріи и на шесть мѣсяцевъ въ году закрываетъ ея порты.

Отъ Канады до Мексиканскаго залива встрѣчаются еще нѣкоторыя ди-

---

[1]) *Kent's commentaries*, т. I, стр. 244. Надо замѣтить, что я выбралъ вышеприведенный примѣръ изъ времени послѣ установленія настоящей конституціи. Еслибъ я захотѣлъ обратиться къ эпохѣ перваго Союза, то я могъ бы указать на факты еще болѣе доказательные. Въ то время въ народѣ царилъ настоящій энтузіазмъ; представителемъ революціи былъ человѣкъ въ высшей степени популярный, а между тѣмъ въ эту эпоху конгрессъ, собственно говоря, не имѣлъ ничего въ своемъ распоряженіи. Ежеминутно у него не доставало ни людей, ни денегъ. Самые лучшіе, выработанные имъ планы не удавались при выполненіи ихъ, и Союзъ, постоянно стоявшій на краю гибели, былъ спасенъ гораздо болѣе слабостью своихъ враговъ, чѣмъ собственною силой.

кія племена, на половину истребленныя, которыхъ шесть тысячъ солдатъ гонятъ передъ собою.

На югѣ Союзъ соприкасается въ одномъ пунктѣ съ Мексиканскимъ государствомъ; съ этой стороны, вѣроятно, когда-нибудь возникнутъ большія войны. Но еще въ продолженіе долгаго времени низкое состояніе цивилизаціи, порча нравовъ и нищета будутъ препятствовать Мексикѣ занять высокое положеніе въ ряду націй. Что же касается до европейскихъ державъ, то отдаленность дѣлаетъ ихъ не особенно страшными (О.).

Великое счастье Соединенныхъ Штатовъ заключается, слѣдовательно, не въ томъ, что они изобрѣли такую союзную конституцію, которая давала бы имъ возможность вести большія войны, а въ томъ, что они занимаютъ такое положеніе, при которомъ имъ нѣтъ причины опасаться войны.

Никто больше меня не цѣнитъ преимуществъ федеративной системы. Я вижу въ ней одну изъ самыхъ могущественныхъ комбинацій для достиженія благосостоянія и свободы людей. Я завидую судьбѣ народовъ, которымъ удалось ее примѣнить. Но я однако отказываюсь вѣрить, чтобы народы, имѣющіе федеративную организацію, могли, при равенствѣ силъ, долго бороться съ націей, у которой правительственныя силы были бы централизованы.

Мнѣ кажется, что народъ, который въ присутствіи большихъ европейскихъ военныхъ монархій раздробилъ бы свою верховную власть, отрекся бы тѣмъ самымъ отъ своей силы, а можетъ быть и отъ своего существованія и даже имени.

Удивительное положеніе Новаго Свѣта, дѣлающее то, что у человѣка нѣтъ еще тамъ враговъ, кромѣ его самого. Чтобы быть счастливымъ и свободнымъ, ему достаточно этого пожелать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Досихъ поръ я разсматривалъ учрежденія и писанные законы Соединенныхъ Штатовъ и описывалъ политическія формы, существующія въ нихъ въ настоящее время.

Но выше всѣхъ учрежденій и внѣ всякихъ формъ стоитъ верховная власть народа, которая по своему желанію уничтожаетъ, или измѣняетъ ихъ.

Мнѣ остается теперь указать, какими путями дѣйствуетъ эта власть, господствующая надъ законами, какіе у нея существуютъ инстинкты и страсти, какія тайныя пружины ускоряютъ, замедляютъ или направляютъ ея неудержимое движеніе, какіе результаты получаются отъ ея всемогущества и какая предстоитъ ей будущность.

ГЛАВА I.

Почему можно вполнѣ точно выразиться, что въ Соединенныхъ Штатахъ управляетъ народъ.

Въ Америкѣ народъ назначаетъ и тѣхъ, кто издаетъ законы, и тѣхъ, кто приводитъ ихъ въ исполненіе; самъ же онъ составляетъ коллегію присяжныхъ, наказывающую нарушеніе закона. Учрежденія тамъ демократичны не только въ своихъ основаніяхъ но и во всемъ дальнѣйшемъ своемъ развитіи: такъ народъ *непосредственно* назначаетъ своихъ представителей и обыкновенно *ежегодно* избираетъ ихъ, для того чтобы держать ихъ въ болѣе полной зависимости. Стало-быть народъ дѣйствительно управляетъ, и хотя форма правленія тамъ представительная, но очевидно, что мнѣнія, предубѣжденія, интересы и даже страсти народа не могутъ встрѣчать себѣ прочныхъ препятствій, которыя мѣшали бы имъ проявляться въ ежедневномъ направленіи общества.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ и во всѣхъ странахъ, гдѣ верховная власть принадлежитъ народу, именемъ его управляетъ большинство.

Это большинство состоитъ преимущественно изъ мирныхъ гражданъ, которые отчасти по склонности, отчасти изъ личныхъ выгодъ, искренно желаютъ блага страны. Вокругъ нихъ постоянно волнуются партіи, старающіяся привлечь ихъ въ свою среду и опереться на нихъ.

ГЛАВА II.

О партіяхъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Необходимо установить важное различіе между партіями.—Партіи, относящіяся другъ къ другу, какъ враждебныя націи. — Собственно такъ-называемыя партіи.—Различія между большими и мелкими партіями.—Въ какое время онѣ возникаютъ.— Различія въ ихъ характерѣ.—Въ Америкѣ были большія партіи.— Теперь ихъ больше нѣтъ.—Федералисты.—Республиканцы. — Пораженіе федералистовъ. — Трудность создать партіи въ Соединенныхъ Штатахъ. — Какъ поступаютъ, чтобъ этого достичь. —Аристократическій и демократическій характеръ, существующій во всѣхъ партіяхъ. — Борьба генерала Джаксона съ банкомъ.

Прежде всего я долженъ установить важное различіе между партіями.

Существуютъ страны столь обширныя, что различныя части обитающаго въ нихъ населенія хотя и соединены подъ одной верховною властью, но имѣютъ противоположные интересы, вслѣдствіе чего и находятся въ постоянной оппозиціи другъ съ другомъ. Въ такомъ случаѣ разные отдѣлы одного народа образуютъ, собственно говоря, не партіи, а отдѣльныя націи; и если произойдетъ междоусобная война, то она будетъ скорѣе борьбой между враждебными народами, чѣмъ между партіями.

Но ежели граждане разнятся между собою во взглядахъ на вопросы, представляющіе одинаковый интересъ для всѣхъ частей страны, каковы, наприм., вопросы объ общихъ основаніяхъ управленія, тогда возникаетъ то, что̀ я бы назвалъ настоящими партіями.

Партіи составляютъ зло, присущее свободнымъ формамъ правленія; но характеръ и инстинкты ихъ въ разныя времена бываютъ не одинаковы.

Бываютъ эпохи, когда націи страдаютъ отъ столь великихъ золъ, что имъ приходитъ на мысль предположеніе о полномъ измѣненіи ихъ политическаго устройства. Бываютъ другія эпохи, когда недовольство еще глубже, и когда самый общественный строй находится въ опасности. Это время великихъ революцій и образованія большихъ партій.

Между этими вѣками безпорядковъ и несчастій встрѣчаются другіе промежутки времени, когда общество спокойно и родъ человѣческій какъ будто отдыхаетъ. Въ сущности это только такъ кажется; время не останавливается для народовъ, также какъ и для отдѣльныхъ людей; тѣ и другіе съ каждымъ днемъ подвигаются къ неизвѣстной имъ будущности; и если мы считаемъ ихъ неподвижными, то лишь потому, что не замѣчаемъ ихъ движенія. Это какъ бы идущіе люди, которые кажутся неподвижными для того, кто самъ бѣжитъ.

Какъ бы то ни было, бываютъ такія эпохи, когда измѣненія, совершающіяся въ политическомъ и соціальномъ устройствѣ народовъ, происходятъ такъ медленно и незамѣтно, что людямъ кажется, будто они пришли къ окончательному положенію; человѣческій умъ считаетъ себя тогда твердо установившимся на нѣкоторыхъ основныхъ положеніяхъ и не заглядываетъ дальше извѣстнаго горизонта.

Это бываетъ время интригъ и мелкихъ партій.

Большими политическими партіями я называю такія, которыя интересуются больше основными принципами, чѣмъ ихъ слѣдствіями, общими вопросами, а не частными случаями, идеями, а не людьми. Эти партіи, сравнительно съ другими, имѣютъ вообще черты болѣе благородныя, стремленія болѣе великодушныя, убѣжденія болѣе дѣйствительныя и образъ

дѣйствій болѣе откровенный и смѣлый. Частный интересъ, который всегда играетъ очень большую роль въ проявленіи политическихъ страстей, искуснѣе скрывается здѣсь подъ покровомъ общественной пользы; иногда онъ даже исчезаетъ изъ глазъ тѣхъ людей, которыхъ онъ одушевляетъ и заставляетъ дѣйствовать.

Напротивъ, маленькія партіи обыкновенно не имѣютъ политической вѣры. Не возвышаясь и не поддерживаясь великими цѣлями, ихъ характеръ получаетъ отпечатокъ эгоизма, явственно выражающагося въ каждомъ ихъ дѣйствіи. Онѣ всегда проявляютъ внѣшнюю горячность безъ внутренняго жара. Слова ихъ рѣзки, но дѣйствія боязливы и нерѣшительны. Употребляемыя ими средства столь же жалки, какъ и предполагаемыя ими цѣли. Отъ этого происходитъ, что когда за бурною революціей наступаетъ періодъ тишины, то великіе люди какъ будто вдругъ исчезаютъ, и человѣческая душа уходитъ въ самоё себя.

Большія партіи производятъ переворотъ въ обществѣ, мелкія его волнуютъ: первыя раздираютъ его, а вторыя развращаютъ; однѣ, потрясая, иногда спасаютъ его, другія возмущаютъ его всегда безъ пользы.

Въ Америкѣ были великія партіи; теперь ихъ больше нѣтъ; отъ этого она значительно выиграла въ счастіи, но не въ нравственности.

Когда кончилась война за независимость и предстояло установить основанія новаго образа правленія, то нація оказалась раздѣленной между двумя мнѣніями. Эти мнѣнія были стары, какъ міръ, и подъ различными формами и разными названіями, онѣ встрѣчаются во всѣхъ свободныхъ обществахъ. Одно мнѣніе желало ограничить власть народа, а другое— безпредѣльно ее расширить.

Борьба между этими двумя взглядами никогда не принимала у американцевъ такого рѣзкаго характера, какимъ она отличалась въ другихъ мѣстахъ. Въ Америкѣ обѣ партіи были согласны насчетъ наиболѣе существенныхъ пунктовъ. Ни той, ни другой, чтобы побѣдить, не нужно было ни разрушать стариннаго порядка, ни производить переворота во всемъ общественномъ строѣ. Поэтому ни одна изъ нихъ не связывала съ торжествомъ своихъ принциповъ судьбы большого числа личностей. Но обѣ они касались нематеріальныхъ интересовъ высшаго порядка, каковы, любовь къ равенству и къ независимости. Этого было довольно, чтобы возбудить сильныя страсти.

Партія, желавшая ограничить власть народа, старалась преимущественно примѣнить свои ученія къ конституціи Союза, чѣмъ и заслужила названіе федеральной.

Другая, считавшая своей исключительною принадлежностью любовь къ свободѣ, приняла названіе республиканской.

Америка есть страна демократіи. Поэтому федералисты всегда были въ меньшинствѣ; но они считали въ своихъ рядахъ почти всѣхъ великихъ людей, выдвинутыхъ войною за независимость, и моральное ихъ значеніе было очень громадно. Кромѣ того имъ благопріятствовали обстоятельства. Паденіе перваго Союза вызвало въ народѣ боязнь того, чтобы не впасть въ анархію, и федералисты воспользовались этимъ временнымъ настроеніемъ. Въ продолженіе десяти или двѣнадцати лѣтъ они управляли дѣлами и могли примѣнять если не всѣ свои принципы, то хоть нѣкоторые изъ нихъ, потому что противоположное теченіе со дня на день становилось столь сильнымъ, что съ нимъ не рѣшались бороться.

Наконецъ въ 1801 году республиканцы захватили правленіе въ свои

руки. Томасъ Джефферсонъ былъ выбранъ президентомъ. Онъ далъ имъ поддержку знаменитаго имени—большого таланта и огромной популярности.

Федералисты всегда держались только благодаря искусственнымъ способамъ и временнымъ средствамъ. Доблести и таланты ихъ вождей, а также счастливыя обстоятельства—способствовали переходу власти въ ихъ руки. Когда республиканцы получили ее въ свою очередь, то противоположная партія очутилась какъ бы залитою внезапнымъ наводненіемъ. Громадное большинство высказалось противъ нея, и она тогда же увидала себя въ такомъ ничтожномъ меньшинствѣ, что тотчасъ же отчаялась въ себѣ. Съ этой минуты республиканская или демократическая партія шла отъ побѣды къ побѣдѣ и охватила все общество.

Сознавая себя безвозвратно побѣжденными и изолированными среди народа, федералисты раздѣлились: одни присоединились къ побѣдителямъ, другіе сложили свое знамя и перемѣнили названіе. Прошло уже много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ они вовсе перестали существовать въ видѣ партіи.

Временное пребываніе федералистовъ у власти есть, по моему мнѣнію, одно изъ самыхъ счастливыхъ событій, сопровождавшихъ возникновеніе великаго американскаго Союза. Федералисты боролись противъ неудержимой склонности своего времени и своей страны. Каковы бы ни были достоинства или недостатки ихъ теорій, во всякомъ случаѣ вина ихъ была въ томъ, что теоріи эти не могли быть всецѣло примѣнены къ тому обществу, которымъ федералисты хотѣли управлять; поэтому то, что произошло при Джефферсонѣ, рано или поздно должно было произойти. Но ихъ управленіе дало, по крайней мѣрѣ, новой республикѣ время установиться и позволило ей потомъ безъ неудобства перенести быстрое развитіе тѣхъ доктринъ, противъ которыхъ они боролись. Кромѣ того, многіе изъ ихъ принциповъ вошли наконецъ въ общій сводъ политическихъ вѣрованій, исповѣдуемыхъ ихъ противниками; и союзная конституція, существующая до нашего времени, представляетъ собою прочный памятникъ ихъ патріотизма и мудрости.

Такимъ образомъ въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ не оказывается большихъ политическихъ партій. Правда, что въ нихъ встрѣчаются партіи, опасныя для будущности Союза, но нѣтъ такихъ, которыя бы нападали на существующую форму правленія или на общій ходъ общественныхъ дѣлъ. Партіи, представляющія опасность для Союза, опираются не на принципы, а на матеріальные интересы. Эти интересы ведутъ къ образованію въ различныхъ провинціяхъ столь обширнаго государства скорѣе соперничающихъ націй, чѣмъ партій. Такъ въ послѣднее время мы видѣли, что Сѣверъ поддерживалъ запретительную торговую систему, тогда какъ Югъ возставалъ въ защиту свободной торговли, въ силу той единственной причины, что на Сѣверѣ развита мануфактурная промышленность, а на Югѣ, земледѣліе, и что ограничительная система благопріятствуетъ первой и вредно вліяетъ на послѣднее.

За неимѣніемъ большихъ партій, въ Соединенныхъ Штатахъ развелось множество мелкихъ, и общественное мнѣніе раздроблено до безконечности по вопросамъ о частностяхъ. Невозможно себѣ представить, сколько труда идетъ тамъ на образованіе партій; въ наше время это дѣло не легкое. Въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ религіозной ненависти, потому что религія уважается всѣми и никакая секта не признается господствующей; нѣтъ и ненависти классовъ, потому что народъ есть все и никто еще не осмѣливается вступать съ нимъ въ борьбу; нѣтъ наконецъ и общественныхъ бѣдствій, которыми можно бы было пользоваться въ своихъ видахъ, такъ

какъ матеріальное положеніе страны представляетъ такую обширную арену для промышленной дѣятельности, что достаточно предоставить человѣка самому себѣ, чтобъ онъ сдѣлалъ чудеса. Для честолюбія, конечно, нужно образованіе партій, потому что трудно свергнуть имѣющаго власть на томъ лишь основаніи, что желаешь занять его мѣсто. Поэтому вся ловкость политическихъ людей сводится къ подбору партій. Политическій дѣятель въ Соединенныхъ Штатахъ прежде всего старается различить свои интересы и опредѣлить, какіе бы вокругъ нихъ могли сгруппироваться другіе, аналогичные имъ интересы; затѣмъ онъ соображаетъ, нѣтъ ли случайно на свѣтѣ такого ученія или принципа, которые бы можно было прилично поставить во главѣ новой ассоціаціи, чтобы дать ей право заявить о себѣ и получить свободное обращеніе. Это есть нѣчто въ родѣ королевской привилегіи, которая когда-то печаталась нашими предками на первомъ листѣ ихъ сочиненій и которую они присоединяли къ книгѣ, хотя она и не входила въ ея составъ.

Когда это сдѣлано, новая сила вводится въ политическій міръ.

Для иностранца почти всѣ домашнія ссоры американцевъ кажутся съ перваго разу непонятными или ребяческими, такъ что не знаешь, слѣдуетъ ли жалѣть о народѣ, который серьезно занимается такими пустяками, или завидовать, что онъ настолько счастливъ, что можетъ ими заниматься.

Но внимательно изучивши тѣ тайныя стремленія, которыя въ Америкѣ управляютъ мелкими партіями, легко можно замѣтить, что большая часть ихъ болѣе или менѣе примыкаетъ къ одной изъ тѣхъ большихъ партій, на которыя люди раздѣлены съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ свободныя общества. По мѣрѣ болѣе глубокаго проникновенія въ задушевныя мысли этихъ партій, оказывается, что одни стараются сузить проявленіе воли общества, а другіе стремятся его расширить.

Я не говорю, что американскія партіи имѣютъ всегда явною или хотя бы скрытою цѣлью своей доставить въ странѣ перевѣсъ аристократіи или демократіи; но я говорю, что аристократическія или демократическія страсти могутъ легко быть найдены въ основаніи всѣхъ партій, и что онѣ хотя и скрываются отъ взгляда, но составляютъ какъ бы ихъ чувствительный пунктъ, или душу.

Приведу недавній примѣръ: президентъ выступаетъ противъ банка Соединенныхъ Штатовъ; страна волнуется и раздѣляется; образованные классы становятся вообще на сторонѣ банка, а народъ на сторонѣ президента. Можно ли думать, чтобы народъ могъ ясно различить основанія своего мнѣнія среди сложныхъ условій вопроса столь труднаго, что о немъ и опытные люди не рѣшаются сразу высказаться? Конечно нѣтъ. Но банкъ есть большое учрежденіе, имѣющее независимое существованіе. Народъ, уничтожающій и возвеличивающій всѣ власти, ничего не можетъ съ нимъ сдѣлать, и это его удивляетъ. Среди движенія, происходящаго во всемъ обществѣ, этотъ неподвижный пунктъ рѣжетъ ему глаза и онъ хочетъ попробовать не можетъ ли онъ и его также заставить двигаться, какъ и все остальное.

Объ остаткахъ аристократической партіи въ Соединенныхъ Штатахъ.

Тайная оппозиція богатыхъ противъ демократіи.—Они удаляются въ частную жизнь. — Выказываемая ими въ домашней жизни склонность къ исключительнымъ удовольствіямъ и роскоши. Ихъ внѣшняя простота. — Ихъ притворная снисходительность къ народу.

Иногда случается, что у народа, раздѣленнаго между нѣсколькими мнѣніями, равновѣсіе между партіями нарушается и одна изъ нихъ получаетъ

неодолимое преобладаніе. Она сокрушаетъ всѣ препятствія, подавляетъ своихъ противниковъ и эксплуатируетъ все общество въ свою пользу. Тогда побѣжденные, отчаявшись въ успѣхѣ, скрываются и молчатъ. Установляется общая неподвижность и безмолвіе. Народъ какъ будто соединяется въ одной мысли. Побѣдившая партія встаетъ и говоритъ: „Я дала міръ странѣ и всѣ должны выражать мнѣ благодарность“.

Но подъ этимъ кажущимся единомысліемъ еще скрываются глубокія разногласія и дѣйствительная оппозиція.

Это произошло и въ Америкѣ. Когда демократическая партія взяла верхъ, то она захватила распоряженіе дѣлами исключительно въ свои руки. Съ тѣхъ поръ она, не переставая, старалась приноравить нравы и законы къ своимъ желаніямъ.

Въ наше время можно сказать, что въ Соединенныхъ Штатахъ богатые классы общества стоятъ почти совершенно въ сторонѣ отъ политическихъ дѣлъ и богатство не только не даетъ тамъ правъ, но составляетъ дѣйствительно неблагопріятное условіе и даже препятствіе къ достиженію власти.

Богатые, поэтому, предпочитаютъ сойти съ арены, чѣмъ выдерживать на ней часто неравную борьбу съ бѣднѣйшими изъ своихъ согражданъ. Не имѣя возможности занять въ общественной жизни такое же мѣсто, какое они занимаютъ въ частной жизни, они бросаютъ первую, чтобъ сосредоточиться въ послѣдней. Они образуютъ въ государствѣ какъ бы особое общество, которое имѣетъ свои особенные вкусы и свой образъ жизни.

Богатые подчиняются этому порядку вещей какъ неизбѣжному злу; они даже очень старательно избѣгаютъ показывать, что онъ имъ непріятенъ; поэтому они публично хвалятъ пріятность республиканскаго правленія и выгоды демократическихъ формъ. Потому что послѣ ненависти къ своимъ врагамъ, что можетъ быть быть естественнѣе для людей, какъ льстить имъ?

Посмотрите на этого богатаго гражданина. Не похожъ ли онъ на средневѣкового еврея, который боится, чтобы не заподозрили его богатство? Его одежда проста, его обращеніе скромно. Въ четырехъ стѣнахъ его жилища царствуетъ поклоненіе роскоши; но онъ позволяетъ проникать въ это святилище только нѣкоторымъ избраннымъ гостямъ, которыхъ онъ дерзко называетъ своими равными. Въ Европѣ не найдешь ни одного аристократа, столь исключительнаго въ своихъ удовольствіяхъ, столь ревниво относящагося къ малѣйшимъ преимуществамъ, даваемымъ привилегированнымъ положеніемъ. Но вотъ онъ выходитъ изъ своего дома, чтобъ итти работать въ пыльномъ помѣщеніи, занимаемомъ имъ въ центрѣ города для дѣловыхъ занятій, гдѣ всякій можетъ его видѣть. По дорогѣ онъ встрѣчается со своимъ сапожникомъ, оба останавливаются и начинаютъ разговаривать. О чемъ могутъ они говорить? Эти два гражданина занимаются государственными дѣлами и не разойдутся, не пожавши другъ другу руки.

Въ глубинѣ этого условнаго энтузіазма и этихъ приторно-почтительныхъ манеръ относительно господствующей власти, легко замѣтить, что богатые люди чувствуютъ глубокое отвращеніе къ демократическимъ учрежденіямъ своей страны. Народъ есть власть, которой они боятся и которую презираютъ. Еслибы когда-нибудь дурное управленіе демократіи привело къ политическому кризису, еслибы монархія стала въ Соединенныхъ Штатахъ когда-нибудь дѣломъ возможнымъ, тогда тотчасъ выказалась бы справедливость того, что я утверждаю.

Два важнѣйшихъ орудія, употребляемыхъ партіями для достиженія успѣха, суть періодическая пресса и ассоціаціи.

ГЛАВА III.

О свободѣ печати въ Соединенныхъ Штатахъ.

Трудность ограниченія свободы печати. — Особыя причины для нѣкоторыхъ народовъ держаться за эту свободу. — Свобода печати есть естественное послѣдствіе верховной власти народа, какъ она понимается въ Америкѣ. — Рѣзкость языка въ періодической печати Соединенныхъ Штатовъ.—Періодическая печать имѣетъ свои свойственные ей инстинкты, какъ это доказывается примѣромъ Соединенныхъ Штатовъ. — Мнѣнія американцевъ о судебномъ преслѣдованіи проступковъ по дѣламъ печати. — Почему въ Америкѣ печать имѣетъ меньше значенія, чѣмъ во Франціи.

Значеніе свободы печати проявляется не только по отношенію къ политическимъ, но и ко всякимъ убѣжденіямъ людей. Оно дѣйствуетъ измѣняющимъ образомъ не только на законы, но и на нравы. Въ другой части этого сочиненія я постараюсь опредѣлить степень вліянія, которое свобода печати имѣла на гражданское общество Соединенныхъ Штатовъ, направленіе, данное его идеямъ, и привычки, внесенныя ею въ умъ и чувство американцевъ. Въ настоящую минуту я хочу разсмотрѣть только результаты, произведенные свободой печати въ политическомъ мірѣ.

Признаюсь, что я не чувствую къ свободѣ печати той полной и непосредственной любви, которая проявляется по отношенію къ предметамъ, по природѣ своей безусловно хорошимъ. Я люблю ее гораздо больше по соображенію о предупреждаемомъ ею злѣ, чѣмъ за то добро, которое она сама производитъ.

Еслибы кто-нибудь указалъ мнѣ между полной свободой и совершеннымъ порабощеніемъ мысли такое среднее положеніе, на которомъ бы я надѣялся удержаться, то я, можетъ-быть, и остановился бы на немъ. Но гдѣ найти это среднее положеніе? Положимъ, вы отправляетесь отъ распущенности прессы и идете къ порядку: что вы для этого дѣлаете? Сначала вы подчиняете писателей суду присяжныхъ: но присяжные ихъ оправдываютъ, и то, что было убѣжденіемъ одного человѣка, становится мнѣніемъ всей страны. Вы сдѣлали слишкомъ много и слишкомъ мало; надо итти дальше. Вы предаете авторовъ суду постоянныхъ судей; но судьи, прежде чѣмъ приговаривать, должны выслушать; и то, что было бы опасно сказать въ книгѣ, безнаказанно провозглашается въ защитительной рѣчи; такимъ образомъ то, что осталось бы малоизвѣстнымъ въ одной статьѣ, повторяется въ тысячѣ другихъ. Словесное выраженіе есть только внѣшняя форма или, если можно такъ выразиться, тѣло мысли, но оно не есть самая мысль. Ваши суды задерживаютъ тѣло, но не могутъ задержать душу, которая вслѣдствіе своей тонкости ускользаетъ у нихъ изъ рукъ. Значитъ вы опять сдѣлали слишкомъ много и слишкомъ мало; надо итти дальше. Вы подчиняете наконецъ писателей цензурѣ. Хорошо! Мы подходимъ къ концу. Но политическая трибуна вѣдь остается свободной? Значитъ вы ничего еще не сдѣлали; хуже того, вы усилили зло. Развѣ вы, можетъ-быть, принимаете мысль за одну изъ матеріальныхъ силъ, возрастающихъ при увеличеніи числа ихъ агентовъ? Будете ли вы считать писателей какъ солдатъ въ арміи? Въ противоположность матеріальнымъ силамъ, могущество мысли часто увеличивается вслѣдствіе небольшого числа тѣхъ, кто ее выражаетъ. Слово сильнаго человѣка, проникающее одно въ среду стремленій безмолвнаго собранія, имѣетъ больше значенія, чѣмъ нестройные крики множества говорящихъ; и разъ только можно свободно говорить въ одномъ публич-

номъ мѣстѣ, то это все равно, что говорить публично въ каждой деревнѣ. Значитъ вамъ надо уничтожить свободу слова, также какъ и свободу печати; на этотъ разъ вы достигли пристани: все молчитъ. Но куда же вы пришли? Вы отправились отъ злоупотребленія свободой, а теперь вы находитесь подъ ногами деспота.

Вы прошли весь путь отъ крайней независимости до крайняго порабощенія и на всемъ этомъ долгомъ пути не нашли ни одного мѣста, гдѣ бы вы могли остановиться.

Есть народы, которые, независимо отъ изложенныхъ мною общихъ основаній, имѣютъ свои особенныя причины для привязанности ихъ къ свободѣ печати.

Въ нѣкоторыхъ націяхъ, считающихъ себя свободными, каждый изъ агентовъ власти можетъ безнаказанно нарушать законъ, причемъ конституція страны не даетъ обиженному права жаловаться суду. У этихъ народовъ на независимость печати надо смотрѣть не какъ на одну изъ гарантій, но какъ на единственную остающуюся гарантію свободы и безопасности гражданъ.

Поэтому, еслибы люди, управляющіе этими націями, выразили желаніе отнять у печати ея независимость, то весь народъ могъ бы имъ отвѣчать: предоставьте намъ право преслѣдовать ваши преступленія передъ обыкновенными судьями, и тогда, можетъ-быть, мы бы и согласились не обращаться къ суду общественнаго мнѣнія.

Въ странѣ, гдѣ явно царствуетъ догматъ верховной власти народа, цензура не только опасна, но и представляетъ величайшую нелѣпость.

Когда каждому предоставлено право управлять обществомъ, то приходится конечно признать за нимъ способность дѣлать выборъ между различными мнѣніями, волнующими его современниковъ, и опредѣлять значеніе разныхъ фактовъ, знаніемъ которыхъ онъ можетъ руководиться.

Такимъ образомъ верховенство народа и свобода печати находятся между собою въ совершенно неразрывной связи; напротивъ цензура и всеобщая подача голосовъ суть двѣ вещи, противорѣчащія одна другой и которыя не могутъ быть надолго соединены въ политическихъ учрежденіяхъ одного народа. Изъ двѣнадцати милліоновъ людей, живущихъ на территоріи Соединенныхъ Штатовъ, ни *одинъ* человѣкъ до сихъ поръ не осмѣлился предложить ограничить свободу печати.

Первая газета, попавшаяся мнѣ на глаза, когда я пріѣхалъ въ Америку, содержала въ себѣ слѣдующую статью, которую я перевожу въ точности:

„Во всемъ этомъ дѣлѣ, въ словахъ Джаксона (президента) высказался безсердечный деспотъ, заботящійся исключительно о сохраненіи своей власти. Властолюбіе составляетъ его преступленіе и въ немъ онъ найдетъ свое наказаніе. Его призваніе есть интрига, и интрига же уничтожитъ его замыслы и вырветъ у него власть. Онъ управляетъ посредствомъ подкупа и его преступные происки поведутъ къ его обличенію и стыду. Онъ выказалъ себя на политической аренѣ необузданнымъ и безстыднымъ игрокомъ. Ему удалось, но часъ возмездія близокъ; скоро ему придется возвратить то, что имъ выиграно, бросить подальше отъ себя его фальшивыя кости и покончить въ какомъ-нибудь убѣжищѣ, гдѣ онъ можетъ на свободѣ проклинать свое безуміе, потому что раскаяніе не такая добродѣтель, которая могла бы стать когда-нибудь знакомой его сердцу". (Vincenne's Gasette).

Во Франціи многіе воображаютъ, что рѣзкость прессы зависитъ у насъ

отъ неустойчивости общественнаго строя, отъ нашихъ политическихъ страстей и отъ обусловленнаго всѣмъ этимъ общаго недовольства. Поэтому они постоянно ожидаютъ такого времени, когда общество опять установится въ спокойномъ положеніи, а вслѣдствіе того и печать въ свою очередь сдѣлается спокойною. Что касается меня, то я охотно бы объяснилъ вышеуказанными причинами то чрезвычайное вліяніе, которое она имѣетъ на насъ; но я не думаю, чтобъ эти причины сильно вліяли на способъ ея выраженія. Мнѣ кажется, что періодическая печать имѣетъ свои собственныя стремленія и страсти, независимо отъ тѣхъ условій, среди которыхъ она дѣйствуетъ. То, что происходитъ въ Америкѣ, окончательно убѣждаетъ меня въ этомъ.

Въ настоящее время Америка, можетъ быть, изо всѣхъ странъ свѣта наименѣе заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ зародышей революціи. Однако же въ Америкѣ печать имѣетъ тѣ же разрушительныя склонности, какъ и во Франціи, и ту же рѣзкость, не имѣя такихъ же поводовъ для раздраженія. Въ Америкѣ, какъ и во Франціи, она составляетъ ту необыкновенную силу, столь странно перемѣшанную съ добромъ и зломъ, безъ которой свобода не могла бы существовать и при которой порядокъ едва можетъ держаться.

Надо сказать, что въ Соединенныхъ Штатахъ печать имѣетъ гораздо меньше вліянія, чѣмъ у насъ. И однако въ этой странѣ судебное преслѣдованіе, направленное противъ нея, случается всего рѣже. Причина этого проста: признавши догматъ верховной власти народа, американцы искренно примѣнили его къ себѣ. Они не имѣли въ виду изъ элементовъ, ежедневно мѣняющихся, создать конституціи, которыя существовали бы вѣчно. Значитъ—нападать на существующіе законы не преступно, лишь бы только не желали избавиться отъ нихъ посредствомъ насилія.

Кромѣ того они полагаютъ, что суды безсильны для обузданія печати и что слово человѣческое столь гибко, что всегда ускользаетъ отъ судебнаго анализа, вслѣдствіе чего проступки этого рода уходятъ, такъ сказать, изъ-подъ руки, пытающейся ихъ поймать. Они думаютъ, что для серьезнаго дѣйствія на печать слѣдовало бы найти такой судъ, который не только былъ бы преданъ существующему порядку, но и могъ бы стать выше общественнаго мнѣнія, волнующагося кругомъ него; который бы судилъ, не допуская гласности, произносилъ бы свои приговоры, не мотивируя ихъ. и наказывалъ бы еще болѣе за намѣреніе, чѣмъ за слова. Но тотъ, кто имѣлъ бы возможность создать и сохранить подобный судъ, напрасно терялъ бы время на преслѣдованіе свободы печати, такъ какъ онъ былъ бы неограниченнымъ господиномъ самого общества и могъ бы одновременно избавиться отъ писателей, такъ же какъ и отъ писаній. Стало-быть въ вопросѣ о печати въ самомъ дѣлѣ нѣтъ середины между порабощеніемъ и разнузданностью. Чтобы получить неоцѣнимыя блага, которыя обезпечиваетъ свобода печати, надо умѣть переносить производимое ею неизбѣжное зло. Желать получить одно, избѣжавши другого, значитъ предаваться одному изъ тѣхъ обмановъ воображенія, которыми обыкновенно убаюкиваютъ себя больныя націи, когда утомленныя борьбой и истощенныя отъ усилій, онѣ ищутъ средства соединить вмѣстѣ на одной почвѣ враждебныя мнѣнія и противорѣчивые принципы.

Слабость періодической печати въ Америкѣ обусловлена многими причинами, изъ которыхъ главнѣйшія суть слѣдующія:

Свобода писать, какъ и всѣ другія, тѣмъ страшнѣе, чѣмъ она новѣе.

Народъ, никогда не слыхавшій, чтобы передъ нимъ разсуждали о государственныхъ дѣлахъ, вѣритъ первому встрѣчному народному оратору. У англо-американцевъ эта свобода такъ же стара, какъ и основаніе колоній; притомъ печать, столь способная зажигать человѣческія страсти, не можетъ однако сама создавать ихъ. Между тѣмъ въ Америкѣ политическая жизнь дѣятельна, разнообразна, даже безпокойна, но она рѣдко возмущается глубокими страстями; такія страсти рѣдко возникаютъ въ томъ случаѣ, когда не затронуты матеріальные интересы, а послѣдніе находятся въ Соединенныхъ Штатахъ въ цвѣтущемъ положеніи. Чтобы судить о различіи, существующемъ въ этомъ отношеніи между нами и англо-американцами, мнѣ будетъ достаточно бросить взглядъ на газеты обоихъ народовъ. Во Франціи торговыя объявленія занимаютъ очень немного мѣста; даже новости немногочисленны; существенный отдѣлъ газеты тотъ, въ которомъ находятся разсужденія о политикѣ. Въ Америкѣ вы видите, что три четверти огромной газеты, которую вы держите передъ собой, наполнены объявленіями; остальная часть бываетъ чаще всего занята политическими новостями, или просто анекдотами. Изрѣдка только въ какомъ-нибудь забытомъ уголкѣ можно встрѣтить одно изъ тѣхъ жгучихъ преній, которыя у насъ составляютъ ежедневную пищу читателей.

Результатъ дѣйствія всякой силы увеличивается по мѣрѣ сосредоточенія направленія этого дѣйствія. Это есть общій законъ природы, существованіе котораго доказывается наблюденіемъ и который, по инстинкту еще болѣе вѣрному, всегда былъ извѣстенъ всѣмъ, даже самымъ мелкимъ деспотамъ.

Во Франціи пресса соединяетъ въ себѣ два различные вида централизаціи.

Почти вся ея сила сосредоточена въ одномъ мѣстѣ и, такъ сказать, въ однихъ рукахъ, потому что органы ея очень немногочисленны.

Организованная такимъ образомъ посреди населенія, склоннаго къ скептицизму, власть прессы должна быть почти безпредѣльна. Это такой непріятель, съ которымъ правительство можетъ заключать болѣе или менѣе продолжительныя перемирія, но съ которымъ долго жить лицомъ къ лицу для него очень трудно.

Ни тотъ, ни другой изъ упомянутыхъ сейчасъ видовъ централизаціи не существуетъ въ Америкѣ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ столицы: просвѣщеніе, какъ и власть, разсѣяны по всѣмъ частямъ этой обширной страны; поэтому лучи человѣческаго разума, вмѣсто того, чтобъ исходить изъ одного общаго центра, перекрещиваются тамъ по всѣмъ направленіямъ. Американцы не помѣстили нигдѣ въ одномъ мѣстѣ общаго завѣдыванія ни мыслью, ни дѣлами.

Это обусловлено мѣстными обстоятельствами, не зависящими отъ людей; но вотъ что происходитъ отъ законовъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ не существуетъ разрѣшительныхъ свидѣтельствъ для типографій, ни штемпельнаго налога и регистраціи для газетъ; наконецъ неизвѣстны и правила о залогахъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что изданіе тамъ газеты есть предпріятіе простое и легкое; немногихъ подписчиковъ достаточно для того, чтобы журналистъ покрылъ свои расходы; поэтому число періодическихъ или полуперіодическихъ изданій въ Соединенныхъ Штатахъ превышаетъ всякое вѣроятіе. Наиболѣе образованные американцы приписываютъ слабость значенія прессы этой необычайной разбросанности ея силъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ признается за аксіому политической науки, что единственный способъ ней-

трализовать дѣйствіе газетъ состоитъ въ томъ, чтобы увеличить ихъ число. Я не могу себѣ представить, чтобы столь очевидная истина до сихъ поръ не стала у насъ болѣе общеизвѣстной. Я безъ труда понимаю, что тѣ, кто хочетъ посредствомъ печати дѣлать революціи, стараются о томъ, чтобы пресса имѣла лишь нѣсколько могущественныхъ органовъ. Но что оффиціальные защитники установленнаго порядка и естественные охранители существующихъ законовъ разсчитываютъ ослабить дѣйствіе печати посредствомъ ея концентраціи, этого я рѣшительно не могу понять. Мнѣ кажется, что европейскія правительства дѣйствуютъ по отношенію къ печати такимъ же образомъ, какъ поступали когда то рыцари со своими противниками: видя на собственномъ опытѣ, что централизація есть сильное оружіе, они хотятъ дать его въ руки своего врага, безъ сомнѣнія для того, чтобы защищаясь противъ него, заслужить больше славы.

Въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ почти ни одного маленькаго городка, въ которомъ не было бы своей газеты. Легко понять, что при такомъ количествѣ борцовъ невозможно установить ни дисциплины, ни единства дѣйствія; поэтому и выходитъ, что всякій развертываетъ свое знамя. Это не значитъ, чтобы всѣ политическія газеты Союза стояли за или противъ администраціи, но онѣ нападаютъ на нее, или защищаютъ ее сотней различныхъ способовъ. Поэтому газеты въ Соединенныхъ Штатахъ не могутъ произвести тѣхъ широкихъ теченій общественнаго мнѣнія, которыя способны поднять самыя прочныя плотины, или перелиться черезъ нихъ. Это раздѣленіе силъ печати производитъ кромѣ того и другіе не менѣе замѣчательные результаты: такъ какъ учрежденіе газеты есть дѣло легкое, то всякій этимъ можетъ заняться. Съ другой стороны вслѣдствіе конкурренціи никакое изданіе не можетъ разсчитывать на очень большіе барыши, что и служитъ препятствіемъ для участія въ этого рода предпріятіяхъ людей, обладающихъ крупными дѣловыми способностями. Да если бы газеты и были источниками богатства, то, въ виду ихъ чрезвычайной многочисленности, талантливыхъ писателей не достало бы для завѣдыванія ими. Поэтому журналисты въ Соединенныхъ Штатахъ занимаютъ вообще невысокое положеніе; они не имѣютъ законченнаго воспитанія и складъ ихъ мыслей часто бываетъ вульгарнымъ. Но во всѣхъ дѣлахъ законы создаются большинствомъ; оно установляетъ извѣстные обычаи, съ которыми потомъ всѣ сообразуются; совокупность этихъ общихъ привычекъ называется духомъ учрежденія; такъ, есть духъ адвокатуры, духъ судебныхъ учрежденій. Духъ журналистики во Франціи состоитъ въ томъ, чтобы рѣзко, но благородно и часто краснорѣчиво, разсуждать и спорить о важныхъ государственныхъ интересахъ; если не всегда такъ бываетъ, то только потому, что нѣтъ правила безъ исключенія. Духъ журналистики въ Америкѣ выражается въ грубомъ, безъ подготовки и безъ искусства, дѣйствіи на страсти тѣхъ, къ кому она обращается, въ отбрасываніи принциповъ, для того чтобы уловить живыхъ людей и въ стремленіи проникнуть въ ихъ частную жизнь и въ обнаженномъ видѣ выставить ихъ слабости и пороки.

Надо сожалѣть о такомъ злоупотребленіи мыслью; впослѣдствіи я буду имѣть случай изслѣдовать вліяніе, оказываемое газетами на вкусы и нравственныя качества американскаго народа; но теперь, повторяю, я занимаюсь только сферой политики. Невозможно скрывать отъ себя, что политическія послѣдствія этой распущенности печати косвеннымъ образомъ содѣйствуетъ поддержанію общественнаго спокойствія. Результатомъ ея является то, что люди, уже занимающіе высокое положеніе во мнѣніи своихъ

сограждан, не рѣшаются писать въ журналахъ и, такимъ образомъ, лишаются самаго страшнаго оружія, которымъ они могли бы воспользоваться, чтобы повернуть въ свою пользу народныя страсти [1]). Изъ этого въ особенности вытекаетъ то, что личные взгляды, выражаемые журналистами не имѣютъ, такъ сказать, ровно никакого вѣсу въ глазахъ читателей. Они ищутъ въ газетѣ однихъ фактическихъ свѣдѣній и только измѣнивъ или переиначивъ факты, журналистъ можетъ сдѣлать, чтобы его мнѣніе получило какое-нибудь вліяніе.

Но и предоставленная исключительно своимъ средствамъ, печать въ Америкѣ проявляетъ громадную силу. Посредствомъ нея движеніе политической жизни распространяется на всѣ части этой обширной территоріи. Зоркій глазъ ея постоянно выводитъ на свѣтъ тайныя пружины политики и принуждаетъ общественныхъ дѣятелей поочередно являться на судъ общественнаго мнѣнія. Она же группируетъ личные интересы вокругъ извѣстныхъ доктринъ и формулируетъ ученія, исповѣдуемыя партіями; посредствомъ нея партіи говорятъ между собой, не видя другъ друга въ лицо, и вступаютъ въ соглашенія, не соприкасаясь непосредственно. И когда большое число органовъ печати начинаетъ дѣйствовать въ одномъ направленіи, то вліяніе ихъ наконецъ становится почти непреодолимымъ и общественное мнѣніе, получая толчки постоянно въ одну сторону, поддается, наконецъ, ихъ дѣйствію.

Каждое отдѣльное періодическое изданіе имѣетъ въ Соединенныхъ Штатахъ мало значенія; но вся періодическая печать есть все же самая сильная власть послѣ власти самого народа (АА.).

Мнѣнія, устанавливающіяся въ Соединенныхъ Штатахъ при господствѣ свободы печати, часто бываютъ прочнѣе тѣхъ, которыя образуются въ другихъ мѣстахъ при господствѣ цензуры.

Въ Соединенныхъ Штатахъ демократія постоянно выводитъ новыхъ людей для завѣдыванія общественными дѣлами; поэтому въ мѣропріятіяхъ правительства проявляется мало послѣдовательности и порядка. Но общія основанія управленія устойчивѣе тамъ, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ, и главнѣйшія мнѣнія, управляющія обществомъ, обладаютъ тамъ большею прочностью. Когда какая-нибудь идея овладѣваетъ умомъ американскаго народа, то будь она справедливая, или безразсудная, нѣтъ ничего труднѣе, какъ ее истребить.

То же самое наблюдалось и въ Англіи, гдѣ въ теченіе столѣтія существовала наибольшая, сравнительно со всѣми европейскими странами, свобода мысли и въ то же время самые непреодолимые предразсудки.

Я считаю это слѣдствіемъ той причины, которая съ перваго раза казалось бы, должна была этому противодѣйствовать,—именно свободы печати. Народы, у которыхъ существуетъ эта свобода, держатся за свои мнѣнія столько же вслѣдствіе гордости, какъ и по убѣжденію. Они дорожатъ ими какъ потому, что считаютъ ихъ справедливыми, такъ и потому, что они сами ихъ выбрали и держатся за нихъ не только какъ за истину, но и какъ за свою собственность.

Есть на это и многія другія причины.

---

[1]) Они пишутъ въ журналахъ лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда они хотятъ обратиться къ народу и говорить отъ своего собственнаго имени, когда, наприм., на ихъ счетъ распространена какая-нибудь клевета и они желаютъ возстановить дѣйствительные факты.

Одинъ великій человѣкъ сказалъ, что незнаніе находится на двухъ концахъ знанія. Можетъ быть правильнѣе было бы сказать, что глубокія убѣжденія находятся только на двухъ концахъ, а по серединѣ между ними сомнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, умъ человѣческій можно разсматривать въ трехъ различныхъ состояніяхъ, часто слѣдующихъ одно за другимъ.

Человѣкъ твердо вѣритъ потому, что онъ принимаетъ безъ изслѣдованія. Онъ сомнѣвается, когда ему представляются возраженія. Часто ему удается разрѣшить всѣ свои сомнѣнія и тогда онъ снова начинаетъ вѣрить. На этотъ разъ онъ уже не улавливаетъ истину случайно, въ потьмахъ; но онъ видитъ ее лицомъ къ лицу и идетъ прямо при ея свѣтѣ [1]).

Когда свобода печати дѣйствуетъ на людей, находящихся въ первомъ состояніи, то она еще долго оставляетъ имъ привычку твердо вѣрить, не размышляя; только она ежедневно мѣняетъ предметъ ихъ необдуманныхъ вѣрованій. Такимъ образомъ на всемъ пространствѣ умственнаго горизонта человѣческій умъ продолжаетъ видѣть одновременно только одну точку, но эта точка безпрестанно мѣняется. Это есть время внезапныхъ революцій. Горе тѣмъ поколѣніямъ, которыя первыя вдругъ допустятъ свободу печати!

Скоро однако кругъ новыхъ идей оказывается почти пройденнымъ. Приходитъ опытность и человѣкъ погружается въ сомнѣніе и недовѣріе ко всему на свѣтѣ.

Можно разсчитывать, что большинство людей всегда остановится на одномъ изъ этихъ двухъ состояній: или оно будетъ вѣрить, не зная почему, или оно не будетъ опредѣленно знать, чему ему слѣдуетъ вѣрить.

Что касается до другаго рода убѣжденія, обдуманнаго и владѣющаго собой, которое родится отъ знанія и возникаетъ именно посреди тревогъ сомнѣнія, то оно всегда будетъ достижимо лишь для усилій очень немногихъ людей.

Было замѣчено, что во времена религіозной ревности, люди иногда мѣняли вѣру, тогда какъ во времена скептицизма каждый упорно держался своей. То же происходитъ и въ политикѣ при господствѣ свободы печати. Когда всѣ общественныя теоріи поочередно подвергались оспариванію и опроверженію, то люди, примкнувшіе къ одной изъ нихъ, держатся за нее не столько потому, что увѣрены въ ея достоинствѣ, сколько вслѣдствіе неувѣренности въ томъ, что есть другая, лучшая.

Въ такіе вѣка не легко идутъ на смерть за свои убѣжденія, но и не мѣняютъ ихъ, такъ что въ одно и то же время бываетъ меньше и мучениковъ и отступниковъ.

Къ этой причинѣ надо присоединить другую еще болѣе важную: когда въ убѣжденіе проникаетъ сомнѣніе, то люди наконецъ исключительно привязываются къ своимъ инстинктамъ и матеріальнымъ интересамъ, которые гораздо яснѣе, доступнѣе и по природѣ своей прочнѣе, чѣмъ убѣжденія.

Очень трудно рѣшить вопросъ о томъ, кто лучше управляетъ: демократія или аристократія. Но ясно, что демократія стѣсняетъ одного, а аристократія угнетаетъ другаго.

Это есть истина, которая утверждается сама собой и о которой безполезно спорить; вы богаты, а я бѣденъ—вотъ и все тутъ.

---

[1]) Притомъ я еще не знаю, способно ли такое обдуманное и спокойное убѣжденіе возвести человѣка когда-нибудь на такую высоту горячности и самоотверженія, какъ это дѣлаютъ догматическія вѣрованія.

ГЛАВА IV.

О политической ассоціаціи въ Соединенныхъ Штатахъ.

Ежедневное пользованіе англо-американцами правомъ ассоціаціи. — Три рода политической ассоціаціи.—Какимъ образомъ американцы примѣняютъ къ ассоціаціямъ представительную систему.—Опасности, происходящія отъ этого для государства.—Большая конвенція 1831 г. по поводу тарифа.—Законодательный характеръ этой конвенціи.—Почему неограниченное пользованіе правомъ ассоціаціи не такъ опасно въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ въ другихъ мѣстахъ.—Почему оно должно признаваться тамъ необходимымъ. — Польза ассоціацій у демократическихъ народовъ.

Изо всѣхъ странъ свѣта въ Америкѣ всего больше воспользовались выгодами ассоціаціи, и примѣнили этотъ могущественный способъ дѣйствія къ наиболѣе разнообразнымъ предметамъ.

Независимо отъ постоянныхъ ассоціацій, созданныхъ закономъ подъ названіемъ общинъ, городовъ и графствъ, есть множество другихъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ и развитіемъ только волѣ отдѣльныхъ лицъ.

Житель Соединенныхъ Штатовъ съ рожденія научается тому, что для борьбы со зломъ и затрудненіями жизни слѣдуетъ искать опоры въ самомъ себѣ; на власть общественную онъ смотритъ недовѣрчиво и тревожно и обращается къ ней лишь тогда, когда уже не можетъ безъ нея обойтись. Это становится замѣтнымъ уже со школы, гдѣ дѣти даже въ своихъ играхъ подчиняются правиламъ, установленнымъ ими самими, и сами наказываютъ проступки, ими же опредѣляемые. Тотъ же духъ приникаетъ во всѣ явленія общественной жизни. Происходитъ наприм. какое нибудь затрудненіе на дорогѣ, находящейся въ общемъ пользованіи, путь оказывается испорченъ и движеніе останавливается; сейчасъ сосѣди образуютъ изъ себя собраніе для обсужденія дѣла и изъ среды этого импровизированнаго собранія выходитъ исполнительная власть, которая и дѣлаетъ нужныя исправленія, прежде чѣмъ кому-нибудь придетъ въ голову, что раньше ея существовала другая власть. Если дѣло идетъ объ удовольствіи, то устраивается ассоціація для того, чтобы придать празднику больше великолѣпія и больше правильности. Наконецъ люди соединяются вмѣстѣ, чтобы защищаться отъ чисто-духовныхъ враговъ,—такъ сообща ведется борьба съ пьянствомъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ ассоціаціи учреждаются въ видахъ охраненія общественной безопасности, съ коммерческими и промышленными, съ моральными и религіозными цѣлями. Нѣтъ ничего такого, чего бы человѣческая воля считала невозможнымъ достигнуть посредствомъ свободнаго дѣйствія соединенной силы отдѣльныхъ личностей.

Далѣе я буду имѣть случай говорить о результатахъ, производимыхъ ассоціаціей въ сферѣ гражданской жизни. Въ настоящее время я долженъ ограничиться политическою сферой.

Разъ право ассоціаціи будетъ признано, то граждане могутъ имъ пользоваться различными способами.

Ассоціація можетъ состоять въ томъ, что извѣстное число лицъ присоединяются къ тѣмъ или инымъ ученіямъ и даютъ взаимныя обязательства извѣстнымъ образомъ содѣйствовать ихъ господству. Такого рода право ассоціаціи почти совпадаетъ со свободой печати; однако уже и такая ассоціація обладаетъ большею силой, чѣмъ пресса. Когда какое-нибудь мнѣніе выражается ассоціаціей, то оно обязательно должно получить болѣе отчетливую и опредѣленную форму. Оно сосчитываетъ своихъ сторон-

никовъ и дѣлаетъ для нихъ обязательными свои цѣли. И сами они научаются знать другъ друга и ихъ усердіе къ дѣлу увеличивается отъ сознанія ихъ числа. Ассоціація соединяетъ въ одну общую силу отдѣльныя усилія различныхъ умовъ и энергически направляетъ ихъ къ одной цѣли, ясно ею намѣченной.

Вторая степень въ пользованіи правомъ ассоціаціи есть право собраній. Когда политической ассоціаціи дозволяется учреждать въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ пунктахъ страны центры для своего дѣйствія, то чрезъ это дѣятельность ея усиливается и вліяніе ея расширяется. Въ этихъ центрахъ люди встрѣчаются и соображаютъ вмѣстѣ способы исполненія своихъ задачъ; мнѣнія тамъ высказываются съ такою силой и горячностью, до какой никогда не можетъ достичь мысль, выраженная на письмѣ.

Наконецъ пользованіе правомъ ассоціаціи въ политическихъ дѣлахъ имѣетъ еще послѣднюю степень: сторонники одного мнѣнія могутъ соединяться въ избирательныя коллегіи и избирать довѣренныхъ лицъ, которыя должны быть ихъ представителями въ центральномъ собраніи. Это есть, собственно говоря, представительная система, примѣненная къ одной партіи.

Такимъ образомъ въ первомъ случаѣ люди, исповѣдующіе одинаковыя убѣжденія, образуютъ между собою чисто-духовную связь; во второмъ они собираются на небольшія сходки, представляющія собою только часть партіи; въ третьемъ наконецъ они образуютъ изъ себя какъ бы націю въ націи и правительство въ правительствѣ. Ихъ довѣренные, подобно довѣреннымъ большинства, представляютъ въ своемъ лицѣ всю соединенную силу своихъ сторонниковъ, а также, какъ и представители большинства, являются въ видѣ народа, со всѣмъ вытекающимъ изъ этого нравственнымъ могуществомъ. Правда, что они не могутъ подобно послѣднимъ издавать законы, но они имѣютъ власть порицать существующіе законы и формулировать заранѣе тѣ, которые должны бы были существовать.

Я представляю себѣ народъ не вполнѣ привыкшій къ пользованію свободой, или въ которомъ существуетъ броженіе глубокихъ, политическихъ страстей. Рядомъ съ большинствомъ, вотирующимъ законы, я предполагаю меньшинство, которое беретъ на себя только изложеніе *основаній* и *содержанія* проектируемаго закона, ограничиваясь этимъ; и я не могу не думать, что при этомъ общественный порядокъ подвергается большимъ случайностямъ.

Конечно, отъ доказательства того, что какой-нибудь законъ самъ по себѣ лучше другого, еще далеко до того, чтобы считать доказанною необходимость замѣны имъ этого другаго. Но тамъ, гдѣ умъ образованныхъ людей видитъ еще большое разстояніе, воображеніе толпы вовсе его уже не замѣчаетъ. Кромѣ того, бываютъ такія времена, когда нація раздѣляется почти пополамъ между двумя партіями, изъ которыхъ каждая признаетъ себя представительницей большинства. Если рядомъ со властью, которая управляетъ, установляется другая власть, нравственный авторитетъ которой почти не меньше, то можно ли предполагать, что она надолго ограничится словами и не перейдетъ къ дѣйствію?

Неужели ее будетъ постоянно удерживать то метафизическое соображеніе, что задача ассоціаціи состоитъ въ направленіи мнѣній, а не въ принужденіи ихъ, въ томъ, чтобы совѣтовать изданіе закона, а не въ томъ, чтобы издавать его?

Чѣмъ больше я наблюдаю свободу печати въ ея главнѣйшихъ результатахъ тѣмъ больше утверждаюсь въ убѣжденіи, что у новыхъ народовъ

независимость прессы есть одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ свободы, входящій, такъ сказать, въ ея составъ. Стало-быть народъ, желающій оставаться свободнымъ, имѣетъ право требовать, чтобъ эта независимость уважалась во что бы то ни стало. Но со свободой печати не слѣдуетъ смѣшивать *неограниченную* свободу ассоціаціи по политическимъ дѣламъ. Послѣдняя въ одно и то же время и менѣе необходима, и болѣе опасна, чѣмъ первая. Народъ можетъ установить ей предѣлы, не переставая владѣть собою, а иногда онъ именно съ этою цѣлью долженъ это сдѣлать.

Въ Америкѣ свобода образовать ассоціаціи съ политическими цѣлями почти не ограничена.

Одинъ примѣръ лучше чѣмъ все, что я могъ бы прибавить, покажетъ, съ какою терпимостью относятся къ этой свободѣ.

Припомнимъ, какъ волновалъ умы въ Америкѣ вопросъ о тарифѣ или свободной торговлѣ. Дѣйствіе тарифа могло благопріятно или вредно отражаться не только на мнѣніяхъ, но и на очень важныхъ матеріальныхъ интересахъ. Сѣверъ приписывалъ ему отчасти свое благосостояніе, югъ почти всѣ свои бѣдствія. Можно сказать, что въ теченіе долгаго времени тарифъ былъ единственнымъ источникомъ политическихъ страстей, волновавшихъ Союзъ.

Въ 1831 году, когда распря была самая ожесточенная, одинъ малоизвѣстный гражданинъ Массачусетса вздумалъ предложить черезъ газеты, всѣмъ противникамъ тарифа, послать депутатовъ въ Филадельфію для совмѣстнаго обсужденія мѣръ къ возвращенію торговлѣ ея свободы. Это предложеніе силою типографій было въ нѣсколько дней распространено отъ Мэна до Нью-Орлеана. Противники тарифа горячо ухватились за него. Они собрались со всѣхъ сторонъ и выбрали депутатовъ. Большая часть изъ нихъ были люди извѣстные, а нѣкоторые сдѣлались знаменитыми. Южная Каролина, которая послѣ того возстала по этому же поводу, послала со своей стороны шестьдесятъ три представителя. 1-го октября 1831 года собраніе, принявшее по американскому обычаю названіе конвента, открылось въ Филадельфіи; на немъ присутствовало больше двухъ сотъ членовъ. Пренія были публичны и съ перваго же дня приняли характеръ совершенно законодательный; обсуждались вопросы о пространствѣ власти конгресса; о теоріяхъ свободной торговли и наконецъ о различныхъ статьяхъ тарифа. Черезъ десять дней собраніе разошлось, составивши адресъ къ американскому народу въ этомъ адресѣ было изложено: 1) что конгрессъ не имѣлъ права установлять тарифную пошлину и что существующій тарифъ противорѣчитъ конституціи; 2) что не въ интересѣ никакого народа, а въ особенности американскаго народа, чтобы торговля не была свободна.

Нельзя не признать, что безграничная свобода ассоціацій съ политическими цѣлями не произвела до сихъ поръ въ Соединенныхъ Штатахъ тѣхъ пагубныхъ результатовъ, которыхъ, пожалуй, можно бы было ожидать отъ нея въ другихъ мѣстахъ Право ассоціацій перенесено въ нихъ изъ Англіи и всегда существовало въ Америкѣ. Пользованіе этимъ правомъ перешло теперь въ обычаи и въ нравы.

Въ наше время свобода ассоціаціи сдѣлалась необходимою гарантіей противъ тираніи большинства. Въ Соединенныхъ Штатахъ, когда какая-нибудь партія дѣлается господствующей, то вся общественная сила переходитъ въ ея руки; ея частные друзья занимаютъ тогда всѣ должности и располагаютъ всѣми организованными силами. И такъ какъ самые выдающіеся люди изъ противной партіи не могутъ перейти за черту, отдѣляющую

ихъ отъ власти, то необходимо, чтобъ они могли занять мѣсто внѣ этой черты; нужно, чтобы меньшинство противопоставило всю свою моральную силу угнетающему его матеріальному могуществу большинства. Такимъ образомъ свобода ассоціаціи есть опасность, противопоставляемая другой болѣе угрожающей опасности.

Всемогущество большинства кажется мнѣ до такой степени опаснымъ для американскихъ республикъ, что рискованное средство, употребляемое для его ограниченія, я все-таки считаю за добро.

Здѣсь я выскажу мысль, которая должна напомнить то, что было мною сказано въ другомъ мѣстѣ по поводу общинныхъ правъ; нѣтъ странъ, въ которыхъ бы ассоціаціи были болѣе необходимы для борьбы съ деспотизмомъ партій или произволомъ правителя, какъ въ странахъ съ демократическимъ строемъ общества. Въ аристократическихъ націяхъ вторичныя сословныя единицы представляютъ естественныя ассоціаціи, которыя удерживаютъ злоупотребленіе властью. Въ тѣхъ же странахъ, гдѣ такихъ ассоціацій не существуетъ, если отдѣльныя частныя лица не могутъ искусственно и на время создать чего-нибудь подобнаго имъ, то я не вижу больше преградъ ни для какой тираніи, и великій народъ можетъ быть безнаказанно угнетаемъ горстью крамольниковъ или однимъ человѣкомъ.

Образованіе большого политическаго конвента (такъ какъ бываютъ конвенты всякаго рода), которое часто можетъ сдѣлаться необходимымъ, есть всегда, даже и въ Америкѣ, серьезное событіе, на которое друзья страны смотрятъ не иначе, какъ съ боязнью.

Это ясно выразилось въ конвентѣ 1831 года, въ которомъ усилія всѣхъ выдающихся людей, принимавшихъ участіе въ собраніи, направлены были къ тому, чтобы придать умѣренность его рѣчамъ и ограничить ихъ предѣлами даннаго вопроса. Есть вѣроятность, что конвентъ 1831 года имѣлъ дѣйствительно большое вліяніе на духъ недовольныхъ и подготовилъ ихъ къ происшедшему въ 1832 году открытому возстанію противъ торговыхъ законовъ Союза.

Нельзя скрывать отъ себя, что безпредѣльная свобода ассоціацій политическаго характера есть изъ всѣхъ родовъ свободы послѣдняя, которую народъ бываетъ способенъ перенести. Если она его не повергаетъ въ анархію, то ежеминутно заставляетъ его, такъ сказать, соприкасаться съ ней. Но эта свобода столь опасная, обезпечиваетъ однако въ одномъ отношеніи; въ странахъ, гдѣ ассоціаціи свободны, тайныя общества бываютъ неизвѣстны. Въ Америкѣ есть партійные люди, но нѣтъ заговорщиковъ.

О различныхъ способахъ пониманія права ассоціаціи въ Европѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ и о различномъ его примѣненіи.

Послѣ свободы дѣйствовать самому, наиболѣе естественное право человѣка есть свобода соединять свои усилія съ усиліями другихъ людей и дѣйствовать сообща. Поэтому право ассоціаціи мнѣ кажется по природѣ своей почти столь же неотъемлемымъ, какъ и право личной свободы. Законодатель не можетъ стремиться къ его уничтоженію, не разрушая самого общества. Однако, если есть народы, для которыхъ свобода вступать въ союзы только полезна и ведетъ къ большему благополучію, то есть и такіе, которые своими излишествами портятъ ея хорошія качества и превращаютъ жизненное начало въ причину разрушенія. Поэтому я полагаю, что сравненіе различныхъ путей, по которымъ направляются ассоціаціи въ

странахъ, гдѣ свобода правильно понимается, и въ тѣхъ, гдѣ она превращается въ распущенность, было бы одинаково полезно какъ для правительствъ, такъ и для общественныхъ партій.

Большинство европейцевъ еще видятъ въ ассоціаціи боевое оружіе, спѣшно заготовляемое для немедленнаго употребленія его на полѣ битвы.

Правда, что ассоціаціи устраиваются для того, чтобы говорить, но всѣ умы бываютъ заняты мыслію о томъ, какъ въ близкомъ будущемъ придется дѣйствовать. Ассоціація есть армія; разговариваютъ въ ней, чтобы сосчитать силы и воодушевиться, а потомъ идутъ на врага. Въ глазахъ людей, составляющихъ ее, легальные способы дѣйствія могутъ считаться однимъ изъ средствъ, но никогда не единственнымъ средствомъ успѣха.

Не такимъ образомъ понимается право ассоціаціи въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ Америкѣ граждане, находящіеся въ меньшинствѣ, соединяются, во-первыхъ, для того, чтобы опредѣлить свое число и такимъ образомъ ослабить моральное преобладаніе большинства; другая задача членовъ ассоціаціи состоитъ въ общемъ изученіи и нахожденіи такимъ образомъ аргументовъ наиболѣе способныхъ произвести впечатлѣніе на большинство, такъ какъ они всегда имѣютъ надежду привлечь его на свою сторону, чтобы затѣмъ отъ его имени распоряжаться властью.

Поэтому политическія ассоціаціи въ Соединенныхъ Штатахъ имѣютъ мирный характеръ по своей цѣли и дѣйствуютъ легальными средствами; и когда онѣ заявляютъ о своемъ желаніи одержать побѣду только посредствомъ закона, то вообще онѣ говорятъ правду.

Различіе, замѣчаемое въ этомъ отношеніи между американцами и нами, зависитъ отъ многихъ причинъ.

Въ Европѣ существуютъ партіи настолько различныя отъ большинства, что онѣ никогда не могутъ разсчитывать на его поддержку, а между тѣмъ эти самыя партіи считаютъ себя уже въ своемъ составѣ достаточно сильными, чтобы бороться съ большинствомъ. Образуя ассоціацію, партія такого рода имѣетъ въ виду сражаться, а не убѣждать. Въ Америкѣ люди, стоящіе по своимъ убѣжденіямъ слишкомъ далеко отъ большинства, не могутъ ничего сдѣлать противъ его власти; всѣ же другіе надѣются пріобрѣсти эту власть.

Пользованіе правомъ ассоціаціи становится такимъ образомъ опаснымъ постольку, поскольку большія партіи не имѣютъ возможности сдѣлаться большинствомъ. Въ такой странѣ, какъ Соединенные Штаты, гдѣ мнѣнія отличаются другъ отъ друга только оттѣнками, право ассоціаціи можетъ оставаться, такъ сказать, безграничнымъ.

Что заставляетъ насъ видѣть въ свободѣ ассоціаціи только право воевать съ правительствомъ, — это наша неопытность въ дѣлѣ свободы. Первая мысль, какая приходитъ въ голову партіи, также какъ и отдѣльному человѣку, когда они получаютъ силу, это мысль о насиліи; идея дѣйствовать убѣжденіемъ приходитъ уже позже; она родится изъ опыта.

Англичане, которые такъ глубоко раздѣлены между собою, рѣдко злоупотребляютъ правомъ ассоціаціи, потому что они пользовались имъ въ теченіе болѣе долгаго времени.

Притомъ же мы такъ страстно любимъ войну, что нѣтъ такого безумнаго предпріятія, — даже еслибъ оно вело къ потрясенію всего государства, за которое не было бы славно умереть съ оружіемъ въ рукахъ.

Но изъ всѣхъ причинъ, способствующихъ въ Соединенныхъ Штатахъ укрощенію насильственнаго характера политическихъ ассоціацій, самая мо-

ществennая есть, можетъ-быть, всеобщая подача голосовъ. Въ странахъ, гдѣ она установлена, большинство никогда не бываетъ сомнительнымъ, потому что никакая партія не можетъ разумно взять на себя представительство тѣхъ, кто не подавалъ голоса. Поэтому всѣ знаютъ, и сами ассоціаціи тоже знаютъ, что онѣ не представляютъ собою большинства. Это вытекаетъ изъ самаго факта ихъ существованія, такъ какъ еслибъ онѣ представляли большинство, то онѣ сами бы измѣнили законъ, вмѣсто того, чтобы просить о его измѣненіи.

Моральная сила правительства, съ которымъ онѣ ведутъ борьбу, оказывается вслѣдствіе этого очень увеличенною, а ихъ собственная—очень ослабленною.

Въ Европѣ почти нѣтъ такихъ ассоціацій, которыя бы не заявляли, или не вѣрили тому, что онѣ представляютъ собою волю большинства. Это предположеніе, или увѣренность необыкновенно увеличиваютъ ихъ силу и удивительно помогаютъ придавать ихъ дѣйствіямъ видъ законности, ибо что же можетъ быть извинительнѣе насилія, цѣль котораго достичь торжества угнетаемаго права.

Такимъ образомъ при безконечной сложности человѣческихъ законовъ, случается иногда, что чрезвычайная свобода исправляетъ дурныя стороны свободы и что крайняя демократія предупреждаетъ опасности, происходящія отъ демократіи.

Въ Европѣ ассоціаціи смотрятъ на себя какъ на нѣкотораго рода законодательный и исполнительный совѣтъ народа, который самъ не можетъ высказываться; исходя изъ этой идеи, онѣ дѣйствуютъ и распоряжаются. Въ Америкѣ, гдѣ онѣ, въ глазахъ всего общества, представляютъ собою только меньшинство націи, онѣ разговариваютъ и ходатайствуютъ.

Средства, употребляемыя ассоціаціями въ Европѣ, соотвѣтствуютъ предполагаемымъ ими цѣлямъ.

Такъ какъ главная задача этихъ ассоціацій состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать, а не говорить, сражаться, а не убѣждать, то онѣ естественно приходятъ къ созданію для себя организаціи, въ которой нѣтъ ничего гражданскаго, и ко введенію въ свою среду военныхъ обычаевъ и правилъ. Поэтому онѣ сколь возможно болѣе сосредоточиваютъ управленіе своими силами и передаютъ власть отъ всѣхъ въ руки небольшого числа.

Члены этихъ ассоціацій имѣютъ свой пароль, какъ солдаты на военномъ положеніи, они исповѣдуютъ догматъ пассивнаго повиновенія, или, лучше сказать, соединяясь они сразу приносятъ въ жертву и всю свою способность сужденія, и всю свою свободу воли. Поэтому въ средѣ этихъ ассоціацій царствуетъ часто тиранія болѣе нестерпимая, чѣмъ та, которая проявляется въ обществѣ отъ имени правительства, противъ котораго ведется борьба.

Это обстоятельство очень уменьшаетъ моральную силу ассоціацій. Онѣ теряютъ такимъ образомъ священный характеръ, связанный съ борьбою притѣсняемыхъ противъ притѣснителей; потому что тотъ, кто въ извѣстныхъ случаяхъ соглашается рабски повиноваться нѣкоторымъ изъ себѣ подобныхъ, кто отдаетъ имъ свою волю и подчиняетъ имъ даже свою мысль, какъ можетъ онъ заявлять о своемъ желаніи быть свободнымъ.

Американцы также установили управленіе въ средѣ ассоціацій, но это — если можно такъ выразиться—гражданское управленіе. Въ немъ есть доля личной независимости; какъ и въ обществѣ, всѣ люди идутъ тамъ одновре-

менно къ одной цѣли, но всякій не обязанъ итти къ ней точно тѣми же путями. Люди не приносятъ въ жертву свой разумъ и свою волю; но они примѣняютъ ихъ къ достиженію успѣха въ ихъ общемъ предпріятіи.

ГЛАВА V.

Объ управленіи демократіи въ Америкѣ.

Я узнаю, что я стою теперь на жгучей почвѣ. Каждое слово въ этой главѣ должно въ какомъ-нибудь отношеніи непріятно задѣвать разумныя партіи, раздѣляющія мое отечество. Тѣмъ не менѣе я выскажу всю свою мысль.

Въ Европѣ намъ трудно судить о настоящемъ характерѣ и постоянныхъ стремленіяхъ демократіи, потому что въ Европѣ идетъ борьба между двумя противоположными принципами, и неизвѣстно съ точностію, что слѣдуетъ отнести на долю самихъ принциповъ и что на долю страстей, возбужденныхъ борьбою.

Не такъ дѣло стоитъ въ Америкѣ. Тамъ народъ господствуетъ безпрепятственно; у него нѣтъ ни опасностей, которыхъ бы онъ боялся, ни обидъ, за которыя онъ хотѣлъ бы мстить.

Поэтому въ Америкѣ демократія предоставлена собственнымъ склонностямъ. Ея образъ дѣйствій естественъ и всѣ ея движенія свободны. Тамъ о ней и слѣдуетъ судить. И для кого же будетъ интересно и полезно это изученіе, если не для насъ, которые ежедневно уносимся неудержимо движущимся потокомъ и съ закрытыми глазами идемъ можетъ-быть къ деспотизму, можетъ-быть къ республикѣ, но во всякомъ случаѣ къ демократическому устройству общества.

Всеобщая подача голосовъ.

Раньше я сказалъ, что всѣ штаты Союза установили всеобщую подачу голосовъ. Это учрежденіе встрѣчается у народовъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Мнѣ приходилось наблюдать его дѣйствіе въ различныхъ мѣстахъ и въ такихъ человѣческихъ расахъ,—которыя по своему языку, религіи и нравамъ почти чужды другъ другу, въ Луизіанѣ и въ Новой Англіи, въ Георгіи и въ Канадѣ. И я замѣтилъ, что всеобщее голосованіе далеко не производитъ въ Америкѣ всего того добра и того зла, какого отъ него ожидаютъ въ Европѣ, и что вообще результаты его не тѣ, какіе предполагаютъ.

О народномъ выборѣ и о стремленіяхъ, проявляемыхъ американскою демократіей въ своихъ выборахъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ наиболѣе замѣчательные люди рѣдко призываются къ завѣдыванію общественными дѣлами.—Причины такого явленія.—Зависть французскихъ низшихъ классовъ относительно высшихъ есть чувство не французское, а демократическое.—Почему въ Америкѣ выдающіеся люди часто сами уклоняются отъ политической карьеры.

Въ Европѣ многіе думаютъ, не говоря, или говорятъ, не думая, что одно изъ важныхъ преимуществъ всеобщаго голосованія состоитъ въ томъ,

что къ управленію дѣлами призываются люди достойные общественнаго довѣрія. Народъ, говорятъ, не можетъ управлять самъ, но онъ всегда искренно желаетъ добра государству, и его инстинктъ всегда указываетъ ему на людей, одушевленныхъ тѣмъ же желаніемъ и которые наиболѣе способны держать власть въ своихъ рукахъ.

Что касается до меня, то видѣнное мною въ Америкѣ не даетъ мнѣ права думать, чтобъ это было такъ. Когда я пріѣхалъ въ Соединенные Штаты, то очень былъ удивленъ, узнавши, до какой степени достойные люди были обыкновенны между управляемыми и какъ ихъ мало было между управляющими. Постоянно встрѣчается тотъ фактъ, что въ наше время въ Соединенныхъ Штатахъ наиболѣе замѣчательные люди рѣдко призываются на общественныя должности, и нельзя не признать, что такое положеніе установилось по мѣрѣ того, какъ демократія переходила за всѣ свои прежніе предѣлы. Очевидно, что раса американскихъ государственныхъ людей необыкновенно уменьшилась за послѣднее полустолѣтіе.

Можно указать на многія причины этого явленія

Что бы мы ни дѣлали, но невозможно поднять просвѣщеніе народа выше извѣстнаго уровня. Какъ бы ни облегчали доступъ къ человѣческимъ знаніямъ, какъ бы ни улучшали методы преподаванія и не удешевляли науку, все же никогда нельзя будетъ сдѣлать, чтобы люди учились и развивали свои умственныя способности, не тратя на это времени.

Слѣдовательно, большая или меньшая возможность для народа жить, не трудясь, составляетъ необходимый предѣлъ его умственнаго прогресса. Этотъ предѣлъ въ однихъ странахъ находится дальше, въ другихъ ближе; но чтобы его совсѣмъ не было, слѣдовало бы, чтобы народъ не принужденъ былъ заботиться о матеріальныхъ жизненныхъ нуждахъ, т.-е. чтобъ онъ не былъ уже больше народомъ. Поэтому также трудно представить себѣ общество, въ которомъ бы всѣ люди были хорошо образованы, какъ и государство, въ которомъ всѣ граждане были бы богаты. Эти двѣ трудности находятся во временномъ соотношеніи. Я безъ труда соглашусь, что масса гражданъ совершенно искренно желаетъ добра своему отечеству. Я даже пойду далѣе и скажу, что низшіе классы общества вообще меньше, какъ мнѣ кажется, примѣшиваютъ къ этому желанію соображеній, касающихся личнаго интереса, чѣмъ высшіе классы; но чего имъ всегда болѣе или менѣе не достаетъ, это умѣнья судить о средствахъ при искреннемъ желаніи цѣли. Какое долгое изученіе, сколько различныхъ свѣдѣній необходимы для того, чтобы получить вѣрное понятіе о характерѣ одного человѣка. Высочайшіе геніи заблуждаются на этотъ счетъ, а толпѣ это удается! Народъ никогда не находитъ времени и средствъ, чтобы заняться этимъ трудомъ. Ему всегда приходится судить спѣшно и обращать вниманіе только на самые выдающіеся предметы. Отъ этого происходитъ, что всякаго рода шарлатаны такъ хорошо знаютъ секретъ, какъ понравиться народу, тогда какъ это чаще всего неудается его лучшимъ друзьямъ.

Впрочемъ иногда демократіи недостаетъ не способностей, а желанія и вкуса для того, чтобы выбирать достойныхъ людей.

Не надо скрывать отъ себя, что демократическія учрежденія въ очень высокой степени развиваютъ чувство зависти въ сердцѣ человѣческомъ. И это не столько оттого, что они даютъ каждому средства сравняться съ другими, сколько оттого, что средства эти безпрестанно изсякаютъ въ рукахъ тѣхъ, кто ими пользуется. Демократическія учрежденія возбуждаютъ страсть къ равенству и потворствуютъ ей, никогда не будучи въ состояніи

удовлетворить ее вполнѣ. Это полное равенство ежедневно ускользаетъ изъ рукъ народа въ тотъ моментъ, когда онъ надѣется его уловить, и удаляется, какъ говоритъ Паскаль, въ вѣчномъ бѣгствѣ; народъ съ горячностью старается найти это благо, тѣмъ болѣе драгоцѣнное, что оно достаточно близко, чтобы быть извѣстнымъ, и достаточно далеко, чтобы не быть испытаннымъ. Вѣроятность успѣха волнуетъ его, невѣрность удачи раздражаетъ; онъ мечется, утомляется, ожесточается. Все, что въ чемъ-нибудь оказывается выше его, кажется ему тогда препятствіемъ для его желаній, и нѣтъ такого самаго законнаго превосходство, которое бы не рѣзало ему глазъ.

Многіе воображаютъ, что только во Франціи можно найти тотъ тайный инстинктъ, который заставляетъ у насъ низшіе классы оттѣснять, на сколько они это могутъ, высшіе классы отъ управленія общественными дѣлами: это, ошибочное мнѣніе. Инстинктъ, о которомъ я говорю—не французскій; онъ демократическій; политическія обстоятельства могли ему придать особенно желчный характеръ, но не они его произвели.

Въ Соединенныхъ Штатахъ народъ не имѣетъ ненависти къ высшимъ классамъ общества; но онъ не чувствуетъ къ нимъ и большого доброжелательства и старательно удерживаетъ ихъ въ странѣ отъ власти; онъ не боится большихъ талантовъ, но онъ чувствуетъ къ нимъ мало склонности. Вообще замѣчено, что все, что возвышается безъ его поддержки, съ трудомъ пріобрѣтаетъ его благосклонность.

Въ то время какъ естественные инстинкты демократіи направляютъ народъ къ устраненію отъ власти выдающихся людей, не менѣе сильный инстинктъ заставляетъ послѣднихъ устраняться отъ политической карьеры, гдѣ имъ такъ трудно оставаться вполнѣ самими собой и дѣйствовать, не унижаясь. Эта самая мысль очень наивно была высказана канцлеромъ Кентомъ. Знаменитый писатель, о которомъ я говорю, высказавши большія похвалы той части конституціи, которая предоставляетъ исполнительной власти назначеніе судей, прибавляетъ: „Въ самомъ дѣлѣ вѣроятно, что люди наиболѣе способные къ занятію этихъ должностей были бы слишкомъ скромны въ своихъ манерахъ и слишкомъ строги въ принципахъ, чтобы когда-нибудь имѣть за себя большинство голосовъ на выборахъ, основанныхъ на всеобщей подачѣ голосовъ“ (*Kent's commentaries* т., I, стр. 272). Вотъ что печаталось безъ возраженій въ Америкѣ въ 1830 году.

Я считаю для себя доказаннымъ, что тѣ, кто видятъ во всеобщемъ голосованіи какъ бы гарантію достоинства выборовъ, совершенно обманываются. Всеобщая подача голосовъ имѣетъ другія хорошія стороны, но не въ этомъ состоитъ ея преимущество.

О причинахъ, могущихъ отчасти исправить эти инстинкты демократіи.

Противоположные результаты, производимые большими опасностями какъ на отдѣльныхъ людей, и такъ и на цѣлые народы.—Почему въ Америкѣ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ оказалась такъ много замѣчательныхъ людей во главѣ управленія. — Вліяніе, оказываемое на народные выборы просвѣщеніемъ и нравами.—Примѣръ Новой Англіи.—Юго-западные штаты.—Какъ нѣкоторые законы вліяютъ на народные выборы. — Двухстепенные выборы.—Ихъ вліяніе на составъ сената.

Когда большая опасность грозитъ государству, то часто случается, что народъ удачно выбираетъ гражданъ, наиболѣе способныхъ его спасти.

Наконецъ, когда попадаешь въ новые юго-западные штаты, гдѣ составъ общества, только-что сложившійся, представляетъ изъ себя лишь скопленіе авантюристовъ и спекуляторовъ, то приходишь въ смущеніе, видя, въ какія руки попадаетъ общественная власть, и невольно задаешь себѣ вопросъ, что за сила, независимая и отъ законовъ и отъ людей, даетъ возможность тамъ государству возрастать, а обществу благоденствовать.

Существуютъ нѣкоторые законы, по природѣ своей имѣющіе демократическій характеръ, но посредствомъ которыхъ удается однако отчасти исправить эти опасныя стремленія демократіи.

Когда вы входите въ залу собранія представителей въ Вашингтонѣ, то васъ поражаетъ вульгарный видъ этого собранія. Глазъ часто напрасно ищетъ въ его средѣ какого-нибудь знаменитаго человѣка. Почти всѣ его члены суть люди малоизвѣстные, имена которыхъ ничего не говорятъ воображенію и мысли. Это по большей части суть деревенскіе адвокаты, торговцы, или даже люди принадлежащіе къ самымъ низшимъ классаммъ.

Въ странѣ, гдѣ образованіе распространено почти всюду, говорятъ, что представители народа не всегда умѣютъ правильно писать.

Въ двухъ шагахъ оттуда находится зала сената, тѣсное помѣщеніе, которое вмѣщаетъ въ себѣ большую частъ американскихъ знаменитостей. Изрѣдка только встрѣчаешь тамъ человѣка, который бы не вызывалъ воспоминанія о недавней славѣ. Это все краснорѣчивые адвокаты, выдающіеся генералы, искусные судьи, или извѣстные государственные люди. Всѣ рѣчи, которыя слышатся въ этомъ собраніи, сдѣлали бы честь важнѣйшимъ парламентскимъ преніямъ въ Европѣ.

Отчего происходитъ этотъ странный контрастъ? Отчего избраннѣйшіе люди націи скорѣе встрѣчаются въ этой залѣ, чѣмъ въ другой? Почему первое собраніе соединяетъ въ себѣ такъ много вульгарныхъ элементовъ, тогда какъ второе, повидимому, имѣетъ монополію талантовъ и образованности? То и другое однако исходятъ отъ народа, то и другое суть произведенія общаго избирательнаго права и ни одинъ голосъ въ Америкѣ до сихъ поръ не заявлялъ о томъ, чтобы сенатъ былъ врагомъ народныхъ интересовъ. Откуда-же происходитъ такая огромная разница? Я вижу только одинъ фактъ, которымъ она объясняется: выборы, результатомъ которыхъ является палата представителей—прямые, а выборы въ сенатъ имѣютъ двѣ степени. Всѣ граждане избираютъ законодательныя собранія каждаго штата, которыя на основаніи союзной конституціи, превращаются въ свою очередь, въ избирательныя собранія, выбирая изъ своей среды членовъ сената. Такимъ образомъ сенаторы представляютъ собою тоже результатъ, хотя и непрямой, всеобщей подачи голосовъ, потому что законодательное собраніе, назначающее сенаторовъ, не есть учрежденіе аристократическое или привилегированное, получающее свое избирательное право отъ себя самого; оно по существу зависитъ отъ всей совокупности гражданъ и обыкновенно избирается ими каждый годъ, такъ что они всегда могутъ вліять на выборы, составляя законодательное собраніе изъ новыхъ членовъ. Но достаточно бываетъ народной воли пройти чрезъ это избранное собраніе, чтобъ она, такъ сказать, переработалась въ немъ и вышла бы изъ него въ болѣе прекрасномъ и благородномъ образѣ. Выбранные такимъ образомъ люди всегда, слѣдовательно, точно представляютъ собою правящее большинство націи; но они представляютъ только возвышенныя мысли, распространенныя въ ней, только великодушные инстинкты ее одушевляющіе, а не мелкія страсти, часто волнующія ее, или пороки ее безчестящіе.

Легко предвидѣть въ будущемъ такой моментъ, когда американскія республики принуждены будутъ умножить существующія въ ихъ избирательной системѣ двѣ степени, подъ страхомъ погибнуть въ противномъ случаѣ на подводныхъ камняхъ демократіи.

Я признаюсь безъ затрудненія: я вижу въ двухстепенномъ избраніи единственный способъ предоставить всѣмъ классамъ народа возможность пользоваться политическою свободой. Мнѣ кажется, что и тѣ, кто надѣется сдѣлать изъ этого способа исключительное оружіе одной партіи, и тѣ, кто боится этого, одинаково впадаютъ въ ошибку.

Вліяніе, оказанное американскою демократіей на избирательные законы.

Рѣдкость выборовъ ведетъ государство къ большимъ кризисамъ.—Слишкомъ частые выборы поддерживаютъ въ немъ лихорадочное безпокойство.—Американцы предпочли второе изъ этихъ двухъ золъ.—Измѣнчивость законовъ.—Мнѣніе на этотъ счетъ Гамильтона, Мадиссона и Джефферсона.

Когда выборы происходятъ только черезъ большіе промежутки, то при каждыхъ выборахъ государство рискуетъ быть потрясеннымъ.

Партіи тогда дѣлаютъ чрезвычайныя усилія, чтобы воспользоваться случаемъ, который дается имъ такъ рѣдко; и такъ какъ для кандидатовъ, не имѣвшихъ успѣха, неудача является почти непоправимою, то можно всего опасаться отъ ихъ честолюбія, доведеннаго до отчаянія. Напротивъ, если легальная борьба должна скоро возобновиться, то побѣжденные терпѣливо ожидаютъ,

Когда выборы быстро слѣдуютъ одни за другими, то частое ихъ повтореніе поддерживаетъ въ обществѣ лихорадочное движеніе и приводитъ общественныя дѣла въ состояніе непрерывной измѣнчивости.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, для государства представляется вѣроятность безпокойства, съ другой вѣроятность революціи; первая система ухудшаетъ качество правительства, вторая угрожаетъ его существованію.

Американцы предпочли подвергнуться лучше первому злу, чѣмъ второму. Въ этомъ они руководились гораздо больше инстинктомъ, чѣмъ разсужденіемъ, такъ какъ демократія до страсти склонна къ разнообразію. Результатомъ этаго является необыкновенная измѣнчивость законодательства.

Многіе американцы считаютъ неустойчивость ихъ законовъ какъ бы необходимымъ слѣдствіемъ системы, общіе результаты которой полезны. Но въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ, я думаю, никого, кто бы отрицалъ существованіе этой неустойчивости, или не признавалъ бы ее за большое зло.

Гамильтонъ, представивши доказательства полезности такой власти, которая бы могла остановить или, по крайней мѣрѣ, временно задержать обнародованіе вредныхъ законовъ, добавляетъ: „мнѣ можетъ-быть возразятъ, что власть удерживать отъ худыхъ законовъ обусловливаетъ и существованіе власти, удерживающей отъ хорошихъ. Но это возраженіе не способно удовлетворить тѣхъ, кто имѣлъ возможность наблюдать все зло, происходящее для насъ отъ непостоянства и измѣнчивости закона. Законодательная неустойчивость есть величайшій недостатокъ, на который можно указать въ нашихъ учрежденіяхъ. *Form the greatest blesmih in the character and genius of our government (Federalist n. 73).*

Легкость, съ которою мы можемъ измѣнять законы, говоритъ Мадиссонъ, и возможное злоупотребленіе законодательною властью кажутся мнѣ

самыми опасными болѣзнями, которымъ подвергается наше правительство *(Federalist n. 62)*.

Даже самъ Джефферсонъ, величайшій изъ демократовъ, выходившихъ до сихъ поръ изъ среды американской демократіи, указывалъ на тѣ же опасности.

„Неустойчивость нашихъ законовъ,—говоритъ онъ,—есть въ самомъ дѣлѣ очень серьезное неудобство. Я думаю, что мы могли бы ему помочь, рѣшивши, что между внесеніемъ какого-нибудь закона и окончательнымъ его принятіемъ или отверженіемъ долженъ быть всегда годичный промежутокъ. Затѣмъ законъ долженъ быть обсужденъ и вотированъ не измѣняя въ немъ ни одного слова, а еслибъ обстоятельства требовали, повидимому, болѣе скораго рѣшенія, то предложеніе должно бы приниматься не простымъ большинствомъ, а большинствомъ двухъ третей той и другой палаты“ [1]).

Общественныя должностныя лица подъ управленіемъ американской демократіи.

Простота американскихъ чиновниковъ.—Отсутствіе особой одежды.—Всѣ чиновники получаютъ жалованье.—Политическія послѣдствія этого факта.—Въ Америкѣ нѣтъ общественной карьеры.—Что изъ этого происходитъ?

Общественные чиновники въ Соединенныхъ Штатахъ остаются смѣшанными съ толпой остальныхъ гражданъ; у нихъ нѣтъ ни дворцовъ, ни охраны, ни парадныхъ костюмовъ. Эта простота управителей обусловлена не только особымъ складомъ американскаго ума, но и основными принципами общества.

Въ глазахъ демократіи правительство не есть благо, а неизбѣжное зло. Должностнымъ лицамъ нужно дать нѣкоторую власть, потому что безъ этой власти къ чему бы они могли служить? Но внѣшнія формы власти вовсе не необходимы для хода общественныхъ дѣлъ; притомъ онѣ непріятно поражали бы взоры публики.

Сами сановники совершенно сознаютъ, что если они получили право быть выше другихъ по своей власти, то лишь подъ условіемъ быть наравнѣ со всѣми по своему обращенію.

Я не могу себѣ представить никого болѣе ровнаго въ своемъ образѣ дѣйствія, болѣе доступнаго для всѣхъ, болѣе внимательнаго къ вопросамъ и болѣе вѣжливаго въ своихъ отвѣтахъ, чѣмъ человѣкъ, занимающій общественную должность въ Соединенныхъ Штатахъ.

Мнѣ нравятся эти естественныя манеры въ демократіи. Въ этой внутренней силѣ, связанной больше съ самымъ дѣломъ, чѣмъ съ исполняющимъ его сановникомъ, и больше съ человѣкомъ, чѣмъ со внѣшними знаками его власти, я усматриваю нѣчто мужественное и удивляюсь ему.

Что касается до вліянія, которое могутъ имѣть костюмы, то я думаю, что значеніе ихъ въ такомъ вѣкѣ, какъ нынѣшній, слишкомъ преувеличивается. Я не замѣчалъ, чтобы въ Америкѣ чиновникъ при исполненіи своихъ обязанностей встрѣчалъ менѣе внимательное и почтительное отношеніе къ себѣ въ силу того, что онъ остается лишь при одномъ своемъ достоинствѣ.

Съ другой стороны, я очень сомнѣваюсь, чтобы особая одежда заставляла должностныхъ лицъ уважать себя, если они къ этому не расположены

---

[1]) Письмо къ Мадиссону отъ 20 декабря 1787 г.

естественно, потому что я не могу думать, чтобъ они съ большимъ почтеніемъ относились къ своему платью, чѣмъ къ самимъ себѣ.

Когда я вижу между нами, какъ нѣкоторые судьи говорятъ сторонамъ грубости, или обращаются къ нимъ съ остротами, пожимаютъ плечами при доказательствахъ защиты и благосклонно улыбаются при перечисленіи уликъ, я бы желалъ, чтобы съ нихъ попробовали снять мундиръ, чтобы посмотрѣть, когда они будутъ одѣты какъ обыкновенные граждане, не возвратитъ ли ихъ это къ общечеловѣческому естественному достоинству.

Никто изъ состоящихъ на общественной службѣ въ Соединенныхъ Штатахъ не имѣетъ мундира, но всѣ получаютъ жалованье.

Это обстоятельство еще болѣе, чѣмъ предыдущее, естественно вытекаетъ изъ демократическихъ принциповъ. Демократія можетъ окружить пышностью своихъ сановниковъ и одѣть ихъ въ шелкъ и въ золото, не нарушая прямо принциповъ своего существованія. Такія привилегіи преходящи и связаны съ мѣстомъ, а не съ лицемъ. Но учредить должности безъ жалованья—значитъ создать классъ богатыхъ и независимыхъ должностныхъ лицъ, т.-е. образовать ядро аристократіи. Если народъ и сохранитъ еще право выбора, то пользованіе этимъ правомъ будетъ по необходимости ограничено.

Когда мы видимъ, что демократическая республика замѣняетъ оплачиваемыя должности безвозмездными, то, я думаю, мы изъ этого можемъ заключить, что она идетъ по направленію къ монархіи. А если въ монархіи начинаютъ оплачиваться должности, бывшія безвозмездными, то это вѣрный признакъ приближенія или къ деспотическому правленію, или къ республикѣ.

Поэтому мнѣ кажется, что уже одна замѣна платными должностями даровыхъ сама по себѣ составляетъ настоящую революцію.

Я считаю однимъ изъ самыхъ явныхъ признаковъ неограниченнаго господства демократіи въ Америкѣ полное отсутствіе безвозмездныхъ должностей. Каковы бы ни были услуги, оказываемыя публикѣ, онѣ оплачиваются; поэтому всякій имѣетъ не только право, но и возможность ихъ оказывать.

Въ демократическихъ государствахъ всѣ граждане могутъ получить должности, но не всѣ пытаются ихъ искать. Не условія кандидатуры ограничиваютъ тамъ часто избирателей, а число и способности кандидатовъ.

У тѣхъ народовъ, у которыхъ выборное начало распространяется на все, не существуетъ, собственно говоря, общественной карьеры. Люди попадаютъ на должности, такъ сказать, случайно и не имѣютъ никакой увѣренности въ томъ, что они на ней останутся. Это особенно вѣрно въ томъ случаѣ, когда выборы бываютъ ежегодно. Изъ этого слѣдуетъ, что въ спокойное время общественныя должности представляютъ мало привлекательнаго для честолюбія. Въ Соединенныхъ Штатахъ по изгибамъ политики движутся люди, умѣренные въ своихъ желаніяхъ. Великіе таланты и великія страсти обыкновенно устраняются отъ власти, чтобы стремиться къ богатству; и часто случается, что человѣкъ берется управлять дѣлами государства только тогда, когда онъ сознаетъ себя мало способнымъ руководить своими собственными дѣлами.

Этимъ причинамъ столько же, какъ и дурному выбору демократіи, слѣдуетъ приписать значительное число заурядныхъ людей, занимающихъ общественныя должности. Не знаю, сталъ ли бы народъ въ Соединенныхъ Штатахъ выбирать выдающихся людей, которые бы искали его избранія, но несомнѣнно, что такіе люди его не ищутъ.

О произволѣ магистратуры [1]) при господствѣ американской демократіи.

Почему произволъ магистратуры бываетъ больше въ неограниченныхъ монархіяхъ и въ демократическихъ республикахъ, чѣмъ въ ограниченныхъ монархіяхъ.—Произволъ должностныхъ лицъ въ Новой Англіи.

Существуетъ два вида правленія, при которыхъ къ дѣятельности магистратуры примѣшивается много произвола. Это бываетъ при неограниченномъ правленіи одного лица и при управленіи демократіи.

Эта одинаковость результатовъ зависитъ отъ почти одинакихъ причинъ.

Въ деспотическихъ государствахъ ничье положеніе не прочно, въ томъ числѣ и положеніе лицъ, занимающихъ общественныя должности, столь же невѣрно какъ и положеніе частныхъ лицъ. Государь, въ рукахъ котораго всегда находятся жизнь, имущество, а иногда и честь служащихъ ему людей, считаетъ, что ему нечего ихъ бояться, и предоставляетъ имъ большую свободу дѣйствія, будучи увѣренъ, что они никогда не воспользуются ею противъ него.

Въ деспотическихъ государствахъ правитель такъ ревниво относится къ своей власти, что боится даже стѣсненія, происходящаго отъ его же собственныхъ правилъ. Ему нравится, когда его агенты дѣйствуютъ почти на-угадъ, потому что тогда онъ увѣренъ, что у нихъ никогда не проявится направленія несогласнаго съ его желаніями.

Въ демократіяхъ большинство, имѣя возможность ежегодно отнимать власть у тѣхъ, кому оно ее поручило, точно также не опасается, чтобы власть эта была употреблена во зло противъ него. Будучи вольно каждую минуту сообщить свою волю правящимъ лицамъ, оно предпочитаетъ лучше предоставить ихъ собственнымъ силамъ, чѣмъ связывать ихъ неизмѣнными правилами, которыя, ограничивая ихъ, ограничивали бы нѣкоторымъ образомъ и самое большинство.

Вглядѣвшись ближе, можно даже усмотрѣть, что, при господствѣ демократіи, произволъ чиновниковъ долженъ быть еще больше, чѣмъ въ деспотическихъ государствахъ.

Въ послѣднихъ государь можетъ тотчасъ наказать всякій замѣченный имъ проступокъ; но онъ не можетъ предполагать, что всѣ проступки, подлежащіе наказанію, будутъ имъ замѣчены. Напротивъ, въ демократіяхъ верховная власть и всемогуща, и находится одновременно всюду. Поэтому мы и видимъ, что американскія должностныя лица гораздо свободнѣе всякаго европейскаго чиновника въ томъ кругу дѣйствія, который начертанъ для нихъ закономъ. Часто имъ только указывается цѣль, къ которой они должны стремиться, а выборъ средствъ предоставляется ихъ усмотрѣнію.

Такъ, наприм., въ Новой Англіи составленіе списка присяжныхъ вполнѣ довѣряется *Select-men*'амъ каждой общины; единственное правило, которое имъ дается, состоитъ въ томъ, что они должны выбирать присяжныхъ изъ гражданъ, обладающихъ избирательными правами и пользующихся хорошею репутаціей [2]).

Во Франціи мы сочли бы, что человѣческая жизнь и свобода находятся въ опасности, еслибъ мы довѣрили какому бы то ни было чиновнику пользованіе такимъ страшнымъ правомъ.

---

[1]) Я понимаю здѣсь слово *магистратура* въ самомъ широкомъ его смыслѣ, примѣняя его ко всѣмъ лицамъ, на обязанности которыхъ возложено приведеніе въ исполненіе законовъ.

[2]) См. законъ 27 февраля 1813 г. Общее собраніе законовъ Массачузетса, т. II. стр. 331. Нужно сказать, что потомъ присяжные избираются по жребію изъ списковъ.

Въ Новой Англіи эти же самыя должностныя лица могутъ вывѣшивать въ питейныхъ домахъ имена пьяницъ и запрещать жителямъ подъ страхомъ штрафа продавать имъ вино [1]).

Подобная цензорская власть возмутила бы народъ въ самой абсолютной монархіи, однако же здѣсь ей подчиняются безъ труда.

Нигдѣ закономъ не оставлено больше мѣста произволу, какъ въ демократическихъ республикахъ, потому что въ нихъ произволъ не кажется опаснымъ. Можно даже сказать, что въ нихъ должностныя лица становятся тѣмъ свободнѣе, чѣмъ ниже спускается избирательное право и чѣмъ ограниченнѣе время пребыванія ихъ на должности.

Отъ этого такъ трудно бываетъ перейти отъ демократической республики къ монархическому образу правленія. Переставая быть избираемымъ, чиновникъ сохраняетъ обыкновенно права и обычаи избраннаго должностного лица. Въ такомъ случаѣ приходятъ къ деспотизму.

Только въ ограниченныхъ монархіяхъ законъ, очерчивая кругъ дѣятельности общественныхъ должностныхъ лицъ, въ то же время заботится и о томъ, чтобы направлять каждый ихъ шагъ. Легко указать причину этого факта.

Въ ограниченныхъ монархіяхъ власть раздѣлена между народомъ и государемъ. Въ интересахъ того и другого, чтобы положеніе должностныхъ лицъ было устойчиво.

Правитель не желаетъ передавать судьбу чиновниковъ въ руки народа, изъ опасенія, чтобъ они не уклонились отъ его власти; съ другой стороны, народъ боится, чтобъ должностныя лица, находящіяся въ полной зависимости отъ монарха, не стали орудіями притѣсненія свободы; такимъ образомъ они оказываются какъ бы ни отъ кого независящими.

Та же причина, которая заставляетъ монарха и народъ давать чиновнику независимое положеніе, въ то же время заставляетъ ихъ искать гарантій противъ злоупотребленія этою независимостью, такъ, чтобъ она не была обращена противъ власти одного и свободы другого. Оба, слѣдовательно, сходятся во взглядѣ относительно необходимости заранѣе опредѣлить направленіе дѣятельности общественнаго чиновника и видятъ свой интересъ въ томъ, чтобъ установить обязательныя для него правила, отъ которыхъ онъ не могъ бы уклониться.

Административная неустойчивость въ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ Америкѣ дѣйствія общества часто оставляютъ меньше слѣдовъ, чѣмъ дѣйствія одной семьи.—Единственные историческіе памятники суть періодическія изданія. — Какимъ образомъ чрезвычайная административная неустойчивость вредитъ искусству управленія?

Такъ какъ люди только на мгновеніе появляются у власти, а затѣмъ теряются въ толпѣ, которая сама ежедневно мѣняетъ свой видъ, то изъ

---

[1]) Законъ 28 февраля 1787 г. См. Общее собраніе законовъ Массачузетса, т. I, стр. 302. Вотъ текстъ закона:

„*Select-men*'ы каждой общины должны вывѣсить въ лавкахъ кабатчиковъ, трактирщиковъ и мелочныхъ торговцевъ списокъ лицъ, извѣстныхъ за пьяницъ, игроковъ и такихъ людей, которые имѣютъ привычку растрачивать въ этихъ домахъ свое время и состояніе, и хозяева сказанныхъ домовъ, которые послѣ такого предупрежденія допустятъ, чтобы сказанныя лица пили и играли въ ихъ помѣщеніи, или будутъ имъ продавать спиртные напитки, подвергаются штрафу".

этого слѣдуетъ, что въ Америкѣ дѣйствія общества часто оставляютъ послѣ себя меньше слѣдовъ, чѣмъ дѣйствія одной семьи. Общественная администрація тамъ функціонируетъ какъ бы словесно и по традиціи. Тамъ ничего не пишутъ, а если что и будетъ написано, то улетаетъ при малѣйшемъ вѣткѣ, какъ Сивиллины листки, и изчезаетъ безвозвратно.

Единственные историческіе памятники въ Соединенныхъ Штатахъ суть газеты. Если пропадетъ одинъ нумеръ, то цѣпь временъ будетъ разъединена и настоящее не сойдется съ прошедшимъ. Я не сомнѣваюсь, что черезъ пятьдесятъ лѣтъ будетъ труднѣе собрать подлинные документы, касающіеся общественной жизни американцевъ нашего времени, чѣмъ касающіеся средне-вѣковой администраціи во Франціи; и если бы произошло нашествіе варваровъ на Соединенные Штаты, то, чтобъ узнать что-нибудь о населяющемъ ихъ народѣ, пришлось бы обращаться къ исторіи другихъ народовъ.

Административная неустойчивость начала проникать и въ обычаи; я могъ бы сказать, что въ настоящее время каждый человѣкъ получилъ наконецъ къ ней склонность. Никто не заботится о томъ, что дѣлалось раньше его. Ничто не дѣлается методически; не составляется коллекцій, не собирается документовъ, даже когда это легко было бы сдѣлать; а когда случайно кто-нибудь ими владѣетъ, то вовсе не дорожатъ ими: у меня въ бумагахъ есть оригинальные документы, которые мнѣ были даны изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ въ отвѣтъ на нѣкоторые мои вопросы. Общество въ Америкѣ живетъ, повидимому, со дня на день, какъ армія въ походѣ. Однако несомнѣнно, что искусство управленія есть знаніе и что всѣ знанія, для того чтобъ итти впередъ, нуждаются въ установленіи связи между открытіями различныхъ поколѣній, по мѣрѣ того какъ они слѣдуютъ одни за другими. Въ теченіе короткаго періода своей жизни одинъ человѣкъ наблюдаетъ фактъ, другой создаетъ идею, третій изобрѣтаетъ средство, четвертый находитъ формулу; человѣчество мимоходомъ собираетъ эти различные плоды индивидуальнаго опыта и образуетъ изъ нихъ науки. Но для американскихъ администраторовъ очень трудно чему-нибудь научиться другъ отъ друга. Такимъ образомъ они вносятъ въ веденіе общественныхъ дѣлъ знанія распространенныя въ самомъ обществѣ, а не лично имъ принадлежащія. Оказывается, что демократія, доведенная до крайнихъ своихъ предѣловъ, мѣшаетъ совершенствованію искусства управленія. Въ этомъ отношеніи она болѣе пригодна для такого народа, административное воспитаніе котораго уже закончено, чѣмъ для народа еще неопытнаго въ веденіи общественныхъ дѣлъ.

Это впрочемъ касается не одной только административной науки. Демократическое правленіе, основанное на такой простой и естественной идеѣ, предполагаетъ однако всегда существованіе общества очень цивилизованнаго и очень много знающаго [1]). Съ перваго раза можно подумать, что оно современно первымъ вѣкамъ міра, но, ближе вглядываясь, легко догадаться, что оно должно было появиться послѣднимъ.

---

[1]) Излишне объяснять, что я говорю здѣсь о демократическомъ правленіи, примѣненномъ къ большому народу, а не къ маленькому племени.

Общественныя повинности подъ управленіемъ американской демократіи.

Во всякомъ обществѣ граждане раздѣляются на извѣстное число классовъ. — Стремленія, вносимыя каждымъ изъ этихъ классовъ въ управленіе государственными финансами.—Почему общественные расходы должны стремиться къ возрастанію, когда управляетъ народъ.—Что дѣлаетъ расточительность демократіи менѣе опасною въ Америкѣ.—Употребленіе общественныхъ суммъ при демократическомъ правленіи.

Экономно ли демократическое управленіе? Чтобы отвѣтить, нужно сначала знать, съ чѣмъ мы его хотимъ сравнивать.

Вопросъ этотъ разрѣшался бы легко, если бы мы желали провести параллель между демократическою республикой и абсолютною монархіей. Тогда мы нашли бы, что въ первой общественные расходы значительнѣе, чѣмъ во второй. Но это оказывается всегда при сравненіи свободныхъ государствъ съ несвободными. Несомнѣнно, что деспотизмъ разоряетъ людей, скорѣе препятствуя ихъ производству, чѣмъ отнимая у нихъ плоды этого производства. Онъ изсушаетъ источники богатства и щадитъ часто богатство уже пріобрѣтенное. Свобода, напротивъ, производитъ въ тысячу разъ больше добра, чѣмъ уничтожаетъ, и въ тѣхъ націяхъ, которымъ она извѣстна, средства народа возрастаютъ всегда скорѣе налоговъ.

Въ настоящую минуту для меня важно сравнить между собою свободные народы и по нимъ опредѣлить, какое вліяніе имѣетъ демократія на государственные финансы.

Общества, подобно организованнымъ тѣламъ, слѣдуютъ въ своемъ образованіи извѣстнымъ опредѣленнымъ законамъ, отъ которыхъ они не могутъ уклониться. Они состоятъ изъ извѣстныхъ элементовъ, которые встрѣчаются вездѣ и во всѣ времена.

Въ идеѣ всегда легко раздѣлить всякій народъ на три класса.

Первый классъ будетъ составленъ изъ богатыхъ людей. Второй будетъ заключать всѣхъ тѣхъ, кто, не будучи богатымъ, живетъ въ довольствѣ относительно всякихъ потребностей. Въ третій, наконецъ, войдутъ всѣ тѣ, кто почти или вовсе не имѣетъ собственности и кто въ особенности живетъ работой, доставляемой ему двумя первыми классами.

Отдѣльныя личности, входящія въ составъ этихъ различныхъ категорій, могутъ быть болѣе или менѣе многочисленны, смотря по тому или иному строю общества, но невозможно сдѣлать, чтобъ эти категоріи не существовали.

Очевидно, что каждый изъ этихъ классовъ внесетъ въ завѣдываніе государственными финансами извѣстныя, свойственныя ему стремленія.

Представимъ себѣ, что только одинъ первый классъ будетъ участвовать въ составленіи законовъ. Есть вѣроятность, что онъ довольно мало будетъ заботиться о сбереженіи общественныхъ денегъ, потому что налогъ, падающій на значительное состояніе, отнимаетъ отъ него только излишекъ и потому дѣйствіе его слабо чувствуется.

Предположимъ, напротивъ, что только одни средніе классы будутъ издавать законы. Можно разсчитывать, что они не слишкомъ увеличатъ налоги, потому что нѣтъ ничего бѣдственнѣе тяжелаго налога, падающаго на маленькое состояніе.

Мнѣ кажется поэтому, что изъ всѣхъ видовъ свободнаго правленія, правленіе среднихъ классовъ должно быть—не скажу болѣе просвѣщеннымъ, ни въ особенности болѣе великодушнымъ, но болѣе экономнымъ.

Теперь я представляю себѣ, что изданіе законовъ будетъ возложено исключительно на послѣдній, бѣднѣйшій классъ, и думаю, что будетъ много шансовъ для того, чтобы повинности вмѣсто уменьшенія увеличились бы; на это есть двѣ причины:

Такъ какъ большая часть людей, вотирующихъ въ этомъ случаѣ законы, не имѣетъ никакой собственности, которая могла бы быть обложена, то всякій расходъ денегъ, дѣлаемый для общества, можетъ повидимому, быть для нихъ только полезенъ и никогда не вреденъ; а тѣ, кто имѣетъ какую-нибудь маленькую собственность, легко находятъ средство установить налогъ такимъ образомъ, чтобъ онъ падалъ только на богатыхъ, а шелъ бы на пользу только бѣднымъ, чего богатые со своей стороны не могли бы сдѣлать, если бы правленіе было въ ихъ рукахъ.

Поэтому страна, въ которой изданіе законовъ было бы предоставлено исключительно бѣднымъ[1]), не могла бы разсчитывать на большую экономію въ общественныхъ расходахъ: эти расходы будутъ всегда значительны, отчасти потому, что налоги не могутъ падать на тѣхъ, кто ихъ вотируетъ, отчасти потому, что они такъ и установлены, чтобы не достигать до нихъ. Другими словами, демократическое правленіе есть единственное, при которомъ тотъ, кто вотируетъ налогъ, можетъ уйти отъ обязанности его платить.

Напрасно было бы возражать мнѣ, что правильно понимаемые интересы народа заставляютъ его беречь состояніе богатыхъ людей, потому что онъ скоро почувствовалъ бы на самомъ себѣ отраженіе созданнаго имъ безденежья. Вѣдь и интересъ королей состоитъ въ устройствѣ счастія своихъ подданныхъ, и интересъ дворянства заставляетъ его во-время соглашаться на допущеніе въ свою среду новыхъ лицъ. Если бъ отдаленная польза могла перевѣшивать страсти и потребности данной минуты, то не было бы никогда ни правителей—тирановъ, ни замкнутой аристократіи.

Но меня останавливаютъ еще словами: Кто же когда-нибудь выдумывалъ поручать законодательство однимъ бѣднымъ? Кто? Тѣ,—кто установилъ всеобщее голосованіе. Кто дѣлаетъ законы: большинство или меньшинство?—Конечно, большинство. Слѣдовательно, если я докажу, что бѣдные всегда составляютъ большинство, то я буду имѣть право сказать, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ они призваны къ подачѣ голосовъ, они одни и создаютъ законы.

Но несомнѣнно, что до сихъ поръ у всѣхъ народовъ на свѣтѣ большинство состояло всегда изъ людей или вовсе не имѣющихъ собственности, или имѣющихъ ее въ столь ограниченномъ размѣрѣ, что они не могутъ жить въ довольствѣ, не работая. Значитъ всеобщее голосованіе дѣйствительно передаетъ управленіе обществомъ въ руки бѣдныхъ.

Вредное вліяніе, которое власть народа можетъ иногда имѣть на государственные финансы, ясно выказалось въ нѣкоторыхъ демократическихъ республикахъ древности, въ которыхъ государственная казна истощалась на пособія недостаточнымъ гражданамъ, или на устройство игръ и зрѣлищъ для народа.

Правда, что представительная система была почти совершенно неиз-

---

[1]) Понятно, что слово *бѣдный* здѣсь, какъ и во всей этой главѣ, имѣетъ не абсолютное, а относительное значеніе. Американскіе бѣдные, при сравненіи ихъ съ европейскими, могутъ часто показаться богатыми; однако справедливо будетъ называть ихъ бѣдными, противопоставляя ихъ тѣмъ изъ ихъ согражданъ, которые богаче ихъ.

вѣстна въ древности. Въ наше время народныя страсти труднѣе проявляются въ общественныхъ дѣлахъ; можно однако думать, что въ концѣ концовъ довѣренный всегда придетъ къ тому, что будетъ соображаться съ духомъ своихъ довѣрителей и проводить ихъ случайныя желанія, точно также какъ и ихъ дѣйствительные интересы

Расточительность демократіи становится, впрочемъ, менѣе опасною, по мѣрѣ того какъ народъ пріобрѣтаетъ собственность, потому что тогда онъ, съ одной стороны, менѣе нуждается въ деньгахъ богатыхъ людей, а съ другой—онъ встрѣчаетъ больше затрудненій къ тому, чтобы при установленіи налога избѣгать его самому. Въ этомъ отношеніи всеобщее право голосованія было бы меньше опасно во Франціи, чѣмъ въ Англіи, гдѣ почти вся собственность, подлежащая обложенію, соединена въ немногихъ рукахъ. Америка, въ которой значительное большинство гражданъ—собственники, находится въ еще болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ Франція.

Существуютъ и другія причины, увеличивающія общественные расходы въ демократическихъ республикахъ.

Когда управляетъ аристократія, то люди, завѣдующіе дѣлами государства, по самому положенію своему ни въ чемъ не нуждаются; будучи довольны своей участью, они требуютъ себѣ отъ общества преимущественно могущества и славы, и, стоя высоко надъ темною толпой гражданъ, они не всегда ясно видятъ, какимъ образомъ общее благосостояніе должно способствовать ихъ собственному величію. Это не значитъ, чтобъ они безъ жалости смотрѣли на страданія бѣдняка, но они не могутъ такъ сочувствовать его нищетѣ, какъ если бъ они раздѣляли ее сами; поэтому, если народъ повидимому мирится со своимъ положеніемъ, то и они бываютъ довольны и ничего больше не ждутъ отъ правительства. Аристократія заботится больше о поддержаніи существующаго, чѣмъ о его усовершенствованіи.

Напротивъ, когда общественная власть находится въ рукахъ народа, то верховная власть всюду ищетъ лучшаго, потому что она сознаетъ, что ей худо.

Духъ улучшенія распространяется тогда на тысячу разныхъ вещей; онъ нисходитъ до безконечныхъ подробностей и прилагается въ особенности къ такого рода усовершенствованіямъ, которыхъ нельзя получить не заплативши за нихъ, потому что дѣло идетъ объ улучшеніи условій жизни бѣдняка, который не можетъ самъ себѣ помочь.

Сверхъ того, въ демократическихъ обществахъ существуетъ постоянное движеніе, не имѣющее опредѣленной цѣли; въ нихъ царствуетъ какъ бы постоянное лихорадочное настроеніе выражающееся во всякаго рода нововведеніяхъ, а нововведенія почти всегда бываютъ дороги.

Въ монархіяхъ и въ аристократіяхъ честолюбцы льстятъ естественной склонности верховной власти къ могуществу и славѣ, и тѣмъ часто вводятъ ее въ большіе расходы.

Въ демократіяхъ, гдѣ верховная власть находится въ нуждѣ, невозможно пріобрѣсти ея благосклонность ничѣмъ инымъ, какъ увеличивъ ея благосостояніе, чего почти никогда нельзя сдѣлать безъ денегъ.

Сверхъ того, когда народъ начинаетъ самъ разсуждать о своемъ положеніи, то у него является множество потребностей, которыя раньше имъ не сознавались и которыя не могутъ быть удовлетворены иначе, какъ прибѣгнувъ къ средствамъ государства. Отъ этого и происходитъ, что повидимому общественныя повинности вообще возрастаютъ вмѣстѣ съ цивили-

зацiей и что налоги увеличиваются вмѣстѣ съ распространеніемъ просвѣщенія.

Наконецъ есть еще одна причина, которая часто дѣлаетъ демократическое правленіе дороже прочихъ. Иногда демократія и желаетъ ввести экономію въ свои расходы, но она не можетъ этого достичь, потому что ей не знакомо искусство быть экономной.

Такъ какъ она часто мѣняетъ намѣренія и еще чаще мѣняетъ своихъ агентовъ, то случается, что предпріятія ея ведутся дурно, или остаются не оконченными. Въ первомъ случаѣ государство дѣлаетъ расходы, несоразмѣрные съ величиною цѣли, которой оно желаетъ достигнуть; во второмъ случаѣ оно дѣлаетъ расходы непроизводительные.

О направленіи американской демократіи въ дѣлѣ опредѣленія жалованья служащихъ лицъ.

Въ демократіяхъ люди, установляющіе большія жалованья, не имѣютъ шансовъ ими воспользоваться.—Тенденція американской демократіи къ увеличенію содержанія второстепенныхъ служащихъ и къ пониженію содержанія главныхъ должностныхъ лицъ.—Почему это такъ?—Сравнительная таблица содержанія служащихъ въ Соединенныхъ Штатахъ и во Франціи.

Существуетъ важное основаніе, заставляющее демократическія правительства быть экономными въ назначеніи содержанія лицамъ, состоящимъ на общественной службѣ.

Такъ какъ въ демократіяхъ лицъ, установляющихъ нормы жалованья, чрезвычайно много, то каждое изъ нихъ имѣетъ очень мало вѣроятности когда-нибудь само его получить.

Въ аристократіяхъ, напротивъ, люди, установляющіе большія жалованья, почти всегда имѣютъ нѣкоторую надежду сами его получить. Это суть капиталы, создаваемые ими для самихъ себя, или по крайней мѣрѣ средства, приготовляемыя ими для своихъ дѣтей.

Надо впрочемъ признать, что демократія оказывается слишкомъ бережливой только по отношенію къ главнѣйшимъ своимъ агентамъ.

Въ Америкѣ второстепенныя должности оплачиваются лучше, чѣмъ гдѣнибудь, но высшія оплачиваются гораздо дешевле.

Эти противоположные результаты производятся одной и тою же причиной: въ обоихъ случаяхъ жалованье общественныхъ служащихъ устанавливается народомъ, который при этомъ думаетъ о своихъ собственныхъ нуждахъ, и это сравненіе уясняетъ ему вопросъ. Такъ какъ самъ онъ живетъ въ довольствѣ, то ему кажется естественнымъ чтобъ и тѣ, кто ему служитъ, раздѣляли съ нимъ это довольство [1]). Но, когда онъ доходитъ до опредѣленія положенія высшихъ должностныхъ лицъ въ государствѣ, то это мѣрило ускользаетъ отъ него и онъ уже дѣйствуетъ наугадъ.

Бѣдный человѣкъ не имѣетъ яснаго представленія о потребностяхъ, ко-

---

[1]) Довольство, въ которомъ живутъ въ Соединенныхъ Штатахъ второстепенные чиновники, зависитъ еще отъ другой причины, не находящейся въ связи съ общимъ направленіемъ демократіи: она состоитъ въ томъ, что всякаго рода частная дѣятельность тамъ очень продуктивна; государство не нашло бы второстепенныхъ чиновниковъ, если бы оно не согласилось имъ хорошо платить. Такимъ образомъ оно находится въ положеніи коммерческаго предпріятія, которое принуждено выдерживать тяжелую конкурренцію, каковы бы ни были его стремленія къ экономіи.

торыя могутъ испытывать высшіе классы общества. То, что богачу кажется небольшой суммой, то ему представляется громадными деньгами, такъ какъ онъ довольствуется необходимыимъ; и онъ полагаетъ, что губернаторъ штата, получающій свои тысячу двѣсти долларовъ, долженъ чувствать себя счастливымъ и возбуждать зависть [1]).

Если вы вздумаете ему объяснять, что представитель великой націи долженъ являться съ нѣкоторымъ блескомъ въ глазахъ иностранцевъ, то онъ сначала сразу пойметь васъ; но когда, обращаясь къ своему простому жилищу и къ скромнымъ плодамъ своего тяжелаго труда, онъ подумаетъ обо всемъ, что онъ самъ могъ бы сдѣлать на это жалованье, которое кажется вамъ недостаточнымъ, то онъ удивляется и какъ бы пугается при видѣ столькихъ богатствъ.

Къ этому надо прибавить, что второстепенный чиновникъ находится почти на уровнѣ народа, тогда какъ высшій господствуетъ надъ нимъ. Поэтому первый еще можетъ возбуждать его интересъ, тогда какъ второй начинаетъ возбуждать его зависть.

Это ясно замѣтно въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ жалованье повидимому какъ бы уменьшается по мѣрѣ того, какъ власть должностныхъ лицъ увеличивается [2]).

При господствѣ аристократіи происходитъ напротивъ то, что высшіе сановники получаютъ очень большіе оклады, тогда какъ мелкіе чиновники едва имѣютъ чѣмъ жить. Легко видѣть причину этого факта въ обстоятельствахъ сходныхъ съ тѣми, которыя были нами указаны выше.

Если демократія не понимаетъ удовольствій богатыхъ людей, или завидуетъ имъ, то аристократія со своей стороны не понимаетъ страданій

---

[1]) Штатъ Огайо, въ которомъ считается милліонъ жителей, платитъ губернатору только 1.200 долларовъ или 6.504 франка жалованья.

[2]) Чтобы сдѣлать это положеніе нагляднымъ, достаточно узнать жалованье, получаемое нѣкоторыми изъ агентовъ союзнаго правительства. Я счелъ нужнымъ сопоставить съ нимъ оклады французскихъ чиновниковъ, занимающихъ соотвѣтствующія должности, чтобы сравненіе ихъ вполнѣ уяснило читателю положеніе дѣла.

Соединенные Штаты.

Министерство финансовъ (treasury department).

Приставъ (messager)	3.734 фр.
Канцелярскій чиновникъ съ наименьшимъ жалованьемъ	5.420 „
Канцелярскій чиновникъ съ наибольшимъ жалованьемъ	8.672 „
Правитель канцеляріи (chief clerk)	10.840 „
Министръ (secretary of state)	32.520 „
Глава правительства (президентъ)	135.000 „

Франція.

Министерство финансовъ.

Приставъ (huissier) при министрѣ	1.500 фр.
Канцелярскій чиновникъ съ наименьшимъ жалованьемъ	1.000 – 1.800 „
Канцелярскій чиновникъ съ наибольшимъ жалованьемъ	3.200 - 3.600 „
Правитель канцеляріи (secrétaire général)	20.000 „
Министръ	80.000 „
Глава правительства, король	12.000.000 „

Я можетъ быть напрасно взялъ для сравненія Францію. Во Франціи, гдѣ демократическіе инстинкты ежедневно все глубже проникаютъ въ управленіе, замѣчается уже сильное стремленіе, направляющее палаты къ возвышенію мелкихъ окладовъ, и въ особенности къ пониженію высшихъ. Такъ, министръ финансовъ, получавшій въ 1834 году 80.000 франковъ, получалъ при Имперіи 160.000 фр. Главные управляющіе (directeurs généraux), получающіе теперь по 20.000, получали тогда по 50.000 фр.

бѣдности, или скорѣе не знаетъ о нихъ. Бѣдный не есть, собственно говоря, человѣкъ подобный богатому. Это существо другого рода. Поэтому аристократія мало заботится объ участи своихъ низшихъ агентовъ. Она увеличиваетъ ихъ жалованье только тогда, когда они отказываются служить за слишкомъ низкую плату.

Стремленіе демократіи къ чрезвычайной бережливости по отношенію къ жалованью высшихъ чиновниковъ и заставило приписать ей большую склонность къ экономіи, которой у нея въ дѣйствительности нѣтъ.

Правда, что демократія даетъ своимъ правящимъ лицамъ едва достаточно для того, чтобъ они могли жить прилично, но за то она расходуетъ огромныя суммы на вспомоществованіе потребностямъ народа или облегченіе ему жизненныхъ удобствъ [1]). Но это есть лучшее употребленіе доходовъ, поступающихъ отъ налоговъ, а не экономія.

Вообще демократія даетъ мало управляющимъ и много управляемымъ, Обратное явленіе происходисъ въ аристократіяхъ, въ которыхъ государственныя деньги приносятъ пользу преимущественно тому классу, который управляетъ дѣлами.

Трудность разобраться въ причинахъ, обусловливающихъ стремленіе американскаго правительства къ экономіи.

Тотъ, кто ищетъ въ фактахъ выраженіе дѣйствительнаго вліянія, оказываемаго законами на судьбу человѣчества, подвергается возможности впасть въ большія ошибки, такъ какъ нѣтъ ничего труднѣе, какъ оцѣнить значеніе факта.

Одинъ народъ по природѣ своей легкомысленъ и склоненъ къ увлеченію, другой разсудителенъ и разсчетливъ. Это зависитъ отъ физическаго его склада или отъ другихъ отдаленныхъ причинъ, которыя мнѣ неизвѣстны.

Есть народы, которые любятъ представленія, шумъ, веселье и не жалѣютъ о милліонѣ, улетѣвшемъ съ дымомъ. Есть другіе, которые любятъ удовольствіе только въ одиночествѣ, и которымъ какъ будто стыдно, когда они кажутся довольными.

Въ иныхъ странахъ очень цѣнятъ красоту построекъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ не придаютъ никакой цѣны предметамъ искусства и пренебрегаютъ всѣмъ, что не приноситъ дохода. Есть наконецъ такія, гдѣ любятъ славу, и такія, гдѣ выше всего ставятъ деньги.

Независимо отъ законовъ, всѣ эти причины проявляютъ самое могущественное вліяніе на управленіе государственными финансами.

Если американцамъ никогда не приходилось издерживать народныя деньги на общественныя увеселенія, то это не потому только, что у нихъ народъ вотируетъ налоги, а потому, что ихъ народъ не любитъ увеселеній.

Если они отказываются отъ украшеній въ своей архитектурѣ и цѣ-

---

[1]) См., между прочимъ, въ американскихъ бюджетахъ, что стоитъ имъ призрѣніе неимущихъ и даровое обученіе.

Въ 1831 году въ штатѣ Нью-Йоркъ была издержана на призрѣніе неимущихъ сумма въ 1.290.000 франковъ, а сумма, предназначенная на дѣло народнаго образованія опредѣляется по меньшей мѣрѣ въ 5.420.000 франковъ (*William's New-York annual register* 1832 г., стр. 205 и 243).

Штатъ Нью-Йоркъ имѣлъ въ 1830 году только 1.900.000 жителей, что не составляетъ удвоеннаго числа жителей Сѣвернаго департамента.

нятъ лишь матеріальныя и положительныя выгоды, то не потому только, что они образуютъ демократическую націю, но и потому, что они торговый народъ.

Привычки частной жизни перешли въ общественную жизнь, такъ что надо различать у нихъ экономію, зависящую отъ учрежденій, отъ той, которая происходитъ отъ ихъ привычекъ и нравовъ.

Можно ли сравнивать государственные расходы Соединенныхъ Штатовъ съ государственными расходами Франціи.

Для того, чтобъ оцѣнить величину тяжести государственнаго бюджета, необходимо установить два пункта: размѣръ національнаго богатства и размѣръ налоговъ.—Богатство и налоги во Франціи не вполнѣ точно опредѣлены.—Почему нельзя надѣяться узнать богатство и тяжесть налога въ Американскомъ Союзѣ.—Изслѣдованіе автора о суммѣ налога въ Пенсильваніи.—Общіе признаки, по которымъ можно судить о размѣрахъ податной тяжести какого-нибудь народа. Результатъ такого изслѣдованія относительно Американскаго Союза.

Въ послѣднее время много занимались сравненіемъ общественныхъ расходовъ въ Соединенныхъ Штатахъ съ такими же расходами у насъ, во Франціи. Всѣ эти работы не дали никакихъ результатовъ и, я полагаю, достаточно будетъ немногихъ словъ, чтобы доказать, что этого и слѣдовало ожидать.

Чтобъ имѣть возможность оцѣнить размѣръ податной тяжести какого-нибудь народа, необходимо произвести двѣ операціи: прежде всего нужно узнать, какъ велико богатство этого народа, а затѣмъ опредѣлить, какую часть изъ этого богатства онъ удѣляетъ на государственные расходы. Тотъ кто изслѣдовалъ бы величину налоговъ, не указывая размѣровъ средствъ, изъ которыхъ берутся эти налоги, посвятилъ бы себя непроизводительному труду, потому что интересно знать не расходъ, а отношеніе расхода къ доходу.

Одинъ и тотъ же налогъ легко переносится богатымъ плательщикомъ и можетъ окончательно повергнуть въ нищету бѣднаго.

Богатство народовъ составляется изъ многихъ элементовъ. Недвижимыя имущества образуютъ одинъ изъ нихъ, движимыя—другой.

Трудно опредѣлить пространство обработанныхъ земель, которыми владѣетъ какая-нибудь нація, и ихъ природную или пріобрѣтенную цѣнность. Еще труднѣе сдѣлать оцѣнку всѣхъ движимыхъ имуществъ, находящихся въ распоряженіи націи. Послѣднія по своему числу и разнообразію ускользаютъ почти отъ всякой попытки анализа.

Поэтому мы видимъ, что наиболѣе рано цивилизовавшіяся націи, и даже тѣ изъ нихъ, у которыхъ администрація централизована, до сихъ поръ не опредѣлили точнымъ образомъ величину своего богатства.

Въ Америкѣ даже не задавались и мыслію о такой попыткѣ. И можно ли было надѣяться на успѣхъ такого дѣла въ новой странѣ, гдѣ общество еще не установилось окончательно и спокойно, гдѣ національное правительство не имѣетъ въ своемъ распоряженіи, какъ у насъ, множества агентовъ, которыми оно могло бы распоряжаться, давая одновременное направленіе ихъ усиліямъ; гдѣ наконецъ статистика не разрабатывается, потому что не находится никого, кто бы способенъ былъ собирать данныя, или имѣлъ бы время пересмотрѣть ихъ.

Такимъ образомъ мы не можемъ получить элементовъ, входящихъ въ

составъ нашихъ разсчетовъ. Мы не знаемъ относительной величины богатства Франціи и Американскаго Союза. Богатство одной еще не извѣстно, а для опредѣленія богатства другого не существуетъ и средствъ.

Но я соглашусь, пожалуй, на время устранить этотъ необходимый элементъ сравненія, я отказываюсь отъ опредѣленія отношенія налога къ доходу и ограничиваюсь тѣмъ, что желаю установить величину налога.

Читатель увидитъ, что, ограничивъ кругъ своихъ изслѣдованій, я не сдѣлалъ свою задачу легче.

Я не сомнѣваюсь, что французская центральная администрація, съ помощію всѣхъ чиновниковъ, которыми она располагаетъ, могла бы точно опредѣлить сумму всѣхъ налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, лежащихъ на гражданахъ. Но этотъ трудъ, не исполнимый для частнаго человѣка, не оконченъ еще и самимъ французскимъ правительствомъ, или по крайней мѣрѣ послѣднее не обнародовало его результатовъ. Мы знаемъ величину государственныхъ налоговъ, намъ извѣстны департаментскіе расходы; но мы не знаемъ, что дѣлается въ общинахъ: значитъ никто пока не можетъ сказать, до какой суммы доходятъ общественные расходы во Франціи.

Если я теперь снова обращусь къ Америкѣ, то встрѣчу трудности, которыя становятся все болѣе многочисленными и болѣе непреодолимыми. Союзъ даетъ мнѣ точныя свѣдѣнія объ общей суммѣ своихъ налоговъ; я могу достать отдѣльные бюджеты двадцати четырехъ составляющихъ его штатовъ; но кто мнѣ скажетъ, сколько издерживаютъ граждане на администрацію графства и общины [1]).

Союзная власть не простирается настолько, чтобы заставить провинціальныя правительства дать намъ свѣдѣнія по этому предмету; да еслибъ они и сами всѣ одновременно пожелали оказать намъ свое содѣйствіе, то я сомнѣваюсь, чтобъ они были въ состояніи насъ удовлетворить. Независимо отъ естественной трудности такого предпріятія, политическая организація страны тоже противодѣйствовала бы успѣху ихъ стараній. Долж-

---

[1]) Оказывается, что американцы имѣютъ четыре вида бюджета: Союзъ имѣетъ свой бюджетъ; штаты, графства и общины имѣютъ также свои бюджеты. Во время моего пребыванія въ Америкѣ я производилъ большія изысканія для того, чтобъ узнать сумму общественныхъ расходовъ въ общинахъ и графствахъ главнѣйшихъ штатовъ Союза. Я легко могъ получить бюджеты наиболѣе значительныхъ общинъ, но достать бюджеты маленькихъ общинъ оказалось для меня невозможнымъ. Такимъ образомъ я не могу себѣ составить никакого точнаго понятія объ общинныхъ расходахъ. Что касается до расходовъ графствъ, то я имѣю на этотъ счетъ нѣкоторые документы, которые, несмотря на неполноту, заслуживаютъ, можетъ быть, по своему характеру чтобы на нихъ было обращено вниманіе читателя. Любезности Т. Richard'а бывшаго мэра г. Филадельфіи я обязанъ тѣмъ, что имѣю бюджеты тринадцати графствъ штата Пенсильваніи за 1830 г.; эти графства слѣдующія: Либанонъ, Центръ, Франклинъ, Лафайетъ, Монтгоммери, Люцернъ, Дофинъ, Буттлеръ, Аллеганы, Колумбія, Нортсомберлендъ, Нортгемптонъ, Филадельфія. Въ нихъ было въ 1830 году 495.207 жителей. Если взглянуть на карту Пенсильваніи, то можно видѣть, что эти тринадцать графствъ разбросаны по всѣмъ направленіямъ и подчинены всѣмъ общимъ условіямъ, которыя могутъ вліять на положеніе страны, такъ что невозможно сказать, почему бы они не могли дать вѣрное понятіе о финансовомъ положеніи всѣхъ графствъ Пенсильваніи. Эти тринадцать графствъ издержали въ теченіе 1830 года 1.800.221 франкъ, что даетъ по 3 франка 64 сантима на каждаго жителя. Я вычислилъ, что каждый изъ этихъ жителей въ теченіе 1830 года внесъ на потребности Союза 12 фр. 70 сант., да на потребности Пенсильваніи 3 фр. 80 сант., изъ чего слѣдуетъ, что въ 1830 году эти граждане дали обществу, для удовлетворенія всѣхъ общественныхъ потребностей (не считая общинныхъ расходовъ) по 20 франковъ 14 сантимовъ. Этотъ результатъ, какъ видно, вдвойнѣ неполонъ, потому что онъ относится лишь къ одному году и заключаетъ въ себѣ только часть всѣхъ общественныхъ повинностей, но достоинство его то, что онъ вѣренъ.

ностныя лица общины и графства не назначаются административною властью штата и не зависятъ отъ нея. Позволительно думать поэтому, что, если бы штатъ пожелалъ получить необходимыя для насъ свѣдѣнія, то онъ встрѣтилъ бы большія затрудненія въ нерадѣніи низшихъ чиновниковъ, которыми онъ принужденъ былъ бы пользоваться [1]).

Безполезно, впрочемъ, разсуждать о томъ, что могли бы сдѣлать американцы въ этомъ случаѣ, такъ какъ достовѣрно, что до сихъ поръ они ничего не сдѣлали.

Такимъ образомъ въ настоящее время ни въ Америкѣ, ни въ Европѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы могъ намъ сказать, сколько платитъ ежегодно каждый гражданинъ американскаго союза, чтобъ исполнить общественныя повинности [2]).

---

[1]) Желавшіе провести параллель между расходами американцевъ и нашими, понимали ясно, что нельзя сравнивать общую сумму общественныхъ расходовъ Франціи съ соотвѣтствующей суммой для Америки; они пытались сравнить между собою отдѣльныя части этихъ расходовъ. Но легко доказать, что этотъ второй способъ непригоденъ не менѣе перваго.

Съ чѣмъ напримѣр. я буду сравнивать нашъ національный бюджетъ? Съ бюджетомъ Союза? Но Союзъ занимается гораздо меньшимъ числомъ предметовъ, чѣмъ наше центральное правительство и, разумѣется, смѣтные расходы его должны быть гораздо меньше. Сопоставлю ли я наши департаментскіе бюджеты съ бюджетами отдѣльныхъ штатовъ, составляющихъ Союзъ? Но отдѣльные штаты обыкновенно завѣдуютъ болѣе многочисленными и важными интересами, чѣмъ тѣ, которые находятся въ завѣдываніи нашей департаментской администраціи; поэтому ихъ расходы естественно должны быть болѣе значительны. Что же касается до бюджетовъ графствъ, то въ нашей финансовой системѣ нѣтъ ничего на нихъ похожаго. Включимъ ли мы показанные въ нихъ расходы въ государственный бюджетъ или въ общинный? Общинные расходы существуютъ въ обѣихъ странахъ, но они не всегда однозначущи. Въ Америкѣ община беретъ на себя многія заботы, которыя во Франціи она предоставляетъ департаменту или государству. Притомъ что слѣдуетъ разумѣть подъ общинными расходами въ Америкѣ? Организація общины въ разныхъ штатахъ различна. Что же возьмемъ мы за правило? То ли, что происходитъ въ Новой Англіи, или что дѣлается въ Георгіи, Пенсильваніи или Иллинойсѣ?

Легко замѣтить, что между нѣкоторыми бюджетами обѣихъ странъ существуетъ извѣстнаго рода аналогія; но такъ какъ составляющіе ихъ элементы всегда болѣе или менѣе отличаются другъ отъ друга, то невозможно провести между ними серьезное сравненіе.

[2]) Еслибы даже мы и достигли того, что узнали бы точную сумму, которую каждый французскій или американскій гражданинъ вноситъ въ общественную казну, то и тогда мы получили бы лишь долю истины.

Правительство требуетъ отъ плательщиковъ не только денегъ, но и личныхъ услугъ, которыя могутъ быть тоже оцѣнены на деньги. Государство набираетъ войско; при этомъ, независимо отъ содержанія войска, принимаемаго на себя всею націей, необходимо еще, чтобы каждый солдатъ отдавалъ свое время, которое имѣетъ большую или меньшую цѣну, смотря по употребленію, которое онъ могъ бы изъ него сдѣлать, если бы онъ былъ свободенъ. То же слѣдуетъ сказать о службѣ въ ополченіи. Человѣкъ входящій въ составъ ополченія временно посвящаетъ общественной безопасности дорогое время и дѣйствительно отдаетъ государству то, что онъ самъ теряетъ возможность пріобрѣсти. Приведя эти примѣры, я бы могъ привести еще многіе другіе. Правительство и Франціи и Америки взимаютъ этого рода налоги, но кто можетъ точно опредѣлить ихъ величину въ обѣихъ странахъ?

Это еще не послѣднее затрудненіе, останавливающее васъ, когда вы хотите сравнить общественные расходы Союза съ нашими. Государство во Франціи принимаетъ на себя нѣкоторыя обязательства, которыхъ оно не беретъ на себя въ Америкѣ и обратно. Французское правительство платитъ жалованье духовенству; американское правительство предоставляетъ эту заботу вѣрующимъ. Въ Америкѣ государство беретъ бѣдныхъ на свое иждивеніе; во Франціи оно предоставляетъ ихъ общественной благотворительности. Мы даемъ своимъ чиновникамъ опредѣленное жалованье; американцы позволяютъ имъ получать въ свою пользу нѣкоторые сборы. Во Франціи натуральная повинность

Итакъ, мы приходимъ къ заключенію, что сравнить съ пользою общественные расходы американцевъ съ нашими такъ же трудно, какъ и сравнить богатства Союза и Франціи. Я даже прибавлю, что было бы опасно и пробовать это. Когда статистика не основана на разсчетахъ совершенно вѣрныхъ, то она вводитъ въ заблужденіе вмѣсто того, чтобы служить руководствомъ. Умъ легко поддается кажущейся точности, которую онъ сохраняетъ даже въ своихъ ошибкахъ, и спокойно опирается на заблужденія, облекаемыя въ его глазахъ въ математическія формы истинъ.

Оставимъ поэтому цифры въ сторонѣ и постараемся найти доказательства другого порядка.

Если какая-нибудь страна представляетъ видъ матеріальнаго благоденствія, если, заплативши государству, бѣдный въ ней сохраняетъ еще нѣкоторыя средства, а богатый нѣкоторый излишекъ, если тотъ и другой кажутся довольными своей участью и ежедневно стараются еще ее улучшить, такъ что для производства всегда имѣются капиталы, а для капиталовъ примѣненіе въ производствѣ, то это суть признаки, по которымъ, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ, можно судить о томъ, соотвѣтствуетъ ли лежащая на какомъ-нибудь народѣ податная тяжесть его богатству.

Наблюдатель, который будетъ судить на основаніи такихъ фактическихъ доказательствъ, придетъ, конечно, къ заключенію, что американецъ изъ Соединенныхъ Штатовъ отдастъ государству меньшую долю изъ своего дохода, чѣмъ французъ.

Но можно ли себѣ и представить, чтобы было иначе?

Часть долга Франціи есть результатъ двухъ вторженій. Американскій Союзъ ихъ не опасается. Наше положеніе заставляетъ насъ обыкновенно держать подъ ружьемъ многочисленную армію; уединенное положеніе Союза позволяетъ ему имѣть всего лишь 6.000 солдатъ. Мы содержимъ около 300 военныхъ судовъ, у американцевъ ихъ всего 52 [1]). Какимъ же образомъ житель Союза могъ бы платить государству столько же, какъ житель Франціи?

Невозможно, слѣдовательно, провести параллель между финансами двухъ странъ, находящихся въ столь различномъ положеніи.

Не сравнивая Союзъ съ Франціей, а изслѣдуя то, что происходитъ въ самомъ Союзѣ, можемъ мы разсудить, дѣйствительно ли экономна американская демократія.

Я гляжу на каждую изъ республикъ, входящихъ въ составъ Союза, и нахожу, что правительству ихъ часто недостаетъ твердости въ своихъ намѣреніяхъ, и что оно не имѣетъ постояннаго надзора за своими служащими. Изъ этого я естественно вывожу то заключеніе, что оно должно часто непроизводительно тратить деньги плательщиковъ, или расходовать ихъ на свои предпріятія больше, чѣмъ нужно.

существуетъ только на немногихъ дорогахъ, въ Соединенныхъ Штатахъ почти на всѣхъ. Наши дороги открыты для всѣхъ проѣзжихъ, которые могутъ ѣздить по нимъ, ничего не платя; въ Соединенныхъ Штатахъ встрѣчается много дорогъ съ заставами. Всѣ эти различія въ способахъ, какими плательщикъ исполняетъ передъ обществомъ лежащія на немъ повинности, дѣлаютъ сравненіе между двумя странами очень затруднительнымъ, потому что есть извѣстные расходы, которые граждане не стали бы дѣлать, или которые были бы меньше, еслибы государство не дѣлало ихъ само отъ имени гражданъ.

[1]) См. подробные бюджеты морского министерства во Франціи, а для Америки *National calendar* за 1833 годъ, стр. 228.

Я вижу, что, будучи вѣрно своему народному происхожденію, оно дѣлаетъ величайшія усилія для удовлетворенія потребностей низшихъ классовъ общества, открытія имъ путей ко власти и распространенія въ ихъ средѣ благосостоянія и просвѣщенія. Оно содержитъ бѣдныхъ, ежегодно раздаетъ милліоны на школы, оплачиваетъ всякую службу и щедро вознаграждаетъ самыхъ мелкихъ своихъ агентовъ. Подобная система управленія кажется мнѣ полезною и разумною, но я долженъ признать, что она требуетъ большихъ расходовъ.

Я вижу, что бѣдные люди завѣдуютъ общественными дѣлами и распоряжаются народными средствами; и я не могу повѣрить, чтобы, пользуясь государственными расходами, они часто не вовлекали государство въ новые расходы.

Поэтому, не пользуясь недостаточными цифрами и не желая дѣлать рискованныхъ сравненій, я прихожу къ заключенію, что демократическое правительство американцевъ не есть, какъ это иногда думаютъ, дешевое правительство; и я не боюсь предсказать, что еслибъ когда-нибудь народы Соединенныхъ Штатовъ очутились въ большихъ затрудненіяхъ, то мы бы увидѣли, что и у нихъ налоги возросли бы такъ же высоко, какъ и въ большей части аристократическихъ или монархическихъ странъ Европы.

Объ испорченности и порокахъ управляющихъ лицъ въ демократіи.—Результаты ихъ для общественной нравственности.

Въ аристократіяхъ правители стараются иногда дѣйствовать посредствомъ подкупа.—Въ демократіяхъ они сами часто оказываются подкупными.—Въ первыхъ пороки ихъ непосредственно вредятъ народной нравственности.—Во вторыхъ они имѣютъ на нее косвенное вліяніе, которое еще опаснѣе.

Аристократія и демократія взаимно дѣлаютъ другъ другу упреки въ содѣйствіи развитію подкупности. Но здѣсь необходимо дѣлать различіе.

При аристократическомъ правленіи люди стоящіе у дѣлъ суть богатые люди, желающіе только власти. Въ демократіяхъ государственные люди бѣдны и имъ предстоитъ составить себѣ состояніе.

Изъ этого слѣдуетъ, что въ аристократическихъ государствахъ правящія лица мало доступны подкупу и имѣютъ лишь небольшую склонность къ деньгамъ, тогда какъ у демократическихъ народовъ происходитъ обратное.

Но такъ какъ въ аристократіяхъ желающіе стоятъ во главѣ общественной дѣятельности обладаютъ большими богатствами, а число тѣхъ, кто имъ можетъ въ этомъ содѣйствовать, часто бываетъ ограничено извѣстными предѣлами, то правительственная власть какъ бы продается съ торговъ. Напротивъ въ демократіяхъ люди ищущіе власти почти никогда не бываютъ богаты, а число лицъ, чье содѣйствіе нужно для ея полученія, очень велико. Можетъ-быть въ демократіяхъ и не меньше продажныхъ людей, но въ нихъ почти нѣтъ покупателей; а кромѣ того, чтобы достигнуть цѣли, пришлось бы подкупать сразу слишкомъ много народу.

Изъ людей стоявшихъ у власти во Франціи въ послѣднія сорокъ лѣтъ многіе обвинялись въ томъ, что нажили себѣ состояніе на счетъ государства, или его союзниковъ. Такіе упреки рѣдко дѣлались государственнымъ людямъ старинной монархіи. Но во Франціи покупка за деньги голоса

избирателя есть фактъ почти безпримѣрный, тогда какъ въ Англіи это дѣлается завѣдомо и публично.

Я никогда не слыхалъ, чтобы въ Соединенныхъ Штатахъ кто-нибудь употреблялъ свое богатство на подкупъ управляемыхъ; но я часто слыхалъ, что сомнѣвались въ честности общественныхъ чиновниковъ. Еще чаще слыхалъ я, что успѣхи ихъ приписывались низкимъ интригамъ и преступнымъ кознямъ.

Такимъ образомъ, если люди управляющіе въ аристократіи стараются иногда дѣйствовать подкупомъ, то вожди демократіи бываютъ сами подкупными. Въ первомъ случаѣ непосредственно повреждается нравственность народа, во второмъ на общественную совѣсть оказывается косвенное вліяніе, котораго слѣдуетъ еще болѣе опасаться.

У демократическихъ народовъ люди, стоящіе во главѣ государства, подвергаясь почти всегда прискорбнымъ подозрѣніямъ, какъ бы даютъ государственную поддержку тѣмъ преступленіямъ, въ которыхъ ихъ обвиняютъ. Они такимъ образомъ представляютъ опасные примѣры для добродѣтели, которая еще борется, и даютъ скрывающемуся пороку возможность сравненія съ людьми, пользующимися знаменитостью.

Напрасно скажутъ, что безчестныя страсти встрѣчаются во всѣхъ слояхъ общества, что онѣ часто восходятъ на тронъ по праву рожденія; что такимъ образомъ людей достойныхъ презрѣнія можно встрѣтить во главѣ аристократическихъ націй, какъ и въ средѣ демократіи.

Этотъ отвѣтъ меня не удовлетворяетъ. Въ испорченности людей, случайно достигшихъ власти, существуетъ нѣчто грубое и вульгарное, что дѣлаетъ ее заразительною для толпы; напротивъ, даже и въ развращенности высокопоставленныхъ лицъ есть нѣкоторая аристократическая утонченность и кажущееся благородство, которыя часто препятствуютъ ея передачѣ.

Народъ никогда не проникнетъ въ темный лабиринтъ придворной жизни; онъ всегда съ трудомъ увидитъ низость, скрывающуюся подъ изяществомъ манеръ, изысканностью вкуса и пріятностью рѣчи. Но обворовать общественную казну, или продать за деньги покровительство государства,— всякій негодяй понимаетъ это и можетъ разсчитывать въ свою очередь сдѣлать то же.

Притомъ бояться слѣдуетъ не столько того, что люди видятъ безнравственность высокопоставленныхъ лицъ, сколько того, что они видятъ, какъ безнравственность ведетъ къ высокому положенію. Въ демократіи простые граждане видятъ, какъ человѣкъ, вышедшій изъ ихъ среды, въ немного лѣтъ достигаетъ богатства и власти; это зрѣлище возбуждаетъ ихъ удивленіе и зависть; они хотятъ узнать, какимъ образомъ тотъ, кто вчера былъ ихъ равнымъ, сегодня оказывается имѣющимъ право управлять ими. Приписать это возвышеніе его талантамъ и доблестямъ неудобно, потому что это значило бы сознаться, что сами они не столь добродѣтельны и талантливы. Поэтому главную причину они усматриваютъ въ какомъ-нибудь изъ его пороковъ, и часто не ошибаются. Такимъ образомъ происходитъ какое-то отвратительное смѣшеніе понятій: низости и власти, гнусности и успѣха, пользы и безчестія.

Къ какимъ усиліямъ способна демократія.

Союзъ только одинъ разъ боролся за свое существованіе.—Одушевленіе въ началѣ войны.—Охлажденіе въ концѣ.—Трудность установить въ Америкѣ воинскую повинность для сухопутныхъ и морскихъ войскъ.—Почему демократическій народъ менѣе другого способенъ къ большимъ и продолжительнымъ усиліямъ.

Я предупреждаю читателя, что я говорю здѣсь о правительствѣ, которое слѣдуетъ дѣйствительной волѣ народа, а не о такомъ, которое только распоряжается отъ имени народа.

Нѣтъ ничего столь неудержимаго, какъ тиранническая власть, управляющая отъ имени народа, потому, что будучи облечена нравственнымъ могуществомъ, принадлежащимъ волѣ большинства, она въ то же время дѣйствуетъ съ такою рѣшительностью, быстротою и твердостью, какую могъ бы имѣть одинъ человѣкъ.

Довольно трудно сказать, какую величину усилія способно выказать демократическое правительство во время національнаго кризиса.

До сихъ поръ не существовало большой демократической республики. Было бы оскорбительно для республикъ назвать такимъ именемъ олигархію, царствовавшую во Франціи въ 1793 году. Только одни Соединенные Штаты представляютъ это новое зрѣлище.

Но въ теченіе полувѣка съ тѣхъ поръ, какъ образовался Американскій Союзъ, существованію его только одинъ разъ грозила опасность, именно во время войны за независимость. Въ началѣ этой долгой войны были случаи необыкновеннаго энтузіазма ради блага отечества [1]). Но по мѣрѣ продолженія борьбы вновь появился обычный эгоизмъ: деньги не поступали больше въ казну, люди не являлись въ армію. Народъ желалъ еще независимости, но онъ отступалъ передъ средствами, необходимыми для ея достиженія. „Напрасно мы увеличивали число налоговъ и пытались примѣнить новые методы ихъ взиманія, говоритъ Гамильтонъ въ *Federalist'ѣ* (№ 12); ожиданія общества все не оправдывались и государственная казна оставалась пустою. Демократическія формы администраціи, присущія демократической природѣ нашего правленія, соединяясь съ рѣдкостью монеты, обусловленной вялымъ состояніемъ нашей торговли, сдѣлали до сихъ поръ тщетными всѣ усилія, испробованныя для полученія значительныхъ суммъ. Различныя законодательныя собранія поняли наконецъ безуміе подобныхъ попытокъ“.

Съ этого времени Соединеннымъ Штатамъ не приходилось вести ни одной серьезной войны.

Слѣдовательно, чтобы судить о томъ, на какія жертвы способны демократіи, слѣдуетъ подождать такого времени, когда американская нація принуждена будетъ передать въ руки своего правительства половину дохода отъ своихъ имуществъ, какъ Англія, или вывести сразу двадцатую часть своего населенія на поле битвы, какъ это сдѣлала Франція.

Въ Америкѣ воинская повинность не извѣстна; люди нанимаются тамъ служить въ войска за деньги. Обязательный наборъ до такой степени про-

[1]). Однимъ изъ самыхъ необыкновенныхъ, по моему мнѣнію, было рѣшеніе, которымъ американцы временно отказались отъ употребленія чая. Всѣ, кому извѣстно, что люди обыкновенно крѣпче держатся за свои привычки, чѣмъ за самую жизнь, конечно, будутъ удивляться этой великой и скромной жертвѣ, совершенной цѣлымъ народомъ.

тивенъ понятіямъ и такъ чуждъ привычкамъ народа Соединенныхъ Штатовъ, что я сомнѣваюсь, чтобы когда-нибудь тамъ осмѣлились его узаконить. То, что во Франціи называется конскрипціей, составляетъ конечно самый тяжелый изъ нашихъ налоговъ. Но безъ конскрипціи какъ бы могли мы вести большую континентальную войну?

Американцы не ввели у себя англійской системы вербовки. У нихъ нѣтъ и ничего похожаго на наши морскіе списки (inscription maritime). Экипажъ правительственнаго флота, какъ и экипажъ торговаго, образуется посредствомъ вольнаго найма.

Между тѣмъ не легко себѣ представить, чтобы народъ могъ вести большую морскую войну, не прибѣгая къ одному изъ двухъ вышесказанныхъ способовъ. Поэтому Американскій Союзъ, которому уже приходилось со славою сражаться на морѣ, не имѣлъ однако никогда многочисленныхъ флотовъ и вооруженіе небольшого числа его кораблей всегда обходилось ему очень дорого.

Я слышалъ, какъ американскіе государственные люди признавали, что Союзъ съ трудомъ могъ бы удерживать свое положеніе на моряхъ, не прибѣгая ни къ вербовкѣ, ни къ составленію морскихъ списковъ; но трудность заключается въ томъ, чтобы заставить правящій народъ переносить то или другое.

Несомнѣнно, что свободные народы вообще проявляютъ во время опасностей большую энергію, чѣмъ не свободные; но я склоненъ думать, что это по преимуществу вѣрно относительно тѣхъ свободныхъ народовъ, въ которыхъ преобладаетъ аристократическій элементъ. Демократія, какъ мнѣ кажется, болѣе способна управлять обществомъ во время мира, или произвести, въ случаѣ нужды, внезапное и могучее усиліе, чѣмъ выдерживать въ теченіи долгаго времени сильныя бури политической жизни народовъ. Причина этого легко понятна. Люди изъ одушевленія подвергаются опасностямъ и лишеніямъ, но долго переносятъ ихъ только въ силу разсужденія. Даже въ томъ, что называется инстинктивною храбростью, существуетъ больше разсчета, чѣмъ это предполагаютъ; и хотя только страсти обыкновенно заставляютъ дѣлать первыя усилія, но продолжаются они въ виду будущаго результата. Рискуютъ частью того, что дорого, для того, чтобы сохранить остальное.

Но этого-то яснаго представленія о будущемъ, основаннаго на знаніи и опытности, и должно часто не доставать демократіи. Народъ больше чувствуетъ, чѣмъ разсуждаетъ; и если настоящія бѣдствія велики, то можно опасаться, что онъ позабудетъ о большихъ бѣдствіяхъ, ожидающихъ его въ случаѣ пораженія.

Есть еще и другая причина, дѣлающая усилія демократическаго правительства менѣе стойкими, чѣмъ усилія аристократіи.

Народъ не только видитъ менѣе ясно, чѣмъ высшіе классы, чего онъ долженъ надѣяться или бояться въ будущемъ, но онъ кромѣ того иначе, чѣмъ они, чувствуетъ бѣдствія настоящаго времени. Дворянинъ, рискуя своей особой, имѣетъ столько же шансовъ славы, какъ и опасностей. Отдавая государству большую часть своего дохода, онъ временно лишаетъ себя нѣкоторыхъ удовольствій, которыя даетъ богатство; но для бѣднаго человѣка смерть не представляетъ ничего обаятельнаго, а налогъ, только стѣснительный для богатаго, разрушаетъ у него часто самые источники жизни.

Это относительная слабость демократическихъ республикъ въ крити-

ческіе моменты составляетъ можетъ-быть самое главное препятствіе для основанія подобной республики въ Европѣ. Чтобы демократическая республика безъ затрудненія могла существовать у какого-нибудь европейскаго народа, необходимо, что бы она въ тоже время была учреждена и у всѣхъ другихъ.

Я думаю, что демократическое правленіе, дѣйствуя въ теченіе долгаго времени должно увеличить дѣйствительныяя силы общества; но оно не могло бы сразу соединить въ одномъ мѣстѣ и въ данное время такое количество силъ, какъ аристократическое правительство или абсолютная монархія. Еслибы демократическая страна въ теченіе столѣтія подчинена была республиканскому правленію, то можно думать, что къ концу его она стала бы богаче, населеннѣе и счастливѣе, чѣмъ сосѣднія съ нею деспотическія государства; но въ теченіе этого столѣтія она много разъ подвергалась бы риску быть завоеванною ими.

О власти, которую американская демократія имѣетъ сама надъ собой.

Американскій народъ только послѣ долгаго времени соглашается, а иногда и вовсе отказывается исполнять то, что полезно для его благосостоянія.—Способность американцевъ дѣлать поправимыя ошибки.

Эти затрудненія, встрѣчаемыя демократіей, когда нужно преодолѣть страсти и заставить умолкнуть потребности настоящей минуты, замѣчаются въ Соединенныхъ Штатахъ даже въ самыхъ мелкихъ вещахъ.

Народу, окруженному льстецами, трудно дается побѣда надъ самимъ собой. Всякій разъ, когда отъ него требуется согласіе на какое-нибудь лишеніе или стѣсненіе, даже ради цѣлей, одобряемыхъ его разумомъ, онъ почти всегда сначала не соглашается. Американцевъ основательно хвалятъ за послушаніе ихъ своимъ законамъ; надо прибавить, что въ Америкѣ законы дѣлаются народомъ и для народа. Слѣдовательно въ Соединенныхъ Штатахъ законы оказываются благопріятными для тѣхъ, кто во всѣхъ другихъ мѣстахъ имѣетъ наибольшій интересъ ихъ нарушать. Такимъ образомъ позволительно думать, что стѣснительный законъ, полезность котораго въ данное время не чувствовалась бы большинствомъ, не былъ бы принятъ, или не исполнялся бы.

Въ Соединенныхъ Штатахъ не существуетъ законовъ относительно злостныхъ банкротствъ. Потому ли это такъ, что нѣтъ самыхъ банкротствъ? Нѣтъ, напротивъ, потому, что ихъ слишкомъ много. Въ представленіи большинства страхъ быть преслѣдуемымъ за банкротство перевѣшиваетъ, страхъ самому разориться отъ банкротства; и такимъ образомъ въ общественномъ мнѣніи установляется родъ преступной терпимости относительно проступка, осуждаемаго каждымъ человѣкомъ въ отдѣльности.

Въ новыхъ штатахъ юго-запада граждане почти всегда сами себѣ оказываютъ правосудіе и убійства тамъ постоянно повторяются. Это происходитъ оттого, что что въ такихъ безлюдныхъ мѣстностяхъ нравы народа слишкомъ суровы и просвѣщеніе слишкомъ мало распространено, чтобы тамъ сознавалась польза уваженія къ закону; тамъ предпочитаютъ еще дуэли тяжбамъ.

Разъ, въ Филадельфіи, кто-то сказалъ мнѣ, что въ Америкѣ почти всѣ преступленія происходятъ отъ злоупотребленія спиртными напитками, которые простой народъ можетъ пить сколько угодно, потому что они продают-

ся ему по самой дешевой цѣнѣ. „Отчего же,—спросилъ я,—вы не установите акциза на водку?“ Наши законодатели часто объ этомъ думали,—отвѣчалъ онъ,—но задача эта очень трудна. Боятся возмущенія; да притомъ-же члены собранія, которые бы вотировали подобный законъ могли-бы быть увѣрены, что ихъ не выберутъ въ другой разъ“. — „Такимъ образомъ сказалъ я, у васъ пьяницы составляютъ большинство и трезвость непопулярна“.

Когда указываешь государственнымъ людямъ на такія вещи, то они ограничиваются отвѣтомъ: предоставьте это времени; созданіе зла просвѣтитъ народъ и укажетъ ему его потребности. Часто это бываетъ справедливо: если демократія имѣетъ больше шансовъ ошибиться, чѣмъ король или собраніе дворянства, за то она имѣетъ больше шансоъъ и снова вернуться къ истинѣ, какъ только свѣтъ проникнетъ въ нее, потому что вообще въ ея средѣ не бываетъ интересовъ противоположныхъ интересамъ большинства и которые-бы боролись противъ разума. Но демократія можетъ узнать истину только черезъ опытъ, а многіе народы не могли бы, не погибнувъ, дожидаться результатовъ своихъ заблужденій.

Значитъ великое преимущество американцевъ состоитъ не только въ томъ, что они просвѣщеннѣе другихъ народовъ, но и въ томъ, что они имѣютъ способность дѣлать ошибки, подлежащія исправленію.

Къ этому надо дополнить, что для легкаго пользованія опытами прошедшаго времени демократія должна уже достигнуть извѣстной степени цивилизаціи и просвѣщенія.

Есть такіе народы, которыхъ первоначальное воспитаніе было настолько неудовлетворительно, и характеръ которыхъ представляетъ такую странную смѣсь страстей, невѣжества и ложныхъ понятій обо всемъ, что они не могутъ сами различить причинъ своихъ бѣдствій; они гибнутъ подъ бременемъ золъ ими не сознаваемыхъ.

Я проѣзжалъ по обширнымъ странамъ, когда-то населеннымъ сильными индѣйскими племенами, въ настоящее время не существующими; я жилъ между племенами, уже потерявшими часть своего населенія и которыя ежедневно уменьшаются въ числѣ и теряютъ блескъ своей дикой славы; я слышалъ, какъ эти самые индѣйцы предсказывали окончательную судьбу, которая ожидаетъ ихъ расу. Между тѣмъ нѣтъ ни одного европейца, который бы не видѣлъ, что нужно сдѣлать для того, чтобы предотвратить неизбѣжное истребленіе этихъ несчастныхъ народовъ. Но они сами этого не видятъ; они чувствуютъ бѣдствія ежегодно накопляющіяся надъ ихъ головами и погибнутъ всѣ до послѣдняго, отказываясь отъ лѣкарства. Пришлось бы употребить силу для того, чтобы заставить ихъ жить.

Удивляются, глядя на то, какъ новыя націи Южной Америки въ теченіе четверти вѣка волнуются посреди революцій, постоянно снова возникающихъ, и каждый день ожидаютъ, что онѣ войдутъ въ то, что называютъ ихъ *естественнымъ состояніемъ*. Но кто можетъ утверждать, что революціи не суть въ настоящее время именно самое естественное состояніе южноамериканскихъ испанцевъ? Въ этихъ странахъ общество бьется въ глубинѣ пропасти, изъ которой оно не можетъ выйти собственными усиліями.

Народъ, населяющій эту прекрасную половину земнаго полушарія, имѣетъ повидимому упорную склонность къ тому, чтобы раздирать самого себя; ничто не можетъ его отвратить отъ этого. Истощеніе заставляетъ его на время дать себѣ отдыхъ, а отдыхъ возвращаетъ его къ новымъ неистовствамъ. Когда я гляжу на эти поочередныя смѣны его преступленій и

бѣдствій, то почти готовъ думать, что деспотизмъ былъ бы для него благодѣяніемъ.

Но эти два слова не могутъ никогда быть соединены въ моемъ умѣ.

Какимъ образомъ американская демократія ведетъ внѣшнія дѣла государства.

Направленіе, данное внѣшней политикѣ Соединенныхъ Штатовъ Вашингтономъ и Джефферсономъ.—Почти всѣ естественные недостатки демократіи отражаются на веденіи внѣшнихъ дѣлъ, тогда какъ ея хорошія качества мало въ нихъ проявляются.

Мы видѣли, что союзная конституція передала постоянное управленіе внѣшними дѣлами націи въ руки президента и сената [1]), вслѣдствіе чего общая политика Союза до извѣстной степени изъята отъ непосредственнаго и ежедневнаго вліянія народа. Поэтому нельзя въ полной мѣрѣ сказать, чтобы внѣшнія государственныя дѣла въ Америкѣ велись демократіей.

Два человѣка дали политикѣ американцевъ то направленіе, которому она слѣдуетъ до настоящаго времени; первый изъ нихъ Вашингтонъ, второй Джефферсонъ.

Въ своемъ достойномъ удивленія письмѣ къ согражданамъ, составляющемъ какъ бы политическое завѣщаніе Вашингтона, этотъ великій человѣкъ говорилъ слѣдующее:

„Расширять наши торговыя сношенія съ иностранными народами и установлять какъ можно меньше политическихъ связей между ими и нами—таково должно быть правило нашей политики. Мы должны честно исполнять обязательства, принятыя уже нами; но намъ надо остерегаться заключать новыя.

„Европа имѣетъ извѣстное число интересовъ собственно ей принадлежащихъ и которые или не имѣютъ вовсе никакого отношенія, или только очень отдаленное къ нашимъ интересамъ. Поэтому она часто должна принимать участіе въ распряхъ, которыя для насъ естественнымъ образомъ чужды; соединяться искусственными связями съ превратностями ея политики, входить въ различныя комбинаціи ея дружбы и ненависти и принимать участіе въ проистекающей изъ нихъ борьбѣ—значило бы поступать неблагоразумно.

„Наше уединенное положеніе и удаленіе отъ нея указываютъ намъ на необходимость принять противоположный образъ дѣйствій и даютъ намъ возможность ему слѣдовать. Если мы будемъ продолжать составлять одинъ народъ, управляемый сильнымъ правительствомъ, то недалеко то время, когда намъ некого будетъ бояться. Тогда мы можемъ принять такое положеніе, которое бы заставило уважать нашъ нейтралитетъ; воюющія націи, сознавая невозможность получить что-нибудь отъ насъ, будутъ опасаться безпричинно вызывать насъ; и мы будемъ въ состояніи выбирать между миромъ и войной, руководясь въ своихъ дѣйствіяхъ только нашими интересами и справедливостью.

„Для чего намъ отказываться отъ выгодъ, которыя мы можемъ извлечь изъ столь благопріятнаго положенія? Для чего покинемъ мы нашу собствен-

[1]) „Президентъ,—говорится въ конституціи ст. II, отд. 2, § 2,—заключаетъ договоры на основаніи заключенія и съ согласія сената". Читатель не долженъ забывать, что срокъ избирательныхъ полномочій сенаторовъ шестилѣтній и что, будучи избираемы составомъ законодательныхъ собраній каждаго штата, они, слѣдовательно, проходятъ черезъ двухстепенное избраніе.

ную почву, чтобы занимать для насъ чуждую? Для чего, наконецъ, связавши свою судьбу съ судьбою какой-нибудь части Европы, предоставимъ мы нашъ миръ и наше благополучіе въ жертву честолюбію, соперничеству, разсчетамъ и прихотямъ населяющихъ ее народовъ?

„Наша правильная политика—не заключать постоянныхъ союзовъ ни съ какой иностранной націей до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока мы еще свободны этого не дѣлать, потому что я далекъ отъ желанія, чтобы нарушались существующія обязательства. Честность всегда лучшая политика; это правило, которое я считаю одинаково примѣнимымъ къ дѣламъ между націями, какъ и между частными людьми; поэтому я думаю, что слѣдуетъ выполнить во всемъ ихъ объемѣ договоры уже заключенные нами. Но я считаю безполезнымъ и неблагоразумнымъ заключать еще другіе. Будемъ занимать всегда такое положеніе, чтобы заставить уважать его, и достаточно будетъ временныхъ союзовъ, чтобы дать намъ возможность встрѣтить лицомъ къ лицу всякую опасность".

Раньше этого Вашингтонъ высказалъ слѣдующую прекрасную и вѣрную мысль: „Народъ, который отдается привычнымъ чувствамъ любви или ненависти къ другому народу, впадаетъ нѣкоторымъ образомъ въ рабство. Онъ становится рабомъ своей любви или ненависти".

Политическое поведеніе Вашингтона всегда направлялось согласно съ этими правилами. Онъ сумѣлъ сохранить миръ для своей страны въ то время, когда весь остальной свѣтъ находился въ войнѣ, и установилъ однимъ изъ основныхъ пунктовъ политическаго ученія, что правильно понимаемый интересъ американцевъ состоитъ въ томъ, чтобы никогда не принимать участія во внутреннихъ распряхъ Европы.

Джефферсонъ пошелъ еще дальше и ввелъ въ политику Союза слѣдующее новое правило, что „американцы никогда не должны себѣ требовать преимуществъ отъ иностранныхъ націй, чтобы и самимъ не быть обязанными давать такія преимущества".

Эти два основныя правила, очевидная справедливость которыхъ сдѣлала ихъ легко понятными для толпы, внесли чрезвычайную простоту во внѣшнюю политику Соединенныхъ Штатовъ.

Такъ какъ Союзъ не вмѣшивается въ европейскія дѣла, то ему, можно сказать, не приходится разсуждать и спорить о внѣшнихъ дѣлахъ, потому что въ Америкѣ онъ еще не имѣетъ могущественныхъ сосѣдей. По своему положенію и по своей волѣ находясь въ сторонѣ отъ страстей, волнующихъ Старый Свѣтъ, онъ не нуждается ни въ огражденіи себя отъ нихъ, ни въ присоединеніи себя къ нимъ. Тѣ же, которыя могутъ быть въ Новомъ Свѣтѣ, скрываются еще въ будущемъ.

Союзъ свободенъ отъ ранѣе принятыхъ обязательствъ; поэтому онъ пользуется опытомъ старинныхъ народовъ Европы, не будучи обязанъ, подобно послѣднимъ, брать что нужно изъ прошлаго и приноравливать его къ настоящему. Онъ не принужденъ, какъ они, принимать огромное наслѣдство, завѣщанное ему его отцами и состоящее изъ смѣшенія славы и бѣдствій, народной дружбы и народной вражды. Внѣшняя политика Соединенныхъ Штатовъ вполнѣ выжидательная; она состоитъ гораздо больше въ уклоненіи отъ дѣйствія, чѣмъ въ самомъ дѣйствіи.

Такимъ образомъ въ настоящее время очень трудно узнать, какое искусство разовьетъ въ себѣ американская демократія въ веденіи внѣшнихъ государственныхъ дѣлъ. На этотъ счетъ ея противники, также какъ и друзья, должны отложить на время свое сужденіе.

Что касается до меня. то я не затрудюсь высказать, что въ завѣдываніи внѣшними дѣлами общества демократическія правительства кажутся мнѣ рѣшительно стоящими ниже другихъ. Опытность, нравы и образованіе почти всегда создаютъ наконецъ въ демократіи ту ежедневную практическую мудрость и то знаніе мелкихъ житейскихъ событій, которыя называются здравымъ смысломъ. Здравый смыслъ бываетъ достаточенъ для обыкновеннаго хода общественныхъ дѣлъ; и у народа, воспитаніе котораго уже закончено, демократическая свобода, примѣняемая ко внутреннимъ дѣламъ государства, производитъ больше добра, чѣмъ могутъ произвести зла ошибки демократическаго правительства. Но не всегда такъ бываетъ при сношеніяхъ одного народа съ другимъ.

Внѣшняя политика почти вовсе не требуетъ качествъ, присущихъ демократіи, а напротивъ требуетъ развитія почти всѣхъ тѣхъ, которыхъ у нея нѣтъ. Демократія способствуетъ возрастанію внутреннихъ средствъ государства; она распространяетъ довольство, развиваетъ духъ общественности, укрѣпляетъ уваженіе къ закону въ различныхъ классахъ общества; все это имѣетъ лишь косвенное вліяніе на положеніе одного народа въ отношеніи другого. Но демократія лишь съ трудомъ можетъ координировать подробности большаго предпріятія, избрать одну задачу и упорно преслѣдовать ее черезъ всѣ препятствія. Она мало способна втайнѣ подготовлять свои мѣропріятія и терпѣливо ожидать ихъ результата. Все это такія качества, которыя скорѣе принадлежатъ одному человѣку или аристократіи. Но именно эти-то качества и ведутъ къ тому, что данный народъ, какъ отдѣльная личность, получаетъ наконецъ преобладаніе.

Если, наоборотъ, вы обратите вниманіе на естественные недостатки аристократіи, то вы найдете, что производимыя ими слѣдствія почти нечувствительны по отношенію къ веденію внѣшнихъ дѣлъ государства. Главнѣйшій порокъ, за который упрекаютъ аристократію, состоитъ въ томъ, что она работаетъ только для себя, а не для массы. Во внѣшней политикѣ аристократія рѣдко имѣетъ стремленія, отличныя отъ народныхъ.

Склонность, увлекающая демократію къ тому, чтобы въ политикѣ скорѣе слушаться чувства, чѣмъ разсужденія, и бросать давно подготовленный планъ для удовлетворенія минутной страсти, особенно выказалась въ Америкѣ, когда вспыхнула французская революція. Самыхъ простыхъ соображеній разума достаточно было тогда, какъ и теперь, для того, чтобы заставить американцевъ понять, что для нихъ не было никакого разсчета вмѣшиваться въ борьбу, которой предстояло обагрить кровью Европу и отъ которой Соединенные Штаты не могли потерпѣть никакого вреда.

Однако же симпатіи народа съ такою силой высказались въ пользу Франціи, что только непреклонный характеръ Вашингтона и его безграничная популярность могли удержать отъ объявленія войны Англіи, причемъ усилія, дѣлаемыя строгимъ умомъ этого великаго человѣка, чтобы бороться съ великодушными, но неразумными увлеченіями его согражданъ, едва не отняли у него единственную награду, на которую онъ разсчитывалъ— любовь къ нему его страны. Большинство высказалось тогда противъ его политики; въ настоящее время она получила одобреніе всего народа [1]).

---

[1]) См. пятый томъ *Жизни Вашингтона* соч. Маршалля. „Въ правительствѣ организованномъ такъ, какъ правительство Соединенныхъ Штатовъ,—говоритъ онъ на стр. 314,— глава его, какъ бы ни была велика его твердость, не можетъ долго удерживать потокъ общественнаго мнѣнія; а преобладавшее тогда мнѣніе вело повидимому къ войнѣ. И дѣйствительно, въ собраніи конгресса, засѣдавшаго въ это время, очень часто случа-

Еслибъ конституція и общественное довѣріе не вручили Вашингтону управленія внѣшними дѣлами государства, то несомнѣнно, что народъ сдѣлалъ бы тогда то, что онъ осуждаетъ теперь.

Почти всѣ народы, производившіе сильное дѣйствіе на міръ, задумавшіе, продолжавшіе и исполнившіе великія задачи, начиная съ римлянъ до англичанъ, управлялись аристократіей, и этому не слѣдуетъ удивляться. Что всего на свѣтѣ устойчивѣе въ своихъ взглядахъ,—это аристократія. Масса народа можетъ быть введена въ заблужденіе своимъ невѣжествомъ, или своими страстями; можно обмануть умъ короля и заставить его поколебаться въ своихъ предположеніяхъ; притомъ же король не безсмертенъ. Но аристократическая организація слишкомъ многочисленна, чтобъ ее можно было привлечь на свою сторону хитростью, и слишкомъ малочисленна, чтобы легко поддаваться увлеченію безразсудныхъ страстей. Аристократія есть твердый и просвѣщенный человѣкъ, который не умираетъ.

ГЛАВА VI.

Въ чемъ состоятъ дѣйствительныя выгоды, получаемыя американскимъ обществомъ отъ демократическаго правленія.

Прежде чѣмъ начать настоящую главу, я считаю нужнымъ напомнить читателю то, на что я уже нѣсколько разъ указывалъ въ этой книгѣ.

Политическое устройство Соединенныхъ Штатовъ кажется мнѣ одной изъ формъ, которыя демократія можетъ дать своему правленію; но я не считаю американскихъ учрежденій ни единственными, ни лучшими изъ тѣхъ, которыя слѣдовало бы принять демократическому народу.

Поэтому, объясняя, какія выгоды получаютъ американцы отъ демократическаго правленія, я однако же далекъ отъ утвержденія и отъ мысли, чтобы подобныя выгоды могли быть получены не иначе какъ при содѣйствіи такихъ же законовъ.

Общее направленіе законодательства при господствѣ американской демократіи и стремленіе лицъ, примѣняющихъ законы.

Недостатки демократіи видны сразу.—Ея преимущества дѣлаются замѣтными лишь съ теченіемъ времени.—Американская демократія часто дѣйствуетъ неумѣло, но общее направленіе ея законодательства достигаетъ полезныхъ результатовъ.—При господствѣ американской демократіи общественныя должностныя лица не имѣютъ постоянныхъ интересовъ, которые бы отличались отъ интересовъ большинства.—Что изъ этого происходитъ?

Недостатки и слабости демократическаго правленія легко бываютъ видны; они доказываются очевидными фактами, тогда какъ его благотвор-

---

лось, что Вашингтонъ не имѣлъ уже большинства въ палатѣ представителей". Внѣ конгресса рѣзкость рѣчей, говорившихся противъ него, доходила до крайности: въ одномъ политическомъ собраніи не побоялись косвенно сравнить его съ измѣнникомъ Арнольдомъ (стр. 265). Принадлежавшіе къ партіи оппозиціи, говоритъ также Маршалль (стр. 355) утверждали, что сторонники администраціи составляли аристократическую партію, подчиненную Англіи, и которая, желая установить монархію, являлась вслѣдствіе того враждебною Франціи,—партію, члены которой составляли родъ дворянства, имѣвшаго, вмѣсто родовыхъ правъ, банковыя акціи и которая такъ боялась всякой мѣры, могущей повліять на цѣнность бумагъ, что оставалась нечувствительной ко всѣмъ оскорбленіямъ, воздѣйствіе противъ которыхъ требовалось одинаково и достоинствомъ и интересами націи.

ное вліяніе проявляется незамѣтнымъ и, такъ сказать, скрытымъ образомъ. Недостатки его поражаютъ съ перваго же разу, а его хорошія качества узнаются только съ теченіемъ времени.

Законы американской демократіи часто бываютъ неудовлетворительны или неполны; случается, что они нарушаютъ пріобрѣтенныя права, или санкціонируютъ права, представляющіяся опасными; но если бы даже они и были хороши, то частыя перемѣны въ нихъ все же были бы очень вредны. Все это замѣчается при первомъ взглядѣ.

Отчего же происходитъ, что американскія республики сохраняются и процвѣтаютъ?

Въ законахъ слѣдуетъ тщательно различать преслѣдуемую ими цѣль отъ того способа, которымъ они идутъ къ достиженію этой цѣли, ихъ абсолютное достоинство отъ относительнаго.

Представимъ себѣ, что задача законодателя заключается въ покровительствѣ интересамъ меньшинства въ ущербъ интересамъ большинства; мѣропріятія его соображены такъ, чтобы получить предполагаемый результатъ въ наименьшее время и съ наивозможно меньшею тратой силъ. Законъ будетъ составленъ хорошо, но цѣль его дурная, такъ что опасность его будетъ пропорціональна силѣ его дѣйствія.

Законы демократіи вообще стремятся къ благу наибольшаго числа, такъ какъ они исходятъ отъ большинства всѣхъ гражданъ, которое можетъ ошибаться, но не можетъ имѣть интересовъ противоположныхъ ему самому.

Законы аристократіи стремятся напротивъ монополизировать въ рукахъ немногихъ богатство и власть, такъ какъ аристократія по природѣ своей всегда составляетъ меньшинство.

Значитъ можно сказать вообще, что цѣль, преслѣдуемая въ своемъ законодательствѣ демократіей, полезнѣе для человѣчества, чѣмъ цѣль аристократіи.

Но на этомъ и оканчиваются ея преимущества.

Аристократія гораздо болѣе свѣдуща въ наукѣ законодательства, чѣмъ когда-нибудь можетъ быть демократія. Владѣя собой, она не склонна къ случайнымъ увлеченіямъ; она имѣетъ далекіе замыслы, которые умѣетъ сохранять, до тѣхъ поръ пока представится удобный случай къ ихъ исполненію. Аристократія дѣйствуетъ умно; она знаетъ искусство направлять одновременно на одинъ пунктъ совокупныя силы всѣхъ своихъ законовъ.

Не такъ поступаетъ демократія: законы ея почти всегда неудовлетворительны, или несвоевременны.

Поэтому средства демократіи болѣе несовершенны, чѣмъ средства аристократіи: часто она безсознательно работаетъ противъ себя; но цѣль ея болѣе полезна.

Представьте себѣ общество, которое по природѣ, или по своему устройству организовано такъ, что оно можетъ переносить временное дѣйствіе худыхъ законовъ и которое, не погибая, можетъ дожидаться результатовъ *общаго направленія* законодательства, и вы поймете, что, несмотря на свои недостатки, правленіе демократіи все-таки больше всякаго другаго способно содѣйствовать процвѣтанію этого общества.

Именно это происходитъ въ Соединенныхъ Штатахъ; и я повторяю здѣсь то, что уже высказано было мною въ другомъ мѣстѣ: великое преимущество американцевъ состоитъ въ томъ, что они могутъ дѣлать поправимыя ошибки.

Нѣчто подобное я скажу и объ общественныхъ должностныхъ лицахъ.

Легко замѣтить, что американская демократія часто ошибается въ выборѣ людей, которымъ она вручаетъ власть; но не такъ легко сказать, почему государство благоденствуетъ въ ихъ рукахъ.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что если въ демократическихъ государствахъ правители бываютъ менѣе честны и менѣе способны, за то управляемые бываютъ просвѣщеннѣе и внимательнѣе.

Въ демократіяхъ народъ, безпрестанно занятый своими дѣлами и ревниво стерегущій свои права, не позволяетъ своимъ представителямъ удаляться отъ извѣстнаго общаго направленія, опредѣляемаго его интересами.

Но есть еще причина болѣе общая и болѣе удовлетворительная.

Для блага народовъ важно, конечно, чтобы правители обладали добродѣтелями и талантами; но что для нихъ можетъ быть еще важнѣе, это то, чтобы правители не имѣли интересовъ противоположныхъ выгодамъ массы управляемыхъ, потому что въ послѣднемъ случаѣ добродѣтели могутъ сдѣлаться почти безполезными, а таланты даже гибельными.

Я сказалъ, что важно, чтобы правители не имѣли интересовъ различныхъ или противоположныхъ со всею массой управляемыхъ; но я не сказалъ, что нужно, чтобъ ихъ выгоды были сходны съ выгодами *всѣхъ* управляемыхъ, такъ какъ, сколько мнѣ извѣстно, подобнаго случая никогда еще не встрѣчалось.

До сихъ поръ не найдена еще такая политическая форма, которая бы одинаково благопріятствовала развитію и процвѣтанію всѣхъ классовъ, составляющихъ общество. Эти классы продолжали образовать какъ бы отдѣльныя націи въ общей націи, и опытъ показалъ, что почти столь же опасно передать въ руки одного изъ нихъ судьбу прочихъ, какъ и сдѣлать одинъ народъ рѣшителемъ судьбы другого народа. Когда управляютъ одни богатые, то интересы бѣдныхъ всегда находятся въ опасности; а когда законы дѣлаются бѣдными, то интересы богатыхъ подвергаются большому риску. Въ чемъ же состоитъ преимущество демократіи? Дѣйствительное преимущество демократіи состоитъ не въ томъ, какъ иногда говорилось, что она содѣйствуетъ благосостоянію всѣхъ, но въ томъ лишь, что она содѣйствуетъ благополучію наибольшаго числа.

Тѣ, на кого въ Соединенныхъ Штатахъ возлагается веденіе общественныхъ дѣлъ, часто бываютъ по способностямъ и нравственности ниже тѣхъ людей, которыхъ могла бы вывести во власть аристократія; но ихъ интересы совпадаютъ и объединяются съ интересами большинства ихъ согражданъ. Поэтому они могутъ быть виновны во многихъ нечестныхъ дѣйствіяхъ, или важныхъ ошибкахъ, но они никогда не будутъ систематически дѣйствовать въ направленіи враждебномъ этому большинству, и съ ними не можетъ случиться, чтобы они направили правительство на исключительный и опасный путь.

Притомъ же дурное управленіе какого-нибудь чиновника, при демократіи, есть отдѣльный фактъ, могущій имѣть значеніе только въ теченіе короткаго періода этого управленія. Продажность и неспособность не суть общіе интересы, которые могли бы связывать людей постояннымъ образомъ.

Продажный или неспособный чиновникъ не будетъ соображать свои дѣйствія съ дѣйствіями другого чиновника только по той причинѣ, что послѣдній тоже продаженъ и неспособенъ, и эти два человѣка никогда не будутъ работать вмѣстѣ съ цѣлью развить продажность и неспособность у своихъ потомковъ. Напротивъ, честолюбіе и хитрость одного послужатъ

къ тому, чтобы снять маску съ другого. Пороки должностного лица въ демократіяхъ обыкновенно всецѣло принадлежатъ ему лично.

Но при управленіи аристократіи общественные дѣятели имѣютъ классовые интересы, которые хотя иногда и совпадаютъ съ интересами большинства, но часто бываютъ отъ нихъ и различны. Эти интересы составляютъ между ними общую и прочную связь; они заставляютъ ихъ соединять и соображать ихъ усилія въ видахъ достиженія цѣли, которою не всегда бываетъ счастіе наибольшаго числа: они не только связываютъ между собою правящихъ людей; они связываютъ ихъ также со значительной долей управляемыхъ, потому что многіе граждане, не занимая никакой должности, входятъ однако въ составъ аристократіи.

Такимъ образомъ чиновникъ-аристократъ встрѣчаетъ постоянную поддержку какъ въ обществѣ, такъ и въ правительствѣ.

Эта общая цѣль, которая въ аристократіяхъ соединяетъ служащихъ лицъ съ интересами нѣкоторой части ихъ современниковъ, въ тоже время объединяетъ и, такъ сказать, подчиняетъ ихъ интересамъ будущихъ поколѣній. Они работаютъ столько же для будущаго, какъ и для настоящаго. Поэтому аристократическій чиновникъ направляется сразу къ одной и той же цѣли и стремленіями управляемыхъ и своими собственными и, почти можно бы сказать, стремленіями своего потомства.

Можно ли удивляться, что онъ не противостоитъ имъ? Поэтому въ аристократіяхъ часто оказывается, что классовый духъ увлекаетъ и тѣхъ, кого онъ не подкупаетъ, и заставляетъ ихъ безсознательно, мало-помалу принаравливать общество къ своимъ потребностямъ и подготовлять его для своего потомства.

Я не знаю, существовала ли гдѣ-нибудь аристократія столь либеральная, какъ въ Англіи, и которая бы безъ перерыва доставляла правительству своей страны людей столь достойныхъ и просвѣщенныхъ.

Легко однако замѣтить, что въ англійскомъ законодательствѣ потребности бѣднаго часто приносились въ жертву потребностямъ богатаго и права большаго числа привилегіяхъ немногихъ; поэтому Англія въ настоящее время соединяетъ въ себѣ всѣ крайности богатства и бѣдности, такъ что въ ней встрѣчается нищета и бѣдствія почти равныя ея могуществу и славѣ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ общественнымъ служащимъ нѣтъ надобности заботиться о преобладаніи классовыхъ интересовъ и общій и постоянный ходъ правленія въ нихъ благодѣтеленъ, несмотря на то, что правящія лица часто бываютъ неумѣлы, а иногда и достойны презрѣнія.

Такимъ образомъ въ глубинѣ демократическихъ учрежденій существуетъ скрытая тенденція, часто заставляющая людей, не смотря на ихъ пороки и заблужденія, содѣйствовать сообща общему благосостоянію, тогда какъ въ аристократическихъ учрежденіяхъ оказывается иногда тайная склонность, увлекающая ихъ, несмотря на таланты и доблести, къ содѣйствію бѣдствіямъ ихъ согражданъ. Итакъ, можетъ случиться, что при аристократическомъ правленіи общественные люди дѣлаютъ зло сами того не желая, а при демократіи они производятъ добро, не думая о немъ.

Общественный духъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Инстинктивная любовь къ отечеству.—Обдуманный патріотизмъ.—Различныя ихъ свойства.—Народы должны изъ всѣхъ силъ стремиться ко второму виду патріотизма, когда пропадаетъ первый.—Усилія сдѣланныя для этого американцами.—Выгоды отдѣльной личности, тѣсно связанныя съ интересами всей страны.

Существуетъ любовь къ отечеству, имѣющая по преимуществу свой источникъ въ томъ безсознательномъ, безкорыстномъ и неопредѣленномъ чувствѣ, которое привязываетъ сердце человѣка къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ родился. Эта инстинктивная любовь совпадаетъ со склонностью къ стариннымъ обычаямъ, съ почтеніемъ къ памяти предковъ и къ воспоминаніямъ о прошломъ; испытывающіе это чувство такъ же любятъ свою страну, какъ родительскій домъ. Они любятъ спокойствіе, которымъ они въ ней пользуются, дорожатъ мирными привычками, пріобрѣтенными въ ней; привязываются къ представляемымъ ею воспоминаніямъ и даже находятъ нѣкоторую сладость жить въ ней въ повиновеніи. Часто эта любовь къ отечеству еще усиливается религіозною ревностью и тогда она дѣлаетъ чудеса. Она и сама есть нѣкотораго рода религія: она не разсуждаетъ, а вѣритъ, чувствуетъ и дѣйствуетъ. Бывали такіе народы, которые какъ бы олицетворяли отечество, видя его въ особѣ государя. Поэтому они перенесли на послѣдняго часть чувствъ, составляющихъ патріотизмъ; они гордились его побѣдами и его могуществомъ. Было время, при старинной монархіи, когда французы чувствовали нѣкоторую радость сознавая себя вполнѣ отданными на произволъ монарха, и съ гордостію говорили: „мы живемъ подъ властью сильнѣйшаго на свѣтѣ короля“.

Какъ и всякая непродуманная страсть, такая любовь къ своей странѣ ведетъ скорѣе къ произведенію большихъ, но временныхъ усилій, чѣмъ къ постоянному проявленію силы. Спасши государство во время опасности, она часто допускаетъ его прійти въ упадокъ во время мира.

Когда народъ еще простъ въ своихъ нравахъ и твердъ въ своихъ вѣрованіяхъ, когда общество спокойно держится стариннаго порядка вещей, законность котораго никѣмъ не оспаривается, тогда царствуетъ такая инстинктивная любовь къ отечеству.

Есть другая любовь, болѣе разумная; она менѣе великодушна, можетъ-быть менѣе горяча, но за то она плодотворнѣе и прочнѣе: эта любовь происходитъ отъ знанія; она развивается съ помощію законодательства, возрастаетъ по мѣрѣ пользованія правами и наконецъ какъ бы сливается съ личнымъ интересомъ. Человѣкъ понимаетъ, какое вліяніе имѣетъ благополучіе его страны на его собственное, знаетъ, что законъ даетъ ему возможность участвовать въ произведеніи этого благополучія, и интересуется процвѣтаніемъ страны, сначала какъ дѣломъ полезнымъ для него самого, а потомъ—какъ своимъ твореніемъ.

Но иногда въ жизни народовъ бываютъ моменты, когда старинные обычаи измѣняются, нравы уничтожаются, вѣрованія колеблются, обаяніе воспоминаній изчезаетъ, а просвѣщеніе еще недостаточно и политическія права непрочны и ограничены. Тогда люди видятъ отечество лишь въ слабомъ и невѣрномъ освѣщеніи; они не находятъ его ни въ условіяхъ мѣстности, которая сдѣлалась для нихъ безду́шною землей, ни въ обычаяхъ ихъ предковъ, на которые ихъ пріучили смотрѣть какъ на рабство, ни въ религіи, въ которой они сомнѣваются, ни въ законахъ, которые не

ими дѣлаются, ни въ законодателѣ, котораго они боятся и не уважаютъ. Значитъ они не видятъ его нигдѣ, ни въ собственномъ его образѣ, ни въ какомъ-либо другомъ, и потому замыкаются въ узкомъ и темномъ эгоизмѣ. Такіе люди уходятъ отъ предразсудковъ, но не признаютъ господства разума; у нихъ нѣтъ ни инстинктивнаго патріотизма монархіи, ни разумнаго патріотизма республикъ; они останавливаются между тѣмъ и другимъ, среди безпорядка и бѣдствій.

Что дѣлать при подобныхъ обстоятельствахъ?—Итти назадъ. Но народы такъ же не могутъ возвратиться къ чувствамъ ихъ юности, какъ и отдѣльные люди не возвращаются къ невиннымъ склонностямъ ихъ ранняго возраста: они могутъ сожалѣть о нихъ, но не въ состояніи вновь возстановить ихъ. Надо, слѣдовательно, итти впередъ и стараться ускорить соединеніе, въ глазахъ народа, индивидуальнаго интереса съ пользою страны, потому что безкорыстная любовь къ отечеству уходитъ уже безвозвратно.

Я, конечно, далеко не утверждаю, чтобы для достиженія этого результата нужно было сразу предоставить всѣмъ людямъ политическія права; но я говорю, что самымъ сильнымъ и можетъ-быть единственнымъ остающимся у насъ средствомъ заинтересовать людей въ судьбѣ ихъ родины было бы предоставленіе имъ участія въ управленіи ею. Въ наше время гражданскій духъ, мнѣ кажется, неразрывно соединенъ съ пользованіемъ политическими правами, и я думаю, въ будущемъ мы увидимъ, что число гражданъ въ Европѣ будетъ увеличиваться или уменьшаться соотвѣтственно расширенію политическихъ правъ.

Отчего происходитъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ жители только со вчерашняго дня прибыли въ занимаемую ими страну, куда они не принесли съ собой ни обычаевъ, ни воспоминаній, гдѣ они въ первый разъ встрѣчаются другъ съ другомъ, не будучи раньше знакомы, гдѣ, однимъ словомъ, инстинктивная любовь къ отечеству едва лишь можетъ существовать, отчего происходитъ, что тамъ всякій интересуется дѣлами своей общины, своего околодка и всего государства, какъ бы своими собственными?—Оттого, что всякій, въ своей сферѣ, принимаетъ дѣятельное участіе въ управленіи обществомъ.

Человѣкъ народа въ Соединенныхъ Штатахъ понялъ вліяніе, оказываемое общимъ благосостояніемъ на его личное благополучіе,—идею такую простую и такъ мало сознаваемую народомъ. Кромѣ того онъ привыкъ смотрѣть на это благосостоянія, какъ на дѣло своихъ рукъ. Поэтому онъ видитъ въ общественномъ богатствѣ свое собственное и трудится для блага государства не только изъ долга или изъ чести, но, я бы почти смѣлъ сказать, изъ корыстолюбія.

Чтобъ убѣдиться въ истинѣ всего предыдущаго, нѣтъ надобности изучать учрежденія и исторію американцевъ; на нее достаточно указываютъ уже ихъ нравы. Такъ какъ американецъ принимаетъ участіе во всемъ, что дѣлается въ его странѣ, то онъ считаетъ для себя нужнымъ защищать все, что въ ней подвергается критикѣ, потому что эта критика касается не только его страны, но и его самого; поэтому его національная гордость прибѣгаетъ ко всякимъ хитростямъ и доходитъ до ребячествъ, свойственныхъ личному тщеславію.

Нѣтъ ничего стѣснительнѣе въ обычной жизни, какъ этотъ раздражительный патріотизмъ Американцевъ. Иностранецъ готовъ бы былъ хвалить многое въ ихъ странѣ; но онъ бы желалъ, чтобъ ему было позволено и порицать что-нибудь, а въ этомъ-то ему рѣшительно и отказываютъ.

Америка есть, значитъ, такая страна свободы, въ которой иностранецъ, чтобы никого не оскорбить, не долженъ говорить ни о частныхъ лицахъ, ни о государствѣ, ни о правителяхъ, ни объ управляемыхъ, ни объ общественныхъ, ни о частныхъ предпріятіяхъ,—словомъ, ни о чемъ, что тамъ встрѣчается, кромѣ, развѣ, можетъ-быть почвы и климата; да и то бываютъ такіе американцы, которые готовы защищать то и другое, какъ будто бы они содѣйствовали ихъ образованію.

Въ наше время необходимо принять опредѣленное рѣшеніе и имѣть смѣлость сдѣлать выборъ между патріотизмомъ всѣхъ и правленіемъ небольшого числа, потому что невозможно соединить общественную силу и дѣятельность, даваемую первымъ съ гарантіями спокойствія представляемыми иногда вторымъ.

Понятіе о правахъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Нѣтъ великихъ народовъ, не имѣющихъ понятія о правахъ.—Въ чемъ состоитъ средство дать народу понятіе о правахъ.—Уваженіе къ правамъ въ Соединенныхъ Штатахъ.—Откуда оно происходитъ.

Послѣ общей идеи добродѣтели я не знаю другой, болѣе прекрасной, чѣмъ идея права, или, лучше сказать, эти двѣ идеи совпадаютъ. Идея права есть ничто иное, какъ идея добродѣтели, внесенная въ политическій міръ.

На основаніи идеи права люди опредѣлили, что такое распущенность и тираннія. Наученный ею, всякій могъ быть независимымъ безъ надменности и послушнымъ безъ низости. Человѣкъ, подчиняющійся грубой силѣ, покоряется и унижается; но когда онъ подчиняется праву власти, признаваемому имъ за другимъ себѣ подобнымъ, то онъ такъ сказать возвышается даже надъ тѣмъ, кто ему приказываетъ. Нѣтъ великихъ людей безъ добродѣтели; безъ уваженія къ праву не бываетъ великаго народа; можно почти сказать, что не бываетъ общества, такъ какъ что такое собраніе существъ, обладающихъ разумомъ и умственными способностями, для которыхъ единственною связью была бы сила?

Я спрашиваю себя, какое въ настоящее время существуетъ средство внушить людямъ идею права и сдѣлать ее для нихъ, такъ сказать, наглядною, и вижу только одно, состоящее въ предоставленіи имъ мирнаго пользованія нѣкоторыми правами. Это видно на дѣтяхъ, которые тоже люди, только не имѣющіе силы и опытности. Когда ребенокъ начинаетъ двигаться посреди внѣшнихъ предметовъ, то инстинктъ направляетъ его къ тому, чтобы взять себѣ все, что ему попадается подъ руку. Онъ не имѣетъ понятія о томъ, чтобы что-нибудь, хотя бы самое существованіе, могло быть собственностью другого; но по мѣрѣ того, какъ онъ начинаетъ сознавать цѣну вещей и узнаетъ, что и у него самого могутъ ихъ отнять, онъ дѣлается болѣе осмотрительнымъ и наконецъ начинаетъ уважать у себѣ подобныхъ то, что онъ желалъ бы, чтобъ уважали у него.

Что происходитъ у ребенка съ его игрушками, то впослѣдствіи происходитъ у взрослаго человѣка относительно всѣхъ предметовъ ему принадлежащихъ. Почему въ Америкѣ, странѣ по преимуществу демократической, никто не высказываетъ противъ собственности вообще тѣхъ жалобъ, которыя часто раздаются въ Европѣ? Очевидно потому, что въ Америкѣ нѣтъ пролетаріевъ. Такъ какъ каждый имѣетъ частную собственность, требующую защиты, то каждый и признаетъ въ принципѣ право собственности.

Въ политическомъ мірѣ происходитъ то же самое. Въ Америкѣ человѣкъ изъ народа имѣетъ высокое представленіе о политическихъ правахъ, потому что онъ самъ пользуется политическими правами. Онъ не нарушаетъ чужихъ правъ, чтобы другіе не нарушали его правъ. И тогда какъ въ Европѣ этотъ человѣкъ не признаетъ даже верховной власти, американецъ безропотно подчиняется власти самаго мелкаго изъ своихъ чиновниковъ.

Эта истина проявляется даже въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ жизни народовъ. Во Франціи есть мало удовольствій, въ которыхъ бы участвовали одни высшіе классы общества; бѣдный принимается почти всюду, куда можетъ войти богатый. Потому онъ и ведетъ себя прилично и относится съ уваженіемъ ко всему тому, чѣмъ онъ пользуется вмѣстѣ съ богатымъ. Въ Англіи, гдѣ богатство пользуется привилегіей веселья, какъ и монополіей власти, жалуются на то, что когда бѣдняку удастся тихонько пробраться въ помѣщеніе, назначенное для удовольствій богатыхъ, то ему нравится портить тамъ все, безъ всякой надобности. Что-жъ этому удивляться, когда приняты мѣры, чтобъ онъ не терпѣлъ отъ этого никакого убытка?

Демократическое правленіе проводитъ понятіе о политическихъ правахъ въ сознаніе послѣдняго изъ гражданъ, подобно тому какъ раздѣленіе имуществъ даетъ всѣмъ людямъ понятіе объ общемъ правѣ собственности. Это въ моихъ глазахъ составляетъ одну изъ главныхъ его заслугъ.

Я не говорю, что это легкое дѣло,—научить всѣхъ людей пользоваться политическими правами; я говорю только, что когда это возможно, то результаты, получаемые отъ него, велики.

И я прибавляю, что если въ какой нибудь вѣкъ долженъ быть предпринятъ подобный опытъ, то именно въ нашъ.

Развѣ вы не видите, что религіи клонятся къ упадку и что понятіе о божественномъ правѣ исчезаетъ? Не замѣчаете ли вы, что нравы портятся, а вмѣстѣ съ ними теряется и моральное понятіе о правѣ?

Не усматриваете ли вы, что со всѣхъ сторонъ вѣрованія уступаютъ мѣсто разсужденіямъ, а чувства – разсчетамъ? И если посреди этого всеобщаго потрясенія вамъ не удастся связать идею права съ личнымъ интересомъ, который одинъ представляетъ собою какъ бы неподвижную точку въ человѣческомъ сердцѣ, то что останется у васъ для управленія міромъ, кромѣ страха?

Поэтому, когда мнѣ говорятъ, что законы слабы, а управляемые безпокойны, что страсти сильны, а добродѣтель безсильна, и что при такихъ условіяхъ не слѣдуетъ думать объ увеличеніи правъ демократіи, то я отвѣчаю, что именно вслѣдствіе этихъ-то причинъ я и полагаю, что надо объ этомъ думать. И я въ самомъ дѣлѣ нахожу, что правительства еще болѣе заинтересованы въ этомъ, чѣмъ общество, потому что правительства погибаютъ, а общество не можетъ умереть. Я, впрочемъ, не хочу злоупотреблять примѣромъ Америки.

Въ Америкѣ народъ получилъ политическія права въ такую эпоху, когда ему трудно было сдѣлать изъ нихъ дурное употребленіе, потому что гражданъ было немного и нравы ихъ были просты. Увеличившись въ числѣ, американцы не увеличили, такъ сказать, правъ демократіи, а скорѣе только расширили пространство ея дѣйствія.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что моментъ предоставленія политическихъ правъ народу, лишенному ихъ до тѣхъ поръ, есть моментъ кризиса часто необходимаго, но всегда опаснаго.

Ребенокъ убиваетъ, когда онъ не знаетъ цѣны жизни: онъ отнимаетъ

чужую собственность, пока не сознаетъ, что и у него ее могутъ отнять. Человѣкъ изъ народа въ моментъ предоставленія ему политическихъ правъ находится по отношенію къ нимъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ ребенокъ находится относительно всей природы, такъ что къ нему въ этомъ случаѣ можно примѣнить знаменитое изреченіе: *homo puer robustus*.

Эта истина открывается въ самой Америкѣ. Въ тѣхъ штатахъ, гдѣ граждане раньше всего получили свои права, они лучше всего и умѣютъ ими пользоваться. Нужно постоянно помнить: нѣтъ ничего болѣе способнаго производить чудеса, какъ искусство быть свободнымъ, но и нѣтъ ничего тяжелѣе, какъ обученіе свободѣ. Въ другомъ положеніи находится деспотизмъ. Онъ является часто цѣлителемъ всѣхъ претерпѣваемыхъ бѣдствій, опорою справедливости, защитникомъ угнетенныхъ и основателемъ порядка. Народы засыпаютъ во временномъ благополучіи, а когда просыпаются, то оказываются несчастными. Свобода, наоборотъ, родится обыкновенно посреди бурь; она съ трудомъ устанавливается посреди гражданскихъ распрей и благодѣянія ея познаются только послѣ долгаго ея существованія.

Объ уваженіи къ закону въ Соединенныхъ Штатахъ.

Уваженіе американцевъ къ закону.—Отеческая любовь, которую они къ нему чувствуютъ.—Личный интересъ, находимый каждымъ въ увеличеніи силы закона.

Не всегда практически удобно призывать весь народъ къ прямому или косвенному участію въ составленіи законовъ; но нельзя отрицать, что когда это исполнимо, то законъ пріобрѣтаетъ отъ этого большой авторитетъ. Это народное происхожденіе, которое иногда вредитъ достоинству и мудрости законовъ, чрезвычайно увеличиваетъ ихъ могущество.

Въ выраженіи воли всего народа есть необыкновенная сила. Когда она проявляется явно, то воображеніе даже тѣхъ, кто хотѣлъ бы съ ней бороться, оказывается какъ бы подавленнымъ ею.

Эта истина хорошо извѣстна всѣмъ партіямъ.

Поэтому всюду, гдѣ только возможно, онѣ оспариваютъ правильность счета большинства. Если онѣ не получили его въ средѣ тѣхъ, кто воздержался отъ подачи голоса; а если и тамъ большинство ускользаетъ отъ нихъ, то онѣ снова находятъ его въ средѣ тѣхъ, кто не имѣлъ права голосовать.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, за исключеніемъ рабовъ, прислуги и неимущихъ, содержимыхъ на счетъ общинъ, нѣтъ никого, кто бы не былъ избирателемъ и кто бы въ силу этого не участвовалъ косвенно въ составленіи законовъ. Значитъ тѣмъ, кто хочетъ итти противъ этихъ законовъ, остается явно сдѣлать одно изъ двухъ: или измѣнить мнѣніе націи, или презрѣть ея волю.

Къ этой первой причинѣ нужно присоединить другую, еще болѣе непосредственную и сильную, состоящую въ томъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ каждый имѣетъ нѣкоторую личную выгоду въ томъ, чтобы всѣ повиновались закону, потому что тотъ, кто теперь не находится въ составѣ большинства, завтра можетъ оказаться въ его рядахъ, такъ что ему придется требовать для выраженія своей воли такого же уваженія, какое онъ оказываетъ теперь выраженію воли законодателя. Поэтому, какъ бы ни былъ нехорошъ законъ, но житель Соединенныхъ Штатовъ подчиняется

ему безъ труда нетолько какъ созданію большинства, но и какъ своему собственному. Онъ смотритъ на него какъ на договоръ, въ которомъ онъ состоитъ участникомъ

Вслѣдствіе этого въ Соединенныхъ Штатахъ мы не видимъ многочисленной и всегда безпокойной толпы, которая, считая законъ своимъ естественнымъ врагомъ, смотритъ на него лишь со страхомъ и подозрѣніемъ. Невозможно, напротивъ, не замѣтить, что всѣ классы выказываютъ большое довѣріе къ законамъ, управляющимъ страною, и чувствуютъ къ нимъ нѣчто вродѣ отеческой любви.

Я ошибаюсь, говоря: всѣ классы. Такъ какъ въ Америкѣ европейская лѣстница властей поставлена навыворотъ, то богатые находятся въ положеніи Европейскихъ бѣдныхъ; они-то часто и опасаются закона. Я сказалъ уже въ другомъ мѣстѣ, что дѣйствительное преимущество демократическаго правленія заключается не въ томъ, что оно охраняетъ интересы всѣхъ, какъ это иногда утверждали, но въ томъ, что оно покровительствуетъ интересамъ наибольшаго числа. Въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ управляютъ бѣдные, богатые всегда могутъ опасаться, что бѣдные употребятъ свою власть во зло противъ нихъ.

Это настроеніе умовъ въ средѣ богатыхъ можетъ возбуждать глухое недовольство, но оно не производитъ въ обществѣ насильственныхъ потрясеній, потому что та же причина, которая мѣшаетъ богатому оказывать довѣріе къ законодателю, не позволяетъ ему и презирать его требованія. Онъ не дѣлаетъ законовъ, потому что онъ богатъ, и не смѣетъ ихъ нарушить по причинѣ своего богатства. Въ цивилизованныхъ націяхъ бунтуютъ только тѣ, кому нечего терять. Такимъ образомъ, если законы демократіи не всегда бываютъ достойны уваженія, то почти всегда уважаются, такъ какъ тѣ, кто вообще нарушаетъ законы, не могутъ не слушаться тѣхъ законовъ, которые они сами установили и которыми они сами пользуются, а тѣ, для кого было бы выгодно ихъ нарушеніе, по своему характеру и положенію склонны подчиняться всякой волѣ законодателя. Впрочемъ народъ въ Америкѣ повинуется закону не только потому, что онъ его создалъ но и потому, что онъ можетъ его измѣнить, если случайно онъ непріятенъ ему. Сначала онъ подчиняется ему какъ злу, самимъ имъ на себя возложенному, а потомъ какъ злу преходящему.

Дѣятельность, царствующая во всѣхъ частяхъ политическаго организма въ Соединенныхъ Штатахъ.—Вліяніе, оказываемое ею на общество.

Труднѣе представить себѣ политическую дѣятельность, царствующую въ Соединенныхъ Штатахъ, чѣмъ встрѣчаемыя въ нихъ свободу и равенство. — Великое движеніе, безпрерывно волнующее законодательныя учрежденія, есть лишь эпизодъ или продолженіе этаго всеобщаго движенія. — Трудность для американца заниматься только своими собственными дѣлами. — Политическая агитація распространяется въ гражданскомъ обществѣ.—Живость промышленной дѣятельности американцевъ обусловлена отчасти этою причиною. — Косвенныя выгоды, извлекаемыя обществомъ изъ демократическаго правленія.

Когда изъ свободной страны переходишь въ другую не свободную, то поражаешься самымъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ: тамъ всюду были дѣятельность и движеніе; здѣсь все кажется спокойнымъ и неподвижимымъ. Въ одной странѣ только и рѣчи, что объ улучшеніяхъ и прогрессѣ; въ другой можно сказать, что общество, какъ будто получившее всѣ блага,

желаетъ только спокойствія, чтобъ ими наслаждаться. И однако же та страна, которая такъ волнуется, чтобы сдѣлаться счастливой, бываетъ обыкновенно болѣе богата и болѣе преуспѣваетъ, чѣмъ та, которая, повидимому, такъ довольна своей участью. Наблюдая ту и другую, съ трудомъ понимаешь, какимъ образомъ въ первой ежедневно появляется столько новыхъ потребностей, тогда какъ во второй ихъ повидимому испытывается столь мало.

Если это замѣчаніе можно примѣнить къ тѣмъ свободнымъ странамъ, которыя сохранили монархическій образъ правленія, и къ тѣмъ, въ которыхъ господствуетъ аристократія, то оно еще болѣе примѣнимо къ демократическимъ республикамъ. Въ нихъ не одна уже только часть народа предпринимаетъ улучшить положеніе общества; весь народъ берется за это. Дѣло идетъ уже объ удовлетвореніи нуждъ и удобствъ не одного класса, но всѣхъ классовъ одновременно.

Возможно представить себѣ безграничную свободу, которою пользуются американцы; можно составить себѣ понятіе и объ ихъ крайнемъ равенствѣ; но чего нельзя понять, не видѣвши лично, это политической дѣятельности, царствующей въ Соединенныхъ Штатахъ.

Лишь только вы высаживаетесь на американскую землю, какъ чувствуете, что вы находитесь посреди какой-то суматохи; смутный гулъ подымается со всѣхъ сторонъ; тысячи голосовъ одновременно доходятъ до вашего слуха и каждый изъ нихъ служитъ выраженіемъ какой-нибудь общественной потребности. Все вокругъ васъ движется: здѣсь народъ изъ одного околодка собрался, чтобы рѣшить, нужно ли строить церковь; тамъ хлопочатъ о выборѣ представителя; дальше выборные отъ кантона спѣшатъ въ городъ, чтобы рѣшить вопросъ о нѣкоторыхъ мѣстныхъ улучшеніяхъ; въ другомъ мѣстѣ деревенскіе земледѣльцы бросаютъ свою пашню, чтобъ идти обсуждать проектъ дороги или школы. Иные граждане собираются съ единственною цѣлью заявить, что они не одобряютъ дѣятельности правительства, тогда какъ другіе сходятся для того, чтобы провозгласить, что теперешніе члены правительства — отцы отечества. Наконецъ вотъ еще нѣкоторые, которые, считая пьянство главнымъ источникомъ всѣхъ бѣдствій государства, вступаютъ въ торжественное соглашеніе, съ цѣлію подавать примѣры трезвости [1]).

Великое политическое движеніе, безпрестанно волнующее американскія законодательныя учрежденія, и единственное, которое замѣтно извнѣ, представляетъ собою только эпизодъ, или нѣкотораго рода продолженіе того всеобщаго движенія, которое, начинаясь въ послѣднихъ рядахъ народа, постепенно распространяется на всѣ классы гражданъ. Невозможно съ большимъ трудомъ зарабатывать себѣ счастіе.

Трудно сказать, какое мѣсто занимаютъ политическія заботы въ жизни обитателя Соединенныхъ Штатовъ. Вмѣшиваться въ управленіе обществомъ и говорить объ этомъ составляетъ самое важное дѣло и, такъ сказать, единственное удовольствіе, извѣстное американцу. Это замѣтно даже въ самыхъ мелкихъ привычкахъ его жизни: даже женщины часто являются на публичныя собранія и, слушая политическія рѣчи, отдыхаютъ отъ до-

[1]) Общества трезвости суть ассоціаціи, члены которыхъ взаимно обязуются не употреблять спиртныхъ напитковъ. Во время моего пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ, въ обществахъ трезвости считалось уже болѣе 270.000 членовъ и вслѣдствіе ихъ вліянія потребленіе спиртныхъ напитковъ въ одномъ штатѣ Пенсильваніи уменьшилось на 500.000 галлоновъ (около 185.000 ведеръ).

машнихъ заботъ. Клубы для нихъ до извѣстной степени замѣняютъ спектакли. Американецъ не умѣетъ разговаривать: онъ ведетъ пренія; онъ не говоритъ просто, а разсуждаетъ и доказываетъ. Въ разговорѣ съ вами онъ всегда какъ будто обращается къ собранію; и если случайно разгорячится, то скажетъ: господа, обращаясь къ своему собесѣднику.

Въ нѣкоторыхъ странахъ обитатели ихъ лишь съ извѣстнаго рода неудовольствіемъ принимаютъ политическія права, даруемыя имъ закономъ. Занимать ихъ общими дѣлами—значитъ какъ будто отнимать у нихъ время; и они охотно замыкаются въ узкомъ эгоизмѣ, для котораго точными границами служатъ четыре канавы съ заборомъ вдоль ихъ.

Напротивъ, еслибъ американцу пришлось заниматься одними собственными дѣлами, то у него была бы отнята половина его жизни; онъ почувствовалъ бы въ ней какъ бы безконечную пустоту и сдѣлался бы невѣроятно несчастнымъ [1]).

Я убѣжденъ, что если когда-нибудь деспотизму удастся основаться въ Америкѣ, то для него еще труднѣе будетъ одолѣть привычки, порожденныя свободой, чѣмъ превозмочь самую любовь къ свободѣ.

Это постоянно возрождающееся волненіе, внесенное демократическимъ правленіемъ въ политическую сферу, переходитъ за тѣмъ и въ гражданское общество. Взявши все въ разсчетъ, я не знаю, не составляетъ ли это самаго главнаго преимущества демократическаго правленія, такъ что я хвалю его гораздо больше за то, что оно заставляетъ дѣлать, чѣмъ за то, что оно само дѣлаетъ.

Несомнѣнно, что народъ часто очень нехорошо управляетъ общественными дѣлами, но народъ не можетъ участвовать въ общественныхъ дѣлахъ безъ того, чтобъ умъ его не вышелъ изъ своей обыкновенной рутины. Человѣкъ изъ народа, призванный къ управленію обществомъ, получаетъ нѣкоторое уваженіе къ себѣ. Такъ какъ онъ тогда становится властью, то очень просвѣщенные умы служатъ его уму. Къ нему безпрестанно обращаются, чтобы найти въ немъ опору, и стараясь обмануть его на тысячу разныхъ ладовъ, тѣмъ самымъ научаютъ его. Въ политикѣ онъ принимаетъ участіе въ такихъ предпріятіяхъ, которыя не онъ задумалъ, но которыя даютъ ему вкусъ къ предпріятіямъ вообще. Ему каждый день указываютъ, какія новыя улучшенія нужно сдѣлать въ общемъ имуществѣ, и въ немъ возникаетъ желаніе улучшить свое собственное имущество. Онъ можетъ-быть не будетъ ни добродѣтельнѣе, ни счастливѣе, но будетъ просвѣщеннѣе и дѣятельнѣе своихъ предшественниковъ. Я не сомнѣваюсь, что демократическія учрежденія въ связи съ физическою природой страны составляютъ причину, если не прямую, какъ говорятъ многіе, то косвенную того удивительнаго промышленнаго движенія, которое замѣчается въ Соединенныхъ Штатахъ. Оно производится не законами, но народъ, создавая законы, научается производить его.

Когда противники демократіи утверждаютъ, что одинъ дѣлаетъ лучше то за что онъ берется, чѣмъ правительство всѣхъ, то мнѣ кажется, что они правы. Правительство одного, предполагая въ томъ и другомъ случаѣ равенство знаній, послѣдовательнѣе, чѣмъ множество людей: оно выказы-

---

1) Подобный фактъ былъ уже наблюдаемъ въ Римѣ при первыхъ кесаряхъ.

Монтескьё гдѣ-то дѣлаетъ замѣчаніе, что ничто не могло сравняться съ отчаяніемъ нѣкоторыхъ римскихъ гражданъ, которые послѣ жизни проведенной въ волненіяхъ политической дѣятельности, вдругъ принуждены были замкнуться въ спокойствіи частной жизни.

ваетъ больше настойчивости, больше общаго пониманія, больше совершенства въ подробностяхъ и болѣе вѣрный взглядъ при выборѣ людей. Тѣ, кто отрицаетъ это, никогда не видали демократической республики, или судятъ на основаніи немногихъ примѣровъ. Демократія, даже въ томъ случаѣ, когда она поддерживается мѣстными обстоятельствами и настроеніемъ народа, не имѣетъ того глазомѣра, который бы позволилъ ей установить въ правительствѣ административную правильность и методическій порядокъ; это правда. Демократическая свобода не исполняетъ каждой изъ своихъ задачъ съ такимъ совершенствомъ, какъ интеллигентный деспотизмъ; часто она бросаетъ ихъ прежде, чѣмъ онѣ дали плодъ, или берется за предпріятія рискованныя и опасныя. Но въ окончательномъ результатѣ она производитъ больше; она не такъ хорошо исполняетъ каждое дѣло, но она больше дѣлаетъ этихъ дѣлъ. При ея господствѣ не то хорошо, что дѣлаетъ общественная администрація, а то, что дѣлается безъ нея и внѣ ея. Демократія не даетъ народу самаго искуснаго правительства, но она дѣлаетъ то, чего не въ силахъ часто создать и самое искусное правительство; она распространяетъ по всему общественному организму безпокойную дѣятельность и выступающія отъ избытка наружу силу и энергію, которыхъ безъ нея никогда не бываетъ, но которыя при сколько-нибудь благопріятныхъ обстоятельствахъ могутъ производить чудеса. Въ этомъ заключаются ея дѣйствительныя преимущества.

Въ этомъ вѣкѣ, въ которомъ судьбы христіанскаго міра находятся какъ бы въ неопредѣленномъ положеніи, одни спѣшатъ нападать на демократію, какъ на враждебную силу, пока она еще въ періодѣ роста, другіе уже поклоняются ей, какъ новому богу, выходящему изъ ничего; но ни тѣ, ни другіе не вполнѣ хорошо знакомы съ предметомъ ихъ ненависти, или ихъ стремленій; они борятся въ потьмахъ и наносятъ другъ другу лишь случайные удары.

Чего требуете вы отъ общества и отъ общественнаго правительства? Объ этомъ надо сговориться.

Хотите ли вы дать человѣческому уму извѣстную высоту, извѣстный широкій взглядъ на земныя дѣла? Хотите ли вы внушить людямъ нѣкотораго рода презрѣніе къ земнымъ благамъ? Желаете ли вы вызвать или поддержать глубокія убѣжденія и подготовить способность къ большому самопожертвованію?

Или для васъ дѣло состоитъ въ томъ, чтобы смягчить нравы, улучшить обращеніе, создать процвѣтаніе искусствъ? Хотите ли вы поэзіи, грома, славы?

Предполагаете ли вы организовать народъ такимъ образомъ, чтобы онъ могъ имѣть сильное дѣйствіе на всѣ другіе? Предназначаете ли вы его для великихъ предпріятій и для того, чтобы оставить великій слѣдъ въ исторіи, каковы бы ни были результаты его усилій?

Если такова, по вашему мнѣнію, главная задача, которую должны имѣть въ виду люди, дѣйствующіе въ обществѣ, то не берите себѣ демократическаго правленія, — оно не привело бы васъ вѣрно къ цѣли.

Но если вы находите полезнымъ обратить умственную и моральную дѣятельность человѣка на нужды матеріальной жизни и употребить ее на созданіе матеріальнаго благосостоянія; если разсудокъ кажется вамъ полезнѣе для людей, чѣмъ геній; если задача ваша состоитъ въ созданіи не геройскихъ доблестей, а мирныхъ привычекъ; если для васъ легче видѣть пороки, чѣмъ преступленія, и вы предпочитаете, чтобы было меньше

великихъ дѣяній, съ условіемъ чтобы меньше было и великихъ злодѣйствъ; если, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать въ средѣ блестящаго общества, для васъ достаточно жить въ средѣ общества благоденствующаго; если, наконецъ, главная цѣль правительства состоитъ, по вашему мнѣнію, не въ томъ, чтобы дать всей совокупности націи какъ можно болѣе силы и славы, а въ томъ, чтобы каждому изъ отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ націю, дать возможно большее благосостояніе и избавить его отъ нищеты:— тогда уравнивайте общественное положеніе людей и устраивайте правленіе демократіи.

Если уже не время выбирать и сила высшая, чѣмъ сила человѣка, увлекаетъ васъ, не спрашивая вашего желанія, въ сторону одного изъ двухъ правленій, то старайтесь по крайней мѣрѣ получить отъ него все то хорошее, что оно можетъ дать; и зная его хорошія стремленія, также какъ и его дурныя склонности, приложите усилія къ тому, чтобы развить первыя и ограничить послѣднія.

ГЛАВА VII.

О всемогуществѣ большинства въ Соединенныхъ Штатахъ и о послѣдствіяхъ этого.

Естественная сила большинства въ демократіяхъ. — Большая часть американскихъ конституцій еще искусственно увеличили эту естественную силу. — Какимъ образомъ?—Условныя полномочія.—Моральное владычество большинства.— Мнѣніе о его непогрѣшимости.—Уваженіе къ его правамъ.—Отчего оно увеличивается въ Соединенныхъ Штатахъ.

По самому существу всякаго демократическаго правленія, господство большинства въ немъ должно быть абсолютно; потому что, помимо большинства, въ демократіяхъ нѣтъ ничего устойчиваго.

Большая часть американскихъ конституцій постарались еще искусственно увеличить эту естественную силу большинства [1]).

Изъ всѣхъ политическихъ властей законодательная власть охотнѣе всего повинуется большинству. Американцы пожелали сдѣлать такъ, чтобы члены законодательнаго собранія назначались *непосредственно* народомъ и *на очень короткій срокъ*, чтобы заставить ихъ подчиниться не только общимъ взглядамъ, но и ежедневнымъ желаніямъ ихъ избирателей.

Они взяли членовъ обѣихъ палатъ изъ однихъ и тѣхъ же общественныхъ классовъ и посредствомъ одинакаго способа избранія, такъ что дѣйствія законодательнаго собранія почти столь же быстры и не менѣе неудержимы, какъ и дѣйствія одной палаты.

Когда законодательная власть была устроена такимъ образомъ, то они соединили въ ея средѣ почти все управленіе.

Увеличивая силу властей, которыя уже по природѣ были сильны, законъ все болѣе обезсиливалъ тѣ изъ нихъ которыя естественно были слабы. Онъ не давалъ представителямъ исполнительной власти ни прочности, ни неза-

---

[1]) При разсмотрѣніи союзной конституціи мы видѣли, что законодателями Союза дѣлались усилія въ противоположномъ направленіи. Результатомъ ихъ было то, что союзное правительство оказалось болѣе независимымъ въ своей сферѣ, чѣмъ правительство отдѣльныхъ штатовъ. Но союзное правительство занимается только внѣшними дѣлами; дѣйствительно управляютъ американскимъ обществомъ правительства штатовъ

висимости, и подчинивъ ихъ вполнѣ случайнымъ желаніямъ законодательнаго собранія, онъ отнималъ у нихъ ту небольшую долю вліянія, которую они могли бы проявлять, согласно съ природою демократическаго правленія.

Во многихъ штатахъ онъ предоставлялъ назначеніе судебной власти избранію большинства и во всѣхъ ставилъ существованіе ея нѣкоторымъ образомъ въ зависимость отъ законодательной власти, давая представителямъ право ежегодно назначать жалованье судей.

Обычай пошелъ еще дальше, чѣмъ законъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ все болѣе и болѣе распространяется обычай, который наконецъ сдѣлаетъ безполезными гарантіи представляемыя представительнымъ правленіемъ; очень часто случается, что избиратели при выборѣ депутата указываютъ ему планъ дѣйствій и возлагаютъ на него извѣстное число опредѣленныхъ обязательствъ, отъ которыхъ онъ совершенно не можетъ уклониться. За исключеніемъ шума, это все равно какъ еслибы большинство само обсуждало дѣло на площади.

Кромѣ того, многія особенныя обстоятельства способствуютъ въ Америкѣ тому, чтобы сдѣлать власть большинства не только преобладающею, но и неодолимою.

Моральное значеніе большинства основывается отчасти на той мысли, что во многихъ людяхъ, собравшихся вмѣстѣ, больше разума и знанія чѣмъ въ одномъ человѣкѣ, и что число законодателей важнѣе ихъ выбора.

Это теорія равенства, примѣненная къ умственнымъ способностямъ. Теорія эта затрогиваетъ человѣческую гордость въ ея послѣднемъ убѣжищѣ; поэтому меньшинство лишь съ трудомъ принимаетъ ее и не скоро привыкаетъ къ ней. Вслѣдствіе этого власть большинства подобно всякой власти и, можетъ быть, даже больше чѣмъ всякая другая, нуждается въ продолжительномъ существованіи, чтобы казаться законною. Когда она лишь начинаетъ устанавливаться, то заставляетъ слушаться себя по принужденію; только долго проживая подъ ея законами начинаютъ ее уважать.

(2) Идея о томъ, что большинство, по своему знанію, имѣетъ право на управленіе обществомъ, принесено было на почву Соединенныхъ Штатовъ ихъ первыми обитателями. Эта идея, которой одной достаточно было для созданія свободнаго народа, въ настоящее время перешла уже въ нравы и отражается на самыхъ мелкихъ жизненныхъ привычкахъ.

Французы, при стариной монархіи, считали за несомнѣнное, что король никогда не можетъ погрѣшать; и когда случалось, что онъ поступалъ нехорошо, то они думали, что въ этомъ виноваты его совѣтники. Это очень облегчало повиновеніе. Можно было роптать на законъ, не переставая любить и уважать законодателя. Американцы имѣютъ такое же мнѣніе о большинствѣ.

Моральное вліяніе большинства основывается еще на томъ принципѣ, что выгоды большаго числа дожны предпочитаться выгодамъ меньшаго. Но не трудно понять, что уваженіе, испытываемое къ этому праву наибольшаго числа, естественно возрастаетъ или уменьшается, сообразно съ положеніемъ партій. Когда нація раздѣлена между нѣсколькими непримиримыми интересами, преимущество большинства часто забывается, потому что становится слишкомъ трудно ему подчиняться.

Если бы въ Америкѣ былъ такой классъ гражданъ, у котораго законодатель старался бы отнять какія-нибудь исключительныя выгоды, принадлежавшія ему въ теченіе вѣковъ и который онъ желалъ бы низвести съ

высокаго положенія въ среду народа, то вѣроятны меньшинство не легко подчинилось бы его законамъ.

Но, такъ какъ Соединенные Штаты населены были людьми равными между собою, то и теперь еще не существуетъ естественной и постоянной разноголосицы между интересами ихъ различныхъ жителей.

Бываетъ такой общественный строй, при которомъ члены меньшинства не могутъ разсчитывать на привлеченіе къ себѣ членовъ большинства, потому что для этого слѣдовало бы отказаться отъ самаго предмета борьбы, которую они ведутъ противъ него. Аристократія, напр., не могла бы сдѣлаться большинствомъ, сохранивши свои исключительныя привиллегіи и не могла бы поступиться этими привиллегіями, не переставая быть аристократіей.

Въ Соединенныхъ Штатахъ постановка политическихъ вопросовъ не имѣетъ такого общаго и абсолютнаго характера и всѣ партіи готовы признавать права большинства, потому что всѣ онѣ надѣются когда-нибудь воспользоваться ими для своей выгоды.

Такимъ образомъ большинство въ Соединенныхъ Штатахъ имѣетъ и огромное фактическое могущество, и почти такое же могущество основанное на общественномъ мнѣніи; и если оно по какому-нибудь вопросу образовалось, то нѣтъ уже, такъ сказать, никакихъ препятствій, которыя могли бы, не скажу остановить, а хотя бы задержать его движеніе и дать ему время услышать жалобы тѣхъ, кого оно давитъ мимоходомъ.

Слѣдствія такого положенія вещей пагубны и опасны въ будущемъ.

Какимъ образомъ всемогущество большинства увеличиваетъ въ Америкѣ законодательную и административную неустойчивость, свойственную природѣ демократій.

Какимъ образомъ американцы увеличиваютъ свойственную демократіи законодательную неустойчивость, ежегодно мѣняя законодателей и облекая ихъ почти безграничною властью. Тѣ же послѣдствія происходятъ и по отношенію къ администраціи.— Въ Америкѣ къ общественнымъ улучшеніямъ прилагается сила гораздо большая, но менѣе постоянная, чѣмъ въ Европѣ.

Ранѣе я говорилъ о недостаткахъ, свойственныхъ правленію демократіи; изъ нихъ нѣтъ ни одного, который бы не возрасталъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ силы большинства.

Начнемъ съ самаго замѣтнаго.

Законодательная неустойчивость есть зло, присущее домократическому правленію, потому что демократіи по природѣ склонны возводить во власть новыхъ людей. Но зло это бываетъ болѣе или менѣе велико, смотря по величинѣ власти и средствамъ дѣйствія, предоставляемымъ законодателю.

Въ Америкѣ учрежденію, создающему законы, дается верховная власть Оно можетъ быстро и безпрепятственно исполнять каждое свое желаніе и ежегодно ему даютъ другихъ представителей. Значитъ принята именно такая комбинація, которая наиболѣе способствуетъ демократической неустойчивости и даетъ возможность демократіи примѣнять свою измѣнчивую волю къ самымъ важнымъ предметамъ.

Поэтому-то изо всѣхъ странъ на свѣтѣ въ Америкѣ въ настоящее время законы имѣютъ наименѣе продолжительное существованіе. Почти во всѣ американскія конституціи за послѣднія тридцать лѣтъ введены были поправки, такъ что нѣтъ штата, который бы въ теченіе этого періода не измѣнилъ въ основаніи своихъ законовъ.

Что касается до самихъ законовъ, то достаточно бросить взглядъ на архивы различныхъ штатовъ Союза, чтобы убѣдиться, что въ Америкѣ дѣятельность законодателя никогда не замедляется. Не то, чтобъ американская демократія по природѣ своей была болѣе непостоянна, чѣмъ всякая другая, но ей дана возможность слѣдовать при составленіи законовъ, естественной неустойчивости своихъ склонностей [1]).

Всемогущество большинства и быстрое, неограниченное исполненіе его воли въ Соединенныхъ Штатахъ не только дѣлаетъ законъ непрочнымъ, но оказываетъ такое же вліяніе на примѣненіе его и на дѣятельность общественной администраціи.

Такъ какъ большинство есть единственная сила, которой нужно угодить, то всѣ съ горячностью содѣйствуютъ его предпріятіямъ; но съ той минуты, какъ вниманіе его обращается въ другую сторону, всѣ усилія прекращаются; тогда какъ въ свободныхъ странахъ Европы, гдѣ административная власть существуетъ независимо и имѣетъ прочное положеніе, воля законодателя продолжаетъ исполняться и тогда, когда онъ занятъ уже другими предметами.

Въ Америкѣ нѣкоторыя улучшенія дѣлаются съ гораздо большимъ рвеніемъ и болѣе усиленною дѣятельностью, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Въ Европѣ на эти самыя дѣла употребляется общественная сила гораздо меньшая, но болѣе постоянно дѣйствующая.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкоторые религіозные люди задумали улучшить состояніе тюремъ. Общество было тронуто ихъ рѣчами и возрожденіе преступниковъ сдѣлалось популярнымъ дѣломъ.

Тогда были воздвигнуты новыя тюрьмы. Въ первый разъ идея преобразованія преступника проникла въ тюрьму вмѣстѣ съ идеей наказанія. Но счастливый переворотъ, къ которому общество присоединилось съ такою горячностью и который, вслѣдствіе одновременнаго усилія всѣхъ гражданъ, становился неизбѣжнымъ, не могъ однако совершиться въ одну минуту.

Рядомъ съ новыми исправительными тюрьмами, развитіе которыхъ ускорялось желаніями большинства, продолжали существовать и старыя тюрьмы, въ которыхъ находилось еще очень много преступниковъ. И послѣднія становились повидимому все вреднѣе для здоровья и нравственности по мѣрѣ того, какъ новыя тюрьмы дѣлались болѣе здоровыми и исправляющими. Этотъ двойной результатъ легко понятенъ; большинство, озабоченное мыслью объ основаніи новыхъ заведеній, забыло о ранѣе существовавшихъ. И такъ какъ всякій отвертывался отъ предмета, не привлекавшаго болѣе взгляда властителя, то всякое наблюденіе за ними прекратилось. Спасительныя узы дисциплины сначала были ослаблены, а потомъ скоро и вовсе порваны. И рядомъ съ тюрьмой, представлявшей собою прочный памятникъ мягкихъ нравовъ и просвѣщенія нашего времени, оказывалась другая тюрьма, напоминавшая времена средневѣкового варварства.

---

[1]) Законодательные акты, обнародованные въ одномъ штатѣ Массачузетсъ, начиная съ 1780 года до нашего времени, составляютъ уже три толстыхъ тома. И при этомъ надо еще замѣтить, что сводъ, о которомъ я говорю, былъ пересмотрѣнъ въ 1823 году и изъ него были исключены многіе законы слишкомъ старые, или потерявшіе значеніе. Между тѣмъ штатъ Массачузетсъ, населеніе котораго не превышаетъ населенія одного изъ нашихъ департаментовъ, можетъ считаться самымъ стойкимъ и наиболѣе послѣдовательнымъ и разсудительнымъ въ своихъ предпріятіяхъ.

Тиранніе большинства.

Какъ надо понимать принципъ верховной власти народа?—Невозможность представить себѣ смѣшанное правленіе.—Необходимо, чтобы верховная власть находилась гдѣ-нибудь.—Предосторожности, которыя слѣдуетъ принимать съ цѣлью умѣрить ея дѣйствіе.—Онѣ не были приняты въ Соединенныхъ Штатахъ.—Что отъ этого произошло?

Я считаю нечестивымъ и отвратительнымъ то правило, что въ дѣлѣ управленія большинство можетъ дѣлать все, что вздумается, и однако же въ волѣ большинства вижу источникъ всякой власти. Нахожусь ли я въ противорѣчіи съ самимъ собой?

Существуетъ общій законъ, который сдѣланъ, или по крайней мѣрѣ принятъ не большинствомъ того или другого народа, но большинствомъ всѣхъ людей. Этотъ законъ есть справедливость.

Справедливость, такимъ образомъ, составляетъ предѣлъ права каждаго народа.

Нація есть какъ бы судъ присяжныхъ, на который возложено представительство всемірнаго общества и примѣненіе справедливости, составляющей его законъ. Судъ присяжныхъ, представляющій собою общество, долженъ ли имѣть больше власти, чѣмъ само общество, законы котораго онъ примѣняетъ?

Поэтому, если я отказываюсь повиноваться несправедливому закону, то я не отрицаю за большинствомъ права повелѣвать, но только аппеллирую отъ верховной власти народа къ верховной власти всего человѣчества.

Есть люди, не побоявшіеся сказать, что въ дѣлахъ касающихся только самого народа, онъ не можетъ совершенно выйти изъ границъ справедливости и разума, и что поэтому не было бы опасно дать представляющему его большинству всякую власть. Но это рабскія рѣчи.

Что такое въ самомъ дѣлѣ большинство, взятое въ его совокупности, какъ не индивидъ, который имѣетъ мнѣнія, а чаще всего и интересы противоположныя съ мнѣніями и интересами другого индивида, который называется меньшинствомъ? Но если вы допускаете, что одинъ человѣкъ, облеченный безграничною властью, можетъ злоупотребить ею противъ своихъ противниковъ, то почему не допустите вы того же и для большинства? Развѣ люди, сходясь вмѣстѣ, измѣняютъ свой характеръ? Сдѣлавшись сильнѣе, развѣ они становятся терпѣливѣе передъ препятствіями [1]). Что касается до меня, то я не могу этаго думать и потому власти дѣлать, что угодно, въ которой я отказываю одному изъ подобныхъ мнѣ людей, я никогда не предоставлю и многимъ.

Это не значитъ, чтобъ я считалъ возможнымъ для сохраненія свободы смѣшать нѣсколько принциповъ въ одной формѣ правленія, такъ чтобы дѣйствительно противопоставить ихъ одинъ другому.

Правленіе, которое называютъ смѣшаннымъ, мнѣ всегда казалось химерой. Собственно говоря смѣшаннаго правленія (въ томъ смыслѣ, какой дается этому слову) не существуетъ, потому что въ каждомъ обще-

---

[1]) Никто не будетъ утверждать, что народъ не можетъ злоупотребить своею силой относительно другого народа. Но партіи составляютъ какъ бы маленькія націи въ средѣ одной большой; онѣ состоятъ другъ къ другу въ такихъ же отношеніяхъ, какъ чужеземцы.

Если признается, что нація можетъ тираннически поступать съ другою націей, то какъ можно отрицать, что одна партія можетъ также поступать съ другою партіей?

ствѣ можно наконецъ найти принципъ дѣйствія, преобладающій надо-всѣми другими.

Англія XVIII-го столѣтія, которую преимущественно приводили въ примѣръ этаго рода правленія, была государствомъ по существу своему аристократическимъ; хотя въ ней и были значительные демократическіе элементы, но законы и нравы установились въ ней такъ, что аристократія въ концѣ концовъ во всякомъ случаѣ должна была получить въ ней преобладаніе и по своей волѣ управлять общественными дѣлами.

Ошибка эта произошла оттого, что, видя постоянно интересы высшаго сословія въ борьбѣ съ интересами народа, обращали вниманіе только на борьбу, а не на ея результаты, между тѣмъ какъ въ этомъ-то и былъ главный пунктъ вопроса. Когда общество въ самомъ дѣлѣ доходитъ до того, что правленіе у него смѣшанное, т.-е. поровну раздѣленное между двумя противоположными принципами, то оно или находится передъ началомъ революціи, или оно распадается.

Поэтому я полагаю, что всегда надо дать гдѣ-нибудь мѣсто общественной власти высшей надъ всѣми другими, но я считаю, что свободѣ грозитъ опасность, когда эта власть не встрѣчаетъ передъ собой никакого препятствія, которое могло бы задержать ея ходъ и дать ей время умѣрить самое себя.

Всемогущество кажется мнѣ по существу своему дѣломъ нехорошимъ и опаснымъ. Пользованіе имъ я считаю превышающимъ силы человѣка, кто бы онъ ни былъ, и думаю, что только Богъ одинъ безопасно можетъ быть всемогущъ, потому что Его мудрость и правда всегда равны Его могуществу. Поэтому нѣтъ на землѣ такой власти, какъ бы она ни была достойна уваженія сама по себѣ и какими бы священными правами она ни была облечена, которой бы я пожелалъ предоставить возможность дѣйствовать безконтрольно и господствовать безпрепятственно. И если я вижу, что какой-нибудь власти дается право и возможность дѣлать что вздумается, будь эта власть народъ или король, демократія или аристократія, и проявляйся она въ монархіи или въ республикѣ, я говорю: здѣсь зародышъ тиранніи, и стараюсь уйти оттуда и жить подъ другими законами.

За что я больше всего не одобряю демократическое правленіе, подобное тому, которое организовано въ Соединенныхъ Штатахъ, это не за слабость его, какъ думаютъ многіе въ Европѣ, но, напротивъ, за его неудержимую силу. И что мнѣ въ Америкѣ больше всего не нравится,—это не чрезвычайная свобода, царствующая въ ней, а слабость гарантій, имѣющихся тамъ противъ тиранніи.

Когда человѣкъ или партія въ Соединенныхъ Штатахъ страдаютъ отъ несправедливости, куда они могутъ обратиться? Къ общественному мнѣнію? Но оно-то и образуетъ большинство. Къ законодательному собранію? Но оно представляетъ собою большинство и слѣпо ему повинуется. Къ исполнительной власти? Она назначается большинствомъ и служитъ для него пассивнымъ орудіемъ. Къ военной силѣ? Но она есть не что иное какъ то же большинство, только вооруженное. Къ суду присяжныхъ? Судъ присяжныхъ есть большинство, облеченное правомъ произносить приговоры; даже судьи, и тѣ въ нѣкоторыхъ штатахъ выбираются большинствомъ. Значитъ какъ бы несправедлива и неразумна ни была направленная противъ васъ мѣра, вы должны ей покориться [1]).

[1]) Во время войны 1812 года въ Бальтиморѣ былъ поразительный примѣръ того, до какихъ крайностей можетъ дойти деспотизмъ большинства. Война въ это время была

Представьте себѣ, наоборотъ, законодательное собраніе, составленное такимъ образомъ, чтобъ оно представляло собою большинство, но не было непремѣнно рабомъ его страстей,—исполнительную власть, обладающую своей собственною силой, и судебную власть, независимую отъ двухъ другихъ: вы получите опять демократическое правленіе, но въ немъ уже почти не будетъ никакой вѣроятности для тиранніи.

Я не говорю, чтобы въ настоящее время тиранніа часто встрѣчалась въ Америкѣ, но я утверждаю, что тамъ нельзя найти гарантій противъ нея и что причину мягкости правительства слѣдуетъ искать скорѣе въ нравахъ и обстоятельствахъ, чѣмъ въ законахъ.

Вліяніе всемогущества большинства на произволъ американскихъ должностныхъ лицъ.

Свобода, предоставляемая американскимъ закономъ должностнымъ лицамъ въ предначертанномъ для нихъ закономъ кругу дѣйствій.—Ихъ сила и значеніе.

Надо различать произволъ отъ тиранніи. Тиранніа можетъ дѣйствовать посредствомъ самаго закона и тогда она не произвольна; произволъ можетъ дѣйствовать въ интересахъ управляемыхъ и тогда онъ не имѣетъ характера тиранніи.

Тиранніа обыкновенно пользуется произволомъ, но въ случаѣ нужды можетъ обходиться и безъ него.

Въ Соединенныхъ Штатахъ всемогущество большинства одновременно способствуетъ и легальному деспотизму законодателя и произволу чиновника. Такъ какъ большинство имѣетъ неограниченное право и издавать законы и наблюдать за ихъ исполненіемъ, а также одинаково можетъ контролировать и управляющихъ и управляемыхъ, то оно смотритъ на общественныхъ служащихъ какъ на своихъ пассивныхъ агентовъ и охотно до-

---

очень популярна въ Бальтиморѣ. Одна газета, сильно высказывавшаяся противъ войны, возбудила этимъ противъ себя негодованіе жителей. Народъ собрался, разбилъ печатные станки и напалъ на домъ журналистовъ. Хотѣли собрать милицію, но она не явилась на призывъ. Чтобы спасти несчастныхъ отъ народной ярости, рѣшили отвести ихъ въ тюрьму, какъ преступниковъ. Эта предосторожность оказалась безполезною; ночью опять собрался народъ и такъ какъ властямъ не удалось созвать милицію, то тюрьма была взломана, одинъ изъ журналистовъ убитъ на мѣстѣ, другіе оставлены замертво: виновные, преданные суду присяжныхъ, были оправданы

Однажды я спросилъ у одного жителя Пенсильваніи: „Объясните мнѣ, пожалуйста, какимъ образомъ въ штатѣ, основанномъ квакерами и извѣстномъ своей терпимостью вольноотпущенные негры не допускаются къ пользованію правами гражданина? Они платятъ подати; не справедливо ли было бы чтобъ они пользовались и правомъ голоса?“ — „Не обижайте насъ, отвѣчалъ онъ, предположеніемъ, что наши законодатели могли совершить дѣйствіе столь грубо несправедливое и нетерпимое“. —„Значитъ у васъ негры имѣютъ право голоса?“ —„Несомнѣнно“.—„Въ такомъ случаѣ отчего же сегодня утромъ на выборахъ я не видалъ ни одного изъ нихъ въ собраніи?“—„Въ этомъ виноватъ не законъ, отвѣчалъ мнѣ американецъ; правда что негры имѣютъ право являться на выборы, но они добровольно воздерживаются отъ этого.—„Вотъ странная скромность съ ихъ стороны!“ —„О! Дѣло не въ томъ, чтобы они не хотѣли туда идти, но они боятся подвергнутся тамъ дурному обращенію. У насъ бываетъ иногда, что законъ теряетъ силу, когда его не поддерживаетъ большинство. А большинство проникнуто величайшимъ предубѣжденіемъ противъ негровъ и должностныя лица считаютъ себя не въ силахъ гарантировать имъ пользованіе тѣми правами, которыя даны имъ законодателемъ.—„Какъ же такъ? Большинство, имѣющее исключительное право издавать законы, хочетъ еще имѣть право и нарушать ихъ?“

вѣряетъ имъ заботу объ исполненіи его намѣреній. Поэтому оно и не входитъ заранѣе въ подробности ихъ обязанностей и вовсе не заботится объ опредѣленіи ихъ правъ. Оно относится къ нимъ какъ могъ бы относиться къ своимъ слугамъ господинъ, который, видя ихъ постоянно дѣйствующими у себя передъ глазами, могъ бы ежеминутно направлять и исправлять ихъ дѣйствія.

Вообще законъ предоставляетъ американскимъ служащимъ гораздо больше чѣмъ у насъ свободы въ томъ кругу, который онъ для нихъ очерчиваетъ. Случается даже, что большинство позволяетъ имъ выходить изъ этого круга. Имѣя тогда гарантію во мнѣніи наибольшаго числа и сильные его содѣйствіемъ, они рѣшаются на такія вещи, которымъ европеецъ, привыкшій къ произволу, все-таки удивляется. Такимъ образомъ въ средѣ свободы образуются привычки, которыя когда-нибудь могутъ сдѣлаться пагубными для нея.

О власти, проявляемой большинствомъ въ Америкѣ надъ мыслью.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, когда большинство установило безповоротно свой взглядъ на какой-нибудь вопросъ, о немъ уже больше не разсуждаютъ. — Почему? — Сила моральнаго вліянія, оказываемаго большинствомъ на мысль. — Демократическія республики придаютъ деспотизму нематеріальный характеръ.

Когда мы доходимъ до разсмотрѣнія въ Америкѣ дѣятельности мысли, то особенно ясно замѣчаемъ, насколько могущество большинства больше всякаго другаго могущества, извѣстнаго намъ въ Европѣ.

Мысль есть сила невидимая и почти неуловимая, которая смѣется надъ всякою тиранніей. Въ наше время самые неограниченные монархи Европы не могли бы помѣшать нѣкоторымъ мыслямъ, враждебнымъ ихъ власти, втайнѣ циркулировать въ ихъ государствахъ и даже въ придворной ихъ средѣ. Не такъ въ Америкѣ. Тамъ, пока большинство еще не выяснилось, до тѣхъ поръ разговариваютъ, но разъ оно высказалось безповоротно, всякій умолкаетъ и тогда какъ друзья, такъ и враги, повидимому съ общаго согласія, запрягаются въ его колесницу. Причина этаго проста: нѣтъ такого абсолютнаго монарха, который бы могъ соединить въ своихъ рукахъ всѣ силы общества и уничтожить всякое сопротивленіе, какъ это можетъ сдѣлать большинство, облеченное правомъ издавать законы и приводить ихъ въ исполненіе.

Кромѣ того, король имѣетъ только матеріальную силу, которая можетъ вліять на поступки, но не на волю. Большинство же обладаетъ силою, которая одновременно есть и матеріальная и моральная, которая имѣетъ такое же вліяніе на волю, какъ и на дѣйствія и которая задерживаетъ вмѣстѣ и совершеніе факта и желаніе его совершить.

Я не знаю страны, въ которой бы вообще было меньше независимости мысли и дѣйствительной свободы обсужденія, чѣмъ въ Америкѣ.

Нѣтъ такого религіознаго или политическаго ученія, котораго нельзя было бы свободно проповѣдывать въ конституціонныхъ государствахъ Европы и которое не проникало бы и въ другія, потому что въ Европѣ нѣтъ страны до такой степени подчиненной одной власти, чтобы человѣкъ желающій въ ней высказать правду, не могъ найти опоры, способной оградить его отъ послѣдствій его независимаго образа дѣйствій. Если онъ имѣетъ несчастіе жить подъ абсолютнымъ правительствомъ, то часто онъ имѣетъ за себя народъ; если онъ живетъ въ свободной странѣ, то въ случаѣ

нуждъ онъ можетъ прикрыться за королевской властью. Аристократическая часть общества поддерживаетъ его въ демократическихъ странахъ, а демократія—въ другихъ. Но въ средѣ демократіи, организованной такъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, существуетъ только одна власть, одинъ элементъ силы и успѣха и внѣ его нѣтъ ничего.

Въ Америкѣ большинство ограничиваетъ мысль грознымъ кругомъ. Внутри его предѣловъ писатель свободенъ; но горе ему, если онъ осмѣлится выйти изъ него. Это не значитъ, чтобъ ему грозило ауто-да-фе, но онъ подвергается непріятностямъ всякаго рода и повседневному преслѣдованію. Политическая карьера для него закрыта, потому что онъ оскорбилъ единственную власть, которая можетъ ее открыть. Ему отказываютъ во всемъ, даже въ славѣ. Раньше обнародованія своихъ мнѣній онъ полагалъ, что имѣетъ сторонниковъ; теперь, когда онъ высказался явно передъ всѣми, ему кажется, что ихъ уже нѣтъ, потому что порицающіе его выражаются открыто, а тѣ, кто думаетъ какъ онъ, не имѣя его мужества, молчатъ и удаляются. Онъ наконецъ уступаетъ, сгибается подъ ежедневными усиліями и снова замолкаетъ, какъ будто бы онъ чувствовалъ угрызенія совѣсти оттого, что сказалъ правду.

Цѣпи и палачи—это грубыя орудія, когда то употреблявшіяся тиранніей; но въ наше время цивилизація усовершенствовала даже самый деспотизмъ, который, казалось бы, однако не имѣлъ нужды ничему уже учиться.

Государи такъ сказать матеріализировали насиліе; демократическія республики нашего времени сдѣлали его столь-же духовнымъ, какъ и человѣческая воля, которую онъ стремится подвергнуть принужденію. При неограниченномъ правленіи одного, деспотизмъ, чтобы дойти до души, грубо наносилъ удары тѣлу, и душа, ускользая изъ-подъ этихъ ударовъ, во славѣ подымалась надъ нимъ; но не такъ ведетъ дѣло тиранніе въ демократическихъ республикахъ; она оставляетъ въ сторонѣ тѣло и обращается прямо къ душѣ. Повелитель не говоритъ уже, какъ прежде: ты будешь думать по моему, или умрешь. Онъ говоритъ: вы можете думать иначе, чѣмъ я; ваша жизнь, имущество, все остается при васъ, но съ этого дня вы чужой между нами. Вы сохраняете ваши права гражданина, но они сдѣлаются для васъ безполезными, потому что если вы предложите себя на выборъ вашихъ согражданъ, то они васъ не выберутъ, и если вы будете требовать отъ нихъ только уваженія, то и тогда они будутъ дѣлать видъ, что отказываютъ вамъ въ немъ. Вы останетесь посреди людей, но потеряете свои человѣческія права. Когда вы приблизитесь къ кому-нибудь изъ себѣ подобныхъ, то они будутъ убѣгать отъ васъ какъ отъ существа нечистаго; и даже тѣ, кто вѣритъ вашей невинности, покинутъ васъ, потому что иначе ихъ также стали бы избѣгать. Идите съ миромъ, я оставляю вамъ жизнь, но она будетъ хуже смерти.

Абсолютныя монархіи опозорили деспотизмъ; слѣдуетъ опасаться, чтобы демократическія республики не возстановили его репутаціи и, чтобы, сдѣлавши его еще тяжелѣе для нѣкоторыхъ, онѣ не отняли бы у него въ глазахъ большинства его ненавистный образъ и его унизительный характеръ.

У самыхъ гордыхъ народовъ древности издавались сочиненія, имѣвшія цѣлію точно изобразить порокъ и смѣшныя стороны современниковъ. Лабрюеръ жилъ во дворцѣ Людовика XIV, когда онъ сочинилъ свою главу о знати, а Мольеръ критиковалъ придворное общество въ пьесахъ, давав-

шихся передъ царедворцами. Но власть, господствующая въ Соединенныхъ Штатахъ, не позволяетъ, чтобы надъ ней смѣялись такимъ образомъ. Самый легкій упрекъ ее оскорбляетъ, малѣйшая колкая истина ее пугаетъ; надо хвалить все, начиная съ формъ ея языка до самыхъ солидныхъ добродѣтелей. Никакой писатель, какъ бы ни была велика его извѣстность, не можетъ уклониться отъ этой обязанности кадить передъ своими согражданами. Такимъ образомъ большинство живетъ въ постоянномъ поклоненіи самому себѣ, и только иностранцы, или опытъ могутъ довести нѣкоторыя истины до слуха американцевъ.

Если въ Америкѣ не было до сихъ поръ великихъ писателей, то причины этого мы не должны искать ни въ чемъ другомъ. Литературный геній не можетъ существовать безъ свободы мысли, а въ Америкѣ нѣтъ свободы мысли.

Инквизиція никогда не могла помѣшать тому, чтобы въ Испаніи не ходили по рукамъ книги, противныя религіи большинства. Господство большинства въ Соединенныхъ Штатахъ достигло бо́льшаго: оно уничтожило самую мысль объ ихъ изданіи. Въ Америкѣ встрѣчаются невѣрующіе, но невѣріе не имѣетъ въ ней, такъ сказать, своего органа.

Есть правительства, которыя стараются охранять чистоту нравовъ, осуждая авторовъ безнравственныхъ книгъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ никого не присуждаютъ къ наказанію за такого рода сочиненія; но ни у кого нѣтъ охоты ихъ писать. Это не значитъ однако, чтобы всѣ граждане сохранили чистоту нравовъ, но большинство ведетъ жизнь правильную.

Въ данномъ случаѣ примѣненіе власти безъ сомнѣнія хорошо; но я говорю лишь о существѣ самой власти. Ея непреодолимая сила есть фактъ постоянный, тогда какъ ея хорошее употребленіе есть только случайность

Вліяніе оказываемое тираніей большинства на національный характеръ американцевъ.—Духъ лести въ Соединенныхъ Штатахъ.

Дѣйствіе тираніи большинства до сихъ поръ отражалось больше на нравахъ, чѣмъ на поведеніи общества. — Оно препятствуетъ развитію сильныхъ характеровъ.—Демократическія республики, организованныя подобно Соединеннымъ Штатамъ, примѣняютъ духъ придворной лести въ отношеніи къ большинству.—Доказательства существованія такого духа въ Соединенныхъ Штатахъ.—Почему патріотизма больше въ народѣ, чѣмъ въ тѣхъ, кто управляетъ отъ его имени.

Вліяніе всего предыдущаго на политическое общество чувствуется пока еще слабо; но уже становятся замѣтными вредные результаты его на національный характеръ американцевъ. И я полагаю, что постоянно возрастающему въ Соединенныхъ Штатахъ деспотизму большинства слѣдуетъ преимущественно приписать недостатокъ замѣчательныхъ людей, являющихся тамъ на политической сценѣ.

Когда вспыхнула американская революція, то они появились во множествѣ; въ то время общественное мнѣніе направляло волю людей, но не тираннизировало ее. Знаменитые люди этой эпохи, свободно присоединяясь къ движенію умовъ, имѣли лично имъ принадлежавшее величіе; они распространяли блескъ его на націю, а не заимствовали его отъ нея.

Въ абсолютныхъ правительствахъ знатные люди, близко стоящіе къ трону, льстятъ страстямъ своего повелителя и добровольно подчиняются его капризамъ. Но масса народа не примѣняется къ рабству; она часто

подчиняется ему по слабости, привычкѣ, или невѣжеству; иногда по любви къ королевской власти, или самому королю. Бывали примѣры, что народы находили свое удовольствіе и свою гордость въ томъ, чтобы жертвовать своею волей волѣ государя и такимъ образомъ даже въ повиновеніе вводили нѣкотораго рода душевную независимость. У этихъ народовъ мы находимъ гораздо менѣе униженія, чѣмъ бѣдствій. Притомъ есть большая разница между тѣмъ, чтобы дѣлать то чего не одобряешь, или притворяться, что одобряешь то, что дѣлаешь: одно свойственно слабому человѣку, другое составляетъ привычку однихъ лакеевъ.

Въ свободныхъ странахъ, гдѣ всякій бываетъ болѣе или менѣе призванъ къ выраженію своего мнѣнія о государственныхъ дѣлахъ, въ демократическихъ республикахъ, въ которыхъ общественная жизнь постоянно сливается съ частною, гдѣ верховная власть доступна со всѣхъ сторонъ и гдѣ достаточно возвысить голосъ, чтобъ онъ достигъ до ея слуха, тамъ встрѣчается гораздо болѣе людей старающихся спекулировать на ея слабости и жить на счетъ ея страстей, чѣмъ въ абсолютныхъ монархіяхъ. Это происходитъ не оттого, чтобы люди тамъ по природѣ были хуже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, но искушеніе тамъ сильнѣе и представляется бо́льшему числу людей одновременно. Изъ этого получается гораздо болѣе общее душевное униженіе.

Демократическія республики даютъ возможность наибольшему числу пользоваться духомъ придворной лести и сразу заставляютъ его проникать во всѣ классы общества. Это одинъ изъ главнѣйшихъ упрековъ, которые можно имъ сдѣлать.

Это въ особенности вѣрно по отношенію къ демократическимъ государствамъ, организованнымъ подобно американскимъ республикамъ, гдѣ большинство обладаетъ такимъ абсолютнымъ и непреодолимымъ господствомъ, что тотъ, кто хочетъ сойти въ сторону съ начертаннаго имъ пути, долженъ нѣкоторымъ образомъ отказаться отъ своихъ правъ гражданина и даже, такъ сказать, отъ своего человѣчества.

Между огромной толпой, которая въ Соединенныхъ Штатахъ, тѣснится на политической аренѣ, я видѣлъ очень мало людей, которые бы выказывали мужественную чистоту сердца и независимость мысли, столь часто отличавшія американцевъ въ первыя времена и составляющія всюду, гдѣ онѣ встрѣчаются, какъ бы самые выдающіеся признаки великаго характера. Съ перваго раза можно бы сказать, чтъ въ Америкѣ всѣ умы были построены по одному образцу,—до такой степени одинаковы пути, по которымъ они слѣдуютъ. Иностранецъ, правда, встрѣчаетъ иногда американцевъ уклоняющихся отъ строгости установленныхъ формулъ; случается, что они высказываютъ сожалѣніе о недостаткахъ законовъ. непостоянствѣ демократіи и отсутствіи у нея просвѣщенія; часто они доходятъ даже до того, что замѣчаютъ пороки, портящіе національный характеръ и указываютъ средства, которыя бы слѣдовало принять для ихъ исправленія; но при этомъ никто, кромѣ васъ, ихъ не слушаетъ; а вы, которому они довѣряютъ свои тайныя мысли, вы иностранецъ и пройдете мимо. Они охотно передаютъ вамъ истины, которыя для васъ не нужны и, отправляясь потомъ въ публику, говорятъ другія рѣчи.

Если эти строки попадутъ когда-нибудь въ Америку, то произойдутъ, я увѣренъ, двѣ вещи: первая, что всѣ читатели возвысятъ голосъ, чтобы меня осудить, вторая, что многіе изъ нихъ въ глубинѣ своей совѣсти оправдаютъ меня.

Я слышалъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ говорили объ отечествѣ. Я часто встрѣчалъ въ народѣ настоящій патріотизмъ; но я часто напрасно искалъ его въ тѣхъ, кто управляетъ народомъ. Это легко объясняется по аналогіи: деспотизмъ гораздо болѣе развращаетъ того, кто ему подчиняется, чѣмъ того, кто налагаетъ его на другого. Въ абсолютныхъ монархіяхъ король часто обладаетъ большими добродѣтелями, но царедворцы всегда низки.

Правда, что въ Америкѣ льстецы не говорятъ: Государь и Ваше Величество,—важное и существенное различіе,—но они постоянно говорятъ о природномъ, ясномъ умѣ ихъ владыки; они не ставятъ на перебой вопроса о томъ, какая изъ добродѣтелей государя заслуживаетъ наибольшаго удивленія, такъ какъ они утверждаютъ, что онъ обладаетъ всѣми добродѣтелями, не пріобрѣтая ихъ, и, такъ сказать, помимо своего желанія; они не отдаютъ ему своихъ женъ и дочерей, чтобы онъ удостоилъ ихъ возведенія въ санъ своихъ любовницъ, но они отдаютъ на позоръ самихъ себя, принося ему въ жертву свои убѣжденія.

Моралисты и философы въ Америкѣ не должны одѣвать своихъ мнѣній покровомъ аллегоріи; но передъ тѣмъ, чтобы рискнуть высказать непріятную истину, они говорятъ: мы знаемъ, что говоримъ съ народомъ слишкомъ высоко стоящимъ надъ слабостями человѣческими, чтобъ онъ не владѣлъ собою постоянно. Мы не говорили бы такимъ образомъ, еслибы не обращались къ людямъ, которыхъ ихъ добродѣтели и просвѣщеніе дѣлаютъ между всѣми другими единственно-достойными свободы.

Какъ могли бы льстецы Людовика XIV выразиться лучше этого?

Что касается до меня, то я думаю, что во всѣхъ правительствахъ, каковы бы они ни были, низость будетъ прилѣпляться къ силѣ, а лесть къ власти. И я знаю только одно средство сдѣлать, чтобы люди не унижались: это не давать никому ни всемогущества, ни соединеннаго съ нимъ верховнаго права ихъ унижать.

О томъ, что величайшая опасность для американскихъ республикъ происходитъ отъ всемогущества большинства.

Демократическія республики рискуютъ погибнуть не отъ слабости, а отъ дурнаго употребленія своей силы. — Правительство американскихъ республикъ болѣе централизовано и энергично, чѣмъ монархическія правительства Европы.—Проистекающая изъ этого опасность.—Мнѣнія по этому предмету Мадиссона и Джефферсона.

Правительства гибнутъ обыкновенно вслѣдствіе или безсилія, или тиранніи. Въ первомъ случаѣ власть ускользаетъ отъ нихъ, во второмъ ее у нихъ отнимаютъ.

Многіе, видя, что демократическія государства впадаютъ въ анархію, думали, что правительство въ нихъ по природѣ своей слабо и безсильно. Въ дѣйствительности, когда въ такихъ государствахъ загарается война между партіями, то правительство теряетъ уже свое вліяніе на общество. Но я не думаю, чтобы демократическая власть по природѣ своей была лишена силы и средствъ; я полагаю напротивъ, что она почти всегда погибаетъ вслѣдствіе злоупотребленія своей силой и дурнаго пользованія своими средствами. Анархія происходитъ почти всегда или отъ ея тиранніи, или отъ неспособности, но никакъ не отъ безсилія.

Не надо смѣшивать устойчивость съ силой, величину предмета съ его

прочностью. Въ демократическихъ республикахъ власть управляющая [1]) обществомъ не устойчива, потому что она часто мѣняетъ и свой объектъ и своего носителя. Но всюду, куда она направляется, сила ея оказывается почти неодолимой.

Мнѣ кажется, что правительство американскихъ республикъ столь же централизовано и болѣе энергично, чѣмъ правительство абсолютныхъ монархій Европы. Поэтому я не думаю, чтобъ оно могло погибнуть отъ слабости [2]).

Если бы свобода когда-нибудь исчезла въ Америкѣ, то причиной этаго слѣдовало бы признать всемогущество большинства, которое довело до отчаянія части населенія, находящіяся въ меньшинствѣ и принудило ихъ обратиться къ матеріальной силѣ. Тогда произойдетъ анархія, но она явится какъ слѣдствіе деспотизма.

Президентъ Джемсъ Мадиссонъ высказалъ подобныя же мысли (см. *Federalist* nº 51).

„Въ республикахъ, —говоритъ онъ,— большую важность имѣетъ не только защита общества отъ притѣсненія тѣхъ, кто имъ управляетъ, но также и охрана одной части общества отъ несправедливости другой части. Справедливость есть цѣль, къ которой должно стремиться всякое правительство; это и есть та цѣль, ради которой люди соединяются. Народы всегда дѣлали и будутъ дѣлать усилія для достиженія этой цѣли до тѣхъ поръ, пока имъ или удастся ея достигнуть, или они лишатся своей свободы.

„Если бы существовало такое общество, въ которомъ болѣе сильная партія была бы въ состояніи легко соединять свои силы для угнетенія болѣе слабой, то можно бы считать, что въ подобномъ обществѣ анархія господствуетъ такъ же, какъ и въ естественномъ состояніи, въ которомъ слабый индивидъ не имѣетъ никакой гарантіи противъ насилія со стороны сильнѣйшаго; и также какъ въ естественномъ состояніи неудобства невѣрнаго и случайнаго положенія заставляютъ сильнѣйшихъ подчиниться правительству, берущему на себя защиту какъ ихъ самихъ, такъ и слабыхъ, такъ и при анархическомъ порядкѣ управленія тѣ же мотивы малопомалу приведутъ наиболѣе сильныя партіи къ желанію имѣть правительство, которое бы оказывало одинаковое покровительство всѣмъ партіямъ, сильнымъ и слабымъ. Еслибы штатъ Родъ-Айлендъ былъ отдѣленъ отъ Союза и предоставленъ народному правительству, въ узкихъ предѣлахъ пользующемуся верховною властью, то несомнѣнно, что тиранніи большинства сдѣлала бы въ немъ пользованіе правами настолько невѣрнымъ, что стали бы требовать власти совершенно независимой отъ народа. Даже тѣ самыя партіи, которыя сдѣлали бы ее необходимой, поспѣшили бы обратиться къ ней“.

Джеффersонъ говорилъ также: „Исполнительная власть въ нашемъ правительствѣ не единственная и не она, можетъ-быть, составляетъ главный предметъ моихъ заботъ. Тиранніи законодателей составляетъ въ настоящее время и будетъ еще составлять въ теченіе многихъ лѣтъ самую страшную

[1]) Власть можетъ быть сосредоточена въ собраніи, тогда она сильна, но неустойчива; она можетъ быть сосредоточена и въ одномъ лицѣ, въ такомъ случаѣ она становится менѣе сильною, но болѣе устойчивою.

[2]) Безполезно, я думаю, обращать вниманіе читателя на то что здѣсь, какъ и далѣе во всей этой главѣ, я говорю не о союзномъ правительствѣ, но о частныхъ правительствахъ каждаго штата, которыми деспотически распоряжается большинство.

опасность. Тираннія исполнительной власти сдѣлается въ свою очередь опасной, но черезъ болѣе долгій періодъ времени“ [1]).

Я люблю въ такихъ вопросахъ приводить слова Джефферсона преимущественно передъ всякимъ другимъ, потому что я смотрю на него какъ на сильнѣйшаго проповѣдника когда-либо дѣйствовавшаго въ пользу демократіи.

ГЛАВА VIII.

Чѣмъ умѣряется въ Соединенныхъ Штатахъ тираннія большинства.

Отсутствіе административной централизаціи.

Національное большинство не представляетъ себѣ, чтобъ оно могло все дѣлать. — Для приведенія въ исполненіе своихъ верховныхъ рѣшеній оно принуждено обращаться къ должностнымъ лицамъ общины и графства.

Раньше я различилъ два вида централизаціи, изъ которыхъ одну я назвалъ правительственной, а другую административной.

Только первая существуетъ въ Америкѣ, вторая въ ней почти совершенно неизвѣстна.

Еслибы власть, управляющая американскими обществами, имѣла въ своемъ распоряженіи эти оба средства управленія и, съ правомъ всѣмъ повелѣвать, соединяла бы способность и привычку исполнять все самой; еслибъ, установивши общія основанія правленія, она проникала бы потомъ въ подробности ихъ примѣненія и, опредѣливши порядокъ завѣдыванія важнѣйшими интересами страны, могла бы дойти до предѣловъ личныхъ интересовъ, тогда свобода скоро была бы изгнана изъ Новаго Свѣта.

Но въ Соединенныхъ Штатахъ большинство, имѣющее часто вкусы и склонности деспота, не имѣетъ еще самыхъ усовершенствованныхъ орудій тираніи.

Ни въ одной изъ американскихъ республикъ центральное правительство никогда не занималось ничѣмъ, кромѣ небольшого числа предметовъ, важность которыхъ обращала на нихъ особое вниманіе. Оно не брало на себя упорядоченія второстепенныхъ общественныхъ дѣлъ; ничто не указываетъ на то, чтобы оно даже желало этого. Большинство, становясь все болѣе и болѣе неограниченнымъ, не увеличило сферы правъ центральной власти; оно сдѣлало ее только всемогущею въ этой сферѣ. Такимъ образомъ деспотизмъ можетъ быть очень тяжелъ въ извѣстномъ пунктѣ, но онъ не можетъ распространиться повсюду.

Кромѣ того, какъ бы ни увлекалось большинство націи своими страстями, какъ бы оно горячо ни относилось къ своимъ проектамъ, все же оно не можетъ сдѣлать, чтобы всѣ граждане во всѣхъ мѣстахъ одновременно и одинаково подчинялись его желаніямъ. Когда представляющее его центральное правительство издаетъ свое верховное приказаніе, то для исполненія этаго приказанія оно должно обращаться къ агентамъ, которые часто отъ него не зависятъ и которыми оно не можетъ ежеминутно управлять. Муниципальныя общества и администраціи графствъ представляютъ изъ себя такимъ образомъ какъ бы скрытые подводные камни, которые задерживаютъ, или раздробляютъ волну народной воли. И еслибъ законъ

[1]) Письмо Джефферсона къ Мадиссону отъ 15 марта 1789 г.

и имѣлъ угнетающій характеръ, то свобода нашла бы еще себѣ пріютъ въ томъ способѣ, какимъ исполнялся бы законъ; большинство не могло бы войти во всѣ подробности и, если я смѣю такъ выразиться, во всѣ пустяки административной тиранніи. Оно даже не представляетъ себѣ, чтобы это было для него возможно, такъ какъ оно не имѣетъ полнаго сознанія своего могущества. Оно знаетъ еще только свои естественныя силы и не подозрѣваетъ, до чего ихъ предѣлы могли бы быть увеличены искусственно.

Это заслуживаетъ того, чтобы надъ этимъ задуматься. Если бы случилось когда-нибудь, что демократическая республика, подобная Соединеннымъ Штатамъ, была бы основана въ странѣ, гдѣ единоличная власть уже установила и ввела какъ въ обычаи, такъ и въ законы, административную централизацію, то я смѣло утверждаю, что въ подобной республикѣ деспотизмъ сдѣлался бы нестерпимѣе, чѣмъ въ какой-нибудь изъ абсолютныхъ монархій Европы. Пришлось бы перейти въ Азію, чтобы найти что-нибудь подходящее для сравненія.

О духѣ законовѣдѣнія въ Соединенныхъ Штатахъ и о томъ, какъ онъ служитъ противовѣсомъ для демократіи.

Полезно изслѣдовать въ чемъ состоятъ естественныя стремленія законовѣднаго духа.—Законовѣды призваны играть важную роль въ обществѣ, стремящемся къ осуществленію.—Какимъ образомъ родъ занятій, которому посвящаютъ себя законовѣды, даетъ аристократическій оборотъ ихъ идеямъ.—Случайныя причины, могущія препятствовать развитію этихъ идей.—Легкость, съ которою аристократія соединяется съ законовѣдами.—Выгода, которую деспотъ могъ бы извлечь для себя изъ законовѣдовъ.—Какимъ образомъ законовѣды образуютъ единственный аристократическій элементъ, который по природѣ своей способенъ соединяться съ естественными элементами демократіи.—Особенныя причины, придающія аристократическій характеръ уму англійскаго и американскаго законовѣда.—Американская аристократія находится на адвокатскихъ скамьяхъ и судейскихъ креслахъ.—Вліяніе оказываемое законовѣдами на американское общество.—Какимъ образомъ духъ ихъ проникаетъ въ законодательное собраніе, въ администрацію и наконецъ даетъ самому народу нѣкоторыя судейскія склонности.

Посѣщая американцевъ и изучая ихъ законы, мы видимъ, что значеніе, которое они дали законовѣдамъ, и вліяніе, которое они предоставили имъ въ управленіи, образуютъ теперь самый сильный оплотъ противъ заблужденій демократіи. Этотъ результатъ зависитъ, мнѣ кажется, отъ общей причины, которую полезно изучить, такъ какъ она можетъ также проявиться и въ другихъ мѣстахъ.

Въ теченіе послѣднихъ пятисотъ лѣтъ законовѣды были замѣшаны во всѣ движенія европейскаго политическаго общества. Они то служили орудіями для разныхъ политическихъ силъ, то сами дѣлали эти силы своими орудіями. Въ средніе вѣка они удивительно содѣйствовали расширенію королевской власти; съ тѣхъ поръ они сильно трудились надъ ея ограниченіемъ. Въ Англіи они тѣсно соединялись съ аристократіей; во Франціи они являлись самыми опасными ея противниками. Что же, повинуются ли законовѣды однимъ внезапнымъ стремленіямъ данной минуты, или же они дѣйствуютъ болѣе или менѣе, смотря по обстоятельствамъ, на основаніи ихъ естественныхъ склонностей, постоянно возобновляющихся? Я бы желалъ разъяснить себѣ этотъ вопросъ, потому что, можетъ-быть, именно законовѣды призваны играть главную роль въ нараждающемся политическомъ обществѣ.

Люди, спеціально занимавшіеся изученіемъ законовъ, почерпаютъ въ этихъ занятіяхъ привычку къ порядку, извѣстный вкусъ къ формѣ, нѣкотораго рода инстинктивную склонность къ правильной связи мыслей, что всё естественно дѣлаетъ ихъ очень противоположными революціонному духу и необдуманнымъ стремленіямъ демократіи.

Спеціальныя знанія, пріобрѣтаемыя юристами при изученіи законовъ, даютъ имъ право на особенное мѣсто въ обществѣ и дѣлаютъ изъ нихъ какъ бы родъ привилегированнаго класса въ средѣ интеллигенціи. Каждый день они вновь сознаютъ это превосходство при отправленіи своей профессіи; они мастера въ наукѣ, для всѣхъ необходимой, но мало распространенной; они служатъ посредниками между гражданами и привычка направлять къ цѣли безсознательныя страсти тяжущихся заставляетъ ихъ относиться съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ сужденію толпы. Къ этому надо прибавить, что они составляютъ *сословное цѣлое*. Это не значитъ, чтобъ они сговаривались между собою и сообща направлялись къ одной цѣли; но общность занятій и единство образа дѣйствій связываютъ одинъ съ другимъ ихъ умы такъ же, какъ интересъ могъ бы связывать ихъ воли.

Такимъ образомъ въ глубинѣ души законовѣдовъ находится въ скрытомъ видѣ доля привычекъ и склонностей аристократіи. Подобно ей, они имѣютъ инстинктивную наклонность къ порядку, естественную любовь къ формѣ; подобно ей они чувствуютъ сильное отвращеніе къ дѣйствіямъ толпы и втайнѣ презираютъ народное правленіе.

Я не хочу сказать, что эти естественныя склонности законовѣдовъ настолько сильны, чтобы онѣ ихъ связывали непреодолимымъ образомъ. У законовѣдовъ, какъ и у всѣхъ людей, преобладаетъ личный интересъ и въ особенности интересъ данной минуты.

Бываютъ такія общества, въ которыхъ люди закона не могутъ занять въ политическомъ мірѣ положеніе подобное тому, которое они занимаютъ въ частной жизни; въ обществѣ, организованномъ такимъ образомъ, можно сказать съ увѣренностью, что они сдѣлаются самыми дѣятельными агентами революціи. Но надо изслѣдовать, происходитъ ли причина, заставляющая ихъ въ этомъ случаѣ разрушать и измѣнять, отъ ихъ постояннаго настроенія, или отъ случайности. Несомнѣнно, что юристы въ значительной мѣрѣ способствовали низверженію французской монархіи въ 1789 году. Остается узнать, дѣйствовали ли они такъ потому, что изучали законы, или потому, что не могли участвовать въ ихъ составленіи.

Пятьсотъ лѣтъ тому назадъ англійская аристократія становилась во главѣ народа и говорила отъ его имени; теперь она поддерживаетъ тронъ и является защитницей королевской власти. Однако же аристократія имѣетъ свои, собственно ей принадлежащіе, инстинкты и наклонности.

Надо остерегаться также того, чтобы не принимать отдѣльныхъ членовъ какого-нибудь сословія за всю его совокупность.

Во всѣхъ свободныхъ правительствахъ, какова бы ни была ихъ форма, всегда законовѣды встрѣчаются въ первыхъ рядахъ всѣхъ партій. Это же замѣчаніе приложимо и къ аристократіи. Почти всѣ демократическія движенія, волновавшія міръ, были направляемы людьми, принадлежавшими къ высшему классу.

Избранное общество никогда не бываетъ достаточно для всѣхъ честолюбій, заключенныхъ въ его средѣ; въ немъ всегда встрѣчается больше талантовъ и стремленій, чѣмъ случаевъ ихъ примѣненія, и всегда находится много людей, которые, не имѣя возможности достаточно быстро

возвыситься, пользуясь сословными привилегіями, стараются достичь этого нападая на эти самыя привилегіи.

Поэтому я не утверждаю, чтобы въ нѣкоторыя эпохи *всѣ* законовѣды, или чтобы *во всякое* время большинство ихъ непремѣнно являлись друзьями порядка и противниками перемѣнъ.

Я говорю, что въ обществѣ, въ которомъ они безспорно занимаютъ высокое положеніе, естественно имъ принадлежащее, умъ ихъ будетъ усиленно консервативнымъ и проявитъ антидемократическій характеръ.

Когда аристократія закрываетъ свои ряды для законовѣдовъ, то она встрѣчаетъ въ нихъ противниковъ тѣмъ болѣе опасныхъ, что, находясь ниже ея по богатству и власти, они независимы отъ нея по своей дѣятельности и чувствуютъ себя на ряду съ нею по образованности.

Но всякій разъ, какъ высшее сословіе соглашалось раздѣлить съ юристами нѣкоторыя изъ его привилегій, такъ соединеніе этихъ двухъ классовъ оказывалось очень удобнымъ, какъ будто бы они принадлежали къ одному семейству.

Я также склоненъ думать, что для короля всегда легко будетъ сдѣлать изъ законовѣдовъ самыя полезныя орудія своей власти.

Существуетъ гораздо большее естественное сродство между юристами и исполнительною властью, чѣмъ между первыми и народами, хотя случалось часто, что законовѣды помогали свергать исполнительную власть; точно также больше естественнаго сродства между королемъ и дворянами, чѣмъ между послѣдними и народомъ, хотя и бывало часто, что высшіе классы общества соединялись съ прочими для борьбы съ королевскою властью.

Больше всего на свѣтѣ законовѣды любятъ порядокъ въ жизни, а важнѣйшая гарантія порядка есть власть. Не слѣдуетъ кромѣ того забывать, что если они цѣнятъ свободу, то законность ставятъ вообще гораздо выше ея. Они боятся меньше тиранніи, чѣмъ произвола, и остаются почти довольны, если законодатель самъ отнимаетъ у людей ихъ независимость.

Я думаю поэтому, что государь, который, въ виду возрастающей демократіи, старался бы принизить въ своемъ государствѣ судебную власть и уменьшить политическое вліяніе законовѣдовъ, сдѣлалъ бы большую ошибку. Онъ бросилъ бы сущность власти, чтобъ удержать ея тѣнь.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что для него было бы полезнѣе ввести законовѣдовъ въ правительство. Можетъ быть, что, вручивши имъ деспотизмъ въ формѣ насилія, онъ получитъ его изъ ихъ рукъ подъ видомъ справедливости и законности.

Демократическое правленіе благопріятствуетъ политической силѣ законовѣдовъ. Когда богатый человѣкъ, дворянинъ и король исключены изъ правительства, тогда законовѣды входятъ въ него, такъ сказать, въ силу полнаго права, потому что они представляютъ тогда собою единственныхъ просвѣщенныхъ и умѣлыхъ людей, которыхъ народъ можетъ выбрать не изъ своей среды.

Если по своимъ вкусамъ законовѣды естественно склоняются на сторону аристократіи и монарха, то по своимъ интересамъ они столь же естественно склоняются къ народу.

Такимъ образомъ они любятъ правленіе демократіи, не раздѣляя ея склонностей и не подражая ея слабостямъ,—двоякая причина для того, чтобъ имѣть власть чрезъ нее и надъ ней.

Народъ въ демократіи не относится недовѣрчиво къ законовѣдамъ, такъ

какъ онъ знаетъ, что ихъ выгода заставляетъ ихъ служить его интересамъ: онъ слушаетъ ихъ безъ гнѣва, потому что не предполагаетъ у нихъ заднихъ мыслей. Дѣйствительно, законовѣды не желаютъ свергнуть правительство, установленное для себя демократіей, но они постоянно стараются дать ему такое направленіе, которое ему несвойственно, и тѣми средствами, которыя ему чужды. Юристъ принадлежитъ къ народу по своимъ интересамъ и происхожденію, а къ аристократіи—по своимъ привычкамъ и вкусамъ; онъ составляетъ какъ бы естественную связь между ними, какъ бы связующее кольцо этой цѣпи.

Сословіе законовѣдовъ образуетъ единственный аристократическій элементъ, который безъ труда можетъ смѣшиваться съ естественными элементами демократіи и удачно входить съ ними въ прочныя соединенія. Я знаю, какіе недостатки бываютъ присущи юридическому уму; но я, тѣмъ не менѣе, сомнѣваюсь, чтобы безъ этого смѣшенія юридическаго и демократическаго духа демократія могла бы долго управлять обществомъ, и не вѣрю, чтобы въ наше время республика могла разсчитывать на сохраненіе своего существованія, если вліяніе законовѣдовъ на дѣла не будетъ въ ней возрастать по мѣрѣ увеличенія власти народа.

Этотъ аристократическій характеръ, замѣчаемый мною въ духѣ законовѣдовъ, еще гораздо болѣе явственно проявляется въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи, чѣмъ во всякой другой странѣ. Это зависитъ не только отъ изученія законовъ англійскими и американскими законовѣдами, но отъ самой природы законодательства и отъ положенія занимаемаго ими у этихъ двухъ народовъ въ качествѣ посредниковъ и истолкователей.

Англичане и американцы сохранили законодательство, основанное на прецедентахъ, т. е. они продолжаютъ черпать во мнѣніяхъ и законныхъ рѣшеніяхъ своихъ предковъ тѣ мнѣнія, которыя они должны имѣть по вопросамъ, касающимся законовъ, и тѣ рѣшенія, которыя они должны постановлять.

Поэтому у англійскаго или американскаго законовѣда склонность и почтеніе ко всему старинному почти всегда соединяется съ любовью къ тому, что правильно и легально.

Это имѣетъ еще другое вліяніе на умственный складъ законовѣдовъ, а вслѣдствіе того и на ходъ общества.

Англійскій или американскій юристъ ищетъ того, что уже было сдѣлано, французскій—того, что слѣдовало бы сдѣлать; одному нужны рѣшенія, другому—доказательства.

Когда вы говорите съ англійскимъ или американскимъ юристомъ, то вы удивляетесь тому, какъ часто онъ цитируетъ мнѣнія другихъ и какъ рѣдко высказываетъ свое собственное, тогда какъ у насъ происходитъ обратное.

Нѣтъ такого мелкаго дѣла, которое бы французскій адвокатъ согласился вести безъ того, чтобы не внести въ него собственно ему принадлежащую систему идей; и онъ будетъ разсуждать объ основныхъ началахъ законодательства въ тѣхъ видахъ, чтобы судъ рѣшилъ передвинуть на аршинъ границу спорнаго наслѣдства.

Этаго рода отреченіе англійскаго и американскаго законовѣда отъ собственнаго пониманія ради того, чтобъ основаться на пониманіи предковъ, этаго рода рабство, въ которомъ ему приходится держать свою мысль, должно давать ему въ Англіи и Америкѣ болѣе несмѣлыя привычки и пріучать его къ большей неподвижности, чѣмъ во Франціи.

Наши писаные законы иногда бываютъ неудобопонятны, но всякій можетъ ихъ прочитать, тогда какъ нѣтъ ничего темнѣе для обыкновеннаго человѣка законодательства, основаннаго на прецедентахъ. Необходимость въ спеціальныхъ юристахъ, чувствуемая въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, и высокое мнѣніе, составляемое объ ихъ знаніяхъ, все больше и больше отдѣляютъ ихъ отъ народа и окончательно образуютъ изъ нихъ особый классъ общества. Французскій юристъ есть просто ученый человѣкъ, но англійскіе или американскіе законовѣды похожи отчасти на египетскихъ жрецовъ; подобно послѣднимъ они суть единственные истолкователи тайной науки.

Занимаемое законовѣдами въ Англіи и Америкѣ положеніе имѣетъ не меньшее вліяніе на ихъ мнѣнія и обычаи. Англійская аристократія, которая позаботилась о привлеченіи въ свою среду всего, что имѣло съ ней какое-нибудь естественное сходство, дала законовѣдамъ очень большую долю значенія и власти. Въ англійскомъ обществѣ они, если и не занимаютъ перваго мѣста, то остаются довольными тѣмъ мѣстомъ, какое имъ принадлежитъ. Они образуютъ какъ бы младшую вѣтвь англійской аристократіи и съ любовью и уваженіемъ относятся къ своимъ старшимъ, хотя и не раздѣляютъ съ ними всѣхъ ихъ привилегій. Такимъ образомъ англійскіе юристы соединяютъ съ аристократическими интересами своей профессіи аристократическія идеи и вкусы того общества, въ которомъ они живутъ.

Поэтому именно въ Англіи выражается всего рельефнѣе тотъ типъ законовѣдовъ, который я стараюсь изобразить: англійскій законовѣдъ цѣнитъ законы не столько по ихъ внутреннему достоинству, сколько по тому, что они стары; и если ему приходится въ чемъ-нибудь измѣнить ихъ, примѣняясь къ измѣненіямъ въ обществѣ, созданнымъ временемъ, то онъ прибѣгаетъ къ невѣроятно тонкимъ изворотамъ, чтобы убѣдить себя, что, прибавляя нѣчто къ сдѣланному его отцами, онъ только развиваетъ ихъ мысль и дополняетъ ихъ работу. Не надѣйтесь заставить его признать въ себѣ новатора; онъ скорѣе согласится договориться до нелѣпости, чѣмъ взвести на себя такое страшное преступленіе. Именно въ Англіи родился тотъ легальный духъ, для котораго, повидимому, безразлична сущность вещей, а достойна вниманія только буква, и который скорѣе способенъ уклониться отъ разума и человѣчности, чѣмъ отъ закона.

Англійское законодательство есть какъ бы старинное дерево, на которое законовѣды постоянно прививали самые чуждые ему отпрыски, въ напеждѣ, что хотя они и будутъ давать различные плоды, но что по крайдей мѣрѣ они соединятъ свою листву съ листвой поддерживающаго ихъ ночтеннаго ствола.

Въ Америкѣ нѣтъ ни дворянъ, ни литераторовъ и народъ не довѣряетъ богатымъ; поэтому законовѣды образуютъ собою высшій политическій классъ и наиболѣе интеллигентную часть общества. Такимъ образомъ они могли бы только потерять отъ нововведеній; это прибавляетъ консервативный интересъ къ естественной склонности, которую они имѣютъ къ порядку.

Еслибъ меня спросили, гдѣ я нахожу мѣсто для американской аристократіи, то я бы не задумываясь отвѣтилъ, что не между богатыми, не имѣющими между собою ничего общаго, что́ бы ихъ связывало. Американская аристократія находится на скамьяхъ адвокатовъ и на креслахъ судей.

Чѣмъ больше думаешь о томъ, что происходитъ въ Соединенныхъ

Штатахъ, тѣмъ больше чувствуешь себя убѣжденнымъ что сословіе законовѣдовъ образуетъ въ этой странѣ самый сильный и, можно сказать, единственный противовѣсъ демократіи.

Именно въ Соединенныхъ Штатахъ не трудно видѣть, какъ духъ этого сословія по своимъ качествамъ — и я бы даже сказалъ, по своимъ недостаткамъ — способенъ нейтрализовать пороки, неразрывно связанные съ народнымъ правленіемъ.

Когда американскій народъ бываетъ опьяненъ своими страстями, или поддается увлеченію своими идеями, то законовѣды даютъ ему почувствовать почти незамѣтную узду, которая умѣряетъ его и останавливаетъ. Его демократическимъ инстинктамъ они въ тайнѣ противопоставляютъ свои аристократическія склонности; его любви ко всему новому — ихъ суевѣрное уваженіе къ старинѣ, безграничности его предположеній — свои узкія задачи, его презрѣнію къ правиламъ, свой вкусъ къ формальности, наконецъ его порывистости — свою привычку все дѣлать постепенно и медленно.

Наиболѣе видными органами, черезъ посредство которыхъ юридическое сословіе дѣйствуетъ на демократію, являются суды.

Судья есть законовѣдъ, который, независимо отъ склонности къ порядку и правиламъ, пріобрѣтенной имъ при изученіи законовъ, почерпаетъ также свою любовь къ устойчивости въ несмѣняемости своей должности. Его юридическія познанія уже обезпечиваютъ ему высокое мѣсто между людьми; его политическая власть окончательно выдѣляетъ его въ особый разрядъ и даетъ ему склонности, свойственныя привилегированнымъ классамъ.

Будучи вооруженъ правомъ объявлять законы противными конституціи, американскій судья безпрестанно проникаетъ въ сферу политическихъ дѣлъ [1]). Онъ не можетъ заставить народъ издать законы, но по крайней мѣрѣ онъ заставляетъ его не быть невѣрнымъ своимъ собственнымъ законамъ и оставаться согласнымъ съ самимъ собой.

Мнѣ не безъизвѣстно, что въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ тайное стремленіе, направляющее народъ къ уменьшенію значенія судебной власти; въ большинствѣ конституцій отдѣльныхъ Штатовъ есть правило, что по требованію обѣихъ палатъ правительство можетъ отнять у судей ихъ мѣста. Нѣкоторыя конституціи допускаютъ *выборъ* членовъ судовъ и подвергаютъ ихъ частому переизбранію. Я смѣю предсказать, что рано или поздно эти нововведенія будутъ имѣть пагубные результаты и что когда-нибудь увидятъ, что, уменьшивши такимъ образомъ независимость судовъ, нанесли вредъ не одной судебной власти, но и самой демократической республикѣ.

Впрочемъ не надо думать, чтобы въ Соединенныхъ Штатахъ законовѣдный духъ ограничивался исключительно предѣлами судебныхъ помѣщеній, — онъ распространяется гораздо дальше.

Составляя единственный образованный классъ, къ которому народъ не чувствуетъ недовѣрія, законовѣды естественно являются призванными къ занятію большинства общественныхъ должностей. Они наполняютъ собою законодательное собраніе и стоятъ во главѣ различныхъ отраслей администраціи, — слѣдовательно, имѣютъ большое вліяніе какъ на составленіе закона, такъ и на его исполненіе. Законовѣды однако принуждены уступать увлекающему ихъ потоку общественнаго мнѣнія; но легко найти указанія

---

[1]) См. въ первой части то, что́ я говорю о судебной власти.

на то, что-бъ они сдѣлали, еслибы были свободны. Американцы, внесшіе столько обновленій въ свои политическіе законы, внесли—и то съ большимъ трудомъ—лишь самыя легкія измѣненія въ свои гражданскіе законы, хотя многіе изъ послѣднихъ очень противорѣчатъ ихъ общественному строю. Это происходитъ отъ того, что въ вопросахъ гражданскаго права большинство всегда принуждено основываться на мнѣніи юристовъ, а американскіе юристы, если имъ предоставлена свобода дѣйствія, не дѣлаютъ нововведеній.

Для француза очень странно слышать въ Соединенныхъ Штатахъ жалобы на духъ застоя законовѣдовъ и на ихъ предубѣжденія въ пользу того, что уже установлено.

Вліяніе законовѣднаго духа простирается еще далѣе тѣхъ опредѣленныхъ границъ, которыя мною сейчасъ указаны.

Въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ почти ни одного политическаго вопроса, который рано или поздно не разрѣшился бы въ судебный вопросъ; отъ этого происходитъ необходимость для всѣхъ партій въ своей ежеднев. ной полемикѣ заимствовать изъ судебной сферы ея идеи и выраженія. Кромѣ того, такъ какъ большая часть общественныхъ дѣятелей занимаютъ, или ранѣе занимали судебныя должности, то они переносятъ въ завѣдываніе общественными дѣлами свойственные имъ обычаи и образъ мыслей. Учрежденіе присяжныхъ окончательно знакомитъ съ ними всѣ классы общества. Такимъ образомъ судебный языкъ становится нѣкоторымъ образомъ обыденнымъ языкомъ; юридическій духъ, зародившійся въ учебныхъ заведеніяхъ и судахъ, распространяется мало-по-малу и внѣ ихъ; онъ, такъ сказать, проникаетъ во все общество, нисходя до послѣднихъ его слоевъ, и наконецъ весь народъ отчасти пріобрѣтаетъ судейскія привычки и склонности.

Законовѣды образуютъ въ Соединенныхъ Штатахъ такую силу, которой мало боятся и почти не замѣчаютъ, которая не имѣетъ своего знамени, съ большою гибкостью примѣняется къ требованіямъ времени и безъ сопротивленія слѣдуетъ за всѣми движеніями общественнаго организма; но она обнимаетъ все общество, проникаетъ во всѣ, составляющіе его, классы, въ тайнѣ перерабатываетъ его, дѣйствуя на него постоянно, хотя незамѣтно для него самого, и кончаетъ тѣмъ, что придаетъ ему форму, согласную съ ея желаніями.

О судѣ присяжныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ, разсматриваемомъ какъ политическое учрежденіе.

Судъ присяжныхъ, который есть одинъ изъ видовъ выраженія верховной власти народа, долженъ быть сопоставленъ съ другими законами, установляющими это верховенство. — Составъ присяжныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ.— Дѣйствіе производимое судомъ присяжныхъ на національный характеръ. — Воспитаніе, даваемое имъ народу.—Какимъ образомъ онъ является направленнымъ къ установленію вліянія судей и къ распространенію юридическаго образа мыслей.

Такъ какъ мой предметъ естественно привелъ меня къ разсужденію о судебной части въ Соединенныхъ Штатахъ, то я не оставлю ея, не занявшись судомъ присяжныхъ.

Въ учрежденіи присяжныхъ нужно различать двѣ вещи: судебное и политическое учрежденіе.

Еслибы вопросъ состоялъ въ томъ, до какой степени судъ присяжныхъ, въ особенности въ гражданскихъ дѣлахъ, содѣйствуетъ хорошему отправленію правосудія, то я согласился бы съ тѣмъ, что полезность его могла бы быть оспариваема

Учрежденіе присяжныхъ возникло въ обществѣ мало развитомъ, въ которомъ суду предлагались только простые вопросы факта; и дѣло не легкое примѣнить его къ потребностямъ очень цивилизованнаго народа, когда отношенія между людьми сдѣлались необыкновенно разнообразными и приняли характеръ, требующій ума и знаній [1]).

Въ настоящее время главная моя цѣль состоитъ въ разсмотрѣніи политической стороны суда присяжныхъ; идя по другому пути, я бы уклонился отъ своего предмета. Относительно же суда присяжныхъ, въ смыслѣ судебнаго средства, я скажу только два слова. Когда англичане установили у себя учрежденіе суда присяжныхъ, тогда они были народомъ еще полуварварскимъ; съ тѣхъ поръ они сдѣлались однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ народовъ на свѣтѣ, а ихъ привязанность къ суду присяжныхъ, повидимому, возрастала вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ. Они вышли изъ своей территоріи и распространились по всему міру: одни образовали колоніи, другіе—независимыя государства; главная часть націи сохранила короля; многіе изъ эмигрантовъ основали могущественныя республики; но всюду англичане провозглашали превосходство учрежденія присяжныхъ [2]). Всюду они или установляли его вновь, или спѣшили его возстановить. Судебное учрежденіе, которое получаетъ такимъ образомъ въ теченіе долгаго ряда вѣковъ одобреніе великаго народа и которое ревностно воспроизводится во всѣ эпохи цивилизаціи, во всѣхъ климатахъ и при всѣхъ формахъ правленія, не можетъ противорѣчить духу правосудія [3]).

---

[1]) Было бы уже достаточно полезно и любопытно, разсматривая судъ присяжныхъ лишь въ качествѣ судебнаго учрежденія, оцѣнить дѣйствіе, производимое имъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и изслѣдовать, какимъ образомъ американцы имъ воспользовались. Въ изученіи одного этого вопроса можно бы было найти сюжетъ для цѣлой книги и притомъ интересной для Франціи. Такъ, въ ней можно бы было изслѣдовать, какая часть американскихъ учрежденій, относящихся до присяжныхъ, можетъ быть введена у насъ и въ какой постепенности. Изъ Американскихъ Штатовъ всего болѣе свѣдѣній по этому предмету могъ бы доставить штатъ Луизіана. Луизіана заключаетъ въ себѣ смѣшанное населеніе—изъ французовъ и англичанъ. Два законодательства встрѣчаются въ ней, какъ и два народа, и мало-помалу сливаются другъ съ другомъ. Наиболѣе полезными для справокъ книги были бы: сборникъ законовъ Луизіаны въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: *Digeste des lois de la Louisiane*; а еще болѣе, можетъ-быть, курсъ гражданскаго судопроизводства, составленный на двухъ языкахъ подъ заглавіемъ: *Traité sur les règles des actions civiles*, и напечатанный въ 1830 году въ Нью-Орлеанѣ у Buisson. Это сочиненіе представляетъ спеціальное удобство: оно даетъ французамъ точное и подлинное объясненіе англійскихъ терминовъ законовѣдѣнія. Языкъ законовъ образуетъ какъ бы особенный языкъ у всѣхъ народовъ, а у англичанъ болѣе, чѣмъ у кого-нибудь другаго.

[2]) Всѣ англійскіе и американскіе законовѣды единогласны на этотъ счетъ. Г. Стори, членъ верховнаго суда Соединенныхъ Штатовъ, въ своемъ *Трактатѣ о союзной конституціи*, опять возвращается къ превосходству учрежденія присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ. *The inestimable privilege of a trial by Jury in civil cases*,—говоритъ онъ,—*a privilege scarcely inferior to that in criminal cases, which is counted by all persons to be essential to political and civil liberty* (Story, кн. III гл. XXXVIII).

[3]) Еслибы требовалось опредѣлить полезность суда присяжныхъ, какъ судебнаго установленія, то можно бы было представить много другихъ доказательствъ и между прочимъ слѣдующія:

По мѣрѣ того, какъ вы вводите въ дѣла присяжныхъ, вы можете безъ неудобства уменьшить число судей, что составляетъ большое преимущество. Когда судьи очень многочисленны, то ежедневно смерть образуетъ пустоту въ судебной іерархіи и откры-

Но оставимъ этотъ предметъ. Ограничиться разсмотрѣніемъ суда присяжныхъ лишь въ смыслѣ судебнаго учрежденія, — значило бы черезчуръ съуживать свою мысль, потому что, если онъ имѣетъ большое вліяніе на результатъ судебныхъ процессовъ, то еще большее на судьбу самого общества. Такимъ образомъ судъ присяжныхъ есть прежде всего учрежденіе политическое. На эту точку зрѣнія и слѣдуетъ становиться, чтобы судить о немъ.

Подъ именемъ суда присяжныхъ я разумѣю извѣстное число гражданъ, взятыхъ по жребію и временно облеченныхъ правомъ судить.

Примѣнить судъ присяжныхъ къ обузданію преступленій — значитъ, мнѣ кажется, вводить въ управленіе учрежденіе въ высшей степени республиканское. Я долженъ объясниться.

Учрежденіе суда присяжныхъ можетъ имѣть или аристократическій, или демократическій характеръ, смотря по тому классу, изъ котораго берутся присяжные, но оно всегда сохраняетъ республиканскій характеръ, потому что оно передаетъ дѣйствительное направленіе общества въ руки управляемыхъ или ихъ части, а не въ руки управляющихъ.

Сила всегда есть лишь временный элементъ успѣха; за нею слѣдуетъ тотчасъ идея права. Правительство, пришедшее къ невозможности достигать до своихъ враговъ иначе, какъ на полѣ битвы, было бы скоро уничтожено. Слѣдовательно настоящая санкція политическихъ законовъ находится въ законахъ уголовныхъ, и если эта санкція исчезаетъ, то и законъ рано или поздно теряетъ свою силу. Значитъ, настоящій господинъ въ обществѣ есть тотъ, кто судитъ *уголовныя* дѣла. Но учрежденіе присяжныхъ ставитъ самый народъ, или по крайней мѣрѣ извѣстный классъ гражданъ на мѣсто судьи; слѣдовательно оно въ самомъ дѣлѣ отдаетъ управленіе обществомъ въ руки народа, или этого класса [1]).

Въ Англіи присяжные набираются изъ аристократической части общества. Аристократія издаетъ законы, примѣняетъ законы и судитъ нарушенія законовъ (В.). Все находится въ соотвѣтствіи; такимъ образомъ Англія въ сущности есть аристократическая республика. Въ Соединенныхъ

ваетъ новыя мѣста для переживающихъ. Поэтому честолюбіе судей постоянно возбуждено и ставитъ ихъ естественно въ зависимость отъ большинства, или отъ того лица, которое назначаетъ на вакантныя должности; въ такомъ случаѣ служащіе въ судахъ повышаются подобно тому, какъ служащіе въ арміи производятся въ чины. Подобное положеніе вещей вполнѣ противно хорошему веденію юстиціи и намѣреніямъ законодателя. Хотятъ, чтобы судьи были несмѣняемы для того, чтобъ они оставались свободными; но что пользы въ томъ, что никто не можетъ отнять у нихъ ихъ независимость, если они сами по своей волѣ ею жертвуютъ?

Когда судьи очень многочисленны, то невозможно, чтобы между ними не встрѣчалось много неспособныхъ, потому что великій судья не есть человѣкъ обыкновенный. А между тѣмъ я не знаю, не хуже ли всякой другой комбинаціи полуобразованный судъ для достиженія тѣхъ цѣлей, для которыхъ учреждаются судебныя мѣста.

Что касается до меня, то я бы предпочелъ предоставить рѣшеніе дѣла невѣжественнымъ присяжнымъ, направляемымъ искуснымъ судьей, чѣмъ отдать его судьямъ, большинство которыхъ имѣло бы только неполное знаніе судопроизводства и законовъ.

[1]) Необходимо однако сдѣлать одно важное замѣчаніе:

Правда, что учрежденіе суда присяжныхъ даетъ народу общее право контроля надъ поведеніемъ гражданъ, но оно не даетъ ему средствъ примѣнять этотъ контроль ни во всѣхъ случаяхъ, ни съ постояннымъ характеромъ тиранніи.

Когда неограниченный государь можетъ судить преступленія черезъ своихъ уполномоченныхъ, то судьба обвиняемаго бываетъ, такъ сказать, рѣшена заранѣе. Но народъ, еслибы и непремѣнно желалъ осужденія, то составъ присяжныхъ и ихъ безотвѣтственность все-таки еще представляли бы благопріятные шансы для невиннаго.

Штатахъ та же система примѣнена ко всему народу. Каждый американскій гражданинъ есть избиратель, избираемый и присяжный (С.). Система присяжныхъ, какъ ее понимаютъ въ Америкѣ, кажется мнѣ такимъ же прямымъ и крайнимъ слѣдствіемъ догмата верховной власти народа, какъ и всеобщая подача голосовъ. Это суть два равносильныя средства для доставленія господства большинству.

Всѣ правители, желавшіе быть сами источникомъ своей власти и направлять общество вмѣсто того, чтобы получать отъ него свое направленіе, или уничтожили учрежденіе присяжныхъ, или обезсилили его. Тюдоры отправляли въ тюрьму присяжныхъ, которые не хотѣли обвинять, а Наполеонъ назначалъ ихъ черезъ своихъ агентовъ.

Какъ бы ни была очевидна большая часть предыдущихъ истинъ, онѣ однако не поражаютъ всякаго рода умы и между нами многіе еще имѣютъ лишь смутное представленіе объ учрежденіи присяжныхъ. Когда хотятъ опредѣлить элементы, изъ которыхъ долженъ составляться списокъ присяжныхъ, то ограничиваются разсужденіемъ объ образованности и способности лицъ, включаемыхъ въ списокъ, какъ будто бы дѣло шло только о судебномъ учрежденіи. Но мнѣ въ самомъ дѣлѣ кажется, что это значитъ обращать вниманіе на сравнительно меньшую часть предмета; судъ присяжныхъ есть прежде всего учрежденіе политическое и его надо разсматривать какъ одинъ изъ способовъ выраженія верховной власти народа; надо или вовсе отказаться отъ него, если верховенство народа отрицается или поставить его въ соотвѣтствіе съ другими законами, утверждающими это верховенство. Присяжные составляютъ часть націи, на которую возложено обезпеченіе исполненія законовъ, также какъ палаты составляютъ часть націи, на которую возложено составленіе законовъ; и чтобъ общество управлялось опредѣленнымъ и однообразнымъ способомъ, необходимо, чтобы списокъ присяжныхъ расширялся или съуживался вмѣстѣ со спискомъ избирателей. Эта-то точка зрѣнія и должна по-моему всегда привлекать на себя главное вниманіе законодателя. Остальное имѣетъ, такъ сказать, добавочное значеніе.

Я настолько убѣжденъ въ томъ, что судъ присяжныхъ есть прежде всего политическое учрежденіе, что я такимъ же образомъ смотрю на него и тогда, когда его примѣняютъ къ гражданскимъ дѣламъ.

Законы всегда бываютъ непрочны, если они не опираются на нравы, которые составляютъ единственную устойчивую и прочную силу народа.

Когда судъ присяжныхъ ограничивается одними уголовными дѣлами, то народъ видитъ его дѣйствіе только изрѣдка и въ отдѣльныхъ случаяхъ; онъ пріучается обходиться безъ него при обыкновенномъ теченіи жизни и смотритъ на него лишь какъ на одно изъ средствъ, а не какъ на единственное средство достиженія правосудія [1]).

Когда, напротивъ, судъ присяжныхъ распространяется и на гражданскія дѣла, то примѣненіе его ежеминутно бросается въ глаза: онъ касается тогда всякихъ интересовъ; каждый человѣкъ принимаетъ участіе въ его дѣйствіи; онъ проникаетъ такимъ образомъ въ обычаи ежедневной жизни, подчиняетъ своимъ формамъ образъ мыслей людей и, такъ сказать, сливается съ самымъ понятіемъ о правосудіи.

Поэтому учрежденіе присяжныхъ, ограниченное одними уголовными дѣ-

[1]) Это еще болѣе вѣрно, когда судъ присяжныхъ примѣняется только къ нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ.

лами, всегда находится въ опасности; но разъ оно введено въ гражданскія дѣла, то оно противостоитъ и дѣйствію времени, и усиліямъ людей. Если бы судъ присяжныхъ такъже легко было бы удалить изъ правовъ англичанъ, какъ изъ ихъ законовъ, то онъ совершенно изчезъ бы при Тюдорахъ. Слѣдовательно свобода Англіи была спасена именно гражданскимъ судомъ присяжныхъ.

Какимъ бы способомъ ни примѣняли судъ присяжныхъ, онъ не можетъ не имѣть значительнаго вліянія на національный характеръ; но это вліяніе безгранично увеличивается по мѣрѣ того, какъ институтъ этотъ проводится все глубже въ гражданскія дѣла.

Судъ присяжныхъ, въ особенности примѣненный къ гражданскимъ дѣламъ, служитъ къ тому, чтобы придать образу мыслей всѣхъ гражданъ часть привычекъ, принадлежащихъ мысленному складу судьи; а эти привычки суть именно тѣ, которыя всего лучше подготовляютъ народъ къ пользованію свободой.

Онъ распространяетъ во всѣхъ классахъ уваженіе къ судебному рѣшенію и понятіе о правѣ. Отнимите эти двѣ вещи—и тогда любовь къ независимости сдѣлается лишь разрушительною страстью.

Онъ научаетъ людей практическому примѣненію равноправности. Судя своего сосѣда, каждый думаетъ, что и онъ можетъ быть судимъ въ свою очередь. Это въ особенности вѣрно по отношенію къ суду присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ: нѣтъ почти никого, кто бы опасался быть когданибудь объектомъ уголовнаго преслѣдованія; но всякій можетъ имѣть тяжбу.

Судъ присяжныхъ научаетъ каждаго человѣка не отступать передъ отвѣтственностью за свои собственные поступки; безъ этого мужественнаго настроенія не существуетъ политической добродѣтели.

Онъ облекаетъ каждаго гражданина нѣкотораго рода судейскими свойствами, внушаетъ всѣмъ, что они имѣютъ извѣстныя обязанности относительно общества и входятъ въ составъ его управленія. Заставляя людей заниматься другими дѣлами, кромѣ ихъ собственныхъ, онъ противодѣйствуетъ личному эгоизму, составляющему какъ бы ржавчину, разъѣдающую общества.

Судъ присяжныхъ необыкновенно сильно содѣйствуетъ образованію способности сужденія и увеличенію естественныхъ знаній народа. Въ этомъ, по моему мнѣнію, заключается главное его преимущество. На него надо смотрѣть какъ на даровую и всегда открытую школу, въ которую каждый присяжный приходитъ учиться своимъ правамъ, гдѣ онъ вступаетъ въ ежедневныя сношенія съ наиболѣе знающими и образованными людьми изъ высшихъ классовъ, гдѣ законы преподаются ему практическимъ способомъ и примѣняются къ его пониманію стараніями адвокатовъ, заключеніями судьи и даже самыми страстями сторонъ. Я думаю, что практическій умъ и политическій здравый смыслъ американцевъ слѣдуетъ прежде всего приписать долговременному примѣненію ими института присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ.

Я не знаю, полезенъ ли институтъ присяжныхъ тѣмъ, кто ведетъ тяжбы, но я увѣренъ что онъ очень полезенъ тѣмъ, кто ихъ судитъ. И я смотрю на него, какъ на одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ, которымъ общество можетъ воспользоваться для воспитанія народа.

Все предыдущее примѣняется ко всѣмъ націямъ, но вотъ что спеціально относится къ американцамъ и вообще къ демократическимъ народамъ.

Я сказалъ выше, что въ демократіяхъ законовѣды, и между ними судьи, составляютъ единственное аристократическое общество, могущее умѣрять народныя движенія. Эта аристократія не обладаетъ никакой матеріальною силой; она проявляетъ свое охранительное вліяніе только на умы. И именно въ учрежденіи гражданскихъ присяжныхъ она находитъ главнѣйшіе источники своей силы.

Въ уголовныхъ дѣлахъ, гдѣ общество борется съ отдѣльнымъ человѣкомъ, присяжные склонны видѣть въ судьѣ пассивное орудіе общественной власти и не довѣряютъ его мнѣніямъ. Кромѣ того, уголовные процессы вполнѣ основаны на простыхъ фактахъ, оцѣнка которыхъ легко достигается здравымъ смысломъ. На этой почвѣ судья и присяжный равны.

Другое дѣло въ гражданскихъ тяжбахъ: тамъ судья является безпристрастнымъ посредникомъ между страстями сторонъ. Присяжные смотрятъ на него съ довѣріемъ и слушаютъ съ уваженіемъ, потому что здѣсь его разумъ вполнѣ преобладаетъ надъ ихъ пониманіемъ. Онъ излагаетъ передъ ними разныя доказательства, которыми утомилась ихъ память, руководитъ и направляетъ ихъ по всѣмъ изгибамъ судопроизводства; онъ же ставитъ имъ границы въ вопросахъ факта и научаетъ ихъ отвѣтамъ, которые они должны давать на вопросы о правѣ. Вліяніе его на нихъ почти безграничнo.

Нужно ли наконецъ говорить, почему меня мало трогаютъ доказательства, выводимыя изъ неспособности присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ?

Въ гражданскихъ процессахъ, по крайней мѣрѣ всегда, когда дѣло идетъ не о вопросахъ факта, присяжные имѣютъ только внѣшній видъ судебнаго института.

Присяжные произносятъ рѣшеніе, постановленное судьей. Они вносятъ въ это рѣшеніе авторитетъ представляемаго ими общества, а судья—авторитетъ разума и закона.

Въ Англіи и въ Америкѣ судьи имѣютъ на судьбу уголовныхъ процессовъ такое вліяніе, которое никогда не было извѣстно французскому судьѣ. Легко понять причину этого различія: англійскій или американскій судья пріобрѣлъ свою власть въ гражданскихъ дѣлахъ и только потомъ перенесъ ея дѣйствіе въ другую сферу, гдѣ онъ ее не пріобрѣтаетъ вновь.

Бываютъ случаи, и иногда самые важные, когда американскій судья имѣетъ право рѣшать дѣла безъ присяжныхъ [1]). Тогда онъ случайно оказывается въ положеніи, въ которомъ обыкновенно находится французскій судья. Но его моральное значеніе гораздо больше. Воспоминанія о судѣ присяжныхъ еще сопутствуютъ ему и голосъ его имѣетъ почти такую же силу, какъ и голосъ общества, котораго присяжные были органами.

Вліяніе его распространяется даже гораздо дальше помѣщенія суда: въ развлеченіяхъ частной жизни, какъ и въ трудахъ жизни политической, на площади, какъ и въ средѣ законодательнаго собранія, американскій судья постоянно встрѣчаетъ вокругъ себя людей, привыкшихъ видѣть въ его умѣ нѣчто высшее сравнительно съ ихъ умомъ. И власть его, высказавшаяся сначала въ судебныхъ дѣлахъ, отражается затѣмъ на всѣхъ привычкахъ ума и даже на душевныхъ свойствахъ людей, помогавшихъ ему судить эти дѣла.

---

[1]) Союзные судьи почти всегда одни разрѣшаютъ вопросы, имѣющіе болѣе близкое соотношеніе къ управленію страной.

Такимъ образомъ учрежденіе присяжныхъ, повидимому уменьшающее права судебной власти, въ дѣйствительности устанавливаетъ ея господство, и ни въ одной странѣ значеніе судей не бываетъ такъ велико, какъ тамъ, гдѣ народъ раздѣляетъ съ ними ихъ права.

И въ особенности примѣненіемъ суда присяжныхъ къ гражданскимъ дѣламъ американское судебное вѣдомство заставляетъ то, что я назвалъ законовѣднымъ духомъ, проникать до послѣднихъ слоевъ общества.

Такимъ образомъ судъ присяжныхъ, составляющій самое энергическое средство для предоставленія господства народу, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самое дѣйствительное средство научить его господствовать.

ГЛАВА IX.

Главнѣйшія причины, способствующія поддержанію демократической республики въ Соединенныхъ Штатахъ.

Демократическая республика продолжаетъ прочно существовать въ Соединенныхъ Штатахъ. Главная цѣль этой книги заключается въ объясненіи причинъ этого явленія.

Въ числѣ этихъ причинъ многія были указаны мною лишь издали и мимоходомъ, такъ какъ теченіе моей мысли, независимо отъ моей воли, увлекало меня мимо ихъ. Есть и другія, которыми мнѣ не пришлось заняться; а тѣ, на которыхъ я имѣлъ возможность дольше остановиться, остались позади меня, какъ бы скрытыя въ подробностяхъ.

Поэтому я разсудилъ, что, прежде чѣмъ итти дальше и говорить о будущемъ, мнѣ слѣдуетъ соединить въ одной тѣсной рамкѣ всѣ причины, которыми объясняется настоящее.

Въ этомъ сжатомъ перечнѣ я буду кратокъ, такъ какъ я постараюсь лишь въ самыхъ общихъ чертахъ напомнить читателю то, что ему уже извѣстно, а изъ фактовъ, которые мнѣ еще не было случая излагать, я выберу только главнѣйшіе.

Я пришелъ къ заключенію, что всѣ причины, служащія къ поддержанію въ Соединенныхъ Штатахъ демократической республики, могутъ быть сведены къ тремъ;

Первую изъ нихъ составляетъ то особенное и случайное положеніе, въ которомъ Провидѣніе помѣстило американцевъ.

Вторая происходитъ отъ законовъ.

Третья проистекаетъ изъ привычекъ и нравовъ.

О случайныхъ или провиденціальныхъ причинахъ, содѣйствующихъ поддержанію существованія въ Соединенныхъ Штатахъ демократической республики.

Союзъ не имѣетъ сосѣдей.—Въ немъ нѣтъ большой столицы.—Американцы имѣли за себя случайность происхожденія.—Америка есть страна ненаселенная.—Какимъ образомъ это обстоятельство сильно содѣйствуетъ поддержанію демократической республики.—Способъ, какъ населяются американскія пустыни.—Жадность англо-американцевъ къ захвату пустыхъ мѣстъ въ Новомъ Свѣтѣ.—Вліяніе матеріальнаго благосостоянія на политическія мнѣнія американцевъ.

Существуетъ тысяча условій независимыхъ отъ воли человѣка, которыя дѣлаютъ въ Соединенныхъ Штатахъ удобною демократическую рес-

публику. Одни изъ нихъ извѣстны, другія легко указать: я ограничусь изложеніемъ главнѣйшихъ изъ нихъ.

У американцевъ нѣтъ сосѣдей, слѣдовательно они могутъ не бояться ни большихъ войнъ, ни финансоваго кризиса, ни опустошенія, ни завоеванія; они не имѣютъ нужды ни въ большихъ налогахъ, ни въ многочисленной арміи, ни въ великихъ полководцахъ; они почти вовсе могутъ не опасаться бѣдствія болѣе страшнаго для республикъ, чѣмъ всѣ предыдущія вмѣстѣ, именно—военной славы.

Можно ли отрицать невѣроятное вліяніе, производимое военною славой на умъ народа? Генералъ Джаксонъ, котораго американцы два раза выбирали, чтобы помѣстить во главѣ управленія, человѣкъ необузданнаго характера и среднихъ способностей, и ничто въ теченіе всей его общественной жизни никогда не доказывало, чтобъ онъ имѣлъ качества, требуемыя для управленія свободнымъ народомъ; поэтому большинство образованныхъ классовъ въ Союзѣ всегда было противъ него. Кто же посадилъ его на мѣсто президента и до сихъ поръ держитъ его на немъ? Воспоминаніе о побѣдѣ, одержанной имъ двадцать лѣтъ тому назадъ подъ стѣнами Нью-Орлеана; между тѣмъ эта Нью-Орлеанская побѣда есть самое обыкновенное военное дѣло, которымъ можно было интересоваться такъ долго только въ странѣ, въ которой не дается сраженій; и народъ, который такимъ образомъ поддается увлеченію призракомъ славы, есть несомнѣнно самый холодный, самый разсчетливый, наименѣе воинственный и, если можно такъ выразиться, самый прозаическій изо всѣхъ народовъ на свѣтѣ.

Америка не имѣетъ большой столицы [1]), которая бы давала чувствовать свое прямое или косвенное вліяніе на всемъ пространствѣ территоріи, и я въ этомъ вижу одну изъ главнѣйшихъ причинъ прочности республиканскихъ учрежденій въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ городахъ никакъ нельзя помѣшать людямъ сговориться между собою, сообща разгорячиться и принять внезапное рѣшеніе, обусловленное страстью. Города образуютъ обширныя собранія, членами которыхъ состоятъ всѣ жители. Народъ тамъ имѣетъ громадное вліяніе на должностныхъ лицъ и часто самъ, непосредственно приводитъ въ исполненіе свою волю.

Поэтому подчинить провинцію столицѣ значитъ передать судьбу всего

---

[1]) Въ Америкѣ нѣтъ еще большой столицы, но она уже имѣетъ очень большіе города. Въ Филадельфіи въ 1830 году считалось 161.000 жителей, а въ Нью-Іоркѣ 202.000. Низшій слой народа, населяющій эти обширные города, образуетъ скопище еще болѣе опасное, чѣмъ даже въ Европѣ. Оно состоитъ во первыхъ изъ освобожденныхъ негровъ которыхъ законъ и общественное мнѣніе ставятъ въ положеніе наслѣдственнаго униженія и нищеты. Въ этой же средѣ встрѣчается множество европейцевъ, которыхъ несчастіе или дурное поведеніе ежедневно гонятъ на берега Новаго Свѣта; эти люди приносятъ съ собой въ Соединенные Штаты наши важнѣйшіе пороки и не имѣютъ никакихъ интересовъ, которые могли бы противодѣйствовать ихъ вліянію. Живя въ странѣ и не будучи ея гражданами, они готовы воспользоваться всѣми волнующими ее страстями: поэтому въ послѣднее время были случаи серьезныхъ возмущеній въ Филадельфіи и Нью-Іоркѣ. Подобные безпорядки неизвѣстны въ остальной странѣ, которая о нихъ и не безпокоится, такъ какъ городское населеніе не имѣло до сихъ поръ никакой силы и никакого вліянія на сельское.

Я однако считаю величину нѣкоторыхъ американскихъ городовъ и въ особенности природу ихъ жителей за дѣйствительную опасность, угрожающую будущности демократическихъ республикъ Новаго Свѣта, и я не боюсь ошибиться, предсказывая, что это поведетъ ихъ къ гибели, если только ихъ правительству не удастся создать такую вооруженную силу, которая, оставаясь въ повиновеніи волѣ національнаго большинства, будетъ однако въ то же время независима отъ городскаго населенія и въ состояніи будетъ подавить его буйство.

государства не только въ руки одной части народа, что несправедливо, но еще въ руки народа, дѣйствующаго собственною силой, что крайне опасно. Такимъ образомъ преобладающее значеніе столицъ наноситъ сильный вредъ представительной системѣ. Оно заставляетъ новыя республики впадать въ ту же ошибку, какъ и древнія, которыя всѣ погибли вслѣдствіе незнанія этой системы.

Мнѣ было бы легко перечислить здѣсь многія другія второстепенныя причины, благопріятствовавшія установленію и обезпечивающія сохраненіе демократической республики въ Соединенныхъ Штатахъ. Но посреди этого множества счастливыхъ обстоятельствъ я усматриваю два главныхъ, о которыхъ и спѣшу упомянуть.

Я уже раньше сказалъ, что я вижу въ происхожденіи американцевъ, въ томъ, что я назвалъ точкой ихъ исхода, первую и самую существенную изъ всѣхъ причинъ, которымъ можно приписать теперешнее благосостояніе Соединенныхъ Штатовъ. На сторонѣ американцевъ была случайность ихъ происхожденія. Отцы ихъ когда то принесли на обитаемую ими почву равенство общественнаго положенія и умственнаго развитія, изъ котораго потомъ демократическая республика должна была выйти, какъ изъ естественнаго источника. И это еще не все: вмѣстѣ съ республиканскимъ общественнымъ строемъ они завѣщали своимъ потомкамъ понятія и нравы наиболѣе способные содѣйствовать процвѣтанію республики. Когда я думаю о томъ, что произвелъ этотъ первоначальный фактъ, то я какъ будто представляю себѣ всю судьбу Америки заключенною въ первомъ пуританинѣ, ступившемъ на эти берега, подобно тому, какъ весь родъ человѣческій заключался въ первомъ человѣкѣ.

Въ числѣ другихъ счастливыхъ условій, которыя благопріятствовали установленію и обезпечиваютъ сохраненіе демократической республики въ Соединенныхъ Штатахъ, первымъ по важности былъ самый выборъ страны, въ которой живутъ американцы. Отцы ихъ дали имъ любовь къ равенству и свободѣ, но самъ Богъ, предоставивши имъ безграничный материкъ, далъ имъ средство надолго остаться равными и свободными.

Общее благосостояніе благопріятствуетъ стойкости всякаго правительства, но въ особенности демократическаго, основывающагося на настроеніи наибольшаго числа и преимущественно тѣхъ, кто больше всего подверженъ нуждѣ. Когда управляетъ народъ, то необходимо, чтобъ онъ былъ счастливъ, иначе онъ будетъ производить переворотъ въ государствѣ. Нищета производитъ на него такое же дѣйствіе, какъ властолюбіе на королей. Но именно въ Америкѣ матеріальныя и независимыя отъ законодательства причины, могущія привести къ благосостоянію, многочисленнѣе, чѣмъ онѣ были въ какой-либо странѣ на свѣтѣ и въ какую-либо историческую эпоху.

Въ Соединенныхъ Штатахъ не одно законодательство демократично,— сама природа дѣйствуетъ тамъ въ пользу народа.

Гдѣ на памяти человѣческой можно найти что-нибудь подобное тому, что на нашихъ глазахъ происходитъ въ Сѣверной Америкѣ?

Знаменитыя общества древности всѣ были основаны среди враждебныхъ народовъ, которыхъ надо было побѣдить, чтобы поселиться на ихъ мѣстѣ. Да и новые народы нашли въ нѣкоторыхъ частяхъ Южной Америки обширныя страны, населенныя народами хотя менѣе ихъ просвѣщенными, но которые уже присвоили себѣ почву, обрабатывая ее. Для основанія новыхъ государствъ имъ пришлось истребить или поработить многочисленное населеніе, такъ что успѣхи ихъ заставили краснѣть цивилизацію.

Но Сѣверная Америка была заселена только бродячими племенами, которые не думали пользоваться естественными богатствами почвы. Сѣверная Америка была еще, собственно говоря, пустымъ пространствомъ, безлюдною страной, еще ожидавшею своихъ обитателей.

У американцевъ все необыкновенно: ихъ общественный строй и ихъ законы; но что еще необыкновеннѣе, это земля, на которой они живутъ.

Когда земля была предоставлена людямъ Творцомъ, она была свѣжа и неистощима, но люди были слабы и несвѣдущи; а когда они научились пользоваться сокровищами, заключенными въ ея нѣдрахъ, то они уже покрывали ея поверхность и скоро имъ пришлось сражаться за пріобрѣтеніе права имѣть убѣжище и спокойно жить въ немъ на свободѣ.

Тогда-то открывается Сѣверная Америка, какъ будто бы она была у Бога въ запасѣ и только-что вышла изъ-подъ водъ потопа.

Она представляетъ, какъ въ первые дни творенія, рѣки съ неизсякающими источниками, зеленыя и влажныя пустыни, безграничныя поля, еще не взрытыя плугомъ земледѣльца. Въ этомъ видѣ она предоставляется уже не первобытному человѣку, одинокому, невѣжественному и грубому, но человѣку уже обладающему важнѣйшими тайнами природы, живущему въ обществѣ себѣ подобныхъ и наученному опытомъ пятидесяти столѣтій.

Въ ту минуту, какъ я говорю, тринадцать милліоновъ цивилизованныхъ европейцевъ спокойно разселяются въ плодородныхъ пустыняхъ, пространство и богатство которыхъ еще не извѣстны съ точностію и имъ самимъ. Три или четыре тысячи солдатъ отодвигаютъ все дальше передъ собой бродячую расу туземцевъ; за вооруженными людьми слѣдуютъ дровосѣки, которые дѣлаютъ просѣки въ лѣсахъ, удаляютъ дикихъ звѣрей, изслѣдуютъ теченіе рѣкъ и подготовляютъ побѣдное шествіе цивилизаціи сквозь пустыни.

Въ этомъ сочиненіи я часто упоминалъ о матеріальномъ благосостояніи, которымъ пользуются американцы, и указывалъ на него какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ успѣшности ихъ законовъ. Причина эта тысячу разъ указывалась раньше меня и есть единственная, общеизвѣстная у насъ, такъ какъ она одна бросается, такъ сказать, въ глаза европейцамъ. Я, поэтому, не буду останавливаться на предметѣ, столь часто обсуждавшемся и столь хорошо понятомъ; я только добавлю нѣкоторые новые факты.

Обыкновенно представляютъ себѣ, что американскія пустыни населяются европейскими эмигрантами, ежегодно прибывающими на берега Новаго Свѣта, тогда какъ американское населеніе растетъ и размножается на почвѣ, занятой ихъ отцами: это—большая ошибка. Европеецъ, прибывающій въ Соединенные Штаты, является туда безъ друзей и часто безъ средствъ. Чтобы жить, онъ принужденъ отдавать въ наймы свой трудъ, и рѣдко случается, чтобъ онъ уходилъ за предѣлы большой промышленной полосы, простирающейся вдоль океана. Нельзя заново разрабатывать пустыни, не имѣя капитала или кредита, и чтобы человѣкъ рискнулъ поселиться въ лѣсахъ, нужно, чтобъ его организмъ привыкъ къ суровости новаго климата. Поэтому именно американцы, ежедневно бросая мѣста своей родины, идутъ вдаль, чтобъ устраивать тамъ себѣ обширныя помѣстья. Такимъ образомъ европеецъ покидаетъ свою хижину, чтобъ итти жить на заатлантическихъ берегахъ, а американецъ, родившійся на этихъ берегахъ, въ свою очередь углубляется въ безлюдныя мѣстности срединной Америки. Это двойное движеніе эмиграціи никогда не останавливается; оно начинается внутри Европы, продолжается по океану и слѣдуетъ далѣе черезъ пустыни Новаго

Свѣта. Милліоны людей одновременно двигаются по направленію къ одной точкѣ горизонта; ихъ языкъ, религія, нравы—различны, но цѣль у нихъ общая. Имъ сказали, что удача ожидаетъ ихъ гдѣ-нибудь по направленію къ западу и они спѣшатъ ей навстрѣчу.

Невозможно ни съ чѣмъ сравнить этого постояннаго передвиженія человѣческаго рода, кромѣ развѣ того, можетъ быть, что происходило во время паденія римской имперіи. Тогда, какъ и теперь, люди во множествѣ стремились къ одному пункту и безпорядочно сталкивались въ однихъ мѣстахъ. Но предначертанія Провидѣнія были другія: тогда каждый приходящій велъ за собой разрушеніе и смерть; теперь каждый изъ нихъ приноситъ съ собой зачатки процвѣтанія и жизни.

Отдаленныя слѣдствія этого переселенія американцевъ на западъ скрыты еще отъ насъ въ будущемъ, но легко видѣть его непосредственные результаты; такъ какъ часть старинныхъ жителей ежегодно уходитъ изъ тѣхъ штатовъ, гдѣ они родились, то оказывается, что эти штаты населяются лишь очень медленно, хотя и становятся старше. Такъ въ Коннектикетѣ, въ которомъ считается еще только пятьдесятъ девять жителей на квадратную милю, населеніе въ теченіе сорока лѣтъ увеличилось только на четвертую часть, тогда какъ въ Англіи за тотъ же періодъ оно возросло на треть. Такимъ образомъ эмигрантъ всегда прибываетъ въ страну полунаселенную, гдѣ недостаетъ рукъ для промышленности; онъ становится зажиточнымъ работникомъ, а его сынъ идетъ искать счастья въ ненаселенныя страны, гдѣ дѣлается богатымъ помѣщикомъ. Первый изъ нихъ собираетъ капиталъ, который второй пускаетъ въ дѣло, и ни иностранецъ, ни природный житель не чувствуютъ нищеты.

Законодательство въ Соединенныхъ Штатахъ сколь возможно благопріятствуетъ раздѣленію собственности; но причина болѣе сильная, чѣмъ законы, препятствуетъ чрезмѣрному ея дробленію [1]). Это становится легко замѣтнымъ въ тѣхъ штатахъ, которые начинаютъ наконецъ наполняться. Самая населенная страна Союза есть Массачузетсъ, въ которомъ считается восемьдесятъ жителей на квадратную милю, что несравненно меньше, чѣмъ во Франціи, гдѣ на такомъ же пространствѣ собрано сто шестьдесятъ два жителя.

Но уже и въ Массачузетсѣ маленькія владѣнія рѣдко дѣлятся: старшій сынъ обыкновенно беретъ себѣ землю, а младшіе отправляются искать богатства въ пустыхъ мѣстахъ.

Законъ отмѣнилъ право первородства; но можно сказать, что Провидѣніе возстановило его такимъ образомъ, что никто не можетъ жаловаться, и по крайней мѣрѣ на этотъ разъ онъ не нарушаетъ справедливости.

По одному факту можно судить о чрезвычайномъ множествѣ лицъ, покидающихъ такимъ образомъ Новую Англію, чтобы перенести свое жилище въ пустыню. Мнѣ удостовѣряли, что въ 1830 году въ числѣ членовъ конгресса было тридцать шесть, родившихся въ маленькомъ штатѣ Коннектикетъ, значитъ населеніе Коннектикета, которое составляетъ лишь сорокъ третью часть всего населенія Соединенныхъ Штатовъ, доставляло восьмую часть ихъ представителей.

Но самъ штатъ Коннектикетъ посылаетъ только пятерыхъ депутатовъ въ конгрессъ. Остальные тридцать одинъ являются представителями новыхъ

[1]) Въ Новой Англіи земля раздроблена на очень мелкіе участки, но больше уже не дѣлится.

западныхъ штатовъ. Еслибъ эти тридцать одинъ человѣкъ остались въ Коннектикётѣ, то вѣроятно, вмѣсто того чтобы сдѣлаться богатыми землевладѣльцами, они остались бы мелкими земледѣльцами, жили бы въ неизвѣстности, не имѣя возможности составить себѣ политическую каррьеру, и не только не сдѣлались бы полезными законодателями, но были бы опасными гражданами.

Эти соображенія не ускользаютъ отъ вниманія американцевъ, какъ и отъ нашего.

„Невозможно сомнѣваться,—говоритъ канцлеръ Кентъ въ его трактатѣ объ американскомъ правѣ (т. IV стр. 380)—что раздѣленіе земельныхъ владѣній должно производить большой вредъ, когда оно доводится до крайности, такъ что каждый земельный участокъ недостаточенъ уже для содержанія одной семьи; но эти неудобства никогда не ощущались въ Соединенныхъ Штатахъ и много поколѣній пройдетъ еще прежде, чѣмъ они сдѣлаются ощутительными. Величина нашей незаселенной территоріи, обиліе земель, соприкасающихся съ нами и постоянное эмиграціонное теченіе, которое, начинаясь отъ береговъ Атлантическаго океана, не переставая направляется внутрь страны, достаточны и еще надолго будутъ достаточны для того, чтобы предупредить слишкомъ мелкое дробленіе наслѣдствъ“.

Трудно описать жадность, съ которой американецъ кидается на громадную добычу, предоставляемую ему судьбой. Преслѣдуя ее, онъ безстрашно презираетъ стрѣлы индѣйца и болѣзни пустыни; безмолвіе лѣсовъ не имѣетъ для него ничего поражающаго, близость дикихъ звѣрей не смущаетъ его; страсть болѣе сильная, чѣмъ любовь къ жизни, безпрестанно подстрекаетъ его. Передъ нимъ простирается материкъ почти безграничный и кажется, будто онъ спѣшитъ, опасаясь прійти слишкомъ поздно, точно боясь, что ему уже не хватитъ мѣста. Я говорилъ объ эмиграціи изъ старинныхъ штатовъ; но что сказать объ эмиграціи изъ новыхъ? Еще нѣтъ пятидесяти лѣтъ, какъ основанъ штатъ Огайо и большая часть его жителей не родились въ немъ; главный городъ его не существуетъ еще и тридцати лѣтъ и громадное пространство пустыхъ полей покрываетъ еще его территорію; а между тѣмъ населеніе Огайо снова направилось уже по пути къ Западу; наибольшая часть поселенцевъ, двигающихся въ плодородныя травяныя степи Иллинойса суть жители Огайо. Эти люди покинули свое первое отечество для того, чтобъ имъ было хорошо; они покидаютъ второе, чтобъ имъ стало еще лучше; почти всюду они находятъ богатство, но не счастіе. Желаніе благосостоянія дѣлается у нихъ безпокойной и жгучею страстью, которая возрастаетъ по мѣрѣ ея удовлетворенія. Когда-то они порвали связи, соединявшія ихъ съ родной землей, и съ тѣхъ поръ не завели новыхъ. Эмиграція для нихъ сначала вызывалась нуждой; потомъ она сдѣлалась въ ихъ глазахъ чѣмъ-то въ родѣ азартной игры, волненіе которой они любятъ столько же какъ и выигрышъ.

Иногда человѣкъ идетъ впередъ такъ быстро, что пустыня снова появляется за нимъ. Лѣсъ только ложится подъ его ногами и встаетъ снова, когда онъ прошелъ. Путешествуя по новымъ западнымъ штатамъ, нерѣдко встрѣчаешь жилища, покинутыя въ лѣсу; часто въ самомъ глухомъ уединеніи находишь развалины хижины и удивляешься проѣзжая мимо начатыхъ расчистокъ, одновременно доказывающихъ и силу, и непостоянство человѣка. По этимъ заброшеннымъ полямъ, надъ этими развалинами однодневныхъ построекъ старинный лѣсъ тотчасъ даетъ новую поросль; животныя снова занимаютъ свои владѣнія; радующаяся природа закрываетъ

зелеными вѣтками и цвѣтами признаки человѣка и спѣшитъ уничтожать слѣды его короткаго существованія.

Я помню, какъ, проѣзжая по одному изъ безлюдныхъ околодковъ, еще занимающихъ значительныя пространства въ штатѣ Нью-Йоркъ, я очутился на берегу озера, совершенно окруженнаго лѣсомъ, какъ при сотвореніи міра. Маленькій островокъ возвышался посреди воды. Покрывавшій его лѣсъ, распростирая кругомъ него свою листву, совершенно скрывалъ его берега. Ничто около озера не указывало на присутствіе человѣка; только на горизонтѣ виднѣлся столбъ дыма, который направляясь вертикально отъ вершинъ деревьевъ къ облакамъ, казался скорѣе висящимъ, съ неба, чѣмъ идущимъ къ нему.

Индѣйская пирога вытащена была на песокъ; я воспользовался ею, чтобы съѣздить на островъ, обратившій сначала на себя мое вниманіе, и скоро добрался до его берега. Весь островъ образовалъ одно изъ тѣхъ прелестныхъ уединеній Новаго Свѣта, которыя почти заставляютъ цивилизованнаго человѣка сожалѣть о дикой жизни. Могучая растительность указывала своими чудесами на несравненныя богатства почвы. Какъ и во всѣхъ глухихъ мѣстахъ Сѣверной Америки, на островѣ царствовала глубокая тишина, прерываемая только монотоннымъ воркованіемъ горлицъ или ударами зеленаго дятла по древесной корѣ. Я никакъ не могъ думать, чтобъ это мѣсто могло быть когда-нибудь ранѣе обитаемо; но дойдя до середины острова, мнѣ вдругъ показалось, что я замѣчаю слѣды человѣка. Тогда я внимательно осмотрѣлъ кругомъ всѣ предметы и скоро уже не сомнѣвался въ томъ, что здѣсь имѣлъ свое убѣжище европеецъ. Но какъ измѣнилось все сдѣланное имъ. Лѣсъ, когда то наскоро срубленный имъ, чтобъ устроить себѣ защиту, съ тѣхъ поръ заросъ новою порослью, заборы превратились въ живыя изгороди а его хижина въ древесную бесѣдку. Посреди этихъ молодыхъ деревьевъ виднѣлись еще нѣсколько каменьевъ, почернѣвшихъ отъ огня, расположенныхъ вокругъ маленькой кучки пепла; здѣсь, безъ сомнѣнія, былъ очагъ, который развалившаяся печь покрыла своими обломками. Нѣсколько времени я молчаливо удивлялся силѣ природѣ и слабости человѣка; и когда наконецъ надо было покинуть эти очарованныя мѣста, я съ грустью повторилъ еще: Какъ! И здѣсь уже развалины!

Въ Европѣ мы привыкли считать, что безпокойный умъ, неумѣренная жажда богатства, крайняя любовь къ независимости — представляютъ большія опасности для общества. Но именно всѣ эти вещи и обезпечиваютъ американскимъ республикамъ долгую и спокойную будущность. Безъ этихъ безпокойныхъ страстей населеніе сосредоточилось бы вокругъ извѣстныхъ мѣстъ и стало бы, какъ и у насъ, испытывать трудно удовлетворимыя потребности. Счастливая страна Новый Свѣтъ, въ которой пороки людей почти такъ же полезны для общества, какъ и ихъ добродѣтели!

Все это оказываетъ большое вліяніе на способъ сужденія о человѣческихъ дѣлахъ въ обоихъ полушаріяхъ. Часто американцы называютъ похвальной изворотливостью то, что мы зовемъ жадностью къ наживѣ, и видятъ извѣстную слабость духа въ томъ, что мы считаемъ умѣренностью желаній.

Во Франціи простота вкусовъ, спокойный образъ жизни, любовь къ семьѣ и къ родинѣ признаются важными гарантіями спокойствія и благополучія государства; въ Америкѣ же подобныя добродѣтели считаются самыми предосудительными для общества. Французы въ Канадѣ, вѣрно

сохранившіе традицію своихъ старинныхъ нравовъ, чувствуютъ уже неудобства жить на своей территоріи, такъ что этотъ маленькій народъ, только-что возникшій, скоро сдѣлается добычею тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ страдаютъ старинныя націи. Въ Канадѣ люди, обладающіе наибольшимъ просвѣщеніемъ, патріотизмомъ и человѣчностью, дѣлаютъ необыкновенныя усилія, чтобъ отучить народъ отъ того простого счастья, которымъ онъ до сихъ поръ доволенъ. Они прославляютъ преимущества богатства, также какъ у насъ можетъ-быть хвалили бы прелести честной посредственности, и употребляютъ больше усилій къ возбужденію человѣческихъ страстей, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ употребляется для ихъ укрощенія. Замѣнить чистыя и тихія удовольствія, доставляемыя родиной даже и бѣдному, безплодными наслажденіями, даваемыми благосостояніемъ подъ чужеземнымъ небомъ, покинуть родительскій очагъ и поля, гдѣ покоятся предки, бросить живыхъ и мертвыхъ, чтобы бѣжать за богатствомъ, — на ихъ взглядъ ничто больше этого не заслуживаетъ похвалы.

Въ наше время Америка предоставляетъ людямъ основной капиталъ постоянно болѣе обширный, чѣмъ тотъ, который можетъ быть употребленъ въ дѣло промышленностью.

Поэтому для Америки никогда не довольно просвѣщенія, ибо всякое просвѣщеніе, будучи полезно своему обладателю, въ то же время идетъ на пользу и тѣмъ, кто его не имѣетъ. Новыхъ потребностей тамъ нечего бояться, такъ какъ всѣ потребности тамъ легко удовлетворяются; нечего опасаться и возбудить тамъ излишнія страсти, такъ какъ всѣ страсти находятъ для себя легкое и полезное примѣненіе; нельзя сдѣлать людей тамъ слишкомъ свободными, потому что они почти никогда не пробуютъ сдѣлать изъ своей свободы дурное употребленіе.

Американскія республики настоящаго времени представляютъ какъ бы компаніи негоціантовъ, образованныя для разработки сообща пустынныхъ земель Новаго Свѣта и занимающіяся торговлею, которая процвѣтаетъ.

Страсти всего глубже волнующія американцевъ суть страсти коммерческія, а не политическія, или, лучше сказать, они переносятъ въ политику торговые обычаи. Они любятъ порядокъ, безъ котораго дѣла не могутъ итти хорошо, и особенно одобряютъ правильный образъ жизни, служащій основаніемъ для хорошаго домашняго устройства; они предпочитаютъ здравый смыслъ, создающій большія богатства, геніальности, которая часто ихъ расточаетъ. Общія идеи пугаютъ ихъ умъ, привыкшій къ положительнымъ разсчетамъ, и практика у нихъ больше въ почетѣ, чѣмъ теорія.

Именно въ Америку слѣдуетъ итти, чтобы понять, какое сильное дѣйствіе производитъ матеріальное благосостояніе на политическую дѣятельность и даже на самыя убѣжденія, которыя, казалось бы, должны подчиняться только разуму. Вѣрность этого замѣчается преимущественно на иностранцахъ. Большинство европейскихъ эмигрантовъ приносятъ съ собой въ Новый Свѣтъ ту дикую любовь къ независимости и перемѣнамъ, которая часто раждается посреди нашихъ бѣдствій. Я иногда встрѣчалъ въ Соединенныхъ Штатахъ такихъ европейцевъ, которые когда-то принуждены были покинуть свою страну вслѣдствіе своихъ политическихъ убѣжденій. Всѣ они удивляли меня своими рѣчами, но одинъ изъ нихъ поразилъ меня болѣе всѣхъ другихъ. Разъ, когда я проѣзжалъ въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ околодковъ Пенсильваніи, меня застала ночь и я попросилъ пристанища у дверей богатаго землевладѣльца: это былъ французъ. Онъ пригласилъ меня сѣсть къ своему очагу и мы стали свободно разговари-

вать, какъ прилично людямъ, встрѣчающимся въ глубинѣ лѣсовъ за двѣ тысячи миль отъ своей родины. Я зналъ, что мой хозяинъ сорокъ лѣтъ тому назадъ былъ великимъ уравнителемъ и горячимъ демагогомъ. Имя его сохранилось въ исторіи

Поэтому я былъ страннымъ образомъ удивленъ, слыша, какъ онъ разсуждаетъ о правѣ собственности какъ экономистъ, я чуть было не сказалъ—какъ собственникъ. Онъ говорилъ о необходимой іерархіи, установляемой между людьми различіемъ состояній, о повиновеніи установленнымъ законамъ, о вліяніи добрыхъ нравовъ въ республикахъ и о содѣйствіи, оказываемомъ религіозными идеями порядку и свободѣ; разъ онъ, даже, какъ бы нечаянно, въ подтвержденіе своихъ политическихъ мнѣній, сослался на авторитетъ Іисуса Христа.

Слушая его, я удивлялся безсмыслію человѣческаго разума. Данное положеніе или вѣрно, или ложно: какъ узнать это посреди сомнѣній науки и различныхъ указаній опыта? Является новый фактъ, который разрѣшаетъ всѣ мои сомнѣнія. Я былъ бѣденъ, а теперь я сталъ богатъ. Еслибы, по крайней мѣрѣ, благосостояніе, дѣйствуя на мое поведеніе, оставило мнѣ свободу сужденія! Но нѣтъ, мои мнѣнія дѣйствительно измѣнились съ измѣненіемъ моего состоянія и въ счастливомъ событіи, которымъ я пользуюсь, я нашелъ то опредѣляющее основаніе, котораго мнѣ до тѣхъ поръ не доставало.

Вліяніе благосостоянія еще свободнѣе проявляется на американцахъ, чѣмъ на иностранцахъ. Американецъ всегда видѣлъ передъ своими глазами, что порядокъ и общественное благосостояніе тѣсно связаны другъ съ другомъ и развиваются одновременно; онъ не можетъ себѣ представить, чтобъ они могли существовать врознь; ему, значитъ, нечего забывать и онъ не долженъ, какъ многіе европейцы, лишаться того, что онъ получилъ отъ своего первоначальнаго воспитанія.

О вліяніи законовъ на поддержаніе демократической республики въ Соединенныхъ Штатахъ.

Три главныя причины, поддерживающія демократическую республику. — Федеративная форма.—Общинныя учрежденія.—Судебная власть.

Главная цѣль этой книги заключалась въ сообщеніи свѣдѣній о законахъ Соединенныхъ Штатовъ; если эта цѣль была достигнута, то читатель могъ уже самъ разсудить, какіе изъ этихъ законовъ служатъ для поддержанія демократической республики и какія представляются для нея опасными. Если же мнѣ не удалось сдѣлать этого во всей книгѣ, то я еще меньше могу достичь этого въ одной главѣ.

Поэтому я не хочу снова возвращаться на пройденный путь и нѣсколькихъ строкъ будетъ достаточно, чтобы резюмировать все мною сказанное.

Три вещи, повидимому, больше всего другого содѣйствуютъ поддержанію въ Новомъ Свѣтѣ демократической республики.

Первая есть федеративная форма, усвоенная американцами, которая даетъ возможность Союзу пользоваться могуществомъ большой республики и безопастью маленькой.

Вторую причину я вижу въ общинныхъ учрежденіяхъ, которыя, умѣряя деспотизмъ большинства, въ то же время даютъ народу склонность къ свободѣ и умѣнье быть свободнымъ.

Третья, наконецъ, заключается въ устройствѣ судебной власти. Я указалъ уже, на сколько суды служатъ къ исправленію ошибокъ демократіи и какимъ образомъ, никогда не останавливая дѣятельности большинства, они могутъ задерживать и направлять ее.

О вліяніи нравовъ на поддержаніе демократической республики въ Соединенныхъ Штатахъ.

Я уже сказалъ раньше, что смотрю на нравы какъ на одну изъ важнѣйшихъ общихъ причинъ, которымъ можно приписать сохраненіе демократической республики въ Соединенныхъ Штатахъ.

Выраженіе *нравы* я понимаю здѣсь въ томъ смыслѣ, который древніе придавали слову *mores*; я прилагаю его не только къ нравамъ въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. къ тому, что можно бы назвать сердечными привычками, но и къ разнымъ понятіямъ, имѣющимся у людей, различнымъ мнѣніямъ, распространеннымъ между ними, и ко всей совокупности идей, изъ которыхъ образуется обычный образъ мыслей.

Поэтому я разумѣю подъ этимъ словомъ весь нравственный и умственный строй народа. Я не задаюсь цѣлью изобразить картину американскихъ нравовъ; я ограничиваюсь въ настоящую минуту изслѣдованіемъ того, какіе изъ нихъ благопріятствуютъ поддержанію политическихъ учрежденій.

О религіи, какъ политическомъ учрежденіи. Какимъ образомъ она сильно содѣйствуетъ поддержанію у американцевъ демократической республики.

Сѣверная Америка была заселена людьми исповѣдывавшими демократическое и республиканское христіанство. — Прибытіе католиковъ. — Почему въ наше время католики составляютъ самый демократическій и самый республиканскій классъ населенія.

Рядомъ съ каждою религіей существуетъ политическое ученіе, связанное съ нею по сродству.

Если предоставить человѣческому уму слѣдовать собственному теченію, то онъ установитъ однообразный порядокъ какъ въ политическомъ обществѣ, такъ и въ царствѣ божіемъ. Онъ будетъ стремиться, если можно такъ выразиться, установить *гармонію* между землей и небомъ.

Наибольшая часть англійской Америки была заселена людьми, которые, освободившись изъ подъ власти папы, не подчинились потомъ никакой верховной религіозной власти; такимъ образомъ они принесли въ Новый Свѣтъ христіанство, которое я не могу лучше характеризовать, какъ назвавши его демократическимъ и республиканскимъ; это обстоятельство необыкновенно благопріятствовало установленію республики и демократіи въ общественныхъ дѣлахъ. Съ самаго начала политика и религія оказались въ согласіи другъ съ другомъ, и это согласіе съ тѣхъ поръ никогда не прекращалось.

Около пятидесяти лѣтъ назадъ Ирландія стала направлять въ Соединенные Штаты католическое населеніе. Со своей стороны и американское католичество пріобрѣтало новыхъ послѣдователей, такъ что теперь въ Союзѣ считается болѣе милліона христіанъ, исповѣдующихъ догматы римской церкви.

Эти католики выказываютъ большое постоянство въ исполненіи обря-

довъ своего культа и исполнены горячей ревности къ своимъ вѣрованіямъ; и однако они составляютъ самый республиканскій и самый демократическій изо всѣхъ общественныхъ классовъ, существующихъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Этотъ фактъ съ перваго раза кажется удивительнымъ, но, размысливъ, легко найти его скрытыя причины.

Я думаю, что католическую религію напрасно считаютъ естественнымъ врагомъ демократіи. Напротивъ мнѣ кажется, что въ числѣ различныхъ христіанскихъ ученій католицизмъ есть одно изъ наиболѣе благопріятствующихъ равенству состояній. Религіозное общество у католиковъ состоитъ только изъ двухъ элементовъ: священника и народа. Только одинъ священникъ возвышается надъ прочими вѣрными; все остальное ниже его и равно.

Относительно догматовъ католицизмъ приводитъ къ одному уровню всѣ умы; онъ требуетъ одинаковой вѣры во всѣ ихъ подробности какъ отъ ученаго, такъ и отъ невѣжды, отъ геніальнаго человѣка такъ же, какъ и отъ обыкновеннаго; онъ предписываетъ исполненіе одинакихъ обрядовъ богатому и бѣдному и налагаетъ одинакія строгости на человѣка властнаго и безсильнаго; онъ не входитъ въ сдѣлку ни съ однимъ изъ смертныхъ и, примѣняя къ каждому человѣку одну и ту же мѣру, любитъ смѣшивать всѣ классы общества у подножія одного алтаря, также какъ они смѣшаны передъ Богомъ.

Такимъ образомъ, если католицизмъ и располагаетъ вѣрныхъ къ послушанію, то онъ не подготовляетъ ихъ къ неравенству. Я бы сказалъ противоположное о протестантствѣ, которое вообще меньше направляетъ людей къ равенству, чѣмъ къ независимости.

Католицизмъ сходенъ съ абсолютною монархіей. Отдѣлите государя, и общественное положеніе каждаго будетъ въ ней болѣе равное, чѣмъ въ республикахъ.

Часто случалось, что католическій священникъ выходилъ изъ священной сферы и входилъ въ качествѣ власти въ общество, гдѣ онъ занималъ мѣсто въ рядахъ общественной іерархіи; въ такомъ случаѣ онъ иногда пользовался своимъ религіознымъ вліяніемъ, чтобъ обезпечить прочность того политическаго строя, къ которому онъ принадлежалъ; тогда бывало и то, что католики оказывались въ видахъ религіи сторонниками аристократіи.

Но разъ только духовенство устранилось или устраняется отъ участія въ правленіи, какъ оно дѣлаетъ это въ Соединенныхъ Штатахъ, то нѣтъ людей, которые по своимъ вѣрованіямъ были бы больше, чѣмъ католики, склонны переносить въ сферу политики идею равенства состояній.

Такимъ образомъ, если католики въ Соединенныхъ Штатахъ и не увлекаются особенно сильно, по самой природѣ ихъ вѣрованій, въ сторону демократическихъ и республиканскихъ убѣжденій, то по крайней мѣрѣ они и не находятся съ ними въ естественномъ противорѣчіи, и ихъ общественное положеніе, также какъ и небольшое ихъ число, дѣлаетъ для нихъ закономъ согласіе съ этими убѣжденіями.

Большая часть католиковъ бѣдны и чтобъ они могли попасть въ правительство, нужно, чтобы всѣ граждане участвовали въ управленіи. Католики состоятъ въ меньшинствѣ и чтобъ они были увѣрены въ свободномъ пользованіи своими правами, для нихъ необходимо, чтобы всякія права уважались. Эти двѣ причины, даже помимо ихъ вѣдома, направляютъ ихъ къ политическимъ ученіямъ, которыя они можетъ-быть воспринимали бы съ меньшею горячностью, еслибъ были богаты и имѣли преобладаніе.

Католическое духовенство Соединенныхъ Штатовъ не пыталось бороться съ этимъ политическимъ направленіемъ; оно напротивъ старается его оправдать. Католическіе священники въ Америкѣ раздѣлили умственный міръ на двѣ части: въ одной они оставили догматы, полученные изъ откровенія, которымъ они и подчиняются безъ разсужденія; въ другую они помѣстили политическую истину и полагаютъ, что Богъ предоставилъ ее свободному изслѣдованію людей. Такимъ образомъ католики Соединенныхъ Штатовъ суть одновременно и самые покорные члены церкви, и самые независимые граждане.

Можно, значитъ, сказать, что въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ ни одного религіознаго ученія, которое бы выказывало себя враждебнымъ демократическимъ и республиканскимъ учрежденіямъ. Всякое духовенство говоритъ тамъ одно и то же; мнѣнія тамъ согласны съ законами и во всей умственной дѣятельности людей царствуетъ, такъ сказать, одно теченіе.

Разъ, когда я временно жилъ въ одномъ изъ большихъ городовъ Союза, меня пригласили присутствовать на политическомъ собраніи, цѣлью котораго было оказать помощь полякамъ и доставить имъ деньги и оружіе.

Я нашелъ двѣ или три тысячи человѣкъ, собравшихся въ обширной залѣ, приготовленной для ихъ посѣщенія. Вскорѣ потомъ священникъ, облаченный въ свои церковныя одежды, взошелъ на эстраду, назначенную для ораторовъ. Всѣ присутствующіе обнажили головы и стояли молча, а онъ сталъ говорить въ такихъ выраженіяхъ:

„Боже всемогущій! Боже воинствъ! Ты укрѣплявшій сердца и направлявшій руки нашихъ отцовъ, когда они охраняли священныя права своей народной воли, Ты давшій имъ торжество надъ ненавистнымъ притѣсненіемъ и даровавшій народу нашему благодѣянія мира и свободы, Господи! обрати благосклонное око Твое на другую половину земли; взгляни съ жалостію на геройскій народъ, который борется теперь, какъ когда-то мы боролись, защищая тѣ же права. Господи, сотворившій всѣхъ людей по одному образу, не попусти, чтобы деспотизмъ исказилъ Твое твореніе и удержалъ неравенство на землѣ. Боже всемогущій! соблюди судьбу поляковъ и сдѣлай ихъ достойными свободы; да царствуетъ Твоя мудрость въ ихъ совѣтахъ и сила Твоя да будетъ въ ихъ рукахъ; распространи страхъ на враговъ ихъ, разъедини державы, замышляющія ихъ гибель, и не допусти, чтобы неправедное дѣло, свидѣтелемъ котораго міръ былъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, завершилось теперь. Господи, Ты, Который держишь въ Твоей сильной рукѣ сердца народовъ, какъ и сердца людей, пошли союзниковъ священному дѣлу справедливости; сдѣлай, чтобы французскій народъ возсталъ наконецъ и, выйдя изъ бездѣйствія, въ которомъ его держатъ его правители, еще разъ вышелъ бы на борьбу за міровую свободу.

„О, Господи, не отврати никогда лица Своего отъ насъ; даруй намъ, чтобы мы всегда были народомъ самымъ вѣрующимъ, также какъ и самымъ свободнымъ.

„Всемогущій Боже, внемли нынѣ нашей молитвѣ, спаси поляковъ. Мы молимъ Тебя объ этомъ во имя возлюбленнаго Сына Твоего, Спасителя нашего Іисуса Христа, умершаго на крестѣ за спасеніе всѣхъ людей. *Аминь*“.

И все собраніе благоговѣйно повторило: *Аминь*.

Косвенное вліяніе оказываемое религіозными вѣрованіями на политическое общество въ Соединенныхъ Штатахъ.

Христіанская нравственность, заключающаяся во всѣхъ сектахъ. — Вліяніе религіи на нравы Американцевъ. — Уваженіе къ супружескому союзу. — Какимъ образомъ религія ограничиваетъ воображеніе американцевъ извѣстными предѣлами и умѣряетъ въ нихъ страсть къ нововведеніямъ.—Мнѣніе американцевъ о политической полезности религіи.—Ихъ усилія для распространенія и утвержденія ея господства.

Сейчасъ я указалъ въ чемъ состоитъ въ Соединенныхъ Штатахъ прямое дѣйствіе религіи на политику. Ея косвенное дѣйствіе кажется мнѣ еще гораздо болѣе замѣчательнымъ, и когда она не говоритъ о свободѣ, то именно тогда-то она всего лучше и научаетъ американцевъ искусству быть свободными.

Въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ безчисленное множество сектъ. Всѣ они различны по образу поклоненія, которое слѣдуетъ воздавать Творцу, но всѣ согласны относительно обязанностей людей другъ къ другу. Поэтому всякая секта служитъ Богу по-своему, но всѣ онѣ проповѣдуютъ во имя Божіе одну и ту же нравственность. Если для человѣка, какъ отдѣльной личности, очень полезно, чтобъ его вѣра была истинной, то для общества дѣло стоитъ иначе. Обществу нечего ни бояться, ни надѣяться въ будущей жизни; и потому для него всего важнѣе не столько то, чтобъ всѣ граждане исповѣдывали истинную религію, сколько то, чтобы они имѣли какую-нибудь религію. Да кромѣ того всѣ секты Соединенныхъ Штатовъ соединяются въ одной великой единицѣ, христіанствѣ, а христіанская мораль повсюду одна и та же.

Позволительно думать, что нѣкоторое число американцевъ въ своемъ богопочитаніи слѣдуютъ больше своимъ привычкамъ, чѣмъ убѣжденіямъ. Кромѣ того въ Соединенныхъ Штатахъ верховная власть религіозна и слѣдовательно и лицемѣріе должно быть обычно. Тѣмъ не менѣе, Америка все же есть такое мѣсто, въ которомъ христіанская религія болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь на свѣтѣ, сохранила дѣйствительное вліяніе на души; и ничто не доказываетъ лучше, насколько она полезна и свойственна человѣку, какъ то, что страна, въ которой она сохранила въ наше время наибольшую силу, есть въ то же время и самая просвѣщенная и свободная.

Я сказалъ, что американскіе священники вообще высказываются въ пользу гражданской свободы, не исключая и тѣхъ, которые не допускаютъ свободы религіозной; однако же они не оказываютъ содѣйствія никакой политической системѣ въ частности. Они стараются держаться въ сторонѣ отъ дѣлъ и не вмѣшиваются въ партійныя комбинаціи. Поэтому нельзя сказать, чтобы въ Соединенныхъ Штатахъ религія оказывала вліяніе на законы, или на частности политическихъ мнѣній, но она даетъ направленіе нравамъ и, устанавливая порядокъ семьи, дѣйствуетъ и на порядокъ въ государствѣ.

Я ни минуты не сомнѣваюсь въ томъ, что значительная строгость нравовъ, замѣчаемая въ Соединенныхъ Штатахъ, имѣетъ своимъ первымъ источникомъ вѣрованіе. Религія тамъ часто бываетъ безсильна удержать человѣка посреди безчисленныхъ искушеній представляемыхъ ему богатствомъ. Она не можетъ умѣрить въ немъ страсть къ обогащенію, подстрекаемую со всѣхъ сторонъ; но она неограниченно царствуетъ въ сердцѣ женщины, а нравы создаются женщиной. Изъ всѣхъ странъ на свѣтѣ въ Америкѣ,

конечно, брачный союзъ наиболѣе уважается и идея супружескаго счастія сознается наивысшимъ и наиболѣе справедливымъ образомъ.

Въ Европѣ почти всѣ общественные безпорядки зараждаются вокругъ домашняго очага и не далеко отъ брачнаго ложа. Тамъ люди начинаютъ сознавать пренебреженіе къ естественнымъ связямъ и дозволеннымъ наслажденіямъ, тамъ они получаютъ склонность къ безпорядку, душевное безпокойство, непостоянство желаній. Волнуемый безпорядочными страстями, часто нарушавшими спокойствіе его собственнаго дома, европеецъ съ трудомъ лишь подчиняется законодательнымъ властямъ государства. Когда, послѣ волненій политическаго міра, американецъ возвращается въ среду своей семьи, то онъ тотчасъ видитъ въ ней картину порядка и мира. Всѣ его удовольствія въ ней просты и естественны, всѣ его радости невинны и спокойны; и такъ какъ онъ достигаетъ счастія посредствомъ правильной жизни, то онъ легко пріучается подчинять правиламъ и свои мнѣнія и свои вкусы.

Въ то время какъ европеецъ старается избавиться отъ своего семейнаго горя, волнуя общество, американецъ получаетъ въ своемъ домѣ любовь къ порядку, которую онъ вноситъ потомъ и въ государственныя дѣла.

Религія въ Соединенныхъ Штатахъ не только упорядочиваетъ нравы, но распространяетъ свое господство даже и на умы.

Одни изъ англо-американцевъ исповѣдуютъ христіанскіе догматы потому, что вѣрятъ имъ, другіе потому что, боятся казаться невѣрующими въ нихъ. Такимъ образомъ христіанство господствуетъ безпрепятственно, по общему признанію. Изъ этого слѣдуетъ, что, какъ я уже сказалъ въ другомъ мѣстѣ, въ нравственномъ мірѣ все оказывается точно опредѣленнымъ и установленнымъ, хотя политическая сфера и предоставлена повидимому человѣческому разсужденію и опытамъ. Такимъ образомъ умъ человѣка не видитъ никогда передъ собою безграничнаго поля и, какъ бы ни велика была его смѣлость, онъ отъ времени до времени чувствуетъ, что долженъ остановиться передъ непреодолимыми преградами. Прежде чѣмъ вводить что-нибудь новое, онъ необходимо долженъ принять нѣкоторыя первоначальныя данныя и подчинить свои самые смѣлые замыслы извѣстнымъ формамъ, замедляющимъ и задерживающимъ ихъ.

Поэтому воображеніе американцевъ при самыхъ сильныхъ своихъ уклоненіяхъ дѣйствуетъ лишь осторожно и неувѣренно; проявленія его не свободны и творенія его несовершенны. Та же привычка къ сдержанности встрѣчается и въ политическомъ обществѣ и необыкновенно благопріятствуетъ какъ сохраненію спокойствія въ народѣ, такъ и прочности данныхъ имъ себѣ учрежденій. Природа и обстоятельства сдѣлали изъ жителя Соединенныхъ Штатовъ отважнаго человѣка; объ этомъ легко судить, видя какъ онъ гоняется за богатствомъ. Еслибъ умъ американцевъ былъ свободенъ отъ всякихъ оковъ, то мы скоро увидѣли бы между ними самыхъ смѣлыхъ новаторовъ и самыхъ безпощадныхъ логиковъ на свѣтѣ. Но американскіе революціонеры принуждены явно выказывать извѣстное уваженіе къ христіанской правдѣ и нравственности, не позволяющее имъ легко нарушать ея законы даже и тогда, когда они препятствуютъ исполненію ихъ намѣреній; и еслибъ они сами и могли стать выше своихъ сомнѣній совѣсти, то ихъ все же удерживало бы сознаніе, что такія же сомнѣнія существуютъ и у ихъ приверженцевъ. До сихъ поръ въ Соединенныхъ Штатахъ не было ни одного человѣка, который бы рѣшился высказать правило, что все дозволено въ интересахъ общества. Нечестивое правило, которое какъ

будто выдумано въ вѣка свободы, чтобъ узаконить всѣхъ будущихъ тирановъ.

Такимъ образомъ, въ то время какъ законъ дозволяетъ американскому народу дѣлать все, что онъ хочетъ, религія мѣшаетъ ему все задумывать и запрещаетъ на все рѣшаться.

Слѣдовательно мы должны смотрѣть на религію, которая у американцевъ никогда непосредственно не вмѣшивается въ управленіе обществомъ, какъ на первое изъ ихъ политическихъ учрежденій, потому что если она и не даетъ имъ стремленія къ свободѣ, то необыкновенно облегчаетъ пользованіе ею.

Съ этой же точки зрѣнія смотрятъ на религіозныя вѣрованія и сами жители Соединенныхъ Штатовъ. Я не знаю, всѣ ли американцы вѣрятъ въ свою религію, потому что кто можетъ читать въ глубинѣ сердца; но я увѣренъ, что они признаютъ ее необходимой для поддержанія республиканскихъ учрежденій. Это убѣжденіе принадлежитъ не одному классу гражданъ или одной партіи, но всей націи, и встрѣчается во всѣхъ слояхъ общества.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, когда политическій дѣятель нападаетъ на какую-нибудь секту, то это не причина для того, чтобы послѣдователи этой самой секты не поддерживали его; но если онъ нападаетъ на всѣ секты вообще, то всякій избѣгаетъ его и онъ остается одинокимъ.

Во время моего пребыванія въ Америкѣ въ судъ графства Честеръ (въ штатѣ Нью-Іоркъ) явился свидѣтель и заявилъ, что онъ не вѣритъ ни въ Бога, ни въ будущую жизнь. Предсѣдатель суда отказался принять его присягу, такъ какъ, сказалъ онъ, свидѣтель заранѣе уничтожилъ все довѣріе, которое можно было дать его словамъ [1]). Газеты передали этотъ фактъ безъ комментарій.

Американцы настолько совершенно сливаютъ въ своемъ пониманіи христіанство и свободу, что не могутъ себѣ представить одного безъ другого; и у нихъ это не есть одно изъ тѣхъ безплодныхъ вѣрованій, которыя отъ прошедшаго переходятъ къ настоящему и повидимому менѣе живутъ, чѣмъ прозябаютъ въ глубинѣ души.

Я видѣлъ, какъ американцы соединялись, чтобы сообща посылать священниковъ въ новые западные штаты и чтобы основывать тамъ школы и церкви; они боятся, чтобы религія не потерялась посреди лѣсовъ и чтобы вновь возникающій народъ не оказался менѣе способнымъ къ свободѣ, чѣмъ тотъ, изъ котораго онъ вышелъ. Я встрѣчалъ богатыхъ жителей Новой Англіи, которые покидали свою родину для того, чтобы на берегахъ Миссури или въ преріяхъ Иллинойса заложить основаніе христіанства и свободы. Этимъ способомъ въ Соединенныхъ Штатахъ религіозная ревность постоянно поддерживаетъ свою горячность на очагѣ патріотизма. Вамъ кажется, что эти люди дѣйствуютъ исключительно въ видахъ будущей жизни, но вы ошибаетесь. Вѣчность есть только одна изъ ихъ заботъ. Если вы станете распрашивать этихъ миссіонеровъ христіанской цивилизаціи, то вы будете очень удивлены, слыша, какъ часто они говорятъ о благахъ этого міра; и находя въ нихъ полити-

---

[1]) Вотъ въ какихъ выраженіяхъ *New-York Spectator* передаетъ этотъ фактъ: „The court of common ples of Chester countey (New-York), a few days since rejected a witness who declared his disbelief in the existence of God. The presiding judge remarked that he had not before been aware that there was a man living who did not believe in the existence of God; that this belief constituted the sanction of all testimony in a court of justice and that he knew of no cause in a christian counry where a witness had been permitted to testify without such a belief".

ковъ, когда вы расчитывали найти лишь религіозныхъ людей. „Всѣ американскія республики солидарны однѣ съ другими,—скажутъ они вамъ;—еслибъ западныя республики впали въ анархію, или подпали подъ иго деспотизма, то республиканскія учрежденія, процвѣтающія на берегахъ Атлантическаго океана, оказались бы въ большой опасности; намъ поэтому важно, чтобы новые штаты были религіозными, для того чтобъ они не мѣшали намъ быть свободными".

Таковы мнѣнія американцевъ; но ошибка ихъ очевидна, потому что мнѣ каждый день самымъ ученымъ образомъ доказываютъ, что въ Америкѣ все хорошо, кромѣ именно этого религіознаго духа, которому я удивляюсь; и я узнаю, что свободѣ и счастію человѣческаго рода по ту сторону океана недостаетъ лишь того, чтобы вмѣстѣ со Спинозою вѣрить вѣчности міра, или вмѣстѣ съ Кабанисомъ утверждать, что мозгъ выдѣляетъ мысль. На это я, право, не могу ничего отвѣчать, кромѣ того, что говорящіе такимъ образомъ не были въ Америкѣ и не видали ни религіозныхъ, ни свободныхъ народовъ. Поэтому я буду ожидать ихъ по возвращеніи.

Во Франціи есть люди, которые смотрятъ на республиканскія учрежденія какъ на временное средство для своего возвышенія. Они мѣряютъ взглядомъ громадное пространство, отдѣляющее ихъ нищету и пороки отъ богатства и власти, и желали бы навалить въ эту бездну развалинъ, чтобы попытаться наполнить ее. Они относятся къ свободѣ какъ средневѣковыя вольныя дружины къ королямъ; они ведутъ войну за свой счетъ, даже и тогда, когда носятъ ея цвѣта; республика всегда проживетъ достаточно долго, чтобы поднять ихъ изъ настоящаго низкаго состоянія. Я говорю не съ ними; но есть другіе, которые видятъ въ республикѣ постоянный и спокойный общественный строй, необходимую цѣль, къ которой понятія и нравы ежедневно направляютъ новѣйшія общества, и которые искренно бы желали подготовить людей къ тому, чтобъ они были свободными. Когда такіе люди нападаютъ на религіозныя вѣрованія, то они дѣйствуютъ по своимъ склонностямъ, а не по разсчету. Безъ вѣры можетъ обойтись деспотизмъ, а не свобода. Религія гораздо болѣе необходима въ превозносимой ими республикѣ, чѣмъ въ порицаемой ими монархіи, и въ демократическихъ республикахъ больше, чѣмъ во всякихъ другихъ. Какимъ образомъ общество могло бы не погибнуть, еслибы при ослабленіи политической связи моральная связь не становилась крѣпче? И что дѣлать съ народомъ, который самъ себѣ господинъ, если онъ не покоряется Богу?

Главнѣйшія причины, дѣлающія религію могущественною въ Америкѣ.

Американцы позаботились объ отдѣленіи церкви отъ государства.—Законы, общественное мнѣніе и даже старанія самого духовенства содѣйствуютъ этому результату.—Этой причинѣ слѣдуетъ приписать могущественное вліяніе, оказываемое религіей на души людей въ Соединенныхъ Штатахъ.—Почему?—Въ чемъ состоитъ въ наше время естественное положеніе людей по отношенію къ религіи?—Какая особенная и случайная причина препятствуетъ въ нѣкоторыхъ странахъ тому, чтобы люди дѣйствовали согласно съ этимъ положеніемъ?

Философы восемнадцатаго столѣтія объясняли очень просто постепенное ослабленіе вѣрованій. Религіозная ревность, говорили они, должна гаснуть по мѣрѣ того, какъ увеличивается свобода и просвѣщеніе. Жаль, что факты не сходятся съ этою теоріей.

Въ Европѣ есть населенія, которыхъ невѣріе равняется только ихъ грубости и невѣжеству, тогда какъ въ Америкѣ мы видимъ, что одинъ изъ самыхъ свободныхъ и просвѣщенныхъ народовъ на свѣтѣ горячо исполняетъ всѣ внѣшнія религіозныя обязанности.

Когда я прибылъ въ Соединенные Штаты, то меня прежде всего поразилъ религіозный видъ страны. По мѣрѣ моего дальнѣйшаго пребыванія, я сталъ замѣчать политическія слѣдствія, вытекавшія изъ этихъ новыхъ фактовъ.

У насъ я видѣлъ, что духъ свободы и религіи почти всегда направлялись въ разныя стороны. Здѣсь я ихъ находилъ тѣсно соединенными; оба вмѣстѣ царствовали въ одной странѣ.

Каждый день я чувствовалъ, какъ возрастало мое желаніе узнать причину этого явленія.

Для этого я распрашивалъ вѣрующихъ всѣхъ исповѣданій и въ особенности старался быть въ обществѣ духовныхъ лицъ, которымъ ввѣрено храненіе различныхъ вѣрованій и которые лично заинтересованы въ ихъ прочности. Моя собственная религія сближала меня преимущественно съ католическимъ духовенствомъ, и я скоро завязалъ довольно близкія отношенія съ нѣкоторыми изъ его членовъ. Каждому изъ нихъ я выражалъ свое удивленіе и высказывалъ свои сомнѣнія; и я нашелъ, что всѣ эти люди различались между собою лишь въ частностяхъ, но что всѣ преимущественно приписывали полному отдѣленію церкви отъ государства спокойное господство религіи въ ихъ странѣ. И я могу утверждать, не боясь ошибиться, что во время моего пребыванія въ Америкѣ я не встрѣчалъ ни одного человѣка, духовнаго или мірянина, который бы не былъ согласенъ на этотъ счетъ.

Это привело меня къ тому, что я изслѣдовалъ внимательнѣе, чѣмъ дѣлалъ это до той поры, положеніе, занимаемое американскимъ духовенствомъ въ политическомъ обществѣ. Съ удивленіемъ я узналъ, что они не занимаютъ никакой общественной должности [1]). Я не видѣлъ ни одного изъ нихъ въ администраціи и я освѣдомился, что они даже не имѣли представителей въ средѣ собраній.

Во многихъ штатахъ законъ закрылъ для нихъ политическое поприще [2]); во всѣхъ остальныхъ оно закрыто общественнымъ мнѣніемъ.

Когда я наконецъ дошелъ до изученія характера самого духовенства, то я замѣтилъ, что большая часть его повидимому добровольно удалялась отъ власти и ставила себѣ въ нѣкоторое профессіональное достоинство то, что она оставалась ей чуждой.

---

1) Если только не называть такъ обязанности, исполняемыя многими изъ нихъ въ школахъ. Большая часть воспитательной дѣятельности поручена духовенетву.

2) См. конституцію штата Нью-Йоркъ, стр. 7, § 4.
Idem. Сѣверной Каролины, ст. 1. § 23.
Idem. Виргиніи.
Idem. Южной Каролины, ст. 1, § 23.
Iedm. Кентекки, ст. 2, § 26.
Idem. Теннесси, ст. 8, § 1.
Idem. Луизіаны, ст. 2, § 22.
Статья конституціи Нью-Йорка говоритъ слѣдующее:
„Служители Евангелія, будучи по своей профессіи посвящены на служеніе Богу и преданные заботамъ о назиданіи душъ, не должны быть смущаемы при отправленіи этихъ важныхъ обязанностей; вслѣдствіе чего никакой служитель Евангелія, или священникъ, къ какому бы вѣроученію онъ ни принадлежалъ, не можетъ имѣть никакой общественной должности, гражданской или военной.

Я слышалъ, какъ они предавали анаѳемѣ честолюбіе и недобросовѣстность, каковы бы ни были политическія мнѣнія, которыми они старались прикрыться. Но я слышалъ отъ нихъ и то, что люди не могутъ подлежать осужденію въ глазахъ Бога за эти самыя мнѣнія, когда они искренни, и что столь же мало грѣха заблуждаться относительно правленія, какъ и ошибаться относительно способовъ, какъ надо строить свое жилище или пахать свою землю.

Я видѣлъ, что они заботливо отдѣляли себя отъ всѣхъ партій и избѣгали сближенія съ ними такъ старательно, какъ бы въ этомъ видѣли личный свой интересъ.

Эти факты окончательно убѣдили меня въ томъ, что мнѣ говорили вѣрно. Тогда я захотѣлъ отъ фактовъ перейти къ причинамъ; я спросилъ себя, какимъ образомъ могло произойти, что, уменьшивъ видимую силу религіи, достигли увеличенія ея дѣйствительнаго могущества, и нашелъ, что это можно узнать.

Никогда короткій шестидесятилѣтній срокъ не можетъ обнять собою всѣхъ представленій человѣка; несовершенныя радости этого міра никогда не удовлетворятъ его сердце. Между всѣми живыми существами одинъ человѣкъ выказываетъ естественное отвращеніе къ существованію и безконечное желаніе существовать; онъ презираетъ жизнь и боится уничтоженія. Эти различные инстинкты безпрестанно направляютъ его душу къ созерцанію другого міра, путь къ которому указываетъ религія. Слѣдовательно, религія есть нечто иное какъ особый видъ надежды и она столь же естественно присуща сердцу человѣческому какъ и самая надежда. Лишь посредствомъ нѣкотораго уклоненія ума отъ прямого пути и нѣкотораго моральнаго насилія надъ собственною природой люди удаляются отъ религіозныхъ вѣрованій, и непреодолимое стремленіе снова возвращаетъ ихъ къ нимъ. Невѣріе есть случайность; одна только вѣра есть нормальное состояніе человѣчества.

Такимъ образомъ, разсматривая религіи лишь съ чисто-человѣческой точки зрѣнія, можно сказать, что всѣ онѣ почерпаютъ въ самомъ человѣкѣ начало той силы, которая никогда не можетъ изсякнуть для нихъ, такъ какъ она связана съ однимъ изъ органическихъ началъ человѣческой природы.

Я знаю, что бываетъ время, когда къ этому, присущему самой религіи, вліянію она можетъ присоединить еще искусственную силу законовъ и содѣйствіе матеріальныхъ силъ, управляющихъ обществомъ. Бывало, что религія, тѣсно соединившись съ земными правительствами, господствовала надъ душами одновременно посредствомъ страха и посредствомъ вѣры; но когда религія заключаетъ подобный союзъ, то я не боюсь сказать, что она поступаетъ какъ могъ бы поступить человѣкъ: она жертвуетъ будущимъ настоящему и, пріобрѣтая могущество ей не слѣдующее, подвергаетъ опасности свою законную власть.

Когда религія имѣетъ въ виду основать свое господство только на стремленіи къ безсмертію, то она можетъ разсчитывать на всемірное значеніе; но когда она соединяется съ какимъ-нибудь правительствомъ, то ей приходится усвоивать правила, примѣнимыя только къ нѣкоторымъ народамъ. Такимъ образомъ, вступая въ союзъ съ политическою властью, религія увеличиваетъ свое вліяніе на нѣкоторыхъ и теряетъ надежду царствовать надъ всѣми.

Пока религія опирается только на чувства, служащія утѣшеніемъ во

всѣхъ бѣдствіяхъ, то она можетъ привлекать къ себѣ сердца всего человѣческаго рода. Но когда она смѣшивается съ горькими страстями этого міра, то ее принуждаютъ иногда защищать союзниковъ, которыхъ ей даетъ скорѣе разсчетъ, чѣмъ любовь; и ей приходится отвергать, какъ противниковъ, людей, которые еще любятъ ее, хотя и сражаются противъ тѣхъ, къ которымъ она присоединилась. Такимъ образомъ религія не можетъ участвовать въ матеріальной силѣ правительствъ, не принимая на себя и доли возбуждаемой ими ненависти.

Для политическихъ властей, кажущихся намъ болѣе твердо установленными, гарантіей ихъ прочности служатъ только мнѣнія одного поколѣнія, интересы одного вѣка, иногда жизнь одного человѣка Законъ можетъ измѣнить общественный строй, кажущійся самымъ законченнымъ и наилучше упроченнымъ, а съ нимъ все измѣняется.

Всѣ общественныя силы и власти болѣе или менѣе преходящи, такъ же какъ и наши земные годы; онѣ быстро слѣдуютъ однѣ за другими подобно различнымъ жизненнымъ заботамъ; и никогда не было видано такого правительства, которое бы опиралось на неизмѣнное свойство человѣческаго сердца, или могло бы быть основано на интересахъ, обладающихъ безсмертіемъ.

До тѣхъ поръ, пока религія находитъ свою силу въ чувствахъ, стремленіяхъ и страстяхъ, одинаковымъ образомъ возобновляющихся во всѣ историческія эпохи, она презираетъ усилія времени, или по крайней мѣрѣ можетъ быть уничтожена только другой религіей. Но когда религія захочетъ опереться на интересы этого міра, то она становится почти столь же непрочной, какъ и всѣ земныя владычества. Оставаясь одна, она можетъ надѣяться на безсмертіе; связанная съ кратковременными формами власти, она слѣдуетъ за ихъ судьбой и часто падаетъ вмѣстѣ съ однодневными страстями, которыя ихъ поддерживали.

Значитъ, соединяясь съ различными политическими силами, религія можетъ вступать лишь въ невыгодный для себя союзъ. Она не имѣетъ нужды въ ихъ помощи, чтобы жить, а служа имъ, можетъ умереть.

Указываемая мною опасность существуетъ во всѣ времена, но она не всегда одинаково замѣтна.

Бываютъ вѣка, когда правительства кажутся безсмертными, и бываютъ другіе, когда существованіе общества повидимому менѣе прочно, чѣмъ жизнь отдѣльнаго человѣка.

Иные виды государственнаго устройства держатъ гражданъ въ нѣкотораго рода летаргическомъ снѣ, другіе предоставляютъ ихъ лихорадочному безпокойству.

Когда правительства кажутся столь сильными, а законы столь прочными, то люди не замѣчаютъ опасности, которой можетъ подвергаться религія, соединяясь съ властью.

Когда же правительства оказываются слабыми, а законы измѣнчивыми, то опасность бросается всѣмъ въ глаза, но часто бываетъ уже поздно спасаться отъ нея. Нужно поэтому научиться видѣть ее издалека.

По мѣрѣ того какъ нація пріобрѣтаетъ демократическій общественный строй, а общества склоняются къ республикѣ, становится все болѣе и болѣе опаснымъ соединять религію со властью, потому что приближается время, когда власть будетъ переходить изъ рукъ въ руки, когда политическія теоріи будутъ слѣдовать одна за другой, когда люди, законы и самыя конституціи будутъ ежедневно исчезать или измѣняться, и это бу-

детъ продолжаться не временно, а постоянно. Безпокойство и неустойчивость присущи самой природѣ демократическихъ республикъ, также какъ неподвижность и сонъ составляютъ законъ для абсолютныхъ монархій.

Еслибъ американцы, каждые четыре года мѣняющіе главу государства, каждые два года избирающіе новыхъ законодателей, ежегодно перемѣняющіе провинціальную администрацію и предоставившіе политическую сферу для опытовъ новаторовъ, еслибъ они не дали мѣста религіи гдѣ нибудь внѣ этой сферы, то на чемъ бы она держалась посреди этого прилива и отлива человѣческихъ мнѣній? Гдѣ—посреди борьбы партій сохранилось бы уваженіе къ ней? Что сталось бы съ ея безсмертіемъ, когда все бы рушилось кругомъ нея?

Американскія духовныя лица прежде всѣхъ увидѣли эту истину и соображаютъ съ ней свой образъ дѣйствій. Они убѣдились, что если они захотятъ пріобрѣсти политическое значеніе, то имъ придется отказаться отъ религіознаго вліянія и предпочли лучше лишиться поддержки власти, чѣмъ раздѣлять съ ней всѣ ея превратности.

Въ Америкѣ религія можетъ быть менѣе могущественна, чѣмъ она была въ извѣстныя времена и у нѣкоторыхъ народовъ, но вліяніе ея прочнѣе. Она ограничила себя одними собственными силами, которыя никто не можетъ у нея отнять; она дѣйствуетъ только въ одной сферѣ, но за то проникаетъ ее всю и господствуетъ въ ней безъ всякаго усилія.

Я слышу, какъ въ Европѣ со всѣхъ сторонъ раздаются голоса: оплакиваютъ отсутствіе вѣрованій и спрашиваютъ себя, какимъ способомъ можно возвратить религіи нѣкоторые остатки ея стариннаго могущества.

Мнѣ кажется, что прежде надо внимательно изслѣдовать, какое должно быть въ наше время *естественное состояніе* людей по отношенію къ религіи. Зная тогда, на что мы можемъ надѣяться и чего бояться, мы бы ясно увидѣли ту цѣль, къ которой должны стремиться наши усилія.

Двѣ большія опасности грозятъ существованію религій: расколы и индифферентизмъ.

Въ вѣка ревностной вѣры случается иногда, что люди отказываются отъ своей религіи, но они освобождаются отъ нея лишь для того, чтобы подпасть подъ иго другой. Вѣра мѣняетъ свое содержаніе, но она не умираетъ. Старинная религія возбуждаетъ тогда во всѣхъ сердцахъ или горячую любовь, или непримиримую ненависть. Одни съ гнѣвомъ отрекаются отъ нея; другіе прилѣпляются къ ней съ новой горячностью; вѣрованія оказываются различны, но не существуетъ невѣрія.

Но не такъ бываетъ, когда основанія религіознаго вѣрованія незамѣтно подкапываются ученіями, которыя я назову отрицательными, потому что, утверждая ложность данной религіи, они не установляютъ истинности никакой другой.

Тогда въ человѣческомъ умѣ происходятъ необыкновенные перевороты, хотя человѣкъ повидимому и не помогаетъ имъ своими страстями и даже какъ будто не замѣчаетъ ихъ. Тогда мы видимъ, что люди какъ бы по забывчивости теряютъ предметъ самыхъ дорогихъ своихъ надеждъ. Уносясь незамѣтнымъ теченіемъ, противъ котораго они не имѣютъ мужества бороться и которому уступаютъ однако съ сожалѣніемъ, они покидаютъ любимую ими вѣру, чтобъ итти по пути сомнѣнія, ведущаго ихъ къ отчаянію.

Въ вѣка, подобные сейчасъ описаннымъ, вѣрованія бросаются скорѣе вслѣдствіе холодности, чѣмъ вслѣдствіе ненависти къ нимъ; не люди отъ

нихъ отказываются, а они уходятъ отъ людей. Не признавая уже религіи истинною, невѣрующій продолжаетъ считать ее полезною. Смотря на религіозныя вѣрованія съ человѣческой точки зрѣнія, онъ признаетъ ихъ господство надъ нравами и ихъ вліяніе на законы. Онъ понимаетъ, какъ они могутъ дать людямъ возможность жить въ мирѣ и спокойно подготовить ихъ къ смерти. Поэтому, потерявши вѣру, онъ сожалѣетъ о ней и, лишившись блага, цѣнность котораго ему извѣстна, онъ боится отнять его у тѣхъ, у которыхъ оно еще есть.

Съ другой стороны, тотъ, кто продолжаетъ вѣрить, не страшится передъ всѣми открыто выражать свою вѣру. На тѣхъ, кто не раздѣляетъ его надеждъ, онъ смотритъ скорѣе какъ на несчастныхъ, чѣмъ какъ на противниковъ; онъ знаетъ, что можетъ заслужить ихъ уваженіе и не слѣдуя ихъ примѣру; такимъ образомъ онъ не находится въ войнѣ ни съ кѣмъ; и не считая общество, въ которомъ онъ живетъ, за такую арену, на которой религія должна безпрестанно бороться противъ тысячи ожесточенныхъ враговъ, онъ и любитъ своихъ современниковъ и въ то же время осуждаетъ ихъ слабости и сожалѣетъ объ ихъ заблужденіяхъ.

Когда невѣрующіе скрываютъ свое невѣріе, а тѣ кто вѣритъ выказываютъ свою вѣру, тогда образуется общественное мнѣніе въ пользу религіи; ее любятъ, поддерживаютъ, оказываютъ ей почтеніе, и надо проникнуть до глубины душъ, чтобы увидать полученныя ею раны.

Въ такомъ случаѣ масса людей, которыхъ религіозное чувство никогда не оставляетъ, не видятъ ничего, чтобы устраняло ихъ отъ установленныхъ вѣрованій. Стремленіе къ будущей жизни безъ труда приводитъ ихъ къ подножію алтарей и отдаетъ ихъ сердца наставленіямъ и утѣшеніямъ вѣры.

Почему эта картина не примѣнима къ намъ?

Я вижу между нами людей, переставшихъ вѣрить въ христіанство и не приставшихъ ни къ какой религіи.

Я вижу другихъ, которые остановились на сомнѣніи и дѣлаютъ видъ, что уже не вѣрятъ.

Далѣе я встрѣчаю христіанъ, которые еще вѣрятъ, но не рѣшаются этого высказать.

Наконецъ, посреди этихъ равнодушныхъ друзей и этихъ горячихъ противниковъ, я нахожу небольшое число вѣрныхъ, готовыхъ къ тому, чтобы ради своихъ вѣрованій не бояться никакихъ препятствій и презирать всѣ опасности. Эти люди побѣдили въ себѣ человѣческія слабости, чтобы стать выше общаго мнѣнія. Увлекаясь собственнымъ усиліемъ, они уже не знаютъ опредѣленно, гдѣ имъ остановиться. Такъ какъ они видѣли, что въ ихъ отечествѣ первое употребленіе, сдѣланное человѣкомъ изъ своей независимости, состояло въ томъ, чтобы напасть на религію, то они боятся своихъ современниковъ и со страхомъ отстраняются отъ свободы, къ которой послѣдніе стремятся. Такъ какъ невѣріе кажется имъ новостью, то они соединяютъ въ общей ненависти все что ново. Такимъ образомъ они оказываются въ войнѣ со своимъ вѣкомъ и со своей страной и въ каждомъ исповѣдуемомъ въ ней мнѣніи они видятъ непремѣннаго врага вѣры.

Не таково должно бы быть въ наше время естественное состояніе людей по отношенію къ религіи.

Значитъ между нами существуетъ случайная и особенная причина, препятствующая человѣческому уму слѣдовать своей склонности и толкающая его за предѣлы, у которыхъ онъ долженъ бы былъ естественно остановиться.

Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что эта особенная и случайная причина есть тѣсное соединеніе политики и религіи.

Европейскіе невѣрующіе преслѣдуютъ христіанъ больше какъ политическихъ враговъ, чѣмъ какъ религіозныхъ противниковъ; они ненавидятъ вѣру гораздо больше въ качествѣ партійнаго мнѣнія, чѣмъ въ смыслѣ ложнаго вѣрованія; и въ священникѣ они отталкиваютъ не столько представителя Бога, какъ друга власти.

Въ Европѣ христіанство допустило тѣсно связать себя съ земными властями. Теперь эти власти падаютъ, а оно оказывается какъ бы похороненныхъ подъ ихъ развалинами. Это живой, котораго хотѣли привязать къ мертвымъ; уничтожьте соединяющія ихъ связи и онъ подымется.

Я не знаю, что надо сдѣлать, чтобы возвратить европейскому христіанству энергію молодости. Это могъ бы сдѣлать одинъ Богъ; но отъ людей зависитъ по крайней мѣрѣ предоставить вѣрѣ пользоваться всѣми силами, которыя у нея еще сохранились.

Какимъ образомъ просвѣщеніе, привычка и практическая опытность американцевъ способствуютъ успѣху демократическихъ учрежденій.

Что слѣдуетъ разумѣть подъ просвѣщеніемъ американскаго народа.—Человѣческій умъ получилъ въ Соединенныхъ Штатахъ менѣе глубокое образованіе, чѣмъ въ Европѣ.—Но никто не остался въ невѣжествѣ.—Почему? Быстрота, съ которой мысль движется въ на половину безлюдныхъ штатахъ Запада.—Почему практическая опытность еще полезнѣе американцамъ, чѣмъ литературное образованіе.

Во множествѣ мѣсть этого сочиненія я уже указывалъ читателямъ, какое вліяніе оказывали просвѣщеніе и привычки американцевъ на поддержаніе ихъ политическихъ учрежденій. Поэтому мнѣ остается теперь сказать немного новаго.

Америка до сихъ поръ имѣла лишь очень немногихъ замѣчательныхъ писателей; въ ней не было великихъ историковъ и ни одного поэта. Обитатели ея смотрятъ на собственно такъ называемую литературу съ нѣкотораго рода неодобреніемъ. Въ иномъ третьестепенномъ европейскомъ городѣ ежегодно издается больше литературныхъ произведеній, чѣмъ въ двадцати четырехъ штатахъ Союза, взятыхъ вмѣстѣ.

Американскій умъ сторонится отъ общихъ идей; онъ не имѣетъ стремленія къ теоретическимъ открытіямъ. И самая политика и промышленная дѣятельность не даютъ ему этого направленія. Въ Соединенныхъ Штатахъ безпрестанно сочиняются новые законы, но до сихъ поръ не нашлось великихъ писателей, которые бы изслѣдовали общія начала законодательства.

Американцы имѣютъ юрисконсультовъ и комментаторовъ, но у нихъ нѣтъ публицистовъ; и въ политикѣ они даютъ міру скорѣе примѣры, чѣмъ уроки.

Тоже самое и относительно механическихъ искусствъ.

Въ Америкѣ разумно примѣняютъ европейскія изобрѣтенія, и усовершенствовавъ ихъ, превосходно приспособляютъ къ потребностямъ страны. Люди тамъ способны къ промышленной дѣятельности, но они не изучаютъ промышленной науки. Тамъ можно найти хорошихъ работниковъ, но мало изобрѣтателей. Фультонъ долго былъ принужденъ продавать по мелочамъ свой геній чужестраннымъ народамъ, пока наконецъ могъ его посвятить своей странѣ.

Поэтому тотъ, кто хочетъ судить о положеніи просвѣщенія у англо-американцевъ, рискуетъ увидѣть одинъ и тотъ же предметъ въ двухъ разныхъ образахъ. Если онъ обратитъ вниманіе только на ученыхъ, то удивится малому ихъ числу; если же онъ будетъ считать ничего не знающихъ, то американскій народъ покажется ему самымъ просвѣщеннымъ на свѣтѣ.

Все населеніе заключается между этими двумя крайностями; я уже говорилъ объ этомъ.

Въ Новой Англіи каждый гражданинъ получаетъ элементарныя понятія о человѣческихъ знаніяхъ; кромѣ того онъ узнаетъ ученіе своей религіи и его доказательства; затѣмъ ему сообщаютъ исторію его отечества и главнѣйшія черты конституціи, которою оно управляется. Въ Коннектикетѣ и Массачузетсѣ рѣдко можно встрѣтить человѣка не вполнѣ знакомаго со всѣмъ этимъ, а такой человѣкъ, который совсѣмъ ничего этого не знаетъ, представляетъ нѣкотораго рода феноменъ.

Когда я сравниваю греческія и римскія республики съ этими американскими республиками, рукописныя библіотеки первыхъ и ихъ грубую чернь съ тысячью газетъ и журналовъ, обращающихся во вторыхъ и съ просвѣщеннымъ народомъ, живущимъ въ нихъ, когда затѣмъ я подумаю о всѣхъ усиліяхъ, которыя еще и теперь дѣлаются для того, чтобы судить объ однихъ по сравненію съ другими и на основаніи того, что произошло двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, предвидѣть то, что произойдетъ въ наше время, то у меня является искушеніе сжечь всѣ мои книги, чтобы примѣнять только новыя идеи къ столь новому общественному строю.

Впрочемъ не слѣдуетъ безъ разбора распространять на весь Союзъ того, что я говорю о Новой Англіи. Чѣмъ далѣе мы подвигаемся къ западу или югу, тѣмъ болѣе умеьшается образованіе народа. Въ штатахъ сосѣднихъ съ Мексиканскимъ заливомъ встрѣчается, также какъ и у насъ, нѣкоторое количество отдѣльныхъ лицъ, чуждыхъ даже первоначальныхъ основаній человѣческихъ знаній; но въ Соединенныхъ Штатахъ нельзя найти хотя бы одного цѣлаго округа, который бы оставался погруженнымъ въ невѣжество. Причина этого проста: народы Европы начали отъ мрака варварства свое движеніе по пути цивилизаціи и просвѣщенія. Успѣхи ихъ были неравны: одни какъ бы бѣжали на этомъ поприщѣ, другіе только шли обыкновеннымъ шагомъ; многіе остановились и до сихъ поръ спятъ на дорогѣ.

Не такъ было въ Соединенныхъ Штатахъ.

Англо-американцы прибыли уже совсѣмъ цивилизованными на землю, занимаемую ихъ потомствомъ; имъ не было нужды учиться, а слѣдовало только не забывать. Но сыновья этихъ самыхъ американцевъ и суть тѣ люди, которые каждый годъ переносятъ въ пустыню вмѣстѣ со своимъ жилищемъ и пріобрѣтенныя ими уже свѣдѣнія и уваженіе къ знанію. Воспитаніе внушило имъ сознаніе пользы просвѣщенія и дало имъ возможность передать его своимъ потомкамъ. Слѣдовательно въ Соединенныхъ Штатахъ общество не имѣло младенчества; оно родилось въ зрѣломъ возрастѣ.

Американцы вовсе не употребляютъ слова крестьянинъ, потому что у нихъ нѣтъ идеи соединенной съ этимъ словомъ; невѣдѣніе первыхъ временъ, простота полей, деревенская неразвитость не сохранились между ними и они не имѣютъ понятія ни о добродѣтеляхъ, ни о порокахъ, ни о грубыхъ обычаяхъ, ни о наивной прелести зарождающейся цивилизаціи.

На крайнихъ предѣлахъ союзныхъ штатовъ, на границахъ общества и пустыни держится населеніе смѣлыхъ авантюристовъ, которые, чтобы избавиться отъ нищеты, готовой постигнуть ихъ подъ отеческимъ кровомъ, не побоялись проникнуть въ глубь американскаго безлюдья и тамъ искать себѣ новаго отечества. Только что прибывши на мѣсто, которое должно ему служить убѣжищемъ, піонеръ наскоро срубаетъ нѣсколько деревьевъ и ставитъ хижину подъ сѣнью вѣтвей; ничто не имѣетъ столь жалкаго вида, какъ эти уединенныя жилища. Приближающійся къ нимъ подъ вечеръ путешественникъ издали видитъ сквозь стѣнъ, какъ свѣтится огонь очага; а ночью, если подымется вѣтеръ, онъ слышитъ какъ вѣтви на крышѣ шумятъ вмѣстѣ съ деревьями въ лѣсу. Кто бы не подумалъ, что эта бѣдная хижина служитъ убѣжищемъ грубости и невѣжества?

Не слѣдуетъ однако установлять никакой зависимости между піонеромъ и помѣщеніемъ служащимъ ему кровомъ. Все первобытно и дико кругомъ него, но самъ онъ есть, такъ сказать, результатъ восемнадцати вѣковъ труда и опыта. Онъ носитъ городскую одежду, говоритъ городскимъ языкомъ; онъ знаетъ прошедшее, интересуется будущимъ и разсуждаетъ о настоящемъ; это очень цивилизованный человѣкъ, который временно подчиняется условіямъ жизни въ лѣсу и который углубляется въ пустыни Новаго Свѣта съ библіей, топоромъ и газетами.

Трудно себѣ представить, съ какой невѣроятною быстротой мысль циркулируетъ въ этихъ пустынныхъ мѣстностяхъ [1]).

Я не думаю, чтобы такое сильное умственное движеніе происходило въ самыхъ просвѣщенныхъ и самыхъ населенныхъ округахъ Франціи [2]).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Соединенныхъ Штатахъ народное образованіе сильно способствуетъ поддержанію демократической республики. И такъ будетъ, я думаю, вездѣ, гдѣ не станутъ отдѣлять обученіе, просвѣщающее умъ, отъ воспитанія, вносящаго правильность въ нравы.

Я однако не придаю этому преимуществу черезчуръ большого значенія и тѣмъ болѣе не думаю, подобно многимъ европейцамъ, что достаточно выучить людей читать и писать, чтобы тотчасъ же сдѣлать изъ нихъ гражданъ.

Настоящее просвѣщеніе получается, главнымъ образомъ, изъ опыта, и еслибъ американцы не были пріучены мало-помалу къ самоуправленію, то литературныя знанія, которыми они обладаютъ, не много бы имъ помогли для достиженія этой цѣли.

---

[1]) Я объѣхалъ часть границы Соединенныхъ Штатовъ на открытой двуколкѣ, называвшейся почтовою. Мы ѣхали безостановочно днемъ и ночью по дорогамъ, едва проложеннымъ посреди громадныхъ зеленыхъ лѣсовъ; когда темнота становилась непроницаемой, то мой проводникъ зажигалъ вѣтви лиственницы и мы продолжали нашъ путь при этомъ освѣщеніи; изрѣдка мы встрѣчали хижину посреди лѣса: это были почтовыя конторы. Почтальонъ бросалъ на порогѣ этого уединеннаго жилья огромную связку писемъ и мы продолжали галопировать, предоставляя каждому сосѣднему жителю заботу получать, что приходится на его долю изъ этого сокровища.

[2]) Въ 1832 году каждый житель Мичигана уплатилъ 1 франкъ 22 сант. почтоваго сбора, а каждый житель Флориды 1 фр. 5 сант. (См. *National Calendar*, 1833, стр. 244). Въ томъ же году каждый житель Сѣвернаго департамента уплатилъ правительству за тотъ же предметъ 1 фр. 4 сант. (См. *Compte général de l'administration des finances*, 1833, стр. 623). Но въ это время въ Мичиганѣ считалось всего семь жителей на квадрат. льё, а во Флоридѣ пять. Образованіе въ этихъ двухъ округахъ было менѣе распространено и дѣятельность слабѣе, чѣмъ въ большинствѣ штатовъ Союза, тогда какъ Сѣверный департаментъ, заключающій въ себѣ по 3.400 жителей на каждое квадратное льё составляетъ одну изъ самыхъ просвѣщенныхъ и самыхъ промышленныхъ частей Франціи.

Я много жилъ съ народомъ въ Соединенныхъ Штатахъ и не могу выразить, насколько я удивлялся его опытности и здравому смыслу.

Не заговаривайте съ американцемъ объ Европѣ; обыкновенно онъ выкажетъ при этомъ большое самомнѣніе и довольно глупое тщеславіе, довольствуясь общими и неопредѣленными понятіями, которыя во всѣхъ странахъ оказываютъ такую большую помощь невѣждамъ. Но спросите его о собственной его странѣ и вы увидите, какъ тотчасъ разсѣется туманъ, застилавшій его разумъ: рѣчь его сдѣлается ясна, отчетлива и точна, также какъ и его мысль. Онъ объяснитъ вамъ, какія онъ имѣетъ права и какія средства, чтобъ ими пользоваться; онъ знаетъ, какими обычаями руководится политическій міръ; вы замѣчаете, что ему извѣстны правила администраціи и что онъ вполнѣ усвоилъ себѣ механику законовъ. Житель Соединенныхъ Штатовъ не почерпалъ изъ книгъ своихъ практическихъ свѣдѣній и положительныхъ познаній; литературное воспитаніе могло приготовить его къ ихъ воспринятію, но не само дало ихъ ему.

Американецъ учится познанію законовъ, самъ участвуя въ законодательствѣ, и, управляя, онъ знакомится съ формами правленія. Великое общественное дѣло ежедневно совершается передъ его глазами и, такъ сказать, въ его рукахъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ воспитаніе людей въ общемъ направлено на политику; въ Европѣ главная его цѣль есть подготовка къ частной жизни. Участіе гражданъ въ общественныхъ дѣлахъ есть фактъ слишкомъ рѣдкій, чтобъ его предвидѣть заранѣе.

При первомъ взглядѣ на то и другое общество, эти различія проявляются даже въ ихъ внѣшнемъ видѣ.

Въ Европѣ мы часто вносимъ въ общественную жизнь понятія и привычки частной жизни, и такъ какъ намъ случается сразу переходить изъ семейнаго положенія къ управленію государствомъ, то мы часто обсуждаемъ великіе общественные интересы на тотъ же ладъ, какъ разговариваемъ со своими друзьями.

Напротивъ, американцы почти всегда переносятъ привычки общественной жизни въ домашнюю. У нихъ идея суда присяжныхъ проявляется въ школьныхъ играхъ и парламентскія формы можно найти даже въ устройствѣ торжественнаго обѣда.

О томъ, что законы больше, чѣмъ физическія причины, а нравы еще больше, чѣмъ законы, служатъ къ поддержанію демократической республики въ Соединенныхъ Штатахъ.

Всѣ американскіе народы имѣютъ демократическій общественный строй. — Однакоже демократическія учрежденія сохраняются только у англо-американцевъ. — Южно-американскіе испанцы, которымъ природа столь же благопріятствуетъ, какъ и англо-американцамъ, не могутъ переносить демократической республики.—Мексика, принявшая конституцію Соединенныхъ Штатовъ, тоже этого не можетъ. — Западные англо-американцы переносятъ ее труднѣе, чѣмъ восточные. — Причины этихъ различій.

Я сказалъ, что сохраненіе въ Соединенныхъ Штатахъ демократическихъ учрежденій слѣдуетъ приписать тремъ причинамъ: обстоятельствамъ, законамъ и нравамъ [1]).

---

[1]) Я напомню здѣсь читателю общій смыслъ, который я придаю слову *нравы*. Подъ

Большая часть европейцевъ знаютъ только первую изъ этихъ трехъ причинъ и придаютъ ей такое преимущественное значеніе, котораго она не имѣетъ.

Правда, что англо-американцы принесли съ собой въ Новый Свѣтъ равенство общественныхъ состояній; между ними не было никогда ни благородныхъ, ни простолюдиновъ; предразсудки происхожденія всегда были между ними такъ же неизвѣстны, какъ и предразсудки профессіональные. И такъ какъ общественный строй былъ, такимъ образомъ, демократическимъ, то демократіи и не трудно было установить свое господство.

Фактъ этотъ былъ однако не исключительно въ Соединенныхъ Штатахъ; почти всѣ американскія колоніи были основаны людьми равными между собою, или которые сдѣлались равными, живя тамъ. Нѣтъ ни одной мѣстности въ Новомъ Свѣтѣ, гдѣ бы европейцы могли создать аристократію.

И однако демократическія учрежденія процвѣтаютъ только въ Соединенныхъ Штатахъ.

Американскій Союзъ не имѣетъ непріятелей, съ которыми ему приходилось бы воевать. Онъ одинокъ посредн пустынь, какъ островъ среди океана.

Но природа такимъ же образомъ уединила и испанцевъ въ Южной Америкѣ, и это уединеніе не помѣшало имъ содержать войска. За неимѣніемъ иностранцевъ, они воевали другъ съ другомъ. Только англо-американская демократія до сихъ поръ съумѣла сохранить у себя миръ.

Земельныя пространства Союза представляютъ безграничное поле для человѣческой дѣятельности; они даютъ неисчерпаемый матеріалъ для труда и промышленности. Поэтому жажда богатства замѣняетъ тамъ честолюбіе и благосостояніе заглушаетъ горячность партій.

Но въ какой части свѣта находятся болѣе плодородныя пустыя пространства, болѣе многоводныя рѣки, болѣе неисчерпаемыя и нетронутыя богатства, чѣмъ въ Южной Америкѣ? И однако Южная Америка не можетъ вынести демократіи. Еслибъ для счастія народовъ довольно было того, что помѣстившись въ какомъ-нибудь уединенномъ углу земли, они могли бы свободно, по своему желанію, распространяться на необитаемыя земли, то южно-американскіе испанцы не могли бы жаловаться на свою участь. Еслибъ они и не пользовались такимъ благополучіемъ, какъ жители Соединенныхъ Штатовъ, то, по крайней мѣрѣ, должны бы возбуждать зависть европейскихъ народовъ. И однако во всемъ свѣтѣ нѣтъ націй болѣе жалкихъ, чѣмъ южно-американскія.

Такимъ образомъ физическія причины не только не могутъ произвести сходныхъ результатовъ у южныхъ и сѣверныхъ американцевъ, но онѣ не въ состояніи даже создать у первыхъ изъ нихъ что-нибудь такое, что бы не было хуже, чѣмъ въ Европѣ, гдѣ эти причины дѣйствуютъ въ противоположномъ направленіи.

Значитъ физическія причины не настолько сильно вліяютъ на судьбу народовъ, какъ это предполагаютъ.

Я встрѣчалъ людей изъ Новой Англіи, готовыхъ покинуть свое отечество, гдѣ они могли бы жить зажиточно, для того чтобъ искать богатства въ пустынѣ. Недалеко оттуда я видѣлъ, какъ французское населеніе въ Канадѣ тѣснилось на пространствѣ слишкомъ недостаточномъ для него,

---

этимъ названіемъ я понимаю совокупность умственныхъ и моральныхъ склонностей, вносимыхъ людьми въ общественное устройство.

когда рядомъ съ нимъ была та же пустыня; и въ то время, когда эмигрантъ изъ Соединенныхъ Штатовъ нѣсколькими днями труда зарабатывалъ себѣ большое помѣстье, канадецъ платилъ за землю такъ же дорого, какъ еслибъ онъ жилъ въ Европѣ.

Такимъ образомъ природа, предоставляя европейцамъ пустыя пространства Новаго Свѣта, даетъ имъ богатства, которыми они не всегда умѣютъ пользоваться.

Я вижу у другихъ американскихъ народовъ такія же условія благосостоянія, какъ и у англо-американцевъ, кромѣ ихъ законовъ и нравовъ, и эти народы несчастны. Значитъ законы и нравы англо-американцевъ составляютъ то особенное основаніе ихъ величія и ту преобладающую причину, которую я стараюсь найти.

Я далеко не думаю утверждать, что американскіе законы безусловно хороши; я не полагаю, чтобы они были примѣнимы ко всѣмъ демократическимъ народамъ, а многіе изъ нихъ кажутся мнѣ опасными даже и для Соединенныхъ Штатовъ.

Однакоже нельзя отрицать, что взятое вообще американское законодательство хорошо приспособлено какъ къ духу народа, для управленія которымъ оно предназначено, такъ и къ природѣ страны.

Стало-быть американскіе законы хороши и имъ слѣдуетъ приписать большую часть успѣха, пріобрѣтеннаго въ Америкѣ демократическимъ правленіемъ; но я не думаю, чтобъ и они составляли главную его причину. И если съ одной стороны мнѣ кажется, что они имѣютъ больше вліянія на общественное благополучіе американцевъ, чѣмъ природа страны, то съ другой стороны я имѣю основанія думать, что вліяніе это меньше, чѣмъ оказываемое нравами.

Законы Союза составляютъ конечно важнѣйшую часть законодательства Соединенныхъ Штатовъ.

Мексика, находящаяся въ такихъ же счастливыхъ естественныхъ условіяхъ, какъ и англо-американскій Союзъ, присвоила себѣ тѣ же самые законы и все же не можетъ привыкнуть къ демократическому правленію.

Есть, слѣдовательно, причина, независимая отъ физическихъ условій и отъ законовъ, въ силу которой демократія можетъ управлять Соединенными Штатами.

Но вотъ чѣмъ это еще больше доказывается: почти всѣ люди, живущіе на территоріи Союза, имѣютъ одно кровное происхожденіе; они говорятъ на одномъ языкѣ, одинаковымъ образомъ молятся Богу, подчинены однимъ и тѣмъ же матеріальнымъ условіямъ и повинуются одинакимъ законамъ.

Откуда же происходятъ наблюдаемыя между ними различія?

Отчего въ восточной части Союза республиканское правительство является сильнымъ и правильнымъ и дѣйствуетъ медленно и обдуманно? Какая причина придаетъ всѣмъ его дѣйствіямъ характеръ мудрости и прочности?

Отчего происходитъ, наоборотъ, что на Западѣ общественныя власти дѣйствуютъ какъ бы случайно?

Отчего тамъ въ направленіи общественной дѣловой жизни царствуетъ что-то безпорядочное, страстное, почти, можно сказать, лихорадочное, не предвѣщающее долгаго существованія?

Я уже не сравниваю англо-американцевъ съ чужеземными народами; я противополагаю теперь однихъ англо-американцевъ другимъ и изслѣдую, почему они не похожи другъ на друга. Здѣсь уже я лишаюсь сразу всѣхъ

доказательствъ, выведенныхъ изъ природы страны и изъ различія законовъ. Надо обратиться къ какой-нибудь другой причинѣ — и гдѣ же я могу ее найти какъ не въ нравахъ?

На востокѣ англо-американцы всего болѣе свыклись съ практикой демократическаго правленія и усвоили себѣ привычки и идеи наиболѣе благопріятныя для его сохраненія. Демократія тамъ мало-помалу проникла въ обычаи, въ мнѣнія и въ формы; она встрѣчается во всѣхъ подробностяхъ общественной жизни такъ же, какъ и въ законахъ. На востокѣ литературное образованіе и практическое воспитаніе народа были доведены до наибольшаго совершенства и религія лучше всего слилась со свободою. Но что же такое всѣ эти привычки, мнѣнія, обычаи, вѣрованія, какъ не то, что мною названо нравами?

На западѣ, напротивъ, часть этихъ преимуществъ еще отсутствуетъ. Значительное число американцевъ западныхъ штатовъ родились въ лѣсахъ и съ цивилизаціей своихъ отцовъ соединяютъ понятія и обычаи дикой жизни. Страсти у нихъ сильнѣе и грубѣе, религіозная мораль имѣетъ на нихъ меньшее дѣйствіе, понятія ихъ менѣе опредѣленны. Люди тамъ не имѣютъ другъ надъ другомъ никакого контроля, потому что почти не знаютъ другъ друга. Такимъ образомъ населеніе запада проявляетъ до нѣкоторой степени неопытность и безпорядочныя привычки вновь образующихся народовъ. Между тѣмъ общество на западѣ составлено изъ старинныхъ элементовъ, только способъ ихъ соединенія различенъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что по преимуществу нравы дѣлаютъ американцевъ Соединенныхъ Штатовъ изъ всѣхъ прочихъ американцевъ единственно способными переносить господство демократіи; и они же дѣлаютъ то, что различныя англо-американскія демократіи больше или меньше пользуются порядкомъ и благополучіемъ.

Такимъ образомъ въ Европѣ преувеличиваютъ вліяніе, оказываемое на прочность демократическихъ учрежденій географическимъ положеніемъ страны, а также придаютъ слишкомъ много значенія законамъ и слишкомъ мало нравамъ. Конечно, всѣ эти три главныя причины служатъ для упорядоченія и направленія американской демократіи; но, еслибъ ихъ слѣдовало распредѣлить по порядку, то я бы сказалъ, что физическія причины имѣютъ меньшее вліяніе, чѣмъ законы, а законы гораздо меньшее, чѣмъ нравы.

Я убѣжденъ, что самое счастливое положеніе и самые лучшіе законы не могутъ охранить конституцію вопреки нравамъ, тогда какъ послѣдніе могутъ еще извлечь пользу изъ самаго невыгоднаго положенія и изъ самыхъ дурныхъ законовъ. Важное значеніе нравовъ есть общеизвѣстная истина, къ которой изученіе и опытъ постоянно приводятъ снова. Мнѣ кажется, что она занимаетъ въ моемъ умѣ какъ бы центральный пунктъ, и я нахожу ее на концѣ всѣхъ моихъ мыслей.

Мнѣ остается сказать еще одно слово по этому предмету.

Если я въ теченіе этого сочиненія не заставилъ читателя почувствовать важное значеніе, которое, по моему мнѣнію, имѣютъ для сохраненія американскихъ законовъ практическая опытность, привычки и мнѣнія американцевъ,—однимъ словомъ, ихъ нравы,—то, значитъ, я не достигъ главной цѣли, которую я себѣ поставилъ, когда его писалъ.

Были ли бы достаточны законы и нравы для поддержанія демократическихъ учрежденій въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Америки?

Еслибъ англо-американцы перешли въ Европу то они принуждены были бы измѣнить въ ней свои законы.—Надо дѣлать различіе между учрежденіями демократическими и учрежденіями американскими. — Можно себѣ представить законы лучшіе или по крайней мѣрѣ различные отъ тѣхъ, которые установила для себя американская демократія. — Примѣръ Америки доказываетъ лишь то, что не слѣдуетъ отказываться отъ надежды помощію законовъ и нравовъ устроить порядокъ въ демократіи.

Я сказалъ, что удачное дѣйствіе демократическихъ учрежденій въ Соединенныхъ Штатахъ зависѣло больше отъ законовъ и нравовъ, чѣмъ отъ природы страны.

Но слѣдуетъ ли изъ этого, что если эти самыя причины перенести въ другое мѣсто, то онѣ однѣ будутъ имѣть то же значеніе и что если страна не можетъ замѣнить собою законовъ и нравовъ, то законы и нравы наоборотъ могутъ замѣнить собою свойства страны?

Легко понять, что въ этомъ случаѣ у насъ не будетъ основаній для доказательствъ: въ Новомъ Свѣтѣ встрѣчаются другіе народы, кромѣ англо-американцевъ и такъ какъ они подчинены тѣмъ же матеріальнымъ условіямъ, какъ и послѣдніе, то я могъ сравнить ихъ между собою.

Но внѣ Америки нѣтъ націй, которыя, не имѣя тѣхъ же физическихъ преимуществъ, какъ англо-американцы, приняли бы однако ихъ законы и нравы.

Такимъ образомъ мы не имѣемъ объектовъ для сравненія; можно только рискнуть высказать нѣкоторыя мнѣнія на этотъ счетъ.

Прежде всего, мнѣ кажется, нужно старательно различить учрежденія Соединенныхъ Штатовъ отъ демократическихъ учрежденій вообще.

Когда я представляю себѣ положеніе Европы съ ея великими народами, многолюдными городами, страшными арміями, съ запутанными усложненіями ея политики, я не могу надѣяться, чтобы даже англо-американцы, если ихъ перенести къ намъ съ ихъ понятіями религіей и нравами, могли бы жить у насъ, не измѣнивъ значительно своихъ законовъ.

Но можно себѣ представить демократическій народъ, организованный другимъ способомъ, чѣмъ американскій.

Развѣ нельзя представить себѣ такое правленіе, которое было бы основано на дѣйствительной волѣ большинства, но въ которомъ большинство, насильственно подчинивъ свойственные ему по природѣ инстинкты равенства требованіямъ порядка и прочности государства, согласилось бы облечь всѣми правами исполнительной власти одну семью или одного человѣка? Или развѣ нельзя вообразить демократическое общество, въ которомъ національныя силы были бы болѣе централизованы, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ народъ проявлялъ бы менѣе непосредственно и неудержимо свое господство въ общихъ дѣлахъ и гдѣ бы однако каждый гражданинъ, облеченный извѣстными правами, принималъ бы въ своей сферѣ участіе въ общемъ ходѣ правленія.

То, что я видѣлъ у англо-американцевъ, заставляетъ меня думать, что демократическія учрежденія такого рода, если ихъ осторожно вводить въ общество, въ которомъ они мало-помалу сливались бы съ привычками и постепенно объединялись бы со взглядами народа, могли бы существовать и въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Америки.

Еслибъ законы Соединенныхъ Штатовъ были единственными демократическими законами, какіе только можно вообразить, или самыми совершенными изъ всѣхъ, какіе можно найти, то я понимаю, что изъ этого можно бы было вывести, что успѣшное дѣйствіе законовъ въ Соединенныхъ Штатахъ ничего не доказываетъ относительно возможнаго успѣха демократическихъ законовъ вообще въ странѣ съ менѣе благопріятными природными условіями.

Но когда американскіе законы кажутся мнѣ во многихъ случаяхъ неудовлетворительными и я легко могу представить ихъ себѣ въ другомъ видѣ, то особая природа страны не служитъ для меня доказательствомъ, что демократическія учрежденія не могутъ итти успѣшно у народа, у котораго, при менѣе благопріятныхъ физическихъ условіяхъ, законы были бы лучше.

Еслибъ люди въ Америкѣ представлялись различными отъ живущихъ въ другихъ мѣстахъ, еслибъ ихъ общественный строй зараждалъ въ нихъ привычки и мнѣнія противоположныя тѣмъ, которыя при такомъ же общественномъ строѣ возникаютъ въ Европѣ, то на основаніи происходящаго въ американскихъ демократіяхъ вовсе нельзя было бы судить о томъ, что должно произойти въ другихъ демократіяхъ.

Еслибъ американцы выказывали тѣ же склонности, какъ и другіе демократическіе народы, а ихъ законодатели разсчитывали бы на природу страны и на благопріятствующія обстоятельства, чтобъ удержать эти склонности въ надлежащихъ границахъ, то благополучіе Соединенныхъ Штатовъ, которое въ такомъ случаѣ надо бы признать зависящимъ отъ чисто-физическихъ причинъ, ничего не доказывало бы по отношенію къ народамъ, которые бы пожелали слѣдовать ихъ примѣру, не имѣя ихъ естественныхъ преимуществъ.

Но ни то ни другое изъ этихъ предположеній не оправдываются на дѣлѣ.

Я встрѣчалъ въ Америкѣ страсти, подобныя тѣмъ, какія мы видимъ и въ Европѣ; однѣ изъ нихъ обусловливались самою природою человѣческаго сердца, другія зависѣли отъ демократическаго строя общества.

Такъ, я и въ Соединенныхъ Штатахъ находилъ душевное безпокойство, естественно свойственное людямъ, когда при одинаковыхъ приблизительно общихъ условіяхъ, каждый видитъ равные шансы для своего возвышенія. Встрѣчалъ я тамъ и демократическое чувство зависти, выражавшееся тысячью различныхъ способовъ. Замѣтилъ я также, что народъ тамъ въ веденіи общественныхъ дѣлъ часто выказывалъ большую самонадѣянность, соединенную съ невѣжествомъ; и изо всего этого я заключилъ, что въ Америкѣ, какъ и у насъ, людямъ свойственны тѣ же несовершенства и они подвержены тѣмъ же слабостямъ.

Но, когда я сталъ внимательно изслѣдовать состояніе общества, то легко увидалъ, что американцами были сдѣланы большія и удачныя усилія для того, чтобы побороть эти слабости человѣческаго сердца и исправить недостатки естественно свойственные демократіи.

Ихъ различные муниципальные законы представились мнѣ тѣми преградами, которыя удерживали въ тѣсномъ кругу безпокойное честолюбіе гражданъ и обращали на пользу общины тѣ самыя демократическія страсти, которыя могли бы разрушать государство. Мнѣ казалось, что американскимъ законодателямъ удалось не безъ успѣха противопоставить чувству зависти идею права, постоянному движенію въ политическомъ мірѣ, неподвижность религіозной морали, теоретическому невѣдѣнію народа его практическую опытность и неудержимости его желаній его дѣловыя привычки.

Такимъ образомъ американцы не понадѣялись на природу страны для того чтобы бороться съ опасностями, возникающими изъ ихъ государственнаго устройства и ихъ политическихъ законовъ. Противъ тѣхъ золъ, которыя у нихъ общія со всѣми демократическими народами, они примѣнили лѣкарства, до которыхъ они одни до сихъ поръ додумались; и хотя они были первыми ихъ испытавшими, однако опытъ имъ удался.

Нравы и законы американцевъ не единственные, которые могутъ соотвѣтствовать потребностямъ демократическихъ народовъ; но американцы доказали, что не слѣдуетъ отказываться отъ надежды внести порядокъ въ демократію съ помощію законовъ и нравовъ.

Еслибы другіе народы, воспринявши отъ американцевъ эту общую и плодотворную идею, и не желая, однако подражать имъ въ частностяхъ сдѣланныхъ ими ея примѣненій, попытались приспособиться къ тому общественному строю, принять который Провидѣніе обязываетъ нашихъ современниковъ, и постарались бы избѣгнуть такимъ образомъ грозящихъ имъ деспотизма и анархіи, то какія основанія имѣемъ мы думать, что усилія ихъ должны потерпѣть неудачу?

Организація и установленіе демократіи между христіанами есть великая политическая задача нашего времени. Конечно, американцы не разрѣшаютъ этой задачи, но они доставляютъ полезныя указанія тѣмъ, кто стремится къ ея разрѣшенію.

Важность предыдущаго по отношенію къ Европѣ.

Легко уяснить себѣ, для чего я занимался предыдущими изысканіями. Поднятый мною вопросъ имѣетъ значеніе не только для Соединенныхъ Штатовъ но и для всего міра; не для одной націи, а для всѣхъ людей.

Если бы народы съ демократическимъ общественнымъ строемъ могли бы оставаться свободными только живя среди пустынь, то слѣдовало бы отчаяться въ будущей судьбѣ человѣчества, такъ какъ люди быстро идутъ по направленію къ демократіи, а пустыни населяются.

Если бы вѣрно было, что законы и нравы недостаточны для поддержанія демократическихъ учрежденій, то какое бы убѣжище осталось для народовъ кромѣ единоличнаго деспотизма?

Я знаю, что въ наше время есть много честныхъ людей, которыхъ такая будущность вовсе не пугаетъ и которые, утомившись свободою, желали бы наконецъ отдохнуть вдали отъ бурь и грозъ.

Но эти люди очень худо знакомы съ той пристанью, куда они направляются. Съ предубѣжденіемъ, основаннымъ на воспоминаніяхъ, они судятъ о неограниченной власти по тому, чѣмъ она была прежде, а не потому, чѣмъ она можетъ быть въ наше время.

Еслибъ абсолютная власть снова установилась у демократическихъ народовъ Европы то я не сомнѣваюсь, что она приняла бы новую форму и проявила бы характеръ неизвѣстный нашимъ предкамъ.

Было время въ Европѣ, когда и законъ и согласіе народа давали королямъ почти безграничную власть. Но имъ почти никогда не приходилось ею пользоваться.

Я не буду говорить о правахъ благороднаго сословія, о власти верховныхъ судовъ, о правѣ корпорацій, о провинціальныхъ привилегіяхъ, которыя, смягчая давленіе власти въ то же время поддерживали въ націи духъ сопротивленія.

Но, независимо отъ этихъ политическихъ учрежденій, которыя, часто противодѣйствуя свободѣ частныхъ лицъ, служили однако къ поддержанію въ душахъ любви къ свободѣ и которыхъ полезность въ этомъ отношеніи легко понятна, мнѣнія и нравы возводили вокругъ королевской власти преграды менѣе замѣтныя, но не менѣе сильныя.

Религія, любовь подданныхъ, доброта государя, честь, семейныя традиціи, провинціальные предразсудки, обычай и общественное мнѣніе ограничивали власть королей и заключали ее въ предѣлы невидимаго круга.

Въ то время организація народовъ была деспотическая, а нравы ихъ были свободны. Правители имѣли права, но не имѣли ни возможности ни желанія дѣлать что вздумается.

Отъ этихъ преградъ, удерживавшихъ прежде тираннію, что у насъ остается теперь?

Такъ какъ религія потеряла свое владычество надъ душами, то самая видная грань, отдѣлявшая добро отъ зла, оказывается уничтоженной; все въ нравственномъ мірѣ кажется сомнительнымъ и невѣрнымъ; короли и народы двигаются въ немъ по волѣ случая и никто не можетъ сказать гдѣ находятся естественныя границы деспотизма и предѣлы распущенности.

Долгія революціи навсегда уничтожили уваженіе, окружавшее главу государства. Освободившись отъ тяжести общественнаго уваженія, государи могутъ теперь безбоязненно предаваться упоенію власти.

Когда короли видятъ, что сердце народовъ направлено къ нимъ, то они бываютъ милостивы, потому что сознаютъ себя сильными; и они берегутъ любовь своихъ подданныхъ, такъ какъ она есть опора трона. Тогда между государемъ и народомъ установляется обмѣнъ чувствъ, нѣжность которыхъ напоминаетъ въ общественной средѣ о семейныхъ отношеніяхъ. Подданные даже ропщa на своего повелителя, все-таки огорчаются его немилостью, а повелитель наказываетъ своихъ подданныхъ легко, какъ отецъ наказываетъ дѣтей.

Но разъ уже обожаніе королевской власти исчезло посреди тревогъ революціи, и короли, появляясь одинъ за другимъ на тронѣ, поочередно выказали передъ глазами народа какъ слабость *права* такъ и жесткость *факта*, никто уже не видитъ тогда въ верховномъ правителѣ отца государства, а всякій видитъ въ немъ господина. Если онъ слабъ, то его презираютъ, если силенъ, то ненавидятъ. Самъ онъ исполненъ гнѣва и страха; онъ сознаетъ себя чужеземцемъ въ своей странѣ и относится къ своимъ подданнымъ какъ къ побѣжденнымъ.

Когда провинціи и города представляли собою отдѣльныя націи въ общемъ отечествѣ, то въ каждой изъ нихъ былъ особый духъ, противившійся общему духу порабощенія. Но въ настоящее время, когда всѣ части одного государства, потерявши свои вольности, свои обычаи и предразсудки и даже свои воспоминанія и названія, привыкли повиноваться однимъ для всѣхъ законамъ, подавленіе всѣхъ ихъ вмѣстѣ не труднѣе притѣсненія каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

Пока благородное сословіе пользовалось своею властью и даже долго спустя послѣ того, какъ оно ее потеряло, аристократическая честь придавала необыкновенную силу сопротивленію отдѣльныхъ личностей.

Тогда бывало, что люди, еще сохранившіе, несмотря на свое безсиліе, высокое понятіе о своемъ личномъ значеніи, осмѣливались, каждый отдѣльно, сопротивляться силѣ общественной власти.

Но въ наше время, когда всѣ классы заканчиваютъ свое сліяніе, когда

личность все болѣе и болѣе исчезаетъ въ толпѣ, и легко теряется въ общей неизвѣстности; когда монархическая честь почти потеряла свое значеніе, не замѣнившись добродѣтелью, и ничто поэтому не возвышаетъ человѣка надъ самимъ собой, какъ указать, гдѣ могли бы остановиться требованія власти и снисходительность слабости?

Пока живо было семейное начало, человѣкъ боровшійся съ тиранніей никогда не былъ одинокъ; онъ находилъ вокругъ себя постоянныхъ знакомыхъ, наслѣдственныхъ друзей, вообще близкихъ людей; а если бы у него не оказалось и этой помощи, то онъ все же видѣлъ поддержку въ своихъ предкахъ и воодушевлялся мыслью о своемъ потомствѣ. Но когда наслѣдственныя владѣнія дѣлятся, а роды въ теченіе немногихъ лѣтъ смѣшиваются, то гдѣ найти мѣсто для семейныхъ началъ?

Какую силу можетъ сохранить обычное право у народа совершенно измѣнившаго свой внѣшній видъ и безпрестанно его измѣняющаго, у котораго всѣ проявленія тиранніи имѣютъ свои прецеденты, всѣ преступленія могутъ основываться на примѣрѣ и гдѣ невозможно ни найти ничего столь древняго, чтобъ его считали опаснымъ уничтожить, ни представить себѣ ничего столь новаго, чтобы не рѣшились его предпринять?

Какое сопротивленіе могутъ представить нравы, которые уже подчинялись и измѣнялись столько разъ?

Что можетъ сдѣлать само общественное мнѣніе, когда нѣтъ двадцати человѣкъ, которыхъ соединяла бы общая связь, когда не находится ни человѣка, ни семьи, ни сословія, ни класса, никакой свободной ассоціаціи, которая могла бы представлять собою это мнѣніе и привести его въ дѣйствіе?

Когда каждый гражданинъ равно безсиленъ, равно бѣденъ и одинокъ, то что, кромѣ своей индивидуальной слабости, можетъ онъ противопоставить организованной силѣ правительства?

Чтобы представить себѣ нѣчто аналогичное тому, что при такихъ условіяхъ могло бы произойти у насъ, нужно обратиться не къ нашимъ лѣтописямъ. Для этого слѣдовало бы, можетъ быть, искать указанія въ памятникахъ древности и взять для сравненія тѣ ужасные вѣка римской тиранніи, когда нравы были развращены, воспоминанія исчезли, привычки были уничтожены, мнѣнія шатались и свобода, изгнанная изъ законовъ, не знала куда пріютиться, чтобы найти себѣ убѣжище; когда граждане не имѣли болѣе никакой внѣшней гарантіи и не могли охранять себя сами, и потому люди сдѣлали себѣ игрушку изъ человѣческой природы, а правители могли истощить скорѣе небесное милосердіе, чѣмъ терпѣніе своихъ подданныхъ.

Я считаю совершенно слѣпыми людей, которые думаютъ о возобновленіи монархіи Генриха IV, или Людовика XIV. Что же касается до меня, то глядя на состояніе, до котораго дошли уже многія европейскія націи, я склоненъ думать, что скоро между ними окажется возможной только или демократическая свобода, или тираннія цезарей.

Не заслуживаетъ ли это соображеніе того, чтобы надъ нимъ подумать? Если, въ самомъ дѣлѣ, люди должны прійти къ тому положенію, что ихъ слѣдуетъ сдѣлать или всѣхъ свободными или всѣхъ рабами, или всѣхъ равными въ правахъ или всѣхъ безправными; если бы люди, правящіе обществами, приведены были къ такой альтернативѣ: или постепенно поднять толпу до себя, или предоставить всѣмъ гражданамъ упасть ниже общечеловѣческаго уровня, то не было ли бы этого одного достаточно, чтобы побѣдить многія сомнѣнія, успокоить у многихъ совѣсть и подготовить каждаго къ легкому совершенію великихъ жертвъ?

Не слѣдовало ли бы тогда признать постепенное развитіе демократическихъ учрежденій и нравовъ не лучшимъ, а единственнымъ средствомъ, остающимся у насъ для того, чтобы мы могли быть свободными; и не имѣя любви къ демократическому правленію, не были ли бы мы склонны принять его въ качествѣ лѣкарства, наиболѣе примѣнимаго и наиболѣе безупречнаго, которое можетъ быть противопоставлено наличнымъ бѣдствіямъ общества?

Трудно сдѣлать, чтобы народъ участвовалъ въ правленіи; еще труднѣе дать ему опытность и тѣ чувства, которыхъ ему недостаетъ для того, чтобы хорошо управлять.

Воля демократіи измѣнчива; ея исполнители грубы; ея законы несовершенны; я соглашаюсь со всѣмъ этимъ. Но если бы оказалось вѣрнымъ, что скоро не будетъ ничего средняго между господствомъ демократіи и владычествомъ одного, то не слѣдовало ли бы намъ скорѣе склониться къ первому, чѣмъ добровольно подчиниться второму? И если бы наконецъ мы должны были придти къ полному равенству, то не лучше ли предоставить себя уравнивать свободѣ, чѣмъ деспоту.

Тѣ, кто, прочитавши эту книгу, пришли бы къ заключенію, что я написалъ ее съ цѣлью предложить всѣмъ народамъ, имѣющихъ демократическій общественный строй, подражать законамъ и нравамъ англо-американцевъ, впали бы въ большую ошибку; они обратили бы вниманіе только на форму и потеряли бы изъ вида самую сущность моей мысли. Цѣль моя была показать на примѣрѣ Америки, что законы, и въ особенности нравы, способны дать возможность демократическому вароду остаться свободнымъ. Но я при этомъ очень далекъ отъ мысли, что мы должны слѣдовать примѣру, данному американской демократіей и подражать тѣмъ средствамъ, которыя она употребляла для достиженія этой цѣли своихъ усилій; потому что я знаю, какое вліяніе имѣетъ на политическое устройство природа страны и факты, бывшіе въ прошломъ, и я бы считалъ великимъ несчастіемъ для человѣчества, если бы свобода во всѣхъ мѣстахъ должна была проявляться въ одинаковыхъ внѣшнихъ формахъ.

Но я думаю, что если мы не достигнемъ постепеннаго введенія, а за тѣмъ наконецъ и упроченія у насъ демократическихъ учрежденій, и если мы откажемся отъ того, чтобы дать всѣмъ гражданамъ понятія и чувства, которыя бы сначала приготовили ихъ къ свободѣ а потомъ дали бы имъ возможность ею пользоваться, то не будетъ независимости ни для кого, ни для буржуа, ни для дворянина, ни для бѣднаго, ни для богатаго, но будетъ одинаковая тираннія для всѣхъ; и я предвижу, что если намъ не удастся со временемъ основать у насъ мирное господство большинства, то мы рано или поздно придемъ къ *неограниченному* владычеству одного.

ГЛАВА X.

Нѣкоторыя соображенія о настоящемъ состояніи и вѣроятной будущности трехъ расъ, живущихъ на территоріи Соединенныхъ Штатовъ.

Главная задача, принятая мною на себя, въ настоящее время исполнена; въ той мѣрѣ, какъ я сумѣлъ, я указалъ, какіе законы существуютъ въ американской демократіи и какія ея нравы. Я бы могъ и остановиться

здѣсь, но въ такомъ случаѣ читатель, можетъ быть, нашелъ бы, что я не удовлетворилъ его ожиданія.

Кромѣ очень большой и совершенной демократіи, въ Америкѣ можно найти еще и нѣчто другое; можно взглянуть со многихъ точекъ зрѣнія на народы, живущіе въ Новомъ Свѣтѣ.

Въ продолженіе этого сочиненія мнѣ часто приходилось говорить объ индѣйцахъ и неграхъ, но у меня ни разу не было времени остановиться для того, чтобы показать, какое положеніе занимаютъ эти двѣ расы среди демократическаго народа, который я описывалъ; я разсказалъ, въ какомъ духѣ и посредствомъ какихъ законовъ образовался англо-американскій Союзъ; но я могъ только мимоходомъ и очень недостаточно отмѣтить тѣ опасности, которыя угрожаютъ этому Союзу, и вовсе не имѣлъ возможности изложить подробно соображенія о томъ, какова, помимо законовъ и нравовъ, вѣроятность продолжительнаго его существованія. Говоря о соединенныхъ республикахъ, я не высказывалъ никакихъ предположеній о постоянствѣ и прочности республиканскихъ формъ въ Новомъ Свѣтѣ и часто упоминая о торговой дѣятельности, царствующей въ Союзѣ, я не могъ однако заняться вопросомъ о будущности американцевъ въ качествѣ торговаго народа.

Эти предметы соприкасаются съ содержаніемъ моей задачи, но не входятъ въ нее; они относятся къ Америкѣ, но не къ демократіи, а я хотѣлъ именно нарисовать изображеніе демократіи; поэтому я долженъ былъ сначала устранить ихъ, но теперь, приходя къ концу, я долженъ къ нимъ возвратиться.

Территорія, которую въ настоящее время занимаетъ, или на которую предъявляетъ свои права Американскій Союзъ, простирается отъ Атлантическаго океана до береговъ Южнаго моря, слѣдовательно и съ запада и съ востока границы ея совпадаютъ съ границами самаго материка; къ югу она подходитъ къ тропикамъ, а къ сѣверу доходитъ до сѣверныхъ льдовъ.

Разсѣянные на этомъ пространствѣ люди не составляютъ, какъ въ Европѣ, отраслей одного семейства. Съ перваго взгляда между ними оказываются три расы различныя по своей природѣ и почти, можно сказать, враждебныя одна другой. Воспитаніе, законы, происхожденіе и даже внѣшнія формы тѣла воздвигли между ними почти непреодолимыя преграды. Судьба свела ихъ вмѣстѣ, на одной почвѣ, но она перемѣшала ихъ, не будучи въ состояніи слить, такъ что каждая раса въ отдѣльности слѣдуетъ своей участи.

Между этими столь различными людьми, первый, бросающійся въ глаза, первый и по просвѣщенію, и по силѣ и благополучію, есть бѣлый человѣкъ, европеецъ, человѣкъ по преимуществу; ниже его стоятъ негръ и индѣецъ.

Эти двѣ несчастныя расы не имѣютъ между собою ничего общаго: ихъ происхожденіе, внѣшній видъ, языкъ, нравы—все различно; онѣ сходны только по своимъ несчастіямъ. Обѣ занимаютъ въ обитаемой ими странѣ одинаково низкое положеніе; обѣ испытываютъ на себѣ дѣйствіе тиранніи, и если ихъ несчастія и различны, то въ произведеніи ихъ онѣ могутъ обвинять однихъ и тѣхъ же людей.

Не кажется ли, глядя на то, что происходитъ въ мірѣ, что европеецъ представляетъ относительно людей другихъ расъ то, что человѣкъ вообще относительно животныхъ? Онъ ихъ заставляетъ служить себѣ на пользу, а если не можетъ ихъ подчинить себѣ, то уничтожаетъ.

Порабощеніе сразу отняло у потомковъ африканцевъ почти всѣ человѣческія права. Негръ въ Соединенныхъ Штатахъ потерялъ даже воспоминаніе о своей родинѣ; онъ уже не понимаетъ языка, которымъ говорили его предки; онъ отрекся отъ ихъ религіи и забылъ ихъ нравы. Переставъ такимъ образомъ принадлежать Африкѣ, онъ однако не пріобрѣлъ никакихъ правъ на пользованіе европейскими благами, но остановился между этими двумя обществами; онъ остался уединеннымъ между двумя народами, проданный однимъ и отверженный другимъ и, не находя во всемъ свѣтѣ, кромѣ дома его господина, ничего, чтобы могло ему дать хотя бы неполное представленіе объ отечествѣ.

У негра нѣтъ семьи; въ своей женѣ онъ можетъ видѣть только временную участницу его наслажденій, а дѣти его съ рожденія равны ему.

Какъ назвать: милостію ли Божіею или послѣднимъ проклятіемъ, налагаемымъ Его гнѣвомъ, то душевное расположеніе, которое дѣлаетъ человѣка нечувствительнымъ къ крайнимъ бѣдствіямъ, а часто даже даетъ ему нѣкотораго рода извращенный вкусъ къ причинѣ его несчастій?

Будучи погруженъ въ эту бездну золъ, негръ едва чувствуетъ свое бѣдственное положеніе. Насиліе ввергнуло его въ неволю; привычка къ рабству дала ему рабскія мысли и рабское честолюбіе. Онъ благоговѣетъ передъ своими тираннами еще больше, чѣмъ ненавидитъ ихъ, и находитъ радость и гордость въ рабскомъ подражаніи своимъ притѣснителямъ.

Его умственныя способности понизились до уровня его душевныхъ качествъ.

Негръ одновременно вступаетъ въ рабство и въ жизнь. Что я говорю? Его часто покупаютъ еще въ утробѣ его матери и онъ, такъ сказать, становится рабомъ еще не родившись.

Не имѣя ни потребностей, ни удовольствій, будучи безполезенъ самъ для себя, онъ съ первыми понятіями существованія сознаетъ, что онъ есть собственность другого человѣка, выгода котораго заставляетъ его заботиться о его жизни; онъ видитъ, что ему не дано право заботиться о собственной его участи; даже самая способность мыслить кажется ему безполезнымъ даромъ Провидѣнія и онъ мирно пользуется всѣми преимуществами своего низкаго состоянія.

Если онъ дѣлается вольнымъ, то свобода часто кажется ему цѣпью болѣе тяжелою, чѣмъ самое рабство, потому что въ теченіе своей жизни онъ привыкъ повиноваться всему кромѣ разума, и когда разумъ становится ему единственнымъ руководителемъ, то овъ не въ состояніи узнать его голоса. Его осаждаютъ тысячи новыхъ нуждъ, а онъ не имѣетъ ни знаній, ни энергіи, необходимыхъ для того, чтобы имъ противостоять. Нужды эти суть такіе повелители, съ которыми надо бороться, а онъ привыкъ только подчиняться и повиноваться. Значитъ онъ дошелъ до такого предѣла несчастія, что рабство низводитъ его до состоянія животнаго, а свобода губитъ его.

Угнетеніе имѣло не менѣе вліянія и на индѣйскія расы; но результаты его были другого рода.

Ранѣе прибытія бѣлыхъ въ Новый Свѣтъ, люди, обитавшіе въ Сѣверной Америкѣ жили спокойно въ лѣсахъ. Подвергаясь обыкновеннымъ превратностямъ дикой жизни, они имѣли пороки и добродѣтели нецивилизованныхъ народовъ. Европейцы, разсѣявши индѣйскія племена по отдаленнымъ пустынямъ, обрекли ихъ на бродячую и скитальческую жизнь, полную невыразимыхъ бѣдствій.

Дикіе народы управляются только мнѣніями и нравами.

Ослабивши у сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ сознаніе отечества, разсѣявши ихъ семьи, затемнивши ихъ преданія, порвавши цѣпь ихъ воспоминаній, измѣнивши всѣ ихъ привычки и увеличивши свыше мѣры ихъ потребности, европейская тираннія сдѣлала ихъ болѣе безпорядочными и менѣе цивилизованными, чѣмъ они до тѣхъ поръ были. Въ тоже время моральныя условія и физическое состояніе этихъ народовъ не переставали ухудшаться и они становились все болѣе варварскими по мѣрѣ того, какъ дѣлались несчастнѣе. Однако же европейцы не могли совершенно измѣнить характеръ индѣйцевъ и, имѣя силу ихъ истребить, они никогда не имѣли силы ихъ подчинить и цивилизовать.

Негръ находится на послѣдней степени рабства, индѣецъ—на крайнихъ предѣлахъ свободы. Но рабство производитъ у перваго не болѣе гибельные результаты, чѣмъ независимость у второго.

Негръ потерялъ право собственности даже на свою личность, такъ что онъ не можетъ распорядиться своимъ существованіемъ, не совершая тѣмъ нѣкотораго рода кражи.

Дикарь бываетъ предоставленъ самому себѣ, какъ только онъ становится способнымъ къ дѣйствію. Онъ едва успѣваетъ узнать семейную власть; онъ никогда не подчиняетъ свою волю волѣ кого-либо изъ себѣ подобныхъ; никто не научилъ его различать свободное повиновеніе отъ постыдной зависимости, и ему неизвѣстно самое имя закона. Для него быть свободнымъ значитъ не имѣть почти никакихъ связей съ обществомъ. Онъ доволенъ этой варварской независимостью и скорѣе согласится погибнуть, чѣмъ пожертвовать малѣйшей ея частью. Цивилизація мало дѣйствуетъ на подобнаго человѣка.

Негръ дѣлаетъ тысячу безполезныхъ усилій, чтобы проникнуть въ общество, которое его отталкиваетъ; онъ приноравливается ко вкусамъ своихъ притѣснителей, принимаетъ ихъ мнѣнія и, подражая имъ, стремится слиться съ ними. Ему съ самаго рожденія его говорили, что раса его ниже бѣлой и онъ не далекъ отъ того, чтобы этому вѣрить, а потому и стыдится самого себя. Въ каждой своей чертѣ онъ открываетъ слѣдъ рабства и, еслибы могъ, то съ радостью согласился бы всецѣло отъ себя отречься.

Воображеніе индѣйца, напротивъ, совершенно наполнено мнимымъ благородствомъ его происхожденія. Онъ живетъ и умираетъ посреди этихъ грезъ своей гордости. Онъ не только не желаетъ подчинить свои нравы нашимъ, но держится за варварство, какъ за отличительный признакъ своей расы, и отвергаетъ цивилизацію не столько даже, быть-можетъ, вслѣдствіе ненависти къ ней, сколько изъ боязни быть похожимъ на европейца [1]).

---

[1]) Сѣверо-американскій туземецъ сохраняетъ свои взгляды и даже мельчайшія частности своихъ привычекъ съ непреклонностью, не имѣющею себѣ примѣра въ исторіи. Въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ бродячія племена Сѣверной Америки имѣли постоянныя сношенія съ бѣлой расой, они не заняли у нея, можно сказать, ни одной мысли, ни одного обычая. Европейскіе люди оказали однако большое вліяніе на дикарей: они сдѣлали характеръ индѣйцевъ болѣе безпорядочнымъ, но не болѣе европейскимъ.

Находясь лѣтомъ 1831 года по ту сторону озера Мичиганъ, въ мѣстности, называемой Green-Bay, служащей послѣднею границей Соединенныхъ Штатовъ со стороны сѣверозападныхъ индѣйцевъ, я познакомился съ американскимъ офицеромъ, майоромъ Г., который однажды, долго разговаривая со мной о неизмѣнности характера индѣйцевъ, разсказалъ мнѣ слѣдующій фактъ: „Я зналъ,—сказалъ онъ,—раньше одного молодого ин-

Совершенству нашихъ искусствъ онъ хочетъ противопоставить одни лишь средства пустыни, нашей тактикѣ—лишь свою недисциплинированную храбрость, глубинѣ нашихъ замысловъ—лишь непосредственные инстинкты своей дикой природы. И онъ падаетъ въ этой неравной борьбѣ.

Негръ желалъ бы слиться съ европейцемъ, но не можетъ. Индѣецъ отчасти могъ бы этого достичь, но онъ пренебрегаетъ такою попыткой. Рабскія свойства одного отдаютъ его въ неволю, а гордость другаго ведетъ его къ смерти.

Я вспоминаю, какъ однажды, путешествуя по лѣсамъ, покрывающимъ еще штатъ Алабаму, я очутился возлѣ хижины піонера. Я не хотѣлъ входить въ жилище американца, а только отдохнуть нѣсколько минутъ около ключа, бывшаго неподалеку въ лѣсу. Пока я тамъ былъ, туда пришла индіанка (мы тогда были вблизи территоріи, занятой племенемъ Криковъ); она держала за руку маленькую дѣвочку пяти или шести лѣтъ, бѣлой породы, которую я счелъ за дочь піонера. За ними шла негритянка. Въ костюмѣ индіанки видна была нѣкотораго рода варварская роскошь: въ ноздряхъ и въ ушахъ у нея висѣли металлическія кольца; волоса ея, пронизанныя стекляными бусами, свободно падали на плечи; я видѣлъ, что она не замужняя, потому что на ней было еще ожерелье изъ раковинъ, которое, по обычаю, дѣвушки кладутъ на брачное ложе. Негритянка была одѣта въ европейское платье, состоявшее почти изъ лохмотьевъ.

Онѣ сѣли всѣ три на берегу ключа и молодая дикарка, взявши на руки ребенка, ласкала его такъ, что можно было принять эти ласки за исходящія изъ сердца матери; со своей стороны негритянка старалась тысячью невинныхъ хитростей привлечь вниманіе маленькой креолки. Послѣдняя въ самыхъ мелкихъ движеніяхъ выказывала сознаніе превосходства, странно противорѣчившее слабости ея возраста. Казалось, она оказывала нѣкотораго рода снисхожденіе, принимая ухаживанія своихъ спутницъ.

Сидя на корточкахъ передъ своей госпожей и слѣдя за всѣми ея желаніями, негритянка какъ будто дѣлилась пополамъ между почти материнской привязанностью и рабскимъ страхомъ, тогда какъ у дикарки даже въ изліяніяхъ нѣжности преобладало свободное, гордое, почти суровое выраженіе.

Я подошелъ ближе и молчаливо смотрѣлъ на это зрѣлище; любопытство мое, безъ сомнѣнія, не понравилось индіанкѣ, потому что она вдругъ встала, съ нѣкоторой грубостью оттолкнула отъ себя ребенка и, бросивъ на меня сердитый взглядъ, скрылась въ лѣсу.

Мнѣ часто приходилось встрѣчать въ одномъ мѣстѣ людей, принадлежащихъ къ тремъ человѣческимъ расамъ, населяющимъ Сѣверную Америку; я уже былъ знакомъ съ тысячью различными способами, которыми выра-

---

дѣйца, который воспитывался въ колледжѣ Новой Англіи. Онъ имѣлъ тамъ большой успѣхъ и пріобрѣлъ весь внѣшній видъ цивилизованнаго человѣка. Когда въ 1810 году началась война между нами и англичанами, то я снова увидѣлся съ этимъ молодымъ человѣкомъ; онъ служилъ тогда въ нашей арміи во главѣ воиновъ своего племени. Американцы приняли индѣйцевъ въ свои ряды лишь на томъ уговорѣ, что они откажутся отъ ужаснаго обычая скальпировать побѣжденныхъ. Вечеромъ послѣ сраженія при ***, С... пришелъ и сѣлъ къ огню нашего бивуака; я сталъ спрашивать о томъ, что случилось съ нимъ въ этотъ день; онъ мнѣ разсказалъ и, постепенно воодушевляясь воспоминаніями о своихъ подвигахъ, онъ раскрылъ наконецъ свою одежду, говоря мнѣ: „не выдавайте меня, но посмотрите!“ И я въ самомъ дѣлѣ увидалъ, добавилъ маіоръ Г., между его тѣломъ и рубашкой волоса англичанина, еще совершенно пропитанные запекшеюся кровью.

жается превосходство бѣлыхъ; но въ описанной сейчасъ картинѣ проявлялось нѣчто особенно трогательное: въ этомъ случаѣ чувство любви связывало притѣснителей и притѣсняемыхъ и природа стремясь ихъ сблизить, дѣлала еще поразительнымъ громадное разстояніе, созданное между ними предразсудками и законами.

Настоящее состояніе и вѣроятная будущность индѣйскихъ племенъ, обитающихъ на территоріи, принадлежащей Союзу.

Постепенное уничтоженіе туземныхъ расъ.—Какъ оно происходитъ.—Бѣдствія, сопровождающія вынужденныя переселенія индѣйцевъ. — Сѣверо-американскіе дикари могли только двумя способами избѣгнуть истребленія: посредствомъ войны, или цивилизаціи. Они уже не могутъ вести войну. — Почему они не хотятъ цивилизоваться, когда еще могли бы это сдѣлать, и уже не могутъ, когда наконецъ захотятъ.—Примѣръ криковъ и широкеевъ.—Политика отдѣльныхъ штатовъ относительно индѣйцевъ.—Политика союзнаго правительства.

Всѣ индѣйскія племена, жившія прежде на территоріи Новой Англіи: наррагансеты, могиканы, пекоты, существуютъ уже только въ воспоминаніяхъ людей; ленапы, встрѣтившіе полтораста лѣтъ назадъ Пенна на берегахъ Делавара, теперь изчезли. Я видѣлъ послѣднихъ прокезовъ: они просили милостыню. Всѣ названные народы распространялись прежде до берега моря; теперь надо проѣхать больше ста лье (около 400 верстъ) внутрь материка, чтобы встрѣтить индѣйца. Эти дикари не только отодвинулись, они были уничтожены [1]). По мѣрѣ удаленія и вымиранія туземцевъ на ихъ мѣсто является и постоянно возрастаетъ громадный народъ. Никогда еще между націями не было видано ни такого удивительнаго развитія, ни такого быстраго уничтоженія.

Что касается до способа, какимъ происходитъ это уничтоженіе, то его легко указать.

Когда индѣйцы жили одни въ пустынѣ, изъ которой ихъ изгоняютъ, то потребности ихъ были не многочисленны; они сами дѣлали свое оружіе, рѣчная вода была ихъ единственнымъ питьемъ, а одеждой—шкуры животныхъ, мясо которыхъ служило имъ пищей.

Европейцы внесли къ туземцамъ Сѣверной Америки огнестрѣльное оружіе, желѣзо и водку; они научили ихъ замѣнить нашими матеріями варварскія одежды, которыми до тѣхъ поръ въ своей простотѣ довольствовались индѣйцы. Пріобрѣтя новые вкусы, индѣйцы не научились искусству ихъ удовлетворять, такъ что имъ пришлось обращаться къ промышленности бѣлыхъ. Въ уплату за эти цѣнности, которыя дикарь не могъ создать самъ, онъ не могъ предложить ничего, кромѣ богатыхъ мѣховъ, которые еще были въ его лѣсахъ. Съ этого времени охота должна была удовлетворять не только его потребностямъ, но и суетнымъ желаніямъ Европы. Онъ долженъ былъ преслѣдовать лѣсныхъ звѣрей не только для добыванія пищи, но и чтобы пріобрѣсти единственные мѣновые предметы, которые онъ могъ намъ предложить [2]).

---

[1]) Въ тринадцати первоначальныхъ штатахъ остается только 6.373 индѣйца (см. *Законодательные документы* 20-го конгресса n⁰ 117, стр. 20).

[2]) Гг. Клеркъ и Кессъ въ ихъ докладѣ конгрессу отъ 4 февраля 1829 г., стр. 23, говорили слѣдующее:

„Уже давно прошло то время, когда индѣйцы могли пріобрѣсти предметы необходимые для ихъ пищи и одежды, не обращаясь къ промышленности цивилизованныхъ людей.

Въ то время, какъ потребности туземцевъ такимъ образомъ увеличивались, ихъ средства постоянно уменьшались.

Какъ только европейское поселеніе образуется по сосѣдству съ мѣстностью, занимаемой индѣйцами, такъ дичь приходитъ въ безпокойство [1]). Тысячи дикарей, бродившихъ по лѣсамъ безъ постоянныхъ жилищъ, не пугаютъ ее; но только-что непрерывный шумъ европейской промышленности начинаетъ слышаться въ какомъ-нибудь мѣстѣ, какъ дичь обращается въ бѣгство и удаляется къ западу, узнавая по инстинкту, что тамъ она еще найдетъ безпредѣльныя пустыни. „Стада бизоновъ постоянно удаляются, говорятъ гг. Кессъ и Клеркъ въ ихъ докладѣ конгрессу отъ 4-го февраля 1829 г.;—нѣсколько лѣтъ назадъ они еще приближались къ подошвѣ Аллегановъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ можетъ быть трудно будетъ видѣть и на обширныхъ равнинахъ, тянущихся вдоль Скалистыхъ горъ. Меня увѣряли, что это дѣйствіе приближенія бѣлыхъ часто чувствовалось за двѣсти лье (около 800 верстъ) отъ ихъ границы. Такимъ образомъ ихъ вліяніе простирается на такія племена, которыхъ они едва знаютъ по именамъ и которыя страдаютъ отъ бѣдствій, производимыхъ насильственнымъ завладѣніемъ гораздо раньше, чѣмъ узнаютъ его виновниковъ [2]).

Скоро потомъ смѣлые авантюристы проникаютъ въ индѣйскія земли: они подвигаются на пятнадцать или двадцать лье за крайнюю границу бѣлыхъ и строятъ жилище цивилизованнаго человѣка посреди варварства. Сдѣлать это имъ легко: границы владѣній охотничьяго народа не опредѣлены точно. Сверхъ того эти владѣнія принадлежатъ всему народу и не составляютъ ничьей личной собственности, а слѣдовательно личный интересъ не охраняетъ никакой ихъ части.

Тогда нѣсколько европейскихъ семей, занимающихъ очень отдаленные

По ту сторону Миссисипи, въ странѣ, гдѣ встрѣчаются еще огромныя стада бизоновъ, живутъ индѣйскія племена, слѣдующія за этими дикими животными въ ихъ переселеніяхъ; эти индѣйцы находятъ еще возможность жить примѣняясь ко всѣмъ обычаямъ своихъ отцовъ; но бизоны постоянно уходятъ дальше. А звѣрей болѣе мелкихъ породъ, какъ медвѣдей, оленей, бобровъ, ондатръ, преимущественно доставляющихъ индѣйцамъ все необходимое для поддержанія жизни, невозможно уже ловить теперь иначе, какъ капканами (*traps*) или стрѣляя изъ ружей.

Въ особенности на сѣверо-западѣ индѣйцы принуждены подвергаться чрезмѣрному труду, чтобы прокормить свою семью. Часто охотнику приходится нѣсколько дней сряду безуспѣшно преслѣдовать дичь; въ это время семья его должна питаться корой и кореньями или погибнуть. Поэтому каждую зиму многіе умираютъ съ голоду".

Индѣцы не хотятъ жить такъ, какъ европейцы; но они не могутъ ни обойтись безъ европейцевъ, ни жить совершенно такъ, какъ жили ихъ отцы. Читатель можетъ судить объ этомъ по одному слѣдующему факту, свѣдѣнія о которомъ получены мною также изъ оффиціальнаго источника. Люди, принадлежавшіе къ индѣйскому племени, жившему на берегахъ Верхняго озера, убили европейца. Американское правительство запретило торговлю съ племенемъ, къ которому принадлежали виновные, до тѣхъ поръ, пока они не будутъ ему выданы: что и было исполнено.

[1]) „Пять лѣтъ тому назадъ,—говоритъ Волней въ своемъ „Изображеніи Соединенныхъ Штатовъ", стр. 370,—проѣзжая изъ Венсенна въ Каскаскіасъ, мѣстность, вошедшую теперь въ штатъ Иллинойсъ, а тогда (1797 г.) совершенно дикую, нельзя было не встрѣтить въ травяныхъ степяхъ стадъ бизоновъ отъ четырехъ до пяти сотъ штукъ; теперь ихъ вовсе не осталось; они вплавь перебрались черезъ Миссисипи, обезпокоенныя охотниками и въ особенности бубенчиками американскихъ коровъ".

[2]) Можно убѣдиться въ справедливости сказаннаго мною, справившись въ общей таблицѣ индѣйскихъ племенъ, живущихъ въ границахъ земель признаваемыхъ за свои Соединенными Штатами (Законодательные документы 20-го конгресса, № 117, стр. 90–105). Оказывается, что племена серединной Америки быстро убываютъ, хотя европейцы еще очень далеко отъ нихъ.

пункты, окончательно и безповоротно изгоняютъ дикихъ животныхъ изъ всего промежуточнаго пространства, находящагося между ними. Индѣйцы, жившіе до тѣхъ поръ въ нѣкотораго рода довольствѣ, съ трудомъ находятъ средства существованія и еще съ большимъ трудомъ возможность добыть необходимые для нихъ предметы мѣны. Разогнать ихъ дичь все равно для нихъ, какъ для нашихъ земледѣльцевъ сдѣлать безплодными ихъ поля. Скоро у нихъ не оказывается почти вовсе средствъ существованія. Тогда эти несчастные бродятъ какъ голодные волки посреди ихъ пустыхъ лѣсовъ. Инстинктивная любовь къ родинѣ привязываетъ ихъ къ мѣсту, гдѣ они родились [1]) и гдѣ теперь находятъ только нищету и смерть. Наконецъ, они рѣшаются, уходятъ и слѣдуя, издали за убѣгающими лосемъ, бизономъ и бобромъ, предоставляютъ этимъ животнымъ выборъ для нихъ новаго отечества. Такимъ образомъ, собственно говоря, не европейцы, а голодъ выгоняютъ туземцевъ,—удачное различіе, не замѣченное старинными казуистами и открытое новѣйшими учеными.

Невозможно себѣ представить страшныхъ бѣдствій, сопровождающихъ эти насильственныя переселенія. Уже въ тотъ моментъ, когда индѣйцы покидаютъ ихъ родину, они истощены и доведены до крайности. Страна, гдѣ они хотятъ основаться, занята племенами, завистливо смотрящими на новыхъ пришельцевъ. Позади ихъ голодъ, впереди война и всюду нищета. Чтобъ избѣгнуть столькихъ враговъ, они раздѣляются. Каждый старается уединиться отъ другихъ, чтобы украдкою найти средство для поддержанія своего существованія, и живетъ подобно осужденному въ средѣ цивилизованнаго общества. Общественная связь, давно уже ослабленная, разрушается тогда. Для нихъ уже нѣтъ отечества, скоро не будетъ и народа; едва лишь останутся семьи; общее имя теряется, языкъ забывается, слѣды общаго происхожденія исчезаютъ. Народъ уже перестаетъ существовать. Онъ живетъ лишь въ воспоминаніи американскихъ антикваріевъ и извѣстенъ только нѣкоторымъ ученымъ Европы.

Я бы не желалъ, чтобы читатель могъ подумать, что я усиливаю краски моихъ картинъ. Я своими глазами видѣлъ многія изъ описанныхъ мною бѣдствій; я наблюдалъ такія несчастія, которыя невозможно изобразить.

Въ концѣ 1831 года я находился на лѣвомъ берегу Миссисипи, въ мѣстѣ, называемомъ европейцами Мемфисъ. Пока я тамъ былъ, туда прибыла многолюдная партія шактавовъ (французы въ Луизіанѣ называютъ ихъ Chactas'ами); эти дикари покидали ихъ страну и желали перебраться на правый берегъ Миссисипи, гдѣ они надѣялись найти пріютъ, обѣщанный имъ американскимъ правительствомъ. Это было въ серединѣ зимы и въ тотъ годъ холодъ свирѣпствовалъ съ необыкновенною силою; снѣгъ затвердѣлъ на землѣ, а по рѣкѣ плыли громадныя льдины. Индѣйцы вели съ собой свои семьи; они тащили за собой раненыхъ, больныхъ, новорожденныхъ дѣтей и умирающихъ стариковъ. У нихъ не было ни палатокъ, ни телѣгъ, а только нѣкоторая провизія и оружіе. Я видѣлъ какъ они садились на судно, чтобы переправиться черезъ великую рѣку, и это вели-

[1]) „Индѣйцы, говорятъ гг. Клеркъ и Кессъ въ ихъ докладѣ конгрессу, стр. 15,—держатся за свою землю съ такимъ же чувствомъ любви, какое и насъ привязываетъ къ нашей; а сверхъ того они связываютъ съ идеей отчужденія земель, данныхъ Великимъ Духомъ ихъ отцамъ, нѣкоторыя суевѣрныя понятія, имѣющія большое вліяніе на племена, еще ничего не уступившія европейцамъ или уступившія имъ лишь небольшую часть своей территоріи. „Мы не продаемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ покоится прахъ нашихъ отцовъ", таковъ бываетъ всегда первый отвѣтъ ихъ тому, кто предлагаетъ имъ купить ихъ земли".

чественное зрѣлище никогда не выйдетъ изъ моей памяти. Въ собравшейся толпѣ не слышно было ни рыданій, ни жалобъ; они молчали. Ихъ несчастія начались уже давно и они чувствовали ихъ непоправимость. Индѣйцы уже всѣ вошли на судно, которое должно было ихъ везти; ихъ собаки оставались еще на берегу; когда онѣ увидали наконецъ, что люди уѣзжаютъ совсѣмъ, то всѣ они страшно взвыли, бросились всѣ вмѣстѣ въ ледяныя воды Миссисипи и послѣдовали вплавь за своими хозяевами.

Отнятіе у индѣйцевъ ихъ владѣній производится часто въ наше время правильнымъ и такъ-сказать совершенно законнымъ образомъ.

Когда европейское населеніе начинаетъ приближаться къ пустынѣ, занятой дикимъ племенемъ, то правительство Соединенныхъ Штатовъ обыкновенно отправляетъ къ послѣднему торжественное посольство; бѣлые собираютъ индѣйцевъ на большой равнинѣ и, поѣвши и выпивши вмѣстѣ съ ними, говорятъ имъ: „Что дѣлаете вы въ странѣ вашихъ отцовъ? Скоро вамъ придется выкапывать ихъ кости, чтобы жить тамъ. Чѣмъ обитаемая вами страна лучше всякой другой? Развѣ лѣса, болота и луга есть только тамъ гдѣ вы живете и развѣ вы не можете жить иначе, какъ подъ своимъ солнцемъ? За этими горами, которыя вы видите на горизонтѣ, за этимъ озеромъ, граничащимъ съ запада съ вашей землей, находятся обширныя страны, гдѣ дикіе звѣри живутъ еще въ изобиліи. Продайте намъ вашу землю и идите, живите счастливо въ тѣхъ мѣстахъ“. Сказавши такую рѣчь, раскладываютъ передъ глазами индѣйцевъ огнестрѣльное оружіе, шерстяныя одежды, боченки съ водкой, стеклянныя ожерелья, оловянные браслеты, серьги и зеркала [1]). Если при видѣ всѣхъ этихъ богатствъ они еще не рѣшаются, то имъ даютъ понять, что они не могутъ отказать въ просимомъ у нихъ согласіи и что скоро само правительство не въ состояніи будетъ обезпечить имъ пользованіе ихъ правами. Что дѣлать? На половину убѣжденные, на половину по принужденію, индѣйцы удаляются. Они идутъ жить въ новыя пустыни, гдѣ бѣлые не оставятъ ихъ и на десять лѣтъ въ покоѣ. Такимъ способомъ американцы пріобрѣтаютъ задешево цѣлыя провинціи, за которыя не могли бы заплатить богатѣйшіе государи Европы [2]).

---

[1]) См. въ *законодательныхъ документахъ Конгресса* док. 117 разсказъ о томъ, что происходитъ при этихъ случаяхъ. Этотъ любопытный отрывокъ находится въ вышеупомянутомъ донесеніи г-дъ Клерка и Льюиса Кесса конгрессу отъ 4 февраля 1829 года. Въ настоящее время г. Кессъ состоитъ статсъ-секретаремъ военнаго министерства.

„Когда индѣйцы приходятъ на то мѣсто, гдѣ долженъ быть заключенъ договоръ, говорятъ гг. Клеркъ и Кессъ,—то они бѣдны и почти безъ одежды. Тамъ они видятъ очень много драгоцѣнныхъ для нихъ вещей, которыя американскіе купцы позаботились туда доставить. Женщины и дѣти, желающія, чтобы были удовлетворены ихъ нужды, начинаютъ тогда приставать къ мужчинамъ съ тысячью назойливыхъ просьбъ и употребляютъ все свое вліяніе на нихъ, чтобы заставить ихъ продать землю. Непредусмотрительность индѣйцевъ вошла у нихъ въ привычку и непреодолима. Удовлетвореніе немедленныхъ потребностей и потворство наличнымъ желаніямъ составляютъ непобѣдимую страсть дикаря: ожиданіе будущихъ выгодъ дѣйствуетъ на него лишь слабо; онъ легко забываетъ прошедшее и не заботится о будущемъ. Безполезно было бы просить индѣйцевъ объ уступкѣ части ихъ владѣній, не имѣя возможности тотчасъ же удовлетворить ихъ нужды. И если безпристрастно разсматривать то положеніе, въ которомъ находятся эти несчастные, то не удивительнымъ покажется ихъ страстное желаніе получить нѣкоторое облегченіе своихъ страданій.

[2]) 19 мая 1830 года г. Эверстонъ утверждалъ передъ палатой представителей, что американцы пріобрѣли уже по *договорамъ* на востокъ и на западъ отъ Миссисипи 230 000.000 акровъ (85.100.000 десятинъ).

Въ 1808 году осажи уступили 48.000.000 акровъ (17.760.000 десятинъ) за ренту въ 1.000 долларовъ.

Въ 1818 г. квапавы уступили 20.000,000 акровъ (7.400.000 десят.) за 4.000 долларовъ;

Я изобразилъ великія бѣдствія и долженъ прибавить, что мнѣ онѣ кажутся неизлѣчимыми. Я думаю, что индѣйской расѣ Сѣверной Америки суждено погибнуть и не могу не предполагать, что она прекратитъ свое существованіе въ то время, когда европейцы поселятся на берегахъ Тихаго океана [1]).

Сѣверо-американскіе индѣйцы имѣли только два средства спастись: войну или цивилизацію; другими словами, имъ нужно было или истребить европейцевъ, или сдѣлаться равными имъ.

При возникновеніи колоній индѣйцы имѣли бы возможность, соединивши свои силы, освободиться отъ небольшого числа иностранцевъ, прибывшихъ на берега материка [2]). Нѣсколько разъ они пытались это сдѣлать и чуть было не достигли успѣха. Въ настоящее время несоразмѣрность силъ слишкомъ велика, чтобы они могли думать о подобномъ предпріятіи. Однако между индѣйскими народами появляются геніальные люди, которые предвидятъ окончательную участь, предназначенную дикому населенію и стараются соединить всѣ племена въ общей ненависти къ европейцамъ. Но усилія ихъ тщетны. Племена, сосѣднія съ бѣлыми, слишкомъ уже ослаблены, чтобы оказать серьезное сопротивленіе; а другія предаются ребяческой беззаботности о завтрашнемъ днѣ, характерной для природы дикаря, и чтобы обратить вниманіе на опасность, ожидаютъ, чтобъ она была налицо; одни не могутъ, а другіе не хотятъ дѣйствовать.

Легко предвидѣть, что индѣйцы никогда не захотятъ цивилизоваться или что, когда они захотятъ, то будетъ слишкомъ поздно дѣлать этотъ опытъ.

они оставили себѣ пространство 1.000.000 акровъ, чтобы на немъ охотиться. Была дана торжественная клятва, что это пространство останется незанятымъ; но вскорѣ и оно было захвачено подобно всему остальному.

Чтобы получить право на пустынныя земли, которыя индѣйцы считаютъ своею собственностью, говоритъ г. Белль, докладчикъ комитета по индѣйскимъ дѣламъ въ конгрессѣ 24 февраля 1830 г., мы приняли за обычное правило уплачивать индѣйскимъ племенамъ стоимость ихъ охотничьей земли (*hunting-ground*) послѣ того, какъ дичь оттуда ушла или была истреблена. Поступать такимъ образомъ и болѣе свободно и болѣе согласно съ правилами справедливости и болѣе человѣчно, чѣмъ захватывать вооруженной рукою владѣнія дикарей.

Слѣдовательно, обычай покупать у индѣйцевъ ихъ право собственности составляетъ ничто иное, какъ новый видъ пріобрѣтенія, которымъ человѣчность и выгода (*humanity and expediency*) заставили замѣнить насиліе; этотъ способъ точно также долженъ сдѣлать насъ хозяевами земель, на которыя мы предъявляемъ права въ силу перваго ихъ открытія и которыя, кромѣ того, обезпечивается за нами правомъ цивилизованныхъ націй селиться на территоріи, занятой дикими племенами.

До сихъ поръ, многія причины постоянно уменьшали въ глазахъ индѣйцевъ цѣнность занимаемой ими земли и тѣ же причины заставляли ихъ легко продавать намъ эти земли. Поэтому обычай покупать у дикарей ихъ право *владѣнія* (*right of occupancy*) никогда не могъ въ замѣтной степени задержать благосостояніе Соединенныхъ Штатовъ (*Законодательные документы* 21 конгресса n⁰ 227, стр. 6).

[1]) Намъ, впрочемъ, казалось, что это мнѣніе раздѣляется всѣми американскими государственными людьми.

„Если судить о будущемъ по прошедшему, — говорилъ Г. Кессъ въ конгрессѣ,—то надо предвидѣть прогрессивное уменьшевіе числа индѣйцевъ и ожидать окончательнаго уничтоженія ихъ расы. Чтобы этого событія не случилось, нужно, чтобы наши границы перестали расширяться, а дикари поселились бы внѣ ихъ, или чтобы въ нашихъ отношеніяхъ къ нимъ произошла полная перемѣна, чего не разумно было бы ожидать".

[2]) Таковы были, между прочимъ, война, предпринятая вампаногами и другими союзными племенами подъ предводительствомъ Метакома въ 1675 г. противъ колонистовъ Новой Англіи и война, которую англичанамъ пришлось выдержать въ Виргиніи въ 1622 году.

Цивилизація есть результатъ долгой общественной работы, производимой въ одномъ мѣстѣ и передаваемой отъ одного другому слѣдующими другъ за другомъ поколѣніями. Народы, надъ которыми всего труднѣе установляется господство цивилизаціи, суть народы охотничьи. Пастушескія племена мѣняютъ мѣстопребываніе, но въ своихъ передвиженіяхъ они слѣдуютъ всегда правильному порядку, постоянно возвращаясь на старыя мѣста; мѣстожительство охотниковъ мѣняется такъ же, какъ и мѣстожительство тѣхъ животныхъ, которыхъ они преслѣдуютъ.

Много разъ пытались внести въ среду индѣйцевъ просвѣщеніе, сохранивши ихъ бродячіе нравы. Іезуиты пробовали это въ Канадѣ, пуритане — въ Новой-Англіи [1]). Ни тѣ, ни другіе не сдѣлали ничего прочнаго. Цивилизація зарождалась въ шалашѣ и пропадала въ лѣсу. Большая ошибка этихъ устроителей индѣйцевъ состояла въ непониманіи того, что для цивилизованія народа нужно прежде всего достичь, чтобы онъ прочно поселился на одномъ мѣстѣ, а это онъ можетъ сдѣлать только обрабатывая землю. Значитъ, прежде всего нужно было сдѣлать изъ индѣйцевъ земледѣльцевъ.

Индѣйцы, однако, не только не обладаютъ этимъ первымъ, необходимымъ условіемъ цивилизаціи, но имъ очень трудно его пріобрѣсти.

Люди, разъ посвятившіе себя праздной и полной случайностей жизни охотниковъ, чувствуютъ почти непреодолимое отвращеніе отъ постояннаго и правильнаго труда, необходимаго въ земледѣліи. Это можно замѣтить даже въ средѣ нашего общества; но это еще гораздо виднѣе у народовъ, у которыхъ охотничьи привычки сдѣлались національными обычаями.

Независимо отъ этой общей причины, есть другая не менѣе сильная, встрѣчающаяся только у индѣйцевъ. Я уже указалъ на нее и долженъ, я думаю, къ ней возвратиться.

Сѣверо-американскіе туземцы смотрятъ на трудъ не только какъ на зло, но и какъ на безчестье, такъ что ихъ гордость почти также упрямо борется съ цивилизаціей, какъ и ихъ лѣность [2]).

Нѣтъ столь жалкаго индѣйца, который бы въ своемъ шалашѣ изъ коры не имѣлъ самаго высокаго понятія о своемъ личномъ достоинствѣ. Онъ считаетъ промышленныя занятія унизительными; онъ сравниваетъ земледѣльца съ воломъ, проводящимъ борозду, и въ каждомъ нашемъ искусствѣ онъ видитъ только рабскій трудъ. Это не значитъ, чтобы онъ не имѣлъ очень высокаго понятія о могуществѣ бѣлыхъ и объ обширности ихъ ума; но, удивляясь результатамъ нашихъ усилій, онъ презираетъ средства, которыми мы ихъ достигаемъ, и даже чувствуя наше превосходство, онъ все-таки считаетъ себя выше насъ. Охота и война кажутся ему единственными занятіями достойными человѣка [3]). Такимъ образомъ, индѣецъ, окруженный

---

[1]) См. различныхъ историковъ Новой Англіи. См. также *Histoire de la Nouvelle France*, Шарльвуа и *Lettres édifiantes*.

[2]) „Во всѣхъ племенахъ,—говоритъ Вольней въ своемъ *Изображеніи Соединенныхъ Штатовъ*, стр. 423,—существуетъ еще поколѣніе старыхъ воиновъ, которые при видѣ работы сохой, не перестаютъ кричать о паденіи древнихъ нравовъ и которые утверждаютъ, что только этимъ нововведеніямъ дикари обязаны своимъ упадкомъ и что достаточно имъ возвратиться къ своимъ первобытнымъ нравамъ, чтобы вновь пріобрѣсти славу и могущество.

[3]) Въ одномъ оффиціальномъ документѣ имѣется слѣдующее изображеніе:

„Пока молодой человѣкъ не сражался съ непріятелемъ и не можетъ похвалиться какими-нибудь подвигами, ему не оказываютъ никакого уваженія и смотрятъ на него приблизительно какъ на женщину.

Во время ихъ большихъ военныхъ плясокъ, воины подходятъ одинъ за другимъ,

нищетой въ своихъ лѣсахъ, сохраняетъ тѣ же идеи, тѣ же мнѣнія, какія имѣлъ средневѣковой дворянинъ въ своемъ замкѣ, и чтобы достичь полнаго съ нимъ сходства, ему недостаетъ только сдѣлаться завоевателемъ. Итакъ,— странное дѣло! Не между европейцами, населяющими берега Новаго Свѣта, а между жителями его лѣсовъ, можно найти въ настоящее время старинные европейскіе предразсудки.

Въ этомъ сочиненіи я нѣсколько разъ старался уяснить необыкновенное вліяніе, оказываемое, какъ мнѣ кажется, общественнымъ строемъ на законы и нравы людей. Я позволю себѣ прибавить по этому предмету еще одно слово.

Когда я замѣчаю сходство, существующее между политическими учрежденіями нашихъ предковъ, германцевъ, и бродячихъ племенъ Сѣверной Америки, между обычаями, описанными Тацитомъ, и тѣми, которыхъ я иногда могъ быть свидѣтелемъ, то я не могу не думать, что одна и та же причина произвела въ двухъ полушаріяхъ одинакія слѣдствія и что посреди видимаго разнообразія дѣлъ человѣческихъ возможно найти небольшое число основныхъ фактовъ, изъ которыхъ проистекаютъ всѣ другіе. Поэтому во всемъ, что мы называемъ германскими учрежденіями, я склоненъ видѣть только обычаи варваровъ и въ томъ, что мы зовемъ феодальными идеями взгляды дикарей.

Но каковы бы ни были пороки и предразсудки, препятствующія сѣвероамериканскимъ индѣйцамъ сдѣлаться земледѣльцами, необходимость все же иногда приводитъ ихъ къ этому.

Многіе значительные народы Юга, между прочими племена широкеевъ и криковъ [1]) оказались какъ бы окруженными европейцами, которые, высаживаясь на берегахъ океана, спускаясь по Огайо и поднимаясь по Миссисипи, сразу появлялись кругомъ нихъ. Ихъ не перегоняли съ мѣста на мѣсто, какъ сѣверныя племена, но сжали ихъ въ слишкомъ тѣсныхъ границахъ, подобно тому, какъ охотники сначала окружаютъ участокъ лѣса, прежде чѣмъ сразу всѣмъ проникнуть въ его середину. Тогда индѣйцы, поставленные между цивилизаціей и смертью, оказались принужденными постыдно жить своимъ трудомъ, подобно бѣлымъ людямъ; поэтому они сдѣлались земледѣльцами и, не покидая совершенно своихъ привычекъ и нра-

---

чтобы ударить по *столбу*, какъ они это называютъ, и разсказываютъ о своихъ подвигахъ; въ этомъ случаѣ слушатели ихъ состоятъ изъ родныхъ, друзей и товарищей разсказчика. Глубокое впечатлѣніе, производимое на нихъ его словами, явно выражается въ безмолвіи, съ которымъ его слушаютъ, и шумно проявляется въ рукоплесканіяхъ, сопутствующихъ окончанію его разсказовъ. Молодой человѣкъ, не имѣющій ничего разсказать въ подобныхъ собраніяхъ, считаетъ себя очень несчастнымъ, и бывали примѣры, что молодые воины, страсти которыхъ были такимъ образомъ возбуждены, вдругъ уходили изъ пляски и въ одиночествѣ отправлялись искать трофеевъ, которые они могли бы показать, и приключеній, которыя давали бы имъ право прославлять себя.

[1]) Эти народы въ настоящее время заключены внутри штатовъ: Георгіи, Тенесси, Алабамы и Миссисипи.

Въ прежнее время было на югѣ (остатки ихъ существуютъ и теперь) четыре большихъ народа: шоктавы, шиказавы, крики и широкеи.

Остатки этихъ четырехъ народовъ составляли еще въ 1830 году около 75.000 душъ. Считаютъ, что въ настоящее время на территоріи, занятой англо-американскимъ союзомъ, или на которую онъ предъявляетъ свои права, находится около 300.000 индѣйцевъ. (См. *Proceedings of the Indian board in the city New-Iork*). Оффиціальные документы, представленные конгрессу, опредѣляютъ это число въ 313.130. Читатель, которому было бы любопытно узнать имена и численность всѣхъ племенъ, живущихъ на англо-американской территоріи, долженъ будетъ справиться въ названныхъ мною сейчасъ документахъ. (*Законодательные документы* 20-го конгресса № 117, стр. 90—105).

вовъ, они пожертвовали изъ нихъ столько, сколько необходимо было для ихъ существованія.

Широкеи пошли дальше: они создали себѣ письменный языкъ, установили довольно прочную форму правительства, и такъ какъ въ Новомъ Свѣтѣ все идетъ ускореннымъ шагомъ, то они имѣли уже газету [1]), прежде чѣмъ у всѣхъ ихъ была одежда.

Что чрезвычайно благопріятствовало быстрому развитію у этихъ индѣйцевъ европейскихъ привычекъ, — это присутствіе метисовъ [2]). Заимствуя просвѣщеніе отъ своего отца и не отказываясь совершенно отъ дикихъ обычаевъ своей материнской расы, метисъ образуетъ естественную связь между цивилизаціей и варварствомъ. Всюду, гдѣ размножились метисы, дикари мало-по-малу измѣняли свой общественный строй и нравы [3]).

Успѣхъ широкеевъ доказываетъ, слѣдовательно, что индѣйцы имѣютъ способность цивилизоваться, но вовсе не доказываетъ, чтобы это имъ удалось.

Эта трудность для индѣйцевъ подчиниться цивилизаціи, происходитъ отъ общей причины, которой они почти вовсе не могутъ избѣжать.

Если мы внимательно всмотримся въ ходъ исторіи, то найдемъ, что вообще варварскіе народы мало-по-малу, сами собой, собственными усиліями возвысились до цивилизаціи.

Напротивъ англичане, сохраняя упорную привязанность къ мнѣніямъ, обычаямъ и самымъ мелкимъ привычкамъ своихъ предковъ, остались посреди американскихъ пустынь тѣмъ же, чѣмъ они были въ европейскихъ городахъ. Поэтому они не хотѣли имѣть никакого соприкосновенія съ презираемыми ими дикарями и старательно избѣгали смѣшенія ихъ крови съ кровью варваровъ.

Такимъ образомъ французы не имѣли никакого полезнаго вліянія на индѣйцевъ, а англичане были имъ всегда чужды.

Если имъ случалось получать просвѣщеніе отъ чужеземнаго народа, то они занимали относительно его положеніе побѣдителей, а не побѣжденыхъ.

Когда завоеванный народъ просвѣщенъ, а завоеватель полудикарь, какъ это было при вторженіи сѣверныхъ народовъ въ Римскую имперію, или монголовъ въ Китай, то высокое значеніе, которое обезпечиваетъ варвару побѣда, достаточно для того, чтобы онъ стоялъ на уровнѣ цивилизованнаго человѣка и сознавалъ себя равнымъ ему до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается его соревнователемъ. Одинъ имѣетъ на своей сторонѣ силу, дру-

---

[1]) Я привезъ во Францію одинъ или два экземпляра этого необыкновеннаго изданія.

[2]) См. въ докладѣ комитета по индѣйскимъ дѣламъ 21-му конгрессу n° 227, стр. 23, отчего число метисовъ увеличилось у широкеевъ; главная причина восходитъ ко времени войны за независимость. Многіе англо-американцы изъ Георгіи, ставшіе на сторону Англіи, были вынуждены уйти къ индѣйцамъ и тамъ женились.

[3]) Къ сожалѣнію, метисовъ было меньше и они имѣли меньшее вліяніе въ Сѣверной Америкѣ, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ.

Двѣ большія европейскія націи населили эту часть американскаго материка: французы и англичане.

Первые не замедлили вступить въ браки съ дочерьми туземцевъ, но, къ несчастію, въ ихъ характерѣ оказалось тайное сродство съ индѣйскимъ. Вмѣсто того, чтобы передать варварамъ вкусъ и привычки цивилизованной жизни, они сами часто со страстью привязывались къ дикой жизни. Они сдѣлались самыми опасными жителями пустынь и пріобрѣли дружбу индѣйцевъ, преувеличивая въ себѣ ихъ пороки и добродѣтели. Г. де-Сенонвилль, губернаторъ Канады, писалъ Людовику XIV въ 1685 году: „Долго думали, что надо сближать дикарей съ вами, чтобы ихъ офранцузить; на дѣлѣ оказалось и пришлось признать, что это была ошибка. Сблизившіеся съ нами не сдѣлались французами, а знавшіеся съ ними французы превратились въ дикарей. Они предпочитаютъ одѣваться и жить по-ихнему“. (Шарльвуа: *Histoire de la Nouvelle France*, т. II, стр. 345).

гой—умъ; первый дивится знаніямъ и искусствамъ побѣжденныхъ, второй завидуетъ могуществу побѣдителей. Варвары вводятъ, наконецъ, образованнаго человѣка въ свои дворцы, а послѣдній открываетъ для нихъ свои училища. Но когда тотъ, кто обладаетъ матеріальной силой, имѣетъ на своей сторонѣ и умственный перевѣсъ, то рѣдко бываетъ, что побѣжденный цивилизуется; онъ уходитъ, или бываетъ истребленъ.

Такимъ образомъ, можно сказать вообще, что варвары съ оружіемъ въ рукахъ ищутъ просвѣщенія, но не получаютъ его въ даръ.

Если бы индѣйскія племена, живущія теперь въ центрѣ материка, могли въ самихъ себѣ найти достаточно энергіи, чтобы начать цивилизоваться, то, можетъ быть, они и успѣли бы въ этомъ. Возвысившись тогда надъ окружающими ихъ варварскими народами, они мало по-малу набирались бы силъ и опытности и, когда, наконецъ, европейцы появились бы на ихъ границахъ, то они были бы въ состояніи если не сохранить свою независимость, то, по крайней мѣрѣ, заставить признать ихъ права на землю и соединиться съ побѣдителями. Но несчастіе индѣйцевъ состоитъ въ томъ, что они приходятъ въ соприкосновеніе съ народомъ самымъ цивилизованнымъ и, я прибавлю, самымъ жаднымъ на свѣтѣ, въ то время, когда они сами на половину еще варвары, и потому, находя въ своихъ учителяхъ повелителей, они пріобрѣтаютъ угнетеніе одновременно съ просвѣщеніемъ.

Живя на свободѣ въ лѣсу, сѣверо-американскій индѣецъ былъ нищимъ, но не сознавалъ себя ниже кого-бы то ни было; но когда онъ хочетъ вступить въ общественную іерархію бѣлыхъ, то въ ней онъ можетъ занять только послѣднее мѣсто, такъ какъ будучи невѣжественъ и бѣденъ, онъ входитъ въ общество, гдѣ царствуютъ знаніе и богатство. Послѣ того, какъ онъ жилъ безпокойною жизнію, полною бѣдствій и опасностей, но въ то же время душевныхъ волненій и величія [1]), ему приходится вести жизнь одно-

---

[1]) Въ полной опасностей жизни охотничьихъ народовъ, есть какая то непреодолимая привлекательность, которая захватываетъ сердце человѣка и увлекаетъ его вопреки внушеніямъ разума и опыта. Въ этой истинѣ можно убѣдиться, прочитавши *записки Таннера*.

Таннеръ—европеецъ, который шести лѣтъ былъ похищенъ индѣйцами и въ теченіе тридцати лѣтъ оставался съ ними въ лѣсу. Невозможно ничего видѣть страшнѣе описываемыхъ имъ бѣдствій. Онъ разсказываетъ намъ, какъ племена безъ вождей, семьи, не принадлежащія ни къ какому народу, отдѣльные люди, представляющіе изуродованные остатки могущественныхъ племенъ, бродятъ наобумъ посреди льдовъ и печальныхъ пустынь Канады. Ихъ преслѣдуютъ холодъ и голодъ и каждый день жизнь, повидимому, готова покинуть ихъ. Нравы у нихъ потеряли свою власть и преданія не имѣютъ силы. Люди впадаютъ все въ большее и большее варварство. Таннеръ раздѣляетъ съ ними всѣ эти бѣдствія; онъ знаетъ о своемъ европейскомъ происхожденіи; его не удерживаютъ силой вдали отъ бѣлыхъ; напротивъ ежегодно онъ приходитъ къ нимъ для мѣновой торговли, бываетъ въ ихъ домахъ, видитъ ихъ благосостояніе; онъ знаетъ, что когда онъ захочетъ возвратиться въ среду цивилизованной жизни, то легко можетъ это сдѣлать,— и тридцать лѣтъ остается въ пустыняхъ. Когда онъ, наконецъ, возвращается въ цивилизованное общество, то признается, что жизнь, бѣдствія которой онъ описывалъ, имѣетъ для него тайную прелесть, не поддающуюся опредѣленію; покинувши ее онъ безпрестанно возвращается къ ней и лишь съ величайшимъ сожалѣніемъ отрывается отъ всѣхъ этихъ золъ; когда, наконецъ, онъ прочно поселяется у бѣлыхъ, то многіе изъ его дѣтей отказываются раздѣлять съ нимъ его спокойствіе и довольство.

Я самъ встрѣтилъ Таннера на устьѣ Верхняго озера. Мнѣ показалось, что онъ все-таки много больше похожъ на дикаря, чѣмъ на цивилизованнаго человѣка.

Въ сочиненіи Таннера нѣтъ ни порядка, ни вкуса; но авторъ, самъ того не зная, представляетъ въ немъ живую картину предразсудковъ, страстей, пороковъ и особенно бѣдствій тѣхъ, съ кѣмъ онъ жилъ.

Г. виконтъ Эрнестъ де-Блосевиль, авторъ прекраснаго сочиненія объ англійскихъ колоніяхъ ссыльныхъ перевелъ *записки Таннера*. Г. де-Блосевиль присоединилъ къ сво-

образную, незамѣтную и униженную. Заработывать тяжелымъ трудомъ и въ безславіи свой насущный хлѣбъ, таковъ въ его глазахъ единственный результатъ цивилизаціи, которую ему такъ хвалятъ.

Да и въ полученіи даже этого результата онъ не всегда увѣренъ.

Когда индѣйцы начинаютъ подражать своимъ сосѣдямъ европейцамъ и подобно имъ обработывать землю, то они тотчасъ испытываютъ на себѣ дѣйствіе гибельной конкурренціи. Бѣлый человѣкъ знаетъ хорошо тайны земледѣлія; индѣецъ неумѣло принимается за неизвѣстное ему искусство. Одинъ безъ большого труда производитъ обильныя жатвы, другой только послѣ тысячи усилій вырываетъ у земли ея плоды.

Европеецъ живетъ среди населенія, потребности котораго онъ знаетъ и раздѣляетъ съ нимъ.

Дикарь одинокъ посреди враждебнаго народа, съ нравами, языкомъ и законами котораго онъ не вполнѣ знакомъ и безъ котораго однако онъ не можетъ обходиться. Только мѣняясь своими продуктами съ бѣлыми, онъ можетъ пріобрѣсти довольство, такъ какъ его соплеменники могутъ ему оказать уже только слабую помощь.

Такимъ образомъ, когда индѣецъ хочетъ продать плоды своихъ трудовъ, то онъ не всегда находитъ покупателя, котораго европейскій земледѣлецъ находитъ безъ труда, и онъ можетъ лишь съ большими издержками и производить то, что европеецъ продаетъ задешево.

Значитъ индѣецъ для того лишь избавляется отъ бѣдствій, испытываемыхъ варварскими народами, чтобы подвергнуться величайшимъ бѣдствіямъ народовъ образованныхъ, и встрѣчаетъ почти столько же затрудненій, чтобы жить въ нашемъ изобиліи, какъ и посреди своихъ лѣсовъ.

Но привычки бродячей жизни у него еще не уничтожены; традиціи не потеряли своего господства; склонность къ охотѣ не угасла. Дикія радости, испытанныя имъ когда-то въ глубинѣ лѣсовъ, рисуются теперь самыми яркими красками въ его взволнованномъ воображеніи; перенесенныя имъ лишенія кажутся ему напротивъ менѣе ужасными и встрѣчавшіяся ему опасности менѣе значительными. Онъ чувствуетъ, на сколько независимость, которою онъ пользовался между своими равными, противоположна рабскому положенію, занимаемому имъ въ цивилизованномъ обществѣ.

Съ другой стороны, безлюдныя мѣста, въ которыхъ онъ такъ долго жилъ свободнымъ, находятся еще близко отъ него. Нѣсколько часовъ ходьбы могутъ ему возвратить ихъ. За поле, на половину обработанное, изъ котораго онъ едва съ трудомъ выручаетъ свое пропитаніе, его сосѣди, бѣлые предлагаютъ ему цѣну, которая ему кажется высокою. Можетъ быть эти деньги, которыя даютъ ему европейцы, позволятъ ему счастливо и спокойно жить вдали отъ нихъ. Онъ бросаетъ плугъ, беретъ снова свое оружіе и навсегда возвращается въ пустыню [5]).

ему переводу очень интересныя примѣчанія, дающія возможность читателю сравнить факты, разсказанные Таннеромъ съ другими, о которыхъ сообщали уже очень многіе старинные и новые наблюдатели.

Всѣ желающіе познакомиться съ настоящимъ положеніемъ и предвидѣть будущую сульбу сѣверо-американскихъ индѣйскихъ расъ, должны справляться съ сочиненіемъ г. де-Блосевиля.

[1]) Это истребительное вліяніе, оказываемое очень цивилизованными народами на народы низшей цивилизаціи замѣчается даже между европейцами.

Около столѣтія тому назадъ французы основали посреди пустыни городъ Венсеннъ на Вабашѣ. Они жили въ немъ въ большомъ довольствѣ до прибытія американскихъ эмигрантовъ. Послѣдніе тотчасъ начали разорять старинныхъ жителей своей конкуррен-

О вѣрности этой грустной картины можно судить по тому, что происходитъ у криковъ и широкеевъ, о которыхъ я говорилъ.

Эти индѣйцы въ томъ немногомъ, что ими было сдѣлано, проявили такой же природный геній, какъ и народы Европы въ ихъ самыхъ обширныхъ предпріятіяхъ; но народамъ, какъ и отдѣльнымъ людямъ, нужно время, чтобы научиться, каковы бы ни были ихъ способности и усилія.

Въ то время, какъ эти дикари старались цивилизоваться, европейцы продолжали охватывать ихъ со всѣхъ сторонъ и все больше стѣснять ихъ. Въ настоящее время обѣ расы наконецъ встрѣтились: онѣ соприкасаются. Индѣецъ сдѣлался уже выше своего отца дикаря, но онъ еще значительно ниже своего сосѣда, бѣлаго. Съ помощію своихъ средствъ и своихъ знаній, европейцы не замедлили присвоить себѣ большую часть тѣхъ преимуществъ, которыя могло дать туземцамъ владѣніе землей; они поселились среди нихъ, захватили или за дешево купили землю и разорили ихъ конкурренціей, которую индѣйцы ни въ какомъ случаѣ не могли выдержать. Изолированные въ своей собственной странѣ, послѣдніе образовали изъ себя лишь маленькую колонію безпокойныхъ иностранцевъ среди многочисленнаго и господствующаго народа [1]).

ціей; затѣмъ они по дешевымъ цѣнамъ купили у нихъ ихъ земли. Въ то время, когда г. Волней, у котораго я заимствую эти подробности, проѣзжалъ черезъ Венсеннъ число французовъ въ немъ уменьшилось до сотни душъ, изъ которыхъ большая часть собиралась перебраться въ Луизіану или Канаду. Эти французы были честные люди, но необразованные и непромышленные; они отчасти усвоили себѣ дикія привычки. Американцы, которые были, можетъ быть, ниже ихъ въ нравственномъ отношеніи, имѣли надъ ними огромное умственное преимущество: они были искусны, свѣдущи, богаты и привычны къ самоуправленію.

Я самъ видѣлъ въ Канадѣ, гдѣ умственное различіе между расами гораздо менѣе рѣзко, какъ англичанинъ, захвативши въ свои руки торговлю и промышленность въ странѣ канадца, распространилъ свою дѣятельность во всѣ стороны и заключалъ француза въ слишкомъ тѣсныя для него границы.

Въ Луизіанѣ тоже почти вся торговля и промышленность сосредоточивается въ рукахъ англо-американцевъ.

Нѣчто еще болѣе поразительное происходитъ въ провинціи Техасъ. Штатъ Техасъ составляетъ, какъ извѣстно часть Мексики и служитъ ей границею со стороны Соединенныхъ Штатовъ. Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ англо-американцы проникаютъ по одиночкѣ въ эту провинцію, еще мало населенную, покупаютъ въ ней земли, забираютъ въ свои руки промышленность и быстро замѣщаютъ собою первоначальное населеніе. Можно предвидѣть, что если Мексика не поспѣшитъ остановить этого движенія, то Техасъ скоро ускользнетъ изъ ея владѣнія.

Если нѣкоторыя, сравнительно мало замѣтныя различія въ европейской цивилизаціи приводятъ къ подобнымъ результатамъ, то легко понять, что должно произойти, когда самая усовершенствованная европейская цивилизація приходитъ въ соприкосновеніе съ индѣйскимъ варварствомъ.

[1]) См. въ законодательныхъ документахъ 21 конгресса № 89 о всякаго рода насиліяхъ, совершенныхъ бѣлымъ населеніемъ на территоріи индѣйцевъ. Иногда англо-американцы занимаютъ часть этой территоріи, какъ будто не было земли въ другихъ мѣстахъ и войскамъ конгресса приходится ихъ выгонять; иногда они захватываютъ скотъ, жгутъ дома, обираютъ плоды туземцевъ, или совершаютъ насилія надъ ихъ личностью.

Изъ всѣхъ этихъ документовъ получается доказательство того, что туземцы ежедневно дѣлаются жертвами злоупотребленія силой. Союзъ обыкновенно имѣетъ между индѣйцами агента, которому и поручаетъ быть его представителемъ. Отчетъ агента широкеевъ находится въ числѣ документовъ, на которые я ссылаюсь. Мнѣніе, выражаемое этимъ чиновникомъ, почти всегда благопріятно дикарямъ. „Вторженіе бѣдныхъ на землю широкеевъ, говоритъ онъ на стр. 12, будетъ причиной гибели ея обитателей, живущихъ тамъ бѣдно и безобидно“. Далѣе мы видимъ, что штатъ Георгія, желая съузить границы широкеевъ производитъ размежеваніе; союзный агентъ замѣчаетъ, что такъ какъ размежеваніе дѣлается только бѣлыми, а не съ обѣихъ сторонъ, то оно не имѣетъ никакого значенія.

Въ одномъ изъ своихъ посланій къ конгрессу Вашингтонъ говорилъ: „Мы просвѣщеннѣе и сильнѣе индѣйскихъ народовъ; наша честь обязываетъ насъ относиться къ нимъ съ добротою и даже съ великодушіемъ“.

Но американцы не слѣдовали этой благородной и добродѣтельной политикѣ.

Къ жадности колонистовъ присоединяется обыкновенно тиранніе правительства. Хотя широкеи и крики жили на занимаемой ими землѣ раньше прибытія европейцевъ, хотя американцы часто заключали съ ними договоры, какъ съ иностранными націями, тѣмъ не менѣе штаты, въ которыхъ они находятся, не захотѣли признать ихъ независимыми народами и задумали подчинить этихъ людей, только что вышедшихъ изъ лѣсовъ, своимъ чиновникамъ, своимъ обычаямъ и законамъ [1]). Нищета принудила этихъ несчастныхъ индѣйцевъ итти къ цивилизаціи; притѣсненія отталкиваютъ ихъ теперь къ варварству. Многіе изъ нихъ, бросая ихъ на половину раздѣланныя поля, снова пріучаются къ дикой жизни.

Если обратить вниманіе на тираническія мѣры, принимаемыя законодателями южныхъ штатовъ, на поведеніе ихъ губернаторовъ и рѣшенія ихъ судовъ, то легко убѣдиться, что конечная цѣль, къ которой со всѣхъ сторонъ направляются ихъ усилія, есть совершенное изгнаніе индѣйцевъ. Американцы этой части союза съ завистью глядятъ на земли, принадлежащія индѣйцамъ [2]); они сознаютъ, что послѣдніе еще не совсѣмъ отказались отъ традицій дикой жизни, и хотятъ довести ихъ до отчаянія и заставить удалиться раньше, чѣмъ цивилизація прикрѣпитъ ихъ прочно къ землѣ.

Будучи притѣсняемы отдѣльными штатами, крики и широкеи обратились къ центральному правительству. Послѣднее не нечувствительно къ ихъ бѣдствіямъ и искренно желало бы спасти остатокъ туземцевъ и обезпечить имъ безпрепятственное владѣніе землею, которое оно само имъ гарантировало [3]). Но когда оно хочетъ привести въ исполненіе это намѣреніе, то отдѣльные штаты оказываютъ ему сильное сопротивленіе и тогда оно легко соглашается лучше дать погибнуть нѣсколькимъ дикимъ племенамъ уже на половину уничтоженнымъ, чѣмъ поставить въ опасное положеніе американскій союзъ.

Не будучи въ силахъ защитить индѣйцевъ, союзное правительство же-

---

[1]) Въ 1829 г. штатъ Алабама раздѣляетъ территорію криковъ на графства и подчиняетъ индѣйское населеніе европейскимъ чиновникамъ.

Въ 1830 г. штатъ Миссисипи приравниваетъ шоктавовъ и шиказавовъ къ бѣлымъ и объявляетъ, что тѣ изъ нихъ, которые примутъ титулъ вождя, будутъ наказаны штрафомъ въ 1000 долларовъ и заключеніемъ въ тюрьму на годъ.

Когда штатъ Миссисипи распространилъ такимъ образомъ свои законы на индѣйцевъ-шоктавовъ, жившихъ въ его предѣлахъ, то они составили сходъ и ихъ вождь сообщилъ имъ о притязаніяхъ бѣлыхъ и прочиталъ нѣкоторые изъ законовъ, которымъ хотѣли ихъ подчинить; дикари единогласно заявили, что лучше было снова уйти въ пустыню. *(Missisipi papers).*

[2]) Жители Георгіи, которые чувствуютъ себя столь обезпокоенными сосѣдствомъ индѣйцевъ, занимаютъ пространство, на которомъ считается еще не больше семи человѣкъ на квадратную милю. Во Франціи на такомъ же пространствѣ находится сто шестьдесятъ два человѣка.

[3]) Въ 1818 году конгрессъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы территорія Арканзаса была осмотрѣна американскими коммиссарами, въ сопровожденіи депутаціи отъ криковъ, шоктавовъ и шиказавовъ. Этой экспедиціей начальствовали гг. Кеннерли, Мекъ-Кой, Вашъ Гудъ и Джонъ Белль. См. различные отчеты коммиссаровъ и ихъ дневникъ, въ документахъ конгресса № 87. *House of. Representatives.*

лало бы, по крайней мѣрѣ, облегчить ихъ положеніе; съ этою цѣлью оно предприняло переселеніе ихъ на свой счетъ въ другія мѣста.

Между 33 и 37° сѣверной широты простирается обширная страна, получившая названіе Арканзаса по имени главной изъ орошающихъ ее рѣкъ. Она граничитъ съ одной стороны съ Мексикой, а съ другой съ берегами Миссисипи. Множество рѣкъ и ручьевъ прорѣзываютъ ее со всѣхъ сторонъ; климатъ въ ней мягкій и почва плодородная. Въ ней встрѣчаются лишь нѣсколько бродячихъ ордъ дикарей. Въ эту-то страну, въ ту ея часть, которая всего ближе къ Мексикѣ и очень далеко отъ американскихъ поселеній, союзное правительство и хочетъ переселить остатки туземнаго населенія юга.

Въ концѣ 1831 года намъ говорили, что уже 10.000 индѣйцевъ были высажены на берега Арканзаса; другіе ежедневно прибывали. Но конгрессъ не могъ еще создать единогласнаго желанія между тѣми, чью участь онъ намѣренъ устроить: одни съ радостью соглашаются удалиться отъ источника тиранніи; наиболѣе понимающіе отказываются покинуть ихъ зарождающіяся нивы и ихъ новыя жилища; они думаютъ, что если дѣло цивилизаціи будетъ прервано, то оно уже не возобновится; они боятся, что осѣдлыя привычки, только-что усвоенныя, могутъ безвозвратно потеряться посреди дикихъ еще мѣстностей, гдѣ ничего не подготовлено для жизни земледѣльческаго народа; они знаютъ, что въ этихъ новыхъ пустыняхъ они найдутъ враждебныя племена, для борьбы съ которыми у нихъ нѣтъ уже энергіи варварства и не пріобрѣтено еще силы цивилизаціи. Сверхъ того, индѣйцы легко понимаютъ, на сколько временно то поселеніе, которое имъ предлагаютъ. Кто имъ поручится, что они, наконецъ, отдохнуть мирно въ своемъ новомъ убѣжищѣ? Соединенные Штаты обязуются охранять ихъ тамъ; но и владѣніе землей, которую они теперь занимаютъ, было когда-то имъ гарантировано самыми торжественными клятвами [1]). Правда, что американское правительство въ настоящее время не отнимаетъ у нихъ земель, но оно не препятствуетъ ихъ захвату. Черезъ немного лѣтъ, безъ сомнѣнія, то же бѣлое населеніе, которое тѣснится теперь вокругъ нихъ, будетъ снова преслѣдовать ихъ въ пустыняхъ Арканзаса; тогда они будутъ ощущать опять тѣ же бѣдствія, но безъ тѣхъ же средствъ помощи, и такъ какъ рано или поздно земли не хватитъ для нихъ, то имъ все же придется умирать.

Въ образѣ дѣйствій союза относительно индѣйцевъ меньше жадности и насилія, чѣмъ въ политикѣ отдѣльныхъ штатовъ. Но у обоихъ правительствъ одинаково не достаетъ прямодушія.

Штаты, распространяя, какъ они говорятъ, благодѣянія своихъ законовъ на индѣйцевъ, разсчитываютъ, что послѣдніе предпочтутъ уйти, чѣмъ подчиниться имъ, а центральное правительство, обѣщая этимъ несчастнымъ

---

[1]) Въ договорѣ, заключенномъ съ криками въ 1890 г. находится такой пунктъ: „Соединенные Штаты торжественно гарантируютъ народу криковъ сохраненіе за нимъ всѣхъ земель, принадлежащихъ ему на территоріи союза“.

Договоръ, заключенный въ 1791 году съ широкеями, содержитъ въ себѣ слѣдующее: „Соединенные Штаты торжественно обезпечиваютъ за народомъ широкеевъ всѣ земли, которыя ими ранѣе не были уступлены. Если бы случилось, что гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ, или всякій другой человѣкъ не индѣецъ поселился бы на землѣ широкеевъ, то Соединенные Штаты заявляютъ, что они отнимаютъ у этого гражданина свое покровительство и передаютъ его во власть народа широкеевъ, для наказанія его по ихъ усмотрѣнію“. Ст. 8.

постоянное убѣжище на западѣ, знаетъ, что оно не можетъ поручиться за исполненіе этого обѣщанія [1]).

Такимъ образомъ, штаты своей тиранніей заставляютъ дикарей удаляться; союзъ своими обѣщаніями и съ помощью своихъ средствъ облегчаетъ ихъ удаленіе. Это все различныя мѣры, направленныя къ одной и той же цѣли [2]).

„Волею нашего небеснаго Отца, правящаго міромъ,—говорили широкеи въ своей петиціи къ конгрессу [3]), родъ краснокожихъ людей Америки сдѣлался малъ, а родъ бѣлыхъ сдѣлался великъ и славенъ.

„Когда ваши предки прибыли къ нашимъ берегамъ, краснокожій человѣкъ былъ силенъ и, хотя онъ былъ несвѣдущъ и дикъ, но онъ встрѣтилъ ихъ добродушно и позволилъ имъ дать отдыхъ своимъ оцѣпенѣлымъ ногамъ на сухой землѣ. Наши и ваши отцы дали другъ другу руки въ знакъ дружбы и стали жить въ мирѣ.

„Все, о чемъ просилъ бѣлый человѣкъ для удовлетворенія своихъ нуждъ, индѣецъ поспѣшилъ ему дать. Индѣецъ былъ тогда господиномъ, а бѣлый человѣкъ просителемъ. Теперь положеніе дѣлъ перемѣнилось: сила краснокожаго человѣка стала слабостью. По мѣрѣ того, какъ сосѣди его возрастали въ числѣ, его сила все больше и больше убывала; и теперь изъ столькихъ могучихъ племенъ, покрывавшихъ поверхность того, что вы называете Соединенными Штатами, едва остаются немногія, пощаженныя всеобщей гибелью. Сѣверныя племена, столь знаменитыя между нами своимъ могуществомъ, почти уже исчезли. Такова была судьба американскаго краснокожаго человѣка.

„Вотъ мы послѣдніе изъ нашего рода, должны ли и мы также умереть?

„Съ незапамятныхъ временъ нашъ общій Отецъ, который на небесахъ, далъ нашимъ предкамъ ту землю, которую мы занимаемъ; предки наши передали ее намъ, какъ наслѣдство. Мы хранили ее съ почтеніемъ, потому что она заключаетъ въ себѣ ихъ прахъ. Уступали ли, или теряли ли мы когда-нибудь это наслѣдство? Позвольте намъ покорно спросить у васъ, какое лучшее право можетъ имѣть на землю народъ, какъ не право на-

---

[1]) Что не мѣшаетъ ему давать имъ это обѣщаніе самымъ формальнымъ образомъ. См. письмо президента, адресованное къ крикамъ отъ 23-го марта 1829 г. (*Proceedings of the Indian Board in the city of New-York*, стр. 5). „По ту сторону великой рѣки (Миссисипи),—говоритъ онъ,—отецъ вашъ приготовилъ, чтобы васъ принять, обширную страну. Туда ваши братья, бѣлые, не придутъ мѣшать вамъ; они не будутъ имѣть никакихъ правъ на ваши земли; вы и ваши дѣти можете жить на нихъ въ мирѣ и довольствѣ до тѣхъ поръ, пока трава будетъ расти и ручьи течь; онѣ *навсегда будутъ принадлежать вамъ*“.

Въ письмѣ, написанномъ къ широкеямъ секретаремъ военнаго министерства, отъ 18 апрѣля 1829 г., онъ объявляетъ имъ, чтобы они не льстили себя надеждою сохранить за собой пользованіе той землей, которую они занимаютъ въ настоящее время, но онъ имъ даетъ такое же положительное ручательство на то время, когда они будутъ по ту сторону Миссисипи (та же книга, стр. 6), какъ будто въ то время у него не будетъ такого жо недостатка власти, какъ и въ настоящее время.

[2]) Чтобы составить себѣ точное понятіе о той политикѣ, которой слѣдуютъ по отношенію къ индѣйцамъ какъ отдѣльные штаты, такъ и союзъ, надлежитъ справляться въ слѣдующихъ документахъ: 1) законы отдѣльныхъ штатовъ, касающіеся индѣйцевъ (этотъ сборникъ находится въ законодательныхъ документахъ 21-го конгресса, № 319); 2) законы союза, касательно того же предмета, въ особенности законъ 30 марта 1802 г. (эти законы находятся въ сочиненіи г. Стори, озаглавленномъ *Laws of the United-States*); 3) наконецъ, чтобы ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ сношеній союза со всѣми индѣйскими племенами, см. докладъ г. Кесса статсъ-секретаря военнаго министерства отъ 29 ноября 1823 г.

[3]) 19 ноября 1829 г. Этотъ отрывокъ переведенъ буквально.

слѣдства и незапамятнаго владѣнія? Мы узнаемъ, что штатъ Георгія и президентъ Соединенныхъ Штатовъ утверждаютъ теперь, что мы потеряли это право. Но намъ это утвержденіе кажется бездоказательнымъ. Въ какое время мы его потеряли? Какое совершили мы преступленіе, которое могло бы насъ лишить отечества? Или насъ упрекаютъ за то, что мы сражались подъ знаменемъ великобританскаго короля во время войны за независимость? Если въ этомъ состоитъ приписываемое намъ преступленіе, то почему въ первомъ договорѣ, который былъ послѣ этой войны, вы не заявили о томъ, что мы потеряли право собственности на наши земли? Почему не включили вы тогда въ этотъ договоръ такую статью: Соединенные Штаты согласны даровать миръ народу широкеевъ, но, чтобы наказать ихъ за участіе въ войнѣ, объявляется, что они будутъ признаваться только арендаторами и будутъ обязаны удалиться съ земли, когда сосѣдніе штаты этого потребуютъ? Тогда было время говорить такимъ образомъ; но тогда никто объ этомъ и не подумалъ; и наши отцы никогда бы не согласились на договоръ, результатомъ котораго было бы лишеніе ихъ самыхъ священныхъ правъ и отнятіе у нихъ ихъ родины".

Таковы рѣчи индѣйцевъ: то, что они говорятъ, правда; и то, что они предвидятъ, кажется мнѣ неизбѣжнымъ.

Съ какой стороны ни смотрѣть на участь туземцевъ Сѣверной Америки, все видишь только непоправимое зло: если они остаются дикарями, то бѣлые, подвигаясь, гонятъ ихъ передъ собой; если они хотятъ цивилизоваться, то соприкасаясь съ болѣе цивилизованными людьми, они подвергаются притѣсненію и нищетѣ. Если они продолжаютъ бродить изъ пустыни въ пустыню, то, гибнутъ, если же задумываютъ жить осѣдло, то тоже гибнутъ. Они могутъ получить образованіе только отъ европейцевъ, а близость европейцевъ развращаетъ ихъ и возвращаетъ къ варварству. Пока ихъ оставляютъ въ ихъ уединеніи, до тѣхъ поръ они отказываются измѣнить свои нравы, а потомъ ужъ не время это дѣлать, когда они, наконецъ, принуждены сами желать этого.

Испанцы травятъ индѣйцевъ собаками, какъ дикихъ звѣрей; они грабятъ Новый Свѣтъ, какъ взятый приступомъ городъ, безъ разбора и безъ жалости; но нельзя всего уничтожить и всякому неистовству бываетъ конецъ: остатки индѣйскаго населенія, уцѣлѣвшія отъ избіенія, смѣшиваются, наконецъ, со своими побѣдителями и принимаютъ ихъ религію и нравы [1]).

Напротивъ, поведеніе американцевъ Соединенныхъ Штатовъ относительно индѣйцевъ проникнуто чистѣйшимъ уваженіемъ къ формѣ и законности. Если индѣйцы остаются въ дикомъ состояніи, то американцы вовсе не вмѣшиваются въ ихъ дѣла и относятся къ нимъ, какъ къ независимымъ народамъ; они не позволяютъ себѣ занимать ихъ земли, не пріобрѣтя ихъ какъ слѣдуетъ на основаніи договора; а если случайно какое-нибудь индѣйское племя не можетъ больше жить на своей территоріи, то они по-братски берутъ его за руку и уводятъ его умирать внѣ страны его отцовъ.

Испанцы, совершивъ безпримѣрныя злодѣйства и покрывъ себя неизгладимымъ стыдомъ, не могли достичь полнаго истребленія индѣйской расы, ни даже помѣшать ей пріобрѣсти одинакія съ ними права; американцы Соединенныхъ Штатовъ достигли этого двойного результата съ удивитель-

---

[1]) Не слѣдуетъ, однако, приписывать испанцамъ чести достиженія этого результата. Еслибы индѣйскія племена во время прибытія европейцевъ не были уже прикрѣплены къ землѣ посредствомъ ея обработки, то они, безъ сомнѣнія, были бы также истреблены въ Южной Америкѣ, какъ и въ Сѣверной.

ной легкостью, спокойно, законно, филантропично, не проливая крови и не нарушая, на взглядъ общества, ни одного изъ великихъ принциповъ нравственности [1]). Но возможно истребить людей съ большимъ уваженіемъ законовъ человѣколюбія.

Положеніе, занимаемое черной расой въ Соединенныхъ Штатахъ [2]); опасности, угрожающія бѣлымъ, вслѣдствіе ея присутствія.

Почему труднѣе уничтожить рабство и изгладить его слѣды у новыхъ народовъ, чѣмъ у древнихъ. — Въ Соединенныхъ Штатахъ предразсудокъ бѣлыхъ противъ черныхъ становится какъ будто сильнѣе по мѣрѣ уничтоженія невольничества.—Положеніе негровъ въ сѣверныхъ и въ южныхъ штатахъ.—Почему американцы уничтожаютъ невольничество. — Рабство низводитъ до животнаго невольника и дѣлаетъ бѣднѣе господина. — Различія, замѣчаемыя между правымъ и лѣвымъ берегомъ Огайо.—Отчего это происходитъ.—Черная раса отодвигается къ югу, вмѣстѣ съ невольничествомъ. — Чѣмъ это объясняется. — Трудность для южныхъ штатовъ уничтожить невольничество. — Будущія опасности.—Общая озабоченность.—Основаніе негритянской колоніи въ Африкѣ.—Почему южные американцы по мѣрѣ того, какъ они становятся недовольны рабствомъ, усиливаютъ его строгость.

Индѣйцы умрутъ въ томъ же одиночествѣ, какъ они жили; но судьба негровъ нѣкоторымъ образомъ переплетена съ судьбой европейцевъ. Обѣ расы связаны, но не сливаются одна съ другой; имъ одинаково трудно и совершенно раздѣлиться, и соединиться.

Самое страшное изъ всѣхъ золъ, грозящихъ будущности Соединенныхъ Штатовъ, происходитъ отъ присутствія черной расы на ихъ землѣ. Изслѣдуя причины настоящихъ затрудненій и будущихъ опасностей союза, мы почти всегда дойдемъ до этого первичнаго факта, съ какого бы конца ни начали.

Люди обыкновенно должны употребить большія и постоянныя усилія

---

[1]) См., между прочимъ, докладъ, сдѣланный г. Беллемъ отъ имени комитета по индѣйскимъ дѣламъ 24 февраля 1830 г., въ которомъ на стр. 5 очень логично устанавливается и очень обстоятельно доказывается, что: „the fundamental principle, that the Indians had no right by virtue of their ancient possession either of soil or sovereignty, has never been abandoned expressly or by implication“, т. е., что *индѣйцы въ силу ихъ стариннаго владѣнія не пріобрѣли ни права собственности, ни права верховной власти— это основной принципъ, отъ котораго никогда не отказывались ни явно, ни молчаливо.*

Читая этотъ докладъ, изложенный притомъ искусной рукой, удивляешься легкости и развязности, съ которою авторъ съ первыхъ же словъ отдѣлывается отъ всѣхъ аргументовъ, основанныхъ на естественномъ правѣ и разумѣ, называемыхъ имъ абстрактными и теоретическими принципами. Чѣмъ больше я объ этомъ думаю, тѣмъ больше прихожу къ убѣжденію, что единственное различіе между человѣкомъ цивилизованнымъ и нецивилизованнымъ по отношенію къ справедливости состоитъ въ томъ, что первый отрицаетъ ея права, а второй только просто нарушаетъ ее.

[2]) Прежде, чѣмъ говорить объ этомъ предметѣ, я долженъ предупредить читателя. Въ книгѣ, о которой я уже говорилъ и которая должна появиться въ самомъ скоромъ времени, мой товарищъ по путешествію г. Густавъ де-Бомонъ, имѣлъ преимущественно въ виду, сдѣлать извѣстнымъ во Франціи положеніе негровъ среди бѣлаго населенія Соединенныхъ Штатовъ. Г. де-Бомонъ основательно разработалъ вопросъ, котораго содержаніе моего сочиненія позволило мнѣ лишь слегка коснуться.

Его книга, примѣчанія къ которой содержатъ очень много законодательныхъ и историческихъ документовъ, чрезвычайно драгоцѣнныхъ и совершенно неизвѣстныхъ, представляетъ, сверхъ того, картины, сила которыхъ равняется только ихъ правдѣ. Сочиненіе г. де-Бомонъ должно быть прочитано тѣми, кто захочетъ уяснить себѣ, до какихъ крайностей тиранніи мало-по-малу доходятъ люди, разъ они начали удаляться отъ природы и человѣчества.

для того, чтобы создать продолжительное зло; но есть зло, которое проникаетъ въ міръ тайкомъ; сначала оно едва замѣтно среди обыкновенныхъ злоупотребленій власти; оно начинается съ личности, имя которой не сохраняется въ исторіи; его оставляютъ гдѣ-нибудь на землѣ, какъ проклятое сѣмя; потомъ оно питается само собой, распространяется безъ усилій и естественно растетъ вмѣстѣ съ получившимъ его обществомъ. Это зло есть рабство.

Христіанство уничтожило рабство; христіане шестнадцатаго столѣтія возстановили его; однако же они всегда признавали его лишь какъ исключеніе въ своей соціальной системѣ и приняли мѣры къ тому, чтобы ограничить его одною изъ человѣческихъ расъ. Такимъ способомъ они нанесли человѣчеству рану не столь большую, но несравненно болѣе трудную для излѣченія.

Необходимо тщательно различать двѣ вещи: рабство само по себѣ и его послѣдствія.

Зло, непосредственно производимое рабствомъ, было приблизительно таково же у древнихъ, какъ и у новыхъ народовъ, но послѣдствія этого зла были различны. У древнихъ, рабъ принадлежалъ къ той же расѣ, какъ и его господинъ и часто былъ выше его по воспитанію и знаніямъ [1]). Ихъ раздѣляла только свобода и разъ свобода была дана, то они легко смѣшивались.

Древніе имѣли, слѣдовательно, очень простой способъ избавиться отъ рабства и его послѣдствій; способъ этотъ состоялъ въ освобожденіи рабовъ и какъ только они употребили его какъ общую мѣру, такъ они достигли цѣли.

Это не значитъ, чтобы въ древности слѣды рабства не сохранялись еще въ теченіе нѣкотораго времени послѣ того, какъ само рабство было уничтожено.

Существуетъ естественный предразсудокъ, заставляющій человѣка презирать низшаго себя, даже долго послѣ того, какъ онъ сдѣлался его равнымъ; за дѣйствительнымъ неравенствомъ, производимымъ богатствомъ или закономъ, всегда слѣдуетъ воображаемое неравенство, имѣющее свое основаніе въ нравахъ. Но у древнихъ это вторичное послѣдствіе рабства имѣло предѣлъ: отпущенникъ былъ на столько похожъ на людей свободнаго происхожденія, что скоро дѣлалось невозможнымъ различить его между ними.

У древнихъ труднѣе всего было измѣнить законъ, у новѣйшихъ народовъ—перемѣнить нравы; такъ что для насъ дѣйствительная трудность начинается тамъ, гдѣ для древнихъ она кончалась.

Это происходитъ оттого, что у новѣйшихъ народовъ нематеріальный и преходящій фактъ рабства самымъ гибельнымъ образомъ связанъ съ матеріальнымъ и неуничтожимымъ фактомъ различія расы. Воспоминаніе о рабствѣ унижаетъ расу, а раса на вѣки поддерживаетъ воспоминаніе о рабствѣ.

Нѣтъ ни одного африканца, который бы свободно прибылъ на берега Новаго Свѣта; изъ чего слѣдуетъ, что всѣ тѣ, которые въ настоящее время тамъ находятся, суть или рабы или вольноотпущенные. Такимъ образомъ негръ вмѣстѣ съ жизнью передаетъ своимъ потомкамъ и внѣшній

---

[1]) Извѣстно, что многіе самые знаменитые изъ древнихъ писателей были рабами. Къ числу ихъ принадлежатъ Эзопъ и Теренцій. Рабы не всегда набирались изъ варварскихъ народовъ: война иногда дѣлала рабами людей очень цивилизованныхъ.

признакъ своего безчестія. Законъ можетъ уничтожить рабство, но только Богъ одинъ можетъ сдѣлать, чтобы истребились и его слѣды.

Новѣйшій рабъ отличается отъ господина не только отсутствіемъ свободы, но и происхожденіемъ. Можно сдѣлать негра свободнымъ, но нельзя сдѣлать, чтобы онъ не былъ относительно европейца въ положеніи чужестранца.

И это еще не все: у этого человѣка, родившагося въ низости, у этого чужестранца, введеннаго къ намъ рабствомъ, мы едва признаемъ общечеловѣческія черты. Его лицо намъ кажется безобразнымъ, его умственныя способности ограниченными; его склонности низки; мы почти готовы считать его за существо среднее между человѣкомъ и животнымъ [1]).

Поэтому въ новѣйшее время, отмѣнивши невольничество, нужно будетъ еще уничтожить три рода предубѣжденія: предубѣжденіе господина, предубѣжденіе человѣка другой расы и, наконецъ, предубѣжденіе бѣлаго человѣка.

Намъ, имѣвшимъ счастіе родиться посреди людей, которыхъ природа сдѣлала намъ подобными, а законъ нашими равными, намъ очень трудно понять, какая непереходимая пропасть отдѣляетъ американскаго негра отъ европейца. Но мы можемъ получить объ этомъ хотя отдаленное представленіе, разсуждая по аналогіи.

Когда-то у насъ существовали большія неравенства, имѣвшія свое основаніе исключительно въ законахъ Что, кажется, можетъ быть менѣе дѣйствительнымъ, какъ чисто-легальное низшее положеніе? Что болѣе противно человѣческимъ инстинктамъ, какъ постоянныя различія, установленныя между людьми очевидно подобными? Однако же эти различія просуществовали цѣлые вѣка и въ тысячѣ мѣстахъ они существуютъ и теперь: повсюду они оставили слѣды, хотя воображаемые, но которые съ трудомъ изглаживаются временемъ. Если неравенство, созданное только закономъ, такъ трудно уничтожить кореннымъ образомъ, то какъ истребить то неравенство, которое повидимому имѣетъ кромѣ того незыблемыя основанія въ самой природѣ?

Что касается до меня, то когда я вижу съ какимъ трудомъ аристократическія общества, каковы бы они ни были по своей природѣ, сливаются съ народной массой и какія чрезвычайныя усилія они употребляютъ для того, чтобы въ теченіе вѣковъ сохранять раздѣляющія ихъ идеальныя преграды, то я не вѣрю въ возможность изчезновенія аристократіи, основанной на видимыхъ и неуничтожимыхъ признакахъ.

Поэтому, мнѣ кажется, что тѣ, кто ожидаетъ когда нибудь сліянія европейцевъ съ неграми, льстятъ себя химерическими надеждами. Я не склоненъ этому вѣрить по разуму и не вижу въ фактахъ ничего, чѣмъ бы это доказывалось.

До сихъ поръ повсюду, гдѣ бѣлые были сильнѣйшими, они держали негровъ въ униженіи или въ рабствѣ. Гдѣ негры были сильнѣе, тамъ вездѣ они уничтожали бѣлыхъ. Это были единственныя формы отношеній, когда либо устанавливавшихся между этими двумя расами.

Глядя на теперешніе Соединенные Штаты, я вижу ясно, что въ нѣкоторыхъ частяхъ страны перегородка, раздѣляющая двѣ расы, уменьшает-

---

1) Для того чтобы бѣлые отказались отъ своего мнѣнія о болѣе низкой степени умственныхъ и нравственныхъ способностей своихъ прежнихъ невольниковъ, нужно, чтобы негры измѣнились, а они не могутъ измѣниться пока существуетъ такое мнѣніе.

ся, по скольку основаніе ея лежитъ въ законахъ, а не въ нравахъ; я замѣчаю, что рабство отступаетъ, но созданные имъ предразсудки остаются неподвижными.

Въ той части союза, въ которой негры уже не рабы, приблизились-ли они къ бѣлымъ? Всякій, кто жилъ въ Соединенныхъ Штатахъ, могъ замѣтить, что произошло обратное явленіе.

Расовое предубѣжденіе мнѣ кажется сильнѣе въ тѣхъ штатахъ, которые отмѣнили невольничество, чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ оно еще существуетъ, и нигдѣ оно не проявляется съ такой нетерпимостью, какъ въ штатахъ, гдѣ рабство всегда было неизвѣстно.

Правда, что въ сѣверныхъ частяхъ Союза законъ позволяетъ неграмъ и бѣлымъ вступать въ законный бракъ; но общественное мнѣніе признаетъ опозореннымъ бѣлаго, который бы женился на негритянкѣ и было бы очень трудно привести примѣръ подобнаго факта.

Почти во всѣхъ штатахъ, въ которыхъ невольничество было отмѣнено, неграмъ даны были избирательныя права; но если бы негръ явился для подачи голоса, то онъ рисковалъ бы жизнію. Если его притѣсняютъ, то онъ можетъ жаловаться, но въ числѣ судей онъ находитъ только бѣлыхъ. Законъ, однако, допускаетъ его быть присяжнымъ, но общественный предразсудокъ не позволяетъ этого. Сынъ его не допускается въ школу, гдѣ учатся потомки европейцевъ. Въ театрѣ онъ не могъ бы ни за какія деньги купить себѣ право сидѣть рядомъ съ бывшимъ своимъ господиномъ; въ больницѣ онъ лежитъ отдѣльно. Негру позволяется молиться тому же Богу, какъ и бѣлые, но не передъ тѣмъ же олтаремъ. У него есть свои священники и свои храмы. Двери неба ему не закрываются, но неравенство прекращается только на самой границѣ того свѣта. Когда негръ умеръ, то кости его бросаются къ сторонѣ, такъ что различіе положеній проявляется даже въ равенствѣ смерти.

Такимъ образомъ негръ свободенъ, но онъ не можетъ раздѣлять съ тѣмъ, кому онъ объявленъ равнымъ, ни его правъ, ни удовольствій, ни трудовъ, ни страданій, ни даже могилы. Онъ не можетъ встрѣтиться съ нимъ нигдѣ ни въ жизни, ни въ смерти.

На югѣ, гдѣ невольничество еще существуетъ, негровъ не такъ старательно держатъ въ сторонѣ; они иногда раздѣляютъ съ бѣлыми ихъ труды и удовольствія; съ ними соглашаются до извѣстной степени смѣшиваться; законы на ихъ счетъ болѣе жестки, но нравы болѣе мягки и терпимы.

На югѣ господинъ не боится возвысить своего невольника до себя, потому что, какъ ему извѣстно, онъ можетъ, если захочетъ, всегда столкнуть его въ прахъ. На сѣверѣ бѣлый уже не видитъ ясно преграды, отдѣляющей его отъ униженной расы и тѣмъ старательнѣе удаляется отъ негра, что боится когда нибудь столкнуться съ нимъ.

У южныхъ американцевъ природа, входя иногда въ свои права, возстановляетъ на время равенство между бѣлыми и неграми. На сѣверѣ гордость заставляетъ умолкать даже самую требовательную изъ страстей человѣка. Сѣверный американецъ можетъ быть согласился бы сдѣлать негритянку временною подругою его удовольствій, если бы законодатель объявилъ, что она не можетъ имѣть претензій законно раздѣлять его ложе; но такъ какъ она можетъ сдалаться его женой, то онъ съ нѣкотораго рода ужасомъ удаляется отъ нея.

Такимъ образомъ въ Соединенныхъ Штатахъ предубѣжденіе, отталкивающее негровъ, возрастаетъ повидимому, по мѣрѣ того какъ негры пе-

рестаютъ быть рабами и неравенство сильнѣе запечатлѣвается въ нравахъ, по мѣрѣ того какъ оно сглаживается въ законахъ.

Но если относительное положеніе двухъ расъ, живущихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, таково, какъ я его сейчасъ описалъ, то почему американцы уничтожили невольничество на сѣверѣ, почему они сохраняютъ его на югѣ и отчего происходитъ, что тамъ они усиливаютъ его суровость?

На это легко отвѣтить: невольничество уничтожается въ Соединенныхъ Штатахъ въ интересахъ не негровъ, а бѣлыхъ.

Первые негры были привезены въ Виргинію около 1621 года [1]). Въ Америкѣ, какъ и на всей остальной землѣ, рабство, слѣдовательно, возникло на югѣ. Оттуда оно распространилось переходя изъ одной мѣстности въ другую, сосѣднюю; но по мѣрѣ приближенія невольничества къ сѣверу число невольниковъ все уменьшалось [2]). Въ Новой Англіи всегда было очень мало негровъ.

Колоніи были основаны; протекло уже столѣтіе, когда необыкновенный фактъ началъ обращать на себя общее вниманіе. Въ тѣхъ провинціяхъ, которыя, можно сказать, не имѣли невольниковъ, населеніе, богатство и благосостояніе увеличивались быстрѣе, чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ они были.

Между тѣмъ въ первыхъ житель ихъ долженъ былъ самъ обработывать землю, или нанимать для этого другого; во вторыхъ же онъ имѣлъ къ своимъ услугамъ работниковъ, трудъ которыхъ онъ не оплачивалъ. На одной сторонѣ былъ, значитъ, трудъ и расходъ, а на другой свободное время и экономія; однако преимущество оставалось за первыми.

Такой результатъ казалось тѣмъ труднѣе было объяснить, что эмигранты, принадлежавшіе всѣ къ одной европейской расѣ, имѣли одинакія привычки, одну и ту же цивилизацію и законы и различались другъ отъ друга лишь мало замѣтными оттѣнками.

Время шло: покидая берега Атлантическаго океана, англо-американцы постоянно углублялись все дальше въ безлюдныя мѣстности запада; тамъ они находили новую почву и климатъ; тамъ нужно было имъ побѣдить разнаго рода препятствія. Расы ихъ смѣшивались: люди съ юга переходили на сѣверъ, а сѣверяне на югъ. При всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, тотъ же фактъ повторялся на каждомъ шагу; вообще колонія, въ которой не было невольниковъ, становилась и населеннѣе и цвѣтущѣе, чѣмъ та, гдѣ дѣйствовало невольничество.

Съ теченіемъ времени стали поэтому догадываться, что рабство, столь жестокое по отношенію къ невольнику, было гибельно и для господина.

Но эта истина получила послѣднее подтвержденіе, когда достигли береговъ Огайо.

---

[1]) См. *исторію Виргиніи* Бевердея. См. также въ *Мемуарахъ Джеффферсона* любопытныя подробности касательно введенія негровъ въ Виргинію и перваго акта, которымъ ввозъ ихъ былъ запрещенъ въ 1778 г.

[2]) Число невольниковъ было менѣе велико на сѣверѣ но выгоды, получаемыя отъ невольничества тамъ столь же мало оспаривались какъ и на югѣ. Въ 1740 году законодательное собраніе Нью-Іорка объявило, что слѣдуетъ какъ можно бодѣе поощрять прямой ввозъ невольниковъ и что контрабанда должна строго наказываться, какъ могущая отбить охоту у честнаго торговца (*Kent's commentaries* т. II ст. 206).

Въ историческомъ собраніи штата Массачузетсъ т. IV стр. 193 находятся любопытныя изслѣдованія Белькнапа о невольничествѣ въ Новой Англіи. Изъ нихъ оказывается, что негры стали ввозиться начиная еще съ 1630 года, но что еще тогда законодательство и нравы оказались въ противорѣчіи съ невольничествомъ.

См. также въ томъ же источникѣ, какимъ образомъ общественное мнѣніе, а затѣмъ и законъ достигли уничтоженія невольничества.

Рѣка, которую индѣйцы передъ всѣми прочими назвали Огайо, т.-е. красивая рѣка, орошаетъ своими водами одну изъ самыхъ великолѣпныхъ долинъ; въ которыхъ когда-либо селился человѣкъ. На обоихъ берегахъ Огайо, простираются волнообразныя мѣстности, почва которыхъ постоянно даетъ земледѣльцу неисчерпаемыя богатства: на обоихъ берегахъ воздухъ одинаково здоровъ и климатъ умѣренъ; каждый берегъ составляетъ границу обширнаго штата; тотъ изъ нихъ, который окаймленъ безчисленными излучинами лѣваго берега теченія Огайо, называется Кентукки; другой получилъ свое названіе по имени самой рѣки. Оба штата отличаются другъ отъ друга только въ одномъ отношеніи: штатъ Кентукки допустилъ у себя невольниковъ, штатъ Огайо удалилъ ихъ всѣхъ изъ своей среды [1]).

Такимъ образомъ путешественникъ, плывущій внизъ по теченію Огайо до впаденія этой рѣки въ Миссисипи будетъ двигаться такъ сказать между свободой и рабствомъ; и ему стоитъ только взглянуть вокругъ себя чтобы въ одну минуту разсудить, что изъ нихъ благопріятнѣе для человѣчества.

На лѣвомъ берегу рѣки населеніе рѣдко и разбросано: отъ времени до времени виднѣется партія невольниковъ съ беззаботнымъ видомъ двигающаяся по полямъ на половину пустымъ; постоянно появляется снова первобытный лѣсъ; кажется, какъ будто общество тамъ спитъ, человѣкъ живетъ праздно и только одна природа представляетъ картину дѣятельности и жизни.

Съ праваго берега напротивъ подымается постоянный гулъ, далеко заявляющій о присутствіи промышленной дѣятельности; поля покрыты богатою жатвою; изящныя жилища указываютъ на вкусъ и заботливость земледѣльца; со всѣхъ сторонъ проявляется зажиточность; человѣкъ кажется богатымъ и довольнымъ; и онъ работаетъ [2]).

Штатъ Кентукки былъ основанъ въ 1775 году, штатъ Огайо только двѣнадцатью годами позже. Двѣнадцать лѣтъ въ Америкѣ это все равно что больше полустолѣтія въ Европѣ. Въ настоящее время населенія Огайо уже на 250000 жителей превосходитъ населеніе Кентукки [3]).

Эти различные результаты рабства и свободы легко понятны; ими достаточно объясняются многія различія, существующія между античною цивилизаціей и цивилизаціей нашего времени.

На лѣвомъ берегу Огайо понятіе труда сливается съ идеей рабства, на правомъ берегу съ идеей благосостоянія и прогресса; тамъ трудъ находится въ униженіи, здѣсь въ почетѣ. На лѣвомъ берегу рѣки нельзя найти работниковъ, принадлежащихъ къ бѣлой расѣ: бѣлые люди боятся быть похожими на невольниковъ; приходится полагаться на старательность негровъ. На правомъ берегу было бы напрасно искать празднаго человѣка;

---

[1]) Штатъ Огайо не только не признаетъ невольничества, но запрещаетъ свободнымъ неграмъ вступленіе на его территорію и не дозволяетъ имъ ничего пріобрѣтать на ней. См. статуты Огайо.

[2]) Въ Огайо человѣкъ дѣятеленъ не только въ качествѣ отдѣльной личности; само государство исполняетъ громадныя предпріятія; штатъ Огайо устроилъ между озеромъ Эри и Огайо каналъ, посредствомъ котораго долина Миссисипи сообщается съ Сѣверной рѣкой. Съ помощью этого канала европейскіе товары, прибывающіе въ Нью-Іоркъ, могутъ слѣдовать водою до Новаго-Орлеана, проходя болѣе пяти сотъ лье (болѣе 2000 верстъ) внутри материка.

[3]) Точныя цифры по переписи 1830 года:

Кентукки . . . 688,844.
Огайо. . . . . 937,669.

бѣлый человѣкъ распространяетъ на всякій трудъ свою дѣятельность и свои способности.

Такимъ образомъ въ Кентукки люди, на которыхъ возложена разработка естественныхъ богатствъ почвы, не имѣютъ ни знанія, ни усердія, между тѣмъ, какъ люди, которые могли бы имѣть и то и другое, или ничего не дѣлаютъ, или уходятъ въ Огайо, чтобы утилизировать тамъ свои промышленныя способности и имѣть возможность не стыдясь примѣнять ихъ.

Правда что въ Кентукки господа заставляютъ работать своихъ невольниковъ не будучи обязаны имъ платить, но они получаютъ мало выгоды отъ ихъ труда, тогда какъ деньги, которыя они заплатили бы вольнымъ работникамъ возвратились бы къ нимъ съ барышемъ въ цѣнности ихъ труда.

Вольный работникъ получаетъ плату, но онъ дѣлаетъ все скорѣе, чѣмъ невольникъ, а скорость исполненія есть одинъ изъ важныхъ элементовъ экономіи. Бѣлый человѣкъ продаетъ свое содѣйствіе, но его покупаютъ только тогда, когда оно полезно; негръ не можетъ ничего требовать въ уплату за свои услуги; но его приходится кормить во всякое время; его надо содержать въ старости, какъ и въ зрѣломъ возрастѣ, во время его безполезнаго дѣтства, также какъ и въ полезные годы его молодости, въ болѣзни какъ и въ здоровомъ состояніи. Значитъ, трудъ обоихъ этихъ людей можно получать только за плату: свободный работникъ получаетъ свой заработокъ, невольникъ получаетъ воспитаніе, пищу, одежду, заботу о немъ; деньги расходуемыя господиномъ на содержаніе невольника уходятъ мало-помалу и по мелочамъ; расходъ этотъ едва замѣтенъ. Заработная плата наемному работнику выдается сразу и повидимому обогащаетъ только того, кто ее получаетъ; но въ дѣйствительности оказывается, что невольникъ стоилъ дороже свободнаго человѣка, а трудъ его былъ менѣе производителенъ [1]).

Вліяніе рабства простирается еще дальше. Оно проникаетъ въ душу самого господина и даетъ особенное направленіе его идеямъ и склонностямъ.

На обоихъ берегахъ Огайо природа дала человѣку характеръ предпріимчивый и энергическій, но на каждомъ берегу онъ дѣлаетъ изъ этихъ одинаковыхъ качествъ различное употребленіе.

Бѣлый человѣкъ праваго берега, принужденный жить своими собственными трудами, сдѣлалъ изъ матеріальнаго благосостоянія главную задачу своей жизни; и такъ какъ страна, въ которой онъ живетъ, представляетъ неистощимыя средства для его промышленныхъ способностей и постоянно возобновляющуюся приманку для его дѣятельности, то его страсть къ прі-

---

[1]) Независимо отъ этихъ причинъ, которыя всюду, гдѣ свободные работники находятся въ изобиліи, дѣлаютъ ихъ трудъ болѣе производительнымъ и болѣе дешевымъ, чѣмъ трудъ невольниковъ, слѣдуетъ указать еще на другую причину, имѣющую особое значеніе для Соединенныхъ Штатовъ: на всемъ пространствѣ Союза нашли пока возможнымъ съ успѣхомъ разводить сахарный тростникъ только на берегахъ Миссисипи, возлѣ впаденія этой рѣки въ Мексиканскій заливъ. Въ Луизіанѣ культура сахарнаго тростника чрезвычайно выгодна: нигдѣ земледѣлецъ не получаетъ за свой трудъ такой большой цѣны; и такъ какъ всегда устанавливается извѣстное отношеніе между издержками производства и цѣнностью продукта, то цѣна на невольниковъ въ Луизіанѣ очень высока. Но такъ какъ Луизіана принадлежитъ къ числу союзныхъ штатовъ, то въ нее можно перевозить невольниковъ изъ всѣхъ частей Союза; поэтому цѣна, которую даютъ за невольника въ Новомъ Орлеанѣ, увеличиваетъ ихъ цѣну на всѣхъ другихъ рынкахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что и въ мѣстностяхъ, гдѣ земля приноситъ мало, стоимость обработки ея невольниками остается все же очень значительною, что и даетъ большое преимущество конкурренціи свободныхъ работниковъ.

обрѣтенію превзошла обыкновенные предѣлы человѣческой алчности. Терзаясь желаніемъ богатства, онъ отважно вступаетъ на всякій путь, открываемый ему судьбой: онъ безразлично дѣлается морякомъ, піонеромъ, фабрикантомъ, земледѣльцемъ и съ одинаковымъ постоянствомъ переноситъ труды или опасности, соединенные съ этими различными профессіями; есть что-то чудесное въ разнообразіи его способностей и какое-то геройство въ его жадности къ наживѣ.

Лѣвобережный американецъ презираетъ не только трудъ, но и всѣ предпріятія, для успѣха которыхъ нуженъ трудъ; живя въ праздномъ довольствѣ, онъ имѣетъ и вкусы праздныхъ людей; деньги потеряли въ его глазахъ часть своего значенія, онъ гонится не столько за богатствомъ, сколько за волненіями и удовольствіями, и въ эту сторону направляетъ энергію, которую сосѣдъ его выказываетъ въ другихъ дѣлахъ; онъ страстно любитъ охоту и войну; ему нравятся самыя тяжелыя тѣлесныя упражненія; ему хорошо знакомо употребленіе оружія и съ дѣтства онъ привыкъ рисковать жизнью въ поединкахъ. Такимъ образомъ рабство не только мѣшаетъ бѣлымъ разбогатѣть, но оно отклоняетъ ихъ даже отъ этого желанія.

Однѣ и тѣ же причины, дѣйствующія въ англійскихъ колоніяхъ Сѣверной Америки въ теченіе двухъ вѣковъ въ противоположномъ направленіи, произвели наконецъ чрезвычайную разницу въ комерческихъ способностяхъ южанина и сѣверянина. Въ настоящее время только сѣверъ имѣетъ корабли, фабрики, желѣзныя дороги и каналы.

Это различіе замѣчается не только при сравненіи сѣвера съ югомъ, но и при сравненіи между собою жителей юга. Почти всѣ люди, занимающіеся въ самыхъ южныхъ штатахъ Союза комерческими предпріятіями и старающіеся утилизировать рабство, пришли съ сѣвера. Ежедневно сѣверяне распространяются въ этой части американской территоріи, гдѣ конкурренція для нихъ менѣе опасна; они находятъ тамъ средства, которыхъ не видали природные жители, и, примѣняясь къ системѣ, которую сами не одобряютъ, достигаютъ полученія отъ нея большей выгоды, чѣмъ тѣ люди, которые ее основали и потомъ поддерживаютъ.

Еслибъ я желалъ продолжать это сопоставленіе, то я легко могъ бы доказать, что почти всѣ различія, замѣчаемыя въ характерѣ сѣверныхъ и южныхъ американцевъ, возникли изъ рабства, но это значило бы уклониться отъ моего предмета: въ настоящее время я изслѣдую не то, въ чемъ состоятъ всѣ послѣдствія рабства, но какое дѣйствіе оно производитъ на матеріальное благосостояніе тѣхъ, кѣмъ оно было допущено.

Это вліяніе рабства на производство богатства могло быть лишь очень несовершенно извѣстно въ древности. Рабство тогда существовало во всемъ цивилизованномъ мірѣ; народы, не знавшіе его были варварами.

Поэтому христіанство уничтожало рабство лишь посредствомъ признанія права раба; въ наше время противъ него можно бороться во имя интересовъ господина. Въ этомъ вопросѣ выгода и нравственность согласны между собой.

По мѣрѣ того какъ эти истины обнаруживались въ Соединенныхъ Штатахъ, рабство мало-помалу все отступало передъ свѣтомъ опыта.

Рабство началось на югѣ и затѣмъ распространилось на сѣверъ; теперь оно отодвигается назадъ. Свобода, идущая съ сѣвера, не останавливаясь подвигается къ югу. Изъ большихъ штатовъ, Пенсильванія образуетъ теперь собою крайнюю границу рабства на сѣверъ, но уже и въ ея предѣлахъ оно поколеблено; Мерилендъ, слѣдующій непосредственно за Пенсильваніей,

ежедневно готовится къ тому, чтобъ обходиться безъ него, и даже Виргинія, слѣдующая за Мерилендомъ, обсуждаетъ уже его пользу и его опасности [1]).

Никакое большое измѣненіе въ человѣческихъ учрежденіяхъ не происходитъ безъ того, чтобы въ числѣ причинъ этого измѣненія не находился законъ о наслѣдованіи.

Когда на югѣ господствовало неравенство въ раздѣлѣ, то каждая семья была представлена богатымъ человѣкомъ, не имѣвшимъ ни нужды, ни желанія трудиться; вокругъ него такимъ же образомъ жили, какъ паразитныя растенія, тѣ члены семейства, которыхъ законъ устранялъ отъ общаго наслѣдства. Во всѣхъ семьяхъ на югѣ происходило въ то время то же, что и теперь дѣлается въ дворянскихъ семьяхъ нѣкоторыхъ европейскихъ странъ, въ которыхъ младшіе братья, не будучи столь же богаты какъ старшій, остаются столь же праздными. Этотъ сходный результатъ произведенъ былъ въ Америкѣ и въ Европѣ совершенно аналогическими причинами. На югѣ Соединенныхъ Штатовъ вся бѣлая раса образовала аристократическое сословіе, во главѣ котораго находилось извѣстное число привилегированныхъ лицъ, богатство которыхъ было неизмѣнно, а досуги наслѣдственны. Эти вожди американскаго дворянства укрѣпляли въ сословіи, котораго они были представителями, традиціонные предразсудки бѣлой расы и поддержинали почетное положеніе праздности. Въ средѣ этой аристократіи можно было встрѣтить бѣдныхъ людей, но не работниковъ; нищета казалась имъ лучше промышленной дѣятельности; поэтому работники негры и невольники не встрѣчали себѣ конкуррентовъ и какое бы кто мнѣніе ни имѣлъ о полезности ихъ труда, приходилось пользоваться ими, потому что только они одни и были.

Со времени уничтоженія закона о наслѣдствахъ, всѣ состоянія начали одновременно уменьшаться и всѣ семейства, идя въ одномъ направленіи, стали приближаться къ тому положенію, при которомъ трудъ дѣлается необходимъ для существованія; многія изъ нихъ совсѣмъ исчезли; и всѣ начали предусматривать тотъ моментъ, когда каждый долженъ будетъ заботиться объ удовлетвореніи своихъ нуждъ. И теперь еще есть богатые, но они уже не образуютъ замкнутаго и наслѣдственнаго сословія, они не могли принять одинъ образъ мыслей, закрѣпить его и заставить проникнуть во всѣ слои общества. Поэтому, съ общаго согласія, начали отказываться отъ предразсудка, признававшаго трудъ позорнымъ; бѣдныхъ стало больше и бѣдные не краснѣя могли заниматься добываніемъ средствъ для жизни. Такимъ образомъ однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій равныхъ раздѣловъ было созданіе класса свободныхъ работниковъ. Съ того времени, какъ свободный работникъ вступилъ въ конкурренцію съ рабомъ, низшее достоинство послѣдняго сдѣлалось замѣтнымъ и рабство стало оспариваться въ самомъ принципѣ своемъ, который заключается въ выгодѣ господина.

По мѣрѣ того, какъ рабство отступаетъ, черная раса слѣдуетъ за нимъ

[1]) Существуетъ особенная причина, окончательно отвращающая отъ защиты рабства послѣдніе два названные мною штата.

Прежнее богатство этой части Союза основано было на воздѣлываніи табаку. Невольники особенно приспособлены къ этой культурѣ; между тѣмъ оказывается, что уже въ теченіе многихъ лѣтъ табакъ потерялъ свою торговую цѣнность, тогда какъ цѣна невольниковъ остается все та же. Такимъ образомъ отношеніе между издержками производства и цѣною продукта измѣнилось. Поэтому жители Виргиніи болѣе склонны теперь, чѣмъ тридцать лѣтъ тому назадъ, или обходиться безъ невольниковъ при воздѣлываніи табаку, или сразу отказаться и отъ производства табаку и отъ невольничества.

въ его попятномъ движеніи и вмѣстѣ съ нимъ возвращается къ тропикамъ, откуда она пришла вначалѣ.

Съ перваго раза это кажется необыкновеннымъ, но сейчасъ это станетъ понятнымъ.

Уничтожая принципъ рабства, американцы не отпускаютъ рабовъ на свободу.

Можетъ быть послѣдующее было бы трудно понять, еслибъ я не привелъ примѣра; я выберу для него штатъ Нью-Іоркъ. Въ 1778 году штатъ Нью-Іоркъ запрещаетъ въ своихъ предѣлахъ продажу невольниковъ; это значило косвеннымъ образомъ запретить и ввозъ ихъ. Съ этого времени число негровъ въ немъ увеличивается только въ силу естественнаго возрастанія чернаго населенія. Черезъ восемь лѣтъ принимается мѣра болѣе рѣшительная и объявляется, что начиная съ 4 іюля 1799 года всѣ дѣти, которыя родятся отъ родителей-рабовъ, будутъ свободными. Всякій путь къ возрастанію числа невольниковъ съ этого времени оказывается закрытъ: остаются еще рабы, но можно сказать, что рабства уже не существуетъ.

Съ того времени, какъ одинъ изъ сѣверныхъ штатовъ запрещаетъ такимъ образомъ ввозъ невольниковъ, негровъ уже не берутъ съ юга, чтобы перевозить ихъ въ предѣлы этого штата.

Съ того момента, какъ сѣверный штатъ запрещаетъ продажу негровъ, невольникъ, не могущій быть отчужденнымъ изъ рукъ того, кто имъ владаетъ, становится собственностью неудобной и оказывается болѣе выгоднымъ перевезти его на югъ.

Какъ только сѣверный штатъ объявляетъ, что сынъ невольника родится свободнымъ, такъ невольникъ теряетъ значительную часть своей продажной цѣны, потому что потомство его уже не можетъ входить въ оцѣнку, и опять есть большой разсчетъ отправить его на югъ.

Такимъ образомъ одинъ и тотъ же законъ препятствуетъ тому, чтобы южные невольники переходили на сѣверъ и содѣйствуетъ переходу сѣверныхъ на югъ.

Но есть еще другая причина болѣе сильная, чѣмъ всѣ тѣ, о которыхъ я говорилъ.

По мѣрѣ того какъ число невольниковъ въ штатѣ уменьшается, въ немъ начинаетъ ощущаться потребность къ свободныхъ рабочихъ. Чѣмъ болѣе послѣдніе захватываютъ въ свои руки промышленность, тѣмъ болѣе невольникъ, трудъ котораго менѣе производителенъ, становится собственностью малоцѣнною, или безполезною, и опять есть большая выгода перевезти его на югъ, гдѣ нечего бояться конкурренціи.

Значитъ отмѣна невольничества не приводитъ невольника къ свободѣ; она только заставляетъ его перемѣнять хозяина: съ сѣверной стороны онъ переходитъ на югъ.

Что касается до освобожденныхъ негровъ и тѣхъ, которые родятся послѣ отмѣны невольничества, то они не покидаютъ сѣвера, чтобы перейти на югъ, но оказываются въ отношеніи европейцевъ въ положеніи сходномъ съ положеніемъ туземцевъ; они остаются полуцивилизованными и лишенными правъ посреди населенія, которое гораздо выше ихъ по богатству и образованности; они подвергаются тиранніи законовъ [1]) и нетерпимости

[1]) Штаты, гдѣ рабство отмѣнено, стараются обыкновенно сдѣлать неудобнымъ для вольныхъ негровъ пребываніе на ихъ территоріи; и такъ какъ въ этомъ случаѣ между различными штатами устанавливается родъ соперничества, то несчастные негры могутъ выбирать только между нѣсколькихъ золъ.

нравовъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи они несчастнѣе индѣйцевъ, потому что имѣютъ противъ себя воспоминанія о рабствѣ и не могутъ предъявить права на владѣніе никакимъ участкомъ земли; многіе погибаютъ отъ нищеты [1]); другіе сосредоточиваются въ городахъ, гдѣ они берутъ на себя самыя грубыя работы, и ведутъ жизнь бѣдственную и подверженную случайностямъ.

Впрочемъ, еслибы число негровъ продолжало возрастать такимъ же образомъ, какъ и въ то время, когда они еще не пользовались свободой, то, имѣя въ виду, что число бѣлыхъ увеличивается съ удвоенною быстротой послѣ отмѣны невольничества, черные скоро бы оказались какъ бы поглощенными въ волнахъ чуждаго населенія.

Страна, обработываемая рабами, бываетъ вообще менѣе населена, чѣмъ обрабатываемая свободными людьми; кромѣ того Америка страна новая; поэтому въ моментъ отмѣны невольничества какимъ нибудь штатомъ послѣдній лишь на половину населенъ. Какъ только рабство въ немъ уничтожено и потребность въ свободныхъ рабочихъ начинаетъ ощущаться, такъ въ его предѣлы спѣшатъ изъ всѣхъ частей страны множество смѣлыхъ авантюристовъ; они являются, чтобы воспользоваться новыми средствами, открывающимися для промышленности. Земля дѣлится между ними; на каждомъ участкѣ поселяется захватившая его семья бѣлыхъ. Въ свободные же штаты направляется и европейская эмиграція. Что сталъ бы дѣлать европейскій бѣднякъ, ищущій довольства и счастія въ Новомъ Свѣтѣ, если бы онъ отправился жить въ страну, гдѣ трудъ считается позорнымъ?

Такимъ образомъ бѣлое населеніе увеличивается въ силу естественнаго роста и въ тоже время вслѣдствіе громадной эмиграціи, тогда какъ черное населеніе не получаетъ новыхъ эмигрантовъ и ослабѣваетъ. Вскорѣ отношеніе бывшее между двумя расами становится обратнымъ. Негры представляютъ собою только несчастные остатки, маленькое, бѣдное и кочующее племя, затерянное посреди громаднаго народа, владѣющаго землей и присутствіе ихъ замѣчается только по тѣмъ несправедливостямъ и тому суровому отношенію, предметомъ которыхъ они являются.

Во многихъ западныхъ штатахъ негритянская раса никогда не появлялась; во всѣхъ сѣверныхъ штатахъ она исчезаетъ. Великій вопросъ будущаго ограничивается слѣдовательно тѣснымъ кругомъ; онъ становится такимъ образомъ менѣе страшнымъ, но не менѣе труднымъ для разрѣшенія.

По мѣрѣ приближенія къ югу становится труднѣе съ пользою отмѣнить невольничество. Это происходитъ отъ многихъ матеріальныхъ причинъ, которыя нужно изложить подробнѣе.

Первая причина—климатъ: несомнѣнно, что съ приближеніемъ европейцевъ къ тропикамъ трудъ для нихъ становится все тяжелѣе; многіе американцы утверждаютъ даже, что подъ извѣстною широтой онъ, наконецъ, дѣлается для нихъ смертельнымъ, тогда какъ негръ подвергается ему безопасно [2]); я, однако, не думаю, чтобъ эта идея, столь благопріятная

[1]) Существуетъ большая разница въ смертности бѣлыхъ и негровъ въ тѣхъ штатахъ, гдѣ уничтожено невольничество. Съ 1820 г. по 1831 г. въ филадельфіи умиралъ только одинъ бѣлый на сорокъ два человѣка, принадлежащихъ къ бѣлой расѣ, тогда какъ одинъ негръ умиралъ тамъ на двадцать одного человѣка черной расы. Смертность далеко не столь велика между неграми-невольниками (см. *Emmerson's medical Statistics* стр. 28).

[2]) Это вѣрно, относительно тѣхъ мѣстъ, гдѣ разводится рисъ. Рисовыя плантаціи, нездоровыя во всякой странѣ, становятся особенно опасными тамъ, гдѣ они находятся подъ лучами палящаго тропическаго солнца. Европейцамъ было бы очень трудно обра-

для лѣни южанина, основана была на опытѣ. На югѣ Союза не жарче, чѣмъ на югѣ Испаніи или Италіи [2]). Почему европеецъ не могъ бы исполнять тамъ тѣхъ же работъ? И если владѣльцы не погибли отъ того, что рабство было уничтожено въ Италіи и Испаніи, то почему не могло бы случиться того же и въ американскомъ Союзѣ? Я поэтому не думаю, чтобы природа запретила подъ страхомъ смерти европейцамъ Георгіи или Флориды добывать самимъ свое пропитаніе изъ земли. Но, конечно, этотъ трудъ былъ бы для нихъ болѣе тяжелъ и менѣе производителенъ [2]), чѣмъ для жителей Новой Англіи. Такъ какъ свободный работникъ теряетъ, такимъ образомъ, на югѣ часть своего превосходства надъ невольникомъ, то отмѣна невольничества тамъ менѣе полезна.

Всѣ европейскія растенія растутъ на сѣверѣ Союза; югъ имѣетъ свои спеціальныя произведенія.

Замѣчено, что рабство есть убыточный способъ обработки зерновыхъ хлѣбовъ. Тотъ, кто производитъ пшеницу въ странѣ, гдѣ рабство неизвѣстно, держитъ у себя обыкновенно лишь небольшое число рабочихъ; правда, что въ періодъ жатвы и во время посѣва онъ прибавляетъ еще много другихъ, но послѣдніе живутъ у него только временно.

Чтобъ убрать хлѣбъ въ житницы, или засѣять свои поля, сельскій хозяинъ, живущій въ невольничьемъ государствѣ, долженъ содержать въ теченіе цѣлаго года очень много служащихъ, которые необходимы ему лишь въ продолженіе нѣсколькихъ дней, такъ какъ невольники отличаются отъ свободныхъ рабочихъ тѣмъ, что они не могутъ, работая на себя, дожидаться того момента, когда придутъ нанимать ихъ на работу. Чтобъ ими пользоваться, надо ихъ купить.

Стало-быть, независимо отъ своихъ общихъ неудобствъ, рабство естественно менѣе примѣнимо къ странамъ, гдѣ воздѣлываются хлѣбные злаки, чѣмъ къ тѣмъ, гдѣ получаются другіе продукты.

Напротивъ, культура табаку, хлопчатника и въ особенности сахарнаго тростника требуетъ постоянныхъ заботъ. Для нея можно пользоваться трудомъ женщинъ и дѣтей, который не можетъ быть утилизированъ при воздѣлываніи пшеницы. Такимъ образомъ невольничество естественно болѣе примѣнимо къ странамъ, въ которыхъ производятся названные мною продукты.

Табакъ, хлопчатникъ и тростникъ растутъ только на югѣ; тамъ они составляютъ главные источники богатства страны. Уничтоживъ рабство, южане оказались бы въ необходимости выбрать одно изъ двухъ: или они должны были бы измѣнить свою систему хозяйства и тогда они вошли бы въ конкурренцію съ жителями сѣвера, болѣе дѣятельными и опытными; или они производили бы тѣ же продукты безъ невольниковъ и тогда имъ пришлось бы переносить конкурренцію другихъ южныхъ штатовъ, которые сохранили бы ихъ у себя.

батывать землю въ этой части Новаго Свѣта, еслибъ они упорно желали, чтобъ она производила рисъ. Но нельзя ли обойтись безъ рисовыхъ плантацій?

[2]) Эти штаты ближе къ экватору, чѣмъ Италія и Испанія, но американскій материкъ имѣетъ климатъ несравненно болѣе холодный, чѣмъ климатъ Европы.

[2]) Испанія въ прежнее время распорядилась перевезти въ одинъ изъ округовъ Луизіаны, называемый Аттанапасъ, нѣкоторое число крестьянъ съ Азорскихъ острововъ. Рабство у нихъ не было введено; это былъ опытъ. И теперь еще эти люди обрабатываютъ землю безъ рабовъ; но работа ихъ такая вялая, что едва удовлетворяетъ ихъ нуждамъ.

Такимъ образомъ югъ имѣетъ свои особыя основанія для сохраненія рабства, какихъ не имѣетъ сѣверъ.

Но есть другой мотивъ, болѣе сильный, чѣмъ всѣ другіе. Строго говоря, югъ могъ бы отмѣнить рабство; но какъ бы онъ избавился отъ негровъ? На сѣверѣ изгоняютъ одновременно и рабство и рабовъ. На югѣ нельзя надѣяться въ одно и то же время достичь этого двойного результата.

Доказавъ, что рабство было болѣе естественно и болѣе выгодно для юга, чѣмъ для сѣвера, я этимъ достаточно указалъ, что число невольниковъ на югѣ должно быть значительно больше. Первые африканцы были привезены на югъ и послѣ они всегда прибывали туда въ большемъ количествѣ. По мѣрѣ приближенія къ югу, предразсудокъ, держащій въ почетѣ праздность, пріобрѣтаетъ силу. Въ штатахъ, наиболѣе близкихъ къ тропикамъ, нѣтъ ни одного бѣлаго, который бы работалъ. Естественно поэтому, что негры многочисленнѣе на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ, и они постоянно становятся все многочисленнѣе, потому что по мѣрѣ уничтоженія рабства на одномъ концѣ Союза, негры скопляются на другомъ. Такимъ образомъ число негровъ на югѣ увеличивается не только вслѣдствіе естественнаго движенія населенія, но и вслѣдствіе насильственной эмиграціи негровъ съ сѣвера. Для возрастанія своего въ этой части Союза, африканская раса имѣетъ причины сходныя съ тѣми, которыя производятъ столь быстрое увеличеніе европейской расы на сѣверѣ.

Въ штатѣ Менъ считается одинъ негръ на триста жителей; въ Массачузетсѣ одинъ на сто; въ штатѣ Нью-Іоркъ два на сто; въ Пенсильваніи три; въ Мерилендѣ тридцать четыре; въ Виргиніи сорокъ два; наконецъ, въ южной Каролинѣ пятьдесятъ пять на сто [1]). Таково было отношеніе числа негровъ къ числу бѣлыхъ въ 1830 году. Но отношеніе это постоянно измѣняется; ежедневно оно становится меньше на сѣверѣ и больше на югѣ.

Очевидно, что въ самыхъ южныхъ штатахъ Союза нельзя уничтожить невольничество такъ, какъ это было сдѣлано въ сѣверныхъ штатахъ, не подвергаясь большимъ опасностямъ, которыхъ послѣдніе не имѣли причины бояться.

Мы видѣли, какъ осторожно сѣверные штаты совершали переходъ отъ рабства къ свободѣ. Они оставляютъ настоящее поколѣніе въ цѣпяхъ и освобождаютъ будущія; такимъ способомъ негры лишь мало-помалу вводятся въ общество и въ то время, какъ человѣкъ, могущій сдѣлать дурное употребленіе изъ своей независимости, удерживается въ рабствѣ, освобождаютъ того, кто, прежде чѣмъ распоряжаться самимъ собою, можетъ еще научиться умѣнью быть свободнымъ.

Этотъ методъ трудно примѣнить къ югу. Когда объявляется, что, начиная съ извѣстнаго времени, сынъ негра будетъ свободнымъ, то принципъ

---

[1]) Въ американскомъ сочиненіи Кэри, *Leters on the colonisation Society* 1833 г. мы читаемъ слѣдующее: „Въ южной Каролинѣ въ послѣднія сорокъ лѣтъ черная раса растетъ скорѣе, чѣмъ бѣлая. Взявши въ совокупности населеніе пяти южныхъ штатовъ, въ которыхъ раньше другихъ были невольники, говоритъ также Г. Кэри, именно Мериленда, Виргиніи, Сѣверной и Южной Каролины и Георгіи, мы находимъ, что съ 1790-го по 1830 г. число бѣлыхъ увеличилось въ этихъ штатахъ въ пропорціи 80 на 100, а черныхъ въ пропорціи 112 на 100.

Въ Соединенныхъ Штатахъ люди, принадлежащіе къ двумъ расамъ, были въ 1830 году распредѣлены слѣдующимъ образомъ: въ Штатахъ, гдѣ рабство уничтожено, 6.565.434 бѣлыхъ, 120.520 негровъ; въ штатахъ, гдѣ рабство еще существуетъ, 3.960.814 бѣлыхъ и 2.208.102 негра.

и идея свободы вводятся въ самое сердце рабства. Негры, которыхъ законодатель оставляетъ въ невольничествѣ и которые видятъ, что дѣти ихъ выходятъ изъ него, удивляются такой неравной участи, установляемой между ними судьбой; они приходятъ въ безпокойство и раздраженіе. Съ этого времени рабство теряетъ въ ихъ глазахъ ту нѣкотораго рода моральную силу, которую давали ему время и обычай; оно становится не чѣмъ инымъ какъ явнымъ злоупотребленіемъ силой. Сѣверу нечего было бояться этого сопоставленія, потому что на сѣверѣ негры были въ небольшомъ числѣ, а бѣлые очень многочисленны. Но если бъ эта первая заря свободы освѣтила сразу два милліона человѣкъ, то притѣснителямъ пришлось бы дрожать за свою участь.

Освободивши дѣтей своихъ невольниковъ, южане-европейцы скоро принуждены были бы распространить это благодѣяніе на всю черную расу.

На сѣверѣ, какъ я уже сказалъ, съ момента отмѣны невольничества и даже съ того момента, когда становится вѣроятнымъ, что время его уничтоженія приближается, начинается двойное движеніе: невольники оставляютъ страну, чтобы переселиться на югъ; бѣлые изъ сѣверныхъ штатовъ и европейскіе эмигранты приливаютъ на ихъ мѣсто.

Эти два обстоятельства не могутъ дѣйствовать такимъ же образомъ въ послѣднихъ южныхъ штатахъ. Съ одной стороны масса невольниковъ тамъ слишкомъ велика, чтобъ можно было разсчитывать на удаленіе ихъ изъ страны; съ другой стороны европейцы и сѣверные англо-американцы боятся поселиться въ странѣ, гдѣ еще не возстановлено уваженіе къ труду. Сверхъ того, они справедливо полагаютъ, что тѣмъ штатамъ, въ которыхъ число негровъ превосходитъ, или равняется числу бѣлыхъ, грозятъ большія несчастія, а потому и удерживаются отъ перенесенія своей дѣятельности въ эту страну.

Такимъ образомъ, уничтожая невольничество, южане не могли бы подобно своимъ сѣвернымъ братьямъ постепенно переводить негровъ на свободу; они не уменьшили бы значительно ихъ числа и должны были бы одни ихъ сдерживать. Въ теченіе немногихъ лѣтъ оказалось бы, слѣдовательно, что большой народъ, состоящій изъ свободныхъ негровъ, находится посреди почти равной ему по числу бѣлой націи.

Тогда тѣ же злоупотребленія, которыя въ настоящее время поддерживаютъ рабство, сдѣлались бы источникомъ самыхъ большихъ опасностей для бѣлыхъ. Теперь одни только потомки европейцевъ владѣютъ землей; они одни являются неограниченными хозяевами въ промышленности; они же одни богаты, образованы, вооружены. Негръ не владѣетъ ни однимъ изъ этихъ преимуществъ; но онъ можетъ обходиться безъ нихъ, потому что онъ рабъ. Сдѣлавшись свободнымъ и взявши на себя заботу о своей участи, можетъ ли онъ быть лишенъ всего этого и не умереть? Значитъ, то, что составляло силу бѣлаго при существованіи рабства, подвергаетъ его тысячѣ опасностей, послѣ того какъ оно будетъ уничтожено.

Оставляя негра въ рабствѣ, можно его держать на положеніи близкомъ къ животному. Когда онъ будетъ свободенъ, то нельзя помѣшать ему научиться настолько, чтобъ оцѣнить размѣры своихъ бѣдствій и изыскивать средства противъ нихъ. Существуетъ, кромѣ того, странный принципъ относительной справедливости, очень глубоко укоренившійся въ человѣческомъ сердцѣ. Люди гораздо больше поражаются неравенствомъ, существующимъ въ предѣлахъ одного класса, чѣмъ неравенствами, замѣчаемыми между разными классами. Можно понять рабство; но какъ представить

себѣ существованіе многихъ милліоновъ гражданъ вѣчно находящихся подъ гнетомъ позора и предоставленныхъ наслѣдственнымъ бѣдствіямъ? На сѣверѣ населеніе вольноотпущенныхъ негровъ испытываетъ эти бѣдствія и чувствуетъ эту несправедливость, но оно слабо и незначительно; на югѣ оно было бы многочисленно и сильно.

Съ того времени, какъ признается, что бѣлые и освобожденные негры находятся на одной землѣ въ такихъ отношеніяхъ, какъ чуждые другъ другу народы, становится легко понятнымъ, что въ будущемъ возможны только два случая: или нужно, чтобы негры и бѣлые слились окончательно, или чтобъ они разошлись.

Я уже высказалъ выше, каково мое мнѣніе насчетъ перваго способа [1]). Я не думаю, чтобы бѣлая и черная расы стали гдѣ-нибудь жить на равной ногѣ.

Но я думаю, что затрудненіе въ Соединенныхъ Штатахъ будетъ еще гораздо больше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Бываетъ, что одинъ человѣкъ становится внѣ предразсудковъ религіозныхъ, національныхъ и расовыхъ, и если этотъ человѣкъ король, то онъ можетъ произвести удивительные перевороты въ обществѣ; цѣлый народъ не можетъ стать такимъ образомъ какъ бы выше самого себя.

Еслибы какой-нибудь деспотъ соединилъ американцевъ и ихъ прежнихъ рабовъ подъ однимъ игомъ, то можетъ-быть ему и удалось бы слить ихъ вмѣстѣ; но пока во главѣ общественной дѣятельности останется американская демократія, никто не осмѣлится предпринять подобнаго опыта и можно предвидѣть, что чѣмъ свободнѣе будутъ бѣлые жители Соединенныхъ Штатовъ, тѣмъ болѣе они будутъ стараться сохранить свою изолированность [2]).

Я высказалъ въ другомъ мѣстѣ, что дѣйствительнымъ связующимъ звеномъ между европейцемъ и индѣйцемъ является метисъ; точно также настоящій переходъ между бѣлымъ и негромъ образуетъ мулатъ: всюду гдѣ находится очень большое количество мулатовъ, сліяніе двухъ расъ не представляется невозможнымъ.

Есть такія части Америки, гдѣ европеецъ и негръ подверглись такому скрещиванію, что трудно встрѣтить человѣка, который былъ бы совершенно бѣлымъ, или вполнѣ чернымъ. Когда расы доходятъ до этого, то можно дѣйствительно сказать, что онѣ слились, или, вѣрнѣе, на мѣсто двухъ расъ образовалась третья, которая похожа на каждую изъ двухъ, но не тожественна ни съ той ни съ другой.

Изо всѣхъ европейцевъ англичане всего меньше вступали въ кровный союзъ съ неграми. На югѣ мулатовъ больше, чѣмъ на сѣверѣ, но несравнено меньше, чѣмъ въ какой-нибудь другой европейской колоніи; мулаты очень немногочисленны въ Соединенныхъ Штатахъ; сами по себѣ они не имѣютъ никакой силы, а въ расовыхъ распряхъ становятся обыкновенно

---

[1]) Это мнѣніе, впрочемъ, поддерживается авторитетами гораздо болѣе сильными чѣмъ мой. Между прочимъ въ *Мемуарахъ Джефферсона* мы читаемъ: „Нѣтъ ничего, что было бы столь ясно написано въ книгѣ судебъ, какъ освобожденіе негровъ; и столь же вѣрно, что обѣ расы, ставши равно свободными, не будутъ въ состояніи жить подъ однимъ правительствомъ. Природа, привычки и общественное мнѣніе образовали между ними непреодолимыя преграды“, (см. *Выбранныя мѣста изъ мемуаровъ Джефферсона* сост. Г. Консейлемъ).

[2]) Еслибъ англичане на Антильскихъ островахъ управлялись сами собою, то можно думать, что они не согласились бы на освободительный актъ, который недавно былъ изданъ по требованію метрополіи.

на сторону бѣлыхъ. Такимъ же образомъ въ Европѣ мы часто видимъ, что лакеи важныхъ господъ въ сношеніяхъ съ народомъ представляютъ изъ себя благородныхъ.

Эта гордость, основанная на происхожденіи, естественно присущая англичанамъ, еще удивительно усилилась у американца личною гордостью, возникшею на почвѣ демократической свободы. Бѣлый человѣкъ Соединенныхъ Штатовъ гордится своею расою и самимъ собою.

Притомъ, если бѣлые и негры не смѣшиваются на сѣверѣ Союза, то какъ бы они могли смѣшаться на югѣ? Можно ли хоть на минуту предположить, что южный американецъ, находясь, какъ онъ и всегда будетъ, между бѣлымъ человѣкомъ, со всѣмъ его физическимъ и моральнымъ превосходствомъ, и негромъ, подумаетъ когда-нибудь о томъ, чтобы слиться съ послѣднимъ? Южный Американецъ имѣетъ двѣ энергическихъ страсти, въ силу которыхъ онъ всегда будетъ изолированнымъ: онъ будетъ бояться походить на негра, своего прежняго раба, и сдѣлаться ниже своего сосѣда, бѣлаго,

Еслибъ непремѣнно нужно было предвидѣть будущее, то я бы сказалъ, что судя по обыкновенному ходу вещей, уничтоженіе невольничества на югѣ поведетъ къ усиленію отвращенія, испытываемаго тамъ бѣлымъ населеніемъ относительно чернаго. Я основываю это мнѣніе на томъ, что я замѣтилъ на сѣверѣ. Я говорилъ, что бѣлые люди на сѣверѣ тѣмъ больше стараются удалиться отъ негровъ, чѣмъ менѣе ясно обозначено въ законодательствѣ легальное различіе, которое должно существовать между ними: отчего то же самое не произошло бы и на югѣ? На сѣверѣ, когда бѣлые опасаются дойти до смѣшенія съ неграми, то они боятся воображаемой опасности. На югѣ опасность была бы дѣйствительною и я не могу думать, чтобы страхъ былъ меньше.

Если съ одной стороны признается (а фактъ этотъ внѣ сомнѣнія), что на южномъ концѣ Союза негры постоянно накопляются и увеличиваются въ числѣ скорѣе бѣлыхъ, если съ другой стороны соглашаются съ тѣмъ, что невозможно предвидѣть время, когда черные и бѣлые сольются вмѣстѣ и когда тѣ и другіе будутъ получать изъ существующаго общественнаго положенія одинакія выгоды, то не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что черные и бѣлые въ южнымъ Штатахъ рано или поздно кончатъ тѣмъ, что вступятъ въ борьбу другъ съ другомъ?

Какой будетъ окончательный результатъ этой борьбы?

Легко понять, что на этотъ счетъ приходится ограничиться неопредѣленными предположеніями. Человѣческій умъ съ трудомъ можетъ начертить вокругъ будущности нѣчто вродѣ обширнаго круга; но внутри этого круга колеблется случай, ускользающій отъ всякихъ усилій. Въ картинѣ будущаго случайность всегда составляетъ какъ бы темное пятно, куда глазъ разума не можетъ проникнуть. Можно сказать только слѣдующее: на Антильскихъ островахъ, повидимому, предназначена къ паденію бѣлая раса, а на материкѣ—черная.

На Антильскихъ островахъ бѣлые изолированы посреди громаднаго чернаго населенія; на материкѣ черные помѣщены между моремъ и безчисленнымъ народомъ, который уже распространяется надъ ними въ видѣ сплошной массы, отъ льдовъ Канады до границъ Виргиніи, отъ береговъ Миссури до Атлантическаго океана. Если бѣлые въ Сѣверной Америкѣ останутся соединенными, то трудно думать, чтобы негры могли избѣжать грозящаго имъ истребленія; они будутъ уничтожены оружіемъ или нищетой. Но черное

населеніе, скученное вдоль Мексиканскаго залива, имѣетъ вѣроятность спастись, если борьба между двумя расами возникнетъ тогда, когда американскій Союзъ будетъ расторгнутъ. Разъ только союзная связь была бы разорвана, то южане напрасно бы разсчитывали на твердую помощь своихъ сѣверныхъ братьевъ. Послѣдніе знаютъ, что опасность не можетъ никогда достигнуть до нихъ; если положительная обязанность не заставитъ ихъ итти на помощь югу, то можно предвидѣть, что расовыя симпатіи останутся безсильны.

Когда бы, впрочемъ, ни наступило время борьбы, бѣлые жители юга, даже будучи предоставлены самимъ себѣ, появятся на аренѣ, имѣя за собой громадное превосходство образованія и средствъ; но на сторонѣ черныхъ будетъ число и энергія отчаянія. Это большія средства, когда имѣешь оружіе въ рукахъ. Можетъ-быть съ бѣлой расой юга произойдетъ тогда то же, что произошло съ испанскими маврами. Послѣ пребыванія въ странѣ въ теченіе вѣковъ, она мало-по-малу возвратится туда, откуда пришли когда-то ея предки, предоставивъ неграмъ владѣніе страной, которая повидимому предназначена для нихъ Провидѣніемъ, такъ какъ они безъ затрудненія живутъ тамъ и трудъ для нихъ тамъ легче, чѣмъ для бѣлыхъ.

Болѣе или менѣе отдаленная, но неизбѣжная опасность борьбы между бѣлыми и черными людьми, населяющими югъ Союза, безпрестанно представляется какъ тяжелый сонъ воображенію американцевъ. Жители сѣвера ежедневно разговариваютъ объ этихъ опасностяхъ, хотя непосредственно имъ нечего бояться. Они напрасно стараются найти средство, чтобы предупредить предвидимыя ими несчастія.

Въ южныхъ штатахъ молчатъ, не говорятъ о будущемъ съ иностранцами и избѣгаютъ объясненій о немъ съ друзьями; каждый скрываетъ его такъ-сказать отъ самого себя. Молчаніе юга имѣетъ въ себѣ нѣчто еще болѣе страшное, чѣмъ шумныя опасенія сѣвера.

Эта общая забота всѣхъ умовъ послужила основаніемъ для предпріятія почти неизвѣстнаго, которое можетъ измѣнить судьбу части человѣческаго рода.

Страшась описанныхъ мною сейчасъ опасностей, нѣсколько американскихъ гражданъ соединились въ общество съ цѣлію перевезти на свой счетъ на Гвинейскій берегъ свободныхъ негровъ, которые желали избавиться отъ тяготѣйшей надъ ними тиранніи [1]).

Въ 1820 году обществу, о которомъ я говорю, удалось основать въ Африкѣ подъ 7° сѣверной широты поселеніе, которому оно дало названіе *Либерія*. Послѣднія извѣстія сообщали, что уже двѣ тысячи пять сотъ негровъ были собраны на этомъ пунктѣ. Перевезенные въ свое старинное отечество, негры ввели въ немъ американскія учрежденія. Либерія имѣетъ представительное правленіе, негровъ-присяжныхъ, негровъ-судей, негровъ-священниковъ; въ ней есть церкви, есть газета и по странной превратности судьбы, бывающей на этомъ свѣтѣ, бѣлымъ запрещено селиться въ ея предѣлахъ [2]).

---

[1]) Это общество приняло названіе общества колонизаціи негровъ.

См. его ежегодные отчеты, особенно пятнадцатый. См. также упомянутую уже брошюру подъ заглавіемъ: *Letters of the colonisation Society and on its probable results*, сост. Г. Кэри. Филадельфія, апрѣль 1833.

[2]) Послѣднее правило было начертано самими основателями поселенія. Они боялись чтобы въ Африкѣ не произошло чего-нибудь похожаго на то, что происходитъ на границахъ Соединенныхъ Штатовъ, и чтобы негры, подобно индѣйцамъ, придя въ соприкосновеніе съ болѣе просвѣщенною расой, не были истреблены раньше, чѣмъ могли бы цивилизоваться.

Вотъ по истинѣ странная игра судьбы! Два вѣка протекли съ того времени, какъ жители Европы предприняли похищать негровъ изъ ихъ семьи и ихъ страны, чтобы перевозить ихъ на берега Сѣверной Америки. Теперь мы видимъ, что европеецъ занимается тѣмъ, что снова перевозитъ за Атлантическій океанъ потомковъ этихъ самыхъ негровъ, чтобы доставить ихъ на ту землю, откуда онъ когда-то оторвалъ ихъ отцовъ. Варвары отправлялись въ среду рабства, чтобы почерпнуть тамъ свѣтъ цивилизаціи и въ невольничествѣ научиться умѣнью быть свободными.

До сего времени Африка была закрыта для науки и искусства бѣлыхъ людей. Можетъ-быть европейское просвѣщеніе проникнетъ въ нее, когда оно будетъ внесено африканцами. Въ основаніи Либеріи заключается, слѣдовательно, прекрасная и великая идея; но идея эта, которая можетъ сдѣлаться столь плодотворною для Стараго Свѣта, безплодна для Новаго.

Въ двѣнадцать лѣтъ общество колонизаціи негровъ перевезло въ Африку двѣ тысячи пять сотъ негровъ. Въ теченіе этого времени ихъ родилось около семи сотъ тысячъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Еслибъ либерійская колонія была въ состояніи принимать ежегодно тысячи новыхъ поселенцевъ и еслибы послѣдніе могли быть переселяемы туда съ пользою, еслибы даже Союзъ сталъ на мѣсто общества колонизаціи и ежегодно употреблялъ свои деньги [1]) и свои корабли на вывозъ негровъ въ Африку, то и онъ не могъ бы уравновѣсить даже одного естественнаго приращенія чернаго населенія; а не удаляя ежегодно столько же людей, сколько ихъ родится, онъ не достигъ бы даже пріостановки въ развитіи зла ежедневно возрастающаго внутри его [2]).

Негритянская раса не покинетъ болѣе береговъ американскаго материка, на которомъ она была высажена вслѣдствіе страстей и пороковъ европейцевъ; она исчезнетъ изъ Новаго Свѣта только прекративъ свое существованіе. Жители Соединенныхъ Штатовъ могутъ отдалить несчастія, которыхъ они опасаются, но они не могутъ въ настоящее время уничтожить ихъ причину.

Я долженъ сознаться, что не считаю отмѣну невольничества средствомъ, способнымъ замедлить въ южныхъ штатахъ борьбу двухъ расъ.

Негры могутъ долго оставаться въ рабствѣ не жалуясь; но разъ они войдутъ въ число свободныхъ людей, то они скоро будутъ возмущены лишеніемъ ихъ почти всѣхъ правъ гражданина; и не имѣя возможности сдѣлаться равными бѣлымъ, они не замедлятъ выказать себя ихъ врагами.

На сѣверѣ было вполнѣ выгодно освободить невольниковъ; такимъ образомъ освобождались отъ невольничества, не имѣя основаній чего-либо опасаться отъ свободныхъ негровъ. Послѣдніе были слишкомъ малочисленны для того, чтобы когда-нибудь предъявить притязаніе на ихъ права. Не таково положеніе на югѣ.

---

[1]) При подобномъ предпріятіи встрѣтилось бы еще множество другихъ затрудненій. Еслибы Союзъ для переселенія американскихъ негровъ въ Африку сталъ покупать негровъ у тѣхъ, у кого они состоятъ въ невольничествѣ, то цѣна на нихъ, увеличиваясь пропорціонально уменьшенію ихъ числа, скоро дошла бы до громадныхъ суммъ и невѣроятно, чтобы сѣверные штаты согласились на такой расходъ, отъ котораго они не получали бы пользы. Еслибы Союзъ силою присвоилъ себѣ южныхъ невольниковъ, или бы пріобрѣталъ ихъ по установленной имъ низкой цѣнѣ, то онъ создалъ бы непреодолимое сопротивленіе въ штатахъ, находящихся въ этой части Союза. Съ двухъ сторонъ мы приходимъ къ невозможности.

[2]) Въ 1830 г. въ Соединенныхъ Штатахъ было 2.010.327 невольниковъ и 319.439 вольноотпущенныхъ, (всего 2.329.766 негровъ, что составляло немного болѣе пятой части всего населенія Соединенныхъ Штатовъ въ томъ же году.

На сѣверѣ вопросъ о невольничествѣ былъ для господъ вопросомъ коммерческимъ и фабричнымъ; на югѣ это—вопросъ жизни или смерти. Поэтому не надо смѣшивать невольничество на сѣверѣ съ невольничествомъ на югѣ.

Сохрани меня Богъ оправдывать, подобно нѣкоторымъ американскимъ писателямъ, принципъ рабства негровъ; я говорю лишь то, что изъ тѣхъ, кто раньше допустилъ этотъ ужасный принципъ, не всѣ одинаково вольны въ настоящее время отъ него отказаться.

Я сознаюсь, что когда я смотрю на положеніе юга, то нахожу, что для бѣлой расы, живущей въ этой странѣ, возможны только два способа дѣйствія: или освободить негровъ и слить ихъ съ собою, или оставаться отдѣльной отъ нихъ и держать ихъ какъ можно дольше въ рабствѣ. Средніе способы, мнѣ кажется, должны скоро привести къ самой ужасной изъ всѣхъ междоусобныхъ войнъ, а можетъ-быть и къ гибели одной изъ двухъ расъ.

Южные американцы смотрятъ на вопросъ съ этой точки зрѣнія и дѣйствуютъ согласно съ этимъ взглядомъ. Не желая слиться съ неграми, они не хотятъ ихъ и освободить.

И это не потому, чтобы всѣ жители юга считали рабство необходимымъ для обогащенія господина; въ этомъ вопросѣ многіе изъ нихъ согласны съ сѣверянами и охотно признаютъ вмѣстѣ съ ними, что рабство есть зло; но они думаютъ, что для ихъ существованія необходимо сохранить это зло.

Просвѣщеніе, увеличиваясь на югѣ, заставило жителей этой части территоріи понять, что рабство вредно для господина, и то же просвѣщеніе указываетъ болѣе ясно, чѣмъ они до сихъ поръ это видѣли, на почти полную невозможность уничтоженія рабства. Изъ этого происходитъ странное противорѣчіе: рабство все болѣе утверждается въ законахъ по мѣрѣ того, какъ полезность его болѣе оспаривается; и въ то время, какъ принципъ его постепенно уничтожается на сѣверѣ, изъ этого же принципа выводятся слѣдствія все болѣе и болѣе строгія.

Законодательство южныхъ штатовъ, относящееся къ невольникамъ, представляетъ въ наше время нѣчто неслыханно-ужасное, что само по себѣ указываетъ на какое-то глубокое извращеніе въ законахъ человѣчества. Достаточно прочитать законы южныхъ штатовъ, чтобы судить объ отчаянномъ положеніи обѣихъ живущихъ въ нихъ расъ.

Дѣло не въ томъ, чтобъ американцы этой части Союза въ чемъ-нибудь усили суровость рабства; напротивъ, они смягчили матеріальныя условія жизни невольниковъ. Древніе для поддержанія рабства знали только оковы и смерть. Южные американцы нашли болѣе духовныя гарантіи для прочности своей власти. Они, если можно такъ выразиться, одухотворили деспотизмъ и насиліе. Въ древности старались не допустить раба разбить свои оковы,—въ наше время задались цѣлью отнять у него и желаніе этого.

Древніе надѣвали цѣпи на тѣло раба, но они оставляли его умъ свободнымъ и позволяли ему учиться. Въ этомъ они были послѣдовательны; тогда для рабства былъ естественный исходъ; каждый день рабъ могъ сдѣлаться свободнымъ и равнымъ своему господину.

Южные американцы, которые не думаютъ, чтобы негры когда-либо могли слиться съ ними, запретили подъ страхомъ строгихъ наказаній учить ихъ читать и писать. Не желая поднять ихъ до своего уровня, они держатъ ихъ какъ можно ближе къ состоянію животнаго.

Во всѣ времена надежда на освобожденіе существовала въ рабствѣ, какъ смягченіе его суровости.

Южные американцы поняли, что освобожденіе представляетъ всегда опасности, если освобожденный не можетъ достичь когда-нибудь равенства со своимъ господиномъ. Дать человѣку свободу и оставить его въ нищетѣ и безславіи—не значитъ ли это подготовить вождя для будущаго бунта невольниковъ? Сверхъ того уже давно было замѣчено, что присутствіе свободнаго негра вносило неопредѣленное безпокойство въ душу несвободныхъ, проводя въ нее, какъ неясное мерцаніе, представленіе объ ихъ правахъ. Южные американцы въ большинствѣ случаевъ отняли у господъ возможность освобождать невольниковъ [1]).

Я встрѣтилъ на югѣ старика, который раньше жилъ въ незаконной связи съ одной изъ своихъ негритянокъ. Онъ имѣлъ отъ нея нѣсколько дѣтей, которые, родясь, становились рабами своего отца. Послѣдній много разъ думалъ о томъ, чтобъ оставить имъ въ наслѣдство по крайней мѣрѣ свободу, но прошли цѣлые годы прежде, чѣмъ онъ могъ снять препятствія, поставленныя законами освобожденію. Въ это время пришла старость и онъ близокъ былъ къ смерти. Тогда онъ сталъ представлять себѣ, какъ его сыновей будутъ таскать съ рынка на рынокъ и какъ они изъ родительской власти попадутъ подъ розги чужого человѣка. Эти ужасныя картины доводили до бреда его умирающее воображеніе. Я видѣлъ его въ смертельной тоскѣ отчаянія и понялъ тогда, какъ природа способна мстить за оскорбленія, наносимыя ей законами.

Эти бѣдствія, конечно, ужасны, но не составляютъ ли они предвидѣннаго послѣдствія, необходимо вытекающаго изъ самого принципа рабства у новыхъ народовъ?

Съ того времени, какъ европейцы стали брать своихъ невольниковъ въ средѣ человѣческой расы, различной отъ ихъ собственной, на которую многіе изъ нихъ смотрѣли какъ на низшую, сравнительно съ другими человѣческими расами, и относительно которой всѣ ужасаются мысли о томъ, чтобы когда-нибудь приравняться къ ней, они предположили, что рабство будетъ существовать вѣчно; потому что между крайнимъ неравенствомъ, создаваемымъ рабствомъ, и полнымъ равенствомъ, естественно производимымъ между людьми независимостью, нѣтъ средняго состоянія, которое было бы прочно. Европейцы смутно сознавали эту истину, но замалчивали ее даже самимъ себѣ. Всякій разъ, какъ дѣло шло о неграхъ, они дѣйствовали то подчиняясь своей выгодѣ и гордости, то повинуясь жалости. Они нарушили относительно негра всѣ человѣческія права, а потомъ научили его понимать цѣнность и ненарушимость этихъ правъ. Они открыли свои ряды для невольниковъ, а когда послѣдніе захотѣли проникнуть въ нихъ, то они выгнали ихъ съ безчестіемъ. Желая сохранить рабство, они, вопреки своему желанію и безсознательно, позволили себѣ увлечься въ сторону свободы, не имѣя мужества ни быть вполнѣ беззаконными, ни совершенно справедливыми.

Если невозможно предвидѣть такого времени, когда южные американцы кровно соединятся съ неграми, то могутъ ли они не рискуя сами погибнуть допустить, чтобы послѣдніе достигли свободы? А если они принуждены, для спасенія собственной расы, желать удержанія негровъ въ оковахъ, то не должно ли ихъ извинить, если для достиженія этого они употребляютъ самыя дѣйствительныя средства?

---

[1]) Освобожденіе не запрещено, но обставлено такими формальностями, которыя дѣлаютъ его затруднительнымъ.

То, что происходитъ на югѣ Союза, кажется мнѣ и самымъ ужаснымъ и самымъ естественнымъ послѣдствіемъ рабства. Когда я вижу, что естественный порядокъ опрокинутъ, когда я слышу, какъ человѣчество напрасно стонетъ и бьется подъ гнетомъ законовъ, то, сознаюсь, я не нахожу въ себѣ негодованія, чтобы заклеймить людей нашего времени, производящихъ эти бѣдствія, но я сосредоточиваю всю свою ненависть на тѣхъ, кто послѣ тысячелѣтняго равенства снова ввелъ въ міръ рабство.

Каковы бы впрочемъ ни были усилія южныхъ американцевъ сохранить рабство, это имъ не удастся навсегда. Рабство, стѣсненное на одной точкѣ земного шара, подвергающееся осужденію христіанства, какъ несправедливость, и осужденію политической экономіи, какъ вредное явленіе, рабство, среди демократической свободы и просвѣщенія нашего времени, не есть такое учрежденіе, которое можетъ долго существовать. Оно прекратится по иниціативѣ или раба, или господина. Въ обоихъ случаяхъ слѣдуетъ ожидать большихъ несчастій.

Если южнымъ неграмъ будутъ отказывать въ свободѣ, то кончится тѣмъ, что они сами, силой, возьмутъ ее; если же ее дадутъ имъ, то они скоро начнутъ ею злоупотреблять.

Какая вѣроятность долговременнаго существованія Американскаго Союза и какія опасности угрожаютъ ему.

Отчего происходитъ, что преобладающая сила заключается скорѣе въ отдѣльныхъ штатахъ, чѣмъ въ Союзѣ.—Союзъ будетъ существовать лишь до тѣхъ поръ, пока всѣ составляющіе его штаты захотятъ оставаться въ немъ.—Причины заставляющія ихъ стремиться къ сохраненію единства.—Соединеніе выгодно для защиты противъ иностранцевъ и для того чтобы ихъ не было въ Америкѣ.—Провидѣніе не поставило естественныхъ преградъ между различными штатами.—Нѣтъ и матеріальныхъ интересовъ, которые бы ихъ раздѣляли.—Интересъ, который имѣетъ сѣверъ въ благосостояніи и соединеніи юга и запада, юга—относительно сѣвера и запада, запада—относительно двухъ другихъ частей.—Нематеріальные интересы, соединяющіе американцевъ.—Однообразіе мнѣній.—Опасности Союза возникаютъ изъ различія въ характерѣ составляющихъ его людей и ихъ страстей. Характеръ южанъ и сѣверянъ.—Быстрое возрастаніе Союза составляетъ одну изъ главныхъ его опасностей.—Движеніе населенія къ сѣверо-западу.—Тяготѣніе силы въ эту сторону.—Страсти, порождаемыя этими быстрыми поворотами удачи.—При существованіи Союза, правитель-ство его становится ли сильнѣе или слабѣе?—Разные признаки ослабленія.—Internal improvements.—Пустыя земли.—Индѣйцы.—Дѣло банка.—Вопросъ о тарифѣ.—Генералъ Джаксонъ.

Отъ существованія Союза зависитъ отчасти и поддержаніе того, что существуетъ въ каждомъ изъ штатовъ, входящихъ въ его составъ. Поэтому надо сначала изслѣдовать, какая вѣроятная участь Союза. Но прежде всего полезно установить одинъ пунктъ: еслибы теперешняя конфедерація распалась, то мнѣ кажется несомнѣннымъ, что входящіе въ ея составъ штаты не возвратились бы къ ихъ первоначальной отдѣльности. На мѣсто одного Союза образовалось бы нѣсколько. Я не предполагаю изслѣдовать, на какихъ основаніяхъ могли бы устроиться эти новые союзы; я хочу только показать, какія причины могутъ повести къ расчлененію настоящей конфедераціи.

Чтобъ исполнить это, я долженъ буду снова возвращаться на нѣкоторые изъ тѣхъ путей, на которые мнѣ уже приходилось вступать ранѣе. Я долженъ буду излагать многіе предметы уже извѣстные. Я знаю, что, поступая такимъ образомъ, я подвергаюсь упрекамъ читателя. Но важность

предмета, о которомъ мнѣ остается говорить, служитъ для меня извиненіемъ. Я предпочитаю лучше иногда повторяться, чѣмъ остаться непонятымъ и скорѣе желаю повредить автору, чѣмъ его предмету.

Законодатели, создавшіе конституцію 1789 г. стремились къ тому, чтобы дать союзной власти отдѣльное существованіе и преобладающую силу.

Но они были ограничены самыми условіями задачи, которую имъ предстояло разрѣшить. Имъ не было поручено установить правленіе у одного народа но установить правила для ассоціаціи нѣсколькихъ народовъ; и каковы бы ни были ихъ желанія, все же они должны были прійти къ раздѣленію права верховной власти.

Чтобы уяснить себѣ, въ чемъ состояли послѣдствія этого раздѣленія, необходимо сдѣлать короткое различеніе между разными дѣйствіями верховной власти.

Есть предметы національные по своей природѣ, т.-е. такіе, которые принадлежатъ не иначе какъ всей націи въ ея цѣлости и которые могутъ быть довѣрены только человѣку, или собранію наиболѣе полно представляющему весь народъ. Къ числу такихъ предметовъ я отношу войну и дипломатію.

Есть другіе по природѣ своей имѣющіе провинціальный характеръ, т.-е. которые имѣютъ значеніе лишь для извѣстныхъ мѣстностей и не могутъ быть какъ слѣдуетъ обсуждаемы иначе какъ на мѣстѣ. Такова, наприм., общинная смѣта.

Бываютъ наконецъ такіе предметы, которые имѣютъ смѣшанный характеръ; они національны въ томъ смыслѣ, что представляютъ интересъ для всѣхъ отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ націю; они провинціальны, потому что нѣтъ необходимости всей націи о нихъ заботиться. Это суть наприм. права опредѣляющія гражданское и политическое положеніе гражданъ. Не существуетъ общественнаго строя безъ гражданскихъ и политическихъ правъ; поэтому права эти представляютъ равный интересъ для всѣхъ гражданъ; но для существованія и благосостоянія націи не всегда необходимо, чтобъ эти права были единообразны, а слѣдовательно нѣтъ необходимости и въ томъ, чтобъ они установлялись центральною властью.

Итакъ, между предметами, которыми занимается верховная власть, существуютъ, слѣдовательно двѣ необходимыя категоріи: онѣ встрѣчаются во всѣхъ правильно устроенныхъ обществахъ, каково бы притомъ ни было основаніе, на которомъ установленъ былъ общественный договоръ.

Между этими двумя крайними пунктами находятся въ видѣ неустановившейся массы предметы общаго характера, но не національные, которые я назвалъ смѣшанными. Такъ какъ эти предметы не суть ни исключительно національные, ни вполнѣ провинціальные, то заботы о нихъ могутъ быть предоставлены или національному, или провинціальному правительству, смотря по соглашенію вступающихъ въ союзъ, причемъ въ обоихъ случаяхъ цѣль ассоціаціи все-таки достигается.

Чаще всего обыкновенныя отдѣльныя лица соединяются для сформированія верховной власти и ихъ собраніе составляетъ народъ. Въ такомъ случаѣ ниже даннаго ими себѣ общаго правительства встрѣчаются только индивидуальныя силы или коллективныя власти, изъ которыхъ каждая представляетъ собою лишь самую незначительную часть верховной власти. Тогда наиболѣе естественнымъ является возложить на общее правительство управленіе не только предметами по существу своему національными, но и большею частію тѣхъ смѣшанныхъ предметовъ, о которыхъ я говорилъ выше.

Мѣстныя власти ограничиваются тою долей верховенства, которая необходима для благостоянія ихъ мѣстности.

Иногда въ силу факта, существовавшаго раньше ассоціаціи, верховная власть оказывается составленною изъ политическихъ единицъ имѣющихъ уже организацію; тогда бываетъ такъ, что провинціальное правительство беретъ на себя заботу не только о предметахъ по природѣ своей исключительно провинціальныхъ, но также и о всѣхъ, или нѣкоторыхъ смѣшанныхъ предметахъ, о которыхъ сейчасъ была рѣчь; такъ какъ вступившія въ союзъ націи, которыя раньше своего соединенія сами были единицами, имѣвшими верховную власть, и которыя, хотя и соединились, но продолжаютъ, каждая, представлять очень значительную долю верховной власти, не имѣли въ виду уступать общему правительству ничего, кромѣ пользованія правами необходимыми для Союза.

Когда національное правительство, независимо отъ правъ присущихъ его природѣ, обладаетъ правомъ распоряженія по смѣшаннымъ предметамъ верховной власти, тогда оно получаетъ преобладающую силу. Оно не только само имѣетъ много правъ, но всѣ тѣ права, которыхъ оно не имѣетъ, находятся отъ него въ зависимости и можно опасаться, чтобъ оно не отняло у провинціальныхъ правительствъ даже ихъ естественныхъ и необходимыхъ привилегій.

Напротивъ, когда правомъ распоряжаться смѣшанными предметами облечено провинціальное правительство, то въ обществѣ господствуетъ противоположная тенденція. Преобладающая сила находится тогда не въ націи, а въ провинціи; и можно бояться того, что у національнаго правительства будутъ наконецъ отняты привилегіи, необходимыя для его существованія.

Слѣдовательно единичные народы естественно склонны къ централизаціи, а конфедераціи къ распаденію.

Остается только примѣнить эти общія мысли къ Американскому Союзу.

Отдѣльнымъ штатамъ по силѣ вещей принадлежало право распоряженія чисто-провинціальными дѣлами.

Сверхъ того они же удержали за собой право опредѣлять гражданскую и политическую правоспособность гражданъ, установлять правила для взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ лицъ и отправлять правосудіе, — права по природѣ своей имѣющія общій характеръ, но не принадлежащія необходимо національному правительству.

Мы видѣли, что союзному правительству передана была власть распоряжаться отъ имени всей націи въ тѣхъ случаяхъ, когда нація должна была дѣйствовать какъ одинъ человѣкъ. Оно представляло націю передъ иностранцами; оно направляло общія силы противъ общаго непріятеля. Однимъ словомъ, оно завѣдывало тѣми предметами, которые я назвалъ исключительно національными.

При этомъ раздѣленіи верховныхъ правъ, съ перваго раза еще кажется, что часть принадлежащая Союзу больше той, которая принадлежитъ штатамъ; но нѣсколько болѣе внимательное разсмотрѣніе доказываетъ, что на дѣлѣ она меньше.

Правительство Союза исполняетъ болѣе обширныя задачи, но дѣятельность его рѣдко бываетъ замѣтна. Провинціальное правительство исполняетъ не столь большія дѣла, но оно дѣйствуетъ безпрерывно и ежеминутно заявляетъ о своемъ существованіи.

Правительство Союза охраняетъ общіе интересы страны; но общенародные интересы имѣютъ лишь сомнительное вліяніе на счастіе отдѣльныхъ лицъ.

Напротивъ дѣла, касающіяся провинціи явно вліяютъ на благосостояніе живущихъ въ ней.

Союзъ охраняетъ независимость и величіе націи, которыя не касаются непосредственно до частныхъ лицъ. Штатъ поддерживаетъ свободу, опредѣляетъ права, охраняетъ имущество, жизнь, всю будущность каждаго гражданина.

Союзное правительство находится вдали отъ своихъ подданныхъ; провинціальное правительство доступно всѣмъ. Стоитъ только возвысить голосъ, чтобы быть имъ услышаннымъ. Центральное правительство имѣетъ за себя стремленія нѣсколькихъ людей высшаго порядка, желающихъ управлять имъ; на сторонѣ провинціальнаго правительства находятся интересы второстепенныхъ людей, разсчитывающихъ получить власть только въ своемъ штатѣ; и они то, находясь ближе къ народу, оказываютъ на него наибольшее вліяніе.

Американцы, слѣдовательно, могутъ гораздо больше ожидать и опасаться отъ штата, чѣмъ отъ Союза, а потому, слѣдуя естественному движенію человѣческаго сердца, должны имѣть гораздо болѣе живую привязанность къ первому, чѣмъ къ послѣднему.

Въ этомъ отношеніи привычки и чувства согласны съ интересами.

Когда нація, составляющая одно цѣлое, раздробляетъ свою верховную власть и переходитъ въ конфедерацію, то воспоминанія, обычаи, привычки долго еще борются противъ законовъ и даютъ центральному правительству силу, въ которой законы ему отказываютъ. Когда союзные народы соединяются подъ одной верховною властью, то тѣ же причины дѣйствуютъ въ обратномъ направленіи. Я не сомнѣваюсь, что еслибы Франція сдѣлалась федеративною республикой, вродѣ Соединенныхъ Штатовъ, то правительство въ ней проявляло бы въ началѣ большую энергію, чѣмъ правительство Американскаго Союза; а еслибы послѣдній превратился въ монархію, подобную Франціи, то, я думаю, американское правительство въ теченіе нѣкотораго времени оставалось бы слабѣе нашего. Въ моментъ созданія національной жизни у англо-американцевъ, провинціальная жизнь существовала уже давно и между общинами и отдѣльными жителями одного штата установились необходимыя взаимныя отношенія. Они привыкли смотрѣть на извѣстныя вещи съ общей точки зрѣнія и работать исключительно надъ извѣстными задачами, какъ представляющими особый интересъ.

Союзъ есть громадное цѣлое, слишкомъ неясное, чтобъ обнять его патріотическимъ чувствомъ. Штатъ имѣетъ опредѣленныя формы и ограниченные предѣлы; онъ представляетъ собою извѣстное число предметовъ знакомыхъ и дорогихъ тому, кто въ немъ живетъ; онъ сливается съ представленіемъ о самой землѣ, отождествляется съ собственностью, семьей, воспоминаніями прошлаго, трудами настоящаго, мечтами о будущемъ. Значитъ патріотизмъ, который чаще всего есть только распространеніе личнаго эгоизма, остался въ штатѣ и, такъ сказать, не перешелъ въ Союзъ.

Такимъ образомъ интересы, привычки, чувства, все соединяется для того, чтобы сосредоточить дѣйствительную политическую жизнь въ штатѣ, а не въ Союзѣ.

Легко можно судить о различіи силъ обоихъ правительствъ, видя какъ каждое изъ нихъ дѣйствуетъ въ сферѣ своей власти.

Всякій разъ, какъ правительство штата обращается къ человѣку, или къ ассоціаціи нѣсколькихъ людей, рѣчь его ясна и повелительна; то же бываетъ и въ случаѣ когда союзное правительство говоритъ съ отдѣльными

лицами; но какъ только оно имѣетъ дѣло со штатомъ, такъ оно начинаетъ переговоры: оно объясняетъ свои мотивы и оправдываетъ свой образъ дѣйствій; оно доказываетъ, совѣтуетъ, но никогда не приказываетъ. Если возникаетъ сомнѣніе относительно предѣловъ конституціонной власти каждаго правительства, то провинціальное правительство смѣло предъявляетъ свои права и принимаетъ быстрыя и энергическія мѣры къ поддержанію ихъ. Въ это время союзное правительство разсуждаетъ; оно обращается къ здравому смыслу народа, къ его интересамъ, его славѣ; оно медлитъ, ведетъ переговоры; только доведенное до послѣдней крайности оно рѣшается наконецъ дѣйствовать. Съ перваго раза можно подумать, что провинціальное правительство вооружено всѣми средствами націи, а что конгрессъ представляетъ собою штатъ.

Такимъ образомъ, союзное правительство, вопреки стараніямъ людей его организовавшихъ, представляетъ по самой своей природѣ, какъ я уже раньше сказалъ, правительство слабое, которое больше всякаго другаго нуждается для своего существованія въ свободномъ содѣйствіи управляемыхъ.

Легко видѣть, что задача его состоитъ въ томъ, чтобы съ удобствомъ исполнять желаніе штатовъ оставаться соединенными. При сохраненіи этого перваго условія, оно будетъ мудро, сильно и ловко. Оно было организовано такимъ образомъ, чтобъ обыкновенно имѣть дѣло только съ отдѣльными лицами и легко побѣждать всякое сопротивленіе противъ общей воли; но союзное правительство не было установлено въ предвидѣніи того, что штаты, или нѣкоторые изъ нихъ не захотятъ больше оставаться соединенными.

Еслибы верховная власть Союза въ настоящее время вступила въ борьбу съ верховною властью штатовъ, то легко можно предвидѣть, что она была бы побѣждена; я сомнѣваюсь, даже чтобы борьба могла когда нибудь завязаться серьезнымъ образомъ. Всякій разъ какъ союзному правительству будетъ оказано упорное сопротивленіе, оно будетъ уступать. До сихъ поръ опытъ показывалъ, что когда какой-нибудь штатъ чего-нибудь настойчиво желалъ и рѣшительно требовалъ, то всегда получалъ желаемое, а когда онъ прямо отказывался дѣйствовать [1]), то ему предоставляли свободу дѣлать что хочетъ.

Если бы даже правительство союза имѣло собственную силу, то матеріальное положеніе страны сдѣлало бы употребленіе ея для него очень трудной [2]).

Соединенные Штаты занимаютъ громадное пространство; ихъ раздѣляютъ большія разстоянія; населеніе въ нихъ разбросано среди мѣстностей еще на половину пустыхъ. Если бы союзъ вздумалъ оружіемъ принудить своихъ членовъ къ исполненію ихъ долга, то его положеніе оказалось бы сходнымъ съ тѣмъ, какое занимало Англія во время войны за независимость.

Кромѣ того всякое правительство, если оно и сильно, не можетъ легко

---

[1]) См. образъ дѣйствій Сѣверныхъ Штатовъ во время войны 1812 г. „Въ теченіе этой войны, говоритъ Джефферсонъ въ письмѣ отъ 17 марта 1817 г. къ генералу Лафайету, четыре восточныхъ штата были соединены съ остальнымъ союзомъ лишь какъ трупы, связанные съ живыми людьми“ *(письма Джефферсона* изданныя г. Консейль*)*.

[2]) Мирное положеніе, въ которомъ находится союзъ, не даетъ ему никакого повода къ тому, чтобъ имѣть постоянную армію. Безъ постоянной арміи, правительство не имѣетъ ничего подготовленнаго заранѣе для того, чтобы воспользоваться благопріятной минутой, одолѣть сопротивленіе и неожиданно захватить верховную власть.

уклониться отъ послѣдствій принципа, разъ оно само признало этотъ самый принципъ за основаніе публичнаго права, дающаго направленіе ему самому. Союзъ былъ образованъ свободною волею штатовъ; соединившись, послѣдніе не потеряли своей національности и не слились въ одинъ народъ. Если бы теперь одинъ изъ этихъ самыхъ штатовъ пожелалъ выйти изъ договора, то было бы довольно трудно доказать ему, что онъ не можетъ этого сдѣлать. Для борьбы съ нимъ союзное правительство не могло бы несомнѣннымъ образомъ опереться ни на силу, ни на право.

Для того, чтобы союзное правительство восторжествовало надъ сопротивленіемъ нѣкоторыхъ изъ его подданныхъ, нужно, чтобъ частный интересъ одного или многихъ изъ нихъ былъ бы тѣсно связанъ съ существованіемъ союза, какъ это часто бывало въ исторіи конфедерацій.

Предположимъ, что въ числѣ штатовъ, соединенныхъ союзной связью, есть нѣсколько такихъ, которые одни пользуются главными выгодами союза, или которыхъ благополучіе всецѣло зависитъ отъ факта соединенія въ союзъ; ясно, что центральная власть найдетъ въ нихъ очень большую поддержку для того, чтобъ держать въ повиновеніи другіе штаты. Но въ такомъ случаѣ она уже извлечетъ свою силу не изъ самой себя, а почерпнетъ ее изъ принципа противоположнаго ея природѣ. Народы для того лишь вступаютъ въ союзы, чтобъ получать отъ соединенія равныя выгоды а въ вышеприведенномъ случаѣ союзное правительство является могущественнымъ отъ того, что между соединенными націями господствуетъ неравенство.

Предположимъ еще, что одно изъ союзныхъ государствъ пріобрѣло достаточно большое преобладаніе, чтобъ захватить центральную власть исключительно въ свои руки; оно будетъ смотрѣть на прочія государства какъ на своихъ подданныхъ и въ мнимой верховной власти союза заставитъ уважать свое собственное верховенство. Тогда отъ имени союзнаго правительства могутъ быть сдѣланы великія дѣла, но, собственно говоря, оно перестанетъ существовать [1]).

Въ обоихъ случаяхъ власть дѣйствующая во имя союза становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше уклоненіе отъ естественнаго состоянія и признаннаго принципа федеративныхъ союзовъ.

Въ Америкѣ настоящій союзъ полезенъ всѣмъ штатамъ, но онъ не существенно необходимъ ни для одного изъ нихъ. Многіе штаты могли бы порвать связь съ союзомъ и участь другихъ отъ этого не подверглась бы опасности, хотя сумма ихъ благополучія стала бы меньше. И такъ какъ нѣтъ ни одного штата, существованіе или благосостояніе котораго было бы вполнѣ связано съ теперешнимъ союзомъ, то нѣтъ и такого, который бы готовъ былъ принести большія личныя жертвы для его сохраненія.

Съ другой стороны нѣтъ и такого штата, который въ настоящее время изъ честолюбія имѣлъ бы большой интересъ въ сохраненіи союза такимъ, какъ мы его видимъ теперь. Конечно, не всѣ штаты имѣютъ одинаковое вліяніе въ союзныхъ совѣтахъ, но нѣтъ ни одного, который имѣлъ бы основаніе считать себя господствующимъ и могъ бы относиться къ своимъ союзникамъ, какъ къ низшимъ, или какъ къ подданнымъ.

Поэтому мнѣ кажется достовѣрнымъ, что если бы одна часть союза

---

[1]) Такимъ образомъ провинція Голландія въ Нидерландской республикѣ, или императоръ въ германскомъ союзѣ становились иногда на мѣсто союза и въ своихъ личныхъ интересахъ пользовались его силами.

захотѣла отдѣлиться отъ другой, то не только ей нельзя было бы помѣшать, но этого даже и не пытались бы сдѣлать. Такимъ образомъ нынѣшній союзъ будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока всѣ входящіе въ составъ его штаты сохранятъ желаніе оставаться въ немъ.

Когда мы установили этотъ пунктъ, то намъ теперь будетъ легче: дѣло идетъ уже не о томъ, чтобъ узнать, могутъ ли соединенные въ настоящее время штаты раздѣлиться, но о томъ, захотятъ ли они остаться соединенными.

Въ числѣ всѣхъ причинъ, дѣлающихъ настоящее соединеніе полезнымъ для американцевъ, существуютъ двѣ главныхъ, очевидность которыхъ легко бросается въ глаза всякому.

Хотя американцы находятся, такъ сказать, въ одиночествѣ на ихъ материкѣ, но торговля дѣлаетъ ихъ сосѣдями всѣ народы, съ которыми они обмѣниваются товарами. Поэтому, несмотря на ихъ видимое уединеніе, американцамъ нужно быть сильными, а сильными они могутъ быть только оставаясь соединенными.

Раздѣлившись, штаты не только уменьшили бы свою силу относительно иностранцевъ, но и создали бы иностранцевъ на собственной своей землѣ. Имъ тотчасъ пришлось бы установить систему внутреннихъ таможенъ, раздѣлить воображаемыми линіями долины, поставить преграды по теченію рѣкъ и всѣми способами затруднить разработку громаднаго материка, даннаго имъ Богомъ во владѣніе.

Теперь имъ нечего бояться нашествія непріятеля, слѣдовательно, не нужно ни содержать армій, ни собирать налоговъ. Если бы союзъ распался, то немедленно во всемъ этомъ почувствовалась бы нужда.

Такимъ образомъ американцы имѣютъ громадную выгоду въ томъ, чтобы оставаться соединенными.

Съ другой стороны почти невозможно придумать какого бы рода матеріальный интересъ могла въ настоящее время имѣть одна часть союза для того, чтобы отдѣлиться отъ другихъ.

Когда смотришь на карту Соединенныхъ Штатовъ и видишь горный хребетъ Аллегановъ, идущій отъ сѣверо-востока къ юго-западу и простирающійся черезъ страну на пространствѣ 400 лье (около 1600 верстъ), то можно подумать, что провидѣніе имѣло въ виду воздвигнуть между бассейномъ Миссисипи и берегами Атлантическаго океана одну изъ тѣхъ естественныхъ преградъ, которыя, противодѣйствуя постояннымъ взаимнымъ сношеніямъ людей, образуютъ какъ бы необходимыя границы между различными народами.

Но средняя высота Аллегановъ не превосходитъ 800 метровъ [1]). Ихъ округленныя вершины и просторныя долины, заключенныя между ними, легко доступны въ тысячи мѣстахъ. Даже больше того: главнѣйшія рѣки, изливающія свои воды въ Атлантическій океанъ, Гудзонъ, Сескеганна, Потомакъ имѣютъ источники по ту сторону Аллегановъ, на открытой плоской возвышенности, граничащей съ бассейномъ Миссисипи. Начинаясь въ этой мѣстности [2]), они пробиваются сквозь преграду, которая должна бы, повидимому, была отбросить ихъ къ западу и проводятъ посреди горъ естественные пути, всегда открытые для человѣка.

---

[1]) Средняя высота Аллегановъ по Вольнею (*Изображеніе Соединенныхъ Штатовъ* стр. 33), отъ 700 до 800 метровъ; отъ 5000 до 6000 футовъ по Дерби: Самая большая высота Вогезскихъ горъ составляетъ 1400 метровъ надъ уровнемъ моря.

[2]) См. Дерби *View of the United States* стр. 64 и 79.

Значитъ, не существуетъ никакой преграды между различными частями страны, занимаемой въ наше время англо-американцами. Аллеганы не только не образуютъ границы между народами, но они не разграничиваютъ даже штатовъ. Нью-Іоркъ, Пенсильванія и Виргинія заключаютъ ихъ въ своихъ предѣлахъ и простираются на столько же къ западу, какъ и къ востоку отъ этихъ горъ [1]).

Территорія, занимаемая въ наше время двадцатью четырьмя штатами союза и тремя большими областями, не включенными еще въ число штатовъ, хотя въ нихъ есть уже жители, занимаетъ поверхность въ 131,144 квадр. лье [2]) (2,284,334 квадр. верстъ), т.-е. представляетъ площадь почти въ пять разъ больше Франціи. Въ этихъ предѣлахъ встрѣчаются различныя почвы, разныя температуры и очень разнообразныя произведенія.

Эта обширность территоріи, занимаемой англо-американскими республиками, возбудила сомнѣнія относительно прочности ихъ союза. Въ этомъ случаѣ надо дѣлать различіе: иногда въ различныхъ провинціяхъ обширнаго государства создаются противоположные интересы, которые кончаютъ тѣмъ, что вступаютъ между собою въ борьбу; тогда бываетъ такъ, что именно величина государства больше всего вредитъ его прочности. Но если люди, населяющіе эту обширную территорію, не имѣютъ противоположныхъ интересовъ, то самая ея обширность должна служить имъ на пользу; потому что единство управленія чрезвычайно благопріятствуетъ могущему происходить обмѣну различныхъ произведеній почвы и, облегчая ихъ сбытъ, увеличиваетъ цѣнность.

Я, конечно, вижу въ различныхъ частяхъ союза различные интересы, но я не вижу такихъ, которые были бы противоположны одни другимъ.

Южные штаты суть почти исключительно земледѣльческіе; сѣверные штаты по преимуществу промышленные и торговые; западные—одновременно и промышленные и земледѣльческіе. На Югѣ получаются табакъ, рисъ, хлопокъ и сахаръ, на Сѣверѣ и Западѣ маисъ и пшеница; источники богатства различны, но чтобы черпать изъ этихъ источниковъ существуетъ одно общее средство, равно благопріятствующее всѣмъ—это соединеніе въ союзъ.

Сѣверъ, который развозитъ богатства англо-американцевъ во всѣ части свѣта, а богатства всего свѣта привозитъ въ союзъ, имѣетъ очевидный интересъ, чтобъ федерація продолжала существовать въ томъ же видѣ, въ какомъ она находится теперь, для того, чтобы количество американскихъ производителей и потребителей, пользующихся его услугами, оставалось какъ можно больше. Сѣверъ есть самый естественный посредникъ между Югомъ и Западомъ союза съ одной стороны и остальнымъ міромъ—съ другой; поэтому Сѣверъ долженъ желать, чтобъ Югъ и Западъ оставались соединенными и процвѣтали бы, такъ какъ они будутъ давать его фабрикамъ сырые матеріалы и грузы для его кораблей.

Югъ и Западъ со своей стороны имѣютъ еще болѣе прямой интересъ въ сохраненіи союза и въ процвѣтаніи сѣвера. Продукты Юга вывозятся большею частію за море. Поэтому Югъ и Западъ нуждаются въ торговыхъ средствахъ Сѣвера. Они должны желать, чтобъ союзъ былъ очень могу-

---

[1]) Горная цѣпь Аллегановъ не выше Вогезскихъ горъ и не представляетъ столько затрудненій, какъ послѣдняя, для усилій человѣческой дѣятельности. Поэтому страны, находящіяся на восточномъ склонѣ Аллегановъ, столь же естественно соединены съ долиной Миссисипи, какъ Франшъ-Контэ, верхняя Бургундія и Эльзасъ съ Франціей.

[2]) 1,002,600 квадр. миль. См. *View of the United States by Darby* стр. 435.

щественъ на морѣ, чтобъ оказывать имъ дѣйствительную защиту. Югъ и Западъ должны охотно участвовать въ расходахъ на флотъ, хотя у нихъ и нѣтъ кораблей; потому что если бы европейскіе флоты блокировали южные порты и дельту Миссисипи, то что сдѣлалось бы съ каролинскимъ рисомъ, виргинскимъ табакомъ, сахаромъ и хлопкомъ, производимыми въ долинахъ Миссисипи? Такимъ образомъ нѣтъ ни одной части союзнаго бюджета, которая бы не примѣнялась къ сохраненію матеріальной выгоды, общей для всѣхъ членовъ союза.

Независимо отъ этой торговой пользы, Югъ и Западъ союза имѣютъ большую политическую выгоду, оставаясь соединенными между собою и съ Сѣверомъ.

Югъ заключаетъ въ своей средѣ громадное невольничье населеніе, составляющее угрозу въ настоящемъ и еще болѣе угрожающее въ будущемъ.

Западные штаты расположены въ глубинѣ одной долины. Всѣ рѣки, орошающія ихъ территорію, начинаясь со скалистыхъ горъ, или съ Аллегановъ, смѣшиваютъ свои воды съ водами Миссисипи и вмѣстѣ съ нею несутъ ихъ въ Мексиканскій заливъ. По своему положенію западные штаты совершенно изолированы отъ европейскихъ традицій и цивилизаціи Стараго Свѣта.

Такимъ образомъ жители Юга должны желать сохраненія союза, чтобъ не остаться однимъ противъ негровъ, а жители Запада чтобъ не быть запертыми въ серединѣ Америки, не имѣя свободнаго сообщенія съ остальнымъ свѣтомъ.

Со своей стороны Сѣверъ долженъ желать, чтобы союзъ не раздѣлялся, для того, чтобы оставаться какъ бы связующимъ звеномъ, соединяющимъ его съ остальнымъ міромъ.

Существуетъ, слѣдовательно, тѣсная связь между матеріальными интересами всѣхъ частей союза.

То же самое я скажу и относительно мнѣній и чувствъ, которыя можно бы назвать нематеріальными интересами человѣка.

Жители Соединенныхъ Штатовъ много говорятъ о своей любви къ отечеству; признаюсь, я не довѣряю этому разсудочному патріотизму, основанному на выгодѣ, и который перемѣной предмета выгодъ можетъ быть уничтоженъ.

Я также не придаю слишкомъ большого значенія рѣчамъ американцевъ, когда они ежедневно заявляютъ рѣшимость сохранить федеральную систему, установленную ихъ предками.

Значительное число гражданъ остаются подъ общимъ правленіемъ не столько въ силу обдуманнаго рѣшенія оставаться соединенными, сколько въ силу инстинктивнаго и какъ бы невольнаго соглашенія, проистекающаго отъ одинаковости чувствъ и сходства во мнѣніяхъ

Я никогда не соглашусь, что люди образуютъ общество только тѣмъ однимъ, что они признаютъ одного главу и повинуются однимъ законамъ. Общество существуетъ лишь тогда, когда люди смотрятъ на очень многія вещи съ одной точки зрѣнія, когда по многимъ предметамъ они имѣютъ общія мнѣнія, когда, наконецъ, одни и тѣ же факты порождаютъ въ нихъ одинакія впечатлѣнія и мысли.

Тотъ, кто, смотря на вопросъ съ этой точки зрѣнія, будетъ изучать то, что происходитъ въ Соединенныхъ Штатахъ, легко увидитъ, что ихъ жители, хотя и раздѣленные на двадцать четыре отдѣльныхъ, самостоятельныхъ государства, составляютъ однако же одинъ народъ. И можетъ-

быть онъ придетъ даже къ мысли, что общество имѣетъ болѣе дѣйствительное существованіе въ средѣ англо-американскаго союза, чѣмъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ націяхъ, которыя однако имѣютъ одно законодательство и подчинены одному человѣку.

Хотя англо-американцы принадлежатъ къ нѣсколькимъ религіямъ, но всѣ они имѣютъ одинъ взглядъ на религію.

Они не всегда бываютъ согласны на счетъ способовъ хорошаго управленія и различаются во взглядахъ на нѣкоторыя формы, которыя слѣдуетъ примѣнить къ правленію, но они согласны относительно общихъ началъ, которыя должны управлять человѣческими обществами. Отъ Мэна до Флориды и отъ Миссури до Атлантическаго океана признаютъ, что источникъ всякой законной власти находится въ народѣ. Всюду имѣются однѣ и тѣ же идеи о свободѣ и равенствѣ; всюду высказываются тѣ же мнѣнія о печати, о правѣ ассоціаціи, о присяжныхъ и отвѣтственности агентовъ власти.

Если мы отъ политическихъ и религіозныхъ идей перейдемъ къ философскимъ и моральнымъ убѣжденіямъ, управляющимъ обыденною жизнію и дающимъ направленіе всему поведенію человѣка, то мы замѣтимъ то же согласіе.

Англо-американцы [1]) видятъ моральный авторитетъ въ общечеловѣческомъ разумѣ, такъ же какъ политическую власть во всей совокупности гражданъ и полагаютъ, что для различенія дозволеннаго и запрещеннаго, истиннаго и ложнаго, слѣдуетъ обращаться къ общему мнѣнію. Большая часть ихъ думаетъ, что правильное пониманіе человѣкомъ своей выгоды достаточно для направленія его на путь честности и справедливости. Они признаютъ, что каждый при рожденіи получаетъ способность управлять самимъ собой и что никто не имѣетъ права заставлять себѣ подобнаго быть счастливымъ. Всѣ они имѣютъ живую вѣру въ человѣческую способность къ совершенствованію; всѣ разсуждаютъ, что распространеніе просвѣщенія должно необходимо произвести полезные результаты, а невѣжество должно вести къ пагубнымъ послѣдствіямъ; всѣ смотрятъ на общество, какъ на прогрессирующій организмъ, а на человѣчество, какъ на измѣняющійся образъ, въ которомъ ничего не установлено и не должно быть установлено навсегда, и допускаютъ, что то, что имъ сегодня кажется хорошимъ, можетъ быть завтра замѣнено лучшимъ, въ настоящее время еще скрытымъ.

Я не говорю, что всѣ эти мнѣнія справедливы, я говорю, что они принадлежатъ американцамъ.

Будучи такимъ образомъ соединены между собою общностью идей, англо-американцы отдѣлены ото всѣхъ прочихъ народовъ однимъ чувствомъ—гордостью.

Вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ жителямъ Соединенныхъ Штатовъ не перестаютъ повторять, что они составляютъ единственный религіозный, просвѣщенный и свободный народъ. Они видятъ, что у нихъ демократическія учрежденія до сихъ поръ процвѣтаютъ, тогда какъ они рушатся во всемъ остальномъ мірѣ; поэтому они имѣютъ чрезвычайно высокое мнѣніе о себѣ и не далеки отъ мысли, что они образуютъ особую породу въ человѣчествѣ.

---

[1]) Я думаю, мнѣ нѣтъ надобности говорить, что подъ выраженіемъ *англо-американцы*, я разумѣю только значительное большинство ихъ. Внѣ этого большинства всегда находится нѣсколько изолированныхъ отдѣльныхъ личностей.

Такимъ образомъ опасности, угрожающія американскому Союзу, проистекаютъ не изъ различія мнѣній, также какъ и не изъ различія интересовъ. Источникъ ихъ надо искать въ разнообразіи характеровъ и въ страстяхъ американцевъ.

Почти всѣ люди, населяющіе громадную территорію Соединенныхъ Штатовъ, имѣютъ общее происхожденіе; но съ теченіемъ времени климатъ, а въ особенности невольничество, внесли замѣтныя различія между характеромъ англичанъ, живущихъ на югѣ Соединенныхъ Штатовъ и характеромъ англичанъ, живущихъ на сѣверѣ.

У насъ, обыкновенно, думаютъ, что невольничество обусловливаетъ присутствіе въ одной части Союза интересовъ противоположныхъ интересамъ другой части. Я не замѣтилъ, чтобы это такъ было. Невольничество не создало на Югѣ интересовъ противоположныхъ сѣвернымъ; но оно измѣнило характеръ жителей Юга и дало имъ другія привычки.

Въ другомъ мѣстѣ я указалъ, какое вліяніе имѣло невольничество на торговыя способности южныхъ американцевъ; это же вліяніе распространяется и на ихъ нравы.

Невольникъ есть слуга, который не разсуждаетъ и подчиняется всему безропотно. Иногда онъ убиваетъ своего господина, но никогда ему не противится. На югѣ нѣтъ такихъ бѣдныхъ семей, которыя не имѣли бы невольниковъ. Южный американецъ съ самаго рожденія оказывается облеченнымъ нѣкотораго рода домашней диктатурой; первыя впечатлѣнія, получаемыя имъ отъ жизни, научаютъ его, что онъ родился для того, чтобы повелѣвать и первая привычка, получаемая имъ, есть привычка къ нетрудному господству. Воспитаніе слѣдовательно сильно направлено къ тому, чтобы сдѣлать изъ южнаго американца человѣка гордаго, вспыльчиваго, раздражительнаго, склоннаго къ насилію, пылкаго въ своихъ желаніяхъ, нетерпѣливаго относительно препятствій, но легко впадающаго въ унынie, если онъ не можетъ сразу восторжествовать.

Сѣверный американецъ не видитъ рабовъ вокругъ своей колыбели; не видитъ онъ возлѣ себя и свободныхъ слугъ, такъ какъ по большей части ему самому приходится заботиться о своихъ нуждахъ. Едва лишь онъ появился на свѣтъ, какъ идея необходимости со всѣхъ сторонъ представляется его уму. Онъ поэтому рано научается самъ точно опредѣлять естественные предѣлы того, что для него возможно; онъ не разсчитываетъ подчинить себѣ силою чужую волю, которая будетъ ему противиться, и знаетъ, что для пріобрѣтенія поддержки другихъ людей, нужно прежде всего заслужить ихъ благосклонность. Поэтому онъ терпѣливъ, разсудителенъ, снисходителенъ, медленъ въ дѣйствіи и настойчивъ въ своихъ намѣреніяхъ.

Въ южныхъ штатахъ самыя насущныя потребности человѣка всегда удовлетворены; такимъ образомъ южанинъ никогда не заботится о матеріальныхъ жизненныхъ нуждахъ; заботу эту за него принимаетъ на себя другой человѣкъ. Будучи свободенъ съ этой стороны, онъ направляетъ свое воображеніе на другіе предметы болѣе значительные и менѣе точно опредѣленные. Онъ любитъ величіе, роскошь, славу, шумъ, удовольствія и въ особенности праздность; ничто не можетъ заставить его приложить свои усилія къ добыванію средствъ для жизни и, такъ какъ у него нѣтъ необходимой работы, то онъ засыпаетъ и не берется даже за полезную.

На сѣверѣ царствуетъ равенство состояній и рабство не существуетъ; поэтому человѣкъ тамъ какъ бы поглощенъ тѣми самыми матеріальными заботами, которыми бѣлые пренебрегаютъ на югѣ. Съ самаго дѣтства онъ

занятъ борьбою съ нищетой и привыкаетъ ставить матеріальное довольство выше всѣхъ наслажденій ума и сердца. Его воображеніе, сосредоточенное на мелкихъ частностяхъ жизни, угасаетъ, его идеи не столь многочисленны и общи, но онѣ становятся болѣе практическими, болѣе ясными и опредѣленными. Такъ какъ всѣ усилія своего ума онъ обращаетъ на одно изученіе способовъ достичь благосостоянія, то онъ скоро доходитъ въ немъ до совершенства. Онъ удивительно умѣетъ пользоваться природой и людьми для произведенія богатства; онъ превосходно понимаетъ искусство заставить общество содѣйствовать благосостоянію каждаго изъ своихъ членовъ и умѣетъ черезъ посредство личнаго эгоизма добыть общее счастье.

Сѣверянинъ имѣетъ не только опытность, но и знаніе; однако онъ не высоко ставитъ науку въ смыслѣ наслажденія ею, но онъ цѣнитъ ее какъ средство и съ жадностью схватываетъ лишь полезныя ея примѣненія.

Южный американецъ болѣе непосредственъ, остроуменъ, откровененъ, болѣе великодушенъ и отличается болѣе духовными и блестящими качествами.

Сѣверный американецъ дѣятельнѣе, разсудительнѣе, просвѣщеннѣе и искуснѣе.

Одинъ имѣетъ вкусы, предразсудки, слабости и величіе всѣхъ аристократій.

Другой имѣетъ хорошія качества и недостатки, характеризующіе средній классъ.

Соедините двухъ людей въ общество, дайте обоимъ одинакіе интересы и отчасти одинакія мнѣнія; если ихъ характеръ, ихъ образованіе и цивилизація различны, то есть большая вѣроятность, что они окажутся несогласны. Тоже замѣчаніе примѣнимо и къ обществу состоящему изъ націй.

Значитъ невольничество наноситъ вредъ американскому Союзу не прямо, вліяя на его интересы, но косвенно, вліяя на нравы.

Штаты, присоединившіеся къ союзному договору въ 1790 году, были въ числѣ тринадцати. Теперь ихъ въ Союзѣ считается двадцать четыре. Населеніе, доходившее въ 1790 году почти до четырехъ милліоновъ, въ сорокъ лѣтъ возросло вчетверо; въ 1830 году оно равнялось почти тринадцати милліонамъ [1]).

Такія перемѣны не могутъ совершаться безопасно.

Для общества, состоящаго изъ націй, какъ и для состоящаго изъ отдѣльныхъ лицъ, существуютъ три главныя вѣроятности продолжительнаго существованія: благоразуміе его членовъ, слабость каждаго изъ нихъ въ отдѣльности и ихъ небольшое число.

Американцы, удаляющіеся отъ береговъ Атлантическаго океана и проникающіе на западъ, суть искатели приключеній, нетерпѣливо выносящіе всякаго рода гнётъ, жадные къ богатству, часто отвергнутые тѣми штатами, гдѣ они родились. Они являются въ пустыню не зная другъ друга. Тамъ они не встрѣчаютъ ничего, что могло бы ихъ сдерживать, ни традицій, ни семейнаго духа, ни примѣровъ. Значеніе закона въ ихъ средѣ слабо, а значеніе нравовъ еще слабѣе. Слѣдовательно люди, ежедневно прибывающіе въ долины Миссисипи, во всѣхъ отношеніяхъ ниже американцевъ, живущихъ въ старинныхъ предѣлахъ Союза. Однако они проявляютъ

---

[1]) По переписи 1790 г. 3.929.328.
По переписи 1830 г. 12.856.163.

уже большое вліяніе на его направленіе и достигаютъ завѣдыванія общими дѣлами раньше чѣмъ научатся управлять самими собой [1]).

Чѣмъ слабѣе каждый изъ членовъ общества въ отдѣльности, тѣмъ вѣроятнѣе продолжительное существованіе общества, потому что въ такомъ случаѣ отдѣльные члены безопасны только тогда, когда остаются соединенными. Въ 1790 году самая населенная изъ американскихъ республикъ не имѣла 500,000 жителей [2]); поэтому каждая изъ нихъ сознавала свою незначительность въ качествѣ независимаго народа и это сознаніе дѣлало для нея легче повиновеніе союзной власти. Но когда одинъ изъ соединенныхъ штатовъ, какъ штатъ Нью-Іоркъ считаетъ у себя 2,000,000 жителей и занимаетъ территорію, поверхность которой равняется четверти Франціи [3]), то онъ чувствуетъ, что онъ силенъ самъ по себѣ. и если онъ все-таки считаетъ пребываніе въ Союзѣ полезнымъ для своего благосостоянія, то уже не смотритъ на него какъ на необходимое условіе своего существованія. Онъ можетъ обойтись и безъ Союза, а соглашаясь оставаться въ немъ, онъ скоро начинаетъ стремиться къ преобладанію.

Уже одно увеличеніе числа членовъ Союза значительно усилило бы тенденцію къ разрыву союзныхъ связей. Не всѣ люди, находящіеся на одной точки зрѣнія, смотрятъ на одни и тѣ же предметы одинаковымъ образомъ. Тѣмъ болѣе это бываетъ, когда точка зрѣнія различна. Поэтому, чѣмъ болѣе число американскихъ республикъ увеличивается, тѣмъ болѣе уменьшается вѣроятность получить ото всѣхъ ихъ согласіе на одни и тѣ же законы.

Въ настоящее время интересы различныхъ частей Союза не находятся въ противорѣчіи другъ съ другомъ; но кто можетъ предвидѣть различныя измѣненія, которыя въ ближайшемъ будущемъ могутъ возникнуть въ странѣ, гдѣ каждый день создаются новые города и каждое пятилѣтіе новыя націи?

Съ тѣхъ поръ, какъ основаны англійскія колоніи, число жителей въ нихъ удвоивается приблизительно каждые двадцать два года; я не вижу причинъ, которыя бы въ теченіе столѣтія отъ настоящаго времени могли бы остановить это прогрессивное движеніе англо-американскаго населенія. Я думаю, что не пройдетъ ста лѣтъ, какъ территорія, занятая Соединенными Штатами или на которую они предъявляютъ права, будетъ имѣть болѣе ста милліоновъ жителей и будетъ раздѣлена на сорокъ штатовъ [4]).

---

[1]) Правда, что это есть лишь временная опасность. Я не сомнѣваюсь, что со временемъ общество осядетъ и упорядочится на Западѣ также, какъ оно уже сдѣлало это на берегахъ Атлантическаго океана.

[2]) Пенсильванія имѣла въ 1790 году 431.373 жителя.

[3]) Поверхность штата Нью-Іоркъ 6213 кв. лье (500 кв. миль или 110.230 квадр. верстъ). Смотри *View of the United States by Darby* стр. 435.

[4]) Если населеніе будетъ продолжать еще въ теченіе столѣтія удвоиваться каждые двадцать два года, какъ это дѣлалось до сихъ поръ въ теченіи двухъ сотъ лѣтъ, то въ 1852 году въ Соединенныхъ Штатахъ будетъ двадцать четыре милліона жителей, въ 1874 г. сорокъ восемь и въ 1896 г. девяносто шесть. Тоже было бы и въ томъ случаѣ если бы на восточномъ склонѣ скалистыхъ горъ оказались земли, непригодныя для обработки. Тѣ земли, которыя уже заняты, могутъ очень легко содержать это число жителей. Сто милліоновъ людей, разсѣянныхъ на пространствѣ, занятомъ въ настоящее время двадцатью четырьмя штатами и тремя территоріями, составляющими Союзъ, дали бы только 762 человѣка на квадратное лье (около 16 кв. верстъ), что было бы еще очень далеко отъ средней населенности Франціи, которая равна 1457 жителямъ, и что будетъ даже ниже населенности Швейцаріи, которая не смотря на свои горы и озера считаетъ 783 жителя на квадратное лье. См. Мальтъ-Бренъ т. VI стр. 92.

Я допускаю, что эти сто милліоновъ человѣкъ не имѣютъ различныхъ интересовъ; напротивъ я признаю, что всѣ они имѣютъ одинаковую выгоду въ томъ, чтобы оставаться соединенными, и все же я говорю, что именно потому, что ихъ сто милліоновъ, составляющихъ сорокъ отдѣльныхъ и неравносильныхъ націй, сохраненіе союзной формы правленія будетъ только счастливой случайностью.

Я согласенъ вѣрить человѣческой способности къ совершенствованію; но, пока люди не измѣнили своей природы и не преобразились совершенно, я отказываюсь довѣрять прочности правительства, задача котораго состоитъ въ томъ, чтобы держать вмѣстѣ сорокъ различныхъ народовъ, разселенныхъ на поверхности равной половинѣ Европы [1]), предупреждать ихъ соперничество, самолюбіе и борьбу и соединять ихъ независимыя воли для исполненія однихъ и тѣхъ же намѣреній.

Но наибольшая опасность, которой подвергается Союзъ вслѣдствіе своего увеличенія, происходитъ отъ постояннаго перемѣщенія силъ, совершающагося внутри его.

Отъ береговъ Верхняго озера до Мексиканскаго залива считается по прямому направленію около четырехъ сотъ французскихъ лье (около 1600 верстъ). Вдоль этой громадной линіи извивается граница Соединенныхъ Штатовъ; иногда она входитъ внутрь этихъ предѣловъ, но чаще всего проникаетъ далеко за нихъ въ пустыню. Вычислено, что вдоль всего этого обширнаго фронта, бѣлые подвигаются ежегодно въ среднемъ выводѣ на семь лье (28 верстъ) [2]. Отъ времени до времени встрѣчается препятствіе: безплодный округъ, озеро, индѣйское племя неожиданно попадающееся на пути; колонна останавливается тогда на минуту, концы ея загибаются внутрь и когда они сошлись, то движеніе впередъ возобновляется снова. Есть нѣчто провиденціальное въ этомъ постепенномъ и безостановочномъ движеніи европейской расы по направленію къ Скалистымъ горамъ: это какой-то человѣческій потокъ, постоянно возрастающій и ежедневно воздвигаемый рукою Бога.

Внутри этой первой линіи завоевателей строятся города и основываются обширныя государства. Въ 1790 году въ долинахъ Миссисипи было разсѣяно едва лишь нѣсколько тысячъ піонеровъ; въ настоящее время эти долины заключаютъ въ себѣ столько людей, сколько ихъ было во всемъ Союзѣ въ 1790 году. Населеніе въ нихъ достигаетъ приблизительно четырехъ милліоновъ жителей [3]). Городъ Вашингтонъ былъ основанъ въ 1800 году въ самомъ центрѣ американскаго Союза; теперь онъ находится на одномъ изъ его концовъ [4]). Депутаты изъ послѣднихъ западныхъ штатовъ, чтобы занять свои мѣста въ конгрессѣ, принуждены уже совершать такой же длинный путь, какъ путешественникъ, который бы ѣхалъ изъ Вѣны въ Парижъ.

Всѣ штаты Союза одновременно стремятся къ обогащенію, но не для всѣхъ возможно въ равной мѣрѣ возрастаніе и процвѣтаніе.

На сѣверѣ Союза вѣтви, отдѣляющіяся отъ горной цѣпи Аллегановъ, доходя до Атлантическаго океана образуютъ на его берегахъ обширные

---

[1]) Территорія Соединенныхъ Штатовъ имѣетъ поверхность равную 295.000 кв. лье. Поверхность Европы, по Мальтъ-Брену т. VI стр. 4 равняется 500.000.

[2]) См. *Законодательные документы* 20 конгресса № 117 ст. 105.

[3]) 3.672.317, по переписи 1830 г.

[4]) Отъ Джефферсона, главнаго города штата Миссури до Вашингтона считается 1019 миль или 420 почтовыхъ лье (1753 версты). См. *American almanac* 1831 г. ст. 48.

рейды и гавани, всегда доступныя самымъ большимъ кораблямъ. Напротивъ, начиная отъ устья Потомака и до впаденія Миссисипи вдоль американскаго берега встрѣчаются только плоскія и песчаныя мѣста. Въ этой части Союза выходы почти всѣхъ рѣкъ засорены и изрѣдка встрѣчающіяся въ этихъ лагунахъ гавани не имѣютъ такой глубины для кораблей и представляютъ гораздо меньшія удобства для торговли, чѣмъ сѣверные порты.

Къ этой первой невыгодности положенія, происходящей отъ природы, присоединяется другая, происходящая отъ законовъ.

Мы видѣли, что рабство, уничтоженное на сѣверѣ, существуетъ еще на югѣ, и мною было указано то гибельное вліяніе, которое оно оказываетъ на благосостояніе самого господина.

Сѣверъ, поэтому, долженъ быть болѣе коммерческимъ [1]) и промышленнымъ чѣмъ югъ. Естественно, что населеніе и богатство притекаютъ къ нему быстрѣе.

Штаты, находящіеся на берегу Антлантическаго океана, наполовину уже заселены. Большая часть земель въ нихъ имѣютъ уже хозяевъ: поэтому они не могутъ уже принять въ себя такое же количество эмигрантовъ, какъ западные штаты, которые представляютъ еще безпредѣльное поле для разработки. Бассейнъ Миссисипи несравненно плодороднѣе береговъ Атлантическаго океана. Эта причина вмѣстѣ съ другими энергически направляетъ европейцевъ на западъ. Это строго доказывается цифрами.

Если сдѣлать вычисленіе относительно всей совокупности Соединенныхъ Штатовъ, то мы найдемъ, что въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ число жителей приблизительно утроилось. Но если мы примемъ въ разсчетъ только бассейнъ Миссисипи, то окажется, что въ теченіе этого же времени населеніе [2]) въ немъ увеличилось въ тридцать одинъ разъ [3]).

Ежедневно центръ силы Союза передвигается. Сорокъ лѣтъ тому назадъ большинство его гражданъ жило на берегахъ моря, возлѣ того мѣста, гдѣ

---

[1]) Чтобы судить о разницѣ, существующей между торговымъ движеніемъ юга и сѣвера, достаточно взглянуть на слѣдующую таблицу:

Въ 1829 году, суда, служившія для крупной и мелкой торговли, принадлежавшія Виргиніи, обѣимъ Каролинамъ и Георгіи (четыре большихъ южныхъ штата), имѣли вмѣстимость всего лишь въ 5.243 тонны.

Въ томъ же году суда одного штата Массачузетсъ имѣли вмѣстимость въ 17.322 тонны (*Законодательные документы* 21 конгресса 2-й сессіи, n⁰ 140, стр. 244).

Такимъ образомъ одинъ штатъ Массачузетъ имѣлъ втрое больше судовъ, чѣмъ вышесказанные четыре штата.

И однако Массачузетсъ имѣетъ только 959 квадр. лье поверхности (7.335 кв. миль или 16.706 кв. верстъ) и 610,014 жителей, тогда какъ сказанные четыре штата имѣютъ 27.204 кв. лье (210,000 кв. миль, 473.894 кв. верстъ) и 3.047.767 жителей. Слѣдовательно, поверхность штата Массачузетсъ составляетъ только тридцатую часть поверхности четырехъ штатовъ, а его населеніе въ пять разъ меньше ихъ населенія (*View of the United States by Darby*). Невольничество различными способами вредитъ коммерческому развитію юга. Оно уменьшаетъ предпріимчивость бѣлыхъ, оно не позволяетъ имъ имѣть въ своемъ распоряженіи матросовъ, въ которыхъ они могли бы нуждаться. Матросы набираются обыкновенно въ низшемъ классѣ населенія. Но на югѣ этотъ классъ состоитъ изъ невольниковъ, которыхъ было бы трудно утилизировать на морѣ, во-первыхъ, потому, что они служили бы хуже, чѣмъ бѣлые, а потомъ слѣдовало бы постоянно опасаться, чтобы они не взбунтовались посреди океана, или не разбѣжались бы, приставши къ иностранному берегу.

[2]) *View of the Unites States, by Darby*, стр.444.

[3]) Слѣдуетъ замѣтить, что когда я говорю о бассейнѣ Миссисипи, то я не включаю въ него тѣ части штатовъ Нью-Іорка, Пенсильваніи и Виргиніи, которыя находятся къ западу отъ Аллегановъ и которыя, однако, слѣдуетъ считать тоже входящими въ его составъ.

теперь находится Вашингтонъ; теперь оно находится дальше внутрь материка и болѣе къ сѣверу; несомнѣнно, что не пройдетъ двадцати лѣтъ, какъ оно будетъ по ту сторону Аллегановъ. Если Союзъ будетъ продолжать существовать, то бассейнъ Миссисипи по своему плодородію и обширности необходимо предназначенъ сдѣлаться постояннымъ центромъ силы Союза. Черезъ тридцать или сорокъ лѣтъ онъ займетъ естественное свое мѣсто. Легко вычислить, что тогда его населеніе будетъ относиться къ населенію штатовъ, находящихся на берегу Атлантическаго океана приблизительно какъ 40 къ 11. Еще нѣсколько лѣтъ и управленіе Союзомъ ускользнетъ, значитъ, совершенно изъ рукъ тѣхъ, кто его основалъ и населеніе долины Миссисипи будетъ господствовать въ союзныхъ дѣлахъ.

Это постоянное тяготѣніе силъ и вліянія въ Союзѣ къ сѣверо-западу проявляется черезъ каждыя десять лѣтъ, когда, послѣ производства общей переписи населенія, снова установляется число представителей, которыхъ каждый штатъ долженъ посылать въ конгрессъ [1]).

Въ 1790 году Виргинія имѣла девятнадцать представителей въ конгрессѣ. Это число возрастало до 1813 года, когда оно достигло цифры двадцати трехъ. Съ этого времени оно начало уменьшаться. Въ 1833 году оно уже равнялось лишь двадцати одному [2]). Въ теченіе этого же періода, штатъ Нью-Іоркъ слѣдовалъ противоположной прогрессіи: въ 1790 году онъ имѣлъ въ конгрессѣ десять представителей, въ 1813 году двадцать семь, въ 1823 тридцать четыре, въ 1833—сорокъ. Огайо имѣлъ въ 1833 году только одного представителя; въ 1833 году ихъ было девятнадцать.

Трудно представить себѣ прочный союзъ между двумя народами, изъ которыхъ одинъ бѣденъ и слабъ, другой богатъ и силенъ, даже и въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что сила и богатство одного не служатъ причиною слабости и бѣдности другого. Еще труднѣе поддержать ихъ союзъ въ то время, когда одинъ теряетъ силы, а другой пріобрѣтаетъ ихъ.

Это быстрое и непропорціональное возрастаніе нѣкоторыхъ штатовъ угрожаетъ независимости другихъ. Если бы Нью-Іоркъ со своими двумя милліонами жителей и сорока представителями захотѣлъ предписывать законы

---

[1]) Тогда оказывается, что въ теченіе прошедшихъ десяти лѣтъ одинъ штатъ увеличилъ свое населеніе въ пропорціи 5 на 100, какъ Делаваръ; другой въ пропорціи 250 на 100, какъ территорія Мичиганъ. Въ Виргиніи тогда оказывается, что въ тотъ же періодъ число жителей въ ней увеличилось на 13 процентовъ, тогда какъ въ сосѣднемъ штатѣ Огайо оно возросло на 61 процентъ. Глядя на общую таблицу, находящуюся въ *National Calendar*, поражаешься неравномѣрностью въ развитіи различныхъ штатовъ.

[2]) Ниже мы увидимъ, что населеніе Виргиніи въ теченіе послѣдняго періода возросло на 13 процентовъ. Необходимо объяснить, какимъ образомъ число представителей штата можетъ уменьшиться, когда населеніе этого штата не только не уменьшилось, а возросло.

Какъ примѣръ для сравненія, я беру уже упомянутую мною Виргинію. Число депутатовъ отъ Виргиніи въ 1823 году находилось въ опредѣленномъ отношеніи къ общему числу депутатовъ отъ Союза. Въ 1833 году число депутатовъ отъ Виргиніи также находится въ извѣстномъ отношеніи къ общему числу депутатовъ въ 1833 г. и также въ отношеніи къ увеличенію его населенія въ теченіе этихъ десяти лѣтъ. Отношеніе новаго числа депутатовъ отъ Виргиніи къ прежнему будетъ, слѣдовательно, пропорціонально съ одной стороны отношенію новаго общаго числа депутатовъ къ старому, съ другой стороны отношенію величинъ возрастанія населенія въ Виргиніи и во всемъ Союзѣ. Такимъ образомъ, чтобы число депутатовъ отъ Виргиніи не измѣнилось, нужно, чтобъ отношеніе величины возрастанія населенія въ меньшей странѣ къ величинѣ его въ большей было бы обратно отношенію новаго общаго числа депутатовъ къ старому. Если же отношеніе возрастанія Виргинскаго населенія къ возрастанію населенія всего Союза будетъ меньше, чѣмъ отношенію новаго числа депутатовъ въ Союзѣ къ прежнему ихъ числу, то число депутатовъ отъ Виргиніи сдѣлается меньше.

конгрессу, то можетъ-быть ему это и удалось бы. Но если бы даже самые сильные штаты и не пытались притѣснять меньшіе, то опасность все же существовала бы, потому что она почти столько же состоитъ въ возможности такого факта, какъ и въ самомъ фактѣ.

Слабые рѣдко довѣряютъ справедливости и разсудительности сильныхъ. Поэтому штаты, растущіе медленнѣе другихъ, подозрительно и завистливо смотрятъ на тѣ, которымъ фортуна благопріятствуетъ. Изъ этого происходитъ то недовольство и неопредѣленное безпокойство, которыя замѣчаются въ одной части Союза, представляя противоположность съ благосостояніемъ и довѣріемъ, царствующими въ другой. Я думаю, что враждебное положеніе, занятое югомъ, не имѣетъ другихъ причинъ.

Изъ всѣхъ американцевъ южане должны бы всего больше держаться за Союзъ, потому что именно они потерпѣли бы всего больше, будучи предоставлены самимъ себѣ; и однако только они одни и угрожаютъ разорвать связи, соединяющіе союзъ. Отчего это происходитъ[2] На это легко отвѣтить. Югъ, давшій Союзу четырехъ президентовъ [1]), знаетъ теперь, что союзная власть ускользаетъ отъ него; онъ ежегодно видитъ, какъ число его представителей въ конгрессѣ уменьшается, а число представителей сѣвера и запада возрастаетъ, и будучи населенъ людьми горячими и раздражительными, сердится и безпокоится; съ грустью онъ обращаетъ взглядъ на самого себя и вспоминая о прошломъ, постоянно спрашиваетъ себя, не притѣсняютъ ли его. Какъ только онъ замѣчаетъ, что какой-нибудь союзный законъ не очевидно выгоденъ для него, такъ онъ кричитъ, что относительно его злоупотребляютъ силой; онъ горячо требуетъ, и если его не слушаютъ, то онъ приходитъ въ негодованіе и грозитъ уйти изъ общества, въ которомъ онъ несетъ только обязанности, не получая отъ него выгодъ.

„Тарифные законы,—говорили въ 1832 году жители Каролины, — обогащаютъ сѣверъ и разоряютъ югъ, потому что не будь этого, можно ли было-бы себѣ представить, что сѣверъ съ его негостепріимнымъ климатомъ и безплодной почвой, постоянно увеличиваетъ свои богатства и силу, а югъ, составляющій какъ бы садъ Америки, быстро приходитъ въ упадокъ?“ [2])

Если бы сказанныя перемѣны происходили на столько постепенно, чтобы по крайней мѣрѣ каждое поколѣніе имѣло время замѣниться другимъ вмѣстѣ съ измѣненіемъ того порядка вещей, котораго оно было свидѣтелемъ, то опасность была бы меньше; но въ движеніи впередъ, совершаемомъ обществомъ въ Америкѣ, есть нѣчто столь торопливое, что его почти можно бы было назвать революціоннымъ. Одинъ и тотъ же гражданинъ могъ видѣть какъ его штатъ стоялъ во главѣ Союза, а потомъ сдѣлался безсильнымъ вліять на его рѣшенія. Есть такія изъ американскихъ республикъ, которыя росли также скоро, какъ одинъ человѣкъ и которыя родились, выросли и достигли зрѣлости въ тридцать лѣтъ.

Не слѣдуетъ однако воображать, что штаты, теряющіе власть, пустѣютъ и идутъ къ упадку: развитіе ихъ благосостоянія не останавливается; они возрастаютъ даже скорѣе всякаго европейскаго королевства [3]). Но имъ ка-

---

[1]) Вашингтонъ, Джефферсонъ, Мадиссонъ и Монроэ.

[2]) См. докладъ, сдѣланный ея комитетомъ конвенту, который провозгласилъ нуллификацію въ южной Каролинѣ.

[3]) Населеніе страны составляетъ, конечно, первый элементъ ея богатства. Въ теченіе того самого періода съ 1820 по 1832 г., когда Виргинія потеряла двухъ депутатовъ въ конгрессѣ, населеніе ея увеличилось на 13,7 процентовъ, населеніе обѣихъ Каролинъ на 15, а населеніе Георгіи на 51,5 (см. *American Almanac* 1832 г., стр. 162).

жется, что они бѣднѣютъ, потому что они богатѣютъ не такъ скоро, какъ ихъ сосѣди и что они теряютъ свою силу, потому что вдругъ приходятъ въ соприкосновеніе съ другою большею силою [1]). Такимъ образомъ, скорѣе бываютъ оскорблены ихъ чувства, чѣмъ нарушены ихъ интересы. Но не довольно ли и этого для того, чтобы союзъ оказался въ опасности? Если бы съ начала міра народы и короли имѣли въ виду только свою дѣйствительную пользу, то люди почти не знали бы, что значитъ война.

Такимъ образомъ, величайшая опасность, грозящая Соединеннымъ Штатамъ, проистекаетъ изъ самаго ихъ благополучія: оно ведетъ нѣкоторыхъ членовъ Союза къ опьянѣнію, сопровождающему быстрое увеличеніе богатства, а у другихъ раждаетъ зависть, недовѣріе и сожалѣнія, слѣдующія обыкновенно за его потерей.

Американцы радуются, глядя на это необыкновенное движеніе. Мнѣ кажется, что они должны бы смотрѣть на него съ сожалѣніемъ и страхомъ. Что бы ни дѣлали американцы Соединенныхъ Штатовъ, они все же будутъ однимъ изъ величайшихъ народовъ міра; потомки ихъ займутъ почти всю Сѣверную Америку; материкъ, на которомъ они живутъ, составляетъ ихъ собственность и не можетъ у нихъ быть отнятъ. Кто же заставляетъ ихъ спѣшить овладѣть имъ теперь же? Богатство, могущество и слава непремѣнно будутъ у нихъ когда-нибудь; а они бросаются за этимъ великимъ счастьемъ, какъ будто у нихъ остается одна минута для того, чтобы его поймать.

Мнѣ кажется, я доказалъ, что существованіе настоящаго Союза вполнѣ зависитъ отъ согласія всѣхъ его членовъ оставаться соединенными; и исходя изъ этого положенія, я изслѣдовалъ, какія бы причины могли заставить различные штаты желать отдѣлиться. Но для Союза есть два способа погибнуть: или одинъ изъ союзныхъ штатовъ можетъ захотѣть выйти изъ договора и такимъ образомъ насильственно порвать общую связь; къ этому случаю и относится большая часть сдѣланныхъ мною ранѣе замѣчаній; или союзное правительство можетъ постепенно все болѣе терять свою власть вслѣдствіе одновременно проявляемаго всѣми союзными республиками стремленія возвратить себѣ свою независимость. Центральная власть, у которой были бы постепенно отняты всѣ ея права и которая молчаливымъ соглашеніемъ была бы доведена до безсилія, оказалась бы въ невозможности исполнять свою задачу и второй союзъ погибъ бы подобно первому отъ нѣкотораго рода старческаго слабоумія.

Постепенное ослабленіе союзной связи, приводящее наконецъ къ уничтоженію союза, есть, впрочемъ, само по себѣ отдѣльный фактъ, могущій привести ко многимъ другимъ менѣе крайнимъ результатамъ, ранѣе чѣмъ онъ произведетъ паденіе Союза. Союзъ можетъ еще существовать, а уже слабость его правительства можетъ довести націю до безсилія, произвести внутреннюю анархію и замедлить развитіе общаго благосостоянія страны.

Поэтому, изслѣдовавши, что влечетъ англо-американцевъ къ разъединенію, нужно разсмотрѣть, при существованіи Союза, увеличиваетъ ли ихъ

Между тѣмъ въ Россіи, въ которой изъ всѣхъ европейскихъ странъ населеніе возрастаетъ всего быстрѣе, число жителей въ десять лѣтъ увеличивается только на 9,5 процентовъ, во Франціи на 7, а во всей Европѣ вмѣстѣ взятой на 4,7 (см. Мальтъ-Вренъ, т. VI, стр. 25).

[1]) Надо, впрочемъ, признать, что пониженіе цѣнъ на табакъ въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ замѣтно уменьшило благосостояніе южныхъ плантаторовъ; но этотъ фактъ столь же мало зависитъ отъ воли сѣверянъ, какъ и отъ ихъ собственной.

правительство сферу своего дѣйствія, или суживаетъ ее, становится ли оно энергичнѣе, или слабѣетъ.

Очевидно, что американцы очень озабочены предполагаемою ими большой опасностью. Они замѣчаютъ, что у большей части народовъ во всемъ свѣтѣ существуетъ тенденція къ переходу въ немногія руки пользованія правами верховной власти и они пугаются, воображая, что и у нихъ кончится тѣмъ же. Даже государственные люди испытываютъ эти страхи, или дѣлаютъ видъ, что испытываютъ, такъ какъ въ Америкѣ централизація не популярна и нельзя лучше угодить большинству, какъ возставая противъ воображаемыхъ захватовъ центральной власти. Американцы не хотятъ видѣть того, что въ странахъ, гдѣ проявляется это пугающее ихъ стремленіе къ централизаціи, существуетъ лишь одинъ народъ, тогда какъ Союзъ есть федерація различныхъ народовъ; а это такой фактъ, котораго одного довольно, чтобы нарушить всѣ предвидѣнія, основанныя на аналогіи.

Я, признаюсь, считаю эти опасенія значительнаго числа американцевъ совершенно мнимыми. Я не только не боюсь, вмѣстѣ съ ними закрѣпленія верховной власти въ рукахъ Союза, но я думаю, что союзное правительство замѣтнымъ образомъ ослабѣваетъ.

Для доказательства утверждаемаго мною по этому поводу, я не буду обращаться къ стариннымъ фактамъ, но обращусь къ тѣмъ, свидѣтелемъ которыхъ могъ быть я самъ, или которые произошли въ наше время.

Если внимательно разсмотрѣть то, что происходитъ въ Соединенныхъ Штатахъ, то легко замѣтить существованіе двухъ противоположныхъ направленій: это суть какъ бы два теченія, направленныя по одному руслу въ разныя стороны.

Въ теченіе сорока пяти лѣтъ существованія Союза, время истребило множество провинціальныхъ предубѣжденій, которыя въ началѣ вели съ нимъ борьбу. Патріотическое чувство, привязывавшее каждаго американца къ своему штату, стало менѣе исключительно. Узнавши лучше другъ друга, различныя части Союза сблизились. Почта, эта великая связь умовъ, проникаетъ теперь и въ пустыни [1]). Всѣ береговые пункты ежедневно сообщаются другъ съ другомъ посредствомъ пароходовъ. Торговое движеніе внизъ и вверхъ по внутреннимъ рѣкамъ представляетъ безпримѣрную быстроту [2]). Къ этимъ удобствамъ, созданнымъ природою и искусствомъ, присоединяются непостоянство желаній, безпокойство ума, страсть къ богатству, которыя, безпрерывно толкая американца вонъ изъ его дома, приводятъ его въ сообщеніе со множествомъ его согражданъ. Онъ ѣздитъ по своей странѣ по всѣмъ направленіямъ, посѣщаетъ всякаго рода живущее въ ней населеніе. Нѣтъ такой французской провинціи, жители которой такъ въ совершенствѣ знали бы другъ друга, какъ 13.000.000 людей, населяющихъ Соединенные Штаты.

Перемѣшиваясь, американцы въ тоже время и сливаются другъ съ другомъ. Различія между ними, причиной которыхъ были естественныя усло-

---

[1]) Въ 1832 году въ округѣ Мичиганъ, имѣющемъ не болѣе 31.639 жителей и представляющемъ еще едва проѣздную пустыню, было 940 миль почтовыхъ дорогъ. По совершенно почти дикой территоріи Арканзаса проходило уже 1.938 миль почтовыхъ дорогъ. См. *the Report of the post general* 30 ноября 1833 года. Одна пересылка журналовъ и газетъ во всемъ Союзѣ даетъ доходу 254.796 долларовъ въ годъ.

[2]) Въ теченіе десяти лѣтъ съ 1821 по 1831 годъ 281 пароходъ былъ спущенъ только на рѣкахъ, орошающихъ долину Миссисипи.

Въ 1829 году въ Соединенныхъ Штатахъ было 256 пароходовъ. См. *Законодательные документы* № 140, стр. 274.

вія, происхожденіе и учрежденія, становятся меньше. Всѣ они болѣе и болѣе приближаются къ одному общему типу. Ежегодно тысячи людей отправляются съ сѣвера и распространяются по всѣмъ частямъ союза. Они приносятъ съ собой ихъ вѣрованія, мнѣнія и нравы, и такъ какъ по своей образованности они стоятъ выше тѣхъ людей, между которыми они поселяются, то они скоро захватываютъ въ свои руки управленіе дѣлами и производятъ въ обществѣ измѣненія въ свою пользу. Это постоянное переселеніе съ сѣвера на югъ чрезвычайно благопріятствуетъ сліянію всѣхъ провинціальныхъ характеровъ въ одинъ національный характеръ. Поэтому сѣверная цивилизація повидимому предназначена къ тому, чтобы сдѣлаться общей мѣрой, къ которой со временемъ будетъ примѣняться все остальное.

По мѣрѣ того какъ промышленность американцевъ совершенствуется, торговыя связи, соединяющія всѣ союзные штаты, становятся тѣснѣе и единеніе, бывшее раньше во мнѣніяхъ, входитъ въ привычки. Время въ своемъ движеніи доканчиваетъ уничтоженіе множества фантастическихъ страховъ, тревожившихъ воображеніе людей 1789 года. Союзная власть не сдѣлалась угнетающей; она не уничтожила независимости штатовъ, и не привела членовъ союза къ монархіи. Въ союзѣ, маленькіе штаты не подпали подъ власть большихъ. И количество населенія, богатство и сила союза продолжали безпрерывно возрастать.

Поэтому я думаю, что въ наше время американцамъ представляется меньше естественныхъ затрудненій для того, чтобы жить вмѣстѣ, чѣмъ это было въ 1789 году. Союзъ имѣетъ теперь меньше враговъ чѣмъ тогда.

А между тѣмъ, если мы будемъ внимательно изучать исторію Соединенныхъ Штатовъ въ теченіе сорока пяти лѣтъ, то легко убѣдимся въ томъ, что значеніе союзной власти убываетъ.

Не трудно указать причины этого явленія.

Въ моментъ обнародованія конституціи 1789 года все погибало въ анархіи; заступившій мѣсто этого безпорядка союзъ возбуждалъ много страха и ненависти; но у него были и горячіе друзья, потому что онъ служилъ выраженіемъ важной потребности. Хотя союзная власть въ то время подвергалась большимъ нападкамъ чѣмъ теперь, однако она быстро достигла высшей степени своего могущества, какъ это обыкновенно бываетъ съ правительствомъ, которое торжествуетъ послѣ напряженія своихъ силъ въ борьбѣ. Въ это время пониманіе конституціи повидимому скорѣе расширяло, чѣмъ съуживало верховную власть союза, который во многихъ отношеніяхъ представлялъ собою зрѣлище одного, нераздѣльнаго народа, управляемаго, во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ однимъ правительствомъ.

Но, чтобы до этого дойти, народъ, такъ сказать, превзошелъ самого себя.

Конституція не уничтожила индивидуальности штатовъ, а всѣ общественныя группы, каковы бы онѣ ни были, имѣютъ тайный инстинктъ, направляющій ихъ къ независимости. Этотъ инстинктъ еще явственнѣе въ такой странѣ какъ Америка, гдѣ каждая деревня образуетъ нѣчто вродѣ республики, привыкшей къ самоуправленію.

Значитъ со стороны штатовъ, подчинившихся преобладанію союза, было сдѣлано извѣстное усиліе. А всякое усиліе, даже увѣнчавшееся большимъ успѣхомъ, не можетъ не ослабѣть, когда ослабѣваетъ произведшая его причина.

По мѣрѣ того какъ союзное правительство упрочивало свою власть, Америка снова занимала свое положеніе между націями, миръ возстановлялся на границахъ, общественный кредитъ снова повышался; на мѣсто

запутанности становился опредѣленный порядокъ, позволявшій личной промышленной дѣятельности итти своимъ естественнымъ путемъ и развиваться на свободѣ.

Но вслѣдствіе этого самого благополучія стали забывать о произведшей его причинѣ; когда опасность прошла, то американцы уже не находили въ себѣ той энергіи и любви къ отечеству, которыя помогли имъ ее предотвратить. Избавившись отъ безпокоившаго ихъ страха, они легко вошли въ обычный ходъ жизни и безпрепятственно предались своимъ обыкновеннымъ склонностямъ. Какъ только сильное правительство перестало казаться необходимымъ, такъ снова стали находить его стѣснительнымъ. Все шло хорошо при союзѣ и потому отъ союза не отдѣлялись; но желали какъ можно меньше чувствовать дѣйствіе представлявшей его власти. Вообще желали оставаться соединенными, а въ каждомъ частномъ случаѣ стремились быть снова независимыми. Ежедневно союзный принципъ все легче признавался и все меньше примѣнялся; такимъ образомъ союзное правительство, создавши порядокъ и миръ, привело само себя къ упадку.

Какъ только это настроеніе умовъ стало выражаться внѣшнимъ образомъ, такъ партійные дѣятели, живущіе народными страстями, начали эксплуатировать его въ свою пользу.

Союзное правительство очутилось тогда въ очень критическомъ положеніи; враги его пользовались народною благосклонностью и право управлять имъ получалось тѣми, кто давалъ обѣщаніе сдѣлать его слабѣе.

Начиная съ этого времени союзное правительство не переставало отступать почти всякій разъ, какъ оно приходило въ столкновеніе съ правительствами штатовъ. Когда приходилось разъяснять смыслъ выраженій союзной конституціи, то чаще всего разъясненіе дѣлалось противъ союза и въ пользу штатовъ.

Конституція возлагала на союзное правительство обязанность заботиться о національныхъ интересахъ: предполагалось, что его дѣло вести самому, или оказывать содѣйствіе большимъ предпріятіямъ внутри страны, могущимъ по характеру своему увеличить благосостояніе всего союза (*internal improvements*) каковы наприм. каналы.

Штаты испугались мысли, что не ихъ власть, а другая, будетъ такимъ образомъ распоряжаться частью ихъ территоріи. Они боялись, что центральное правительство, пріобрѣтя этимъ способомъ опасное право назначенія на должности въ ихъ собственной средѣ, можетъ проявить въ ней вліяніе, которое они желали всецѣло сохранить только за своими агентами.

Поэтому демократическая партія, бывшая всегда противницей всякаго развитія союзной власти, возвысила свой голосъ: стали обвинять конгрессъ въ присвоеніи себѣ непринадлежащихъ ему правъ, а главу государства въ честолюбіи. Испугавшись поднятаго шума, центральное правительство само наконецъ признало свою ошибку и строго заключилось въ той сферѣ, которая ему была указана.

Конституція предоставляетъ союзу исключительное право заключать договоры съ иностранцами. Союзъ вообще признавалъ за иностранцевъ индѣйцевъ, живущихъ на границахъ его территоріи. Пока эти дикари соглашались уходить отъ цивилизаціи, то право союза не оспаривалось; но какъ только какое-нибудь индѣйское племя рѣшало жить осѣдло въ извѣстной мѣстности, такъ окружающіе ее штаты предъявляли право собственности на эту землю и право верховной власти надъ людьми, принадлежащими къ этому племени. Центральное правительство поспѣшило признать то и дру-

гое и послѣ заключенія договоровъ съ индѣйцами, какъ съ независимыми народами, предоставило ихъ въ качествѣ подданныхъ законодательной тиранніи штатовъ [1]).

Въ числѣ штатовъ, образовавшихся на берегахъ Атлантическаго океана, многіе простирались неопредѣленно къ западу въ безлюдныя мѣстности, куда еще не проникли европейцы. Тѣ штаты, границы которыхъ были уже безповоротно установлены, съ завистью смотрѣли на безграничную будущность, открытую для ихъ сосѣдей. Послѣдніе въ видахъ примиренія и чтобы облегчить осуществленіе союза, согласились установить для себя границы и предоставили союзу всю территорію какая могла оказаться за ними [2]).

Съ этого времени союзное правительство сдѣлалось собственникомъ всѣхъ пустопорожнихъ земель, находящихся внѣ тринадцати штатовъ, первоначально вступившихъ въ союзъ. На него возложена обязанность дѣлить и продавать ихъ и получаемыя отъ этой продажи деньги вносятся исключительно въ союзную казну. На средства, даваемыя этимъ доходомъ, союзное правительство покупаетъ у индѣйцевъ ихъ земли, проводитъ дороги въ новыхъ округахъ и всѣми своими силами помогаетъ въ нихъ быстрому развитію общественности.

Но съ теченіемъ времени произошло, что въ этихъ самыхъ пустынныхъ мѣстностяхъ, когда то уступленныхъ жителями береговъ Атлантическаго океана, образовались новые штаты. Конгрессъ продолжалъ продавать въ пользу всей націи необработанныя земли, остававшіяся еще внутри этихъ штатовъ. Но въ настоящее время послѣдніе утверждаютъ, что разъ они узаконены, то они и должны имѣть исключительное право употреблять доходъ отъ этихъ продажъ на ихъ собственныя нужды. Когда требованія эти стали дѣлаться все болѣе угрожающими, то конгрессъ счелъ нужнымъ отнять у союза часть привилегій, которыми онъ пользовался до тѣхъ поръ, и въ концѣ 1832 года издалъ законъ, которымъ, не уступая новымъ западнымъ республикамъ права собственности на ихъ невоздѣланныя земли, представлялъ исключительно въ ихъ пользу большую часть получаемаго отъ нихъ дохода [3]).

Достаточно проѣхать по Соединеннымъ Штатамъ, чтобы оцѣнить выгоды, получаемыя страной отъ банка. Выгоды эти различнаго рода; но особенно одно удобство поражаетъ иностранца: банковые билеты Соединенныхъ Штатовъ принимаются на границѣ пустынь въ той же цѣнѣ, какъ и въ Филадельфіи, гдѣ находится центральное управленіе банка [4]).

И однако же банкъ Соединенныхъ Штатовъ составляетъ предметъ большихъ проявленій ненависти. Его директоры высказались противъ призидента

---

[1]) См. законодательные документы, приведенные уже мною въ главѣ объ индѣйцахъ, письмо президента Соединенныхъ Штатовъ къ широкеямъ, его переписку по этому поводу со своими агентами и его посланія конгрессу.

[2]) Первый уступочный актъ былъ сдѣланъ штатомъ Нью-Іоркъ въ 1780 году. Виргинія, Массачузетсъ, Коннектикутъ, южная Каролина и сѣверная Каролина въ разное время послѣдовали этому примѣру; послѣднею была Георгія, уступочный актъ которой былъ совершенъ только въ 1802 году.

[3]) Президентъ, правда, отказался утвердить этотъ законъ, но онъ вполнѣ признавалъ его въ принципѣ. См. *посланіе отъ 2 декабря* 1833 года.

[4]) Настоящій банкъ Соединенныхъ Штатовъ учрежденъ въ 1816 году съ капиталомъ въ 35.000.000 долларовъ (185.500.000 франковъ). Срокъ его привилегіи оканчивается въ 1836 году. Въ прошломъ году конгрессъ постановилъ издать законъ о его возобновленіи, но президентъ отказалъ въ своемъ утвержденіи. Въ настоящее время борьба ведется съ той и другой стороны съ чрезвычайной страстностью и легко предвидѣть скорое паденіе банка.

и ихъ обвиняютъ въ томъ, что злоупотребляя своимъ вліяніемъ, они затрудняли его избраніе. Поэтому президентъ нападаетъ на представляемое ими учрежденіе со всей горячностью личной вражды, при чемъ въ его мщеніи поощряло его то, что онъ чувствуетъ за собой поддержку тайныхъ инстинктовъ большинства.

Банкъ образуетъ собою главную денежную связь союза такъ же, какъ конгрессъ есть главный представитель его законодательной связи, и тѣ же страсти, которыя стремятся къ освобожденію штатовъ отъ зависимости ихъ отъ центральной власти, стремятся и къ уничтоженію банка.

Банкъ Соединенныхъ Штатовъ имѣетъ всегда въ своихъ рукахъ значительное число билетовъ, выпущенныхъ провинціальными банками, по которымъ онъ можетъ каждый день потребовать отъ послѣднихъ уплаты звонкой монетой. Напротивъ ему нечего бояться подобной опасности, такъ какъ размѣръ средствъ, которыми онъ можетъ располагать, позволяетъ ему быть готовымъ ко всякимъ требованіямъ. Въ виду такого положенія, угрожающаго ихъ существованію, провинціальные банки принуждены сдерживаться и выпускать въ обращеніе лишь число билетовъ, соотвѣтствующее ихъ капиталу. Провинціальные банки нетерпѣливо выносятъ этотъ спасительный контроль. Поэтому состоящія у нихъ на жалованьи газеты и президентъ, интересы котораго сдѣлали его ихъ органомъ, нападаютъ на банкъ съ нѣкотораго рода яростью. Они возбуждаютъ противъ него мѣстныя страсти и слѣпой демократическій инстинктъ страны. По ихъ словамъ, директоры банка образуютъ постоянную аристократическую группу, вліяніе которой не можетъ не отражаться на правительствѣ и рано или поздно должно нарушить принципы равенства, служащіе основаніемъ для американскаго общества.

Борьба банка со своими врагами есть лишь одинъ частный случай въ великой борьбѣ, которую ведутъ въ Америкѣ провинціи съ центральной властью, духъ независимости и демократіи съ духомъ іерархіи и подчиненности. Я не утверждаю, что противники банка Соединенныхъ Штатовъ суть именно тѣ же самыя лица, которыя и въ другихъ пунктахъ нападаютъ на союзное правительство; но я говорю что нападки на этотъ банкъ произведены тѣми же инстинктами, которые ведутъ борьбу и съ союзнымъ правительствомъ, и что значительное число враговъ перваго есть дурной признакъ указывающій на ослабленіе послѣдняго.

Но никогда союзъ не оказывался такъ слабъ, какъ въ знаменитомъ дѣлѣ о тарифахъ [1]).

Войны французской революціи и 1812 года, которыя препятствовали свободному сообщенію Америки съ Европой, создали фабричное производство на сѣверѣ союза. Когда послѣ заключенія мира для европейскихъ продуктовъ снова открылся путь въ Новый Свѣтъ, то американцы сочли нужнымъ установить таможенную систему, которая могла бы и оказывать покровительство ихъ начинающейся промышленности и доставлять средства, для уплаты долга сдѣланнаго по случаю войны.

Южные штаты, не имѣющіе фабрикъ, нуждающихся въ покровительствѣ, и исключительно земледѣльческіе, скоро стали жаловаться на эту мѣру.

Я не имѣю въ виду разбирать здѣсь, что могло быть истиннаго или мнимаго въ ихъ жалобахъ; я только разсказываю факты.

---

[1]) См. въ особенности о подробностяхъ этого дѣла *законодательные документы* 22 конгресса 2-й сессіи n⁰ 30.

Уже въ 1820 году южная Каролина, въ петиціи, представленной въ конгрессъ заявила, что тарифный законъ *противенъ конституціи, притѣснителенъ и несправедливъ*. Затѣмъ Георгія, Виргинія, сѣверная Каролина, штаты Алабема и Миссисипи сдѣлали болѣе или менѣе энергическія заявленія въ томъ же смыслѣ.

Конгрессъ не только не обратилъ вниманія на этотъ ропотъ, но въ 1824 и 1828 годахъ еще повысилъ таможенныя пошлины и снова утвердилъ тарифъ въ принципѣ.

Тогда на югѣ появилось, или, лучше сказать, было возобновлено знаменитое ученіе, которому дано названіе *нуллификаціи*.

Въ своемъ мѣстѣ я указалъ, что цѣлью союзной конституціи было не установленіе временнаго союза между самостоятельными государствами, а созданіе національнаго правленія. Во всѣхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ конституціей, американцы Соединенныхъ Штатовъ образуютъ одинъ народъ. По всѣмъ этимъ вопросамъ воля націи выражается у нихъ, какъ и у всѣхъ конституціонныхъ народовъ, посредствомъ большинства. Когда большинство высказалось, то меньшинство обязано подчиниться.

Такова легальная доктрина, единственно согласная съ текстомъ конституціи и съ извѣстными намѣреніями тѣхъ людей, которые ее установили.

Напротивъ южные *нуллификаторы* утверждаютъ, что, соединяясь вмѣстѣ, американцы не имѣли въ виду слиться въ одинъ народъ, но что они желали только образовать лигу независимыхъ народовъ; изъ чего слѣдуетъ, что такъ какъ каждый штатъ сохранилъ, если не въ дѣйствіи, то по крайней мѣрѣ въ принципѣ, свою полную верховную власть, то онъ имѣетъ право толковать законы издаваемые конгрессомъ и пріостанавливать у себя исполненіе тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ имъ признаны противными или конституціи, или справедливости.

Все ученіе нуллификаціи резюмировано въ одной фразѣ, сказанной въ 1833 году въ сенатѣ Соединенныхъ Штатовъ г. Кальгуномъ, признаннымъ предводителемъ южныхъ нуллификаторовъ:

Конституція, сказалъ онъ, есть договоръ, въ которомъ штаты участвовали въ качествѣ государствъ, обладающихъ верховною властью. Но всякій разъ, когда дѣлается договоръ между сторонами, для которыхъ не существуетъ общаго судьи, каждая изъ нихъ сохраняетъ за собой право самой судить о размѣрахъ ея обязанностей.

Очевидно, что подобное ученіе уничтожаетъ въ самомъ основаніи связь Союза и фактически приводитъ снова къ анархіи, отъ которой американцы были освобождены конституціей 1789 года.

Когда Южная Каролина увидала, что конгрессъ остается глухъ къ ея жалобамъ, то она стала угрожать примѣненіемъ къ союзному тарифному закону ученія нуллификаторовъ. Конгрессъ твердо продолжалъ держаться своей системы; наконецъ гроза разразилась.

Въ теченіе 1832 года народъ Южной Каролины [1]) избралъ національный конвентъ для обсужденія чрезвычайныхъ мѣръ, которыя оставалось принять; и 24 ноября того же года этотъ конвентъ обнародовалъ, подъ названіемъ указа, законъ, который признавалъ недѣйствительнымъ союзный законъ о тарифѣ, запрещалъ взимать указанныя въ немъ пошлины и при-

[1]) Т.-е. большинство народа, такъ какъ противная партія, названная *Union party*, всегда имѣла за себя очень значительное и очень дѣятельное меньшинство. Въ Каролинѣ можетъ быть около 47.000 избкрателей; изъ нихъ 30.000 были за нуллификацію, а 17.000 противъ.

нимать жалобы, могущія быть по этому поводу подданными въ союзные суды [1]). Этотъ указъ долженъ былъ привестись въ дѣйствіе только въ слѣдующемъ февралѣ и было объяснено, что если конгрессъ раньше этого времени измѣнитъ тарифъ, то Южная Каролина можетъ согласиться и оставить безъ послѣдствій свои угрозы. Позже было выражено,—впрочемъ, въ неясной и неопредѣленной формѣ—желаніе подвергнуть вопросъ разсмотрѣнію чрезвычайнаго собранія отъ всѣхъ союзныхъ штатовъ.

Тѣмъ временемъ Южная Каролина вооружала свою милицію и готовилась къ войнѣ.

Что же сдѣлалъ конгрессъ? Конгрессъ, не слушавшій своихъ подданныхъ, пока они съ покорностью просили, тотчасъ обратилъ свой слухъ къ ихъ жалобамъ, когда увидѣлъ ихъ съ оружіемъ въ рукахъ [2]). Онъ издалъ законъ [3]), на основаніи котораго пошлины указанныя въ тарифѣ должны прогресивно уменьшаться въ теченіе десяти лѣтъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ доведены до размѣра не превышающаго потребности правительства. Такимъ образомъ конгрессъ совершенно отказался отъ основаній тарифа. Пошлину, покровительствующую промышленности, онъ замѣнилъ мѣрою чисто фискальною [4]). Чтобы скрыть свое пораженіе, правительство Союза обратилось къ уловкѣ, часто употребляемой слабыми правительствами: уступая на дѣлѣ, оно выказывало себя непреклоннымъ относительно принциповъ. Въ то же время, какъ конгрессъ измѣнилъ тарифный законъ, онъ провелъ другой законъ, въ силу котораго президентъ былъ облеченъ чрезвычайною властью для подавленія сопротивленія, котораго въ это время уже нечего было опасаться.

Южная Каролина не согласилась уступить Союзу даже этого слабаго вида побѣды; тотъ же національный конвентъ, который призналъ недѣйствительнымъ тарифный законъ, принялъ предложенныя ему уступки; но въ то же время онъ объявилъ, что тѣмъ съ большею твердостью онъ держится доктрины нуллификаторовъ и для доказательства этого призналъ недѣйствительнымъ законъ, дающій президенту чрезвычайныя полномочія, хотя было совершенно достовѣрно, что онъ не будетъ примѣненъ.

---

[1]) Этому указу предшествовалъ докладъ комитета, которому поручена была подготовка его редакціи; этотъ докладъ содержитъ въ себѣ изложеніе и цѣль закона. Въ немъ на стр. 34 мы читаемъ: „Когда права, присвоенныя конституціей различнымъ штатамъ, преднамѣренно нарушаются, то эти штаты имѣютъ право и обязанность принять мѣры, чтобъ остановить распространеніе зла, воспротивиться васильственному захвату власти и охранять въ соотвѣтствующихъ предѣлахъ правъ и привилегіи, принадлежащія имъ какъ *независимымъ обладателямъ верховной власти*. Еслибы штаты не имѣли этого права, то они напрасно считали бы себя имѣющими верховную власть. Южная Каролина объявляетъ, что она не признаетъ на землѣ никакого стоящаго надъ ней суда. То вѣрно, что она заключила съ другими штатами, имѣющими такую же верховную власть, торжественный договоръ о союзѣ *(a solemn contract of union)*, но она требуетъ себѣ права разъяснять по своему мнѣнію его смыслъ и будетъ пользоваться этимъ правомъ; когда же этотъ договоръ нарушается другими участниками и созданнымъ ими правительствомъ, то она желаетъ воспользоваться несомнѣннымъ *(unquestionable)* правомъ судить о размѣрахъ этого нарушенія и о мѣрахъ, какія слѣдуетъ принять, чтобы добиться справедливости“.

[2]) Что окончательно заставило конгрессъ рѣшиться на эту мѣру, это демонстрація, произведенная сильнымъ штатомъ Виргиніей, законодательное собраніе котораго предложило себя въ посредники между Союзомъ и Южною Каролиной. До этого времени послѣдняя повидимому была совершенно покинута даже тѣми штатами, которые заявляли вмѣстѣ съ нею.

[3]) Законъ 2 марта 1833 года.

[4]) Этотъ законъ былъ предложенъ г. Клей и прошелъ огромнымъ большинствомъ въ четыре дня въ обѣихъ палатахъ конгресса.

Почти всѣ дѣла, о которыхъ я говорилъ, происходили во время президентства генерала Джаксона. Нельзя отрицать, что въ дѣлѣ тарифа онъ съ искусствомъ и энергіей поддерживалъ права Союза. Я думаю однако, что въ числѣ опасностей, которымъ въ настоящее время подвергается власть Союза, слѣдуетъ также считать и образъ дѣйствій его представителя.

О вліяніи, которое можетъ имѣть генералъ Джаксонъ въ своей странѣ, нѣкоторыя лица въ Европѣ составили себѣ мнѣніе, которое людямъ, близко видѣвшимъ положеніе вещей, кажется очень несообразнымъ.

Въ Европѣ слыхали, что генералъ Джаксонъ одерживалъ побѣды на войнѣ, что это человѣкъ энергическій, склонный по характеру и по привычкамъ къ дѣйствію силой, любящій властвовать и распоряжаться деспотически. Все это можетъ-быть вѣрно, но выводы, сдѣланные изъ этихъ вѣрныхъ положеній, очень ошибочны.

Воображаютъ, что генералъ Джаксонъ хочетъ установить въ Соединенныхъ Штатахъ диктатуру, что онъ введетъ тамъ господство военнаго направленія и дастъ центральной власти распространеніе опасное для провинціальной свободы. Но въ Америкѣ времена для такихъ предпріятій и для подобныхъ людей еще не пришли, и еслибы генералъ Джаксонъ захотѣлъ властвовать такими способами, то онъ конечно потерялъ бы свое политическое положеніе и подвергъ опасности свою жизнь. Поэтому онъ не былъ такъ безразсуденъ, чтобы сдѣлать такую попытку.

Теперешній президентъ не только не желаетъ распространять власть Союза, но напротивъ служитъ представителемъ партіи, желающей ограничить ее лишь самыми ясными и точными указаніями конституціи и не признающей возможности, чтобы толкованіе могло быть когда-либо въ пользу союзнаго правительства. Генералъ Джаксонъ не только не защитникъ централизаціи, но онъ является агентомъ ревнивыхъ провинціальныхъ чувствъ. Онъ достигъ верховной власти благодаря *децентрализующимъ* (если можно такъ выразиться) страстямъ; и именно льстя этимъ страстямъ, онъ благополучно сохраняетъ власть. Генералъ Джаксонъ есть рабъ большинства: онъ слѣдуетъ за нимъ въ его большихъ и малыхъ желаніяхъ, въ его инстинктахъ на половину выраженныхъ, или, лучше сказать, онъ предвидитъ его желанія и спѣшитъ стать впереди его.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство штатовъ вступаетъ въ борьбу съ правительствомъ Союза, рѣдко бываетъ, чтобы президентъ прежде всѣхъ не усомнился въ правѣ послѣдняго. Онъ почти всегда высказывается раньше законодательной власти; когда дѣло идетъ о разъясненіи вопроса о размѣрахъ власти Союза, онъ какъ бы становится противъ самого себя, онъ уменьшается, скрывается, исчезаетъ. Онъ дѣлаетъ это не потому, чтобы по природѣ своей былъ слабъ или враждебенъ Союзу; когда большинство высказалось противъ претензій южныхъ нуллификаторовъ, то онъ сталъ во главѣ его, точно и энергично формулировалъ его доктрину и первый потребовалъ примѣненія силы. Генералъ Джаксонъ, если употребить сравненіе взятое изъ словаря американскихъ партій, *федералистъ* по своимъ склонностямъ и *республиканецъ* по разсчету.

Склонившись такимъ образомъ передъ большинствомъ, чтобы пріобрѣсти его благосклонность, генералъ Джаксонъ снова поднимаетъ голову. Онъ идетъ тогда, сокрушая передъ собой всѣ преграды, къ тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдуетъ само большинство, или, на которыя оно не смотритъ ревнивымъ взглядомъ. Сознавая за собой силу поддержки, которой не имѣли его предшественники, онъ топчетъ ногами своихъ личныхъ враговъ всюду,

гдѣ ихъ находитъ, съ такою легкостью, которой не пользовался никакой другой президентъ; онъ принимаетъ подъ своей отвѣтственностью такія мѣры, на которыя раньше его никто бы не рѣшился; случается даже, что онъ относится къ національному представительству съ почти оскорбительнымъ пренебреженіемъ; онъ отказываетъ въ утвержденіи законовъ, поставляемыхъ конгрессомъ, а иногда даже не отвѣчаетъ этому высокому учрежденію. Это фаворитъ, который иногда грубитъ своему господину. Такимъ образомъ сила генерала Джаксона безпрерывно возрастаетъ, но власть президента умаляется. Въ его рукахъ союзное правительство сильно; но оно перейдетъ безсильнымъ къ его преемнику.

Или я удивительно ошибаюсь, или союзное правительство Соединенныхъ Штатовъ ежедневно становится слабѣе; оно послѣдовательно отказывается отъ разныхъ дѣлъ и все больше съуживаетъ кругъ своего дѣйствія. Будучи слабо по природѣ, оно отрекается даже отъ внѣшнихъ признаковъ силы. Съ другой стороны, мнѣ казалось, что въ штатахъ чувство независимости становится все сильнѣе и сочувствіе къ провинціальному правительству проявляется все опредѣленнѣе.

Хотятъ, чтобы былъ Союзъ, но призрачный, чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ былъ силенъ, а во всемъ остальномъ слабъ; желаютъ, чтобы во время войны онъ могъ соединить въ своихъ рукахъ всѣ силы и средства націи, а во время мира не существовалъ бы такъ, сказать, вовсе, какъ будто эта перемѣнная сила и слабость естественна.

Я не вижу ничего, что въ настоящее время могло бы остановить это движеніе общаго мнѣнія. Произведшія его причины не перестаютъ дѣйствовать въ томъ же направленіи. Поэтому оно будетъ продолжаться и можно предвидѣть, что, если не произойдетъ какого-нибудь чрезвычайнаго обстоятельства, то союзное правительство съ каждымъ днемъ будетъ становиться слабѣе.

Я думаю однако, что мы еще далеки отъ того времени, когда союзная власть, сдѣлавшись неспособною охранять собственное существованіе и поддерживать миръ въ странѣ, угаснетъ такъ сказать, сама собой. Союзъ имѣетъ основаніе въ нравахъ; его желаютъ; результаты его ясны и благодѣтельное значеніе его очевидно. Когда будетъ замѣчено, что слабость союзнаго правительства становится опасной для существованія Союза, то я не сомнѣваюсь, что явится противоположное движеніе въ пользу его усиленія.

Изо всѣхъ бывшихъ до настоящаго времени федеративныхъ правительствъ, правительство Соединенныхъ Штатовъ наиболѣе естественно предназначено къ дѣйствію; и пока на него будутъ нападать лишь косвеннымъ образомъ, посредствомъ толкованія его законовъ, и не произойдетъ глубокихъ измѣненій въ его сущности, до тѣхъ поръ перемѣна въ общественномъ мнѣніи, внутренній кризисъ или война могутъ вдругъ возвратить ему необходимую для него силу.

Я хотѣлъ только установить слѣдующее: У насъ многіе думаютъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ общественное движеніе, способствующее сосредоточенію власти въ рукахъ президента и конгресса. Я же утверждаю, что въ нихъ явно замѣчается противоположное движеніе. Я говорю, что союзное правительство, дѣлаясь старше, не только не усиливается и не угрожаетъ верховной власти штатовъ, но само постоянно слабѣетъ, такъ что опасность существуетъ лишь для верховной власти Союза. Вотъ что оказывается въ настоящее время. Какой будетъ конечный резуль-

татъ этого направленія, какія событія могутъ замедлить или ускорить описанное мною движеніе? Будущее скрываетъ ихъ и я не претендую на возможность поднять его завѣсу.

О республиканскихъ учрежденіяхъ въ Соединенныхъ Штатахъ и о вѣроятной ихъ прочности.

Союзное устройство есть только случайное явленіе. — Республиканскія учрежденія имѣютъ болѣе прочную будущность. — Республика въ настоящее время есть естественное состояніе англо-американцевъ. — Почему? — Чтобъ ее уничтожить, пришлось бы измѣнить одновременно всѣ законы и нравы. — Трудность для американцевъ создать аристократію.

Распаденіе Союза, внеся въ среду соединенныхъ въ настоящее время штатовъ войну, а вмѣстѣ съ нею постоянныя арміи, диктатуру и налоги, могло бы съ теченіемъ времени поставить республиканскія учрежденія въ опасное положеніе.

Не слѣдуетъ однако смѣшивать будущность республики съ будущностью Союза.

Союзъ есть случайное явленіе, которое будетъ продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока обстоятельства будутъ ему благопріятствовать; но республика кажется мнѣ естественнымъ состояніемъ американцевъ: замѣнить ее монархіей могло бы только постоянное дѣйствіе противныхъ ей причинъ, все время сохраняющихъ одно и то же направленіе.

Союзъ существуетъ преимущественно въ силу создавшаго его закона. Одна революція, одна перемѣна въ общественномъ мнѣніи можетъ разрушить его навсегда. Республика имѣетъ болѣе глубокіе корни.

Подъ республикой въ Соединенныхъ Штатахъ разумѣютъ медленное и спокойное воздѣйствіе общества самого на себя. Это есть состояніе порядка, дѣйствительно основанное на сознательной волѣ народа. Это образъ правленія, имѣющій примирительный характеръ, при которомъ рѣшенія долго обдумываются, медленно обсуждаются и исполняются, когда они вполнѣ созрѣли.

Въ Соединенныхъ Штатахъ республиканцы сочувствуютъ нравственному порядку, уважаютъ вѣрованія, признаютъ права. Они исповѣдуютъ убѣжденія, что народъ долженъ быть тѣмъ болѣе нравственнымъ, религіознымъ и умѣреннымъ, чѣмъ онъ свободнѣе. То, что называютъ въ Соединенныхъ Штатахъ республикой, есть спокойное господство большинства. Послѣ того, какъ большинство имѣло время сознать себя и удостовѣрить свое существованіе, оно становится общимъ источникомъ власти. Но и само оно не всемогуще. Выше его въ нравственномъ мірѣ существуютъ человѣколюбіе, справедливость и разумъ, въ политическомъ мірѣ пріобрѣтенныя права. Большинство признаетъ эти двѣ границы, и если ему случается перейти черезъ нихъ, то потому, что оно, какъ и отдѣльный человѣкъ, имѣетъ страсти и подобно ему можетъ, различая добро, дѣлать зло.

Но мы въ Европѣ сдѣлали странныя открытія.

По мнѣнію нѣкоторыхъ изъ насъ, республика не есть правленіе большинства, какъ это думали до сихъ поръ: это—царство тѣхъ, кто берется отвѣчать за большинство. При такого рода образѣ правленія, управляетъ не народъ, а тѣ, кто знаетъ, что всего лучше для народа: удачное различеніе, позволяющее дѣйствовать отъ имени народовъ, не спрашивая ихъ, и

требовать отъ нихъ благодарности, попирая ихъ ногами. Кромѣ того республиканское правительство есть единственное, за которымъ слѣдуетъ признавать право дѣлать что угодно, и которое можетъ презирать все, что до сихъ поръ уважали люди, начиная съ высшихъ законовъ нравственности до самыхъ обыкновенныхъ правилъ здраваго смысла.

Раньше насъ думали, что деспотизмъ ненавистенъ, каковы бы ни были его формы. Но въ наше время сдѣлали открытіе, что могутъ быть на свѣтѣ законныя тиранніи и святыя несправедлнвости, лишь бы онѣ совершались отъ имени народа.

Понятіе о республикѣ, составленное американцами, чрезвычайно облегчаетъ имъ пользованіе ею и обезпечиваетъ ея прочность. Если практика республиканскаго правленія бываетъ у нихъ часто нехороша, то по крайней мѣрѣ хороша теорія, а народъ всегда кончаетъ тѣмъ, что примѣняетъ къ ней свои дѣйствія.

Вначалѣ было невозможно, да и теперь еще было бы очень трудно устроить въ Америкѣ централизованную администрацію. Люди въ ней слишкомъ разсѣяны въ пространствѣ и раздѣлены слишкомъ многими естественными преградами для того, чтобъ одинъ человѣкъ могъ взяться управлять всѣми подробностями ихъ жизни. Поэтому Америка есть по преимуществу страна провинціальнаго и общиннаго управленія.

Къ этой причинѣ, дѣйствіе которой отражалось одинаково на всѣхъ европейцахъ Новаго Свѣта, англо-американцы присоединили еще нѣсколько другихъ исключительно имъ принадлежащихъ.

Когда были основаны сѣверо-американскія колоніи, то муниципальная свобода уже проникла въ англійскіе законы и нравы, и англійскіе эмигранты приняли ее не только потому, что она была необходима, но какъ благо, котораго они знали всю цѣну.

Сверхъ того мы видѣли, какимъ образомъ были основаны колоніи. Каждая провинція и, можно сказать, каждый околодокъ былъ заселенъ отдѣльно людьми чуждыми другъ другу, или соединившимися съ различными цѣлями.

Слѣдовательно англичане Соединенныхъ Штатовъ оказались съ самаго начала раздѣленными на множество отдѣльныхъ мелкихъ обществъ, не связанныхъ ни съ какимъ общимъ центромъ, и каждому изъ этихъ маленькихъ обществъ приходилось заниматься своими собственными дѣлами, такъ какъ нигдѣ не имѣлось въ виду центральной власти, которая естественно была бы обязана и могла бы легко о нихъ заботиться.

Итакъ, природа страны и самый способъ основанія англійскихъ колоній, а также привычки первыхъ эмигрантовъ,—все соединилось для того, чтобъ общинная и провинціальная свобода достигла тамъ высшей степени развитія.

Поэтому въ Соединенныхъ Штатахъ совокупность учрежденій страны имѣетъ существенно республиканскій характеръ; чтобъ уничтожить въ нихъ надолго законы, служащіе основаніемъ республики, пришлось бы, можно сказать, уничтожить сразу всѣ законы.

Еслибы въ наше время какая-нибудь партія вздумала основать въ Соединенныхъ Штатахъ монархію, то она оказалась бы въ положеніи еще болѣе трудномъ, чѣмъ партія, которая хотѣла бы сейчасъ же провозгласить республику во Франціи. Монархія не нашла бы законодательства заранѣе для нея приготовленнаго, и тогда дѣйствительно мы увидѣли бы монархію, окруженную республиканскими учрежденіями.

Точно съ такимъ же трудомъ монархическій принципъ проникалъ бы и въ нравы американцевъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ догматъ верховной власти народа не есть отдѣльное ученіе, не связанное ни съ привычками, ни съ совокупностью господствующихъ понятій; напротивъ, на него можно смотрѣть какъ на послѣднее звено въ цѣпи мнѣній, охватывающей весь англо-американскій міръ. Провидѣніе дало каждому человѣку, кто бы онъ ни былъ, долю разума необходимую для того, чтобы онъ самъ могъ распоряжаться во всѣхъ дѣлахъ, исключительно до него касающихся. Таково главное правило, на которомъ въ Соединенныхъ Штатахъ держится гражданское и политическое общество; отецъ семейства примѣняетъ его къ своимъ дѣтямъ, господинъ — къ слугамъ, община—къ управляемымъ ею, провинція къ общинамъ, штатъ къ провинціямъ и Союзъ къ штатамъ. Будучи распространено на всю націю, это правило становится догматомъ верховенства народа.

Такимъ образомъ въ Соединенныхъ Штатахъ принципъ, на которомъ основана республика, есть тотъ же самый, который управляетъ большею частью человѣческихъ поступковъ. Значитъ, одновременно съ тѣмъ какъ республика установляется въ законахъ, она проникаетъ, если можно такъ выразиться, въ понятія, во мнѣнія и во всѣ привычки американцевъ: и чтобъ измѣнить свои законы они должны бы были, такъ сказать, всецѣло измѣниться. Въ Соединенныхъ Штатахъ даже религія у большинства республиканская; она подчиняетъ истины будущей жизни личному разуму, также какъ политика предоставляетъ здравому смыслу всѣ заботы объ интересахъ здѣшней жизни; она соглашается на то, чтобы каждый человѣкъ свободно избиралъ путь, который долженъ вести его къ небу, такъ же какъ законъ признаетъ за каждымъ гражданиномъ право избирать свое правительство.

Очевидно, только длинный рядъ фактовъ, имѣющихъ одно и то же направленіе, можетъ замѣстить эту совокупность законовъ, мнѣній и нравовъ другою совокупностью противоположныхъ нравовъ, мнѣній и законовъ.

Если республиканскіе принципы должны погибнуть въ Америкѣ, то они падутъ не иначе какъ послѣ долгаго соціальнаго процесса, часто прерываемаго и часто возобновляемаго, и безвозвратно изчезнутъ только тогда, когда совершенно новый народъ займетъ мѣсто того, который живетъ въ наше время. Но ничто не заставляетъ предвидѣть подобную революцію, никакой признакъ не указываетъ на нее.

Что больше всего поражаетъ пріѣхавшаго въ Соединенные Штаты это какое то безпорядочно - шумное движеніе, въ сферѣ котораго находится политическое общество. Законы безпрестанно мѣняются и съ перваго раза кажется невозможнымъ, чтобы народъ, такъ мало увѣренный въ своихъ желаніяхъ, не пришелъ въ скорости къ замѣнѣ существующей у него формы правленія совершенно новой формой. Опасенія эти преждевременны. Въ дѣлѣ политическихъ учрежденій есть два рода неустойчивости, которые не слѣдуетъ смѣшивать; одна неустойчивость касается только второстепенныхъ законовъ; она можетъ существовать долго въ прочно устроенномъ обществѣ. Другая безпрестанно колеблетъ самыя основанія государственнаго устройства и дѣйствуетъ противъ принциповъ, изъ которыхъ вытекаютъ законы; это всегда имѣетъ своими послѣдствіями безпорядки и переворотъ. Народъ, страдающій ею, находится въ бурномъ и переходномъ состояніи. Опытомъ дознано, что эти два вида законодательной неустойчивости не имѣютъ между собой необходимой связи, такъ какъ бывало, что онѣ существовали вмѣстѣ и врознь, въ зависимости отъ мѣста и времени. Въ Соединенныхъ Штатахъ встрѣчается первая, но не вторая. Аме-

риканцы часто мѣняютъ свои законы, но основанія конституціи сохраняются.

Въ настоящее время республиканскій принципъ также господствуетъ въ Америкѣ, какъ монархическій во Франціи при Людовикѣ XIV. Французы того времени не только любили монархію, но и не могли вообразить себѣ, чтобъ ее можно было чѣмъ-нибудь замѣнить; они признавали ее какъ признается круговоротъ солнца и перемѣны временъ года. Королевская власть у нихъ имѣла такъ же мало защитниковъ, какъ и противниковъ.

Такимъ же образомъ въ Америкѣ существуетъ республика, безъ борьбы, безъ оппозиціи, безъ доказательствъ, въ силу молчаливаго согласія, вродѣ нѣкотораго *consensus universalis*.

Однако я думаю, что, мѣняя такъ часто, какъ они это дѣлаютъ, свои административные пріемы, жители Соединенныхъ Штатовъ подвергаютъ опасности будущность республиканскаго правленія.

Когда люди бываютъ безпрестанно стѣснены въ своихъ предположеніяхъ постоянной измѣнчивостью законодательства, то можно опасаться, что они наконецъ станутъ смотрѣть на республику какъ на неудобный способъ жить въ обществѣ; въ такомъ случаѣ зло, происходящее отъ неустойчивости второстепенныхъ законовъ, можетъ заставить усомниться въ существованіи основныхъ законовъ и косвеннымъ образомъ привести къ революціи; но это время еще очень далеко отъ насъ.

Что можно предвидѣть теперь, это то, что, выйдя изъ республики, американцы скоро перешли бы къ деспотизму, не останавливаясь очень долго на монархіи. Монтескьё говоритъ, что нѣтъ ничего неограниченнѣе власти государя, наслѣдовавшаго республикѣ, потому что тогда неопредѣленныя права, безъ опасенія предоставлявшіяся выборному должностному лицу, оказываются переданными въ руки наслѣдственнаго властителя. Это вѣрно вообще, но въ особенности примѣнимо къ демократической республикѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ должностныя лица избираются не особымъ классомъ гражданъ, а большинствомъ всей націи; они непосредственно представляютъ собою страсти толпы и совершенно зависятъ отъ ея воли, поэтому они не возбуждаютъ къ себѣ ни ненависти, ни страха: и, какъ я уже замѣтилъ, очень мало заботы приложено было къ тому, чтобъ ограничить ихъ власть, опредѣливши предѣлы ея дѣйствія, и очень большая доля ея была предоставлена на ихъ произволъ. Этотъ порядокъ вещей создалъ привычки, которыя пережили бы его. Перестав быть отвѣтственнымъ, американскій чиновникъ сохранилъ бы свою неопредѣленную власть, и тогда невозможно указать, на чемъ остановилась бы тираннія.

Между нами есть люди, которые ожидаютъ, что въ Америкѣ возникнетъ аристократія, и которые уже съ точностію предвидятъ эпоху, когда она должна овладѣть властью.

Я уже сказалъ и повторяю теперь, что настоящее направленіе американскаго общества, мнѣ кажется, все болѣе и болѣе идетъ къ демократіи.

Я однако не утверждаю, чтобъ американцы не могли когда-нибудь ограничить у себя сферу политическихъ правъ, или, отнявши у народа эти права, передать ихъ одному человѣку; но я не могу повѣрить, чтобъ они когда-либо передали это право въ исключительное пользованіе особаго класса гражданъ, или, другими словами, чтобъ они учредили аристократію.

Аристократическое сословіе состоитъ изъ извѣстнаго числа гражданъ, которые, не будучи очень удалены отъ толпы, постоянно однако возвышаются надъ нею; до нихъ можно касаться, но имъ нельзя нанести

ударъ; прочіе ежедневно съ ними смѣшиваются, но слиться съ ними невозможно.

Нельзя себѣ представить ничего болѣе противнаго природѣ и тайнымъ инстинктамъ человѣческаго сердца, какъ такого рода зависимость: предоставленные самимъ себѣ, люди всегда предпочтутъ произвольную власть короля произвольному управленію высшаго сословія.

Для того, чтобы быть прочной, аристократія должна возвести неравенство въ принципъ, заранѣе узаконить его и ввести въ семью одновременно съ распространеніемъ его въ обществѣ; все это такъ противно естественной справедливости, что получить на это согласіе людей можно только посредствомъ принужденія.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ человѣческія общества, нельзя, я думаю, привести примѣра, хотя бы одного народа, который, будучи предоставленъ самому себѣ, собственными силами создалъ бы въ своей средѣ аристократію; всѣ средневѣковыя аристократіи произошли отъ завоеванія. Побѣдитель былъ благородный, побѣжденный былъ крѣпостной. Сила заставляла тогда признавать неравенство, которое, вошедши въ нравы, продолжало уже существовать само собой и естественно переходило въ законы.

Бывали такія общества, которыя вслѣдствіе событій, происходившихъ раньше ихъ возникновенія, родились уже, такъ сказать, аристократическими и потомъ съ каждымъ вѣкомъ все болѣе подвигались къ демократіи. Такова была судьба римлянъ и тѣхъ варваровъ, которые поселились послѣ нихъ. Но было бы новостью въ міровой исторіи, еслибы какой-нибудь народъ, исходя изъ состоянія цивилизаціи и демократіи, постепенно приближался къ общественному неравенству и наконецъ установилъ бы въ своей средѣ ненарушимыя привилегіи и исключительныя категоріи.

Ничто не указываетъ на то, чтобъ Америкѣ предназначено было первой дать подобное зрѣлище.

Нѣкоторыя соображенія о причинахъ большого торговаго значенія Соединенныхъ Штатовъ.

Американцы природой призваны къ тому, чтобы быть великимъ морскимъ народомъ.—Пространство ихъ береговъ.—Глубина гаваней. — Величина рѣкъ. — Однако же торговое превосходство англо-американцевъ должно-быть приписано гораздо менѣе физическимъ, чѣмъ умственнымъ и нравственнымъ условіямъ.—Основаніе такого мнѣнія.—Будущность англо-американцевъ какъ торговаго народа.—Паденіе Союза не уничтожило бы широкой морской дѣятельности составляющихъ его народовъ.—Почему англо-американцы естественно предназначены къ тому, чтобы служить удовлетворенію потребностей Южной Америки.—Подобно англичанамъ они сдѣлаются коммиссіонерами для большой части свѣта.

Отъ залива Фунди до рѣки Сабины, впадающей въ Мексиканскій заливъ, береговая линія Соединенныхъ Штатовъ имѣетъ длину приблизительно въ девять сотъ льё (около 3.600 верстъ).

Всѣ эти берега составляютъ одну непрерывную линію; всѣ они находятся подъ одною властью.

Нѣтъ ни одного народа на свѣтѣ, который могъ бы предоставить для торговли болѣе глубокіе, обширные и надежные порты, какъ американцы.

Жители Соединенныхъ Штатовъ образуютъ великій цивилизованный народъ, помѣщенный судьбой посреди пустынь почти за пять тысячъ верстъ отъ главнаго очага цивилизаціи. Поэтому Америка имѣетъ постоянную

нужду въ Европѣ. Со временемъ американцы, безъ сомнѣнія, дойдутъ до того, что будутъ добывать или изготовлять у себя большую часть необходимыхъ для нихъ предметовъ, но никогда два материка не будутъ въ состояніи жить совершенно независимо одинъ отъ другого: слишкомъ много существуетъ естественныхъ связей между ихъ потребностями, идеями, привычками и нравами.

Американскій Союзъ производитъ такіе продукты, которые сдѣлались для насъ необходимыми, но которые наша почва совершенно отказывается производить, или даетъ лишь съ большими издержками. Американцы потребляютъ только очень небольшую часть этихъ продуктовъ и продаютъ намъ остальное.

Такимъ образомъ Европа составляетъ рынокъ для Америки, также какъ Америка для Европы; и морская торговля столь же необходима жителямъ Соединенныхъ Штатовъ для доставленія въ наши порты ихъ сырыхъ матеріаловъ, какъ и для перевозки къ нимъ нашихъ мануфактурныхъ произведеній.

Слѣдовательно, Соединенные Штаты или должны были доставить значительный матеріалъ для торговой дѣятельности морскихъ народовъ, какъ это до сихъ поръ дѣлали мексиканскіе испанцы, или же сдѣлаться одной изъ первыхъ морскихъ державъ на свѣтѣ: эта альтернатива была неизбѣжна.

Во всѣ времена англо-американцы выказывали рѣшительную склонность къ морю. Независимость, порвавши торговыя связи, соединявшія ихъ съ Англіей, дала новый и сильный толчокъ развитію ихъ мореходнаго генія. Съ этого времени число судовъ Союза увеличивалось почти въ такой же быстрой прогрессіи, какъ и число его жителей. Въ настоящее время сами американцы перевозятъ девять десятыхъ продуктовъ, идущихъ къ нимъ изъ Европы [1]). Американцы же доставляютъ европейскимъ потребителямъ три четверти продуктовъ, вывозимыхъ изъ Новаго Свѣта [2]).

Корабли Соединенныхъ Штатовъ наполняютъ порты Гавра и Ливерпуля. Въ портѣ Нью-Йорка встрѣчаются лишь немногія французскія или англійскія суда [3]).

Такимъ образомъ Американскій коммерсантъ не только не боится конкурренціи у себя, но онъ еще съ успѣхомъ ведетъ борьбу съ иностранцами на ихъ почвѣ.

Причину этого легко объяснить: изъ всѣхъ судовъ на свѣтѣ суда Со-

---

[1]) Общая цѣнность ввоза за годъ, кончающійся 30 сентября 1832 года, была 101.129.266 долларовъ. Товары, привезенные на иностранныхъ судахъ входятъ, въ это число лишь въ суммѣ 10.731.039 долларовъ, что составляетъ около одной десятой части.

[2]) Общая цѣнность вывоза въ томъ же году составляла 87.176.943 доллара; цѣнность товаровъ, вывезенныхъ на иностранныхъ судахъ, равнялась 21.036.183 доллара или приблизительно четвертой части (*Williams register* 1833 стр., 398).

[3]) Въ теченіе 1829, 1830 и 1831 годовъ въ порты Союза вошли суда, общая вмѣстимость которыхъ равнялась 3.307.719 тоннамъ. Иностранныя суда входятъ въ этотъ счетъ только въ суммѣ 544.571 тонны. Слѣдовательно они были въ пропорціи приблизительно 16 на 100 (*National Calendar* 1833, стр. 304).

Въ продолженіе 1820, 1826 и 1831 годовъ англійскія суда, вошедшія въ Лондонскій, Ливерпульскій и Гульскій порты, имѣли вмѣстимость въ 443.800 тоннъ. Иностранныя суда вошедшія въ эти порты въ тѣ же годы, вмѣщали 159.431 тонну. Слѣдовательно они относились одни къ другимъ приблизительно какъ 36 и 100 (*Companion to the almanac* 1834, стр. 169).

Въ 1832 году отношеніе иностранныхъ судовъ и англійскихъ судовъ, входившихъ въ великобританскіе порты, было какъ 29 къ 100.

единенныхъ Штатовъ совершаютъ плаваніе черезъ море всего дешевле. Пока торговый флотъ Соединенныхъ Штатовъ удержитъ за собой это преимущество передъ другими, онъ не только сохранитъ то, что имъ пріобрѣтено, но и будетъ ежедневно увеличивать свои пріобрѣтенія.

Трудная задача — узнать, отчего американцы плаваютъ дешевле другихъ людей: съ перваго раза можетъ показаться, что причина этого превосходства заключается въ какихъ-нибудь матеріальныхъ преимуществахъ, которые природой предоставлены только имъ однимъ. Однако это не такъ.

Постройка американскихъ судовъ стоитъ почти также дорого, какъ и постройка нашихъ [1]). Сдѣланы они не лучше и срокъ ихъ службы обыкновенно короче.

Жалованье американскаго матроса выше, чѣмъ жалованье европейскаго; это доказываетъ большое число европейцевъ служащихъ въ торговомъ флотѣ Соединенныхъ Штатовъ.

Отчего же происходитъ, что американцамъ плаваніе на судахъ обходится дешевле, чѣмъ намъ?

Я думаю, что напрасно было бы искать причину этого превосходства въ матеріальныхъ преимуществахъ; оно обусловлено качествами чистоумственными и моральными.

Вотъ сравненіе, которое объяснитъ мою мысль:

Во время революціонныхъ войнъ французы ввели въ военное искусство новую тактику, смутившую самыхъ старыхъ генераловъ и чуть-было не разрушившую древнѣйшія европейскія монархіи. Они въ первый разъ вздумали обходиться безъ множества вещей, до тѣхъ поръ считавшихся необходимыми на войнѣ; они потребовали отъ своихъ солдатъ новыхъ усилій, которыхъ цивилизованныя націи никогда отъ нихъ не требовали; они все дѣлали бѣглымъ шагомъ и не задумывались рисковать жизнью людей въ виду получаемаго результата.

Французы были не столь многочислены и менѣе богаты, чѣмъ ихъ непріятели. У нихъ было гораздо меньше средствъ; однако они постоянно оставались побѣдителями до тѣхъ поръ, пока враги стали тоже имъ подражать.

Американцы ввели нѣчто подобное въ торговлѣ. То, что французы дѣлали для побѣды, они дѣлаютъ для дешевизны.

Европейскій мореходъ лишь съ осторожностью пускается въ море; онъ отправляется лишь тогда, когда погода ему благопріятствуетъ; если случится непредвидѣнное несчастіе, онъ возвращается въ портъ; ночью онъ закрѣпляетъ часть своихъ парусовъ, а когда онъ замѣчаетъ, что океанъ бѣлѣетъ съ приближеніемъ къ землѣ, то замедляетъ свой ходъ и смотритъ на солнце.

Американецъ пренебрегаетъ этими предосторожностями и презираетъ эти опасности. Онъ отправляется когда буря еще шумитъ; и ночью и днемъ онъ идетъ на всѣхъ парусахъ. Онъ на пути исправляетъ свое судно, поврежденное бурей, и, подходя наконецъ къ предѣлу своего плаванія, онъ продолжаетъ летѣть къ берегу, какъ будто бы онъ уже видѣлъ портъ.

Американецъ часто терпитъ кораблекрушеніе; но нѣтъ морехода, который бы такъ быстро переѣзжалъ моря, какъ онъ. Дѣлая то-же дѣло въ болѣе короткое время, онъ можетъ исполнять его дешевле чѣмъ другіе.

---

[1]) Сырые матеріалы стоятъ вообще въ Америкѣ дешевле, чѣмъ въ Европѣ, но плата рабочимъ тамъ гораздо выше.

Прежде чѣмъ прійти къ конечной цѣли дальняго плаванія, европейскій мореходъ считаетъ нужнымъ нѣсколько разъ приставать къ берегу во время пути. Онъ теряетъ драгоцѣнное время, отыскивая мѣсто стоянки, или ожидая случая выйти изъ порта и платитъ каждый день за право въ немъ оставаться.

Американскій мореплаватель отправляется изъ Бостона въ Китай для покупки чаю. Онъ приходитъ въ Кантонъ, остается тамъ нѣсколько дней и возвращается. Меньше чѣмъ въ два года онъ обогнулъ цѣлую окружность земного шара и видѣлъ землю только одинъ разъ. Въ теченіе восьми или десятимѣсячнаго перехода онъ пилъ солоноватую воду и питался соленой; онъ безпрерывно боролся съ моремъ, съ болѣзнью, со скукой, но по возвращеніи онъ можетъ продавать фунтъ чаю двумя копѣйками дешевле, чѣмъ англійскій купецъ,—цѣль его достигнута.

Я не могу лучше выразить мою мысль, какъ сказавши, что американцы вносятъ нѣкотораго рода героизмъ въ ихъ способъ производства торговли.

Европейскому купцу всегда будетъ очень трудно угнаться на томъ же пути за своимъ американскимъ конкуррентомъ, Американецъ, дѣйствуя вышеупомянутымъ способомъ, не только поступаетъ по разсчету, но и въ особенности по требованію своей природы.

Житель Соединенныхъ Штатовъ испытываетъ всѣ потребности и всѣ желанія, порождаемыя сильно-развитой цивилизаціей, и не находитъ вокругъ себя, какъ въ Европѣ общества искусно организованнаго для ихъ удовлетворенія; поэтому ему часто приходится самому добывать себѣ различные предметы, сдѣлавшіеся для него необходимыми въ силу его воспитанія и привычекъ. Въ Америкѣ иногда случается, что одинъ и тотъ же человѣкъ пашетъ свое поле, строитъ себѣ жилище, дѣлаетъ орудія, шьетъ башмаки и ткетъ своими руками грубую ткань, въ которую онъ будетъ одѣваться. Это мѣшаетъ совершенствованію ремеслъ, но сильно способствуетъ умственному развитію рабочаго. Нѣтъ ничего, что бы такъ содѣйствовало матеріализированію человѣка и такъ отнимало бы у его работы всякій слѣдъ присутствія души, какъ сильное раздѣленіе труда. Въ такой странѣ, какъ Америка, гдѣ спеціалисты такъ рѣдки, нельзя требовать долгаго обученія отъ всѣхъ избирающихъ себѣ профессію. Поэтому американцамъ очень легко мѣнять занятія и они этимъ пользуются, примѣняясь къ потребностямъ данной минуты. Между ними встрѣчаются такіе, которые послѣдовательно были адвокатами, земледѣльцами, торговцами, евангелическими пасторами, врачами. Если американецъ менѣе европейца искусенъ въ каждомъ промышленномъ занятіи, то почти нѣтъ такого, которое было бы ему совершенно незнакомо. Его способности имѣютъ болѣе общій характеръ, его умственный кругозоръ шире. Поэтому жителя Соединенныхъ Штатовъ не останавливаетъ никакая цеховая аксіома; онъ избѣгаетъ всѣхъ профессіональныхъ предразсудковъ; онъ не привязанъ ни къ одной системѣ дѣйствія болѣе чѣмъ къ другой и столь же мало чувствуетъ себя связаннымъ старой методой, какъ и новой; онъ не создалъ себѣ никакой привычки и легко избѣгаетъ вліянія, которое бы чужестранныя привычки могли оказать на его умъ, такъ какъ онъ знаетъ, что страна его не похожа ни на какую другую, и что онъ занимаетъ въ мірѣ новое положеніе.

Американецъ живетъ въ странѣ чудесъ; вокругъ него все движется и каждое движеніе кажется движеніемъ впередъ. Поэтому идея новаго тѣсно связана въ его умѣ съ идей лучшаго. Нигдѣ онъ не видитъ пре-

дѣла, который бы положенъ былъ природой усиліямъ человѣка; на его взглядъ то, чего нѣтъ, значитъ то, чего еще не пытались достичь.

Это общее движеніе, царствующее въ Соединенныхъ Штатахъ, эти частые повороты счастія, это непредвидимое передвиженіе общественныхъ и частныхъ богатствъ, все соединяется для того, чтобы держать душу въ нѣкотораго рода лихорадочномъ безпокойствѣ, превосходно настраивающемъ ее на произведеніе всякихъ усилій и, такъ сказать, поддерживающемъ ее надъ обыкновеннымъ уровнемъ человѣчества. Для американца вся жизнь проходитъ какъ партія игры, какъ періодъ революціи, какъ день битвы.

Дѣйствуя одновременно на всѣ отдѣльныя личности, эти причины, даютъ наконецъ національному характеру непреодолимый импульсъ. Поэтому взятый случайно американецъ долженъ быть человѣкомъ пылкимъ въ своихъ желаніяхъ, предпріимчивымъ, отважнымъ и особенно склоннымъ къ нововведеніямъ. Дѣйствительно, такой духъ проявляется во всѣхъ его дѣлахъ; онъ вноситъ его въ свои политическіе законы, въ свои религіозныя ученія, въ свои общественно-экономическія теоріи и въ свою частную рабочую дѣятельность; онъ всюду несетъ его съ собой, въ глубь лѣсовъ, какъ и въ городскую среду. Этотъ же самый духъ, примѣненный къ морской торговлѣ дѣлаетъ то, что американецъ плаваетъ на судахъ быстрѣе и дешевле всѣхъ купцовъ на свѣтѣ.

Пока моряки Соединенныхъ Штатовъ сохранятъ эти умственныя преимущества и вытекающее изъ нихъ практическое превосходство, они не только будутъ продолжать удовлетворять сами потребностямъ производителей и потребителей своей страны, но, подобно англичанамъ [1]), будутъ становиться комиссіонерами другихъ народовъ.

Это начинаетъ уже дѣлаться на нашихъ глазахъ. Мы видимъ, что американскіе моряки уже проникаютъ въ качествѣ посредничествующихъ агентовъ въ торговлю многихъ европейскихъ народовъ [2]). Америка представляетъ для нихъ еще большую будущность.

Испанцы и португальцы основали въ Южной Америкѣ большія колоніи, которыя съ тѣхъ поръ сдѣлались государствами. Междоусобная война и деспотизмъ разоряютъ въ настоящее время эти обширныя страны. Движеніе населенія въ нихъ останавливается и небольшое число живущихъ тамъ людей, поглощенныхъ заботой о собственной защитѣ, едва ощущаетъ потребность въ улучшеніи своей участи.

Но это не можетъ всегда такъ продолжаться. Европа, предоставленная самой себѣ, съумѣла собственными усиліями пробиться сквозь тьму среднихъ вѣковъ. Южная Америка исповѣдуетъ христіанство какъ и мы; она имѣетъ наши законы и обычаи; она заключаетъ въ себѣ всѣ зародыши цивилизаціи, развившіеся среди народовъ Европы и происшедшихъ отъ нихъ. Сверхъ того Южная Америка имѣетъ нашъ примѣръ. Почему ей оставаться навсегда въ состояніи варварства?

---

[1]) Не слѣдуетъ думать, что англійскіе корабли заняты исключительно перевозкой въ Англію иноземныхъ продуктовъ или доставкой иностранцамъ англійскихъ произведеній. Въ наше время торговый флотъ Англіи представляетъ собою какъ бы большую транспортную компанію, которая готова служить для производителей товаровъ всего свѣта и для сообщенія между собою всѣхъ народовъ. Морскіе таланты американцевъ направляютъ ихъ къ созданію такого же предпріятія, которое бы соперничало съ Англійскимъ.

[2]) Часть торговли на Средиземномъ морѣ производится уже на Американскихъ корабляхъ.

Все дѣло здѣсь очевидно только во времени: черезъ болѣе или менѣе отдаленный срокъ южные американцы безъ сомнѣнія образуютъ просвѣщенныя и цвѣтущія націи.

Но когда южно-американскіе испанцы и португальцы начнутъ испытывать потребности благоустроенныхъ народовъ, то имъ еще будетъ далеко до возможности удовлетворять этимъ потребностямъ собственными средствами. Будучи младшими дѣтьми цивилизаціи, они должны будутъ подчиниться превосходству уже пріобрѣтенному ихъ старшими. Они долго будутъ земледѣльцами прежде чѣмъ сдѣлаются фабрикантами и торговцами и будутъ нуждаться въ посредничествѣ иностранцевъ для продажи ихъ продуктовъ за моремъ и для полученія въ обмѣнъ за нихъ предметовъ, служащихъ къ удовлетворенію вновь возникающихъ нуждъ.

Несомнѣнно, что американцы Сѣверной Америки будутъ когда нибудь призваны къ удовлетворенію потребностей южныхъ американцевъ. Природа помѣстила ихъ близко къ послѣднимъ и такимъ образомъ дала имъ большія удобства для того, чтобъ указать и оцѣнить ихъ нужды, завязать съ ними постоянныя сношенія и постепенно завладѣть ихъ рынкомъ. Торговые люди Соединенныхъ Штатовъ могли бы лишь въ томъ случаѣ потерять эти естественныя преимущества, если бы они были ниже европейскихъ коммерсантовъ, а они напротивъ во многихъ отношеніяхъ выше ихъ. Американцы Соединенныхъ Штатовъ оказываютъ уже большое матеріальное вліяніе на всѣ народы Новаго Свѣта. Просвѣщеніе идетъ отъ нихъ. Всѣ народы, живущіе на томъ же материкѣ уже привыкли смотрѣть на нихъ какъ на самую просвѣщенную, могущественную и богатую отрасль великой американской семьи. Поэтому они постоянно обращаютъ свои взоры на Союзъ и стараются, по скольку для нихъ возможно, быть похожими на составляющіе его народы. Ежедневно они воспринимаютъ отъ Соединенныхъ Штатовъ ихъ политическія ученія и ихъ законы.

Американцы Соединенныхъ Штатовъ въ отношеніи народовъ Южной Америки находятся какъ разъ въ томъ же положеніи, какъ ихъ предки англичане относительно итальянцевъ, испанцевъ португальцевъ и всѣхъ тѣхъ народовъ Европы, которые, меньше ихъ подвинувшись въ цивилизаціи и промышленности, получаютъ отъ нихъ большую часть употребляемыхъ ими предметовъ.

Въ настоящее время Англія представляетъ естественный торговый центръ почти для всѣхъ народовъ, имѣющихъ съ нею сношенія. Американскій союзъ предназначенъ къ тому, чтобъ играть ту же роль въ другомъ полушаріи. Такимъ образомъ, каждый народъ, вновь появляющійся, или возрастающій въ Новомъ Свѣтѣ, появляется или растетъ тамъ нѣкоторымъ образомъ ради выгоды англо-американцевъ.

Еслибы Союзъ распался, то развитіе торговли составлявшихъ его Штатовъ было бы, конечно, на нѣкоторое время замедленно, но меньше чѣмъ обыкновенно думаютъ. Чтобы ни случилось, торговые штаты очевидно останутся соединенными. Они всѣ находятся рядомъ другъ съ другомъ; между ними существуетъ полное единство мнѣній, интересовъ и нравовъ и они одни могутъ образовать очень сильную морскую державу. Если бы югъ Союза и сдѣлался независимымъ отъ сѣвера, то изъ этого не слѣдовало бы, что онъ могъ бы обойтись безъ него. Я уже говорилъ, что югъ не способенъ къ коммерціи; ничто еще не указываетъ на то чтобъ онъ сдѣлался къ ней способнѣе въ будущемъ. Поэтому американцы южной части Соединенныхъ Штатовъ долго еще будутъ принуждены обращаться

къ содѣйствію иностранцевъ для вывоза ихъ продуктовъ и для доставленія имъ необходимыхъ для нихъ предметовъ. Но изъ всѣхъ посредниковъ, которыхъ они могутъ выбрать, ихъ сѣверные сосѣди безъ сомнѣнія могутъ служить имъ всего дешевле; поэтому они и будутъ ихъ коммиссіонерами, такъ какъ дешевизна есть высшій законъ для торговли. Нѣтъ такой верховной воли, ни такихъ національныхъ предубѣжденій, которыя могли бы долго бороться противъ дешевизны. Нѣтъ болѣе ненависти, какъ та, которая существуетъ между американцами Соединенныхъ Штатовъ и англичанами, однако англичане поставляютъ американцамъ большую часть мануфактурныхъ произведеній единственно по той причинѣ, что они берутъ за нихъ дешевле другихъ народовъ. Такимъ образомъ возрастающее благосостояніе Америки обращается вопреки желаніямъ американцевъ на пользу англійской мануфактурной промышленности.

Разумъ указываетъ и опытъ даетъ доказательство, что нѣтъ такой обширной торговли, которая могла бы быть прочна, не входя въ случаѣ нужды въ союзъ съ военною силою.

Эта истина также хорошо понимается въ Соединенныхъ Штатахъ какъ и вездѣ. Американцы уже теперь въ состояніи заставить уважать свой флагъ; скоро они могутъ сдѣлать, что его будутъ бояться.

Я убѣжденъ, что расчлененіе Союза не только не уменьшитъ морскія силы американцевъ, но поведетъ къ сильному ихъ увеличенію. Въ настоящее время торговые штаты связаны съ неторговыми и послѣдніе часто лишь съ сожалѣніемъ соглашаются на увеличеніе морскихъ силъ, которыми они лишь косвенно пользуются.

Еслибы, наоборотъ, всѣ торговые штаты Союза составляли одинъ народъ, то торговля для нихъ получила бы значеніе первостепеннаго національнаго интереса; поэтому они были бы склонны къ очень большимъ жертвамъ для защиты своихъ судовъ и ничто не мѣшало бы въ этомъ дѣлѣ исполненію ихъ желаній.

Я думаю, что народы, какъ и отдѣльные люди, почти всегда еще въ раннемъ возрастѣ указываютъ на главныя черты будущей ихъ судьбы. Когда я вижу въ какомъ духѣ англо-американцы ведутъ торговлю, какія удобства они находятъ для ея веденія и какихъ достигаютъ успѣховъ, то не могу не думать, что когда нибудь они сдѣлаются первою въ свѣтѣ морскою державой. Они также стремятся овладѣть морями, какъ римляне покорить міръ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

И такъ я прихожу къ концу. До сихъ поръ, говоря о будущей судьбѣ Соединенныхъ Штатовъ я старался раздѣлить свой предметъ на части, чтобы съ большею основательностью изучить каждую изъ нихъ.

Теперь я бы хотѣлъ соединить ихъ всѣ подъ одну точку зрѣнія. То, что я скажу будетъ менѣе подробно, но болѣе точно. Я буду менѣе ясно различать каждый отдѣльный предметъ, но съ большею увѣренностью охвачу общіе факты. Я буду въ положеніи путешественника, который, выйдя изъ стѣнъ обширнаго города, поднимается на ближайшій холмъ. По мѣрѣ его удаленія онъ теряетъ изъ виду оставленныхъ имъ людей; жилища ихъ сливаются; онъ не видитъ площадей и съ трудомъ различаетъ направленіе улицъ; но глазъ его легче слѣдитъ за наружными очертаніями города и

впервые ясно понимаетъ его форму. Мнѣ кажется, что я такимъ же образомъ вижу передъ собою всю будущность англійскаго племени въ Новомъ Свѣтѣ. Частности этой громадной картины остаются въ тѣни, но мой глазъ понимаетъ ея общій видъ и я получаю ясное представленіе о цѣломъ.

Территорія, которую въ настоящее время занимаютъ, или которой владѣютъ американскіе Соединенные Штаты составляетъ почти двадцатую часть всей населенной земли.

Какъ ни обширны эти предѣлы, было бы однако ошибочно думать, что англо-американская раса навсегда заключена будетъ въ нихъ. Она уже распространяется гораздо дальше.

Было время когда и мы могли создать въ американскихъ пустыняхъ большую французскую націю и уравновѣсить вліяніе англичанъ на судьбы Новаго Свѣта. Франція когда-то владѣла въ Америкѣ территоріей по обширности почти равной цѣлой Европѣ. Теченіе трехъ великихъ рѣкъ материка находилось тогда вполнѣ въ сферѣ нашихъ законовъ. Индѣйскіе народы жившіе отъ устья рѣки Святого Лаврентія до дельты Миссисипи слышали только нашъ языкъ; всѣ европейскія поселенія, разсѣянныя на этомъ огромномъ пространствѣ напоминали о нашемъ отечествѣ: то были Луисбургъ, Монморанси, Дюкэнъ, Сенъ-Луи, Венсеннъ, Новый-Орлеанъ, — все имена, дорогія для Франціи и близко знакомыя нашему слуху.

Но стеченіе обстоятельствъ, которыя было бы долго перечислять [1]) лишило насъ этого великолѣпнаго наслѣдія. Всюду, гдѣ Французы были немногочисленны и непрочно водворены, они исчезли. Остальные сосредоточились на небольшомъ пространствѣ и перешли подъ другую власть. Четыреста тысячъ французовъ нижней Канады образуютъ теперь какъ бы обломки стариннаго народа, потерявшаго среди волнъ новой націи. Вокругъ нихъ чуждое имъ населеніе безпрерывно увеличивается; оно распространяется во всѣ стороны, проникаетъ даже въ ряды прежнихъ владѣтелей земли, господствуетъ въ ихъ городахъ и портитъ ихъ языкъ. Это населеніе тоже, которое живетъ и въ Соединенныхъ Штатахъ; поэтому я имѣлъ основаніе сказать, что англійская раса не останавливается на границахъ Союза, но переходитъ далеко за нихъ по направленію къ сѣверо-востоку.

На сѣверо-западѣ встрѣчаются лишь нѣсколько русскихъ поселеній, не имѣющихъ значенія; но на юго-западѣ Мексика представляетъ преграду движенію англо-американцевъ.

Такимъ образомъ, собственно говоря, только двѣ соперничествующія расы дѣлятъ теперь между собою Новый Ссѣтъ: испанцы и англичане.

Границы, раздѣляющія ихъ, были установлены договоромъ. Но какъ бы ни былъ этотъ договоръ выгоденъ для англо-американцевъ, я не сомнѣваюсь въ томъ, что они его скоро нарушатъ.

За границами Союза въ сторону Мексики простираются обширныя, еще не населенныя провинціи. Люди изъ Соединенныхъ Штатовъ проникнутъ въ эти пустынныя мѣста даже раньше тѣхъ, кто имѣетъ право ихъ занять. Они присвоятъ себѣ ихъ почву, поселятся тамъ цѣлыми обществами и когда наконецъ явится законный собственникъ, то онъ найдетъ, что пустыня превращена въ плодородную землю, а иностранцы спокойно живутъ въ его наслѣдіи.

[1]) Прежде всего то обстоятельство, что народы свободные и привычные къ общинному управленію легче другихъ достигаютъ устройства цвѣтущихъ колоній. Привычка думать самому и привычка къ самоуправленію необходимы въ новой странѣ, гдѣ успѣхъ естественно большею частью зависитъ отъ личныхъ усилій колонистовъ.

Земля въ Новомъ Свѣтѣ принадлежитъ первому захватившему и власть является наградой быстроты.

Даже населеннымъ уже странамъ трудно будетъ оградить себя отъ вторженія.

Раньше я говорилъ уже о томъ, что происходитъ въ провинціи Техасъ. Ежедневно жители Соединенныхъ Штатовъ мало-по малу проникаютъ въ Техасъ, пріобрѣтаютъ тамъ земли и, подчиняясь законамъ страны, въ то же время вводятъ въ нее господство своего языка и своихъ нравовъ. Провинція Техасъ находится еще во владѣніи Мексики, но скоро въ ней, можно сказать, не будетъ мексиканцевъ. То же происходитъ на всѣхъ пунктахъ, гдѣ англо-американцы приходятъ въ соприкосновеніе съ населеніемъ другого происхожденія.

Нельзя не видѣть, что англійская раса пріобрѣла громадный перевѣсъ надъ всѣми другими европейскими расами Новаго Свѣта. Она значительно выше ихъ по цивилизаціи, практическимъ способностямъ и силѣ. Пока передъ ней будутъ только пустыя, или слабо населенныя страны, и она не встрѣтитъ на своемъ пути сплоченнаго населенія, сквозь которое ей трудно будетъ пробиваться, до тѣхъ поръ она будетъ постоянно распространяться. Она не остановится на линіяхъ, опредѣленныхъ трактатами, но будетъ со всѣхъ сторонъ переливаться черезъ эти мнимыя преграды.

Что еще удивительно облегчаетъ это быстрое развитіе англійскаго племени въ Новомъ Свѣтѣ,— это занимаемое имъ тамъ географическое положеніе.

Если мы подвинемся къ сѣверу за его сѣверныя границы, то встрѣтимъ полярные льды; а если подвинемся на нѣсколько градусовъ южнѣе его полуденной границы, то очутимся среди экваторіальнаго зноя. Значитъ англо-американецъ занимаетъ мѣсто въ самомъ умѣренномъ поясѣ и въ части материка наиболѣе удобной для жизни.

Полагаютъ, что необыкновенное движеніе, замѣчаемое въ возрастаніи населенія Соединенныхъ Штатовъ, началось только со времени ихъ независимости; это невѣрно. Населеніе и при колоніальной системѣ возрастало также скоро, какъ и теперь; оно также удвоилось почти въ двадцать два года. Но тогда вычисленія дѣлались надъ тысячами жителей, теперь они дѣлаются надъ милліонами. Тотъ же фактъ, который проходилъ незамѣтно сто лѣтъ тому назадъ, теперь для всѣхъ становится поразительнымъ.

Канадскіе англичане, подвластные королю, увеличиваются съ числѣ и распространяются также быстро, какъ и англичане Соединенныхъ Штатовъ, живущіе подъ республиканскимъ правленіемъ.

Въ продолженіе восьми лѣтъ, пока шла война за независимость, населеніе не переставало возрастать въ вышеуказанной пропорціи.

Хотя на западныхъ границахъ находились въ то время большіе индѣйскіе народы, бывшіе въ союзѣ съ англичанами. но движеніе эмиграціи на западъ, можно сказать, никогда не замедлялось. Въ то время какъ непріятель производилъ опустошенія на берегахъ Атлантическаго океана, штатъ Кентэкки, западные округа Пенсильваніи, штаты Вермонтъ и Мэнъ наполнялись жителями. Безпорядокъ, наступившій послѣ войны, тоже не помѣшалъ возрастанію населенія и не остановилъ поступательнаго движенія въ пустыню. Такимъ образомъ и разница въ законахъ, и различіе между состояніями мира и войны, порядка и энергіи, лишь незамѣтнымъ образомъ повліяли на послѣдовательное развитіе англо-американцевъ.

Не трудно понять, что нѣтъ причинъ достаточно общихъ, чтобъ онѣ сразу чувствовались на всѣхъ пунктахъ такой громадной территоріи. Такимъ образомъ всегда остается значительная часть страны, въ которой навѣрное можно найти убѣжище отъ бѣдствій поражающихъ другую часть, и какъ бы ни были велики несчастія, предлагаемое лекарство всегда бываетъ еще сильнѣе.

Поэтому не слѣдуетъ думать, чтобы возможно было остановить стремленіе англійской расы Новаго Свѣта. Если бы распаденіе Союза внесло съ собой войну на материкѣ, или уничтоженіе республики водворило бы тамъ тираннію, то это могло бы замедлить ея развитіе, но не помѣшало бы ей достичь необходимаго завершенія своей судьбы. На землѣ нѣтъ такой силы, которая могла бы закрыть эмигрантамъ эти плодородныя пустыни, со всѣхъ сторонъ открытыя для разработки и представляющія убѣжище отъ всякихъ бѣдъ. Будущія событія, каковы бы они ни были, не отнимутъ у американцевъ ни ихъ климата, ни ихъ внутреннихъ морей и великихъ рѣкъ, ни плодородія ихъ почвы. Дурные законы, революція и анархія не могутъ ни уничтожить въ нихъ склонности къ довольству и духа предпріимчивости, составляющаго повидимому отличительный признакъ ихъ расы, ни окончательно погасить у нихъ свѣтъ образованности.

Итакъ, среди неизвѣстнаго будущаго, существуетъ по крайней мѣрѣ одно достовѣрное событіе. Въ эпоху, которую мы можемъ назвать близкою, такъ какъ дѣло идетъ о жизни народовъ, англо-американцы будутъ одни занимать все громадное пространство, находящееся между полярными льдами и тропиками, и распространятся отъ прибрежій Атлантическаго океана до береговъ Южнаго моря.

Я полагаю, что территорія, на которую должна со временемъ распространиться англо-американская раса равняется тремъ четвертямъ Европы[1]). Климатъ Союза, говоря вообще, лучше европейскаго; благопріятныя естественныя условія также велики; очевидно, что населенность его не можетъ не сдѣлаться когда нибудь относительно равною нашей.

Европа, раздѣленная между столькими разными народами, перейдя черезъ рядъ безпрерывно возобновлявшихся войнъ и варварство среднихъ вѣковъ, достигла того, что имѣетъ четыреста десять жителей[2]) на квадратное лье (17,42 кв. версты). Какая же могущественная сила могла бы помѣшать Соединеннымъ Штатамъ имѣть когда нибудь столько же?

Пройдетъ много вѣковъ прежде чѣмъ различныя отрасли англо-американской расы перестанутъ представлять общую физіономію. Невозможно предвидѣть время, когда человѣкъ можетъ установить въ Новомъ Свѣтѣ постоянное неравенство состояній.

Итакъ, каковы бы ни были различія, которыя миръ и война, свобода или тираннія, довольство или нищета могутъ когда нибудь произвести въ судьбѣ разныхъ отраслей великой англо-американской семьи, все же онѣ сохранятъ по крайней мѣрѣ сходный общественный строй и будутъ имѣть общіе обычаи и понятія, вытекающіе изъ этого строя.

Одна общность религіи достаточна была въ средніе вѣка, чтобы соединить въ одной цивилизаціи различныя племена, населяющія Европу.

---

[1]) Одни Соединенные Штаты занимаютъ уже пространство равное половинѣ Европы. Поверхность Европы составляетъ 500.000 квадр. лье (8.710.600 кв. верстъ). Населеніе ея 205.000.000 жителей *Малтъ-Брен*ъ т. VI кн. CXIV, стр. 4.

[2]) См. *Малтъ-Брен*ъ т. VI кн. CXVI, стр. 92.

Англичане Новаго Свѣта имѣютъ между собою тысячу другихъ связей и живутъ въ такомъ вѣкѣ, когда все стремится уравняться между людьми.

Средніе вѣка были эпохой дробленія. Каждый народъ, каждая провинція, каждый городъ, каждая семья сильно стремилась тогда къ обособленію. Въ наше время замѣчается противоположное движеніе; народы, повидимому, идутъ къ единству. Умственныя связи соединяютъ между собою самыя отдаленныя части земли и люди не могутъ ни одного дня оставаться чуждыми другъ другу, или не зная о томъ, что дѣлается въ какомъ нибудь углу всего свѣта; поэтому въ настоящее время между европейцами и ихъ потомками въ Новомъ Свѣтѣ, не смотря на раздѣляющій ихъ океанъ, замѣчается меньшая разница, чѣмъ между нѣкоторыми городами тринадцатаго вѣка, раздѣленными только рѣкой.

Если это стремленіе къ сходству сближаетъ чуждые другъ другу народы, то оно тѣмъ болѣе препятствуетъ тому, чтобы отрасли одного народа сдѣлались чуждыми между собою.

Итакъ, настанетъ время, когда въ Сѣверной Америкѣ будетъ жить полтораста милліоновъ жителей [1]), равныхъ между собою, которые всѣ будутъ принадлежать къ одной семьѣ, всѣ будутъ имѣть одно историческое происхожденіе, одну цивилизацію, одинъ языкъ, одну религію, одинакія привычки и нравы и между которыми мысль будетъ обращаться принимая одну и ту же форму и окраску. Все остальное остается сомнительнымъ, но это достовѣрно. Вотъ, стало-быть, совершенно новый фактъ въ міровой исторіи, значеніе и послѣдствія котораго трудно себѣ представить даже въ воображеніи.

Въ настоящее время существуютъ на землѣ два великихъ народа, которые, начавъ съ различныхъ точекъ, приближаются повидимому къ одной цѣли: это русскіе и англо-американцы.

Оба они выросли незамѣтно; и когда взоры людей были обращены въ другую сторону, они вдругъ заняли мѣсто въ первомъ ряду между націями, такъ что міръ почти въ одно время узналъ и объ ихъ появленіи и объ ихъ величіи.

Всѣ другіе народы повидимому почти достигли предѣловъ, предназначенныхъ имъ природой; ихъ задача только сохранять пріобрѣтенное. Но эти два народа находятся еще въ періодѣ роста. Всѣ остальные остановились, или подвигаются только съ большими усиліями; лишь они одни идутъ легко и скоро по пути, которому глазъ еще не можетъ видѣть конца.

Американецъ борется съ препятствіями, представляемыми ему природою; русскій борется съ людьми. Одинъ воюетъ съ пустынями и варварствомъ, другой съ цивилизаціей, находящейся во всевооружіи; поэтому завоеванія американца дѣлаются плугомъ земледѣльца, завоеванія русскаго мечомъ солдата.

Для достиженія своей цѣли первый полагается на личный интересъ и предоставляетъ свободу дѣйствій, не направляя ихъ, силамъ и разуму отдѣльныхъ лицъ.

Другой сосредоточиваетъ, такъ сказать, въ одномъ человѣкѣ всѣ силы общества.

Для одного главное средство дѣйствія есть свобода, для другого повиновеніе.

Ихъ исходныя точки различны; пути ихъ тоже различны; и однако каждый изъ нихъ предназначенъ, повидимому, тайной волею Провидѣнія, держать когда нибудь въ своихъ рукахъ судьбу половины міра.

---

[1]) Такова цифра пропорціональная цифрѣ Европейскаго населенія, принимая для послѣдняго среднюю величину 410 человѣкъ на квадратное лье (17,42 кв. верстъ).

[1]) Изъ всѣхъ государствъ стараго свѣта въ Россіи населеніе, относительно, увеличивается всего скорѣе.

О ДЕМОКРАТІИ ВЪ АМЕРИКѢ.

СОЧ. АЛЕКСѢЯ ДЕ-ТОКВИЛЯ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Американцы имѣютъ демократическій общественный строй, которымъ естественно внушены были имъ извѣстные законы и извѣстные политическіе нравы.

Этотъ же общественный строй, кромѣ того, былъ причиной возникновенія между ними множества чувствъ и мнѣній, бывшихъ неизвѣстными въ старинныхъ аристократическихъ обществахъ Европы. Онъ уничтожилъ, или измѣнилъ существовавшія раньше отношенія и установилъ новыя. Внѣшній видъ гражданскаго общества измѣнился не меньше, чѣмъ физіономія общества политическаго.

Послѣдній предметъ былъ мною разсмотрѣнъ въ сочиненіи объ американской демократіи, изданномъ пять лѣтъ тому назадъ. Вліяніе демократическаго строя на гражданское общество составитъ предметъ настоящей книги. Эти двѣ части дополняютъ одна другую и обѣ составляютъ одно сочиненіе.

Мнѣ необходимо тотчасъ же предупредить читателя относительно одной ошибки, которая могла бы очень повредить мнѣ.

Замѣчая, что я считаю равенство причиною столь многихъ разнообразныхъ результатовъ, онъ могъ бы заключить изъ этого, что я признаю его за единственную причину всего, происходящаго въ наше время. Но это значило бы предполагать у меня очень узкій взглядъ.

Въ настоящее время существуетъ множество мнѣній, чувствъ и стремленій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ явленіямъ постороннимъ или даже противоположнымъ равенству. Такимъ образомъ, еслибъ я взялъ для примѣра Соединенные Штаты, то я легко могъ бы доказать, что природа страны, происхожденіе ея жителей, религія первыхъ основателей, пріобрѣтенныя ими знанія и предшествующія ихъ привычки имѣли—и теперь еще имѣютъ—независимо отъ демократіи, громадное вліяніе на ихъ образъ мыслей и чувствъ. Причины другого рода, но столь же различныя отъ факта равенства, могли бы найтись въ Европѣ и послужить объясненіемъ для большей части того, что въ ней происходитъ.

Я признаю существованіе и важность всѣхъ этихъ различныхъ при-

чинъ, но я не имѣю въ виду говорить о нихъ. Я не ставилъ себѣ задачей указать основаніе всѣхъ нашихъ склонностей и идей; я хотѣлъ только выяснить, насколько равенство измѣнило тѣ и другія.

Можетъ-быть покажется страннымъ, что, имѣя твердое убѣжденіе въ томъ, что демократическая революція, при которой мы присутствуемъ, есть фактъ неизбѣжный, бороться съ которымъ было бы неблагоразумно и не желательно, я въ то же время часто обращаюсь въ этой книгѣ съ очень строгими сужденіями къ демократическимъ обществамъ, созданнымъ этою революціей.

На это я отвѣчу просто, что именно потому, что я не противникъ демократіи, я и желалъ быть искреннимъ относительно ея.

Люди не принимаютъ истину отъ своихъ враговъ, а друзья никогда имъ ее не предлагаютъ; вотъ почему я ее высказалъ.

Я думалъ, что многіе возьмутся говорить о новыхъ благахъ, которыя обѣщаетъ людямъ равенство, но немногіе осмѣлятся издали указать на опасности, которыми оно угрожаетъ имъ. Поэтому я и обратилъ преимущественное вниманіе на эти опасности и, видя ихъ, какъ мнѣ казалось, ясно, я не былъ настолько малодушенъ, чтобъ умолчать о нихъ.

Я надѣюсь, что въ этомъ второмъ сочиненіи окажется то же безпристрастіе, которое, повидимому, замѣчалось въ первомъ. Находясь среди раздѣляющихъ насъ противорѣчивыхъ мнѣній, я старался на время уничтожить въ себѣ какъ сочувственныя симпатіи, такъ и непріязненныя чувства, внушаемыя мнѣ каждымъ изъ нихъ. Если тѣ, кто будутъ читать мою книгу, найдутъ въ ней хоть одну фразу, содержащую въ себѣ лесть по отношенію или къ одной изъ большихъ партій, волновавшихъ нашу страну, или къ одной изъ мелкихъ, тревожащихъ и обезсиливающихъ ее теперь, то пусть эти читатели выскажутъ это и обвинятъ меня.

Предметъ, за который я взялся, чрезвычайно обширенъ, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ большую часть понятій и чувствъ, порождаемыхъ строемъ Новаго Свѣта. Такой предметъ, конечно, превосходитъ мои силы, и, изложивъ его, я не могу считать себя удовлетвореннымъ.

Но если я и не достигъ цѣли, къ которой стремился, то по крайней мѣрѣ читатели мои отдадутъ мнѣ ту справедливость, что я задумалъ и исполнилъ мою задачу въ томъ духѣ, который давалъ мнѣ право на успѣшное ея исполненіе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Вліяніе демократіи на умственное движеніе въ Соединенныхъ Штатахъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О философскомъ методѣ Американцевъ.

Я думаю, что во всемъ цивилизованномъ свѣтѣ нѣтъ страны, въ которой меньше бы занимались философіей, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Американцы не имѣютъ своей собственной философской школы и очень мало заботятся о тѣхъ, которыя спорятъ между собою въ Европѣ,—они едва знаютъ ихъ названія.

Легко однако замѣтить, что почти всѣ жители Соединенныхъ Штатовъ имѣютъ однообразное направленіе ума, подчиняющееся однимъ и тѣмъ же правиламъ; значитъ они обладаютъ извѣстнымъ, общимъ имъ всѣмъ, философскимъ методомъ, хотя и не позаботились никогда опредѣлить его правила.

Уклоняться отъ общихъ системъ, отъ власти привычекъ, отъ семейныхъ правилъ, отъ классовыхъ мнѣній и даже, въ извѣстной мѣрѣ, отъ національныхъ предубѣжденій; пользоваться преданіемъ лишь какъ средствомъ для полученія свѣдѣній, а фактами настоящаго времени какъ предметомъ полезнаго изслѣдованія для того, чтобы сдѣлать иначе и лучше; искать своимъ умомъ и только въ самихъ себѣ причину всѣхъ вещей и стремиться къ результату, не останавливаясь на средствахъ; сквозь форму видѣть всегда сущность дѣла, — таковы главныя черты, характеризующія то, что я назову философскимъ методомъ американцевъ.

Если я пойду дальше и между этими характерными чертами буду искать главную, которая бы заключала въ себѣ почти всѣ другія, то я найду, что каждый американецъ въ большей части случаевъ проявленія своей умственной дѣятельности обращается исключительно къ силѣ своего личнаго разума.

Такимъ образомъ Америка есть такая страна, гдѣ всего меньше изучаютъ и всего лучше исполняютъ ученіе Декарта. Этому не слѣдуетъ удивляться.

Американцы не читаютъ сочиненій Декарта, потому что ихъ общественный строй отвращаетъ ихъ отъ спекулятивныхъ занятій, и слѣдуютъ его правиламъ потому, что тотъ же общественный строй естественно располагаетъ ихъ умъ къ принятію этихъ правилъ.

Среди постояннаго движенія, царствующаго въ демократическомъ обществѣ, связи, соединяющія поколѣнія, ослабѣваютъ и уничтожаются; каждый человѣкъ тамъ легко теряетъ слѣды идей своихъ предковъ, или вовсе о нихъ не заботится.

Люди, живущіе въ подобномъ обществѣ, не могутъ также почерпать своихъ вѣрованій изъ мнѣній того класса, къ которому они принадлежатъ, такъ какъ классы, можно сказать, уже не существуютъ, а которые еще остаются, составлены изъ такихъ измѣнчивыхъ элементовъ, что совокупность ихъ членовъ никогда не можетъ имѣть дѣйствительной власти надъ каждымъ изъ нихъ.

Что касается до дѣйствія, которое умъ одного человѣка можетъ имѣть на умъ другого, то оно по необходимости очень ограничено въ такой странѣ, гдѣ граждане, сдѣлавшись почти одинакими, видятъ другъ друга очень близко и, не замѣчая ни въ комъ изъ нихъ несомнѣнныхъ признаковъ величія и превосходства, постоянно должны обращаться къ собственному разуму, какъ источнику самому очевидному и наиболѣе близкому къ истинѣ. При такихъ условіяхъ уничтожается не только довѣріе къ тому или другому человѣку, но вообще склонность вѣрить людямъ на слово.

Всякій поэтому заключается строго въ самомъ себѣ и съ этой точки зрѣнія считаетъ себя въ правѣ судить обо всемъ на свѣтѣ.

Обычай американцевъ—лишь изъ самихъ себя извлекать правила для своихъ сужденій—ведетъ ихъ умъ къ пріобрѣтенію и другихъ привычекъ.

Видя, что они могутъ безъ посторонней помощи разрѣшать всѣ мелкія затрудненія, представляемыя практической ихъ жизнью, они легко выводятъ изъ этого, что все на свѣтѣ объяснимо и ничто не превосходитъ предѣловъ человѣческаго ума.

Такимъ образомъ они легко отрицаютъ то, чего не могутъ понять: отъ этого у нихъ мало вѣры въ необыкновенное и почти непреодолимое отвращеніе отъ сверхъестественнаго.

Такъ какъ они имѣютъ обыкновеніе полагаться на собственное свидѣтельство, то любятъ видѣть очень ясно занимающій ихъ предметъ; поэтому они насколько возможно освобождаютъ его отъ всякихъ оболочекъ, устраняютъ все, отдѣляющее его отъ нихъ, и снимаютъ все, скрывающее его отъ глазъ, чтобы видѣть его вблизи и при полномъ свѣтѣ. Такое расположеніе ихъ ума вскорѣ приводитъ ихъ къ пренебреженію формами, которыя они признаютъ за безполезныя и неудобныя преграды, заслоняющія отъ нихъ истину.

Американцамъ, слѣдовательно, не было нужды почерпать ихъ философскій методъ въ книгахъ; они нашли его въ самихъ себѣ. То же самое я могу сказать и о происходившемъ въ Европѣ.

Этотъ самый методъ установился и сдѣлался общеупотребительнымъ въ Европѣ лишь по мѣрѣ того, какъ общественныя положенія въ ней дѣлались болѣе равными и люди болѣе сходными.

Взглянемъ на минуту на послѣдовательный ходъ событій.

Въ шестнадцатомъ столѣтіи реформаторы предоставляютъ на усмотрѣніе личнаго разума нѣкоторые изъ догматовъ старой вѣры; но устраняютъ его отъ обсужденія всѣхъ другихъ. Въ семнадцатомъ—Беконъ въ естественныхъ наукахъ и Декартъ собственно въ философіи уничтожаютъ принятыя формулы, разрушаютъ власть традиціи и ниспровергаютъ учительскій авторитетъ.

Наконецъ философы восемнадцатаго столѣтія, обобщая тотъ же прин-

ципъ, задаются цѣлью подчинить личному изслѣдованію каждаго человѣка содержаніе всѣхъ вѣрованій.

Не ясно ли всякому, что Лютеръ, Декартъ и Вольтеръ употребляли одинъ и тотъ же методъ и разнились другъ отъ друга лишь во взглядѣ на то, въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ онъ долженъ быть примѣняемъ?

Отчего реформаторы такъ строго замкнулись въ кругу религіозныхъ идей? Отчего Декартъ, желая пользоваться своимъ методомъ лишь въ сферѣ извѣстныхъ вопросовъ, хотя онъ сдѣлалъ его способнымъ быть примѣненнымъ ко всѣмъ, заявилъ, что собственнымъ умомъ слѣдуетъ судить лишь о предметахъ философіи, а не политики? Какимъ образомъ случилось, что въ восемнадцатомъ вѣкѣ изъ этого метода вдругъ вывели общія примѣненія, которыхъ не видѣли, или не хотѣли открыть Декартъ и его предшественники? Отчего, наконецъ, въ эту эпоху методъ, о которомъ мы говоримъ, вышелъ изъ школъ и проникъ въ общество, сдѣлавшись общимъ правиломъ умственной дѣятельности, и отчего, пріобрѣтя сначала популярность у французовъ, онъ или явно былъ принятъ, или втайнѣ примѣнялся всѣми народами Европы?

Философскій методъ, о которомъ мы говоримъ, могъ возникнуть въ шестнадцатомъ столѣтіи, получить точное опредѣленіе и общее значеніе въ семнадцатомъ; но ни въ томъ, ни въ другомъ онъ не могъ быть принятъ всѣми.—этому препятствовали политическіе законы, общественное устройство и вытекающія изъ этихъ первоначальныхъ причинъ умственныя привычки.

Этотъ методъ былъ открытъ въ такую эпоху, когда люди начинали дѣлаться равными и сходными другъ съ другомъ. Онъ могъ получить общее примѣненіе лишь въ тѣ вѣка, когда общественныя состоянія стали почти равными, а люди почти одинаковыми.

Стало-быть, методъ восемнадцатаго вѣка есть методъ не только французскій, а демократическій, чѣмъ и объясняется, почему онъ былъ такъ легко принятъ во всей Европѣ, гдѣ онъ такъ сильно способствовалъ измѣненію ея внѣшняго вида. Не потому французы произвели перевороты въ мірѣ, что они перемѣнили свои старинныя вѣрованія и измѣнили старые обычаи, но потому, что они первые обобщили и уяснили философскій методъ, съ помощію котораго можно было легко нападать на все старинное и открывать пути для всего новаго.

Если теперь меня спросятъ, отчего въ наше время этотъ методъ строже выполняется и чаще примѣняется французами, чѣмъ американцами, между тѣмъ какъ равенство у послѣднихъ столь же полно и установлено раньше, то я отвѣчу, что это зависитъ отчасти отъ двухъ обстоятельствъ, которыя необходимо теперь же вполнѣ объяснить.

Американскія общества своимъ происхожденіемъ обязаны религіи; никогда не слѣдуетъ забывать, что поэтому въ Соединенныхъ Штатахъ религія сливается со всѣми національными привычками и со всѣми чувствами, порождаемыми отечествомъ; это даетъ ей особенную силу.

Къ этой могущественной причинѣ слѣдуетъ прибавить другую не менѣе сильную: въ Америкѣ религія сама, такъ сказать, установила свои предѣлы; религіозное устройство осталось въ ней совершенно отдѣльнымъ отъ политическаго, такъ что легко было возможно измѣнить старинные законы, не нарушая старинныхъ вѣрованій.

Христіанство поэтому сохранило большую власть надъ умами амери-

канцевъ и,—что я въ особенности желаю отмѣтить,—оно господствуетъ не только въ качествѣ философіи, принимаемой послѣ изслѣдованія, но какъ религія, въ которую вѣруютъ безъ обсужденія.

Въ Соединенныхъ Штатахъ христіанскія секты разнообразны до безконечности и постоянно видоизмѣняются, но само христіанство представляетъ фактъ установленный и незыблемый, не подлежащій ни нападенію, ни защитѣ.

Признавши безъ обсужденія главные догматы христіанской религіи, американцы принуждены такимъ же образомъ принимать и множество вытекающихъ изъ нея и основанныхъ на ней нравственныхъ истинъ. Это обстоятельство ставитъ тѣсныя границы для личнаго анализа и устраняетъ отъ его дѣйствія многія изъ важнѣйшихъ человѣческихъ убѣжденій.

Другое обстоятельство, о которомъ я говорилъ, есть слѣдующее.

Американцы имѣютъ демократическій общественный строй и демократическую конституцію, но у нихъ не было демократической революціи. Они прибыли въ занимаемую ими страну почти такими же, какими мы ихъ видимъ. Это имѣетъ большое значеніе.

Нѣтъ такихъ революцій, которыя бы не потрясали старинныхъ вѣрованій, не ослабляли авторитета и не затемняли общепринятыхъ понятій. Поэтому всякая революція имѣетъ болѣе или менѣе своимъ послѣдствіемъ то, что люди предоставляются самимъ себѣ и уму каждаго изъ нихъ открывается пустое и почти безпредѣльное пространство.

Когда общественныя состоянія уравниваются вслѣдствіе продолжительной борьбы между различными классами, изъ которыхъ состояло старое общество, то зависть, ненависть и презрѣніе къ сосѣду и преувеличенное довѣріе къ себѣ вторгаются, такъ сказать, въ человѣческое сердце и въ теченіе нѣкотораго времени господствуютъ въ немъ. Это обстоятельство, независимо отъ равенства, сильно способствуетъ раздѣленію людей и тому, что они перестаютъ довѣрять другъ другу и ищутъ свѣта только въ самихъ себѣ.

Всякій тогда полагаетъ, что для него достаточно собственныхъ силъ и считаетъ за честь имѣть обо всемъ свои собственныя вѣрованія. Люди оказываются соединенными только интересами, а не мыслями, и можно сказать, что человѣческія мнѣнія образуютъ тогда лишь нѣчто вродѣ умственной пыли, движущейся во всѣ стороны, не имѣя способности собраться и установиться.

Такимъ образомъ обусловленная равенствомъ независимость ума никогда не бываетъ такъ велика и не кажется столь чрезмѣрной, какъ въ моментъ, когда равенство начинаетъ установляться, и въ теченіе труднаго времени его основанія. Поэтому нужно тщательно различать тотъ видъ умственной свободы, который можетъ быть данъ равенствомъ, отъ анархіи, производимой революціей. Эти двѣ вещи надо разсматривать каждую отдѣльно, чтобы не возбудить въ себѣ преувеличенныхъ надеждъ и опасеній относительно будущаго.

Я думаю, что люди, которые будутъ жить въ новыхъ обществахъ, часто будутъ пользоваться своимъ личнымъ разумомъ; но я далекъ отъ мысли, чтобъ они имъ часто злоупотребляли.

Это зависитъ отъ причины, имѣющей болѣе общее примѣненіе ко всѣмъ демократическимъ странамъ и которая съ теченіемъ времени должна ограничить въ нихъ опредѣленными и иногда тѣсными предѣлами личную свободу мысли.

Я скажу о ней въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА II.

О главномъ источникѣ вѣрованій у демократическихъ народовъ.

Догматическія вѣрованія, смотря по времени, бываютъ болѣе или менѣе многочисленны. Они возникаютъ различными способами и могутъ измѣнять свое содержаніе и форму, но невозможно сдѣлать, чтобы не было догматическихъ вѣрованій, т.-е. мнѣній, принимаемыхъ людьми по довѣрію и безъ обсужденія. Если бы каждый задумалъ самъ образовать всѣ свои мнѣнія и въ одиночествѣ искать истины, слѣдуя по путямъ, проложеннымъ имъ однимъ, то невѣроятно, чтобы когда-нибудь значительное число людей соединилось бы въ какомъ-нибудь общемъ вѣрованіи.

Между тѣмъ легко видѣть, что нѣтъ такого общества, которое могло бы благоденствовать безъ подобныхъ вѣрованій, или, лучше сказать, нѣтъ общества, которое бы продолжало существовать при такомъ условіи, потому что безъ общихъ идей нѣтъ общаго дѣйствія, а безъ общаго дѣйствія существуютъ отдѣльные люди, но нѣтъ общественнаго цѣлаго. Значитъ, чтобы существовало общество, и тѣмъ болѣе чтобъ оно процвѣтало, необходимо, чтобъ умы всѣхъ гражданъ были всегда собраны и связаны вмѣстѣ какими нибудь основными идеями; а этого не могло бы быть безъ того, чтобы каждый не почерпалъ иногда своихъ мнѣній изъ общаго источника и не согласился бы получать нѣкоторыя вѣрованія готовыми.

Если я теперь обращусь къ отдѣльному человѣку, то нахожу, что догматическія вѣрованія не менѣе необходимы ему для того, чтобы жить одному, какъ и для того, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ себѣ подобными.

Если бы человѣкъ принужденъ былъ доказывать себѣ всѣ истины, которыми онъ ежедневно пользуется, то онъ бы никогда не кончилъ; онъ истощилъ бы свои силы на предварительныхъ доказательствахъ, не двигаясь впередъ; такъ какъ онъ не имѣетъ ни времени, вслѣдствіе короткаго срока своей жизни, ни способности, вслѣдствіе ограниченности своего ума, для того чтобы поступать такимъ образомъ, то ему приходится признавать за достовѣрные множество фактовъ и мнѣній, которые онъ не имѣлъ ни времени, ни возможности разсмотрѣть и провѣрить самъ, но которые найдены людьми болѣе способными, или принимаются массой. На этомъ первоначальномъ основаніи онъ самъ строитъ зданіе своихъ собственныхъ мыслей. Не по своей волѣ онъ поступаетъ такимъ образомъ. Его принуждаетъ къ этому неизмѣнный законъ, управляющій условіями его существованія.

Нѣтъ на свѣтѣ такого великаго философа, который бы не вѣрилъ милліону вещей по довѣрію къ другимъ людямъ и который не предполагалъ бы гораздо больше истинъ, чѣмъ онъ могъ бы точно установить.

Это не только необходимо, но и желательно. Человѣкъ, который вздумалъ бы все изслѣдовать, самъ могъ бы посвятить каждому предмету лишь немного времени и вниманія; эта работа держала бы его умъ въ постоянномъ волненіи, которое мѣшало бы ему проникнуть глубоко въ какую-либо истину и твердо установиться на какой нибудь достовѣрности. Его умъ былъ бы одновременно и свободенъ и слабъ. Необходимо, стало-быть, чтобъ изъ различнаго содержанія человѣческихъ мнѣній онъ выбралъ и принялъ многія вѣрованія безъ обсужденія, для того чтобы глубже проникнуть въ тѣ немногія, изслѣдованіе которыхъ онъ оставилъ себѣ.

Правда, что всякій человѣкъ, принимающій какое-нибудь мнѣніе съ

чужихъ словъ, отдаетъ свой умъ въ рабство; но это рабство благодѣтельное, которое дастъ возможность хорошо пользоваться свободой.

Какъ бы то ни было, всегда, значитъ, нужно, чтобы въ умственномъ и нравственномъ мірѣ существовалъ гдѣ-нибудь авторитетъ. Мѣсто его различно, но онъ необходимо имѣетъ свое мѣсто. Индивидуальная независимость можетъ быть болѣе или менѣе велика, но она не можетъ быть безпредѣльна. Вопросъ, стало-быть, состоитъ не въ томъ, существуетъ ли во времена демократіи умственный авторитетъ, но лишь въ томъ, гдѣ онъ помѣщается и какъ великъ будетъ его размѣръ.

Въ предыдущей главѣ я показалъ, какимъ образомъ равенство общественныхъ состояній ведетъ людей къ нѣкотораго рода инстинктивному невѣрію въ сверхъестественное и къ образованію очень высокаго и часто преувеличеннаго понятія о значеніи человѣческаго разума.

Поэтому люди живущіе въ такую эпоху равенства бываютъ несклонны помѣщать умственный авторитетъ, которому они подчиняются, внѣ и выше человѣчества. Обыкновенно они ищутъ источниковъ истины въ себѣ и въ подобныхъ себѣ людяхъ. Этого достаточно для доказательства того, что въ такіе вѣка не могла бы возникнуть новая религія и что всякія попытки къ ея созданію были бы не только безбожны, но смѣшны и безразсудны. Можно предвидѣть, что демократическіе народы не повѣрятъ легко божественному посланничеству, что они съ насмѣшкой отнесутся къ новымъ пророкамъ и будутъ искать главное рѣшающее начало для своихъ вѣрованій въ предѣлахъ человѣчества, а не внѣ его.

Когда общественныя состоянія неравны, а люди непохожи другъ на друга, то существуетъ нѣсколько личностей очень просвѣщенныхъ, очень знающихъ и очень сильныхъ своимъ умомъ, и толпа очень невѣжественная и ограниченная. Поэтому люди, живущіе во времена господства аристократіи, естественно бываютъ склонны слѣдовать въ своихъ мнѣніяхъ за высшимъ разумомъ одного человѣка или цѣлаго класса, тогда какъ они вовсе не расположены признавать непогрѣшимость толпы.

Обратное происходитъ въ вѣка равенства.

По мѣрѣ того какъ граждане становятся болѣе равными и болѣе сходными другъ съ другомъ, уменьшается склонность каждаго слѣпо вѣрить данному человѣку, или классу и увеличивается склонность вѣрить массѣ, такъ что общество все болѣе и болѣе направляется общимъ мнѣніемъ.

Общее мнѣніе у демократическихъ народовъ не только остается единственнымъ путеводителемъ индивидуальнаго разума; но у этихъ народовъ оно представляетъ собою силу несравненно большую, чѣмъ у всѣхъ другихъ. Во времена равенства люди вслѣдствіе своего сходства вовсе не имѣютъ вѣры другъ въ друга; но это же сходство даетъ имъ почти безграничное довѣріе къ сужденію общества, такъ какъ имъ кажется невѣроятнымъ, чтобы, при условіи равнаго у всѣхъ знанія, истина не оказалась-бы на сторонѣ наибольшаго числа.

Когда человѣкъ, живущій въ демократическихъ странахъ, сравниваетъ себя въ отдѣльности со всѣми его окружающими, то онъ съ гордостью сознаетъ свое равенство съ каждымъ изъ нихъ; но когда онъ представляетъ себѣ совокупность всѣхъ ему подобныхъ и сопоставляетъ себя съ этимъ громаднымъ организмомъ, то онъ тотчасъ оказывается подавленнымъ своимъ ничтожествомъ и слабостію.

То же равенство, которое дѣлаетъ его независимымъ отъ каждаго изъ

его согражданъ въ частности, отдаетъ его одинокимъ и безсильнымъ во власть большинства.

Поэтому масса общества имѣетъ у демократическихъ народовъ необыкновенную силу, о которой аристократическія націи не могутъ себѣ составить даже понятія. Она не убѣждаетъ въ правотѣ своихъ вѣрованій, но навязываетъ ихъ и заставляетъ ихъ проникать въ души какъ бы силою громаднаго давленія общаго ума на умъ каждаго отдѣльнаго человѣка.

Въ Соединенныхъ Штатахъ большинство берется доставлять отдѣльнымъ лицамъ множество совсѣмъ готовыхъ мнѣній и такимъ образомъ освобождаетъ ихъ отъ обязанности вырабатывать свои собственныя. Существуетъ множество теорій по предметамъ философіи, морали и политики, которыя такимъ образомъ принимаются тамъ всѣми безъ разсмотрѣнія, по довѣрію къ общественному мнѣнію; а если посмотрѣть ближе, то мы увидимъ, что даже самая религія господствуетъ тамъ гораздо менѣе въ качествѣ божественнаго ученія, чѣмъ въ качествѣ общественнаго мнѣнія.

Я знаю, что у американцевъ политическіе законы таковы, что большинство тамъ имѣетъ верховную власть надъ обществомъ, что значительно увеличиваетъ то вліяніе, которое оно естественно оказываетъ на умы, потому что для человѣка нѣтъ ничего привычнѣе, какъ признавать высшую мудрость въ томъ, кто его притѣсняетъ.

Это политическое всемогущество большинства въ Соединенныхъ Штатахъ дѣйствительно усиливаетъ то вліяніе, которое общественное мнѣніе и безъ того имѣло бы на образъ мыслей каждаго гражданина, но оно не создаетъ этого вліянія. Источникъ его слѣдуетъ искать въ самомъ равенствѣ, а не въ болѣе или менѣе популярныхъ учрежденіяхъ, которыя могутъ для себя создать равные между собою люди. Надо полагать, что умственное владычество наибольшаго числа было бы менѣе неограничено у демократическаго народа, подчиненнаго монарху, чѣмъ въ средѣ чистой демократіи; но оно все же будетъ очень велико, и можно предвидѣть, что каковы бы ни были политическіе законы, управляющіе людьми во время господства равенства, вѣра въ общее мнѣніе сдѣлается тогда нѣкотораго рода религіей, пророкомъ которой будетъ большинство.

Такимъ образомъ умственный авторитетъ будетъ другаго рода, но онъ не будетъ меньше. И я не только не думаю, что онъ долженъ исчезнуть, но предвижу, что онъ сдѣлается слишкомъ великъ, и можетъ случиться, что онъ ограничитъ дѣятельность личнаго разума предѣлами болѣе тѣсными, чѣмъ требуется для величія и счастія человѣческаго рода. Я вижу ясно въ равенствѣ два направленія: одно, которое ведетъ умъ каждаго человѣка къ новымъ мыслямъ, и другое, которое готово было-бы довести его до отсутствія мысли. И я усматриваю, какъ, при господствѣ извѣстныхъ законовъ, демократія могла бы погасить умственную свободу, которой благопріятствуетъ демократическій общественный строй, такъ что умъ человѣческій, разбивши всѣ оковы, наложенныя на него раньше отдѣльными людьми или классами, тѣсно связалъ бы себя съ общею волею большинства.

Если бы на мѣсто разныхъ властей, чрезмѣрно затруднявшихъ или замедлявшихъ развитіе индивидуальнаго разума, демократическіе народы поставили неограниченную власть большинства, то зло измѣнило бы лишь свою форму. Люди не нашли бы способа жить независимо, а только открыли бы,—что не легко,—новую форму рабства. Въ этомъ заключается,—я не могу не повторять этого,—вопросъ, заслуживающій глубокаго размы-

шленія тѣхъ, кто считаетъ умственную свободу святымъ дѣломъ и кто ненавидитъ не только деспота, но и деспотизмъ. Что касается до меня, то когда я чувствую руку власти, тяготѣющую надъ моей головой, то мнѣ вовсе не важно знать, кто именно угнетаетъ меня, и я ничуть не болѣе расположенъ подставлять свою голову подъ ярмо потому лишь, что милліонъ рукъ надѣваютъ его на меня.

ГЛАВА III.

Отчего американцы выказываютъ больше способности и склонности къ общимъ идеямъ, чѣмъ ихъ предки англичане.

Богъ не думаетъ о человѣческомъ родѣ вообще. Онъ видитъ однимъ взглядомъ всѣ въ отдѣльности существа, изъ которыхъ состоитъ человѣчество, каждое съ тѣми сходствами, которыя сближаютъ его со всѣми и съ тѣми различіями, которыя его выдѣляютъ изъ нихъ.

Богъ не нуждается въ общихъ идеяхъ, т.-е. онъ никогда не сознаетъ необходимости заключать въ одинъ образъ большое число сходныхъ предметовъ, чтобъ удобнѣе мыслить о нихъ.

Не такъ бываетъ съ человѣкомъ. Еслибъ умъ человѣческій хотѣлъ разсмотрѣть и обсудить всѣ частные случаи, производящіе на него впечатлѣніе, то онъ скоро бы потерялся въ безконечности подробностей и не увидалъ бы уже ничего; въ этой крайности онъ прибѣгаетъ къ средству хотя несовершенному, но необходимому, которое, доказывая его слабость, помогаетъ ей.

Разсмотрѣвъ поверхностно извѣстное число предметовъ и замѣтивъ, что они похожи другъ на друга, онъ даетъ имъ всѣмъ одно названіе, отдѣляетъ ихъ къ сторонѣ и идетъ дальше.

Общія идеи не свидѣтельствуютъ о силѣ человѣческаго ума, но скорѣе о его недостаточности, потому что въ природѣ нѣтъ вещей вполнѣ сходныхъ между собою, нѣтъ фактовъ тождественныхъ и нѣтъ правилъ, безразлично и одинаково примѣнимыхъ ко многимъ предметамъ сразу.

Общія идеи имѣютъ то превосходное свойство, что они даютъ возможность человѣческому уму быстро высказывать сужденіе о многихъ предметахъ заразъ; но, съ другой стороны, онѣ всегда даютъ ему лишь несовершенныя познанія и заставляютъ его терять въ точности то, что онъ выигрываетъ черезъ нихъ въ обширности.

По мѣрѣ того, какъ общества становятся старше, они пріобрѣтаютъ познаніе новыхъ фактовъ и ежедневно, почти безъ вѣдома своего, усвоиваютъ нѣкоторыя частныя истины.

По мѣрѣ того, какъ человѣкъ пріобрѣтаетъ больше такого рода истинъ, онъ естественно приходитъ къ сознанію большаго числа общихъ идей. Невозможно видѣть множества частныхъ фактовъ въ отдѣльности, не замѣтивъ наконецъ соединяющей ихъ общей связи. Многія особи образуютъ понятіе вида; многіе виды необходимо приводятъ къ понятію рода. Поэтому привычка и склонность даннаго народа къ общимъ идеямъ всегда будутъ тѣмъ больше, чѣмъ просвѣщеніе его будетъ старше и обширнѣе.

Но есть еще и другія причины, направляющія людей къ обобщенію ихъ идей, или удаляющія ихъ отъ этого.

Американцы гораздо чаще, чѣмъ англичане, пользуются общими идеями и больше находятъ въ нихъ удовольствія; это кажется съ перваго раза

очень страннымъ, если подумать, что они въ теченіе вѣковъ жили подъ одними законами и что они и теперь постоянно сообщаютъ одинъ другому свои мнѣнія и нравы. Контрастъ кажется еще болѣе поразительнымъ, если обратить все вниманіе на нашу Европу и сравнить два наиболѣе просвѣщенные изъ живущихъ въ ней народовъ.

Можно сказать что у англичанъ человѣческій умъ лишь съ сожалѣніемъ и болью отрывается отъ созерцанія частныхъ фактовъ, чтобъ отъ нихъ возвыситься до причинъ, и что онъ лишь вопреки своему желанію дѣлаетъ обобщенія.

У насъ, напротивъ, склонность къ общимъ идеямъ сдѣлалась повидимому такой необузданной страстью, которая при всякомъ случаѣ требуетъ себѣ удовлетворенія. Каждое утро, просыпаясь, я узнаю, что открытъ какой-нибудь общій и вѣчный законъ, о которомъ до тѣхъ поръ я никогда не слыхивалъ. Нѣтъ такого посредственнаго писателя, которому для его перваго опыта довольно было бы открыть истину, примѣнимую къ большому государству и который не былъ бы недоволенъ собой, еслибъ ему не удалось включить родъ человѣческій въ предметъ своего разсужденія.

Такое несходство между двумя очень образованными народами удивляетъ меня. Если я затѣмъ обращаю свой взглядъ на Англію и замѣчаю то, что происходитъ въ ней въ послѣдніе полвѣка, то, я думаю, могу утверждать, что склонность къ общимъ идеямъ развивается въ ней по мѣрѣ того, какъ слабѣетъ старинное политическое устройство страны.

Слѣдовательно одного большаго или меньшаго развитія просвѣщенія недостаточно для того, чтобъ объяснить, что способствуетъ склонности человѣческаго ума къ общимъ идеямъ и что его отвращаетъ отъ нихъ.

Когда общественныя положенія людей очень не равны и неравенства эти постоянны, то отдѣльныя личности дѣлаются мало-помалу на столько несходными, что кажется, сколько есть классовъ, столько и особыхъ видовъ человѣка; постоянно глядя сразу только на одинъ изъ нихъ и теряя изъ виду общую связь, соединяющую ихъ всѣ въ обширное цѣлое, составляющее человѣческій родъ, видятъ всегда только извѣстныхъ людей, а не человѣка вообще.

Поэтому тѣ, кто живетъ въ этихъ аристократическихъ обществахъ, не имѣютъ никогда очень общихъ идей относительно ихъ самихъ, и этого бываетъ достаточно, чтобы сообщить имъ привычку относиться съ недовѣріемъ къ этимъ идеямъ и инстинктивное отвращеніе отъ нихъ.

Напротивъ человѣкъ, живущій въ демократическихъ странахъ, находитъ возлѣ себя только приблизительно равныя ему существа; поэтому онъ не можетъ подумать о какой-либо части человѣческаго рода безъ того, чтобы мысль его не возросла и не расширилась до возможности обнять цѣлое. Ему кажется, что всѣ истины, примѣнимыя къ нему самому, въ той же мѣрѣ и такимъ же образомъ могутъ быть примѣнены къ его согражданамъ и къ подобнымъ ему людямъ. Привыкши къ общимъ идеямъ въ тѣхъ сферахъ своего изученія, которыми онъ больше всего занимается и интересуется, онъ переноситъ ту же привычку и во всѣ другія, и такимъ образомъ потребность находить во всѣхъ вещахъ общія правила, заключать большое число предметовъ въ одномъ образѣ и объяснять совокупность фактовъ одною причиной становится горячею и часто слѣпою страстью человѣческаго ума.

Ничто не можетъ лучше доказать вѣрность сказаннаго, какъ мнѣнія древности относительно рабовъ.

Обладавшіе наибольшею глубиной и широтой мысли, геніи Греціи и Рима никогда не могли дойти до столь общей и вмѣстѣ съ тѣмъ столь простой идеи о сходствѣ людей между собою и о равномъ правѣ на свободу, пріобрѣтаемомъ каждымъ изъ нихъ при рожденіи; и они усиливались доказать, что рабство существовало въ природѣ и будетъ существовать всегда. Мало того: все указываетъ на то, что тѣ изъ древнихъ, которые были рабами прежде, чѣмъ стали свободными, и многіе изъ которыхъ оставили намъ прекрасныя сочиненія, сами смотрѣли на рабство съ этой точки зрѣнія.

Всѣ великіе писатели древности принадлежали къ господствующей аристократіи, или по крайней мѣрѣ они видѣли своими глазами, что эта аристократія установлена безспорно; поэтому ихъ умъ, распространившись въ разныя стороны, оказался ограниченнымъ съ этой стороны, и нужно было Іисусу Христу прійти на землю, чтобы сдѣлать понятною мысль о томъ, что всѣ члены человѣческаго рода естественно сходны и равны между собою.

Въ періоды равенства всѣ люди бываютъ независимы другъ отъ друга, изолированы и слабы; не бываетъ видно такихъ, воля которыхъ управляла бы постоянно движеніями толпы. Въ это время человѣчество всегда повидимому двигается само собой; поэтому для объясненія всего происходящаго въ мірѣ приходится обращаться къ какимъ-нибудь общимъ причинамъ, которыя, дѣйствуя одинаково на всѣхъ людей, направляютъ ихъ такъ, что они по своей волѣ идутъ всѣ по одному пути. Это опять приводитъ человѣческій умъ къ образованію общихъ идей и къ пріобрѣтенію склонности къ нимъ.

Раньше я указалъ, какъ равенство состояній приводитъ къ тому, что каждый ищетъ истину собственными силами. Легко видѣть, что подобный методъ долженъ незамѣтно направлять человѣческій умъ на общія идеи. Если я отрекаюсь отъ сословныхъ, профессіональныхъ и семейныхъ традицій, если я освобождаюсь отъ владычества подражанія и только посредствомъ усилій собственнаго разума отыскиваю свой путь, въ такомъ случаѣ я буду склоненъ почерпать основанія своихъ убѣжденій въ самой природѣ человѣка, что необходимо и почти незамѣтно для меня самого приведетъ меня ко множеству очень общихъ понятій.

Все предыдущее окончательно объясняетъ, почему англичане оказываются гораздо менѣе способными и склонными къ обобщенію идей, чѣмъ ихъ потомки американцы и въ особенности ихъ сосѣди французы, и почему у современныхъ англичанъ эта способность и склонность проявляется сильнѣе, чѣмъ у ихъ отцовъ.

Англичане долго были народомъ очень просвѣщеннымъ и въ то же время очень аристократическимъ. Ихъ образованность постоянно направляла ихъ къ очень общимъ идеямъ, а ихъ аристократизмъ удерживалъ ихъ въ кругу очень частныхъ понятій. Отъ этого произошла та философія одновременно и смѣлая и робкая, и широкая и узкая, которая до сихъ поръ господствовала въ Англіи и которая и теперь еще держитъ столько умовъ въ состояніи подавленности и неподвижности.

Независимо отъ выше указанныхъ мною причинъ есть еще и другія, менѣе замѣтныя, но не менѣе дѣйствительныя, которыя производятъ почти у всѣхъ демократическихъ народовъ склонность и часто страсть къ общимъ идеямъ.

Необходимо дѣлать строгое различіе между этого рода идеями. Нѣко-

торыя изъ нихъ произведены долгимъ, подробнымъ и добросовѣстнымъ трудомъ ума: такія идеи разширяютъ сферу человѣческаго знанія.

Есть между ними другія, легко пораждаемыя сразу быстрымъ усиліемъ ума, которыя даютъ знаніе лишь очень поверхностное и очень неточное.

Люди, живущіе во времена равенства, имѣютъ много любопытства и мало свободнаго времени; жизнь ихъ такъ практична, такъ сложна, такъ безпокойна и дѣятельна, что имъ остается лишь немного времени для размышленія. Люди демократическихъ вѣковъ любятъ общія идеи потому, что онѣ избавляютъ ихъ отъ изученія частныхъ случаевъ; онѣ, если можно такъ выразиться, заключаютъ многое въ небольшомъ объемѣ и производятъ много въ короткое время. Поэтому, когда, послѣ короткаго и невнимательнаго разсмотрѣнія, имъ покажется, что они видятъ между извѣстными предметами общую связь, то они не продолжаютъ далѣе своего изслѣдованія и, не разсмотрѣвъ въ подробности, чѣмъ данные предметы сходны или различны между собою, спѣшатъ подвести ихъ подъ одну формулу и идутъ дальше.

Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ демократическихъ временъ является склонность всѣхъ людей къ легкимъ успѣхамъ и наслажденію настоящимъ. Склонность эта встрѣчается въ умственныхъ профессіяхъ какъ и во всѣхъ другихъ. Большею частію люди, живущіе во времена равенства, преисполнены честолюбія, отличающагося одновременно и живостью и слабостью. Они хотѣли бы сейчасъ же имѣть большой успѣхъ, но не дѣлая большихъ усилій. Эти противоположныя стремленія прямо приводятъ ихъ къ изысканію общихъ идей; съ помощію которыхъ они надѣются безъ большого труда выразить очень обширные предметы и легко привлечь къ себѣ вниманіе публики.

И я не знаю, ошибаются ли они, думая такимъ образомъ, потому что читатели ихъ столько же, какъ и они сами, боятся глубокаго изученія и въ умственномъ трудѣ ищутъ обыкновенно только легкаго удовольствія и занятія, получаемаго безъ труда.

Если аристократическіе народы недостаточно пользуются общими идеями и часто относятся къ нимъ съ необдуманнымъ пренебреженіемъ, то наоборотъ демократическіе народы всегда оказываются готовыми злоупотреблять этого рода идеями и слишкомъ пылко воспламеняться ими.

ГЛАВА IV.

Отчего американцы никогда не относились такъ страстно, какъ французы, къ общимъ идеямъ въ области политики.

Я говорилъ раньше, что американцы выказываютъ менѣе сильную склонность къ общимъ идеямъ, чѣмъ французы. Это въ особенности вѣрно по отношенію къ общимъ идеямъ, касающимся политики.

Хотя американцы вводятъ въ свое законодательство несравненно больше общихъ идей, чѣмъ англичане, и гораздо больше ихъ заботятся о примѣненіи въ человѣческихъ дѣлахъ практики къ теоріи, тѣмъ не менѣе въ Соединенныхъ Штатахъ никогда не бывало политическихъ организацій до такой степени влюбленныхъ въ общія идеи, какъ у насъ учредительное собраніе и конвентъ; никогда весь американскій народъ не относился къ этого рода идеямъ съ такою страстностью, какъ французскій народъ въ

восемнадцатомъ столѣтіи, и не выказывалъ такой смѣлой вѣры въ благодѣтельность и абсолютную истину какой бы то не было теоріи.

Это различіе между американцами и нами происходитъ отъ многихъ причинъ, но преимущественно отъ слѣдующей:

Американцы составляютъ демократическій народъ, который всегда самъ управлялъ своими общественными дѣлами, а мы представляемъ собою демократическій народъ, который въ теченіе долгаго времени могъ только думать о лучшемъ способѣ ихъ веденія.

Нашъ общественный строй тогда уже способствовалъ образованію въ нашемъ сознаніи очень общихъ идей относительно управленія, когда наше государственное устройство еще препятствовало намъ провѣрить и исправить ихъ опытомъ и мало-помалу убѣдиться въ ихъ недостаточности. Между тѣмъ у американцевъ эти два дѣла постоянно взаимно другъ друга уравновѣшиваютъ и исправляютъ.

Съ перваго раза кажется, что это очень противорѣчитъ сказанному мною раньше, что демократическіе народы въ самыхъ волненіяхъ ихъ практической жизни почерпаютъ выказываемую ими любовь къ теоріямъ. Но болѣе внимательное разсмотрѣніе покажетъ, что въ этомъ нѣтъ ничего противорѣчиваго.

Люди, живущіе въ демократическихъ странахъ, чувствуютъ очень большую потребность въ общихъ идеяхъ, потому что у нихъ мало свободнаго времени и эти идеи избавляютъ ихъ отъ необходимости разсматривать частные факты; это справедливо, но лишь по отношенію къ такимъ вещамъ, которыя не составляютъ обыкновеннаго и необходимаго предмета ихъ размышленія. Торговцы охотно примутъ, даже не разглядывая ихъ близко, всѣ предлагаемыя имъ общія идеи, относящіяся до философіи, политики, наукъ и искусствъ; но они только послѣ разсмотрѣнія примутъ тѣ, которыя касаются торговли и лишь съ оговорками согласятся на нихъ.

То же произойдетъ съ государственными людьми, когда дѣло будетъ итти объ общихъ идеяхъ, касающихся до политики.

Поэтому, если существуетъ такой предметъ, по отношенію къ которому является особенно опаснымъ, чтобы демократическіе народы не увлекались слѣпо и чрезмѣрно общими идеями, то лучшее средство для предотвращенія опасности состоитъ въ томъ, чтобъ они занимались этимъ предметомъ ежедневно и на практикѣ; тогда они поневолѣ должны будутъ войти въ подробности, а эти подробности укажутъ имъ слабыя стороны теоріи.

Это лѣкарство часто бываетъ непріятно, но дѣйствіе его несомнѣнно.

Такимъ образомъ демократическія учрежденія, заставляющіе каждаго гражданина практически заниматься дѣлами управленія, умѣряютъ возбуждаемое равенствомъ чрезмѣрное стремленіе къ общимъ идеямъ въ сферѣ политики.

ГЛАВА V.

Какимъ образомъ въ Соединенныхъ Штатахъ религія умѣетъ пользоваться демократическими инстинктами.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ мною было установлено, что люди не могутъ обходиться безъ догматическихъ вѣрованій и что даже было бы очень желательно, чтобъ они ихъ имѣли. Здѣсь я прибавлю, что изъ всѣхъ

догматическихъ вѣрованій наиболѣе желательными я считаю вѣрованія въ сферѣ религіи; это можно очень ясно вывести даже и въ томъ случаѣ, если обращать вниманіе только на интересы земной жизни.

Нѣтъ почти ни одного человѣческаго дѣйствія, какой бы частный характеръ мы въ немъ ни предположили, которое бы не имѣло своего начала въ очень общей идеѣ, составленной людьми о Богѣ, о его отношеніяхъ къ человѣческому роду, о природѣ души и объ обязанностяхъ человѣка къ себѣ подобнымъ. Невозможно, чтобы эти идеи не были общимъ источникомъ, изъ котораго вытекаетъ все остальное.

Люди имѣютъ поэтому громадный интересъ въ томъ, чтобы составить себѣ вполнѣ опредѣленныя идеи о Богѣ, о своей душѣ и своихъ общихъ обязанностяхъ относительно Творца и себѣ подобныхъ, такъ какъ сомнѣніе относительно этихъ первоначальныхъ пунктовъ отдало бы всѣ ихъ дѣйствія во власть случая и, такъ сказать, осудило бы ихъ на безпорядокъ и безсиліе.

Слѣдовательно, всего важнѣе, чтобъ относительно этихъ предметовъ каждый изъ насъ имѣлъ опредѣленныя идеи; къ несчастію, именно о нихъ то всего труднѣе каждому установить опредѣленность въ своихъ понятіяхъ, если онъ будетъ предоставленъ самому себѣ и усиліямъ своего собственнаго разума.

Только умы очень свободные отъ обыкновенныхъ житейскихъ заботъ, очень проницательные и очень опытные, могутъ съ помощію долгаго времени и усилій проникнуть до этихъ столь необходимыхъ истинъ.

И даже мы видимъ, что и эти философы почти всегда бываютъ окружены сомнѣніями, что на каждомъ шагу освѣщающій ихъ естественный свѣтъ темнѣетъ и угрожаетъ погаснуть и что, несмотря на всѣ свои усилія, они до сихъ поръ могли открыть лишь немногія противорѣчивыя данныя, среди которыхъ умъ человѣческій безпрерывно калеблется въ продолженіе тысячелѣтій, не будучи въ состояніи ни овладѣть истиной, ни даже найти новыя заблужденія. Такія занятія далеко превышаютъ среднія способности людей; да если бы большинство людей и было къ нимъ способно, то они очевидно не имѣли бы для этого свободнаго времени.

Опредѣленныя идеи о Богѣ и человѣческой природѣ необходимы для ихъ ежедневной практической дѣятельности, а сама эта практическая дѣятельность препятствуетъ ихъ пріобрѣтенію.

Такое положеніе я считаю единственнымъ. Между науками есть такія, которыя и полезны толпѣ, и доступны для нея; другія доступны только немногимъ личностямъ, а большинство ихъ не изучаетъ, нуждаясь лишь въ самыхъ отдаленныхъ ихъ примѣненіяхъ. Но ежедневное практическое примѣненіе этой науки необходимо для всѣхъ, а между тѣмъ ея изученіе недоступно для большинства.

Такимъ образомъ оказывается, что изо всѣхъ идей общія идеи о Богѣ и о природѣ человѣка суть именно тѣ, которыя всего лучше было бы изъять отъ постояннаго дѣйствія личнаго разума и которыя всего больше могутъ выиграть и всего меньше проиграть отъ признанія авторитета.

Главный предметъ и одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ религій состоитъ въ томъ, что на всѣ эти основные вопросы онѣ даютъ очень твердое рѣшеніе, ясное, опредѣленное и понятное для толпы.

Есть религіи очень ложныя и очень нелѣпыя; однако же можно сказать, что всякая религія, остающаяся въ указанной мною сферѣ и не пытающаяся, какъ многія изъ нихъ, выйти изъ этой сферы, чтобы со

всѣхъ сторонъ поставить преграду свободной дѣятельности человѣческаго разума, налагаетъ на умъ ярмо полезное для него; такъ что надо признать, что если она не спасаетъ людей на томъ свѣтѣ, то по крайней мѣрѣ на этомъ очень способствуетъ ихъ счастію и величію.

Это въ особенности вѣрно по отношенію къ людямъ, живущимъ въ свободныхъ странахъ.

Когда религія уничтожена въ какомъ-нибудь народѣ, то сомнѣніе охватываетъ высшіе отдѣлы ума и на половину парализуетъ всѣ прочія. Каждый человѣкъ пріучается имѣть лишь смутныя и измѣнчивыя понятія о предметахъ наиболѣе важныхъ для другихъ людей и для него самого. Всѣ слабо защищаютъ свои убѣжденія, или отказываются отъ нихъ, и такъ какъ никто не надѣется одними своими силами разрѣшить величайшія задачи, представляемыя судьбою человѣчества, то всѣ трусливо ограничиваются тѣмъ, что не думаютъ о нихъ.

Такое положеніе необходимо ослабляетъ душевныя силы, ослабляетъ напряженіе воли и подготовляетъ гражданъ къ рабству.

Тогда происходитъ, что они не только допускаютъ взять у нихъ свободу, но и сами ее отдаютъ.

Когда нѣтъ больше авторитета ни въ религіозныхъ, ни въ политическихъ дѣлахъ, то люди скоро пугаются при видѣ этой безграничной независимости. Вѣчно-волнующееся состояніе всѣхъ вещей безпокоитъ и утомляетъ ихъ. Такъ какъ все движется въ умственномъ мірѣ, то они хотятъ, чтобы по крайней мѣрѣ все было прочно и устойчиво въ матеріальномъ, и, не имѣя возможности вновь пріобрѣсти старыя вѣрованія, они ставятъ надъ собой господина.

Что касается до меня, то я сомнѣваюсь, чтобы человѣкъ былъ когда-нибудь въ состояніи выдержать одновременно и полную религіозную независимость и полную политическую свободу; и я склоненъ думать, что если у него нѣтъ вѣры, то онъ долженъ быть рабомъ, а если онъ свободенъ, то долженъ имѣть вѣру.

Я впрочемъ не знаю, не будетъ ли эта великая польза религій еще виднѣе у народовъ, у которыхъ существуетъ равенство состояній, чѣмъ у всякихъ другихъ.

Нужно признать, что равенство, внося въ міръ много хорошаго, внушаетъ однако же людямъ, какъ это будетъ указано дальше, очень опасные инстинкты. Оно стремится къ изолированію ихъ другъ отъ друга, направляя ихъ къ тому, чтобы каждый заботился только о себѣ.

Оно чрезмѣрно открываетъ ихъ душу для страсти къ матеріальнымъ наслажденіямъ.

Величайшая польза религій состоитъ въ томъ, что онѣ внушаютъ стремленія совершенно противоположныя. Нѣтъ такой религіи, которая бы не ставила цѣль человѣческихъ стремленій внѣ и выше земныхъ благъ и которая бы естественнымъ путемъ не возносила душу человѣка до предѣловъ гораздо высшихъ, чѣмъ сфера чувствъ. Нѣтъ также такой, которая бы не установляла для каждаго человѣка какъ обязанностей его самого относительно человѣческаго рода, такъ и общихъ ему съ послѣднимъ и которая такимъ образомъ не отрывала бы его по временамъ отъ созерцанія самого себя. Эти качества существуютъ и въ религіяхъ самыхъ ложныхъ и самыхъ опасныхъ.

Такимъ образомъ религіозные народы оказываются естественно сильными именно въ томъ, въ чемъ демократическіе народы слабы, чѣмъ ясно

указывается важность того, чтобы люди, дѣлаясь равными, сохраняли свою религію.

Я не имѣю ни права, ни желанія изслѣдовать сверхъестественные пути, посредствомъ которыхъ Богъ внѣдряетъ религіозное вѣрованіе въ сердце человѣка. Я разсматриваю теперь религіи исключительно съ чисто-человѣческой точки зрѣнія и стараюсь узнать, какимъ способомъ онѣ могутъ всего легче сохранить свое господство въ періодъ демократіи, въ который мы теперь входимъ.

Я указалъ, какимъ образомъ, въ эпоху просвѣщенія и равенства, человѣческій разумъ съ трудомъ лишь соглашается воспринимать догматическія вѣрованія и нуждается въ нихъ только въ дѣлѣ религіи. Это указываетъ во-первыхъ на то, что въ эти вѣка религіи болѣе чѣмъ когда-либо должны скромно держаться въ свойственныхъ имъ предѣлахъ и не пытаться выйти изъ нихъ, такъ какъ, желая распространить свою власть дальше религіозной сферы, онѣ подвергаются той опасности, что имъ перестанутъ вѣрить въ чемъ бы то ни было. Поэтому онѣ должны внимательно очертить себѣ тотъ кругъ, внутри котораго онѣ предполагаютъ поставить границы человѣческому уму, предоставляя ему внѣ этого круга полную свободу и самостоятельность.

Магометъ свелъ съ неба и помѣстилъ въ коранѣ не только религіозное ученіе, но и политическія правила, гражданскіе и уголовные законы и научныя теоріи. Евангеліе, напротивъ, говоритъ только объ общихъ отношеніяхъ людей къ Богу и между собой. Помимо этого, оно ничему не учитъ и не обязываетъ ничему вѣрить. Этого одного, вмѣстѣ съ тысячью другихъ причинъ, достаточно для того, чтобы показать, что первая изъ этихъ религій не можетъ долго господствовать въ вѣка просвѣщенія и демократіи, тогда какъ другая предназначена къ господству въ теченіе этихъ вѣковъ, также какъ и всѣхъ другихъ.

Продолжая далѣе это изслѣдованіе, я нахожу, что, разсуждая по-человѣчески для того, чтобы религіи могли удержаться въ демократическіе вѣка, недостаточно того, чтобъ онѣ старательно ограничивались кругомъ религіозныхъ вопросовъ. Сила ихъ много зависитъ еще и отъ характера исповѣдуемыхъ ими вѣрованій, отъ принимаемыхъ ими внѣшнихъ формъ и отъ налагаемыхъ ими обязанностей.

Сказанное мною раньше о томъ, что равенство даетъ людямъ склонность къ очень общимъ и очень обширнымъ идеямъ, должно въ особенности признаваться по отношенію къ религіи. Люди сходные и равные между собою легко составляютъ себѣ понятіе о единомъ Богѣ, требующемъ ото всѣхъ повиновенія однимъ законамъ и дающемъ будущее блаженство за однѣ и тѣ же заслуги. Идея о единствѣ человѣческаго рода постоянно наводитъ ихъ на мысль о единствѣ Творца, тогда какъ, напротивъ, люди очень разрозненные и несходные между собой легко приходятъ къ созданію столькихъ же боговъ, сколько есть народовъ, кастъ, классовъ и семействъ и къ начертанію тысячи частныхъ путей, ведущихъ къ небу.

Нельзя не согласиться, что даже само христіанство испытало на себѣ нѣкоторымъ образомъ вліяніе, оказываемое на религіозныя вѣрованія общественнымъ и политическимъ строемъ.

Въ тотъ моментъ, когда христіанская религія появилась на землѣ, Провидѣніе, безъ сомнѣнія, приготовлявшее міръ къ его пришествію, соединило большую часть человѣческаго рода, подобно огромному стаду, подъ скипетромъ цезарей. Люди, составлявшіе это множество, значительно раз-

нились другъ отъ друга; но въ нихъ, однако, было то общее, что всѣ они повиновались однимъ законамъ; и каждый изъ нихъ былъ такъ слабъ и малъ передъ величіемъ государя, что по сравненію съ нимъ они казались всѣ равными.

Необходимо признать, что это новое и особенное состояніе человѣчества должно было располагать людей къ принятію общихъ истинъ, которымъ учитъ христіанство, и что имъ объясняется та легкость и быстрота, съ которой послѣднее проникло тогда въ человѣческій духъ.

Обратный опытъ произведенъ былъ послѣ уничтоженія имперіи.

Римскій міръ распался тогда, такъ сказать, на тысячу обломковъ и каждый народъ возвратился къ своей первоначальной обособленности. Вскорѣ внутри этихъ націй образовалась безконечная лѣстница разрядовъ; обозначились расы и замкнутыя сословія раздѣлили каждую національность на нѣсколько народовъ. Посреди этого общаго теченія, направлявшаго повидимому человѣческія общества къ распаденію на столько частей, сколько можно было ихъ себѣ представить, христіанство не потеряло изъ вида главныхъ изъ выясненныхъ имъ общихъ идей. Однако же, оно повидимому примѣнялось, поскольку это было возможно для него, къ новымъ направленіямъ, произведеннымъ дробленіемъ человѣческаго рода. Люди продолжали поклоняться лишь одному Богу, творцу и хранителю всего; но каждый народъ, каждый городъ, даже можно сказать каждый человѣкъ считалъ возможнымъ получить для себя какое-нибудь особое преимущество и создать себѣ особенныхъ покровителей при верховномъ владыкѣ. Не имѣя возможности раздѣлить божество, увеличили, по крайней мѣрѣ, число его агентовъ и несоразмѣрно усилили ихъ значеніе. Почитаніе ангеловъ и святыхъ сдѣлалось для большинства христіанъ почти идолопоклонствомъ и одно время можно было опасаться, чтобы христіанская религія не возвратилась къ состоянію побѣжденныхъ ею религій.

Для меня кажется очевиднымъ, что чѣмъ болѣе клонятся къ уничтоженію преграды, раздѣлявшія другъ отъ друга народы въ средѣ человѣчества и гражданъ въ средѣ каждаго народа, тѣмъ болѣе человѣческій умъ направляется какъ бы самъ собою къ идеѣ единаго и всемогущаго существа, равномѣрно и одинаково дающаго каждому человѣку одни и тѣ же законы. Поэтому въ вѣка демократіи особенно важно, чтобы почитаніе, оказываемое второстепеннымъ агентамъ, не смѣшивалось съ поклоненіемъ, приличнымъ одному Творцу.

Еще одна истина мнѣ кажется очень ясною: это—та, что въ демократическія времена религіи должны меньше обременять себя внѣшними обрядами, чѣмъ во всякое другое время.

Говоря по поводу философскаго метода американцевъ, я указалъ на то, что во времена равенства умъ человѣческій ничѣмъ такъ не возмущается какъ мыслью о подчиненіи формамъ. Живущіе въ это время люди нетерпѣливо относятся къ образамъ; символы кажутся имъ ребяческими хитростями, служащими для того, чтобы прикрыть или украсить въ ихъ глазахъ истины, которыя было бы естественнѣе показать имъ открыто и явно; они остаются холодными при видѣ церемоній и естественно склонны придавать подробностямъ культа лишь второстепенное значеніе.

Тѣ, на кого въ демократическомъ вѣкѣ возложено устроеніе внѣшней формы религій, должны обращать большое вниманіе на эти естественные инстинкты человѣческаго ума, чтобы безъ нужды не вступать съ ними въ борьбу.

Я твердо вѣрю въ необходимость формъ; я знаю, что онѣ придаютъ точность разсмотрѣнію человѣческимъ умомъ отвлеченныхъ истинъ и, помогая ему твердо ихъ усвоить, заставляютъ его горячо принимать ихъ. Я не представляю возможности сохранить религію безъ внѣшняго богослуженія; но, съ другой стороны, я думаю, что въ томъ вѣкѣ, въ который мы входимъ, было бы особенно опасно чрезмѣрно увеличивать число внѣшнихъ обрядовъ; что нужно скорѣе ихъ сократить и что слѣдуетъ оставить изъ нихъ только то, что совершенно необходимо для сохраненія навсегда самаго догмата, составляющаго сущность религій [1]), для которыхъ внѣшній культъ составляетъ только форму. Религія, которая дѣлалась бы болѣе мелочной, болѣе строгой и болѣе обремененной мелкими требованіями въ то время, какъ люди становились бы болѣе равными, скоро превратилась бы въ кружокъ страстныхъ ревнителей среди невѣрующаго большинства.

Мнѣ, я знаю, возразятъ, конечно, что такъ какъ предметъ религій суть общія и вѣчныя истины, то онѣ не могутъ такимъ образомъ приноравливаться къ измѣнчивымъ инстинктамъ каждаго вѣка, не теряя въ глазахъ людей свойствъ достовѣрности. Я отвѣчу здѣсь еще, что надо очень тщательно различать основныя положенія, составляющія вѣрованіе и образующія собою то, что богословы называютъ догматами вѣры отъ связанныхъ съ ними добавочныхъ понятій. Религіи должны всегда твердо держаться первыхъ положеній, каково бы ни было особенное настроеніе времени; но онѣ должны очень остерегаться связывать себя такимъ же образомъ со вторыми въ тѣ времена, когда все безпрестанно мѣняетъ свое мѣсто и когда умъ, привыкши къ измѣнчивому зрѣлищу дѣлъ человѣческихъ, неохотно переноситъ, если его хотятъ твердо установить. Неподвижность во внѣшнихъ и второстепенныхъ вещахъ я лишь тогда считаю условіемъ благопріятнымъ для прочности, когда само гражданское общество остается неподвижнымъ; во всѣхъ другихъ случаяхъ я считаю ее за опасность.

Мы увидимъ, что въ числѣ страстей, которыя производятся равенствомъ, или которымъ оно благопріятствуетъ, есть одна, особенно усиливаемая и внѣдряемая имъ въ сердце всѣхъ людей: это—желаніе матеріальнаго благосостоянія. Склонность къ нему составляетъ какъ бы выдающуюся и неизгладимую черту, характеризующую демократическія времена.

Можно думать, что религія, которая бы задумала уничтожить эту основную страсть, была бы въ концѣ концовъ сама ею уничтожена; если-бы она захотѣла совершенно оторвать людей отъ созерцанія благъ этой жизни, чтобъ исключительно направить ихъ мысль на блага жизни будущей, то можно предвидѣть, что души людей, ушли бы наконецъ изъ ея власти для того, чтобы вдали отъ нея погрузиться исключительно въ матеріальное наслажденіе настоящимъ.

Главная задача религій состоитъ въ томъ, чтобъ очистить, упорядочить и ограничить слишкомъ сильную склонность къ матеріальному благополучію, ощущаемую людьми во времена равенства; но я думаю, что онѣ напрасно пытались бы совершенно подчинить ее себѣ и уничтожить. Онѣ

[1]) Во всѣхъ религіяхъ существуютъ обряды, входящіе въ составъ самой сущности вѣры и въ которыхъ слѣдуетъ очень остерегаться дѣлать какія-либо измѣненія. Это въ особенности встрѣчается въ католичествѣ, гдѣ часто форма и сущность такъ тѣсно соединены, что составляютъ одно и то же.

не въ состояніи отвлечь людей отъ жажды богатства; но онѣ могутъ, по крайней мѣрѣ, убѣдить ихъ пріобрѣтать богатство лишь честными путями.

Это приводитъ меня къ послѣднему соображенію, которое нѣкоторымъ образомъ заключаетъ въ себѣ всѣ другія. По мѣрѣ того, какъ люди дѣлаются болѣе сходными другъ съ другомъ и болѣе равными, становится все важнѣе, чтобы религіи, заботливо сторонясь отъ обыденнаго хода дѣлъ, въ то же время не противорѣчили безъ нужды общепринятымъ идеямъ и господствующимъ въ массѣ постояннымъ интересамъ, такъ какъ общее мнѣніе все болѣе и болѣе становится главнѣйшею и наиболѣе непреодолимою властью, и внѣ его нѣтъ такой сильной опоры, которая могла бы дать возможность надолго противостоять его ударамъ. Это столь же вѣрно по отношенію къ демократическому народу, подчиненному деспотизму, какъ и по отношенію къ республикѣ. Въ вѣка равенства короли часто заставляютъ повиноваться, но вѣрить всегда заставляетъ большинство; поэтому надо угождать большинству во всемъ, что не противорѣчитъ вѣрѣ.

Въ первой части моего сочиненія я указалъ на то, какъ американскіе священники удаляются отъ дѣлъ. Это есть самый яркій, но не единственный примѣръ ихъ сдержанности. Въ Америкѣ религія составляетъ отдѣльный міръ, въ которомъ священнослужитель является полнымъ господиномъ, но изъ котораго онъ заботливо старается никогда не выходить; въ его предѣлахъ онъ руководитъ разумомъ, но внѣ ихъ онъ предоставляетъ людей самимъ себѣ и той независимости и неустойчивости, которыя свойственны ихъ природѣ и времени Я не видалъ ни одной страны, гдѣ бы христіанство такъ мало облекалось въ формы, обряды и символы, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и гдѣ бы оно предлагало человѣческому уму идеи болѣе ясныя, простыя и общія. Хотя американскіе христіане и раздѣлены на множество сектъ, но всѣ они видятъ свою религію подъ такимъ угломъ зрѣнія. Это столько же относится къ католицизму, какъ и къ другимъ вѣрованіямъ. Нигдѣ нѣтъ католическихъ священниковъ, которые бы высказывали меньше склонности къ выполненію каждымъ лицомъ разныхъ мелкихъ обрядовъ и къ необыкновеннымъ и исключительнымъ способамъ совершенія своего спасенія и которые бы держались больше духа закона, а не его буквы, чѣмъ католическіе священники въ Соединенныхъ Штатахъ; нигдѣ не проповѣдуется яснѣе и не исполняется строже ученіе церкви, запрещающее воздавать святымъ поклоненіе, слѣдующее одному Богу. И однако же американскіе католики очень послушны и очень искренни.

Другое замѣчаніе можетъ быть примѣнено къ духовенству всѣхъ исповѣданій: американскіе священнослужители не пытаются направить и прикрѣпить все вниманіе человѣка къ будущей жизни; они охотно уступаютъ часть его сердца заботамъ о настоящемъ; они повидимому смотрятъ на мірскія блага какъ на предметы важные, хотя и второстепенные. Если они сами не принимаютъ участія въ промышленной дѣятельности, то они по крайней мѣрѣ интересуются ея успѣхами, выражаютъ имъ свое одобреніе и, постоянно указывая вѣрнымъ на будущую жизнь, какъ на главный предметъ ихъ страха и надежды, не запрещаютъ имъ честнымъ путемъ достигать благосостоянія на этомъ свѣтѣ. Они не только не стараются указать на различіе и противоположность этихъ двухъ предметовъ, но скорѣе прилагаютъ стараніе къ тому, чтобы найти между ними точку соприкосновенія и связь.

Всѣ американскія духовныя лица знаютъ и уважаютъ власть надъ умами, которую имѣетъ большинство. Они ведутъ съ нею борьбу только въ случаѣ необходимости. Они не вмѣшиваются въ партійныя распри, но охотно усвоиваютъ общія мнѣнія своей страны и своего времени и безъ сопротивленія идутъ за потокомъ чувствъ и идей, все уносящимъ кругомъ нихъ. Они стараются исправить своихъ современниковъ, но не отдѣляютъ себя отъ нихъ. Поэтому общее мнѣніе никогда не бываетъ враждебно къ нимъ, а скорѣе поддерживаетъ и защищаетъ ихъ, такъ что ихъ вѣрованія господствуютъ одновременно и вслѣдствіе собственной ихъ силы и вслѣдствіе силы, получаемой ими отъ большинства.

Такимъ образомъ религія, относясь съ уваженіемъ ко всѣмъ не противнымъ ей демократическимъ склонностямъ и пользуясь многими изъ нихъ, достигаетъ того, что можетъ съ успѣхомъ бороться противъ духа личной свободы, наиболѣе для нея опаснаго.

ГЛАВА VI.

Объ успѣхахъ католицизма въ Соединенныхъ Штатахъ.

Америка есть самая демократическая страна въ свѣтѣ и въ то же время, по свѣдѣніямъ, достойнымъ вѣроятія, католическая религія дѣлаетъ въ ней наибольшіе успѣхи. Съ перваго раза это кажется удивительнымъ.

Необходимо строго различать двѣ вещи: равенство располагаетъ людей полагаться на собственное сужденіе; но, съ другой стороны, оно создаетъ въ нихъ желаніе и представленіе единой, простой, общественной власти, одинаковой для всѣхъ. Поэтому люди, живущіе въ демократическіе вѣка, очень бываютъ склонны къ тому, чтобъ освободиться отъ всякаго религіознаго авторитета; но если они уже соглашаются подчиниться ему, то хотятъ, чтобъ онъ былъ по крайней мѣрѣ единымъ и однообразнымъ; разныя религіозныя власти, не сходящіяся въ одномъ центрѣ, естественнымъ образомъ непріятно поражаютъ ихъ умъ, и они почти такъ же легко представляютъ себѣ отсутствіе религіи, какъ и множество религій.

Въ наши дни мы чаще, чѣмъ въ предыдущія эпохи, видимъ католиковъ, дѣлающихся невѣрующими, и протестантовъ, переходящихъ въ католичество. Если смотрѣть на католицизмъ изнутри, то онъ повидимому теряетъ, если же смотрѣть на него извнѣ, то онъ выигрываетъ. Это понятно.

Люди нашего времени естественно мало расположены вѣрить; но разъ, что у нихъ есть религія, то они тотчасъ же находятъ въ самихъ себѣ скрытый инстинктъ, направляющій ихъ незамѣтно для нихъ самихъ къ католицизму. Многіе ученія и обычаи римской церкви удивляютъ ихъ; но они чувствуютъ тайное благоговѣніе передъ ея управленіемъ и ея великое единство привлекаетъ ихъ.

Еслибъ католичество могло наконецъ избавиться отъ порожденной имъ политической ненависти, то я почти не сомнѣваюсь, что тотъ же духъ времени, который повидимому столь ему противоположенъ, сдѣлался бы для него очень благопріятнымъ и оно сдѣлало бы большія завоеванія.

Одна изъ самыхъ обыкновенныхъ слабостей человѣческаго ума состоитъ въ желаніи соединить противоположные принципы и пріобрѣсти миръ цѣною логики. Поэтому всегда найдутся люди, которые, подчинивши какому-ни-

будь авторитету нѣкоторыя изъ своихъ религіозныхъ вѣрованій, захотятъ изъять отъ него многія другія и предоставляютъ своему уму колебаться между повиновеніемъ и свободой. Но я склоненъ думать, что число ихъ будетъ меньше въ демократическіе вѣка, чѣмъ въ другіе, и что наши потомки будутъ все болѣе и болѣе стремиться къ раздѣленію только на двѣ части, при чемъ одни совершенно выйдутъ изъ христіанства, а другіе войдутъ въ среду римско-католической церкви.

ГЛАВА VII.

Какая причина того, что умъ демократическихъ народовъ склоненъ къ пантеизму.

Дальше я покажу, какимъ образомъ преобладающая склонность демократическихъ народовъ къ самымъ общимъ идеямъ проявляется и въ политикѣ; но я теперь же хочу указать на его главнѣйшій результатъ въ философіи.

Нельзя отрицать, что въ наше время пантеизмъ сдѣлалъ большіе успѣхи. Литература нѣкоторой части Европы явно носитъ на себѣ его отпечатокъ. Нѣмцы вводятъ его въ философію, а французы—въ литературу. Большая часть издаваемыхъ во Франціи сочиненій, составляющихъ плоды воображенія, заключаютъ въ себѣ какія-нибудь мнѣнія, или образы, заимствованные изъ пантеистическихъ ученій, или указываютъ у ихъ авторовъ нѣкоторую наклонность къ этимъ ученіямъ. Это, мнѣ кажется, не случайность, а явленіе, зависящее отъ постоянной причины.

По мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ уравненія состояній каждый человѣкъ въ отдѣльности дѣлается болѣе похожимъ на всѣхъ другихъ и болѣе слабымъ и мелкимъ, является привычка не обращать больше вниманія на отдѣльныхъ гражданъ, а смотрѣть только на народъ; забываютъ о личностяхъ, чтобы думать только о цѣломъ родѣ.

Въ такія времена умъ человѣческій любитъ охватывать сразу множество различныхъ предметовъ и постоянно стремится къ тому, чтобы связать съ одной причиной множество слѣдствій.

Идея единства неотступно его преслѣдуетъ; онъ ищетъ ее повсюду, и когда ему кажется, что онъ нашелъ ее, то онъ охотно останавливается на ней и успокоивается. Онъ не ограничивается тѣмъ, что находитъ въ мірѣ лишь одного творца и одно твореніе; это основное дѣленіе вещей также уже стѣсняетъ его и онъ желаетъ возвысить и упростить свою мысль, заключивъ Бога и міръ въ одно цѣлое. Встрѣчая философскую систему, которая смотритъ на всѣ находящіеся въ мірѣ предметы, матеріальные и нематеріальные, видимые и невидимые, лишь какъ на различныя части безконечно-великаго существа, которое одно остается вѣчнымъ, при постоянномъ измѣненіи и безпрерывныхъ превращеніяхъ всего, что его составляетъ, я легко прихожу къ заключенію, что такая система, хотя она и уничтожаетъ человѣческую индивидуальность, или, лучше сказать, именно потому что она ее уничтожаетъ, будетъ имѣть тайную прелесть для людей живущихъ въ демократіи. Всѣ умственныя ихъ привычки подготовляютъ ихъ къ представленію такой системы и направляютъ ихъ къ ея принятію. Она естественно привлекаетъ къ себѣ ихъ воображеніе и даетъ ему опре-

дѣленныя и прочныя формы; она даетъ пищу гордости ихъ ума и льститъ его лѣности.

Изъ числа различныхъ системъ, посредствомъ которыхъ философія пытается объяснить міръ, пантеизмъ мнѣ кажется одной изъ наиболѣе способныхъ привлечь къ себѣ человѣческій умъ во времена демократіи; противъ него-то и должны соединиться для борьбы всѣ тѣ, для кого дорого истинное величіе человѣка.

ГЛАВА VIII.

Какимъ образомъ равенство внушаетъ американцамъ идею безграничнаго совершенствованія человѣка.

Равенство внушаетъ человѣческому уму многія идеи, которыхъ безъ того у него не было бы, а также вноситъ измѣненія почти во всѣ тѣ, которыя онъ уже имѣетъ. Я беру для примѣра идею человѣческаго совершенствованія, потому что это есть одна изъ важнѣйшихъ идей, которыя умъ можетъ себѣ представить, и что она уже сама по себѣ составляетъ значительную философскую теорію, слѣдствія которой ежеминутно выражаются въ практической дѣятельности.

Хотя человѣкъ во многихъ отношеніяхъ сходенъ съ животными, однако есть одно свойство принадлежащее только ему одному: онъ совершенствуется, а они нѣтъ. Человѣческій родъ съ самаго начала открылъ это различіе. Слѣдовательно идея совершенствованія такъ же стара, какъ міръ; она не произведена равенствомъ, но послѣднее дало ей новый характеръ.

Когда граждане распредѣляются по своему достоинству, по своей профессіи и по рожденію, и когда они принуждены слѣдовать тому пути, на который они направляются случаемъ, то каждому кажется, что онъ видитъ возлѣ себя послѣдніе предѣлы человѣческой возможности и никто не старается больше бороться съ неизбѣжною судьбой. Это не значитъ, чтобъ аристократическіе народы непремѣнно отказывали человѣку въ способности совершенствоваться; но они не считаютъ ее безграничной. Они понимаютъ возможность улучшенія, а не измѣненія; они представляютъ себѣ, что состояніе общества въ будущемъ будетъ лучше, но не слѣлается другимъ; и признавая, что человѣчество уже сдѣлало много успѣховъ и можетъ еще сдѣлать нѣсколько, они однако заранѣе ограничиваютъ его нѣкоторыми непереходимыми предѣлами.

Такимъ образомъ они не считаютъ себя достигшими высшаго блага и абсолютной истины (да и какой человѣкъ, или народъ былъ бы на столько безуменъ, чтобы вообразить это когда-нибудь?), но они склонны къ тому, чтобъ убѣдить себя, что они достигли приблизительно той степени величія и знанія, которая доступна нашей несовершенной природѣ, и такъ какъ вокругъ нихъ ничто не шевелится, то они легко воображаютъ, что все остается на своемъ мѣстѣ. Именно при такимъ условіяхъ законодатель задается цѣлью издать вѣчные законы, народы и короли воздвигаютъ лишь вѣковые памятники и настоящее поколѣніе берется избавить послѣдующія отъ заботъ объ устройствѣ ихъ участи.

Когда же касты исчезаютъ, сословія сближаются, обычаи и законы, при безпорядочномъ смѣшеніи людей, измѣняются, являются новые факты и уясняются новыя истины, а старыя мнѣнія исчезаютъ, замѣняясь новыми,—

въ это время человѣческому уму представляется вѣчно убѣгающій образъ идеальнаго совершенства.

Безпрестанныя измѣненія совершаются тогда ежеминутно на глазахъ каждаго человѣка. Одни изъ нихъ дѣлаютъ его положеніе хуже, и тогда онъ слишкомъ хорошо понимаетъ, что ни народъ, ни отдѣльная личность, какъ бы они ни были просвѣщены, не непогрѣшимы. Другія улучшаютъ его участь, изъ чего онъ выводитъ, что человѣкъ вообще одаренъ безграничною способностью къ совершенствованію. Неудачи его доказываютъ ему, что онъ не можетъ льстить себя надеждою, будто нашелъ абсолютное благо, а его успѣхи возбуждаютъ его къ безустанному преслѣдованію этого блага. Такимъ образомъ вѣчно отыскивая, падая, вставая, часто обманываясь, но никогда не впадая въ уныніе, онъ безпрестанно стремится къ тому безконечному величію, которое онъ смутно видитъ впереди на концѣ поприща, предназначеннаго для прохожденія человѣчества.

Нельзя себѣ представить, сколько фактовъ естественно вытекаетъ изъ философской теоріи, признающей человѣка способнымъ къ неограниченному совершенствованію, и какое удивительное вліяніе производитъ она даже на тѣхъ, которые, занимаясь всегда дѣломъ, а не размышленіемъ, повидимому даже не зная ея, примѣняютъ къ ней свою дѣятельность.

Я встрѣчаю американскаго матроса и спрашиваю его, почему корабли его страны такъ построены, что служатъ не надолго, и онъ не колеблясь отвѣчаетъ мнѣ, что искусство мореплаванія дѣлаетъ ежедневно такіе быстрые успѣхи, что самое лучшее судно скоро сдѣлалось бы безполезнымъ, еслибъ оно просуществовало долѣе нѣсколькихъ лѣтъ.

Въ этихъ словахъ, сказанныхъ случайно человѣкомъ необразованнымъ и по поводу частнаго факта, я вижу общую и систематическую идею, согласно которой великій народъ ведетъ всѣ свои дѣла.

Аристократическіе народы слишкомъ склонны съуживать предѣлы человѣческаго совершенствованія, а демократическіе иногда чрезмѣрно ихъ расширяютъ.

ГЛАВА IX.

Почему примѣръ американцевъ не доказываетъ того, чтобы демократическій народъ не могъ имѣть способности и склонности къ наукамъ, искусствамъ и литературѣ.

Нужно признать, что между современными цивилизованными народами мало такихъ, у которыхъ высшія науки сдѣлали бы меньшіе успѣхи, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и которые бы меньше произвели великихъ художниковъ, извѣстныхъ поэтовъ и знаменитыхъ писателей.

Многіе европейцы, пораженные этимъ зрѣлищемъ, смотрѣли на него какъ на естественное и неизбѣжное слѣдствіе равенства и думали, что, еслибы когда-нибудь демократическій общественный строй и демократическія учрежденія получили преобладаніе на всей землѣ, то свѣтъ знанія, освѣщающій человѣческій умъ, мало-по малу затмился бы и люди снова повергнулись бы въ темноту.

Разсуждающіе такимъ образомъ соединяютъ, я думаю, многія идеи, которыя слѣдовало бы раздѣлить и разсмотрѣть особо. Безсознательно они смѣшиваютъ демократическое съ тѣмъ, что есть лишь американское.

Религія, которую исповѣдали первые переселенцы и которую они завѣщали своимъ потомкамъ, проста въ своихъ обрядахъ, строга и почти дика въ принципахъ; ненавидя внѣшній видъ и пышность церемоній она естественно не благопріятствуетъ искусствамъ и только по-неволѣ допускаетъ литературныя удовольствія.

Американцы—очень древній и очень просвѣщенный народъ, нашедшій новую, обширную страну, въ которой они могутъ распространяться куда угодно и легко оплодотворять ее. Примѣръ этотъ единственный въ мірѣ. Поэтому въ Америкѣ всякій находитъ неизвѣстные въ другихъ мѣстахъ легкіе способы составить себѣ состояніе или увеличить его. Жажда богатства тамъ всегда неутомима и человѣческій умъ, постоянно отвлекаемый отъ умственныхъ трудовъ и наслажденій, доставляемыхъ воображеніемъ, стремится только къ достиженію богатства. Въ Соединенныхъ Штатахъ мы не только видимъ, какъ въ другихъ странахъ, промышленный и торговый классъ, но, чего нигдѣ не встрѣчалось,—это то, что всѣ люди сразу занимаются тамъ промышленностью и торговлей.

Я, впрочемъ, думаю, что еслибъ американцы были одни на свѣтѣ, съ тѣми свободой и просвѣщеніемъ, которыя они унаслѣдовали отъ предковъ, со свойственными имъ страстями, то они скоро бы открыли, что нельзя долго итти впередъ въ дѣлѣ практики наукъ, не изучая ихъ теоріи, и что всѣ искусства совершенствуются одни посредствомъ другихъ, такъ что, какъ бы они ни были поглощены погоней за сложнымъ предметомъ ихъ желаній, они все же увидѣли бы, что для лучшаго его достиженія нужно бываетъ по временамъ уклоняться отъ него въ сторону.

Кромѣ того вкусъ къ умственнымъ наслажденіямъ такъ естественно свойственъ сердцу цивилизованнаго человѣка, что даже въ средѣ тѣхъ изъ благоустроенныхъ народовъ, которые наименѣе склонны предаваться имъ, всегда найдется нѣкоторое число гражданъ, понимающихъ эти наслажденія; а разъ эта умственная потребность сознается, то она скоро и получаетъ свое удовлетвореніе.

Но въ то время, какъ американцы естественно были склонны требовать отъ науки только ея спеціальныхъ примѣненій къ практикѣ, только ея содѣйствія жизненнымъ удобствамъ, ученая и литературная Европа взяла на себя задачу дойти до общихъ источниковъ истины, совершенствуя въ то же время все то, что можетъ служить какъ для удовольствія, такъ и для удовлетворенія нуждъ человѣка.

Во главѣ просвѣщенныхъ націй Стараго Свѣта Соединенные Штаты особенно отличали одну, тѣсно связанную съ ними единствомъ происхожденія и сходствомъ привычекъ. Они находили въ этомъ народѣ знаменитыхъ ученыхъ, искусныхъ художниковъ, великихъ писателей и могли пользоваться сокровищами умственной дѣятельности, не имѣя надобности трудиться для ихъ собиранія.

Несмотря на океанъ, находящійся между Америкой и Европой я не могу согласиться раздѣлить ихъ. Я смотрю на народъ Соединенныхъ Штатовъ какъ на часть англійскаго народа, призванную разработывать лѣса Новаго Свѣта, въ то время какъ остальная часть націи, имѣющая больше свободнаго времени и менѣе обремененная заботами о матеріальныхъ жизненныхъ нуждахъ, можетъ посвятить себя мысли и всестороннему развитію человѣческаго ума.

Положеніе американцевъ, такимъ образомъ, совершенно исключительно и ни одинъ демократическій народъ, надо думать, не будетъ въ немъ ни-

когда находиться. Ихъ чисто-пуританское происхожденіе, ихъ исключительно-торговыя привычки, самая страна, въ которой они живутъ и которая, кажется, отклоняетъ ихъ умъ отъ занятій наукой, искусствами и литературой, близость Европы, позволяющая имъ не заниматься ими, не впадая снова въ варварство, тысяча частныхъ причинъ, изъ которыхъ я могъ указать только на главнѣйшія, должны были удивительно сосредоточить американскій умъ на чисто-матеріальныхъ предметахъ. Въ самомъ дѣлѣ, ихъ склонности, потребности, воспитаніе, обстоятельства—все повидимому содѣйствуетъ привлеченію къ землѣ жителя Соединенныхъ Штатовъ. Одна религія заставляетъ его по временамъ поднимать свои разсѣянные и мимолетные взоры къ небу.

Не будемъ поэтому видѣть всѣ демократическіе народы въ образѣ американскаго и постараемся разсмотрѣть ихъ наконецъ въ ихъ собственномъ видѣ.

Можно представить себѣ такой народъ, въ средѣ котораго не было бы ни кастъ, ни іерархіи, ни дѣленія на классы, въ которомъ законъ, отрицая всякія привилегіи, дѣлилъ бы наслѣдства поровну, и который въ тоже время былъ бы лишенъ свободы и просвѣщенія. Это не пустая гипотеза: деспотъ можетъ находить свою выгоду въ томъ, чтобы всѣ его подданные были равны и пребывали въ невѣжествѣ для того, чтобъ они тѣмъ легче оставались рабами.

Такого рода демократическій народъ не только не выкажетъ способности и вкуса къ наукѣ, искусствамъ и литературѣ, но ему, надо думать, никогда не будетъ и случая ихъ выказать.

Въ такомъ народѣ самый законъ о наслѣдствахъ взялъ бы на себя уничтоженіе богатствъ каждаго поколѣнія, а новыхъ не создавалъ бы никто. Бѣдный, лишенный просвѣщенія и свободы, не имѣлъ бы и представленія о томъ, какъ можно дойти до богатства, а богатый допускалъ бы довести себя до бѣдности, не умѣя защищаться. Скоро между этими двумя гражданами установилась бы полное и ненарушимое равенство. Никто не имѣлъ бы тогда ни времени, ни охоты посвящать себя умственнымъ трудамъ и наслажденіямъ; но всѣ пребывали бы въ оцѣпенѣніи одинаковаго невѣжества и одинаковаго рабства.

Когда я воображаю себѣ такого рода демократическое общество, то мнѣ тотчасъ кажется, будто я ощущаю себя въ какомъ-то низкомъ, темномъ и душномъ помѣщеніи, гдѣ свѣтъ, попадающій туда извнѣ, скоро блѣднѣетъ и угасаетъ. Я чувствую, что на меня вдругъ ложится какая-то тяжесть и что я ползаю среди окружающаго меня мрака, отыскивая выходъ, который долженъ меня снова вывести на воздухъ и на дневной свѣтъ. Но все это не можетъ быть примѣнено къ людямъ уже просвѣщеннымъ, когда они, уничтоживши у себя особыя и наслѣдственныя права, навѣки укрѣплявшія имущество въ рукахъ нѣкоторыхъ лицъ или сословій, остаются затѣмъ свободными.

Когда люди, живущіе въ средѣ демократическаго общества, обладаютъ просвѣщеніемъ, то они легко понимаютъ, что ихъ ничто не ограничиваетъ, не удерживаетъ на мѣстѣ и не заставляетъ довольствоваться тѣмъ богатствомъ, которое они имѣютъ.

Поэтому у всѣхъ у нихъ является мысль объ его увеличеніи, и всѣ они, если свободны, пытаются это исполнить, но не всѣмъ одинаково это удается. Законъ, правда, не предоставляетъ уже привилегій, но онѣ даются природой. Такъ какъ природное неравенство очень велико, то состоянія тотчасъ

становятся неравными, какъ только каждый употребляетъ всѣ свои способности на обогащеніе.

Законъ о наслѣдствѣ еще противодѣйствуетъ образованію богатыхъ семей, но онъ уже не мѣшаетъ тому, чтобы были богатые люди. Онъ постоянно приводитъ гражданъ къ общему уровню, отъ котораго они постоянно уклоняются; они становятся тѣмъ болѣе неравными по богатству, чѣмъ обширнѣе дѣлается ихъ образованность и ихъ свобода.

Въ наше время появилась секта, знаменитая своимъ геніемъ и своими безразсудствами, утверждавшая, что слѣдуетъ сосредоточить всѣ имущества въ рукахъ центральной власти, поручивъ послѣдней распредѣлять ихъ потомъ по заслугамъ между всѣми частными лицами. Такимъ способомъ избѣгли бы полнаго и вѣчнаго равенства, грозившаго повидимому демократическимъ обществамъ.

Для этого есть средство проще и безопаснѣе: не давать никому привилегій, давать всѣмъ равное просвѣщеніе и равную независимость и предоставить каждому самому назначать себѣ мѣсто. Естественное неравенство проявится тотчасъ и богатство само собой перейдетъ къ наиболѣе искуснымъ.

Такимъ образомъ свободныя и демократическія общества всегда будутъ заключать въ себѣ множество богатыхъ и достаточныхъ людей. Эти богатые люди не будутъ связаны между собою такъ тѣсно, какъ члены стариннаго аристократическаго сословія; они будутъ имѣть другія склонности и у нихъ почти никогда не будетъ такого полнаго и ненарушимаго досуга; но они будутъ несравненно многочисленнѣе лицъ составлявшихъ аристократію. Эти люди не будутъ тѣсно замкнуты въ кругу заботъ о матеріальной сторонѣ жизни, и, хотя въ разной степени, но будутъ имѣть возможность посвящать свое время умственнымъ трудамъ и наслажденіямъ; поэтому они и займутся ими, такъ какъ, если одною стороной своей человѣческій умъ и склоняется къ ограниченному, матеріальному и полезному, то другою стороной онъ естественно возвышается къ безконечному, нематеріальному и прекрасному. Физическія потребности прикрѣпляютъ его къ землѣ, но если его не удерживаютъ, то онъ поднимается самъ собою.

Не только число людей, способныхъ заинтересоваться умственною дѣятельностью, будетъ больше, но вкусъ къ умственнымъ удовольствіямъ снизойдетъ постепенно даже къ тѣмъ, кто въ аристократическихъ обществахъ не имѣетъ повидимому ни времени, ни способности заниматься ими. Когда не существуетъ болѣе ни наслѣдственныхъ богатствъ, ни сословныхъ привилегій, ни преимуществъ рожденія, и когда каждый бываетъ обязанъ своей силой лишь самому себѣ, тогда становится явнымъ, что главная разница имущественнаго положенія людей зависитъ отъ ихъ ума. Все, что служитъ къ его укрѣпленію, расширенію и украшенію, все это тотчасъ получаетъ большую цѣнность.

Польза знанія проявляется съ особой ясностью даже въ глазахъ толпы. Тѣ, кто не чувствуетъ его прелести, цѣнятъ его результаты и дѣлаютъ нѣкоторыя усилія для его пріобрѣтенія.

Въ вѣка демократіи, просвѣщенія и свободы у людей нѣтъ ничего, чтобы ихъ раздѣляло или удерживало на своемъ мѣстѣ; они возвышаются и понижаются съ необыкновенною быстротой. Всѣ классы постоянно видятъ другъ друга, потому что всѣ они очень близки. Они ежедневно сообщаются и перемѣшиваются, подражаютъ и завидуютъ другъ другу; это внушаетъ народу множество идей, свѣдѣній и желаній, которыхъ онъ не

имѣлъ бы, еслибъ общественные ряды были неизмѣнны и общество неподвижно. У этихъ народовъ слуга никогда не считаетъ себя вполнѣ чуждымъ удовольствіямъ и трудамъ его хозяина, а бѣдный—богатаго; деревенскій житель старается быть похожимъ на городского, а провинція—на метрополію.

Такимъ образомъ никто не ограничивается охотно одними заботами о матеріальной жизни, а самый скромный ремесленникъ кидаетъ тамъ по временамъ нѣсколько жадныхъ и бѣглыхъ взглядовъ на высшій умственный міръ. Читаютъ тамъ не такъ и не въ тѣхъ видахъ, какъ у аристократическихъ народовъ; но кругъ читателей постоянно расширяется и наконецъ охватываетъ всѣхъ гражданъ.

Съ того времени, какъ толпа начинаетъ интересоваться умственными трудами, является новый важный способъ пріобрѣтать славу, могущество и богатство, состоящій въ томъ, чтобы пріобрѣсти превосходство въ одномъ изъ родовъ этого труда. Безпокойное честолюбіе, пораждаемое равенствомъ, тотчасъ обращается въ эту сторону, также какъ и во всѣ другія. Число людей, занимающихся науками, искусствами и литературой, становится громаднымъ. Необыкновенная дѣятельность проявляется въ умственномъ мірѣ; каждый старается проложить въ немъ себѣ дорогу и привлечь на себя взоры публики. Здѣсь происходитъ нѣчто подобное тому, что бываетъ въ политическомъ обществѣ Соединенныхъ Штатовъ. Сдѣланное тамъ часто бываетъ несовершенно, но оно безчисленно; и хотя результаты индивидуальныхъ усилій обыкновенно бываютъ очень малы, но общій результатъ всегда бываетъ очень великъ.

Значитъ не вѣрно то утвержденіе, что люди, живущіе въ демократическіе вѣка, естественно бываютъ равнодушны къ наукамъ, искусствамъ и литературѣ; только надо признать, что они занимаются ими по-своему и что они вносятъ въ это дѣло свойственныя имъ качества и недостатки.

ГЛАВА X.

Отчего американцы стремятся больше къ научной практикѣ, чѣмъ къ теоріи.

Если демократическій общественный строй и демократическія учрежденія и не останавливаютъ полета человѣческой мысли, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что они направляютъ ее въ одну сторону больше, чѣмъ въ другую. Ограниченныя такимъ образомъ силы ихъ все-таки очень велики, такъ что мнѣ, я думаю, будетъ позволено остановиться для ихъ разсмотрѣнія.

Когда рѣчь шла о философскомъ методѣ американцевъ, то мы сдѣлали многія замѣчанія, которыми теперь слѣдуетъ воспользоваться.

Равенство развиваетъ въ каждомъ человѣкѣ желаніе судить обо всемъ самому. Во всѣхъ дѣлахъ оно даетъ ему склонность къ осязаемому и реальному и презрѣніе къ традиціямъ и формамъ. Эти общія склонности выказываются особенно въ предметѣ этой главы.

У демократическихъ народовъ люди, занимающіеся науками, всегда боятся потеряться въ утопіяхъ; они остерегаются системъ, любятъ держаться очень близко къ фактамъ и узнавать ихъ собственнымъ изученіемъ;

а такъ какъ они не легко подчиняются обаянію какого-нибудь человѣческаго имени, то и никогда не бываютъ расположены клясться словами учителя, а напротивъ постоянно занимаются отыскиваніемъ слабыхъ сторонъ его ученія. Научныя преданія имѣютъ на нихъ мало вліянія; они никогда не останавливаются на тонкостяхъ какой-нибудь школы и неохотно довольствуются громкими словами; но, сколько для нихъ возможно, они проникаютъ до главныхъ частей занимающаго ихъ предмета и любятъ излагать ихъ популярнымъ языкомъ. При такихъ условіяхъ науки, получаютъ характеръ болѣе свободный и твердый, но менѣе возвышенный.

Умъ, кажется, можетъ раздѣлить науку на три части:

Первая часть содержитъ въ себѣ самые теоретическіе принципы, самыя абстрактныя понятія, примѣненіе которыхъ неизвѣстно, или можетъ быть сдѣлано лишь въ отдаленномъ будущемъ.

Вторая состоитъ изъ общихъ истинъ, которыя хотя и связаны еще съ чистой теоріей, однако прямымъ и короткимъ путемъ ведутъ къ практикѣ.

Пріемы примѣненія и способы выполненія составляютъ третью часть.

Каждая изъ этихъ частей науки можетъ быть разрабатываема отдѣльно, хотя разумъ и опытъ показываютъ, что ни одна изъ нихъ не можетъ долго процвѣтать, если ее совершенно отдѣлить отъ другихъ.

Въ Америкѣ чисто-практическая часть наукъ ведется превосходно, и тамъ внимательно занимаются также теоретическою частью, непосредственно необходимой для приложенія. Съ этой стороны американцы всегда выказываютъ умъ ясный, свободный, оригинальный и плодовитый; но въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ почти никого, кто бы посвящалъ себя чисто-теоретической и отвлеченной части человѣческаго познанія. Въ этомъ американцы проявляютъ въ излишней мѣрѣ то направленіе, которое, я думаю, будетъ встрѣчаться, хотя и въ меньшей степени, у всѣхъ демократическихъ народовъ.

Для занятія высшими науками, или высшими отдѣлами наукъ, нѣтъ ничего столь необходимаго, какъ размышленіе, а между тѣмъ нѣтъ ничего менѣе удобнаго для размышленія какъ среда демократическаго общества. Въ немъ нѣтъ, какъ у аристократическихъ народовъ, многочисленнаго класса, который остается спокойнымъ, потому что чувствуетъ себя хорошо, и другого, который не двигается, потому что не надѣется на улучшеніе своего положенія. Всѣ волнуются: одни хотятъ достигнуть власти, другіе овладѣть богатствомъ. Посреди этой всеобщей суматохи, этого многократнаго столкновенія противоположныхъ интересовъ, этого постояннаго движенія людей къ богатству, гдѣ можно найти спокойствіе, необходимое для глубокихъ соображеній ума? Какъ остановить мысль свою на одномъ пунктѣ, когда вокругъ все движется, и когда самъ ежедневно уносишься и качаешься на волнахъ бурнаго потока, все увлекающаго?

Нужно строго различать тотъ родъ постояннаго волненія, который царствуетъ въ средѣ демократіи, когда она уже установлена и успокоилась отъ безпорядочныхъ и революціонныхъ движеній, почти всегда сопровождающихъ возникновеніе и развитіе демократическаго общества.

Когда сильный переворотъ происходитъ у очень цивилизованнаго народа, то онъ не можетъ не дать внезапнаго толчка чувствамъ и мыслямъ.

Это въ особенности вѣрно относительно демократическихъ революцій, которыя, сдвигая съ мѣста сразу всѣ классы, составляющіе народъ, въ то же время порождаютъ проявленія громаднаго честолюбія въ сердцѣ каждаго гражданина.

Если французы вдругъ сдѣлали такіе удивительные успѣхи въ точныхъ наукахъ какъ разъ въ то время, когда они оканчивали уничтоженіе остатковъ стариннаго феодальнаго общества, то эту внезапную плодовитость слѣдуетъ приписать не демократіи, а безпримѣрному перевороту, сопровождавшему ея развитіе. То, что тогда произошло, было частнымъ фактомъ и было бы неблагоразумно видѣть въ немъ указаніе на общій законъ.

Великіе перевороты столь же мало обыкновенны у демократическихъ народовъ какъ и у другихъ; я даже склоненъ думать, что у нихъ они бываютъ рѣже. Но въ средѣ этихъ націй царствуетъ маленькое, безпокойное движеніе, вродѣ какъ бы постояннаго переворачиванія людей другъ черезъ друга, которое смущаетъ и разсѣеваетъ умъ, не оживляя и не возвышая его.

Люди, живущіе въ демократическихъ обществахъ, не только съ трудомъ предаются размышленію, но они по природѣ своей мало его и уважаютъ. Демократическій общественный строй и демократическія учрежденія заставляютъ людей постоянно дѣйствовать; но привычки ума, пригодныя для дѣйствія не всегда пригодны для мысли. Человѣкъ дѣйствующій часто бываетъ принужденъ довольствоваться приблизительнымъ, потому что онъ никогда бы не окончилъ своего намѣренія, еслибы хотѣлъ усовершенствовать каждую частность. Ему постоянно приходится опираться на идеи, которыя онъ не имѣлъ времени глубоко обсудить, такъ какъ ему помогаетъ гораздо больше своевременное примѣненіе идеи, которой онъ пользуется, чѣмъ ея строгая точность. И, взвѣсивъ все, онъ меньше рискуетъ, воспользовавшись нѣкоторыми ложными принципами, чѣмъ потерявъ все время на установленіе вѣрности всѣхъ этихъ принциповъ. Міръ управляется не длинными и учеными доказательствами. Быстрый взглядъ на какой-нибудь частный фактъ, ежедневное наблюденіе надъ измѣнчивыми страстями толпы, удобный случай и умѣнье имъ воспользоваться—вотъ чѣмъ рѣшаются въ немъ всѣ дѣла.

Поэтому въ тѣ вѣка, когда всѣ дѣйствуютъ, люди обыкновенно склонны бываютъ слишкомъ высоко цѣнить въ умѣ быстрый полетъ и поверхностныя понятія, черезчуръ понижая напротивъ оцѣнку его глубокаго и медленнаго труда.

Такое общественное мнѣніе вліяетъ на сужденіе людей, занимающихся науками, и убѣждаетъ ихъ въ томъ, что они могутъ достигнуть успѣха безъ размышленія, или отклоняетъ ихъ отъ тѣхъ наукъ, для которыхъ оно требуется.

Есть много способовъ изучать науки. У многихъ людей встрѣчается эгоистичный, меркантильный и промышленный вкусъ къ умственнымъ открытіямъ, который не слѣдуетъ смѣшивать съ безкорыстною страстью, зажигающеюся въ сердцахъ немногихъ. Бываетъ желаніе обратить знаніе на пользу и бываетъ чистое желаніе знанія. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что изрѣдка, у иныхъ людей, зараждается горячая и неисчерпаемая любовь къ истинѣ, которая сама себя питаетъ и постоянно создаетъ себѣ наслажденія, никогда не удовлетворяясь. Такая именно горячая, гордая и безкорыстная любовь къ истинѣ и привела людей къ самымъ отвлеченнымъ источникамъ истины, для того чтобы получить изъ нихъ первоосновныя идеи.

Еслибы Паскаль имѣлъ въ виду лишь какую-нибудь большую выгоду, или еслибъ имъ двигало только одно желаніе славы, то я не думаю, чтобъ онъ сосредоточилъ всѣ силы своего ума для того, чтобы лучше уз-

нать сокровеннѣйшія тайны Творца, какъ это имъ было сдѣлано. Когда я вижу, какъ онъ нѣкоторымъ образомъ вырываетъ свою душу изъ среды житейскихъ заботъ, чтобы всецѣло посвятить ее этому изысканію, и преждевременно порвавши связи, соединяющія ее съ тѣломъ, умираетъ отъ старости, не доживъ до сорока лѣтъ, то я останавливаюсь въ недоумѣніи и понимаю, что не какая-нибудь обыкновенная причина можетъ произвести такія необычайныя проявленія силы.

Будущее покажетъ, могутъ ли эти страсти, столь рѣдкія и столь плодотворныя, возникать и развиваться въ демократическихъ обществахъ такъ же легко, какъ и въ средѣ аристократій. Что до меня касается, то я, признаюсь, съ трудомъ могу этому вѣрить.

Въ аристократическихъ обществахъ, классъ, дающій направленіе и завѣдующій дѣлами, находясь постоянно и въ силу наслѣдственныхъ правъ выше толпы, естественно получаетъ очень высокое мнѣніе о себѣ и о человѣкѣ вообще. Онъ охотно измышляетъ для него наслажденія, соединенныя со славою, и ставитъ великолѣпныя цѣли для его желаній. Аристократіи совершаютъ иногда очень тиранническія и очень безчеловѣчныя дѣла, но онѣ рѣдко имѣютъ низкія мысли; и даже, предаваясь мелкимъ наслажденіямъ, онѣ выказываютъ къ нимъ нѣкоторое горделивое презрѣніе; все это настраиваетъ въ нихъ душу на очень высокій тонъ. Въ аристократическія времена обыкновенно создаются очень обширныя представленія о достоинствѣ, силѣ и величіи человѣка. Эти мнѣнія вліяютъ на людей занимающихся науками такъ же какъ и на всѣхъ другихъ; они способствуютъ естественному полету мысли въ высочайшія ея области и естественно располагаютъ ее къ сознанію высшей, почти божественной любви къ истинѣ.

Ученые этого времени направляются поэтому въ сторону теоріи и часто даже случается, что они получаютъ неосновательное презрѣніе къ практикѣ. „Архимедъ,—говоритъ Плутархъ, имѣлъ духъ столь возвышенный, что не признавалъ никогда достойнымъ письменнаго изложенія ни одного изъ своихъ трудовъ, касающихся устройства военныхъ машинъ, и считая низкой и продажной всю эту науку объ изобрѣтеніи и составленіи машинъ, какъ и вообще всякое искусство, приносящее какую-нибудь пользу при его примѣненіи, онъ употреблялъ свой умъ и время своихъ занятій для того, чтобы писать только о предметахъ, тонкая красота которыхъ не имѣла никакой примѣси житейской нужды“. Вотъ аристократическое направленіе въ наукѣ.

Оно не можетъ быть таковымъ же у демократическихъ народовъ.

Большая часть людей, изъ которыхъ состоятъ эти народы, очень жадны до матеріальныхъ и немедленныхъ наслажденій, и такъ какъ они всегда недовольны своимъ положеніемъ и всегда могутъ его покинуть, то они только и думаютъ, что о средствахъ измѣнить или увеличить свое богатство. Для умовъ, настроенныхъ такимъ образомъ, всякій новый способъ, ведущій къ богатству болѣе короткимъ путемъ, всякая машина, сокращающая трудъ, всякое орудіе, уменьшающее расходы производства, всякое открытіе, облегчающее достиженіе или увеличивающее количество наслажденій, кажется самымъ великолѣпнымъ результатомъ усилій человѣческаго ума. Съ этой именно стороны демократическіе народы преимущественно и прилежатъ къ наукамъ, понимаютъ ихъ и уважаютъ. Въ аристократическія времена отъ наукъ особенно требуются духовныя наслажденія, а въ демократическія, тѣлесныя.

Надо считать такъ, что чѣмъ нація болѣе демократична, болѣе про-

свѣщена и свободна, тѣмъ число этихъ корыстныхъ цѣнителей научнаго генія будетъ все болѣе увеличиваться и тѣмъ открытія, непосредственно примѣнимыя къ промышленности, будутъ болѣе давать своимъ творцамъ выгоды, славы и даже силы, потому что въ демократіяхъ трудящійся классъ принимаетъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ и тѣ, кто ему служатъ, могутъ ждать отъ него не только денегъ, но и почету.

Легко понять, что въ организованномъ такимъ образомъ обществѣ, умъ человѣческій незамѣтно приводится къ пренебреженію теоріей и напротивъ съ безпримѣрной энергіей направляется на примѣненіе, или по крайней мѣрѣ, на ту часть теоріи, которая необходима для тѣхъ, кто занимается примѣненіемъ.

Напрасно инстинктивная склонность возноситъ его въ высшія сферы; матеріальный интересъ возвращаетъ его въ среднія. Тамъ именно онъ обнаруживаетъ свою силу и свою безпокойную дѣятельность и тамъ производитъ чудеса. Тѣ же самые американцы, которые не открыли ни одного изъ общихъ законовъ механики, ввели въ дѣлѣ судоходства новую машину, измѣняющую видъ міра.

Конечно, я далекъ отъ утвержденія, что современнымъ демократическимъ народамъ предназначено погасить свѣтъ высшихъ отдѣловъ человѣческаго знанія, ни даже, что онъ не загорится вновь въ ихъ сердцѣ. Въ настоящій періодъ міровой жизни и посреди столькихъ образованныхъ народовъ, безпрерывно волнуемыхъ промышленными стремленіями, невозможно, чтобы связи, соединяющія различныя части науки, не бросились бы въ глаза; и самая склонность къ практикѣ, если она соединена съ образованностью, должна направлять людей къ тому, чтобы не пренебрегать теоріей. Посреди столькихъ попытокъ примѣненія, столькихъ опытовъ, ежедневно повторяемыхъ, почти невозможно, чтобы часто не выяснялись очень общіе законы, такъ что великія открытія были бы часты, даже если бы изобрѣтатели были рѣдки.

Кромѣ того, я вѣрю въ высшее научное призваніе. Если демократія не направляетъ людей къ изученію наукъ для самихъ наукъ, то съ другой стороны она неизмѣримо увеличиваетъ число людей, занимающихся ими. Нельзя предполагать, чтобъ изъ такого множества не появлялся отъ времени до времени какой-нибудь спекулятивный геній, возбуждаемый только любовью къ истинѣ. Можно быть увѣреннымъ, что онъ употребитъ свои силы на то, чтобы проникнуть въ глубочайшія тайны природы, каковъ бы ни былъ духъ его времени и его страны. Его стремленію не нужно помогать; достаточно его не задерживать. Но я хочу сказать лишь слѣдующее: постоянное неравенство общественныхъ положеній ведетъ людей къ тому, что они замыкаются въ горделивомъ и безплодномъ изысканіи отвлеченныхъ истинъ, тогда какъ демократическое устройство и учрежденія располагаютъ ихъ къ требованію отъ наукъ лишь ихъ непосредственныхъ и полезныхъ примѣненій.

Эта склонность естественна и неизбѣжна. Любопытно ее узнать и можетъ-быть необходимо на нее указать.

Еслибы тѣ люди, которые призваны въ наше время къ управленію народами, ясно и издалека видѣли бы эти новыя стремленія, которыя скоро станутъ неудержимыми, то они поняли бы, что, пользуясь просвѣщеніемъ и свободою, люди живущіе въ демократическія времена не могутъ не усовершенствовать прикладную часть наукъ, и что теперь всѣ усилія общественной власти должны быть направлены къ поддержкѣ занятій высшими науками и къ созданію великихъ научныхъ стремленій.

Въ наше время умъ человѣческій надо удерживать въ теоріи; къ практикѣ онъ самъ собой стремится. И вмѣсто того, чтобы постоянно обращать его къ подробному разсмотрѣнію второстепенныхъ слѣдствій, было бы полезно отвлекать его иногда отъ нихъ, и возвышать его до созерцанія первопричинъ.

Такъ какъ римская цивилизація умерла вслѣдствіе вторженія варваровъ, то мы можетъ-быть слишкомъ склонны думать, что цивилизація и не можетъ иначе умереть.

Еслибъ освѣщающій насъ свѣтъ науки когда-нибудь погасъ, то онъ бы мало-помалу и какъ бы самъ собою становился темнѣе. Заключившись въ примѣненіяхъ, мы потеряли бы изъ виду принципы, а когда совсѣмъ позабыли бы принципы, то стали бы плохо держаться и вытекающихъ изъ нихъ методовъ, и, не умѣя изобрѣтать новыхъ, безъ смысла и безъ искусства употребляли бы ученые способы, значеніе которыхъ уже не понимали бы.

Когда, триста лѣтъ тому назадъ, европейцы прибыли въ Китай, то они тамъ нашли, что почти всѣ искусства достигли извѣстной степени совершенства, такъ что они удивлялись тому, что, дойдя до такого пункта, китайцы не пошли далѣе. Потомъ они открыли слѣды нѣкоторыхъ высшихъ знаній, впослѣдствіи затерянныхъ. Народъ былъ промышленный; большая часть научныхъ методовъ сохранилась у него, но сама наука уже не существовала. Это имъ объяснило ту странную неподвижность, въ которой они нашли умъ этого народа. Слѣдуя по слѣдамъ своихъ отцовъ, китайцы забыли основанія, которыми тѣ руководились. Они еще пользовались формулой, не изслѣдуя ея значенія; они хранили орудіе, не обладая уже искусствомъ измѣнять и возобновлять его. Такимъ образомъ китайцы не могли ничего перемѣнить. Они должны были отказаться отъ улучшеній и принуждены были всегда и во всемъ подражать своимъ предкамъ, чтобы не впасть въ безпросвѣтную тьму, въ случаѣ если бы они на одинъ шагъ уклонились отъ пути, начертаннаго послѣдними. Источникъ человѣческихъ знаній почти изсякъ, и хотя рѣка продолжала еще течь, но не могла уже подняться выше, или измѣнить теченіе.

Однако-же Китай мирно существовалъ въ теченіе вѣковъ; его завоеватели приняли его нравы; въ немъ царствовалъ порядокъ; со всѣхъ сторонъ въ немъ замѣчалось нѣкотораго рода матеріальное благосостояніе. Революціи бывали въ немъ очень рѣдко, а война была, можно сказать, неизвѣстна.

Не слѣдуетъ поэтому довѣрчиво успокоиваться, думая, что варвары еще далеко отъ насъ; потому что какъ бываютъ народы, допускающіе, чтобъ у нихъ вырвали свѣтъ изъ рукъ, такъ бываютъ и другіе, которые сами гасятъ его у себя подъ ногами.

ГЛАВА XI.

Въ какомъ духѣ американцы занимаются искусствомъ.

Я думаю, что я даромъ бы тратилъ время и свое, и читателей, если бы сталъ доказывать какимъ образомъ общая незначительность состояній, отсутствіе излишка, присущее всѣмъ желаніе благосостоянія и постоянныя усилія, дѣлаемыя каждымъ для его достиженія, даютъ перевѣсъ въ чело-

вѣческомъ сердцѣ стремленію къ пользѣ надъ любовью къ красотѣ. Поэтому у демократическихъ народовъ, у которыхъ встрѣчаются всѣ эти условія, занятія тѣми искусствами, которыя служатъ для доставленія жизненныхъ удобствъ, будутъ преобладать надъ занятіями искусствами, украшающими жизнь. Эти народы будутъ предпочитать полезное прекрасному и будутъ желать, чтобы прекрасное было и полезнымъ.

Но я намѣренъ итти дальше и, отмѣтивши первую характерную черту, обрисовать потомъ и многія другія.

Обыкновенно бываетъ такъ, что въ вѣкѣ господства привилегій занятіе почти всѣми искусствами дѣлается тоже привилегіей, и что каждая профессія превращается въ отдѣльный міръ, куда не всякій можетъ проникнуть. И даже если выборъ занятія свободенъ, то естественно присущая всѣмъ аристократическимъ націямъ неподвижность приводитъ къ тому, что всѣ люди, занимающіеся однимъ и тѣмъ же искусствомъ, образуютъ, наконецъ, отдѣльный классъ, состоящій постоянно изъ однихъ и тѣхъ же семей, всѣ члены котораго знаютъ другъ друга, и гдѣ скоро появляются общественное мнѣніе и сословная гордость. Въ такого рода ремесленномъ обществѣ каждый ремесленникъ долженъ заботиться не только о составленіи себѣ состоянія, но и о сохраненіи своего добраго имени. Правиломъ для его дѣятельности становится не только его личная выгода, и даже не выгода покупателя, а выгода всего цеха, которая состоитъ въ томъ, чтобы каждый ремесленникъ работалъ образцовыя произведенія. Поэтому въ аристократическія времена искусства стремятся къ тому, чтобы дѣлать какъ можно лучше, а не какъ можно скорѣе, или дешевле.

Когда, напротивъ, каждая профессія открыта для всѣхъ и толпа безпрестанно входитъ въ нее и выходитъ, такъ что различные члены ея по причинѣ своей многочисленности становятся чуждыми другъ друга, относятся одинъ къ другому безучастно и почти не видятся между собою, тогда общественная связь порывается; каждый работникъ, заботясь лишь о себѣ, старается только получить какъ можно больше денегъ съ возможно меньшими затратами и въ этомъ стремленіи ограничивается только требованіями потребителя. Но какъ разъ въ то же время соотвѣтствующій переворотъ происходитъ и у послѣдняго.

Въ странахъ, гдѣ богатство, также какъ и власть, сосредоточивается въ немногихъ рукахъ и не выходитъ изъ нихъ, пользованіе большею частію благъ этого міра принадлежитъ небольшому числу лицъ постоянно однихъ и тѣхъ же; нужда, общественное мнѣніе, скромность желаній—устраняютъ отъ него всѣхъ прочихъ.

Такъ какъ этотъ аристократическій классъ остается неподвижнымъ на той высотѣ, на которой онъ находится, не съуживаясь и не распространяясь, то онъ имѣетъ всегда однѣ и тѣже потребности, и испытываетъ ихъ всегда одинакимъ образомъ. Люди, входящіе въ его составъ, естественно почерпаютъ въ занимаемомъ ими высокомъ наслѣдственномъ положеніи вкусъ ко всему очень хорошо сдѣланному и очень прочному.

Это даетъ общій тонъ понятіямъ народа относительно искусства.

У этихъ народовъ часто бываетъ, что и крестьянинъ скорѣе вовсе откажется отъ желаемой имъ вещи, чѣмъ пріобрѣтетъ ее въ несовершенномъ видѣ.

Такимъ образомъ въ аристократіяхъ ремесленники работаютъ лишь на ограниченное число покупателей, которымъ очень трудно угодить; ожидаемый ими заработокъ зависитъ главнымъ образомъ отъ достоинства ихъ труда.

Но положеніе мѣняется, когда, за уничтоженіемъ всѣхъ привилегій, классы смѣшиваются и всѣ люди, безпрестанно, то подымаются, то опускаются по общественной лѣстницѣ.

Въ средѣ демократическаго народа всегда есть множество гражданъ, родовое имѣніе которыхъ раздѣляется и уменьшается. Въ лучшія времена у нихъ образовались извѣстныя потребности, которыя остаются при нихъ и тогда, когда исчезла возможность ихъ удовлетворенія; поэтому они съ безпокойствомъ ищутъ, нѣтъ ли какихъ-нибудь окольныхъ средствъ, для достиженія этой возможности.

Съ другой стороны, въ демократіяхъ всегда можно видѣть очень много людей, богатство которыхъ увеличивается, но у которыхъ желанія растутъ еще гораздо скорѣе, чѣмъ богатство, такъ что они заранѣе пожираютъ глазами ожидаемыя ими блага, задолго до ихъ полученія. Такіе люди стараются всюду открыть себѣ болѣе короткіе пути къ достиженію этихъ близкихъ благъ. Изъ соединенія этихъ двухъ причинъ получается тотъ результатъ, что въ демократіяхъ всегда встрѣчается множество гражданъ, потребности которыхъ выше ихъ средствъ, и которые охотно бы согласились скорѣе получить неполное удовлетвореніе, чѣмъ вовсе отказаться отъ предмета своихъ желаній.

Рабочій легко понимаетъ такія стремленія, потому что онъ и самъ ихъ раздѣляетъ: въ аристократіяхъ онъ старался продавать свои произведенія очень дорого немногимъ; теперь онъ видитъ, что есть болѣе скорый способъ къ обогащенію: продавать всѣмъ дешево.

Но для пониженія цѣнъ товара существуютъ два способа.

Первый состоитъ въ томъ, чтобы найти лучшія, болѣе быстрыя и болѣе научныя средства производить данный товаръ. Второй—въ томъ, чтобы дѣлать въ большемъ количествѣ вещи приблизительно одинаковыя, но имѣющія меньшую цѣнность. У демократическихъ народовъ всѣ способности работника обращены на эти два пункта.

Онъ старается изобрѣтать способы, которые дали бы ему возможность работать не только лучше, но скорѣе и съ меньшими издержками, и если не можетъ этого достичь, то уменьшаетъ внутренее достоинство дѣлаемой имъ вещи, стараясь только, чтобъ она не была совершенно негодна къ тому употребленію, для котораго она предназначена. Когда карманные часы были только у богатыхъ людей, то почти всѣ они были превосходны. Теперь дѣлаютъ только посредственные, но они есть у всѣхъ. Такимъ образомъ демократія склонна не только направлять умъ человѣческій на занятія полезными искусствами, но она заставляетъ ремесленниковъ дѣлать очень скоро много вещей невысокаго достоинства, а потребителя—удовлетворяться ими.

Это не значитъ, чтобы въ демократіяхъ искусство не могло, когда нужно, произвести чудеса. Это случается иногда, когда являются покупатели согласные заплатить за время и за трудъ. Въ этой борьбѣ всѣхъ родовъ производительной дѣятельности, посреди громадной конкуренціи и безчисленныхъ опытовъ, образуются превосходные работники, доходящіе до послѣднихъ предѣловъ возможнаго въ ихъ профессіи; но они рѣдко имѣютъ случай выказать свое умѣнье; они тщательно берегутъ свои силы, оставаясь въ предѣлахъ сознательной посредственности, которая сама себя цѣнитъ и, имѣя возможность перейти за заданную ею себѣ цѣль, ставитъ себѣ цѣлью лишь то, чего она достигаетъ. Напротивъ въ аристократіяхъ работники дѣлаютъ всегда все, что они могутъ, и если останавливаются, то лишь потому, что дошли до границъ своего умѣнья.

Если, пріѣзжая въ страну, я вижу, что исскуства въ ней производятъ нѣчто достойное удивленія, то это не даетъ мнѣ никакихъ указаній на общественный строй и политическую организацію этой страны. Но если я замѣчаю, что произведенія искусствъ въ ней вообще несовершенны, очень многочисленны и дешевы, то я получаю увѣренность, что у такого народа, гдѣ это происходитъ, привилегіи слабѣютъ, классы начинаютъ смѣшиваться и скоро совсѣмъ сольются.

Ремесленники, живущіе въ демократическіе вѣка, не только стараются сдѣлать свои полезные продукты доступными для всѣхъ гражданъ, но они, кромѣ того, усиливаются дать всѣмъ своимъ произведеніямъ блестящія качества, которыхъ у нихъ нѣтъ.

При смѣшеніи всѣхъ классовъ, каждый надѣется казаться не тѣмъ, что онъ есть, и дѣлаетъ большія усилія для того, чтобы достичь этого. Не демократія порождаетъ это чувство, слишкомъ естественно присущее человѣческому сердцу; но она направляетъ его на матеріальные предметы. Лицемѣрное подражаніе добродѣтели встрѣчается во всѣ времена, но подражаніе роскоши составляетъ преимущественно принадлежность демократическихъ вѣковъ.

Нѣтъ такого обмана, къ которому бы не прибѣгало искусство для удовлетворенія этихъ новыхъ потребностей человѣческаго тщеславія; иногда оно идетъ въ этомъ направленіи такъ далеко, что вредитъ самому себѣ. Въ поддѣлкѣ алмазовъ дошли до такого совершенства, что въ нихъ легко ошибиться. Съ момента, когда изобрѣтутъ искусство дѣлать фальшивые алмазы такъ, чтобъ ихъ вовсе нельзя было отличить отъ настоящихъ, вѣроятно и тѣ и другіе будутъ брошены и снова превратятся въ простые камни.

Это наводитъ меня на рѣчь о тѣхъ искусствахъ, которымъ по преимуществу было присвоено названіе изящныхъ искусствъ.

Я не думаю, чтобы непремѣннымъ слѣдствіемъ демократическаго общественнаго строя и демократическихъ учрежденій было уменьшеніе числа людей, занимающихся изящными искусствами; но эти причины сильно вліяютъ на то, какъ ими занимаются. Такъ какъ большая часть людей, уже получившихъ вкусъ къ изящнымъ искусствамъ, становится бѣднѣе, а съ другой стороны многіе изъ тѣхъ, которые еще не сдѣлались богатыми, начинаютъ, въ силу подражанія пріобрѣтать этотъ вкусъ, то общее количество потребителей увеличивается, а потребители очень богатые и очень тонко понимающіе искусство становятся болѣе рѣдкими. Тогда въ изящныхъ искусствахъ происходитъ нѣчто аналогическое тому, на что я указывалъ, говоря о полезныхъ искусствахъ. Число ихъ произведеній увеличивается, а достоинство каждаго изъ нихъ уменьшается.

Не разсчитывая уже на грандіозное, стараются сдѣлать изящно и красиво; заботятся больше о внѣшнемъ видѣ, чѣмъ о внутреннемъ достоинствѣ.

Въ аристократіяхъ пишутъ нѣсколько большихъ картинъ, въ демократическихъ странахъ—множество маленькихъ картинокъ. Въ первыхъ воздвигаютъ бронзовыя статуи, во вторыхъ дѣлаютъ статуи изъ гипса.

Когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ Нью-Іоркъ съ той части Атлантическаго океана, которая называется восточной рѣкой (Est river), я былъ удивленъ, видя вдоль берега, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, нѣсколько маленькихъ дворцовъ изъ бѣлаго мрамора, изъ которыхъ многіе были построены въ античномъ стилѣ; на другой день я пошелъ по-

смотрѣть поближе одинъ изъ нихъ, наиболѣе обратившій на себя мое вниманіе и увидалъ, что стѣны его были изъ выбѣленнаго кирпича, а колонны изъ выкрашеннаго дерева. Таковы же были и прочія монументальныя зданія, которыми я любовался наканунѣ.

Демократическій общественный строй и демократическія учрежденія даютъ, кромѣ того, всѣмъ подражательнымъ искусствамъ нѣкоторое особенное направленіе, которое легко указать. Они часто отклоняютъ ихъ отъ изображенія души, привязывая исключительно къ изображенію тѣла, и замѣняютъ выраженіемъ движеній и ощущеній выраженіе чувствъ и мыслей; наконецъ, на мѣсто идеала они ставятъ дѣйствительность.

Я сомнѣваюсь, чтобы Рафаэль такъ глубоко изучилъ малѣйшія движенія человѣческаго тѣла, какъ современные рисовальщики. Онъ не придавалъ такой важности, какъ они, строгой точности въ этомъ отношеніи, потому что онъ хотѣлъ превзойти природу. Онъ желалъ сдѣлать изъ человѣка нѣчто высшее, чѣмъ человѣкъ; онъ ставилъ себѣ задачей украсить самую красоту.

Напротивъ Давидъ и его ученики были столь же хорошими анатомамн, какъ и хорошими живописцами. Они съ удивительною вѣрностью изображали модели, бывшія у нихъ передъ глазами, но рѣдко случалось, чтобъ они воображали что-нибудь большее. Они точно слѣдовали за природой, тогда какъ Рафаэль старался сдѣлать лучше природы. Они оставили намъ вѣрное изображеніе человѣка, а онъ въ своихъ твореніяхъ далъ намъ возможность провидѣть Божество.

Сказанное мною о способахъ исполненія можно примѣнить и къ самому выбору сюжета.

Живописцы эпохи Возрожденія брали обыкновенно выше себя, или изъ отдаленнаго отъ нихъ времени, обширные сюжеты, предоставлявшіе широкій просторъ ихъ воображенію. Наши живописцы часто употребляютъ свой талантъ на точное воспроизведеніе подробностей частной жизни, постоянно находящейся у нихъ передъ глазами, и всюду копируютъ мелкіе предметы, встрѣчающіеся въ природѣ слишкомъ часто и въ оригиналахъ.

ГЛАВА XII.

Почему американцы воздвигаютъ одновременно памятники столь мелкіе и столь большіе.

Сейчасъ я сказалъ, что въ вѣка демократіи памятники искусства имѣютъ склонность дѣлаться болѣе многочисленными и менѣе значительными. Я спѣшу самъ же указать на исключеніе изъ этого правила.

У демократическихъ народовъ отдѣльныя личности бываютъ очень слабы, но представляющее ихъ всѣхъ и держащее въ своей власти государство очень сильно. Нигдѣ граждане не кажутся столь малыми, какъ въ демократической націи; нигдѣ сама нація не представляется столь великою и нигдѣ мысль такъ легко не рисуетъ ее себѣ въ видѣ обширной картины. Воображеніе людей, живущихъ въ демократическихъ обществахъ, съуживается, когда они думаютъ о самихъ себѣ, и расширяется до безпредѣльности, когда они думаютъ о государствѣ. Изъ этого происходитъ, что тѣ-же люди, которые скромно живутъ въ тѣсныхъ жилищахъ, стре-

мятся часто къ гигантскому, когда дѣло идетъ объ общественныхъ зданіяхъ.

На мѣстѣ, гдѣ американцы предполагали сдѣлать свою столицу, они устроили помѣщеніе для громаднаго города, въ которомъ еще теперь населенія не болѣе чѣмъ въ Понтуазѣ, но который, по ихъ мнѣнію, долженъ со временемъ имѣть милліонъ жителей; они уже выкорчевали деревья на десять льё въ окружности, изъ опасенія, чтобъ они не помѣшали будущимъ гражданамъ этой воображаемой столицы. По серединѣ города они воздвигли великолѣпный дворецъ, который долженъ служить для конгресса и дали ему пышное названіе Капитолія.

Ежедневно даже отдѣльные штаты задумываютъ и исполняютъ удивительныя предпріятія, способныя повергнуть въ изумленіе мысль великихъ народовъ Европы.

Такимъ образомъ демократія не только направляетъ людей къ производству множества мелкихъ работъ, но и къ возведенію немногихъ очень большихъ памятниковъ. Но между этими двумя крайностями нѣтъ уже ничего. Слѣдовательно нѣсколько разбросанныхъ остатковъ очень большихъ зданій ничего не говорятъ намъ объ общественномъ положеніи и учрежденіямъ построившаго ихъ народа.

Я прибавлю, хотя это и выходитъ изъ предѣловъ моего сюжета, что они столь же мало даютъ намъ понятіе о его величіи, просвѣщеніи и дѣйствительномъ благосостояніи.

Всякій разъ, когда какая-нибудь власть будетъ въ состояніи сосредоточить силы цѣлаго народа на одномъ предпріятіи, она съ помощію небольшихъ знаній и долгаго времени можетъ извлечь изъ такой большой силы нѣчто громадное, но изъ этого нельзя будетъ заключить о томъ, что народъ очень счастливъ, очень просвѣщенъ, или хотя бы очень силенъ. Испанцы нашли городъ Мексико наполненнымъ великолѣпными храмами и обширными дворцами, что не помѣшало Кортецу покорить мексиканскую имперію, имѣя шесть сотъ человѣкъ пѣхоты и шестнадцать конницы.

Если бы римляне лучше знали законы гидравлики, то они не возвели бы всѣ водопроводы, окружающіе развалины ихъ городовъ, и лучше бы употребили свою силу и богатство. Если бы они открыли паровую машину, то можетъ-быть не протянули бы до концовъ своей имперіи тѣ длинныя искусственныя скалы, которыя называются римскими дорогами.

Эти вещи представляютъ превосходное свидѣтельство ихъ незнанія, также какъ и ихъ величія.

Народъ, который оставилъ бы въ видѣ слѣдовъ своего пребыванія лишь нѣсколько свинцовыхъ трубъ въ землѣ и нѣсколько желѣзныхъ полосъ на поверхности, имѣлъ бы, можетъ-быть, больше власти надъ природою, чѣмъ римляне.

ГЛАВА XIII.

Литературная физіономія демократическихъ вѣковъ.

Когда въ Соединенныхъ Штатахъ войдешь въ книжную лавку и просмотришь стоящія на ея полкахъ американскія книги, то число сочиненій кажется очень большимъ, тогда какъ число извѣстныхъ авторовъ, наоборотъ, очень мало.

Прежде всего мы находимъ множество элементарныхъ сочиненій, цѣль которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы дать первыя понятія о человѣческихъ знаніяхъ. Большая часть ихъ составлена въ Европѣ. Американцы перепечатываютъ ихъ, примѣняя къ своимъ требованіямъ. Затѣмъ слѣдуетъ почти безконечное количество религіозныхъ книгъ: библій, проповѣдей, благочестивыхъ разсказовъ, преній, отчетовъ благотворительныхъ учрежденій. Наконецъ идетъ длинный каталогъ политическихъ памфлетовъ. Въ Америкѣ политическія партіи для взаимной борьбы пишутъ не книги, а брошюры, которыя расходятся съ невѣроятною быстротой, живутъ въ теченіе одного дня и потомъ умираютъ.

Среди всѣхъ этихъ неизвѣстныхъ произведеній человѣческаго ума появляются болѣе замѣчательныя сочиненія лишь немногихъ авторовъ, которые извѣстны, или должны бы быть извѣстны европейцамъ.

Хотя изъ всѣхъ современныхъ цивилизованныхъ странъ въ Америкѣ можетъ-быть всего меньше занимаются литературой, въ ней однако встрѣчается значительное число личностей, интересующихся вопросами мысли и дѣлающихъ изъ нихъ если не занятіе всей своей жизни, то по крайней мѣрѣ свое утѣшеніе въ свободное время. Но большая часть требуемыхъ ими книгъ доставляется Англіей. Почти всѣ большія англійскія сочиненія перепечатываются въ Соединенныхъ Штатахъ. Лучи литературнаго генія Великобританіи достигаютъ даже до глубины лѣсовъ Новаго Свѣта. Нѣтъ такой піонерской хижины, въ которой не нашлось бы нѣсколькихъ разрозненныхъ томовъ Шекспира. Я помню, что я въ первый разъ прочиталъ феодальную драму: Генрихъ V въ одномъ log-house'ѣ.

Американцы не только ежедневно черпаютъ изъ сокровищъ англійской литературы, но можно справедливо сказать, что они находятъ англійскую литературу у себя дома. Изъ небольшого числа людей, занимающихся въ Соединенныхъ Штатахъ писаніемъ литературныхъ произведеній, большая часть суть англичане по существу и особенно по формѣ. Они такимъ образомъ переносятъ въ среду демократіи литературныя понятія и обычаи, существующіе у аристократическаго народа, который они взяли себѣ за образецъ. Они употребляютъ краски, взятыя изъ чужихъ нравовъ, и почти никогда не изображая свою родную страну согласно съ дѣйствительностью, они рѣдко бываютъ въ ней популярны.

Граждане Соединенныхъ Штатовъ, повидимому, настолько убѣждены, что книги издаются не для нихъ, что прежде, чѣмъ составить опредѣленное мнѣніе о достоинствѣ кого-нибудь изъ своихъ писателей, они ожидаютъ обыкновенно, чтобъ его оцѣнили въ Англіи. Это похоже на то, какъ относительно картинъ обыкновенно предоставляется автору оригинала право судить о достоинствѣ копіи.

Такимъ образомъ жители Соединенныхъ Штатовъ, собственно говоря, не имѣютъ еще своей литературы. Единственные авторы, которыхъ я могу признать за американцевъ, суть журналисты. Они—не великіе писатели, но они говорятъ языкомъ своей страны и она ихъ понимаетъ. Во всѣхъ другихъ я вижу только иностранцевъ. Они для американцевъ то же, что для насъ были подражатели грековъ и римлянъ въ эпоху литературнаго возрожденія,—предметъ любопытства, а не общаго сочувствія. Они забавляютъ умъ, но не дѣйствуютъ на нравы.

Я уже сказалъ, что такое положеніе вещей зависитъ далеко не отъ одной демократіи и что причины его надо искать во многихъ особенныхъ обстоятельствахъ, отъ нея независимыхъ.

Если бы американцы, при томъ же общественномъ строѣ и законахъ, имѣли другое происхожденіе и были бы перенесены въ другую страну, то я не сомнѣваюсь, что у нихъ была бы литература. Да и при существующихъ условіяхъ я увѣренъ, что они наконецъ будутъ ее имѣть; но она получитъ характеръ отличный отъ того, который проявляется въ современныхъ американскихъ сочиненіяхъ и который будетъ принадлежать только ей. Черты этого характера можно указать заранѣе.

Я представляю себѣ аристократическую націю, въ которой занимаются литературой; умственный трудъ въ ней, также какъ и правительственная дѣятельность, направляется однимъ классомъ, имѣющимъ верховную власть. Литературная жизнь, наравнѣ съ политической, почти исключительно сосредоточена въ этомъ классѣ и въ классахъ наиболѣе близкихъ къ нему. Этого для меня достаточно, чтобы получить ключъ ко всему остальному.

Когда небольшое число людей, постоянно однихъ и тѣхъ же, одновременно занимаются одинакими предметами, то они легко сговариваются и установляютъ сообща извѣстныя основныя правила, которыми долженъ руководиться каждый изъ нихъ. Если предметъ, привлекающій вниманіе этихъ людей, есть литература, то умственный трудъ вскорѣ окажется подчиненнымъ какимъ-нибудь опредѣленнымъ правиламъ, отъ которыхъ уже не позволено будетъ уклоняться.

Если эти люди будутъ имѣть въ странѣ наслѣдственное положеніе, то они естественно будутъ склонны не только установить для самихъ себя извѣстное число точныхъ правилъ, но и слѣдовать тѣмъ, которыя были установлены для себя ихъ предками; законодательство ихъ будетъ имѣть одновременно строгій и традиціонный характеръ.

Такъ какъ они не имѣютъ необходимости очень много заботиться о матеріальныхъ предметахъ, и такъ какъ и ранѣе ни они, ни отцы ихъ никогда не подвергались этой необходимости, то они могли въ теченіе многихъ поколѣній интересоваться умственнымъ трудомъ. Они поняли литературное искусство и наконецъ дошли до того, что любятъ самое это искусство и чувствуютъ сознательное удовольствіе, видя какъ соблюдаются его правила.

И это еще не все: люди, о которыхъ я говорю, вступаютъ въ жизнь и оканчиваютъ ее въ довольствѣ и богатствѣ; поэтому они естественно пріобрѣтаютъ вкусъ къ изысканнымъ наслажденіямъ и любовь къ тонкимъ и избраннымъ удовольствіямъ.

Даже болѣе того: нѣкоторая изнѣженность ума и сердца, часто пріобрѣтаемая ими вслѣдствіе такого долгаго и мирнаго пользованія столькими благами, заставляетъ ихъ устранять изъ своихъ удовольствій все, что могло бы въ нихъ встрѣтиться слишкомъ неожиданнаго и сильнаго. Они предпочитаютъ пріятныя забавы сильнымъ ощущеніямъ и желаютъ лучше, чтобъ ихъ занимали, чѣмъ увлекали.

Представьте себѣ теперь значительное число литературныхъ трудовъ, исполненныхъ описанными сейчасъ людьми, или для нихъ, и вы безъ труда составите себѣ понятіе о литературѣ, въ которой все будетъ заранѣе опредѣлено и согласовано съ правилами. Самое мелкое сочиненіе будетъ отдѣлано во всѣхъ подробностяхъ; искусство и трудъ будутъ проявляться во всемъ; каждый родъ словесности будетъ имѣть свои особыя правила, отъ которыхъ нельзя будетъ уклоняться и которыми онъ будетъ отграниченъ отъ всѣхъ другихъ родовъ.

Слогъ будетъ казаться почти столь же важнымъ, какъ мысль, форма—

какъ существо дѣла. Характеръ слога будетъ гладкій, умѣренный, ровный. Мысль будетъ выражаться благородно, но рѣдко будетъ двигаться живо, и писатели будутъ больше стараться совершенствовать старое, чѣмъ производить вновь.

Иногда можетъ произойти, что члены литературнаго сословія, зная только другъ друга и работая только для своихъ, совершенно потеряютъ изъ виду весь остальной міръ, что поведетъ ихъ къ изысканности и фальши; они установятъ исключительно для своего употребленія мелкія литературныя правила, которыя незамѣтно заставятъ ихъ уклониться отъ здраваго смысла и наконецъ удалятъ ихъ отъ природы.

Стараясь говорить иначе, чѣмъ обыкновенные люди, они пріобрѣтутъ, наконецъ, нѣкотораго рода аристократическій жаргонъ, который не менѣе, чѣмъ простонародное нарѣчіе, удаленъ отъ хорошаго слога.

Это суть естественныя опасности, на которыя литература наталкивается въ аристократіяхъ.

Всякая аристократія, становящаяся совсѣмъ въ сторонѣ отъ народа, дѣлается безсильною. Это такъ же вѣрно въ литературѣ, какъ и въ политикѣ [1]).

Обернемъ теперь картину и посмотримъ ея другую сторону.

Перенесемся въ среду демократіи, которая, въ силу старинныхъ традицій и настоящаго просвѣщенія, оказывается чувствительной къ умственнымъ наслажденіямъ. Различныя общественныя положенія въ ней перемѣшаны и слиты; образованность, какъ и власть, раздроблена до безконечности и, если я смѣю такъ выразиться, разбросана во всѣ стороны.

На-лицо находится безпорядочная толпа, умственныя потребности которой подлежатъ удовлетворенію. Эти новые искатели умственныхъ удовольствій не всѣ получили одинаковое воспитаніе; они не равно образованы, не похожи на своихъ отцовъ и ежеминутно оказываются не похожими на самихъ себя, потому что безпрестанно мѣняютъ свое положеніе, свои чувства и свое богатство. Поэтому умъ каждаго изъ нихъ не связанъ съ умомъ всѣхъ остальныхъ общими традиціями и привычками и у нихъ никогда нѣтъ ни возможности, ни желанія, ни времени для того, чтобы сговориться между собою.

Однако авторы родятся въ средѣ этой же несвязной и волнующейся толпы и она же распредѣляетъ между ними выгоду и славу.

Не трудно понять, что при такомъ положеніи дѣлъ слѣдуетъ ожидать, что въ литературѣ подобнаго народа окажется лишь немного такихъ строгихъ условныхъ правилъ, какія въ аристократическія времена признаются читателями и писателями. Еслибъ и оказалось, что люди извѣстной эпохи согласились относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ, то это ничего не доказывало бы для слѣдующей эпохи, потому что въ демократическихъ націяхъ каждое новое поколѣніе есть новый народъ. Поэтому у этихъ націй очень трудно подчинить литературу узкимъ правиламъ и, пожалуй, невозможно подчинить ее когда-либо правиламъ постояннымъ.

---

[1]) Все это особенно вѣрно относительно аристократическихъ странъ, которыя долго и мирно подчинены были королевской власти.

Когда въ аристократіи царствуетъ свобода, то высшіе классы постоянно принуждены бываютъ обращаться къ содѣйствію низшихъ и, пользуясь ими, сближаются съ ними. Слѣдствіемъ этого бываетъ то, что нѣкоторая доля демократическаго духа проникаетъ въ ихъ среду. Кромѣ того, у правящаго привилегированнаго класса развивается энергія и привычка къ предпріимчивости, а также склонность къ движенію и шуму, которыя не могутъ остаться безъ вліянія на всѣ литературные труды.

Въ демократіяхъ далеко не всѣ люди, занимающіеся литературой, получаютъ литературное образованіе, и между тѣми изъ нихъ, которые имѣютъ нѣкоторую литературную окраску, большинство посвящаетъ себя политической дѣятельности, или избираетъ профессію, отъ которой они могутъ отрываться лишь на минуту, чтобъ урывками пользоваться умственными удовольствіями. Такимъ образомъ они не дѣлаютъ изъ этихъ удовольствій главнаго утѣшенія своей жизни, но смотрятъ на нихъ какъ на временный отдыхъ, необходимый при серьезномъ жизненномъ трудѣ; такіе люди никогда не будутъ въ состояніи пріобрѣсти знаніе литературнаго искусства настолько глубокое, чтобы чувствовать всѣ его тонкости; мелкіе оттѣнки ускользаютъ отъ нихъ. Располагая лишь очень короткимъ временемъ для литературныхъ занятій, они хотятъ использовать его все. Они любятъ книги, которыя легко достать, которыя скоро читаются и для своего пониманія не требуютъ глубокаго изученія. Они требуютъ красоты простой, которая дается сама собой и которой можно наслаждаться сейчасъ же; всего больше имъ требуется неожиданное и новое. Привыкши къ практической жизни, проходящей въ борьбѣ и однообразной, они нуждаются въ быстрыхъ и сильныхъ ощущеніяхъ, внезапномъ освѣщеніи, блестящихъ истинахъ или заблужденіяхъ, которыя бы тотчасъ выводили ихъ изъ нормальнаго душевнаго состоянія и сразу, какъ бы насильно, вводили въ сущность предмета.

Долженъ ли я продолжать? Всякому и безъ того, конечно, понятно, что будетъ слѣдовать дальше.

Взятая въ цѣлости, литература демократическихъ вѣковъ не можетъ представлять, подобно литературѣ временъ аристократіи, образецъ порядка, правильности, знанія и искусства; обыкновенно она будетъ мало заботиться о формѣ, а иногда и вовсе пренебрегать ею. Слогъ ея будетъ часто причудливый, неправильный, многословный и расплывчатый, но почти всегда смѣлый и рѣзкій. Авторы будутъ больше заботиться о быстротѣ выполненія, чѣмъ о совершенствѣ подробностей. Маленькія сочиненія будутъ выходить чаще, чѣмъ большія книги; умъ будетъ проявляться чаще, чѣмъ ученость, воображеніе чаще, чѣмъ глубина мысли; необработанная и почти дикая сила будетъ господствовать въ умственной дѣятельности, а въ произведеніяхъ ея часто выкажется очень большое разнообразіе и необыкновенная плодовитость. Писатели будутъ стараться больше удивлять, чѣмъ плѣнять, и дѣйствовать больше увлекая страсти, чѣмъ очаровывая вкусъ.

Отъ времени до времени изрѣдка будутъ, конечно, встрѣчаться писатели, которые захотятъ итти по другому пути, и если они обладаютъ выдающимися достоинствами, то каковы бы ни были ихъ качества и недостатки, они заставятъ себя читать; но эти исключенія рѣдки, и даже тѣ писатели, которые во всей совокупности своихъ сочиненій уклонятся такимъ образомъ отъ общаго обычая, снова возвратятся къ нему въ какихъ-нибудь частностяхъ.

Я изобразилъ сейчасъ двѣ крайности; но народы не переходятъ сразу отъ одной къ другой, а лишь постепенно и черезъ безконечное число оттѣнковъ. При переходѣ литературнаго народа отъ одного состоянія къ другому, почти всегда бываетъ моментъ, когда литературный духъ демократіи и аристократіи встрѣчаются другъ съ другомъ и оба, повидимому, согласно управляютъ человѣческою мыслью.

Эти эпохи бываютъ временными, но очень блестящими; плодовитость

является тогда безъ излишества и движеніе не сопутствуется безпорядкомъ. Такова была французская литература восемнадцатаго столѣтія.

Я бы выразилъ больше, чѣмъ думаю, еслибъ сказалъ, что литература народа всегда бываетъ подчинена его общественному строю и политической организаціи. Я знаю, что, независимо отъ этихъ причинъ, существуютъ еще многія, дающія извѣстный характеръ литературнымъ произведеніямъ; но сказанныя причины мнѣ кажутся самыми главными.

Отношенія, существующія между общественнымъ и политическимъ строемъ народа и духомъ его писателей, всегда очень многочисленны, и кому извѣстенъ одинъ, тотъ не можетъ совершенно не знать другого.

ГЛАВА XIV.

О литературной промышленности.

Демократія не только заставляетъ проникать въ среду промышленныхъ классовъ вкусъ къ литературѣ, но и вводитъ въ литературу промышленный духъ.

Въ аристократіяхъ читатели немногочисленны и требовательны; въ демократіяхъ не такъ трудно имъ угодить и число ихъ очень велико. Изъ этого слѣдуетъ, что у аристократическихъ народовъ можно разсчитывать на успѣхъ лишь цѣною громадныхъ усилій, которыя могутъ дать много славы, но никогда не доставятъ большихъ денегъ, тогда какъ у народовъ демократическихъ писатель можетъ надѣяться дешево пріобрѣсти среднюю извѣстность и большое богатство. Для этого не нужно, чтобъ онъ возбуждалъ восхищеніе,—достаточно, чтобъ онъ нравился.

Постоянно увеличивающаяся толпа читателей, всегда требующихъ новаго, обезпечиваетъ сбытъ книги, достоинство которой вовсе ими не высоко цѣнится.

Въ демократическія времена публика часто относится къ авторамъ, какъ короли обыкновенно относятся къ своимъ царедворцамъ: она обогащаетъ и презираетъ ихъ. Чего еще нужно продажнымъ душамъ, раждающимся при дворѣ, или достойнымъ жить тамъ?

Демократическія литературы всегда бываютъ переполнены такими авторами; которые видятъ въ писательствѣ одну промышленность, и на нѣсколько встрѣчаемыхъ въ нихъ крупныхъ писателей торговцы идеями считаются цѣлыми тысячами.

ГЛАВА XV.

Почему изученіе греческой и латинской литературы особенно полезно въ демократическихъ обществахъ.

То, что называлось народомъ въ самыхъ демократическихъ республикахъ древности, было совсѣмъ не похоже на то, что мы теперь называемъ народомъ. Въ Аѳинахъ всѣ граждане принимали участіе въ общественныхъ дѣлахъ; но гражданъ было всего двадцать тысячъ на болѣе чѣмъ триста пятьдесятъ тысячъ жителей. Всѣ остальные были рабы, которые и занима-

лись большею частію видовъ дѣятельности, составляющихъ въ настоящее время принадлежность народа и даже среднихъ классовъ.

Значитъ Аѳины, со своей всеобщей подачей голосовъ, были все-таки лишь аристократическою республикой, въ которой всѣ благородные имѣли равное право на участіе въ управленіи.

Въ томъ же смыслѣ надо понимать и борьбу римскихъ патриціевъ и плебеевъ, въ которой слѣдуетъ видѣть внутренній споръ между старшими и младшими членами одной семьи. Дѣйствительно всѣ они принадлежали къ аристократіи и имѣли ея духъ.

Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что въ теченіе всей древности книги были рѣдки и дороги и для воспроизведенія и распространенія ихъ существовали большія затрудненія. Въ силу этихъ условій, вкусъ къ литературѣ и занятія ею сосредоточились въ небольшомъ кружкѣ людей, образовавшемъ какъ бы маленькую литературную аристократію изъ избранной части большой политической аристократіи. Поэтому ничто не указываетъ на то, чтобъ у грековъ и римлянъ къ литературѣ когда-нибудь относились какъ къ промышленности.

Такимъ образомъ эти народы, бывшіе не только аристократическими, но и очень благоустроенными и свободными, должны были дать своимъ литературнымъ произведеніямъ тѣ особые недостатки и спеціальныя качества, которыми характеризуется литература аристократическихъ временъ.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно взглянуть на произведенія, оставленныя намъ древностью, чтобъ увидѣть, что если тогдашніе авторы не отличались иногда разнообразіемъ и богатствомъ содержанія, смѣлостью, живостью и обширностью мысли, за то они выказывали всегда удивительное вниманіе и искусство въ подробностяхъ. Ничто въ ихъ произведеніяхъ не дѣлалось повидимому спѣшно и случайно; все въ нихъ написано для знатоковъ и въ нихъ постоянно замѣчается исканіе идеальной красоты. Нѣтъ другой литературы, въ которой бы больше выставлялись качества, естественно отсутствующія у демократическихъ писателей, какъ въ литературѣ классической древности; поэтому и нѣтъ другой литературы, которую полезнѣе было бы изучать въ демократическія времена. Это изученіе всего способнѣе противодѣйствовать литературнымъ недостаткамъ свойственнымъ этимъ временамъ; что же касается до ихъ естественныхъ хорошихъ качествъ, то они явятся сами собой, и для пріобрѣтенія ихъ нѣтъ надобности учиться.

Здѣсь намъ въ особенности нужно согласиться въ пониманіи.

Извѣстное изученіе можетъ быть полезно для литературы даннаго народа не будучи приспособлено къ его политическимъ и соціальнымъ потребностямъ.

Еслибъ въ обществѣ, гдѣ каждый обыкновенно принужденъ дѣлать большія усилія для увеличенія или сохраненія своего состоянія, упорно изучалась только изящная словесность, то получились бы граждане очень цивилизованные и очень опасные; потому что ихъ общественный и политическій строй постоянно возбуждалъ бы въ нихъ такія потребности, которыя воспитаніе не научило бы ихъ удовлетворять, вслѣдствіе чего они во имя грековъ и римлянъ производили бы безпорядки въ государствѣ, вмѣсто того, чтобы своимъ промышленнымъ трудомъ способствовать его развитію.

Очевидно, что въ демократическихъ обществахъ какъ интересы отдѣльныхъ лицъ, такъ и безопасность государства требуютъ, чтобы воспитаніе

большинства имѣло скорѣе научный, торговый и промышленный характеръ, чѣмъ литературный.

Греческій и латинскій языки не должны быть преподаваемы во всѣхъ училищахъ; но нужно, чтобы тѣ, кто по природнымъ склонностямъ и по состоянію предназначенъ къ занятію литературой, или способенъ къ наслажденію ею, имѣли возможность вполнѣ изучить классическую литературу и проникнуться ея духомъ. Для этой цѣли нѣсколько хорошихъ университетовъ были бы полезнѣе, чѣмъ множество плохихъ среднихъ училищъ, въ которыхъ излишніе предметы, дурно изучаемые, мѣшаютъ хорошему изученію необходимыхъ предметовъ.

Всѣ, кто въ средѣ демократической націи желаетъ занимать видное мѣсто въ литературѣ, должны часто пользоваться твореніями древности. Это—благотворная гигіена.

Это не значитъ, чтобъ я считалъ литературныя произведенія древности безупречными. Я только думаю, что въ нихъ есть особыя качества, могущія превосходно служить для уравновѣшенія нашихъ особенныхъ недостатковъ. Они насъ поддерживаютъ именно съ той стороны, куда мы падаемъ.

ГЛАВА XVI.

Какимъ образомъ американская демократія внесла измѣненія въ англійскій языкъ.

Если читатель хорошо понялъ то, что ранѣе было мною сказано по поводу литературы вообще, то ему не трудно будетъ себѣ представить, какого рода вліяніе демократическій общественный строй и учрежденія могутъ оказывать на самый языкъ, составляющій первое орудіе мысли.

Американскіе писатели живутъ, можно сказать, больше въ Англіи, чѣмъ въ собственной странѣ, такъ какъ они постоянно изучаютъ англійскихъ авторовъ и берутъ ихъ себѣ въ примѣръ. Но не таково положеніе самого населенія, на которое болѣе непосредственно вліяютъ особенныя причины, могущія проявлять свое дѣйствіе въ Соединенныхъ Штатахъ. Такимъ образомъ, если мы хотимъ видѣть, какія измѣненія могутъ произойти въ языкѣ аристократическаго народа, сдѣлавшемся языкомъ демократіи, то мы должны больше обращать вниманіе не на письменный языкъ, а на разговорный.

Образованные англичане, которые могли лучше чѣмъ я оцѣнить эти тонкіе оттѣнки, увѣряли меня, что просвѣщенные классы въ Соединенныхъ Штатахъ замѣтно отличались по своему языку отъ тѣхъ же классовъ Великобританіи.

Они жаловались не только на то, что американцы ввели въ употребленіе много новыхъ словъ, что достаточно объяснялось бы различіемъ и отдаленностью двухъ странъ, но также на то, что эти новыя слова были преимущественно взяты изъ жаргона партій, изъ дѣлового языка или изъ спеціальнаго языка механическихъ искусствъ. Они утверждали также, что старинныя англійскія слова часто употреблялись американцами въ другомъ значеніи; наконецъ, они говорили, что жители Соединенныхъ Штатовъ часто страннымъ образомъ перемѣшиваютъ разные виды стиля и ставятъ иногда рядомъ такія слова, которыя на языкѣ метрополіи обыкновенно не принято соединять вмѣстѣ.

Эти замѣчанія, дѣлавшіяся мнѣ нѣсколько разъ людьми, которые, какъ мнѣ казалось, заслуживали довѣрія, навели меня самаго на размышленія объ этомъ предметѣ, которыя, путемъ теоріи, привели меня къ тому же, къ чему эти люди пришли путемъ практики.

Въ аристократіяхъ на языкѣ должно естественно отражаться спокойное состояніе, въ которомъ въ нихъ все находится. Мало образуется новыхъ словъ, потому что мало дѣлается новыхъ дѣлъ, да еслибъ они и дѣлались, то ихъ постарались бы выразить словами уже извѣстными и значеніе которыхъ установлено традиціей.

Если же, наконецъ, въ нихъ случится, что человѣческій разумъ самъ собою придетъ въ движеніе, или его разбудитъ свѣтъ, проникшій извнѣ, то создаваемыя при этомъ новыя выраженія имѣютъ характеръ ученый, умственный и философскій, указывающій на то, что они возникли не въ демократіи. Когда паденіе Константинополя заставило науки и искусства отхлынуть къ Западу, то во французскій языкъ почти сразу вторглось множество новыхъ словъ, которыя всѣ имѣли свои корни въ греческомъ и латинскомъ языкѣ. Тогда во Франціи появился обычай употреблять новыя ученыя слова, но онъ установился только въ образованныхъ классахъ, и дѣйствіе его вовсе не чувствовалось въ народѣ, или проникало въ него только долго спустя.

Всѣ европейскія націи послѣдовательно представляли такое же зрѣлище. Одинъ Мильтонъ ввелъ въ англійскій языкъ больше шести сотъ словъ, которыя почти всѣ были взяты изъ латинскаго, греческаго и еврейскаго языковъ.

Напротивъ, постоянное движеніе, царствующее въ средѣ демократіи, ведетъ къ безпрестанному обновленію внѣшняго вида языка, такъ же, какъ формъ дѣятельности. Посреди этого общаго волненія и совокупнаго дѣйствія всѣхъ умственныхъ силъ, образуется множество новыхъ понятій, а старыя понятія то исчезаютъ, то появляются вновь, или же раздѣляются на безчисленное множество мелкихъ оттѣнковъ.

Поэтому въ демократіи часто встрѣчаются слова, которыя должны выйти изъ употребленія, и другія, которыя слѣдуетъ въ него ввести.

Кромѣ того, демократическія націи любятъ движеніе для него самого. Это проявляется въ языкѣ такъ же, какъ и въ политикѣ, такъ что онѣ иногда чувствуютъ стремленіе къ новымъ словамъ, даже когда въ нихъ и не нуждаются.

Духъ демократическихъ народовъ проявляется не только въ большомъ числѣ словъ, вводимыхъ ими въ употребленіе, но также и въ свойствахъ тѣхъ понятій, которыя выражаются этими словами.

У этихъ народовъ законы языка, какъ и всего остальнаго, устанавливаются большинствомъ. Духъ его проявляется въ этомъ дѣлѣ, какъ и всюду. Но большинство больше бываетъ занято дѣлами, чѣмъ ученіемъ, больше политическими и торговыми интересами, чѣмъ философскими умозрѣніями, или изящною словесностью. Большая часть созданныхъ, или допущенныхъ имъ словъ будетъ носить отпечатокъ такихъ его привычекъ; они будутъ служить преимущественно для выраженія потребностей промышленности, партійныхъ страстей, или частностей общественнаго управленія. Въ эту сторону языкъ будетъ постоянно распространяться, тогда какъ онъ, напротивъ, будетъ мало-помалу покидать области метафизики и богословія.

Что касается до источника, откуда демократическія націи почерпаютъ свои новыя слова, и до способа ихъ составленія, то ихъ легко указать.

Люди, живущіе въ демократическихъ странахъ, вовсе не знакомы съ языками, на которыхъ говорили въ Римѣ и Аѳинахъ, и не желаютъ восходить къ древности, чтобы найти тамъ недостающее имъ выраженіе. Если они иногда обращаются къ ученому словопроизводству, то дѣлаютъ это въ силу тщеславія, заставляющаго ихъ отыскивать корни словъ въ мертвыхъ языкахъ, а не въ силу учености, которая естественно наводила бы ихъ мысль на эти слова. Случается даже иногда, что ихъ больше всего употребляютъ именно люди наименѣе знающіе. Чисто-демократическое желаніе выйти изъ своей сферы заставляетъ ихъ часто облагораживать какое-нибудь грубое занятіе греческимъ или латинскимъ названіемъ. Чѣмъ ниже данное ремесло и чѣмъ оно дальше отъ науки, тѣмъ пышнѣе и ученѣе его названіе. Такимъ образомъ, наши канатные плясуны превратили себя въ акробатовъ и фунамбулъ.

За неимѣніемъ нужныхъ словъ въ мертвыхъ языкахъ, демократическіе народы охотно заимствуютъ слова и изъ живыхъ языковъ, такъ какъ они находятся въ постоянномъ сообщеніи другъ съ другомъ, и люди изъ разныхъ странъ охотно подражаютъ одни другимъ, потому что каждый день становятся все болѣе похожими другъ на друга.

Но, главнымъ образомъ, демократическіе народы въ собственномъ же языкѣ ищутъ средствъ для его обновленія. Отъ времени до времени они берутъ изъ своего словаря забытыя выраженія, которыя они снова выводятъ на свѣтъ; или же они берутъ у отдѣльнаго класса гражданъ свойственное ему выраженіе и, придавши ему фигуральный смыслъ, вводятъ его къ обыденную рѣчь. Множество выраженій, принадлежавшихъ сначала исключительно языку извѣстной партіи, или профессіи, вносятся, такимъ образомъ, въ общее обращеніе.

Самый обыкновенный способъ, употребляемый демократическими народами для нововведеній въ языкѣ, состоитъ въ томъ, чтобъ употребительному уже выраженію придавать необычный смыслъ. Этотъ методъ очень простъ, скоръ и удобенъ. Чтобъ имъ успѣшно пользоваться, не нужно науки и даже отсутствіе знаній облегчаетъ его употребленіе. Но онъ представляетъ большія опасности для языка. Давая, такимъ образомъ, двойной смыслъ слову, демократическіе народы дѣлаютъ иногда сомнительнымъ и то значеніе, которое у него сохраняется, и то, которое они даютъ ему вновь.

Одинъ авторъ начинаетъ съ того, что немного отклоняетъ какое-нибудь общеизвѣстное выраженіе отъ его первоначальнаго значенія и примѣняетъ его, сколько умѣетъ, къ своему предмету. Является другой, который направляетъ значеніе слова въ другую сторону; затѣмъ третій увлекаетъ его съ собою на новый путь; и такъ какъ нѣтъ общаго для всѣхъ третейскаго судьи, или постояннаго суда, который бы могъ окончательно установить смыслъ слова, то онъ и остается въ переходномъ состояніи. Отъ этого происходитъ, что писатели, повидимому, никогда не останавливаются на одной мысли, но какъ будто всегда цѣлятъ въ группу идей, предоставляя читателю заботу судить о томъ, въ какую идею они попали.

Это есть одно изъ вредныхъ послѣдствій демократіи. Я бы предпочелъ, чтобы языкъ нашъ былъ испещренъ китайскими, татарскими или чухонскими словами, чѣмъ чтобы смыслъ французскихъ словъ сдѣлался неопредѣленнымъ. Гармоничность и однородность суть лишь второстепенныя красоты языка. Въ этихъ вещахъ много условнаго и, строго говоря, безъ нихъ можно бы обойтись. Но не можетъ быть хорошаго языка безъ ясной терминологіи.

Равенство необходимо вноситъ въ языкъ и многія другія измѣненія.

Въ аристократическіе вѣка, когда каждая нація стремится къ тому, чтобы держаться въ сторонѣ ото всѣхъ другихъ и любитъ имѣть свою собственную физіономію, часто бываетъ, что многіе народы, имѣющіе общее происхожденіе, становятся, однако, очень чуждыми другъ другу, такъ что, не теряя возможности понимать другъ друга, они уже не всѣ говорятъ одинаково.

Въ эти же вѣка каждая нація раздѣляется на извѣстное число классовъ, которые рѣдко видятся другъ съ другомъ и не смѣшиваются между собою; каждый изъ этихъ классовъ пріобрѣтаетъ и неизмѣнно сохраняетъ умственныя привычки, свойственныя ему одному, и предпочтительно употребляетъ извѣстныя слова и термины, которые потомъ переходятъ по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію. Тогда въ одномъ и томъ же языкѣ являются различныя нарѣчія: для бѣдныхъ и для богатыхъ, для простонародья и для благороднаго класса, ученое и обыкновенное. Чѣмъ общественныя дѣленія глубже и преграды между ними непереходимѣе, тѣмъ явленіе это будетъ сильнѣе выражено. Я готовъ держать пари, что языкъ разныхъ индійскихъ кастъ представляетъ громадныя различія и что между языкомъ парія и брамина существуетъ почти такая же разница, какъ и между ихъ одеждой.

Когда, наоборотъ, люди, не будучи удерживаемы на своихъ мѣстахъ, безпрестанно видятся и сообщаются другъ съ другомъ, когда касты уничтожены, а классы то образуются вновь, то сливаются, тогда всѣ слова въ языкѣ перемѣшиваются. Тѣ, которыя не отвѣчаютъ потребностямъ большинства, погибаютъ; прочія образуютъ изъ себя общую массу, изъ которой каждый беретъ болѣе или менѣе случайно. Почти всѣ различные діалекты, на которые раздѣлялись европейскіе языки, явно стремятся къ своему уничтоженію; въ Новомъ Свѣтѣ нѣтъ мѣстныхъ нарѣчій и они ежедневно исчезаютъ и въ Старомъ.

Сказанный переворотъ въ общественномъ строѣ отражается на слогѣ такъ же, какъ и на языкѣ.

Не только всѣ употребляютъ одни и тѣ же слова, но и привыкаютъ употреблять безразлично то или другое слово. Правила, созданныя слогомъ, почти уничтожаются. Не оказывается вовсе такихъ выраженій, изъ которыхъ одни по природѣ своей казались бы вульгарными, а другія — изящными. Люди, вышедшіе изъ разныхъ слоевъ общества, приносятъ съ собой всюду, куда они достигаютъ, обычныя для нихъ выраженія и термины; поэтому происхожденіе словъ забывается такъ же, какъ и происхожденіе людей, и въ языкѣ является такое же безпорядочное смѣшеніе, какъ и въ обществѣ.

Я знаю, что относительно классификаціи словъ существуютъ правила, не зависящія отъ той или другой формы общества, но обусловленныя самой природою вещей. Есть выраженія и обороты, которые вульгарны, потому что и чувства, которыя они должны выражать, въ самомъ дѣлѣ низменны, и есть другіе, которые возвышенны, потому что и выражаемые ими предметы стоятъ очень высоко.

Смѣшеніе общественныхъ слоевъ никогда не уничтожитъ такихъ различій. Но равенство не можетъ не уничтожить того, что въ формахъ мысли есть чисто-условнаго и произвольнаго. Я даже сомнѣваюсь, не будетъ ли и вышесказанная необходимая классификація всегда меньше уважаться въ демократическомъ народѣ, чѣмъ въ другомъ, потому что въ средѣ такого

народа не найдется людей, которые, будучи по своему воспитанію, образованію и свободному времени расположены къ постоянному изученію естественныхъ законовъ языка, соблюдали бы ихъ сами и своимъ примѣромъ заставляли бы ихъ уважать.

Я не могу покончить съ этимъ предметомъ, не указавши на одну черту демократическихъ языковъ, которая охарактеризуетъ ихъ можетъ-быть болѣе всего прочаго.

Ранѣе я указывалъ, что демократическіе народы имѣютъ склонность и часто страсть къ общимъ идеямъ. Это обусловливается ихъ особенными хорошими и худыми качествами. Эта любовь къ общимъ идеямъ проявляется въ демократическихъ языкахъ постояннымъ употребленіемъ родовыхъ терминовъ и отвлеченныхъ словъ и способомъ ихъ употребленія. Это есть и большое достоинство и большая слабость, свойственныя этимъ языкамъ.

Демократическіе народы потому страстно любятъ родовые термины и абстрактныя выраженія, что они расширяютъ границы мысли, позволяя въ небольшомъ объемѣ помѣстить много предметовъ, и тѣмъ облегчаютъ умственный трудъ.

Демократическій писатель легко употребитъ въ отвлеченномъ смыслѣ слово: *способности* вмѣсто: способные люди,—не входя въ подробности относительно предметовъ, къ которымъ прилагаются эти способности. Онъ будетъ говорить о *дѣйствительности*, чтобы выразить все, что въ настоящую минуту происходитъ у него передъ глазами, а подъ словомъ *возможность* онъ будетъ понимать все, что можетъ произойти на свѣтѣ, начиная съ момента, когда онъ говоритъ.

Демократическіе писатели безпрестанно создаютъ такого рода отвлеченныя слова, или придаютъ отвлеченнымъ словамъ, существующимъ въ языкѣ, значеніе все болѣе и болѣе отвлеченное.

Болѣе того: для большей быстроты рѣчи они олицетворяютъ предметъ, выражаемый этими абстрактными словами, и приписываютъ ему дѣйствіе реальной личности. Такъ они могутъ сказать, что *сила вещей требуетъ, чтобъ управляли способности*.

Я не прочь объяснить мою мысль на собственномъ примѣрѣ:

Я часто употреблялъ слово равенство въ абсолютномъ значеніи; сверхъ того, во многихъ мѣстахъ я олицетворялъ равенство, такъ что мнѣ случалось сказать: равенство то-то дѣлаетъ, или отъ того-то удерживается. Можно сказать утвердительно, что люди, жившіе въ вѣкъ Людовика XIV, не говорили бы такимъ образомъ; никому изъ нихъ не пришло бы въ голову употребить слово равенство, не прилагая его къ какой-нибудь отдѣльной вещи, и они скорѣе отказались бы отъ него, чѣмъ сдѣлали бы изъ равенства живую личность.

Эти отвлеченныя слова, которыми наполнены демократическіе языки и которыя употребляются при всякомъ случаѣ, не прилагаясь ни къ какому частному факту, и расширяютъ и скрываютъ мысль. Они даютъ выраженію большую быстроту, а мысль дѣлаютъ менѣе ясною. Но демократическіе народы предпочитаютъ въ языкѣ темноту лишнему труду.

Я, впрочемъ, не знаю, не имѣетъ ли неясность нѣкоторой тайной привлекательности для говорящихъ и пишущихъ въ средѣ этихъ народовъ.

Такъ какъ живущіе въ ней люди часто бываютъ предоставлены однимъ собственнымъ умственнымъ силамъ, то они почти всегда мучатся сомнѣніемъ; а такъ какъ, кромѣ того, положеніе ихъ безпрестанно мѣняется,

то даже и постоянство ихъ имущественнаго состоянія не заставляетъ ихъ твердо держаться ни за одно изъ ихъ убѣжденій.

Люди, живущіе въ демократическихъ странахъ, часто имѣютъ поэтому колеблющіяся мысли; имъ нужны очень широкія выраженія, чтобъ ихъ обнять. Такъ какъ они никогда не знаютъ, будетъ ли выражаемая ими сегодня мысль пригодна для новаго положенія, въ которомъ они окажутся завтра, то они естественно и получаютъ вкусъ къ отвлеченнымъ терминамъ. Абстрактное слово есть какъ бы ящикъ съ двойнымъ дномъ; въ него вкладываютъ понятія, какія вздумается, и снова вынимаютъ ихъ изъ него, такъ что никто этого не видитъ.

У всѣхъ народовъ родовые и отвлеченные термины составляютъ основаніе языка; поэтому я не утверждаю, что эти слова встрѣчаются только въ демократическихъ языкахъ; я говорю лишь то, что во времена равенства люди особенно склонны бываютъ увеличивать число словъ такого рода, брать ихъ всегда отдѣльно, въ самомъ отвлеченномъ значеніи и употреблять при всякомъ случаѣ даже и тогда, когда это вовсе не требуется содержаніемъ рѣчи.

ГЛАВА XVII.

О нѣкоторыхъ источникахъ поэзіи у демократическихъ народовъ.

Слову поэзія давали многія, очень разнообразныя значенія. Было бы утомительно для читателей, еслибъ я вмѣстѣ съ ними сталъ изслѣдовать, какое изъ этихъ значеній должно быть предпочитаемо; поэтому я лучше сразу скажу имъ, какое значеніе избрано мною.

На мой взглядъ, поэзія есть исканіе и изображеніе идеала.

Тотъ кто, устраняя часть отъ существующаго, дополняя картину нѣкоторыми воображаемыми чертами, комбинируя извѣстныя обстоятельства, существующія въ дѣйствительности, но не встрѣчаемыя вмѣстѣ, воспроизводитъ и увеличиваетъ природу, тотъ будетъ поэтомъ. Такимъ образомъ, цѣль поэзіи будетъ состоять не въ изображеніи дѣйствительности, но въ украшеніи ея, такъ чтобъ умъ получалъ представленіе образа высшаго, чѣмъ дѣйствительность.

Стихи я буду считать за идеально-прекрасную рѣчь, и въ этомъ смыслѣ они будутъ особенно поэтичны; но сами по себѣ они еще не будутъ составлять поэзіи.

Я хочу изслѣдовать, не встрѣчается ли между дѣйствіями, чувствами и мыслями демократическихъ народовъ такихъ, которыя способны быть воображаемыми въ идеальномъ видѣ и которыя поэтому должны считаться естественными источниками поэзіи.

Прежде всего надо признать, что склонность къ идеалу и удовольствіе, доставляемое его изображеніемъ, никогда не бываютъ такъ живы и такъ сильно распространены между демократическимъ народомъ, какъ въ средѣ аристократіи.

У аристократическихъ народовъ бываетъ иногда, что тѣло дѣйствуетъ какъ бы само собою, тогда какъ душа погружена въ тяжелый для нея покой. Въ этихъ націяхъ самъ народъ часто проявляетъ поэтическія склонности и духъ его иногда уносится внѣ и выше того, что его окружаетъ.

Въ демократіяхъ же, жажда матеріальныхъ наслажденій, идея лучшаго,

конкурренція, ближайшее очарованіе успѣха, все это суть какъ бы стимулы, заставляющіе человѣка итти ускореннымъ шагомъ по избранному имъ пути, и препятствующіе ему уклониться отъ него хотя бы на одну минуту. Главныя душевныя его силы направляются въ эту сторону. Воображеніе его не угасаетъ, но оно почти исключительно направлено къ представленію полезнаго и къ изображенію дѣйствительности.

Равенство не только отклоняетъ людей отъ изображенія идеала; оно уменьшаетъ число предметовъ, подлежащихъ изображенію.

Аристократія, удерживая общество въ неподвижности, способствуетъ твердости и прочности положительныхъ религій, также какъ и устойчивости политическихъ учрежденій.

Она не только удерживаетъ человѣческій умъ въ предѣлахъ вѣры, но и располагаетъ его къ принятію предпочтительно такой, а не иной вѣры. Аристократическій народъ всегда будетъ склоненъ къ помѣщенію промежуточныхъ посредниковъ между Богомъ и человѣкомъ.

Можно сказать, что въ этомъ отношеніи аристократія очень благопріятствуетъ поэзіи. Когда міръ населенъ сверхъестественными существами, недоступными чувствамъ, но познаваемыми умомъ, тогда воображеніе чувствуетъ себя свободнымъ, и поэты, находя тысячи разнообразныхъ сюжетовъ для изображенія, находятъ также и безчисленныхъ зрителей, готовыхъ съ интересомъ смотрѣть на ихъ картины.

Въ демократическія времена, напротивъ, иногда случается, что вѣрованія разлетаются также, какъ и законы. Сомнѣніе низводитъ тогда поэтовъ на землю и заключаетъ ихъ въ предѣлахъ видимаго и дѣйствительнаго.

Если равенство даже и не колеблетъ религій, то оно ихъ упрощаетъ; оно отвлекаетъ вниманіе отъ второстепенныхъ дѣятелей и преимущественно сосредоточиваетъ его на верховномъ Владыкѣ.

Аристократія естественно направляетъ человѣческій умъ на созерцаніе прошлаго и прикрѣпляетъ его къ нему. Демократія, напротивъ, даетъ людямъ нѣкотораго рода инстинктивное отвращеніе отъ всего стариннаго. Въ этомъ отношеніи аристократія гораздо болѣе благопріятна для поэзіи, потому что предметы обыкновенно кажутся увеличенными и менѣе ясными при удаленіи ихъ, а эти оба условія дѣлаютъ ихъ болѣе способными къ идеальному изображенію.

Отнявши у поэзіи прошлое, равенство отчасти отнимаетъ у нея и настоящее.

Въ аристократическихъ націяхъ существуетъ извѣстное число привилегированныхъ личностей, жизнь которыхъ находится, такъ сказать, внѣ и выше человѣческихъ условій; власть, богатство, слава, умъ, тонкое чувство и отличіе во всемъ составляютъ повидимому ихъ неотъемлемую принадлежность. Толпа никогда не видитъ ихъ очень близко, или не слѣдитъ за ними въ подробностяхъ; поэтому немного нужно, чтобы сдѣлать поэтичнымъ изображеніе такихъ людей.

Съ другой стороны, въ этихъ же самыхъ націяхъ существуютъ классы невѣжественные, смиренные и покорные; послѣдніе склонны къ поэзіи вслѣдствіе самой ихъ грубости и бѣдности, также какъ первые вслѣдствіе ихъ утонченности и величія. Сверхъ того, такъ какъ различные классы, составляющіе аристократическій народъ, очень удалены одни отъ другихъ и мало знаютъ другъ друга, то воображеніе всегда можетъ, изображая ихъ, отнять что-нибудь у дѣйствительности, или прибавить къ ней.

Въ демократическомъ обществѣ, гдѣ всѣ люди очень малы и очень

сходны между собой, каждый, глядя на самого себя, тотчасъ же видитъ всѣхъ другихъ. Поэтому, живущіе въ демократическое время поэты не могутъ никогда брать сюжетомъ своихъ картинъ отдѣльнаго человѣка, такъ какъ предметъ небольшой величины, и ясно видимый со всѣхъ сторонъ никогда не способенъ быть идеализированъ.

Такимъ образомъ равенство, устанавливаясь на землѣ, заставляетъ изсякнуть большую часть старинныхъ источниковъ поэзіи.

Попробуемъ показать, какъ оно отыскиваетъ новые.

Когда подъ вліяніемъ сомнѣнія небо опустѣло, а прогрессъ равенства довелъ каждаго человѣка до размѣровъ меньшихъ и лучше извѣстныхъ, тогда поэты, не представляя себѣ еще ничего, что-бы они могли поставить на мѣсто этихъ великихъ предметовъ, исчезавшихъ вмѣстѣ съ аристократіей, обратили взоры на неодушевленную природу. Потерявши изъ виду героевъ и боговъ, они сначала занялись изображеніемъ рѣкъ и горъ.

Это породило въ XVIII вѣкѣ поэзію, которая была по преимуществу названа описательною.

Нѣкоторые думали, что это украшенное изображеніе матеріальныхъ и неодушевленныхъ предметовъ, наполняющихъ землю, и есть та поэзія, которая свойственна демократическимъ вѣкамъ; но я полагаю, что это ошибка, я думаю, что оно представляетъ собою только переходную эпоху.

Я убѣжденъ, что съ теченіемъ времени демократія отклонитъ воображеніе ото всего внѣшняго по отношенію къ человѣку, направивши его исключительно на самого человѣка.

Конечно, демократическіе народы могутъ временно забавляться созерцаніемъ природы; но они дѣйствительно одушевляются только обращая свой взглядъ на самихъ себя. Только въ этомъ направленіи существуютъ у этихъ народовъ естественные источники поэзіи и позволительно думать, что всѣ поэты, которые не захотятъ черпать изъ этихъ источниковъ, потеряютъ всякую власть надъ тѣми, кого они разсчитываютъ плѣнять, и будутъ имѣть лишь холодныхъ свидѣтелей своихъ восторговъ.

Я показалъ, какъ идея прогресса и безграничнаго совершенствованія человѣческаго рода свойственна демократическимъ временамъ.

Демократическіе народы вовсе не заботятся о томъ, что было, но они охотно мечтаютъ о томъ, что будетъ, и съ этой стороны ихъ воображеніе не имѣетъ границъ, безмѣрно расширяясь и увеличиваясь.

Этимъ дается обширное поприще поэтамъ, позволяющее имъ далеко отодвигать свои картины отъ глазъ зрителя. Закрывая для поэзіи прошедшее, демократія открываетъ для нея будущее.

Такъ какъ всѣ граждане, составляющіе демократическое общество, приблизительно равны и одинаковы, то поэзія не можетъ взять своимъ предметомъ ни одного изъ нихъ; но самъ народъ является предметомъ достойнымъ ея кисти. Одинаковость индивидуальныхъ личностей, дѣлающая ихъ неспособными каждую въ отдѣльности быть предметомъ поэзіи, даетъ возможность поэтамъ соединять ихъ всѣ въ одномъ образѣ и представлять себѣ уже цѣлый народъ. Демократическія націи яснѣе всѣхъ другихъ видятъ свой собственный великій образъ, который необыкновенно хорошо поддается идеальному изображенію.

Я охотно соглашусь, что у американцевъ нѣтъ поэтовъ; но я не могу признать, чтобъ у нихъ также не было и поэтическихъ идей.

Въ Европѣ очень интересуются американскими пустынями; но сами американцы на нихъ вовсе не обращаютъ вниманія. Они остаются нечув-

ствительными къ чудесамъ неодушевленной природы и видятъ окружающіе ихъ удивительные лѣса, можно сказать, лишь тогда, когда они падаютъ подъ ихъ ударами. Взоръ ихъ обращенъ на другое зрѣлище. Американскій народъ видитъ самого себя, какъ онъ идетъ среди этихъ пустынь, осушая болота, исправляя теченіе рѣкъ, населяя пустыя пространства и подчиняя себѣ природу. Этотъ величавый образъ ихъ самихъ не изрѣдка только представляется воображенію американцевъ,—можно сказать, что онъ сопутствуетъ каждому изъ нихъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ, какъ самыхъ мелкихъ, такъ и самыхъ важныхъ, и что онъ постоянно предстоитъ передъ его умомъ.

Нельзя себѣ представить ничего столь мелкаго, тусклаго, наполненнаго такими ничтожными интересами,—однимъ словомъ, столь антипоэтичнаго, какъ жизнь человѣка въ Соединенныхъ Штатахъ. Но въ числѣ мыслей, управляющихъ этою жизнью, всегда находится какая-нибудь одна, которая полна поэзіи, и она-то и составляетъ какъ бы скрытый нервъ, дающій силу всему остальному.

Въ аристократическіе вѣка каждый народъ, какъ и каждый человѣкъ, бываетъ склоненъ оставаться неподвижнымъ и отдѣльнымъ отъ всѣхъ другихъ.

Въ демократическіе вѣка чрезвычайная подвижность людей и ихъ нетерпѣливыя стремленія служатъ причиною того, что они постоянно мѣняютъ мѣсто, и что жители разныхъ странъ смѣшиваются, видятъ и слышатъ другъ друга и взаимно берутъ примѣры одни съ другихъ. Такимъ образомъ не только члены одного народа становятся подобными, но и самые народы взаимно проникаются и всѣ вмѣстѣ образуютъ для взоровъ наблюдателя одну лишь обширную демократію, каждый членъ которой есть народъ. Это обстоятельство въ первый разъ выставляетъ на свѣтъ образъ всего человѣчества.

Все, что касается до существованія человѣческаго рода, взятаго въ цѣлости, до измѣненій въ его судьбѣ и до его будущности, составляетъ богатѣйшій источникъ для поэзіи.

Поэты, жившіе въ аристократическіе вѣка, создали картины достойныя удивленія, взявши сюжетомъ различныя произшествія изъ жизни одного народа, или одного человѣка; но никто изъ нихъ никогда не осмѣлился соединить въ своей картинѣ судьбы всего человѣческаго рода, тогда какъ поэты, пишущіе во времена демократіи, могутъ взяться за эту задачу.

По мѣрѣ того, какъ каждый человѣкъ, подымая взглядъ выше своей страны, начинаетъ, наконецъ, видѣть самое человѣчество, Богъ все болѣе открывается человѣческому уму въ своемъ полномъ и совершенномъ величествѣ.

Если въ демократическія времена вѣра въ положительныя религіи колеблется и вѣрованія въ посредствующія силы, какъ бы ихъ ни называли, теряются, то, съ другой стороны, люди становятся склонны къ созданію гораздо болѣе обширнаго представленія о самомъ Божествѣ, участіе котораго въ человѣческихъ дѣлахъ представляется имъ въ новомъ и большемъ свѣтѣ.

Смотря на человѣчество, какъ на одно цѣлое, они легко понимаютъ, что одинъ Промыслъ управляетъ его судьбами, и въ дѣйствіяхъ каждаго отдѣльнаго лица они склонны видѣть слѣды того общаго и постояннаго плана, по которому Богъ направляетъ весь родъ человѣческій.

На это можно также смотрѣть какъ на очень изобильный источникъ поэзіи, являющійся въ эти вѣка.

Демократическіе поэты всегда покажутся мелкими и холодными, если они будутъ пытаться облекать боговъ, демоновъ, или ангеловъ въ тѣлесныя формы и заставлять ихъ сходить съ неба, чтобы бороться за обладаніе землей.

Но ежели они хотятъ связать излагаемыя ими великія событія съ общими предначертаніями Божіими относительно вселенной и, не указывая прямо на десницу верховнаго Правителя, дать проникнуть въ его мысль, тогда ихъ поймутъ и имъ будутъ удивляться, такъ какъ воображеніе ихъ современниковъ и само направляется по этому пути.

Можно также предвидѣть, что поэты, живущіе въ демократическія времена, будутъ скорѣе описывать страсти и мысли, чѣмъ лица и дѣйствія.

Рѣчь, одежда и ежедневная дѣятельность людей въ демократіяхъ не поддаются идеализированію ихъ воображеніемъ. Эти вещи и сами по себѣ не поэтичны и сверхъ того потеряли бы свою поэзію уже по той причинѣ, что онѣ слишкомъ хорошо извѣстны всѣмъ тѣмъ, кому объ нихъ стали бы говорить. Это заставляетъ поэтовъ постоянно проникать сквозь наружную поверхность, доступную ихъ чувствамъ, чтобъ увидѣть самую душу. Между тѣмъ нѣтъ ничего, что было бы болѣе достойно идеальнаго изображенія, чѣмъ человѣкъ, разсматриваемый такимъ образомъ въ глубинѣ его нематеріальной природы.

Мнѣ нѣтъ надобности искать на небѣ и на землѣ, чтобы найти удивительный предметъ, полный противоположностей безконечнаго величія и безконечной мелочности, глубокой темноты и необыкновеннаго свѣта, способный одновременно возбудить жалость, удивленіе, презрѣніе, ужасъ. Мнѣ достаточно взглянуть на самого себя: человѣкъ появляется изъ ничего, проходитъ во времени и навсегда исчезаетъ въ блонѣ Бога. Онъ видѣнъ лишь тогда, когда блуждаетъ на границѣ двухъ безднъ, въ которыхъ онъ теряется.

Еслибъ человѣкъ совершенно не зналъ себя, то онъ не могъ бы быть поэтичнымъ, потому что нельзя изображать то, о чемъ не имѣешь понятія. Еслибъ онъ ясно видѣлъ себя, то воображеніе его оставалось бы праздным, не имѣя ничего прибавить къ существующему образу. Но человѣкъ достаточно открытъ для того, чтобъ онъ могъ видѣть нѣкоторую часть себя самого, и достаточно закрытъ, чтобы все остальное уходило въ непроницаемую темноту, въ глубь которой онъ постоянно, и всегда напрасно, погружается для того, чтобы вполнѣ себя понять.

Не слѣдуетъ поэтому ожидать, что у демократическихъ народовъ поэзія будетъ жить легендами, питаться традиціями и старинными воспоминаніями, будетъ стараться снова наполнить міръ сверхъестественными существами, въ которыхъ ни читатели, ни сами поэты уже не вѣрятъ болѣе, или холодно олицетворятъ добродѣтели и пороки, которые читатели желали бы видѣть въ собственной ихъ формѣ. Всѣхъ этихъ средствъ у нея уже нѣтъ, но ей остается человѣкъ и этого для нея довольно. Судьбы человѣчества, человѣкъ, взятый внѣ своего времени и своей страны, и поставленный лицомъ къ лицу съ природой и Богомъ, человѣкъ, съ его страстями, сомнѣніями, неслыханнымъ благополучіемъ и непонятными бѣдствіями, вотъ что сдѣлается для этихъ народовъ главнымъ и почти единственнымъ предметомъ поэзіи; въ этомъ можно убѣдиться уже теперь, обративши вниманіе на то, что было написано величайшими поэтами, явившимися съ тѣхъ поръ, какъ міръ окончательно направился въ сторону демократіи.

Писатели, такъ удивительно изобразившіе въ наше время черты Чайльдъ-

Гарольда, Ренэ и Жоселена, не имѣли въ виду разсказать о дѣятельности одного человѣка; они хотѣли освѣтить и распространить нѣкоторыя еще темныя стороны человѣческаго сердца.

Это суть поэмы, принадлежащія демократіи.

Слѣдовательно, равенство не уничтожаетъ всѣхъ предметовъ, входящихъ въ область поэзіи; оно дѣлаетъ ихъ менѣе многочисленными, но болѣе обширными.

ГЛАВА XVIII.

Отчего американскіе писатели и ораторы часто бываютъ напыщенными.

Я часто замѣчалъ, что американцы, которые, говоря о дѣлахъ, выражаются ясно и сухо, безъ всякихъ украшеній слога, чрезвычайная простота котораго часто доходитъ до вульгарности, легко впадаютъ въ напыщенность, желая говорить поэтическимъ слогомъ. Они тогда оказываются высокопарными безъ перерыва съ начала до конца своей рѣчи и, слушая, какъ они по всякому поводу сыплятъ картинами, можно подумать, что они никогда ничего не говорили просто.

Англичане рѣже впадаютъ въ подобный недостатокъ.

Причину этого можно указать безъ особаго труда.

Въ демократическихъ обществахъ каждый гражданинъ обыкновенно занятъ наблюденіемъ надъ очень мелкимъ предметомъ,—самимъ собой. Если онъ обратитъ свои взгляды выше, то увидитъ лишь громадный образъ всего общества, или еще большій—всего человѣчества. Онъ имѣетъ только понятія или очень частныя и ясныя или очень общія и неопредѣленныя. Въ серединѣ между ними пустота.

Поэтому, когда его выводятъ изъ самонаблюденія, то онъ всегда ждетъ, что ему покажутъ какой-нибудь необыкновенный предметъ и только въ такомъ случаѣ соглашается на минуту оторваться отъ мелкихъ и сложныхъ заботъ, волнующихъ и услаждающихъ его жизнь.

Этимъ, мнѣ кажется, довольно хорошо объясняется, почему живущіе въ демократіяхъ люди, занятія которыхъ обыкновенно бываютъ такъ мелочны, требуютъ отъ своихъ поэтовъ такихъ обширныхъ мыслей и такихъ чрезмѣрныхъ образовъ.

Со своей стороны писатели всегда повинуются этимъ стремленіямъ, которыя раздѣляются и ими самими; они безпрестанно раздуваютъ свое воображеніе и, расширяя его сверхъ мѣры, достигаютъ громадности, изъ-за которой часто забываютъ объ истинномъ величіи.

Такимъ способомъ они надѣются тотчасъ привлечь вниманіе толпы и легко удержать его около себя, въ чемъ часто и успѣваютъ, потому что толпа, которая въ поэзіи ищетъ только очень обширныхъ предметовъ, не имѣетъ ни времени для точнаго опредѣленія относительныхъ размѣровъ предлагаемыхъ ей вещей; ни достаточно вѣрнаго вкуса, чтобы легко замѣтить въ чемъ они непропорціональны. Писатель и публика одновременно портятъ другъ друга.

Сверхъ того мы видѣли, что у демократическихъ народовъ источники поэзіи отличаются красотой, но не обиліемъ; они скоро истощаются. Не находя данныхъ для созданія идеала въ реальной дѣйствительности, поэты совершенно выходятъ изъ нея и создаютъ чудовищное.

Я не боюсь того, что поэзія демократическихъ народовъ окажется слишкомъ несмѣлою, или что она будетъ держаться слишкомъ близко къ землѣ. Я опасаюсь скорѣе того, чтобы она не стала ежеминутно теряться въ облакахъ и не начала наконецъ рисовать страны, существующія только въ воображеніи. Я боюсь, чтобы творенія демократическихъ поэтовъ не представили часто громадныхъ и нестройныхъ образовъ, картинъ, загроможденныхъ деталями, уродливыхъ сочетаній, и чтобы созданныя ими фантастическія существа не заставили насъ иногда пожалѣть о дѣйствительности.

ГЛАВА XIX.

Нѣкоторыя замѣчанія о театрѣ у демократическихъ народовъ.

Когда дѣйствіе революціи, измѣнившей общественный и политическій строй аристократическаго народа, начинаетъ оказываться въ литературѣ, то оно обыкновенно прежде всего проявляется въ театрѣ и остается тамъ всегда замѣтнымъ.

Зритель, который смотритъ на драматическое произведеніе, внезапно такъ сказать, охватывается получаемымъ имъ впечатлѣніемъ. Онъ не имѣетъ времени обратиться ни къ своей памяти, ни къ совѣту знающихъ людей; онъ не пытается бороться съ новыми литературными стремленіями, которыя въ немъ проявляются; онъ поддается имъ раньше, чѣмъ ознакомится съ ними.

Писатели скоро узнаютъ въ какую сторону незамѣтно склоняется такимъ образомъ вкусъ публики и направляютъ туда же и свою творческую дѣятельность, такъ что театральныя пьесы, указавшія на подготовляющійся литературный переворотъ, способствуютъ и окончательному его завершенію. Если вы хотите заранѣе судить о литературѣ народа, переходящаго въ демократію, то изучайте его театръ.

Впрочемъ даже и у аристократическихъ народовъ театральныя пьесы образуютъ самый демократическій отдѣлъ литературы. Нѣтъ литературнаго наслажденія болѣе доступнаго для толпы, какъ то, которое человѣкъ испытываетъ, глядя на сцену. Чтобы чувствовать его не нужно ни подготовки, ни изученія. Оно охватываетъ васъ среди вашихъ житейскихъ заботъ и вашего невѣдѣнія. Когда мало развитое еще стремленіе къ умственнымъ удовольствіямъ начинаетъ проникать въ какой нибудь классъ гражданъ, то оно тотчасъ направляетъ его въ театръ. Театры аристократическихъ народовъ всегда бывали наполнены зрителями не принадлежащими къ аристократіи. Только въ театрѣ высшіе классы смѣшивались со средними и низшими и только тамъ они соглашались, если не принимать, то по крайней мѣрѣ терпѣливо выслушивать ихъ мнѣнія. Именно въ театрѣ ученымъ и литературно-образованнымъ людямъ всего труднѣе было доставить преобладаніе своимъ вкусамъ надъ народными и самимъ удержаться отъ увлеченія послѣдними. Партеръ въ немъ часто предписывалъ законы ложамъ.

Если аристократіи трудно оградить театръ отъ вторженія въ него народа, то легко понять, что народъ долженъ быть въ немъ полнымъ хозяиномъ тогда, когда, при введеніи демократическихъ принциповъ въ законы и нравы, общественные слои смѣшиваются, умственныя качества, подобно

состояніямъ, уравниваются и высшій классъ, вмѣстѣ съ наслѣдственнымъ богатствомъ, теряетъ свою силу, свои традиціи и свои досуги.

Слѣдовательно, естественные литературные вкусы и склонности демократическихъ народовъ прежде всего должны проявиться въ театрѣ и можно предвидѣть, что они войдутъ въ него силою. Въ книгахъ литературные законы аристократіи будутъ измѣняться мало-помалу, постепенно и такъ сказать на законномъ основаніи. Въ театрѣ они будутъ уничтожены насильственно, посредствомъ бунта.

Въ театрѣ выступаютъ на видъ большая часть хорошихъ качествъ и почти всѣ недостатки, свойственные демократической литературѣ.

Демократическіе народы чувствуютъ лишь очень небольшое уваженіе къ учености и вовсе не интересуются тѣмъ, что происходило въ Римѣ и Аѳинахъ; они хотятъ, чтобы имъ говорили о нихъ самихъ и требуютъ изображенія настоящаго времени.

Поэтому, если на сценѣ часто воспроизводятся герои и нравы древности, причемъ прилагается стараніе о сохраненіи большой вѣрности древнимъ традиціямъ, то этого достаточно для того, чтобы заключить, что демократическіе классы еще не господствуютъ въ театрѣ.

Въ предисловіи къ *Британнику* Расинъ униженно извиняется въ томъ, что у него Юнія поступаетъ въ число весталокъ, тогда какъ, говоритъ онъ, по показанію Авла-Гелла „въ весталки не принимали ниже шести и выше десяти лѣтъ“. Надо полагать, что онъ не подумалъ бы обвинять себя, или оправдываться въ подобномъ преступленіи, если бы писалъ въ наше время.

Подобный фактъ освѣщаетъ для меня не только состояніе литературы въ то время, но и состояніе самого общества. Демократическій театръ не доказываетъ того, что и нація имѣетъ демократическій характеръ, потому что, какъ мы сейчасъ видѣли, и въ аристократіи можетъ случиться, что демократическіе вкусы будутъ оказывать вліяніе на сцену. Но если на театрѣ господствуетъ исключительно аристократическій духъ, то это неопровержимо доказываетъ, что и все общество аристократично, и можно смѣло вывести заключеніе, что тотъ же научно и литературно образованный классъ, который даетъ направленіе писателямъ, управляетъ также гражданами, и завѣдуетъ общественными дѣлами.

Очень рѣдко случается, чтобъ утонченные вкусы и горделивыя склонности аристократіи, при ея управленіи театромъ, не привели ее, такъ сказать, къ произведенію выбора въ человѣческой природѣ. Ее преимущественно интересуютъ извѣстныя общественныя положенія и она любитъ видѣть ихъ изображенными на сценѣ; извѣстныя добродѣтели и даже пороки кажутся ей особенно заслуживающими воспроизведенія; она одобряетъ данную картину, тогда какъ отворачивается ото всѣхъ другихъ. На театрѣ, какъ и всюду, она желаетъ видѣть только важныхъ господъ, и ее трогаютъ только приключенія королей. То же и относительно стиля. Аристократія легко предъявляетъ драматическимъ писателямъ требованія говорить извѣстнымъ образомъ и желаетъ, чтобы все говорилось въ этомъ тонѣ.

Такимъ образомъ часто бываетъ, что въ театрѣ изображается лишь одна сторона человѣка, и даже лишь то, чего нѣтъ въ человѣческой природѣ; театръ возвышается надъ ней и выходитъ изъ ея предѣловъ.

Въ демократическомъ обществѣ зрители не имѣютъ такихъ предпочтеній и рѣдко выказываютъ подобныя антипатіи; они любятъ видѣть на сценѣ такую же безпорядочную смѣсь состояній, чувствъ и мыслей, какая по-

стоянно находится передъ ихъ глазами. Театръ дѣлается болѣе поражающимъ, болѣе простымъ и вѣрнымъ дѣйствительности.

Иногда впрочемъ тѣ, кто пишетъ для театра въ демократіяхъ, тоже удаляются отъ человѣческой природы, но только въ другомъ направленіи, чѣмъ ихъ предшественники. Желая воспроизвести до мелочей маленькія особенности настоящей минуты и личную физіономію нѣкоторыхъ людей, они теряютъ изъ виду изображеніе общаго, родового характера.

Когда въ театрѣ господствуютъ демократическіе классы, то они вводятъ такую же свободу въ способы изображенія сюжета какъ и въ его выборъ.

Такъ какъ изъ всѣхъ литературныхъ вкусовъ любовь къ театру всего болѣе свойственна демократическимъ народамъ, то число и писателей и зрителей и самыхъ спектаклей у нихъ постоянно увеличивается. Такое множество людей, составленное изъ элементовъ столь различныхъ и разсѣянныхъ въ столькихъ разныхъ мѣстахъ, не можетъ признавать одни и тѣ же правила и подчиняться однимъ законамъ. Соглашеніе невозможно между столь многочисленными судьями, которые, не зная мнѣній другъ друга, выражаютъ каждый отдѣльно свое сужденіе. Если вообще вліяніе демократіи выражается въ томъ, что литературныя правила и условія подвергаются сомнѣнію, то въ театрѣ она ихъ вовсе уничтожаетъ, ставя на ихъ мѣсто произволъ каждаго автора и каждаго состава публики.

Въ театрѣ же по преимуществу выказывается и то, о чемъ я уже говорилъ вообще по поводу слога и искусства въ демократической литературѣ. Читая критику, вызванную драматическими произведеніями вѣка Людовика XIV, мы удивляемся уваженію публики къ вѣрному изображенію дѣйствительности и важности придаваемой ею тому, чтобы данное лицо, оставаясь всегда вѣрнымъ самому себѣ, не дѣлало ничего такого, чего бы нельзя было легко объяснить и понять. Удивительно также, какъ высоко цѣнились тогда формы рѣчи и какія мелочныя нападки дѣлались на драматическихъ писателей по поводу словъ.

Повидимому люди вѣка Людовика XIV придавали очень преувеличенное значеніе тѣмъ подробностямъ, которыя замѣтны при чтеніи въ кабинетѣ, но исчезаютъ на сценѣ; между тѣмъ, какъ бы то ни было, главная задача театральной пьесы состоитъ въ томъ, чтобы быть представленной на сценѣ и главное ея достоинство въ томъ, чтобъ она возбуждала чувства. Это происходило оттого, что въ ту эпоху зрители были въ тоже время и читателями. Выходя изъ театра, они ожидали къ себѣ автора, чтобы окончательно обсудить его произведеніе.

Въ демократіяхъ театральныя пьесы слушаются, но не читаются. Большинство присутствующихъ на театральномъ представленіи ищутъ въ немъ не умственнаго наслажденія, а сильныхъ сердечныхъ ощущеній. Они ожидаютъ найти въ немъ не литературное произведеніе, а зрѣлище и лишь бы авторъ говорилъ достаточно правильно на языкѣ данной страны, чтобы его можно было понять, а его дѣйствующія лица возбуждали бы интересъ и симпатію, то они остаются довольны; ничего не требуя больше отъ вымысла, они тотчасъ возвращаются къ дѣйствительности. Поэтому стиль здѣсь менѣе необходимъ, такъ какъ на сценѣ исполненіе правилъ менѣе замѣтно.

Что же касается до правдоподобности, то, оставаясь ей вѣрнымъ, трудно давать часто новое, неожиданное и живое. Поэтому на нее не обращаютъ вниманія и публика это извиняетъ. Можно разсчитывать, что она не будетъ заботиться о путяхъ, по которымъ вы ее вели, если вы нако-

нецъ приведете ее къ предмету, который ее трогаетъ. Никогда она не станетъ васъ упрекать за то, что вы не по правиламъ возбудили ея чувства.

Идя въ театръ, американцы явно выказываютъ сейчасъ описанные мною инстинкты. Но надо признать, что до сихъ поръ лишь немногіе изъ нихъ посѣщаютъ театръ. Хотя за послѣднія сорокъ лѣтъ число спектаклей и зрителей въ Соединенныхъ Штатахъ чрезвычайно увеличилось, однако и теперь еще населеніе крайне сдержанно пользуется этимъ родомъ удовольствій.

Это зависитъ отъ особыхъ причинъ, извѣстныхъ уже читателю и о которыхъ достаточно будетъ напомнить ему въ двухъ словахъ:

Основатели американскихъ республикъ, пуритане не только были врагами всякихъ удовольствій, но они, кромѣ того, питали совершенно особое отвращеніе къ театру. Они считали его за самое гнусное развлеченіе и, пока ихъ духъ царствовалъ безраздѣльно, драматическія представленія были у нихъ совершенно неизвѣстны. Эти мнѣнія первыхъ творцовъ колоній оставили глубокіе слѣды въ умахъ ихъ потомковъ.

Кромѣ того, чрезвычайно правильный образъ жизни и большая строгость нравовъ, существующія въ Соединенныхъ Штатахъ, не благопріятствовали до сихъ поръ развитію театральнаго искусства.

Для драмы не находится сюжетовъ въ странѣ, гдѣ не было большихъ политическихъ переворотовъ и гдѣ любовь ведетъ къ браку простымъ и легкимъ путемъ. Комической музѣ тоже нечего дѣлать съ людьми, которые всѣ дни недѣли употребляютъ на достиженіе богатства, а въ воскресенье молятся Богу.

Одинъ фактъ покажетъ малую популярность театра въ Соединенныхъ Штатахъ.

Американцы, законы которыхъ допускаютъ не только свободу, но распущенность слова во всѣхъ дѣлахъ, подчинили однако драматическихъ авторовъ нѣкотораго рода цензурѣ. Театральныя представленія могутъ даваться не иначе, какъ съ дозволенія общинной администраціи. Этимъ ясно доказывается, что народы подобны отдѣльнымъ людямъ. Они безъ всякой осторожности предаются своимъ главнымъ страстямъ, а потомъ очень заботятся о томъ, чтобы не слишкомъ поддаваться увлеченію такими склонностями, которыхъ у нихъ нѣтъ.

Не существуетъ другого отдѣла литературы, который бы имѣлъ болѣе многочисленныя и тѣсныя связи съ настоящимъ положеніемъ общества, чѣмъ театръ.

Театръ извѣстной эпохи никогда не можетъ отвѣчать потребностямъ слѣдующей эпохи, если между ними былъ важный переворотъ, измѣнившій законы и нравы.

Можно еще изучать великихъ писателей другого вѣка. Но никто уже не смотритъ на театральныя пьесы, написанныя для другой публики. Драматическіе писатели прошлаго времени живутъ только въ книгахъ.

Традиціонные вкусы нѣкоторыхъ людей, тщеславіе, мода, геній актера могутъ поддержать нѣсколько времени, или возстановить аристократическій театръ въ средѣ демократіи; но скоро онъ самъ собою падаетъ. Его не уничтожаютъ, а забываютъ.

ГЛАВА XX.

О нѣкоторыхъ особенныхъ тенденціяхъ, свойственныхъ историкамъ, пишущимъ въ демократическія времена.

Историки, пишущіе въ аристократическіе вѣка, ставятъ обыкновенно всѣ событія въ зависимость отъ личной воли и настроенія извѣстныхъ людей и охотно связываютъ величайшіе перевороты съ самыми мелкими случайностями. Они съ большой проницательностью выставляютъ на видъ самыя мелкія причины и часто не замѣчаютъ самыхъ важныхъ.

Историки, живущіе въ демократическія времена, выказываютъ совершенно противоположное направленіе.

Большая часть изъ нихъ не придаетъ почти ни какого значенія вліянію отдѣльныхъ личностей на судьбу человѣческаго рода, или вліянію отдѣльныхъ гражданъ на судьбу народа. Но, взамѣнъ того, они указываютъ для всѣхъ мелкихъ, частныхъ фактовъ важныя общія причины. Эти противоположныя направленія понятны.

Когда историки аристократическихъ временъ обращаютъ свой взглядъ на міровую сцену, то они прежде всего видятъ на ней очень небольшое число главныхъ актеровъ, управляющихъ всѣмъ ходомъ пьесы. Эти крупныя дѣйствующія лица, занимающія первый планъ сцены, останавливаютъ и удерживаютъ на себѣ ихъ вниманіе и, занявшись раскрытіемъ тайныхъ причинъ, заставляющихъ эти лица дѣйствовать и говорить, они забываютъ обо всемъ остальномъ.

Важность результатовъ, производимыхъ, какъ они видятъ, дѣйствіями нѣкоторыхъ людей, даетъ имъ преувеличенное понятіе о вліяніи, которое можетъ имѣть одинъ человѣкъ, и естественно располагаетъ ихъ вѣрить тому, что объясненія массовыхъ движеній нужно всегда искать въ частной дѣятельности отдѣльнаго лица.

Когда, наоборотъ, всѣ граждане независимы другъ отъ друга и каждый изъ нихъ слабъ, то въ виду нѣтъ никого, кто бы имѣлъ очень большое и, въ особенности, очень продолжительное вліяніе на массу. Съ перваго взгляда кажется, что отдѣльныя личности совершенно безсильны дѣйствовать на нее; и можно подумать, что общество движется само собой, въ силу свободнаго и самостоятельнаго содѣйствія всѣхъ людей, его составляющихъ.

Это естественнымъ образомъ ведетъ человѣческій умъ къ отыскиванію общей причины, которая могла такимъ образомъ подѣйствовать сразу на столько умовъ и одновременно направить ихъ въ одну и туже сторону.

Я очень убѣжденъ въ томъ, что даже и у демократическихъ народовъ геній, добродѣтели и пороки нѣкоторыхъ личностей задерживаютъ, или ускоряютъ естественный ходъ исторіи народа; но такого рода случайныя и второстепенныя причины несравненно болѣе разнообразны, болѣе скрыты и сложны, и менѣе сильны, а потому ихъ труднѣе распутать и прослѣдить во времена равенства, чѣмъ въ аристократическіе вѣка, когда, среди фактовъ общаго характера, приходится подвергать анализу частныя дѣйствія лишь одного человѣка, или немногихъ людей.

Подобный трудъ скоро утомляетъ историка; умъ его теряется среди этого лабиринта и, не будучи въ силахъ ясно видѣть и достаточно ярко выставить индивидуальныя вліянія, онъ отрицаетъ ихъ. Онъ предпочитаетъ говорить намъ о естественныхъ свойствахъ расъ, о физическомъ устрой-

ствѣ страны, или о духѣ цивилизаціи. Это сокращаетъ его работу и съ меньшимъ трудомъ онъ больше удовлетворяетъ читателя.

Г. де-ла-Файетъ говоритъ гдѣ-то въ своихъ мемуарахъ, что система чрезмѣрнаго пользованія общими причинами доставляла удивительно много утѣшеній посредственнымъ общественнымъ дѣятелямъ. Я прибавлю, что такія же превосходныя утѣшенія даетъ она и посредственнымъ историкамъ. Она постоянно предоставляетъ въ ихъ распоряженіе какія нибудь важныя причины, которыя тотчасъ выводятъ ихъ изъ затрудненія на самомъ трудномъ мѣстѣ ихъ книги и помогаютъ слабости и лѣни ихъ ума, въ то же время отдавая честь ихъ глубокомыслію.

Что касается до меня, то я думаю, что нѣтъ такой эпохи, когда бы не слѣдовало одну часть совершающихся въ мірѣ событій приписать самымъ общимъ причинамъ, а другую—вліяніямъ самаго частнаго характера. Оба эти рода причинъ встрѣчаются постоянно; измѣняется только ихъ отношеніе. Въ демократическіе вѣка общими фактами объясняется больше явленій, а частными вліяніями меньше. Въ аристократическія времена, напротивъ, частныя вліянія сильнѣе, а общія причины слабѣе, если только не считать за общую причину самый фактъ неравенства состояній, позволяющій нѣсколькимъ личностямъ противодѣйствовать естественнымъ стремленіямъ всѣхъ остальныхъ.

Поэтому историки, желающіе изобразить то, что происходитъ въ демократическихъ обществахъ, бываютъ правы, предоставляя большую долю вліянія общимъ причинамъ и стараясь преимущественно найти ихъ; но они неправы, когда вовсе отрицаютъ частное дѣйствіе отдѣльныхъ лицъ, потому лишь, что его трудно отыскать и прослѣдить.

Живущіе въ демократическіе вѣка историки не только увлекаются пріисканіемъ для каждаго факта важной причины, но они, кромѣ того, склонны связывать факты между собой и выводить изъ нихъ общую систему.

Въ аристократическіе вѣка вниманіе историковъ постоянно отвлекается личностями, послѣдовательная связь событій ускользаетъ отъ нихъ, или, лучше сказать, они не вѣрятъ въ существованіе такой связи. Имъ кажется, что ходъ исторіи безпрестанно прерывается вступленіемъ въ нее какого-нибудь человѣка.

Наоборотъ, въ демократическіе вѣка историкъ видитъ гораздо меньше дѣйствующихъ лицъ и гораздо больше дѣйствій и потому легко можетъ установить между послѣдними методическій порядокъ и послѣдовательность

Литература древности, оставившая намъ такія превосходныя историческія сочиненія, не представляетъ ни одной большой исторической системы, тогда какъ самыя ничтожныя новѣйшія литературы переполнены ими. Древніе историки, повидимому, недостаточно пользовались этими общими теоріями, которыми наши историки всегда готовы злоупотреблять.

Тѣ, которые пишутъ въ демократическія времена имѣютъ, еще другую, болѣе опасную тендецію.

Когда слѣды дѣйствія личностей на народы теряются, то часто бываетъ, что міръ двигается, а двигателя не видать. Такъ какъ тотда становится очень трудно найти и анализировать тѣ причины, которыя, дѣйствуя на волю каждаго гражданина въ отдѣльности, производятъ наконецъ движеніе цѣлаго народа, то является предположеніе, что движеніе это невольно и что общество безсознательно повинуется властвующей надъ нимъ высшей силѣ.

И даже когда тотъ общій фактъ, который управляетъ частною волей всѣхъ отдѣльныхъ личностей, находится повидимому на землѣ, то и это не спасаетъ человѣческую свободу. Причина достаточно обширная для того, чтобы сразу дѣйствовать на милліоны людей, и достаточно сильная, чтобы склонить ихъ всѣхъ въ одну сторону, легко кажется неотвратимою. Видя, какъ ей подчиняются, легко прійти къ заключенію, что ей и нельзя было противостоять.

Такимъ образомъ историки, живущіе въ демократическія времена, не только отрицаютъ возможность того, чтобы нѣсколько гражданъ вліяли на судьбу народа, но отнимаютъ и у самихъ народовъ способность измѣнять свою участь, подчиняя ихъ или неизмѣнному промыслу, или нѣкотораго рода слѣпому року. По ихъ мнѣнію, каждый народъ—своимъ положеніемъ, происхожденіемъ, прошлой исторіей и природными свойствами—неразрывно связанъ съ извѣстной судьбой, которую всѣ его усилія не въ состояніи измѣнить. Они считаютъ поколѣнія солидарными одно съ другимъ и, восходя такимъ образомъ отъ вѣка къ вѣку и отъ однихъ необходимыхъ событій къ другимъ необходимымъ событіямъ до начала міра, создаютъ непрерывную и безконечную цѣпь, окружающую и связывающую все человѣчество.

Для нихъ не достаточно показать, какъ происходили факты; они считаютъ нужнымъ еще объяснить, что они и не могли происходить иначе. Они разсматриваютъ націю, дошедшую до извѣстнаго пункта своей исторіи, и утверждаютъ, что она необходимо принуждена была итти по пути, приведшему ее туда. Это легче, чѣмъ указать, что именно она должна была сдѣлать, чтобы пойти по лучшему пути.

Читая историковъ аристократическихъ вѣковъ и въ особенности историковъ древности, кажется, что для того, чтобы сдѣлаться господиномъ своей судьбы и управлять себѣ подобными, человѣку нужно только умѣть преодолѣть самого себя. Прочитывая историческія сочиненія, написанныя въ наше время, можно подумать, что человѣкъ не имѣетъ никакой власти ни надъ самимъ собой, ни вокругъ себя. Историки древности научали повелѣвать, историки нашего времени научаютъ только повиноваться. Въ ихъ сочиненіяхъ авторъ кажется иногда великимъ, но человѣчество кажется всегда малымъ.

Если бъ это ученіе о предопредѣленіи, въ которомъ столько привлекательнаго для людей, пишущихъ исторію въ демократическіе вѣка, перейдя отъ писателей къ ихъ читателямъ, проникло бы такимъ образомъ въ массу гражданъ и овладѣло духомъ общества, то можно предвидѣть, что оно скоро парализовало бы движеніе въ новыхъ обществахъ и превратило бы христіанъ въ турокъ.

Я скажу кромѣ того, что подобное ученіе въ особенности опасно въ эпоху, когда мы живемъ. Современники наши слишкомъ склонны сомнѣваться въ свободѣ воли, потому что каждый изъ нихъ чувствуетъ себя со всѣхъ сторонъ ограниченнымъ своей слабостью, но они еще охотно допускаютъ существованіе силы и независимости въ людяхъ, соединенныхъ въ общественное цѣлое. Надо остерегаться, чтобы не затемнить эту идею, потому что нужно возвышать духовныя силы, а не окончательно убивать ихъ.

ГЛАВА XXI.

О парламентскомъ краснорѣчіи въ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ аристократическихъ націяхъ всѣ люди связаны другъ съ другомъ и зависятъ одни отъ другихъ; между всѣми существуетъ іерархическая связь, посредствомъ которой каждаго человѣка можно удержать на своемъ мѣстѣ, а все общество въ повиновеніи. Нѣчто подобное всегда существуетъ и въ средѣ политическихъ собраній этихъ народовъ. Партіи тамъ естественно становятся подъ главенство нѣкоторыхъ предводителей, которымъ онѣ повинуются въ силу извѣстнаго рода истинкта, представляющаго ничто иное какъ результатъ привычки, пріобрѣтенной въ другомъ мѣстѣ. Онѣ переносятъ въ меньшее общество нравы большаго.

Въ демократическихъ странахъ часто случается, что значительное число гражданъ направляется къ одной цѣли; но всякій къ ней идетъ, или по крайней мѣрѣ думаетъ, что идетъ, самостоятельно. Привыкши направлять свои движенія только согласно со своими личными стремленіями, онъ трудно подчиняется правиламъ, получаемымъ извнѣ. Эта склонность и привычка къ независимости слѣдуютъ за нимъ и въ національныя собранія. Соглашаясь тамъ дѣйствовать вмѣстѣ съ другими для преслѣдованія общей цѣли, онъ желаетъ по крайней мѣрѣ сохранить за собой право по своему содѣйствовать общему успѣху.

Отъ этого происходитъ, что въ демократическихъ странахъ партіи такъ нетерпѣливо относятся къ тому, чтобъ ими управляли, и подчиняются только въ виду очень большой опасности. Да и при такихъ обстоятельствахъ власть вождей можетъ простираться до того, чтобы заставить дѣйствовать и говорить, но почти никогда не можетъ заставить замолчать.

У аристократическихъ народовъ члены политическихъ собраній суть въ то же время и члены аристократіи. Каждый изъ нихъ самъ по себѣ имѣетъ высокое и прочное положеніе и занимаемое имъ въ собраніи мѣсто, часто бываетъ въ его глазахъ менѣе важно, чѣмъ то, которое онъ занимаетъ въ странѣ. Это обстоятельство утѣшаетъ его въ томъ случаѣ, если онъ не играетъ важной роли при обсужденіи общественныхъ дѣлъ, и располагаетъ его къ тому, чтобы не очень горячо стараться получить роль второстепенную.

Въ Америкѣ обыкновенно бываетъ такъ, что депутатъ имѣетъ нѣкоторое значеніе лишь по своему положенію въ собраніи. Поэтому онъ постоянно чувствуетъ потребность пріобрѣсти въ немъ значеніе и неудержимо желаетъ во всякое время выставить на показъ свои мысли.

Къ этому онъ побуждается не только личнымъ честолюбіемъ, но и честолюбіемъ своихъ избирателей и постоянною необходимостью угодить имъ.

У аристократическихъ народовъ членъ законодательнаго собранія рѣдко бываетъ въ тѣсной зависимости отъ избирателей; часто онъ является для нихъ представителемъ до извѣстной степени необходимымъ; иногда онъ самъ держитъ ихъ въ тѣсной зависимости отъ себя, и еслибы наконецъ они отказали ему въ своихъ голосахъ, то онъ легко можетъ быть выбранъ въ другомъ мѣстѣ; или же, отказавшись отъ политической дѣятельности, онъ остается въ праздности, которая тоже имѣетъ свою блестящую сторону.

Въ демократической странѣ, каковы Соединенные Штаты, депутатъ почти никогда не имѣетъ прочнаго вліянія на умы своихъ избирателей.

Какъ бы ни былъ малъ ихъ составъ, все же демократическое непостоянство дѣлаетъ то, что онъ постоянно мѣняется, такъ что ежедневно приходится заискивать его расположенія. Депутатъ никогда не увѣренъ въ своихъ избирателяхъ; если же они его покидаютъ, то онъ сейчасъ же оказывается безъ всякихъ средствъ, потому что самъ по себѣ онъ не занимаетъ такого высокаго положенія, чтобъ его легко было видѣть и тѣмъ, кто не находится отъ него близко; а имѣя въ виду независимость всѣхъ гражданъ, онъ не можетъ разсчитывать на то, чтобы его друзья или правительство могли легко провести его въ избирательной коллегіи, которая его не знаетъ. Значитъ, всѣ источники его карьеры находятся въ томъ округѣ, представителемъ котораго онъ является, и ему надо исходить отъ этого клочка земли, чтобы возвыситься до управленія народомъ, до вліянія на судьбы міра.

Такимъ образомъ естественно, что въ демократическихъ странахъ члены политическихъ собраній больше заботятся о своихъ избирателяхъ, чѣмъ о своей партіи, тогда какъ въ аристократіяхъ они больше заботятся о своей партіи, чѣмъ объ избирателяхъ.

Но то, что нужно говорить, чтобы понравиться избирателямъ не всегда есть то же самое, что слѣдуетъ дѣлать, чтобъ оказать дѣйствительную пользу исповѣдуемому ими политическому мнѣнію.

Общая выгода партіи состоитъ часто въ томъ, чтобы состоящій ея членомъ депутатъ никогда не говорилъ о важныхъ предметахъ, которые онъ плохо понимаетъ, чтобъ онъ не говорилъ много и о мелкихъ, которые затрудняютъ ходъ болѣе важныхъ, а чаще всего, наконецъ, чтобъ онъ вовсе молчалъ. Это есть самая полезная услуга, которую человѣкъ, плохо умѣющій говорить, можетъ оказать общественному дѣлу.

Но не такъ понимаютъ это избиратели.

Населеніе округа потому поручаетъ данному гражданину участвовать въ управленіи государствомъ, что оно имѣетъ очень высокое понятіе о его достоинствахъ. Такъ какъ люди кажутся относительно тѣмъ больше, чѣмъ болѣе мелкими предметами они окружены, то надо полагать, что объ избираемомъ лицѣ мнѣніе будетъ тѣмъ выше, чѣмъ рѣже таланты между тѣми, кого онъ является представителемъ. Поэтому часто можетъ случаться, что избиратели тѣмъ больше будутъ надѣяться на своего депутата, чѣмъ меньше они будутъ имѣть основаній для этого; и какъ бы онъ ни былъ неспособенъ, они непремѣнно будутъ требовать отъ него значительныхъ проявленій силы, соотвѣтствующихъ тому званію, въ которое они его облекли.

Помимо значенія депутата, какъ государственнаго законодателя, избиратели видятъ въ немъ еще естественнаго покровителя своего округа передъ законодательнымъ собраніемъ; они даже недалеки отъ того, чтобы считать его за повѣреннаго каждаго изъ избиравшихъ его и надѣются, что онъ съ такой же горячностью будетъ защищать ихъ частные интересы, какъ и интересы страны.

Такимъ образомъ избиратели заранѣе увѣрены, что избранный ими депутатъ будетъ ораторомъ, что онъ, если можетъ, будетъ говорить часто и что, еслибъ ему пришлось сдерживаться, то по крайней мѣрѣ онъ постарается включить въ свои рѣдкія рѣчи какъ разсмотрѣніе всѣхъ важныхъ государственныхъ вопросовъ, такъ и изложеніе всѣхъ мелкихъ недовольствъ, выражаемыхъ ими самими; такъ что, не имѣя возможности выступать часто, онъ долженъ при каждомъ случаѣ показывать свое умѣнье

и, вмѣсто постояннаго изліянія, отъ времени до времени сосредоточиваться въ небольшомъ объемѣ, представляя блестящій и полный обзоръ желаній его довѣрителей и его самого. На этомъ условіи они обѣщаютъ подавать за него свои голоса.

Это доводитъ до отчаянія честныя посредственности, которыя, зная себя, не стали бы выставляться по своей волѣ. Подстрекаемый такимъ образомъ депутатъ начинаетъ говорить къ большому неудовольствію своихъ друзей и, безразсудно вступаясь между знаменитѣйшими ораторами, запутываетъ обсужденіе и утомляетъ собраніе.

Слѣдовательно, всѣ законы, стремящіеся поставить избираемаго въ большую зависимость отъ избирателей, не только измѣняютъ поведеніе законодателей, какъ я уже объ этомъ замѣчалъ въ другомъ мѣстѣ, но и ихъ рѣчи. Они одновременно вліяютъ и на ходъ дѣлъ, и на способъ ихъ обсужденія.

Можно почти сказать, что нѣтъ такого члена конгресса, который бы согласился воротиться домой не заявивъ о себѣ по крайней мѣрѣ одной рѣчью, или который бы допустилъ прервать себя раньше, чѣмъ онъ включитъ въ свою рѣчь все что можно сказать полезнаго для двадцати четырехъ штатовъ, составляющихъ союзъ и въ особенности для представляемаго имъ округа. Поэтому онъ послѣдовательно проводитъ передъ своими слушателями какъ общія великія истины, которыя онъ самъ часто смутно уясняетъ себѣ и сбивчиво излагаетъ, такъ и маленькія частныя обстоятельства, очень мелочныя, которыя ему черезъ чуръ легко знать и излагать. Отъ этого часто происходитъ, что разсужденіе въ средѣ такого обширнаго собранія, становится неяснымъ, и скорѣе ползетъ, чѣмъ идетъ къ предположенной цѣли.

Нѣчто подобное всегда, я думаю, будетъ происходить въ общественныхъ собраніяхъ демократіи.

Счастливыя обстоятельства и хорошіе законы могли бы привлечь въ законодательное собраніе демократическаго народа людей гораздо болѣе замѣчательныхъ, чѣмъ тѣ, которыхъ американцы посылаютъ въ конгрессъ; но никогда нельзя будетъ помѣшать тому, чтобы находящіяся въ немъ посредственности при всякомъ случаѣ съ удовольствіемъ не выставлялись бы на видъ.

Зло это, какъ мнѣ кажется, не можетъ быть устранено вполнѣ, потому что оно обусловлено не только правилами, дѣйствующими въ собраніи, но и его основной организаціей и даже конституціей страны.

Сами жители Соединенныхъ Штатовъ смотрятъ на это дѣло съ такой же точки зрѣнія и выказываютъ свою опытность въ парламентской жизни не тѣмъ, что удерживаются отъ плохихъ рѣчей, но тѣмъ что терпѣливо ихъ выслушиваютъ. Они примиряются съ этимъ, какъ со зломъ, неизбѣжность котораго извѣстна имъ по опыту.

Показавши политическія разсужденія въ демократіяхъ съ ихъ мелочной стороны, покажемъ ихъ теперь со стороны ихъ величія.

Все происходившее въ послѣднія полтораста лѣтъ въ англійскомъ парламентѣ не особенно сильно отражалось внѣ его. Мысли и чувства, высказываемыя ораторами, всегда находили мало сочувствія даже въ народахъ всего ближе стоявшихъ къ мѣсту дѣйствія британской свободы, тогда какъ съ первыхъ же преній, возникшихъ въ маленькихъ собраніяхъ американскихъ колоній, Европа была потрясена.

Это зависѣло не только отъ частныхъ и случайныхъ обстоятельствъ, но отъ общихъ и постоянныхъ причинъ.

Я не знаю ничего болѣе возбуждающаго удивленіе и болѣе сильнаго, какъ великій ораторъ, обсуждающій важныя дѣла въ средѣ демократическаго собранія. Такъ какъ въ послѣднемъ нѣтъ представителей особаго класса, обязанныхъ поддерживать его интересы, то рѣчь обращается всегда ко всему народу и говорится отъ имени всего народа. Это дѣлаетъ шире мысль и возвышаетъ ея выраженіе.

Такъ какъ прецеденты имѣютъ тамъ мало значенія, и нѣтъ уже болѣе привилегій, соединенныхъ съ извѣстнымъ имуществомъ, нѣтъ и правъ принадлежащихъ извѣстнымъ лицамъ или сословіямъ, то и при разсужденіяхъ о частномъ дѣлѣ, мысль бываетъ принуждена восходить къ общимъ истинамъ, почерпаемымъ въ природѣ человѣка. Отъ этого въ политическихъ разсужденіяхъ демократическаго народа, какъ бы малъ онъ ни былъ, получается характеръ общности, дѣлающій ихъ часто очень интересными для всего человѣческаго рода. Всѣ люди ими интересуются, потому, что дѣло идетъ о человѣкѣ вообще, который вездѣ одинъ и тотъ же.

Напротивъ у величайшихъ аристократическихъ народовъ, всѣ самые общіе вопросы почти всегда разсматриваются съ точки зрѣнія частныхъ причинъ, взятыхъ изъ обычаевъ извѣстной эпохи, или изъ правъ одного класса, что представляется важнымъ только для даннаго класса, или по крайней мѣрѣ для народа, въ средѣ котораго находится этотъ классъ.

Этой причинѣ, столько же какъ и величію французскаго народа и благопріятному расположенію другихъ, слушающихъ его, народовъ, слѣдуетъ приписать то большое вліяніе, которое производятъ иногда въ мірѣ наши политическія пренія.

Наши ораторы часто говорятъ для всѣхъ людей даже и тогда, когда они обращаются только къ своимъ согражданамъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Вліяніе демократіи на чувства американцевъ.

ГЛАВА I.

Почему у демократическихъ народовъ любовь къ равенству обнаруживаетъ больше пылкости и постоянства, чѣмъ любовь къ свободѣ.

Не нужно и говорить, что преобладающее и самое живое чувство, порождаемое равенствомъ—это любовь къ этому самому равенству. Не удивительно поэтому, что я говорю о ней прежде всѣхъ другихъ.

Всякій замѣчалъ, что эта любовь къ равенству въ наше время, и особенно во Франціи, занимаетъ все большее и большее мѣсто въ человѣческомъ сердцѣ. Не разъ говорилось, что наши современники къ равенству питаютъ гораздо болѣе горячую и неизмѣнную любовь, чѣмъ къ свободѣ; но мнѣ кажется, что причины этого явленія еще не достаточно выяснены. Я попытаюсь это сдѣлать.

Можно представить себѣ крайнюю точку, въ которой свобода и равенство соприкасаются и сливаются.

Я предполагаю, что всѣ граждане принимаютъ участіе въ управленіи, и каждый имѣетъ одинаковое право на это участіе.

Тогда каждый ничѣмъ не отличается отъ другихъ, а потому никто не имѣетъ силы принуждать другихъ; люди будутъ совершенно свободны, потому что они будутъ вполнѣ равны, и совершенно равны, потому что вполнѣ свободны. Къ этому идеалу стремятся демократическіе народы.

Это—самая совершенная форма, какую только можетъ принять равенство на землѣ, но есть тысяча другихъ, которыя хотя и не столь совершенны, тѣмъ не менѣе дороги народамъ.

Равенство можетъ установиться въ гражданскомъ обществѣ и не господствуя въ политической области. Можно имѣть право предаваться однимъ и тѣмъ же удовольствіямъ, заниматься одними и тѣми же профессіями, встрѣчаться въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ,—словомъ, можно жить совершенно одинаково и одними и тѣми же путями стремиться къ богатству и все-таки не принимать одинаковаго участія въ управленіи.

Нѣкотораго рода равенство можетъ установиться даже въ политической сферѣ, хотя бы политической свободы не было вовсе. Тогда всѣ равны между собою, за исключеніемъ одного, которому безраздѣльно принадлежитъ господство надъ всѣми и который исполнителей своей власти выбираетъ изо всѣхъ безъ различія.

Не трудно построить множество другихъ гипотезъ, по которымъ высо
кая степень равенства легко могла бы соединяться съ учрежденіями болѣ
или менѣе свободными и даже вовсе несвободными.

Хотя люди и не могутъ сдѣлаться совершенно равными, не будучи
вполнѣ свободными и, слѣдовательно, равенство на своей высшей степе
сливается со свободою, однако принято различать одно отъ другого.

Дѣйствительно, стремленіе людей къ свободѣ и любовь ихъ къ равен
ству—двѣ вещи различныя, и я осмѣлюсь прибавить, что у демократиче
скихъ народовъ эти двѣ вещи не равны.

Если внимательно всмотрѣться, то можно подмѣтить, что каждая эпоха
характеризуется однимъ преобладающимъ явленіемъ, отъ котораго зави
сятъ всѣ остальныя; почти всегда именно оно порождаетъ основную мысль
или господствующее чувство эпохи, которое, наконецъ, захватываетъ и
увлекаетъ въ своемъ теченіи всѣ чувства и всѣ мысли. Оно похоже на
большую рѣку, въ которую текутъ всѣ окрестные ручьи.

Свобода являлась людямъ въ разныя времена и въ разныхъ формахъ.
Она не связана исключительно съ однимъ какимъ-нибудь общественнымъ
строемъ и встрѣчается не въ одной только демократіи. Слѣдовательно, она
можетъ служить отличительнымъ признакомъ демократическихъ эпохъ.

Характерная черта и преобладающее явленіе этихъ эпохъ—это равен
ство положеній. Главное чувство, движущее людьми въ эти времена—лю
бовь къ этому равенству.

Не спрашивайте, почему люди демократическихъ вѣковъ находятъ осо
бенную привлекательность въ томъ, чтобы быть равными, и какія особен
ныя причины побуждаютъ ихъ такъ упорно привязываться именно къ ра
венству, а не къ другимъ благамъ, которыя даетъ имъ общество. Равен
ство составляетъ отличительную черту переживаемой ими эпохи; этого
одного достаточно для объясненія, почему они предпочитаютъ его всему
остальному.

Но, помимо этой причины, есть много другихъ, которыя во всѣ времена
будутъ побуждать людей ставить равенство выше свободы.

Еслибъ народъ и могъ когда-нибудь уничтожить, или только ослабить
равенство, господствующее въ его средѣ, то онъ пришелъ бы къ этому
только послѣ долгихъ и тяжкихъ усилій. Для этого ему пришлось бы из
мѣнить свой общественный строй, отмѣнить законы, обновить идеи, пере
мѣнить привычки и нравы. А чтобы лишиться политической свободы, до
статочно не охранять ее—и она исчезаетъ.

Такимъ образомъ, равенство привлекаетъ людей не только потому, что
оно имъ дорого,—ихъ привязываетъ къ нему еще и увѣренность, что оно
должно существовать вѣчно.

Вы не встрѣтите людей настолько ограниченныхъ и легкомысленныхъ,
чтобы не видѣть, что крайности политической свободы могутъ вредить спо
койствію, имущественной безопасности и жизни частныхъ лицъ. Наоборотъ,
опасности, которыми угрожаетъ намъ равенство, замѣчаютъ только люди
внимательные и дальновидные, да и они обыкновенно избѣгаютъ указывать
на нихъ. Они знаютъ, что несчастія, которыхъ они опасаются, далеки и
утѣшаются, что они выпадутъ на долю только будущимъ поколѣніямъ,
которыхъ наше поколѣніе не особенно безпокоится. Бѣдствія, которыя
иногда несетъ съ собою свобода, дѣйствуютъ непосредственно; они для
всѣхъ очевидны и всѣ въ большей или меньшей степени чувствуютъ ихъ.
Разстройства, которыя можетъ породить крайнее равенство, обнаруживаются

только мало по малу; они постепенно проникаютъ въ общественный организмъ, и въ то время, когда они достигаютъ наивысшей силы, привычка уже притупила чувствительность къ нимъ.

Благодѣянія, которыя приноситъ свобода, обнаруживаются только впослѣдствіи, и порождающую ихъ причину легко упустить изъ виду.

Выгоды равенства даютъ себя чувствовать сейчасъ же, а что они исходятъ изъ этого источника—можно видѣть каждый день.

Политическая свобода отъ времени до времени даетъ извѣстному числу гражданъ высшія радости.

Равенство приноситъ каждому ежедневно массу мелкихъ наслажденій. Прелести равенства чувствуются постоянно и доступны всѣмъ. Самыя возвышенныя души не равнодушны къ нимъ и въ нихъ-же находятъ наслажденіе и самыя низменныя. Слѣдовательно, страсть, внушаемая равенствомъ, должна быть одновременно и сильной, и общей.

Люди не могутъ наслаждаться политическою свободой, не купивши ее цѣною нѣкоторыхъ жертвъ; ее всегда пріобрѣтаютъ только послѣ долгихъ усилій. Между тѣмъ, наслажденія, приносимыя равенствомъ, сами предлагаютъ себя; ихъ создаетъ, повидимому, всякій ничтожнѣйшій случай частной жизни, и чтобы пользоваться ими, нужно только жить.

Демократическіе народы любятъ равенство всегда, но бываютъ эпохи, когда ихъ любовь къ нему доходитъ до безумія. Это бываетъ въ тотъ моментъ, когда старая общественная іерархія, давно уже расшатанная, съ послѣдней внутренней борьбой окончательно рушится, и преграды, раздѣлявшія гражданъ, наконецъ падаютъ. Тогда люди бросаются на равенство какъ на добычу и привязываются къ нему какъ къ драгоцѣнности, которую хотятъ у нихъ отнять. Любовь къ равенству со всѣхъ сторонъ проникаетъ въ человѣческое сердце, разрастается тамъ и переполняетъ его всецѣло. Не говорите тогда имъ, что, отдаваясь такъ слѣпо исключительной страсти, они вредятъ болѣе дорогимъ интересамъ; они глухи. Не указывайте имъ на свободу, которая ускользаетъ изъ ихъ рукъ, пока они заняты другимъ; они слѣпы, или, вѣрнѣе, во всемъ мірѣ они видятъ только одно благо, котораго стоитъ желать.

Предыдущее приложимо ко всѣмъ демократическимъ націямъ; послѣдующее имѣетъ въ виду только насъ самихъ.

У большей части современныхъ націй и въ частности у всѣхъ народовъ материка Европы идея свободы и стремленіе къ ней начали появляться и развиваться только съ того времени, когда начали сглаживаться различія между сословіями, и были всегда послѣдствіемъ этого растущаго равенства. Абсолютные монархи больше всѣхъ потрудились надъ уничтоженіемъ сословныхъ различій среди своихъ подданныхъ. У этихъ народовъ равенство шло впереди свободы; равенство имѣло уже за собою прошлое, когда свобода была еще новинкой; первое успѣло уже создать соотвѣтствующія мнѣнія, обычаи, законы, когда вторая сама только-что появлялась на свѣтъ въ первый разъ.

Такимъ образомъ, свобода существовала еще только въ идеяхъ и стремленіяхъ, тогда какъ равенство вошло уже въ привычки, господствовало въ нравахъ и налагало свой отпечатокъ на ничтожнѣйшія житейскія дѣла. Чему же удивляться, если наши современники второе предпочитаютъ первой?

Я думаю, что демократическіе народы имѣютъ естественное стремленіе къ свободѣ; предоставленные себѣ самимъ, они ищутъ, любятъ ее; имъ больно липиться ея. Но къ равенству они питаютъ пламенную страсть,

вѣчную, ненасытную, непреодолимую. Они хотятъ равенства вмѣстѣ со свободою, но если это имъ недоступно, то хотятъ его даже въ рабствѣ. Они перенесутъ нищету, угнетеніе, варварство, но не перенесутъ аристократіи.

Это вѣрно всегда, но особенно въ наше время. Всякій человѣкъ и всякая власть, которые вздумаютъ бороться съ этой непреодолимою силой, будутъ опрокинуты и уничтожены ею. Въ наше время безъ этой опоры не можетъ установиться свобода, и даже деспотизмъ не можетъ властвовать безъ нея.

ГЛАВА II.

Индивидуализмъ въ демократическихъ странахъ.

Я показалъ, какъ въ эпохи равенства каждый ищетъ своихъ вѣрованій въ себѣ самомъ; теперь я хочу выяснить, почему въ тѣ же эпохи каждый всѣ свои чувства обращаетъ на самого себя.

Индивидуализмъ—выраженіе новое; его породила новая идея. Наши отцы знали только эгоизмъ.

Эгоизмъ—это страстная и чрезмѣрная любовь къ самому себѣ, заставляющая человѣка все относить къ себѣ самому и себя ставить выше всего.

Индивидуализмъ — это разсудочное и спокойное чувство, побуждающее каждаго отдѣляться отъ массы себѣ подобныхъ и отходить въ сторону съ своею семьей и друзьями; создавши, такимъ образомъ, для собственныхъ потребностей маленькое общество, большое онъ охотно предоставляетъ самому себѣ.

Эгоизмъ имѣетъ источникомъ слѣпой инстинктъ; индивидуализмъ выходитъ не столько изъ извращеннаго чувства, сколько изъ ложнаго сужденія. Его источникъ заключается столько же въ ошибкахъ ума, какъ и въ порокахъ сердца.

Эгоизмъ убиваетъ въ зародышѣ всѣ добродѣтели; индивидуализмъ сначала изсушаетъ источникъ только общественныхъ доблестей, но современемъ онъ захватываетъ и губитъ и всѣ другія и въ концѣ-концовъ выраждается въ эгоизмъ.

Эгоизмъ—порокъ столь же старый, какъ міръ. Одной общественной формѣ онъ принадлежитъ столько же, какъ и всякой другой.

Индивидуализмъ—демократическаго происхожденія; онъ грозитъ дальнѣйшимъ развитіемъ по мѣрѣ того, какъ усиливается равенство.

У аристократическихъ народовъ, семейства въ теченіе цѣлыхъ столѣтій остаются въ одномъ и томъ же положеніи и часто на одномъ мѣстѣ. Это дѣлаетъ всѣ поколѣнія, такъ сказать, современниками. Человѣкъ почти всегда знаетъ своихъ предковъ и чтитъ ихъ; онъ надѣется видѣть своихъ правнуковъ и уже любитъ ихъ. Онъ охотно исполняетъ свои обязанности предъ тѣми и другими, и нерѣдко ему приходится жертвовать своими личными удовольствіями ради этихъ существъ, которыхъ уже нѣтъ, или которые еще не появились на свѣтъ.

Далѣе, результатомъ аристократическихъ учрежденій является тѣсная связь, соединяющая каждаго со многими согражданами.

Когда внутри демократическаго общества классы глубоко раздѣлены и неподвижны, то каждый изъ нихъ дѣлается для его членовъ нѣкотораго

рода маленькимъ отечествомъ, болѣе близкимъ и болѣе дорогимъ, чѣмъ большое.

Кромѣ того, такъ какъ въ аристократическихъ обществахъ всѣ граждане занимаютъ опредѣленное мѣсто,—одни выше, другіе ниже,—то въ результатѣ этого каждый выше себя видитъ человѣка, покровительство котораго ему необходимо, а ниже—другого, отъ котораго онъ можетъ требовать поддержки.

Поэтому люди, живущіе въ эпохи аристократіи, почти всегда тѣсно связаны съ чѣмъ-то, находящимся внѣ ихъ, ради чего они нерѣдко готовы забыть себя самихъ. Правда, что въ эти времена общее понятіе „ближняго" еще темно и никто не думаетъ о самопожертвованіи ради человѣчества, но ради нѣкоторыхъ людей часто жертвуютъ собою.

Въ вѣка демократіи, когда обязанности каждаго индивидуума по отношенію къ виду гораздо яснѣе, преданность отдѣльному человѣку дѣлается рѣже. Узы человѣческихъ привязанностей дѣлаются шире, но слабѣе.

Въ средѣ демократическихъ націй безпрестанно выдвигаются изъ неизвѣстности новые роды, другіе безпрестанно снова погружаются туда, а всѣ остающіеся мѣняютъ свою физіономію; нить времени сжеминутно прерывается, и слѣдъ минувшихъ поколѣній исчезаетъ. О предкахъ скоро забываютъ и не имѣютъ никакой идеи о потомкахъ. Только самые близкіе удостоиваются вниманія.

Когда каждый классъ сближается и смѣшивается съ другими, то его члены дѣлаются равнодушными и чуждыми другъ другу.

Аристократія составила изъ всѣхъ гражданъ длинную цѣпь, восходящую отъ крестьянина до короля; демократія разрываетъ эту цѣпь и каждое звено ставитъ отдѣльно.

По мѣрѣ того, какъ растетъ равенство, встрѣчается все больше и больше людей, которые не достаточно богаты и сильны, чтобъ имѣть большое вліяніе на судьбу себѣ подобныхъ, но при всемъ томъ пріобрѣли или сохранили такое образованіе и богатство, что сами могутъ имъ довольствоваться. Эти люди никому ничѣмъ не обязаны и ни отъ кого ничего не ждутъ; они привыкаютъ видѣть себя всегда особнякомъ и охотно воображаютъ, что ихъ участь зависитъ только отъ нихъ самихъ.

Такимъ образомъ демократія не только заставляетъ каждаго забывать о предкахъ, но она скрываетъ отъ него и потомковъ и разобщаетъ его съ современниками; она безпрестанно возвращаетъ его въ себя самого и угрожаетъ, наконецъ, всецѣло замкнуть его въ его собственномъ опустѣвшемъ сердцѣ.

ГЛАВА III.

Почему при завершеніи демократической революціи индивидуализмъ сильнѣе, чѣмъ во всякое другое время.

Эта разобщенность людей другъ отъ друга и вытекающій изъ нея эгоизмъ особенно бросаются въ глаза въ тотъ моментъ, когда демократическое общество окончательно устанавливается на развалинахъ аристократіи.

Эти общества не только заключаютъ въ себѣ множество свободныхъ гражданъ, но они съ каждымъ днемъ пополняются людьми, которые, вчера только добившись свободы, опьянены своею новою властью. Преисполнив-

шись гордаго довѣрія къ своимъ силамъ, эти люди не могутъ и представить, себѣ чтобъ имъ когда-нибудь пришлось обратиться къ ближнимъ за помощью, и не скрываютъ, что они ни о чемъ кромѣ самихъ себя не думаютъ.

Обыкновенно аристократія падаетъ только послѣ долгой борьбы, въ теченіе которой возгорается непримиримая вражда между различными классами. Эти страсти переживаютъ побѣду, и въ демократическомъ смѣшеніи, которое наступаетъ вслѣдъ за нею, можно прослѣдить остатки ихъ.

Граждане, которые въ разрушенной іерархіи занимали первыя мѣста, не могутъ скоро забыть о своемъ прежнемъ величіи, и долго еще смотрятъ на себя какъ на иностранцевъ въ средѣ новаго общества. Въ равныхъ имъ согражданахъ, которыхъ даетъ имъ это общество, они видятъ притѣснителей, участь которыхъ не можетъ возбуждать сочувствія; своихъ прежнихъ равныхъ они потеряли изъ виду и уже не чувствуютъ себя связанными съ ихъ судьбою общими интересами; такимъ образомъ каждый отходитъ въ сторону съ мыслью, что ничего не остается, какъ ограничиться только своими дѣлами. Напротивъ, тѣ, которые прежде занимали нижнія ступени общественной лѣстницы и которыхъ революція вдругъ подняла до средняго уровня, наслаждаются вновь пріобрѣтенной свободой не безъ нѣкоторой тайной тревоги. Замѣчая рядомъ съ собою кого-нибудь изъ своихъ прежнихъ господъ, они бросаютъ на нихъ торжествующіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ боязливые взгляды и сторонятся отъ нихъ.

Такимъ образомъ наибольшая склонность къ разобщенію обнаруживается среди гражданъ именно при зарожденіи демократическаго общества.

Демократія побуждаетъ людей не сближаться съ подобными себѣ, но демократическія революціи порождаютъ стремленіе бѣжать отъ нихъ и въ средѣ равенства увѣковѣчиваютъ вражду, порожденную неравенствомъ.

Великое преимущество американцевъ заключается въ томъ, что они пришли къ демократіи безъ демократическихъ революцій и не сдѣлались, а родились равными

ГЛАВА IV.

Какъ американцы борятся съ индивидуализмомъ при помощи свободныхъ учрежденій.

Деспотизмъ, трусливый по природѣ, въ разобщеніи людей видитъ самый вѣрный залогъ своей прочности, и обыкновенно прилагаетъ всѣ усилія, чтобы разъединить ихъ. Ни одинъ порокъ человѣческаго сердца не пользуется такимъ его благоволеніемъ, какъ эгоизмъ: деспотъ охотно прощаетъ подданнымъ, если они не любятъ его, лишь бы только они не любили другъ друга. Онъ не проситъ ихъ помогать ему управлять государствомъ,—ему достаточно того, что они не стремятся управлять собою. Тѣхъ, которые стараются соединить свои усилія для общаго блага, онъ называетъ мятежными и безпокойными умами а добрыми гражданами называетъ, извращая естественный смыслъ словъ, тѣхъ, которые узко замыкаются въ себѣ.

Такимъ образомъ деспотизмъ порождаетъ какъ разъ тѣ же пороки, которымъ благопріятствуетъ и равенство. Эти двѣ вещи гибельнымъ образомъ дополняютъ и поддерживаютъ другъ друга.

Равенство ставитъ людей рядомъ, не соединяя ихъ общею связью.

Деспотизмъ воздвигаетъ между ними преграды и раздѣляетъ ихъ. Первое побуждаетъ ихъ не думать о ближнихъ, второй ставитъ индифферентизмъ на степень общественной добродѣтели.

Поэтому деспотизмъ, опасный во всякое время, долженъ внушать особое опасеніе въ вѣка демократіи.

Легко видѣть, что въ эти вѣка свобода особенно необходима людямъ. Когда гражданамъ приходится заниматься общественными дѣлами, то это необходимо выводитъ ихъ изъ сферы ихъ частныхъ интересовъ и отъ времени до времени заставляетъ забывать о себѣ.

Какъ только они начинаютъ сообща обсуждать общія дѣла то, каждый видитъ, что онъ не такъ независимъ отъ своихъ согражданъ, какъ онъ думалъ прежде, что часто нужно и самому помогать имъ, чтобы пользоваться ихъ помощью.

Когда управляетъ народъ, нѣтъ ни одного человѣка, который бы не чувствовалъ значенія общественной благосклонности и не старался завоевать ее, снискивая любовь и уваженіе тѣхъ, среди которыхъ ему приходится жить.

Тогда многія чувства, леденящія сердца и разъединяющія людей, должны отступать на задній планъ и таиться въ глубинѣ души. Гордость скрывается; презрѣніе не смѣетъ показаться на свѣтъ; эгоизмъ боится самого себя.

При свободномъ правительствѣ, когда большая часть общественныхъ должностей — выборныя, — тогда всѣ, чьи высокіе помыслы или безпокойныя стремленія не находятъ простора въ частной жизни, чувствуютъ, что не могутъ обойтись безъ окружающаго ихъ населенія.

Тогда случается, что человѣкъ начинаетъ думать о ближнихъ изъ за честолюбія и нѣкоторымъ образомъ видитъ свою выгоду въ томъ, чтобы ради ихъ забывать о себѣ. Я знаю, что здѣсь мнѣ могутъ указать на всевозможныя интриги, порождаемыя выборами, на безчестныя средства, которыя пускаютъ въ ходъ кандидаты, и на клевету, распускаемую ихъ противниками. Выборы — поводъ къ враждѣ, и онъ представляется тѣмъ чаще, чѣмъ чаще происходятъ выборы.

Это, безъ сомнѣнія, великое зло, но оно преходяще, между тѣмъ какъ благодѣянія, раждающіяся вмѣстѣ съ нимъ, остаются навсегда.

Желаніе быть выбраннымъ въ данное время можетъ нѣкоторыхъ вовлекать въ борьбу, но впослѣдствіи то же самое желаніе побуждаетъ всѣхъ помогать другъ другу; если и бываетъ, какъ частный случай, что выборы ссорятъ двухъ друзей, то выборная система въ цѣломъ постоянно сближаетъ множество гражданъ, которые иначе всегда оставались бы чуждыми другъ другу. Свобода создаетъ частныя распри, но деспотизмъ порождаетъ общее равнодушіе.

Съ индивидуализмомъ, который порождался равенствомъ, американцы боролись при помощи свободы и побѣдили.

Американскіе законодатели думали, что для исцѣленія этой болѣзни, столь опасной и столь естественной въ соціальномъ организмѣ въ демократическія времена, недостаточно дать всей націи только общее представительство; они думали, что гораздо лучше дать политическую жизнь каждой части территоріи, такъ чтобы случаи дѣйствовать сообща представлялись гражданамъ на каждомъ шагу, чтобъ они каждый день чувствовали, что они связаны другъ съ другомъ.

Это значило — поступать благоразумно.

Общія дѣла цѣлой страны занимаютъ только наиболѣе выдающихся гражданъ, да и эти только изрѣдка собираются вмѣстѣ; а такъ какъ часто потомъ они теряютъ другъ друга изъ виду, то и между ними не можетъ установиться прочной связи. Между тѣмъ, когда жителямъ одного округа приходится рѣшать мѣстные вопросы, тогда одни и тѣ же лица постоянно соприкасаются и волей-неволей должны узнавать другъ друга и угождать другъ другу.

Отвлечь человѣка отъ его частныхъ дѣлъ и внушить ему интересъ къ судьбамъ всего государства трудно, потому что онъ плохо понимаетъ, какое вліяніе судьба всего государства можетъ имѣть на его участь. Но стоитъ только провести дорогу близъ его помѣстья—и онъ съ перваго же взгляда увидитъ, что это ничтожное общественное дѣло имѣетъ отношеніе къ важнѣйшимъ его частнымъ дѣламъ, и безъ всякихъ объясненій поймётъ тѣсную связь, соединяющую частный интересъ съ общимъ.

Слѣдовательно, чтобы внушить гражданамъ интересъ къ общему благу и показать, насколько для этой цѣли они постоянно нуждаются другъ въ другѣ, гораздо важнѣе возложить на нихъ управленіе мелкими, мѣстными дѣлами, чѣмъ открывать доступъ къ общимъ и важнымъ.

Любовь народа можно завоевать сразу какимъ-нибудь громкимъ подвигомъ; но чтобы пріобрѣсти любовь и уваженіе окружающаго васъ населенія, нуженъ цѣлый длинный рядъ мелкихъ заслугъ, безупречная служба въ неизвѣстности, постоянное доброжелательство и прочно установившаяся репутація безкорыстія.

Свободное устройство мѣстнаго управленія, заставляя значительное число гражданъ добиваться любви своихъ сосѣдей и окружающихъ, безпрестанно сближаетъ людей другъ съ другомъ и, вопреки разъединяющимъ ихъ инстинктамъ, принуждаетъ помогать другъ другу.

Въ Соединенныхъ Штатахъ самые богатые граждане стараются не отдаляться отъ народа; напротивъ, они безпрестанно сближаются съ нимъ, охотно его выслушиваютъ и ежедневно говорятъ съ нимъ. Они знаютъ, что въ демократіи богачи всегда нуждаются въ бѣдныхъ, и что въ демократическія времена бѣдняка легче привязать къ себѣ обходительностью, чѣмъ благодѣяніемъ. Самая величина благодѣянія, ярко освѣщая различіе положеній, возбуждаетъ скрытое раздраженіе въ тѣхъ, которые пользуются имъ; между тѣмъ простота обращенія имѣетъ почти неотразимую привлекательность: его короткость подкупаетъ и даже грубость иногда нравится.

Не сразу эта истина проникаетъ въ умы богачей. Обыкновенно они отвергаютъ ее все время, пока продолжается демократическая революція, и даже по окончаніи ея признаютъ ее не сразу. Они охотно соглашаются благодѣтельствовать народу, но при этомъ хотятъ по-прежнему держать его въ почтительномъ отдаленіи. Они думаютъ, что этого достаточно; они ошибаются; они могутъ разориться на благотворительность и все таки не возбудить теплаго чувства въ окружающемъ населеніи. Оно требуетъ отъ нихъ не денежной жертвы; надо пожертвовать своею гордостью.

Можно сказать, что въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ ума, который бы не трудился надъ открытіемъ новыхъ средствъ увеличенія богатства и удовлетворенія потребностей общества. Въ каждомъ округѣ самые образованные граждане безпрестанно посвящаютъ свои знанія изысканію новыхъ способовъ поднять общественное благосостояніе, а когда найдутъ ихъ, спѣшатъ открыть ихъ народу.

Тѣмъ, кто близко узнаетъ пороки и слабости, которые въ Америкѣ нерѣдко

можно замѣтить у правящихъ, кажется удивительнымъ растущее благосостояніе народа; это — ошибка: вовсе не выбранныя власти создаютъ благосостояніе американской демократіи, а она сама процвѣтаетъ, потому что власти—выборныя.

Было бы ошибкою думать, что патріотизмъ американцевъ и замѣтная въ каждомъ изъ нихъ заботливость о благосостояніи его согражданъ — только кажущіеся. Правда, въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ и вездѣ, частный интересъ управляетъ большею частью человѣческихъ дѣйствій, однако онъ направляетъ не всѣ.

Я долженъ сказать, что мнѣ нерѣдко приходилось видѣть дѣйствительныя и великія жертвы, приносимыя американцами для общаго дѣла и я много разъ замѣчалъ, что никогда почти они не оставляютъ другъ друга безъ помощи въ нуждѣ.

Свободныя учрежденія, которыми обладаютъ жители Соединенныхъ Штатовъ, и политическія права, которыми они такъ широко пользуются, безпрестанно, на тысячу ладовъ напоминаютъ гражданину, что онъ живетъ въ обществѣ. Они ежеминутно приводятъ его къ мысли, что и долгъ, и собственная выгода человѣка заключаются въ томъ, чтобы быть полезнымъ ближнимъ. А такъ какъ у него нѣтъ никакой особенной причины ненавидѣть ихъ, такъ какъ онъ имъ ни рабъ, ни господинъ, то его сердце легко склоняется въ сторону добрыхъ чувствъ. Вначалѣ онъ заботится объ общественныхъ интересахъ по необходимости, а потомъ по желанію; то, что было разсчетомъ, дѣлается инстинктомъ; работая на пользу ближнихъ, человѣкъ наконецъ вырабатываетъ въ себѣ привычку и стремленіе служить имъ.

Во Франціи многіе смотрятъ на равенство какъ на главное зло, а на политическую свободу—какъ на второе. Когда приходится примириться съ однимъ, стараются избавиться по крайней мѣрѣ отъ другого Я, напротивъ, утверждаю, что для борьбы съ бѣдствіями, порождаемыми равенствомъ, есть только одно дѣйствительное средство: это политическая свобода.

ГЛАВА V.

Роль ассоціацій въ гражданской жизни американцевъ.

Я хочу говорить не о тѣхъ политическихъ ассоціаціяхъ, въ которыхъ люди ищутъ защиты противъ деспотизма большинства, или противъ превышеній королевской власти. Объ этомъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ. Очевидно, что по мѣрѣ того, какъ каждый гражданинъ въ отдѣльности дѣлается слабѣе, онъ становится и менѣе способнымъ отдѣльно защищать свою свободу, такъ что, еслибы вмѣстѣ съ этимъ онъ не учился искусству соединяться съ себѣ подобными для общей защиты ея, то тиранія необходимо возрастала бы вмѣстѣ съ равенствомъ.

Политическія ассоціаціи, существующія въ Соединенныхъ Штатахъ, составляютъ только часть той обширной картины, которую представляетъ совокупность всѣхъ ассоціацій.

Американцы всѣхъ возрастовъ, всѣхъ состояній, всѣхъ способностей, безпрестанно соединяются вмѣстѣ. У нихъ есть не только торговыя и промышленныя общества, въ которыхъ всѣ принимаютъ участіе, но и тысячи другихъ видовъ обществъ: съ религіозными и нравственными цѣлями, серьез-

ныя и пустыя, очень общаго и очень узкаго характера, громадныя и ничтожныя. Американцы составляютъ ассоціаціи, чтобъ устраивать празднества, основывать семинаріи, открывать трактиры, строить церкви, распространять книги, посылать миссіонеровъ къ антиподамъ; такимъ же образомъ они создаютъ госпитали, тюрьмы, школы. Идетъ ли дѣло объ открытіи новой истины, или нужно подѣйствовать на чувство великими примѣрами,— они соединяются въ общества; словомъ, во главѣ новаго предпріятія, вездѣ, гдѣ во Франціи вы видите правительство, а въ Англіи высокопоставленное лице. въ Америкѣ разсчитывайте увидѣть ассоціацію.

Я встрѣчалъ въ Америкѣ такіе виды ассоціацій, какихъ я, признаюсь, представить себѣ не могъ, и часто удивлялся тому неподражаемому искусству, съ какимъ жителямъ Соединенныхъ Штатовъ удавалось объединять усилія множества людей и свободно направлять ихъ къ одной общей цѣли.

Впослѣдствіи я путешествовалъ по Англіи, откуда американцы взяли нѣкоторые законы и многіе изъ своихъ обычаевъ, и нашелъ, что тамъ прибѣгаютъ къ ассоціаціи и далеко не такъ часто и не съ такимъ искусствомъ.

Въ Англіи нерѣдко очень обширныя предпріятія выполняются единичными силами; между тѣмъ нѣтъ такого ничтожнаго предпріятія, ради котораго американцы не составили бы общества. Ясно, что первые въ ассоціаціи видятъ только могучій рычагъ дѣятельности, а вторые—единственновозможную форму ея.

Такимъ образомъ оказывается, что именно въ самой демократической странѣ земного шара люди довели до высшаго въ наши дни совершенства искусство преслѣдовать общими силами предметъ общихъ стремленій и дали самое широкое примѣненіе этому новому искусству.

Случайность ли это, или дѣйствительно существуетъ необходимая связь между ассоціаціями и равенствомъ?

Аристократическія общества имѣютъ въ своемъ составѣ, среди множества индивидуумовъ, которые сами по себѣ совершенно безсильны, незначительное число очень богатыхъ и вліятельныхъ гражданъ; каждый изъ нихъ можетъ одинъ выполнять обширныя предпріятія.

Здѣсь людямъ не нужно соединяться для общей дѣятельности, потому что они и безъ того составляютъ прочное цѣлое.

Каждый богатый и вліятельный гражданинъ здѣсь составляетъ какъ бы главу постоянной ассоціаціи, образуемой силою вещей и состоящей изъ всѣхъ тѣхъ, которые подчинены ему и которыхъ онъ заставляетъ помогать выполненію своихъ плановъ.

У демократическихъ народовъ, напротивъ, каждый гражданинъ независимъ и въ отдѣльности безсиленъ. Сами по себѣ они ничего не могутъ сдѣлать, и никто не можетъ требовать отъ другихъ обязательной помощи. Если они не научатся добровольно помогать другъ другу, то всѣ придутъ къ полному безсилію.

Еслибъ граждане демократическихъ странъ не имѣли ни права, ни склонности составлять общества съ политическими цѣлями, то ихъ свобода подвергалась бы всѣмъ случайностямъ, но все-таки они долго еще могли бы сохранять и богатство, и образованность; между тѣмъ еслибъ они не привыкли дѣйствовать сообща въ обыденной жизни, то сама цивилизація была бы въ опасности. Когда частныя лица потеряли бы возможность совершать великія дѣла единичными силами и не выработали бы способности вести ихъ сообща, то народъ скоро возвратился бы къ состоянію варварства.

Къ несчастью, общественныя условія, которыя дѣлаютъ ассоціаціи такою необходимостью для демократическихъ народовъ, въ то же время организацію ихъ дѣлаютъ для нихъ труднѣе, чѣмъ для всѣхъ другихъ.

Когда хотятъ составить ассоціацію нѣсколько членовъ аристократическаго общества, то имъ легко это сдѣлать. Каждый приноситъ въ общество свое обширное вліяніе, и потому можно ограничиться небольшимъ числомъ участниковъ; а когда ихъ немного, то имъ легко узнать другъ друга, сговориться и установить постоянныя правила.

У демократическихъ націй это не такъ легко; здѣсь ассоціація, чтобъ имѣть какое-нибудь вліяніе, должна быть очень многочисленной.

Я знаю, что многихъ моихъ современниковъ это не смущаетъ. Они утверждаютъ, что по мѣрѣ того, какъ отдѣльные граждане дѣлаются слабѣе и безсильнѣе, правительство должно дѣлаться болѣе способнымъ и дѣятельнымъ, такъ чтобы общество въ цѣломъ могло выполнять то, что не подъ силу отдѣльной личности. Они воображаютъ, что этими словами вопросъ разрѣшается; я думаю, что они ошибаются.

Правительство могло бы замѣнить собою нѣкоторыя, наиболѣе значительныя американскія ассоціаціи, и въ предѣлахъ Союза нѣкоторые отдѣльные штаты уже пытались сдѣлать это. Но какой политической власти хватитъ на безчисленное множество мелкихъ предпріятій, которыя ежедневно выполняютъ американскіе граждане при помощи ассоціацій?

Легко видѣть, что приближается время, когда человѣкъ будетъ все менѣе и менѣе способенъ производить единичными силами даже вещи самыя обыкновенныя и необходимыя для жизни. Слѣдовательно, задачи общественной власти будутъ безпрестанно разрастаться, и самыя усилія ея будутъ съ каждымъ днемъ расширять ихъ. Чѣмъ болѣе она будетъ замѣнять собою ассоціаціи, тѣмъ болѣе будутъ нуждаться въ ея помощи граждане, потерявшіе представленіе о совмѣстной дѣятельности. Это—причины и слѣдствія, которыя будутъ постоянно вызывать другъ друга.

Не придется ли въ концѣ концовъ общественной власти управлять всѣми отраслями промышленности, которыя не подъ силу отдѣльному человѣку? И если придетъ моментъ, когда вслѣдствіе крайняго раздѣленія земельной собственности земля окажется раздробленною на безконечно малыя части, такъ что и ея обработка будетъ возможна только для ассоціацій рабочихъ,—не придется ли тогда главѣ правительства оставить кормило правленія и взяться за плугъ?

Еслибы правительство повсюду заступило мѣсто ассоціацій, то умъ и нравственность демократическаго народа подвергались бы такой же опасности, какъ и его торговля и промышленность.

Только взаимное дѣйствіе людей другъ на друга оживляетъ мысли и чувства, возвышаетъ сердце и развиваетъ умъ. Я показалъ, что въ демократическихъ странахъ это дѣйствіе почти равно нулю. Тамъ его нужно создать искусственно, а сдѣлать это могутъ только ассоціаціи.

Когда члены аристократіи усвоятъ новую мысль, или проникнутся новымъ чувствомъ, они ставятъ ихъ, такъ сказать, рядомъ съ собою на той великой сценѣ, гдѣ находятся сами, и выставляя на показъ толпѣ, легко проводятъ ихъ въ умы и сердца окружающихъ.

Въ демократическихъ странахъ дѣйствовать такимъ образомъ можетъ только общественная власть, но легко видѣть, что ея дѣйствіе всегда недостаточно и нерѣдко опасно.

Поддерживать и оживлять движеніе мыслей и чувствъ среди великаго

народа, правительству такъ же не подъ силу, какъ и вести всѣ его промышленныя предпріятія. Какъ только оно попытается выйти изъ политической сферы и вступить на этотъ новый путь,—оно даже помимо своей воли дѣлается невыносимо-деспотическимъ. Правительство можетъ только диктовать точныя правила; чувства и мысли, которымъ оно сочувствуетъ, оно дѣлаетъ обязательными, и всегда трудно различать его совѣты отъ его приказаній.

Еще хуже, если оно вообразитъ своею задачей — задерживать всякое движеніе. Тогда и само оно остановится безъ движенія и погрузится въ добровольный сонъ.

Необходимо, чтобъ оно дѣйствовало не одно. Могущественныхъ частныхъ лицъ, которыхъ уничтожило равенство, у демократическихъ народовъ замѣняютъ ассоціаціи.

Какъ только нѣсколько жителей Соединенныхъ Штатовъ познакомятся съ чувствомъ или идеею, которую они хотятъ возбудить и въ публикѣ, они ищутъ другъ друга и, отыскавши, соединяются въ общество. Теперь это уже не отдѣльные люди, а видная сила, дѣйствія которой имѣютъ значеніе примѣра, которая говоритъ и которую слушаютъ.

Когда я въ первый разъ услышалъ въ Соединенныхъ Штатахъ, что сто тысячъ людей дали публичное обязательство не употреблять крѣпкихъ напитковъ, мнѣ это показалось скорѣй забавнымъ, чѣмъ серьезнымъ; я не могъ хорошенько понять, почему этимъ столь воздержнымъ гражданамъ показалось недостаточнымъ просто пить воду у себя дома.

Наконецъ, я понялъ, что эти сто тысячъ американцевъ были встревожены успѣхами, какіе дѣлало вокругъ нихъ пьянство, и рѣшились взять подъ свое покровительство трезвость. Они дѣйствовали точно такъ же, какъ вельможа, который сталъ бы одѣваться очень просто, чтобы внушить простымъ гражданамъ презрѣніе къ роскоши. Надо полагать, что еслибъ эти сто тысячъ людей жили во Франціи, то каждый отдѣльно обратился бы къ правительству съ просьбой учредить надзоръ за кабаками по всей территоріи государства.

Особеннаго нашего вниманія заслуживаютъ, по-моему, американскія общества съ религіозными и моральными цѣлями. Политическія и промышленныя ассоціаціи американцевъ мы замѣчаемъ безъ труда, но другія ускользаютъ отъ насъ; если мы и открываемъ ихъ, то плохо понимаемъ, потому что никогда не видали ничего подобнаго. Между тѣмъ надо замѣтить, что для американцевъ они такъ же необходимы, какъ и первыя, а можетъ-быть еще и болѣе.

Въ демократическихъ странахъ наука ассоціацій — основная наука; прогрессъ всѣхъ другихъ зависитъ отъ ея успѣховъ.

Въ числѣ законовъ, управляющихъ человѣческими обществами, есть одинъ, отличающійся отъ всѣхъ другихъ большею точностью и ясностью. Чтобы цивилизація сохранялась или развивалась, умѣнье соединять свои силы должно развиваться и совершенствоваться въ прямомъ отношеніи съ возрастаніемъ равенства.

ГЛАВА VI

Объ отношеніяхъ ассоціацій и газетъ.

Когда люди не соединены прочною и постоянною связью, то единственное средство заставить многихъ дѣйствовать сообща, это убѣждать въ отдѣльности каждаго, чье содѣйствіе необходимо, что его частный интересъ обязываетъ его присоединить свои усилія къ усиліямъ всѣхъ другихъ.

Сдѣлать это удобно и безъ труда можно только съ помощью газеты; только газета можетъ въ тысячи угловъ одновременно внести одну и ту же мысль.

Газета—это совѣтникъ, за которымъ не нужно итти, который является самъ и ежедневно вкратцѣ сообщаетъ вамъ объ общемъ дѣлѣ, не отрывая васъ отъ частныхъ дѣлъ.

Слѣдовательно, газеты становятся все болѣе и болѣе необходимыми, по мѣрѣ того, какъ увеличивается равенство и индивидуализмъ дѣлается опаснѣе. Думать, что они способствуютъ только охраненію свободы, значило бы придавать имъ слишкомъ мало значенія: они поддерживаютъ цивилизацію.

Я не отрицаю, что въ демократическихъ странахъ газеты нерѣдко завлекаютъ гражданъ въ очень легкомысленныя предпріятія; но безъ газетъ не было бы совсѣмъ общей дѣятельности. Порождаемое ими зло гораздо меньше того, которое они исцѣляютъ.

Значеніе газеты не ограничивается тѣмъ, что множеству людей она внушаетъ одно и то же намѣреніе; она даетъ и средства выполнять общими силами тѣ планы, которые они задумали и безъ нея.

Въ аристократическихъ странахъ выдающіеся граждане видны издалека. Если они хотятъ соединить свои силы, они идутъ другъ къ другу и увлекаютъ вслѣдъ за собою толпу.

Въ демократическихъ странахъ, напротивъ, нерѣдко случается, что у многихъ и есть желаніе, или потребность соединиться, но они не могутъ этого сдѣлать: такъ какъ они незначительны и затерялись въ толпѣ, то не видятъ и не могутъ найти другъ друга. Тутъ является на помощь газета; она провозглашаетъ во всеуслышаніе чувство или мысль, возникшую одновременно, но въ отдѣльности у каждаго изъ нихъ. Всѣ тотчасъ устремляются къ этому источнику свѣта, и умы, такъ долго блуждавшіе во мракѣ, наконецъ встрѣчаются и соединяются.

Газета сблизила ихъ, но она и послѣ этого еще необходима, чтобы удерживать ихъ вмѣстѣ.

Чтобы имѣть какое-нибудь вліяніе, у демократическаго народа, ассоціація должна быть многочисленной. Ее составляютъ люди, разбросанные на большомъ пространствѣ; каждаго изъ нихъ ограниченность средствъ и масса вытекающихъ отсюда мелкихъ заботъ держатъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ живетъ. Имъ нужно найти способъ переговариваться каждый день, не видясь, и дѣйствовать дружно, не сходясь. Поэтому ни одна демократическая ассоціація не можетъ обойтись безъ газеты.

Слѣдовательно между ассоціаціями и газетами существуетъ необходимая связь: газеты создаютъ ассоціаціи, а ассоціаціи создаютъ газеты; и если вѣрно, что ассоціаціи должны размножаться съ усиленіемъ равенства, то не менѣе вѣрно и то, что по мѣрѣ размноженія ассоціацій растетъ число газетъ.

Такимъ образомъ въ Америкѣ можно встрѣтить одновременно и больше ассоціацій и больше газетъ, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ.

Это отношеніе между числомъ ассоціацій и газетъ приводитъ насъ къ открытію другого отношенія: между состояніемъ періодической прессы и формой управленія страны; оно показываетъ намъ, что число періодическихъ изданій должно уменьшаться, или возрастать, пропорціонально усиленію, или ослабленію административной централизаціи. У демократическаго народа должности мѣстнаго управленія нельзя возложить на знатныхъ гражданъ, какъ это дѣлается въ аристократіи; надо или уничтожить эти должности, или предоставить ихъ большому числу гражданъ. Эти послѣдніе составляютъ настоящую ассоціацію, неизмѣнно установленную закономъ, для управленія частью территоріи, и имъ необходимо, чтобы газета являлась къ нимъ среди ихъ частныхъ дѣлъ и сообщала имъ о положеніи общаго дѣла. Чѣмъ многочисленнѣе должности мѣстнаго управленія, тѣмъ больше и тѣхъ, кого законъ призываетъ къ отправленію ихъ, и тѣмъ сильнѣе размножаются газеты, такъ какъ необходимость ихъ даетъ себя чувствовать ежеминутно.

Изумительный ростъ числа газетъ въ Америкѣ зависитъ не столько отъ великой политической свободы и безусловной независимости прессы, сколько именно отъ крайняго раздробленія административной власти. Если бы всѣ жители Союза были избирателями, но имѣли лишь право выбирать законодателей для всего государства, тогда имъ было бы достаточно небольшого числа газетъ, потому что тогда дѣйствовать сообща имъ приходилось бы только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, правда, очень серьезныхъ, но очень рѣдкихъ. Но законъ установилъ внутри великой общенародной ассоціаціи мелкія ассоціаціи для мѣстнаго управленія — въ каждой провинціи, въ каждомъ городѣ, можно сказать, въ каждомъ селеніи. Такимъ образомъ законодатель заставилъ каждаго американца ежедневно участвовать, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ согражданъ, въ общемъ дѣлѣ, и газета каждому должна сообщать, что дѣлаютъ другіе.

По моему мнѣнію, если демократическій народъ [1]) и не имѣетъ національнаго представительства, но низшія мѣстныя власти многочисленны, то, въ концѣ концовъ, у него будетъ больше газетъ, чѣмъ у другого народа, у котораго на-ряду съ выборной законодательною властью существуетъ централизованная администрація. У американцевъ высшая степень національной свободы соединяется со всевозможными мѣстными вольностями, и это лучше всего объясняетъ невѣроятное развитіе, какое получила въ Соединенныхъ Штатахъ ежедневная пресса.

По общепринятому въ Англіи и во Франціи взгляду, стоитъ только отмѣнить налоги, лежащіе на печати, — и число газетъ возростетъ до безконечности. Это значитъ приписывать этой реформѣ преувеличенное значеніе. Число газетъ возрастаетъ въ зависимости не только отъ дешевизны ихъ, но и отъ того, насколько часто является необходимость большому числу людей объединиться и дѣйствовать вмѣстѣ.

Точно также и растущее вліяніе газетъ я ставлю въ связь съ причинами болѣе общими, чѣмъ тѣ, какими часто объясняютъ его.

Газета можетъ существовать только при томъ условіи, если она про-

---

[1]) Я говорю *демократическій народъ*. Администрація можетъ быть сильно децентрализованной и у аристократическаго народа, и однако не будетъ чувствоваться нужды въ газетахъ, потому что тогда мѣстное управленіе будетъ въ рукахъ очень немногихъ людей, которые или дѣйствуютъ каждый отдѣльно, или знаютъ и легко могутъ видѣть и слышать другъ друга.

водитъ ученіе, или чувство общее многимъ. Такимъ образомъ газета всегда является представителемъ той ассоціаціи, члены которой являются ея обычными читателями.

Эта ассоціація можетъ быть болѣе или менѣе опредѣлившейся, болѣе или менѣе тѣсной, болѣе ими менѣе многочисленной, но она существуетъ, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ, въ умахъ, только благодаря тому, что существуетъ газета.

Это приводитъ насъ къ послѣднему замѣчанію, которымъ мы и закончимъ главу.

Чѣмъ болѣе усиливается равенство, тѣмъ слабѣе дѣлается каждый въ отдѣльности, тѣмъ легче онъ позволяетъ толпѣ увлечь себя и тѣмъ труднѣе ему одному остаться при убѣжденіи, которое она отвергаетъ.

Газета является представителемъ ассоціаціи: можно сказать, что она обращается къ каждому изъ своихъ читателей во имя всѣхъ другихъ, и тѣмъ легче увлекаетъ ихъ, чѣмъ слабѣе каждый изъ нихъ въ отдѣльности.

Слѣдовательно, по мѣрѣ того, какъ люди дѣлаются болѣе равными, вліяніе газетъ должно возрастать.

ГЛАВА VII.

Отношенія между гражданскими и политическими ассоціаціями.

На свѣтѣ есть только одинъ народъ, граждане котораго ежедневно пользуются неограниченною свободой составлять ассоціаціи съ политическими цѣлями. Въ то же время это — единственный народъ, граждане котораго научились и въ частной жизни постоянно извлекать пользу изъ права ассоціаціи и этимъ путемъ съумѣли добиться такихъ благъ, какія только можетъ дать цивилизація.

У тѣхъ народовъ, гдѣ запрещена политическая ассоціація, рѣдка и гражданская.

Невѣроятно, чтобъ это было результатомъ случая; скорѣе слѣдуетъ думать, что между этими двумя родами ассоціаціи существуетъ естественная, быть-можетъ необходимая связь.

Случайно нѣсколько человѣкъ заинтересованы въ извѣстномъ дѣлѣ. Рѣчь идетъ о коммерческомъ предпріятіи о промышленной операціи; они встрѣчаются и соединяются; такимъ образомъ они мало-помалу привыкаютъ къ ассоціаціи.

Чѣмъ больше число этихъ мелкихъ предпріятій, тѣмъ болѣе пріучаются люди, незамѣтно для себя, преслѣдовать общими силами и крупныя.

Гражданскія ассоціаціи облегчаютъ организацію политическихъ; съ другой стороны, политическія ассоціаціи чрезвычайно способствуютъ развитію и улучшенію гражданскихъ.

Въ гражданской жизни, собственно говоря, каждый можетъ воображать, что онъ ни въ комъ не нуждается. Въ политикѣ онъ ни на минуту не можетъ подумать этого. Когда народъ живетъ политическою жизнью, тогда мысль объ ассоціаціи и желаніе соединиться ежедневно является у всѣхъ гражданъ: какъ бы противна привычкамъ людей ни была совмѣстная дѣятельность, но въ интересахъ партіи они всегда будутъ готовы на нее.

Такимъ образомъ политика дѣлаетъ общею склонность и привычку къ

совмѣстной дѣятельности, она порождаетъ желаніе соединяться и научаетъ дѣлать это толпу людей, которые иначе жили бы всегда особнякомъ.

Въ гражданской жизни общій интересъ рѣдко привлекаетъ къ участію въ общемъ дѣлѣ большое число лицъ. Нужно много искусства, чтобы создать что-нибудь подобное.

Въ политикѣ такіе случаи представляются постоянно сами собою. Но общая сила ассоціацій очевидна только тогда, когда ассоціація велика. Слабые по-одиночкѣ граждане заранѣе и представить себѣ не могутъ, какую силу они пріобрѣтутъ, соединившись, а чтобъ они поняли это, имъ нужно это показать. Вотъ почему и происходитъ, что часто собрать нѣсколько человѣкъ для общей цѣли труднѣе, чѣмъ массу людей: тысяча гражданъ не видятъ разсчета соединяться, а десять тысячъ видятъ его. Въ политикѣ люди соединяются для важныхъ цѣлей, но польза, которую извлекаютъ они изъ ассоціацій въ важныхъ дѣлахъ, показываетъ имъ практически, что и въ самыхъ ничтожныхъ имъ выгодно поддерживать другъ друга.

Политическая ассоціація сразу выводитъ множество людей изъ ихъ замкнутости; какъ бы ни были они раздѣлены лѣтами, умомъ, богатствомъ — она сближаетъ ихъ и завязываетъ между ними сношенія; разъ встрѣтившись, они сумѣютъ всегда найти другъ друга.

Въ большую часть гражданскихъ ассоціацій можно вступить только внеся часть своего имущества; такъ бываетъ во всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ обществахъ. Когда люди еще не опытны въ искусствѣ составлять ассоціаціи и не знаютъ основныхъ правилъ его, то, вступая въ первый разъ въ такое общество, они боятся слишкомъ дорого заплатить за свой опытъ. Они предпочитаютъ лучше отказаться отъ этого могучаго средства успѣха, чѣмъ подвергаться сопровождающимъ его опасностямъ. Гораздо охотнѣе вступаютъ они въ политическія ассоціаціи, которыя имъ кажутся безопасными, потому что здѣсь они не рискуютъ своими деньгами.

Но послѣ продолжительнаго участія въ этихъ ассоціаціяхъ нельзя не познакомиться съ тѣмъ, какъ поддерживается порядокъ среди громадной массы людей и какими средствами удается заставить ихъ дружно и методически итти къ общей цѣли. Здѣсь они привыкаютъ подчинять свою волю волѣ другихъ, свои отдѣльныя усилія — общей работѣ, — словомъ, учатся всему тому, что въ гражданскихъ ассоціаціяхъ такъ же необходимо знать, какъ и въ политическихъ.

Такимъ образомъ на политическія ассоціаціи можно смотрѣть какъ на обширныя безплатныя школы, куда всѣ граждане приходятъ изучать общую теорію ассоціацій.

Впрочемъ, еслибы политическая ассоціація даже и не способствовала непосредственно развитію гражданской, то уничтоженіе первой все-таки повредило бы второй.

Когда граждане могутъ соединяться только въ опредѣленныхъ случаяхъ, то въ ассоціаціи они видятъ вещь рѣдкую и необыкновенную; они не смѣютъ и мечтать о ней.

Если же имъ предоставлена полная свобода составлять ассоціаціи, то въ концѣ концовъ они начинаютъ видѣть въ нихъ универсальное и, такъ сказать, единственное средство, какимъ люди могутъ пользоваться для достиженія различныхъ цѣлей, которыя они ставятъ себѣ. Всякая новая потребность тотчасъ заставляетъ вспомнить объ ассоціаціи.

Умѣнье организовать ихъ, какъ я сказалъ выше, дѣлается основною наукой, которую всѣ изучаютъ и примѣняютъ.

Когда однѣ ассоціаціи запрещены, а другія дозволены, трудно впередъ отличить первыя отъ вторыхъ. Сомнѣніе заставляетъ держаться въ сторонѣ отъ всѣхъ, и устанавливается родъ общественнаго мнѣнія, которое готово на всякую ассоціацію смотрѣть какъ на дерзкое, почти преступное дѣло [1]).

Напрасно воображаютъ, что если духъ ассоціацій стѣснять въ одномъ пунктѣ, то онъ все-таки непремѣнно разовьется съ тою же силой во всѣхъ другихъ, и что достаточно позволить людямъ выполнять общими силами извѣстныя предпріятія, чтобы они сейчасъ же приступили къ этому. Когда граждане выработали умѣнье и привычку соединяться для всякихъ цѣлей, то они дѣйствительно будутъ соединяться такъ же охотно для великихъ, какъ и для малыхъ. Но если имъ позволено будетъ составлять ассоціаціи только съ ничтожными цѣлями, то они даже не найдутъ въ себѣ ни умѣнья, ни охоты на это. Напрасно вы предоставите имъ полную свободу сообща вести свои торговыя дѣла, — они очень лѣниво будутъ пользоваться дарованными имъ правами; истощившись въ усиліяхъ искоренить запрещенныя ассоціаціи, вы съ удивленіемъ увидите, что не можете убѣдить ихъ организовать дозволенныя.

Я не говорю, что въ странахъ, гдѣ политическая ассоціація запрещена, гражданская не можетъ существовать; люди не могутъ жить въ обществѣ, не участвуя въ какомъ-нибудь общемъ дѣлѣ. Но я утверждаю, что въ этихъ странахъ гражданскія ассоціаціи всегда малочислены, плохо прививаются, неумѣло ведутся и что они или никогда не задаются обширными планами, или терпятъ въ нихъ неудачи.

Все это, естественно, приводитъ меня къ мысли, что свобода ассоціацій съ политическими цѣлями далеко не такъ опасна для общественнаго спокойствія, какъ это думаютъ; если вначалѣ она нѣкоторое время и волнуетъ государство, то впослѣдствіи она можетъ укрѣплять его.

Въ демократическихъ странахъ политическія ассоціаціи — это, такъ сказать, единственные сильные граждане, которые стремятся управлять государствомъ. Правительства нашего времени смотрятъ на ассоціаціи этого рода такъ же, какъ средневѣковые короли смотрѣли на сильныхъ вассаловъ короны: они питаютъ къ нимъ нѣчто вродѣ инстинктивнаго страха, и при всякой встрѣчѣ вступаютъ въ борьбу съ ними.

Къ гражданскимъ ассоціаціямъ они, напротивъ, относятся съ естественною благосклонностью, такъ какъ они легко замѣтили, что эти ассоціаціи, вмѣсто того, чтобъ обращать вниманіе гражданъ на общественныя дѣла, отвлекаютъ его отъ нихъ, и втягивая гражданъ все болѣе и болѣе въ проэкты, выполненіе которыхъ возможно только при общемъ спокойствіи,

---

[1]) Въ особенности вѣрно это, когда разрѣшеніе и запрещеніе ассоціацій предоставлено на усмотрѣніе исполнительной власти.

Далеко не такъ велико зло, когда законъ только не дозволяетъ извѣстнаго рода ассоціаціи, а наказывать нарушителей предоставляетъ судамъ; тогда каждый гражданинъ впередъ знаетъ, на что ему разсчитывать; онъ, такъ сказать, самъ судитъ себя прежде своихъ судей, сторонится отъ запрещенныхъ ассоціацій и вступаетъ въ дозволенныя. Именно въ такой формѣ всегда понимали свободные народы ограниченіе права ассоціацій. Но если бы законодатель поручилъ одному человѣку впередъ рѣшать, какія ассоціаціи опасны и какія полезны, если бы онъ предоставилъ ему свободу уничтожать всѣ ассоціаціи въ зародышѣ, или разрѣшать ихъ, тогда никто не могъ бы впередъ сказать, въ какихъ случаяхъ можно соединяться и въ какихъ нельзя, и духъ единенія былъ бы окончательно парализованъ. Первый законъ вооружается только противъ опредѣленныхъ ассоціацій, второй относится къ самому обществу и оскорбляетъ его. Я понимаю, что къ первому закону можетъ прибѣгать и благоустроенное правительство, но ни за какимъ правительствомъ я не признаю права установить второй.

дѣлаютъ ихъ врагами переворотовъ. Но они упускаютъ изъ виду, что политическія ассоціаціи необыкновенно облегчаютъ и усиливаютъ появленіе гражданскихъ, что, избѣгая опасной болѣзни, правительства лишаются и дѣйствительнаго лѣкарства. Когда вы видите, какъ свободно американцы каждый день соединяются, съ цѣлью дать перевѣсъ тому или другому политическому взгляду, призвать одного государственнаго человѣка къ управленію, или вырвать власть у другого, то вамъ трудно понять, какъ при такой свободѣ люди не впадаютъ поминутно въ своеволіе.

Съ другой стороны, когда вы смотрите на безчисленное множество промышленныхъ предпріятій, которыя сообща ведутся въ Соединенныхъ Штатахъ, и видите повсюду американцевъ, безъ отдыха трудящихся надъ выполненіемъ какого-нибудь важнаго и труднаго плана, который можетъ быть разрушенъ малѣйшимъ безпорядкомъ, тогда вамъ понятно, почему у этихъ, столь занятыхъ людей нѣтъ желанія волновать государство и нарушать, общественное спокойствіе, отъ котораго они выигрываютъ.

Но достаточно ли наблюдать эти вещи порознь и не слѣдуетъ ли обнаружить скрытую связь, соединяющую ихъ? Именно въ политическихъ ассоціаціяхъ американцы всевозможнаго возраста, состоянія, умственнаго развитія, съ каждымъ днемъ научаются цѣнить ассоціаціи вообще и осваиваются съ ихъ назначеніемъ. Именно здѣсь они видятъ себя въ многочисленномъ собраніи, говорятъ и слушаютъ другъ друга и сообща задумываютъ всевозможныя предпріятія, Пріобрѣтенныя такимъ образомъ познанія они переносятъ и въ гражданскую жизнь и на тысячу ладовъ примѣняютъ ихъ.

Такимъ образомъ, пользуясь опасною свободой, американцы учатся искусству уменьшать ея опасности.

Для извѣстныхъ моментовъ существованія народа не трудно доказать, что политическія ассоціаціи волнуютъ государство и парализуютъ промышленность; но если взять всю жизнь народа, то, быть можетъ, легко доказать, что свобода политическихъ ассоціацій способствуетъ благосостоянію и даже спокойствію гражданъ.

Въ первой части этого труда я сказалъ: „нельзя смѣшивать неограниченную свободу ассоціацій со свободою печати: первая и опаснѣе второй, и не такъ необходима. Народъ можетъ установить для нея извѣстныя границы, не переставая быть самъ себѣ господиномъ; чтобъ остаться имъ, иногда онъ даже долженъ это сдѣлать". Далѣе я прибавилъ: „нельзя не признаться, что неограниченная свобода политическихъ ассоціацій — это высшая степень свободы, какую только можетъ вынести народъ. Если она и не увлекаетъ его въ анархію, то все же поминутно приводитъ, такъ сказать, къ ея границѣ".

Слѣдовательно, я вовсе не думаю, что народъ всегда можетъ предоставить гражданамъ неограниченное право объединяться съ политическими цѣлями, и даже сомнѣваюсь, благоразумно-ли было-бы во всякое время и въ какой-бы то ни было странѣ не положить границъ свободѣ ассоціацій.

Говорятъ, что если народъ не ограничитъ права ассоціацій тѣсными предѣлами, то онъ не можетъ поддерживать внутреннее спокойствіе, внушать уваженіе къ законамъ, установить прочное правительство. Безъ сомнѣнія, подобныя блага драгоцѣнны, и я понимаю, что ради пріобрѣтенія, или сохраненія ихъ, народъ соглашается временно подчинится тяжелымъ стѣсненіямъ; но все-же нужно чтобы онъ понималъ, чего стоятъ ему эти блага.

Когда человѣку отрѣзываютъ руку, чтобы спасти жизнь — это я понимаю, но я не повѣрю, что онъ окажется такъ же ловокъ, какъ еслибъ и не былъ калѣкой.

ГЛАВА VIII.

Какъ американцы борятся съ индивидуализмомъ при помощи ученія хорошо понятаго интереса.

Когда міромъ правили нѣсколько богатыхъ и могущественныхъ людей, то они охотно составляли себѣ возвышенное понятіе объ обязанностяхъ человѣка; они любили говорить, что благородно — забывать себя, что слѣдуетъ дѣлать добро безкорыстно, какъ самъ Богъ. Въ то время въ области нравственности это была, такъ сказать, оффиціальная доктрина.

Я сомнѣваюсь, чтобы въ аристократическія эпохи люди были добродѣтельнѣе, чѣмъ во всякое другое время, но несомнѣнно, что тогда о привлекательности добродѣтели говорили не переставая, и только потихоньку изслѣдовали, какая въ ней польза. Но по мѣрѣ того, какъ каждый сосредоточивается на себѣ самомъ и полетъ мысли становится менѣе высокимъ, идея жертвы начинаетъ пугать моралистовъ, и они уже не рѣшаются проповѣдывать ее людямъ; они переходятъ къ изслѣдованію, не заключается ли частная выгода гражданъ въ трудѣ для общаго счастія, и открывъ одну изъ точекъ, въ которыхъ частный и общій интересъ встрѣчаются и совпадаютъ, они спѣшатъ указать на нее. Мало-помалу подобныя наблюденія накопляются. То, что вначалѣ было только отдѣльною замѣткой, превращается въ общее ученіе, и наконецъ всѣ вѣрятъ, что служа ближнимъ, человѣкъ служитъ самому себѣ и что дѣлать добро его побуждаетъ частный интересъ.

Во многихъ мѣстахъ этого сочиненія я уже показалъ, съ какимъ умѣньемъ жители Соединенныхъ Штатовъ почти всегда соединяютъ свою личную выгоду съ благосостояніемъ согражданъ. Здѣсь я хочу указать только ту общую ютеорію, благодаря которой имъ это удается.

Въ Соединенныхъ Штатахъ почти никто не говоритъ, что добродѣтель прекрасна. Утверждаютъ только, что она полезна, и каждый день доказываютъ это. Американскіе моралисты не говорятъ, что нужно жертвовать собою для ближнихъ, потому что это—великое дѣло; но они рѣшительно утверждаютъ, что подобныя жертвы приносящему ихъ такъ же необходимы, какъ и получающему.

Они замѣтили, что въ ихъ странѣ и въ ихъ время человѣкъ прикованъ къ себѣ самому непреодолимою силой, и не надѣясь преодолѣть ее, они хотятъ только направить ее.

Они не отрицаютъ, что каждый человѣкъ имѣетъ право преслѣдовать свои личныя выгоды, а стараются только доказать, что выгода каждаго — быть честнымъ.

Я не хочу здѣсь входить въ подробности ихъ аргументаціи,—это отвлекло бы меня отъ моего предмета; достаточно будетъ сказать, что они убѣдили своихъ согражданъ.

Давно уже Монтэнь сказалъ: „если я не пойду прямымъ путемъ ради его прямоты, то все-таки пойду имъ, зная по опыту, что въ концѣ концовъ онъ обыкновенно оказывается и самымъ пріятнымъ, и самымъ выгоднымъ.

Доктрина правильно понимаемаго интереса не нова, но у американцевъ нашихъ дней ее признаютъ всѣ; тамъ она сдѣлалась популярной; ее видятъ въ основѣ каждаго поступка и всѣ разсужденія проникнуты ею. Ее одинаково часто можно встрѣтить въ устахъ какъ бѣдняка, такъ и богача.

Въ Европѣ доктрина интереса гораздо грубѣе, чѣмъ въ Америкѣ, но въ то же время она не такъ распространена и въ особенности не такъ открыто признается; у насъ постоянно ее прикрываютъ еще великими жертвами, которыхъ уже нѣтъ.

Американцы, напротивъ, охотно объясняютъ почти всѣ поступки своей жизни доктриною правильно понятаго интереса; они охотно показываютъ, какъ осмысленный эгоизмъ побуждаетъ ихъ жертвовать на пользу государства частью своего времени и своего богатства. Мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи они часто несправедливы къ себѣ: въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ и вездѣ, можно иногда видѣть, какъ люди увлекаются безкорыстными и необдуманными порывами, врожденными человѣку; но американцы неохотно сознаются, что поддаются подобнымъ чувствамъ; они охотнѣе желаютъ возвысить репутацію своей философіи, чѣмъ самихъ себя.

Я могъ бы остановиться здѣсь и не пытаться дать оцѣнку того, что я сейчасъ изобразилъ. Крайняя трудность предмета служила бы мнѣ извиненіемъ. Но я не хочу пользоваться этимъ и оставлять въ недоумѣніи моихъ читателей, хотя бы даже они, ясно видя мою цѣль, и отказались слѣдовать за мной.

Правильно понятый интересъ — доктрина не особенно возвышенная, но ясная и надежная. Она не задается великими цѣлями, но тѣхъ, которыя она себѣ ставитъ, она достигаетъ безъ труда. Такъ какъ она доступна всякому уму, то всякій легко понимаетъ и безъ труда запоминаетъ ее. Она прекрасно приспособлена къ людскимъ слабостямъ, а потому легко пріобрѣтаетъ огромное вліяніе, которое ей не трудно удержать за собой, такъ какъ противъ личной выгоды она направляетъ ту же выгоду, и чтобъ управлять страстями, пользуется тѣми самыми силами, которыя порождаютъ ихъ.

Ученіе правильно понятаго интереса не побуждаетъ къ великимъ жертвамъ, но каждый день побуждаетъ къ мелкимъ. Само по себѣ оно не можетъ сдѣлать человѣка добродѣтельнымъ, но оно создаетъ массу гражданъ честныхъ, трезвыхъ, умѣренныхъ, предусмотрительныхъ, владѣющихъ собою: и если она не ведетъ къ добродѣтели прямо, направляя къ ней волю, то незамѣтно приближаетъ къ ней, измѣняя привычки.

Еслибы это ученіе достигло полнаго господства въ нравственномъ мірѣ, то добродѣтели, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, безъ сомнѣнія, сдѣлались бы рѣже, но, я думаю, также рѣже сдѣлались бы наиболѣе грубые пороки. Доктрина хорошо понятаго интереса препятствуетъ, быть-можетъ, нѣкоторымъ людямъ высоко подняться надъ среднимъ человѣческимъ уровнемъ, но за то множество другихъ, которые опустились бы ниже этого уровня, благодаря ей держатся на немъ. Если взглянуть на отдѣльныя личности, то эта доктрина принижаетъ ихъ; если смотрѣть на весь человѣческій родъ, то она его возвышаетъ.

Я рѣшаюсь даже утверждать, что по моему, доктрина правильно понятаго интереса болѣе всѣхъ другихъ философскихъ теорій соотвѣтствуетъ потребностямъ нашихъ современниковъ, и что въ ней я вижу самую вѣрную гарантію, какая только есть у нихъ противъ собственныхъ недостатковъ.

Поэтому къ ней прежде всего должны обращаться моралисты нашего времени. Еслибъ она и казалась имъ несовершенной, то имъ все-таки слѣдуетъ принять ее, какъ необходимую.

Я думаю, что, взвѣсивши все, окажется, что у насъ эгоизмъ такъ же силенъ, какъ и въ Америкѣ; разница только та, что тамъ онъ осмысленъ, а у насъ нѣтъ. Всякій американецъ сумѣетъ пожертвовать частью своихъ выгодъ, чтобы спасти остальное, а мы хотимъ все сохранить и часто лишаемся всего.

Я вижу вокругъ себя только людей, которые повидимому хотятъ каждый день доказывать своимъ современникамъ и словомъ, и примѣромъ, что полезное никогда не бываетъ безчестно. Найду ли я, наконецъ, и такихъ, которые захотятъ показать имъ, какъ честное можетъ быть полезнымъ?

Никакая власть на землѣ не можетъ помѣшать тому, чтобы возрастающее равенство не направляло человѣческій умъ въ поиски за полезнымъ и не заставляло каждаго гражданина замыкаться въ себѣ самомъ.

Поэтому слѣдуетъ ожидать, что личный интересъ болѣе, чѣмъ когда-либо, сдѣлается главнымъ, если не единственнымъ двигателемъ человѣческихъ поступковъ; но вопросъ въ томъ, какъ каждый будетъ понимать свой личный интересъ?

Если, дѣлаясь равными, граждане останутся невѣжественными и грубыми, то трудно и предвидѣть, до какой нелѣпой крайности дойдетъ ихъ эгоизмъ, и невозможно впередъ сказать, какія позорныя бѣдствія навлекутъ они на себя, не желая пожертвовать частью своего достоянія для блага ближнихъ.

Я не думаю, чтобы ученіе интереса въ томъ видѣ, какъ оно проповѣдуется въ Америкѣ, было ясно во всѣхъ своихъ частяхъ; однако оно заключаетъ въ себѣ множество истинъ настолько очевидныхъ, что нужно только просвѣтить людей, чтобы они ихъ поняли. Просвѣтите же ихъ во что бы то ни стало: вѣкъ слѣпой преданности и инстинктивныхъ добродѣтелей остался уже далеко позади, и и приближается время, когда безъ просвѣщенія не возможно будетъ существованіе ни свободы, ни общественнаго спокойствія, ни общественнаго порядка.

ГЛАВА IX.

Какъ американцы примѣняютъ ученіе правильно понятаго интереса къ религіознымъ вопросамъ.

Еслибы доктрина правильно понятаго интереса имѣла въ виду только этотъ міръ, то ею далеко нельзя было бы удовлетвориться; многія жертвы могутъ получить свою награду только въ другомъ мірѣ, и какъ бы ни силился умъ доказать пользу добродѣтели, всегда трудно будетъ заставить честно жить человѣка, который не думаетъ о смерти.

Поэтому надо знать, насколько теорія интереса, правильно понятаго, согласима съ религіозными вѣрованіями.

По словамъ философовъ, проповѣдующихъ это ученіе, чтобы быть счастливымъ въ жизни, нужно слѣдить за своими страстями и тщательно подавлять крайности ихъ; прочное счастіе можно пріобрѣсть только отказываясь отъ тысячи преходящихъ удовольствій и, наконецъ, нужно без-

престанно преодолѣвать самого себя, чтобы лучше достигать собственныхъ цѣлей.

Основатели почти всѣхъ религій говорили приблизительно то же самое. Они не указывали другого пути, а только отодвигали дальше цѣль и за жертвы, которыхъ они требовали, обѣщали награду не въ этой жизни, а въ будущей.

Я не допускаю во всякомъ случаѣ, чтобы всѣ дѣлающіе добро по предписаніямъ религіи дѣйствовали такъ только въ виду награды.

Я встрѣчалъ ревностныхъ христіанъ, которые забывали себя, чтобы съ большимъ усердіемъ трудиться для общаго счастія, и слыхалъ отъ нихъ самихъ, что они такъ дѣлаютъ для того только, чтобы заслужить награду въ будущей жизни; но я не могу удержаться отъ мысли, что они сами себя обманываютъ. Я слишкомъ уважаю ихъ, чтобы повѣрить этому.

Правда, христіанство говоритъ намъ, что нужно другихъ ставить выше себя, чтобы получить царство небесное; но оно говоритъ также, что дѣлать добро ближнимъ слѣдуетъ изъ любви къ Богу. Это—превосходное изрѣченіе; человѣкъ проникаетъ своимъ умомъ въ Божественную мысль; онъ видитъ, что цѣль Бога есть порядокъ; онъ свободно присоединяется къ этой великой мысли, и всецѣло жертвуя личными выгодами этому дивному порядку всѣхъ вещей, онъ не ждетъ другой награды кромѣ блаженства созерцать его.

Я не думаю поэтому, что единственный двигатель религіозныхъ людей есть интересъ. Но я думаю, что интересъ—это главное средство, которымъ пользуются религіи, чтобъ управлять людьми, и безъ сомнѣнія, именно благодаря ему, онѣ овладѣваютъ толпой и дѣлаются популярными.

Мнѣ не понятно, почему доктрина правильно понимаемаго интереса должна отвлекать людей отъ религіозныхъ вѣрованій, и, наоборотъ, мнѣ кажется понятнымъ, какимъ образомъ она приближаетъ къ нимъ.

Предположимъ, что для достиженія счастія въ этой жизни, человѣкъ никогда не поддается инстинкту и хладнокровно обдумываетъ всякій свой поступокъ, что онъ не уступаетъ первому порыву желаній, а научился бороться съ ними, и что онъ привыкъ безъ труда отказываться отъ минутныхъ удовольствій ради постоянныхъ выгодъ всей жизни.

Если подобный человѣкъ искренно вѣритъ въ ту религію, которую онъ исповѣдуетъ, то ему ничего не стоитъ подчиниться налагаемымъ ею стѣсненіямъ. Разсудокъ совѣтуетъ ему сдѣлать это, а привычки уже подготовили его къ этому.

Если же у него возникли сомнѣнія въ предметѣ своихъ вѣрованій, то онъ не остановится на этомъ, а разсудитъ, что всего благоразумнѣе рискнуть нѣкоторыми благами въ этой жизни, чтобы сохранить за собою право на безмѣрное наслѣдство, которое ему обѣщаютъ въ будущей.

„Ошибаться, считая христіанскую религію истинной, сказалъ Паскаль,— это еще не большая потеря; но какое несчастіе—ошибаться, считая ее ложной!“

Американцы вовсе не обнаруживаютъ грубаго равнодушія къ будущей жизни и свободны отъ дѣтски-высокомѣрнаго презрѣнія къ тѣмъ опасностямъ, которыхъ они надѣются избѣжать.

Они исполняютъ свои религіозные обряды безъ стыда и безъ слабости. Но обыкновенно даже въ самомъ усердіи ихъ видно что-то такое спокойное, такое аккуратное, такое разсчитанное, что, кажется, и къ подножію алтаря ихъ привело не столько сердце, сколько разсудокъ.

Американцы не только руководятся интересомъ при исполненіи предписаній своей религіи, но самый интересъ этотъ часто видятъ въ настоящей жизни. Въ средніе вѣка священники говорили только о будущей жизни; они и не думали доказывать, что благочестивый христіанинъ можетъ быть счастливъ и на землѣ.

Между тѣмъ, американскіе проповѣдники безпрестанно переходятъ къ землѣ, и только съ большимъ трудомъ отводятъ отъ нея взоръ. Чтобы сильнѣе подѣйствовать на своихъ слушателей, они ежедневно указываютъ имъ, какъ религіозныя вѣрованія поддерживаютъ свободу и общественный порядокъ; слушая ихъ, часто не знаешь, что собственно имѣетъ въ виду религія прежде всего: доставить ли вѣчное блаженство въ будущей жизни, или благоденствіе въ настоящей.

ГЛАВА X.

Стремленіе ка матеріальному благосостоянію въ Америкѣ.

Въ Америкѣ жажда матеріальнаго благосостоянія, если и не всегда исключительна, тѣмъ не менѣе представляетъ всеобщее явленіе; если и не всѣ испытываютъ ее въ одинаковой степени, то всѣ ее чувствуютъ. Всѣ умы заняты заботами объ удовлетвореніи малѣйшихъ потребностей тѣла, о томъ, чтобы обезпечить себѣ комфортъ повседневной жизни.

Нѣчто подобное все болѣе и болѣе замѣтно и въ Европѣ.

Въ числѣ причинъ, порождающихъ эти явленія, одинаковыя въ томъ и другомъ свѣтѣ,—многія близко касаются моего предмета и я долженъ указать на нихъ.

Когда богатства наслѣдственно закрѣплены за одними и тѣми же семействами, тогда можно видѣть множество людей, которые пользуются матеріальнымъ благосостояніемъ и однако не придаютъ ему особеннаго значенія.

Всего сильнѣе овладѣваетъ человѣческимъ сердцемъ, не спокойное обладаніе цѣннымъ предметомъ, а неудовлетворенное желаніе владѣть имъ и постоянный страхъ потерять его.

Въ аристократическихъ странахъ богачи, не знакомясь никогда съ жизнью, отличной отъ той, какую ведутъ они сами, не боятся, что она можетъ измѣниться; имъ трудно даже и представить себѣ другой образъ жизни. Матеріальное благосостояніе для нихъ—не цѣль жизни, а только среда, въ которой человѣкъ живетъ. Въ немъ они видятъ, такъ сказать, необходимую принадлежность самой жизни и пользуются имъ, даже не думая о немъ.

Когда естественное и инстинктивное стремленіе къ благосостоянію, свойственное всѣмъ людямъ, удовлетворено, такимъ образомъ, безъ труда и безъ заботъ, тогда помыслы ихъ устремляются на другое; ихъ одушевляютъ и увлекаютъ болѣе возвышенныя и болѣе трудныя предпріятія.

Поэтому, среди матеріальныхъ наслажденій, члены аристократіи часто выказываютъ гордое презрѣніе къ этимъ наслажденіямъ и находятъ въ себѣ особенную силу, когда имъ приходится лишиться ихъ. Всѣ революціи, колебавшія или низвергавшія аристократію, показывали, какъ легко люди, привыкшіе къ роскоши, могутъ обойтись даже безъ необходимаго; между тѣмъ люди, трудомъ добившіеся благосостоянія, едва могутъ пережить потерю его.

Переходя отъ высшихъ классовъ къ низшимъ, мы увидимъ аналогичныя явленія, хотя и обусловленныя другими причинами.

У тѣхъ народовъ, гдѣ аристократія господствуетъ въ обществѣ и держитъ его въ застоѣ, народъ, наконецъ, свыкается со своей нищетою, какъ богачи со своимъ богатствомъ. Одни не заботятся о матеріальномъ благосостояніи потому, что обладаютъ имъ безъ труда, другіе не думаютъ о немъ потому, что не надѣются получить его, да и не настолько знакомы съ нимъ, чтобы желать его.

Въ подобныхъ обществахъ мысль бѣдняка всегда занята другимъ міромъ; бѣдность дѣйствительной жизни подавляетъ его воображеніе, но оно вырывается и ищетъ своихъ наслажденій за предѣлами ея.

Наоборотъ, когда привилегіи уничтожены и сословія сливаются, когда родовыя имѣнія дѣлятся, распространяется просвѣщеніе и свобода,—тогда у бѣдняка возникаетъ стремленіе добиться благосостоянія, а у богача—опасеніе лишиться его. Является множество состояній средней руки. Обладатели ихъ пользуются матеріальными наслажденіями настолько, чтобы получить вкусъ къ нимъ, но слишкомъ мало, чтобъ ими удовлетвориться. Эти наслажденія достаются имъ всегда съ трудомъ, и они тревожно спѣшатъ воспользоваться ими.

Такимъ образомъ они безпрестанно стараются получить, или сохранить эти наслажденія, столь цѣнныя, столь неполныя, столь кратковременныя.

Стараясь опредѣлить чувство, естественное для людей возбуждаемыхъ и ограничиваемыхъ темнымъ происхожденіемъ и ограниченностью средствъ, я нахожу, что всего болѣе такимъ свойствомъ можно признать стремленіе къ довольству. Любовь къ матеріальному благосостоянію по существу своему есть чувство, принадлежащее среднему классу. Она увеличивается и разрастается вмѣстѣ съ этимъ классомъ, и отсюда уже переходитъ, какъ въ высшіе слои общества, такъ и въ среду простого народа.

Я не встрѣчалъ въ Америкѣ такого бѣдняка, который смотрѣлъ бы на удовольствія богачей безъ зависти и надежды и воображеніе котораго заранѣе не ловило бы тѣхъ благъ, въ которыхъ упорно отказываетъ ему судьба.

Съ другой стороны, у богачей въ Соединенныхъ Штатахъ я никогда не замѣчалъ того гордаго презрѣнія къ матеріальнымъ благамъ, которое иногда обнаруживается даже въ средѣ самой пышной и испорченной аристократіи.

Большая часть этихъ богачей были бѣдняками и на себѣ чувствовали гнетъ нужды; они долго боролись съ враждебною судьбой, и теперь, когда побѣда одержана, въ нихъ еще живутъ страсти, сопровождавшія борьбу; ихъ какъ будто опьяняютъ тѣ мелкія наслажденія, за которыми они гнались сорокъ лѣтъ.

Конечно, и въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ и вездѣ, встрѣчается достаточно богачей, которые получили свое состояніе по наслѣдству и владѣютъ безъ труда богатствомъ, не ими пріобрѣтеннымъ. Но и у нихъ замѣтна такая же привязанность къ жизненнымъ наслажденіямъ. Любовь къ довольству сдѣлалась господствующей, національною склонностью; въ эту сторону несется великій потокъ человѣческихъ страстей, увлекая все за собою.

ГЛАВА XI.

Особенныя послѣдствія любви къ матеріальнымъ наслажденіямъ въ демократическія эпохи.

На основаніи предыдущаго, можно подумать, что любовь къ матеріальнымъ наслажденіямъ должна постоянно вести американцевъ къ порчѣ нравовъ, разстройству семейной жизни и въ концѣ концовъ угрожать судьбѣ самаго общества.

Ничего подобнаго не оказывается: въ средѣ демократіи любовь къ матеріальнымъ наслажденіямъ порождаетъ совсѣмъ другія послѣдствія, чѣмъ среди аристократическихъ народовъ. Иногда случается, что утомленіе, пресыщеніе богатствомъ, разрушеніе вѣрованій, упадокъ государства, мало-по-малу сводятъ мелкія аристократіи къ однимъ только матеріальнымъ наслажденіямъ. Въ другихъ случаяхъ могущество правителя и слабость народа вынуждаютъ дворянство отказаться отъ власти, не лишая его богатствъ, и, закрывая для него путь къ широкой дѣятельности, оставляютъ его во власти его безпокойныхъ стремленій; тогда это сословіе тяжело опускается въ сферу личной жизни и въ наслажденіяхъ старается забыть о своемъ прошломъ величіи.

Когда члены аристократическаго сословія такимъ образомъ отдаются исключительно любви къ матеріальнымъ наслажденіямъ, то обыкновенно они сосредоточиваютъ на этомъ одномъ пунктѣ всю энергію, какую выработала въ нихъ долгая привычка къ власти.

Такіе люди не удовлетворяются погоней за благосостояніемъ: имъ нужны роскошная испорченность и блистательный развратъ. Они создаютъ пышный культъ матеріи и, кажется, хотятъ превзойти другъ друга въ животности.

Чѣмъ выше были прежнія величіе, сила и свобода аристократіи, тѣмъ ниже падаетъ она теперь, и каковъ бы ни былъ блескъ ея доблестей, можно смѣло предсказать что слава ея пороковъ превзойдетъ его.

Что касается демократическихъ народовъ, то стремленіе къ матеріальнымъ наслажденіямъ не увлекаетъ ихъ въ подобныя крайности. Здѣсь любовь къ довольству является чувствомъ упорнымъ, всеобщимъ, исключительнымъ, но сдержаннымъ. Здѣсь нѣтъ и рѣчи о томъ, чтобы строить огромные дворцы, побѣдить или обмануть природу, разорить цѣлый міръ для удовлетворенія страстей одного человѣка. Здѣсь дѣло идетъ о прибавкѣ нѣсколькихъ саженей къ своимъ полямъ, о разведеніи сада, или расширеніи дома, о томъ, чтобы сдѣлать жизнь въ каждый моментъ болѣе спокойной и удобной, предотвратить разныя стѣсненія и удовлетворить малѣйшія потребности безъ усилій и почти безъ издержекъ. Все это—мелочи, но человѣкъ сживается съ ними: онъ видитъ ихъ каждый день передъ собою вблизи, и наконецъ онѣ заслоняютъ отъ него весь остальной міръ, а иногда становятся даже между нимъ и Богомъ.

Мнѣ скажутъ, что это справедливо только по отношенію къ гражданамъ, имѣющимъ ограниченныя средства, что у богачей и здѣсь окажутся тѣ же наклонности, какія и въ аристократическія эпохи. Я съ этимъ не согласенъ.

Относительно матеріальныхъ наслажденій самые богатые граждане демократіи обнаруживаютъ склонности почти такія же, какъ и народъ,—потому-ли, что выйдя изъ народа, они дѣйствительно раздѣляютъ его вкусы,

или потому, что считаютъ своею обязанностью подчиняться имъ. Въ демократическихъ обществахъ чувственность народа принимаетъ спокойныя и умѣренныя формы, которыхъ и придерживаются всѣ; здѣсь одинаково трудно выдѣлиться изъ общаго уровня какъ пороками, такъ и добродѣтелями.

Въ средѣ демократическихъ народовъ и богачи заняты не столько наслажденіями, выходящими изъ ряда обыкновенныхъ, сколько удовлетвореніемъ своихъ мельчайшихъ потребностей; они удовлетворяютъ множество мелкихъ желаній, но не позволяютъ овладѣть собой сильной и необузданной страсти. Поэтому они скорѣй могутъ погрузиться въ изнѣженность, чѣмъ въ развратъ.

Эта, возникающая у людей демократическихъ эпохъ, особенная страсть къ матеріальнымъ наслажденіямъ по существу вовсе не противоположна порядку; напротивъ, она часто нуждается въ немъ для своего удовлетворенія. Точно также не враждебна она и строгости нравовъ: вѣдь добрые нравы нужны для общественнаго спокойствія и поддерживаютъ промышленность. Нерѣдко даже она соединяется съ религіозною моралью: человѣкъ хочетъ наибольшаго возможнаго счастія въ этой жизни, не отказываясь отъ надеждъ и на будущую.

Въ числѣ матеріальныхъ благъ есть и такія, обладаніе которыми преступно; отъ такихъ тщательно воздерживаются. Есть и другія, пользоваться которыми не возбраняетъ ни религія ни нравственность. Имъ то и отдаютъ беззавѣтно сердце, воображеніе, жизнь, и въ погонѣ за ними упускаютъ изъ вида болѣе цѣнныя блага, которыя составляютъ гордость и величіе человѣческаго рода.

Я обвиняю равенство не за то, что оно увлекаетъ людей къ запрещеннымъ наслажденіемъ, а за то, что оно всецѣло погружаетъ ихъ въ погоню за дозволенными.

Такимъ образомъ, на свѣтѣ можно бы было установить родъ честнаго матеріализма, который не развращалъ бы людей, а разслаблялъ бы ихъ и наконецъ незамѣтно отнялъ бы у нихъ всѣ душевныя силы.

ГЛАВА XII.

Почему у нѣкоторыхъ американцевъ замѣчается такой восторженный спиритуализмъ.

Хотя преобладающею страстью американцевъ и является стремленіе къ благамъ этого міра, но бываютъ промежутки, когда духъ ихъ сразу разрываетъ сдерживающія его узы земныхъ заботъ и неудержимо устремляется къ небу.

Во всѣхъ штатахъ Союза, а особенно въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ Запада, можно всегда встрѣтить странствующихъ проповѣдниковъ, которые повсюду разносятъ слово Божіе.

Слушать ихъ сходятся изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей цѣлыя семьи съ женщинами, дѣтьми и стариками, пробираясь чрезъ непроходимыя дебри и необитаемые лѣса, и встрѣтивши ихъ, жадно слушаютъ цѣлые дни и ночи, забывая не только о своихъ дѣлахъ, но даже о самыхъ настоятельныхъ тѣлесныхъ потребностяхъ.

Среди американскаго общества здѣсь и тамъ можно встрѣтить людей,

полныхъ восторженнаго и почти фанатическаго спиритуализма, какого вы не встрѣтите въ Европѣ. Отъ времени до времени здѣсь возникаютъ странныя секты, которыя пытаются открыть новые пути къ вѣчному блаженству. Религіозное помѣшательство здѣсь очень обыкновенно.

Это не должно насъ удивлять.

Человѣкъ не самъ одарилъ себя стремленіемъ къ безконечному и любовью къ безсмертному. Эти высокія чувства не являются по его прихоти: они имѣютъ незыблемое основаніе въ его природѣ и живутъ даже противъ его воли; его усилія могутъ заглушить и исказить ихъ, но не могутъ уничтожить.

У души есть свои потребности, которыя тоже необходимо удовлетворять, и, несмотря на всѣ старанія заглушить ихъ, скоро, среди чувственныхъ наслажденій, она начинаетъ чувствовать скуку, безпокойство и волненіе.

Если бы когда-нибудь всѣ помыслы большей части человѣчества сосредоточились единственно на погонѣ за матеріальными благами, то можно бы было ожидать, что въ нѣкоторыхъ людяхъ произойдетъ сильнѣйшая реакція. Изъ страха навсегда остаться подъ гнетущей властью плоти, они страстно устремятся въ міръ духовъ.

Не слѣдуетъ удивляться, если въ средѣ общества, которое только и думаетъ, что о земномъ, встрѣчается небольшое число людей, которые ничего не хотятъ знать, кромѣ неба. Я былъ бы удивленъ, если бы мистицизмъ не дѣлалъ быстрыхъ успѣховъ въ средѣ общества, занятаго единственно своимъ благосостояніемъ.

Говорятъ, что пустыни Ѳиваиды заселились благодаря гоненіямъ императоровъ и казнямъ цирка. По моему мнѣнію, тутъ большую роль играли чувственность Рима и эпикурейская философія Греціи.

Если бы общественныя условія, обстоятельства и законы не сводили такъ узко помысловъ американцевъ къ погонѣ за довольствомъ, то и переходя къ невещественному міру, они обнаружили бы больше осторожности и опытности и были бы сдержаннѣе Но мысль ихъ чувствуетъ себя заключенной въ кругъ, котораго ей, повидимому, никогда не перейти. Вырвавшись изъ этихъ границъ, она не знаетъ, гдѣ остановиться, и часто неудержимо уносится далеко за предѣлы здраваго смысла.

ГЛАВА XIII.

Почему американцы и въ довольствѣ выказываются такими безпокойными.

Въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ уголкахъ Стараго Свѣта можно еще иногда встрѣтить небольшіе народы, которые были какъ бы забыты среди общаго смятенія и которые оставались безъ движенія, когда вокругъ нихъ все волновалось. Большею частью эти народы крайне бѣдны и невѣжественны; они не вмѣшиваются въ управленіе, и часто правительства угнетаютъ ихъ. При всемъ томъ у нихъ обыкновенно вы увидите беззаботныя лица и нерѣдко веселое настроеніе.

Въ Америкѣ я видѣлъ самыхъ свободныхъ, самыхъ образованныхъ людей, находившихся въ самыхъ счастливыхъ условіяхъ въ свѣтѣ; и мнѣ

казалось всегда, что какое-то облако омрачаетъ ихъ лица; даже среди развлеченій, они казались мнѣ серьезными, почти грустными.

Главная причина этого заключается въ томъ, что первые совсѣмъ и не думаютъ о бѣдствіяхъ, которыя имъ приходится переносить, а вторые безпрестанно мечтаютъ о благахъ, которыхъ у нихъ еще нѣтъ.

Странно видѣть, съ какимъ лихорадочнымъ жаромъ стремятся американцы къ благосостоянію и какъ они, повидимому, всегда томятся неопредѣленнымъ страхомъ, что выбрали не самый кратчайшій путь, ведущій къ нему.

Американецъ такъ исключительно занятъ благами этого міра, какъ будто онъ увѣренъ, что никогда не умретъ, и такъ стремительно бросается на тѣ, которыя представляются ему, какъ будто всякую минуту боится умереть, не насладившись ими. Онъ ловитъ всѣ ихъ, но не оставляя за собою, тотчасъ же выпускаетъ изъ рукъ, стремясь къ новымъ наслажденіямъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ человѣкъ заботливо строитъ домъ, чтобы провести въ немъ свою старость,—и продаетъ его, не докончивши крыши; онъ разводитъ садъ и сдаетъ его въ аренду, когда приходитъ время воспользоваться плодами; онъ расчищаетъ поле, а сборъ урожая предоставляетъ другимъ. Онъ берется за профессію и оставляетъ ее. Онъ не остается долго въ томъ мѣстѣ, гдѣ родился, и идетъ въ другое со своими безпокойными желаніями. Если частныя дѣла оставляютъ ему хоть сколько-нибудь свободнаго времени,—онъ бросается тотчасъ въ водоворотъ политики. И если къ концу года, полнаго трудовъ, у него остается еще досугъ, онъ путешествуетъ туда и сюда по широкому пространству Соединенныхъ Штатовъ, удовлетворяя свою безпокойную любознательность. Такимъ образомъ онъ въ нѣсколько дней сдѣлаетъ пятьсотъ лье, чтобы лучше разсѣяться отъ своего счастія.

Наконецъ, приходитъ смерть, и только она останавливаетъ неутомимаго американца въ этой тщетной погонѣ за полнымъ счастіемъ, которое всегда ускользаетъ.

Сначала кажется страннымъ видѣть такое необычайное возбужденіе у счастливыхъ людей, въ самой благопріятной обстановкѣ. Между тѣмъ это зрѣлище старо, какъ міръ; ново только видѣть его въ цѣломъ народѣ.

Въ стремленіи къ матеріальному благосостоянію сдѣдуетъ видѣть первый источникъ того скрытаго безпокойства, которое замѣтно въ поступкахъ американцевъ, и того непостоянства, примѣры котораго они представляютъ ежедневно.

Человѣкъ, который отдался исключительно погонѣ за благами этого міра, всегда долженъ спѣшить; вѣдь ему данъ только короткій срокъ, чтобы найти, пріобрѣсти ихъ и насладиться ими. Воспоминаніе о краткости жизни безпрестанно погоняетъ его. Помимо тѣхъ благъ, которыми онъ обладаетъ, онъ каждую минуту представляетъ себѣ тысячу другихъ, насладиться которыми ему помѣшаетъ смерть, если онъ не поспѣшитъ. Эта мысль наполняетъ его тревогой, страхомъ и печалью и поддерживаетъ въ его душѣ постоянное возбужденіе, которое заставляетъ его ежеминутно мѣнять свои планы и свое мѣсто.

Если къ жаждѣ довольства присоединяется такое общественное устройство, при которомъ ни законъ, ни обычай, никого не прикрѣпляютъ къ опредѣленному мѣсту,—то это также является новою важною причиной безпокойнаго настроенія: тогда можно видѣть, какъ люди постоянно мѣняютъ дорогу, боясь не попасть на тотъ кратчайшій путь, который долженъ привести ихъ къ счастію.

Съ другой стороны, легко понять, что если у людей, страстно стремящихся къ матеріальнымъ наслажденіямъ, желанія сильны, то они легко падаютъ духомъ; если конечная цѣль—наслажденіе, то средства достигнуть ея должны быть легки и быстры, иначе трудъ, которымъ пріобрѣтается наслажденіе, превосходитъ самое наслажденіе. Поэтому и люди здѣсь, большею частью вмѣстѣ и пылки, и вялы, и сильны, и слабы. Часто даже смерть не такъ пугаетъ ихъ, какъ продолжительныя усилія для одной и той же цѣли.

Равенство ведетъ ко многимъ изъ только-что описанныхъ явленій и другимъ путемъ, болѣе прямымъ.

Когда всѣ преимущества рожденія и богатства уничтожены, когда всѣ профессіи открыты всѣмъ, и всякій можетъ собственными силами добиться высшаго положенія въ каждой изъ нихъ, тогда, безпредѣльное, свободное поприще открывается, повидимому, честолюбію людей и они охотно воображаютъ, что призваны къ великому назначенію; но это ошибка, и опытъ ежедневно исправляетъ ее. Равенство позволяетъ каждому гражданину питать обширныя надежды, но въ то же время каждаго изъ нихъ въ отдѣльности дѣлаетъ безсильнымъ. Раздвигая границы ихъ желаній, оно въ то же время со всѣхъ сторонъ стѣсняетъ ихъ силы.

Мало того, что они слабы сами по себѣ, но на каждомъ шагу они встрѣчаютъ непреодолимыя препятствія, которыхъ сначала не замѣчали.

Они уничтожили тягостныя привилегіи нѣкоторыхъ своихъ согражданъ; теперь они встрѣчаютъ конкуренцію всѣхъ. Задерживавшая ихъ граница не столько отодвинулась, сколько измѣнила форму. Когда люди почти одинаковы и идутъ одною дорогой, то каждому въ отдѣльности очень трудно двигаться скоро и пробиваться сквозь однородную толпу, которая окружаетъ и тѣснитъ его.

Это постоянное противорѣчіе между стремленіями, которыя порождаетъ равенство, и даваемыми имъ средствами удовлетворенія, мучитъ и разочаровываетъ людей.

Можно представить себѣ людей, достигшихъ такой степени свободы, которая удовлетворяетъ ихъ вполнѣ. Тогда они спокойно и увѣренно пользуются своей независимостью. Но никогда людямъ не установить такого равенства, которое удовлетворило бы ихъ вполнѣ.

Какія бы усилія ни употреблялъ народъ, ему никогда не удастся сдѣлать всѣ общественныя положенія въ своей средѣ совершенно равными; а если бы, къ несчастію, эта полная и безусловная нивелировка и удалась ему,— все же останется еще умственное неравенство; исходя прямо отъ Бога, оно всегда ускользнетъ отъ предписаній закона.

Какъ бы послѣдовательно ни былъ проведенъ демократическій принципъ въ общественномъ строѣ и политической конституціи народа, можно разсчитывать, что всякій гражданинъ рядомъ съ собою замѣтитъ такія положенія, которыя господствуютъ надъ нимъ, и можно предвидѣть, что его вниманіе будетъ упорно обращено только въ эту сторону. Когда неравенство—общій законъ, тогда самыя рѣзкія различія не бросаются въ глаза, но когда все близко къ одному уровню, тогда самое ничтожная разница рѣжетъ глазъ. Вотъ почему, по мѣрѣ усиленія равенства, стремленіе къ равенству дѣлается все болѣе ненасытнымъ.

У демократическихъ народовъ люди легко добиваются извѣстной степени равенства, но никакъ не могутъ достичь той, какая желательна. Она съ каждымъ днемъ отодвигается передъ ними, не скрываясь, однако, изъ глазъ,

и отдаляясь, она влечетъ ихъ вслѣдъ за собою. Постоянно они надѣются поймать ее, и постоянно она ускользаетъ изъ ихъ объятій. Они видятъ ее достаточно близко, чтобы оцѣнить ея привлекательность, но не настолько, чтобы наслаждаться ею, и умираютъ, не насладившись вполнѣ ея радостями.

Таковы причины, объясняющія эту странную грусть, которая замѣчается у жителей демократическихъ странъ среди ихъ довольства и, ту разочарованность, которая иногда овладѣваетъ ими среди свободной и спокойной жизни.

Во Франціи жалуются, что число самоубійствъ увеличивается; въ Америкѣ самоубійства рѣдки, но увѣряютъ, что помѣшательство тамъ болѣе обычная вещь, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Это—различные симптомы одной и той же болѣзни.

Американцы не рѣшаются на самоубійство, какъ бы возбуждены они ни были, потому, что имъ запрещаетъ это религія, а матеріализмъ у нихъ, можно сказать, не существуетъ, несмотря на общую любовь къ матеріальному благосостоянію.

Воля ихъ непреклонна, но разсудокъ часто не выдерживаетъ.

Во времена демократіи наслажденія гораздо живѣе, чѣмъ въ эпохи аристократіи, и, главное, число тѣхъ, кто пользуется ими гораздо больше; но, съ другой стороны, надо сознаться, что больше также и обманутыхъ надеждъ и желаній, больше возбужденія и тревоги, больше мучительныхъ заботъ.

ГЛАВА XIV.

Какимъ образомъ любовь американцевъ къ матеріальному благосостоянію совмѣщается съ любовью къ свободѣ и усердіемъ къ общественнымъ дѣламъ.

Когда демократическое общество превращается въ абсолютную монархію, и энергія, прежде направленная какъ на общественныя, такъ и на частныя дѣла, вдругъ сосредоточивается исключительно на послѣднихъ, то въ результатѣ получается на нѣкоторое время значительное матеріальное процвѣтаніе, но движеніе скоро замедляется и развитіе производства останавливается.

Я не знаю, можно ли назвать хоть одинъ торговый и промышленный народъ, начиная съ жителей Тира и кончая флорентинцами и англичанами, который не былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ свободнымъ народомъ. Слѣдовательно, между свободою и промышленностью существуетъ тѣсная связь и необходимое соотношеніе.

Это вѣрно для всѣхъ народовъ вообще, но особенно для демократическихъ.

Выше я показалъ, почему люди, живущіе въ эпохи равенства, постоянно нуждаются въ ассоціаціяхъ, для достиженія почти всего, чего они желаютъ; съ другой стороны, я указалъ, какъ полная политическая свобода народа совершенствуетъ и проводитъ въ его среду искусство организовать ассоціаціи.

Слѣдовательно, свобода въ эти эпохи особенно полезна производству богатствъ. Очевидно, что деспотизмъ, наоборотъ, особенно враждебенъ ему.

Въ демократическія времена деспотизмъ не бываетъ ни жестокимъ ни необузданнымъ, но онъ придирчивъ и мелоченъ. Хотя такой деспотизмъ и не топчетъ человѣческаго достоинства, однако составляетъ прямую противоположность торговому духу и промышленнымъ инстинктамъ.

Такимъ образомъ люди демократическихъ эпохъ нуждаются въ свободѣ, чтобы легче достигать матеріальныхъ наслажденій, которыхъ они всегда жаждутъ.

Въ то же время случается иногда и такъ, что исключительное стремленіе ихъ къ этимъ самымъ наслажденіямъ отдаетъ ихъ во власть первому встрѣтившемуся повелителю. Тогда любовь къ благосостоянію обращается сама противъ себя и отталкиваетъ предметъ своихъ желаній, не замѣчая его.

Въ жизни демократическихъ народовъ бываетъ, дѣйствительно, очень опасный переходный моментъ.

Когда жажда матеріальныхъ наслажденій развивается въ такомъ народѣ быстрѣе, чѣмъ просвѣщеніе и привычка къ свободѣ, то наступаетъ время, когда люди забываютъ все при видѣ тѣхъ новыхъ богатствъ, которыми они готовятся овладѣть. Занятые исключительно заботой объ обогащеніи, они уже не замѣчаютъ тѣсной связи, которая соединяетъ богатство каждаго изъ нихъ въ отдѣльности съ общимъ благосостояніемъ. У такихъ гражданъ не нужно и отнимать правъ, которыми они обладаютъ, — они сами выпускаютъ ихъ изъ рукъ. Исполненіе политическихъ обязанностей имъ кажется докучливою помѣхой, только отвлекающей ихъ отъ дѣлъ. Идетъ ли рѣчь о выборѣ представителей, объ энергичномъ содѣйствіи власти, объ общемъ обсужденіи общаго дѣла, — имъ всегда недосугъ. Они не могутъ тратить свое драгоцѣнное время на такія безполезныя дѣла. Это—проходная забава, которая даже неприлична серьезному человѣку, занятому важными заботами своей жизни.

Эти люди воображаютъ, что слѣдуютъ доктринѣ интереса, но имѣютъ только грубое представленіе о ней, и чтобы лучше смотрѣть за тѣмъ, что они называютъ своими дѣлами, они оставляютъ безъ вниманія главное, необходимость оставаться самимъ господами надъ собою.

Когда трудящіеся граждане не хотятъ и думать объ общественномъ дѣлѣ и нѣтъ уже класса, который взялъ бы на себя эту заботу, чтобы чѣмъ-нибудь наполнить свой досугъ, тогда мѣсто правительства является какъ бы пустымъ.

Если, въ этотъ критическій моментъ, ловкій честолюбецъ вздумаетъ захватить власть, то онъ находитъ открытый путь ко всякаго рода узурпаціи.

Пусть онъ позаботится нѣкоторое время о томъ, чтобы процвѣтали всѣ матеріальные интересы, и отъ него не будутъ требовать ничего другого. Въ особенности пусть онъ упрочитъ порядокъ. Люди, преданные матеріальнымъ наслажденіямъ, обыкновенно замѣчаютъ, какъ волненія политической свободы колеблютъ ихъ благосостояніе, и упускаютъ изъ виду, какъ свобода помогаетъ имъ добиться его: лишь только малѣйшій шумъ общественныхъ страстей проникаетъ въ сферу мелкихъ наслажденій ихъ частной жизни, они пробуждаются и безпокоятся, и страхъ анархіи держитъ ихъ въ постоянномъ недоумѣніи, такъ что они готовы при первыхъ волненіяхъ отказаться отъ свободы.

Я охотно признаю, что общественное спокойствіе — великое благо, но въ то же время я не хочу забывать, что именно чрезъ порядокъ всѣ народы приходятъ къ деспотизму. Отсюда не слѣдуетъ, конечно, что народы должны пренебрегать общественнымъ спокойствіемъ; но они не должны

удовлетворяться имъ однимъ. Народъ, который не требуетъ отъ своего правительства ничего, кромѣ поддержанія порядка, уже рабъ въ глубинѣ души; онъ рабъ собственнаго довольства, а можетъ появиться и человѣкъ, который наложитъ на него цѣпи.

Деспотизмъ партіи тогда также опасенъ, какъ и деспотизмъ одного человѣка.

Когда масса гражданъ ничего не хочетъ знать, кромѣ своихъ частныхъ дѣлъ, тогда самыя ничтожныя партіи могутъ разсчитывать сдѣлаться хозяевами въ общественныхъ дѣлахъ.

Тогда на обширной міровой сценѣ, какъ у насъ въ театрахъ, нерѣдко можно видѣть, какъ нѣсколько человѣкъ представляютъ массу. Они говорятъ отъ имени отсутствующей, или безучастной толпы; они одни дѣйствуютъ среди всеобщей неподвижности; они распоряжаются всѣмъ по своей прихоти, измѣняютъ законы, искажаютъ нравы, и тогда съ удивленіемъ мы видимъ, какъ великій народъ можетъ попасть въ слабыя и недостойныя руки ничтожной кучки людей.

До сихъ поръ американцы счастливо избѣгли всѣхъ подводныхъ камней, на которые я указалъ; въ этомъ отношеніи они поистинѣ достойны удивленія.

Быть-можетъ, на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ страны, гдѣ было бы меньше праздныхъ людей, чѣмъ въ Америкѣ, и гдѣ трудящіеся такъ пламенно стремились бы къ благосостоянію. Но если страсть американцевъ къ матеріальнымъ благамъ и сильна, то, по крайней мѣрѣ, она не слѣпа; если разсудокъ и не можетъ сдерживать ее, то все же онъ ее направляетъ.

Американецъ такъ занятъ своими частными интересами, какъ будто онъ одинъ во всемъ мірѣ, а минуту спустя, онъ отдается общественному дѣлу такъ, какъ будто совсѣмъ забылъ о своихъ дѣлахъ. Онъ обнаруживаетъ то самую эгоистическую жадность, то самый горячій патріотизмъ. Человѣческое сердце не можетъ такъ раздвоиться. Любовь, которую граждане Соединенныхъ Штатовъ выказываютъ поперемѣнно то къ своему довольству, то къ своей свободѣ настолько сильна и та и другая настолько сходны, что надо допустить, что эти чувства соединяются и сливаются въ ихъ душѣ. Дѣйствительно, въ своей свободѣ американцы видятъ лучшее орудіе и самый вѣрный залогъ своего благосостоянія. Въ первой они любятъ второе. Они не думаютъ, что общественные интересы не ихъ дѣло; напротивъ, они считаютъ своимъ главнымъ долгомъ обезпечить себѣ такое правительство, которое позволяло бы имъ пріобрѣтать предметъ ихъ желаній: богатство, и не мѣшало бы мирно наслаждаться пріобрѣтеннымъ.

ГЛАВА XV.

Какъ религіозныя вѣрованія увлекаютъ отъ времени до времени Американцевъ къ духовнымъ наслажденіямъ.

Когда наступаетъ седьмой день недѣли, въ Соединенныхъ Штатахъ торговая и промышленная жизнь націи, повидимому, останавливается. Шумъ стихаетъ; его замѣняетъ глубокое спокойствіе или, скорѣе, какая-то торжественная сосредоточенность. Душа снова вступаетъ въ свои права надъ собой и созерцаетъ себя.

Въ этотъ день торговыя мѣста пусты; каждый гражданинъ, окруженный своими дѣтьми, отправляется въ церковь: здѣсь онъ слышитъ слова, которыя странно звучатъ для его уха; ему говорятъ о безчисленныхъ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ гордостью и жадностью, о необходимости умѣрять свои желанія, о высшихъ наслажденіяхъ, которыя даетъ только добродѣтель, объ истинномъ счастіи, сопровождающемъ ее.

Возвратившись домой, онъ не бросается къ своимъ счетнымъ книгамъ: онъ открываетъ книгу священнаго писанія; тамъ онъ находитъ возвышенныя, или трогательныя изображенія величія и благости Творца, безпредѣльнаго великолѣпія его созданій, высокаго назначенія людей, ихъ обязанностей и ихъ правъ на безсмертіе.

Такимъ образомъ, американецъ время отъ времени скрывается, такъ сказать, отъ самого себя, отрывается на мгновеніе отъ мелкихъ страстей, волнующихъ его жизнь, и преходящихъ интересовъ, наполняющихъ ее, и сразу входитъ въ идеальный міръ, въ міръ возвышеннаго, чистаго, вѣчнаго.

Въ другомъ мѣстѣ этой книги я разбиралъ причины, которыми слѣдуетъ объяснять стойкость политическихъ учрежденій Америки, и одною изъ главныхъ я призналъ религію. Теперь, разсматривая отдѣльнаго гражданина, я опять встрѣчаю ее и вижу, что, для каждаго отдѣльнаго гражданина, она также полезна, какъ и для всего государства.

Американцы на дѣлѣ доказываютъ, что они понимаютъ всю необходимость возвысить демократію при помощи религіи. Взглядъ ихъ на себя въ этомъ отношеніи—истина, которою должны проникнуться всѣ демократическіе народы.

Я не сомнѣваюсь, что общественный и политическій строй народа предрасполагаетъ его къ извѣстнымъ вѣрованіямъ и склонностямъ, въ которыхъ потомъ онъ и остается твердымъ, и въ то же время отклоняетъ отъ другихъ наклонностей и убѣжденій, безъ всякаго труда и сомнѣній съ его стороны.

Все искусство законодателя заключается въ томъ, чтобы вначалѣ хорошо распознать эти склонности человѣческаго общества и знать, когда усиліямъ гражданъ слѣдуетъ помочь, и когда, напротивъ, необходимо задержать ихъ. Его обязанности мѣняются, смотря по времени. Неизмѣнна только цѣль, къ которой всегда должно итти человѣчество, а средства достигнуть ея безпрестанно мѣняются.

Если бы я родился во время аристократіи, въ средѣ такого народа, гдѣ наслѣдственное богатство однихъ и безысходная нищета другихъ одинаково не допускаютъ у людей мысли о лучшей участи и держатъ души какъ бы застывшими въ созерцаніи другого міра, то у такого народа я считалъ бы необходимымъ, насколько можно, пробудить сознаніе новыхъ потребностей; я постарался бы открыть самыя быстрыя и легкія средства удовлетворить эти вновь народившіяся потребности, и, направляя величайшія усилія ума на изученіе физическаго міра, я старался бы возбудить въ немъ стремленіе къ благосостоянію.

Если бы нѣкоторые и слишкомъ пылко бросились въ погоню за богатствомъ и обнаружили слишкомъ исключительную любовь къ матеріальнымъ наслажденіямъ, то я и въ этомъ не видѣлъ бы большой бѣды: эти отдѣльныя черты скоро стушевались бы въ общей физіономіи.

Другія задачи у законодателя въ демократіи.

Дайте демократическимъ народамъ просвѣщеніе и свободу и предоставьте

ихъ себѣ. Они сами легко сумѣютъ извлечь всѣ блага, какія только можетъ дать этотъ міръ; они доведутъ до совершенства полезныя искусства и съ каждымъ днемъ будутъ дѣлать свою жизнь болѣе удобной, болѣе легкой, болѣе пріятной; самъ общественный строй естественно толкаетъ ихъ въ эту сторону. Я не боюсь, что они остановятся.

Но когда стремленію къ богатству, хотя и честными и законными средствами, человѣкъ отдается съ увлеченіемъ, то можно опасаться, что наконецъ его высшія способности заглохнутъ, что стараясь улучшить все вокругъ себя, онъ самъ наконецъ опустится ниже. Въ этомъ, а не въ чемъ другомъ, и заключается опасность.

Слѣдовательно, въ демократіи какъ законодатели, такъ и всѣ честные и просвѣщенные граждане, должны неустанно стараться возвысить души и поддерживать въ нихъ стремленіе къ небу. Всѣ, кто интересуется будущностью демократическихъ обществъ, должны соединиться и постоянно дружно работать для распространенія въ этихъ обществахъ стремленія къ безпредѣльному, чувства возвышеннаго и любви къ духовнымъ радостямъ.

Если же, среди другихъ мнѣній, вы встрѣтите въ демократическомъ народѣ и нѣкоторыя изъ тѣхъ вредныхъ теорій, которыя стараются убѣдить, что все погибаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, то на проповѣдниковъ этихъ теорій вы должны смотрѣть, какъ на естественныхъ враговъ этого народа.

Въ матеріалистахъ многое поражаетъ меня. Ихъ доктрины мнѣ кажутся опасными, а ихъ гордость возмущаетъ меня. Если ихъ система и можетъ чѣмъ-нибудь быть полезна человѣку, такъ это, повидимому, тѣмъ, что внушаетъ ему скромное мнѣніе о себѣ. Но въ нихъ этого не видно, и считая доказаннымъ, что они не что иное, какъ животныя, они выглядятъ такъ гордо, какъ будто доказали, что они боги.

Матеріализмъ у всѣхъ народовъ является опасною болѣзнью человѣческаго духа, но особенно опасенъ онъ среди демократическаго народа, потому что онъ прекрасно соотвѣтствуетъ пороку, наиболѣе обыкновенному у такого народа.

Демократія развиваетъ стремленіе къ матеріальнымъ наслажденіямъ. Это стремленіе, вытѣсняя всѣ остальныя, скоро приводитъ человѣка къ увѣренности, что нѣтъ ничего, кромѣ матеріи. Матеріализмъ, въ свою очередь, рѣшительно и съ безумнымъ пыломъ увлекаетъ ихъ къ этимъ самымъ наслажденіямъ. Таковъ фатальный кругъ, въ который все толкаетъ демократическіе народы. Хорошо, если они замѣтятъ опасность и удержатся.

Большая часть религій представляетъ только обще-примѣнимые, простые и практичные способы внушить людямъ вѣру въ безсмертіе души. Въ этомъ-то и заключается величайшая выгода, какую извлекаетъ демократическій народъ изъ религіи; именно это и дѣлаетъ ее для такого народа болѣе необходимою, чѣмъ для всѣхъ другихъ.

Когда религія глубоко пустила корни въ нѣдрахъ демократіи, берегитесь колебать ее; напротивъ, заботливо храните ее, какъ драгоцѣннѣйшее наслѣдіе аристократическихъ вѣковъ, и не старайтесь вырывать у людей ихъ старыя вѣрованія и замѣнять ихъ новыми, потому что при переходѣ отъ одной вѣры къ другой, душа на мгновеніе окажется свободной отъ всякихъ вѣрованій, и тогда любовь къ матеріальнымъ наслажденіямъ можетъ разрастись и завладѣть ею безраздѣльно.

Конечно, вѣра въ переселеніе душъ ничѣмъ не разумнѣе матеріализма; при всемъ томъ, если бъ демократіи было рѣшительно необходимо выбирать между тѣмъ и другимъ, я бы не колебался и рѣшилъ бы, что, когда

граждане вѣрятъ въ будущее переселеніе своей души въ свинью, они не такъ рискуютъ опуститься до степени животныхъ, какъ въ томъ случаѣ, когда они совсѣмъ не вѣрятъ въ существованіе ея.

Вѣра въ духовное и безсмертное начало, на время соединенное съ матеріей, настолько необходима для величія человѣка, что производитъ благотворное вліяніе даже и тогда, когда она не соединена съ вѣрою въ награды и наказанія и когда она ограничивается увѣренностью, что послѣ смерти божественное начало, заключающееся въ человѣкѣ, сливается съ Богомъ, или переходитъ въ другое существо.

Даже въ этомъ случаѣ люди видятъ въ тѣлѣ только второстепенную и низшую часть нашего существа; даже подчиняясь ему, они его презираютъ, между тѣмъ какъ къ духовной части человѣка они чувствуютъ естественное уваженіе и тайное благоговѣніе даже и въ томъ случаѣ, если иногда и отказываются подчиниться ей. Уже это одно даетъ ихъ мыслямъ и стремленіямъ возвышенное направленіе и заставляетъ ихъ безкорыстно и независимо отъ внѣшнихъ побужденій стремиться къ чистотѣ чувствъ и высотѣ помысловъ.

Неизвѣстно, было ли у Сократа и его школы строго опредѣленное представленіе о томъ, что должно случиться съ человѣкомъ послѣ смерти, но они были убѣждены, что душа не имѣетъ ничего общаго съ тѣломъ и переживаетъ его, — и одной вѣры въ это было достаточно, чтобы дать платоновской философіи то высокое вдохновеніе, которымъ оно отличается.

Читая Платона, можно замѣтить, что и до него и въ его время было немало писателей, проповѣдывавшихъ матеріализмъ. До насъ эти писатели не дошли, или сохранились только въ отрывкахъ. Такъ было во всѣ времена: большая часть великихъ литературныхъ именъ связана со спиритуализмомъ. Это ученіе поддерживается инстинктами и склонностями человѣческаго рода; они сохраняютъ его нерѣдко противъ воли самихъ людей и не позволяютъ забыть имена его глашатаевъ. Не слѣдуетъ думать, что гдѣ бы то ни было, при какомъ бы то ни было политическомъ устройствѣ, страсть къ матеріальнымъ наслажденіямъ и соотвѣтствующія ей убѣжденія могутъ удовлетворить народъ. Человѣческое сердце шире, чѣмъ это думаютъ: въ немъ могутъ жить одновременно и стремленіе къ земнымъ благамъ, и любовь къ небеснымъ: иногда, повидимому, оно беззавѣтно отдается одному изъ нихъ, но никогда не забываетъ надолго и о другомъ.

Легко замѣтить, что въ эпохи демократіи господство спиритуалистическихъ взглядовъ особенно важно, но не такъ легко указать, какимъ образомъ правительства этихъ народовъ могутъ доставить этимъ взглядамъ господство.

Я не вѣрю ни въ успѣхи ни въ долговѣчность офиціальныхъ философскихъ системъ, а что касается государственныхъ религій, то я всегда думалъ, что если иногда онѣ и могутъ на время служить интересамъ политической власти, то всегда, рано или поздно, дѣлаются роковыми для церкви.

Точно также я не принадлежу и къ числу тѣхъ, по мнѣнію которыхъ, для того, чтобы поднять религію въ глазахъ народа и дать господство спиритуализму, который она проповѣдуетъ, полезно предоставить косвенно ея служителямъ политическое вліяніе, въ которомъ имъ отказываетъ законъ.

Меня такъ тревожатъ почти неизбѣжныя опасности, которымъ подвер-

гается вѣра, когда ея истолкователи вмѣшиваются въ общественныя дѣла, и въ то же время я такъ убѣжденъ въ необходимости во что бы то ни стало поддерживать христіанство въ средѣ новыхъ демократій, что скорѣе готовъ приковать къ храму священниковъ, чѣмъ позволить имъ выйти оттуда.

Какія же средства остаются для власти, чтобы возвращать людей къ спиритуалистическимъ убѣжденіямъ, или удерживать ихъ въ религіи, внушающей ихъ?

То, что я сейчасъ скажу, сильно уронитъ меня въ глазахъ политиковъ. По моему, единственное дѣйствительное средство, при помощи котораго правительства могутъ доставить популярность догмату безсмертія души, это поступать каждый день такъ, какъ будто они сами вѣрятъ въ нее; я думаю, что только строго придерживаясь религіозной морали въ важныхъ дѣлахъ, они могутъ разсчитывать пріучить гражданъ цѣнить и уважать ее въ мелкихъ поступкахъ.

ГЛАВА XVI.

Какъ излишняя любовь къ благосостоянію можетъ повредить ему.

Между духовнымъ развитіемъ и улучшеніемъ внѣшней жизненной обстановки существуетъ болѣе тѣсная связь, чѣмъ это думаютъ: человѣкъ можетъ различать эти двѣ вещи и разсматривать каждую поочередно, но не можетъ раздѣлять ихъ вполнѣ, не потерявши наконецъ изъ виду и той и другой.

У животныхъ тѣ же чувства, какъ и у насъ, и почти тѣ же желанія; нѣтъ такихъ матеріальныхъ потребностей, которыя не были бы общи у насъ съ ними, и зачатка которыхъ нельзя было бы найти у собаки такъ же, какъ и у насъ самихъ.

Отчего же животныя умѣютъ удовлетворять только первыя и самыя грубыя свои потребности, тогда какъ мы до безконечности разнообразимъ свои наслажденія и безпрестанно умножаемъ ихъ?

Насъ ставитъ выше животныхъ въ этомъ отношеніи то обстоятельство, что намъ въ поискахъ матеріальныхъ благъ помогаетъ наша душа, тогда какъ ими руководитъ только инстинктъ. Въ человѣкѣ ангелъ учитъ животное искусству удовлетворять себя. Если человѣкъ можетъ умножать свои наслажденія въ такой степени, которой животныя и представить себѣ не могутъ, то это потому, что онъ способенъ становиться выше этихъ наслажденій и презирать ихъ, не исключая и самой жизни, тогда какъ животныя ни о чемъ подобномъ не имѣютъ и понятія.

Все, что возвышаетъ, расширяетъ и укрѣпляетъ душу, то тѣмъ самымъ дѣлаетъ ее болѣе способною съ успѣхомъ выполнять и такія предпріятія, гдѣ дѣло идетъ не о ней.

Наоборотъ, все, что ослабляетъ, или унижаетъ ее, то отражается на всей ея дѣятельности, направлена ли она на самое высокое или на самое ничтожное, и угрожаетъ сдѣлать ее почти одинаково неспособной какъ на то, такъ и на другое. Поэтому духъ долженъ быть великъ и силенъ, хотя бы только для того, чтобы отъ времени до времени отдавать свою силу и свое величіе на служеніе тѣлу.

Если когда-нибудь люди будутъ способны удовлетвориться одними матеріальными благами, то очень вѣроятно, что они мало-помалу утратятъ способность производить ихъ и наконецъ будутъ пользоваться ими безъ разбора и улучшенія, какъ животныя.

ГЛАВА XVII.

Почему во времена равенства и сомнѣнія слѣдуетъ отодвигать въ будущее цѣль человѣческой дѣятельности.

Въ вѣка вѣры конечная цѣль жизни ставится за предѣлами жизни.

Люди этихъ временъ такимъ образомъ естественно и, такъ сказать, сами того не желая, привыкаютъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ имѣть въ виду одну неподвижную цѣль, къ которой они и идутъ безпрестанно; они незамѣтно привыкаютъ подавлять множество мелкихъ, минутныхъ желаній, чтобы вѣрнѣй достигнуть удовлетворенія этого великаго и неизмѣннаго желанія, которымъ они томятся. Эти привычки сказываются и тогда, когда эти люди хотятъ заняться какимъ-нибудь земнымъ дѣломъ. Они охотно ставятъ своей дѣятельности на землѣ общую и опредѣленную цѣль, къ которой и направляютъ всѣ свои силы. Они не увлекаются каждый день какою-нибудь новою попыткой; у нихъ есть строго опредѣленныя цѣли, которыя они неустанно преслѣдуютъ.

Это объясняетъ, почему религіозные народы часто выполняли предпріятія, требующія столь продолжительнаго труда. Оказывается, что, заботясь о будущей жизни, они открыли великую тайну успѣха въ настоящей.

Религія вырабатываетъ общую привычку всегда имѣть въ виду будущее. Въ этомъ отношеніи для счастія въ настоящей жизни она такъ же полезна, какъ и для блаженства въ будущей. Это—одна изъ самыхъ важныхъ въ политическомъ отношеніи сторонъ ея.

Но по мѣрѣ того, какъ свѣтъ вѣры меркнетъ, взглядъ человѣческій дѣлается болѣе узкимъ, и можно сказать, что людямъ предметъ ихъ дѣятельности съ каждымъ днемъ кажется все ближе.

Разъ они отвыкли интересоваться тѣмъ, что должно произойти послѣ смерти, они легко погружаются въ полное, животное равнодушіе къ будущему, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ извѣстнымъ инстинктамъ человѣческаго рода. Разъ они потеряли способность ставить свои главныя надежды въ далекомъ будущемъ, то они естественно должны желать немедленнаго исполненія малѣйшихъ желаній, и, повидимому, съ того момента, когда они потеряли надежду на вѣчную жизнь, они расположены дѣйствовать такъ, какъ будто имъ данъ только одинъ день жизни.

Такимъ образомъ въ вѣка невѣрія всегда слѣдуетъ бояться, что люди безпрестанно будутъ отдаваться во власть измѣнчивой игры своихъ желаній, что, совершенно отказываясь отъ того, чего нельзя пріобрѣсть безъ продолжительныхъ усилій, они не совершатъ ничего великаго, постояннаго, прочнаго.

Если у такого народа общественный строй дѣлается демократическимъ, то указанная мною опасность увеличивается.

Когда всякій безпрестанно старается мѣнять мѣсто, когда неограниченная конкурренція открыта для всѣхъ, когда въ демократической суматохѣ

богатства накопляются и разлетаются въ одно мгновеніе, то въ человѣческомъ умѣ является мысль о неожиданномъ и легко достающемся счастіи, о громадныхъ богатствахъ, легко пріобрѣтаемыхъ и теряемыхъ, картина удачи во всѣхъ ея формахъ. Неустойчивость общественнаго устройства благопріятствуетъ естественной неустойчивости желаній. Среди этихъ постоянныхъ колебаній судьбы, настоящее вырастаетъ и заслоняетъ собою будущее, которое стушевывается; люди не хотятъ загадывать дальше завтрашняго дня.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ, по несчастному стеченію обстоятельствъ, невѣріе и демократія встрѣчаются, философы и правители должны безостановочно стараться отодвинуть въ глазахъ людей цѣль ихъ дѣятельности; въ этомъ заключается ихъ великая задача.

Моралистъ, не расходясь съ духомъ своего времени и своей страны, долженъ учить, какъ устоять противъ него. Пусть онъ каждый день старается доказать современникамъ, что даже среди окружающаго ихъ волненія гораздо легче, чѣмъ они предполагаютъ, задумывать и выполнять долговременныя предпріятія. Пусть онъ покажетъ, что хотя человѣчество и измѣнилось, однако способы, съ помощью которыхъ люди могутъ пріобрѣтать блага этого міра, остались прежніе, и что у демократическихъ народовъ, какъ и вездѣ, достигнуть полнаго удовлетворенія общей жажды счастія можно только, не поддаваясь тысячѣ мелкихъ, повседневныхъ, мимолетныхъ желаній.

Не менѣе опредѣленна и задача правителей.

Всегда важно, чтобы правители народовъ не упускали изъ виду будущаго, но въ вѣка демократіи и невѣрія это еще необходимѣе, чѣмъ во всякое другое время. Дѣйствуя такимъ образомъ, правители демократіи не только приводятъ въ цвѣтущее состояніе общественныя дѣла, но своимъ примѣромъ учатъ и простыхъ гражданъ вести ихъ частныя дѣла.

Въ особенности они должны стараться, насколько это возможно, изгнать изъ политическаго міра случайность.

Внезапное и незаслуженное возвышеніе придворнаго въ аристократической странѣ производитъ только мимолетное впечатлѣніе, потому что здѣсь вся совокупность учрежденій и вѣрованій обыкновенно заставляетъ человѣка медленно подвигаться тѣмъ путемъ, съ котораго онъ не можетъ сойти.

Но нѣтъ ничего гибельнѣе подобныхъ примѣровъ, когда они представляются демократическому народу. Они окончательно выталкиваютъ его на ту наклонную плоскость, куда все увлекаетъ его. Поэтому во времена скептицизма и равенства слѣдуетъ особенно тщательно остерегаться, чтобы мѣсто знанія и заслугъ не заняла любовь народа или правителя, которую даетъ или отнимаетъ случай. Желательно, чтобы успѣхъ всегда являлся наградою трудамъ, такъ чтобы не было легко доступной славы и чтобы честолюбію не приходилось долго сосредоточивать свое вниманіе на цѣли, прежде чѣмъ достигнуть ея.

Правительства должны стараться снова возбудить въ людяхъ интересъ къ будущему, интересъ, котораго уже не внушаютъ имъ ни религія ни общественный строй; они должны, не на словахъ, а на дѣлѣ, каждый день показывать гражданамъ, что богатство, слава, власть бываютъ наградою за трудъ, что великіе успѣхи увѣнчиваютъ собою только долгія стремленія, что безъ труда нельзя пріобрѣсти ничего прочнаго.

Когда люди привыкаютъ задолго предвидѣть и надѣяться на то, что

должно случиться съ ними на землѣ, то имъ всегда трудно удержать свои помыслы въ тѣсныхъ предѣлахъ земной жизни, и они очень охотно переходятъ ихъ, чтобы заглянуть еще далѣе въ будущее.

Я нисколько не сомнѣваюсь, что, пріучая гражданъ думать о будущемъ въ этой жизни, можно мало-по-малу, незамѣтно для нихъ самихъ, приблизить ихъ къ религіознымъ вѣрованіямъ.

Такимъ образомъ, то средство, которое до извѣстной степени позволяетъ людямъ обходиться безъ религіи, въ концѣ-концовъ является быть-можетъ единственнымъ, какое только остается намъ, чтобы долгимъ, обходнымъ путемъ вести человѣчество къ вѣрѣ.

ГЛАВА XVIII.

Почему у американцевъ всякій честный трудъ уважается.

Въ демократіи, гдѣ нѣтъ родовыхъ богатствъ, всякій или трудится, чтобы жить, или трудился, или родился отъ людей, которые трудились. Идея труда, какъ необходимаго, естественнаго и почетнаго условія человѣческой жизни, представляется человѣческому уму повсюду, куда ни взглянешь.

У этихъ народовъ трудъ не только не презирается, но его уважаютъ; предубѣжденіе существуетъ въ его пользу, а не противъ него. Въ Соединенныхъ Штатахъ богатый человѣкъ считаетъ своею обязанностью предъ общественнымъ мнѣніемъ посвящать свое свободное время какому-нибудь торговому или промышленному дѣлу, или исполненію общественныхъ обязанностей. Онъ былъ бы очень невысокаго мнѣнія о себѣ, если бы пользовался жизнью только для того, чтобы жить. Такъ много богатыхъ американцевъ пріѣзжаютъ въ Европу именно съ цѣлью избавиться отъ этой обязанности трудиться: въ Старомъ Свѣтѣ они находятъ остатки аристократическихъ обществъ, среди которыхъ праздность еще пользуется уваженіемъ.

Равенство не только окружаетъ уваженіемъ идею труда вообще: оно высоко ставитъ идею труда, приносящаго прибыль.

Въ аристократіи презираютъ, собственно говоря, не самый трудъ, а работу для прибыли. Трудъ считается почетнымъ, если къ нему побуждаетъ честолюбіе, или добродѣтель. И въ аристократіи постоянно случается, что трудящійся ради славы не равнодушенъ и къ приманкѣ выгоды, но эти два желанія встрѣчаются только въ глубочайшихъ тайникахъ его души, и тотъ пунктъ, гдѣ они соединяются, онъ тщательно скрываетъ отъ всѣхъ. Онъ готовъ даже лицемѣрить предъ самимъ собою. Въ аристократическихъ странахъ нѣтъ чиновника, который бы не высказывалъ желанія безкорыстно служить государству. Ихъ жалованье, это мелочь, о которой они иногда мало и думаютъ, и всегда показываютъ видъ, что совсѣмъ не думаютъ.

Такимъ образомъ, идея выгоды стоитъ отдѣльно отъ идеи труда.

Въ демократическихъ обществахъ, напротивъ, связь этихъ двухъ идей всегда очевидна. Когда стремленіе къ богатству дѣлается общимъ, когда имущества незначительны и необезпечены, когда каждому нужно пріумножить свои средства и приготовить новыя для дѣтей, тогда для всѣхъ совершенно ясно, что именно выгода побуждаетъ ихъ къ труду, если не исключительно, то по крайней мѣрѣ отчасти. Даже тѣ, которые трудятся

прежде всего для славы, — даже они неизбѣжно свыкаются съ мыслью, что они трудятся не ради ея одной, и открываютъ, что, какъ бы то ни было, къ желанію прославиться у нихъ присоединяется и желаніе жить.

Съ той минуты, когда, съ одной стороны, трудъ начинаетъ казаться всѣмъ гражданамъ почетною необходимостью человѣческой жизни, съ другой стороны, работа всегда производится всецѣло или отчасти, въ виду платы, тогда исчезаетъ громадное разстояніе, раздѣлявшее различныя профессіи въ аристократическомъ обществѣ. Если онѣ и не всѣ одинаковы, то по крайней мѣрѣ всѣ имѣютъ общія черты.

Нѣтъ профессій, въ которыхъ работали бы не для денегъ. Общая всѣмъ имъ плата даетъ всѣмъ имъ семейное сходство.

Это объясняетъ взгляды американцевъ на различныя профессіи.

Въ Америкѣ слуги не считаютъ для себя унизительнымъ свой трудъ; вѣдь вокругъ нихъ всѣ трудятся; они не находятъ унизительною и мысль, что они получаютъ плату, — вѣдь и президентъ Соединенныхъ Штатовъ работаетъ также за плату. Ему платятъ за то, что онъ управляетъ, а имъ за то, что они прислуживаютъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ есть профессіи болѣе или мѣнѣе тяжелыя, болѣе или менѣе прибыльныя, но нѣтъ ни высшихъ, ни низшихъ. Всякое честное занятіе уважается.

ГЛАВА XIX.

О причинахъ общей почти всѣмъ американцамъ склонности къ промышленной дѣятельности.

У демократическихъ народовъ земледѣліе развивается едва ли не медленнѣе всѣхъ другихъ полезныхъ искусствъ. Часто даже, кажется что оно стоитъ неподвижно, потому что многіе другіе виды труда очень быстро идутъ впередъ.

Всѣ склонности и привычки, порождаемыя равенствомъ, влекутъ людей въ другую сторону—къ торговлѣ и промышленности.

Я представляю себѣ человѣка дѣятельнаго, образованнаго, свободнаго, состоятельнаго, полнаго желаній. Его состояніе не позволяетъ ему жить въ праздности, но онъ достаточно богатъ, чтобы быть выше страха нужды, и онъ думаетъ объ улучшеніи своей участи. Этотъ человѣкъ получилъ склонность къ матеріальнымъ наслажденіямъ, склонность, которой тысячи другихъ отдаются на его глазахъ; онъ и самъ испыталъ ихъ и горитъ желаніемъ увеличить свои средства, чтобы насладиться ими полнѣе. Между тѣмъ жизнь проходитъ, время не терпитъ. Что ему дѣлать?

Земледѣліе обѣщаетъ ему почти вѣрные, но медленные результаты. Здѣсь обогащаются только мало-по-малу и съ трудомъ. Земледѣліе годится только богачамъ, которые уже имѣютъ большой избытокъ, или бѣднякамъ, которые ищутъ только куска хлѣба. Его выборъ сдѣланъ: онъ продаетъ свое поле, оставляетъ домъ и берется за какое-нибудь занятіе рискованное, но выгодное.

Въ демократическихъ обществахъ встрѣчается множество подобныхъ людей, и масса ихъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ усиливается равенство.

Демократія не только увеличиваетъ число трудящихся; но къ одному

роду труда она влечетъ сильнѣе, чѣмъ къ другому; именно, она отвлекаетъ ихъ отъ земледѣлія и направляетъ на промышленность и торговлю [1]).

Это можно замѣтить даже у самыхъ богатыхъ гражданъ.

Въ демократическихъ странахъ человѣкъ, какимъ бы богачомъ его ни считали, всегда недоволенъ своимъ богатствомъ, потому что ему кажется, что онъ все-таки бѣднѣе своего отца, и онъ боится, что его дѣти будутъ еще бѣднѣе. Въ демократіи большая часть богачей безпрестанно раздумываетъ о средствахъ пріумножить свои богатства, и естественно они обращаютъ свои взоры на торговлю и промышленность, которыя кажутся имъ самыми скорыми и вѣрными средствами обогатиться. Въ этомъ отношеніи они раздѣляютъ стремленія бѣдныхъ, хотя свободны отъ ихъ нуждъ, или, вѣрнѣе, ихъ толкаетъ самая настоятельная изъ нуждъ: желаніе сохранить свое положеніе.

Въ аристократіи богачи въ тоже время составляютъ и правящій классъ. Важныя общественныя дѣла поглощаютъ ихъ вниманіе и отвлекаютъ ихъ отъ мелкихъ заботъ, которыхъ требуютъ торговля и промышленность. Если бы все-таки кто-нибудь изъ нихъ вздумалъ случайно взяться за торговыя дѣла то ему тотчасъ загородила бы дорогу воля всего сословія; какъ ни возставай противъ власти большинства, никогда вполнѣ не избавишься отъ ея ига, и въ средѣ самихъ аристократическихъ сословій, которыя упорно отказываются признать права національнаго большинства, создается свое большинство, которое и господствуетъ.

Въ демократическихъ странахъ, гдѣ деньги не ведутъ своего обладателя къ власти, а часто лишаютъ ея, богачи не знаютъ куда дѣвать свои досуги. Безпокойныя, и широкія желанія, обширныя средства, влеченіе къ необычайному, которое чувствуютъ всѣ, чѣмъ бы то ни было возвышающіеся надъ толпою, — все это подстрекаетъ ихъ дѣйствовать, но имъ открыта одна дорога – торговля. Въ демократіи нѣтъ ничего выше и блестящѣе торговли; она привлекаетъ вниманіе публики, она занимаетъ воображеніе толпы; къ ней направляются всѣ энергичныя страсти. Ни собственные предразсудки, ни предразсудки другихъ, ничто не можетъ помѣшать богачу заняться этимъ дѣломъ. Въ демократіи богачи не составляютъ одной корпораціи которая бы имѣла свои нравы и свое благоустройство. Взгляды ихъ класса не удерживаютъ ихъ, а взгляды общіе всей странѣ подстрекаютъ ихъ. Съ другой стороны, большія состоянія, какія можно встрѣтить въ демократическихъ странахъ, почти всегда нажиты торговлею, и много поколѣній должно смѣниться, прежде чѣмъ обладатели этихъ богатствъ совершенно утратятъ привычку къ торговлѣ.

---

[1]) Было указано много разъ, что у промышленниковъ и коммерсантовъ страсть къ матеріальнымъ наслажденіямъ особенно неудержима и въ этомъ винили торговлю и промышленность; я думаю, что тутъ слѣдствіе принимали за причину.

Не торговля и промышленность возбуждаютъ въ людяхъ страсть къ матеріальнымъ наслажденіямъ, но скорѣе эта страсть увлекаетъ людей на поприще торговли и промышленности, гдѣ они надѣются на болѣе скорое и полное удовлетвореніе ея.

Если торговля и промышленность и усиливаютъ стремленіе къ довольству, то происходитъ это отъ того, что всякая страсть дѣлается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе ею занимаются, и возрастаетъ послѣ всякой попытки утолить ее.

Всѣ причины, которыя даютъ страсти къ благамъ этой жизни господствующее мѣсто въ человѣческомъ сердцѣ, содѣйствуютъ развитію торговли и промышленности. Одна изъ этихъ причинъ — равенство. Оно благопріятствуетъ торговлѣ не прямо, надѣляя людей склонностью къ этимъ занятіямъ, а косвенно, распространяя и усиливая въ нихъ любовь къ довольству.

Стѣсненные въ узкомъ пространствѣ, которое имъ отводитъ политика, богачи демократіи всецѣло бросаются въ торговлю: здѣсь они могутъ развернуться и пустить въ ходъ свои естественныя преимущества, и по самой смѣлости и обширности промышленныхъ предпріятій можно судить, какъ мало значенія придавали бы они промышленности, если бы родились въ аристократіи.

Это замѣчаніе приложимо и ко всѣмъ гражданамъ демократіи, богаты ли они, или бѣдны.

Кому приходится жить среди демократической неустойчивости, тѣ постоянно имѣютъ предъ глазами картину риска и въ концѣ концовъ начинаютъ любить всякія предпріятія, гдѣ играетъ роль рискъ.

Поэтому всѣхъ ихъ тянетъ къ торговлѣ не только ради барыша, который она приноситъ, но и ради сильныхъ ощущеній, которыя она даетъ.

Соединенные Штаты всего полвѣка тому назадъ вышли изъ колоніальной зависимости отъ Англіи; большихъ состояній тамъ очень мало и капиталы еще рѣдки. При всемъ томъ ни одинъ народъ на землѣ не дѣлалъ такихъ быстрыхъ успѣховъ въ торговлѣ и промышленности, какъ американцы. Въ настоящее время они — вторая морская нація въ мірѣ, и хотя ихъ мануфактурамъ приходится бороться съ естественными препятствіями почти непреодолимыми, однако онѣ съ каждымъ днемъ дѣлаютъ новые шаги впередъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ легко выполняются самыя обширныя промышленныя предпріятія, потому что въ промышленности принимаетъ участіе все населеніе. Здѣсь охотно соединяютъ свои силы какъ самые бѣдные, такъ и самые богатые граждане. Каждый день приходится удивляться, видя необъятныя работы, выполняемыя этимъ народомъ, среди котораго можно сказать, совсѣмъ нѣтъ богачей.

Американцы вчера только пришли на ту землю, на которой они живутъ и уже успѣли измѣнить всѣ естественныя свойства ея въ свою пользу. Они соединили Гудзонъ съ Миссисипи, установили сообщеніе между Атлантическимъ океаномъ и Мексиканскимъ заливомъ чрезъ разстояніе болѣе чѣмъ въ пятьсотъ лье, раздѣляющее эти два моря. Самыя длинныя желѣзныя дороги, какія только построены до сихъ поръ, находятся въ Америкѣ.

Но всего болѣе поражаетъ меня въ Соединенныхъ Штатахъ не громадный размѣръ нѣкоторыхъ промышленныхъ предпріятій, а безчисленное множество мелкихъ.

Почти всѣ земледѣльцы Соединенныхъ Штатовъ присоединяютъ къ земледѣлію и торговлю; большею частью они и изъ земледѣлія дѣлаютъ торговое предпріятіе.

Американскій земледѣлецъ рѣдко навсегда остается на занимаемой имъ землѣ. Въ новыхъ провинціяхъ, въ особенности на Западѣ, поле расчищаютъ не для того чтобы воспользоваться урожаемъ, а чтобы продать его: строя ферму, разсчитываютъ, что состояніе страны скоро измѣнится вслѣдствіе роста населенія, и тогда за нее можно будетъ взять хорошую цѣну.

Каждый годъ толпы жителей сѣвера спускаются къ югу и селятся въ мѣстностяхъ, гдѣ растетъ хлопчатникъ или сахарный тростникъ. Эти люди обрабатываютъ землю съ цѣлью обогатиться отъ нея въ нѣсколько лѣтъ, и предвидятъ уже моментъ, когда имъ можно будетъ вернуться на родину наслаждаться пріобрѣтеннымъ богатствомъ. Такимъ образомъ, американцы и въ земледѣліе вносятъ торговый духъ, и здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ, обнаруживаются ихъ промышленныя наклонности.

Американцы дѣлаютъ громадные успѣхи въ промышленности потому, что занимаются ею всѣ сразу; но именно поэтому они и подвергаются въ высшей степени неожиданнымъ и страшнымъ промышленнымъ кризисамъ.

Такъ какъ они всѣ занимаются торговлей, то торговля у нихъ зависитъ отъ такихъ сложныхъ и многочисленныхъ вліяній, что невозможно предвидѣть заранѣе всѣхъ могущихъ возникнуть затрудненій. Такъ какъ каждый, въ большей или меньшей степени, принимаетъ участіе въ промышленности, то достаточно промышленности испытать малѣйшій толчокъ, чтобы пошатнулись въ то же время и всѣ частные состоянія и поколебалось государство.

Мнѣ кажется, что повторяющіеся промышленные кризисы—эндемическая болѣзнь у демократическихъ народовъ нашего времени. Ее можно сдѣлать менѣе опасной, но нельзя излѣчить, потому что она обусловлена не случайными обстоятельствами, а самымъ темпераментомъ этихъ народовъ.

ГЛАВА XX.

Какимъ образомъ изъ промышленности могла бы возникнуть аристократія.

Я показалъ, какимъ образомъ демократія способствовала развитію промышленности и чрезмѣрному увеличенію числа промышленниковъ; теперь мы разсмотримъ, какъ развитіе промышленности, въ свою очередь, могло бы косвеннымъ путемъ привести къ возникновенію аристократіи.

Извѣстно, что чѣмъ болѣе рабочій спеціализируется на производствѣ одной какой-нибудь части предмета, тѣмъ болѣе выигрываетъ общая производительность труда въ смыслѣ легкости, быстроты и экономіи.

Равнымъ образомъ извѣстно, что чѣмъ въ большихъ размѣрахъ ведется какое-либо промышленное предпріятіе, чѣмъ болѣе затрачено на него капитала, чѣмъ свободнѣе для него доступъ къ кредиту, тѣмъ дешевле становятся продукты производства.

Эти два закона замѣчены уже давно, но доказаны они лишь въ наше время. Примѣненіе этихъ законовъ теперь можно встрѣтить уже во многихъ весьма важныхъ областяхъ промышленности, а вслѣдъ за ними и въ менѣе значительныхъ.

Въ сферѣ политики, я думаю, эти двѣ новыя аксіомы промышленной науки должны привлечь къ себѣ самое серьезное вниманіе законодателя.

Когда рабочій занятъ производствомъ исключительно одного какого-нибудь предмета, то онъ достигаетъ наконецъ въ этой работѣ изумительной ловкости, но въ то же время онъ теряетъ общую способность примѣнять свой умъ къ управленію работой. Съ каждымъ днемъ рабочій дѣлается болѣе ловкимъ и менѣе изобрѣтательнымъ: въ то время, какъ совершенствуется работникъ, понижается достоинство человѣка.

Чего можно ждать отъ человѣка, двадцать лѣтъ своей жизни употребившаго на выдѣлываніе булавочныхъ головокъ? На что послѣ этого можетъ быть у него направлена та могучая человѣческая мысль, которая не разъ заставляла волноваться міръ, какъ не на отысканіе лучшихъ способовъ изготовленія тѣхъ же булавочныхъ головокъ!

Когда въ такихъ условіяхъ рабочій проведетъ большую часть своей жизни, то его мысль навсегда застываетъ на предметѣ его ежедневныхъ

трудовъ; его тѣло пріобрѣтаетъ опредѣленныя привычки, которыхъ онъ уже не въ силахъ измѣнить. Словомъ, рабочій уже не принадлежитъ самому себѣ; онъ всецѣло во власти избраннаго имъ рода труда. Напрасно законы и обычаи стараются сломить окружающія этого человѣка преграды и открыть ему тысячи различныхъ путей къ благосостоянію; промышленная теорія оказывается сильнѣе ихъ; она привязываетъ рабочаго къ какой-нибудь одной отрасли труда и часто даже къ одному мѣсту, котораго онъ не можетъ покинуть; она отводитъ ему въ обществѣ извѣстное положеніе, выйти изъ котораго онъ не въ состояніи. Среди всеобщаго движенія, она дѣлаетъ его неподвижнымъ.

Чѣмъ болѣе совершенное примѣненіе получаетъ принципъ раздѣленія труда, тѣмъ слабѣе, ограниченнѣе и зависимѣе дѣлается рабочій. Прогрессъ промышленности влечетъ за собой регрессъ рабочаго. Съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ становится очевиднымъ, что произведенія промышленности дѣлаются тѣмъ лучше и тѣмъ дешевле, чѣмъ больше фабрика и значительнѣе капиталъ, во главѣ промышленныхъ предпріятій, вмѣсто прежнихъ слабосильныхъ и малосвѣдующихъ мастеровъ, начинаютъ появляться люди богатые и образованные. Ихъ привлекаетъ сюда величина необходимыхъ усилій и громадность ожидаемыхъ результатовъ.

Такимъ образомъ промышленность, постоянно унижая классъ рабочихъ, возвышаетъ классъ хозяевъ.

Въ то время, какъ рабочій все болѣе и болѣе направляетъ свои умственныя силы на изученіе какой-нибудь одной частности, предъ взоромъ его хозяина ежедневно открываются болѣе обширные горизонты; его умственный кругозоръ расширяется въ той же степени, въ какой суживается кругозоръ рабочаго. Скоро для послѣдняго достаточно будетъ одной физической силы и не нужно умственной, первому же необходимо образованіе и почти геній для того, чтобы пользоваться успѣхомъ. Первый все болѣе уподобляется распорядителю огромнаго царства, второй низводится на степень животнаго.

Такимъ образомъ хозяинъ и рабочій не имѣютъ ничего общаго между собой, и съ каждымъ днемъ различіе между ними увеличивается. Они соединены лишь такъ, какъ два крайнихъ кольца длинной цѣпи. Каждый занимаетъ назначенное ему мѣсто, съ котораго не сходитъ. Одинъ находится въ постоянной, тяжелой, неизбѣжной зависимости отъ другого, и какъ будто для того и рожденъ, чтобы повиноваться, такъ же какъ другой для того, чтобы повелѣвать.

Развѣ это не похоже на аристократію?

Въ то время, какъ происходитъ уравненіе сословій въ націи, въ ней быстро растетъ и широко распространяется потребность въ произведеніяхъ промышленности; при этомъ дешевизна, дѣлающая доступными эти произведенія для средняго состоянія, является однимъ изъ главныхъ основаній успѣха.

Такимъ образомъ оказывается постоянно, что всѣ болѣе богатые и образованные люди посвящаютъ свои богатства и знанія промышленности, и, открывая большія фабрики и строго проводя принципъ раздѣленія труда, спѣшатъ удовлетворять быстро нарастающія со всѣхъ сторонъ новыя потребности.

Итакъ, въ то время какъ главная масса націи демократизируется, обособленный классъ промышленниковъ дѣлается болѣе аристократическимъ. Люди пріобрѣтаютъ все болѣе сходства въ массѣ населенія, и все болѣе различаются среди промышленнаго меньшинства; неравенство увеличивается въ маленькомъ обществѣ въ той же пропорціи, какъ оно сглаживается въ большомъ.

Такимъ образомъ, восходя къ самому источнику, мы увидимъ, что ари-

стократія какъ будто естественнымъ образомъ возникаетъ изъ самыхъ нѣдръ демократіи.

Но эта аристократія нисколько не похожа на существовавшія прежде нея.

Прежде всего мы замѣчаемъ, что она имѣетъ дѣло только съ промышленностью и даже только съ нѣкоторыми ея видами, и является, такимъ образомъ, какимъ-то страннымъ исключеніемъ, нарушающимъ цѣлость общественнаго строя.

Маленькія аристократическія общества, созданныя нѣкоторыми видами промышленности среди современной многочисленной демократіи, заключаютъ въ себѣ, подобно большимъ аристократическимъ обществамъ древняго времени, нѣсколько очень богатыхъ людей и бѣдствующую массу. Эти бѣдные имѣютъ мало средствъ вырваться изъ своего состоянія и сдѣлаться богатыми, богатые же очень часто превращаются въ бѣдныхъ или, реализировавъ полученную ими прибыль, прекращаютъ свои операціи. Итакъ, элементы, составляющіе классъ бѣдняковъ, остаются почти постоянными; напротивъ, классъ богачей подверженъ колебаніямъ и измѣненіямъ. Или вѣрнѣе, у насъ есть богачи, но не существуетъ богатаго класса, ибо эти богачи не имѣютъ общаго духа и общей цѣли, не связаны общими преданіями и надеждами. Есть отдѣльные члены, но нѣтъ организма.

И не только не существуетъ прочной связи между самими богачами, но настоящей связи нѣтъ также и между богатымъ и бѣднымъ.

Они не помѣщены одинъ возлѣ другого навсегда. Ежеминутно обоюдная выгода то сближаетъ, то разъединяетъ ихъ. Рабочій находится въ зависимости отъ хозяина вообще, но не отъ извѣстнаго хозяина. Эти два человѣка сходятся только на фабрикѣ; внѣ ея они совершенно чужды другъ другу. У нихъ только одна точка соприкосновенія: фабрикантъ требуетъ отъ рабочаго только труда, а послѣдній отъ перваго только заработной платы. Одинъ не обязывается покровительствовать, а другой не обязывается защищать; ихъ не связываютъ прочно ни привычка ни чувство долга. Промышленная аристократія почти никогда не живетъ среди промышленнаго населенія, которое отъ нея зависитъ: ея цѣль не управлять имъ, но пользоваться его трудомъ.

Такая аристократія не можетъ имѣть значительнаго вліянія на людей, зависящихъ отъ нея; если иногда она пріобрѣтаетъ это вліяніе, то тотчасъ-же его и теряетъ; она не умѣетъ ни желать ни дѣйствовать въ этомъ смыслѣ. Землевладѣльческая аристократія прошедшихъ вѣковъ была принуждаема закономъ, или сама считала своею обязанностью оказывать помощь своимъ слугамъ и облегчать ихъ бѣдствія. Промышленная же аристократія нашихъ дней, превративъ въ нищихъ людей, которыми она пользуется, и уничтоживъ въ нихъ человѣческое достоинство, предоставляетъ ихъ во время кризисовъ заботамъ общественной благотворительности. Все это является естественнымъ слѣдствіемъ сказаннаго выше. Между рабочимъ и предпринимателемъ сношенія часты, но истинной ассоціаціи нѣтъ.

Взвѣсивъ все, я думаю, что промышленная аристократія, возвышеніе которой происходитъ на нашихъ глазахъ, есть одна изъ самыхъ жесткихъ, какія существовали когда-либо на землѣ, но въ то же время она есть одна изъ самыхъ ограниченныхъ и безопасныхъ.

Однако, на эту сторону дѣла именно болѣе всего должны быть обращены вниманіе и опасеніе друзей демократіи, такъ какъ если постоянное неравенство и аристократія снова проникнутъ въ міръ, то можно заранѣе предсказать, что они изберутъ именно этотъ путь.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Вліяніе демократіи на нравы въ собственномъ смыслѣ.

ГЛАВА I.

Какимъ образомъ уравненіе сословій вліяетъ на смягченіе нравовъ.

Мы замѣчаемъ, какъ въ продолженіе уже нѣсколькихъ вѣковъ постепенно сглаживаются сословныя неравенства, и въ то же время отмѣчаемъ смягченіе нравовъ. Одновременны ли только оба эти явленія, или между ними существуетъ нѣкоторая скрытая связь, въ силу которой одно не можетъ быть безъ другого?

Есть нѣсколько причинъ, способствующихъ смягченію нравовъ, но самою важною изъ нихъ мнѣ кажется равенство состояній. Равенство и смягченіе нравовъ, по моему мнѣнію, такія явленія, которыя не только существуютъ одновременно, но еще находятся во взаимной связи.

Когда баснописцы желаютъ заинтересовать насъ дѣйствіями животныхъ, то послѣднія надѣляются ими человѣческими мыслями и страстями. Точно также поступаютъ и поэты, когда говорятъ о геніяхъ и ангелахъ.

Мы остаемся глухими къ самому глубокому несчастію, какое только въ состояніи представить нашъ умъ, и къ самой чистой радости, какую только можетъ испытъ наше чувство, если подъ чужими чертами не изображаемся мы сами.

Это замѣчаніе, какъ нельзя лучше, относится къ предмету, занимающему насъ въ настоящую минуту.

Въ аристократическомъ обществѣ, когда общественное положеніе человѣка неизмѣнно опредѣлено, смотря по профессіи, имуществу и рожденію, члены каждаго класса смотрятъ на себя, какъ на дѣтей одной семьи, и поэтому въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ проявляютъ такую симпатію, какой нельзя найти въ той же мѣрѣ у гражданъ демократіи.

Но не то мы видимъ во взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ классовъ.

У народа аристократическаго каждое сословіе имѣетъ свои собственныя мнѣнія, чувствованія, свое право, свои обычаи, свое особое существованіе. Такимъ образомъ, члены одного сословія совершенно отличаются отъ членовъ другого: они различно мыслятъ и чувствуютъ и едва сознаютъ свою связь съ остальнымъ человѣчествомъ.

Слѣдовательно, они не въ состояніи понять того, что чувствуютъ другіе, ни судить о нихъ со своей точки зрѣнія.

Иногда, впрочемъ, можно встрѣтить у нихъ горячую взаимную поддержку; но это не противорѣчитъ сказанному выше.

Тоже самое аристократическое устройство, которое сдѣлало столь различными существа одного и того же рода, въ то же время соединило ихъ самою тѣсною политической связью.

Хотя крѣпостной, естественно, и не интересовался судьбою благородныхъ, тѣмъ не менѣе онъ считалъ себя обязаннымъ выказывать преданность тому изъ нихъ, который былъ его господиномъ; равнымъ образомъ, господинъ, хотя считалъ себя принадлежащимъ къ другой породѣ, тѣмъ не менѣе признавалъ, что долгъ и честь обязываютъ его защищать, даже съ опасностью своей жизни, тѣхъ, кто жилъ въ его владѣніяхъ.

Очевидно, что эти взаимныя обязательства вытекали изъ права не естественнаго, но политическаго, и явились слѣдствіемъ общественнаго строя, а не гуманности. Когда являлась потребность въ поддержкѣ, то она оказывалась не человѣку, но вассалу, или сеньеру. Феодализмъ развилъ чувство состраданія къ отдѣльнымъ лицамъ, но не ко всему человѣчеству. Онъ внесъ въ нравы болѣе великодушія, чѣмъ мягкости, и хотя давалъ примѣры геройскаго самопожертвованія, но не произвелъ истинной симпатіи, ибо дѣйствительная симпатія возможна только между людьми подобными, а въ аристократическія времена человѣкъ видитъ себѣ подобныхъ только въ членахъ своего сословія.

Когда средневѣковые хроникеры, которые всѣ по своему рожденію, или воспитанію, принадлежали къ аристократіи, повѣствуютъ о трагическомъ концѣ благороднаго человѣка, то разсказъ ихъ проникнутъ чувствомъ безконечной скорби, между тѣмъ какъ они спокойно и хладнокровно повѣствуютъ о рѣзнѣ и мученіяхъ, которымъ подвергался простой народъ.

Это не значитъ, чтобы эти писатели питали какую-нибудь закоренѣлую ненависть, или систематическое презрѣніе къ народу. Война между различными классами государства тогда еще не была объявлена. Ими руководилъ скорѣе инстинктъ, чѣмъ страсть. Такъ какъ у нихъ не было яснаго представленія о страданіи простого человѣка, то они мало интересовались его судьбой.

То же мы встрѣчаемъ и у простого народа, лишь только порывается феодальная связь. Тѣ самые вѣка, которые видѣли столько примѣровъ геройскаго самопожертвованія со стороны вассаловъ для своихъ сеньеровъ, были въ то же время свидѣтелями неслыханныхъ звѣрствъ, совершавшихся иногда низшими классами надъ высшими.

Не слѣдуетъ думать, что это взаимное безсердечіе имѣетъ своимъ источникомъ только отсутствіе порядка и просвѣщенія, ибо слѣды его мы видимъ и въ слѣдующіе вѣка, достаточно просвѣщенные и съ прочно установленнымъ порядкомъ, но еще сохранившіе аристократическое устройство.

Въ 1675 году низшіе классы Бретани возмутились по поводу новаго налога. Это возмущеніе было подавлено неслыханно жестокими мѣрами. Вотъ какъ передаетъ объ этихъ ужасахъ мадамъ де-Севинье въ письмѣ къ своей дочери:

„Роше, 3 октября 1875 года.

„Боже, какъ забавно твое письмо изъ Э, милая дочь. Перечитывай по крайней мѣрѣ свои письма, прежде чѣмъ отправлять ихъ. Подивись сама ихъ пріятности, и утѣшь себя этимъ удовольствіемъ за трудъ, который ты употребляешь на то, чтобы столько писать. Итакъ, ты поцѣловала весь Провансъ? Было бы не особенно пріятно поцѣловать всю Бретань; по крайней мѣрѣ, для того, кто не любитъ запаха вина. Хочешь ли знать реннскія новости? Здѣсь установленъ налогъ въ сто тысячъ экю, и если

эта сумма не будетъ собрана въ продолженіе двадцати-четырехъ часовъ, то ее удвоятъ и соберутъ съ помощью солдатъ. Всѣ жители цѣлой большой улицы выгнаны изъ своихъ домовъ и запрещено подъ страхомъ смертной казни давать имъ кровъ, такъ что можно было видѣть, какъ эти несчастные: только что родившія женщины, старики, дѣти, со слезами бродили около города, не зная, куда дѣться, безъ крова и безъ пищи. Третьяго дня колесовали зачинщика этой исторіи и расхищенія гербовой бумаги; его четвертовали, и всѣ его четыре четверти были выставлены на четырехъ концахъ города. Взяли шестьдесятъ горожанъ, и завтра начнутъ вѣшать. Эта провиція, будетъ прекраснымъ примѣромъ для другихъ, который особенно научитъ ихъ уважать губернаторовъ и губернаторшъ, и не бросать камней въ ихъ огородъ [1]).

„Мадамъ де-Тарентъ была вчера въ этомъ лѣсу въ очаровательную погоду; ни о комнатахъ, ни объ ужинѣ не могло быть и рѣчи. Она въѣхала черезъ заставу и возвратилась тѣмъ же путемъ".

Въ другомъ письмѣ она говоритъ:

„Ты очень забавно говоришь о нашихъ несчастіяхъ; у насъ теперь уже не колесуютъ столько: лишь одного въ восемь дней, ради удовлетворенія правосудія. Правда, что висѣлица мнѣ теперь кажется освѣжающимъ средствомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ этихъ краяхъ, у меня совершенно измѣнился взглядъ на правосудіе. Ваши каторжники мнѣ кажутся теперь обществомъ честныхъ людей, уединившихся отъ міра, для того, чтобы вести пріятную жизнь".

Было бы невѣрно считать мадамъ де-Севинье, которой принадлежатъ эти строки, эгоистической или жестокой личностью: она страстно любила своихъ дѣтей и выказывала сильное сочувствіе къ несчастіямъ своихъ друзей. Изъ ея переписки мы узнаемъ, что и со своими вассалами и слугами она обращалась кротко и мягко. Но мадамъ де-Севинье не могла ясно понять, что значитъ страданіе, разъ его испытываетъ не дворянинъ.

Въ наше время человѣкъ самый жестокій въ своемъ письмѣ къ человѣку самому безчувственному не рѣшился бы хладнокровно вести такую жестокую болтовню. И если бы даже ему позволило это сдѣлать собственное безсердечіе, то запретила бы общественная нравственность націи.

Отчего это происходитъ? Развита ли у насъ чувствительность сильнѣе, чѣмъ у нашихъ отцовъ? Я не думаю этого; но несомнѣнно, что наша чувствительность имѣетъ большую сферу примѣненія.

Когда классы почти равны между собой, и всѣ люди одинаково чувствуютъ и мыслятъ, то каждый изъ нихъ можетъ понять чувство другого; ему достаточно для этого бросить бѣглый взглядъ на самого себя. Поэтому нѣтъ такихъ бѣдствій, которыя онъ не могъ бы легко себѣ представить и о размѣрахъ которыхъ не говорило бы ему тайное внутреннее чувство. Все равно, идетъ ли рѣчь объ иностранцѣ, или врагѣ,—въ своемъ воображеніи онъ тотчасъ ставитъ себя на ихъ мѣсто. Онъ самъ страдаетъ въ то время, какъ видитъ страданія себѣ подобныхъ.

Въ демократическіе вѣка люди рѣдко жертвуютъ собою для другихъ, но они выказываютъ общее участіе ко всѣмъ членамъ человѣческаго рода. Они никогда не сдѣлаютъ ненужнаго зла; напротивъ, если могутъ облегчить страданія ближняго безъ особеннаго вреда для себя, то охотно дѣ-

---

[1]) Чтобы понять смыслъ этой шутки, нужно припомнить, что мадамъ де-Гриньянъ была жена губернатора Прованса.

лаютъ это. Они не безкорыстны, но кротки. Хотя американцы возвели, такъ сказать, эгоизмъ въ общественную и философскую теорію, но они не оказываются вслѣдствіе этого менѣе способными къ состраданію.

Нѣтъ такой страны, гдѣ бы уголовный судъ былъ болѣе снисходителенъ, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ то время, какъ англичане еще до сихъ поръ заботливо охраняютъ въ своихъ уголовныхъ законахъ кровавые остатки среднихъ вѣковъ, американцы почти совершенно изгнали изъ своихъ кодексовъ смертную казнь.

Я думаю, что Америка есть единственная страна въ мірѣ, гдѣ вотъ уже сорокъ лѣтъ, какъ не былъ лишенъ жизни ни одинъ гражданинъ за политическое преступленіе.

Способъ обращенія съ рабами лучше всего доказываетъ, что эта особенная, свойственная американцамъ мягкость является слѣдствіемъ ихъ общественнаго строя.

Можетъ-быть, не найдется европейской колоніи въ Новомъ Свѣтѣ, гдѣ бы физическія условія существованія черныхъ рабовъ были менѣе тяжелыми, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ; однако рабы еще испытываютъ тамъ самыя ужасныя бѣдствія и подвергаются самымъ жестокимъ наказаніямъ.

Не трудно замѣтить, что судьба этихъ несчастныхъ нисколько не внушаетъ къ себѣ состраданія ихъ господамъ; послѣдніе смотрятъ на рабство не только, какъ на фактъ выгодный для нихъ, но и какъ на зло, нисколько ихъ не трогающее. Такимъ образомъ тотъ же самый человѣкъ, который выказываетъ столько гуманнаго чувства къ ближнимъ, когда они равны ему, дѣлается совершенно безчувственнымъ, когда это равенство не существуетъ. Итакъ, указанную мягкость слѣдуетъ приписать болѣе равенству, чѣмъ цивилизаціи и просвѣщенію.

То самое, что я сказалъ объ отдѣльныхъ людяхъ, можно приложить и къ цѣлому народу.

Когда каждая нація управляется своими собственными мнѣніями, вѣрованіями, законами, вырабатываетъ свой особенный бытъ, тогда она видитъ въ себѣ олицетвореніе всего человѣчества, и чувствуетъ состраданіе только къ собственнымъ несчастіямъ. Если между двумя такими народами вспыхнетъ война, то она не можетъ не вестись съ большою жестокостью.

Римляне, въ эпоху своего высшаго просвѣщенія, умерщвляли непріятельскихъ полководцевъ, предварительно проведя ихъ за тріумфальной колесницей; они отдавали своихъ плѣнниковъ на растерзаніе звѣрей для забавы народа. Цицеронъ, испускающій такіе стоны при мысли о гражданинѣ, распятомъ на крестѣ, не видитъ ничего предосудительнаго въ этомъ ужасномъ злоупотребленіи побѣдою. Ясно, что, въ его глазахъ, чужестранецъ не принадлежитъ къ тому же человѣческому роду, къ которому принадлежитъ римлянинъ.

Напротивъ, по мѣрѣ того, какъ народы становятся болѣе сходными, они оказываются взаимно болѣе сострадательными къ бѣдствіямъ другихъ народовъ; международное право, такимъ образомъ, смягчается.

ГЛАВА II.

Какимъ образомъ демократія вноситъ простоту и свободу въ обыденныя отношенія американцевъ.

Демократія не создаетъ тѣсной связи между людьми, но она способствуетъ развитію свободы и простоты въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ.

Возьмемъ двухъ англичанъ, случайно встрѣчающихся въ далекой странѣ; они окружены иностранцами, съ языкомъ и нравами которыхъ они едва знакомы.

Сначала они съ большимъ любопытствомъ и съ какимъ-то скрытымъ безпокойствомъ будутъ смотрѣть другъ на друга; затѣмъ расходятся, а если вступаютъ въ разговоръ, то стараются держаться холодно и разсѣянно; разговоръ ихъ вертится вокругъ ничтожныхъ мелочей.

Между ними, однако, нѣтъ никакой вражды; они въ первый разъ видятся и оба считаютъ другъ друга людьми вполнѣ приличными. Почему же они такъ старательно избѣгаютъ одинъ другого? Чтобы это понять, надо возвратиться въ Англію.

Когда общественное положеніе человѣка зависитъ только отъ рожденія, независимо отъ его богатства, тогда каждый твердо знаетъ ступень, занимаемую имъ на общественной лѣстницѣ. Онъ не стремится встать выше, и не боится спуститься. При такой организаціи общества, члены различныхъ классовъ имѣютъ мало сношеній другъ съ другомъ. Но когда ихъ сведетъ случай, они знакомятся охотно, желая и не боясь возможности смѣшенія. Хотя ихъ отношенія не основаны на равенствѣ, тѣмъ не менѣе они непринужденны.

Когда родовую аристократію замѣняетъ денежная, то получается нѣчто другое.

Правда, существуютъ еще многія весьма значительныя привилегіи, но возможность получить ихъ открыта для всѣхъ, вслѣдствіе чего обладающіе этими привилегіями находятся въ постоянномъ страхѣ: они боятся лишиться ихъ, или раздѣлить ихъ съ другими; тѣ же, у которыхъ этихъ привилегій еще нѣтъ, всѣми силами стараются завладѣть ими, а если это не возможно, то хоть казаться имѣющими ихъ, что нерѣдко удается. Такъ какъ общественное положеніе человѣка уже не имѣетъ той устойчивости и опредѣленности, которыя давались рожденіемъ, а можетъ измѣняться до безконечности, смотря по богатству, то хотя классы существуютъ попрежнему, но не такъ уже легко, съ перваго взгляда, опредѣлить, кто къ какому классу принадлежитъ.

Среди всѣхъ гражданъ начинается глухая борьба; одни тысячью уловокъ стараются проникнуть или дѣйствительно, или только по виду въ общество людей, стоящихъ выше; другіе безпрерывно борятся для защиты своихъ правъ отъ похитителей; или скорѣе можно сказать такъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ одновременно и стремится занять высшее положеніе, и неустанно борется противъ притязаній, идущихъ снизу.

Таково положеніе Англіи въ настоящее время и въ немъ, я думаю, нужно искать главную причину вышеуказаннаго.

Такъ какъ аристократическая гордость еще очень сильна у англичанъ, а границы аристократіи сдѣлались шаткими и неопредѣленными, то каждый постоянно боится, какъ бы не попасться со своею фамильярностью. Такъ какъ съ перваго взгляда нельзя опредѣлить, какое положеніе въ свѣтѣ

занимаетъ встрѣчный человѣкъ, то и признается болѣе благоразумнымъ избѣгать сближенія съ нимъ; оказывая кому-нибудь незначительную услугу, люди опасаются завязать неподходящую дружбу; боятся услугъ и стараются избѣгать нескромной благодарности незнакомца, столько же, какъ и его ненависти.

Многіе объясняютъ чисто-физическими причинами это странное отсутствіе общительности и сосредоточенный, молчаливый характеръ англичанъ. Я не отрицаю здѣсь нѣкотораго вліянія крови, но главною причиной все-таки считаю общественный строй. Это доказывается примѣромъ американцевъ.

Въ Америкѣ, гдѣ никогда не существовало родовыхъ привилегій и гдѣ богатство не даетъ никакого исключительнаго права тому, кто имъ владѣетъ, незнакомые между собою люди охотно сходятся вмѣстѣ и не видятъ для себя ни особой выгоды, ни опасности въ свободномъ обмѣнѣ мыслей; при случайной встрѣчѣ они не ищутъ сближенія, но и не избѣгаютъ его: поэтому обращеніе ихъ всегда просто, непринужденно и открыто. Очевидно, что они почти ничего не ожидаютъ и не опасаются другъ отъ друга и никто изъ нихъ не старается выставлять на видъ, или скрывать занимаемое имъ общественное положеніе. Если обращеніе американца часто сухо и холодно, то оно никогда не бываетъ высокомѣрнымъ, или принужденнымъ, и если они не говорятъ другъ съ другомъ, то потому, что не расположены разговаривать, а не потому, чтобы считали для себя выгоднымъ молчаніе.

Американцы за границей съ одного слова дѣлаются друзьями, именно потому, что они американцы; они не заражены такими предразсудками, ради которыхъ они должны избѣгать другъ друга, а единство отечества ихъ сближаетъ. Для двухъ англичанъ недостаточно кровнаго родства; для сближенія ихъ еще необходимо одинаковое общественное положеніе.

Американцы, подобно намъ, скоро подмѣтили эту необщительность англичанъ между собой, и это явленіе поражаетъ ихъ столько же, какъ и насъ. Между тѣмъ американцы имѣютъ общее съ англичанами происхожденіе, ту же религію, языкъ и отчасти нравы; различіе существуетъ только въ общественномъ строѣ. Итакъ можно сказать, что указанная сдержанность англичанъ вытекаетъ скорѣе изъ ихъ общественнаго устройства, чѣмъ изъ свойствъ англійскихъ гражданъ.

ГЛАВА III.

Почему американцы такъ мало требовательны въ отношеніи вѣжливости у себя дома и такъ щепетильны на этотъ счетъ въ Европѣ.

Американцы, какъ и всякій серьезный и положительный народъ, отличаются мстительнымъ характеромъ. Они почти никогда не забываютъ оскорбленія, но зато ихъ и нелегко оскорбить; чувство злобы въ нихъ такъ же трудно зажечь, какъ и погасить.

Въ аристократическихъ обществахъ, гдѣ всѣми отношеніями руководитъ незначительная группа людей, внѣшнія сношенія людей разъ навсегда подчинены строго опредѣленнымъ правиламъ. Каждый тамъ полагаетъ, что ему точно извѣстно, какимъ способомъ надо свидѣтельствовать свое почте-

ніе, или выражать свою благосклонность; этикетъ представляетъ такимъ образомъ науку, знаніе которой предполагается у всякаго.

Обычаи высшаго класса служатъ предметомъ подражанія для остальныхъ классовъ, и кромѣ того, еще каждый изъ этихъ послѣднихъ вырабатываетъ свой собственный кодексъ, соображаться съ которымъ считается обязательнымъ для его членовъ.

Такимъ образомъ, правила вѣжливости разрастаются въ сложную систему законодательства, постичь которую въ совершенствѣ весьма трудно, а уклониться отъ нея безнаказанно для себя также нельзя; вслѣдствіе этого каждый человѣкъ постоянно рискуетъ противъ своей воли нанести жестокое оскорбленіе, или самъ получить такое же.

Но, когда сословныя неравенства начинаютъ сглаживаться, и люди, различные по своему рожденію и образованію, смѣшиваются и сливаются въ однихъ мѣстахъ, тогда соглашеніе относительно правилъ свѣтскаго обращенія является почти невозможнымъ. Такъ какъ законъ становится неясенъ, то даже въ глазахъ людей, которые съ нимъ знакомы, нарушеніе его не является преступленіемъ; поэтому обращаютъ больше вниманія на сущность дѣла, чѣмъ на форму; люди становятся въ одно и то же время и не такъ вѣжливы, но и не такъ притязательны.

Существуетъ множество мелкихъ правилъ вѣжливости, которымъ американецъ не придаетъ никакого значенія; онъ или никого не считаетъ обязаннымъ по отношенію къ нему соблюдать такую вѣжливость, или предполагаетъ, что она не соблюдается по невѣдѣнію. Поэтому онъ не замѣчаетъ непочтительнаго отношенія къ себѣ, или же извиняетъ его; обращеніе его дѣлается поэтому менѣе учтивымъ, а нравы болѣе простыми и мужественными. Но у американцевъ эта взаимная снисходительность и это мужественное довѣріе въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ имѣютъ, кромѣ того, еще другую болѣе важную и глубокую причину. Эту причину я указалъ уже въ предыдущей главѣ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ гражданское неравенство людей замѣтно въ очень слабой степени, въ политическомъ-же значеніи всѣ классы совершено равноправны; поэтому американецъ считаетъ себя совершенно свободнымъ отъ выраженія особеннаго вниманія къ кому-либо изъ себѣ подобныхъ, равнымъ образомъ и самъ не требуетъ его отъ другихъ. Такъ какъ онъ вовсе не считаетъ для себя выгоднымъ съ особеннымъ жаромъ домогаться знакомства съ кѣмъ-либо изъ своихъ согражданъ, то не можетъ представить себѣ, чтобы и другой могъ отвергать его знакомство; не презирая никого за общественное положеніе, онъ не можетъ вообразить, чтобы его стали презирать по этой причинѣ, и пока не замѣтитъ обиды ясно, до тѣхъ поръ не предполагаетъ, чтобъ его желали оскорбить.

Общественный строй американцевъ дѣлаетъ ихъ мало обидчивыми въ мелочахъ, а, съ другой стороны, демократическая свобода, которой они пользуются, завершаетъ распространеніе въ ихъ національныхъ нравахъ той же мягкости.

Политическія учрежденія Соединенныхъ Штатовъ постоянно приводятъ въ соприкосновеніе между собою гражданъ всѣхъ классовъ и заставляютъ ихъ общими силами стремиться къ осуществленію великихъ задачъ. Такимъ занятымъ людямъ нѣтъ времени думать о мелочахъ этикета, да они и не считаютъ нужнымъ останавливать на немъ свое вниманіе, такъ какъ ихъ прямая выгода—жить въ согласіи. Такимъ образомъ американцы привыкаютъ при своихъ встрѣчахъ съ людьми обращать больше вни-

манія на ихъ мысли и чувства, чѣмъ на манеры; къ мелочамъ они вовсе не чувствительны.

Я не разъ замѣчалъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ очень не легко дать понять человѣку, что его присутствіе становится для васъ тягостнымъ. Окольными путями этого не всегда можно достигнуть.

Я противорѣчу американцу на каждомъ словѣ, чтобы дать ему почувствовать, что его бесѣда меня утомляетъ, но вмѣсто этого я вижу, какъ онъ дѣлаетъ новыя усилія, чтобы меня убѣдить; если же я храню упорное молчаніе, то онъ воображаетъ, что я глубоко задумался надъ тѣми истинами, которыя онъ мнѣ излагаетъ; когда, наконецъ, я скрываюсь отъ его преслѣдованій, то онъ предполагаетъ, что меня требуетъ какое-нибудь спѣшное дѣло. Этотъ человѣкъ до тѣхъ поръ не пойметъ, что онъ надоѣлъ мнѣ, пока я самъ не скажу ему этого, такъ что я могу спастись отъ него только сдѣлавшись его смертельнымъ врагомъ.

Что удивляетъ съ перваго разу, это то, что этотъ же самый человѣкъ, будучи перенесенъ въ Европу, вдругъ дѣлается боязливымъ и осторожнымъ въ своихъ сношеніяхъ, то того, что теперь мнѣ такъ же трудно его не обидѣть, какъ прежде было трудно вызвать его неудовольствіе. Эти два столь различные результаты, суть произведенія одной и той же причины.

Демократическія учрежденія даютъ обыкновенно людямъ очень высокое мнѣніе, какъ о самихъ себѣ, такъ и объ ихъ отечествѣ. Американецъ покидаетъ свою страну преисполненный чувствомъ гордости. Онъ пріѣзжаетъ въ Европу и сразу замѣчаетъ, что тамъ вовсе не такъ заняты Соединенными Штатами и населяющимъ ихъ великимъ народомъ, какъ онъ это себѣ воображалъ. Это начинаетъ его раздражать.

Онъ слышалъ раньше, что въ нашемъ полушаріи существуетъ неравенство состояній. И дѣйствительно, онъ замѣчаетъ, что у европейскихъ народовъ слѣды классовыхъ различій еще не совсѣмъ стерлись; что тамъ богатство и рожденіе сохраняютъ за собой какія-то привилегіи, не признать которыя ему такъ же трудно, какъ и точно опредѣлить. Подобное явленіе его удивляетъ и безпокоитъ, такъ какъ оно совершенно для него ново. Ничто изъ видѣннаго имъ въ своей странѣ не помогаетъ ему понять его. Онъ совершенно не знаетъ, какое мѣсто приличествуетъ ему занять въ этой іерархіи, на половину распавшейся, среди этихъ классовъ, различіе которыхъ еще достаточно для того, чтобы они питали взаимное презрѣніе и ненависть, и которые въ то же время настолько близки, что онъ постоянно можетъ ихъ смѣшивать. Онъ боится занять слишкомъ высокое, а еще болѣе слишкомъ низкое мѣсто. Эта двойная опасность постоянно держитъ умъ его въ напряженномъ состояніи и стѣсняетъ какъ его дѣйствія, такъ и рѣчи.

По преданію ему извѣстно, что европейскій церемоніалъ измѣняется до безконечности, сообразно общественному положенію человѣка. При воспоминаніи объ этомъ прошломъ онъ окончательно теряется; и тѣмъ болѣе боится не получить должнаго ему уваженія, что не знаетъ опредѣленно, въ чемъ оно выражается. Онъ держитъ себя, какъ человѣкъ, противъ котораго замышляютъ всевозможныя козни. Общество людей служитъ для него не развлеченіемъ, а напротивъ, ставитъ его въ серьезныя затрудненія. Онъ взвѣшиваетъ малѣйшій вашъ поступокъ, пытливо смотритъ вамъ въ глаза и тщательно анализируетъ каждое ваше слово, боясь, не заключаетъ ли оно какого-нибудь скрытаго, оскорбительнаго для него намека. Я думаю, что не найдется деревенскаго

дворянина, который бы съ такою придирчивостью слѣдилъ за правилами обходительности, какъ американецъ: онъ старается строго соблюдать самыя мелкія требованія этикета и не терпитъ, если какое-нибудь изъ нихъ не соблюдается по отношенію къ нему; онъ одновременно и мелочно—вѣжливъ, и требователенъ; ему хотѣлось бы соблюдать мѣру, но онъ боится впасть въ преувеличеніе, и такъ какъ онъ не знаетъ границъ между тѣмъ и другимъ, то и сохраняетъ неловкую и высокомѣрную сдержанность.

Но это еще не все. А вотъ еще особенное свойство человѣческаго сердца.

Американецъ постоянно говоритъ о томъ удивительномъ равенствѣ, которое господствуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ; онъ имъ очень гордится за свое отечество, но для себя онъ втайнѣ не доволенъ этимъ равенствомъ и старается показать, что самъ онъ составляетъ исключеніе изъ общаго правила, которое онъ прославляетъ.

Не найдется ни одного американца, который бы не стремился производить свой родъ отъ первыхъ основателей колоній, а что касается до отпрысковъ знаменитыхъ англійскихъ фамилій, то мнѣ кажется, что вся Америка покрыта ими. Когда богатый американецъ пріѣзжаетъ въ Европу, то первая его забота—окружить себя всевозможною пышностью и роскошью. Онъ такъ боится, чтобы въ немъ не признали простого гражданина демократіи, что изворачивается на всѣ лады, чтобы только являться предъ вами каждый день все въ новомъ блескѣ своего богатства. Онъ поселяется обыкновенно въ лучшей части города и постоянно окруженъ цѣлымъ штатомъ слугъ.

Мнѣ приходилось слышать отъ одного американца жалобы на то, что въ первыхъ парижскихъ салонахъ встрѣчается слишкомъ разнородное общество; вкусъ, господствующій тамъ, казался ему недостаточно чистымъ и онъ ловко давалъ замѣтить, что, по его мнѣнію, въ этихъ салонахъ недостаетъ изящества манеръ. Онъ не могъ привыкнуть видѣть умъ заключенный такимъ образомъ въ пошлую оболочку.

Подобные контрасты не должны насъ удивлять. Если бы въ Соединенныхъ Штатахъ слѣды аристократическихъ различій не исчезли столь совершенно, то американцы были бы не такъ просты и снисходительны въ своемъ отечествѣ и не такъ требовательны и принужденны у насъ.

ГЛАВА IV.

Выводъ изъ трехъ предыдущихъ главъ.

Если люди склонны къ чувству состраданія въ своихъ взаимныхъ несчастіяхъ, если ихъ постоянно сближаютъ непринужденныя и частыя сношенія и въ то же время не разъединяетъ никакое предубѣжденіе, то не трудно понять, что, въ случаѣ нужды, они всегда окажутъ другъ другу взаимную поддержку. Когда американецъ взываетъ къ помощи своихъ ближнихъ, то лишь очень рѣдко случается, чтобы они ему отказали; напротивъ, я не разъ замѣчалъ, что они оказывали ее и безъ просьбы съ большимъ усердіемъ.

Случится ли какая-нибудь неожиданная бѣда на проѣзжей дорогѣ, тотчасъ же отовсюду бѣгутъ на помощь къ тому, съ кѣмъ она случилась;

поразитъ-ли вдругъ большое несчастіе какую-нибудь семью, сейчасъ же раскрываются сотни кошельковъ неизвѣстныхъ людей, и умѣренныя, но многочисленныя пожертвованія спасаютъ ее отъ угрожающей нищеты. У самыхъ цивилизованныхъ народовъ въ мірѣ случается, что бѣднякъ бываетъ такъ же одинокъ среди толпы, какъ дикарь въ своемъ лѣсу. Подобное явленіе трудно встрѣтить въ Соединенныхъ Штатахъ. Американцы, постоянно холодные и часто даже грубые въ своемъ обращеніи, почти никогда не бываютъ безчувственными; если они не спѣшатъ сами со своими услугами, то зато никогда не откажутъ, если къ нимъ обратятся.

Сказанное сейчасъ не противорѣчитъ тому, что я выше говорилъ объ индивидуализмѣ; я думаю, напротивъ, что то и другое находятся въ связи.

Равенство сословій, создавая въ человѣкѣ чувство независимости, въ то же время указываетъ ему на его слабость; хотя человѣкъ свободенъ, но предоставленъ тысячѣ случайностей; опытъ скоро показываетъ ему, что, хотя онъ и не нуждается въ постоянной помощи другихъ, но что почти всегда можетъ наступить такой моментъ, когда обойтись безъ нея будетъ почти невозможнымъ. Въ Европѣ мы ежедневно видимъ, что люди одной профессіи охотно помогаютъ другъ другу; они подвергаются одинаковымъ несчастіямъ и этого достаточно, чтобы заставить ихъ искать защиты отъ этихъ несчастій во взаимной поддержкѣ, какъ бы жестоки и эгоистичны ни были сами эти люди. Поэтому, когда одному изъ нихъ угрожаетъ опасность, то остальные, если могутъ небольшимъ временнымъ пожертвованіемъ, или посредствомъ внезапнаго порыва, избавить его отъ бѣды, всегда пытаются это сдѣлать. Это не значитъ, чтобы они сильно заинтересованы были его судьбой, такъ какъ, если случайно ихъ усилія помочь потерпѣвшему оказываются безполезными, то они тотчасъ забываютъ о немъ и возвращаются къ своимъ дѣламъ, но среди нихъ какъ будто установилось молчаливое и почти невольное соглашеніе, въ силу котораго каждый долженъ оказать временную поддержку другимъ и равнымъ образомъ можетъ самъ ее требовать Отнесите къ цѣлому народу то, что я сказалъ объ одномъ только классѣ людей, и вы поймете мою мысль.

Дѣйствительно, среди гражданъ демократіи существуетъ договоръ, подобный описанному сейчасъ; каждый чувствуетъ одну и ту же слабость и сознаетъ однѣ и тѣ же опасности. Личный интересъ настолько же, насколько и симпатія, заставляетъ ихъ вмѣнять себѣ въ нравственную обязанность взаимную подачу помощи въ несчастіяхъ.

Чѣмъ болѣе равно становится общественное положеніе людей, тѣмъ яснѣе они выказываютъ склонность оказывать другъ другу взаимныя услуги.

Въ демократіяхъ не дѣлаютъ великихъ благодѣяній, но постоянно оказываютъ мелкія услуги; тамъ рѣдко можно встрѣтить человѣка самоотверженнаго, но зато тамъ всѣ услужливы.

ГЛАВА V.

Какъ демократія измѣняетъ отношенія слуги къ господину.

Американецъ, долго путешествовавшій по Европѣ, говорилъ мнѣ однажды:

„Англичане такъ высокомѣрно и строго обращаются со своими слуга-

ми, что это поражаетъ насъ; но, съ другой стороны, французы иногда бываютъ такъ фамильярны со своими и до того вѣжливы, что для насъ это непонятно. Можно подумать, что они боятся приказывать. Высшій и низшій не занимаютъ тамъ своего настоящаго мѣста".

Это замѣчаніе справедливо, и мнѣ не разъ самому приходилось его дѣлать.

Англію я всегда считалъ за такую страну, гдѣ въ наше время отношеніе къ домашней прислугѣ всего строже; напротивъ, во Франціи оно всего свободнѣе. Нигдѣ, по моему мнѣнію, господинъ не стоитъ такъ высоко и такъ низко, какъ въ этихъ двухъ странахъ.

Американцы занимаютъ какъ разъ средину между этими двумя крайностями. Таково поверхностное наблюденіе. Чтобы отыскать причину этого явленія, нужно обратиться къ далекому прошлому.

Еще никогда не существовало въ обществѣ такого равенства, чтобы не было богатыхъ и бѣдныхъ, а слѣдовательно господъ и слугъ.

Въ демократіи также существуютъ эти два класса, но только она видоизмѣняетъ ихъ духъ и ихъ взаимныя отношенія.

У народовъ аристократическихъ, слуги составляютъ особый классъ, такой же малоподвижный, какъ и классъ господъ. Въ обоихъ классахъ скоро устанавливаются опредѣленные порядки. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ, быстро появляется іерархія: многочисленныя подраздѣленія и степени, имѣющія свои признаки; поколѣнія проходятъ, а положенія не измѣняются. Это суть два общества, поставленныя одно надъ другимъ, всегда различныя, но управляемыя на основаніи сходныхъ принциповъ.

Эта аристократическая организація одинаковымъ образомъ вліяетъ на убѣжденія и нравы, какъ слугъ, такъ и ихъ господъ, и хотя слѣдствія являются различными, но нетрудно догадаться, что они исходятъ изъ одной и той же причины.

Тѣ и другіе образуютъ маленькія націи, заключенныя въ большую; среди нихъ, наконецъ, вырабатываются извѣстныя, устойчивыя понятія о справедливости и несправедливости; на всѣ акты человѣческой жизни тамъ смотрятъ съ особенной, неизмѣнной точки зрѣнія. Въ обществѣ слугъ, какъ и въ обществѣ господъ, всѣ члены имѣютъ огромное вліяніе одни на другихъ. Они руководятся твердо установленными правилами и, за отсутствіемъ закона, подчиняются требованіямъ общественнаго мнѣнія; у нихъ свое благоустройство, своя полиція.

У этихъ людей, назначеніе которыхъ—повиноваться, понятія о славѣ, добродѣтели, приличіи, чести, безъ сомнѣнія иныя, чѣмъ у господъ, но они выработали себѣ славу, добродѣтель и честность, приличныя слугамъ, и, если можно такъ выразиться, свою рабскую честь [1]).

Если низокъ классъ, то не слѣдуетъ думать, что и всѣ члены, его составляющіе, имѣютъ низкую душу. Подобное мнѣніе было бы грубою ошибкой. Какъ бы низокъ ни былъ классъ, все же тотъ, кто въ немъ занимаетъ первое мѣсто и кто не хочетъ выйти изъ него, оказывается въ аристократическомъ положеніи, которое внушаетъ ему возвышенныя чувства, благородную гордость и самоуваженіе; и эти чувства дѣлаютъ его способнымъ на необычные подвиги.

---

[1]) Если ближе и подробнѣе разсмотрѣть тѣ главныя мнѣнія, которыя руководятъ этими людьми, то сходство покажется еще болѣе поразительнымъ; у нихъ вы съ удивленіемъ встрѣтите, какъ у самыхъ гордыхъ членовъ феодальной іерархіи, гордость своимъ происхожденіемъ, уваженіе къ предкамъ и потомкамъ, презрѣніе къ низшему, боязнь сближенія, приверженность къ этикету, преданіямъ и старинѣ.

Среди аристократическихъ народовъ, нерѣдко можно было встрѣтить въ услуженіи у знати людей съ возвышенною и благородною душой, которые несли свою службу, не чувствуя ея тяжести, и подчинялись волѣ своихъ господъ, нисколько не страшась ихъ гнѣва.

Но ничего подобнаго почти никогда нельзя было встрѣтить среди низшихъ слоевъ класса слугъ. Понятно, что люди, занимающіе самое послѣднее мѣсто въ іерархіи слугъ, бываютъ очень низки.

Французы выдумали особое названіе для этого низшаго изъ слугъ аристократіи,— они назвали его лакеемъ.

Слово лакей было крайнимъ терминомъ для выраженія человѣческой низости. Во времена старинной монархіи, когда хотѣли сразу обрисовать подлаго, низкаго человѣка, то говорили, что онъ имѣетъ *лакейскую душу*. Этого одного было достаточно; опредѣленіе являлось полнымъ и понятнымъ.

Постоянное неравенство сословій не только развиваетъ въ слугахъ опредѣленные пороки и добродѣтели, но оно ставитъ ихъ въ своеобразныя отношенія къ господамъ.

У народовъ аристократическихъ бѣднякъ съ самаго дѣтства свыкается съ мыслью о подчиненіи. Куда бы онъ ни обратилъ свой взоръ, вездѣ передъ нимъ открывается перспектива іерархіи и повиновенія.

Поэтому въ странахъ, гдѣ господствуетъ постоянное неравенство, господинъ безъ труда встрѣчаетъ со стороны слугъ быстрое, полное, почтительное и легкое повиновеніе, такъ какъ послѣдніе благоговѣютъ передъ нимъ, видя въ немъ не только господина, но представителя всего класса господъ. Онъ давитъ на ихъ волю всей тяжестью аристократическаго строя.

Онъ управляетъ ихъ дѣйствіями; онъ руководитъ до извѣстныхъ предѣловъ даже ихъ мыслями. Господинъ, самъ не замѣчая того, имѣетъ въ аристократіяхъ необычайное господство надъ мнѣніями, привычками, нравами тѣхъ, кто ему повинуется, и его вліяніе распространяется еще гораздо далѣе, чѣмъ его власть.

Въ аристократическихъ обществахъ не только сушествуютъ наслѣдственныя фамиліи слугъ, такъ же какъ и фамиліи господъ, но однѣ и тѣ же семьи слугъ служатъ однимъ и тѣмъ же семьямъ господъ въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній (подобно двумъ параллельнымъ линіямъ, никогда не пересѣкающимся и не расходящимся); поэтому ихъ взаимныя отношенія подвергаются значительному измѣненію.

Такимъ образомъ, хотя при аристократическомъ строѣ господинъ и слуга не имѣютъ никакого естественнаго сходства между собой, хотя по своему благосостоянію, воспитанію, воззрѣніямъ и правамъ они, напротивъ, раздѣлены неизмѣримымъ пространствомъ, однако время связываетъ ихъ наконецъ на всю жизнь. Ихъ связываетъ долговременная общность воспоминаній и, какъ бы они различны ни были, они сливаются. Между тѣмъ въ демократіяхъ, гдѣ они естественно почти сходны между собой, они остаются почти чуждыми другъ другу.

У аристократическихъ народовъ господинъ поэтому привыкаетъ смотрѣть на своихъ слугъ, какъ на низшую и второстепенную часть самого себя: онъ часто интересуется ихъ судьбой изъ побужденій личнаго эгоизма.

Съ другой стороны, и слуги не далеки отъ того, чтобы смотрѣть на себя съ той же точки зрѣнія, и иногда такъ сливаются съ личностью господина, что становятся какъ въ собственныхъ, такъ и въ его глазахъ, его принадлежностью.

Въ аристократіяхъ слуга занимаетъ подчиненное положеніе, изъ котораго онъ не можетъ выйти; рядомъ съ нимъ стоитъ другой человѣкъ, занимающій высокое мѣсто, котораго онъ не можетъ лишиться. Съ одной стороны, невѣжество, бѣдность, вѣчное повиновеніе, съ другой — слава, богатство, вѣчная власть. Эти два положенія всегда различны и постоянно близки, и связь ихъ столько же прочна, какъ и они сами.

Въ подобной крайности слуга, наконецъ, перестаетъ интересоваться своею судьбой; онъ отрекается отъ себя; онъ, такъ сказать, покидаетъ себя или, скорѣе, всецѣло переходитъ въ своего господина и въ немъ создаетъ себѣ воображаемую личность. Онъ съ удовольствіемъ хвалится богатствомъ тѣхъ, кто имъ повелѣваетъ, гордится ихъ славой, возвышается ихъ благородствомъ, и постоянно живетъ этимъ отраженнымъ величіемъ, которому онъ часто придаетъ больше значенія, чѣмъ тѣ, кто сами дѣйствительно и вполнѣ обладаютъ имъ.

Есть что-то трогательное и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшное въ этомъ странномъ смѣшеніи двухъ существованій.

Страсти, волнующія господина, проникнувъ въ душу слуги, измѣняются въ своей величинѣ соотвѣтственно занимаемому ими мѣсту: онѣ суживаются и становятся болѣе низменными. Гордость господина превращается у слугъ въ дѣтское тщеславіе и смѣшную притязательность. Слуги вельможи бываютъ обыкновенно очень мелочно-требовательны относительно знаковъ почтенія, на какіе онъ имѣетъ право, и болѣе его самого дорожатъ его преимуществами.

Въ наше время еще можно изрѣдка встрѣтить старыхъ аристократическихъ слугъ, пережившихъ свою расу, но скоро и они исчезнутъ вмѣстѣ съ нею.

Въ Соединенныхъ Штатахъ я не встрѣчалъ ничего подобнаго. Американцу не только не знакомъ такой человѣкъ, но ему лишь съ большимъ трудомъ можно внушить самое понятіе о его существованіи. Для него онъ такъ же непонятенъ, какъ для насъ римскій рабъ или средневѣковый крѣпостной. И на самомъ дѣлѣ, происхожденіе этихъ людей, хотя въ различной степени, есть слѣдствіе одной причины. Они уже далеки отъ насъ и быстро исчезаютъ во мракѣ прошлаго, вмѣстѣ съ общественнымъ строемъ, вызвавшимъ ихъ къ жизни.

Равенство состояній дѣлаетъ изъ слуги и господина новыя существа и устанавливаетъ между ними взаимныя отношенія.

Когда всѣ состоянія почти уравнены, то люди безпрерывно мѣняютъ свое положеніе; классъ слугъ и господъ еще существуетъ, но они не состоятъ уже неизмѣнно изъ однихъ и тѣхъ же лицъ, а тѣмъ болѣе изъ однихъ и тѣхъ же семей. Ни власть, ни повиновеніе не сохраняютъ теперь постоянства.

Не составляя болѣе замкнутаго класса, слуги не имѣютъ уже своихъ, исключительно имъ принадлежащихъ обычаевъ, предразсудковъ и нравовъ. У нихъ нѣтъ особеннаго, свойственнаго имъ оборота въ мысляхъ, или въ чувствахъ, нѣтъ сословныхъ достоинствъ и недостатковъ; напротивъ, они раздѣляютъ образованіе, идеи, чувства, добродѣтели и пороки своихъ современниковъ; они честны, или безчестны на тотъ же манеръ, какъ и ихъ господа.

Условія существованія такъ же одинаковы среди слугъ, какъ и среди господъ.

Такъ какъ среди класса прислуги не существуетъ опредѣленныхъ сте-

пеней и неподвижной іерархіи, то у нихъ нельзя поэтому встрѣтить той низости и того величія, какія замѣчались среди аристократіи слугъ, какъ и среди всякой аристократіи.

Я никогда не встрѣчалъ въ Соединенныхъ Штатахъ ничего такого, что могло бы во мнѣ вызвать воспоминаніе объ идеальномъ слугѣ, память о которомъ еще живетъ въ Европѣ, но въ то же время я не встрѣчалъ тамъ и типа лакея. Всякіе слѣды существованія того и другого тамъ совершенно исчезли.

Въ демократіяхъ слуги не только равны между собой, но, можно сказать, что въ нѣкоторомъ смыслѣ они равны даже своимъ господамъ.

Это послѣднее замѣчаніе, чтобы быть вполнѣ понятнымъ, требуетъ объясненія.

Каждую минуту слуга можетъ сдѣлаться господиномъ, и онъ стремится къ этому; значитъ, слуга такой же человѣкъ, какъ и господинъ.

На какомъ же основаніи первый имѣетъ право приказывать, и что заставляетъ второго повиноваться? На основаніи временнаго договора, вытекающаго изъ свободной воли двухъ лицъ. По существу одинъ не ниже другого; онъ дѣлается такимъ только временно, въ силу договора. Въ предѣлахъ этого договора одинъ изъ нихъ—слуга, другой—господинъ; внѣ его это два гражданина, два человѣка.

Я особенно прошу читателя замѣтить, что такое пониманіе своего положенія существуетъ не у однихъ слугъ; такого же взгляда держатся и господа; точныя границы приказанія и повиновенія строго опредѣлены въ умѣ какъ однихъ, такъ и другихъ.

Когда большинство гражданъ уже давно живетъ въ условіяхъ почти сходныхъ и когда равенство есть фактъ старинный и всѣми признанный, тогда общественное мнѣніе, на которое никогда не вліяютъ исключенія, намѣчаетъ обыкновенно извѣстныя границы для общественнаго положенія человѣка, выше или ниже которыхъ никто не можетъ оставаться долгое время.

Тщетно богатство и бѣдность, право приказывать и обязанность повиноваться, создаютъ иногда громадныя разстоянія между этими людьми; общественное мнѣніе, основываясь на обычномъ порядкѣ вещей, приближаетъ всѣхъ ихъ къ одному уровню и, вопреки дѣйствительному неравенству ихъ положеній, создаетъ между ними воображаемое равенство.

Это всемогущее общественное мнѣніе проникаетъ, наконецъ, даже въ душу тѣхъ, для которыхъ было бы выгодно не подчиняться его требованіямъ. Оно въ одно и то же время смягчаетъ ихъ нравы и подчиняетъ себѣ ихъ волю.

Въ глубинѣ души ни слуга ни господинъ не видятъ между собой глубокой разницы, и ихъ не волнуетъ ни страхъ ни надежда, что она когда-нибудь выкажется. Поэтому въ ихъ сношеніяхъ нельзя найти ни презрѣнія, ни гнѣва, ни униженной покорности, ни надменнаго обращенія.

Господинъ видитъ единственное основаніе своей власти въ договорѣ, въ немъ же и слуга видитъ единственный источникъ своего повиновенія. У нихъ не происходитъ споровъ объ ихъ взаимномъ положеніи, но каждый ясно видитъ свое и держится за него.

Въ нашихъ арміяхъ солдаты набираются почти изъ тѣхъ же самыхъ классовъ, что и офицеры, и могутъ достигать тѣхъ же самыхъ должностей. Внѣ строя, солдатъ считаетъ себя совершенно равнымъ своему начальнику, и онъ является такимъ на самомъ дѣлѣ; но подъ знаменемъ онъ по-

винуется безъ всякихъ затрудненій; и повиновеніе не дѣлается менѣе легкимъ, скорымъ и отчетливымъ оттого, что оно добровольно и имѣетъ опредѣленныя границы.

Этотъ примѣръ даетъ понятіе объ отношеніяхъ слуги и господина въ демократическихъ обществахъ.

Было бы неосновательно думать, чтобы между этими людьми могла когда-нибудь возникнуть такая горячая и глубокая привязанность, какая иногда замѣчается среди аристократическихъ слугъ, а тѣмъ болѣе нельзя здѣсь встрѣтить блестящихъ подвиговъ самоотверженія.

Въ аристократіяхъ слуга и господинъ видятся очень рѣдко и часто разговариваютъ только черезъ посредниковъ; но, несмотря на это, между ними существуетъ обыкновенно крѣпкая связь.

У народовъ демократическихъ слуга и господинъ очень близки между собой; физически они постоянно соприкасаются, но въ душѣ они чужды другъ другу; у нихъ есть общія занятія, но почти никогда нѣтъ общихъ интересовъ.

У этихъ народовъ слуга всегда смотритъ на свое пребываніе въ домѣ господина, какъ на временное; онъ не знаетъ его предковъ и не увидитъ его потомковъ; ничто не обезпечиваетъ продолжительности ихъ связи. Для чего же ему сливать свою жизнь съ жизнью господина и откуда въ немъ можетъ явиться это необычайное самоотверженіе? Измѣнилось взаимное положеніе, должны измѣниться и самыя отношенія.

Я хочу все вышеизложенное подтвердить примѣромъ американцевъ, но я не могу этого сдѣлать, не приведя предварительно строгаго разграниченія лицъ и мѣстъ.

На югѣ Союза существуетъ рабство; поэтому все только что сказанное сюда непримѣнимо.

На сѣверѣ большая часть слугъ—вольноотпущенные, или дѣти вольноотпущенныхъ. Эти люди занимаютъ въ общественномъ мнѣніи неопредѣленное положеніе; законъ ставитъ ихъ наравнѣ съ господами, обычаи же упорно ихъ отталкиваютъ. У нихъ самихъ нѣтъ яснаго представленія о своемъ положеніи, вслѣдствіе чего они почти всегда бываютъ или наглы или низкопоклонны.

Но въ тѣхъ же сѣверныхъ провинціяхъ, особенно въ Новой Англіи, можно встрѣтить въ довольно значительномъ числѣ бѣлыхъ, соглашающихся за опредѣленную плату стать во временную зависимость отъ своихъ ближнихъ; я слыхалъ, что эти слуги обыкновенно исполняютъ принятыя ими на себя обязанности точно и умѣло и что, хотя они и считаютъ себя не ниже своихъ господъ, но безъ затрудненія соглашаются имъ повиноваться.

Мнѣ кажется, что такіе люди вносятъ въ классъ слугъ нѣкоторыя изъ мужественныхъ привычекъ, являющихся слѣдствіемъ независимости и равенства. Разъ избравъ себѣ тяжелую обязанность, они не стараются освободиться отъ нея косвеннымъ путемъ; они слишкомъ уважаютъ себя, чтобы отказывать своимъ господамъ въ повиновеніи, на которое добровольно согласились.

Господа, со своей стороны, требуютъ отъ слугъ только точнаго и строгаго исполненія своего обязательства. Они не требуютъ къ себѣ почтительности, имъ не нужны ни любовь ни преданность, имъ достаточно исполнительности и честности.

Было бы несправедливо говорить, что въ демократіи въ отношеніяхъ слуги и господина не существуетъ никакого порядка; порядокъ и правила есть, но только другіе.

Въ данномъ случаѣ я не намѣренъ изслѣдовать, менѣе ли совершенны эти новые условія, которыя я сейчасъ описалъ, чѣмъ тѣ, которыя были раньше, или нѣтъ. Для меня достаточно, что такой порядокъ опредѣленъ и устойчивъ; самое важное не то, чтобы у людей существовалъ именно извѣстный порядокъ, но чтобы былъ порядокъ вообще.

Но что могу я сказать о тѣхъ тяжелыхъ и безпокойныхъ временахъ, когда равенство основывается посреди смутъ революціи, когда демократія, уже установившаяся въ общественномъ строѣ, съ трудомъ еще борется съ предразсудками и нравами?

Законъ и отчасти общественное мнѣніе уже возвѣщаютъ, что не существуетъ природной и вѣчной зависимости въ отношеніяхъ слуги къ господину, но послѣдній еще недостаточно проникается этою новою истиной, или, лучше сказать, его чувство отвергаетъ ее. Про себя господинъ еще думаетъ, что онъ есть что-то особенное и высшее въ сравненіи со слугой, но высказывать этого не рѣшается, и съ скрытымъ неудовольствіемъ подчиняется процессу уравненія. Его приказанія становятся поэтому въ одно и то же время и нерѣшительными и строгими; онъ уже не испытываетъ по отношенію къ слугамъ тѣхъ покровительственныхъ и благосклонныхъ чувствъ, какія всегда развиваются продолжительною и безспорною властью. Измѣнившись самъ, онъ удивляется тому, что измѣнился и слуга; онъ хочетъ, чтобы послѣдній, проходя, такъ сказать, лишь временно черезъ положеніе слуги, пріобрѣталъ въ немъ правильныя и постоянныя привычки, чтобы онъ казался довольнымъ и гордымъ своимъ подчиненнымъ положеніемъ, изъ котораго онъ рано или поздно долженъ выйти; чтобы онъ жертвовалъ собой для человѣка, который не можетъ ему ни оказать покровительства, ни повредить; чтобы, наконецъ, онъ навѣки былъ привязанъ къ существамъ ему подобнымъ, жизнь которыхъ не болѣе продолжительна чѣмъ и его собственная.

У народовъ аристократическихъ часто бываетъ, что положеніе слуги нисколько не унижаетъ того, кто въ немъ находится, потому что онъ не знаетъ и не представляетъ себѣ другого состоянія, и что чрезвычайное неравенство, которое онъ замѣчаетъ между собой и господиномъ, кажется ему необходимымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ какого-то скрытаго закона, установленнаго Провидѣніемъ.

Въ демократіяхъ состояніе слуги нисколько не унижаетъ, потому что оно избрано свободно и принято на себя временно, и что общественное мнѣніе не считаетъ его унизительнымъ и не создаетъ никакого постояннаго неравенства между слугой и господиномъ.

Но во время перехода отъ одной общественной организаціи къ другой, почти всегда наступаетъ такой моментъ, когда умъ человѣческій колеблется между аристократическимъ понятіемъ подчиненія и демократическимъ понятіемъ повиновенія.

Тогда повиновеніе въ глазахъ повинующагося теряетъ свое нравственное значеніе; онъ не смотритъ болѣе на него, какъ на долгъ, нѣкоторымъ образомъ возложеннный на него самимъ Богомъ, и въ то же время еще не смотритъ на него съ чисто человѣческой точки зрѣнія; оно не кажется ему ни священнымъ ни справедливымъ, и онъ подчиняется этой обязанности, считая ее, хотя унизительною, но полезною.

Въ это время въ сознаніе слугъ начинаетъ проникать смутное представленіе о равенствѣ. Сначала для нихъ еще неясно, распространяется ли пріобрѣтенное ими равенство и на ихъ служебное положеніе, или оно суще-

ствуетъ только внѣ его, вслѣдствіе чего въ глубинѣ души они возмущаются тѣмъ низкимъ положеніемъ, которому они сами подчинились ради выгоды. Они согласны служить, но имъ стыдно повиноваться; они любятъ выгоды, доставляемыя званіемъ слуги, но не любятъ господина или, лучше сказать, они не увѣрены вполнѣ въ томъ, не имъ ли слѣдуетъ быть господами; поэтому они склонны смотрѣть на господъ какъ на несправедливыхъ похитителей ихъ правъ.

Тогда въ домѣ каждаго гражданина можно наблюдать нѣчто надобное тому печальному зрѣлищу, какое представляетъ изъ себя политическое общество. Тамъ тоже постоянно идетъ затаенная внутренняя борьба недовѣряющихъ другъ другу и соперничающихъ силъ: господинъ выказывается недоброжелательнымъ и кроткимъ, слуга недоброжелательнымъ и упрямымъ. Одинъ постоянно стремится освободиться путемъ безчестныхъ уловокъ отъ обязанности покровительствовать и платить жалованье, другой — отъ обязанности повиноваться. Каждый старается захватить въ свои руки бразды домашней власти. Границы, отдѣляющія власть отъ тиранiи, свободу отъ своеволія, право отъ факта, спутываются и смѣшиваются въ ихъ глазахъ, и никто ясно не сознаетъ ни кто онъ, ни что онъ можетъ, ни что онъ долженъ дѣлать.

Подобное состояніе является слѣдствіемъ не демократіи, но революціи.

ГЛАВА VI.

Какимъ образомъ демократическія учрежденія и нравы способствуютъ возвышенію арендной платы и уменьшенію арендныхъ сроковъ.

Сказанное мною о слугѣ и господинѣ примѣнимо до нѣкоторой степени также къ собственникамъ и арендаторамъ. Однако предметъ этотъ заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія.

Въ Америкѣ, собственно говоря, нѣтъ арендаторовъ; тамъ каждый является владѣльцемъ обрабатываемаго имъ поля.

Надо признать, что демократическіе законы сильно способствуютъ увеличенію числа собственниковъ и уменьшенію числа арендаторовъ. Однако то, что мы видимъ въ этомъ отношеніи въ Соединенныхъ Штатахъ, объясняется скорѣе особенностями самой страны, чѣмъ ея устройствомъ. Въ Америкѣ земля не дорога и всякій легко дѣлается собственникомъ. Она даетъ мало, вслѣдствіе чего ея продукты лишь съ трудомъ могутъ быть раздѣлены между собственникомъ и арендаторомъ.

Итакъ, Америка въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, является исключительною страной, и брать ее въ примѣръ было бы заблужденіемъ.

Я думаю, что у демократическихъ народовъ, такъ же какъ и у аристократическихъ, встрѣчаются собственники и арендаторы; но связи ихъ тамъ и здѣсь не одинаковы.

Въ аристократіяхъ арендная плата взимается не одними деньгами; кромѣ нея, требуются также почтеніе, преданность и услуги. Въ странахъ демократическихъ за аренду платятъ только деньгами. Съ раздробленіемъ родовыхъ имѣній и съ уничтоженіемъ той крѣпкой, неизмѣнной связи, которая соединяла дворянскія фамиліи съ землей, собственника и арендатора

сталъ сводить только случай; они сходятся на минуту, чтобы столковаться насчетъ условій договора и затѣмъ не видятся уже болѣе. Это два чуждыхъ другъ другу человѣка, которые сближаются изъ-за выгоды и основательно обсуждаютъ дѣло, единственнымъ предметомъ котораго служатъ деньги.

По мѣрѣ того какъ имѣнія начинаютъ дѣлиться и богатство разсѣевается по всей странѣ, государство наполняется людьми, старинное богатство которыхъ клонится къ упадку, и вновь разбогатѣвшими, потребности которыхъ растутъ быстрѣе, чѣмъ доходы. Для всѣхъ послѣднихъ имѣетъ значеніе самая ничтожная прибыль; поэтому никто изъ нихъ не желаетъ поступаться какимъ-нибудь изъ своихъ преимуществъ, или лишаться какой-нибудь части своихъ доходовъ.

Когда классы сливаются и очень крупныя состоянія дѣлаются столь же рѣдкими, какъ и очень мелкія, тогда съ каждымъ днемъ уменьшается разница въ общественномъ положеніи собственника и арендатора. Первый не имѣетъ никакого неоспоримаго, естественнаго превосходства надъ вторымъ. Что же другое, кромѣ денегъ, можетъ быть содержаніемъ договора о наймѣ между людьми равными другъ другу и которые оба нуждаются?

Человѣкъ, имѣющій въ своей собственности цѣлый округъ и владѣющій сотнею помѣстій, сознаетъ, что ему необходимо пріобрѣсть любовь многихъ тысячъ людей; стремленіе къ этому кажется ему дѣломъ стóящимъ. Чтобы достичь такой важной цѣли, онъ охотно соглашается на жертвы.

Человѣкъ, владѣющій сотнею десятинъ, свободенъ отъ подобныхъ заботъ; ему совершенно нѣтъ нужды стараться о пріобрѣтеніи особенной привязанности своего арендатора.

Аристократія не умираетъ, подобно человѣку, въ одинъ день. Принципы, на которыхъ покоилось ея существованіе, отживаютъ медленно и постепенно, пока наконецъ не подвергаются законодательной переработкѣ. Еще задолго до объявленія ей войны, замѣчается, какъ ослабѣваетъ связь, существовавшая когда-то между высшими и низшими классами. Съ одной стороны мы видимъ равнодушіе и презрѣніе, съ другой — зависть и ненависть: отношенія между богатымъ и бѣднымъ становятся болѣе рѣдкими и менѣе доброжелательными; арендная плата повышается. Подобное состояніе еще нельзя назвать слѣдствіемъ демократической революціи, но оно является ея вѣрнымъ предвѣстникомъ; ибо аристократія, окончательно лишенная привязанности народа, похожа на дерево съ безжизненными корнями, которое чѣмъ выше, тѣмъ труднѣе ему устоять противъ вѣтра.

Въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ арендная плата чрезвычайно возвысилась не только во Франціи, но и въ большей части Европы. Небывалые успѣхи, сдѣланные въ тотъ же періодъ земледѣліемъ и промышленностью, недостаточно объясняютъ, на мой взглядъ, это явленіе. Нужно искать болѣе важную и болѣе глубокую причину. Я думаю, что эта причина кроется въ демократическихъ учрежденіяхъ, принятыхъ многими европейскими народами, и въ демократическихъ стремленіяхъ, въ большей или меньшей степени волнующихъ всѣ другіе.

Мнѣ не разъ приходилось слышать ликованія англійскихъ крупныхъ собственниковъ по поводу того, что въ настоящее время они получаютъ гораздо болѣе дохода со своихъ имѣній, чѣмъ ихъ отцы.

Можетъ-быть, они и имѣютъ основаніе радоваться, но, конечно, они сами не знаютъ, чему радуются. Они воображаютъ, что получаютъ чистую прибыль, между тѣмъ производятъ только обмѣнъ. За наличныя деньги они

уступаютъ свое вліяніе, и то, что пріобрѣтаютъ въ видѣ денегъ, то скоро теряютъ въ видѣ власти.

Есть еще другой признакъ, по которому легко можно узнать, что великая демократическая революція наступаетъ, или подготовляется.

Въ средніе вѣка всѣ земли отдавались въ вѣчное пользованіе, или, по крайней мѣрѣ, на очень продолжительные сроки. Изучая домашнюю экономію того времени, мы замѣчаемъ, что арендные сроки на девяносто-девять лѣтъ встрѣчаются тамъ чаще, чѣмъ у насъ сроки на двѣнадцать лѣтъ.

Тогда вѣрили въ безсмертіе фамилій; общественныя положенія казались навсегда установленными и общество казалось такимъ неподвижнымъ, что ни у кого не возникало и мысли о томъ, чтобы въ его средѣ что нибудь могло измѣниться.

Въ вѣка равенства умъ человѣческій принимаетъ другое направленіе. Онъ легко представляетъ себѣ, что ничего не остается на мѣстѣ, и человѣкомъ овладѣваетъ мысль о превратности всего существующаго.

При такомъ настроеніи собственникъ и арендаторъ чувствуютъ какой-то инстинктивный страхъ къ долгосрочнымъ обязательствамъ. Они боятся быть когда-нибудь стѣсненными тѣмъ договоромъ, изъ котораго въ настоящее время извлекаютъ выгоду. Они находятся въ смутномъ ожиданіи какого-нибудь внезапнаго и не предвидѣннаго измѣненія въ ихъ положеніи. Они боятся самихъ себя; они опасаются, чтобы при перемѣнѣ ихъ вкусовъ и наклонностей, имъ не пришлось жалѣть о невозможности отказаться отъ того, что составляло предметъ ихъ желаній; и дѣйствительно, они имѣютъ основаніе бояться, такъ какъ въ вѣка демократіи, среди всеобщаго движенія, самымъ большимъ непостоянствомъ отличается человѣческое сердце.

ГЛАВА VII.

Вліяніе демократіи на заработную плату.

Большая часть замѣчаній, которыя я сдѣлалъ выше, говоря о слугахъ и господахъ, можетъ быть отнесена къ хозяевамъ и рабочимъ.

По мѣрѣ того какъ правила, созданныя общественною іерархіей, перестаютъ уже строго соблюдаться, когда знатные опускаются съ высоты своего положенія, а мелкіе люди возвышаются, и когда бѣдность, равно какъ и богатство, перестаютъ быть наслѣдственными, тогда съ каждымъ днемъ дѣлается замѣтнѣе, какъ уменьшается и фактически, и въ глазахъ общественнаго мнѣнія, разстояніе, раздѣлявшее рабочаго отъ хозяина.

Рабочій проникается сознаніемъ высокаго значенія своихъ правъ, своего будущаго, своего достоинства; его начинаетъ волновать незнакомое ему раньше честолюбіе и новыя желанія; его осаждаютъ новыя потребности. Его взоры, полные зависти, постоянно обращены на прибыль того, кто пользуется его трудомъ; чтобы заставить послѣдняго раздѣлить съ нимъ эту прибыль, онъ старается продать свой трудъ за самую высокую цѣну, что въ концѣ концовъ обыкновенно ему и удается.

Въ демократическихъ странахъ, какъ и вездѣ, въ очень многихъ видахъ промышленности, предпріятія ведутся съ незначительными издержками людьми, богатство и образованіе которыхъ не превышаютъ уровня, на которомъ стоятъ люди, на нихъ работающіе. Число такихъ предпринимателей

очень велико; интересы ихъ различны; имъ поэтому не легко сговориться и соединить свои силы.

Съ другой стороны, почти всѣ рабочіе имѣютъ нѣкоторыя вѣрныя средства, позволяющія имъ отказываться отъ работы въ томъ случаѣ, когда предприниматель не соглашается на условія, на которыя они смотрятъ, какъ на справедливое вознагражденіе за свой трудъ.

Такимъ образомъ, въ этой безпрерывной борьбѣ двухъ классовъ изъ-за заработной платы, силы раздѣлены и успѣхъ измѣнчивъ.

Можно даже предположить, что въ концѣ концовъ интересы рабочихъ восторжествуютъ, такъ какъ та высота заработной платы, которой они уже добились, дѣлаетъ ихъ съ каждымъ днемъ менѣе зависимыми отъ хозяевъ, а по мѣрѣ того, какъ они дѣлаются независимѣе, они могутъ успѣшнѣе бороться за возвышеніе заработной платы.

Я возьму для примѣра такой видъ промышленной дѣятельности, который еще и теперь является самымъ распространеннымъ какъ у насъ, такъ и у всѣхъ почти другихъ народовъ, именно—земледѣліе.

Во Франціи большинство нанимающихся на земледѣльческія работы сами владѣютъ незначительными участками земли, которые позволяютъ имъ въ крайнемъ случаѣ существовать, не работая на другихъ. Когда эти земледѣльцы предлагаютъ свои рабочія руки крупному собственнику, или сосѣду-арендатору, а послѣдніе не соглашаются на требуемую плату, то они снова возвращаются къ своимъ маленькимъ помѣстьямъ и выжидаютъ другого болѣе благопріятнаго случая.

Я думаю, что, принимая въ соображеніе все сказанное, можно заключить, что медленное и прогрессивное возвышеніе заработной платы есть одинъ изъ главныхъ законовъ, управляющихъ демократическими обществами. По мѣрѣ того, какъ уравниваются общественныя положенія, повышается плата, а по мѣрѣ ея повышенія уравниваются положенія.

Но въ наше время существуетъ важное и печальное исключеніе.

Я показалъ въ одной изъ предыдущихъ главъ, какъ аристократія, изгнанная изъ политическаго общества, удалилась въ нѣкоторыя области промышленности и утвердила тамъ свое господство въ новой формѣ.

Это обстоятельство сильно вліяетъ на высоту заработной платы.

Такъ какъ нужно быть ужь очень богатымъ, чтобы вести тѣ крупныя промышленныя предпріятія, о которыхъ я говорю, то число такихъ предпринимателей является очень незначительнымъ. А такъ какъ ихъ немного, то они легко могутъ вступить въ союзъ и назначать плату за трудъ по своему произволу.

Число же рабочихъ, наоборотъ, очень велико, и безпрерывно возрастаетъ, такъ какъ иногда бываютъ такіе необыкновенно счастливые моменты, когда заработная плата чрезмѣрно поднимается и привлекаетъ къ фабрикамъ все окрестное населеніе. А мы видѣли, что люди, разъ избравъ подобный родъ труда, уже не могутъ его оставить, такъ какъ умъ и тѣло ихъ быстро пріобрѣтаютъ такія привычки, которыя ихъ дѣлаютъ неспособными ко всякому другому труду. Такіе люди обыкновенно имѣютъ мало образованія, промышленныхъ способностей и средствъ; поэтому они почти всецѣло находятся во власти своего хозяина. Когда конкуренція, или какое-нибудь другое случайное обстоятельство, уменьшаютъ прибыль этого послѣдняго, то онъ имѣетъ возможность понизить ихъ плату почти по своему произволу и, такимъ образомъ, возвратить съ рабочаго то, чего лишилъ его случай.

Но предположимъ, что рабочіе, соединившись, откажутся отъ работы: тогда хозяинъ, какъ человѣкъ богатый, можетъ безъ вреда для себя ждать, пока необходимость снова не приведетъ ихъ къ нему; между тѣмъ рабочимъ необходимо работать ежедневно, чтобы не умереть съ голоду, такъ какъ они не имѣютъ иной собственности, кромѣ своихъ рукъ. Притѣсненія уже давно привели ихъ въ бѣдственное положеніе и чѣмъ бѣднѣе они, тѣмъ легче становится ихъ притѣснять. Это заколдованный кругъ, выйти изъ котораго рабочій не имѣетъ возможности.

Не слѣдуетъ поэтому удивляться, если заработная плата въ земледѣліи, временами поднимаясь сразу, въ общемъ постоянно понижается, тогда какъ во всѣхъ другихъ родахъ труда плата, возрастая вообще медленно и постепенно, зато безпрерывно повышается.

Состояніе зависимости и нищеты, въ которомъ находится въ наше время часть промышленнаго населенія, есть явленіе исключительное и противорѣчащее всему окружающему. Но, именно, вслѣдствіе этого самаго, нѣтъ положенія болѣе тяжелаго и болѣе заслуживающаго спеціальнаго вниманія законодателя: невозможно держать въ неподвижности одинъ классъ, въ то время, какъ движется все общество, и заставлять нѣкоторыхъ спокойно переносить свои нужды и желанія, въ то время, какъ предъ многочисленнымъ большинствомъ постоянно открываются новые пути къ благосостоянію.

ГЛАВА VIII.

Вліяніе демократіи на семью.

Я только что разсмотрѣлъ, какъ у демократическихъ народовъ и въ частности у американцевъ равенство общественныхъ положеній измѣняетъ взаимныя отношенія гражданъ.

Я намѣренъ пойти дальше и проникнуть въ среду семьи. Моя цѣль состоитъ не въ томъ, чтобы искать здѣсь новыхъ истинъ, а лишь въ томъ, чтобы показать, въ какомъ отношеніи стоятъ явленія уже извѣстныя къ предмету моего изслѣдованія.

Всякій знаетъ, что теперь установились новыя отношенія между различными членами семьи, что разстояніе, раздѣлявшее когда-то отца отъ сыновей, сократилось, а отеческая власть, если и не уничтожена, то измѣнена и ослаблена.

Нѣчто подобное этому, но еще въ болѣе рѣзкихъ чертахъ, мы видимъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ Америкѣ семьи вовсе не существуетъ, если понимать это слово въ его римскомъ и аристократическомъ значеніи. Немногіе признаки такой семьи можно найти только въ первые годы, слѣдующіе за рожденіемъ дѣтей. Въ это время отецъ безъ всякаго противодѣйствія пользуется домашнею диктатурой, которая является необходимой вслѣдствіе безпомощности дѣтей и оправдывается какъ собственными интересами послѣднихъ, такъ и неоспоримымъ превосходствомъ отца.

Но по мѣрѣ того, какъ молодой американецъ приближается къ возрасту возмужалости, узы сыновняго повиновенія постепенно ослабѣваютъ. Будучи господиномъ своихъ мыслей, онъ вскорѣ дѣлается и господиномъ своихъ поступковъ. Въ Америкѣ не существуетъ, собственно говоря, юности;

выйдя изъ дѣтства, американецъ дѣлается мужчиной и начинаетъ самъ пролагать себѣ дорогу въ жизни.

Было бы ошибочно думать, что все это происходитъ вслѣдствіе внутренней борьбы, при которой сынъ посредствомъ нѣкотораго моральнаго насилія овладѣваетъ свободой, въ которой отказываетъ ему отецъ. Одинаковыя привычки и одинаковые принципы заставляютъ одного стремиться къ независимости, а другого смотрѣть на пользованіе ею, какъ на неоспоримое право.

Поэтому въ первомъ мы не замѣчаемъ тѣхъ желчныхъ и безпорядочныхъ стремленій, которыя волнуютъ людей еще долго послѣ того, какъ они освобождаются изъ-подъ установленной власти; второй же никогда не испытываетъ тѣхъ полныхъ горечи и гнѣва сожалѣній, которыя остаются обыкновенно послѣ потери власти. Отцу заранѣе извѣстны предѣлы, за которыми прекращается его власть, и, когда время приближаетъ его къ этимъ предѣламъ, онъ легко отказывается отъ нея. Сынъ заранѣе предвидитъ тотъ опредѣленный моментъ, когда его собственная воля станетъ для него закономъ; онъ овладѣваетъ свободой не спѣша и безъ усилій, какъ достояніемъ, которое слѣдуетъ ему по праву и котораго его никто не желаетъ лишить [1]).

Можетъ-быть, не безполезно будетъ разсмотрѣть, въ какой связи измѣненія, имѣющія мѣсто въ семьѣ, находятся съ общественною и политическою революціей, которая заканчивается на нашихъ глазахъ.

Есть нѣсколько великихъ, общественныхъ принциповъ, которые народъ или примѣняетъ повсюду, или не сохраняетъ ихъ нигдѣ.

Въ странахъ съ аристократическою и іерархическою общественною организаціей, власть никогда не обращается непосредственно ко всей совокупности управляемыхъ.

Такъ какъ люди тамъ зависятъ одни отъ другихъ, то достаточно управлять только первыми; за этими слѣдуютъ остальные. Къ семьѣ это приложимо такъ же, какъ и ко всякой ассоціаціи, имѣющей одного главу. У народовъ аристократическихъ, общество знаетъ, собственно говоря, только отца. На дѣтей власть общества распространяется только черезъ посредство отца. Оно управляетъ отцомъ, а отецъ дѣтьми. Слѣдовательно, отецъ тамъ владѣетъ не только естественнымъ правомъ, но ему предоставляется также полити-

---

[1]) Американцы, однако, еще не изобрѣли, какъ мы это сдѣлали во Франціи, способа лишить отцовъ одного изъ главныхъ основаній ихъ власти, отнявъ у нихъ свободу распоряжаться своимъ имуществомъ послѣ смерти. Въ Соединенныхъ Штатахъ право завѣщанія не ограничено.

Здѣсь, какъ и почти во всемъ остальномъ, легко замѣтить, что если политическіе законы американцевъ гораздо демократичнѣе нашихъ, за то гражданскіе законы у насъ несравненно болѣе демократичны, чѣмъ у нихъ. Понять это нетрудно. Творцомъ нашего гражданскаго законодательства былъ человѣкъ, видѣвшій свою выгоду въ томъ, чтобы итти навстрѣчу демократическимъ стремленіямъ своихъ современниковъ во всемъ, что прямо и непосредственно не было враждебно его власти. Онъ охотно допускалъ, чтобы нѣкоторые общераспространенные принципы управляли распредѣленіемъ имуществъ и семейными отношеніями, лишь бы ихъ не пытались примѣнить къ управленію государствомъ. Онъ надѣялся легко сохранить свое положеніе подъ защитою политическихъ законовъ, въ то время, какъ демократическій потокъ направится на гражданскіе законы. Такой разсчетъ отличался и большой ловкостью и большимъ эгоизмомъ. Но подобный компромиссъ не могъ продолжаться долго, такъ какъ политическое общество не можетъ наконецъ не сдѣлаться отраженіемъ общества гражданскаго; въ этомъ именно смыслѣ можно сказать, что ничто не имѣетъ такого политическаго значенія для народа, какъ гражданское законодательство.

ческое право распоряженія. Онъ творецъ и защитникъ своей семьи; онъ въ то же время и ея судья и администраторъ.

Въ демократіяхъ, гдѣ государственная власть обращается къ каждому отдѣльному человѣку среди толпы, чтобы каждаго въ отдѣльности подчинить дѣйствію общихъ законовъ, не является нужды въ указанномъ посредничествѣ. Отецъ въ глазахъ закона есть такой же гражданинъ, какъ и его сыновья, только старше и богаче ихъ.

Когда большая часть общественныхъ положеній очень неравны и неравенство это остается постояннымъ, тогда представленіе о лицѣ высшаго порядка усиливается въ человѣческомъ воображеніи. Если законъ не даетъ ему преимуществъ, то ими надѣляютъ его обычаи и общественное мнѣніе. Напротивъ, когда люди мало отличаются одни отъ другихъ и среди нихъ не существуетъ постояннаго несходства, тогда общее представленіе о господствѣ высшаго дѣлается болѣе слабымъ и смутнымъ. Напрасны старанія законодателя поставить повинующагося значительно ниже приказывающаго; нравы сближаютъ этихъ людей и постоянно подводятъ того и другого къ одному уровню.

Итакъ, если я и не усматриваю въ законодательствѣ аристократическаго народа особенныхъ привилегій, предоставляемыхъ главѣ семейства, то я все-таки буду увѣренъ въ томъ, что власть послѣдняго тамъ очень почитается и болѣе обширна, чѣмъ въ средѣ демократіи, такъ какъ мнѣ извѣстно, что, каковы бы ни были законы, высшій всегда будетъ казаться выше, а низшій — ниже, въ аристократіяхъ, чѣмъ у демократическихъ народовъ.

Когда люди живутъ болѣе преданіями о томъ, что было, чѣмъ заботами о настоящемъ, когда ихъ гораздо болѣе интересуетъ то, какъ думали ихъ предки, чѣмъ ихъ собственныя мысли, тогда отецъ является естественною и необходимою связью между прошлымъ и настоящимъ, — тѣмъ звеномъ, которое соединяетъ концы двухъ цѣпей. Такимъ образомъ, въ аристократіяхъ, отецъ является не только политическимъ главой семьи, но также органомъ преданій, истолкователемъ обычаевъ и судьею нравовъ.

Его слушаютъ съ уваженіемъ; къ нему обращаются съ почтительностью, и любовь, которую къ нему питаютъ, постоянно соединена съ чувствомъ страха.

Но когда общественный строй становится демократическимъ и люди усваиваютъ то общее правило, что разумно и законно обо всемъ судить своимъ собственнымъ умомъ, принимая древнія вѣрованія лишь къ свѣдѣнію, а не какъ правила, тогда власть отцовскаго мнѣнія ослабляется настолько же, какъ и его законная власть.

Раздѣлъ родовыхъ имѣній, къ которому приводитъ демократія, вліяетъ, можетъ-быть, болѣе всего остального на измѣненіе взаимныхъ отношеній отца и дѣтей.

Когда отецъ семейства владѣетъ незначительнымъ имуществомъ, то и онъ и сынъ всегда живутъ вмѣстѣ и занимаются однимъ дѣломъ. Привычка и необходимость сближаютъ ихъ и заставляютъ ихъ находиться въ постоянномъ общеніи. Поэтому между ними установляется родъ товарищеской близости, которая смягчаетъ отеческую власть и плохо уживается съ наружными формами почтительности.

Но у народовъ демократическихъ именно этотъ классъ мелкихъ собственниковъ и даетъ силу мыслямъ и направленіе нравамъ.

Онъ всюду вводитъ господство своихъ мнѣній и своей воли, такъ что

даже самые упорные противники его распоряженій кончаютъ тѣмъ, что увлекаются общимъ примѣромъ. Я встрѣчалъ самыхъ ярыхъ противниковъ демократіи, съ которыми ихъ дѣти обращались на ты.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ аристократія теряетъ свою власть, все то, что было суроваго, условнаго, предписаннаго закономъ въ отеческой власти, исчезаетъ, такъ что у домашняго очага устанавливается родъ равенства.

Взвѣсивъ все, я не знаю, теряетъ ли общество при подобной перемѣнѣ, но склоненъ думать, что отдѣльный человѣкъ выигрываетъ. Я полагаю, что, по мѣрѣ того, какъ законы и обычаи дѣлаются болѣе демократическими, отношенія отца къ сыну становятся тѣснѣе и сердечнѣе. Установленный порядокъ и власть встрѣчаются въ нихъ рѣже, но часто довѣріе и любовь бываютъ больше. Кажется, какъ будто естественная связь укрѣпляется, а общественная слабѣетъ.

Въ демократической семьѣ отецъ не имѣетъ иного вліянія, кромѣ того, которое вытекаетъ изъ любви и изъ опытности старика. Его приказанія, можетъ-быть, и не были бы исполнены, но его совѣты имѣютъ обыкновенно большую силу. Если онъ не окруженъ офиціальными знаками почтительности, зато его сыновья оказываютъ ему довѣріе. Не существуетъ никакой опредѣленной формы, въ которой слѣдуетъ къ нему обращаться, но съ нимъ постоянно разговариваютъ и ежедневно охотно совѣтуются. Господинъ и судья исчезаютъ, остается отецъ.

Чтобы судить о разницѣ въ этомъ отношеніи двухъ видовъ общественнаго строя, достаточно познакомиться съ семейною перепиской, оставленною намъ аристократіей. Стиль писемъ всегда правиленъ, церемоненъ, строгъ и такъ холоденъ, что чувство сердечной теплоты едва пробивается между строкъ.

Напротивъ, у народовъ демократическихъ, въ каждомъ словѣ, обращенномъ сыномъ къ отцу, звучитъ нѣчто непринужденное, дружеское, любовное, сразу дающее замѣтить, что среди семьи установились новыя отношенія.

Подобное же измѣненіе мы встрѣчаемъ и во взаимныхъ отношеніяхъ дѣтей.

Въ аристократической семьѣ, равно какъ и въ аристократическомъ обществѣ, каждый занимаетъ опредѣленное мѣсто. Тамъ не только отецъ занимаетъ особое положеніе и пользуется огромными привилегіями, но и дѣти также не равны между собой. Возрастъ и полъ обезпечиваютъ каждому навсегда извѣстное положеніе и извѣстное преимущество.

Демократія уничтожаетъ большую часть этихъ преградъ, или дѣлаетъ ихъ менѣе замѣтными.

Въ аристократической семьѣ старшій сынъ, наслѣдуя большую часть имущества и почти всѣ права, дѣлается главой, и въ извѣстномъ смыслѣ, даже господиномъ своихъ братьевъ. Ему принадлежатъ величіе и власть; имъ остается посредственность и зависимость. Однако было бы ошибочно думать, что у аристократическихъ народовъ привилегіи старшаго сына выгодны только для него и возбуждаютъ вокругъ него только зависть и ненависть.

Старшій братъ всегда заботится о добываніи богатства и власти для другихъ братьевъ, потому что блескъ всего дома отражается на его представителѣ; младшіе же помогаютъ старшему во всѣхъ его дѣлахъ, такъ какъ сила и значеніе главы фамиліи способствуютъ возвышенію и всѣхъ ея отпрысковъ.

Итакъ, различные члены аристократической семьи находятся въ очень тѣсной взаимной связи; ихъ интересы и стремленія одинаковы, но рѣдко случается, чтобы соединялись ихъ сердца.

Демократія такъ же привязываетъ братьевъ другъ къ другу, но только другимъ способомъ.

По демократическимъ законамъ, дѣти совершенно равны и, слѣдовательно, независимы; ничто не соединяетъ ихъ насильно, но ничто также не разъединяетъ ихъ; а такъ какъ они имѣютъ общее происхожденіе, растутъ подъ однимъ кровомъ, видятъ одинаковыя къ себѣ заботы и, такъ какъ нѣтъ никакихъ особенныхъ преимуществъ, которыя бы раздѣляли ихъ, то въ ихъ отношеніяхъ съ ранней юности возникаетъ тѣсная дружба. При такой связи, образовавшейся съ первыхъ лѣтъ жизни, не представляется случая для ея расторженія, такъ какъ братское чувство ежедневно сближаетъ ихъ, не стѣсняя.

Такимъ образомъ, въ демократіи, братьевъ соединяетъ не выгода, но общность воспоминаній и свободная симпатія мнѣній и наклонностей. Она раздѣляетъ ихъ наслѣдство, но дѣлаетъ возможнымъ ихъ единодушіе.

Мягкость демократическихъ нравовъ такъ велика, что ею плѣняются даже приверженцы аристократіи; испытавъ ее на себѣ нѣкоторое время, они уже не желаютъ болѣе возвращаться къ почтительнымъ и холоднымъ формамъ аристократической семьи. Они охотно переняли бы семейный бытъ, господствующій въ демократіи, если бы можно было въ то же время устранить ея общественный строй и законы. Но все это находится въ тѣсной связи; поэтому нельзя пользоваться однимъ, не перенося другого.

Все сказанное мною сейчасъ о сыновней и братской привязанности должно быть распространено на всѣ проявленія чувства, имѣющія своимъ источникомъ самую природу.

Когда извѣстный образъ мыслей и извѣстная способность чувствовать являются слѣдствіемъ особыхъ условій, въ которыхъ находится человѣчество, то съ измѣненіемъ ихъ не остается ничего. Такъ, законъ можетъ очень тѣсно связать между собой двухъ гражданъ, но какъ только отмѣняется законъ, то распадается и связь. Во времена феодализма не было ничего крѣпче связи, соединявшей вассала съ господиномъ. Теперь эти люди совершенно не знаютъ другъ друга. Страхъ, признательность, любовь, связывавшія ихъ когда-то, исчезли безо всякаго слѣда.

Но не то бываетъ съ чувствами, естественно свойственными человѣческому роду; рѣдко случается, чтобы законъ, стараясь измѣнить ихъ извѣстнымъ образомъ, не ослаблялъ ихъ и, стремясь усилить ихъ, не лишалъ бы ихъ чего-нибудь; предоставленныя самимъ себѣ, они всегда будутъ казаться болѣе сильными.

Демократія, уничтожая, или сглаживая почти всѣ старинныя формы общественныхъ отношеній и не позволяя людямъ останавливаться на новыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаетъ большую часть чувствъ, вызванныхъ прежнимъ строемъ. Но нѣкоторыя изъ нихъ она только видоизмѣняетъ и часто придаетъ имъ силу и мягкость, какихъ они раньше не имѣли.

Я думаю, что всю сущность настоящей главы и нѣсколькихъ предыдущихъ можно передать въ одной фразѣ: демократія ослабляетъ общественныя связи, но скрѣпляетъ естественныя; она сближаетъ родственниковъ, и въ то-же время разъединяетъ гражданъ.

ГЛАВА IX.

Воспитаніе молодыхъ дѣвушекъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Никогда не можетъ существовать свободнаго общества безъ нравовъ, а, какъ я говорилъ уже въ первой части этого сочиненія, нравы создаются женщиной. Поэтому все, что вліяетъ на положеніе женщины, на ея привычки и воззрѣнія, имѣетъ на мой взглядъ, важное политическое значеніе.

Почти у всѣхъ протестантскихъ народовъ, молодыя дѣвушки несравненно самостоятельнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ у народовъ католическихъ.

Эта независимость еще больше въ тѣхъ протестантскихъ странахъ, которыя, подобно Англіи, сохранили, или пріобрѣли себѣ право самоуправленія. Тогда свобода вносится въ семью и политическими обычаями, и религіозными вѣрованіями.

Въ Соединенныхъ Штатахъ протестантизмъ соединился съ самою свободною конституціей и самымъ демократическимъ строемъ, и нигдѣ молодая дѣвушка такъ рано и неограниченно не предоставляется самой себѣ, какъ здѣсь.

Еще задолго до того времени, когда американка достигаетъ брачнаго возраста, ее начинаютъ постепенно освобождать изъ-подъ материнской опеки. Едва она успѣла выйти изъ дѣтскаго возраста, какъ уже самостоятельно мыслитъ, свободно говоритъ и дѣйствуетъ безъ помощи. Предъ нею постоянно открыта великая міровая картина, которую никогда не стараются скрывать отъ нея, напротивъ, стремятся къ тому, чтобы съ каждымъ днемъ она знакомилась съ нею возможно лучше и пріучалась смотрѣть на нее твердо и спокойно. Такимъ образомъ пороки и опасности, представляемые обществомъ, скоро дѣлаются извѣстными американкѣ; она ясно ихъ видитъ, судитъ о нихъ, не заблуждаясь, и встрѣчается съ ними безъ страха; она полна вѣры въ свои силы и эту вѣру, повидимому, раздѣляютъ съ нею всѣ окружающіе.

Поэтому почти никогда нельзя надѣяться встрѣтить въ юной американкѣ той дѣвственной стыдливости среди зарождающихся желаній и той наивной и простодушной граціи, какими обыкновенно сопровождается у европейской дѣвушки переходъ отъ дѣтства къ юности. Рѣдко случается, чтобы американка отличалась дѣтскою боязливостью и наивностью, каковъ бы ни былъ ея возрастъ. Она, какъ и европейская дѣвушка, желаетъ нравиться, но она хорошо знаетъ, чего это стоитъ. Если она не предается пороку, то онъ все же знакомъ ей. Она отличается скорѣе нравственною чистотой поведенія, чѣмъ душевною невинностью.

Я часто удивлялся и почти пугался, замѣчая ту удивительную ловкость и удачную смѣлость, съ которыми американскія дѣвушки умѣли проводить свои мысли и слова среди опасностей остроумнаго разговора; любой философъ сто разъ споткнулся бы на той узкой дорогѣ, по которой онѣ проходили безъ труда и безъ приключеній.

Въ самомъ дѣлѣ, не трудно убѣдиться, что, пользуясь независимостью съ ранней молодости, американка никогда не теряетъ способности владѣть собой; она наслаждается всѣми позволенными удовольствіями, не отдаваясь вполнѣ ни одному изъ нихъ. Разсудокъ у нея никогда не теряетъ бразды правленія, хотя они часто и кажутся слабо ннатяутыми.

Во Франціи, гдѣ во мнѣніяхъ и вкусахъ такъ причудливо перемѣша-

лись остатки всѣхъ вѣковъ, мы часто даемъ женщинѣ замкнутое, робкое, почти монастырское воспитаніе, напоминающее времена аристократіи, а затѣмъ сразу оставляемъ ее безъ поддержки, среди распущенности, неразлучной съ демократическимъ обществомъ.

Американцы послѣдовательнѣе насъ.

Они поняли, что въ средѣ демократіи индивидуальная независимость должна была сильно развиться, что юность въ ней должна быть очень скороспѣлой, страсти несдержанными, привычки измѣнчивыми, общественное мнѣніе часто непостояннымъ или безсильнымъ, отеческая власть слабою, а власть мужа подверженною сомнѣнію.

При такихъ условіяхъ они разсудили, что было очень мало надежды на возможность подавить въ женщинѣ самыя непреодолимыя изъ страстей, свойственныхъ человѣческому сердцу, и что гораздо благоразумнѣе научить ее побѣждать эти страсти собственною силой. Не имѣя возможности сдѣлать, чтобы ея добродѣтель не подвергалась часто опасности, они постарались, чтобы она сама умѣла ее защищать, разсчитывая болѣе на ея свободную волю, чѣмъ на шаткія и разрушительныя преграды. Вмѣсто того, чтобы поддерживать въ ней сомнѣніе въ своихъ силахъ, они постоянно стремятся развить въ ней увѣренность въ нихъ. Не имѣя ни возможности, ни желанія удержать молодую дѣвушку въ постоянномъ и полномъ невѣдѣніи, они поспѣшили дать ей заранѣе представленіе обо всемъ окружающемъ. Не скрывая отъ нея пороковъ свѣта, они хотѣли, чтобы она сразу ихъ видѣла и сама умѣла избѣгать ихъ; для нихъ гораздо важнѣе твердо оградить ея честь, чѣмъ черезчуръ беречь ея невинность.

Хотя американцы очень религіозный народъ, тѣмъ не менѣе они не ставятъ добродѣтель женщины подъ защиту одной только религіи, но стараются вооружить ея умъ. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, они употребляютъ одинаковые пріемы. Сначала они употребили невѣроятныя усилія для того, чтобы дать личности возможность независимо управлять собой, и только дойдя до крайнихъ предѣловъ человѣческой силы, они прибѣгли, наконецъ, къ содѣйствію религіи.

Я знаю, что подобное воспитаніе не представляется вполнѣ безопаснымъ, а также и то, что оно развиваетъ разсудочность въ ущербъ воображенію и дѣлаетъ женщину скорѣе добродѣтельною и холодною женой, чѣмъ нѣжною и пріятною подругой мужчины. Если въ обществѣ вслѣдствіе этого оказывается больше спокойствія и лучшій порядокъ, зато частная жизнь имѣетъ часто менѣе привлекательности. Но этими второстепенными неудобствами можно пренебречь, въ виду болѣе значительной выгоды. Въ той стадіи, въ которой мы теперь находимся, намъ нельзя дѣлать выбора: необходимо демократическое воспитаніе, чтобы оградить женщину отъ опасностей, которыми ее окружаютъ учрежденія и нравы демократіи.

ГЛАВА X.

Какимъ образомъ отличительныя черты дѣвушки переносятся на женщину.

Въ Америкѣ независимость женщины безслѣдно исчезаетъ со вступленіемъ въ бракъ. Если молодая дѣвушка тамъ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, стѣ-

снена, зато жена подчинена болѣе строгимъ требованіямъ. Для первой, домъ отца служитъ источникомъ свободы и удовольствія, вторая живетъ въ домѣ своего мужа, какъ въ монастырѣ.

Эти два различныхъ состоянія не стоятъ въ такомъ противорѣчіи, какъ это предполагаютъ, и естественно, что американцы, переходя черезъ первое, доходятъ до второго.

Народы религіозные и промышленные придаютъ особенно важное значеніе браку. Первые въ правильномъ образѣ жизни женщины видятъ лучшій залогъ и несомнѣнный признакъ чистоты нравовъ. Вторые смотрятъ на него, какъ на вѣрное обезпеченіе домашняго порядка и благосостоянія.

Американцы представляютъ изъ себя одновременно и пуританскую націю, и торговый народъ; ихъ религіозныя вѣрованія, такъ же какъ и ихъ промышленные обычаи, заставляютъ требовать отъ женщины, чтобы она отрекалась отъ себя и постоянно жертвовала своими удовольствіями ради исполненія своихъ обязанностей; подобныя требованія рѣдко предъявляются въ Европѣ. Такимъ образомъ, въ Соединенныхъ Штатахъ господствуетъ неумолимое общественное мнѣніе, которое заботливо замыкаетъ женщину въ кругъ мелкихъ интересовъ и домашнихъ обязанностей и запрещаетъ ей выходить за предѣлы этого круга.

При вступленіи своемъ въ свѣтъ, молодая американка находитъ всѣ эти понятія твердо установленными. Она видитъ правила, вытекающія изъ нихъ, и скоро убѣждается, что ей нельзя ни на минуту уклониться отъ обычаевъ современниковъ, не подвергая опасности своего спокойствія, чести и даже самой жизни въ обществѣ; и она находитъ въ твердости своего разсудка и привычекъ, выработанныхъ въ ней воспитаніемъ, силу для подчиненія этимъ требованіямъ.

Можно сказать, что именно въ своей привычкѣ къ независимости она и почерпаетъ мужество, необходимое для того, чтобы безъ борьбы и ропота принести въ жертву эту самую независимость, когда настанетъ для этого время.

Притомъ американка никогда не вступаетъ въ бракъ, какъ въ сѣти, разставленныя ея невинности и неопытности; она заранѣе знаетъ, чего ожидаютъ отъ нея и сама добровольно подчиняется. Она мужественно выноситъ свое новое положеніе, потому что сама его выбрала.

Такъ какъ въ Америкѣ отеческая власть очень слаба, а брачныя узы очень тѣсны, то молодая дѣвушка лишь очень осторожно и боязливо вступаетъ въ бракъ; раннихъ браковъ здѣсь не бываетъ. Американка не выходитъ замужъ до тѣхъ поръ, пока умъ ея не достигнетъ опытности и зрѣлости, тогда какъ въ другихъ странахъ большая часть женщинъ начинаютъ пріобрѣтать эту опытность и зрѣлость только въ своей замужней жизни.

Однако я далекъ отъ намѣренія приписывать громадную перемѣну, которая происходитъ у женщинъ Соединенныхъ Штатовъ во всѣхъ привычкахъ, лишь только онѣ выходятъ замужъ, однимъ только требованіямъ общественнаго мнѣнія. Часто онѣ производятъ ее въ себѣ сами однимъ усиліемъ своей воли.

Когда наступаетъ время выбирать мужа, то этотъ холодный и строгій умъ, просвѣщенный и укрѣпленный свободнымъ знаніемъ свѣта, указываетъ американкѣ, что духъ легкомыслія и независимости въ брачныхъ узахъ будетъ скорѣе источникомъ вѣчныхъ безпокойствъ, а не удовольствія, что увеселенія дѣвушки не могутъ служить развлеченіями для жены, и что по-

слѣдняя должна видѣть источникъ своего благополучія въ домѣ своего мужа. Заранѣе и съ ясностью предвидя тотъ единственный путь, который можетъ вести къ семейному счастію, она вступаетъ на него съ первыхъ шаговъ и слѣдуетъ по немъ до конца, не помышляя о возвращеніи.

Впрочемъ, та же самая сила воли, которую обнаруживаютъ молодыя американскія жены, сразу и безъ жалобъ подчиняясь суровымъ обязанностямъ своего новаго положенія, не покидаетъ ихъ во всѣхъ превратностяхъ жизни. Нѣтъ ни одной страны, гдѣ бы частное богатство было такъ непостоянно, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Нерѣдко случается, что одинъ и тотъ же человѣкъ проходитъ всѣ степени, ведущія отъ богатства къ бѣдности и обратно. Американскія женщины переносятъ эти превратности со спокойною и непреодолимою энергіей. Можно сказать, что съ увеличеніемъ, или уменьшеніемъ благосостоянія, и желанія ихъ могутъ такъ же легко ограничиваться, какъ и расширяться.

Большая часть искателей счастія, заселяющихъ ежегодно пустынныя пространства Запада, принадлежитъ, какъ я уже сказалъ, къ старинной сѣверной англо-американской расѣ. Многіе изъ этихъ людей съ такой смѣлостью устремляющіеся за богатствомъ, пользовались уже у себя дома довольствомъ; они берутъ съ собой своихъ женъ и заставляютъ ихъ раздѣлять съ ними всѣ опасности и бѣдствія, всегда сопровождающія подобныя предпріятія. Я часто встрѣчалъ на самыхъ границахъ пустыни молодыхъ женщинъ, выросшихъ среди роскоши и богатства большихъ городовъ Новой Англіи, которыя почти прямо изъ богатаго дома своихъ родителей переходили въ плохо сколоченную лѣсную хижину. Ни лихорадка, ни скука, ни одиночество, ничто не могло сломить ихъ мужества. Черты ихъ лица измѣнились и поблекли, но взоръ оставался твердымъ. Онѣ сразу казались и грустными и рѣшительными.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что эти молодыя американки почерпали въ своемъ первоначальномъ воспитаніи ту внутреннюю силу, которую онѣ въ этомъ случаѣ выказывали.

Итакъ, въ женѣ мы узнаемъ дѣвушку; перемѣнилась роль; различны привычки, но духъ остался тотъ же.

ГЛАВА XI.

Какъ равенство вліяетъ на чистоту американскихъ нравовъ.

Были такіе историки и философы, которые утверждали, или допускали, что строгость нравовъ у женщинъ находится въ зависимости отъ того, ближе или дальше онѣ живутъ отъ экватора. Такимъ способомъ не трудно разрѣшать вопросы; достаточно было-бы глобуса и циркуля, чтобы въ одну минуту рѣшить одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ, представленныхъ человѣчествомъ.

По моему мнѣнію эта матеріалистическая доктрина не подтверждается фактами.

Одни и тѣ же народы въ различныя эпохи своего существованія бывали то цѣломудренными, то развращенными, слѣдовательно, строгость или безпорядочность нравовъ зависѣли не только отъ неизмѣнной природы страны, но и отъ какихъ-нибудь причинъ способныхъ измѣняться.

Я не стану отрицать, что въ нѣкоторыхъ климатахъ страсти, вытекающія изъ взаимнаго влеченія двухъ половъ, бываютъ особенно сильны, но я думаю, что эта прирожденная страстность можетъ быть развита, или сдержана, общественнымъ строемъ и политическими учрежденіями.

Хотя путешественники, посѣщавшіе Сѣверную Америку, во многомъ расходятся между собой, но всѣ единогласно признаютъ, что нравы тамъ гораздо строже, чѣмъ гдѣ-либо въ другой странѣ.

Несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи американцы стоятъ несравненно выше своихъ отцовъ, англичанъ. Чтобы доказать это, достаточно бросить бѣглый взглядъ на обѣ націи.

Въ Англіи, какъ и во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ, общественное злословіе постоянно избираетъ своимъ предметомъ слабости женщинъ. Тамъ часто можно слышать жалобы философовъ и государственныхъ людей на недостаточную строгость нравовъ; то же самое постоянно подтверждается и литературой.

Въ Америкѣ во всѣхъ книгахъ, не исключая романовъ, женщина предполагается цѣломудренною; никто здѣсь не разсказываетъ любовныхъ похожденій.

Эта чрезвычайная строгость американскихъ нравовъ зависитъ, безъ сомнѣнія, отчасти отъ свойствъ страны и религіи. Но всѣ эти причины, встрѣчающіяся и въ другихъ мѣстахъ, еще недостаточно объясняютъ это явленіе. Нужно искать еще другую, особенную причину.

Эта причина, мнѣ кажется, кроется въ равенствѣ и вытекающихъ изъ него учрежденіяхъ.

Равенство общественныхъ положеній само по себѣ еще не можетъ произвести строгости нравовъ, но нѣтъ сомнѣнія, что оно создаетъ для нея благопріятную почву.

У аристократическихъ народовъ, рожденіе и состояніе часто дѣлаютъ изъ женщины и мужчины существа до того не сходныя, что они никогда не могутъ соединиться. Страсть сближаетъ ихъ, но общественный строй и обусловленныя имъ понятія не допускаютъ между ними постоянной и открытой связи, вслѣдствіе чего неизбѣжно возникаетъ большое число связей временныхъ и тайныхъ. Природа втайнѣ вознаграждаетъ себя за стѣсненія, налагаемыя закономъ.

Совсѣмъ другое мы видимъ, когда равенство состояній уничтожаетъ всѣ воображаемыя, или дѣйствительныя преграды, раздѣлявшія мужчину и женщину. Тогда уже нѣтъ ни одной дѣвушки, которая бы не вѣрила въ возможность сдѣлаться женой человѣка, которому она нравится; и это очень противодѣйствуетъ безпорядочной жизни до брака, потому что, какъ бы ни была легковѣрна страсть, все же невозможно, чтобы женщина повѣрила въ любовь того, кто не женится на ней, имѣя къ этому полную возможность.

Ничто такъ не оправдываетъ незаконной любви въ глазахъ тѣхъ, кто ее испытываетъ, или толпы, которая ее видитъ, какъ насильственные или случайные браки *).

*) Въ этой истинѣ не трудно убѣдиться, изучая различныя европейскія литературы. Когда европеецъ желаетъ въ произведеніяхъ своего вымысла изобразить одно изъ большихъ несчастій, которыми часто сопровождается у насъ супружеская жизнь, то онъ прежде всего старается возбудить состраданіе читателя, изображая передъ нимъ существа, неудачно или насильно связанныя. Хотя продолжительная терпимость уже давно сдѣлала распущенными наши нравы, но онъ все таки съ трудомъ возбудилъ бы наше участіе къ

Въ странахъ, гдѣ женщинѣ предоставлена свобода выбора и гдѣ воспитаніе даетъ ей возможность сдѣлать хорошій выборъ, общественное мнѣніе неумолимо къ ея проступкамъ.

Ригоризмъ американцевъ отчасти вытекаетъ отсюда. Они смотрятъ на супружество, какъ на договоръ, часто обременительный, но въ которомъ, однако, надо строго исполнять всѣ статьи, потому что всѣ онѣ могли быть извѣстны заранѣе и можно было съ полною свободою не принимать на себя никакихъ обязательствъ.

То, что дѣлаетъ вѣрность болѣе обязательной, дѣлаетъ ее и болѣе легкой.

Въ аристократическихъ странахъ бракъ имѣетъ цѣлью соединять скорѣе имущества, чѣмъ лицъ; поэтому иногда случается, что мужъ берется со школьной скамьи, а жена отъ кормилицы. Неудивительно, что брачные узы, соединяющія ихъ имущества, оставляютъ чуждыми другъ другу ихъ сердца. Это неизбѣжно вытекаетъ изъ самаго свойства договора.

Напротивъ, когда всякій самъ выбираетъ себѣ подругу, такъ что ничто внѣшнее не стѣсняетъ и даже не направляетъ его, тогда обыкновенно мужчину и женщину сближаетъ только сходство вкусовъ и мнѣній. Это самое сходство и связываетъ ихъ и заставляетъ постоянно жить вмѣстѣ.

Наши отцы имѣли странный взглядъ на бракъ.

Замѣтивъ, что незначительное число браковъ, заключавшихся въ ихъ время по взаимному влеченію, имѣло почти всегда печальный конецъ, они рѣшительно заключили, что совѣтоваться съ собственнымъ сердцемъ въ подобномъ дѣлѣ крайне опасно. Случай казался имъ болѣе прозорливымъ, чѣмъ свободный выборъ.

Не трудно, однако, было замѣтить, что примѣры, бывшіе у нихъ передъ глазами, ничего не доказывали.

Прежде всего я долженъ замѣтить, что если демократическіе народы предоставили женщинѣ свободу въ выборѣ мужа, то они постарались сначала дать ея уму развитіе, а ея волѣ силу, необходимыя для подобнаго выбора, тогда какъ у народа аристократическаго молодыя дѣвушки, тайкомъ освободившись изъ подъ отеческой власти и бросаясь въ объятія человѣка, котораго не имѣли времени узнать, ни способности оцѣнить, лишены всѣхъ этихъ гарантій. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, если онѣ дѣлаютъ дурное употребленіе изъ своей свободной воли, въ первый разъ ими испытываемой, или впадаютъ въ жестокія заблужденія, или если, не получивъ демократическаго воспитанія, онѣ впадаютъ въ жестокія ошибки, желая слѣдовать, выходя замужъ, обычаямъ, установившимся въ демократіи.

Но это еще не все.

Когда мужчина и женщина желаютъ сблизиться вопреки неравенству, господствующему въ аристократическомъ обществѣ, то имъ нужно преодолѣть громадныя препятствія. Порвавъ или ослабивъ узы послушанія

несчастіямъ этихъ лицъ, если бы предварительно не заставилъ насъ извинить ихъ вину. Эта хитрость всегда удается. Ежедневное зрѣлище, котораго мы являемся свидѣтелями, заранѣе подготовляетъ насъ къ снисходительности.

Американскіе писатели не могли бы сдѣлать вѣроятными въ глазахъ своихъ читателей такія оправдывающія обстоятельства; ихъ обычаи и законы не допускаютъ этой вѣроятности, и, не имѣя возможности изобразить безпорядочную жизнь въ привлекательномъ видѣ, они вовсе и не изображаютъ ея. Отчасти этой причинѣ нужно приписать малочисленность романовъ, выходящихъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

родительской власти, они должны еще сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы вырваться изъ-подъ господства обычаевъ и тиранiи общественнаго мнѣнiя; когда же наконецъ они приводятъ въ исполненiе свою трудную задачу, то остаются какъ бы совершенно чужими людьми въ средѣ своихъ естественныхъ друзей и близкихъ людей. Ихъ раздѣляетъ предразсудокъ, которымъ они пренебрегли. Такое положенiе очень скоро ослабляетъ ихъ энергiю и ожесточаетъ сердце.

Если поэтому случается, что супруги, соединившись такимъ образомъ, дѣлаются сначала несчастными, а потомъ преступными, то это слѣдуетъ объяснять не свободой выбора, а скорѣе тѣмъ, что подобные выборы не допускаются въ обществѣ, среди котораго они живутъ.

Кромѣ того, не надо забывать, что та же самая сила, которая заставляетъ человѣка порвать съ общераспространенными заблужденiями, почти всегда выводитъ его за границы благоразумiя; что для того, чтобы рѣшиться объявить войну, даже справедливую, идеямъ своего вѣка и своего отечества, нужно имѣть извѣстную наклонность къ насилiю и смѣлость, и что люди подобнаго характера, каково бы ни было направленiе ихъ дѣятельности, рѣдко достигаютъ счастiя и добродѣтели. Это обстоятельство между прочимъ объясняетъ, почему въ революцiяхъ, самыхъ неизбѣжныхъ и святыхъ, рѣдко можно встрѣтить умѣренныхъ и честныхъ революцiонеровъ.

Итакъ, когда человѣкъ, живущiй въ аристократическомъ вѣкѣ, руководствуется при вступленiи въ бракъ только собственными взглядами и вкусами, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что вскорѣ послѣ этого въ его семью вторгаются нравственная распущенность и несчастiе.

Но когда такой образъ дѣйствiя является обычнымъ и естественнымъ порядкомъ вещей, когда общественный строй ему содѣйствуетъ, отеческая власть соглашается съ нимъ и общественное мнѣнiе его одобряетъ, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что внутренiй миръ въ семьѣ дѣлается отъ этого болѣе прочнымъ, а супружеская вѣрность лучше обезпеченной.

Почти каждый гражданинъ демократiи дѣйствуетъ на политическомъ поприщѣ, или занимается какою нибудь профессiей, а съ другой стороны незначительныя средства заставляютъ женщину постоянно оставаться въ домѣ и близко входить во всѣ мелочи домашняго управленiя.

Это различiе и напряженность труда являются какъ бы естественною преградой, которая, раздѣляя оба пола, дѣлаетъ болѣе рѣдкими и менѣе настойчивыми ухаживанiя одной стороны и болѣе легкимъ сопротивленiе другой.

Нельзя сказать, чтобы равенство само по себѣ могло сдѣлать человѣка цѣломудреннымъ, но оно придаетъ менѣе опасный характеръ его безпорядочному поведенiю. Такъ какъ при такихъ условiяхъ ни у кого нѣтъ ни времени ни случая вести атаку на добродѣтель, которая хочетъ защищаться, то въ обществѣ оказывается одновременно большое число куртизанокъ и множество честныхъ женщинъ.

Такой порядокъ вещей можетъ быть причиной отдѣльныхъ несчастiй, но онъ не мѣшаетъ прочности и здоровью общественнаго организма, онъ не порываетъ семейныхъ связей и не разслабляетъ нацiональныхъ нравовъ. Для общества опасна не сильная развращенность нѣкоторыхъ, но общая распущенность.

Въ глазахъ законодателя проституцiя гораздо менѣе опасна, чѣмъ волокитство.

Но эта суетливая и безпокойная жизнь, которая дается людямъ равен-

ствомъ, отвлекаетъ ихъ отъ любовныхъ приключеній не изъ-за одного недостатка времени,—для этого существуетъ и другой путь, болѣе скрытый, но и болѣе вѣрный.

Всѣ люди, живущіе во времена демократіи, болѣе или менѣе усвоиваютъ себѣ умственныя привычки промышленныхъ и торговыхъ классовъ; умъ ихъ пріобрѣтаетъ серьезный, разсчетливый и положительный складъ и легко отказывается отъ идеаловъ для какой-нибудъ болѣе явной и близкой цѣли, являющейся необходимымъ и ежедневнымъ предметомъ желаній. Такимъ образомъ равенство не уничтожаетъ воображенія, оно только ограничиваетъ его и удерживаетъ его полетъ не высоко надъ землей. Никто не бываетъ такъ мало мечтательнымъ, какъ граждане демократіи; никто изъ нихъ никогда не предается тому праздному созерцанію, за которымъ обыкновенно слѣдуютъ и которымъ производятся сильныя душевныя волненія.

Правда, что они очень цѣнятъ глубокую, правильную и спокойную привязанность, дѣлающую жизнь пріятной и безмятежной; но они не имѣютъ никакого влеченія къ тѣмъ сильнымъ и измѣнчивымъ душевнымъ движеніямъ, которыя волнуютъ и сокращаютъ жизнь.

Я знаю, что все предыдущее приложимо вполнѣ только къ Америкѣ и не можетъ въ настоящее время, какъ общее правило, быть распространено на Европу.

Вотъ уже полвѣка, какъ законы и обычаи съ небывалою силой влекутъ многіе европейскіе народы къ демократіи, при чемъ нельзя замѣтить, чтобы взаимныя отношенія мужчины и женщины сдѣлались у этихъ народовъ болѣе правильными и чистыми; въ иныхъ случаяхъ замѣчается даже противоположное. Жизнь нѣкоторыхъ классовъ стала правильнѣе, общая же нравственность понизилась. Я не боюсь отмѣтить это, потому что я столь же мало желаю льстить своимъ современникамъ, какъ и злословить ихъ.

Подобное зрѣлище можетъ насъ опечалить, но ему не слѣдуетъ удивляться. Благотворное вліяніе, оказываемое демократическимъ общественнымъ строемъ на правильность нравовъ, дѣлается замѣтнымъ спустя лишь долгое время. Если равенство общественныхъ положеній благопріятствуетъ чистотѣ нравовъ, то общественная работа, подготовляющая это равенство, очень вредитъ имъ.

Въ теченіе пятидесяти лѣтъ преобразовательной жизни Франціи, мы рѣдко имѣли свободу, но постоянно безпорядокъ. Среди этого всеобщаго смѣшенія идей, общаго переворота мнѣній, среди этой нестройной смѣси справедливаго и несправедливаго, истиннаго и ложнаго, права и факта, общественная добродѣтель сдѣлалась не надежною, а частная нравственность шаткою.

Но всѣ революціи, каковы бы ни были ихъ цѣли и ихъ дѣятели, сначала производили сходные результаты. Даже тѣ, которыя, наконецъ, укрѣпили нравы, начали съ ихъ ослабленія.

Поэтому безпорядочность, которой мы часто бываемъ свидѣтелями, по моему мнѣнію, недолговременна. На это указываютъ уже многіе интересные признаки.

Нѣтъ ни чего хуже испорченности аристократіи, сохранившей свои богатства, но потерявшей власть, принужденной ограничиваться пошлыми наслажденіями, но еще владѣющей очень большимъ досугомъ. Въ такомъ случаѣ, великія мысли и могучія страсти, вдохновлявшія ее когда-то, исчезаютъ изъ нея; вмѣсто этого мы видимъ въ ней только множество мелкихъ разъѣдающихъ пороковъ, которые разводятся въ ней какъ черви въ трупѣ.

Никто не споритъ о томъ, что французская аристократія прошлаго столѣтія была очень развратна, въ то время какъ старинные обычаи и вѣрованія поддерживали еще чистоту нравовъ въ другихъ классахъ.

Не трудно также согласиться и съ тѣмъ, что въ наше время нельзя не замѣтить среди обломковъ той же самой аристократіи нѣкоторой строгости принциповъ, а вмѣсто того распущенность, повидимоиу, проникаетъ въ средніе и низшіе слои общества; такъ что тѣ же самыя семьи, которыя пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ были самыми распущенными, являются теперь самыми безупречными; такимъ образомъ кажется, что демократія возвысила нравственность только аристократическихъ классовъ.

Революція, раздѣливъ имущество дворянъ, заставивъ ихъ прилежно заняться своими дѣлами и семьями, соединивъ ихъ подъ одною кровлей съ дѣтьми, придавъ наконецъ болѣе разумное и строгое направленіе ихъ мыслямъ, вызвала въ нихъ, незамѣтно для нихъ самихъ, уваженіе къ религіознымъ вѣрованіямъ, любовь къ порядку, къ мирнымъ удовольствіямъ, къ семейному счастью и къ благосостоянію; въ то же время остальная часть націи, имѣвшая тѣ же наклонности, была увлечена къ безпорядкамъ тѣмъ самымъ усиліемъ, которое было необходимо для того, чтобы ниспровергнуть старые политическіе порядки и обычаи.

Древняя французская аристократія испытала на себѣ слѣдствіе великой революціи, но она не волновалась революціонными страстями и не раздѣляла произведшихъ ее нерѣдко анархическихъ увлеченій; легко понять, почему она испытываетъ на своихъ нравахъ благотворное вліяніе этой революціи раньше чѣмъ тѣ, кто ее сдѣлалъ.

Итакъ, можно сказать—хотя это на первый разъ и кажется удивительнымъ, что въ наше время лучшими носителями нравственности, которую можно ждать отъ демократіи, являются самые антидемократическіе классы націи.

Я не могу не думать, что когда мы овладѣемъ всѣми результатами демократической революціи, выйдя изъ порожденнаго ею безпорядка, тогда то, что теперь справедливо лишь относительно нѣкоторыхъ, распространится мало-по-малу на всѣхъ.

ГЛАВА XII.

Какъ американцы смотрятъ на равенство мужчины и женщины.

Я показалъ, какимъ образомъ демократія уничтожаетъ, или видоизмѣняетъ различные виды неравенства, возникающіе въ обществѣ; но все ли это, и не оказывается ли она способною повліять также на то великое неравенство между мужчиной и женщиной, которое до сихъ поръ, казалось, имѣло свое незыблемое основаніе въ самой природѣ?

Я думаю, что соціальный прогрессъ, приближающій къ одному уровню сына и отца, слугу и господина, и вообще, низшаго и высшаго, возвышаетъ также женщину и долженъ все болѣе и болѣе дѣлать ее равной мужчинѣ.

Но здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-либо, я чувствую необходимость быть понятымъ какъ можно лучше, такъ какъ нѣтъ предмета, относительно котораго грубая и безпорядочная фантазія нашего вѣка давала бы себѣ большую волю.

Въ Европѣ есть люди, которые, пренебрегая разными особенностями, вытекающими изъ различія половъ, хотятъ сдѣлать изъ мужчины и женщины существа не только равныя, но и одинаковыя. Обоихъ они считаютъ призванными исполнять одно и то же назначеніе, на обоихъ возлагаютъ одинаковыя обязанности и надѣляютъ ихъ одинаковыми правами. Они соединяютъ ихъ во всемъ: въ трудѣ, въ удовольствіяхъ, въ дѣлахъ. Не трудно понять, что такое стремленіе къ равенству обоихъ половъ только унижаетъ тотъ и другой, и что изъ подобнаго грубаго смѣшенія созданій природы не можетъ выйти ничего кромѣ слабыхъ мужчинъ и развращенныхъ женщинъ.

Американцы совсѣмъ иначе поняли значеніе того демократическаго равенства, которое можетъ быть установлено между мужчиной и женщиной. Они разсудили, что, такъ какъ сама природа создала столь большое различіе въ физической организаціи и въ духовномъ складѣ мужчины и женщины, то, очевидно, задачей ея было—дать различнымъ ихъ способностямъ и различное употребленіе; въ ихъ глазахъ прогрессъ состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы заставлять несходныя существа дѣлать почти одно и то же, но въ томъ, чтобъ оба возможно лучше выполняли свое назначеніе. Американцы примѣнили къ обоимъ поламъ важный принципъ политической экономіи, господствующій въ настоящее время въ области промышленности. Они строго разграничили дѣятельность мужчины и женщины для того, чтобы лучше выполнялась великая общественная работа.

Америка есть страна, гдѣ всего болѣе постоянно заботились о томъ, чтобы провести отчетливыя границы между дѣятельностью обоихъ половъ и гдѣ стремились къ тому, чтобъ оба пола шли съ равною скоростью, но по разнымъ дорогамъ. Вы не увидите американки, которая бы управляла внѣшними дѣлами семьи, занималась торговлей, или проникала въ политическую сферу, но за то вы никогда не встрѣтите, чтобы въ Америкѣ на женщину возлагали тяжелый трудъ пахать землю, или вообще какую-нибудь трудную работу, требующую развитія физической силы. Не найдется самой бѣдной семьи, которая бы составляла исключеніе изъ этого правила. Если американка не имѣетъ возможности выйти изъ мирнаго круга домашнихъ заботъ, то, съ другой стороны, она никогда не можетъ быть и принуждена къ этому.

Вотъ почему американки, у которыхъ часто можно встрѣтить мужской умъ и энергію, сохраняютъ вообще изящную внѣшность, такъ что по своимъ манерамъ онѣ всегда остаются женщинами, хотя по уму и сердцу походятъ иногда на мужчинъ.

Точно также американцы никогда не предполагали, чтобы слѣдствіемъ демократическихъ принциповъ могло быть разрушеніе власти мужа, или смѣшеніе властей въ семьѣ. Въ ихъ глазахъ всякій союзъ, для того чтобы быть дѣйствительнымъ, долженъ имѣть главу, а естественнымъ главой супружескаго союза является мужъ. Поэтому американцы не отказываютъ мужу въ правѣ давать направленіе своей спутницѣ; по ихъ мнѣнію, назначеніе демократіи состоитъ въ томъ, чтобъ узаконять и упорядочивать необходимую власть въ маленькомъ союзѣ мужа и жены, также какъ и въ большомъ политическомъ обществѣ, а не въ томъ, чтобъ уничтожать всякую власть.

Подобный взглядъ не принадлежитъ исключительно одному полу, но раздѣляется обоими.

Я не замѣчалъ, чтобъ американки смотрѣли на власть мужа какъ на

удачное похищеніе ихъ правъ, или считали для себя унизительнымъ подчиненіе этой власти. Напротивъ, мнѣ казалось, что свободное отреченіе отъ своей воли считалось у нихъ чѣмъ-то славнымъ; онѣ видѣли свое достоинство не въ томъ, чтобъ избѣгать этой власти, а въ томъ, чтобы подчиняться ей. Такъ смотрятъ на это, по крайней мѣрѣ, самыя добродѣтельныя; другія молчатъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ вы не услышите, какъ жена, нарушающая супружескую вѣрность, громко требуетъ правъ для женщины и въ то же время попираетъ самыя священныя свои обязанности.

Въ Европѣ часто было замѣчено, что среди самыхъ льстивыхъ фразъ, расточаемыхъ мужчинами женщинамъ, сквозитъ нѣкоторое презрѣніе: хотя европеецъ нерѣдко дѣлается рабомъ женщины, но замѣтно, что въ душѣ онъ никогда не считаетъ ее равной себѣ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ женщинъ не хвалятъ, но постоянно выказываютъ свое уваженіе къ нимъ.

У американцевъ вы всегда видите полное довѣріе къ благоразумію своихъ подругъ и глубокое уваженіе къ ихъ свободѣ. Они убѣждены, что умъ женщины такъ же способенъ, какъ и умъ мужчины раскрывать голую истину, а сердце ея достаточно твердо, чтобъ исполнять ея указанія, и они никогда не старались поставить добродѣтель мужчины или женщины подъ защиту предразсудковъ, невѣдѣнія или страха.

Въ Европѣ, гдѣ такъ легко подчиняются деспотической власти женщинъ, имъ, однако, повидимому, отказываютъ въ нѣкоторыхъ весьма важныхъ свойствахъ, принадлежащихъ человѣческому роду, и смотрятъ на нихъ какъ на прелестныя, но несовершенныя созданія. А чему слѣдуетъ удивляться, это тому, что наконецъ и сами женщины привыкаютъ смотрѣть на себя съ этой же точки зрѣнія и что онѣ не далеки даже отъ мысли видѣть привилегію въ предоставленномъ имъ правѣ казаться легкомысленными, слабыми и робкими. Американки не ищутъ себѣ такихъ правъ.

Съ другой стороны, можно сказать, что во всемъ, что касается нравственности, мы поставили мужчину въ особо выгодное положеніе, такъ что существуютъ какъ будто двѣ добродѣтели: одна для мужчины, а другая для женщины, т.-е. въ глазахъ общественнаго мнѣнія одинъ и тотъ же поступокъ можетъ быть то преступленіемъ, то лишь проступкомъ.

Американцы не признаютъ такого несправедливаго дѣленія правъ и обязанностей. Обольститель у нихъ также лишается чести, какъ и его жертва.

Правда, что американцы рѣдко оказываютъ женщинамъ то услужливое вниманіе, какимъ ихъ принято окружать въ Европѣ, но въ своемъ обращеніи съ ними они постоянно показываютъ, что считаютъ ихъ добродѣтельными и нѣжными. При этомъ они питаютъ такое глубокое уваженіе къ нравственной свободѣ женщины, что въ присутствіи ея всякій тщательно слѣдитъ за своими словами въ разговорѣ, боясь заставить ее услышать что-нибудь могущее оскорбить ея нравственное чувство. Въ Америкѣ молодая дѣвушка одна и безо всякаго страха предпринимаетъ длинное путешествіе.

Законодатели Соединенныхъ Штатовъ, смягчивъ почти всѣ постановленія уголовнаго кодекса, наказываютъ смертью за изнасилованіе; нѣтъ такого преступленія, за которое бы общественное мнѣніе карало болѣе неумолимо. Это и понятно: такъ какъ американцы не цѣнятъ ничего такъ дорого, какъ честь женщины, и ничего такъ не уважаютъ, какъ ея независимость, то, по ихъ мнѣнію, нѣтъ достаточно суроваго наказанія для того, кто отнимаетъ ихъ у женщины вопреки ея волѣ.

Во Франціи, гдѣ за то же преступленіе налагаются несравненно болѣе мягкія наказанія, часто трудно бываетъ найти присяжныхъ, которые постановили бы обвинительный приговоръ. Что это? Неуваженіе къ чувству стыдливости, или презрѣніе къ женщинѣ? Я не могу отрѣшиться отъ мысли, что это и то и другое.

Итакъ, американцы вовсе не полагаютъ, чтобы мужчина и женщина могли имѣть право и обязанность дѣлать одно и то же; но они съ одинаковымъ уваженіемъ относятся къ каждому изъ нихъ и смотрятъ на обоихъ какъ на существа равныя по достоинству, хотя и различныя по назначенію. Они не придаютъ мужеству женщины формы и характера одинаковыхъ съ мужествомъ мужчины, но за то никогда и не сомнѣваются въ ея мужествѣ, и если они не думаютъ, что мужъ и жена должны употреблять свой умъ и разсужденіе однимъ и тѣмъ же способомъ, то по крайней мѣрѣ признаютъ, что убѣжденія женщины столь же тверды, а умъ не менѣе ясенъ, чѣмъ у мужчины.

Такимъ образомъ американцы, сохраняя въ обществѣ подчиненное положеніе женщины, возвысили ее сколько могли въ интеллектуальной и моральной сферѣ до одного уровня съ мужчиной; въ этомъ, какъ мнѣ кажется, они прекрасно поняли истинное значеніе демократическаго прогресса.

Что касается меня, то я безъ колебанія скажу: хотя женщина въ Соединенныхъ Штатахъ не выходитъ изъ домашняго круга и хотя она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тамъ очень зависима, но нигдѣ ея положеніе не казалось мнѣ такимъ высокимъ, и теперь, когда я приближаюсь къ концу этой книги, въ которой я указалъ такъ много важнаго, сдѣланнаго американцами, еслибъ меня спросили, чему, на мой взглядъ, главнымъ образомъ нужно приписать небывалый успѣхъ и возрастающее могущество этого народа, я бы отвѣтилъ: превосходству американскихъ женщинъ.

ГЛАВА XIII.

Какимъ образомъ равенство естественно раздѣляетъ американцевъ на множество мелкихъ отдѣльныхъ обществъ.

Можно бы подумать, что конечнымъ результатомъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ демократическихъ учрежденій будетъ сліяніе гражданъ въ частной жизни, также какъ и въ общественной, и принужденіе ихъ всѣхъ жить за одно.

Но это значило бы придавать равенству, создаваемому демократіей, слишкомъ грубую и тиранническую форму.

Никакой общественный строй и никакіе законы не могутъ сдѣлать людей настолько сходными, чтобы не являлось разницы въ ихъ воспитаніи, богатствѣ, наклонностяхъ, а различные люди, если и могутъ иногда находить выгоду въ томъ, чтобы дѣлать сообща одно и то же дѣло, то, надо думать, никогда не найдутъ въ этомъ для себя удовольствія; несмотря ни на что, они будутъ избѣгать власти законодателя и, ускользая изъ круга, въ который ихъ хотятъ заключить, будутъ образовывать, рядомъ съ большимъ политическимъ обществомъ, маленькія частныя общества, для которыхъ связью явится сходство общественныхъ положеній, обычаевъ и нравовъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ граждане не имѣютъ никакого превосходства одни надъ другими; они не обязаны и навязывать другъ другу повиновенія или уваженія; они вмѣстѣ отправляютъ правосудіе и управляютъ государствомъ и обыкновенно собираются всѣ вмѣстѣ для веденія дѣлъ, имѣющихъ вліяніе на общую ихъ судьбу, но я никогда не слышалъ, чтобы предполагалось заставить ихъ устраивать себѣ одинаковыя развлеченія, или собираться для удовольствій, смѣшиваясь въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ.

Американцы, такъ легко смѣшивающіеся въ стѣнахъ политическихъ собраній и судовъ, напротивъ заботливо стремятся къ раздѣленію на очень обособленныя маленькія общества для того, чтобы пользоваться отдѣльно отъ другихъ удовольствіями частной жизни. Каждый изъ нихъ охотно признаетъ всѣхъ своихъ согражданъ равными себѣ, но принимаетъ лишь очень немногихъ въ число своихъ друзей и знакомыхъ.

Я нахожу это вполнѣ естественнымъ. По мѣрѣ того, какъ расширяется сфера политическаго общества, слѣдуетъ ожидать, что сфера частныхъ отношеній будетъ суживаться. Вмѣсто предположенія о томъ, что граждане новыхъ обществъ станутъ жить, наконецъ, общей жизнью, я очень опасаюсь, что въ концѣ-концовъ они придутъ къ образованію изъ себя очень мелкихъ кружковъ.

У народовъ аристократическихъ различные классы представляютъ какъ бы обширныя ограды, изъ которыхъ невозможно выйти и въ которыя нельзя войти. Классы не сообщаются между собой, но внутри каждаго изъ нихъ, люди по необходимости поддерживаютъ постоянныя сношенія. Даже когда они по природѣ расходятся въ своихъ наклонностяхъ, то общее сходство положенія сближаетъ ихъ.

Но когда возникновеніе частныхъ и повседневныхъ сношеній между извѣстными людьми не обусловливается ни закономъ, ни обычаемъ, то мѣсто этихъ послѣднихъ заступаетъ случайное сходство мнѣній и наклонностей, вслѣдствіе чего отдѣльныя общества дѣлаются разнообразными до безконечности.

Въ демократіи, гдѣ граждане никогда не отличаются значительно одни отъ другихъ, и естественно оказываются настолько близкими, что въ каждое мгновеніе могутъ смѣшаться въ общей массѣ, — возникаетъ множество искуственныхъ и произвольныхъ дѣленій, съ помощью которыхъ каждый старается выгородить себя, опасаясь быть увлеченнымъ противъ своей воли въ общую толпу.

Иначе и быть не можетъ, ибо возможно измѣнить человѣческія учрежденія, но не самого человѣка. Какъ бы ни было сильно стремленіе общества сдѣлать гражданъ равными и похожими другъ на друга, самолюбіе отдѣльныхъ личностей всегда будетъ стараться избѣжать уравненія и создать для себя гдѣ-нибудь неравенство, которымъ бы оно могло воспользоваться.

Въ аристократіяхъ люди раздѣлены высокими, неподвижными преградами, въ демократіяхъ же ихъ раздѣляетъ множество тонкихъ, едва примѣтныхъ нитей, которыя ежеминутно рвутся и безпрестанно мѣняютъ свое мѣсто.

Такимъ образомъ, каковъ бы ни былъ прогрессъ равенства, всегда у демократическихъ народовъ будетъ возникать большое число мелкихъ частныхъ обществъ среди большого политическаго общества. Но ни одно изъ нихъ по своему образу дѣйствій не будетъ имѣть сходства съ высшимъ классомъ, правящимъ, въ аристократіи.

ГЛАВА XIV.

Нѣсколько замѣчаній о внѣшнемъ обращеніи американцевъ.

На первый взглядъ нѣтъ ничего болѣе ничтожнаго, какъ внѣшняя форма человѣческихъ дѣйствій, и въ то же время ничему люди не придаютъ болѣе важнаго значенія. Они привыкаютъ ко всему, исключая жизни въ обществѣ, не имѣющемъ ихъ манеръ. Поэтому вліяніе, которое оказываетъ общественный и политическій строй на внѣшнее обращеніе, заслуживаетъ серьезнаго разсмотрѣнія.

Вообще говоря, тѣ или иныя манеры происходятъ изъ свойствъ самыхъ нравовъ; но иногда онѣ являются слѣдствіемъ произвольнаго соглашенія между извѣстными людьми, т.-е. онѣ въ одно и то же время бываютъ и природными и пріобрѣтенными.

Когда люди замѣчаютъ, что за ними, безъ всякаго труда съ ихъ стороны, признается неоспоримое первенство, когда они постоянно имѣютъ передъ глазами высокія цѣли, которыми они занимаются, предоставивъ частности другимъ людямъ, и когда они живутъ среди богатства, не ими пріобрѣтеннаго и котораго они не боятся лишиться, то понятно, что они съ нѣкоторымъ презрительнымъ высокомѣріемъ относятся къ мелкимъ интересамъ и заботамъ о матеріальной сторонѣ жизни и что они отличаются природнымъ благородствомъ мыслей, проявляющимся какъ въ ихъ словахъ, такъ и въ манерахъ.

Въ демократическихъ странахъ манеры обыкновенно не отличаются благородствомъ, такъ какъ частная жизнь не выходитъ тамъ изъ круга мелкихъ интересовъ. Онѣ бываютъ часто вульгарны, такъ какъ мысль тамъ рѣдко имѣетъ случаи возвышаться надъ ежедневными заботами о домашнемъ благополучіи.

Истинное достоинство въ обращеніи заключается въ умѣніи всегда занимать свое мѣсто, не становясь ни выше, ни ниже; это столь же доступно для крестьянина какъ и для принца. Въ демократіяхъ всякое положеніе кажется сомнительнымъ, вслѣдствіе чего и происходитъ, что обращеніе тамъ часто бываетъ гордымъ, но рѣдко достойнымъ. Кромѣ того, оно никогда не бываетъ ни подчинено строгимъ правиламъ ни очень утонченнымъ.

Въ демократіяхъ люди слишкомъ подвижны для того, чтобы небольшая группа ихъ могла выработать извѣстныя правила общежитія и настоять на томъ, чтобы всѣ ими руководились. Тамъ поэтому каждый поступаетъ почти по своему усмотрѣнію, и въ обращеніи постоянно царствуетъ нѣкоторая безсвязность, такъ какъ они скорѣе зависятъ отъ индивидуальныхъ чувствъ и мыслей каждаго, чѣмъ вырабатываются по идеальному образцу, заранѣе установленному для общаго подражанія.

Впрочемъ, это явленіе особенно ярко выступаетъ только въ моментъ, слѣдующій тотчасъ за паденіемъ аристократіи; впослѣдствіи же оно дѣлается менѣе рѣзкимъ.

Тогда новыя политическія учрежденія и новые нравы соединяютъ въ общихъ мѣстахъ и заставляютъ жить вмѣстѣ людей, воспитаніе и обычаи которыхъ еще поразительно несходны, вслѣдствіе чего ежеминутно выказывается значительная пестрота. Въ обществѣ еще живетъ воспоминаніе о томъ, что былъ опредѣленный кодексъ вѣжливости, но уже неизвѣстны ни его содержаніе, ни гдѣ онъ находится. Люди утеряли общіе законы вѣжливаго обращенія, но еще не рѣшились обходиться безъ нихъ; каждый

старается выработать изъ остатковъ старыхъ обычаевъ какое-нибудь произвольное и непостоянное правило; такъ что въ обращеніи нельзя найти ни той правильности, ни того величія, какія наблюдаются часто у аристократическихъ народовъ, ни той простоты и свободы, какія въ немъ замѣчаются иногда въ демократіи; оно одновременно и стѣснено и безцеремонно.

Подобное положеніе не нормально.

Когда равенство господствуетъ вполнѣ и долгое время, тогда всѣ люди, имѣя приблизительно однѣ и тѣ же мысли и занимаясь одинаковыми дѣлами, не имѣютъ никакой необходимости ни сговариваться, ни подражать другъ другу для того, чтобы говорить и дѣлать одно и то же. Въ ихъ манерахъ постоянно встрѣчается множество мелкихъ несходствъ, но въ нихъ не замѣчается большихъ различій. Они никогда не бываютъ вполнѣ сходными, потому что не имѣютъ одинаковаго образца, но и никогда не бываютъ слишкомъ несходными, потому что находятся въ одинаковыхъ условіяхъ. По первому впечатлѣнію можно было бы сказать, что всѣ американцы совершенно сходны въ своихъ манерахъ. Только всматриваясь въ нихъ очень близко, можно замѣтить тѣ особенности, которыми всѣ они различаются другъ отъ друга.

Англичане очень насмѣшливо относятся къ манерамъ американцевъ и замѣчательно, что большинство тѣхъ, кто изображаетъ намъ по этому поводу столь забавныя картины, принадлежитъ къ среднимъ классамъ Англіи, къ которымъ очень приложима та же самая картина, такъ что эти безпощадные хулители обыкновенно сами служатъ примѣромъ того, что они осуждаютъ въ Соединенныхъ Штатахъ; они не замѣчаютъ, что издѣваются сами надъ собой, къ великому удовольствію аристократіи ихъ отечества.

Ни что такъ не вредитъ демократіи, какъ внѣшняя форма ея нравовъ; многіе охотно мирятся съ ея недостатками, но не могутъ выносить ея манеръ.

Я не согласенъ, однако, съ тѣмъ, чтобы въ манерахъ демократическихъ народовъ нечего было похвалить.

У аристократическихъ народовъ, всѣ близко стоящіе къ высшему классу, стремятся обыкновенно походить на этотъ послѣдній, вслѣдствіе чего происходятъ очень смѣшныя и грубыя подражанія. Если у демократическихъ народовъ нѣтъ образцовъ для величественныхъ манеръ, то они по крайней мѣрѣ освобождены отъ необходимости встрѣчать на каждомъ шагу ихъ плохія подражанія.

Въ демократіяхъ манеры никогда не бываютъ такъ утонченны, какъ у народовъ аристократическихъ; но въ то же время онѣ никогда не представляются такими грубыми. Вы не услышите тамъ ни крѣпкихъ словъ простонародья, ни благородныхъ и изысканныхъ выраженій знатныхъ вельможъ. Очень часто ихъ нравы бываютъ пошлыми, но никогда грубыми и низкими.

Я сказалъ, что въ демократіяхъ не можетъ выработаться опредѣленныхъ правилъ вѣжливости. Въ этомъ есть свои неудобства и свои преимущества. Въ аристократіяхъ правила приличія кладутъ на всѣхъ одинаковый внѣшній отпечатокъ; они дѣлаютъ членовъ одного и того же класса сходными, несмотря на различіе ихъ личныхъ склонностей; они украшаютъ и скрываютъ естественныя свойства. У демократическихъ народовъ манеры не такъ хорошо выработаны, но часто онѣ бываютъ искреннѣе. Онѣ представляютъ какъ будто легкій, неплотный покровъ, черезъ который не трудно видѣть настоящія чувства и личныя мысли каждаго человѣка. Форма и содержаніе человѣческихъ дѣйствій находятся тамъ часто въ тѣсной связи, и если великая картина, представляемая человѣчествомъ, кажется

менѣе красивой, зато она болѣе вѣрна. Такимъ образомъ въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что результатомъ демократіи является не то, что она даетъ людямъ извѣстныя манеры, а то, что она не позволяетъ имъ пріобрѣсти никакихъ.

Иногда въ демократіи можно встрѣтить чувства, добродѣтели и пороки, свойственные аристократіи, но никогда нельзя встрѣтить ея манеръ. Послѣднія погибаютъ и исчезаютъ безвозвратно, когда демократическая революція вполнѣ закончена.

Кажется, нѣтъ ничего столь долговѣчнаго, какъ манеры аристократическаго класса, такъ какъ онъ сохраняетъ ихъ еще спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ лишился своего богатства и могущества; но въ то же время нѣтъ ничего и менѣе прочнаго, такъ какъ едва лишь онѣ исчезаютъ, какъ отъ нихъ не остается и слѣда, такъ что съ момента ихъ исчезновенія трудно даже и сказать, какія онѣ были. Такое чудо производится однимъ измѣненіемъ въ общественномъ строѣ и для того, чтобы оно совершилось, достаточно нѣсколькихъ поколѣній.

Главнѣйшія черты аристократіи послѣ ея уничтоженія остаются запечатлѣнными на страницахъ исторіи, но изящныя и легкія формы ея нравовъ исчезаютъ изъ памяти людей почти тотчасъ же за ея паденіемъ; онѣ дѣлаются для нихъ непонятными, какъ только исчезаютъ у нихъ изъ глазъ, такъ какъ для того, чтобы испытывать тотъ видъ утонченнаго удовольствія, которое вызывается изяществомъ и отборностью манеръ, нужно къ нему быть приготовленнымъ привычкой и воспитаніемъ чувства; а если онѣ выходятъ изъ употребленія, то теряется и вкусъ къ этому удовольствію.

Такимъ образомъ, демократическіе народы не только не могутъ имѣть у себя аристократическихъ манеръ, но они и не понимаютъ ихъ и не желаютъ имѣть, словомъ, они не могутъ ихъ себѣ представить, какъ будто бы онѣ никогда и не существовали.

Не нужно придавать большого значенія этой потерѣ, но позволительно пожалѣть о ней.

Я знаю, что неоднократно бывали люди съ изысканными манерами и вмѣстѣ съ тѣмъ съ очень пошлыми чувствами: придворная жизнь достаточно показала, какъ подъ величественной внѣшностью можетъ часто скрываться низкая душа. Но если аристократическія манеры не порождали добродѣтели, то онѣ иногда украшали ее. Не совсѣмъ обычное зрѣлище представлялъ этотъ многочисленный и могущественный классъ, у котораго всѣ внѣшнія проявленія жизни, казалось, постоянно свидѣтельствовали о врожденной вызвышенности чувствъ и мыслей, объ изяществѣ и строгости вкусовъ, объ утонченности нравовъ.

Аристократическія манеры дѣлали возможными, прекрасныя иллюзіи относительно человѣческой природы, и хотя картина часто была невѣрной, но видъ ея доставлялъ возвышенное наслажденіе.

ГЛАВА XV.

О серьезности американцевъ и почему эта серьезность часто не мѣшаетъ имъ поступать необдуманно.

Жители демократическихъ странъ не любятъ наивныхъ, шумныхъ и грубыхъ развлеченій, которымъ народъ предается въ аристократіяхъ; они

считаютъ ихъ или ребяческими, или скучными. Они не чувствуютъ также склонности къ умственнымъ и утонченнымъ развлеченіямъ высшихъ классовъ аристократіи. Они ищутъ въ своихъ удовольствіяхъ существеннаго и производительнаго, другими словами: они хотятъ соединить пріятное съ полезнымъ.

Въ аристократическихъ обществахъ народъ охотно предается необузданнымъ и шумнымъ увеселеніямъ, которыя отрываютъ его отъ сознанія его бѣдствій.

Граждане демократіи не любятъ, когда ихъ такимъ образомъ отвлекаютъ отъ самихъ себя и всегда лишь противъ воли выходятъ изъ своего естественнаго состоянія.

Такимъ легкомысленнымъ порывамъ они предпочитаютъ тихія и серьезныя развлеченія, которыя похожи на дѣла и не заставляютъ ихъ совершенно забывать о дѣлахъ.

Многіе американцы, вмѣсто того, чтобы свободное время весело танцовать на улицѣ, какъ это дѣлаютъ въ Европѣ люди ихъ круга, предпочитаютъ оставаться въ одиночествѣ дома, за стаканомъ вина. Такимъ образомъ американецъ пользуется сразу двумя удовольствіями: онъ думаетъ о своей торговлѣ и напивается въ семьѣ, не переходя границъ благопристойности.

Я считалъ англичанъ самымъ серьезнымъ народомъ въ мірѣ, но, познакомившись съ американцами, я измѣнилъ свое мнѣніе.

Я не буду утверждать, чтобы темпераментъ не игралъ очень важной роли въ образованіи характера жителей Соединенныхъ Штатовъ. Однако еще болѣе, по моему мнѣнію, повліяло въ этомъ смыслѣ политическое устройство страны.

Я думаю, что серьезность американцевъ явилась отчасти слѣдствіемъ ихъ гордости. Въ демократическихъ странахъ даже и бѣдный человѣкъ очень высоко ставитъ свое личное достоинство; онъ смотритъ на себя съ чувствомъ самодовольства и охотно воображаетъ, что и другіе также имъ заняты.

Настроенный подобнымъ образомъ онъ тщательно слѣдитъ за своими словами и поступками и бываетъ крайне остороженъ изъ боязни выказать чего ему недостаетъ. По его мнѣнію, для того, чтобы имѣть достойный видъ, нужно сохранять серьезность.

Но я знаю еще другую болѣе глубокую и могущественную причину, безсознательно производящую ту серьезность американцевъ, которая меня такъ удивляетъ.

Народы, находящіеся подъ деспотическою властью, время отъ времени проявляютъ самые дикіе взрывы веселья, но вообще они угрюмы и сосредоточены, такъ какъ находятся подъ вліяніемъ страха.

Въ тѣхъ абсолютныхъ монархіяхъ, гдѣ характеръ правленія умѣряется обычаями и нравами, народъ часто проявляетъ спокойное и веселое настроеніе, такъ какъ, пользуясь нѣкоторою свободою и довольно значительною безопасностью, граждане устранены отъ самыхъ важныхъ жизненныхъ заботъ; но всѣ свободные народы серьезны, такъ какъ умъ ихъ обыкновенно бываетъ занятъ разрѣшеніемъ какой-нибудь опасной и трудной задачи.

Въ особенности это замѣтно у свободныхъ народовъ, имѣющихъ демократическое устройство. Тамъ во всѣхъ классахъ мы замѣчаемъ безчисленное множество людей, постоянно озабоченныхъ серьезнымъ дѣломъ государственнаго управленія; тѣ же, которые не желаютъ заниматься устрой-

ствомъ государственнаго благополучія, всецѣло преданы заботамъ объ увеличеніи своего собственнаго благосостоянія. У такого народа серьезность характера свойственна уже не отдѣльнымъ лицамъ, но становится національной привычкой.

Разсказываютъ про такія маленькія демократіи древности, граждане которыхъ собирались въ общественныхъ мѣстахъ съ вѣнками изъ розъ на головахъ и проводили большую часть времени за танцами и зрѣлищами. Я также мало вѣрю въ существованіе такихъ республикъ, какъ и въ республику Платона. Или, если дѣло происходило дѣйствительно такъ, какъ намъ разсказываютъ, то я смѣло утверждаю, что эти мнимыя демократіи состояли изъ элементовъ совершенно отличныхъ отъ нашихъ и не имѣли съ послѣдними ничего общаго, кромѣ названія.

Не слѣдуетъ, однако думать, чтобы граждане, живущіе въ демократіи, среди всѣхъ своихъ трудовъ, считали себя въ правѣ жаловаться; напротивъ, замѣчается противоположное: нѣтъ людей, которые были бы болѣе довольны своимъ положеніемъ. Для нихъ жизнь потеряла бы свою привлекательность, еслибы ихъ освободили отъ обременяющихъ ихъ заботъ; они болѣе преданы своимъ заботамъ, чѣмъ аристократическіе народы своимъ удовольствіямъ.

Теперь я спрашиваю, почему эти же самые демократическіе народы, будучи столь серьезными, отличаются иногда самымъ необдуманнымъ поведеніемъ.

Американцы, почти всегда сохраняющіе степенный и холодный видъ, тѣмъ не менѣе часто позволяютъ себѣ увлекаться далеко за границы благоразумія внезапнымъ порывомъ страсти, или необдуманною мыслью, и иногда серьезнымъ образомъ совершаютъ самые безразсудные поступки.

Это противорѣчіе не должно удивлять.

Бываетъ такое незнаніе, которое происходитъ отъ чрезвычайной гласности. Въ деспотическихъ государствахъ люди не знаютъ что имъ дѣлать, потому что имъ ничего не говорятъ; у демократическихъ народовъ они часто дѣйствуютъ наудачу, потому что для нихъ стремятся сдѣлать все извѣстнымъ. Первые не знаютъ, вторые забываютъ. Изъ-за множества мелкихъ подробностей они не замѣчаютъ главныхъ контуровъ каждой картины.

Можно удивляться всѣмъ необдуманнымъ рѣчамъ, которыя произноситъ иногда государственный человѣкъ въ свободныхъ, особенно въ демократическихъ государствахъ, не рискуя быть скомпрометированнымъ; между тѣмъ какъ въ абсолютныхъ монархіяхъ достаточно нѣсколькихъ неосторожно сказанныхъ словъ, чтобы навсегда разоблачить его и безвозвратно погубить.

Это объясняется сказаннымъ раньше. Когда говорятъ среди огромной толпы, то множество словъ остаются неуслышанными, или тотчасъ забываются слышавшими ихъ; но при молчаніи нѣмой и неподвижной толпы малѣйшій шопотъ ясно доносится до слуха.

Въ демократіяхъ положеніе человѣка никогда не бываетъ прочнымъ; тысячи случайностей измѣняютъ его положеніе и въ жизни безпрестанно царствуетъ нѣчто неожиданное и непредвидѣнное. Вслѣдствіе этого человѣкъ нерѣдко бываетъ вынужденъ дѣлать то, чему онъ недостаточно научился, говорить о томъ, чего онъ вовсе не понимаетъ, заниматься дѣятельностью, къ которой онъ не подготовленъ долгимъ предварительнымъ обученіемъ.

Въ аристократіяхъ всякій имѣетъ только одну цѣль, которую и преслѣдуетъ неустанно. У народовъ же демократическихъ, жизнь человѣка

сложнѣе; тамъ рѣдко одинъ и тотъ же умъ не обнимаетъ сразу нѣсколькихъ предметовъ и притомъ часто совершенно чуждыхъ другъ другу. Не будучи въ состояніи хорошо ознакомиться со всѣми этими предметами, человѣкъ легко довольствуется несовершеннымъ познаніемъ.

Если гражданинъ демократіи не принужденъ къ спѣшной работѣ своими потребностями, то его принуждаютъ къ этому его желанія, такъ какъ среди всѣхъ благъ, окружающихъ его, онъ ни одного не считаетъ недоступнымъ для себя. Поэтому, онъ все дѣлаетъ наспѣхъ, безпрестанно довольствуется приблизительнымъ и всегда останавливается не болѣе какъ на мгновеніе, для того чтобы обдумать каждый изъ своихъ поступковъ.

Его любознательность и ненасытна, и въ то же время удовлетворяется весьма малымъ, потому что онъ стремится знать не столько хорошо, сколько скоро и много.

Не имѣя времени на основательное изученіе, онъ быстро теряетъ къ нему склонность.

Итакъ, демократическіе народы серьезны потому, что общественный и политическій строй постоянно направляетъ ихъ къ занятію серьезными дѣлами; а поступаютъ необдуманно потому, что не удѣляютъ достаточно этимъ дѣламъ ни времени ни вниманія.

Привычка къ невнимательности должна быть признана самымъ важнымъ недостаткомъ демократіи.

ГЛАВА XVI.

Почему американцы болѣе щекотливы и обидчивы въ своей національной гордости, чѣмъ англичане.

Всѣ свободные народы гордятся собой, но проявленіе національной гордости у всѣхъ различно.

Американцы въ своихъ сношеніяхъ съ иностранцами не выносятъ, повидимому, ни малѣйшаго осужденія и въ то же время ненасытны къ похваламъ. Имъ пріятно самое ничтожное одобреніе, но рѣдко бываетъ довольно и самой большой похвалы, чтобы удовлетворить ихъ. Они преслѣдуютъ васъ на каждомъ шагу, чтобы вызвать вашу похвалу, и если вы противитесь ихъ настойчивости, то они хвалятъ себя сами. Можно подумать, что они сомнѣваются въ своихъ заслугахъ, почему и желаютъ постоянно видѣть ихъ передъ своими глазами. Тщеславіе американцевъ не только ненасытно, но еще завистливо и нетерпимо. Не давая ничего другимъ, оно безпрестанно требуетъ для себя. Оно одновременно и искательно и обидчиво. Я замѣчаю американцу, что страна въ которой онъ живетъ, прекрасна; онъ отвѣчаетъ: „Да, вы правы, нѣтъ другой такой страны въ свѣтѣ!“ Я восхищаюсь свободой, которой пользуются ея обитатели, а онъ на это замѣчаетъ: „Свобода—драгоцѣнный даръ! но очень мало народовъ, достойныхъ ею пользоваться“. Я отмѣчаю чистоту нравовъ, господствующую въ Соединенныхъ Штатахъ: „Для меня понятно,—говоритъ онъ,—что иностранецъ, привыкнувъ къ развращенности, господствующей у всѣхъ другихъ народовъ, долженъ быть пораженъ этимъ явленіемъ“. Я, наконецъ оставляю его любоваться самимъ собой, но онъ слѣдуетъ за мной и не отстаетъ до тѣхъ поръ, пока не заставитъ меня повторить то, что я только

что сказалъ. Нельзя представить себѣ патріотизма болѣе несноснаго и болтливаго. Онъ становится въ тягость даже самимъ его почитателямъ.

Не то мы видимъ въ Англіи. Англичанинъ спокойно пользуется тѣми воображаемыми, или дѣйствительными преимуществами, какія, по его мнѣнію, представляетъ его отечество. Если онъ ни въ чемъ не признаетъ превосходства другихъ націй, то въ то же время не требуетъ этого признанія и для своей. Осужденія иностранцевъ его не задѣваютъ, равно какъ для него не лестна и ихъ похвала. Ко всему міру онъ относится со сдержанностью, полною презрѣнія и высокомѣрія. Его гордость не требуетъ себѣ пищи; она удовлетворяется сама собой.

Замѣчательно, что эти два народа, происшедшіе такъ недавно отъ одного корня, оказываются столь противоположными въ способахъ выраженія своихъ чувствъ и мыслей.

Въ аристократическихъ государствахъ знатные люди пользуются громадными привилегіями, которыми удовлетворяется ихъ гордость, не имѣя нужды поддерживаться мелкими выгодами, вытекающими изъ этихъ преимуществъ. Такъ какъ эти привилегіи достались имъ по наслѣдству, то они смотрятъ на нихъ какъ бы на часть самихъ себя или, по крайней мѣрѣ, какъ на природное и неразрывное съ ихъ личностью право. Поэтому они спокойно довольствуются сознаніемъ своего превосходства; имъ не приходитъ въ голову хвастаться преимуществами, которыя всякій видитъ и никто не отрицаетъ. Они не настолько удивлены ими, чтобы говорить о нихъ. Они остаются важными въ своемъ замкнутомъ величіи, будучи увѣрены, что всякій ихъ видитъ, даже если они и не стараются выставлять себя на видъ, и что никто не вздумаетъ вывести ихъ изъ этого величія.

Когда аристократія стоитъ во главѣ государственнаго управленія, то ея національная гордость естественно принимаетъ сдержанный, спокойный и высокомѣрный видъ; всѣ остальные классы націи подражаютъ ей.

Напротивъ, когда общественныя положенія мало различны, тогда самыя ничтожныя преимущества пріобрѣтаютъ огромное значеніе. Когда каждый видитъ вокругъ себя милліоны людей, владѣющихъ одинаковыми, или сходными преимуществами, тогда гордость дѣлается требовательной и завистливой; она примѣняется къ бездѣлицамъ и упорно ихъ отстаиваетъ.

Въ демократіяхъ, гдѣ общественныя положенія очень измѣнчивы, пріобрѣтенныя человѣкомъ преимущества почти всегда новы; поэтому онъ испытываетъ чувство безконечнаго наслажденія отъ постояннаго выставленія ихъ на видъ, для того чтобы показать ихъ всѣмъ и самому убѣдиться въ обладаніи ими; и такъ какъ въ каждую минуту онъ можетъ лишиться этихъ преимуществъ, то всегда испытываетъ чувство безпокойства и старается показать, что все еще владѣетъ ими. Граждане демократіи любятъ свое отечество такимъ же образомъ, какъ и самихъ себя; поэтому черты отличающія ихъ личное тщеславіе, переносятся ими и на ихъ національную гордость.

Безпокойное и ненасытное тщеславіе демократическихъ народовъ настолько зависитъ отъ равенства и непостоянства общественныхъ положеній, что и члены самаго гордаго дворянства проявляютъ ту же самую страсть въ тѣхъ сторонахъ ихъ жизни, гдѣ можно еще встрѣтить что-нибудь непостоянное и спорное.

Аристократическій классъ всегда глубоко отличается отъ прочихъ классовъ націи по объему и постоянству своихъ привилегій. Но иногда случается, что многіе члены этого класса отличаются между собою только

мелкими мимолетными преимуществами, пріобрѣсть и потерять которыя они могутъ ежедневно.

Бывало, что члены могущественной аристократіи, живущіе въ столицѣ, или при дворѣ, съ ожесточеніемъ оспаривали другъ у друга ничтожнѣйшія преимущества, зависящія отъ каприза моды, или прихоти ихъ господина. Они проявляли тогда относительно другъ друга ту же самую ребяческую зависть, какая одушевляетъ демократическіе народы, съ такой же страстью стремились завладѣть малѣйшей выгодой, оспариваемой ихъ равными и такъ же находили нужнымъ выставлять на показъ отличающія ихъ преимущества.

Если бы у царедворцевъ могла быть когда-нибудь національная гордость, то я не сомнѣваюсь въ томъ, что она была бы у нихъ такая же, какъ у народовъ демократическихъ.

ГЛАВА XVII.

Почему общество въ Соединенныхъ Штатахъ, несмотря на свою подвижность, кажется въ то же время однообразнымъ.

Кажется, ничто такъ не способно возбудить и поддерживать любопытство, какъ зрѣлище, представляемое Соединенными Штатами. Богатства, идеи, законы безпрерывно тамъ мѣняются. Можно сказать, что даже неподвижная природа и та движется, до того она измѣняется ежеминутно подъ воздѣйствіемъ человѣка.

Но въ концѣ концовъ видъ этого подвижнаго общества начинаетъ казаться однообразнымъ, такъ что зритель наблюдающій въ теченіе нѣкотораго времени эту, столь измѣняющуюся картину, начинаетъ утомляться.

У аристократическихъ народовъ каждый человѣкъ въ своей сферѣ находится почти въ неизмѣнномъ положеніи; но отдѣльные люди поразительно несходны между собой. Они имѣютъ различныя чувства, идеи, обычаи, склонности. Въ этомъ обществѣ все неподвижно и все различно.

Въ демократіяхъ всѣ люди, напротивъ, сходны и дѣятельность ихъ почти одинакова. Правда, что ихъ жизнь постоянно подвергается большимъ превратностямъ, но такъ какъ постоянно повторяются тѣ же самые успѣхи и тѣ же самыя неудачи, то измѣняются только имена дѣйствующихъ лицъ, содержаніе же дѣйствія остается прежнимъ. Американское общество кажется подвижнымъ потому, что безпрерывно мѣняются люди и предметы, и однообразнымъ потому, что измѣненія эти одни и тѣ же.

Люди демократическаго времени имѣютъ множество стремленій, но почти всѣ эти стремленія сводятся къ страсти къ обогащенію, или вытекаютъ изъ нея. Это происходитъ не потому, что душа ихъ мельче, но потому, что деньги въ это время пріобрѣтаютъ дѣйствительно болѣе важное значеніе.

Когда всѣ граждане независимы и равнодушны, то содѣйствіе каждаго изъ нихъ можно получить только заплативши за него; отъ этого употребленіе богатства разнообразится до безконечности и цѣнность его возрастаетъ.

Такъ какъ всякое обаяніе старины исчезло, то рожденіе, положеніе и профессія не отличаютъ теперь людей, или отличаютъ весьма мало; остаются однѣ деньги, которыя могутъ создать большую разницу между ними

и поставить нѣкоторыхъ изъ нихъ выше всѣхъ прочихъ. Отличіе, создаваемое богатствомъ, увеличивается съ исчезновеніемъ, или уменьшеніемъ всѣхъ остальныхъ отличій.

У аристократическихъ народовъ, деньги даютъ возможность достичь удовлетворенія лишь нѣкоторыхъ изъ обширнаго круга, желаній. Въ демократіяхъ же посредствомъ ихъ можно повидимому достичь всего.

Итакъ, главнымъ, или побочнымъ двигателемъ дѣятельности американцевъ является обыкновенно любовь къ богатству, что придаетъ всѣмъ стремленіямъ ихъ сходный характеръ, такъ что картина эта очень скоро утомляетъ.

Это постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же стремленій однообразно; равнымъ образомъ однообразны и тѣ частные способы, которыми достигается ихъ удовлетвореніе.

Въ правильно устроенной и мирной демократіи, какою являются Соединенные Штаты, гдѣ нельзя обогатиться ни войною, ни посредствомъ государственныхъ должностей, ни политическими конфискаціями, страсть къ обогащенію направляетъ людей главнымъ образомъ къ промышленности. Но промышленность, которая часто приводитъ къ такимъ большимъ неустройствамъ и бѣдствіямъ, можетъ, однако, процвѣтать только при помощи строго заведенныхъ привычекъ и длиннаго ряда послѣдовательныхъ, мелкихъ и очень однообразныхъ дѣйствій. Чѣмъ сильнѣе страсть, тѣмъ правильнѣе привычки и однообразнѣе дѣйствія. Можно сказать, что именно сила желаній и дѣлаетъ американцевъ такими методичными. Она волнуетъ ихъ духъ, но дѣлаетъ регулярною ихъ жизнь.

Впрочемъ, то, что я сказалъ объ Америкѣ, примѣнимо почти ко всѣмъ современнымъ народамъ. Различія въ человѣческомъ родѣ исчезаютъ. Во всѣхъ концахъ свѣта теперь одинаковымъ образомъ дѣйствуютъ, мыслятъ, чувствуютъ. Это происходитъ не только отъ того, что всѣ народы вошли въ болѣе близкія сношенія и стали вѣрнѣе подражать другъ другу, но также и отъ того, что въ каждой странѣ люди постепенно утрачиваютъ идеи и чувства, свойственныя сословію, профессіи или семьѣ, и одновременно приходятъ къ тому, что ближе къ природѣ человѣка, которая вездѣ одна. Такимъ образомъ они дѣлаются сходными и безъ подражанія другъ другу. Они похожи на путешественниковъ, разсѣянныхъ въ большомъ лѣсу, въ которомъ всѣ дороги ведутъ къ одному мѣсту. Если всѣ сразу видятъ центральный пунктъ и направятся въ эту сторону, то они будутъ незамѣтно для себя приближаться другъ къ другу, не ища, не видя и не зная другъ друга, и, наконецъ, будутъ удивлены, когда увидятъ, что сошлись въ одномъ мѣстѣ. Всѣ народы, берущіе предметомъ своего изученія или подражанія не опредѣленнаго человѣка, но человѣка вообще, въ концѣ концовъ сходятся въ своихъ нравахъ, подобно этимъ путешественникамъ, встрѣчающимся въ центральномъ пунктѣ.

ГЛАВА XVIII.

О чести въ Соединенныхъ Штатахъ и въ демократическихъ обществахъ *).

Люди употребляютъ, повидимому, два совершенно различныхъ пріема при оцѣнкѣ поступковъ своихъ ближнихъ: то они судятъ о нихъ на основаніи обыкновенныхъ, общераспространенныхъ во всемъ свѣтѣ понятій о справедливомъ и несправедливомъ, то оцѣниваютъ ихъ, руководствуясь своеобразными взглядами, принадлежащими только извѣстной странѣ, или эпохѣ. Часто случается, что оба эти мѣрила бываютъ различны; иногда они находятся въ противорѣчіи, но никогда не сливаются совершенно и не уничтожаются взаимно.

Законы чести, въ эпоху своего высшаго господства, вліяютъ на волю человѣка сильнѣе, чѣмъ вѣрованія, такъ что даже и тогда, когда человѣкъ безпрекословно подчиняется требованіямъ этихъ законовъ, онъ все-таки чувствуетъ при помощи неяснаго, но сильнаго инстинкта, что существуетъ законъ болѣе общій, болѣе древній и святой, которому человѣкъ иногда не повинуется, но не забываетъ его. Нѣкоторые поступки считались въ одно и то же время и честными и позорящими. Напримѣръ, отказъ отъ дуэли.

Я не склоненъ объяснять это явленіе причудами извѣстныхъ лицъ или народовъ, какъ это дѣлали до сихъ поръ.

Родъ человѣческій испытываетъ вѣчнонезмѣнныя и общія для всѣхъ нужды и потребности, изъ которыхъ возникаютъ нравственные законы; съ несоблюденіемъ этихъ законовъ у людей, безъ различія мѣста и времени, связывается мысль объ осужденіи и стыдѣ. Нарушеніе ихъ они называютъ *дурнымъ поступкомъ*, а соблюденіе—*хорошимъ*.

Но, кромѣ этого, въ обширномъ человѣческомъ обществѣ возникаютъ болѣе тѣсныя ассоціаціи, называющіяся народами, а эти послѣдніе дробятся на другія еще болѣе мелкія единицы, носящія названіе классовъ и сословій.

Каждая изъ этихъ общественныхъ группъ представляетъ какъ бы отдѣльный видъ человѣческаго рода; каждая изъ нихъ, хотя существенно не отличается отъ остальной массы человѣчества, но все-таки имѣетъ нѣкорыя особенности и ей одной свойственныя потребности. Эти-то спеціальныя потребности и измѣняютъ нѣкоторымъ образомъ и въ нѣкоторыхъ странахъ тѣ пріемы, на основаніи которыхъ разсматриваются и оцѣниваются человѣческія дѣйствія.

Въ томъ, чтобы люди не убивали другъ друга, заключается всеобщая и неизмѣнная польза для всего человѣчества, но можетъ случиться, что особенная и временная польза народа, или класса, требуетъ, чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ убійство извинялось, или даже почиталось.

Честь и есть не что иное, какъ эти особенныя правила, основанныя на особенномъ порядкѣ, съ помощью которыхъ народъ, или отдѣльный классъ распредѣляетъ свою похвалу или порицаніе.

---

*) Слово *честь* не всегда понимается въ одинаковомъ значеніи.

Во-первыхъ, оно означаетъ почетъ, славу, уваженіе, которыми пользуется человѣкъ; въ этомъ смыслѣ говорится: *онъ пріобрѣлъ себѣ честь*.

Во-вторыхъ, слово честь означаетъ еще совокупность правилъ, съ помощью которыхъ пріобрѣтается эта слава, почесть, уваженіе. Именно въ томъ случаѣ, когда говорятъ: *этотъ человѣкъ всегда строго соблюдалъ законы чести*, или *этотъ человѣкъ обезчестилъ себя*. Въ этой главѣ я всегда употребляю слово *честь* во второмъ значеніи.

Нѣтъ ничего болѣе непроизводительнаго для человѣческаго ума, какъ отвлеченная идея. Поэтому я спѣшу обратиться къ фактамъ. Слѣдующій примѣръ сдѣлаетъ понятной мою мысль.

Я возьму для примѣра самый необыкновенный видъ чести, существовавшій когда либо въ мірѣ и въ то же время такой, который лучше всего намъ извѣстенъ, именно—аристократическую честь, возникшую въ средѣ феодальнаго общества. Я постараюсь объяснить ее изъ того, что было сказано выше, а ею, въ свою очередь, объяснить вышесказанное. Мнѣ нѣтъ нужды здѣсь изслѣдовать, какъ и когда возникла средневѣковая аристократія, почему она такъ рѣзко отдѣлилась отъ остальной части націи и что способствовало зарожденію и укрѣпленію ея могущества. Я беру ее уже установившейся и стараюсь объяснить себѣ, почему она такъ своеобразно смотрѣла на человѣческія дѣйствія.

Прежде всего меня поражаетъ въ феодальномъ обществѣ то, что поступки одобряются и осуждаются тамъ не всегда по ихъ внутреннему достоинству, но что оцѣнка иногда производится исключительно по соображенію съ тѣмъ, кто былъ виновникомъ поступка, или его объектомъ.

Поэтому нѣкоторые поступки считались безразличными, если они были совершены простолюдиномъ и безчестили дворянина; другіе же мѣняли свое значеніе, смотря по тому, принадлежало ли потерпѣвшее отъ нихъ лицо къ аристократіи, или находилось внѣ ея.

Въ то время, когда возникли эти различные взгляды, дворянство составляло отдѣльный организмъ среди народа, надъ которымъ оно возвышалось на недосягаемой высотѣ. Чтобы удерживать въ своей власти это исключительное положеніе, составлявшее его силу, ему не только необходимы были политическія привилегіи, но и особенные, ему свойственные, добродѣтели и пороки.

Что извѣстная добродѣтель, или извѣстный недостатокъ были болѣе свойственны дворянству, чѣмъ простому народу, или что какой-нибудь поступокъ считался безразличнымъ, когда объектомъ его былъ простолюдинъ и предосудительнымъ если дѣло касалось дворянина, въ этомъ часто проявлялся произволъ; но что съ дѣйствіями человѣка соединялась честь или безчестье, смотря по занимаемому имъ положенію, то такой взглядъ вытекалъ уже изъ самаго строя аристократическаго общества. Дѣйствительно, подобное явленіе мы замѣчаемъ во всѣхъ странахъ, имѣвшихъ аристократію. Пока замѣтны хоть малѣйшіе ея признаки, можно встрѣтить и эти странности: соблазнить черную дѣвушку почти нисколько не вредитъ репутаціи американца, тогда какъ жениться на ней считается позоромъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ феодальная честь предписывала мщеніе и считала позорнымъ прощеніе обиды; въ другихъ случаяхъ она повелѣвала человѣку побѣждать самого себя и требовала отъ него самоотреченія; она не считала закономъ человѣколюбіе и милосердіе, но высоко ставила великодушіе; щедрость она цѣнила болѣе, чѣмъ благотворительность; позволяла обогащаться посредствомъ войны или игры, но не посредствомъ труда; мелкимъ выгодамъ предпочитала крупныя преступленія. Алчность возмущала ее менѣе, чѣмъ скупость; насиліе часто одобрялось ею, между тѣмъ какъ коварство и измѣна казались всегда достойными презрѣнія. Эти странныя понятія обязаны своимъ происхожденіемъ не одной прихоти людей, среди которыхъ они возникли.

Классъ, достигшій главенства и превосходства надъ всѣми остальными, и всѣми средствами стремящійся удержать за собой это первенствующее

положеніе, долженъ особенно уважать тѣ добродѣтели, которыя отличаются блескомъ и величіемъ и легко могутъ быть соединены съ гордостью и властолюбіемъ. Онъ не задумается нарушить естественный порядокъ нравственнаго сознанія, чтобы поставить эти достоинства выше всего остального. Понятно даже и то, что онъ охотно предпочитаетъ смѣлые и блестящіе пороки мирнымъ и скромнымъ добродѣтелямъ. Къ этому его, такъ сказать, принуждаютъ условія, въ которыхъ онъ находится. Выше всѣхъ добродѣтелей и въ замѣну значительнаго ихъ числа, средневѣковые дворяне ставили военную храбрость.

Вотъ еще примѣръ особеннаго взгляда, неизбѣжно вытекающаго изъ особенности государственнаго строя.

Феодальная аристократія возникла изъ войны и для войны; въ оружіи она видѣла свое могущество, оружіемъ же и поддерживала его; ничто поэтому не было для нея такъ необходимо, какъ военная храбрость; поэтому вполнѣ естественно, что она ставила ее выше всего остального. Всякое внѣшнее проявленіе этой храбрости, хотя бы оно противорѣчило разсудку и человѣколюбію, одобрялось и часто даже требовалось. Фантазія человѣка проявлялась только въ подробностяхъ. Что человѣкъ, получившій ударъ по щекѣ, смотрѣлъ на это, какъ на ужасное оскорбленіе и обязанъ былъ убить на поединкѣ того, кто нанесъ ему такой легкій ударъ,—это была условность; но что дворянинъ не могъ спокойно перенести оскорбленіе и считался обезчещеннымъ, если не отвѣтитъ на ударъ дуэлью, это вытекало изъ основныхъ принциповъ и требованій военной аристократіи.

Итакъ, до нѣкоторой степени справедливо было сказать, что честь получала иногда произвольныя формы; но эта произвольность имѣла мѣсто лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ. Эти своеобразныя правила, которыя наши отцы называли честью, такъ мало кажутся мнѣ произвольными, что я берусь легко вывести самыя странныя и самыя нелѣпыя требованія феодальнаго строя изъ очень небольшаго числа его опредѣленныхъ и неизмѣнныхъ потребностей.

Если наблюдать феодальную честь на поприщѣ политики, то и тамъ также не трудно было бы объяснить ея дѣйствіе.

При средневѣковомъ общественномъ строѣ и политическихъ учрежденіяхъ того времени національная власть никогда не распоряжалась гражданами непосредственно. Она, такъ сказать, исчезала изъ ихъ глазъ; каждый зналъ лишь того именно человѣка, которому долженъ былъ повиноваться. Черезъ посредство послѣдняго безсознательно устанавливалась связь со всѣми остальными. Такимъ образомъ, въ феодальномъ обществѣ весь государственный порядокъ покоится на чувствѣ личной преданности къ сеньеру. Какъ только эта связь исчезала, такъ наступала анархія.

Притомъ вѣрность политическому вождю была чувствомъ, важность котораго всегда ясно сознавали всѣ члены аристократіи, такъ какъ каждый изъ нихъ былъ въ одно и то же время сеньеромъ и вассаломъ, и ему приходилось то приказывать, то повиноваться.

Быть вѣрнымъ сеньеру, жертвовать собою за него въ случаѣ надобности, раздѣлять съ нимъ всѣ превратности судьбы, худыя и хорошія, помогать ему въ его предпріятіяхъ, какого бы рода они ни были,—таковы были главныя требованія феодальной чести въ политической сферѣ. Измѣна вассала осуждалась общественнымъ мнѣніемъ чрезвычайно строго. Ей дали особенно позорное названіе—*félonie* (вѣроломство).

Съ другой стороны, въ средніе вѣка очень лишь мало можно было

встрѣтить признаковъ того чувства, которое было главнымъ жизненнымъ двигателемъ древнихъ обществъ. Я говорю о патріотизмѣ. У насъ даже самое слово патріотизмъ недавно вошло въ употребленіе *).

Феодальные учрежденія скрывали отъ глазъ отечество; они дѣлали любовь къ нему не очень нужной. Они заставляли забывать націю ради любви къ одному человѣку. Поэтому незамѣтно, чтобы и феодальная честь когда-нибудь строго требовала оставаться вѣрнымъ своему отечеству.

Изъ этого не слѣдуетъ заключать, что любовь къ отечеству была вовсе неизвѣстна нашимъ отдамъ; но она проявлялась у нихъ лишь въ видѣ слабаго и смутнаго инстинкта, который дѣлался болѣе опредѣленнымъ и сильнымъ по мѣрѣ уничтоженія классовъ и централизаціи власти.

Подтвержденіе этого можно ясно видѣть въ томъ, что европейскіе народы высказывали противоположныя сужденія о различныхъ событіяхъ своей исторіи и оцѣнивали ихъ смотря по тому, какое поколѣніе разсуждало о нихъ. Коннетабля Бурбона безчестило въ глазахъ его современниковъ главнымъ образомъ то, что онъ поднималъ оружіе противъ своего короля; въ наше время его безчеститъ болѣе всего то, что онъ воевалъ противъ своего отечества. Мы осуждаемъ его такъ же, какъ и наши предки, только по другой причинѣ.

Для выясненія своей мысли я избралъ феодальную честь, потому что она лучше всего сохранила свои отличительныя черты; но я могъ бы взять и другой примѣръ, и инымъ путемъ притти къ тому же выводу.

Хотя съ римлянами мы знакомы менѣе, чѣмъ съ нашими предками, но мы знаемъ, что и у нихъ существовали свои особые взгляды на славу и безчестіе, вытекавшіе не только изъ общихъ понятій о добрѣ и злѣ. Многія человѣческія дѣйствія разсматривались у нихъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, смотря по тому, шла ли рѣчь о римскомъ гражданинѣ, или иностранцѣ; о свободномъ человѣкѣ, или рабѣ. У нихъ прославлялись нѣкоторые пороки, а нѣкоторыя добродѣтели ставились выше всѣхъ прочихъ.

„Въ тѣ времена,—говоритъ Плутархъ въ жизнеописаніи Коріолана,— „храбрость почиталась и цѣнилась въ Римѣ выше всѣхъ прочихъ добродѣтелей. Это доказывается самымъ названіемъ ея *virtus*, происшедшимъ вслѣдствіе перенесенія на частный видъ общаго названія рода. Такъ что сказать по латыни *virtus*—добродѣтель значило то же, что сказать храбрость“. Всякій узнаетъ въ этомъ спеціальную потребность той исключительной ассоціаціи, которая составилась для завоеванія міра.

У каждаго народа можно сдѣлать подобныя наблюденія; потому что, какъ я уже сказалъ выше, всякій разъ, какъ только люди соединяются въ обособленное общество, среди нихъ тотчасъ устанавливаются законы чести, т.-е. извѣстный свойственный имъ однимъ кругъ мнѣній о томъ, что позорно и что похвально; эти особенныя правила всегда вытекаютъ изъ особенныхъ обычаевъ и интересовъ даннаго общества.

Все сказанное примѣнимо до нѣкоторой степени къ демократическимъ обществамъ такъ же, какъ и ко всѣмъ другимъ, доказательство чему мы опять найдемъ у американцевъ **).

---

*) Даже слово *отечество* (patrie) встрѣчается у французскихъ писателей только начиная съ XVI-го столѣтія.

**) Я говорю здѣсь объ американцахъ, населяющихъ тѣ края, гдѣ не существуетъ рабства, такъ какъ только эти послѣдніе могутъ дать полное представленіе о демократическомъ обществѣ.

Во мнѣніяхъ американцевъ можно еще встрѣтить нѣкоторыя понятія о старинной аристократической чести, вынесенныя изъ Европы. Но число этихъ традиціонныхъ мнѣній очень невелико; ихъ прочность и вліяніе очень незначительны. Они похожи на религію, которой дозволяется еще сохранить нѣкоторые изъ ея храмовъ, но въ которую уже никто не вѣритъ.

Наряду съ этими полуотжившими понятіями иноземной чести вырабатываются новые взгляды, заключающіе въ себѣ то, что въ наше время можетъ носить названіе американской чести.

Я указалъ уже на постоянныя стремленія американцевъ къ торговлѣ и промышленности. Ихъ происхожденіе, ихъ общественный бытъ, политическое устройство, даже самое положеніе страны—все непреодолимо влечетъ ихъ въ эту сторону. Такимъ образомъ въ настоящее время они представляютъ изъ себя почти исключительно промышленную и торговую ассоціацію, помѣщенную въ новой и обширнѣйшей странѣ, представляющей для нея главный предметъ разработки. Таковы характеристическія черты, въ наше время всего болѣе отличающія американскій народъ отъ всѣхъ другихъ.

Поэтому всѣ мирныя свойства, способныя дать правильный ходъ общественному механизму и благопріятную почву для развитія торговли, должны быть въ особенномъ уваженіи у этого народа; ими нельзя пренебречь не навлекая на себя общественнаго презрѣнія.

Напротивъ, всѣ безпокойныя качества, часто придающія блескъ, но еще чаще вносящія волненія въ общество, занимаютъ во мнѣніи этого народа низшую степень. Ими можно пренебречь, не теряя уваженія согражданъ; можетъ-быть даже скорѣе можно его лишиться, владѣя этими качествами.

Столько же произвола проявляется у американцевъ и въ классификаціи пороковъ.

Есть нѣкоторыя наклонности, считающіяся предосудительными съ точки зрѣнія общаго разума и общечеловѣческой совѣсти и которыя находятся въ соотвѣтствіи съ исключительными и временными потребностями американскаго общества. Онѣ осуждаются тамъ очень слабо, иногда же одобряются. Я особенно отмѣчу страсть къ богатству и вторичныя склонности съ нимъ связанныя. Чтобы расчистить, оплодотворить и преобразовать этотъ огромный, необитаемый материкъ, занимаемый американцами, имъ необходимо постоянное содѣйствіе какой-нибудь сильной страсти; такою можетъ быть только страсть къ обогащенію; поэтому она не осуждается въ Америкѣ, а если не переступаетъ границъ, отведенныхъ ей общественнымъ мнѣніемъ, то считается даже почетной. Американецъ называетъ благороднымъ и достойнымъ уваженія стремленіемъ то, что наши средневѣковые предки называли низкой жадностью; точно такъ же американецъ клеймитъ именемъ необузданной и варварской дикости ихъ завоевательный пылъ и воинственный духъ, которые постоянно увлекали ихъ въ новыя войны.

Въ Соединенныхъ Штатахъ состоянія легко и быстро уничтожаются и снова возникаютъ. Страна эта безгранична и полна неисчерпаемыхъ богатствъ. Населеніе имѣетъ всѣ потребности и всѣ желанія существа, которое растетъ, и какъ бы оно ни напрягало свои силы, всегда кругомъ него остается еще много благъ, которыми оно не можетъ завладѣть. Въ такомъ народѣ, если чего можно опасаться, то не разоренія нѣсколькихъ лицъ, вскорѣ поправляющихся, но бездѣятельности и изнѣженности всей націи. Въ смѣлости, которою отличаются американцы въ своихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, кроется главная причина ихъ быстраго успѣха, силы и величія. Промышленность для американцевъ похожа на большую лотерею,

гдѣ немногіе ежедневно теряютъ, но государство всегда выигрываетъ. Подобный народъ долженъ относиться благосклонно и съ уваженіемъ къ проявленію смѣлости въ области промышленности; но всякое смѣлое предпріятіе ставитъ въ опасное положеніе состояніе какъ самого предпринимателя, такъ и всѣхъ лицъ ему довѣряющихъ. Глядя на коммерческій рискъ, какъ на нѣчто похвальное, американцы ни въ какомъ случаѣ не могутъ осуждать людей склонныхъ къ риску.

Вотъ почему въ Соединенныхъ Штатахъ отличаются такою особенною снисходительностью къ обанкротившемуся коммерсанту. Честь его вовсе не страдаетъ отъ подобнаго несчастія. Въ этомъ отношеніи американцы отличаются не только отъ европейцевъ, но и ото всѣхъ торговыхъ народовъ нашего времени; зато они точно также не похожи ни на одинъ изъ этихъ народовъ по условіямъ своего существованія и своимъ потребностямъ.

Въ Америкѣ съ непонятною для другихъ народовъ строгостью относятся къ такого рода порокамъ, которыми нарушается чистота нравовъ и которые влекутъ за собой разрывъ брачныхъ узъ. На первый взглядъ это явленіе страннымъ образомъ противорѣчитъ той снисходительности, какая замѣчается у американцевъ по другимъ пунктамъ. Удивительнымъ кажется встрѣтить у одного и того же народа, съ одной стороны, такую строгость въ нравственныхъ вопросахъ, а съ другой—такую снисходительность.

На самомъ же дѣлѣ эти явленія не такъ противорѣчивы, какъ можно было бы подумать. Общественное мнѣніе въ Соединенныхъ Штатахъ снисходительно относится къ жаждѣ обогащенія, возвышающей промышленное значеніе и благоденствіе націи, и особенно осуждаетъ развращенность нравовъ, которая отвлекаетъ человѣка отъ стремленій къ благосостоянію и разстраиваетъ внутренній семейный порядокъ, столь необходимый для успѣшнаго веденія дѣлъ. Поэтому, чтобы пріобрѣсти уваженіе своихъ ближнихъ, американцы принуждены подчиняться привычкѣ къ правильной жизни. Въ этомъ именно смыслѣ можно сказать, что они видятъ свою честь въ чистотѣ нравовъ.

Американская честь сходится съ древней европейской честью на одномъ пунктѣ,—она ставитъ мужество во главѣ всѣхъ прочихъ достоинствъ и считаетъ его самой необходимой нравственной обязанностью человѣка; но мужество разсматривается здѣсь съ иной точки зрѣнія.

Въ Соединенныхъ Штатахъ военная храбрость цѣнится мало, здѣсь болѣе извѣстно и болѣе уважается мужество, которое заставляетъ пренебрегать яростью океана для того, чтобы скорѣе достигнуть пристани, безъ жалобъ переносить бѣдствія, причиняемыя странствованіями по пустынѣ и мириться съ одиночествомъ, самымъ ужаснымъ изъ всѣхъ бѣдствій; мужество, которое дѣлаетъ людей почти нечувствительными къ внезапной гибели съ трудомъ нажитаго состоянія и тотчасъ снова даетъ силу для пріобрѣтенія новаго. Мужество этого рода болѣе всего необходимо для существованія и благоденствія американскаго союза; поэтому оно и считается въ немъ самымъ почетнымъ и славнымъ; отсутствіе этого мужества влечетъ за собою позоръ.

Я укажу еще на одну особенность; она окончательно выяснитъ мысль, высказанную въ настоящей главѣ.

Въ такомъ демократическомъ обществѣ, какъ Соединенные Штаты, гдѣ состоянія мелки и непрочны, всѣ трудятся, и трудъ приводитъ ко всему; благодаря этому, создалось обратное пониманіе правилъ чести, осуждающее праздность.

Я встрѣчалъ иногда въ Америкѣ богатыхъ молодыхъ людей, которые по темпераменту были враждебны всякому тяжелому усилію а между тѣмъ принуждены были имѣть какую-нибудь профессію. Природныя склонности и богатство дозволяли имъ быть праздными, но общественное мнѣніе настойчиво запрещало имъ это, и они должны были повиноваться. Напротивъ, у европейскихъ народовъ, гдѣ аристократія еще борется съ увлекающимъ ее потокомъ, я часто видалъ людей, которыхъ собственныя нужды и желанія побуждали къ труду, но которые жили въ праздности для того, чтобы не лишиться уваженія равныхъ себѣ, и такимъ образомъ предпочитали скуку и нужду трудовой жизни.

Кто не видитъ въ этихъ столь противоположныхъ требованіяхъ двухъ различныхъ уставовъ, которые оба однако вытекаютъ изъ понятія о чести?

То, что по преимуществу называли честью наши отцы, было въ сущности только одною изъ ея формъ; они придали родовое названіе тому, что было только видомъ этого рода. Итакъ, честь существуетъ въ демократическіе вѣка также какъ и во времена аристократіи. Но не трудно показать, что понятіе о демократической чести имѣетъ иной характеръ.

Ея предписанія не только отличны отъ предписаній аристократической чести, но мы увидимъ сейчасъ, что они также менѣе многочисленны и менѣе ясны, и что законы ея не такъ строго исполняются.

Сословіе всегда находится въ гораздо болѣе обособленномъ положеніи чѣмъ народъ.

Нѣтъ ничего на свѣтѣ болѣе исключительнаго, чѣмъ маленькое общество, которое неизмѣнно состоитъ изъ однихъ и тѣхъ же семей, какъ, напримѣръ, средневѣковая аристократія, и цѣль котораго заключается въ томъ, чтобы сосредоточить и удержать исключительно въ своихъ рукахъ съ передачею по наслѣдству просвѣщеніе, богатство и власть.

А чѣмъ исключительнѣе положеніе общества, тѣмъ многочисленнѣе его особенныя потребности и тѣмъ болѣе разрастаются соотвѣтствующія этимъ потребностямъ понятія о чести.

Поэтому предписанія чести всегда будутъ менѣе многочисленны у народа, не имѣющаго рѣзко разграниченныхъ сословій. Если возникнутъ такія націи, въ которыхъ трудно будетъ отыскать даже слѣды классовъ, то кругъ понятій о чести ограничится въ нихъ незначительнымъ числомъ правилъ, которыя будутъ все болѣе и болѣе приближаться къ нравственнымъ законамъ, принятымъ всѣмъ человѣчествомъ.

Значитъ, предписанія чести будутъ менѣе странны и менѣе многочисленны у народа демократическаго, чѣмъ у аристократическаго.

Въ то же время они будутъ менѣе ясны. Это неизбѣжно вытекаетъ изъ предыдущаго.

Но когда отличительныя особенности чести не многочисленны и менѣе своеобразны, тогда часто должно быть трудно ихъ различить.

Но есть еще и другія причины.

У аристократическихъ народовъ среднихъ вѣковъ поколѣнія смѣняли одно другое, не измѣняясь; каждая семья тамъ была какъ бы однимъ безсмертнымъ и вѣчно неизмѣннымъ человѣкомъ; идеи ихъ были такъ же малоподвижны, какъ и общественное положеніе.

Поэтому каждый человѣкъ тамъ всегда видѣлъ предъ собой одни и тѣ же предметы и всегда разсматривалъ ихъ съ одинаковой точки зрѣнія; умъ его постепенно проникалъ въ самыя мелкія подробности, вслѣдствіе чего, со временемъ, его взгляды не могли не сдѣлаться ясными и отчет-

ливыми. Такимъ образомъ люди временъ феодализма не только имѣли необыкновенныя понятія о чести, но каждое изъ этихъ понятій рисовалось въ видѣ яснаго и опредѣленнаго образа въ ихъ умѣ.

Ничего подобнаго не можетъ быть въ такой странѣ, какъ Америка, гдѣ всѣ граждане подвижны, гдѣ общество, само постоянно подвергаясь измѣненіямъ, измѣняетъ, сообразно съ потребностями, и свои мнѣнія. Въ такой странѣ только мимоходомъ обращаютъ взглядъ на правила чести, но рѣдко имѣютъ время для того, чтобы остановить на нихъ свое вниманіе.

Но даже, если бы общество и было неподвижно, то все-таки въ немъ было-бы трудно установить смыслъ, который слѣдуетъ придавать слову честь.

Въ средніе вѣка, когда каждый классъ имѣлъ свою честь, одно и то же мнѣніе никогда не принималось большимъ числомъ людей, что и позволяло придавать этому мнѣнію точную и опредѣленную форму. Это было тѣмъ легче, что всѣ признававшіе это мнѣніе, находясь въ совершенно одинаковыхъ и очень исключительныхъ условіяхъ, были естественно склонны подчиняться предписаніямъ закона, существовавшаго для нихъ однихъ.

Такимъ образомъ былъ созданъ полный и подробный кодексъ чести, въ которомъ все было предусмотрѣно и опредѣлено заранѣе и который служилъ для человѣка твердымъ и всегда явственнымъ руководствомъ въ его поступкахъ. У демократическаго народа, подобнаго американскому, гдѣ классы слились и гдѣ все общество представляетъ изъ себя одно цѣлое, въ которомъ всѣ части, его составляющія, сходны, но не вполнѣ тождественны, никогда нельзя впередъ точно сговориться насчетъ того, что дозволено, или запрещено правилами чести.

У этого народа существуютъ, конечно, нѣкоторыя національныя потребности, изъ которыхъ вытекаютъ общія для всѣхъ понятія о чести, но подобныя понятія никогда не возникаютъ въ одно и то же время, одинаковымъ образомъ и съ одинаковой силой; въ умѣ всѣхъ гражданъ законы чести существуютъ, но часто у нихъ нѣтъ истолкователей.

Смѣшеніе этихъ понятій еще гораздо сильнѣе въ такихъ демократическихъ странахъ, какъ наша. Здѣсь различные классы, составлявшіе старинное общество, перемѣшавшись другъ съ другомъ, но еще не слившись окончательно, постоянно вносятъ изъ одного класса въ другой различные и часто противоположные взгляды на честь, и каждый человѣкъ по своей прихоти, разстается съ нѣкоторыми взглядами своихъ предковъ, сохраняя другіе, такъ что, среди столькихъ произвольныхъ мѣръ, никогда не можетъ выработаться правилъ для общаго руководства. При такихъ условіяхъ становится почти невозможнымъ заранѣе сказать, какіе поступки будутъ признаваться достойными уваженія и какіе будутъ осуждаться. Это самое трудное время, но оно не бываетъ продолжительно.

У демократическихъ народовъ правила чести, будучи неточно опредѣленными, неизбѣжно, являются вслѣдствіе этого и менѣе могущественными, такъ какъ трудно съ увѣренностью и твердостью примѣнять законъ, который не вполнѣ извѣстенъ. Такъ какъ общественное мнѣніе, являющееся авторитетнымъ и естественнымъ толкователемъ законовъ чести, само ясно не отличаетъ въ какую сторону слѣдуетъ направить осужденіе, въ которую похвалу, то оно лишь нерѣшительно произноситъ свой приговоръ. Иногда случается, что оно противорѣчитъ само себѣ; часто оно остается спокойнымъ и не вмѣшивается въ дѣло.

Относительная слабость правилъ чести въ демократіяхъ имѣетъ еще и многія другія причины.

У аристократическихъ народовъ одинаковые законы чести признаются всегда только въ опредѣленномъ кругѣ людей, часто очень ограниченномъ и всегда отдѣленномъ отъ прочихъ членовъ человѣческаго рода. Поэтому они легко смѣшиваютъ и сливаютъ въ своемъ умѣ честь со всѣми особенностями, отличающими ихъ. Она кажется имъ какъ бы отличительною чертой ихъ образа. Они примѣняютъ различныя ея правила со всей горячностью личнаго интереса и вносятъ, если можно такъ выразиться, элементъ страсти въ повиновеніе ея требованіямъ.

Эта истина особенно ярко бросается въ глаза при чтеніи средневѣковыхъ сборниковъ обычнаго права, въ статьѣ о судебныхъ поединкахъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что дворяне, при своихъ распряхъ, должны были дѣйствовать копьемъ или шпагою, тогда какъ простолюдины должны были сражаться между собой на палкахъ „потому что, добавляется въ сборникѣ, *у простолюдина нѣтъ чести*“. Это не значило, какъ представляютъ себѣ въ наше время, что эти люди были достойны презрѣнія, это обозначало лишь то, что объ ихъ поступкахъ судили на основаніи другихъ правилъ, чѣмъ о поступкахъ аристократіи.

На первый взглядъ удивительно то, что, когда честь господствуетъ въ полной силѣ, тогда ея предписанія бываютъ обыкновенно очень странными; такъ что кажется, какъ будто ей подчиняются тѣмъ охотнѣе, чѣмъ болѣе правила ея уклоняются отъ здраваго разсудка. Вслѣдствіе этого приходили иногда къ тому выводу, что правила чести сильны именно своею нелѣпостью.

Оба эти явленія дѣйствительно имѣютъ общее происхожденіе, но не вытекаютъ одно изъ другого.

Честь бываетъ странной постольку, поскольку она является выразительницей особенныхъ потребностей незначительной группы людей, и потому она и сильна, что служитъ выраженіемъ такого рода потребностей; итакъ, честь сильна не потому, что ея требованія странны, но странными и могущественными они являются по одной и той же причинѣ.

Я сдѣлаю еще другое замѣчаніе.

У аристократическихъ народовъ всѣ классы различны но и всѣ они неподвижны; каждый человѣкъ занимаетъ въ своей сферѣ опредѣленное мѣсто, котораго не можетъ оставить и въ которомъ онъ видитъ кругомъ себя лицъ, связанныхъ съ нимъ одинаковымъ образомъ. У этихъ народовъ поэтому никто не надѣется и никто не боится быть незамѣченнымъ; тамъ нельзя встрѣтить человѣка самаго низкаго положенія, который не имѣлъ бы своей сферы дѣйствія и былъ бы свободенъ вслѣдствіе своего ничтожества отъ осужденія или похвалы.

Напротивъ, въ демократическихъ государствахъ, гдѣ всѣ граждане смѣшаны въ одной толпѣ и находятся въ безпрерывномъ движеніи, общественное мнѣніе не имѣетъ прочности; предметы и отношенія, на которые оно распространяется, ежеминутно исчезаютъ и ускользаютъ отъ него. Законы чести тамъ всегда будутъ менѣе повелительны и менѣе требовательны, такъ какъ они дѣйствуютъ лишь на виду у всѣхъ, чѣмъ честь и отличается отъ обыкновенной добродѣтели, которая живетъ сама въ себѣ и находитъ удовлетвореніе въ собственномъ признаніи.

Если читатель хорошо понялъ все сказанное выше, то онъ долженъ согласиться, что между неравенствомъ общественныхъ положеній и тѣмъ,

что мы назвали честью, существуетъ тѣсная и необходимая связь, которая, если не ошибаюсь, не была еще ясно указана. Я поэтому долженъ сдѣлать еще послѣднее усиліе, чтобы хорошенько уяснить эту связь.

Нація занимаетъ особое мѣсто въ человѣческомъ родѣ. Независимо отъ потребностей общихъ для всего человѣчества, она имѣетъ свои особые интересы и нужды; въ ней скоро устанавливаются опредѣленные взгляды на позорное и похвальное, свойственные только ей одной и носящіе среди гражданъ названіе чести.

Внутри этой націи зарождается сословіе, которое въ свою очередь, выдѣляясь отъ другихъ классовъ, усвоиваетъ себѣ особыя потребности, а эти послѣднія порождаютъ особенности во взглядахъ. Можно себѣ представить, насколько понятія этого сословія о чести, страннымъ образомъ составленныя изъ своеобразныхъ понятій націи и еще болѣе своеобразныхъ сословныхъ понятій, будутъ далеки отъ обыкновенныхъ взглядовъ, общихъ для всѣхъ людей.

Мы дошли до крайняго предѣла, теперь вернемся обратно.

Сословія сливаются, привилегіи уничтожаются. По мѣрѣ того какъ люди, составлявшіе націю, дѣлаются сходными и равными, ихъ интересы и потребности сливаются, вслѣдствіе чего у каждаго сословія исчезаютъ своеобразныя понятія, называвшіяся честью; честь вытекаетъ теперь только изъ особенныхъ потребностей, свойственныхъ самой націи. Она выражается индивидуальность въ средѣ другихъ народовъ.

Наконецъ, если бы можно было предположить, что сольются всѣ племена и что всѣ народы міра придутъ къ тому, что будутъ имѣть одинакіе интересы и одинакія потребности и не будутъ отличаться другъ отъ друга никакими характерными особенностями, тогда совершенно прекратилась бы условная оцѣнка человѣческихъ дѣйствій; всѣ смотрѣли бы на нихъ одинакими глазами; общимъ мѣриломъ служили бы потребности, общія всему человѣчеству и сознаваемыя совѣстью каждаго человѣка. Тогда остались бы только простыя и общія понятія о добрѣ и злѣ, съ которыми въ естественной и необходимой связи находились бы понятія о похвалѣ или порицаніи.

Итакъ, выражая, наконецъ, всю мою мысль въ одной общей формулѣ, я скажу, что именно несходства и неравенства людей создали понятіе о чести. Это понятіе ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ сглаживаются различія, и исчезаетъ вовсе съ ихъ уничтоженіемъ.

ГЛАВА XIX.

Почему въ Соединенныхъ Штатахъ такъ много честолюбивыхъ людей и въ то же время такъ мало возвышеннаго честолюбія.

Первое, что поражаетъ насъ въ Соединенныхъ Штатахъ — это безчисленное множество людей, желающихъ выйти изъ своего природнаго состоянія; второе — это малочисленность людей возвышеннаго честолюбія среди всеобщихъ честолюбивыхъ стремленій. Нѣтъ американца, который бы не сгоралъ желаніемъ возвыситься, но почти нельзя встрѣтить такихъ, которые, повидимому, питали бы очень широкія надежды, или бы очень высоко направляли свои стремленія. Каждый неустанно заботится о пріобрѣтеніи

богатства, извѣстности, власти, но никто не смотритъ на все это съ высшей точки зрѣнія.

На первый разъ это удивляетъ, такъ какъ ни въ обычаяхъ, ни въ законахъ Америки нельзя найти ничего такого, что бы могло ограничивать желанія и ставить преграды ихъ всестороннему проявленію.

Кажется труднымъ объяснить такое странное положеніе вещей равенствомъ состояній, такъ какъ въ то время, когда это самое равенство возстановилось у насъ, оно тотчасъ вызвало проявленія почти безпредѣльнаго честолюбія. Однако я полагаю, что именно въ общественномъ устройствѣ и демократическихъ нравахъ американцевъ главнымъ образомъ и нужно искать причину указаннаго явленія.

Всякая революція развиваетъ честолюбіе людей; это въ особенности вѣрно относительно революціи, которая низвергаетъ аристократію.

Какъ только прежнія преграды, закрывавшія для толпы доступъ къ славѣ и власти, рушатся, тотчасъ же развивается неудержимое и всеобщее стремленіе вверхъ на ту высоту, которая долгое время возбуждала къ себѣ зависть и теперь, наконецъ, сдѣлалась для всѣхъ доступной.

Въ этомъ первомъ опьянѣніи отъ побѣды ничто ни для кого не кажется невозможнымъ; не только не существуетъ предѣловъ для желаній, но нѣтъ почти предѣловъ и для возможности ихъ удовлетворенія. Среди этого общаго и внезапнаго обновленія обычаевъ и законовъ, въ этомъ обширномъ смѣшеніи всѣхъ людей и установленій, граждане возвышаются и падаютъ съ неслыханною быстротой, и власть такъ быстро переходитъ изъ рукъ въ руки, что всякій можетъ надѣяться овладѣть ею въ свою очередь.

Не нужно также упускать изъ виду, что люди, низвергающіе аристократію, жили подъ ея законами; они видѣли ея блескъ и, сами того не замѣчая, проникліись порожденными ею чувствами и идеями. Поэтому въ то время, какъ аристократія разлагается, ея духъ витаетъ еще надъ массой и стремленія ея сохраняются долгое время послѣ того, какъ она будетъ побѣждена.

Итакъ, честолюбивыя стремленія всегда бываютъ очень сильны, пока продолжается демократическая революція, а также въ теченіе нѣкотораго времени послѣ ея завершенія.

Воспоминанія о необычайныхъ событіяхъ, которыхъ люди были свидѣтелями, не изглаживаются въ одинъ день изъ ихъ памяти. Страсти, вызванныя революціей, не исчезаютъ вмѣстѣ съ ней.

Мысль о непостоянствѣ продолжаетъ жить среди порядка. Сознаніе легкости успѣха переживаетъ тѣ необыкновенныя событія, которыя произвели ее. Желанія продолжаютъ быть очень широкими, въ то время какъ средства для удовлетворенія ихъ постоянно уменьшаются. Стремленіе къ большимъ богатствамъ остается, хотя большія состоянія становятся рѣдкими, и мы видимъ, какъ вездѣ возгораются несоразмѣрныя и неудачныя честолюбія, которыя тайно и безплодно сожигаютъ душу, заключающую ихъ въ себѣ.

Мало-по-малу, однако, изглаживаются послѣдніе слѣды борьбы; исчезаютъ послѣдніе остатки аристократіи. Забываются великія событія, сопровождавшія ея паденіе; спокойствіе замѣняетъ войну; власть порядка возстановляется въ новомъ мірѣ; желанія уравновѣшиваются со средствами; потребности, идеи и чувства приходятъ во взаимную связь; люди окончательно уравниваются: демократическое общество, наконецъ, установлено.

Если мы будемъ разсматривать демократическій народъ, когда онъ до-

стигъ этого нормальнаго и прочнаго состоянія, то намъ представится зрѣлище, совершенно отличное отъ того, которое мы только что наблюдали, такъ что намъ не трудно будетъ притти къ заключенію, что если честолюбіе бываетъ велико, пока общественныя положенія уравниваются, то оно теряетъ этотъ характеръ, когда они уже равны.

Такъ какъ крупныя состоянія раздроблены и знаніе распространено повсюду, то нельзя встрѣтить человѣка, совершенно лишеннаго образованія или имущества. Такъ какъ привилегіи и безправіе классовъ отмѣнены и люди навсегда порвали путы, дѣлавшія ихъ неподвижными, то въ умѣ каждаго зарождается идея прогресса и желаніе возвыситься возникаетъ во всѣхъ сердцахъ. Каждый человѣкъ стремится измѣнить свое мѣсто. Честолюбіе дѣлается общимъ чувствомъ.

Но если равенство даетъ всѣмъ гражданамъ нѣкоторыя средства, то въ то же время оно не допускаетъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ имѣлъ ихъ слишкомъ много; это, разумѣется, заключаетъ желанія въ довольно узкія границы. Демократическіе народы отличаются поэтому пылкимъ и упорнымъ честолюбіемъ, но оно не направляется у нихъ слишкомъ высоко; ихъ жизнь проходитъ обыкновенно въ горячемъ преслѣдованіи мелкихъ цѣлей, которыя стоятъ къ нимъ близко.

Но болѣе всего отвлекаютъ гражданъ демократіи отъ широкаго честолюбія не ничтожность ихъ имущества, но тяжелыя усилія, которыя постоянно затрачиваются на его улучшеніе. Они заставляютъ свою душу употреблять всѣ силы на совершеніе мелкихъ дѣлъ, что, конечно, скоро ограничиваетъ ея кругозоръ и силу. Они могли бы быть бѣднѣе и оставаться болѣе значительными.

Небольшое число богатыхъ гражданъ, принадлежащихъ къ этой демократіи, не составляетъ исключенія изъ общаго правила.

Человѣкъ, постепенно достигающій богатства и власти, пріобрѣтаетъ въ этомъ долгомъ трудѣ привычку къ осторожности и сдержанности, съ которою впослѣдствіи уже не можетъ разстаться. Нельзя постепенно расширять свою душу, какъ можно увеличивать свой домъ.

То же самое замѣчаніе примѣнимо и къ дѣтямъ этого человѣка. Правда, что послѣднія уже при своемъ рожденіи занимали высокое положеніе; но ихъ родители были люди незначительные; они выросли среди чувствъ и мыслей, отъ которыхъ впослѣдствіи имъ уже трудно освободиться; поэтому, вѣроятно, что они, вмѣстѣ съ имуществомъ отца, наслѣдуютъ и его склонности.

Можетъ случиться наоборотъ, что самый бѣдный потомокъ могущественной аристократіи проявитъ обширное честолюбіе, такъ какъ преданія и общій духъ сословія позволяютъ ему еще стоять нѣкоторое время выше его средствъ.

Честолюбіе съ обширными задачами не можетъ развиться у людей, живущихъ въ демократическія времена еще и потому, что они предвидятъ, какъ много времени должно пройти прежде чѣмъ они получатъ возможность предпринять такія задачи. „Знатность происхожденія есть важное преимущество,—говоритъ Паскаль,—такъ какъ она въ восемнадцать-двадцать лѣтъ ставитъ человѣка въ такое положеніе, котораго другой достигаетъ только въ пятьдесятъ. Такимъ образомъ задаромъ выигрывается тридцать лѣтъ. Этихъ-то тридцати лѣтъ обыкновенно и недостаетъ для честолюбцевъ демократіи. Равенство, дающее всякому возможность достичь всего, не допускаетъ въ то же время быстраго возвышенія.

Въ демократическомъ обществѣ, какъ и вездѣ, лишь извѣстное число людей можетъ сдѣлаться очень богатыми, и такъ какъ путь, ведущій къ богатству, открытъ безразлично для каждаго гражданина, то общій прогрессъ въ этомъ отношеніи необходимо долженъ замедляться. Такъ какъ кандидаты, повидимому, почти равны и трудно кому-нибудь изъ нихъ дать предпочтеніе, не нарушая принципа равенства, который есть высшій законъ въ демократическомъ обществѣ, то прежде всего приходитъ на мысль заставить всѣхъ ихъ итти съ равною скоростью и подвергать всѣхъ одинаковымъ испытаніямъ.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ люди дѣлаются болѣе сходными и принципъ равенства спокойнѣе и глубже проникаетъ въ учрежденія и нравы, способы для достиженія успѣха дѣлаются болѣе неизмѣнными,— движеніе впередъ медленнѣе. Трудность скоро дойти до извѣстной степени высоты увеличивается.

Вслѣдствіе ненависти къ привилегіямъ и трудности отдать кому-нибудь предпочтеніе, приходится заставлять каждаго человѣка, несмотря на его размѣры, проходить черезъ одинаковыя тяжкія испытанія и подвергать его множеству мелкихъ предварительныхъ упражненій, среди которыхъ растрачивается молодость и угасаетъ воображеніе; вслѣдствіе этаго никто не надѣется когда-нибудь имѣть возможность вполнѣ насладиться предлагаемыми ему благами, а когда, наконецъ, человѣкъ пріобрѣтаетъ возможность дѣлать необыкновенныя дѣла, то теряетъ уже къ этому влеченіе.

Въ Китаѣ, гдѣ давно господствуетъ очень большое равенство общественныхъ состояній, человѣкъ переходитъ отъ одной государственной должности къ другой, не иначе, какъ подвергаясь состязательному экзамену. Подобнымъ испытаніямъ подчиненъ каждый шагъ его карьеры, и идея эта такъ глубоко вкоренилась въ нравахъ, что я помню, какъ въ одномъ китайскомъ романѣ, герой послѣ большихъ превратностей судьбы покоряетъ, наконецъ, сердце своей возлюбленной, выдержавъ удачный экзаменъ. Крупныя честолюбія чувствуютъ, что имъ душно въ подобной атмосферѣ.

То, что я сказалъ о политикѣ, распространяется и на все остальное. Равенство производитъ всюду одинакіе результаты. Тамъ, гдѣ законъ не руководитъ стремленіями людей и не задерживаетъ ихъ, тамъ для выполненія этой задачи достаточно бываетъ соперничества.

Поэтому въ прочно установленномъ демократическомъ обществѣ значительныя и быстрыя возвышенія рѣдки; они являются исключеніями изъ общаго правила; и именно ихъ странность заставляетъ забывать объ ихъ незначительномъ числѣ.

Люди, живущіе въ демократіи, наконецъ, замѣчаютъ все это. Они убѣждаются, что законодатель предоставилъ имъ безграничное поприще, на которомъ каждый легко можетъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, но никто не можетъ надѣяться пройти его быстро. Они замѣчаютъ между собой и обширной конечной цѣлью своихъ желаній множество мелкихъ промежуточныхъ препятствій, черезъ которыя имъ приходится переходить очень медленно, и это заранѣе утомляетъ и отталкиваетъ ихъ честолюбіе. Они поэтому отказываются отъ такихъ отдаленныхъ и сомнительныхъ надеждъ ради исканія близкихъ благъ, менѣе высокихъ, но которыя легче получить. Ихъ кругозоръ не ограничивается закономъ, но они сами его суживаютъ.

Я сказалъ, что великія честолюбія рѣже встрѣчались въ демократическіе вѣка, чѣмъ во времена аристократіи; теперь я прибавлю, что когда

они все-таки возникаютъ, несмотря на неблагопріятныя условія, то принимаютъ другой внѣшній видъ.

Въ аристократіяхъ для честолюбія часто открывается широкое поле, но границы его постоянны; у демократическихъ же народовъ честолюбіе обыкновенно проявляется въ тѣсныхъ предѣлахъ, но, разъ оно вышло изъ этихъ предѣловъ, тогда уже, повидимому, ничто его не останавливаетъ. Такъ какъ люди тамъ незначительны, изолированы и непостоянны, прецеденты имѣютъ мало значенія, а законы недолговѣчны, то сопротивленіе нововведеніямъ слабо и общественная организація никогда не имѣетъ стройнаго вида и не кажется прочною въ своихъ основаніяхъ, такъ что честолюбцы, разъ получивши въ руки власть, считаютъ уже для себя все возможнымъ; а когда власть ускользаетъ изъ ихъ рукъ, то они сейчасъ же стремятся произвести переворотъ въ государствѣ, чтобы снова овладѣть ею. Это обстоятельство придаетъ крупному политическому честолюбію насильственный и революціонный характеръ, что рѣдко въ такой степени проявляется въ немъ въ аристократическихъ обществахъ.

Множество мелкихъ честолюбій, очень разсудительныхъ, среди которыхъ время отъ времени возникаютъ немногія крупныя безпорядочныя стремленія,—вотъ обычное зрѣлище, представляемое демократическими націями. Честолюбіе хорошо расчитанное, умѣренное и обширное тамъ не встрѣчается.

Я указалъ въ другомъ мѣстѣ на ту скрытую силу, посредствомъ которой равенство дало преобладаніе въ человѣческомъ сердцѣ страсти къ матеріальному благосостоянію и исключительной любви къ настоящему. Эти различныя влеченія сливаются съ чувствомъ честолюбія и придаютъ ему, если можно такъ выразиться, свою окраску.

Я думаю, что честолюбцы демократіи менѣе всякихъ другихъ заботятся объ интересахъ и судѣ потомства: они всецѣло поглощены настоящимъ. Они быстро выполняютъ множество предпріятій, но не оставляютъ какого-нибудь прочнаго памятника; успѣхомъ они дорожатъ болѣе, чѣмъ славой. Отъ людей они болѣе всего требуютъ повиновенія; для себя желаютъ прежде всего власти. Ихъ нравственныя свойства почти никогда не стоятъ на уровнѣ занимаемаго ими положенія, вслѣдствіе чего, случайно поднявшись на необыкновенную высоту, они переносятъ въ свое новое положеніе очень пошлые вкусы, такъ что кажется, что они достигли верховной власти лишь для того, чтобы легче предаваться мелкимъ и грубымъ удовольствіямъ.

Я думаю, что въ наше время необходимо очистить, упорядочить и привести въ соразмѣрность чувство честолюбія, но было бы крайне опасно желать чрезмѣрнаго его ослабленія, или подавленія. Необходимо принять мѣры для того, чтобы заранѣе установить для него крайніе предѣлы, за которые ни въ какомъ случаѣ не позволялось бы ему переходить; на дозволенныхъ же границахъ не слѣдуетъ слишкомъ задерживать эти стремленія.

Я долженъ сознаться, что смѣлость въ демократическихъ обществахъ меня менѣе пугаетъ, чѣмъ посредственность желаній; всего болѣе, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ бояться того, чтобы, среди обычныхъ мелкихъ интересовъ повседневной жизни, честолюбіе не потеряло своей силы и величія, а страсти, вмѣстѣ съ успокоеніемъ, не унизились бы, такъ что ходъ общественнаго механизма съ каждымъ днемъ дѣлался бы болѣе покойнымъ и менѣе благороднымъ.

Поэтому я думаю, что правители этихъ новыхъ обществъ сдѣлаютъ ошибку, если станутъ стремиться къ тому, чтобы усыпить гражданъ, доставивъ имъ слишкомъ мирное и безмятежное счастіе; по моему мнѣнію они хорошо сдѣлаютъ, если будутъ иногда давать имъ трудныя и опасныя задачи, для того, чтобы сдѣлать болѣе высокимъ ихъ честолюбіе и открыть для него просторъ.

Моралисты постоянно жалуются на то, что гордость есть самый распространенный порокъ нашего времени.

Въ извѣстномъ смыслѣ это вѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, не найдется человѣка, который не считалъ бы себя достойнѣе своего сосѣда, или согласился бы слушаться своего начальника; но, въ другомъ смыслѣ, это совсѣмъ не вѣрно, такъ какъ этотъ самый человѣкъ, который не переноситъ ни подчиненія, ни равенства, вмѣстѣ съ тѣмъ настолько мало уважаетъ самого себя, что считаетъ себя созданнымъ лишь для низкихъ удовольствій. Онъ охотно останавливается на мелкихъ желаніяхъ, не рѣшаясь подняться до болѣе возвышенныхъ предпріятій: онъ даже едва можетъ и представить ихъ себѣ.

Поэтому я не только далекъ отъ мысли рекомендовать нашимъ современникамъ смиреніе, но я бы желалъ, чтобы сдѣланы были усилія для внушенія имъ болѣе обширнаго понятія о достоинствѣ ихъ самихъ и всего человѣческаго рода; смиреніе для нихъ вредно; по моему мнѣнію, имъ недостаетъ именно гордости. За этотъ порокъ я охотно бы отдалъ многія наши мелкія добродѣтели.

ГЛАВА XX.

О добываніи должностей у нѣкоторыхъ демократическихъ народовъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ всякій гражданинъ, владѣющій какими-нибудь знаніями и средствами, ищетъ обогащенія въ торговлѣ и промышленности, или покупаетъ лѣсной участокъ земли, расчищаетъ его и дѣлается піонеромъ. Отъ государства онъ требуетъ только одного: чтобы оно не вмѣшивалось въ его дѣло и обезпечило за нимъ плоды его трудовъ.

У большей части европейскихъ народовъ, всякій человѣкъ, какъ только начинаетъ чувствовать свои силы и увеличиваетъ кругъ своихъ желаній, прежде всего стремится занять какую-нибудь общественную должность. Эти различныя явленія, имѣющія одну причину, заслуживаютъ того, чтобы мы нѣсколько на нихъ остановились.

Когда общественныхъ должностей немного и онѣ непрочны и плохо оплачиваются, а съ другой стороны, промышленная карьера разнообразна и выгодна, тогда новыя и неудержимыя стремленія, развиваемыя равенствомъ, отовсюду направляются не къ административной, а къ промышленной дѣятельности. Но если, вмѣстѣ съ уравненіемъ сословій, знаніе остается недостаточнымъ, а умъ нерѣшительнымъ, или когда торговля и промышленность, стѣсненныя въ своемъ развитіи, съ трудомъ и медленно приводятъ къ обогащенію, тогда граждане, не имѣя надежды улучшить свое положеніе собственными силами, массами устремляются къ главѣ государства, требуя его поддержки. Улучшить свое состояніе на счетъ государственной казны кажется имъ, если не единственнымъ находящимся въ ихъ распоряженіи

путемъ для того, чтобы выйти изъ неудовлетворяющаго уже ихъ положенія, то, по крайней мѣрѣ, самымъ легкимъ и самымъ доступнымъ для всѣхъ: исканіе должностей становится ремесломъ, на которое все больше находится охотниковъ.

Такъ должно быть въ особенности въ большихъ монархическихъ государствахъ съ централизованной властью, гдѣ существуетъ огромное число оплачиваемыхъ должностей и жизнь чиновниковъ довольно обезпечена, такъ что тамъ всякій можетъ надѣяться получить должность и спокойно пользоваться ею, какъ родовымъ имѣніемъ.

Я не буду говорить о томъ, что это всеобщее и неумѣренное стремленіе къ общественнымъ должностямъ составляетъ большое соціальное зло, что оно уничтожаетъ въ каждомъ гражданинѣ духъ независимости и способствуетъ распространенію во всей націи продажнаго и рабскаго настроенія, уничтожая въ ней мужественныя добродѣтели; точно такъ же я не стану указывать на то, что ремесло это создаетъ только непроизводительную дѣятельность и волнуетъ страну, не принося ей никакой пользы: все это ясно и безъ объясненій.

Но я замѣчу только, что правительство, покровительствующее подобнымъ стремленіямъ, рискуетъ своимъ спокойствіемъ и ставитъ въ опасное положеніе даже самое свое существованіе.

Я знаю, что въ такое время, какъ наше, когда любовь и уваженіе, съ которыми относились когда-то ко власти, постепенно слабѣютъ, правителямъ можетъ казаться необходимымъ крѣпче связать каждаго человѣка посредствомъ его собственнаго интереса; они могутъ находить удобнымъ пользоваться самыми его страстями, съ цѣлью держать его въ порядкѣ и безмолвіи; но такое состояніе не можетъ быть продолжительнымъ; то, что въ теченіе извѣстнаго періода можетъ казаться причиной могущества, впослѣдствіи неизбѣжно дѣлается, наконецъ, источникомъ волненій и слабости.

У демократическихъ народовъ, какъ и у всѣхъ другихъ, число государственныхъ должностей имѣетъ предѣлъ, число же честолюбивыхъ людей и у нихъ безпредѣльно: оно постепенно и безостановочно растетъ вмѣстѣ съ уравненіемъ состояній и только тогда входитъ въ границы, когда не оказывается людей.

Итакъ, когда честолюбивыя желанія имѣютъ только одинъ исходъ въ управленіи, тогда правительство неизбѣжно должно встрѣчать постоянную оппозицію, такъ какъ задача его оказывается въ томъ, чтобы съ ограниченными средствами удовлетворять желанія, число которыхъ увеличивается безгранично. Нужно твердо знать, что изъ всѣхъ народовъ въ мірѣ, труднѣе всего сдерживать и направлять народъ, состоящій изъ просителей. Какія бы старанія ни употребляли правители такого народа, они никогда не въ состояніи будутъ удовлетворить его; и всегда надо опасаться того, чтобы онъ не вздумалъ, наконецъ, низвергнуть конституцію страны и измѣнить видъ государства, просто изъ одного желанія создать вакантныя мѣста.

Такимъ образомъ государи нашего времени, которые стремятся привлечь къ себѣ всѣ желанія, вытекающія изъ равенства, и удовлетворить ихъ, будутъ впослѣдствіи, если я не ошибаюсь, раскаяваться въ такой политикѣ; они увидятъ когда-нибудь, что, сдѣлавъ свою власть столь необходимой, они ставятъ ее въ опасное положеніе, и что было бы и благоразумнѣе и честнѣе научить каждаго изъ ихъ подданныхъ искусству собственными средствами удовлетворять свои желанія.

ГЛАВА XXI.

Почему великія революціи должны дѣлаться рѣже.

Народъ, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій жившій подъ сословнымъ и кастовымъ устройствомъ, можетъ перейти къ демократическому общественному строю только чрезъ длинный рядъ болѣе или менѣе трудныхъ превращеній, съ отчаянными усиліями и послѣ многочисленныхъ переворотовъ, во время которыхъ богатства, вліяніе и власть быстро перемѣщаются.

Даже по окончаніи этой великой революціи, долго еще замѣтны созданныя ею революціонныя привычки, и глубокія волненія остаются еще послѣ нея.

Такъ какъ все это происходитъ въ тотъ моментъ, когда возникаетъ равенство, то отсюда выводятъ, что между самымъ равенствомъ и революціями существуетъ какое-то отношеніе и скрытая связь, такъ что первое не можетъ появиться, не вызывая и вторыхъ.

Въ этомъ случаѣ разсужденіе, повидимому, подтверждается опытомъ.

Среди народа, у котораго граждане почти равны, незамѣтно связи, соединяющей людей между собою и связывающей каждаго съ его мѣстомъ. Ни у кого изъ нихъ нѣтъ ни неотъемлемаго права, ни силы повелѣвать; никто не обреченъ на постоянное повиновеніе; каждый, обладающій какимъ-нибудь образованіемъ и какими-нибудь средствами, самъ можетъ выбирать себѣ дорогу и итти по ней, отдѣльно отъ всѣхъ другихъ.

Тѣ причины, которыя дѣлаютъ гражданъ независимыми другъ отъ друга, въ то же время наталкиваютъ ихъ ежедневно на новыя безпокойныя желанія и безпрерывно подстрекаютъ ихъ.

Поэтому кажется вѣроятнымъ, что въ демократическомъ обществѣ люди, идеи и предметы должны постоянно мѣнять свой видъ и положеніе, и что демократическіе вѣка будутъ эпохою безпрерывныхъ и быстрыхъ переворотовъ.

Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Дѣйствительно ли равенство обычно и постоянно влечетъ людей къ революціямъ? Дѣйствительно ли оно заключаетъ въ себѣ какой-то элементъ безпорядка, который не позволяетъ обществу прочно установиться, и побуждаетъ людей безпрестанно мѣнять свои законы, взгляды и нравы? Я этого не думаю. Это—важный вопросъ и я прошу читателя внимательно слѣдить за мною.

Почти всѣ революціи, измѣнявшія складъ народовъ, имѣли цѣлью или санкціонировать неравенство, или уничтожить его. Удалите второстепенныя причины великихъ народныхъ волненій—и вы всегда дойдете до неравенства. Или бѣдняки хотѣли отнять имущество у богатыхъ, или богачи пытались подчинить себѣ бѣдныхъ. Если бы можно было основать такое общество, въ которомъ у каждаго было бы что беречь и нечего отнимать, то много бы сдѣлано было для мира на землѣ.

Я знаю, что въ средѣ большого демократическаго народа всегда встрѣчаются граждане и очень богатые и очень бѣдные; но бѣдняки здѣсь не составляютъ подавляющаго большинства націи, какъ это всегда бываетъ въ аристократическихъ обществахъ. Ихъ немного, и притомъ законъ не связываетъ ихъ въ одно цѣлое цѣпью наслѣдственной, неизбѣжной нищеты.

Богачи, съ другой стороны, и немногочисленны и лишены власти; у нихъ нѣтъ привилегій, привлекающихъ вниманіе; да и самое богатство ихъ заключается уже не въ землѣ и выражается не ею, а потому неуловимо и какъ бы невидимо, такъ что здѣсь нѣтъ уже ни бѣдныхъ родовъ, ни богатыхъ родовъ; богачи каждый день выдвигаются изъ толпы и безпрестанно снова возвращаются туда. Слѣдовательно, они не составляютъ отдѣльнаго сословія, которое легко отграничить отъ другихъ и экспропріировать, а такъ какъ они тысячами тайныхъ нитей соединяются съ массою своихъ согражданъ, то народъ не можетъ нанести имъ удара, не поражая себя самого. Между этими двумя крайними слоями демократическихъ обществъ находится безчисленное множество почти равныхъ людей, которые ни бѣдны, ни богаты, у которыхъ состояніе достаточно для того, чтобъ желать порядка, но слишкомъ мало, чтобы возбуждать зависть.

Они естественно враждебны всякимъ бурнымъ волненіямъ; ихъ неподвижность удерживаетъ въ покоѣ и все то, что находится надъ ними и подъ ними, и обезпечиваетъ устойчивость общественнаго организма.

Это не значитъ, что они вполнѣ довольны своей настоящей участью, или что они чувствуютъ естественный ужасъ передъ революціей, плодами которой они воспользуются, не испытывая ея бѣдствій; напротивъ, ихъ страстное желаніе разбогатѣть не имѣетъ себѣ равнаго; но вопросъ только въ томъ, у кого взять. Самый общественный строй, постоянно внушающій эти желанія, въ то же время и замыкаетъ ихъ въ опредѣленныя границы. Онъ предоставляетъ людямъ больше свободы вводить перемѣны, но уменьшаетъ выгоды ихъ.

Демократія по сущности своей не только не влечетъ людей къ революціямъ, но она заставляетъ бояться ихъ.

Всякая революція въ большей или меньшей степени угрожаетъ пріобрѣтенной собственности. Жители демократическихъ странъ—большею частью собственники; мало того, что они владѣютъ собственностью; они живутъ въ обстановкѣ, при которой люди цѣнятъ собственность выше всего.

Если внимательно наблюдать отдѣльные классы, изъ которыхъ слагается общество, то можно замѣтить, что нигдѣ страсти, порождаемыя собственностью, не бываютъ такъ ненасытны и упорны, какъ въ среднихъ классахъ.

Бѣдняки часто очень мало заботятся о томъ, чѣмъ они владѣютъ, потому что наслажденіе тѣмъ, что у нихъ есть, ничтожно сравнительно со страданіемъ отъ недостатка того, чего нѣтъ.

Богатымъ приходится заботиться объ удовлетвореніи множества другихъ страстей, помимо страсти къ богатству; съ другой стороны, долго пользуясь богатствомъ, они пресыщаются и дѣлаются равнодушны къ его приманкамъ.

Между тѣмъ люди, живущіе въ довольствѣ, одинаково далекіе какъ отъ богатства, такъ и отъ нищеты, безгранично дорожатъ своимъ имуществомъ. Когда они не далеки еще отъ нищеты, то они близко видятъ ея ужасы и боятся ихъ; ихъ отдѣляетъ отъ нея только небольшое имущество,—на немъ-то и сосредоточиваютъ они всѣ свои надежды и опасенія. Съ каждымъ днемъ все болѣе поглощаютъ ихъ постоянныя заботы о немъ, а ежедневныя усилія пріумножить его все болѣе привязываютъ ихъ къ нему. Имъ невыносима мысль—лишиться малѣйшей части его, а въ полной потерѣ его они видятъ крайнюю степень несчастія. Равенство непрерывно

увеличиваетъ число этихъ мелкихъ собственниковъ, такихъ же страстныхъ и безпокойныхъ.

Такимъ образомъ, въ демократическихъ обществахъ большинство гражданъ не видятъ, что именно они могутъ выиграть, благодаря революціи, между тѣмъ каждую минуту на тысячу ладовъ чувствуютъ, что, благодаря ей, они могутъ потерять.

Въ другомъ мѣстѣ этой книги я указалъ, какимъ образомъ равенство положеній естественно влечетъ людей къ торговой и промышленной дѣятельности, какъ оно увеличиваетъ и разнообразитъ составъ земельныхъ собственниковъ, наконецъ, какъ оно внушаетъ всякому пылкое и упорное стремленіе увеличить свое благосостояніе. Нѣтъ ничего столь противоположнаго революціоннымъ страстямъ, какъ всѣ эти наклонности.

Можетъ случиться, что по своимъ окончательнымъ результатамъ революція и будетъ полезна торговлѣ и промышленности, но первымъ ея послѣдствіемъ почти всегда будетъ разореніе промышленниковъ и коммерсантовъ, потому что она неизбѣжно тотчасъ же измѣняетъ общее состояніе потребленія и временно нарушаетъ существующее отношеніе между производствомъ и потребностями.

Съ другой стороны, я не знаю ничего, столь противоположнаго революціоннымъ наклонностямъ, какъ торговыя наклонности. Торговля — это естественный врагъ всякихъ бурныхъ страстей. Она любитъ сдержанность, находитъ удовольствіе въ мирныхъ соглашеніяхъ и тщательно избѣгаетъ гнѣва. Она терпѣлива, сговорчива, вкрадчива и къ крайнимъ средствамъ прибѣгаетъ только въ случаѣ безусловной необходимости. Торговля дѣлаетъ людей независимыми другъ отъ друга, развиваетъ въ нихъ высокое мнѣніе объ ихъ индивидуальной силѣ, порождаетъ желаніе заниматься только своими собственными дѣлами и учитъ преуспѣвать въ нихъ; словомъ, она развиваетъ въ нихъ любовь къ свободѣ, но отвлекаетъ ихъ отъ революціи.

Владѣльцамъ движимаго имущества революція страшнѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ, потому что, съ одной стороны, ихъ собственность часто не трудно захватить, а съ другой — она во всякій моментъ можетъ исчезнуть безслѣдно. Не такъ пугаетъ это земельныхъ собственниковъ, которые, даже теряя доходъ отъ земли, все-таки надѣются, среди всѣхъ переворотовъ, сохранить за собою хотя самую землю. Очевидно, что при видѣ революціонныхъ движеній, первые должны безпокоиться гораздо сильнѣе, чѣмъ вторые.

Такимъ образомъ у народовъ тѣмъ слабѣе революціонное настроеніе, чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе у нихъ движимыя имущества и чѣмъ больше число ихъ обладателей.

Далѣе, къ какой бы профессіи ни принадлежали люди, какими бы благами они ни пользовались, есть черта, общая имъ всѣмъ.

Никто не удовлетворяется вполнѣ своимъ настоящимъ состояніемъ и всѣ постоянно стараются тысячью разныхъ способовъ увеличить его. Взгляните на каждаго изъ нихъ въ любое время его жизни, и вы всегда увидите, что онъ занятъ какими-нибудь новыми планами, цѣль которыхъ — увеличить свое состояніе; не говорите ему объ общечеловѣческихъ интересахъ и правахъ; ничтожное домашнее предпріятіе поглотило на время всѣ его мысли и заставляетъ его отложить общественныя дѣла до другого времени.

Это не только мѣшаетъ такимъ людямъ содѣйствовать революціямъ, но не позволяетъ и желать ихъ. Бурныя политическія страсти имѣютъ мало власти надъ людьми, такъ всецѣло увлекшимися погонею за богатствомъ. Они

отдаютъ весь свой жаръ мелкимъ дѣламъ, а потому холодны къ великимъ.

Правда, и въ демократическихъ обществахъ появляются отъ времени до времени предпріимчивые и честолюбивые граждане, безграничныя желанія которыхъ не могутъ удовлетвориться избитою дорогой. Они любятъ перевороты и призываютъ ихъ; но имъ очень трудно вызвать ихъ, если только не явятся на помощь имъ какія-нибудь чрезвычайныя событія.

Нельзя успѣшно бороться съ духомъ своего времени и своей страны. Какимъ бы вліяніемъ ни пользовался человѣкъ, ему трудно внушить своимъ современникамъ такія чувства и мысли, которыя стоятъ въ противорѣчіи со всѣмъ строемъ ихъ чувствъ и желаній. Когда равенство положеній окрѣпло, стало признаннымъ фактомъ и наложило свою печать на нравы, тогда люди не такъ-то легко бросятся на всѣ случайности вслѣдъ за легкомысленнымъ вождемъ, или смѣлымъ новаторомъ.

Это не значитъ, что они будутъ сопротивляться ему открыто, по обдуманному плану, или даже съ сознательной цѣлью. Они не вступаютъ съ нимъ въ упорную борьбу, иногда даже аплодируютъ ему, но только не идутъ вслѣдъ за нимъ. Его порывамъ они противопоставляютъ незамѣтно свою неподвижность, его революціоннымъ инстинктамъ—свои консервативные интересы, его отважнымъ стремленіямъ—свои наклонности домосѣдовъ, его геніальнымъ заблужденіямъ—свой здравый смыслъ, его поэзіи,—свою прозу. Съ громадными усиліями ему удается приподнять ихъ на мгновеніе, но скоро они ускользаютъ изъ его власти, и снова падаютъ, какъ бы влекомые своей собственной тяжестью. Онъ истощаетъ всѣ усилія, чтобы воодушевить эту равнодушную и разсѣянную толпу и въ концѣ-концовъ видитъ себя безсильнымъ, не потому, что онъ побѣжденъ, а потому что онъ одинокъ.

Я вовсе не хочу утверждать, что въ демократическихъ обществахъ люди непремѣнно неподвижны; напротивъ, я думаю, что среди подобнаго общества царитъ вѣчное движеніе, что тамъ никто не знаетъ покоя; но только я думаю, что тамъ люди движутся въ опредѣленныхъ границахъ, которыхъ они никогда не переходятъ. Второстепенные предметы они исправляютъ, видоизмѣняютъ и возобновляютъ каждый день, но тщательно остерегаются коснуться главныхъ. Они любятъ перемѣны, но боятся революцій.

Хотя американцы безпрестанно видоизмѣняютъ и отмѣняютъ какіе-нибудь законы, однако они очень далеки отъ революціонныхъ стремленій. По той поспѣшности, съ которою они останавливаются и стихаютъ, когда общественное волненіе начинаетъ дѣлаться угрожающимъ и даже въ то время, когда повидимому, страсти наиболѣе возбуждены, не трудно замѣтить, что они боятся революціи, какъ величайшаго несчастія, и что каждый изъ нихъ готовъ на великія жертвы, чтобы избѣжать ее. Во всемъ свѣтѣ нѣтъ страны, гдѣ чувство собственности выражалось бы болѣе дѣятельно и безпокойно, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и гдѣ масса обнаруживала бы такъ мало склонности ко всякимъ доктринамъ, угрожающимъ въ какомъ бы то ни было направленіи измѣнить составъ имуществъ.

Я часто замѣчалъ, что теоріи, революціонныя по существу, такъ какъ онѣ неосуществимы безъ полной, иногда внезапной перемѣны состоянія собственности и личностей, въ Соединенныхъ Штатахъ встрѣчаютъ несравненно менѣе сочувствія, чѣмъ въ великихъ монархіяхъ Европы. Если кто-нибудь и придерживается ихъ, то масса отвергаетъ ихъ съ какимъ-то инстинктивнымъ ужасомъ.

Смѣло можно сказать, что большинство тѣхъ взглядовъ, которые во Франціи принято называть демократическими, были бы осуждены американскою демократіей. Это очень понятно: въ Америкѣ господствуютъ демократическія идеи и чувства, а у насъ въ Европѣ идеи и чувства революціонныя.

Если Америка и испытаетъ когда-нибудь великія революціи, то онѣ будутъ вызваны присутствіемъ черныхъ на землѣ Соединенныхъ Штатовъ, стало-быть, вызоветъ ихъ опять-таки не равенство положеній, а напротивъ, различіе ихъ.

Когда положенія гражданъ одинаковы, то каждый охотно замыкается въ себѣ самомъ и забываетъ объ обществѣ. Если бы законодатели демократическихъ народовъ не старались исправить эту опасную тенденцію, или поддерживали ее, въ увѣренности, что она отвлекаетъ гражданъ отъ политическихъ страстей и такимъ образомъ отдаляетъ отъ революцій, тогда они сами могли бы наконецъ породить то зло, котораго хотѣли избѣжать, и тогда наступилъ бы моментъ, когда необузданныя страсти нѣсколькихъ людей, при содѣйствіи неосмысленнаго эгоизма и малодушія большинства, вызвали бы опасныя измѣненія всего общества.

Въ демократическихъ обществахъ, только ничтожное меньшинство желаетъ переворотовъ, но иногда и это меньшинство можетъ вызвать ихъ.

Я не говорю, что демократическія націи застрахованы отъ революцій; я утверждаю только, что общественное устройство не увлекаетъ ихъ въ эту сторону, а скорѣе отдаляетъ отъ революціи. Предоставленные сами себѣ, демократическіе народы вовсе не легко пускаются на рискованныя предпріятія; ихъ можно вовлечь въ революцію только незамѣтно для нихъ; они допускаютъ иногда революціи, но сами не производятъ ихъ. Я прибавлю, что если они могутъ пріобрѣсти опытность и образованіе, тогда они и не допустятъ ихъ.

Я хорошо знаю, что въ этомъ отношеніи очень много значатъ сами общественныя учрежденія, они содѣйствуютъ или противодѣйствуютъ инстинктамъ, порождаемымъ общественнымъ строемъ. Повторяю, я не утверждаю, что народу нечего бояться революцій потому только, что въ его средѣ положенія гражданъ равны. Но я думаю, что каковы бы ни были учрежденія подобнаго народа, великія революціи у него всегда будутъ и гораздо рѣже и далеко не такъ бурны, какъ это думаютъ. И я легко представляю себѣ политическое устройство, которое соединяясь съ равенствомъ, могло бы сдѣлать общество такимъ прочнымъ, какимъ оно еще никогда не бывало у насъ на Западѣ.

То, что я сказалъ о фактахъ, примѣнимо отчасти и къ идеямъ.

Два обстоятельства поражаютъ въ Соединенныхъ Штатахъ: чрезвычайная измѣнчивость большей части дѣйствій и удивительное постоянство извѣстныхъ принциповъ. Люди постоянно въ движеніи, а умъ человѣческій кажется почти неподвижнымъ.

Разъ извѣстное мнѣніе распространилось и пустило корни въ американской почвѣ, то можно сказать, что никакая сила на землѣ не въ состояніи уже вырвать его.

Въ Соединенныхъ Штатахъ главныя ученія въ области религіи, философіи, морали и даже политики остаются неизмѣнными, или, по крайней мѣрѣ, измѣняются только путемъ скрытой, часто незамѣтной умственной работы; даже самые грубые предразсудки исчезаютъ съ медленностью, непонятной среди этого постояннаго соприкосновенія людей и вещей.

Отъ многихъ приходится слышать, что поминутныя перемѣны чувствъ

и мыслей лежатъ въ природѣ и обычаяхъ демократіи. Можетъ-быть, это вѣрно для мелкихъ демократическихъ націй, въ родѣ античныхъ республикъ, когда весь народъ можно было собрать въ общественномъ мѣстѣ и затѣмъ направлять по волѣ одного оратора. Ничего подобнаго не видалъ я въ средѣ великаго демократическаго народа, занимающаго противоположный берегъ нашего океана. Что меня поразило въ Соединенныхъ Штатахъ, это то, какъ трудно бываетъ разувѣрить массу въ томъ, что она восприняла, и заставить ее отказаться отъ человѣка, которому она предана; этого не могутъ сдѣлать ни книги, ни рѣчи; тутъ одинъ только опытъ достигаетъ цѣли, да и онъ иногда долженъ повториться нѣсколько разъ.

Вначалѣ это удивляетъ, но болѣе внимательное изслѣдованіе разъясняетъ дѣло.

Я не думаю, что искоренять предразсудки у демократическаго народа, измѣнять его вѣрованія, замѣнять разъ установившіеся религіозные, философскіе, нравственные и политическіе принципы новыми, словомъ — производить важные и частые умственные перевороты, что все это такъ легко, какъ иногда воображаютъ. Это не значитъ, чтобы умъ человѣческій тамъ бездѣйствовалъ; напротивъ, онъ постоянно въ дѣйствіи, но онъ занятъ не столько отыскиваніемъ новыхъ принциповъ, сколько тѣмъ, что до безконечности варіируетъ выводы изъ принциповъ, уже извѣстныхъ, и открываетъ новые выводы. Онъ не столько стремится впередъ прямымъ и быстрымъ усиліемъ, сколько кружится около себя самого, и сферу своей дѣятельности расширяетъ не сразу, а мало-по-малу, небольшими, но постоянными и быстрыми движеніями.

Люди, равные по правамъ, по воспитанію, по состоянію, словомъ, люди одинаковаго положенія, всегда не особенно отличаются другъ отъ другъ и въ потребностяхъ, привычкахъ и вкусахъ. Такъ какъ они смотрятъ на вещи съ одной и той же точки зрѣнія, то естественно что ихъ умъ предрасположенъ къ аналогичнымъ идеямъ, и хотя каждый можетъ и разойтись со своими современниками и составить себѣ собственныя убѣжденія, но въ концѣ концовъ оказывается, что всѣ они, сами того не зная и не имѣя въ виду, приходятъ къ нѣкоторымъ общимъ убѣжденіямъ.

Чѣмъ внимательнѣе я разсматриваю вліяніе равенства на умственное состояніе общества, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что умственная анархія, которую мы наблюдаемъ, не является естественнымъ состояніемъ демократическихъ обществъ. Я думаю, что ее слѣдуетъ разсматривать, какъ особенность присущую только ихъ юности, что она обнаруживается лишь въ переходное время, когда люди только что разорвали старыя узы, связывавшія ихъ другъ съ другомъ и еще сильно разнятся по происхожденію, по воспитанію, по нравамъ; они сохранили очень различныя идеи, инстинкты и вкусы и ничто не мѣшаетъ имъ ихъ выказывать. Но по мѣрѣ того, какъ дѣлаются сходными положенія людей, они становятся похожими и въ главныхъ своихъ убѣжденіяхъ. Таково, мнѣ кажется, общее и постоянное явленіе; все остальное случайно и временно.

Мнѣ кажется, въ демократическомъ обществѣ всегда будетъ рѣдкимъ явленіемъ, чтобы кто-нибудь сразу проникся системою идей, очень далекой отъ той, которая принята его современниками; а если бы такой новаторъ и явился, то я думаю, вначалѣ ему было бы очень трудно заставить выслушать себя, а еще труднѣе—заставить вѣрить себѣ.

Когда люди находятся почти въ одинаковомъ положеніи, тогда каждый не легко поддается убѣжденіямъ другого. Когда всѣ видятъ другъ друга

вблизи, когда всѣ учились одному и тому же и ведутъ одинъ и тотъ же образъ жизни, тогда они естественно совсѣмъ не такъ настроены, чтобы взять одного изъ своей среды руководителемъ и слѣпо итти за нимъ; всякій мало полагается на слово равнаго, или подобнаго себѣ.

У демократическихъ народовъ не только ослабѣваетъ довѣріе къ познаніямъ извѣстныхъ лицъ, о чемъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ, но скоро исчезаетъ и общее понятіе объ умственномъ превосходствѣ, которое кто-нибудь можетъ пріобрѣсти надъ всѣми другими.

По мѣрѣ того, какъ люди дѣлаются все болѣе похожими другъ на друга, въ ихъ убѣжденіе мало по малу проникаетъ догматъ умственнаго равенства и новатору, кто бы онъ ни былъ, дѣлается все труднѣе пріобрѣсти и сохранить большую власть надъ умами народа. Поэтому въ такихъ обществахъ рѣдки внезапные умственные перевороты; вѣдь если взглянуть на всемірную исторію, то легко замѣтить, что всѣ великія и быстрыя перемѣны человѣческихъ мнѣній всегда производила не столько сила разума, сколько авторитетъ имени.

Слѣдуетъ замѣтить, съ другой стороны, что въ демократическихъ обществахъ люди не соединены между собою какой-нибудь связью, поэтому каждаго приходится убѣждать отдѣльно. Между тѣмъ въ аристократическомъ обществѣ достаточно подѣйствовать на умы нѣсколькихъ человѣкъ,— за ними уже пойдутъ всѣ остальные. Если бы Лютеръ жилъ въ вѣкѣ равенства и въ числѣ его слушателей не было дворянъ и князей, тогда, быть можетъ, ему было бы гораздо труднѣе измѣнить видъ Европы.

Это не значитъ, что граждане демократій всегда твердо убѣждены въ истинности своихъ мнѣній и непоколебимы въ своихъ вѣрованіяхъ. Часто и у нихъ возникаютъ сомнѣнія, неразрѣшимыя на ихъ взглядъ. Въ это время иногда умъ человѣческій и готовъ подвинуться впередъ, но такъ какъ нѣтъ ничего, что бы могущественно двигало и направляло его, то онъ только колеблется, но не движется*).

Когда пріобрѣтено довѣріе демократическаго народа, то остается еще важная задача—овладѣть его вниманіемъ. Чрезвычайно трудно заставить слушать себя людей демократическаго общества, если не говорить съ ними о нихъ самихъ. Они не слушаютъ того, что имъ говорятъ, потому что всегда слишкомъ заняты тѣмъ, что они дѣлаютъ.

Дѣйствительно, у демократическихъ народовъ встрѣчается мало праздныхъ людей; жизнь тамъ проходитъ среди движенія и шума, и люди такъ

---

*) Стараясь отыскать состояніе общества, наиболѣе благопріятное для великихъ умственныхъ переворотовъ, я нахожу, что оно должно быть однимъ изъ промежуточныхъ состояній между полнымъ равенствомъ всѣхъ гражданъ и рѣзкимъ раздѣленіемъ классовъ.

При сословномъ устройствѣ, поколѣнія смѣняются поколѣніями, не внося никакихъ перемѣнъ въ положеніе людей: одни ничего болѣе не ждутъ, другія ни на что лучшее не надѣются. Среди этой тишины и всеобщей неподвижности, воображеніе дремлетъ и самая идея движенія не возникаетъ въ человѣческомъ умѣ.

Когда классы уничтожены и положенія людей почти равны, тогда всѣ находятся въ безпрѣстанномъ движеніи, но каждый въ отдѣльности независимъ, слабъ, изолированъ. Это второе общественное устройство представляетъ полную противоположность первому, но при всемъ томъ въ одномъ пунктѣ оно сходится съ нимъ; здѣсь тоже очень рѣдки великіе перевороты человѣческаго ума.

Между этими двумя крайними пунктами въ исторіи народовъ встрѣчается промежуточный періодъ, славная и бурная эпоха, когда положенія не такъ неподвижны, чтобы усыплять умъ, но настолько еще неравны, что одни могутъ пользоваться громадной властью надъ умами другихъ. Въ это именно время появляются могучіе реформаторы и вновь возникающія идеи сразу измѣняютъ видъ всего міра.

заняты дѣломъ, что у нихъ остается мало времени думать. Притомъ,—и на это я особенно хочу указать,—они не только заняты, но страстно увлекаются своими занятіями. Они всегда за дѣломъ, и каждое дѣло всецѣло поглощаетъ ихъ. Весь свой жаръ они отдаютъ дѣламъ и это мѣшаетъ имъ воспользоваться идеями.

Я думаю, что крайне трудно возбудить въ демократическомъ народѣ энтузіазмъ къ какой бы то ни было теоріи, не имѣющей очевиднаго, прямого и непосредственнаго отношенія къ практикѣ его обыденной жизни. Такой народъ съ трудомъ отказывается отъ своихъ старыхъ вѣрованій. Вѣдь именно энтузіазмъ увлекаетъ умъ человѣческій съ торной дороги и производитъ какъ великіе умственные перевороты, такъ и великія политическія революціи.

Такимъ образомъ у демократическихъ народовъ нѣтъ ни досуга, ни охоты отыскивать новые взгляды. Даже сомнѣваясь въ тѣхъ, которыхъ они держатся, они все-таки сохраняютъ ихъ, потому что перемѣна потребовала бы слишкомъ много времени и размышленій; они хранятъ ихъ не потому, что они вѣрны, а потому, что ихъ держатся всѣ.

Глубокимъ перемѣнамъ въ воззрѣніяхъ демократическаго народа препятствуютъ и другія, еще болѣе важныя причины. Я уже указалъ на нихъ въ началѣ этой книги.

Если среди подобнаго народа вліяніе отдѣльныхъ гражданъ слабо, почти ничтожно, за то власть массы надъ умомъ каждаго индивидуума громадна. Въ другомъ мѣстѣ я показалъ причины этого. Теперь я хочу только сказать, что нельзя объяснять это одною лишь формой правленія и думать, что, теряя политическую власть, масса должна лишиться и своего интеллектуальнаго вліянія.

Въ аристократіи нѣкоторые люди имѣютъ лично имъ принадлежащее величіе и силу. Когда они оказываются въ противорѣчіи съ подавляющимъ большинствомъ своихъ согражданъ, то они замыкаются въ себѣ и находятъ въ себѣ самихъ поддержку и утѣшеніе. Не такъ бываетъ у демократическихъ народовъ: здѣсь общественное сочувствіе, повидимому, также необходимо индивидууму, какъ воздухъ, которымъ онъ дышитъ; и быть несогласнымъ съ массою—это, можно сказать, значитъ совсѣмъ не жить. Массѣ нѣтъ надобности прибѣгать къ законамъ, чтобы покорить тѣхъ, кто думаетъ несогласно съ нею: ей достаточно высказать свое неодобреніе имъ, и чувство подавляющаго одиночества и безсилія тотчасъ доведетъ ихъ до отчаянія.

Когда люди по положенію равны, то общественное мнѣніе всегда громадной тяжестью давитъ на умъ каждаго индивидуума; оно управляетъ имъ, охватываетъ и подавляетъ его; это зависитъ не столько отъ политическихъ законовъ, сколько отъ склада самаго общества. По мѣрѣ того, какъ люди дѣлаются все болѣе сходными, каждый чувствуетъ себя все болѣе и болѣе слабымъ предъ лицомъ всѣхъ. Видя, что онъ ничѣмъ не отличается отъ нихъ и не поднимается надъ общимъ уровнемъ, онъ перестаетъ вѣрить въ себя, когда ему начинаютъ возражать; онъ не только не увѣренъ въ своихъ силахъ, но начинаетъ сомнѣваться въ своей правотѣ и готовъ сознаться, что ошибся, когда большинство утверждаетъ это. Большинству нѣтъ надобности принуждать его; оно легко убѣждаетъ его.

Какъ бы ни были организованы и уравновѣшены власти въ демократическомъ обществѣ, тамъ всегда будетъ въ высшей степени трудно вѣрить въ то, что отвергаетъ масса и проповѣдывать то, что она осуждаетъ.

Это чрезвычайно способствуетъ устойчивости вѣрованій.

Когда извѣстное мнѣніе укоренилось въ демократическомъ народѣ и прочно установилось въ умахъ большинства, то оно потомъ держится само собою и продолжаетъ существовать безъ труда, потому что никто на него не нападаетъ. Тѣ, которые вначалѣ отвергали его, какъ ложное, принимаютъ его наконецъ, какъ общепринятое, а если кто и продолжаетъ въ глубинѣ души оспаривать его, то не выказываетъ этого: всякій боится впутаться въ опасную и безполезную борьбу.

Правда, что когда большинство демократическаго народа мѣняетъ убѣжденія, то оно можетъ по своему желанію производить странные и неожиданные перевороты въ умственномъ мірѣ; но его мнѣніе измѣняется очень трудно, и почти такъ же трудно констатировать это измѣненіе.

Случается иногда, что время, обстоятельства, или одиночныя усилія отдѣльныхъ умовъ, мало по малу расшатываютъ и наконецъ разрушаютъ вѣрованіе, но все это происходитъ не явно. Его не оспариваютъ открыто, не заключаютъ союза для борьбы съ нимъ. Его приверженцы оставляютъ его потихоньку, одинъ за другимъ, но каждый день нѣсколько человѣкъ покидаютъ его, пока, наконецъ, у него останется лишь ничтожное число сторонниковъ.

Но и въ такомъ видѣ оно все еще господствуетъ.

Такъ какъ его противники все еще молчатъ, или сообщаютъ другъ другу свои мысли только украдкою, то сами они долго еще не могутъ убѣдиться, что великая революція совершилась, и, сомнѣваясь, остаются въ бездѣйствіи. Они наблюдаютъ и молчатъ. Большинство уже не вѣритъ, но еще притворяется, что вѣритъ, и этого пустого призрака общественнаго мнѣнія достаточно, чтобы охлаждать новаторовъ и удерживать ихъ въ безмолвномъ уваженіи.

Нашъ вѣкъ былъ свидѣтелемъ самыхъ стремительныхъ умственныхъ переворотовъ. При всемъ томъ, очень возможно, что скоро главныя человѣческія убѣжденія пріобрѣтутъ такую устойчивость, какой они никогда не имѣли въ предшествовавшіе вѣка нашей исторіи; это время еще не пришло, но, быть-можетъ, оно приближается.

Чѣмъ ближе я узнаю потребности и инстинкты, которые вырабатываетъ демократія, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что если когда-нибудь равенство установится прочно во всемъ мірѣ, то великія политическія и умственныя революціи сдѣлаются гораздо труднѣе и рѣже, чѣмъ это думаютъ.

Такъ какъ въ демократіи люди всегда кажутся возбужденными, куда-то стремящимися, непостоянными, готовыми перемѣнить и намѣренія, и мѣсто,— то воображаютъ, что они сейчасъ же сразу отмѣнятъ свои законы, перейдутъ къ другимъ убѣжденіямъ, усвоятъ новые нравы. При этомъ забываютъ, что если равенство влечетъ людей къ перемѣнамъ, то оно же внушаетъ имъ такіе стремленія и интересы, которые для своего удовлетворенія нуждаются въ устойчивости; равенство толкаетъ, но въ то же время и удерживаетъ ихъ, подстрекаетъ и въ то же время приковываетъ къ мѣсту, воспламеняетъ ихъ желанія и въ то же время ограничиваетъ ихъ силы.

Это замѣтно не сразу; страсти, разъединяющія гражданъ, въ демократіи, бросаются въ глаза сами собою, но съ перваго взгляда обыкновенно не замѣчаютъ той скрытой силы, которая сдерживаетъ и соединяетъ ихъ.

Я едва рѣшаюсь сказать это среди окружающихъ меня развалинъ, но

я думаю, что вовсе не въ революціяхъ скрывается величайшая опасность, угрожающая будущимъ поколѣніямъ.

Если граждане будутъ постоянно замыкаться все тѣснѣе и тѣснѣе въ кругу мелкихъ домашнихъ интересовъ и будутъ заниматься ими, не отрываясь, то можно опасаться, что, наконецъ, они сдѣлаются недоступны тѣмъ великимъ и могучимъ общественнымъ движеніямъ, которыя потрясаютъ народы, но и развиваютъ и освѣжаютъ ихъ. Видя, какъ подвижна дѣлается собственность, какъ горяча и безпокойна любовь къ ней, я невольно начинаю бояться, что люди въ концѣ концовъ во всякой новой теоріи будутъ видѣть опасность, во всякомъ нововведеніи — непріятное безпокойство, во всякомъ явленіи общественнаго прогресса—первый шагъ къ революціи, что, опасаясь увлечься, они откажутся отъ всякаго движенія. Признаться, я опасаюсь, что недостойная любовь къ наслажденіямъ настоящей минуты наконецъ такъ овладѣетъ ими, что сдѣлаетъ ихъ совершенно равнодушными и къ собственному будущему и къ будущему своихъ потомковъ, что они скорѣй будутъ готовы малодушно покориться своей участи, чѣмъ сдѣлать, въ случаѣ нужды, быстрое и энергичное усиліе, чтобы улучшить ее.

Многіе думаютъ, что новыя общества будутъ съ каждымъ днемъ мѣнять свои формы; я, напротивъ, боюсь, что они наконецъ слишкомъ неподвижно застынутъ въ однихъ и тѣхъ же учрежденіяхъ, однихъ и тѣхъ предразсудкахъ, однихъ и тѣхъ же нравахъ, такъ что въ этихъ границахъ и остановится человѣческое развитіе; умъ будетъ вѣчно вертѣться вокругъ самого себя, не рождая новыхъ идей, человѣкъ будетъ тратить свои силы на ничтожныя, одиночныя, безплодныя движенія, и, среди постояннаго общаго движенія, человѣчество перестанетъ двигаться впередъ.

ГЛАВА XXII.

Почему демократическіе народы естественно хотятъ мира, а демократическія арміи—войны.

Тѣ же интересы, тѣ же опасенія, тѣ же чувства, которые отвлекаютъ демократическіе народы отъ революцій, заставляютъ ихъ избѣгать и войны; воинственный духъ и революціонный духъ ослабѣваютъ одновременно и въ силу однихъ и тѣхъ же причинъ.

Постоянно растущее число собственниковъ—друзей мира, увеличеніе движимаго богатства, которое такъ быстро пожираетъ война, кротость нравовъ, мягкость сердца, сострадательность, внушаемая равенствомъ, холодный разсудокъ, недоступный тѣмъ поэтическимъ и бурнымъ порывамъ, которые возникаютъ во время войны,—всѣ эти причины соединяются, чтобъ заглушить воинственный духъ.

Я думаю, что можно принять за общее и постоянное правило, что у цивилизованныхъ народовъ воинственныя страсти будутъ дѣлаться и рѣже, и слабѣе, по мѣрѣ того какъ будетъ усиливаться равенство.

Однакоже война—это такая случайность, которой подвергаются всѣ народы, наряду съ другими и демократическіе. Какъ бы эти народы ни любили миръ, имъ все таки необходимо быть готовыми къ защитѣ, или другими словами, содержать армію.

Жителей Соединенныхъ Штатовъ судьба поставила въ исключительно

выгодныя условія, помѣстивши ихъ въ пустынной странѣ, гдѣ они, такъ сказать, не имѣютъ сосѣдей. Имъ достаточно нѣсколькихъ тысячъ солдатъ; но вѣдь этимъ они обязаны особенностямъ Америки, а не демократическому устройству.

Ни равенство, ни порождаемые имъ нравы и учрежденія не избавляютъ демократическаго народа отъ необходимости содержать армію, и его армія всегда имѣетъ громадное вліяніе на его судьбу. Особенно важно поэтому разсмотрѣть, какіе инстинкты естественно развиваются у составляющихъ ее людей.

У аристократическихъ народовъ, особенно у тѣхъ, гдѣ положеніе опредѣляется исключительно рожденіемъ, въ арміи оказывается такое же неравенство, какъ и въ народѣ; офицеръ—дворянинъ, солдатъ—крѣпостной. Призваніе перваго—повелѣвать, второго,—повиноваться. Въ аристократическихъ арміяхъ честолюбіе солдата поэтому ограничено очень узкими предѣлами.

Точно такъ же и честолюбіе офицера имѣетъ свои предѣлы.

Аристократическое сословіе составляетъ не только ступень іерархіи; оно въ себѣ самомъ заключаетъ цѣлую іерархію; его члены размѣщаются въ извѣстномъ неизмѣнномъ порядкѣ: одни выше, другіе ниже. Одинъ по рожденію призванъ командовать полкомъ, другой ротою. Достигнувъ этого крайняго предѣла своихъ надеждъ, они сами останавливаются и считаютъ себя довольными своей участью.

У аристократическихъ народовъ, офицеръ, независимо отъ своего положенія въ арміи, занимаетъ еще высокое положеніе въ обществѣ; первое въ его глазахъ почти всегда является только принадлежностью второго; выбирая военную карьеру, дворянинъ повинуется не столько честолюбію, сколько чувству долга, возлагаемаго на него рожденіемъ. Онъ вступаетъ въ армію, чтобы дать почетное назначеніе праздднымъ годамъ своей молодости и получить возможность разсказывать потомъ, дома, среди равныхъ себѣ, славныя воспоминанія своей военной жизни. Пріобрѣтеніе богатства, уваженія и власти, совсѣмъ не являются его главной цѣлью: всѣмъ этимъ онъ обладаетъ по праву рожденія, все это имѣетъ, не выходя изъ дому.

Въ демократическихъ арміяхъ, каждый солдатъ можетъ сдѣлаться офицеромъ; поэтому желаніе повыситься дѣлается общимъ и предѣлы военнаго честолюбія расширяются почти до безконечности.

Со своей стороны, офицеръ не видитъ никакихъ естественныхъ и необходимыхъ ограниченій, которыя удерживали бы его въ извѣстномъ чинѣ болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ; а чинъ въ его глазахъ имѣетъ огромное значеніе, потому что его положеніе въ обществѣ почти всегда зависитъ отъ его положенія въ арміи.

У демократическихъ народовъ, офицеръ часто не имѣетъ никакихъ средствъ, кромѣ жалованья, и никакого значенія, кромѣ военнаго чина. Мѣняя должность, онъ всякій разъ мѣняетъ и положеніе и дѣлается нѣкоторымъ образомъ другимъ человѣкомъ. То, что въ аристократическихъ арміяхъ было второстепенной принадлежностью положенія, сдѣлалось такимъ образомъ главнымъ, всѣмъ, сдѣлалось самимъ положеніемъ.

Въ старой французской монархіи, офицеровъ называли только ихъ дворянскимъ титуломъ. Въ наше время ихъ называютъ только по ихъ военному чину. Эта маленькая перемѣна въ формахъ языка достаточно ясно указываетъ на тотъ великій переворотъ, который совершился какъ въ составѣ общества, такъ и въ составѣ арміи.

Стремленіе повыситься—общее явленіе въ демократическихъ арміяхъ; оно пламенно, упорно, постоянно, оно питается и растетъ на счетъ всѣхъ другихъ желаній и прекращается только вмѣстѣ съ жизнью. Между тѣмъ легко видѣть, что въ демократическихъ арміяхъ во время мира повышеніе должно происходить гораздо медленнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ арміяхъ на свѣтѣ. Когда число чиновъ ограничено, конкурентовъ безчисленное множество и надъ всѣми тяготѣетъ неумолимый законъ равенства, тогда никто не можетъ быстро подвигаться впередъ, а многіе не могутъ сдвинуться съ мѣста. Такимъ образомъ, повышеніе здѣсь необходимѣе, а возможность его меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Всѣ честолюбцы, сколько ихъ есть въ демократической арміи, страстно ждутъ войны, потому что война освобождаетъ мѣста и позволяетъ, наконецъ, нарушить право старшинства—эту единственную, естественную привилегію демократіи.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому странному выводу, что демократическія арміи желаютъ войны пламеннѣе, чѣмъ всѣ другія арміи, а демократическіе народы любятъ миръ сильнѣе, чѣмъ всѣ другіе народы; и, что всего удивительнѣе, такія противоположныя явленія вызываетъ одновременно одна и та же причина—равенство.

Когда граждане равны, они ежедневно чувствуютъ желаніе и находятъ возможность измѣнить свое положеніе и повысить свое благосостояніе; это заставляетъ ихъ любить миръ, который способствуетъ расцвѣту промышленности и позволяетъ каждому спокойно доводить до конца свои мелкія предпріятія. Съ другой стороны, то же самое равенство увеличиваетъ цѣну военныхъ отличій въ глазахъ людей, посвятившихъ себя военной карьерѣ, и дѣлаетъ эти отличія доступными для всѣхъ, такъ что солдаты только и думаютъ, что о поляхъ битвъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣйствуютъ одинаково неугомонныя желанія, одинаково ненасытное стремленіе къ наслажденіямъ, одинакое честолюбіе, различны—только средства удовлетворить ихъ.

Эти противоположныя наклонности народа и арміи могутъ быть въ высшей степени опасны для демократическихъ обществъ.

Когда въ народѣ воинственный духъ исчезаетъ, то военная карьера тотчасъ же перестаетъ считаться почетной и военные отступаютъ на послѣднее мѣсто въ ряду общественныхъ должностей. Ихъ мало уважаютъ и даже перестаютъ понимать. Тогда происходитъ нѣчто прямо противоположное тому, что замѣчается въ аристократическіе вѣка: въ армію поступаютъ уже не самые выдающіеся граждане, а самые ничтожные. Военной карьерѣ посвящаетъ себя только тотъ, кому закрыты всѣ другія. Такимъ образомъ получается circulus vitiosus, изъ котораго трудно выйти. Цвѣтъ націи избѣгаетъ военной службы, потому что она не пользуется уваженіемъ, а не уважаютъ ея потому, что лучшіе люди націи не поступаютъ въ нее.

Неудивительно поэтому, что демократическія арміи часто кажутся неспокойными, ропщутъ и недовольны своею судьбой, несмотря на то, что внѣшнія условія въ нихъ обыкновенно гораздо лучше, чѣмъ во всѣхъ другихъ арміяхъ, и дисциплина не такъ сурова. Солдатъ чувствуетъ себя въ подчиненномъ положеніи и его оскорбленное самолюбіе окончательно пробуждаетъ въ немъ жажду войны, которая сдѣлаетъ его необходимымъ, или любовь къ переворотамъ, среди которыхъ онъ надѣется съ оружіемъ въ рукахъ завоевать политическое вліяніе, или личное значеніе, которыхъ не признаютъ за нимъ.

Эта послѣдняя опасность дѣлается особенно грозною вслѣдствіе состава демократическихъ армій.

Въ демократическомъ обществѣ почти у всякаго гражданина есть собственность, которую онъ бережетъ; между тѣмъ вождями демократическихъ армій являются обыкновенно пролетаріи. Большинству ихъ нечего терять въ гражданскихъ смутахъ. Народная масса здѣсь боится революціи обыкновенно гораздо сильнѣе, чѣмъ въ вѣка аристократіи; но командиры арміи боятся ихъ гораздо менѣе.

Кромѣ того, у демократическихъ народовъ, какъ я сказалъ выше, самые богатые, самые образованные, самые даровитые граждане не вступаютъ въ военную службу, и вслѣдствіе этого армія въ цѣломъ дѣлается наконецъ отдѣльнымъ маленькимъ народомъ, въ которомъ умственный уровень ниже, а нравы грубѣе, чѣмъ въ большомъ. Между тѣмъ этотъ маленькій, нецивилизованный народъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи оружіе и одинъ умѣетъ владѣть имъ.

Миролюбивое настроеніе гражданъ еще болѣе увеличиваетъ ту опасность, которою угрожаетъ демократическимъ народамъ воинственное и безпокойное настроеніе арміи. Нѣтъ ничего опаснѣе арміи среди миролюбиваго народа: въ этомъ случаѣ излишняя любовь гражданъ къ спокойствію каждый день отдаетъ конституцію во власть солдатъ.

Поэтому можно сказать вообще, что если интересы и инстинкты демократическихъ народовъ естественно влекутъ ихъ къ миру, то ихъ арміи постоянно стараются втянуть ихъ въ войну, или въ революцію.

Военные перевороты почти никогда не бываютъ страшны для аристократій, но демократическимъ народамъ всегда приходится опасаться ихъ. Этого рода опасности слѣдуетъ считать самыми серьезными, какими только грозитъ имъ будущее, и государственные люди должны неустанно искать средства исцѣлить эту болѣзнь.

Когда безпокойное честолюбіе арміи начинаетъ тревожить народъ, тогда прежде всего является мысль дать исходъ этому опасному честолюбію въ войнѣ.

Я не желаю бранить войну. Война почти всегда расширяетъ мысль народа и возвышаетъ его сердце. Бываютъ случаи, когда только она и можетъ задержать чрезмѣрное развитіе нѣкоторыхъ склонностей, естественно порождаемыхъ равенствомъ, и когда ее слѣдуетъ считать необходимымъ средствомъ противъ нѣкоторыхъ застарѣлыхъ болѣзней, къ которымъ предрасположены демократическія общества.

Война многое имѣетъ за себя, но не слѣдуетъ воображать, что она уменьшаетъ только что указанную опасность; она можетъ только отсрочить ее, и по окончаніи войны опасность является снова и еще болѣе грозною, потому что послѣ войны армія уже далеко не такъ терпѣливо переноситъ миръ. Война можетъ быть цѣлебна только для такого народа, который постоянно жаждетъ славы.

Я предвижу, что всѣмъ воинственнымъ правителямъ, которые явятся среди великихъ демократическихъ народовъ, всегда будетъ казаться легче побѣждать со своей арміей, чѣмъ заставить ее мирно жить послѣ побѣды. Двѣ вещи всегда будутъ особенно трудны для демократическаго народа: начать войну и кончить ее.

Притомъ если, съ одной стороны, война представляетъ особенныя выгоды для демократическихъ народовъ, то, съ другой стороны, она подвергаетъ ихъ и нѣкоторымъ опасностямъ, которыя не такъ страшны для аристократій. Я укажу только на двѣ изъ нихъ.

Война удовлетворяетъ армію, но зато она стѣсняетъ и нерѣдко доводитъ до отчаянія безчисленную массу гражданъ, которые каждый день чувствуютъ потребность въ мирѣ для удовлетворенія своихъ мелкихъ желаній. Можно поэтому опасаться, что она породитъ въ другой формѣ тѣ безпорядки, которые она должна была предотвратить.

Въ демократической странѣ, всякая продолжительная война подвергаетъ большимъ опасностямъ свободу. Это не значитъ, что послѣ каждой побѣды непремѣнно слѣдуетъ ждать появленія побѣдоноснаго генерала, который силою захватитъ верховную власть по примѣру Суллы и Цезаря. Здѣсь опасность другого рода: война не всегда отдаетъ демократическіе народы на произволъ военныхъ властей, но она неизбѣжно расширяетъ до безконечности полномочія гражданскихъ; въ ихъ рукахъ она почти неизбѣжно сосредоточиваетъ право управлять всѣми и распоряжаться всѣмъ. Если она и не ведетъ къ деспотизму сразу, посредствомъ насилія, то приближаетъ къ нему незамѣтно, измѣняя привычки.

Всякій, кто хочетъ уничтожить свободу демократическаго народа, долженъ знать, что самое вѣрное и самое быстрое средство достигнуть этого—война. Это основная аксіома.

Когда честолюбіе офицеровъ и солдатъ дѣлается опаснымъ, средство противъ него является, повидимому, само собою: слѣдуетъ только увеличить число должностей, увеличивая армію. Это устраняетъ затрудненія настоящей минуты, но тѣмъ большими грозитъ въ будущемъ.

Увеличеніе арміи можетъ постоянно достигать своей цѣли въ аристократическомъ обществѣ, потому что здѣсь военное честолюбіе захватываетъ только одинъ классъ людей, и у каждаго изъ нихъ держится въ опредѣленныхъ границахъ, такъ что его можно удовлетворить почти вполнѣ.

Между тѣмъ демократическій народъ, увеличивая армію, ничего не выигрываетъ, потому что число честолюбцевъ здѣсь постоянно растетъ соотвѣтственно росту самой арміи. Тѣхъ, для которыхъ вы создали новыя должности, замѣщаетъ тотчасъ же новая толпа, которой вы уже не можете удовлетворить, да и первые скоро начинаютъ жаловаться: вѣдь и въ арміи обнаруживается тотъ же неугомонный духъ, который царитъ и среди гражданъ демократіи; желаніе служащихъ въ ней заключается не въ томъ, чтобы получить извѣстный чинъ, а чтобы повышаться постоянно. Увеличивая свою армію, демократическій народъ только на одинъ моментъ укрощаетъ честолюбіе военныхъ, но скоро оно дѣлается еще опаснѣе, потому что число недовольныхъ увеличилось.

Я, со своей стороны, думаю, что безпокойное и мятежное настроеніе есть зло, коренящееся въ самомъ составѣ демократическихъ армій. Законодателямъ демократіи не слѣдуетъ обольщаться надеждою—найти такую военную организацію, которая сама по себѣ можетъ успокоивать и сдерживать военныхъ. Они только напрасно потратятъ свои силы.

Средство противъ недостатковъ арміи слѣдуетъ искать не въ самой арміи, а въ странѣ.

Демократическіе народы обыкновенно боятся волненій и деспотизма. Слѣдуетъ эти инстинкты превратить въ сознательныя, разумныя и прочныя склонности. Когда граждане привыкли наконецъ спокойно пользоваться выгодами свободы и оцѣнили ея благодѣянія, когда они проникнуты твердою любовью къ порядку и добровольно подчиняются закону,—то, вступая въ военную службу, они въ нее внесутъ, сами того не зная и какъ бы противъ своей воли, свои привычки и нравы. Когда общій духъ націи будетъ

проникать и въ армію, то онъ будетъ смягчать тѣ взгляды и стремленія, которые порождаетъ военная служба, или же подавлять ихъ силою всемогущаго общественнаго мнѣнія. Если у васъ будутъ просвѣщенные, честные, твердые и свободные граждане то у васъ будутъ и дисциплинированные, послушные солдаты.

Всякій законъ, который, подавляя мятежный духъ арміи, въ то же время стремится и среди націи ослабить чувство гражданской свободы и идею права, тѣмъ самымъ идетъ самъ противъ себя. Онъ скорѣе способствуетъ господству военнаго деспотизма, чѣмъ препятствуетъ ему.

Что бы ни дѣлали, въ концѣ-концовъ большая армія среди демократическаго народа всегда будетъ опасна, и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ уменьшить эту опасность всегда будетъ уменьшеніе арміи. Но не всѣ демократическіе народы имѣютъ возможность пользоваться этимъ средствомъ.

ГЛАВА XXIII.

Какой классъ въ демократическихъ арміяхъ самый воинственный и самый революціонный.

Демократическая армія всегда бываетъ очень многочисленна, сравнительно съ народомъ, изъ котораго она набирается; о причинахъ этого я скажу далѣе.

Съ другой стороны, въ демократическія эпохи люди почти совсѣмъ не посвящаютъ себя военной карьерѣ.

Поэтому демократическимъ народамъ скоро приходится отказаться отъ надежды на добровольное пополненіе арміи и прибѣгнуть къ принудительному набору. Ихъ положеніе принуждаетъ ихъ браться за это послѣднее средство, и можно заранѣе сказать, что всѣ они примутъ его.

Когда военная служба обязательна, бремя ея падаетъ одинаково и безъ различія на всѣхъ гражданъ. Это опять необходимо вытекаетъ изъ положенія и идей этихъ народовъ. Правительство у нихъ можетъ дѣлать почти все, что захочетъ, лишь бы только оно обращалось ко всѣмъ одновременно; если что и вызываетъ сопротивленіе, такъ это обыкновенно не самое бремя, а неравенство бремени.

Но разъ военную службу несутъ всѣ граждане, очевидно, что каждый остается въ ней немного лѣтъ.

Такимъ образомъ, по самой природѣ вещей, солдатъ находится въ арміи только на время, тогда какъ у большинства аристократическихъ націй военная служба есть ремесло, которое солдатъ избираетъ, или которое на него возлагаютъ на всю жизнь.

Отсюда происходятъ важныя послѣдствія. Среди солдатъ, составляющихъ демократическую армію, нѣкоторые привыкаютъ къ военной жизни, но громадное большинство приходитъ подъ знамена противъ своей воли и всегда готово разойтись по домамъ; оно не смотритъ на себя, какъ на людей, серьезно посвятившихъ себя военной службѣ, а только и думаетъ о выходѣ изъ нея.

Эти люди не понимаютъ тѣхъ потребностей и только на половину раздѣляютъ тѣ чувства, которыя порождаетъ военная служба. Они исполняютъ свои воинскія обязанности, но душа ихъ попрежнему связана съ тѣми

интересами и стремленіями, которыя наполняли ее въ гражданской жизни. Они поэтому не пріобрѣтаютъ настроенія арміи, а скорѣе приносятъ въ армію и поддерживаютъ здѣсь настроеніе общества. У демократическихъ народовъ именно простые солдаты болѣе всего остаются гражданами. Надъ ними національныя привычки сохранили всего болѣе силы, общественное мнѣніе—всего болѣе власти. Именно чрезъ солдатъ можно разсчитывать внести въ демократическую армію любовь къ свободѣ и уваженіе къ закону, которыми проникнутъ самый народъ. Обратное явленіе бываетъ у аристократическихъ народовъ, гдѣ солдаты въ концѣ концовъ не имѣютъ уже ничего общаго со своими согражданами и живутъ среди нихъ, какъ иностранцы, нерѣдко какъ враги.

Въ аристократическихъ арміяхъ консервативнымъ элементомъ является офицеръ, потому что только офицеръ сохранилъ тѣсную связь съ гражданскимъ обществомъ и никогда не отказывается отъ мысли рано или поздно снова занять свое мѣсто въ немъ. Въ демократическихъ арміяхъ по тѣмъ же причинамъ консервативнымъ элементомъ является солдатъ.

Наоборотъ, офицеръ въ тѣхъ же демократическихъ арміяхъ часто получаетъ наклонности и желанія совершенно несходныя съ народомъ; и это очень понятно.

У демократическихъ народовъ человѣкъ, который дѣлается офицеромъ, разрываетъ всякую связь съ гражданской жизнью. Онъ оставляетъ ее навсегда, и ему нѣтъ никакого расчета возвращаться къ ней. Его настоящее отечество—армія, потому что его дѣлаетъ чѣмъ-нибудь только то мѣсто, которое онъ занимаетъ въ ней; онъ раздѣляетъ ея участь, возвышается или падаетъ вмѣстѣ съ нею, и всѣ его надежды на будущее заключаются только въ ней. Такъ какъ нужды офицера рѣзко отличаются отъ нуждъ страны, то можетъ случиться, что офицеръ страстно желаетъ войны, или подготовляетъ переворотъ, въ то самое время, когда народъ всего болѣе желаетъ спокойствія и мира.

Однако же есть причины, умѣряющія его безпокойное и воинственное настроеніе. Если честолюбіе—общее, постоянное явленіе у демократическихъ народовъ, то мы уже видѣли, что оно рѣдко бываетъ неограниченно. Если человѣкъ, вышедшій изъ низшихъ классовъ народа, прошелъ рядъ низшихъ чиновъ арміи и достигъ офицерскаго чина, то онъ уже сдѣлалъ громадный шагъ. Онъ занялъ прочное положеніе въ кругу высшемъ, чѣмъ прежнее его положеніе въ гражданской жизни, и пріобрѣлъ права, которыя у большинства демократическихъ народовъ считаются неотъемлемыми *). Послѣ этого великаго усилія онъ охотно останавливается и желаетъ наслаждаться тѣмъ, что онъ пріобрѣлъ. Боязнь рисковать тѣмъ, что онъ уже имѣетъ, умѣряетъ въ немъ желаніе пріобрѣсти то, чего еще у него нѣтъ.

Преодолѣвъ первое и самое важное препятствіе, задерживавшее его успѣхи, онъ уже терпѣливѣе мирится съ медленностью своего движенія. Это охлажденіе честолюбія растетъ по мѣрѣ того, какъ онъ повышается въ чинѣ и больше рискуетъ при перемѣнахъ. Если не ошибаюсь, наименѣе воинственная и наименѣе революціонная часть демократической арміи—это всегда ея глава.

Только что сказанное мною объ офицерахъ и солдатахъ вовсе не при-

*) Положеніе офицеровъ дѣйствительно у демократическихъ народовъ прочнѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ. Чѣмъ незначительнѣе офицеръ самъ по себѣ, тѣмъ болѣе сравнительно цѣнится его чинъ, и тѣмъ болѣе справедливымъ и необходимымъ находитъ законодатель обезпечить его за нимъ.

ложимо къ многочисленному классу, который во всѣхъ арміяхъ занимаетъ среднее мѣсто между ними. Я говорю объ унтеръ-офицерахъ.

Этотъ классъ, который до настоящаго вѣка совсѣмъ не появлялся въ исторіи, призванъ, мнѣ кажется, играть важную роль въ будущемъ.

Точно такъ же, какъ и офицеръ, унтеръ-офицеръ порвалъ всѣ связи съ гражданскимъ обществомъ; такъ же, какъ и первый, онъ избралъ военную службу своимъ поприщемъ, и, можетъ-быть, еще болѣе, чѣмъ офицеръ, онъ всѣ свои желанія направляетъ только въ эту сторону; но онъ не достигъ еще, какъ офицеръ, высокаго и прочнаго положенія, гдѣ ему можно было бы остановиться и спокойно ожидать дальнѣйшаго повышенія.

По самой сущности своей должности, которой онъ не можетъ измѣнить, унтеръ-офицеръ осужденъ на безвѣстное существованіе, стѣсненное, затруднительное, непрочное. Онъ видитъ только опасности военной службы. Онъ знаетъ только лишенія и покорность, которыя еще невыносимѣе опасностей. Настоящія бѣдствія тѣмъ болѣе мучительны для него, что онъ знаетъ, что устройство общества и арміи даетъ ему возможность избавиться отъ нихъ. Дѣйствительно, не сегодня—завтра онъ можетъ сдѣлаться офицеромъ. Тогда онъ повелѣваетъ, тогда у него и почести, и независимость, и права, и наслажденія. Этотъ предметъ его надеждъ не только кажется ему чѣмъ-то необъятнымъ, но, пока цѣль не достигнута, онъ ни на минуту не можетъ быть увѣренъ, что дойдетъ до нея когда-нибудь. Его чинъ не принадлежитъ ему неотъемлемо,— онъ каждый день вполнѣ зависитъ отъ воли его начальниковъ; этого неумолимо требуетъ дисциплина. Легкая ошибка, прихоть, могутъ въ одно мгновеніе отнять у него плоды многолѣтнихъ трудовъ и усилій. Пока онъ не добился желаемаго чина, онъ ничего не сдѣлалъ. Только тогда онъ, повидимому, начинаетъ карьеру. Когда, такимъ образомъ, человѣка постоянно подстрекаютъ его молодость, его потребности, его страсти, духъ его времени, его надежды и опасенія, то у него неизбѣжно разгорается отчаянное честолюбіе.

Поэтому унтеръ-офицеръ желаетъ войны, желаетъ постоянно и во что бы то ни стало; и, если ему отказываютъ въ войнѣ, то онъ желаетъ переворотовъ, которые на время уничтожали бы силу законовъ и во время которыхъ онъ надѣется, воспользовавшись общимъ безпорядкомъ и политическими страстями, оттѣснить своего офицера и занять его мѣсто; возможно, что онъ будетъ содѣйствовать ихъ возникновенію, потому что онъ пользуется большимъ вліяніемъ среди солдатъ, благодаря общности происхожденія и привычекъ, хотя и сильно отличается отъ нихъ по своимъ желаніямъ и страстямъ.

Было бы ошибкою думать, что это различное настроеніе офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ, имѣетъ мѣсто только въ данное время, или въ данной странѣ. Его всегда будетъ можно наблюдать у всѣхъ демократическихъ народовъ.

Во всякой демократической арміи миролюбивое и спокойное настроеніе народа всего менѣе замѣтно въ унтеръ-офицерѣ и всего полнѣе представлено въ солдатѣ. Солдатъ и въ военную службу принесетъ силу или слабость народныхъ нравовъ, и явится здѣсь вѣрнымъ изображеніемъ народа. Если народъ слабъ и невѣжественъ, то онъ легко позволитъ своимъ вождямъ увлечь себя въ безпорядки, самъ того не замѣчая и не желая. Народъ же просвѣщенный и энергичный, самъ не позволитъ имъ измѣнить порядку.

ГЛАВА XXIV.

Почему демократическія арміи при началѣ войны оказываются слабѣе другихъ армій, а по мѣрѣ продолжительности войны становятся сильнѣе.

Всякая армія, выступающая на войну послѣ продолжительнаго мира, рискуетъ быть побѣжденною; всякая армія, которая долго сражалась, имѣетъ много шансовъ одержать побѣду. Эта истина особенно примѣнима къ демократическимъ войскамъ.

Въ аристократіи военное званіе, будучи привилегированною карьерой, считается почетнымъ даже въ мирное время. Люди съ большими дарованіями, просвѣщенные и честолюбивые, поступаютъ въ военную службу, и армія во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ на одномъ уровнѣ съ остальною націей и часто даже превосходитъ ее.

У демократическихъ народовъ, какъ мы видѣли, цвѣтъ націи, наоборотъ, удаляется мало-по-малу отъ военной карьеры и ищетъ иными путями почета, власти и особенно богатства. Послѣ продолжительнаго мира,—а въ демократическія времена миръ бываетъ продолжителенъ, — войска всегда ниже самого народа. Въ такомъ положеніи застаетъ его война и, пока она не пересоздастъ его, какъ страна, такъ и армія находятся въ опасности.

Я уже указалъ, что въ демократическихъ арміяхъ и въ мирное время право старшинства было высшимъ и неизмѣннымъ закономъ производства. Это вытекаетъ, какъ я говорилъ, не только изъ устройства этихъ армій, но зависитъ также отъ учрежденій самой страны, и такое явленіе въ нихъ совершенно неизбѣжно.

Такъ какъ у такихъ народовъ офицеръ получаетъ значеніе въ странѣ, благодаря лишь тому положенію, которое онъ занимаетъ на военной службѣ, оно даетъ ему и почетъ и достатокъ, то онъ оставляетъ армію, или исключается изъ нея, только достигнувъ крайняго старческаго возраста.

Послѣдствіемъ этихъ двухъ причинъ является то, что когда, послѣ продолжительнаго отдыха, демократическій народъ берется наконецъ за оружіе, то всѣ военачальники его оказываются стариками. Я говорю не только о генералахъ, но и вообще объ офицерахъ, изъ которыхъ большая часть оставалась въ мирное время безъ движенія по службѣ, или повышалась крайне медленно. Если посмотрѣть на демократическую армію послѣ долгаго мира, то, къ великому изумленію, окажется, что всѣ солдаты въ ней почти дѣти, а всѣ начальники уже въ преклонныхъ лѣтахъ, такъ что первымъ недостаетъ опытности, а вторымъ—энергіи.

Въ этомъ слабая сторона такихъ армій, ибо молодость — первое условіе для успѣшнаго веденія войны. Я не осмѣлился бы высказать этого, если бъ это не было сказано величайшимъ полководцемъ новѣйшаго времени.

Совсѣмъ другое вліяніе оказываютъ тѣ же двѣ причины на аристократическія арміи.

Такъ какъ въ послѣднихъ на служебное движеніе болѣе вліяетъ право происхожденія, чѣмъ право старшинства, то во всѣхъ чинахъ всегда встрѣчается извѣстное количество людей молодыхъ, выступающихъ на войну во всеоружіи душевныхъ и физическихъ силъ.

Къ тому же, такъ какъ люди, добивающіеся военныхъ почестей, въ аристократической націи имѣютъ обезпеченное положеніе и въ граждан-

скомъ обществѣ, то они лишь въ рѣдкихъ случаяхъ остаются на службѣ до старости. Посвятивъ военной службѣ самые сильные годы своей молодости, они сами возвращаются къ домашнему очагу доживать тамъ остатокъ своего зрѣлаго возраста.

Продолжительный миръ не только наполняетъ демократическія арміи старыми офицерами; онъ сообщаетъ еще всѣмъ офицерамъ физическія и духовныя привычки, дѣлающія ихъ мало пригодными для войны. Тотъ, кто долгое время жилъ въ мирной и спокойной атмосферѣ демократическихъ нравовъ, съ трудомъ покоряется тяжелымъ работамъ и суровымъ обязанностямъ, налагаемымъ войною. Если при этомъ онъ не окончательно теряетъ склонность къ военному дѣлу, то по меньшей мѣрѣ пріучается къ такому образу жизни, который мѣшаетъ ему стать побѣдителемъ.

У аристократическихъ народовъ изнѣженность гражданской жизни оказываетъ меньше вліянія на военные нравы, потому что у этихъ народовъ предводительствуетъ войскомъ аристократія; а у этой послѣдней,—какимъ бы наслажденіямъ она ни предавалась,—всегда есть много другихъ страстей, кромѣ стремленія къ благосостоянію, и она охотно приноситъ временныя жертвы въ этомъ отношеніи, чтобы удовлетворить свои другія страсти.

Я уже указалъ на крайнюю медленность производства въ демократическихъ арміяхъ въ мирное время. Сначала офицеры нетерпѣливо выносятъ такой порядокъ вещей; они волнуются, безпокоятся и приходятъ въ отчаяніе, но со временемъ большинство изъ нихъ примиряется съ этимъ. Болѣе честолюбивые, или обезпеченные покидаютъ службу, остальные же, соразмѣряя свои вкусы и потребности съ посредственностью своей судьбы, начинаютъ смотрѣть на свое военное званіе съ гражданской точки зрѣнія. Они цѣнятъ въ немъ болѣе всего достатокъ и прочность своего положенія; на немъ они основываютъ всю свою будущность и только и желаютъ имѣть возможность мирно наслаждаться ею.

Итакъ, продолжительный миръ не только переполняетъ демократическую армію старыми офицерами, но и превращаетъ въ стариковъ даже тѣхъ, которые еще находятся въ самой лучшей порѣ своихъ силъ.

Я указалъ также на то, какъ мало почитается въ мирное время и какъ не охотно избирается военная карьера у демократическихъ народовъ.

Это общественное нерасположеніе отзывается очень тяжело на духѣ арміи; онъ подавленъ и, когда наконецъ наступаетъ война, онъ не можетъ сразу подняться и достигнуть необходимой бодрости и силы.

Подобной причины моральнаго обезсиленія не встрѣчается въ аристократическихъ арміяхъ. Здѣсь офицеръ никогда не чувствуетъ себя униженнымъ ни въ собственныхъ глазахъ, ни въ глазахъ другихъ, ибо онъ имѣетъ значеніе самъ по себѣ, независимо отъ своего военнаго положенія.

Но даже, еслибы вліяніе мира сказалось на обѣихъ арміяхъ одинаково, все же результаты были бы различны.

Когда офицеры аристократической арміи утратили воинственный духъ и желаніе выдвинуться впередъ посредствомъ оружія, то у нихъ еще остается извѣстное уваженіе къ чести ихъ званія и старая привычка быть всегда первыми и служить примѣромъ; когда же офицеры демократической арміи утрачиваютъ и охоту воевать, и военное честолюбіе, то у нихъ не остается ничего.

Поэтому я полагаю, что демократическій народъ, предпринимающій войну послѣ продолжительнаго мира, рискуетъ гораздо болѣе, чѣмъ всякій другой, быть побѣжденнымъ, но неудача не должна легко сломить его, ибо шансы его арміи растутъ съ теченіемъ войны.

Когда продолжительная война оторвала наконецъ всѣхъ гражданъ отъ ихъ мирныхъ трудовъ и помѣшала успѣху ихъ личныхъ малкихъ предпріятій, то они начинаютъ цѣнить войну такъ же высоко, какъ прежде цѣнили миръ. Война, уничтоживъ всякую промышленность, становится сама великою и единственною промышленностью и къ ней одной направляются со всѣхъ сторонъ пламенныя и честолюбивыя желанія, порожденныя равенствомъ. Вотъ причина, почему эти самыя демократическія народности, которыхъ такъ трудно двинуть на поле битвы, творятъ тамъ подчасъ чудеса, когда они наконецъ возьмутся за оружіе.

По мѣрѣ того какъ война все болѣе и болѣе привлекаетъ общее вниманіе къ арміи и создаетъ въ короткій срокъ извѣстныя имена и большія состоянія, цвѣтъ націи вступаетъ на военное поприще; все, что есть предпріимчиваго, гордаго и воинственнаго и что даетъ уже не одна аристократія, а вся страна,—все устремляется въ этомъ направленіи.

Такъ какъ число конкурентовъ на военныя почести огромно и такъ какъ война сурово указываетъ каждому его мѣсто, то наконецъ появляются и великіе полководцы. Продолжительная война дѣлаетъ съ демократическою арміею то же, что революція съ народомъ. Она сокрушаетъ установленные порядки и выдвигаетъ всѣхъ одаренныхъ людей. Офицеры, состарившіеся въ мирное время душой и тѣломъ, устраняются, удаляются сами, или умираютъ. На ихъ мѣсто спѣшитъ толпа молодежи, которую война уже закалила и стремленія которой развила и воспламенила. Они хотятъ во что бы то ни стало возвышаться и возвышаться безпрерывно; вслѣдъ за ними являются другіе съ тѣми же страстями и желаніями, а за этими еще и еще, насколько позволяетъ составъ арміи. Равенство допускаетъ для всѣхъ честолюбивыя стремленія, а смерть даетъ шансы всякому честолюбію. Смерть безпрерывно опустошаетъ ряды, освобождаетъ мѣста; она или заканчиваетъ карьеру, или открываетъ виды на нее.

Къ тому же между военными и демократическими нравами существуетъ скрытая связь, обнаруживаемая войною.

Люди демократіи пламенно желаютъ быстро пріобрѣтать собственность, которой они добиваются, и спокойно ею владѣть. Большинство изъ нихъ поклоняются случаю и трудъ для нихъ страшнѣе смерти. Въ этомъ духѣ они ведутъ торговлю и промышленность и этотъ же духъ, руководящій ими на полѣ битвы, заставляетъ ихъ охотно рисковать жизнью, чтобы имѣть возможность обезпечить себѣ въ одно мгновеніе плоды побѣды. Нѣтъ величія болѣе удовлетворяющаго воображеніе демократическаго народа, какъ военное величіе, величіе блестящее и внезапное, которое дается безъ труда и рискуя только жизнью.

Такимъ образомъ, насколько интересы и вкусы гражданъ демократіи отдаляютъ ихъ отъ войны, настолько духовныя привычки ихъ помогаютъ имъ успѣшно вести войну: они легко становятся хорошими солдатами, лишь только они оторваны отъ своихъ дѣлъ и заботъ о своемъ благосостояніи.

Если миръ особенно вреденъ демократическимъ арміямъ, то война обезпечиваетъ за ними преимущества, какихъ не имѣется у другихъ армій, и хотя эти преимущества сначала мало ощутительны, но со временемъ они не могутъ не даровать имъ побѣды.

Если аристократическому народу въ борьбѣ съ демократическимъ не удастся уничтожить его съ первыхъ шаговъ, то онъ всегда сильно рискуетъ быть въ концѣ концовъ побѣжденнымъ имъ.

ГЛАВА XXV.

О дисциплинѣ въ демократическихъ арміяхъ.

Весьма распространено мнѣніе, особенно среди аристократическихъ народовъ, что великое соціальное равенство, господствующее въ демократической средѣ, дѣлаетъ со временемъ солдата независимымъ отъ офицера и уничтожаетъ такимъ образомъ узы дисциплины.

Это—заблужденіе. Въ дѣйствительности существуетъ два рода дисциплины, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать.

Когда офицеръ—дворянинъ, а солдатъ—рабъ, когда одинъ богатъ, другой бѣденъ, когда первый просвѣщенъ и силенъ, а второй невѣжественъ и слабъ, тогда легко установить между этими двумя людьми самыя тѣсныя узы повиновенія. Солдатъ привыкъ къ военной дисциплинѣ прежде, такъ сказать, чѣмъ поступитъ въ армію, или вѣрнѣе военная дисциплина есть лишь усовершенствованіе общественнаго рабства. Въ аристократическихъ арміяхъ солдатъ легко становится какъ бы нечувствительнымъ ко всему, исключая приказаній своего начальства; онъ дѣйствуетъ не размышляя, побѣждаетъ безъ одушевленія и умираетъ безропотно. Въ такомъ состояніи это не человѣкъ, но все-таки очень страшное животное, выдрессированное для войны.

Демократическіе народы должны оставить всякую надежду когда-либо добиться отъ своихъ солдатъ повиновенія слѣпого, мелочного, безропотнаго и всегда одинаковаго, какое внушается имъ безъ труда аристократическимъ народомъ. Состояніе гражданскаго общества не подготовляетъ ихъ къ этому: они рискуютъ потерять свои естественныя преимущества, желая пріобрѣсти ихъ искусственнымъ путемъ. У демократическихъ народовъ военная дисциплина не должна пытаться уничтожить свободный полетъ души; она должна лишь стремиться направить его. Повиновеніе, создаваемое ею, не такъ слѣпо, но за то горячо и разумно. Корень его лежитъ въ самой волѣ того, кто повинуется; оно основывается не только на инстинктѣ, но и на разумѣ; оно часто само собою становится строже въ той мѣрѣ, какая необходима въ виду предстоящей опасности. Дисциплина аристократической арміи легко слабѣетъ на войнѣ, ибо она основывается на привычкѣ, которую война можетъ ослабить; дисциплина же демократической арміи, наоборотъ, укрѣпляется при встрѣчѣ съ непріятелемъ, потому что каждый солдатъ видитъ тогда ясно, что слѣдуетъ молчать и повиноваться, чтобъ имѣть возможность одержать побѣду.

Народы, достигшіе путемъ войны очень многаго, не знали другой дисциплины, кромѣ той, о которой я говорю. У древнихъ народовъ въ войска принимались только свободные люди и граждане, которые мало разнились между собою и обходились другъ съ другомъ какъ съ равными. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что арміи древности были демократическими, несмотря на то, что выходили изъ аристократіи. Къ тому же въ этихъ арміяхъ господствовало какое-то дружественное сотоварищество между офицеромъ и солдатомъ. Въ этомъ мы убѣждаемся читая жизнеописанія великихъ полководцевъ Плутарха. Тамъ солдаты говорятъ безпрестанно и весьма свободно со своими генералами, а эти послѣдніе охотно слушаютъ своихъ солдатъ и отвѣчаютъ имъ. Они дѣйствуютъ на нихъ словомъ и примѣромъ гораздо болѣе, чѣмъ принужденіемъ и наказаніями. О нихъ можно сказать, что они столько же товарищи, какъ и начальники.

Не знаю, были ли мелкія подробности военной дисциплины доведены у греческихъ и римскихъ солдатъ до такого совершенства, какъ у русскихъ, что однако не помѣшало Александру завоевать Азію, а Риму—весь міръ.

ГЛАВА XXVI.

Нѣсколько замѣчаній о войнѣ въ демократическихъ обществахъ.

Когда принципъ равенства развивается не у одного какого-либо народа, но одновременно у нѣсколькихъ сосѣднихъ, какъ это замѣчается въ настоящее время въ Европѣ, то люди, живущіе въ различныхъ странахъ, несмотря на разницу языка, обычаевъ и законовъ, дѣлаются схожими въ томъ отношеніи, что одинаково боятся войны и любятъ миръ *). Тщетно вооружаются государи, побуждаемые честолюбіемъ, или раздраженіемъ; какая-то всеобщая апатія и доброжелательность успокоиваютъ ихъ на зло имъ самимъ и обезоруживаетъ ихъ: войны становятся все рѣже.

По мѣрѣ того, какъ равенство, развиваясь разомъ въ нѣсколькихъ странахъ, побуждаетъ людей, живущихъ въ этихъ странахъ, одновременно къ занятію промышленностью и торговлею, у нихъ не только образуются общіе вкусы, но и интересы ихъ перемѣшиваются и сплетаются до такой степени, что ни одна нація не можетъ причинить зла другимъ безъ того, чтобъ это зло не обрушилось на нее самое и что всѣ стали смотрѣть на войну, какъ на бѣдствіе, почти одинаково великое, какъ для побѣдителя, такъ и для побѣжденнаго.

И такъ, съ одной стороны весьма трудно склонить въ демократическія времена народы къ войнѣ между собою, а съ другой—почти невозможно, чтобы два какихъ-либо народа могли вести войну, не затрогивая интересы другихъ народовъ. Интересы всѣхъ такъ сплетены между собою, ихъ мнѣнія и потребности такъ сходны, что ни одинъ народъ не въ состояніи оставаться спокойнымъ, когда другіе волнуются. Такимъ образомъ войны происходятъ рѣже, но разъ онѣ возникаютъ,—область ихъ распространенія становится гораздо обширнѣе.

Сосѣдніе демократическіе народы не только становятся въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходны между собою, какъ я только-что замѣтилъ, но они, въ концѣ концовъ, начинаютъ почти во всемъ походить другъ на друга **).

---

*) Страхъ европейскихъ народовъ передъ войной, происходитъ не отъ одного только прогресса у нихъ равенства; объ этомъ, я полагаю, мнѣ нечего распространяться. Кромѣ этой постоянной причины, существуетъ много случайныхъ и весьма важныхъ. Изъ нихъ я укажу прежде всего на крайнее утомленіе, вызванное у всѣхъ европейскихъ народовъ войнами революціи и первой имперіи.

**) Это происходитъ не исключительно отъ того, что общественное устройство у этихъ народовъ одинаково, но отъ того, что само это устройство таково, что заставляетъ людей естественно сближаться между собою и подражать другъ другу.

Коль скоро граждане раздѣлены на сословія и классы, они не только разнятся одинъ отъ другого, но у нихъ нѣтъ ни охоты, ни желанія походить другъ на друга; наоборотъ, каждый все болѣе и болѣе стремится сохранить въ неприкосновенности свои мнѣнія и свои привычки и остаться самимъ собою. Духъ индивидуальности весьма развитъ.

Когда же у народа общественное устройство имѣетъ демократическій характеръ, т.-е. когда въ немъ не существуетъ ни сословій, ни классовъ, и когда всѣ граждане одинаково просвѣщены и самостоятельны, умъ человѣческій идетъ по противоположному направленію. Люди начинаютъ походить другъ на друга и даже до нѣкоторой степени

Въ отношеніи войны это сходство народовъ имѣетъ весьма важныя послѣдствія.

Когда я задаюсь вопросомъ, почему швейцарскій союзъ пятнадцатаго столѣтія заставилъ трепетать важнѣйшія и могущественнѣйшія европейскія націи, между тѣмъ какъ въ наше время его сила вполнѣ соотвѣтствуетъ его народонаселенію, то я нахожу, что швейцарцы стали походить на всѣ окружающіе народы, а эти на швейцарцевъ, такъ что разница между ними теперь заключается лишь въ численности и побѣда неизбѣжно останется за болѣе многочисленными войсками. Однимъ изъ результатовъ демократической революціи, происходящей въ Европѣ, является то, что на всякомъ полѣ битвы численная сила одерживаетъ верхъ и мелкіе народы принуждены соединяться съ крупными, или по меньшей мѣрѣ участвовать въ политикѣ послѣднихъ.

Такъ какъ численность является опредѣляющею причиною побѣды, то каждый народъ долженъ изо всѣхъ силъ стараться вывести на поле битвы возможно большее количество людей.

Когда можно было навербовать подъ свои знамена войско, по своему качеству превосходящее всѣ остальныя, какъ это было съ швейцарскою пѣхотою, или французскою кавалеріей шестнадцатаго столѣтія, то не было надобности набирать большія войска; но если всѣ солдаты одинаковы,—приходится поступать иначе.

Причина, вызывающая эту новую необходимость, даетъ и средства къ удовлетворенію ея, ибо, какъ я уже сказалъ, когда всѣ люди похожи другъ на друга, то всѣ они слабы. Общественная власть естественно гораздо сильнѣе у демократическихъ народовъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Эти народы, когда пожелаютъ призвать все ихъ мужское населеніе къ оружію, обладаетъ и способностью собрать его, такъ что, во времена равенства, арміи увеличиваются по мѣрѣ того, какъ военный духъ слабѣетъ.

Въ тѣ же времена и по тѣмъ же причинамъ измѣняется и самый способъ веденія войны.

Макіавелли въ своей книгѣ о государѣ говоритъ, что „гораздо труднѣе покорять народъ, управляемый государемъ и баронами, чѣмъ народъ, управляемый государемъ и рабами. Чтобы никого не оскорблять, замѣнимъ рабовъ общественными чиновниками—и получится великая истина, весьма примѣнима къ занимающему насъ предмету.

Сильному аристократическому народу весьма трудно покорить своихъ сосѣдей, или быть покореннымъ ими. Онъ не могъ бы ихъ покорить, такъ какъ

страдаютъ, если не походятъ. Не желая сохранять мельчайшихъ своихъ особенностей, они только и думаютъ какъ бы утратить ихъ, чтобы смѣшаться въ общей массѣ, которая одна, по ихъ мнѣнію, представляетъ изъ себя право и силу. Духъ индивидуальности почти уничтожается.

При аристократическомъ устройствѣ даже тѣ люди, которые естественно походили другъ на друга, стремятся создать между собою хотя бы воображаемое различіе; при демократіи даже тѣ, которые естественно различаются между собою, горячо желаютъ походить одинъ на другого и подражаютъ другъ другу,—такъ велико стремленіе каждаго человѣка примкнуть къ общему движенію человѣчества.

Нѣчто подобное замѣчается и въ отношеніяхъ между народами. Еслибъ у двухъ народовъ было одинаковое аристократическое общественное устройство, то они тѣмъ не менѣе могли бы быть совершенно непохожи между собою, потому что аристократіи стремятся индивидуализироваться. Но два сосѣднихъ народа не могли бы имѣть одинаковаго демократическаго общественнаго устройства безъ немедленнаго заимствованія мнѣній и нравовъ однимъ у другого, потому что демократическій духъ побуждаетъ людей сливаться между собою.

онъ никогда не въ состояніи соединить всѣ свои силы и держать ихъ долго соединенными, но онъ не можетъ быть и побѣжденъ, такъ какъ непріятель вездѣ встрѣтитъ небольшіе очаги сопротивленія, которые его остановятъ. Я сравню войну въ аристократической странѣ съ войною въ горахъ: побѣжденные встрѣчаютъ возможность на каждомъ шагу занять новыя позиціи и твердо защищать ихъ.

У демократическихъ народовъ происходитъ обратное.

Они легко выводятъ на поле битвы всѣ силы, какими могутъ располагать, причемъ если нація богата и многолюдна, она легко становится побѣдительницею. Если же она побѣждена и непріятель проникъ на ея территорію, то у нея остается уже мало источниковъ для продолженія борьбы; когда же завладѣютъ ея столицей, нація гибнетъ. Это явленіе объясняется очень просто: каждый гражданинъ, будучи лично одинокъ и слабъ, не въ состояніи ни себя защитить, ни оказать поддержку другимъ. Силу демократической страны составляетъ государство. Если военная сила государства уничтожена истребленіемъ его войска, а гражданская власть парализована взятіемъ столицы, то остальное представляетъ изъ себя безпорядочную и безсильную толпу, которая не въ состояніи бороться съ организованною силой, нападающею на нее. Я знаю, что эту опасность можно уменьшить дарованіемъ правъ отдѣльнымъ провинціямъ, т.-е. созданіемъ ихъ самостоятельнаго существованія, но этого средства еще далеко не достаточно.

Населеніе не только не будетъ тогда въ состояніи продолжать войну, но можно опасаться, что оно и не захочетъ этого.

На основаніи признаваемаго всѣми цивилизованными націями права, война имѣетъ своею цѣлью не присвоеніе частной собственности, а только захватъ политической власти. Частное имущество уничтожается лишь случайно и единственно для достиженія второй цѣли.

Когда врагъ вторгается въ предѣлы государства аристократической націи, послѣ пораженія ея арміи, то высшія сословія, несмотря на то, что они и самыя богатыя, предпочитаютъ лучше продолжать защищать лично сами себя, нежели покориться, потому что, еслибы побѣдитель завладѣлъ страною, то онъ отнялъ бы у нихъ ихъ политическую власть, которая для нихъ дороже даже ихъ имущества. Поэтому они предпочитаютъ лучше сражаться, нежели быть покоренными, что составляло бы для нихъ величайшее ихъ несчастій, и они легко увлекаютъ за собою народъ, такъ какъ послѣдній издавна привыкъ слѣдовать за ними и подчиняться имъ, и къ тому же почти ничѣмъ не рискуетъ, продолжая войну.

Напротивъ того, въ націи, въ которой господствуетъ равенство состояній, каждый гражданинъ имѣетъ лишь самую малую долю участія въ политической власти и часто даже совсѣмъ не участвуетъ въ ней; съ другой стороны, всѣ независимы и у каждаго есть что потерять; поэтому здѣсь гозаздо менѣе боятся завоеванія и гораздо болѣе войны, чѣмъ въ аристократической странѣ. Демократическое населеніе всегда будетъ очень трудно заставить взяться за оружіе, когда на его территоріи будетъ война. Вотъ почему этимъ народамъ такъ необходимы тѣ права и тотъ политическій духъ, которые внушили бы каждому гражданину такіе же интересы, какіе побуждаютъ къ дѣйствію высшія сословія аристократической націи.

Короли и другіе правители демократическихъ народовъ должны всегда твердо помнить, что только страсть и привычка къ свободѣ могутъ успѣшно бороться со страстью и привычкой къ благосостоянію. Я не знаю ничего

болѣе подготовленнаго къ полному захвату иноземцами въ случаѣ неудачной войны, какъ демократическій народъ, не имѣющій свободныхъ учрежденій.

Въ прежнее время войну вели съ небольшимъ числомъ войска, съ маленькими сраженіями и долгими осадами. Теперь даютъ большія сраженія и, какъ только возможно свободно итти впередъ, такъ тотчасъ же идутъ прямо на столицу, чтобы покончить войну однимъ ударомъ.

Говорятъ, что эта система изобрѣтена Наполеономъ, но одинъ человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, не могъ бы самъ создать ее. Способъ, которымъ Наполеонъ велъ войну, былъ внушенъ ему состояніемъ общества его времени и онъ удавался ему потому, что этотъ способъ удивительно какъ подходилъ къ этому состоянію, и потому, что Наполеонъ его первый употребилъ. Наполеонъ былъ первымъ прошедшимъ во главѣ арміи по всѣмъ столицамъ. Но этотъ путь ему открыло крушеніе феодальнаго общества. Позволительно думать, что еслибъ этотъ необыкновенный человѣкъ родился тремя стами годами ранѣе, то его система не имѣла бы такого успѣха, или, вѣрнѣе, у него была бы другая система.

Я прибавлю только еще лишь два слова о междоусобныхъ войнахъ, такъ какъ я боюсь утомить вниманіе читателя.

Большая часть того, что я говорилъ объ иностранныхъ войнахъ, еще съ большимъ основаніемъ относится и къ войнамъ внутреннимъ. Люди, живущіе въ демократическихъ странахъ, не имѣютъ природнаго воинственнаго духа; иногда онъ охватываетъ ихъ, когда они, помимо своей воли, попадаютъ на поле сраженія, но возстать всею массой и добровольно подвергнуть себя всѣмъ бѣдствіямъ, которыми сопровождается война и въ особенности война междуусобная, на это обыкновенно населеніе демократическихъ странъ не рѣшается. На такой рискъ идутъ лишь самые безстрашные и рѣшительные изъ гражданъ, масса же населенія остается неподвижною.

Даже еслибъ она и хотѣла дѣйствовать, то для нея это было бы не легко; она не находитъ въ своей средѣ давнихъ и прочно установленныхъ вліяній, которымъ она согласилась бы подчиниться; у нея нѣтъ уже готовыхъ вождей, которые могли бы собрать недовольныхъ, управлять ими и вести ихъ, нѣтъ и политической власти, стоящей ниже общенаціональнаго правительства и которая бы могла дѣйствительно поддержать оказываемое ему сопротивленіе.

Въ демократическихъ странахъ моральная власть большинства громадна и матеріальныя силы, которыми онѣ располагаютъ, не идутъ ни въ какое сравненіе съ тѣми силами, которыя имъ можно было бы съ перваго раза противопоставить. Поэтому та партія, которая, опираясь на большинство, говоритъ отъ его имени и дѣйствуетъ его властью, сразу и безъ труда торжествуетъ надъ всякимъ частнымъ сопротивленіемъ. Она даже не даетъ имъ времени возникнуть,—она подавляетъ ихъ въ зародышѣ.

Поэтому тѣ, кто хочетъ произвести среди этихъ народовъ революцію силою оружія, не имѣютъ другого средства, какъ врасплохъ захватить въ свои руки совсѣмъ готовую правительственную машину, что гораздо легче исполнить при помощи внезапнаго нападенія, чѣмъ посредствомъ войны, такъ какъ въ случаѣ войны, побѣда всегда будетъ на сторонѣ партіи, представляющей собою государство.

Единственный случай, когда могла бы возникнуть междоусобная война, это еслибъ армія раздѣлилась и одна часть ея подняла знамя возстанія,

другая же оставалась бы вѣрною государственной власти. Армія представляетъ собою цѣлое небольшое общество, чрезвычайно тѣсно связанное и живучее, которое можетъ жить нѣкоторое время само собою. Война могла бы быть кровопролитою, но она не была бы продолжительною, такъ какъ либо возмутившаяся часть арміи привлекла бы на свою сторону правительство однимъ проявленіемъ своей силы, или своею первою побѣдою, и война была бы окончена, либо завязалась бы борьба и та часть арміи, которая не имѣла бы опоры въ организованныхъ силахъ государства, разсѣялась бы сама собою, или была бы уничтожена.

Поэтому можно признать за общую истину, что во времена равенства междоусобныя войны сдѣлаются и гораздо болѣе рѣдкими и гораздо менѣе продолжительными *).

---

*) Само собою, разумѣется, что я говорю здѣсь только объ *объединенныхъ*, а не о конфедеративныхъ демократическихъ націяхъ. Въ конфедераціяхъ, въ которыхъ главенство власти, несмотря на условное предположеніе, всегда будетъ принадлежать отдѣльнымъ государствамъ, а не союзному правительству, гражданская война всегда будетъ тою же иностранною войной, только замаскированною.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ.

О вліяніи демократическихъ идей и чувствъ на политическое общество.

Я бы неудовлетворительно выполнилъ задачу, которая является цѣлью этой книги, если бы, показавъ какія идеи и чувства внушаются равенствомъ, не показалъ бы въ заключеніе, какого рода вліяніе могутъ оказывать эти самыя чувства и идеи на управленіе человѣческими обществами.

Для того, чтобы какъ можно лучше выяснить это, я долженъ буду часто возвращаться назадъ. Но я надѣюсь, что читатель не откажется слѣдовать за мною по дорогамъ, уже извѣстнымъ ему, если онѣ будутъ вести его къ какой-нибудь новой истинѣ.

ГЛАВА I.

Равенство естественно заставляетъ людей любить свободныя учрежденія.

Равенство, дѣлающее людей независимыми другъ отъ друга, создаетъ у нихъ привычку и стремленіе слѣдовать въ своихъ частныхъ дѣлахъ лишь собственной волѣ. Эта полная независимость, которой они постоянно пользуются относительно равныхъ себѣ и въ своей частной жизни, заставляетъ ихъ недоброжелательно смотрѣть на всякую власть и очень скоро внушаетъ имъ понятіе о политической свободѣ и любовь къ ней. Поэтому, въ настоящее время люди идутъ по естественному пути, ведущему ихъ къ свободнымъ учрежденіямъ. Возьмите наудачу любого изъ нихъ и по возможности дойдите до первоначальныхъ его инстинктовъ: вы увидите, что между различными формами правленія онъ прежде всего усвоиваетъ себѣ и больше всего одобряетъ ту, въ которой онъ самъ выбираетъ главу правительства и контролируетъ его дѣйствія.

Изъ всѣхъ политическихъ послѣдствій, вытекающихъ изъ равенства состояній, эта любовь къ независимости прежде всего бросается въ глаза и болѣе всего пугаетъ боязливые умы, при чемъ нельзя сказать, чтобы страхъ этотъ совсѣмъ не имѣлъ основанія, такъ какъ анархія имѣетъ еще болѣе ужасный характеръ въ демократическихъ странахъ, чѣмъ въ аристократическихъ. Такъ какъ сами граждане не могутъ оказывать другъ на друга никакого воздѣйствія, то, лишь только рушится сдерживающая

ихъ національная власть, тотчасъ же долженъ, повидимому, наступить полнѣйшій безпорядокъ, и такъ какъ каждый гражданинъ будетъ дѣйствовать только за себя, то общественный организмъ сразу разлетится въ прахъ.

Я убѣжденъ, однакоже, что анархія не есть главное зло, котораго должны опасаться демократическіе вѣка, а, напротивъ того, наименьшее.

Въ самомъ дѣлѣ, равенство порождаетъ двѣ склонности: первая прямо влечетъ человѣка къ независимости и можетъ внезапно привести его къ анархіи, другая же, путемъ болѣе долгимъ, болѣе скрытымъ, но и болѣе вѣрнымъ ведетъ его къ рабству.

Народы легко видятъ опасность перваго направленія и не поддаются ему, во второе же они увлекаются, не замѣчая его, и поэтому-то особенно важно указать на него.

Я, со своей стороны, не только не ставлю равенству въ упрекъ тотъ духъ непокорности, который оно внушаетъ, но, напротивъ, за это особенно и цѣню его. Я восхищаюсь имъ, видя, какъ оно закладываетъ въ умѣ и сердцѣ каждаго человѣка сѣмена того еще неяснаго понятія и инстинктивнаго стремленія къ политической независимости, которое такимъ образомъ является средствомъ для исправленія порожденнаго имъ зла. Эти-то свойства равенства и заставляютъ меня любить его.

ГЛАВА II.

Понятія демократическихъ народовъ относительно формы правленія естественнымъ образомъ способствуютъ концентраціи власти.

Представленіе о второстепенныхъ властяхъ, стоящихъ между верховною властью и подданными, возникало само собою у аристократическихъ народовъ, такъ какъ среди нихъ были лица и семьи, которыя выдѣлялись изъ общей массы по рожденію, просвѣщенности и богатству, и были какъ бы предназначены для управленія. Понятно, что такое представленіе по обратнымъ причинамъ отсутствуетъ у народовъ, среди которыхъ господствуетъ равенство; у нихъ оно можетъ быть введено лишь искусственно и удерживается съ трудомъ, тогда какъ представленіе о единой и центральной власти, управляющей всѣми гражданами, слагается у нихъ, такъ сказать, безъ размышленія.

Въ политикѣ, такъ же какъ и въ философіи и религіи, простыя и общія идеи всего болѣе подходятъ къ складу ума демократическихъ народовъ. Сложныя системы отталкиваютъ ихъ и имъ нравится представленіе о великой націи, всѣ граждане которой походятъ на одинъ образецъ и управляются одною властью.

Послѣ идеи о единой и центральной власти наиболѣе естественно—во времена равенства представляется уму человѣка идея объ однообразномъ законодательствѣ. Такъ какъ тогда каждый гражданинъ не видитъ большаго различія между собою и другими, то ему трудно понять, почему какое-нибудь правило, примѣнимое къ одному человѣку, не можетъ быть примѣнимо точно такъ же и ко всѣмъ остальнымъ. Поэтому его разуму претитъ всякія привилегіи; ему непріятна мысль о какихъ бы то ни было различіяхъ въ политическихъ учрежденіяхъ одного и того же народа, и однообразное законодательство кажется ему первымъ условіемъ хорошаго управленія.

Но это самое представленіе объ однообразномъ законѣ, одинаково обязательномъ для всѣхъ членовъ общественнаго организма, по моему мнѣнію, совершенно чуждо пониманію людей, живущихъ во времена господства аристократіи. Они его не принимаютъ, или отвергаютъ.

Эти противоположныя склонности человѣческаго ума, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, превращаются наконецъ въ слѣпые инстинкты и создаютъ такія прочныя привычки, которыя продолжаютъ руководить поступками людей, несмотря ни на какія частные факты. Въ средніе вѣка, несмотря на громадное разнообразіе въ людяхъ, встрѣчались иногда и совершенно сходныя личности, что не мѣшало законодателю устанавливать для каждаго изъ нихъ особыя права и особыя обязанности. Въ наше время, напротивъ, правительства употребляютъ всевозможныя усилія для того, чтобы ввести одни и тѣ же обычаи и одни и тѣ же законы въ тѣхъ частяхъ населенія которыя еще не сходны одна съ другой.

По мѣрѣ того, какъ въ народѣ уравниваются общественныя положенія, отдѣльныя личности какъ бы уменьшаются, а общество какъ бы вырастаетъ или, вѣрнѣе, каждый гражданинъ, становясь подобнымъ всѣмъ остальнымъ, теряется въ толпѣ и намъ виденъ только уже одинъ грандіозный и величественный образъ самаго народа.

Изъ этого естественно вытекаетъ, что у людей демократическихъ временъ существуетъ очень высокое мнѣніе о правахъ общества и чрезвычайно низкая оцѣнка правъ отдѣльной личности. Они легко допускаютъ, что интересы общества—это все, интересы же личности—ничто. Они признаютъ довольно охотно, что власть, представляющая общество, обладаетъ гораздо большимъ знаніемъ и мудростью, чѣмъ кто бы то ни было изъ людей, входящихъ въ составъ этого общества, и что эта власть, имѣетъ обязанность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право, брать каждаго гражданина за руку и вести его.

Если приглядѣться внимательнѣе къ людямъ нашего времени и постараться проникнуть до самого корня ихъ политическихъ убѣжденій, то въ нихъ можно найти многія изъ тѣхъ идей, которыя мною изложены; пожалуй даже покажется удивительно, какъ много общаго въ людяхъ, которые такъ часто воюютъ между собою.

Американцы полагаютъ, что во всякомъ государствѣ власть должна непосредственно исходить отъ народа: но, разъ эта власть установлена, они не полагаютъ ей, такъ сказать, никакихъ предѣловъ; они охотно признаютъ, что она имѣетъ право дѣлать рѣшительно все.

Что же касается до особыхъ привилегій, признаваемыхъ за нѣкоторыми городами, семьями, или лицами, то они даже утратили представленіе объ этомъ. Ихъ уму никогда не представлялось, чтобы одинъ и тотъ же законъ нельзя было одинаково примѣнить ко всѣмъ частямъ государства и ко всѣмъ живущимъ въ немъ людямъ.

Эти же самыя мнѣнія распространяются все болѣе и болѣе и въ Европѣ; ими проникаются мало-по-малу даже такія націи, которыя наиболѣе рѣзко отрицаютъ верховную власть народа. Эти послѣднія производятъ власть изъ другого начала, чѣмъ американцы, но они придаютъ ей тотъ же характеръ. Какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ понятіе о промежуточной власти слабѣетъ и пропадаетъ. Понятіе о правѣ, присущемъ нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ, быстро исчезаетъ въ умахъ людей, оно уступаетъ мѣсто понятію о всесильномъ и единомъ правѣ общества. Эти идеи укореняются и разрастаются по мѣрѣ того, какъ уравниваются положенія

и люди дѣлаются болѣе подобными другъ другу; равенство порождаетъ ихъ и онѣ въ свою очередь содѣйствуютъ распространенію равенства.

Во Франціи, въ которой этотъ переворотъ подвинулся гораздо дальше-чѣмъ у котораго-нибудь изъ другихъ европейскихъ народовъ, эти идеи уже совершенно вошли въ общее сознаніе. Если прислушаться внимательно къ голосамъ нашихъ различныхъ партій, то станетъ ясно, что среди нихъ нѣтъ ни одной, которая не признавала бы ихъ. Большая часть изъ нихъ полагаетъ, что правительство дѣйствуетъ дурно; но всѣ думаютъ, что правительство должно дѣйствовать постоянно и руководить всѣмъ. Даже тѣ партіи, которыя сильнѣе всего воюютъ другъ противъ друга, соглашаются въ этомъ. Единство, вездѣсущіе, всемогущество общественной власти, единообразіе ея законовъ составляютъ характерныя черты всѣхъ политическихъ системъ, рождающихся въ наше время. Онѣ же лежатъ въ основаніи самыхъ странныхъ утопій. Умъ человѣка слѣдуетъ все тому же пути, даже когда онъ грезитъ.

Если подобныя идеи сами собою образуются въ умахъ частныхъ лицъ, то тѣмъ легче онѣ являются у государей.

Въ то время какъ старый общественный строй Европы измѣняется и распадается, правители начинаютъ иначе смотрѣть на свои обязанности и характеръ своей дѣятельности; они впервые начинаютъ сознавать, что центральная власть, которую они представляютъ собою, можетъ и должна управлять самостоятельно и по единообразному плану всѣми дѣлами и всѣми людьми. Это сознаніе, котораго, смѣю думать, никогда не было у европейскихъ государей ранѣе нашего времени, теперь глубоко проникло въ ихъ умы и прочно укоренилось въ нихъ, несмотря на колебанія всѣхъ другихъ убѣжденій.

Итакъ, въ людяхъ нашего времени гораздо менѣе разногласія, чѣмъ это думаютъ; они непрестанно спорятъ о томъ, въ чьихъ рукахъ должна находиться верховная власть, но они легко соглашаются по вопросу о правахъ и обязанностяхъ этой власти. Всѣ представляютъ ее себѣ единою, простою, провиденціальною и созидательною.

Всѣ второстепенныя идеи, касающіяся вопросовъ политики, измѣнчивы, эта же идея остается непоколебимою и неизмѣнною. Писатели и государственные люди принимаютъ ее, толпа жадно схватываетъ ее, управляемые и правители одинаково согласны слѣдовать ей; она является прежде всего; она кажется врожденною.

Поэтому никакъ нельзя считать ее капризомъ человѣческаго ума; она есть необходимое условіе современнаго состоянія человѣчества.

ГЛАВА III.

Чувства демократическихъ народовъ ведутъ ихъ, такъ же какъ и ихъ идеи, къ централизаціи власти.

Если въ вѣка равенства люди легко усвоиваютъ идею о сильной центральной власти, то нельзя сомнѣваться, съ другой стороны, въ томъ, что ихъ привычки и ихъ чувства предрасполагаютъ ихъ къ признанію подобной власти и къ содѣйствію ея установленію. Это можетъ быть доказано въ нѣсколькихъ словахъ, такъ какъ большая часть доказательствъ уже высказана ранѣе.

Люди демократическихъ странъ, не имѣя у себя ни высшихъ, ни низшихъ, ни необходимыхъ и привычныхъ сотоварищей, легко замыкаются каждый въ себя и считаютъ себя стоящими отдѣльно. Я имѣлъ случай подробно выяснить это, когда говорилъ объ индивидуализмѣ.

Поэтому эти люди всегда лишь съ большимъ трудомъ отрываются отъ своихъ частныхъ дѣлъ, чтобы заняться общими; ихъ естественная склонность заставляетъ ихъ предоставить заботу объ общихъ интересахъ единственному видимому и постоянному представителю послѣднихъ — государству.

Они не только не имѣютъ естественной охоты заниматься общественными дѣлами, но у нихъ часто нѣтъ на это и времени. Въ демократическія времена частная жизнь такъ дѣятельна, такъ неспокойна, такъ переполнена стремленіями и трудами, что у каждаго человѣка почти не остается ни энергіи, ни досуга для политической жизни.

Не мнѣ, конечно, отрицать, что подобныя наклонности преодолимы, такъ какъ борьба съ ними и есть главная цѣль моей книги. Я утверждаю только, что есть тайная сила, которая въ настоящее время постоянно развиваетъ ихъ въ сердцѣ человѣка, и что достаточно имъ не сопротивляться, чтобы онѣ завладѣли имъ.

Я уже имѣлъ также случай показать, какъ возрастающая любовь къ благосостоянію и измѣнчивый характеръ собственности заставляютъ демократическіе народы бояться матеріальнаго безпорядка. Любовь къ общественному спокойствію составляетъ часто единственное сильное политическое чувство, сохраняющееся у этихъ народовъ, и оно становится у нихъ еще болѣе дѣятельнымъ и могущественнымъ по мѣрѣ того, какъ слабѣютъ и угасаютъ всѣ другія чувства; это естественнымъ образомъ располагаетъ гражданъ постоянно давать, или уступать, все болѣе правъ центральной власти, которая въ ихъ глазахъ одна имѣетъ интересъ и возможность защитить ихъ отъ анархіи, защищая самое себя.

Такъ какъ при господствѣ равенства никто не обязанъ отдавать свои силы на услуженіе себѣ подобнымъ и никто не имѣетъ права ожидать отъ другихъ существенной поддержки, то каждый въ одно и то же время и независимъ и слабъ. Эти два состоянія, которыя никогда не надо ни раздѣлять, ни смѣшивать, воспитываютъ въ гражданинѣ демократическаго государства два вполнѣ противоположныхъ инстинкта. Его независимость дѣлаетъ его самоувѣреннымъ и гордымъ среди подобныхъ себѣ, а его слабость заставляетъ его чувствовать по временамъ потребность въ посторонней помощи, которой онъ не можетъ ждать ни отъ кого изъ нихъ, такъ какъ всѣ они безсильны и равнодушны. Въ этой крайности, онъ естественно обращаетъ свои взоры къ тому великому существу, которое одно стоитъ высоко посреди всеобщей приниженности. Къ нему приводятъ его постоянно его нужды и, въ особенности, его желанія и онъ начинаетъ, наконецъ, смотрѣть на него какъ на единственную и необходимую поддержку индивидуальной слабости *).

*) Въ демократическихъ странахъ только одна центральная власть имѣетъ нѣкоторую прочность въ своемъ положеніи и нѣкоторое постоянство въ своихъ предпріятіяхъ. Всѣ граждане постоянно перемѣщаются и видоизмѣняются. Между тѣмъ каждому правительству естественно присуще желаніе постоянно увеличивать свою сферу, и невѣроятно, чтобы оно наконецъ, не достигло своей цѣли, такъ какъ оно дѣйствуетъ съ опредѣленною идеей и постоянною волей на людей, которыхъ положенія, мысли и желанія мѣняются ежедневно.

Это даетъ окончательное объясненіе тому, что часто происходитъ у демократическихъ народовъ, гдѣ люди, которые такъ трудно выносятъ надъ собою высшихъ, спокойно терпятъ одного господина, проявляя въ одно и то же время и гордость и рабскую подчиненность.

Ненависть, которую люди питаютъ къ привилегіямъ, усиливается по мѣрѣ того, какъ эти привилегіи становятся болѣе рѣдкими и менѣе крупными; такимъ образомъ можно сказать, что демократическія страсти воспламеняются всего сильнѣе именно въ то время, когда онѣ находятъ себѣ менѣе пищи. Я уже объяснилъ это явленіе. Когда всѣ положенія неравны, то никакое неравенство уже не рѣжетъ глаза, тогда какъ при всеобщей однородности положеній всякое небольшое отличіе уже кажется поразительнымъ и тѣмъ болѣе невыносимымъ, чѣмъ однообразіе полнѣе. Поэтому естественно, что любовь къ равенству постоянно возрастаетъ вмѣстѣ съ самымъ равенствомъ и тѣмъ больше развивается, чѣмъ больше удовлетворяется.

Эта неумирающая и все болѣе и болѣе разгорающаяся ненависть демократическихъ народовъ къ самымъ малѣйшимъ привилегіямъ удивительно благопріятствуетъ постепенной концентраціи всѣхъ политическихъ правъ въ рукахъ единственнаго представителя государства. Верховная власть, которая необходимо и безспорно стоитъ выше всѣхъ гражданъ, не возбуждаетъ зависти ни въ комъ и каждый думаетъ, что онъ отнимаетъ у равныхъ себѣ тѣ прерогативы, которыя онъ ей уступаетъ.

Въ демократическія времена человѣкъ лишь крайне неохотно соглашается повиноваться своему сосѣду, котораго онъ считаетъ равнымъ себѣ; онъ отказывается признавать за нимъ большее знаніе, чѣмъ онъ имѣетъ самъ; онъ не довѣряетъ его справедливости и завидуетъ его власти; онъ его и боится и презираетъ; ему нравится выказывать при всякомъ случаѣ, что оба они одинаково зависятъ отъ одного и того же господина.

Всякая центральная власть, которая слѣдуетъ своимъ естественнымъ инстинктамъ, любитъ равенство и содѣйствуетъ ему, такъ какъ равенство удивительно облегчаетъ дѣятельность такой власти, расширяетъ и укрѣпляетъ ее.

Точно такъ же можно сказать, что всякое центральное правительство чрезвычайно любитъ единообразіе; послѣднее избавляетъ его отъ изученія множества мелкихъ подробностей, которыми ему пришлось бы заниматься, если-бы надо было установить правила для отдѣльныхъ людей, а не подводить всѣхъ людей подъ одно правило. Такимъ образомъ правительство

Часто бываетъ, что граждане содѣйствуютъ ему, помимо своей воли. Демократическіе вѣка суть время всякихъ опытовъ, нововведеній и приключеній. Въ нихъ всегда бываетъ множество людей, затѣвающихъ совершенно самостоятельно какія-нибудь трудныя и новыя предпріятія, нисколько не заботясь о подобныхъ себѣ. Эти люди, конечно признаютъ какъ общій принципъ, что общественная власть не должна вмѣшиваться въ частныя дѣла; но, въ видѣ исключенія, каждый изъ нихъ желалъ бы, чтобы она помогла ему въ его спеціальномъ дѣлѣ и онъ старается обратить дѣятельность правительства на свою сторону, отклоняя ее въ то же время отъ всѣхъ другихъ. Такъ какъ множество лицъ держатся этого особаго взгляда по поводу множества различныхъ дѣлъ, то сфера центральной власти незамѣтнымъ образомъ расширяется во всѣ стороны, хотя каждое изъ этихъ лицъ и желаетъ ее ограничить.

Такимъ образомъ, демократическое правительство расширяетъ свою власть въ силу того лишь, что оно продолжаетъ существовать. Время работаетъ за него; всѣ случайности служатъ ему лишь на пользу; страсти отдѣльныхъ личностей даже безсознательно помогаютъ ему, и, можно сказать, что оно централизуется тѣмъ болѣе, чѣмъ старѣе демократическое общество.

любитъ то же, что любятъ граждане и ненавидитъ то же, что они ненавидятъ. Эта общность чувствъ, при которой въ демократическихъ націяхъ мысли каждаго гражданина постоянно сходятся съ мыслями верховной власти, устанавливаетъ между ними тайную и прочную симпатію. Правительству прощаютъ его ошибки ради его тенденцій; общественное довѣріе съ трудомъ измѣняетъ ему даже при его злоупотребленіяхъ и заблужденіяхъ и немедленно же возвращается къ нему, при первомъ его призывѣ. Демократическіе народы часто ненавидятъ лицъ, въ рукахъ которыхъ ненаходится центральная власть, но они всегда любятъ самую эту власть.

Такимъ образомъ, я двумя различными путями пришелъ къ одной и той же цѣли. Сначала я указалъ, что равенство внушаетъ людямъ мысль о единомъ, однообразномъ и сильномъ правительствѣ. Теперь я показалъ, какъ равенство пріучаетъ къ нему ихъ склонности; значитъ, къ такому именно правительству стремятся всѣ націи настоящаго времени. Ихъ влекутъ къ нему естественныя наклонности ихъ ума и сердца и чтобы притти къ этому, имъ достаточно не сдерживать себя на этомъ пути.

Я думаю, что во времена грядущаго демократизма личная независимость и мѣстныя свободныя права будутъ всегда создаваться только искуственнымъ путемъ. Естественною формой правленія будетъ централизація.

ГЛАВА IV.

О нѣкоторыхъ особенныхъ и случайныхъ причинахъ, которыя окончательно приводятъ демократическіе народы къ централизаціи власти, или же отклоняютъ ихъ отъ нея.

Если всѣ демократическіе народы и стремятся инстинктивно къ централизаціи, то не у всѣхъ это стремленіе развивается съ одинаковою силой. Это зависитъ отъ различныхъ условій, которыя могутъ либо содѣйствовать, либо препятствовать развитію естественныхъ послѣдствій общественнаго строя. Такихъ условій чрезвычайно много; я укажу лишь на нѣкоторыя изъ нихъ.

У людей, которые прежде, чѣмъ сдѣлаться равными, долгое время жили свободными, инстинкты, заложенные этою свободой, оказываютъ до нѣкоторой степени сопротивленіе тѣмъ наклонностямъ, которыя въ нихъ воспитываетъ равенство, и хотя у нихъ привилегіи центральной власти и увеличиваются, но частныя лица все же никогда не утрачиваютъ совершенно своей независимости.

Но когда равенство водворяется у народа, который никогда не зналъ, или уже давно не знаетъ свободы, какъ это встрѣчается на европейскомъ материкѣ, то старыя національныя привычки немедленно же и какъ бы путемъ естественнаго притяженія сливаются съ привычками и взглядами порождаемыми новымъ общественнымъ строемъ, при чемъ всѣ власти какъ бы сами собою стремятся къ центру, сосредоточиваясь въ немъ съ удивительною быстротою, и государство сразу достигаетъ крайнихъ предѣловъ своей силы, тогда какъ частныя лица такъ же быстро доходятъ до послѣдней степени безсилія.

Англичане, основавшіе три столѣтія тому назадъ демократическое общество въ пустыняхъ Новаго Свѣта, всѣ вынесли изъ своей родины привычку

къ участію въ общественныхъ дѣлахъ: они знали судъ присяжныхъ, они пользовались свободой слова и печати, свободой личности, имѣли понятіе о правѣ и привычку пользоваться своими правами. Они перенесли въ Америку эти свободныя учрежденія и эти доблестные нравы, которые и спасли ихъ отъ порабощенія государству.

Такимъ образомъ у американцевъ свобода старѣе равенства; послѣднее имѣетъ сравнительно недавнее происхожденіе. Въ Европѣ же наоборотъ, равенство, введенное абсолютною властью, подъ владычествомъ королей, вошло въ привычки народовъ задолго до того, чѣмъ у нихъ явилась мысль о свободѣ.

Я сказалъ, что въ умахъ демократическихъ народовъ правительство представляется только въ видѣ единой и центральной власти и что понятіе о посредствующихъ властяхъ чуждо имъ. Это въ особенности вѣрно для тѣхъ демократическихъ націй, у которыхъ принципъ равенства восторжествовалъ путемъ насильственной революціи. Такъ какъ классы, управлявшіе мѣстными дѣлами, исчезли при этомъ переворотѣ и явившаяся на мѣсто ихъ смѣшанная масса еще не имѣетъ ни организаціи, ни привычекъ, дающихъ ей возможность взять въ свои руки управленіе этими дѣлами, то остается только самому государству взять на себя всѣ частности управленія. Централизація является какъ бы необходимостью.

Не слѣдуетъ ни хвалить, ни порицать Наполеона за то, что онъ забралъ исключительно въ собственныя руки почти всю административную власть, такъ какъ, послѣ внезапнаго исчезновенія дворянства и высшей буржуазіи, эта власть сама собою переходила къ нему и ему было бы почти столь же трудно отказаться отъ нея, какъ и взять ее. Американцы никогда не находились въ такомъ положеніи; такъ какъ у нихъ не было революціи и всегда была привычка къ самоуправленію, то у нихъ и не было никогда необходимости временно передавать опеку надъ собой государству.

Такимъ образомъ у демократическаго народа централизація развивается не только сообразно съ развитіемъ равенства, но также и сообразно съ тѣмъ, каково начало этого равенства.

Въ началѣ большой демократической революціи, когда война между различными классами еще только разгорается, народъ старается централизировать общественное управленіе въ рукахъ правительства для того, чтобы изъять веденіе мѣстныхъ дѣлъ изъ рукъ аристократіи. Напротивъ, къ концу этой же самой революціи, побѣжденная аристократія обыкновенно старается передать все управленіе въ руки государства, такъ какъ она боится мелкой тиранніи народа, ставшаго равнымъ ей, а часто и ея властелиномъ.

Такимъ образомъ расширеніе прерогативъ власти не всегда бываетъ дѣломъ одного и того же класса гражданъ, но въ то время, когда совершается демократическая революція, въ націи всегда находится какой-нибудь сильный своею численностью, или своимъ богатствомъ классъ, который его особыя страсти и интересы заставляютъ желать централизаціи общественнаго управленія, помимо ненависти къ правленію сосѣда, составляющей у демократическихъ народовъ общее и постоянное чувство. Въ настоящее время можно видѣть, что въ Англіи низшіе классы всѣми силами стараются уничтожить мѣстную независимость и перемѣстить все управленіе отъ окружности къ центру, высшіе же классы усиливаются сохранить это управленіе въ его прежнихъ границахъ. Я смѣю предсказать, что наступитъ день, когда будетъ происходить обратное.

Все сказанное здѣсь ясно показываетъ, почему у демократическаго народа, который достигъ равенства путемъ долгой и тяжелой общественной работы, общественная власть всегда должна быть сильнѣе, а отдѣльная личность слабѣе, чѣмъ въ томъ демократическомъ обществѣ, гдѣ граждане были всегда равны. Примѣръ американцевъ дастъ этому окончательное доказательство.

Люди, населяющіе Соединенные Штаты, никогда не были раздѣлены никакими привилегіями; они никогда не знали взаимныхъ отношеній подчиненнаго и господина, и такъ какъ они не боятся и не ненавидятъ другъ друга, то и никогда не чувствовали необходимости призывать верховную власть для управленія частностями ихъ дѣлъ. Странная судьба американцевъ: они взяли у англійской аристократіи понятіе о правахъ личности и о стремленіи къ мѣстной свободѣ и имѣли возможность сохранить то и другое потому, что имъ не приходилось бороться за нихъ съ аристократіей.

Если просвѣщеніе во всѣ времена служитъ человѣку къ защитѣ его независимости, то это въ особенности вѣрно относительно демократическихъ временъ. Когда всѣ люди походятъ другъ на друга, тогда легко основать единое и всесильное правительство,—для этого достаточно ихъ желанія. Но нужно много ума, знанія и искусства для того, чтобы при подобныхъ же обстоятельствахъ организовать и поддерживать власти второго порядка и создать, посреди личной независимости и слабости гражданъ, свободныя ассоціаціи, которыя были бы въ состояніи бороться противъ тиранніи, не разрушая порядка.

Итакъ, концентрація власти и порабощеніе личности будутъ возрастать у демократическихъ народовъ не только вмѣстѣ съ развитіемъ равенства, но и пропорціонально ихъ невѣжеству.

Правда, что въ мало просвѣщенные вѣка правительство часто не обладаетъ достаточными свѣдѣніями, чтобы довести до совершенства деспотизмъ, такъ же какъ и граждане недостаточно просвѣщены для того, чтобы бороться съ нимъ. Но результаты дѣйствія обѣихъ сторонъ не равны.

Какъ бы невѣжественъ ни былъ демократическій народъ, управляющая имъ центральная власть все же никогда не бываетъ совершенно лишена просвѣщенія, такъ какъ она легко привлекаетъ къ себѣ все то немногое, что имѣется въ странѣ, а въ случаѣ нужды и изъ чужихъ странъ. Такимъ образомъ въ невѣжественной и демократической націи не можетъ очень быстро не проявиться громадное различіе между умственнымъ развитіемъ представителей верховной власти и каждаго изъ ея подданныхъ. Это обстоятельство уже окончательно завершаетъ дѣло концентраціи всей власти въ рукахъ ея главы. Административная сила государства возрастаетъ постоянно, потому что только оно одно обладаетъ способностью, достаточною для управленія.

Въ аристократическихъ націяхъ, какими бы невѣжественными мы ихъ ни предположили, мы никогда не увидимъ подобнаго зрѣлища, такъ какъ просвѣщеніе въ нихъ довольно равномѣрно распредѣлено между главою государства и главнѣйшими гражданами.

Паша, царствующій въ настоящее время въ Египтѣ, нашелъ страну, населенную очень невѣжественными и очень равными людьми, и, чтобы управлять ею, воспользовался знаніемъ и просвѣщеніемъ Европы. Такимъ образомъ, при этомъ соединеніи личной просвѣщенности правителя съ не-

вѣжествомъ и демократическимъ безсиліемъ подданныхъ, централизація легко достигла своихъ крайнихъ предѣловъ, и правитель могъ превратить страну въ свою фабрику, а ея жителей—въ своихъ рабочихъ.

Я полагаю, что крайняя централизація политической власти въ концѣ концовъ обезсиливаетъ общество и такимъ образомъ съ теченіемъ времени ослабляетъ самое правительство. Но я не отрицаю, чтобы централизованная общественная сила не была въ какое-нибудь данное время и въ данномъ дѣлѣ способна исполнять легко очень крупныя предпріятія. Это въ особенности справедливо относительно войны, гдѣ успѣхъ зависитъ гораздо болѣе отъ возможности быстро направлять всѣ силы къ одному пункту, чѣмъ отъ самой величины этихъ силъ. Поэтому-то, при войнѣ, народы всего болѣе чувствуютъ желаніе, а часто и необходимость усиливать прерогативы центральной власти. Всѣ военные геніи любятъ централизацію, которая увеличиваетъ ихъ силы, и всѣ геніальные централизаторы любятъ войну, которая заставляетъ народъ сосредоточивать всю власть въ рукахъ государства. Такимъ образомъ, демократическая тенденція, направляющая людей къ постоянному увеличенію привилегій государственной власти и къ ограниченію правъ частныхъ лицъ, дѣйствуетъ гораздо быстрѣе и постояннѣе у тѣхъ демократическихъ народовъ, которые по своему положенію подвергаются частымъ и большимъ войнамъ и существованіе которыхъ часто подвергается опасности, чѣмъ у всѣхъ прочихъ.

Я уже говорилъ о томъ, какъ боязнь безпорядка и любовь къ благосостоянію незамѣтно побуждаютъ демократическіе народы усиливать предѣлы правъ центральнаго правительства, составляющаго единственную власть, которая въ ихъ глазахъ сама по себѣ достаточно сильна, просвѣщенна и прочна, чтобы защитить ихъ отъ анархіи. Мнѣ почти нѣтъ надобности добавлять, что всякія особыя обстоятельства, обусловливающія разстройство и упадокъ демократическаго общества, усиливаютъ этотъ инстинктъ и заставляютъ частныхъ лицъ все болѣе и болѣе жертвовать своими правами на пользу своего спокойствія.

Поэтому народъ никогда не бываетъ такъ расположенъ къ усиленію правъ центральной власти, какъ послѣ долгой и кровавой революціи, которая, вырвавъ имущества у старинныхъ ихъ владѣльцевъ, поколебала всѣ вѣрованія и поселила въ народѣ жгучую ненависть, противоположные интересы и несогласіе партійныхъ взглядовъ. Тогда желаніе общественнаго спокойствія превращается въ слѣпую страсть, и люди дѣлаются способными проникнуться очень безпорядочною любовью къ порядку.

Я разсмотрѣлъ теперь многія случайныя условія, содѣйствующія централизаціи власти, но я еще ничего не говорилъ о главномъ изъ нихъ.

Первое изъ случайныхъ условій, могущихъ повліять у демократическихъ народовъ на переходъ управленія всѣми дѣлами въ руки верховной власти,—это происхожденіе этой власти и ея наклонности.

Люди, живущіе во времена равенства, естественно любятъ центральную власть и охотно расширяютъ ея предѣлы; но если случится, что эта самая власть является вѣрною представительницею ихъ интересовъ и въ точности воспроизводитъ въ себѣ ихъ инстинктивныя стремленія, то ихъ довѣріе къ такой власти уже почти не имѣетъ границъ и имъ кажется, что все, чѣмъ они ее надѣляютъ, они даютъ самимъ себѣ.

Это стремленіе административныхъ властей къ центру никогда не будетъ такъ легко и быстро совершаться при короляхъ, еще имѣющихъ какую-нибудь связь съ прежнимъ аристократическимъ строемъ, какъ при

новыхъ правителяхъ, которые сами возвысились до этого положенія и которыхъ рожденіе, предразсудки, инстинкты и привычки какъ бы неразрывно связываютъ съ дѣломъ равенства.

Я не хочу сказать, что правители аристократическаго происхожденія, живущіе въ демократическія времена, не стараются централизировать власть. Я полагаю, что они употребляютъ для этого точно такія же усилія, какъ и всѣ другіе. Въ этомъ заключаются для нихъ единственныя преимущества равенства; но имъ это удается съ большимъ трудомъ, такъ какъ граждане, вмѣсто того, чтобы естественно итти навстрѣчу ихъ желаніямъ, часто лишь съ трудомъ подчиняются имъ. Въ демократическомъ обществѣ, централизація всегда будетъ тѣмъ больше, чѣмъ менѣе аристократична верховная власть. Таково правило.

Когда старинный королевскій родъ управляетъ аристократіей и естественные предразсудки главы государства совершенно согласуются съ естественными предразсудками высшаго класса, то присущіе аристократическимъ обществамъ пороки развиваются свободно и противъ нихъ нѣтъ никакого средства. Обратное происходитъ, когда какой-нибудь отпрыскъ феодальнаго рода станетъ во главѣ демократическаго народа. Глава государства вслѣдствіе своего воспитанія, своихъ привычекъ и воспоминаній съ каждымъ днемъ все болѣе склоняется къ чувствамъ, внушаемымъ ему неравенствомъ положеній; народъ же въ своемъ общественномъ строѣ непрестанно стремится къ порядкамъ, порождаемымъ равенствомъ. Въ такихъ случаяхъ часто бываетъ, что граждане стараются ограничить центральную власть, не столько въ качествѣ тираннической, сколько въ качествѣ аристократической, и твердо охраняютъ свою независимость не только ради того, чтобы быть свободными, но главное, чтобы оставаться равными.

Революція, низвергающая старинный королевскій родъ, и ставящая во главѣ демократическаго народа новыхъ людей, можетъ ослабить на короткое время центральную власть; но какой бы анархической она ни казалась на первое время, можно безъ колебаній предсказать, что окончательнымъ и неизбѣжнымъ ея результатомъ будетъ расширеніе и укрѣпленіе прерогативъ этой самой власти.

Первое и нѣкоторымъ образомъ единственное условіе, необходимое для того, чтобы достичь централизаціи общественной власти въ демократическомъ обществѣ, заключается въ томъ, чтобы любить, или дѣлать видъ, что любишь равенство. Такимъ образомъ, столь сложная когда-то наука деспотизма упрощается: она сводится, такъ сказать, къ одному, единственному принципу.

ГЛАВА V.

О томъ, что въ европейскихъ государствахъ нашего времени верховная власть усиливается, хотя правители менѣе прочны.

Если обдумать все вышеизложенное, то можно и удивиться и испугаться видя, какъ въ Европѣ все, повидимому, содѣйствуетъ безпрерывному росту прерогативъ центральной власти, дѣлая существованіе личности болѣе слабымъ, болѣе подчиненнымъ и ненадежнымъ.

Демократическіе народы Европы имѣютъ тѣ же, что и американцы, общія и постоянныя стремленія къ централизаціи властей и, сверхъ того,

подвергаются дѣйствію множества второстепенныхъ и случайныхъ причинъ, которыхъ американцы не знаютъ вовсе. Можно бы сказать, что каждый шагъ, дѣлаемый ими къ равенству, приближаетъ ихъ къ деспотизму.

Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно намъ оглянуться вокругъ себя и на самихъ себя.

Въ теченіе аристократическихъ вѣковъ, предшествовавшихъ нашему, европейскіе государи либо было лишены, либо сами выпустили изъ своихъ рукъ многія права, присущія ихъ власти. Менѣе ста лѣтъ тому назадъ въ большинствѣ европейскихъ націй существовали почти совершенно независимыя лица, или корпораціи, которыя производили судъ, набирали и содержали войско, собирали подати и часто даже установляли, или толковали законы. Въ настоящее время государство вездѣ снова присвоило себѣ эти естественныя функціи верховной власти; оно не терпитъ болѣе посредниковъ между собою и гражданами во всемъ, что касается дѣла управленія, и само руководитъ ими во всѣхъ общихъ дѣлахъ. Я далекъ отъ того, чтобы порицать это сосредоточеніе власти: я только указываю на него.

Въ ту же эпоху въ Европѣ существовало множество второстепенныхъ властей, которыя представляли мѣстные интересы и управляли мѣстными дѣлами. Большая часть этихъ мѣстныхъ властей уже исчезла и всѣ онѣ быстро приближаются къ тому, чтобы исчезнуть совершенно, или же подпасть подъ полную зависимость. Съ одного до другого конца Европы привилегіи высшихъ сословій, свободныя права городовъ, провинціальныя управленія, либо уже уничтожены, либо скоро должны уничтожиться.

Въ теченіе полувѣка Европа пережила много революцій и контръ-революцій, мѣнявшихъ ея строй въ самыхъ противоположныхъ направленіяхъ. Но всѣ эти движенія имѣли одну общую черту: всѣ они поколебали или уничтожили второстепенныя власти. Мѣстныя привилегіи, которыхъ французская нація не уничтожила въ покоренныхъ странахъ, были уничтожены побѣдившими ее государями. Послѣдніе отбросили всѣ новости, созданныя у нихъ революціей, кромѣ централизаціи; это все, что они согласились принять отъ нея.

Что я хочу отмѣтить, это—то, что происшедшее въ наше время постепенное отнятіе всѣхъ этихъ различныхъ правъ у сословій, корпорацій и отдѣльныхъ лицъ послужило не къ созданію новыхъ второстепенныхъ властей на болѣе демократическихъ основаніяхъ, а къ сосредоточенію ихъ въ рукахъ верховной власти. Повсюду государство все болѣе и болѣе само управляетъ даже самыми незначительными гражданами и руководитъ каждымъ изъ нихъ въ самыхъ мелкихъ его дѣлахъ *).

---

*) Это постепенное ослабленіе личности въ виду общества проявляется тысячью способами. Я приведу въ примѣръ то, что касается завѣщаній.

Въ аристократическихъ странахъ къ послѣдней волѣ людей обыкновенно выказывается глубокое уваженіе. У древнихъ народовъ Европы оно доходило до суевѣрія; общественная власть не только не ставила преградъ произволу умирающаго, но, напротивъ, поддерживала своею силой малѣйшія его желанія; она обезпечивала ему безконечную власть.

Когда слабы всѣ живые, то воля мертвыхъ меньше уважается. Для нея начертывается очень тѣсный кругъ и, если она изъ него выходитъ, то верховная власть уничтожаетъ ее, или беретъ подъ свой контроль. Въ средніе вѣка право завѣщанія, можно сказать, не имѣло предѣловъ. У французовъ настоящаго времени нельзя безъ вмѣшательства государства распредѣлить свое наслѣдственное имѣніе между своими дѣтьми. Установляя правила для всей жизни, государство хочетъ еще установить ихъ и для послѣдняго ея дѣйствія.

Почти всѣ благотворительныя учрежденія старой Европы находились въ рукахъ частныхъ лицъ, или корпорацій; теперь они всѣ находятся въ большей или меньшей зависимости отъ верховной власти, а во многихъ странахъ и въ непосредственномъ ея распоряженіи. Государство взяло почти исключительно на себя давать хлѣбъ голоднымъ, помощь и убѣжище больнымъ, работу нуждающимся въ ней; оно сдѣлало себя почти единственнымъ цѣлителемъ всѣхъ несчастій.

Воспитаніе, также какъ и призрѣніе, стало у большинства современныхъ народовъ дѣломъ національнымъ. Государство получаетъ, а часто и само беретъ ребенка изъ рукъ его матери и поручаетъ его своимъ агентамъ; оно беретъ на себя обязанность внушать каждому поколѣнію извѣстныя чувства и доставлять ему извѣстныя идеи. Въ обученіи, какъ и во всемъ остальномъ, царствуетъ однообразіе; различіе и свобода съ каждымъ днемъ все болѣе исчезаютъ изъ него.

Я не боюсь утверждать также, что почти у всѣхъ христіанскихъ народовъ нашего времени, у католиковъ какъ и у протестантовъ, религіи грозитъ опасность попасть въ руки правительства. Дѣло не въ томъ, чтобы государи очень ревниво желали сами установлять догматы; но они все болѣе и болѣе захватываютъ въ свои руки волю тѣхъ, кто ихъ разъясняетъ; они отбираютъ у духовенства его имущества, назначаютъ ему жалованье, завладѣваютъ исключительно въ свою пользу вліяніемъ, которое имѣетъ священникъ; они дѣлаютъ изъ него своего чиновника а часто и своего слугу и посредствомъ его проникаютъ въ глубину души каждаго человѣка *).

Но это еще только одна сторона картины.

Сила и вліяніе верховной власти распространились не только на всю сферу ея стариннаго дѣйствія, какъ мы это сейчасъ видѣли, но послѣдняя оказывается для нея уже недостаточною. Власть повсюду переходитъ черезъ эти предѣлы и распространяется на ту область, которая до сихъ поръ оставалась принадлежностью личной независимой дѣятельности. Множество дѣйствій, которыя прежде совершенно ускользали отъ общественнаго контроля, въ настоящее время подчинены ему и число ихъ безпрестанно увеличивается.

У аристократическихъ народовъ, общественная власть обыкновенно ограничивалась наблюденіемъ надъ дѣйствіями гражданъ и направленіемъ ихъ во всемъ томъ, что имѣло явное и непосредственное отношеніе къ интересамъ всей націи. Во всемъ остальномъ она охотно предоставляла ихъ собственной ихъ свободной волѣ. У этихъ народовъ правительство часто какъ будто забывало, что существуютъ положенія, при которыхъ ошибки и бѣдствія отдѣльныхъ лицъ дѣлаются опасными для общаго благосостоянія, и что предупрежденіе гибели частнаго лица должно быть иногда дѣломъ общественнымъ.

Современные демократическіе народы склонны къ преувеличенію въ противоположную сторону.

---

*) По мѣрѣ увеличенія предметовъ вѣдомства центральной власти, возрастаетъ и число представляющихъ ее чиновниковъ. Въ каждой націи они образуютъ изъ себя особую націю и, такъ какъ прочность ихъ обусловлена прочностью правительства, то въ каждомъ народѣ они замѣняютъ собою аристократію.

Почти всюду въ Европѣ верховная власть господствуетъ двумя способами: одною частью гражданъ она правитъ посредствомъ страха передъ ея агентами, а другою, по средствомъ надежды самимъ сдѣлаться ея агентами.

Очевидно, что большая часть нашихъ правителей желаютъ не только управлять всѣмъ народомъ въ совокупности, но считаютъ себя повидимому отвѣтственными за личные поступки и личную судьбу своихъ подданныхъ, и берутся направлять и просвѣщать каждаго изъ нихъ въ различныхъ обстоятельствахъ его жизни, а въ случаѣ нужды сдѣлать его счастливымъ даже противъ его желанія.

Со своей стороны и частные люди все болѣе и болѣе начинаютъ смотрѣть на общественную власть съ этой же точки зрѣнія; они призываютъ ее на помощь во всѣхъ своихъ нуждахъ и постоянно обращаются къ ней какъ къ учителю, или руководителю.

Я утверждаю, что въ Европѣ нѣтъ страны, въ которой общественная администрація не сдѣлалась бы не только болѣе централизованной, но и болѣе способной ко вмѣшательству въ подробности частной жизни; повсюду она глубже, чѣмъ прежде, проникаетъ въ частную дѣятельность, установляетъ свои правила для большаго числа дѣйствій и для дѣйствій болѣе мелкихъ и все чаще оказывается возлѣ, вокругъ, или надъ каждою личностью, для того чтобы помогать и совѣтовать ей, или принуждать ее.

Въ прежнее время верховный правитель жилъ на доходъ отъ своихъ земель, или отъ податей. Теперь, когда потребности верховной власти возросли вмѣстѣ съ ея могуществомъ, происходитъ уже не то. При тѣхъ обстоятельствахъ, когда въ прежнее время правитель установлялъ новый налогъ, теперь обращаются къ займу. Такимъ образомъ мало-по малу государство дѣлается должникомъ богатыхъ людей и сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ самые большіе капиталы.

Меньшіе капиталы оно привлекаетъ другимъ способомъ.

По мѣрѣ того, какъ люди все больше перемѣшиваются и общественныя положенія уравновѣшиваются, бѣдный человѣкъ получаетъ больше средствъ и знаній и больше желаній. Въ сознаніи его является мысль объ улучшеніи его участи и онъ пытается достичь его посредствомъ сбереженій. Накопленіемъ сбереженій ежедневно образуется безчисленное множество маленькихъ капиталовъ, представляющихъ собою плоды труда, растущіе медленно и постепенно, но сумма которыхъ постоянно увеличивается. Однако большая часть ихъ оставались бы непроизводительными, еслибъ они не соединялись вмѣстѣ. Это обстоятельство дало начало филантропическому учрежденію, которое, если я не ошибаюсь, скоро сдѣлается однимъ изъ важнѣйшихъ нашихъ политическихъ учрежденій.

Благотворительные люди задумали собрать сбереженія бѣдныхъ и утилизировать ихъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ эти благотворительныя учрежденія остались совершенно въ сторонѣ отъ государства; но почти всюду они явно склоняются къ тому, чтобы слиться съ нимъ, а есть и такія страны, въ которыхъ государство замѣнило собою эти учрежденія и взяло на себя громадную задачу сосредоточить въ одномъ мѣстѣ и исключительно черезъ свои руки пустить въ обращеніе ежедневныя сбереженія многихъ милліоновъ работниковъ.

Такимъ образомъ государство посредствомъ займовъ привлекаетъ къ себѣ деньги богатыхъ людей, а посредствомъ сберегательныхъ кассъ распоряжается по своему усмотрѣнію деньгами бѣднаго. Къ нему и въ его руки постоянно стремятся богатства всей страны и сосредоточиваются тамъ въ тѣмъ большей степени, чѣмъ больше становится равенство общественныхъ положеній; потому что въ демократической націи частные люди до-

вѣряютъ лишь одному государству, такъ какъ оно одно на ихъ взглядъ имѣетъ нѣкоторую силу и прочность *).

Такимъ образомъ верховная власть не ограничивается тѣмъ, что распоряжается общественными средствами; она вмѣшивается также и въ распоряженіе частными средствами; она не только есть вождь каждаго гражданина, а часто и его господинъ, но, кромѣ того, стремится быть его управляющимъ и кассиромъ.

Центральная власть не только распространяется на всю сферу дѣйствія старинныхъ властей, расширяетъ ее и переходитъ за нее, но кромѣ того она и двигается въ ней съ большею ловкостью, силой и независимостью, чѣмъ она дѣлала это прежде.

Всѣ европейскія правительства въ наше время чрезвычайно усовершенствовали административную науку; они дѣлаютъ больше дѣлъ, и каждое изъ нихъ дѣлаетъ ихъ съ большимъ порядкомъ, скорѣе и дешевле; они какъ будто постоянно обогащаются всѣми знаніями, отнимаемыми ими у частныхъ лицъ. Съ каждымъ днемъ европейскіе государи ставятъ своихъ уполномоченныхъ все въ болѣе тѣсную зависимость и изобрѣтаютъ все новые способы для того, чтобъ управлять ими болѣе непосредственно и наблюдать за ними съ большимъ удобствомъ. Для нихъ недостаточно того, что всѣ дѣла ведутся ихъ агентами; они хотятъ еще и направлять своихъ агентовъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ; такъ что общественное управленіе не только зависитъ отъ одной власти, но оно все больше соединяется въ одномъ мѣстѣ и сосредоточивается въ меньшемъ числѣ людей. Правительство централизуетъ свою дѣятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ свои прерогативы. То и другое составляетъ для него источникъ силы.

Если мы будемъ разсматривать организацію судебной власти въ прежнее время у большей части европейскихъ націй, то насъ поразятъ двѣ вещи: независимость этой власти и обширность предѣловъ ея вѣдѣнія.

Суды не только рѣшали всѣ споры между частными лицами; но въ большей части случаевъ они служили посредниками въ спорахъ между отдѣльными лицами и государствомъ.

Я хочу сказать въ этомъ случаѣ не о политическихъ и административныхъ правахъ, присвоенныхъ себѣ судами въ нѣкоторыхъ странахъ, но о судебныхъ правахъ, которыя они имѣли повсюду. У всѣхъ народовъ Европы было, и теперь еще есть, много личныхъ правъ, большею частію относящихся къ общему праву собственности, которыя были поставлены подъ охрану судьи и которыя безъ позволенія послѣдняго не могли быть нарушены государствомъ.

Эта-то полуполитическая власть и отличала европейскіе суды отъ всѣхъ другихъ, такъ какъ всѣ народы имѣли судей, но не всѣ давали имъ одинакія права.

Если теперь мы разсмотримъ то, что происходитъ у демократическихъ народовъ Европы, которые называются свободными, также какъ и у другихъ, то мы увидимъ, что повсюду рядомъ съ этими судами создались другіе, болѣе зависимые, спеціальная задача которыхъ состоитъ въ рѣшеніи

*) Съ одной стороны стремленіе къ благосостоянію постоянно возрастаетъ, съ другой стороны правительство все больше захватываетъ въ свои руки всѣ источники благосостоянія.

Такимъ образомъ, люди двумя путями идутъ къ подчиненію. Стремленіе къ благосостоянію и заставляетъ ихъ уклоняться отъ участія въ управленіи, и ставитъ ихъ все въ большую зависимость отъ управляющихъ лицъ.

въ видѣ исключенія, тяжебныхъ вопросовъ, могущихъ возникнуть между общественнымъ управленіемъ и гражданами. Старинной судебной власти оставляется ея независимость, но подсудность ея уменьшается и все болѣе проявляется склонность къ тому, чтобы предоставить ей только рѣшеніе частныхъ дѣлъ.

Число этихъ спеціальныхъ судовъ постоянно увеличивается и предметы ихъ вѣдѣнія возрастаютъ. Поэтому правительство съ каждымъ днемъ все больше уклоняется отъ обязанности получать отъ другой власти санкцію своихъ требованій и своихъ правъ. Не имѣя возможности обходиться безъ судей, оно желаетъ по крайней мѣрѣ само выбирать этихъ судей и всегда держать ихъ въ своихъ рукахъ, т. е. оно помѣщаетъ между собой и частными лицами скорѣе призракъ правосудія, чѣмъ само правосудіе.

Такимъ образомъ для государства недостаточно того, что оно привлекаетъ къ себѣ всѣ общественныя дѣла; оно мало-по малу приходитъ къ тому, что рѣшаетъ ихъ всѣ само, безконтрольно и безапеляціонно *).

У новѣйшихъ націй Европы есть еще важная причина, которая, помимо всѣхъ прочихъ мною указанныхъ, постоянно способствуетъ расширенію сферы дѣйствія верховной власти, или увеличенію ея прерогативъ: на это не было обращено достаточнаго вниманія. Причина эта есть развитіе промышленности, которому благопріятствуетъ прогрессъ равенства.

Промышленность обыкновенно собираетъ множество людей въ одномъ мѣстѣ; она устанавливаетъ между ними новыя и сложныя отношенія. Она подвергаетъ ихъ сильнымъ и внезапнымъ чередованіямъ обилія и нищеты, въ теченіе которыхъ общественное спокойствіе подвергается опасности. Можетъ случиться наконецъ, что промышленныя работы являются опасными для здоровья и даже для жизни или тѣхъ людей, которые ими пользуются, или тѣхъ кто ими занимается. Поэтому промышленный классъ болѣе всякаго другого нуждается въ подчиненіи правиламъ, надзорѣ и ограниченіи, и естественно, что предѣлы власти правительства возрастаютъ вмѣстѣ съ возрастаніемъ этого класса.

Эта истина примѣнима вообще всюду; но вотъ что относится въ особенности къ европейскимъ народамъ.

Въ теченіе вѣковъ, предшествовавшихъ нашимъ, аристократія владѣла землей и была въ состояніи ее защищать. Поэтому владѣніе недвижимой собственностью было обставлено гарантіями и собственники пользовались большою независимостью. Вслѣдствіе этого создались законы и привычки, которыя продолжали существовать, несмотря на дробленіе земли и упадокъ дворянства; и въ наше время изъ всѣхъ гражданъ земельные собственники и земледѣльцы легче всего ускользаютъ отъ контроля общественной власти.

Въ теченіе аристократическихъ вѣковъ, въ которыхъ находятся всѣ источники нашей исторіи, движимое имущество имѣло мало значенія и владѣльцы его были слабы и находились въ презрѣніи; промышленники образовали классъ, представлявшій собою исключеніе въ средѣ аристократическаго общества. Такъ какъ они не имѣли надъ собой постояннаго попечителя, то не имѣли и защиты и часто не могли защищаться и сами.

*) По этому поводу во Франціи дѣлается странный софизмъ. Когда возникаетъ тяжба между администраціей и частнымъ лицемъ, то разборъ ея не соглашаются поручить обыкновенному судьѣ для того, говорятъ, чтобы не смѣшивать административной власти съ судебной; какъ будто бы эти двѣ власти не смѣшивались, и при томъ самымъ опаснымъ и тиранническимъ способомъ, когда правительству предоставляется одновременно право и суда и администраціи.

Поэтому вошло въ привычку смотрѣть на движимую собственность какъ на имущество особаго рода, которое не заслуживало такого же вниманія и не должно было имѣть такихъ гарантій, какъ собственность вообще, а на промышленниковъ какъ на классъ, занимающій въ общественномъ строѣ особое положеніе, независимость котораго не представляла большой важности и который слѣдовало предоставить государямъ въ удовлетвореніе ихъ страсти къ регламентаціи. Дѣйствительно, разсматривая собранія средневѣковыхъ законовъ, нельзя не удивляться тому, какъ, въ эти времена личной независимости, короли безпрестанно установляли для промышленности правила, доходившія до мельчайшихъ подробностей; въ этомъ отношеніи централизація была на столько дѣятельна и на столько входила во всѣ детали, насколько лишь это для нея возможно.

Послѣ этого времени въ мірѣ произошелъ большой переворотъ; промышленная собственность, бывшая только въ зародышѣ, развилась и покрыла всю Европу; промышленный классъ увеличился въ числѣ, значеніи и богатствѣ и продолжаетъ постоянно возрастать; почти всѣ и не принадлежащіе къ нему связаны съ нимъ по крайней мѣрѣ съ какой-нибудь стороны; прежде онъ былъ классомъ исключительнымъ, теперь онъ грозитъ сдѣлаться главнѣйшимъ и можно сказать единственнымъ; однако же политическія идеи и привычки, порожденныя имъ прежде, остались и теперь. Онѣ не измѣнились во-первыхъ, въ силу своей древности, а затѣмъ потому, что онѣ находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ новыми идеями и общими привычками людей нашего времени.

Такимъ образомъ права промышленной собственности не увеличиваются соотвѣтственно ея значенію. Промышленный классъ, становясь болѣе многочисленнымъ, не дѣлается менѣе зависимымъ; напротивъ можно бы сказать, что онъ несетъ въ себѣ деспотизмъ, который естественно распространяется вмѣстѣ съ развитіемъ этого класса *).

По мѣрѣ того, какъ нація становится болѣе промышленной, она чувствуетъ большую потребность въ дорогахъ, каналахъ, портовыхъ сооруженіяхъ и другихъ работахъ, имѣющихъ полуобщественный характеръ, кото-

---

*) Въ доказательство этого я приведу нѣкоторые факты. Естественные источники промышленнаго богатства находятся въ горной промышленности. По мѣрѣ того, какъ промышленность развивалась въ Европѣ, и горнозаводское производство получало болѣе общій интересъ, а хорошая эксплоатація копей и рудниковъ, вслѣдствіе производимаго равенствомъ раздѣленія имуществъ, дѣлалась все труднѣе, большая часть представителей верховной власти потребовала для себя право владѣнія горнозаводскими имуществами и право наблюденія за ихъ разработкой, чего никогда не дѣлалось по отношенію къ другого рода имуществамъ.

Такимъ образомъ копи и рудники, составлявшіе личную собственность, подчиненную тѣмъ же обязательствамъ и имѣвшую тѣ же гарантіи, какъ и другія недвижимыя имущества, очутились во владѣніи общества. Они или разрабатываются самимъ государствомъ, или же государство даетъ концессіи на ихъ разработку; собственники сдѣлались временными пользователями, получающими свое право отъ государства, которое притомъ почти всюду требуетъ для себя власти распоряжаться ихъ дѣйствіями. Оно устанавливаетъ для нихъ правила и методы, подчиняетъ ихъ постоянному наблюденію, а если они не повинуются ему, то административный судъ устраняетъ ихъ отъ владѣнія и администрація передаетъ ихъ привилегіи другимъ лицамъ. Такимъ образомъ правительство не только является владѣльцемъ копей и рудниковъ, но и держитъ въ своихъ рукахъ всѣхъ горнозаводскихъ рабочихъ.

Но по мѣрѣ того, какъ промышленность развивается, эксплоатація старыхъ копей усиливается и открываются новыя, горнорабочее населеніе увеличивается и распространяется. Ежедневно верховная власть расширяетъ свою область подъ нашими ногами и населяетъ ее своими слугами.

рыя облегчаютъ пріобрѣтеніе богатствъ, а по мѣрѣ того, какъ она дѣлается болѣе демократичной, частнымъ лицамъ становится все труднѣе, а государству легче производить подобныя работы. Я, не боясь ошибиться, утверждаю, что всякая современная верховная власть склонна къ тому, чтобы взять исключительно въ свои руки исполненіе подобныхъ предпріятій; этимъ способомъ она съ каждымъ днемъ все болѣе заключаетъ народы въ тѣсный кругъ зависимости.

Съ другой стороны, по мѣрѣ возрастанія силы государства и увеличенія его потребностей, оно само потребляетъ все болѣе значительное количество продуктовъ промышленности, производимыхъ имъ обыкновенно въ своихъ арсеналахъ и мастерскихъ. Такимъ способомъ въ каждомъ королевствѣ верховный правитель становится самымъ крупнымъ промышленникомъ; онъ привлекаетъ на свою службу и удерживаетъ на ней невѣроятное множество инженеровъ, архитекторовъ, механиковъ и мастеровыхъ.

Онъ не только является первымъ изъ промышленниковъ, но стремится все больше и больше къ тому, чтобы сдѣлаться главою, или лучше сказать,— господиномъ всѣхъ прочихъ.

Такъ какъ граждане, сдѣлавшись болѣе равными, стали слабѣе, то они ничего не могутъ сдѣлать въ промышленности, не соединяясь въ ассоціаціи; между тѣмъ политическая власть естественно желаетъ поставить такія ассоціаціи подъ свой контроль.

Надо признать, что этого рода коллективныя существа, которыя называются ассоціаціями, сильнѣе и опаснѣе, чѣмъ можетъ быть отдѣльная личность, и что отвѣтственность ихъ за свои дѣйствія меньше, изъ чего слѣдуетъ, что было бы, повилимому, разумно предоставить каждой изъ нихъ меньшую независимость отъ общественной власти, чѣмъ это возможно сдѣлать для частнаго лица.

Представители верховной власти тѣмъ болѣе склонны поступать такимъ образомъ, что ихъ личные вкусы направляютъ ихъ къ тому же. У демократическихъ народовъ сопротивленіе центральному правительству возможно только черезъ посредство ассоціаціи; поэтому правительство всегда недружелюбно смотритъ на ассоціаціи, не находящіяся въ его власти; и что особенно замѣчательно, это то, что у демократическихъ народовъ сами граждане часто смотрятъ на эти столь нужныя для нихъ ассоціаціи съ тайнымъ чувствомъ страха и зависти, мѣшающимъ имъ взять на себя ихъ защиту. Сила и прочность этихъ маленькихъ частныхъ обществъ, среди общей слабости и неустойчивости, удивляетъ и безпокоитъ ихъ, такъ что они бываютъ не далеки отъ того, чтобы считать за опасную привилегію свободное пользованіе своими естественными средствами, принадлежащее каждому изъ этихъ обществъ.

Кромѣ того, всѣ эти, возникающія въ наше время ассоціаціи суть новыя личности, права которыхъ еще не освящены временемъ и которыя появляются на свѣтъ въ такую эпоху, когда идея правъ частныхъ лицъ слаба, а общественная власть безгранична; нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что онѣ теряютъ свободу при самомъ своемъ рожденіи.

У всѣхъ народовъ Европы существуютъ извѣстныя ассоціаціи, которыя не могутъ образоваться раньше, чѣмъ государство разсмотритъ ихъ уставъ и узаконитъ ихъ существованіе. У многихъ народовъ дѣлаются попытки распространить это правило на всѣ ассоціаціи. Легко видѣть, куда привела бы удача подобнаго замысла.

Еслибы разъ было предоставлено верховной власти общее право раз-

рѣшенія на извѣстныхъ условіяхъ всякаго рода ассоціацій, то она тотчасъ бы потребовала себѣ и право наблюдать за ними и направлять ихъ, чтобъ онѣ не могли уклоняться отъ исполненія установленныхъ для нихъ правилъ. Такимъ способомъ государство, поставивши въ зависимость отъ себя всѣхъ желающихъ образовать ассоціаціи, включило бы въ это число также и тѣхъ, которые уже состоятъ въ ассоціаціяхъ, т.-е. почти всѣхъ людей, живущихъ въ наше время.

Такимъ образомъ представители верховной власти все болѣе и болѣе присвоиваютъ себѣ и употребляютъ для своихъ цѣлей новую силу, создаваемую въ наше время въ мірѣ промышленностью. Промышленность правитъ нами, а они ею.

Я придаю такую важность всему сейчасъ мною сказаннному, что меня мучитъ страхъ, не повредилъ ли я своей мысли, стараясь лучше ее выразить.

Поэтому, если читатель находитъ, что примѣры, приведенные въ подтвержденіе моихъ словъ, недостаточны, или дурно выбраны, если онъ думаетъ, что я въ чемъ-нибудь преувеличилъ усиленіе общественной власти и напротивъ свыше мѣры съузилъ сферу, въ которой еще продолжаетъ двигаться личная независимость, то я его усиленно прошу закрыть на время книгу и въ свою очередь взглянуть самому на тѣ вещи, которыя я взялся ему указать. Пусть онъ внимательно наблюдаетъ то, что ежедневно дѣлается между нами и внѣ насъ; пусть онъ спроситъ своихъ сосѣдей; пусть, наконецъ, онъ посмотритъ на самого себя; и я очень ошибаюсь, если онъ и безъ руководителя, и другими путями, не придетъ туда же, куда я хотѣлъ его привести.

Онъ увидитъ, что въ теченіе протекшаго полувѣка централизація всюду возросла тысячью различными способами. Войны, революціи, завоеванія— все способствовало ея развитію; всѣ люди трудились надъ ея усиленіемъ. Въ теченіе этого самаго періода, когда они съ невѣроятною быстротой смѣняли другъ друга во главѣ общественной дѣятельности, ихъ идеи, интересы, страсти измѣнялись до безконечности; но всѣ какимъ-нибудь способомъ стремились къ централизаціи. Склонность къ централизаціи оставалась какъ бы единственнымъ неподвижнымъ пунктомъ среди удивительной измѣнчивости ихъ жизни и мыслей.

И когда читатель, разсмотрѣвши эту сторону человѣческихъ дѣлъ, пожелаетъ обнять въ совокупности ихъ обширную картину, то онъ будетъ удивленъ.

Съ одной стороны самыя прочныя династіи оказываются потрясенными, или уничтоженными; повсюду народы насильственно уходятъ изъ-подъ господства ихъ законовъ; они уничтожаютъ, или ограничиваютъ власть своихъ господъ и государей; всѣ націи, не находящіяся въ состояніи революціи, кажутся по крайней мѣрѣ безпокойными и потрясенными; ихъ одушевляетъ одинъ и тотъ же мятежный духъ. Съ другой стороны, въ это же время анархіи и у этихъ же столь непослушныхъ народовъ, общественная власть постоянно увеличиваетъ свои прерогативы; она дѣлается болѣе централизованной, болѣе предпріимчивой, болѣе абсолютной и шире захватывающей. Граждане ежеминутно подпадаютъ подъ контроль общественной администраціи; они нечувствительно и какъ бы безсознательно направляются къ тому, чтобы ежедневно жертвовать для нея нѣкоторыми новыми частями своей индивидуальной независимости, и тѣ же самые люди, которые отъ времени до времени опрокидываютъ троны и топчутъ ногами королей, все

болѣе и болѣе безъ сопротивленія подчиняются ничтожнѣйшимъ желаніямъ своего прикащика.

Такимъ образомъ въ наше время два переворота совершаются повидимому въ противоположномъ направленіи: одно движеніе постоянно ослабляетъ власть, а другое—безпрестанно прибавляетъ ей силы; ни въ какую другую эпоху нашей исторіи, власть не казалась ни столь слабою, ни столь сильною.

Но когда мы, наконецъ, ближе разсмотримъ положеніе вещей въ мірѣ, то увидимъ, что оба эти переворота тѣсно связаны одинъ съ другимъ, что они исходятъ изъ одного источника и, протекая сначала въ различныхъ направленіяхъ, приводятъ наконецъ людей къ одному и тому же мѣсту.

Я не боюсь еще въ послѣдній разъ повторить то, о чемъ я уже говорилъ, или на что указывалъ во многихъ мѣстахъ этой книги: необходимо остерегаться, чтобы не смѣшать самый фактъ существованія равенства съ переворотомъ, который окончательно вводитъ его въ общественный строй и въ законы; въ этомъ-то и заключается причина почти всѣхъ явленій, которыя насъ удивляютъ.

Всѣ старинныя политическія власти Европы, какъ самыя большія, такъ и болѣе мелкія, получили свое начало во времена аристократіи и представляли собою или болѣе или менѣе защищали принципъ неравенства и привилегіи. Поэтому, чтобы доставить въ правительствѣ преобладаніе новымъ потребностямъ и интересамъ, возникшимъ вслѣдствіе возрастающаго равенства, нашимъ современникамъ пришлось разрушать старинныя власти, или дѣйствовать на нихъ принужденіемъ. Это привело ихъ къ произведенію революцій и внушило значительному числу ихъ ту дикую склонность къ безпорядку и независимости, которую порождаютъ всѣ революціи.

Я не думаю, чтобы въ Европѣ была хоть одна страна, въ которой бы развитію равенства не предшествовали, или не сопутствовали какія-нибудь насильственныя измѣненія въ положеніи собственности и личности; и почти всѣ эти измѣненія сопровождались анархіей и распущенностью, такъ какъ они дѣлались наименѣе цивилизованой частью общества противъ болѣе цивилизованной.

Изъ этого и вышли тѣ два противоположныя направленія, на которыя я указывалъ выше. Пока демократическая революція была еще въ разгарѣ, люди, занятые уничтоженіемъ боровшихся противъ нея старинныхъ аристократическихъ властей, были одушевлены сильнымъ духомъ независимости, но по мѣрѣ того, какъ побѣда равенства дѣлалась болѣе полною, они мало-по-малу предавались естественнымъ инстинктамъ, порождаемымъ этимъ самымъ равенствомъ, и потому усиливали и централизовали общественную власть. Они хотѣли быть свободными для того, чтобы сдѣлаться равными и, по мѣрѣ того, какъ равенство все больше утверждалось посредствомъ свободы, оно же затрудняло для нихъ пользованіе свободой.

Эти два состоянія не всегда слѣдовали одно за другимъ. Отцы наши показали примѣръ того, какъ народъ можетъ устроить въ своей средѣ громадную тираннію, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ освободился изъ-подъ власти высшаго сословія и сопротивлялся могуществу всѣхъ королей, научая міръ такимъ образомъ одновременно и тому, какимъ способомъ пріобрѣтается независимость, и тому, какъ она теряется.

Наши современники видятъ, что древнія власти со всѣхъ сторонъ падаютъ и разрушаются; они видятъ, какъ умираютъ старинныя вліянія и

падаютъ всѣ старинныя преграды; это смущаетъ разсужденіе самыхъ свѣдущихъ людей, которые обращаютъ вниманіе только на необыкновенный переворотъ, совершающійся передъ ихъ глазами, и думаютъ, что человѣческій родъ стремится навсегда впасть въ анархію. Если бы они думали о конечныхъ послѣдствіяхъ этого переворота, то, можетъ-быть, боялись бы другого.

Что касается меня, то я, признаюсь, не довѣряю духу свободы, повидимому, одушевляющему моихъ современниковъ. Я вижу, что въ наше время народы склонны къ безпорядкамъ, но я не вижу ясно того, чтобы они были склонны къ свободѣ, и боюсь, что когда кончатся эти волненія, колеблющія троны, то верховные правители окажутся сильнѣе, чѣмъ они были до сихъ поръ.

ГЛАВА VI.

Какого рода деспотизма демократическимъ народамъ слѣдуетъ всего болѣе опасаться.

Во время моего пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ, я замѣтилъ, что демократическій общественный строй, подобный тому, который существуетъ у американцевъ, могъ бы представить чрезвычайныя удобства для установленія деспотизма, а по возвращеніи моемъ въ Европу я увидѣлъ, какъ большинство нашихъ правителей уже воспользовалось идеями, чувствами и потребностями, порождаемыми этимъ самымъ общественнымъ строемъ, для того, чтобы распространить предѣлы своей власти.

Это привело меня къ убѣжденію, что, можетъ-быть, христіанскіе народы кончатъ тѣмъ, что будутъ переносить какой-нибудь гнетъ, подобный тому, подъ давленіемъ котораго находились когда-то многіе народы древности.

Болѣе обстоятельное изслѣдованіе этого предмета и пять лѣтъ новыхъ размышленій не уменьшили моихъ опасеній, но измѣнили ихъ содержаніе.

Въ прошедшіе вѣка никогда не видано было такого самодержавнаго и могущественнаго государя, который бы вздумалъ самъ, безъ содѣйствія второстепенныхъ властей, управлять всѣми частями большой имперіи; не было и такого, который бы пытался всѣхъ своихъ подданныхъ безъ различія подчинить подробностямъ однообразныхъ правилъ, или который бы снизошелъ до управленія и руководительства каждымъ изъ нихъ. Идея подобной задачи никогда не представлялась человѣческому уму и, если бы какой-нибудь человѣкъ и представилъ ее себѣ, то недостаточность знаній, несовершенство административныхъ способовъ и въ особенности естественныя препятствія, возникающія отъ неравенства состояній, скоро остановили бы его при исполненіи такого обширнаго замысла.

Во время величайшаго могущества цезарей мы видимъ, что различные народы, населявшіе римскій міръ, сохраняли еще различіе въ обычаяхъ и нравахъ. Большая часть провинцій, хотя и подчиненныхъ одному монарху, управлялась каждая особо; въ нихъ было множество сильныхъ и дѣятельныхъ городскихъ общинъ, и, хотя все управленіе имперіей было сосредоточено въ рукахъ одного императора, оставававшагося всегда, когда было нужно, рѣшителемъ всѣхъ дѣлъ, но частности общественной и личной жизни обыкновенно ускользали изъ-подъ его контроля.

Правда, что императоры владѣли громадною властью, не имѣвшею никакого противовѣса, которая давала имъ возможность свободно предаваться самымъ страннымъ своимъ наклонностямъ и для удовлетворенія ихъ употреблять всѣ средства государства; часто случалось, что они злоупотребляли этой властью для того, чтобы по своему произволу лишить какого-нибудь гражданина имущества или жизни. Тиранія ихъ была чрезвычайно тяжела для нѣкоторыхъ; но она не распространялась на многихъ. Она имѣла въ виду лишь нѣкоторые главные и болѣе важные предметы и оставляла въ сторонѣ все прочее; она была жестока, но ограничена.

Если бы деспотизмъ установился у современныхъ демократическихъ націй, то онъ, повидимому, имѣлъ бы другой характеръ: онъ былъ бы шире распространенъ и болѣе мягокъ и унижалъ бы людей, не мучая ихъ.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что въ такіе вѣка просвѣщенія и равенства, какъ наши, верховные правители могутъ легче соединить исключительно въ своихъ рукахъ всю общественную власть и болѣе часто и глубоко проникать въ сферу личныхъ интересовъ, чѣмъ могъ это сдѣлать кто-нибудь изъ правителей въ древности. Но то же самое равенство, которое облегчаетъ деспотизмъ, въ то же время и умѣряетъ его; мы видѣли, какъ по мѣрѣ того, что люди становятся болѣе сходными и равными, общественные нравы становятся мягче и человѣчнѣе. Когда ни одинъ гражданинъ не имѣетъ ни большой силы, ни большого богатства, то для тираніи, не оказывается, такъ сказать, ни случая, ни мѣста дѣйствія. Такъ какъ богатства у всѣхъ незначительны, то страсти естественно сдержаны, воображеніе ограничено, удовольствія просты. Эта общая умѣренность дѣлаетъ умѣреннымъ и самого верховнаго властителя и удерживаетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ безпорядочные порывы его желаній.

Независимо отъ этихъ причинъ, взятыхъ изъ самой природы общественнаго строя, я могъ бы присоединить къ нимъ многія другія, взявши ихъ внѣ моего предмета; но я желаю оставаться въ границахъ, мною себѣ поставленныхъ.

Демократическія правительства могутъ проявить насиліе и даже жестокость въ моментъ большого возбужденія и большой опасности; но такіе кризисы будутъ рѣдки и непродолжительны.

Когда я представляю себѣ мелкія страсти современныхъ людей, мягкость ихъ нравовъ, обширность просвѣщенія, чистоту ихъ религіи, кротость ихъ морали, ихъ привычку къ трудолюбію и порядку, сдержанность, сохраняемую почти всѣми ими, какъ въ добродѣтеляхъ, такъ и въ порокахъ, то я не боюсь того, что они въ своихъ вождяхъ встрѣтятъ тирановъ,—скорѣе они найдутъ въ нихъ опекуновъ.

Я думаю поэтому, что тотъ видъ угнетенія, который угрожаетъ демократическимъ народамъ, не будетъ похожъ ни на что бывшее до него въ мірѣ; наши современники не могли бы найти его образа въ своихъ воспоминаніяхъ. Я и самъ напрасно ищу выраженія, которое бы точно воспроизводило идею его, существующую въ моемъ умѣ, и заключало бы ее въ себѣ; старинныя слова: деспотизмъ и тираннія, не подходятъ къ этому понятію и, такъ какъ вслѣдствіе его новости, я не могу его назвать, то надо постараться дать ему опредѣленіе.

Я желаю представить себѣ, въ какомъ новомъ образѣ деспотизмъ могъ бы явиться въ мірѣ: я вижу безчисленную толпу людей подобныхъ и равныхъ, которые безъ устали кружатся на одномъ мѣстѣ для добыванія

себѣ мелкихъ и пошлыхъ наслажденій, служащихъ для наполненія ихъ души. Каждый изъ нихъ сторонится отъ другихъ и остается какъ бы чуждымъ участи всѣхъ остальныхъ, такъ что его дѣти и личные друзья одни составляютъ для него все человѣчество; прочихъ же своихъ согражданъ онъ не видитъ, хотя и находится рядомъ съ ними; онъ касается ихъ и не чувствуетъ ихъ присутствія; онъ существуетъ лишь самъ по себѣ и для себя и, если у него остается еще семья, то, по крайней мѣрѣ, можно сказать, что у него уже нѣтъ отечества.

Надъ этими людьми возвышается огромная покровительствующая власть, берущая на себя обезпеченіе ихъ пользованія жизнію и наблюденіе за ихъ судьбой. Власть эта абсолютна, способна входить въ частности, правильна, предусмотрительна и кротка. Она была бы похожа на родительскую власть, еслибъ задачей ея было, какъ у послѣдней, подготовленіе людей къ возрасту мужества; но она, напротивъ, старается навсегда удержать ихъ въ дѣтствѣ. Она любитъ, чтобы граждане веселились, лишь бы они только и думали о весельи. Она охотно трудится для ихъ счастія, но желаетъ быть его единственнымъ устроителемъ и рѣшителемъ; она заботится объ ихъ безопасности, предусматриваетъ ихъ потребности и обезпечиваетъ ихъ удовлетвореніе, облегчаетъ ихъ удовольствія, ведетъ ихъ важнѣйшія дѣла, руководитъ ихъ промышленностью, установляетъ правила для ихъ наслѣдованія, дѣлитъ ихъ наслѣдственное имущество; жаль что она не можетъ совершенно устранить отъ нихъ безпокойство мыслить и трудность жить.

Такимъ образомъ, она дѣлаетъ съ каждымъ днемъ все менѣе полезнымъ и болѣе рѣдкимъ примѣненіе свободной воли; она заключаетъ дѣйствіе воли въ болѣе тѣсные предѣлы и мало-по малу отнимаетъ у каждаго гражданина даже возможность располагать самимъ собой. Равенство подготовило людей ко всему этому; оно предрасположило ихъ къ тому, чтобы все это выносить и часто даже считать за благодѣяніе.

Взявши такимъ образомъ въ свои могучія руки каждую личность по очереди, и переформировавши ихъ на свой ладъ, верховная власть простираетъ свою десницу надъ цѣлымъ обществомъ; она покрываетъ его сѣтью мелкихъ правилъ, сложныхъ, мелочныхъ и однообразныхъ, сквозь которыя самые оригинальные умы и самые сильные характеры не могутъ пробиться, чтобы стать выше толпы; она не ломаетъ личную волю, но размягчаетъ ее, подчиняетъ себѣ и управляетъ ею; она рѣдко заставляетъ дѣйствовать, но безпрестанно препятствуетъ дѣйствію; она не истребляетъ, но не даетъ зарождаться; не тираннизируетъ, но затрудняетъ, тѣснитъ, обезсиливаетъ, гаситъ, отупляетъ и наконецъ, доводитъ каждую націю до состоянія стада робкихъ и смышленыхъ животныхъ, для которыхъ правительство является пастухомъ.

Я всегда полагалъ, что этотъ родъ рабства, упорядоченный, мягкій и спокойный, картину котораго я сейчасъ изобразилъ, можетъ лучше, чѣмъ это думаютъ, быть соединенъ съ нѣкоторыми изъ внѣшнихъ формъ свободы и, что для него не было бы невозможнымъ установиться даже подъ сѣнію верховнаго народовластія.

Современники наши постоянно терзаются двумя противодѣйствующими другъ другу страстями: они чувствуютъ потребность въ руководительствѣ и желаютъ оставаться свободными. Не будучи въ состояніи уничтожить ни тотъ, ни другой изъ этихъ противоположныхъ инстинктовъ, они пытаются удовлетворить ихъ оба. Они изобрѣтаютъ власть единую, покровительствующую и всемогущую, но избираемую гражданами. Они соединяютъ

вмѣстѣ централизацію и верховную власть народа и это даетъ имъ нѣкоторое временное успокоеніе. Они утѣшаютъ себя тѣмъ, что хотя и состоятъ подъ опекой, но сами выбираютъ себѣ опекуновъ. Каждый соглашается быть привязаннымъ, такъ какъ видитъ, что цѣпь его находится въ рукахъ не одного человѣка, или отдѣльнаго класса, а самого народа.

При этой системѣ, граждане на короткое время выходятъ изъ зависимости, чтобы назначить себѣ господина, а потомъ снова въ нее возвращаются.

Въ наше время есть много людей, которые очень легко уживаются съ такаго рода компромиссомъ между административнымъ деспотизмомъ и верховнымъ народовластіемъ и которые полагаютъ, что они достаточно обезпечатъ свободу личности, отдавши ее во власть націи. Для меня этого недовольно; для меня гораздо менѣе важно, какой будетъ господинъ, чѣмъ самое повиновеніе ему.

Я впрочемъ не буду отрицать, что такаго рода устройство гораздо предпочтительнѣе того, которое, сосредоточивши всю власть, передало бы ее въ руки безотвѣтственнаго человѣка, или класса. Изъ всѣхъ различныхъ формъ, въ которыхъ могъ бы проявиться демократическій деспотизмъ, послѣдняя была бы конечно самою худшею.

Когда представитель верховной власти избирается и когда надъ нимъ существуетъ близкое наблюденіе законодательной власти, въ самомъ дѣлѣ избирательной и независимой, то гнетъ, испытываемый отъ него отдѣльными личностями, бываетъ иногда сильнѣе; но онъ никогда не имѣетъ такаго унизительнаго характера, потому что тогда каждый гражданинъ, если его стѣсняютъ, или доводятъ до безсилія, можетъ еще представить себѣ, что и повинуясь, онъ подчиняется только самому себѣ и что онъ приноситъ всѣ свои желанія въ жертву одному изъ нихъ.

Я также понимаю, что когда верховная власть представляетъ собою націю и зависитъ отъ нея, то силы и права, отнимаемыя у каждаго гражданина, идутъ на пользу не только главѣ государства, но и самому государству, такъ что частныя лица тоже получаютъ нѣкоторую выгоду отъ пожертвованія ими обществу своей независимости.

Значитъ созданіемъ національнаго представительства можно уменьшить зло, причиняемое чрезмѣрною централизаціей, но не уничтожить его.

Я хорошо понимаю, что такимъ образомъ сохраняется участіе личности въ самыхъ важныхъ дѣлахъ; но оно тѣмъ не менѣе уничтожается въ мелкихъ и частныхъ. Забываютъ, что именно въ частностяхъ-то и бываетъ всего опаснѣе порабощать людей. Я со своей стороны былъ бы склоненъ думать, что свобода менѣе необходима въ большихъ вещахъ, чѣмъ въ болѣе мелкихъ, еслибы только я предполагалъ, что когда-нибудь можно быть увѣреннымъ въ сохраненіи одной, не обладая другою.

Зависимость въ мелкихъ дѣлахъ проявляется ежедневно и даетъ себя чувствовать всѣмъ гражданамъ безъ различія. Она не приводитъ ихъ въ отчаяніе, но безпрестанно затрудняетъ ихъ и заставляетъ отказываться отъ своей воли. Она ослабляетъ такимъ образомъ ихъ умъ и обезсиливаетъ ихъ душу, тогда какъ повиновеніе. требующееся только въ немногихъ, очень важныхъ, но очень рѣдкихъ обстоятельствахъ, лишь отъ времени до времени заставляетъ сознавать свою подчиненность, тяжесть которой притомъ чувствуется лишь нѣкоторыми людьми. Напрасно будете вы поручать этимъ самымъ гражданамъ, которыхъ вы сдѣлали столь зависимыми отъ центральной власти, выбирать отъ времени до времени представителей

этой власти; это столь важное, но и столь кратковременное и рѣдкое пользованіе своей свободной волей не помѣшаетъ имъ мало-по малу потерять способность думать, чувствовать и дѣйствовать самостоятельно, и такимъ образомъ постепенно упасть ниже уровня человѣчества.

Я долженъ прибавить, что они скоро сдѣлаются неспособными пользоваться и тѣмъ великимъ и единственнымъ правомъ, которое у нихъ останется. Демократическіе народы, которые ввели свободу въ политическую сферу и въ то же время усиливали деспотизмъ въ сферѣ административной, пришли къ удивительнымъ странностямъ. Когда надо вести мелкія дѣла, для которыхъ достаточно простого здраваго смысла, тогда они признаютъ гражданъ неспособными къ этому; когда же дѣло идетъ объ управленіи всѣмъ государствомъ, то они этимъ же гражданамъ даютъ огромныя права; они дѣлаютъ изъ нихъ поочередно, то игрушку верховной власти, то ея господина, ставя ихъ, то выше королей, то ниже всякаго человѣка. Испробовавши всѣ различныя избирательныя системы и не найдя ни одной, которой бы они были довольны, они удивляются и продолжаютъ искать еще; какъ будто бы замѣчаемое ими зло не гораздо больше зависѣло отъ устройства самой страны чѣмъ отъ устройства избирательныхъ собраній.

Дѣйствительно трудно понять, какимъ образомъ люди, совершенно утратившіе привычку руководить самими собой, могли бы успѣшно сдѣлать выборъ тѣхъ, кто долженъ быть ихъ руководителемъ; невозможно повѣрить, чтобы либеральное, энергическое и разумное правительство когда-нибудь могло произойти изъ выбора сдѣланнаго народомъ, состоящимъ изъ рабовъ.

Конституція, которая была бы республиканскою съ головы и ультрамонархическою во всѣхъ остальныхъ частяхъ, всегда казалась мнѣ недолговѣчнымъ уродствомъ. Пороки правителей и тупоуміе управляемыхъ скоро довели бы ее до гибели; и народъ, утомленный своими представителями и самимъ собой, или бы создалъ болѣе свободныя учрежденія, или скоро распростерся бы снова у ногъ одного господина.

ГЛАВА VII.

Продолженіе предыдущихъ главъ.

Я думаю, что легче всего установить абсолютное и деспотическое правительство у народа, у котораго общественныя состоянія равны, и полагаю, что если подобное правительство разъ было бы установлено у такаго народа, то оно не только притѣсняло бы людей, но съ теченіемъ времени отнимало бы у каждаго изъ нихъ многіе изъ главнѣйшихъ свойствъ, присущихъ человѣку.

Поэтому мнѣ кажется, что деспотизма всего больше слѣдутъ опасаться въ демократическія времена.

Я думаю, что я во всякое время любилъ бы свободу; но я чувствую стремленіе боготворить ее въ наши времена.

Съ другой стороны, я убѣжденъ, что всѣ тѣ, кто въ наступающіе вѣка будутъ пытаться основать свободу на привилегіяхъ и аристократіи, не достигнутъ своей цѣли. Всѣ, кто захочетъ привлечь и удержать власть въ средѣ одного класса, обречены на неудачу. Въ наше время не существуетъ верховнаго правителя до такой степени сильнаго и искуснаго, чтобъ

онъ могъ основать деспотизмъ, возстановивши постоянныя различія между своими подданными; нѣтъ и такого мудраго и могущественнаго законодателя, который былъ бы въ состояніи сохранить свободныя учрежденія, не сдѣлавши равенство своимъ основнымъ принципомъ и знаменемъ. Значитъ необходимо, чтобы всѣ тѣ изъ нашихъ современниковъ, которые хотятъ создать, или охранить независимость и достоинство себѣ подобныхъ, являлись друзьями равенства; а единственный достойный способъ казаться таковыми состоитъ въ томъ, чтобы быть ими,—отъ этого зависитъ успѣхъ ихъ святого дѣла.

Значитъ дѣло идетъ не о возстановленіи аристократическаго общества, а о томъ, чтобы получить свободу изъ среды демократическаго общества, въ которомъ Богъ предназначилъ намъ жить.

Эти двѣ первыя истины кажутся мнѣ простыми, ясными и плодотворными и естественно приводятъ меня къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какого рода свободное правительство можетъ быть установлено у народа, у котораго существуетъ равенство общественныхъ состояній.

Изъ самаго устройства демократическихъ націй и ихъ потребностей, слѣдуетъ, что у нихъ власть верховнаго правительства должна быть болѣе однообразна и централизована, проникать глубже и имѣть большую силу, тогда какъ личность должна быть болѣе подчиненною и слабою; одна дѣлаетъ больше, другая меньше; такова сила вещей.

Не слѣдуетъ поэтому ожидать, чтобы въ демократическихъ странахъ сфера индивидуальной независимости могла быть когда-нибудь такъ широка, какъ въ странахъ аристократическихъ. Но это и не желательно, потому что въ послѣднихъ общество часто приносится въ жертву личности и благосостояніе наибольшаго числа—величію нѣкоторыхъ людей.

Необходимо и вмѣстѣ съ тѣмъ желательно, чтобы центральная власть, управляющая демократическимъ народомъ, была дѣятельна и сильна. Не въ томъ дѣло, чтобъ ослабить ее, или сдѣлать бездѣятельной, а чтобы только не позволить ей злоупотреблять своей ловкостью и силой.

Что въ особенности способствовало сохраненію независимости частныхъ лицъ во времена господства аристократіи, это то, что представитель верховной власти не бралъ на себя единоличнаго управленія и администраціи надъ гражданами; онъ долженъ былъ предоставить часть этихъ заботъ членамъ аристократіи; такимъ образомъ общественная власть, будучи всегда раздѣлена, не давила никогда всею своею тяжестью и одинаково на каждаго человѣка.

И не только верховный правитель не дѣлалъ всего самъ, но и большая часть исполнителей, дѣйствовавшихъ за него, не находилась постоянно въ его рукахъ, потому что они получали свою власть не отъ него, а по праву своего рожденія. Онъ не могъ во всякое время ихъ создать и уничтожить по своей прихоти, не могъ и подчинить ихъ всѣхъ одинаково своимъ малѣйшимъ желаніямъ. Это опять представляло гарантію для независимости частныхъ лицъ.

Я хорошо понимаю, что въ наше время нельзя прибѣгнуть къ такому же способу, но я вижу замѣняющіе его демократическіе способы.

Вмѣсто того, чтобы передать одному верховному правителю всякаго рода административную власть, отнимаемую у корпорацій и у дворянства, можно часть ея препоручить второстепеннымъ учрежденіямъ, составленнымъ временно изъ простыхъ гражданъ. Такимъ образомъ свобода частныхъ лицъ будетъ обезпечена надежнѣе, не уменьшая ихъ равенства.

Американцы, не придающіе такой важности словамъ, какъ мы, сохранили названіе графства для самаго крупнаго изъ ихъ административныхъ дѣленій; но они отчасти замѣнили графство провинціальнымъ собраніемъ.

Я безъ труда соглашусь, что въ эпоху равенства, подобную нашей, было бы несправедливо и неразумно учреждать наслѣдственныя должности; ничто не препятствуетъ замѣнить ихъ должностями избирательными. Избраніе есть такой демократическій способъ, которымъ независимость чиновника по отношенію къ центральной власти охраняется столько же и даже лучше, чѣмъ могла это дѣлать наслѣдственность у аристократическихъ народовъ.

Аристократическія страны наполнены богатыми и вліятельными частными лицами, которыя умѣютъ со всѣмъ справляться сами и которыхъ нельзя легко и тайно притѣснять; они-то и поддерживаютъ во власти постоянныя привычки умѣренности и сдержанности.

Я знаю, что демократическія страны не представляютъ естественнымъ образомъ подобныхъ лицъ, но искусственно въ нихъ можно создать нѣчто подобное.

Я твердо вѣрю, что въ мірѣ нельзя вновь создать аристократіи; но я думаю, что простые граждане, соединяясь въ ассоціаціи, могутъ образовать органическія единицы очень богатыя, очень вліятельныя и сильныя,— однимъ словомъ, аристократическія личности.

Такимъ путемъ можно бы было получить многія политическія выгоды, которыя даются аристократіей, но безъ ея несправедливостей и опасностей. Политическая, промышленная, торговая ассоціація, даже ученая и литературная, представляетъ собою просвѣщеннаго и могущественнаго гражданина, котораго нельзя подчинить себѣ по произволу, ни угнетать втайнѣ и который, защищая свои личныя права отъ притязаній власти, тѣмъ самымъ защищаетъ и общую свободу.

Во времена аристократіи, каждый человѣкъ очень тѣснымъ образомъ былъ соединенъ со многими изъ своихъ согражданъ, такъ что на него нельзя было нападать, не вызывая другихъ прійти къ нему на помощь. Въ вѣка равенства, каждый отдѣльный человѣкъ естественно изолированъ; у него нѣтъ наслѣдственныхъ друзей, отъ которыхъ онъ могъ бы требовать содѣйствія, нѣтъ класса, въ сочувствіи котораго онъ былъ бы увѣренъ; его легко уединить и затѣмъ можно безнаказанно попирать ногами. Такимъ образомъ, въ наше время, гражданинъ, котораго притѣсняютъ, имѣетъ лишь одинъ способъ защиты; онъ состоитъ въ обращеніи ко всему народу, а если послѣдній остается глухъ, то ко всему роду человѣческому; для этого у него одно лишь средство—печать. Поэтому свобода печати гораздо драгоцѣннѣе для демократическихъ народовъ, чѣмъ для всякихъ другихъ; она одна исцѣляетъ большую часть тѣхъ золъ, которыя можетъ производить равенство. Послѣднее уединяетъ и ослабляетъ людей; но печать возлѣ каждаго изъ нихъ помѣщаетъ оружіе, которымъ и самый слабый и самый уединенный можетъ воспользоваться. Равенство отнимаетъ у каждаго отдѣльнаго человѣка поддержку его близкихъ,—печать же даетъ ему возможность призвать къ себѣ на помощь всѣхъ его согражданъ и всѣхъ людей. Печать ускорила прогрессъ равенства и она же есть одно изъ лучшихъ средствъ, служащихъ для его исправленія.

Я думаю, что люди живущіе въ аристократіи могутъ, на худой конецъ, обойтись безъ свободы печати; но тѣ, которые живутъ въ демократическихъ странахъ, не могутъ этого сдѣлать. Чтобы гарантировать личную независимость послѣднихъ, я не надѣюсь на большія политическія собранія,

на прерогативы парламента, на провозглашеніе верховной власти народа. Все это до извѣстной степени можно примирить съ личнымъ рабствомъ; но рабство это не можетъ быть полнымъ при свободѣ печати. Печать есть по преимуществу демократическое орудіе свободы.

Нѣчто подобное же я могу сказать и о судебной власти.

Къ существу ея относится то, что она занимается частными интересами и охотно обращаетъ вниманіе на мелкіе предметы, подпадающіе ея взглядамъ; а также и то, что она не является сама собой на помощь къ угнетеннымъ, но постоянно находится въ распоряженіи даже самаго смиреннаго изъ нихъ. Послѣдній, какимъ бы слабымъ мы не представляли его себѣ, можетъ всегда заставить судью выслушать его жалобу и дать на нее отвѣтъ; это обусловлено самимъ основнымъ устройствомъ судебной власти.

Поэтому, подобная власть можетъ быть въ особенности примѣнена къ потребностямъ свободы въ такое время, когда глазъ и рука верховной власти постоянно проникаютъ въ самыя мелкія частности человѣческой дѣятельности и когда частныя лица, будучи слишкомъ слабыми для того, чтобы защищаться собственными силами, въ то же время слишкомъ изолированы, чтобъ ожидать помощи себѣ подобныхъ. Сила судебной власти во всѣ времена была лучшею гарантіей для личной независимости; но въ особенности это вѣрно относительно демократическихъ временъ, когда права и интересы частныхъ лицъ находятся постоянно въ опасности, если судебная власть не будетъ усиливаться и распространяться по мѣрѣ уравненія состояній.

Равенство внушаетъ людямъ многія склонности, очень опасныя для свободы и за которыми законодатель долженъ всегда зорко смотрѣть. Я упомяну лишь о важнѣйшихъ.

Люди живущіе въ демократическія вѣка не легко понимаютъ полезность формъ, — они чувствуютъ къ нимъ инстинктивное пренебреженіе. Я въ другомъ мѣстѣ указалъ на причину этого. Формы возбуждаютъ въ нихъ чувство презрѣнія, а часто и ненависти. Такъ какъ они обыкновенно стремятся только къ тому, что получается легко и тотчасъ же, то они неудержимо бросаются на каждый предметъ своихъ желаній; малѣйшая отсрочка приводитъ ихъ въ отчаяніе. Это свойство характера, переносимое ими и въ политическую жизнь, возстановляетъ ихъ противъ формъ, которыя ежедневно задерживаютъ, или отдаляютъ исполненіе котораго-нибудь изъ ихъ замысловъ.

Эти неудобства, находимыя въ формахъ людьми принадлежащими къ демократіямъ, и суть однако именно то, что дѣлаетъ формы столь полезными для свободы, такъ какъ главное ихъ достоинство и состоитъ въ томъ, что онѣ служатъ преградою между сильнымъ и слабымъ, между правящимъ и управляемымъ, которая задерживаетъ одного и даетъ другому время опомниться. Формы дѣлаются все необходимѣе по мѣрѣ того, какъ верховная власть становится дѣятельнѣе и сильнѣе, а частныя лица безпечнѣе и безсильнѣе. Поэтому демократическіе народы естественнымъ образомъ больше, чѣмъ другіе, нуждаются въ формахъ и естественно же относятся къ нимъ съ меньшимъ уваженіемъ. Это обстоятельство заслуживаетъ очень серьезнаго вниманія.

Нѣтъ ничего болѣе жалкаго, какъ то гордое презрѣніе, которое большая часть нашихъ современниковъ выказываетъ по вопросамъ о формахъ, потому что самые мелкіе вопросы, касающіеся формъ, пріобрѣли въ наше

время такую важность, какой они не имѣли до сихъ поръ. Съ ними связаны многіе изъ важнѣйшихъ интересовъ человѣчества.

Я думаю, что ежели государственные люди, жившіе въ аристократическіе вѣка, могли иногда безнаказанно пренебрегать формами и часто становиться выше ихъ, то нынѣшніе руководители народовъ должны съ уваженіемъ относиться къ малѣйшей формальности и не исполнять ее лишь тогда, когда къ этому принуждаетъ ихъ настоятельная необходимость. Въ аристократіяхъ уваженіе къ формамъ доходило до суевѣрія; намъ нужно имѣть къ нимъ просвѣщенное и обдуманное религіозное почтеніе.

Другая вполнѣ естественная для демократическихъ народовъ и очень опасная склонность состоитъ въ пренебреженіи и недостаточномъ вниманіи ихъ къ личнымъ правамъ.

Люди обыкновенно тѣмъ болѣе дорожатъ извѣстнымъ правомъ и тѣмъ болѣе выказываютъ ему уваженія, чѣмъ оно важнѣе и чѣмъ дольше они имъ пользовались. Личныя права, существующія у демократическихъ народовъ большею частью маловажны, очень недавни и очень неустойчивы; отъ этого происходитъ, что ими часто легко жертвуютъ и нарушаютъ ихъ почти всегда безъ угрызенія совѣсти.

При этомъ бываетъ такъ, что въ то же самое время и въ тѣхъ же націяхъ, гдѣ люди чувствуютъ естественное презрѣніе къ правамъ отдѣльныхъ личностей, права общества естественно расширяются и укрѣпляются; значитъ люди меньше дорожатъ личными правами какъ разъ тогда, когда было бы особенно необходимо сохранить и защитить то немногое, что отъ нихъ остается.

Слѣдовательно, истинные друзья свободы и величія человѣческаго должны въ наши демократическія времена особенно быть всегда насторожѣ, чтобы быть готовыми воспрепятствовать общественной власти легкомысленно жертвовать частными правами нѣкоторыхъ личностей для общаго исполненія своихъ предначертаній. Въ такія времена нѣтъ столь ничтожнаго гражданина, котораго не было бы опасно позволить притѣснять, ни столь маловажныхъ личныхъ правъ, которыя могли-бы безнаказанно быть предоставлены произволу. Причина этого проста: если частное право личности насильственно нарушается въ такое время, когда умъ людей проникнутъ важностью и святостью такого рода правъ, то вредъ наносится лишь тому, кого лишаютъ его права; но нарушать подобное право въ наши дни, это значитъ вносить глубокое развращеніе въ народные нравы и подвергать опасности все общество, такъ какъ самая идея такого рода правъ склонна у насъ къ искаженію и исчезновенію.

Существуютъ извѣстныя привычки, извѣстныя идеи и пороки, свойственные революціонному состоянію общества и которые, при долго продолжающейся революціи, не могутъ не зародиться и не сдѣлаться общими, каковъ бы впрочемъ ни былъ ея характеръ, цѣль и мѣсто дѣйствія.

Когда какая-нибудь нація въ теченіе короткаго времени нѣсколько разъ перемѣнитъ свое правительство, свои мнѣнія и законы, то составляющіе ее люди получаютъ наконецъ вкусъ къ движенію и привыкаютъ къ тому, что всѣ эти движенія производятся быстро, посредствомъ употребленія силы. Естественно, что они тогда начинаютъ чувствовать презрѣніе къ формамъ, безсиліе которыхъ они каждый день видятъ, и лишь съ нетерпѣніемъ переносятъ господство правилъ, отъ которыхъ на ихъ глазахъ было столько уклоненій.

Такъ какъ обыкновенныя понятія о справедливости и нравственности

становятся уже недостаточными для объясненія и оправданія всѣхъ новшествъ, ежедневно порождаемыхъ революціей, то люди обращаются къ принципу общественной пользы, создаютъ догматъ политической необходимости и легко пріучаются, не задумываясь жертвовать частными интересами и топтать ногами личныя права для скорѣйшаго достиженія предположенной ими общей цѣли.

Эти привычки и эти идеи, которыя я назову революціонными, потому что всѣ революціи производятъ ихъ, проявляются въ средѣ аристократій такъ же какъ и у демократическихъ народовъ; но у первыхъ онѣ бываютъ часто менѣе сильны и всегда менѣе прочны, потому что тамъ онѣ встрѣчаютъ привычки, идеи, пороки и недостатки, которые имъ противоположны. Поэтому они сами собой изглаживаются, какъ только революція оканчивается и нація возвращается къ своимъ стариннымъ политическимъ порядкамъ. Не всегда бываетъ такъ въ демократическихъ странахъ, гдѣ постоянно можно опасаться того, что революціонныя стремленія, смягчаясь и упорядочиваясь, но не уничтожаясь, могутъ постепенно превратиться въ правительственные нравы и административныя привычки.

Поэтому я не знаю странъ, въ которыхъ революціи были бы опаснѣе, чѣмъ въ странахъ демократическихъ, такъ какъ независимо отъ временныхъ и случайныхъ золъ, которыя непремѣнно будутъ произведены ими, существуетъ всегда вѣроятность, что онѣ могутъ создать зло постоянное и такъ сказать вѣчное.

Я думаю, что бываютъ честныя сопротивленія и законныя возмущенія. Поэтому я не утверждаю абсолютнымъ образомъ, что люди демократическаго времени никогда не должны дѣлать революцій; но я полагаю, что они больше чѣмъ другіе имѣютъ причину колебаться, прежде чѣмъ рѣшаться на нихъ и что имъ лучше стерпѣть много неудобствъ отъ существующаго порядка, чѣмъ прибѣгать къ такому опасному лѣкарству.

Я закончу, высказавши общую идею, заключающую въ себѣ не только всѣ частныя идеи, выраженныя въ этой главѣ, но еще и большую часть тѣхъ, изложеніе которыхъ составляетъ цѣль этой книги.

Въ аристократическіе вѣка, предшествовавшіе нашему, существовали частные люди очень могущественные и общественная власть очень слабая. Самое представленіе объ обществѣ было очень неясное и безпрестанно терялось среди различныхъ властей, управлявшихъ гражданами. Главныя усилія людей того времени должны были клониться къ увеличенію и укрѣпленію общественной власти, къ расширенію и обезпеченію ея правъ и наоборотъ, къ ограниченію свободы отдѣльныхъ личностей болѣе тѣсными предѣлами и къ подчиненію частныхъ интересовъ общественнымъ.

Другія опасности и другія заботы предстоятъ людямъ нашего времени. У большей части новѣйшихъ націй, верховная власть, каково бы ни было ея происхожденіе, устройство и названіе, сдѣлалась почти всемогущею, а частные люди все болѣе и болѣе спускаются на послѣднюю степень слабости и зависимости.

Въ старинныхъ обществахъ все было различно. Единство и разнообразіе не встрѣчались въ нихъ нигдѣ. Въ нашемъ обществѣ все грозитъ сдѣлаться настолько сходнымъ, что особенный обликъ каждой личности скоро совершенно исчезнетъ въ общей физіономіи. Отцы наши всегда были склонны къ злоупотребленію той идеей, что частныя права заслуживаютъ уваженія, а мы естественно склоняемся къ другому преувеличенію, что интересъ одного лица долженъ всегда преклоняться передъ интересами многихъ.

Политическій міръ мѣняется; съ этого времени противъ новыхъ золъ надо искать и новыхъ лекарствъ.

Установить для общественной власти границы достаточно широкія, но ясныя и неизмѣнныя; дать частнымъ лицамъ извѣстныя права и обезпечить за ними безспорное пользованіе этими правами; сохранить за личностью ту небольшую долю независимости, силы и оригинальности, которыя остаются у нея; поднять ее сравнительно съ обществомъ и оказать ей поддержку въ ея отношеніяхъ къ нему: такова, мнѣ кажется, должна быть первая задача законодателя въ наступающемъ для насъ вѣкѣ.

Представители верховной власти нашего времени какъ будто желаютъ дѣлать съ людьми только великія дѣла. Я бы хотѣлъ, чтобъ они нѣсколько болѣе подумали о томъ, какъ образовать великихъ людей; чтобъ они меньше придавали значенія работѣ и больше работникамъ, и чтобъ они постоянно помнили, что народъ не можетъ долго оставаться сильнымъ, когда каждый отдѣльный человѣкъ въ немъ слабъ и что еще не найдено такой общественной формы, или такой политической комбинаціи, которыя могли бы сдѣлать энергическимъ народъ, состоящій изъ гражданъ боязливыхъ и вялыхъ.

Я усматриваю у нашихъ современниковъ двѣ противоположныя, но одинаково вредныя идеи.

Одни видятъ въ равенствѣ только порождаемыя имъ анархическія склонности. Они боятся своей собственной свободной воли, боятся самихъ себя.

Другіе, менѣе многочисленные, но болѣе просвѣщенные, имѣютъ другіе взгляды. Рядомъ съ направленіемъ, ведущимъ отъ равенства къ анархіи они нашли наконецъ путь, который повидимому неудержимо ведетъ людей къ рабству. Они заранѣе прилаживаютъ свою душу къ этому неизбѣжному рабству; и, надѣясь остаться свободными, они уже поклоняются въ глубинѣ души грядущему владыкѣ.

Первые отказываются отъ свободы, потому что считаютъ ее опасною, вторые потому, что признаютъ ее невозможною.

Если бы я имѣлъ послѣдняго рода убѣжденіе, то я не написалъ бы настоящей книги; я бы ограничился тайнымъ сокрушеніемъ о судьбѣ моихъ ближнихъ.

Я желалъ выставить въ яркомъ свѣтѣ опасности, которымъ равенство подвергаетъ человѣческую свободу, потому что я твердо вѣрю, что эти опасности суть самыя страшныя и наименѣе предвидѣнныя изъ всѣхъ тѣхъ, которыя заключаютъ въ себѣ будущее. Но я не считаю ихъ непреодолимыми.

Люди, живущіе въ демократическихъ вѣкахъ, наступающихъ для насъ, имѣютъ естественную склонность къ независимости. Разумѣется, они нетерпѣливо переносятъ всякія правила: неизмѣнность даже того состоянія, которое они предпочитаютъ, утомляетъ ихъ. Они любятъ власть, но склонны презирать и ненавидѣть того, кто ею обладаетъ и легко ускользаютъ изъ его рукъ вслѣдствіе самой ихъ малости и подвижности.

Эти инстинкты останутся всегда, потому что они вытекаютъ изъ общественнаго строя, который не измѣнится. Они долго будутъ препятствовать прочному установленію всякаго деспотизма и давать новое оружіе каждому новому поколѣнію, которое захочетъ бороться за человѣческую свободу.

Будемъ же имѣть относительно будущаго спасительный страхъ, заставляющій быть на сторожѣ и бороться, а не тотъ родъ вялаго и бездѣятельнаго ужаса, который убиваетъ и обезсиливаетъ сердца.

ГЛАВА VIII.

Общій взглядъ на предметъ.

Прежде чѣмъ навсегда покинуть пройденную мною область, я бы хотѣлъ еще охватить однимъ послѣднимъ взглядомъ всѣ разнообразныя черты, опредѣляющіе видъ новаго міра и высказать, наконецъ, свое сужденіе о томъ общемъ вліяніи, которое оказываетъ равенство на судьбу людей; но меня останавливаетъ трудность подобной задачи. Въ виду такого обширнаго предмета я чувствую, что взглядъ мой мутится и что разумъ мой колеблется.

То новое общество, которое я старался изобразить и о которомъ хочу судить, еще только что народилось. Время еще не установило для него опредѣленной формы; великій переворотъ, произведшій его, еще продолжается, и въ томъ, что происходитъ въ наше время, почти невозможно различить, что должно пройти вмѣстѣ съ этимъ переворотомъ и что должно остаться послѣ него.

Возникающій міръ еще наполовину находится подъ обломками падающаго и, посреди громадной запутанности человѣческихъ дѣлъ никто не можетъ сказать, что изъ старинныхъ учрежденій и нравовъ останется въ цѣлости и что окончательно исчезнетъ.

Хотя переворотъ, происходящій въ общественномъ строѣ, законахъ, понятіяхъ и чувствахъ людей, далеко еще не закончился, но уже теперь то, что имъ сдѣлано, не можетъ итти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, что до сихъ поръ видано было въ мірѣ. Восходя отъ вѣка къ вѣку до самой отдаленной древности, я не усматриваю ничего похожаго на то, что находится передъ моими глазами. И такъ какъ будущее не освѣщается уже прошедшимъ, то умъ блуждаетъ во тьмѣ.

Однако же, посреди этой картины, столь обширной, столь новой и столь запутаной, я различаю нѣкоторыя уже обрисовывающіяся черты и указываю на нихъ.

Я вижу, что добро и зло довольно равномѣрно распредѣляются въ мірѣ. Большія богатства исчезаютъ, число мелкихъ богатствъ увеличивается; количество желаній и потребностей возрастаетъ; не бываетъ больше случаевъ ни необыкновеннаго благополучія, ни непоправимаго бѣдствія. Честолюбіе дѣлается общею страстью, но мало является обширныхъ честолюбій. Каждая отдѣльная личность изолирована и слаба, а общество ловко, предусмотрительно и сильно; частные люди дѣлаютъ мелкія дѣла, а общество громадныя.

Духъ людей не энергиченъ; но нравы ихъ мягки и законы человѣчны. Если рѣдко встрѣчаются примѣры великаго самоотверженія и очень возвышенныхъ, свѣтлыхъ и чистыхъ добродѣтелей, за то въ образѣ жизни проявляется правильность, насиліе бываетъ рѣдко, жестокость почти неизвѣстна. Жизнь человѣческая становится болѣе продолжительною и собственность болѣе обезпеченною. Жизнь не очень красива, но очень легка и спокойна. Существуетъ мало удовольствій какъ очень тонкихъ, такъ и очень грубыхъ, мало вѣжливости въ манерахъ и мало грубости во вкусахъ. Нѣтъ людей очень ученыхъ и нѣтъ населенія слишкомъ невѣжественнаго. Геній становится рѣже, а просвѣщеніе обыкновеннѣе. Человѣческій умъ развивается посредствомъ мелкихъ соединенныхъ усилій всѣхъ людей, а не вслѣдствіе могучаго толчка, даваемаго нѣкоторыми изъ нихъ. Въ произведеніяхъ труда меньше совершенства, но больше плодовитости.

Всѣ связи, расовыя, классовыя, національныя, ослаблены, но великая связь человѣчества становится тѣснѣе.

Если между всѣми этими разнообразными чертами я захочу найти ту, которая мнѣ кажется наиболѣе общею и бросающеюся въ глаза, то я приду къ заключенію, что то, что замѣчается относительно размѣровъ богатства, провляется и въ тысячѣ другихъ формъ. Почти всѣ крайности смягчаются; почти всѣ выдающіяся точки стираются, замѣняясь чѣмъ-нибудь среднимъ, что одновременно и не столь высоко и не столь низко, не столь блестяще и не столь темно, какъ то, что было раньше на свѣтѣ.

Когда міръ былъ наполненъ людьми очень большими и очень маленькими, очень богатыми и очень бѣдными, очень учеными и очень невѣжественными, я отвращалъ свой взглядъ отъ вторыхъ, чтобы видѣть только первыхъ, которые и доставляли удовольствіе моимъ взорамъ; но я понимаю, что это удовольствіе происходило отъ моей слабости; только потому, что я не могу видѣть сразу всего, меня окружающаго, мнѣ позволительно выбирать такимъ образомъ и выдѣлять изъ столь многихъ предметовъ, тѣ, на которые мнѣ пріятно смотрѣть. Не такъ смотритъ всемогущее и вѣчное существо, взглядъ котораго необходимо обнимаетъ всю совокупность вещей и которое видитъ явственно, хотя и одновременно, и весь родъ человѣческій и каждаго человѣка.

Естественно вѣрить тому, что творцу и охранителю людей всего пріятнѣе видѣть не чрезвычайное благополучіе нѣкоторыхъ, но наибольше благосостояніе всѣхъ; поэтому то, что мнѣ кажется упадкомъ, въ его глазахъ есть прогрессъ и то, что мнѣ не нравится, пріятно ему. Равенство можетъ быть не такъ возвышенно, но оно справедливѣе, и справедливость-то и есть именно то, что составляетъ его величіе и красоту.

Я пытаюсь стать на эту точку зрѣнія Бога и съ нея стараюсь разсматривать человѣческія дѣла и судить о нихъ.

Никто на землѣ не можетъ еще утверждать въ абсолютномъ и общемъ смыслѣ, что новое состояніе обществъ совершеннѣе прежняго, но уже легко видѣть, что оно стало другимъ.

Есть такія добродѣтели и такіе пороки, которые были связаны съ устройствомъ аристократическихъ націй и которые такъ чужды духу новыхъ народовъ, что ихъ невозможно ввести въ ихъ среду. Существуютъ хорошія склонности и дурные инстинкты, которые были чужды первымъ и естественно свойственны вторымъ; существуютъ идеи, которыя сами собой представляются воображенію однихъ и отталкиваются умомъ другихъ. Это суть какъ бы два различныя человѣчества, изъ которыхъ каждое имѣетъ свои особенныя преимущества и неудобства и свои собственные виды добра и зла.

Поэтому надо очень остерегаться судить о возникающихъ обществахъ, исходя изъ понятій, взятыхъ изъ обществъ уже не существующихъ. Это было бы несправедливо, такъ какъ они чрезвычайно различны одни отъ другихъ, а потому и не подлежатъ сравненію.

Столь же неосновательно было бы требовать отъ людей нашего времени особенныхъ качествъ, вытекавшихъ изъ общественнаго строя ихъ предковъ, такъ какъ самый этотъ строй разрушился и въ своемъ паденіи увлекъ, перемѣшавши вмѣстѣ, и всѣ роды добра и зла, заключавшіеся въ немъ.

Но эти вещи еще не ясно понимаются въ наше время.

Я вижу, что очень многіе изъ моихъ современниковъ хотятъ сдѣлать

выборъ между учрежденіями, мнѣніями и идеями, порожденными аристократическимъ устройствомъ стариннаго общества; они охотно отказались бы отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, но желали бы сохранить другія и перенести ихъ вмѣстѣ съ собою въ новый міръ.

Я думаю, что такія люди тратятъ свое время на работу честную, но безплодную.

Дѣло идетъ уже не о томъ, чтобы сохранить особыя выгоды, которыя даетъ людямъ неравенство общественнаго положенія, но о томъ, чтобы обезпечить за ними новыя блага, предлагаемыя имъ равенствомъ. Мы не должны не стремиться къ тому, чтобы быть похожими на своихъ отцовъ, но стараться достичь такого величія и такого счастія, которое намъ свойственно.

Что касается до меня, то придя къ концу моего пути, я вижу издали, но вмѣстѣ, всѣ различные предметы, которые я разсматривалъ на пути каждый отдѣльно и чувствую, что я полонъ страха и полонъ надеждъ. Я вижу большія опасности, которыя возможно предотвратить, большое зло, котораго можно вполнѣ или отчасти избѣгнуть, и я все болѣе утверждаюсь въ томъ убѣжденіи, что для того, чтобы быть честными и благоденствовать, демократическимъ народамъ еще стоитъ лишь этого пожелать.

Я знаю: многіе изъ моихъ современниковъ думали, что народы на землѣ никогда не могутъ принадлежать самимъ себѣ, что они необходимо повинуются какой-то невѣдомой, непреодолимой и безмысленной силѣ, являющейся результатомъ предыдущихъ событій, расы, почвы и климата.

Все это ложныя и малодушныя ученія, не могущія никогда произвести ничего кромѣ слабыхъ людей и трусливыхъ народовъ: Провидѣніе не создало человѣка ни вполнѣ независимымъ, ни совершеннымъ рабомъ. Правда, что оно очерчиваетъ вокругъ каждаго человѣка фатальный кругъ, изъ котораго онъ не можетъ выйти; но въ обширныхъ предѣлахъ этого круга человѣкъ могучъ и свободенъ; также и народы.

Націи нашего времени не могутъ сдѣлать, чтобы въ ихъ средѣ общественныя состоянія не были равны; но отъ нихъ зависитъ, поведетъ ли ихъ это равенство къ рабству или свободѣ, къ просвѣщенію или варварству, къ благополучію или бѣдствіямъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(A) Стран. 15.

Относительно всѣхъ западныхъ странъ, въ которыя еще не проникли европейцы—см. два путешествія предпринятыя маіоромъ Лонгомъ на средства конгресса.

Именно г. Лонгъ говоритъ по поводу большой американской пустыни, что нужно провести линію, приблизительно параллельную 20-му градусу долготы (отъ меридіана Вашингтона) [1]), начинающуюся отъ *Красной* рѣки и оканчивающуюся у рѣки *Платте*. Отъ этой воображаемой линіи до Скалистыхъ горъ, окаймляющихъ съ запада долину Миссисипи, простираются обширныя равнины, покрытыя вообще песками, не поддающимися культурѣ, или усѣянныя гранитными валунами. Лѣтомъ онѣ лишены воды. Въ нихъ встрѣчаются только большія стада бизоновъ и дикихъ лошадей; попадаются также таборы индѣйцевъ, но въ небольшомъ числѣ.

Маіоръ Лонгъ слышалъ, что идя въ томъ же направленіи больше за рѣку *Платте*, будешь имѣть слѣва постоянно все ту же пустыню. Но онъ не могъ самъ провѣрить правильность этого показанія.

Long's expedition, т. 2, стр. 361.

Какого бы довѣрія ни заслуживало описаніе маіора Лонга, не слѣдуетъ однако забывать, что онъ только проѣхалъ черезъ страну, о которой разсказываетъ, не дѣлая большихъ уклоненій въ сторону отъ того пути, по которому онъ слѣдовалъ.

(B) Стран. 16.

Южная Америка въ своемъ между-тропическомъ поясѣ производитъ въ невѣроятномъ изобиліи эти ползучія растенія, извѣстныя подъ общимъ названіемъ ліанъ. Одна флора Антильскихъ острововъ представляетъ ихъ сорокъ различныхъ видовъ.

Одно изъ красивѣйшихъ между этими деревцами есть пассифлора. Это хорошенькое растеніе, говоритъ Декуртизъ въ своемъ описаніи растительнаго царства на Антильскихъ островахъ, съ помощью прицѣпокъ, которыми оно снабжено, прикрѣпляется къ деревьямъ и вмѣстѣ съ ними образуетъ подвижные своды и колоннады, роскошныя и изящныя по красотѣ цвѣтовъ, пурпурныхъ съ голубымъ, которыя украшаютъ ихъ и ласкаютъ обоняніе издаваемымъ имъ благоуханіемъ. Томъ 1, стр. 265.

Акація съ большими стручками есть очень толстая ліана, быстро растущая, которая, перекидываясь съ дерева на дерево, покрываетъ иногда пространство болѣе чѣмъ въ полмили. Т. 3, стр. 227.

---

[1]) 20-й градусъ долготы, считая отъ меридіана Вашингтона, соотвѣтствуетъ приблизительно 99-му градусу отъ Парижскаго меридіана.

(С) Стран. 17.

Объ американскихъ языкахъ.

Языки, на которыхъ говорятъ американскіе индѣйцы отъ сѣвернаго полюса до мыса Горнъ, образованы всѣ, какъ говорятъ, по одному образцу и подчинены однимъ грамматическимъ правиламъ; изъ чего съ большею вѣроятностью можно заключить, что всѣ индѣйскіе народы произошли отъ одного корня.

Каждое изъ племенъ американскаго материка говоритъ особымъ нарѣчіемъ; но число собственно языковъ очень невелико, что также можетъ служить доказательствомъ того, что народы Новаго Свѣта имѣютъ не очень давнее происхожденіе.

Наконецъ американскіе языки отличаются чрезвычайною правильностью; поэтому вѣроятно, что употребляющіе ихъ народы еще не подвергались большимъ переворотамъ и не смѣшивались насильственно, или по своей волѣ, съ чуждыми имъ народами, такъ какъ грамматическія неправильности обыкновенно производятся сліяніемъ нѣсколькихъ языковъ въ одинъ.

Американскіе языки, и въ особенности языки Сѣверной Америки, недавно обратили на себя серьезное вниманіе филологовъ. Тогда первый разъ открыли, что эти языки варварскихъ народовъ были продуктомъ системы очень сложныхъ идей и очень искусныхъ комбинацій. Замѣтили, что они были очень богаты и что въ образованіи ихъ проявлялась большая заботливость объ угожденіи тонкимъ требованіямъ слуха.

Грамматическая система американцевъ отличается отъ всѣхъ другихъ во многихъ пунктахъ, но въ особенности въ слѣдующемъ:

Нѣкоторые народы Европы, между прочимъ нѣмцы, могутъ, если нужно, комбинировать различныя выраженія и такимъ образомъ давать нѣкоторымъ словамъ сложное значеніе. Индѣйцы самымъ удивительнымъ образомъ распространили эту способность, доведя ее до того, что они соединяютъ, такъ сказать, въ одну точку очень большое число понятій. Это легко станетъ понятнымъ при помощи примѣра, приведеннаго г. Дюпонсо въ запискахъ американскаго философскаго общества.

Когда делаварская женщина, говоритъ онъ, играетъ съ кошкой или щенкомъ, то иногда слышно, какъ она произноситъ слово *Kuligatschis*. Слово это составлено такимъ образомъ: *K.* обозначаетъ второе лицо и значитъ: *ты* или *твой*: *uli* (произносится *улн*) есть часть слова *wulit*, которое значитъ *прекрасный, красивый; gat* есть тоже часть слова *wichgat*, которое значитъ *лапа;* наконецъ *schis* (произносится *шизъ*) есть уменьшительное окончаніе, указывающее на понятіе малой величины. Такимъ образомъ, въ одномъ словѣ индѣйская женщина говоритъ: твоя хорошенькая, маленькая лапка.

Вотъ другой примѣръ, показывающій, какъ удачно американскіе дикари умѣли составлять свои слова.

Молодой человѣкъ по делаварски называется *pilapè*. Слово это составлено изъ *pilsit*, цѣломудренный, невинный, и *lenapé* человѣкъ, т.-е. оно значитъ человѣкъ, находящійся въ чистотѣ и невинности.

Эта способность къ соединенію словъ особенно страннымъ образомъ выказывается при образованіи глаголовъ. Самое сложное дѣйствіе выражается часто однимъ глаголомъ. Почти всѣ возможные оттѣнки мысли дѣйствуютъ на глаголъ и измѣняютъ его.

Желающіе болѣе подробно ознакомиться съ этимъ предметомъ, котораго я самъ коснулся лишь очень поверхностно, должны прочитать:

1) Переписку г. Дюпонсо съ преп. Геквельдеромъ относительно индѣйскихъ языковъ. Эта переписка находится въ первомъ томѣ записокъ американскаго фи-

лософскаго общества, изданномъ въ Филадельфіи въ 1819 г. у Авраама Смолль. Т. 1, стр. 356—464.

2) Грамматику языка делаваровъ или ленапе, составленную Гейбергеромъ съ приложеннымъ къ ней предисловіемъ г. Дюпонсо. Все это находится въ томъ же сборникѣ, т. III.

3) Очень хорошо сдѣланный сводъ этихъ трудовъ, находящійся въ концѣ 6-го тома *Американской энциклопедіи.*

(D) Стран. 18.

У Шарльвуа (т. 1, стр. 235) находится исторія первой войны, которую канадскіе французы вели въ 1610 г. противъ ирокезовъ. Послѣдніе, хотя вооруженные только луками и стрѣлами, оказали отчаянное сопротивленіе французамъ и ихъ союзникамъ. Хотя Шарльвуа и не великій живописецъ, но въ этомъ отрывкѣ онъ очень хорошо рисуетъ противоположность нравовъ французовъ съ нравами дикарей, а также различіе взглядовъ на честь, существовавшее между этими двумя расами.

Французы, разсказываетъ онъ, взяли себѣ бобровыя шкуры, которыми были покрыты ирокезы, павшіе на полѣ битвы; ихъ союзники гуроны были возмущены этимъ зрѣлищемъ. Послѣдніе со своей стороны начали проявлять свои обыкновенныя жестокости съ плѣнными и съѣли одного изъ убитыхъ, что привело въ ужасъ французовъ. Такимъ образомъ, прибавляетъ Шарльвуа, эти варвары хвалились безкорыстіемъ, удивляясь отсутствію его въ нашемъ народѣ, и не понимали того, что гораздо менѣе безнравственно было обирать мертвыхъ, чѣмъ подобно дикимъ звѣрямъ питаться ихъ мясомъ.

Тотъ же Шарльвуа, въ другомъ мѣстѣ (т. 1, стр. 230), такимъ образомъ описываетъ первую пытку, свидѣтелемъ которой былъ Шамплэнъ, и возвращеніе гуроновъ въ ихъ деревню.

Пройдя восемь льё, говоритъ онъ, наши союзники остановились и, взявши одного изъ своихъ плѣнниковъ, они стали упрекать его за всѣ жестокости, совершенныя имъ надъ воинами изъ ихъ народа, попавшими въ его руки, и объявили ему, что съ нимъ будетъ поступлено такимъ же образомъ; при этомъ они добавили, что еслибъ онъ былъ мужественнымъ человѣкомъ, то доказалъ бы это своимъ пѣніемъ. Онъ тотчасъ началъ пѣть свою предсмертную пѣсню, потомъ свою боевую пѣсню и всѣ, какія онъ зналъ, но очень печальнымъ тономъ, замѣчаетъ Шамплэнъ, который еще не успѣлъ познакомиться съ тѣмъ, что вся музыка дикарей имѣетъ въ себѣ нѣчто мрачное. Его казнь, сопровождаемая всѣми ужасами, о которыхъ мы скажемъ послѣ, испугала французовъ, которые тщетно прилагали всѣ усилія, чтобы положить ей конецъ. Въ слѣдующую ночь одинъ изъ гуроновъ увидѣлъ во снѣ, что ихъ преслѣдуютъ; тогда отступленіе превратилось въ настоящее бѣгство и дикари до тѣхъ поръ нигдѣ не останавливались, пока не оказались внѣ всякой опасности.

Какъ только они увидѣли хижины своей деревни, такъ они срубили себѣ длинныя палки, на которыя навязали волосы убитыхъ враговъ, которые пришлись на ихъ доли, и съ торжествомъ понесли ихъ. При видѣ этого, женщины прибѣжали, бросились вплавь и, доплывши до лодокъ, взяли покрытые кровью скальпы изъ рукъ своихъ мужей и надѣли ихъ себѣ на шею.

Воины поднесли Шамплену одинъ изъ этихъ ужасныхъ трофеевъ, и сверхъ того подарили ему нѣсколько луковъ и стрѣлъ, составлявшихъ единственную добычу, которую они пожелали взять отъ ирокезовъ, и просили его показать эти вещи французскому королю.

Шамплэнъ прожилъ цѣлую зиму, одинъ, посреди этихъ варваровъ, причемъ его личность и собственность ни на минуту не подвергались опасности.

(E) Стран. 29.

Хотя пуританскій ригоризмъ, положенный въ основу первоначальнаго устройства англійскихъ колоній въ Америкѣ, очень ослабѣлъ съ тѣхъ поръ, однако и на обычаяхъ и на законахъ ихъ остались еще чрезвычайно значительные слѣды его.

Въ 1792-мъ году, въ то самое время, когда французская антихристіанская республика начинала свое скоротечное существованіе, законодательнымъ собраніемъ Массачузетса изданъ былъ слѣдующій законъ, имѣвшій цѣлію принудить гражданъ къ соблюденію воскреснаго дня. Вотъ вступленіе и главнѣйшія правила, установленныя этимъ закономъ, заслуживающимъ полнаго вниманія читателя.

«Имѣя въ виду, говоритъ законодатель, что соблюденіе воскреснаго дня требуется въ видахъ общественной пользы, что оно производитъ полезную пріостановку въ трудахъ, что оно направляетъ людей на размышленіе объ ихъ житейскихъ обязанностяхъ и объ ошибкахъ столь свойственныхъ человѣческому роду, что оно даетъ возможность какъ дома, такъ и публично воздавать хвалу Богу, создателю и промыслителю вселенной, и посвящать свое время дѣламъ милосердія, составляющимъ красу и утѣшеніе христіанскихъ обществъ.

«Имѣя также въ виду, что люди нечестивые, или легкомысленные, забывая объ обязанностяхъ, налагаемыхъ воскреснымъ днемъ и о пользѣ, получаемой обществомъ отъ ихъ исполненія, нарушаютъ его святость, предаваясь въ этотъ день удовольствіямъ или труду; что такое поведеніе противно собственнымъ ихъ интересамъ, какъ христіанъ, что кромѣ того оно способно смущать тѣхъ, кто не слѣдуетъ ихъ примѣру и наносить дѣйствительный ущербъ всему обществу, внося въ его среду склонность къ разсѣянію и распущенныя привычки;

«Сенатъ и палата представителей приказали слѣдующее:

1. «Никто не можетъ въ воскресный день держать открытою свою лавку, или свою мастерскую. Никто не можетъ въ этотъ день заниматься какой-либо работой, или дѣлами, присутствовать на какого-либо рода концертѣ, балѣ, или спектаклѣ, или предаваться какой-либо охотѣ, игрѣ или развлеченію, подъ страхомъ пени не менѣе 10 и не болѣе 20 шиллинговъ за каждое нарушеніе закона.

2. «Никакой путешественникъ, легковой или грузовой извощикъ, не могутъ находиться въ пути въ воскресенье, подъ страхомъ такой же пени, за исключеніемъ случаевъ крайней необходимости.

3. «Содержатели питейныхъ домовъ, трактировъ и мѣстъ мелочной продажи не должны допускать, чтобы какой-нибудь обыватель, имѣющій жительство въ ихъ общинѣ, приходилъ къ нимъ въ воскресенье, чтобы проводить время въ занятіяхъ дѣлами, или удовольствіями. Въ случаѣ нарушенія этого правила, какъ хозяинъ заведенія, такъ и пришедшій къ нему, подвергаются взысканію пени, а первый, сверхъ того, можетъ быть лишенъ свидѣтельства на право торговли.

4. «Кто находясь въ полномъ здоровьѣ и безъ достаточной причины, не будетъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ присутствовать на общественномъ богослуженіи, тотъ подвергается взысканію пени въ 10 шил.

5. «Кто въ стѣнахъ храма будетъ неприлично вести себя, подвергается пенѣ отъ 5 до 50 шиллинговъ.

6. «Наблюденіе за приведеніемъ въ исполненіе этого закона возлагается на общинныхъ tithingmen'овъ [1]). Они имѣютъ право по воскресеньямъ осматривать всѣ помѣщенія въ трактирахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ. Содержатель заведенія,

---

[1]) Это суть чиновники, избираемые ежегодно и которые по своему значенію приближаются одновременно къ французскимъ должностямъ и полевого сторожа, и судебнаго пристава.

отказавшійся впустить ихъ въ домъ, подвергается собственно за это пенѣ въ 40 шиллинговъ.

«Tythingmen'ы должны останавливать путешествующихъ и спрашивать ихъ о причинѣ, заставившей ихъ отправиться въ дорогу въ воскресенье. Отказывающійся отвѣчать подвергается пенѣ, которая можетъ доходить до 5 фун. стерлингъ.

Если причина, указанная путешественникомъ, не будетъ сочтена tythingmen'омъ уважительною, то послѣдній возбуждаетъ противъ него обвиненіе у участковаго мирового судьи». *Законъ 8 марта* 1792 г. *General Laws of Massachusetts*, т. 1, стр. 410.

11 марта 1797 г. новымъ закономъ увеличенъ былъ размѣръ пени, половина которой должна была поступать тому, кто преслѣдовалъ виновнаго. Тотъ же сборникъ т. 1, стр. 525.

16 февраля 1816 г. эти мѣры были подтверждены новымъ закономъ. Тотъ же сборникъ, т. 2, стр. 405.

Сходныя съ этими постановленія существуютъ въ законахъ штата Нью-Йоркъ, пересмотрѣнныхъ въ 1827 и 1828 годахъ (См. *Revised statutes*, часть 1-я, глава 20, стр. 675). Въ нихъ сказано, что въ воскресенье никто не можетъ охотиться, ловить рыбу, играть или посѣщать питейные дома; никто также не можетъ путешествовать, за исключеніемъ случаевъ крайней необходимости.

Это не единственная черта, оставшаяся въ законахъ отъ религіознаго духа и строгихъ нравовъ первыхъ переселенцевъ.

Въ пересмотрѣнныхъ уставахъ штата Нью-Йоркъ, т. 1, стр. 662, можно найти слѣдующую статью:

«Кто въ теченіе 24 часовъ выиграетъ, или проиграетъ сумму въ 25 долларовъ (около 132 франковъ), признается виновнымъ въ проступкѣ (*misdemeanor*) и по признаніи факта доказаннымъ, подвергается уплатѣ штрафа, равнаго по крайней мѣрѣ суммѣ въ пять разъ больше выигранной, или проигранной; этотъ штрафъ вносится общинному попечителю о бѣдныхъ.

«Проигравшій 25 долларовъ, или больше, можетъ ихъ требовать обратно судомъ. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то попечитель о бѣдныхъ можетъ предъявить искъ къ выигравшему и заставить его отдать въ пользу бѣдныхъ выигранную сумму и сверхъ того еще сумму втрое бо́льшую».

Приведенные мною законы изданы очень недавно, но можно ли ихъ понять не восходя къ самому времени основанія колоній? Я не сомнѣваюсь въ томъ, что въ настоящее время та часть ихъ, которая говоритъ о наказаніи, примѣняется очень рѣдко; законы сохраняютъ свою непоколебимость даже и тогда когда нравы уже измѣнились подъ вліяніемъ времени. Однако и теперь соблюденіе воскреснаго покоя представляетъ явленіе всего болѣе поражающее иностранца.

Существуетъ именно большой американскій городъ, въ которомъ начиная съ вечера субботы общественное движеніе какъ бы пріостанавливается. Вы проходите по нему въ часы, которые, кажется, приглашаютъ людей зрѣлаго возраста къ занятію дѣлами, а молодость—къ удовольствіямъ, и видите себя въ совершенномъ одиночествѣ. Не только никто не работаетъ, но какъ будто никто не живетъ. Не слышно промышленнаго движенія, ни звуковъ веселья, ни даже смутнаго гула, постоянно носящагося надъ большимъ городомъ. Цѣпи протянуты вблизи церквей; на половину закрытые ставни домовъ какъ бы нехотя позволяютъ солнечному лучу проникнуть въ жилища гражданъ. Лишь изрѣдка встрѣчается одинокій человѣкъ, тихонько пробирающійся черезъ пустынные перекрестки и вдоль покинутыхъ улицъ.

На другой день съ разсвѣтомъ снова начинается движеніе экипажей, стукъ молотковъ, шумъ народа. Городъ пробуждается. Безпокойная толпа направляется къ торговымъ и промышленнымъ центрамъ; все двигается, волнуется тѣснится кругомъ

васъ. За нѣкотораго рода летаргическимъ оцѣпенѣніемъ слѣдуетъ лихорадочная дѣятельность; кажется, будто всякій имѣетъ въ своемъ распоряженіи только одинъ день, чтобы пріобрѣсти богатство и пользоваться имъ.

(F) Стран. 33.

Излишне говорить, что въ этой главѣ я не намѣревался изложить исторію Америки. Единственною моею цѣлью было дать возможность читателю оцѣнить то вліяніе, которое мнѣнія и нравы первыхъ переселенцевъ оказали на судьбу разныхъ колоній и всего Союза. Поэтому я долженъ былъ ограничиться приведеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отрывковъ.

Если я не ошибаюсь, то мнѣ кажется, что, идя по тому пути, который мною здѣсь лишь намѣченъ, можно бы было представить такія картины изъ первыхъ временъ американскихъ республикъ, которыя оказались бы достойны вниманія публики и дали бы безъ сомнѣнія государственнымъ людямъ предметъ для размышленій. Не имѣя возможности самъ заняться этимъ трудомъ, я желалъ, по крайней мѣрѣ, облегчить его для другихъ. Поэтому я счелъ нужнымъ представить здѣсь короткій перечень и разборъ сочиненій, которыя на мой взглядъ могли бы служить наиболѣе полезными источниками.

Въ числѣ общихъ документальныхъ источниковъ, съ которыми было бы полезно справляться, я укажу прежде всего на сочиненіе озаглавленное такъ: *Historical collection of state papers and other authentic documents, intended as materials foran history of the United States of America. By Ebenezer Hasard.*

Первый томъ этой компиляціи, напечатанный въ 1792 году въ Филадельфіи, заключаетъ въ себѣ точныя копіи всѣхъ грамотъ, дарованныхъ переселенцамъ Англійскимъ королевскимъ правительствомъ, а также главнѣйшихъ актовъ колоніальныхъ правительствъ, относящихся къ первому времени ихъ существованія. Между прочимъ въ немъ содержится много подлинныхъ документовъ, касательно общественныхъ дѣлъ Новой Англіи и Виргиніи за этотъ періодъ.

Второй томъ почти весь посвященъ актамъ конфедераціи 1643 года. Этотъ союзный договоръ, заключенный между колоніями Новой Англіи съ цѣлію обороны противъ индѣйцевъ, былъ первымъ примѣромъ соединенія англо-американцевъ. Послѣ того было еще нѣсколько такого же рода союзныхъ договоровъ до заключеннаго въ 1776 году, слѣдствіемъ котораго была независимость колоній.

Филадельфійскій историческій сборникъ находится въ Королевской библіотекѣ.

Сверхъ того, каждая колонія имѣетъ свои историческіе памятники, изъ которыхъ многіе очень драгоцѣнны. Я начну мой разборъ съ Виргиніи, штата ранѣе другихъ населеннаго.

Первый изъ всѣхъ историковъ Виргиніи есть основатель ея капитанъ Джонъ Смитъ. Капитанъ Смитъ оставилъ намъ однотомное сочиненіе in 4°, напечатанное въ Лондонѣ въ 1627 году подъ заглавіемъ: *the general history of Virginia and New-England, by captaine John Smith some times governor in those countryes and Admiral of New-England* (эта книга есть въ Королевской библіотекѣ). Сочиненіе Смита снабжено картами и гравюрами очень любопытными, относящимися къ тому же времени. Разсказъ историка продолжается отъ 1584 года до 1626 г. Книга Смита пользуется заслуженнымъ уваженіемъ. Авторъ есть одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ авантюристовъ, бывшихъ въ томъ, полномъ приключеній вѣкѣ, въ концѣ котораго онъ жилъ. Самая книга одушевлена тою страстью къ открытіямъ и тѣмъ духомъ предпріимчивости, которымъ отличались люди того времени; въ ней высказываются тѣ рыцарскіе нравы, которые перемѣшивались съ торговлей и служили средствомъ обогащенія.

Но что особенно замѣчательно въ капитанѣ Смитѣ, это то, что съ хорошими качествами своихъ современниковъ онъ соединяетъ такія достоинства, которыя большинству ихъ были чужды; его изложеніе просто и ясно; разсказы его всѣ носятъ на себѣ печать правдивости и описанія его не изукрашены.

Этотъ авторъ даетъ драгоцѣнныя указанія относительно положенія индѣйцевъ во время открытія Сѣверной Америки.

Другой историкъ, съ которымъ слѣдуетъ справляться, есть Беверлей. Сочиненіе Беверлея, составляющее одинъ томъ въ 12-ю долю, было переведено на французскій языкъ и напечатано въ Амстердамѣ въ 1707 году. Авторъ начинаетъ свой разсказъ 1585 годомъ и оканчиваетъ его на 1700 годѣ. Первая часть его книги заключаетъ въ себѣ собственно историческіе документы, относящіеся къ началу колоній. Вторая содержитъ любопытное описаніе положенія индѣйцевъ въ эту отдаленную эпоху. Третья часть даетъ очень ясное понятіе о нравахъ, общественномъ строѣ, законахъ и политическихъ обычаяхъ виргинцевъ во времена жизни автора.

Беверлей былъ родомъ изъ Виргиніи, что заставило его сказать въ началѣ, что «онъ покорно проситъ своихъ читателей не быть очень строгими критиками при чтеніи его книги, такъ какъ, будучи родомъ изъ Западной Индіи, онъ не имѣетъ претензіи на чистоту языка». Несмотря, однако, на такую скромность, авторъ во всей своей книгѣ выказываетъ, что онъ нетерпѣливо переноситъ верховенство метрополіи. Во сочиненіи Беверлея встрѣчаются также очень многія черты того духа гражданской свободы, который уже съ того времени одушевлялъ англо-американскія колоніи. Въ немъ можно найти также слѣды раздоровъ, столь долго существовавшихъ между ними и задерживавшихъ пріобрѣтеніе ими независимости. Беверлей ненавидитъ своихъ сосѣдей, жителей Мериленда еще больше, чѣмъ англійское правительство. Слогъ этого автора простъ, разсказы его часто интересны и внушаютъ довѣріе. Французскій переводъ исторіи Беверлея находится въ Королевской библіотекѣ.

Я видѣлъ въ Америкѣ, но не могъ найти во Франціи сочиненіе, тоже стоющее того, чтобы съ нимъ справляться. Оно называется *History of Virginia by William Stith*. Въ этой книгѣ есть любопытныя подробности, но она мнѣ показалась слишкомъ длинною и многословною.

Самый старинный и самый лучшій документъ по исторіи обѣихъ Каролинъ есть книга въ маленькую 4-ку, носящая названіе: *The history of Carolina by John Lawson*, напечатанная въ Лондонѣ въ 1718 году.

Сочиненіе Лоусона прежде всего содержитъ въ себѣ путешествіе съ цѣлію открытій въ западную часть Каролины. Путешествіе это написано въ видѣ дневника; разсказы автора запутаны; его наблюденія очень поверхностны; одно, что есть въ нихъ, это довольно яркая картина опустошеній, производимыхъ въ то время между дикарями осной и водкой и любопытное изображеніе царствовавшей между ними испорченности нравовъ, которой способствовало присутствіе европейцевъ.

Вторая часть сочиненія Лоусона посвящена описанію физическихъ условій Каролины и ознакомленію съ ея произведеніями.

Въ третьей части авторъ даетъ интересное описаніе нравовъ, обычаевъ и управленія индѣйцевъ въ эту эпоху. Въ этомъ отдѣлѣ книги часто встрѣчаются умъ и оригинальность.

Исторія Лоусона заканчивается хартіей, дарованной Каролинѣ во время Карла II.

Общій тонъ этого сочиненія отличается легкостью и часто распущенностью, составляя полную противоположность съ глубоко-серьезнымъ стилемъ сочиненій, изданныхъ въ то же время въ Новой Англіи.

Исторія Лоусона чрезвычайно рѣдко находится въ Америкѣ, а въ Европѣ ее нельзя найти. Одинъ экземпляръ есть однако въ Королевской библіотекѣ.

Отъ южной окраины Соединенныхъ Штатовъ я переходу непосредственно къ сѣверной. Пространство между ними было населено только позже.

Прежде всего я долженъ указать на очень любопытный сборникъ, называющійся *Collection of the Massachusetts historical society*, напечатанный въ первый разъ въ Бостонѣ въ 1792 г. и перепечатанный въ 1806 г. Этого сочиненія нѣтъ ни въ Королевской библіотекѣ, ни, я думаю, въ какой другой.

Этотъ сборникъ (который продолжается) заключаетъ въ себѣ множество драгоцѣннѣйшихъ документовъ, относящихся къ исторіи различныхъ штатовъ Новой Англіи. Въ немъ находится не изданная переписка и подлинники бумагъ, бывшихъ скрытыми въ провинціальныхъ архивахъ. Въ немъ помѣщено цѣликомъ все сочиненіе Гукина объ индѣйцахъ.

Въ главѣ, къ которой относится это примѣчаніе, мною нѣсколько разъ упоминалось о сочиненіи Натаніеля Мортона, подъ заглавіемъ *New-England's Memorial*. Сказаннаго о немъ достаточно, для доказательства того, что онъ заслуживаетъ вниманія людей, желающихъ знать исторію Новой Англіи. Сочиненіе Натаніеля Мортона представляетъ книгу въ 8-ку, перепечатанную въ Бостонѣ въ 1826 г. Его нѣтъ въ Королевской библіотекѣ.

Наиболѣе цѣнимый и важный изъ имѣющихся источниковъ по исторіи Новой Англіи есть сочиненіе Пр. Коттона Матера (Cotton Mather), носящее названіе: *Magnalia Christi Amerikana or the ecclesiastical history of New-England.* 1620—1698. 2 т. въ 8-ку, перепечатанные въ Гартфордѣ 1820 г. Мнѣ кажется, что его нѣтъ въ Королевской библіотекѣ.

Авторъ раздѣлилъ свое сочиненіе на семь книгъ.

Въ первой излагается исторія тѣхъ условій, которыя подготовили и произвели возникновеніе Новой Англіи.

Вторая содержитъ біографію первыхъ губернаторовъ и главнѣйшихъ должностныхъ лицъ, управлявшихъ этою страной.

Третья часть посвящена описанію жизни и трудовъ евангелическихъ пасторовъ, которые, въ теченіе этого же періода, завѣдывали въ ней духовнымъ управленіемъ.

Въ четвертой авторъ разсказываетъ объ основаніи и развитіи Кембриджскаго университета (въ Массачузетсѣ).

Въ пятой онъ излагаетъ основные принципы и правила церкви въ Новой Англіи.

Шестая посвящена изложенію нѣкоторыхъ фактовъ, которыми, по мнѣнію Матера, доказывается благодѣтельное дѣйствіе Провидѣнія на жителей Новой Англіи.

Въ седьмой части, наконецъ, авторъ сообщаетъ намъ объ ересяхъ и смутахъ, бывшихъ въ ново-англійской церкви.

Коттонъ Маттеръ былъ евангелическій пасторъ, который родился въ Бостонѣ и провелъ тамъ всю жизнь.

Вся горячность и всѣ религіозныя страсти, приведшія къ основанію Новой Англіи, оживляютъ и одухотворяютъ его разсказы. Въ его манерѣ писать встрѣчаются часто признаки дурного вкуса, но онъ привлекаетъ къ себѣ своимъ энтузіазмомъ, который передается, наконецъ, и читателю. Онъ часто бываетъ нетерпимъ, еще чаще легковѣренъ, но въ немъ никогда не замѣтно желанія обмануть. Иногда его сочиненіе представляетъ даже отрывки полные красоты и вѣрныя и глубокія мысли, каковы наприм., слѣдующія:

«Раньше прибытія пуританъ,—говоритъ онъ (т. 1, гл. IV, стр. 61),—англичане нѣсколько разъ пытались населить ту страну, въ которой мы живемъ; но такъ какъ они не задавались цѣлью болѣе высокой, чѣмъ достиженіе своихъ матеріальныхъ выгодъ, то они скоро были удручены препятствіями; не такъ было съ людьми, которые прибыли въ Америку, будучи направляемы и поддерживаемы высшей религіоз-

ной мыслью. Хотя они и встрѣтили больше враговъ, чѣмъ ихъ когда-нибудь было у основателей какой-либо колоніи, но они остались тверды въ своихъ намѣреніяхъ и созданное ими устройство существуетъ до нашего времени».

Къ изображаемымъ имъ строгимъ картинамъ Матеръ присоединяетъ иногда образы полные кротости и нѣжности; разсказавши объ одной англійской дамѣ, которая, будучи увлечена религіознымъ усердіемъ, отправилась съ мужемъ въ Америку и скоро потомъ умерла, не перенеся трудностей и бѣдствій изгнанія, онъ прибавляетъ: «что же касается до ея добродѣтельнаго супруга, Исаака Джонсона, то онъ пытался жить безъ нея и, не могши этого сдѣлать, умеръ» (т. I, стр. 71).

Книга Матера прекрасно знакомитъ со временемъ и страной, которыя онъ описываетъ.

Желая объяснить намъ, какія причины заставили пуританъ искать убѣжища за моремъ, онъ говоритъ:

«Богъ, царь небесный, воззвалъ къ тѣмъ изъ своего народа, которые жили въ Англіи. Говоря одновременно къ тысячамъ людей, никогда не видавшихъ другъ друга, онъ внушилъ имъ желаніе покинуть жизненныя удобства, находимыя ими въ своемъ отечествѣ, и, переѣхавши грозный океанъ, поселиться посреди еще болѣе страшныхъ пустынь, съ единственною цѣлью, чтобы повиноваться тамъ безпрепятственно Его законамъ.

«Прежде, чѣмъ продолжать, — говоритъ онъ далѣе,—полезно объяснить, въ чемъ состояли мотивы этого предпріятія, дабы они были вполнѣ поняты потомствомъ; въ особенности важно возстановить ихъ въ понятіи людей нашего времени, чтобы въ противномъ случаѣ, потерявши изъ виду цѣль, которую преслѣдовали ихъ отцы, они не пренебрегли дѣйствительными пользами Новой Англіи. Поэтому я помѣщу здѣсь то, что находится въ одной рукописи, въ которой тогда были изложены нѣкоторыя изъ этихъ мотивовъ.

«Первый мотивъ: Было бы большой услугой для церкви внести Евангеліе въ эту часть свѣта (Сѣверную Америку) и воздвигнуть оплотъ, который бы защищалъ вѣрныхъ отъ антихриста, царство котораго люди стремятся основать въ остальныхъ частяхъ вселенной.

«Второй мотивъ: Всѣ европейскія церкви поражены были запустѣніемъ; и мы должны страшиться, чтобы Богъ не произнесъ такого же приговора и надъ нашей. Кто знаетъ, не уготовалъ ли онъ это мѣсто (Новую Англію) для того, чтобы оно служило убѣжищемъ для тѣхъ, кого онъ хочетъ спасти отъ конечнаго истребленія.

«Третій мотивъ: Страна, въ которой мы живемъ, повидимому истощена множествомъ населенія; человѣкъ, драгоцѣннѣйшее изъ твореній, цѣнится здѣсь дешевле, чѣмъ почва, имъ попираемая. Считаютъ тяжелымъ бременемъ имѣть дѣтей, сосѣдей, друзей; избѣгаютъ бѣднаго; люди отказываются отъ того, что должно бы служить источникомъ величайшихъ наслажденій на этомъ свѣтѣ, если бы все шло согласно съ естественнымъ порядкомъ.

«Четвертый мотивъ: Наши страсти дошли до того, что нѣтъ такого богатства, которое давало бы человѣку возможность сохранить свое мѣсто въ ряду своихъ равныхъ. А между тѣмъ тотъ, кто этого не можетъ, долженъ бороться съ презрѣніемъ; изъ сего слѣдуетъ, что во всѣхъ профессіяхъ стараются обогатиться беззаконными средствами; и добродѣтельнымъ людямъ становится очень трудно жить въ довольствѣ и не безчестно.

«Пятый мотивъ: Школы, въ которыхъ учатъ наукамъ и религіи, такъ испорчены, что большая часть дѣтей и часто самые лучшіе, самые отличные изъ нихъ, подававшіе самыя основательныя надежды, оказываются совершенно развращены множествомъ видимыхъ ими дурныхъ примѣровъ и окружающимъ ихъ развратомъ.

«Шестой мотивъ: Вся земля не есть ли садъ Господень? Не далъ ли ее Богъ

потомкамъ Адама для того, чтобы они воздѣлывали и украшали ее? Зачѣмъ мы допускаемъ себя умирать съ голоду отъ недостатка мѣста, когда обширныя страны, столь же годныя для употребленія человѣка, остаются незаселенными и необработанными?

«Седьмой мотивъ: Воздвигнуть реформированную церковь и поддержать ее во время ея младенчества; соединить наши силы съ силами вѣрнаго народа, чтобы укрѣпить ее, дать ей благоденствіе и охранить ее отъ случайностей, а можетъ-быть и отъ конечнаго паденія, грозившаго ей безъ этой поддержки,—какое дѣло можетъ быть благороднѣе и прекраснѣе этого, какая задача болѣе достойна христіанина?

«Восьмой мотивъ: Еслибы люди, благочестіе которыхъ извѣстно и которые живутъ здѣсь (въ Англіи) въ богатствѣ и счастіи, покинули эти выгоды для того, чтобы трудиться надъ основаніемъ этой реформированой церкви и согласились бы раздѣлить съ нею ея безвѣстную и тяжелую участь, то это было бы великимъ и полезнымъ примѣромъ, который послужилъ бы къ возбужденію въ вѣрныхъ надежды на силу молитвъ, возносимыхъ ими къ Богу о благоденствіи колоніи, и заставилъ бы многихъ другихъ людей присоединиться къ нимъ».

Далѣе, излагая основныя положенія ново-англійской церкви въ отношеніи нравственности, Матеръ жестоко возстаетъ противъ обычая пить за здоровье кого-нибудь, называя его языческимъ и нечестивымъ обычаемъ.

Съ такою же строгостью запрещаетъ онъ всякія украшенія, которыя женщины носятъ въ волосахъ и безпощадно осуждаетъ моду, которая, по его словамъ, вводится между ними, оставлять открытыми шею и руки.

Въ другой части своего сочиненія, онъ очень обстоятельно разсказываетъ о многихъ случаяхъ волшебства, наведшихъ страхъ на Новую Англію. Очевидно, что видимое участіе дьявола въ дѣлахъ этого міра признается имъ за истину несомнѣнную и доказанную.

Во многихъ мѣстахъ этой же книги проявляется духъ гражданской свободы и политической независимости, которымъ отличались современные авторы. Ихъ принципы, касающіеся управленія, выказываются на каждомъ шагу. Такъ, наприм., мы видимъ, что жители Массачузетса, еще въ 1630 году, десять лѣтъ спустя послѣ основанія Плимута, назначили 400 фунтовъ стерлингъ на устройство Кембриджскаго университета.

Переходя отъ общихъ источниковъ, касающихся исторіи Новой Англіи, къ такимъ, которые имѣютъ въ виду различные отдѣльные штаты, входящіе въ ея составъ, я долженъ прежде всего указать на сочиненіе, озаглавленно *The History of the colony of Massachusetts by Hutchinson, lieutenant governor of the Massachusetts province* 2 т. in 8. Въ Королевской библіотекѣ находится одинъ экземпляръ этой книги: это—второе изданіе, напечатанное въ Лондонѣ въ 1765 году.

Исторія Гетчинсона, много разъ цитированная мною въ той главѣ, къ которой относится настоящее примѣчаніе, начинается съ 1628 года и кончается на 1750 году. Во всемъ сочиненіи царствуетъ высоко-правдивый тонъ; слогъ его простъ и безъискусственъ. Эта исторія очень подробна.

Лучшій источникъ для справокъ относительно Коннектикута есть исторія Веніамина Trumbull'a, которая называется *A complete History of Connecticut, civil and ecclesiastical* 1630—1764. 2 т. въ 8-ку; напечатаны въ 1818 году въ Нью-Гевенѣ. Мнѣ кажется, что сочиненія Трамболля нѣтъ въ Королевской библіотекѣ.

Эта исторія заключаетъ въ себѣ ясное и хладнокровное изложеніе всѣхъ событій, произшедшихъ въ Коннектикутѣ въ теченіе періода указаннаго въ заглавіи. Авторъ пользовался лучшими источниками и разсказы его сохраняютъ печать правдивости. Все, что онъ говоритъ о первыхъ временахъ существованія Коннектикута, чрезвы-

чайно интересно. Въ особенности см. въ этомъ сочиненіи о конституціи 1639 года (т. I, гл. VI, стр. 100), а также объ уголовныхъ законахъ Коннектикута (т. I, гл. VII, стр. 123).

Заслуженнымъ уваженіемъ пользуется сочиненіе Іереміи Белькнапа подъ названіемъ *History of New-Hampshire*, 2 т., въ 8-ку, напечатанные въ Бостонѣ въ 1792 году. Въ особенности заслуживаетъ вниманія 3-я глава перваго тома. Въ этой главѣ авторъ сообщаетъ чрезвычайно драгоцѣнныя подробности о политическихъ и религіозныхъ убѣжденіяхъ пуританъ, о причинахъ ихъ переселенія и объ ихъ законахъ. Въ ней находится слѣдующая любопытная цитата изъ проповѣди, произнесенной въ 1663 году: «Новая Англія должна постоянно помнить, что она была основана съ цѣлями религіозными, а не коммерческими. На челѣ ея написано, что она исповѣдуетъ чистое ученіе и чистый образъ дѣйствій. Пусть же торговцы и всѣ, кто занятъ прикладываніемъ гроша къ грошу, помнятъ, что не барышъ, а религія была цѣлью основанія колоній. Если между нами есть кто-нибудь, кто при оцѣнкѣ имъ мірскихъ дѣлъ и религіи считаетъ первыя за 13, а вторую только за 12, тотъ, значитъ, не одушевленъ чувствами истиннаго сына Новой Англіи». Читатели найдутъ у Белькнапа больше общихъ идей и силы мысли, чѣмъ представляли до сихъ поръ американскіе историки.

Мнѣ неизвѣстно, есть ли эта книга въ Королевской библіотекѣ.

Изъ числа центральныхъ штатовъ, существующихъ уже давно и заслуживающихъ нашего вниманія, замѣчательнѣе всего штаты Нью-Іоркъ и Пенсильванія. Лучшая изъ имѣющихся у насъ исторій Нью-Іорка называется: *History of New-York*, соч. Вильяма Смита, напечатанная въ Лондонѣ въ 1757 году. Есть французскій ея переводъ, также напечатанный въ Лондонѣ въ 1767 году въ одномъ томѣ въ 12-ю долю. Смитъ даетъ намъ полезныя указанія на подробности войнъ англичанъ съ французами, происходившихъ въ Америкѣ. Изо всѣхъ американскихъ историковъ онъ лучше всего знакомитъ насъ со знаменитымъ союзомъ ирокезовъ.

Что касается до Пенсильваніи, то я не могу сдѣлать ничего лучше какъ указать на сочиненіи Proud'a озаглавленное: *The history of Pensylvania, from the original institution and Settlement of that province, under the first proprietor and governor William Penn in 1681 till after the year 1742* соч. Роберта Проуда 2 т. въ 8-ку, напечатано въ Филадельфіи въ 1797 году.

Эта книга въ особенности достойна вниманія читателя; она содержитъ множество очень любопытныхъ документовъ касательно Пенна, ученія квакеровъ, характера, нравовъ и обычаевъ первыхъ обитателей Пенсильваніи. Мнѣ кажется, что ея нѣтъ въ нашей библіотекѣ.

Излишне упоминать, что въ числѣ важнѣйшихъ документовъ, касающихся Пенсильваніи, находятся сочиненія самого Пенна, а также Франклина, извѣстныя большому числу читателей.

Большею частію упомянутыхъ мною книгъ, я уже пользовался для справокъ во время моего пребыванія въ Америкѣ. Нѣкоторыми позволила мнѣ пользоваться Королевская библіотека. Другія были мнѣ даны г-омъ Варденъ, бывшимъ генеральнымъ консуломъ Соединенныхъ Штатовъ въ Парижѣ, авторомъ превосходнаго сочиненія объ Америкѣ. Я не могу окончить этого примѣчанія, не высказавъ г-ну Варденъ просьбы принять здѣсь выраженіе моей признательности.

(G) Стран. 38.

Въ мемуарахъ Джефферсона мы находимъ слѣдующее: «Въ первое время поселенія англичанъ въ Виргиніи, когда земли пріобрѣтались задешево или даже задаромъ, нѣкоторые предусмотрительные люди пріобрѣли значительное количество уступ-

леныхъ имъ земель, и желая поддержать блескъ своей семьи, передали свое имущество своимъ потомкамъ. Передача этихъ имуществъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, людямъ, носившимъ одно имя, привела наконецъ къ возникновенію отдѣльнаго класса, состоящаго изъ семей, которыя, имѣя законную привилегію на постоянное пользованіе богатствомъ, образовали изъ себя такимъ образомъ, нѣкотораго рода патриціанскій орденъ, отличавшійся величиной и роскошью своихъ помѣстій. Въ средѣ этого ордена король обыкновенно избиралъ своихъ государственныхъ совѣтниковъ».

(Мемуары Джефферсона).

Въ Соединенныхъ Штатахъ главнѣйшія положенія англійскаго закона о наслѣдствахъ были повсюду отвергнуты.

«Первое правило, котораго мы держались относительно наслѣдованія,—говоритъ г. Кентъ,—состоитъ въ слѣдующемъ: когда человѣкъ умираетъ, не сдѣлавши завѣщанія, то его имущество переходитъ къ его наслѣдникамъ по прямой линіи; если есть лишь одинъ наслѣдникъ, или одна наслѣдница, то онъ или она получаетъ все наслѣдство. Если есть нѣсколько наслѣдниковъ, находящихся къ умершему въ одной степени родства, то они также дѣлятъ между собою наслѣдство безъ различія мужского и женскаго пола».

Это правило въ первый разъ было предписано въ Штатѣ Нью-Іоркъ постановленіемъ 23 февраля 1786 года, (см. *Revised Statutes*, т. 3; *Приложеніе*, стр. 48); съ тѣхъ поръ оно было принято въ пересмотрѣнныхъ уставахъ того же штата. Оно господствуетъ теперь на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ за тѣмъ единственнымъ исключеніемъ, что въ штатѣ Вермонтъ наслѣдникъ мужского пола получаетъ двойную часть.

Kent's *Commentaries* т. 4, стр. 370.

Въ томъ же сочиненіи т. 4, стр. 1—22, г. Кентъ излагаетъ исторію американскаго законодательства о субституціяхъ. Оказывается, что до американской революціи англійскіе законы о субституціяхъ представляли собою общее право въ колоніяхъ. Собственно такъ называемыя субституціи (Estates tail) были отмѣнены въ Виргиніи съ 1776 года (эта отмѣна произведена была по предложенію Джефферсона; см. *Jefferson's Memoirs*), въ штатѣ Нью-Іоркъ въ 1786 году. Съ тѣхъ поръ такая же отмѣна послѣдовала въ Сѣверной Каролинѣ, Кентэкки, Теннесси, Георгіи, Миссури. Въ Вермонтѣ, Индіанѣ, Иллинойсѣ, Южной Каролинѣ и Луизіанѣ субституціи никогда не были въ обычаѣ. Тѣ штаты, которые нашли нужнымъ сохранить англійскіе законы о субституціяхъ, измѣнили ихъ такимъ образомъ, что они потеряли главные признаки аристократическаго характера. «Наши общія основанія управленія,—говоритъ г. Кентъ,—благопріятствуютъ свободному обращенію собственности».

Что странно поражаетъ французскаго читателя, изучающаго американское законодательство о наслѣдованіи, это то, что у насъ законы по этому предмету еще гораздо болѣе демократичны, чѣмъ у нихъ.

Американскіе законы дѣлятъ поровну отцовское имущество, но лишь въ томъ случаѣ, когда неизвѣстна воля наслѣдователя, «такъ какъ каждый человѣкъ, по словамъ закона штата Нью-Іоркъ (*Revised Statutes* т. 3. *Приложеніе* стр. 51), имѣетъ полную свободу, власть и право распоряжаться своимъ имуществомъ посредствомъ завѣщанія, передавать и распредѣлять его въ пользу кого бы то ни было, лишь бы онъ не завѣщалъ его какому-нибудь политическому союзу, или организованному обществу».

Французскій законъ ставитъ завѣщателю требованіе равнаго или почти равнаго раздѣла.

Большая часть американскихъ республикъ допускаютъ еще субституціи и только ограничиваютъ ихъ дѣйствіе.

Французскій законъ ни въ какомъ случаѣ не дозволяетъ субституцій.

Значитъ, если общественный строй американцевъ еще демократичнѣе нашего, то законы у насъ болѣе демократичны ,чѣмъ у нихъ. Объяснить это легче, чѣмъ кажется: во Франціи демократія занята еще ломкой стараго, въ Америкѣ она уже спокойно царствуетъ на его развалинахъ.

(Н.) Стран. 43.

Сводъ избирательныхъ условій въ Соединенныхъ Штатахъ.

Всѣ штаты устанавливаютъ пользованіе избирательными правами, начиная съ 21 года. Во всѣхъ штатахъ требуется, чтобъ избиратель въ теченіе извѣстнаго времени жилъ въ томъ округѣ, гдѣ онъ вотируетъ. Время это измѣняется отъ трехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ.

Относительно ценза: въ штатѣ Массачузетсъ, чтобы быть избирателемъ, нужно имѣть три фунта стерл. дохода или 60 ф. с. капитала.

Въ Родъ-Айлендѣ надо имѣть недвижимую собственность, стоющую 133 доллара (704 франка).

Въ Коннектикетѣ нужно имѣть собственность приносящую 17 долларовъ (около 90 франковъ) дохода. Годъ службы въ милиціи также даетъ избирательное право.

Въ Нью-Джерси избиратель долженъ имѣть состояніе въ 50 ф. ст.

Въ Южной Каролинѣ и Мериэндѣ избиратель долженъ владѣть 50 акрами земли.

Въ Тенесси онъ долженъ имѣть какую-нибудь собственность.

Въ штатахъ: Миссисипи, Огайо, Георгіи, Виргиніи, Пенсильваніи, Делаварѣ, Нью-Йоркѣ, чтобы быть избирателемъ, надо платить прямые налоги: въ большей части этихъ штатовъ служба въ ополченіи равносильна уплатѣ налога.

Въ Мэнѣ и Нью-Гемпширѣ достаточно не быть включеннымъ въ списокъ неимущихъ.

Наконецъ въ штатахъ Миссури, Элебемѣ, Иллинойсѣ, Луизіанѣ, Индіанѣ, Кентекки, Вермонтѣ отъ избирателя не требуется выполненія никакихъ имущественныхъ условій.

Кажется, только одна Сѣверная Каролина предъявляетъ избирателямъ сената другія условія, чѣмъ избирателямъ палаты представителей. Первые должны имѣть земельную собственность въ 50 акровъ. Для выбора представителей нужно только платить прямые налоги.

(І) Стран. 74.

Въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ запретительная система. Небольшое число таможенной стражи и значительное протяженіе береговъ дѣлаютъ контрабанду очень легкою; однако ея здѣсь гораздо меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, потому что каждый старается объ ея пресѣченіи.

Такъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ охранительной полиціи, то пожары случаются тамъ чаще, чѣмъ въ Европѣ; но обыкновенно ихъ тушатъ скорѣе, потому что окрестное населеніе быстро является на мѣсто опасности.

(К.) Стран. 75.

Несправедливо было бы сказать, что централизація произведена французскою революціей; революція усовершенствовала, но не создала ее. Склонность къ централизаціи и непобѣдимое стремленіе все регламентировать восходятъ во Франціи къ эпохѣ, когда въ правительственной средѣ появились законовѣды, что приводитъ насъ ко

временамъ Филиппа Краснваго. Съ тѣхъ поръ объ эти вещи постоянно возрастали. Вотъ что Мальзербъ говорилъ отъ имени палаты денежныхъ сборовъ королю Людовику XVI въ 1775 году *). «. . . . . За каждымъ сословіемъ, за каждой общиной гражданъ сохранялось право распоряжаться своими собственными дѣлами,—право, о которомъ мы не говоримъ, чтобъ оно составляло часть первоначальной конституціи государства, потому что оно восходитъ гораздо выше: это право естественое, право разума. И однако, государь, оно было отнято у вашихъ подданныхъ, и мы не боимся сказать, что въ этомъ отношеніи администрація впала въ излишества, которыя можно назвать ребяческими.

«Съ той поры какъ могущественные министры приняли себѣ за политическое правило не допускать созванія національнаго собранія, идя послѣдовательно, дошли до того, что стали объявлять недѣйствительными разсужденія жителей какой-нибудь деревни, если они не были разрѣшены интендантомъ, такъ что если этой общинѣ нужно произвести какой-нибудь расходъ, то она должна получить дозволеніе отъ уполномоченнаго интенданта, слѣдовательно дѣйствовать по принятому имъ плану, употреблять рабочихъ, которымъ онъ покровительствуетъ, платить имъ произвольно назначаемую имъ цѣну; а если община должна вести тяжбу, то и на это ей опять нужно получить разрѣшеніе интенданта. Приходится защищать свое дѣло передъ этимъ первымъ судомъ, прежде чѣмъ переносить его на разсмотрѣніе судебной власти. А если мнѣніе интенданта противоположно мнѣнію жителей, или если ихъ противникъ имѣетъ силу въ интендантствѣ, то община теряетъ возможность защищать свои права. Вотъ, государь, какими способами старались задушить во Франціи всякій муниципальный духъ и, если возможно, уничтожить даже всякое чувство гражданина; можно сказать, что вся нація взята была въ *опеку* и къ ней приставлены опекуны».

Что лучше этого можно бы было сказать и теперь, когда французская революція сдѣлала свои такъ называемыя *завоеванія* въ дѣлѣ централизаціи?

Въ 1789 году Джефферсонъ писалъ изъ Парижа къ одному изъ своихъ друзей: «Нѣтъ другой страны, въ которой бы манія слишкомъ много управлять пустила болѣе глубокіе корни, чѣмъ во Франціи и гдѣ бы она была болѣе вредна». *Письма къ Мадиссону* отъ 23 августа 1789 года.

То вѣрно, что во Франціи центральная власть въ теченіе уже нѣсколькихъ столѣтій постоянно дѣлала все, что могла, для того, чтобы разширить предѣлы административной централизаціи; въ этомъ направленіи она не знала другихъ границъ, кромѣ своей силы.

Центральная власть, возникшая изъ французской революціи, пошла въ этомъ дѣлѣ дальше всѣхъ своихъ предшественниковъ, потому что она была сильнѣе и искуснѣе всѣхъ ихъ; Людовикъ XIV предоставлялъ подробности общинной жизни произволу интенданта; Наполеонъ подчинилъ ихъ произволу министра. Принципъ остался тотъ же, но онъ былъ распространенъ на болѣе или менѣе отдаленныя слѣдствія.

(L) Стран. 78.

Эта неизмѣнность французской конституціи есть необходимое слѣдствіе нашихъ законовъ.

Начиная съ самаго важнаго закона, опредѣляющаго порядокъ престолонаслѣдія, что можетъ быть болѣе неизмѣнно въ своемъ основаніи, какъ политическій порядокъ, построенный на естественномъ порядкѣ наслѣдованія отъ отца къ сыну? Въ

*) См. записки, служащія матеріаломъ для исторіи публичнаго права во Франціи, относительно налоговъ, стр. 654, напечатанныя въ Брюсселѣ въ 1779 году.

1814 году Людовикъ XVIII заставилъ признать неотмѣняемость закона о политическомъ наслѣдованіи въ пользу своей семьи; лица узаконившія послѣдствія революціи 1830 года слѣдовали его примѣру, только они уже установили неотмѣнимость закона въ пользу другой семьи. Въ этомъ они подражали канцлеру Мопу, который, учреждая новый парламентъ на развалинахъ стараго, позаботился объявить въ томъ же указѣ, что новые его члены будутъ такъ же несмѣняемы, какъ и ихъ предшественники.

Законы 1830 года точно также, какъ и законы 1814 года, не указываютъ никакого способа для измѣненія конституціи. Между тѣмъ очевидно, что обыкновенный порядокъ законодательства недостаточенъ для этого.

Отъ кого король получаетъ свою власть?—Отъ конституціи. Отъ кого получаютъ ее пэры?—Отъ конституціи. Отъ кого депутаты?—Отъ конституціи же. Какимъ же образомъ король, пэры и депутаты, соединившись вмѣстѣ, могутъ измѣнить что нибудь въ законѣ, въ силу котораго они только и составляютъ правительство. Помимо конституціи они ничто: на какую же почву они могутъ стать для измѣненія конституціи? Одно изъ двухъ: или ихъ усилія, направленныя противъ Хартіи, безсильны и она продолжаетъ существовать вопреки имъ; тогда и они продолжаютъ управлять во имя ея. Или они достигаютъ измѣненія Хартіи и тогда законъ, въ силу котораго они существовали, не существуетъ болѣе, а слѣдовательно и они сами превращаются въ ничто. Уничтоживъ Хартію, они уничтожаютъ самихъ себя.

Это еще гораздо яснѣе видно въ законахъ 1830 г., чѣмъ въ законахъ 1814 г. Въ 1814 г. королевская власть становилась нѣкоторымъ образомъ внѣ и выше конституціи. Но въ 1830 году она по собственному признанію создана конституціей и безъ нея ничего не значитъ.

Такимъ образомъ одна часть нашей конституціи неизмѣнна, потому что ее связали съ судьбой одной семьи; а вся конституція тоже неизмѣнна, потому что не оказывается легальныхъ способовъ для ея измѣненія.

Все это непримѣнимо къ Англіи. Такъ какъ въ ней нѣтъ писанной конституціи, то какъ можно сказать, что ея конституцію измѣняютъ?

(M) Стран. 78.

Самые уважаемые авторы, писавшіе объ англійской конституціи, единогласно утверждаютъ это всемогущество парламента.

Делольмъ говоритъ, гл. X, стр. 76, «It is a fundamental principle with the English lawyers, that parliament can do every thing, except making a woman a man or a man a woman»; (Основное положеніе англійскихъ законовъ то, что парламентъ все можетъ сдѣлать, кромѣ того, чтобы изъ женщины сдѣлать мущину, или обратно).

«Блекстонъ высказывается еще болѣе категорично, если не болѣе энергично, чѣмъ Делольмъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«По мнѣнію сэра Эдуарда Кука (4 Hist. 36), власть и вѣдѣніе парламента такъ обширны и такъ абсолютны, какъ относительно лицъ, такъ и относительно дѣлъ, что для него не можетъ быть установлено никакихъ границъ... Объ этомъ учрежденіи,—добавляетъ онъ,—можно справедливо сказать: *Si antiquitatem spectes, est vetustissima, si dignitatem, est honoratissima, si jurisdictionem est capacissima* (Если смотрѣть на него со стороны его древности, то оно есть древнѣйшее, если со стороны достоинства, то самое достойное уваженія, если со стороны обширности правъ, то самое правоспособное). Его верховная и безконтрольная власть можетъ создавать, утверждать, распространять, ограничивать, уничтожать, отмѣнять, возобновлять и толковать законы касающіеся предметовъ всякаго наименованія:

церковные, свѣтскіе, гражданскіе, военные, морскіе, уголовные. Конституціей этихъ королевствъ парламенту вручена та деспотическая и абсолютная власть, которая должна гдѣ нибудь находиться во всякомъ правительствѣ. Всѣ неудовольствія и мѣры къ ихъ врачеванію, всѣ рѣшенія, которыя должны быть приняты внѣ обычнаго дѣйствія законовъ,—все подлежитъ вѣденію этаго чрезвычайнаго трибунала. Онъ можетъ установлять, или измѣнять порядокъ престолонаслѣдія, какъ это имъ было сдѣлано въ царствованіе Генриха VIII и Вильгельма III; онъ можетъ измѣнить установленную національную религію, какъ это при различныхъ обстоятельствахъ дѣлалось имъ въ царствованіе Генриха VIII и его дѣтей. Онъ можетъ *передѣлывать и создавать вновь конституцію королевства* и организацію самихъ парламентовъ, какъ онъ сдѣлалъ актомъ соединенія Англіи съ Шотландіей и разными уставами о трехгодичныхъ и семигодичныхъ выборахъ. Однимъ словомъ, онъ можетъ дѣлать все, что не невозможно по природѣ вещей. Поэтому власть его не усомнились назвать, выразившись можетъ быть слишкомъ смѣло, *всемогуществомъ* парламента.

(N) Стран. 86.

Нѣтъ предмета, относительно котораго американскія конституціи были бы такъ согласны между собою, какъ относительно суда по политическимъ дѣламъ.

Всѣ конституціи, занимающіяся этимъ предметомъ, даютъ палатѣ представителей исключительное право обвиненія, за исключеніемъ только конституціи Сѣверной Каролины, которая даетъ это право большому составу присяжныхъ (статья 23).

Почти всѣ конституціи даютъ сенату, или замѣняющему его собранію исключительное право суда.

Единственныя наказанія, къ которымъ могутъ приговаривать политическіе суды, суть: отрѣшеніе отъ должности, или лишеніе права занимать общественныя должности и на будущее время. Только конституція Виргиніи допускаетъ присужденіе ими ко всякаго рода наказаніямъ.

Преступленія, которыя могутъ подлежать политическому суду, суть по конституціи Союза (отдѣлъ 4 статьи 1-й) и по конституціи штатовъ Индіаны (ст. 3, стр. 23 и 24), Нью-Іорка (ст. 5) и Делавара (ст. 5) государственная измѣна, подкупъ и другія важныя преступленія и проступки.

По конституціи штатовъ: Массачузетсъ (гл. I отд. 2), Сѣверной Каролины (ст. 23) и Виргиніи (стр. 252)—дурное поведеніе и дурное управленіе;

По конституціи Нью-Гемпшира (стр. 105), подкупъ, преступныя интриги и дурное управленіе.

Въ Вермонтѣ (гл. II, ст. 24), дурное управленіе.

Въ Южной Каролинѣ (ст. 5), Кентэкки (ст. 5), Теннесси (ст. 4), Огайо (ст I §§ 23, 24), Луизіанѣ (ст. 5), Миссисипи (ст. 5), Элебемѣ (ст. 6) и Пенсильваніи (ст. 4)—проступки, совершенные при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Въ штатахъ Иллинойсъ, Георгіи, Мэнѣ и Коннектикетѣ не указаны въ частности преступленія, подлежащія политическому суду.

(O) Стран. 136.

Правда, что европейскія державы могутъ вести съ Союзомъ большія морскія войны; но всегда бываетъ легче и не столь опасно вести оборонительную войну на морѣ, чѣмъ на сушѣ. Морская война требуетъ только проявленія одного рода силы. Торговый народъ, который согласенъ будетъ давать своему правительству необходимыя деньги, всегда можетъ быть увѣренъ, что у него будетъ флотъ. А сдѣлать для народа незамѣтными пожертвованія деньгами гораздо легче, чѣмъ скрыть отъ

него жертвы людьми и личными усиліями. Кромѣ того пораженія на морѣ рѣдко бываютъ гибельны для существованія, или для независимости испытавшаго ихъ народа.

Что касается до сухопутныхъ войнъ, то очевидно, что европейскіе народы не могутъ вести такихъ, которыя были бы опасны для Американскаго Союза.

Очень трудно перевезти въ Америку и содержать тамъ болѣе 25.000 солдатъ, а это число соотвѣтствуетъ приблизительно націи въ 2.000.000 жителей. Ведя такимъ способомъ борьбу съ Союзомъ, величайшая европейская нація окажется въ положеніи народа состоящаго изъ 2.000.000 человѣкъ, воюющаго съ народомъ въ 12.000.000 человѣкъ. Къ этому надо прибавить, что Америка имѣетъ всѣ свои средства подъ руками, тогда какъ европейцы будутъ за 1.500 миль отъ своихъ, и что одна громадность территоріи Соединенныхъ Штатовъ представляетъ уже непреодолимую преграду для завоеванія.

(P) Стран. 150.

Первый американскій журналъ появился въ апрѣлѣ 1704 г. Онъ издавался въ Бостонѣ. См. *Сборникъ историческаго общества штата Массачузетсъ*, т. VI, стр. 66.

Не слѣдуетъ думать, что періодическая печать въ Америкѣ была всегда совершенно свободна; въ ней были попытки устроить нѣчто вродѣ предварительной цензуры и залоговъ.

Вотъ что мы находимъ въ законодательныхъ актахъ штата Массачузетсъ подъ 14 января 1722.

Комитетъ назначенный общимъ собраніемъ (законодательное собраніе этой провинціи) для разсмотрѣнія дѣла о газетѣ *New England courant*, «находитъ, что направленіе сказанной газеты клонится къ осмѣянію религіи и возбужденію къ ней презрѣнія; что о священныхъ писателяхъ въ ней говорится въ свѣтскомъ и непочтительномъ тонѣ: что поведеніе служителей Евангелія злонамѣренно толкуется ею въ дурную сторону; что газета эта оскорбляетъ правительство Его Величества и нарушаетъ тишину и спокойствіе этой провинціи; въ виду всего этого комитетъ полагалъ бы Джемсу Франклину, типографщику и издателю, воспретить на будущее время печатать и издавать сказанную газету, или какое-либо другое сочиненіе, не представивъ его предварительно на обсужденіе секретаря провинціи, а мировымъ судьямъ Суффолькскаго округа поручить потребовать отъ господина Франклина залогъ, который бы служилъ обезпеченіемъ его хорошаго поведенія въ текущемъ году».

Предложеніе комитета было принято и стало закономъ, но не имѣло никакихъ послѣдствій. Газета обошла запрещеніе замѣнивъ въ концѣ листа имя *Джемса* Франклина именемъ *Веніамина* Франклина, а общественное мнѣніе осудило и заставило забыть эту мѣру.

(Q) Стран. 222.

Чтобы быть избирателями отъ графства (которые были представителями земельной собственности) раньше билля о реформѣ, проведеннаго въ 1832 году, нужно было владѣть на правѣ полной собственности, или пожизненной аренды, земельнымъ имуществомъ, приносящимъ 40 шиллинговъ чистаго дохода. Законъ этотъ былъ изданъ при Генрихѣ VI около 1450 года. Вычислено, что 40 шиллинговъ въ то время могли имѣть цѣнность равную теперешнимъ 30 фунтамъ стерлингъ. Однако это основаніе, принятое въ пятнадцатомъ вѣкѣ, существовало до 1832 года, изъ чего видно, насколько англійская конституція съ теченіемъ времени становилась болѣе

демократична, даже тогда, когда съ виду она казалась неизмѣнною (см. *Delolme*, кн. I, гл. IV. Смотри также *Blackstone*, кн. I, гл. IV).

Англійскіе присяжные избираются шерифомъ графства (*Делольмъ*, т. I, гл. XII). Шерифъ есть обыкновенно значительное лицо въ графствѣ; онъ исполняетъ судебныя и административныя обязанности; онъ есть представитель короля и назначается имъ ежегодно (*Блекстонъ*, кн. I, гл. IX). Занимаемое имъ положеніе ставитъ его выше подозрѣній о возможности подкупа его со стороны партій; сверхъ того, если возникаетъ сомнѣніе относительно его безпристрастія, то можно предъявить отводъ противъ всего состава назначенныхъ имъ присяжныхъ и тогда другому чиновнику поручается выборъ новыхъ присяжныхъ. См. *Блекстонъ*, кн. III, гл. XXIII.

Чтобъ имѣть право быть присяжнымъ, нужно владѣть земельнымъ имуществомъ, приносящимъ не менѣе 10 шил. дохода (*Блекстонъ*, кн. III, гл. XXIII). Надо замѣтить, что цензъ этотъ установленъ въ царствованіе Вильгельма и Маріи, т.-е. около 1700 г., когда цѣна денегъ была гораздо выше, чѣмъ теперь. Оказывается, что англичане въ основаніе своей системы присяжныхъ положили не способности, а земельное владѣніе, какъ и во всѣхъ другихъ политическихъ учрежденіяхъ.

Въ число присяжныхъ допустили наконецъ и фермеровъ, но отъ нихъ требовалось, чтобы срокъ ихъ аренды былъ очень долгій и чтобъ они, сверхъ ренты, получали чистаго дохода 20 шиллинговъ (*Блекстонъ*, ibidem).

(R) Стран. 223.

Союзная конституція такимъ же образомъ ввела институтъ присяжныхъ въ союзные суды, какъ отдѣльные штаты ввели его въ свои суды; при этомъ она не установила для себя особыхъ правилъ относительно выбора присяжныхъ. Союзные суды берутъ присяжныхъ изъ обыкновеннаго списка ихъ, составляемаго каждымъ штатомъ для своего пользованія. Поэтому, чтобъ ознакомиться съ теоріей составленія въ Америкѣ списковъ присяжныхъ, надо разсмотрѣть законы штатовъ. См. *Story's commentaries on the constitution* кн. III, гл. XXXVIII, стр. 654—659. *Sergeant's constitutional law*, стр. 165. См. также союзные законы 1789, 1800 и 1802 гг.

Чтобы лучше выяснить принципы американцевъ въ отношеніи состава присяжныхъ, я выбралъ законы штатовъ, удаленныхъ другъ отъ друга. Вотъ какія общія положенія можно вывести изъ этого разсмотрѣнія.

Въ Америкѣ всѣ граждане, состоящіе избирателями, имѣютъ право быть присяжными. Только одинъ большой штатъ Нью-Йоркъ установилъ незначительное различіе между условіями пользованія этими двумя правами, но въ направленіи противоположномъ нашимъ законамъ, т.-е. такъ, что въ штатѣ Нью-Іоркъ меньше присяжныхъ, чѣмъ избирателей. Вообще можно сказать, что въ Соединенныхъ Штатахъ право быть въ составѣ присяжныхъ, также какъ и право избирать представителей, распространяется на всѣхъ гражданъ; но пользованіе этимъ правомъ не предоставлено безразлично всякому.

Ежегодно присутствіе состоящее изъ муниципальныхъ, или окружныхъ чиновниковъ, называемыхъ *select-men* (выборные) въ Новой Англіи, *supervisors* (надзиратели) въ Нью-Йоркѣ, *trustees* (попечители) въ Огайо, приходскими *шерифами* въ Луизіанѣ, выбираютъ для каждаго округа извѣстное число гражданъ, имѣющихъ право быть присяжными и которыхъ они признаютъ къ этому способными. Такъ какъ эти чиновники сами выборные, то они не возбуждаютъ недовѣрія; власть ихъ очень обширна и очень произвольна, какъ вообще власть республиканскихъ должностныхъ лицъ и они, какъ говорятъ, часто пользуются ею, особенно въ Новой Англіи, для устраненія присяжныхъ недостойныхъ, или неспособныхъ.

Имена избранныхъ такимъ порядкомъ присяжныхъ передаются въ судъ графства

и изо всего ихъ числа назначается по жребію составъ присяжныхъ для рѣшенія каждаго дѣла.

Впрочемъ, американцы старались всѣми возможными способами приблизить институтъ присяжныхъ къ народу и сдѣлать исполненіе этой обязанности какъ можно менѣе тягостнымъ. Такъ какъ присяжные очень многочисленны, то очередь каждаго наступаетъ только черезъ три года. Засѣданія суда происходятъ въ главномъ городѣ государства, которое приблизительно соотвѣтствуетъ нашему округу (arrondissement). Такимъ образомъ судъ приходитъ близко къ присяжнымъ, а не вызываетъ ихъ къ себѣ, какъ во Франціи; наконецъ, присяжные получаютъ вознагражденіе или отъ государства, или отъ сторонъ. Обыкновенно они получаютъ долларъ (5 фр. 42 сант.) за сутки, независимо отъ путевыхъ расходовъ. Въ Америкѣ на обязанность присяжнаго смотрятъ еще какъ на повинность; но эта повинность легкая, и ее переносятъ безъ труда.

См. *Brevard's Digest of the public statute law of South Carolina*, 2-й т., стр. 338; id. т. I. стр. 454 и 456; id. т. II, стр. 218.

См. *The general laws of Massachusetts revised and published by authority of the legislature*, т. II, стр. 331, 187.

См. *The revised statutes of the State of New-York*, т. II, стр. 720, 441, 717, 643.

См. *The statute law of the State of Tennessee*, т. I, стр. 209.

См. *Acts of the State of Ohio*, стр. 95 и 210.

См. *Disgeste général des actes de la législature de la Louisiane*, т. II, стр. 55.

(8) Стран. 225.

Разсматривая вблизи устройство у англичанъ института присяжныхъ по гражданскимъ дѣламъ, легко замѣтить, что присяжные никогда не уходятъ изъ-подъ вліянія судьи.

Правда, что рѣшеніе присяжныхъ какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ заключаетъ вообще въ одномъ выраженіи и фактъ и право. Наприм., Петръ проситъ присудить ему домъ, потому что онъ его купилъ: это, фактъ. Противникъ его возражаетъ, ссылаясь на неправоспособность продавца: это, вопросъ права. Присяжные говорятъ просто: отдать домъ Петру, рѣшая такимъ образомъ и вопросъ факта и вопросъ права. Введя судъ присяжныхъ по гражданскимъ дѣламъ, англичане не сохранили за мнѣніемъ присяжныхъ характера непогрѣшимости, признаваемой за нимъ въ уголовныхъ дѣлахъ, когда приговоръ ихъ благопріятенъ для подсудимаго.

Если судья признаетъ, что рѣшеніемъ ошибочно примѣненъ законъ, то онъ можетъ не принять его и возвратить присяжныхъ къ новому обсужденію.

Если судья пропускаетъ рѣшеніе безъ замѣчанія, то дѣло еще не совсѣмъ кончено,—существуетъ нѣсколько путей для апелляціи на рѣшеніе. Главнѣйшій состоитъ въ просьбѣ объ отмѣнѣ вердикта и о созывѣ новаго состава присяжныхъ. Правда, что такая просьба рѣдко уважается, и никогда болѣе двухъ разъ; однако я своими глазами видѣлъ подобный случай. См. *Блекстонъ*, кн. III, гл. XXIV; id. кн. III, гл. XXV.

Стран. 447.

Бывали однако аристократіи, которыя дѣятельно вели торговлю и успѣшно занимались промышленнымъ трудомъ. Міровая исторія представляетъ этому нѣсколько блестящихъ примѣровъ. Но вообще слѣдуетъ сказать, что аристократія не благопріятствуетъ развитію промышленности и торговли. Только денежныя аристократіи составляютъ исключенія изъ этого правила.

Послѣднія не имѣютъ никакихъ желаній, для удовлетворенія которыхъ не требовалось бы богатство. Жажда богатства дѣлается, такъ сказать, главнымъ путемъ для человѣческихъ страстей. Всѣ другіе пути примыкаютъ къ нему, или пересѣкаютъ его.

Стремленіе къ деньгамъ и жажда почета и власти такъ совершенно сливаются тогда въ душѣ одного и того же человѣка, что становится трудно различать, потому ли люди корыстолюбивы, что честолюбивы, или наоборотъ. Это именно происходитъ въ Англіи, гдѣ желаютъ быть богатыми для того, чтобы достичь почестей, а почестей желаютъ какъ проявленія богатства. Въ такомъ случаѣ духъ человѣческій оказывается затронутымъ со всѣхъ концовъ и направляется къ торговдѣ и промышленности, такъ какъ это самые короткіе пути, ведущіе къ богатству.

Мнѣ это, впрочемъ, кажется фактомъ исключительнымъ и преходящимъ. Когда богатство одно становится признакомъ аристократіи, то очень трудно, чтобъ одни богатые оставались у власти и удаляли отъ нея всѣхъ другихъ.

Наслѣдственная аристократія и чистая демократія находятся на двухъ противоположныхъ концахъ политическаго и общественнаго строя націй; посрединѣ находится денежная аристократія; послѣдняя приближается къ наслѣдственной аристократіи въ томъ отношеніи, что она даетъ большія, исключительныя права небольшому числу гражданъ; но она близка къ демократіи тѣмъ, что права эти могутъ поочередно пріобрѣтаться всѣми; часто она образуетъ какъ бы естественный переходъ между той и другой, такъ что невозможно сказать, представляетъ ли она собою конецъ аристократическихъ учрежденій, или она уже начинаетъ новую эру демократіи.

Стран. 480.

Въ дневникѣ моего путешествія я нахожу слѣдующій отрывокъ, дополняющій картину тѣхъ испытаній, которымъ подвергаются американскія женщины, соглашающіяся сопутствовать своимъ мужьямъ въ пустыню. Изображеніе это заслуживаетъ вниманія читателя исключительно въ силу своей полной вѣрности.

.....Отъ времени до времени мы встрѣчаемъ вновь разработанныя мѣста. Всѣ эти усадьбы похожи одна на другую. Я опишу ту, въ которой мы остановились вчера: она будетъ для меня служить образцомъ всѣхъ прочихъ.

Колокольчикъ, заботливо привѣшиваемый піонерами на шею своему скоту для того, чтобы отыскивать его въ лѣсу, очень издалека извѣстилъ насъ о приближеніи расчистки; скоро мы услышали стукъ топора, которымъ рубятъ деревья въ лѣсу. По мѣрѣ нашего приближенія, истребительные слѣды указывали намъ на присутствіе цивилизованнаго человѣка. Срубленныя вѣтви покрываютъ дорогу; на половину обугленные, или изуродованные топоромъ стволы деревъ стоятъ еще стоймя на нашей дорогѣ. Мы продолжаемъ нашъ путь и попадаемъ въ лѣсъ, всѣ деревья котораго какъ-будто поражены были внезапною смертью; среди лѣта они имѣютъ зимній видъ. Вглядѣвшись въ нихъ ближе, мы видимъ, что въ ихъ корѣ сдѣланъ глубокій, круговой надрѣзъ, который, остановивъ движеніе сока, скоро заставилъ ихъ погибнуть; мы узнаемъ, что съ этого именно и начинаетъ обыкновенно піонеръ. Не имѣя возможности въ теченіе перваго года срубить всѣ деревья, растущіе на его новомъ владѣніи, онъ сѣетъ маисъ подъ ихъ вѣтвями и, умерщвляя ихъ, препятствуетъ имъ затѣнять его посѣвъ. За этимъ полемъ, представляющимъ неоконченный очеркъ, первый шагъ цивилизаціи въ пустынѣ, мы вдругъ видимъ хижину хозяина; она помѣщена въ срединѣ участка земли, обработаннаго болѣе тщательно, чѣмъ все остальное, но на которомъ человѣкъ все еще ведетъ неравную борьбу съ лѣсомъ; тамъ деревья срублены, но не выкорчеваны, и стволы ихъ еще покрываютъ и загромождаютъ тотъ участокъ земли, который ранѣе они отѣняли. Вокругъ этихъ сухихъ

остатковъ растутъ въ перемежку пшеница, отпрыски дубовъ, всякаго рода растенія и всякаго сорта травы, возрастающія вмѣстѣ на неподатливой и полудикой почвѣ. Посреди этой сильной и разнообразной растительности возвышается домъ піонера или, какъ его называютъ здѣсь, *log-house*. Подобно окружающему его полю, это деревянное жилище указываетъ на недавнюю и спѣшную работу; длина его, на нашъ взглядъ, не превышаетъ тридцати футовъ, а вышина пятнадцати; его стѣны, также какъ и крыша, сдѣланы изъ неотесанныхъ бревенъ, между которыми положены мохъ и земля, для того, чтобы холодъ и дождь не проникали внутрь.

Такъ какъ наступала ночь, то мы рѣшили просить ночлега у хозяина log-house'а.

Услышавъ наши шаги, дѣти, валявшіяся посреди лѣсныхъ обломковъ, быстро вскочили и убѣжали къ дому, какъ бы испугавшись человѣческаго вида, тогда какъ двѣ большихъ полудикихъ собаки, со стоячими ушами и длинною мордой, выходятъ изъ своей конуры и ворча прикрываютъ отступленіе своихъ господъ. Самъ піонеръ появляется на порогѣ своего жилища; онъ бросаетъ на насъ быстрый, испытующій взглядъ, даетъ знакъ собакамъ отправляться домой и самъ подаетъ имъ примѣръ, не подавая вида, что наше появленіе возбуждаетъ въ немъ любопытство, или безпокойство.

Мы входимъ въ log-house: внутренность его не напоминаетъ хижинъ европейскихъ крестьянъ; въ немъ находится больше лишняго и меньше необходимаго.

Въ немъ всего одно окно, завѣшенное кисейной занавѣской; на очагѣ изъ обтой глины горитъ большой огонь, освѣщающій всю внутренность зданія; надъ этимъ очагомъ видна превосходная винтовка, шкура лани, орлиныя перья; направо отъ очага виситъ карта Соединенныхъ Штатовъ, которая подымается и колеблется отъ вѣтра, проникающаго въ щели стѣны; возлѣ нея, на полкѣ, состоящей изъ плохо обтесанной доски, поставлены нѣсколько томовъ книгъ; между ними я замѣчаю Библію, шесть первыхъ пѣсенъ Мильтона и двѣ драмы Шекспира; вдоль стѣнъ вмѣсто шкафовъ поставлены сундуки; посреди̇нѣ находится столъ грубой работы, ножки котораго, сдѣланныя изъ свѣжаго, неочищеннаго отъ коры дерева, точно сами собой выросли изъ земли, на которой онъ стоитъ; на этомъ столѣ я вижу чайникъ англійскаго фарфора, серебряныя ложки, нѣсколько чашекъ съ зазубренными краями и газеты.

Хозяинъ этого жилища отличается угловатыми чертами и тонкими, удлиненными членами, свойственными жителямъ Новой Англіи; очевидно, что этотъ человѣкъ не родился въ той глуши, гдѣ мы его находимъ; его физическое строеніе достаточно указываетъ на то, что первые его годы протекли въ средѣ интеллигентнаго общества и что онъ принадлежитъ къ той безпокойной, разсудочной и склонной къ приключеніямъ расѣ, которая холодно дѣлаетъ то, что можетъ быть объяснено только горячностью страсти, и которая временно подчиняется условіямъ дикой жизни для того, чтобы лучше побѣдить и цивилизовать пустыню.

Видя, что мы входимъ въ его жилище, піонеръ идетъ къ намъ на встрѣчу и по обычаю подаетъ намъ руку; но физіономія его остается неподвижною; онъ первый начинаетъ разговоръ, спрашивая насъ о томъ, что происходитъ на свѣтѣ и, удовлетворивши свое любопытство, умолкаетъ,—его какъ будто утомляютъ докучливые гости и шумъ. Въ свою очередь, мы спрашиваемъ его, и онъ сообщаетъ намъ всѣ свѣдѣнія, какія намъ нужны; затѣмъ онъ, не суетясь, но заботливо принимаетъ мѣры для доставленія намъ всего необходимаго. Но отчего, видя съ его стороны эти радушныя заботы, мы чувствуемъ, что, противъ нашего желанія, благодарность застываетъ въ насъ? Оттого, что онъ самъ, исполняя долгъ гостепріимства, какъ-будто подчиняется непріятной необходимости; онъ видитъ въ немъ не удовольствіе, а обязанность, налагаемую на него его положеніемъ.

У другого конца очага сидитъ женщина, убаюкивающая на колѣняхъ маленъ-

каго ребенка; не переставая качать его, она киваетъ намъ головой. Подобно самому піонеру, жена его находится въ цвѣтущемъ возрастѣ; по своему виду она кажется выше своего положенія, а одежда ея показываетъ еще не вполнѣ угасшій вкусъ къ нарядамъ; но ея нѣжные члены какъ-будто уменьшились, ея черты выражаютъ утомленіе, ея взглядъ кротокъ и серьезенъ; на всей ея физіономіи видна религіозная покорность судьбѣ, полное умиротвореніе страстей и какая-то естественная и спокойная твердость, которая встрѣчаетъ всѣ бѣдствія жизни безъ страха и безъ дерзости.

Ея дѣти тѣснятся вокругъ нея; они полны здоровья, шаловливы и энергичны; это настоящія дѣти пустыни; ихъ мать отъ времени до времени обращаетъ на нихъ взглядъ, полный меланхоліи и радости; глядя на ихъ силу и ея слабость, можно подумать, что она истощила свои силы, давши имъ жизнь, и не жалѣетъ о томъ, чего они ей стоили.

Въ занимаемомъ эмигрантами домѣ нѣтъ ни внутреннихъ перегородокъ, ни чердака. Въ единственной комнатѣ, составляющей его, вся семья по вечерамъ находитъ себѣ пріютъ. Жилище это, одно, образуетъ какъ бы маленькій мірокъ: это— ковчегъ цивилизаціи, затерянный среди океана зелени. Сто шаговъ далѣе вѣчный лѣсъ простираетъ вокругъ него свою тѣнь и снова начинается пустынная глушь.

Стран. 480.

Не отъ равенства состояній люди дѣлаются безнравственными и безрелигіозными. Но когда они, будучи равными, въ то же время не имѣютъ ни нравственности, ни религіи, то ихъ безнравственность и безрелигіозность легко выказываются внѣшнимъ образомъ, потому что эти люди имѣютъ мало вліянія другъ на друга и нѣтъ такого класса, который бы взялъ на себя наблюденіе за благочиніемъ въ обществѣ. Равенство состояній никогда не создаетъ порчи нравовъ, но иногда оно даетъ ей возможность выказываться.

Стран. 495.

Если оставить въ сторонѣ всѣхъ тѣхъ, кто не думаетъ, или кто не смѣетъ высказать того, что онъ думаетъ, то и тогда мы найдемъ, что громадное большинство американцевъ, повидимому, довольны управляющими ими политическими учрежденіями, а я думаю, что они и въ самомъ дѣлѣ довольны. Я смотрю на это расположеніе общественнаго мнѣнія какъ на признакъ, а не какъ на доказательство безусловно высокаго достоинства американскихъ законовъ. Національная гордость, удовлетвореніе, даваемое законодательствомъ нѣкоторымъ господствующимъ страстямъ, случайныя событія, незамѣтные недостатки и больше всего этого интересъ большинства, закрывающій ротъ несогласнымъ,—все это можетъ въ теченіе долгаго времени вводить въ заблужденіе цѣлый народъ такъ же, какъ и одного человѣка.

Посмотрите на Англію: въ теченіе всего восемнадцатаго вѣка, льстила ли себѣ больше когда-либо какая-нибудь нація, былъ ли болѣе совершенно доволенъ собой какой-нибудь народъ? Все въ конституціи было тогда хорошо, все безукоризненно, даже самые явные недостатки. Въ настоящее время множество англичанъ, кажется, только и заняты доказательствомъ того, что эта самая конституція во многихъ мѣстахъ полна несовершенствъ. Кто же былъ правъ, англійскій народъ прошлаго столѣтія, или теперешній англійскій народъ?

То же самое произошло во Франціи. Несомнѣнно, что при Людовикѣ XIV большая масса народа страстно любила ту форму правленія, которою управлялось тогда общество. Очень ошибаются тѣ, кто думаетъ, что характеръ французовъ въ то время понизился. Въ этомъ вѣкѣ во Франціи могли быть проявленія рабства

въ извѣстныхъ случаяхъ, но въ ней несомнѣнно не было рабскаго духа. Писатели того времени испытывали дѣйствительный энтузіазмъ, возвеличивая королевскую власть превыше всѣхъ другихъ, и не было такого безвѣстнаго крестьянина, который въ своей хижинѣ не гордился бы славою своего верховнаго вождя и не умеръ бы съ радостію восклицая: «да здравствуетъ король!» Эти же самыя формы стали потомъ для насъ ненавистны. Кто же обманывался,—французы временъ Людовика XIV, или французы нашего времени?

Такимъ образомъ нельзя основывать только на расположеніи народа сужденіе о его законахъ, такъ какъ, переходя изъ одного вѣка въ другой, народные взгляды мѣняются; судить о нихъ можно лишь на основаніи болѣе высокихъ мотивовъ и болѣе общаго опыта.

Любовь къ своимъ законамъ, выказываемая народомъ, доказываетъ лишь одно, что не слѣдуетъ спѣшить ихъ измѣнять.

Стран. 533.

Въ главѣ, къ которой относится это примѣчаніе, я указалъ на одну опасность; здѣсь я хочу указать на другую, рѣже встрѣчающуюся, но которая, еслибъ она когда-нибудь появилась, была бы гораздо страшнѣе.

Еслибы любовь къ матеріальнымъ наслажденіямъ и склонность къ благосостоянію, естественно внушаемыя людямъ равенствомъ, проникши въ духъ демократическаго народа, наполнили бы его совершенно, то милитаризмъ сталъ-бы такъ антипатиченъ національнымъ нравамъ, что даже войско можетъ быть стало бы любить миръ вопреки своимъ частнымъ интересамъ, заставляющимъ его желать войны. Живя посреди такой общей изнѣженности, солдаты пришли бы къ мысли, что все же лучше получать повышенія хотя постепенно, но за то спокойно и безъ усилій во время мира, чѣмъ быстро повышаться цѣною трудовъ и бѣдствій лагерной жизни. Проникнутая такимъ духомъ, армія бралась бы за оружіе безъ горячности и дѣйствовала бы имъ безъ энергіи; она скорѣе давала бы себя вести на непріятеля, чѣмъ сама бы шла на него.

Не надо думать, что такое мирное настроеніе арміи удаляло бы ее отъ революціи, потому что революціи, въ особенности военныя, обыкновенно очень быстрыя, представляютъ часто большія опасности, но не требуютъ долгой работы; онѣ легче даютъ удовлетвореніе честолюбію, чѣмъ война; при нихъ приходится рисковать только жизнію, которою люди демократіи дорожатъ меньше, чѣмъ своими удобствами.

Для свободы и спокойствія народа нѣтъ ничего опаснѣе какъ армія, которая боится войны, потому что, не разсчитывая уже на величіе и вліяніе, пріобрѣтаемое на поляхъ битвъ, она ищетъ ихъ въ другихъ мѣстахъ. Поэтому могло бы случиться, что люди, составляющіе демократическую армію, потеряли бы интересы гражданъ, не пріобрѣтя доблестей солдата, и что армія перестала бы быть воинственной, не переставая быть буйною.

Я повторяю здѣсь то, что мною уже было сказано выше. Средство противъ такихъ опасностей заключается не въ арміи, а въ странѣ. Демократическій народъ, сохраняющій мужественные нравы, найдетъ всегда, когда нужно, въ солдатахъ воинственныя качества.

Стран. 544.

Величіе идеи единства люди видятъ въ средствахъ, а Богъ, въ ея цѣли; отъ этого происходитъ, что эта идея величія приводитъ насъ къ тысячѣ мелочныхъ поступковъ. Заставить всѣхъ людей итти вмѣстѣ къ одной цѣли—это идея человѣческая. Внести безконечное разнообразіе въ дѣйствія, но комбинировать ихъ такъ,

чтобы всѣ они тысячью различными путями вели къ осуществленію одной великой мысли—это идея божественная.

Человѣческая идея единства почти всегда безплодна, божественная идея безконечно плодовита. Люди думаютъ доказать свое величіе, упрощая средства. У Бога проста цѣль, а средства его безконечно разнообразны.

Стран. 547.

Демократическій народъ не только по вкусамъ своимъ склоненъ къ централизаціи власти. Къ этому направляютъ его страсти всѣхъ его руководителей.

Легко можно предвидѣть, что почти всѣ честолюбивые и способные граждане, какіе есть въ демократической странѣ, будутъ неустанно стараться объ увеличеніи правъ общественной власти, потому что всѣ они разсчитываютъ со временемъ управлять ею. Было бы потерею времени доказывать этимъ людямъ, что чрезмѣрная централизація можетъ вредить государству, такъ какъ они централизуютъ власть для самихъ себя.

Между демократическими общественными дѣятелями, только очень безкорыстные, или очень малоспособные люди желаютъ децентрализаціи власти. Первые рѣдки, а вторые безсильны.

Стран. 562.

Я часто спрашивалъ себя, что бы произошло, еслибы среди слабости демократическихъ нравовъ и вслѣдствіе безпокойнаго духа арміи, когда-нибудь могло установиться въ одной изъ современныхъ націй военное правительство.

Я думаю, что такое правительство не отличалось бы отъ изображенія, сдѣланнаго мною въ той главѣ, къ которой относится эта замѣтка, и что въ немъ не были бы воспроизведены дикія черты, свойственныя военной олигархіи.

Я убѣжденъ, что въ этомъ случаѣ произошло бы нѣкотораго рода сліяніе между образомъ дѣйствій гражданскаго чиновника и солдата. Администрація получила бы нѣкоторую долю военнаго духа, а военное сословіе пріобрѣло бы нѣкоторые обычаи, свойственные гражданскому управленію. Результатомъ этого было бы начальствованіе правильное, ясное, точное и безусловное; народъ получилъ бы видъ арміи, а общество содержалось бы въ такомъ порядкѣ, какъ военная казарма.

Стран. 565.

Нельзя сказать вообще и абсолютно, что наибольшая опасность нашего времени состоитъ въ распущенности или тиранніи, въ анархіи или деспотизмѣ. Надо равно опасаться и того и другого, причемъ то и другое можетъ выйти изъ одного и того же источника, который есть *общая апатія*, происходящая отъ индивидуализма; именно эта апатія и дѣлаетъ то, что когда исполнительная власть нѣсколько собирается съ силами, то она можетъ притѣснять, а когда черезъ день какая-нибудь партія оказывается въ состояніи выставить силу въ тридцать человѣкъ, то эта партія тоже можетъ дѣйствовать притѣснительно. Такъ какъ ни та, ни другая не могутъ основать ничего прочнаго, то именно то, что дѣлаетъ для нихъ легкимъ успѣхъ, не даетъ этому успѣху долго продолжаться. Онѣ возвышаются, потому что ничто имъ не противодѣйствуетъ, и падаютъ, потому что ничто ихъ не поддерживаетъ.

Поэтому гораздо менѣе важно вести борьбу съ деспотизмомъ или анархіей, чѣмъ съ апатіей, которая почти одинаково можетъ произвести то и другое.

Конституція штата Нью-Йоркъ.

Будучи проникнуты благодарностію къ божественной благости, дозволившей намъ избрать образъ нашего правленія, мы народъ штата Нью-Йоркъ, установляемъ настоящую конституцію.

Статья первая.

1. Законодательная власть государства поручается сенату и палатѣ представителей.

2. Сенатъ будетъ состоять изъ тридцати двухъ членовъ.

Сенаторы избираются изъ лицъ, владѣющихъ недвижимою собственностью, на четыре года.

Собраніе представителей состоитъ изъ ста двадцати восьми членовъ, подвергаемыхъ ежегодному переизбранію.

3. Въ той и другой палатѣ дѣла рѣшаются абсолютнымъ большинствомъ голосовъ.

Каждая палата установляетъ свой внутренній распорядокъ и повѣряетъ права своихъ членовъ.

Каждая палата назначаетъ своихъ должностныхъ лицъ.

Когда вице-губернаторъ не предсѣдательствуетъ въ сенатѣ, или когда онъ исправляетъ должность губернатора, то сенатъ избираетъ себѣ временнаго президента.

4. Въ каждой палатѣ ведутся протоколы засѣданій. Эти протоколы публикуются сполна, если только не окажется необходимымъ часть ихъ сохранить втайнѣ.

Засѣданія публичны; но они могутъ быть и при закрытыхъ дверяхъ, если общая польза того потребуетъ.

Ни одна палата безъ согласія другой не можетъ отсрочить свои засѣданія болѣе чѣмъ на два дня.

5. Штатъ раздѣляется на восемь округовъ, которые будутъ называться сенаторскими округами. Въ каждомъ округѣ избираются по четыре сенатора.

Собравшись послѣ первыхъ выборовъ, произведенныхъ на основаніи настоящей конституціи, сенатъ немедленно раздѣляется на четыре класса. Каждый изъ нихъ будетъ состоять изъ восьми сенаторовъ, такимъ образомъ, чтобы въ каждомъ классѣ былъ сенаторъ отъ каждаго округа. Классы эти будутъ называться по нумерамъ: первый, второй, третій, четвертый.

Мѣста перваго класса дѣлаются вакантными въ концѣ перваго года, мѣста второго класса въ концѣ второго, третьяго класса въ концѣ третьяго и четвертаго въ концѣ четвертаго года. Такимъ способомъ, въ каждомъ сенаторскомъ округѣ ежегодно назначается одинъ сенаторъ.

6. Перепись населенія штата будетъ произведена въ 1825 году подъ наблюденіемъ законодательной власти; и за тѣмъ она будетъ дѣлаться каждыя десять лѣтъ.

Въ каждую сессію, слѣдующую за переписью, законодательное собраніе установляетъ новое росписаніе округовъ, такъ чтобы въ каждомъ округѣ, по возможности, всегда было одинаковое число жителей. Иностранцы, неимущіе и цвѣтные люди, не платящіе податей, не должны включаться въ этотъ счетъ. Росписаніе округовъ можетъ быть измѣняемо только въ вышеозначенные сроки. Каждый сенаторскій округъ долженъ состоять изъ земельнаго участка, заключеннаго въ одной межѣ; при образованіи округовъ, графства не раздробляются.

7. Представители избираются графствами, причемъ каждое графство назначаетъ пропорціональное его населенію число депутатовъ. Иностранцы, неимущіе, и цвѣтные люди, не платящіе податей, не входятъ въ этотъ счетъ. Въ сессію, слѣдующую за переписью, законодательное собраніе опредѣляетъ число депутатовъ отъ каждаго графства и число это остается безъ измѣненія до слѣдующей переписи.

Каждое изъ ранѣе образованныхъ и получившихъ отдѣльное устройство графствъ посылаетъ одного члена въ палату представителей. Новыя графства образуются лишь въ томъ случаѣ, если ихъ населеніе даетъ имъ право на избраніе по крайней мѣрѣ одного представителя.

8. Обѣ палаты имѣютъ равное право на внесеніе всякаго рода предложеній (bills). Къ предложенію, принятому одной палатой, другая палата можетъ дѣлать поправки.

9. Членамъ законодательнаго собранія въ видѣ вознагражденія назначается сумма, опредѣляемая закономъ и уплачиваемая изъ государственнаго казначейства.

Законъ, увеличивающій сумму этого вознагражденія, приводится въ исполненіе не ранѣе года, слѣдующаго за тѣмъ, въ который онъ былъ изданъ. Вознагражденіе членовъ законодательнаго собранія не можетъ быть увеличено свыше суммы трехъ долларовъ.

10. Ни одинъ изъ членовъ обѣихъ палатъ, въ теченіе срока своихъ полномочій не можетъ быть назначаемъ ни на какую гражданскую должность губернаторомъ, сенатомъ, или законодательнымъ собраніемъ.

11. Никакой членъ конгресса, ни другое лице, исполняющее судебную, или военную должность отъ имени Соединенныхъ Штатовъ, не можетъ засѣдать ни въ одной изъ палатъ.

Если одинъ изъ членовъ законодательнаго собранія будетъ избранъ въ конгрессъ или назначенъ на гражданскую, или военную должность на службѣ Соединенныхъ Штатовъ, то принятіе имъ этой новой должности дѣлаетъ его мѣсто вакантнымъ.

12. Всякій билль, получившій утвержденіе сената, или палаты представителей, прежде чѣмъ сдѣлаться закономъ штата, представляется губернатору.

Если губернаторъ утверждаетъ билль, то онъ его подписываетъ; если же онъ съ нимъ несогласенъ, то возвращаетъ его, съ объясненіемъ причинъ своего отказа, въ ту палату, въ которой онъ былъ сначала предложенъ. Послѣдняя заноситъ сполна въ протоколъ своего засѣданія мотивы, изложенные губернаторомъ, и приступаетъ къ новому разсмотрѣнію билля. Если, послѣ вторичнаго его разсмотрѣнія, двѣ трети наличныхъ членовъ снова выскажутся за его принятіе, то билль, вмѣстѣ съ возраженіями губернатора, пересылается въ другую палату, которая также вновь его пересматриваетъ, и если билль будетъ одобренъ двумя третями наличныхъ членовъ, то онъ получаетъ силу закона; но въ послѣднихъ случаяхъ голосованіе производится поименнымъ заявленіемъ: да или нѣтъ, и мнѣніе каждаго члена записывается въ протоколъ.

Всякій билль, который не будетъ возвращенъ губернаторомъ въ теченіе десяти дней (не считая воскресенья) послѣ его представленія, получаетъ силу закона, какъ бы онъ былъ подписанъ губернаторомъ, за исключеніемъ того случая, если въ теченіе десяти дней засѣданія законодательнаго собранія будутъ отсрочены. Въ этомъ случаѣ билль считается недѣйствительнымъ.

13. Должностныя лица, служба которыхъ не срочная (*holding their offices during good behaviour*) могутъ быть однако уволены, по одновременному постановленію обѣихъ палатъ. Но для этого нужно, чтобы двѣ трети всѣхъ избранныхъ представителей и большинство членовъ сената были согласны на увольненіе.

14. Политическій годъ начинается перваго января и законодательный корпусъ долженъ ежегодно собираться въ первый январскій вторникъ, если только закономъ не будетъ указанъ другой день.

15. Выборы для избранія губернатора, вице-губернатора, сенаторовъ и представителей начнутся въ первый понедѣльникъ ноября 1822 года.

Всѣ послѣдующіе выборы всегда будутъ происходить приблизительно въ это же время т.-е. въ октябрѣ или ноябрѣ, какъ это будетъ установлено закономъ.

16. Губернаторъ, вице-губернаторъ, сенаторы и представители, избранные въ первый разъ на основаніи настоящей конституціи, вступаютъ въ отправленіе своихъ должностей перваго января 1823 года.

Губернаторъ, вице-губернаторъ, сенаторы и члены палаты представителей, занимающіе теперь эти должности, будутъ продолжать исполнять ихъ до перваго января 1823 года.

Статья вторая.

1. Правомъ участія въ выборахъ въ городѣ или участкѣ, въ которомъ онъ живетъ, а не въ другомъ мѣстѣ, для назначенія всѣхъ должностныхъ лицъ, которыя теперь, или впослѣдствіи будутъ избираться народомъ, пользуется всякій гражданинъ, имѣющій отъ роду двадцать одинъ годъ, жившій въ этомъ штатѣ въ теченіе года передъ выборами, въ которыхъ онъ желаетъ участвовать, который сверхъ того жилъ въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ въ томъ же городѣ или графствѣ, гдѣ онъ можетъ подавать свой голосъ и который въ предшествующемъ выборамъ году платилъ штату, или графству прямой личный или земельный налогъ; или же который, съ оружіемъ и амуниціей, въ теченіе года несъ службу въ ополченіи. Послѣднія условія не требуются отъ тѣхъ, кто по закону освобожденъ отъ всякихъ налоговъ, или кто не участвуетъ въ ополченіи потому, что служитъ въ качествѣ пожарнаго

Правомъ участія въ выборахъ пользуются также тѣ изъ гражданъ, имѣющихъ двадцать одинъ годъ, которые жили въ штатѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, предшествующихъ выборамъ и въ теченіе послѣдняго года въ городѣ, или графствѣ, гдѣ они могутъ подавать свой голосъ и которые, кромѣ того, въ теченіе этого же года личнымъ трудомъ принимали участіе въ исправленіи дорогъ, или уплатили, въ замѣнъ ихъ личнаго труда, соотвѣтствующую сумму, установленную закономъ.

Никакой цвѣтной человѣкъ не имѣетъ права участія въ выборахъ, за исключеніемъ того случая, если онъ въ теченіе трехъ лѣтъ состоялъ гражданиномъ штата и за годъ до выборовъ владѣлъ недвижимымъ имуществомъ стоимостью въ 250 долларовъ (335 руб.), свободнымъ отъ всякихъ долговъ и залоговъ. Цвѣтной человѣкъ, обложенный налогомъ по этой собственности и уплатившій налогъ, допускается къ подачѣ голоса при всѣхъ выборахъ.

Цвѣтные люди, не владѣющіе недвижимою собственностью въ вышеуказанномъ размѣрѣ, не платятъ никакихъ прямыхъ налоговъ.

2. Послѣдующими законами могутъ быть лишены права подачи голоса всѣ лица, которыя были, или будутъ присуждены къ наказанію, соединенному съ потерею чести.

3. Способъ пользованія избирательнымъ правомъ, условія котораго установлены здѣсь, будетъ опредѣленъ закономъ.

4. Всѣ выборы должны производиться посредствомъ подачи писанныхъ бюллетеней, за исключеніемъ выборовъ муниципальныхъ должностныхъ лицъ. Способъ производства послѣднихъ выборовъ будетъ опредѣленъ закономъ.

Статья третья.

1. Исполнительная власть поручается губернатору, срокъ службы котораго продолжается два года.

Въ то же время и на тотъ же срокъ избирается вице-губернаторъ.

2. Для того, чтобъ имѣть право быть избраннымъ въ губернаторы, требуется быть природнымъ гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ, владѣть на правѣ собственности земельнымъ имуществомъ, имѣть тридцатилѣтній возрастъ и жить въ штатѣ пять лѣтъ, за исключеніемъ того случая, когда отсутствіе мотивировано общественною службой штата, или Соединенныхъ Штатовъ.

3. Губернаторъ и вице-губернаторъ избираются въ то же время и въ томъ же мѣстѣ, какъ и члены законодательнаго собранія, и большинствомъ голосовъ. Въ случаѣ равенства голосовъ, поданныхъ за двухъ, или нѣсколькихъ кандидатовъ на должность губернатора, или вице-губернатора, обѣ законодательныя палаты избираютъ изъ этихъ кандидатовъ губернатора и вице-губернатора посредствомъ совмѣстной баллотировки, по большинству голосовъ.

4. Губернаторъ есть главнокомандующій ополченія и адмиралъ флота штата; въ исключительныхъ обстоятельствахъ онъ можетъ созывать законодательное собраніе, или одинъ сенатъ. При открытіи каждой сессіи, онъ въ посланіи своемъ сообщаетъ законодательному собранію о состояніи штата и рекомендуетъ ему мѣры, которыя онъ считаетъ нужными; онъ долженъ управлять административными, гражданскими или военными дѣлами, съ помощію правительственныхъ чиновниковъ, обнародовать постановленія законодательнаго собранія и заботливо наблюдать за точнымъ исполненіемъ законовъ.

Въ вознагражденіе за свою службу, онъ получаетъ въ опредѣленные сроки сумму, которая не можетъ быть ни увеличена, ни уменьшена въ теченіе времени, на которое онъ избранъ.

5. Губернаторъ имѣетъ право помилованія и пріостановки исполненія состоявшагося приговора, за исключеніемъ случая измѣны, или обвиненія по иниціативѣ представителей; въ послѣднемъ случаѣ пріостановка не можетъ продолжаться далѣе ближайшей сессіи законодательнаго собранія, которое можетъ или помиловать осужденнаго, или предписать исполненіе приговора, или продолжить отсрочку.

6. Въ случаѣ состоянія губернатора подъ судомъ, его смѣны, отставки, смерти, или отсутствія изъ штата, право и обязанности, соединенныя съ его должностью, переходятъ къ вице-губернатору, который сохраняетъ ихъ въ продолженіе времени, остающагося до срока, или, если вакансія обусловлена преданіемъ суду или отсутствіемъ, то до оправданія, или возвращенія губернатора.

Однако же губернаторъ сохраняетъ главное командованіе всѣми военными силами штата, въ томъ случаѣ, если его отсутствіе происходитъ по случаю войны и разрѣшено ему законодательнымъ собраніемъ для принятія начальства надъ вооруженными силами штата.

7. Вице-губернаторъ предсѣдательствуетъ въ сенатѣ, но имѣетъ голосъ въ совѣщаніяхъ лишь въ случаѣ равенства голосовъ. Если во время отсутствія губернатора вице-губернаторъ будетъ въ отсутствіи, откажется, умретъ, будетъ преданъ суду, или смѣненъ, то президентъ сената*) исполняетъ обязанность губернатора до замѣщенія его, или до прекращенія его неправоспособности.

Статья четвертая.

1. Офицеры ополченія избираются и назначаются слѣдующимъ образомъ:

Унтеръ-офицеры и офицеры до капитана включительно—письменною подачей голосовъ членовъ тѣхъ частей, гдѣ они служатъ.

Начальники батальоновъ и высшіе полковые офицеры—письменною подачей голосовъ офицеровъ ихъ батальоновъ и полковъ.

Генералъ-бригадиры избираются высшими офицерами ихъ бригады.

Наконецъ генералъ-майоры, бригадиры и полковники, командующіе полками, или начальники батальоновъ, назначаютъ офицеровъ штаба своихъ дивизій, бригадъ, полковъ, или батальоновъ.

---

*) Здѣсь рѣчь идетъ о временномъ президентѣ, назначаемомъ согласно 3-му § первой статьи конституціи.

2. Губернаторъ назначаетъ и съ утвержденія сената ставитъ на мѣсто генералъ-майоровъ, инспекторовъ бригадъ и начальниковъ штаба, за исключеніемъ генеральнаго коммиссара и генеральнаго адъютанта. Послѣдній опредѣляется на мѣсто однимъ губернаторомъ.

3. Законодательное собраніе опредѣляетъ закономъ время и способъ избранія офицеровъ ополченія и способъ увѣдомленія о нихъ губернатора.

4. Офицеры получаютъ свои патенты отъ губернатора. Никакой офицеръ, имѣющій патентъ, не можетъ быть лишенъ своей должности иначе, какъ или сенатомъ, по требованію губернатора, въ которомъ должны быть указаны поводы, почему требуется отрѣшеніе, или же военнымъ судомъ, на основаніи закона.

Теперешніе офицеры милиціи сохраняютъ свои чины и мѣста на вышесказанныхъ основаніяхъ.

5. Въ случаѣ, еслибы вышесказанный способъ избранія и назначенія не привелъ къ улучшенію ополченія, то законодательное собраніе можетъ его отмѣнить и замѣнить другимъ, путемъ изданія закона, который долженъ быть принятъ двумя третями присутствующихъ членовъ въ каждой палатѣ.

6. Государственный секретарь, контролеръ, казначей, генералъ-прокуроръ, генералъ-инспекторъ и генеральный коммиссаръ назначаются слѣдующимъ способомъ:

Сенатъ и собраніе представителей избираютъ на эти должности по одному кандидату отъ каждаго и затѣмъ собираются вмѣстѣ. Если ихъ выборъ падаетъ на одного и того же кандидата, то избранныя такимъ образомъ лица вступаютъ въ отправленіе должностей, на которыя они назначены. Если представляются различные кандидаты, то выборъ дѣлается общею балотировкой, по большинству голосовъ сената и собранія представителей, соединенныхъ вмѣстѣ.

Казначей избирается ежегодно. Государственный секретарь, контролеръ, генералъ-прокуроръ, генералъ-инспекторъ и генеральный коммиссаръ сохраняютъ свои должности въ теченіе трехъ лѣтъ, если только не будутъ уволены по общему рѣшенію сената и собранія представителей.

7. Губернаторъ письменно и съ согласія сената назначаетъ на должности всѣхъ чиновниковъ судебнаго вѣдомства, кромѣ мировыхъ судей, которые назначаются слѣдующимъ способомъ:

Наблюдательная коммиссія (*supervisors*) [1] каждаго изъ графствъ штата собирается въ назначенный законодательнымъ собраніемъ день и большинствомъ голосовъ избираетъ столько лицъ, сколько слѣдуетъ назначить на должности мировыхъ судей въ городахъ графства; судьи окружныхъ судовъ графства также собираются и назначаютъ такое же число кандидатовъ; за тѣмъ въ тотъ срокъ и въ томъ мѣстѣ, которыя будутъ назначены законодательнымъ собраніемъ, супервизоры и окружные судьи графства собираются и разсматриваютъ ихъ взаимныя избранія. Когда относительно нѣкоторыхъ избранныхъ лицъ оказывается единогласіе, то они констатируютъ его въ удостовѣреніи, которое сдаютъ въ архивъ секретаря графства и названныя въ этомъ удостовѣреніи лица становятся мировыми судьями.

Если въ избраніяхъ оказывается полное, или частичное разногласіе, то наблюдательная комиссія и судьи должны передать ихъ различные выборы губернатору, который беретъ изъ этихъ кандидатовъ и назначаетъ столько мировыхъ судей, сколько требуется для пополненія вакантныхъ мѣстъ.

Мировые судьи остаются въ должности четыре года, если не будутъ уволены окружными судами графствъ, которые должны указывать опредѣленные поводы для

---

[1]) Супервизоры суть чиновники, которымъ отчасти поручена администрація общинъ и которые сверхъ того, собираясь вмѣстѣ, образуютъ собою законодательную власть каждаго графства.

увольненія. Но увольненіе это не можетъ послѣдовать безъ предварительнаго предъявленія мировому судьѣ обвинительныхъ фактовъ и прежде чѣмъ онъ могъ бы представить свою защиту.

8. Шерифы, регистраторы графствъ и архиваріусы, а равно и регистраторъ города-графства Нью-Йоркъ избираются черезъ каждые три года, или когда оказывается вакансія, избирателями соотвѣтственныхъ графствъ. Шерифы не могутъ занимать никакой другой должности и могутъ быть переизбраны только черезъ три года по окончаніи ихъ службы. Отъ нихъ можно требовать, согласно закону, чтобы они отъ времени до времени возобновляли свои ручательства, и въ случаѣ если они не въ состояніи будутъ ихъ представить, то ихъ мѣсто должно считаться вакантнымъ.

Графство никогда не отвѣчаетъ за дѣйствія шерифа. Губернаторъ можетъ смѣнить этого чиновника, равно какъ и регистраторовъ и архиваріусовъ графства, но не иначе какъ предварительно сообщивши имъ имѣющіяся противъ нихъ обвиненія и предоставивъ имъ возможность защищаться.

9. Регистраторы, состоящіе при судахъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ говорится въ предыдущемъ отдѣлѣ, назначаются тѣми судами, при которыхъ они исполняютъ свои обязанности, а окружные прокуроры, судами графства. Эти регистраторы и прокуроры остаются въ должности въ теченіе трехъ лѣтъ, если не будутъ уволены назначившими ихъ судами.

10. Мэры всѣхъ городскихъ общинъ этого штата назначаются общиннымъ совѣтомъ каждаго города.

11. Коронеры избираются такимъ же способомъ и на такой же срокъ, какъ и шерифы; увольненіе ихъ можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ соблюденіемъ такихъ же формъ. Законодательное собраніе опредѣляетъ ихъ число, которое однако можетъ быть не больше четырехъ на каждое графство.

12. Губернаторъ назначаетъ и съ согласія сената поставляетъ на мѣста канцелярскихъ столоначальниковъ и авдиторовъ, которые сохраняютъ свои должности въ теченіе трехъ лѣтъ, если не будутъ уволены сенатомъ по требованію губернатора. Секретари и ихъ помощники назначаются и смѣняются по усмотрѣнію канцлера.

13. Секретарь суда *oyer* и *terminer* и общихъ съѣздовъ мировыхъ судей для города и графства Нью-Йоркъ назначается городскимъ общимъ съѣздомъ и состоитъ въ должности на срокъ по усмотрѣнію этого суда. Прочіе чиновники и служащіе при судахъ, способъ назначенія которыхъ не опредѣленъ здѣсь, назначаются по выбору разныхъ судовъ, или губернатора, съ согласія сената, сообразно указаніямъ закона.

14. Спеціальные судьи и ихъ помощники, а также и ихъ секретари въ городѣ Нью-Йоркѣ назначаются общиннымъ совѣтомъ этого города. Срокъ ихъ должности такой же, какъ и для мировыхъ судей прочихъ графствъ, и они могутъ быть уволены не иначе, какъ съ соблюденіемъ тѣхъ же формальностей.

15. Всѣ должностныя лица, въ настоящее время назначаемыя народомъ, будутъ и впредь назначаться имъ. Назначеніе на должности, о способѣ назначенія на которыя не указано въ настоящей конституціи, или которыя будутъ установлены впослѣдствіи, принадлежитъ также народу, если противное не будетъ опредѣлено закономъ.

16. Срокъ службы въ должностяхъ, для которыхъ этотъ срокъ не установленъ настоящею конституціей, можетъ быть опредѣленъ закономъ, въ противномъ случаѣ онъ зависитъ отъ усмотрѣнія той власти, которая назначаетъ на эти должности.

Статья пятая.

1. Судъ, вѣдѣнію котораго должны подлежать дѣла по обвиненію въ политическихъ преступленіяхъ (*trials by impeachment*) [1]) и дѣла, касающіеся исправленія ошибокъ (*correction of errors*) составляется изъ президента сената, сенаторовъ, канцлера, судей верховнаго суда или большинства ихъ. Если обвиненіе направлено противъ канцлера, или судьи верховнаго суда, то обвиняемое лице временно устраняется отъ исполненія своей должности до его оправданія.

Въ случаѣ апелляціи на рѣшеніе канцлера послѣдній сообщаетъ суду мотивы своего перваго рѣшенія, но не имѣетъ голоса въ совѣщаніи; если же апелляція подается на ошибочное рѣшеніе верховнаго суда, то судьи этого суда излагаютъ также мотивы своего рѣшенія, но не могутъ участвовать въ обсужденіи.

2. Палата представителей имѣетъ право обвинять всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ штата въ подкупности, или лихоимствѣ при исполненіи должности, въ преступленіяхъ и проступкахъ; но для этого требуется согласіе большинства всѣхъ избранныхъ членовъ палаты.

Члены суда, которые должны постановить рѣшеніе по этому обвиненію, передъ разборомъ дѣла принимаютъ присягу, или даютъ торжественное обѣщаніе судить и рѣшать на основаніи представленныхъ доказательствъ. Обвиненіе можетъ быть постановлено лишь двумя третями голосовъ присутствующихъ членовъ. Постановляемое наказаніе можетъ состоять только въ отрѣшеніи отъ должности и въ объявленіи виновнаго неправоспособнымъ для занятія какой бы то ни было должности, или полученія какого-либо почетнаго званія, или преимущества въ штатѣ, но осужденный можетъ быть потомъ снова обвиняемъ на основаніи обыкновенныхъ правилъ и наказанъ согласно съ закономъ.

3. Канцлеръ и судьи верховнаго суда сохраняютъ свои должности, пока они ихъ хорошо исполняютъ (during good behaviour) [2]), но не далѣе достиженія ими шестидесяти лѣтъ.

4. Верховный судъ состоитъ изъ предсѣдателя и двухъ судей; но судебное присутствіе можетъ быть и при одномъ изъ трехъ.

5. Штатъ долженъ быть по закону раздѣленъ на соотвѣтствующее число округовъ, которыхъ должно быть не меньше четырехъ и не больше восьми. Законодательное собраніе можетъ отъ времени до времени, смотря по надобности, измѣнять это распредѣленіе. Въ каждомъ округѣ будетъ судья, назначаемый тѣмъ же способомъ и на тотъ же срокъ, какъ и судьи верховнаго суда. Эти окружные судьи имѣютъ такую же власть, какъ и судьи верховнаго суда, когда послѣдніе судятъ единолично, какъ при разборѣ дѣлъ, вносимыхъ въ верховный судъ въ качествѣ первой инстанціи, такъ и въ судахъ *oyer* и *terminer* и въ судахъ съ присяжными. Сверхъ того, законодательное собраніе можетъ, смотря по надобности, предоставить этимъ судьямъ, а также судамъ графства, или низшимъ судамъ право суда по совѣсти (*equity powers*), но съ подчиненіемъ его всегда въ апелляціонномъ порядкѣ канцлеру.

6. Судья состоящіе членами судовъ графства и городскіе судебные пристава назначаются на пять лѣтъ, но могутъ быть смѣняемы сенатомъ по мотивированному требованію губернатора.

7. Канцлеръ, судьи верховнаго суда и окружные судьи не могутъ занимать ни-

---

[1]) Рѣчь здѣсь идетъ о томъ случаѣ, когда палата представителей обвиняетъ какое-либо должностное лице передъ сенатомъ.

[2]) Такова форма употребляемая для указанія того, что судьи несмѣняемы и могутъ лишиться своего мѣста лишь въ силу приговора.

какихъ другихъ общественныхъ должностей. Всякое ихъ избраніе на какую-нибудь выборную должность, народомъ, или законодательнымъ собраніемъ, считается ничтожнымъ.

Статья шестая.

1. Члены законодательнаго собранія и всѣ административные и судебные чиновники, за исключеніемъ низшихъ служащихъ, освобожденныхъ отъ этого по закону, обязаны передъ вступленіемъ въ должность произнести и подписать слѣдующую формулу присяги или обѣщанія:

«Торжественно клянусь (или въ другомъ случаѣ обѣщаюсь), что буду соблюдать конституцію Соединенныхъ Штатовъ и штата Нью-Іоркъ и исполнять вѣрно и такъ хорошо, какъ это будетъ для меня возможно, обязанности по должности . . . . . ».

Никакой другой присяги, заявленія, или испытанія не можетъ быть потребовано при вступленіи на какую-нибудь должность, или общественную службу.

Статья седьмая.

1. Никакой членъ штата Нью-Іоркъ не можетъ быть лишенъ правъ и преимуществъ, присвоенныхъ всѣмъ гражданамъ штата, иначе какъ по законамъ этой страны и по суду равныхъ ему гражданъ.

2. Судъ присяжныхъ сохраняется ненарушимо и навсегда во всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ примѣняется въ настоящее время. Не можетъ быть учреждено никакого новаго суда, кромѣ тѣхъ, которые судятъ по общимъ законамъ, за исключеніемъ совѣстныхъ судовъ, учрежденіе которыхъ предоставлено законодательному собранію настоящею конституціей.

3. Свободное исповѣданіе и исполненіе обрядовъ всѣхъ религіозныхъ вѣрованій и всякаго рода богослуженія дозволяется всѣмъ и навсегда; но свобода совѣсти, гарантированная этою статьей, не можетъ простираться до оправданія безнравственныхъ дѣйствій и поступковъ несовмѣстимыхъ съ тишиной и спокойствіемъ государства.

4. Имѣя въ виду, что служители Евангелія по своей профессіи посвящаютъ себя Богу и заботамъ о спасеніи душъ и что они не должны быть отрываемы отъ своихъ великихъ обязанностей, никакой служитель Евангелія, или священникъ, какое бы званіе онъ ни носилъ, ни при какихъ обстоятельствахъ и ни по какому поводу, не можетъ быть призываемъ ни посредствомъ избранія, ни другимъ способомъ, къ отправленію какой-либо должности, гражданской или военной.

5. Государственное ополченіе должно быть всегда вооружено, дисциплинировано и готово къ службѣ; но всякій житель штата, принадлежащій къ исповѣданію, въ которомъ по убѣжденію совѣсти запрещается употребленіе оружія, освобождается отъ военной службы, уплачивая вмѣсто того денежную сумму, величина которой опредѣляется законодательнымъ собраніемъ, посредствомъ изданія закона, примѣнительно къ цѣнности времени и денегъ, расходуемыхъ хорошимъ ополченцемъ.

6. Пользованіе правами предоставляемыми актомъ *habeas corpus* можетъ быть пріостановлено только въ случаѣ возмущенія, или непріятельскаго вторженія, если общественная безопасность требуетъ этой пріостановки.

7. Никто не можетъ быть преданъ суду по обвиненію въ преступленіи, влекущемъ за собой лишеніе жизни или чести иначе какъ по обвиненію, или заключенію большаго состава присяжныхъ. Изъ этого основного положенія существуютъ многія исключенія: первое, когда обвиненіе исходитъ отъ представителей; второе, когда преслѣдованію подвергается ополченецъ, состоящій на дѣйствительной службѣ

и солдатъ во время войны (или и въ мирное время, если конгрессомъ дозволено штату содержать войска); третье, когда дѣло идетъ лишь о мелкихъ кражахъ (*little larceny*), какихъ именно—это будетъ опредѣлено законодательнымъ порядкомъ.

При разсмотрѣніи всякаго дѣла, возникшаго въ судѣ по обвиненію, начатому палатой представителей, или большимъ составомъ присяжныхъ, обвиняемый всегда можетъ имѣть защитника, какъ и въ гражданскихъ дѣлахъ.

Никто не можетъ быть судимъ въ уголовномъ порядкѣ два раза за одинъ и тотъ же фактъ, ни принужденъ въ уголовномъ дѣлѣ давать свидѣтельское показаніе противъ себя, ни быть лишенъ свободы, собственности, или жизни, иначе какъ на основаніи закона.

Экспропріація для общественной пользы можетъ быть произведена не иначе, какъ по уплатѣ справедливаго вознагражденія.

8. Всякій гражданинъ можетъ свободно высказывать на словахъ и на письмѣ и публиковать свое мнѣніе обо всякомъ предметѣ, причемъ на немъ остается отвѣтственность за злоупотребленіе, которое онъ можетъ сдѣлать изъ этого права. Не можетъ быть установлено никакого закона, который бы ограничивалъ свободу слова, или печати. По всякому преслѣдованію, или обвиненію въ оскорбленіи путемъ печати допускается доказательство фактовъ; и если присяжные признаютъ, что факты изложены вѣрно, что мотивы ихъ опубликованія были хорошіе и цѣль полезная, то обвиняемый долженъ быть оправданъ. По этимъ дѣламъ присяжные разрѣшаютъ какъ вопросъ права, такъ и вопросъ факта.

9. Согласіе двухъ третей избранныхъ членовъ каждой изъ частей законодательнаго собранія необходимо для употребленія доходовъ и распоряженія имуществами штата, для изданія законовъ, имѣющихъ частное, или мѣстное значеніе, и для учрежденія, продолженія, возобновленія, или измѣненія политическихъ или частныхъ ассоціацій.

10. Суммы вырученныя отъ продажи или уступки земель, принадлежащихъ штату, за исключеніемъ земель предназначенныхъ или приспособленныхъ для общественнаго пользованія, или уступленныхъ Соединеннымъ Штатамъ, а также капиталъ, носящій названіе капитала общинныхъ школъ, образуютъ навсегда неприкосновенный фондъ, проценты съ котораго неизмѣнно употребляются на содержаніе общинныхъ школъ въ штатѣ.

Заставныя пошлины берутся на всѣхъ тѣхъ судоходныхъ частяхъ канала, соединяющаго большія западныя и сѣверныя озера съ Антлантическимъ океаномъ, которыя открыты, или будутъ открыты впослѣдствіи. Эти пошлины не могутъ быть ниже тѣхъ, которыя приняты коммиссарами каналовъ и точно опредѣлены въ ихъ докладѣ законодательному собранію отъ 12 марта 1831 г.

Эти пошлины, а также пошлина со всѣхъ солеваренъ, установленная закономъ 15 апрѣля 1817 года, съ аукціонныхъ продажъ (за исключеніемъ суммы въ 33.500 долларовъ, назначеніе которой указано въ томъ же законѣ), наконецъ сумма дохода, поступающаго согласно постановленія законодательнаго собранія отъ 13 марта 1820 г. (въ замѣнъ налога на пассажировъ, ѣдущихъ на пароходахъ) должны быть теперь и навсегда неизмѣнно употребляемы на окончаніе устройства водяныхъ сообщеній и на уплату процентовъ и капитальное погашеніе суммъ уже занятыхъ, или которыя будутъ заняты впослѣдствіи для окончанія этихъ работъ.

Эти заставныя пошлины на судоходныхъ сообщеніяхъ, пошлины съ солеваренъ, съ аукціонныхъ продажъ, установленные закономъ 15 апрѣля 1817 г., равно какъ и доходъ, опредѣленный закономъ 13 марта 1820 г., не могутъ быть уменьшены, или обращены на другое дѣло, до полной и совершенной уплаты процентовъ и капитала за суммы занятыя, или которыя будутъ заняты еще для этихъ работъ.

Законодательное собраніе не можетъ никогда продавать, или отчуждать соляныхъ

источниковъ, принадлежащихъ государству, или смежныхъ съ ними земель, которыя могутъ быть нужны для ихъ эксплуатаціи, а также ни частями, ни въ цѣлости судоходныхъ сообщеній, такъ какъ все это есть и всегда должно оставаться собственностью государства.

11. Никакая лотерея не будетъ впредь дозволена и законодательное собраніе должно издать законъ, запрещающій продажу въ этомъ Штатѣ билетовъ другихъ лотерей, кромѣ тѣхъ, которыя уже были дозволены закономъ.

12. Никакой договоръ съ индѣйцами о пріобрѣтеніи земли, совершенный, или который будетъ совершенъ, начиная съ 14 октября 1775 г., не будетъ имѣть законной силы безъ согласія и утвержденія законодательнаго собранія.

13. Продолжаютъ признаваться законами штата съ тѣми измѣненіями, которыя сочтетъ нужнымъ сдѣлать въ нихъ законодательное собраніе: тѣ части обычнаго права (*common law*) и законодательныхъ актовъ колоніи Нью-Іоркъ, которыя составляли законы этой колоніи 19 апрѣля 1775 г., а также постановленія конгресса этой колоніи и конвента штата Нью-Іоркъ, имѣвшія законную силу 20 апрѣля 1777 года, которыя не устарѣли, или не были отмѣнены или измѣнены, и декреты законодательнаго собранія этого штата, дѣйствующіе въ настоящее время; но всѣ части обычнаго права, или упомянутыхъ здѣсь актовъ, которые окажутся не согласными съ настоящею конституціей, отмѣняются.

14. Всякая земельная уступка въ штатѣ, сдѣланная великобританскимъ королемъ, или лицами, дѣйствующими отъ его имени, послѣ 14 октября 1775 г. ничтожна и не дѣйствительна; но настоящею конституціей ни въ чемъ не ослабляется значеніе земельныхъ концессій, выданныхъ этимъ королемъ, или его предшественниками, ранѣе этого срока, и не отмѣняются ни грамоты, выданныя имъ, или ими, ранѣе этого времени, ни концессіи и грамоты, выданныя съ тѣхъ поръ штатомъ, или лицами, дѣйствовавшими по его уполномочію, ни обязательства, или долги, сдѣланные штатомъ, частными лицами или корпораціями, ни права собственности, ни права, могущія быть пріобрѣтенными впослѣдствіи, ни требованія вознагражденія и никакія дѣла находящіеся въ судебномъ производствѣ.

Статья восьмая.

1. Сенату, или палатѣ представителей дозволяется предложить одну или нѣсколько поправокъ къ настоящей конституціи. Если предложеніе о поправкѣ поддерживается большинствомъ всѣхъ избранныхъ членовъ обѣихъ палатъ, то предложенная поправка, или поправки, будутъ внесены въ протоколъ, съ указаніемъ голосовъ поданныхъ за и противъ нихъ и представлены на рѣшеніе послѣдующаго законодательнаго собранія.

За три мѣсяца до выборовъ въ это собраніе, поправки эти должны быть опубликованы; и если, по вступленіи новаго законодательнаго собранія въ отправленіе своихъ обязанностей, предложенныя поправки будутъ приняты двумя третями всѣхъ выбранныхъ членовъ каждой палаты, то законодательное собраніе должно ихъ представить на утвержденіе народа, въ то время и тѣмъ порядкомъ, который имъ будетъ установленъ.

Если народъ, т.-е. большинство всѣхъ гражданъ, имѣющихъ право подачи голоса при выборѣ членовъ законодательнаго собранія, одобритъ и утвердитъ эти поправки, то онѣ становятся нераздѣльными частями конституціи.

Статья девятая.

Настоящая конституція подлежитъ исполненію начиная съ 31 декабря 1822 г. Все то, что въ ней относится до избирательныхъ правъ, раздѣленія Штата на

сенаторскіе округа, числа членовъ, избираемыхъ въ палату представителей и созыва избирателей на первый понедѣльникъ ноября 1822 г., продолженія дѣйствія теперешняго законодательнаго собранія до 1 января 1823, запрещенія лотерей, запрещенія употреблять общественные доходы на мѣстныя и частныя нужды и до выдачи вновь, измѣненія, возобновленія или отсрочки грамотъ, выдаваемыхъ политическимъ корпораціямъ, все это подлежитъ исполненію начиная съ послѣдняго дня слѣдующаго февраля.

Въ первый понедѣльникъ слѣдующаго марта члены теперешняго законодательнаго собранія примутъ и подпишутъ присягу, или обѣщаніе соблюдать дѣйствующую тогда конституцію.

Шерифы, регистраторы графства и коронеры, будутъ избраны на выборахъ, назначаемыхъ настоящею конституціей на первый понедѣльникъ ноября 1822 г.; но они вступаютъ въ должность только съ перваго числа слѣдующаго января. Дипломы всѣхъ лицъ, занимающихъ гражданскія должности 31 декабря 1822 года, теряютъ силу въ этотъ день; но лица эти могутъ продолжать исполнять свои обязанности до тѣхъ поръ, пока будутъ произведены новыя назначенія, или выборы, установленныя настоящей конституціей.

2. Существующіе въ настоящее время законы касательно выборовъ, ихъ порядка, способа подачи голосовъ, собиранія ихъ и объявленія результата, должны примѣняться при выборахъ, назначенныхъ настоящею конституціей на первый понедѣльникъ ноября 1822 года, во всемъ, что будетъ примѣнимо; новое законодательное собраніе издастъ законы, которые окажутся сверхъ того необходимыми для этихъ выборовъ, согласно съ настоящею конституціей.

Составлена въ конвентѣ, бывшемъ въ Капитоліи города Альбани десятаго ноября тысяча восемь сотъ двадцать перваго года, въ сорокъ шестомъ году независимости Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Въ удостовѣреніе чего мы приложили свои подписи:

Даніель Д. Томпкинсъ, президентъ.
Джонъ Ф. Беконъ, **Самюель С. Гардинеръ**, } секретари.

Конституція Соединенныхъ Штатовъ [1]).

Мы, народъ Соединенныхъ Штатовъ, имѣя въ виду образовать союзъ болѣе совершенный, установить правосудіе, обезпечить внутреннее спокойствіе, создать средства для общей защиты, увеличить общее благосостояніе и упрочить какъ для насъ, такъ и для нашихъ потомковъ благодѣянія свободы, составили, опредѣлили и установили настоящую конституцію для Соединенныхъ Штатовъ Америки.

Статья первая.

Отдѣлъ 1. Конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ, состоящій изъ сената и палаты представителей будетъ облеченъ всѣми правами законодательной власти, которыя будутъ опредѣлены представителями.

---

[1]) Настоящій переводъ находится въ сочиненіи г. Консейля (L. P. Conseil) носящемъ названіе: Mélanges politiques et philosophiques de Jefferson. Извѣстно, какое значительное вліяніе оказано было послѣднимъ на судьбы своего отечества. Задача, взятая на себя г. Консейлемъ, заключалась въ томъ, чтобъ изложить біографію и главные взгляды Джефферсона. Книга г. Консейля несомнѣнно представляетъ собою самый драгоцѣнный документъ изъ того, что было издано во Франціи относительно исторіи и законодательства Соединенныхъ Штатовъ.

*) Согласно съ тѣмъ, что сказано нами въ предисловіи, настоящій переводъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ и штата Нью-Іоркъ сдѣланъ цѣликомъ съ того, который

Отдѣлъ 2. 1. Палата представителей должна состоять изъ членовъ, избираемыхъ разъ въ каждые два года народомъ различныхъ штатовъ, а въ каждомъ штатѣ избиратели должны удовлетворять тѣмъ условіямъ, какія требуются для избирателей самой многолюдной составной части законодательнаго собранія штатовъ.

2. Не можетъ быть представителемъ тотъ, кто не достигъ двадцатипятилѣтняго возраста, кто не былъ въ теченіе семи лѣтъ гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ и кто во время выборовъ не принадлежалъ къ числу жителей того штата, которымъ онъ избранъ.

3. Представители и прямые налоги должны быть распредѣлены между различными штатами, могущими вступить въ Союзъ, соразмѣрно съ ихъ населеніемъ; а чтобъ опредѣлить число этого населенія, слѣдуетъ къ общей цифрѣ свободныхъ людей, со включеніемъ людей, поступившихъ въ услуженіе на опредѣленное число лѣтъ, и за исключеніемъ необложенныхъ налогами индѣйцевъ, прибавить три пятыхъ всѣхъ прочихъ лицъ. Исчисленіе народонаселенія должно быть произведено въ теченіе трехъ лѣтъ послѣ перваго собранія конгресса Соединенныхъ Штатовъ, и затѣмъ производиться черезъ каждые десять лѣтъ тѣмъ способомъ, который будетъ установленъ особымъ закономъ. Число представителей должно быть не болѣе одного на каждыя тридцать тысячъ жителей, но каждый штатъ долженъ имѣть по меньшей мѣрѣ одного представителя, а пока не будетъ сдѣлано исчисленіе народонаселенія, штатъ Нью-Гемпширъ будетъ имѣть право выбирать трехъ представителей, Массачузесъ— восемь, Родъ-Исландъ и колонія Провидансъ — одного, Коннектикутъ — пять, Нью-Іоркъ — шесть, Нью-Джерзей — четыре, Пенсильванія — восемь, Делаваръ — одного, Мериленд̀ъ—шесть, Виргинія—десять, Сѣверная Каролина—пять, Южная Каролина— пять, Георгія—три.

4. Если откроются ваканціи въ представительствѣ какого-нибудь штата, то мѣстная исполнительная власть разошлетъ избирателямъ приглашенія замѣстить такія ваканціи.

5. Палата представителей будетъ выбирать своего предсѣдателя и другихъ должностныхъ лицъ и ей одной будетъ принадлежать право возбуждать уголовное преслѣдованіе по политическимъ обвиненіямъ (impeachments).

Отдѣлъ 3. 1. Сенатъ Соединенныхъ Штатовъ долженъ состоять изъ двухъ сенаторовъ отъ каждаго штата, выбранныхъ законодательными собраніями этихъ штатовъ на шесть лѣтъ, и каждый сенаторъ долженъ имѣть одинъ голосъ.

2. Немедленно вслѣдъ затѣмъ, какъ они соберутся послѣ первыхъ выборовъ, они должны быть раздѣлены на три по мѣрѣ возможности равныхъ разряда. Мѣста сенаторовъ перваго разряда должны считаться вакантными по истеченіи второго года, мѣста сенаторовъ второго разряда — по истеченіи четвертаго года, и мѣста сенаторовъ третьяго разряда — по истеченіи шестого года, такъ что одна треть сенаторовъ будетъ избираться черезъ каждые два года; а если откроются ваканціи вслѣдствіе выхода въ отставку, или по другой причинѣ, въ то время какъ сессія законодательнаго собранія какого-либо штата закрыта, то исполнительная власть этого штата можетъ сдѣлать временныя назначенія до слѣдующей сессіи законодательнаго собранія, которое тогда должно замѣстить тѣ ваканціи.

3. Не можетъ быть выбранъ въ сенаторы тотъ, кто не достигъ тридцатилѣтняго возраста, не былъ въ теченіе девяти лѣтъ гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ и не принадлежалъ во время выборовъ къ числу жителей того штата, которымъ онъ былъ выбранъ.

приложенъ къ сочиненію Токвиля, такъ что онъ представляетъ собою не настоящую редакцію этихъ актовъ, а ту, какая была въ 1835 году, безъ позднѣйшихъ измѣненій и дополненій. (Примѣч. переводчика).

4. Вице-президентъ Соединенныхъ Штатовъ долженъ быть предсѣдателемъ сената, но безъ права голоса, за исключеніемъ того случая, если голоса сенаторовъ раздѣлятся поровну.

5. Сенатъ долженъ выбирать своихъ остальныхъ должностныхъ лицъ, равно какъ предсѣдателя pro tempore для замѣщенія вице-президента, когда послѣдній находится въ отсутствіи, или когда онъ исполняетъ обязанности президента Соединенныхъ Штатовъ.

6. Одному сенату должно принадлежать право производить судъ надъ лицами, противъ которыхъ палатою представителей возбуждено уголовное преслѣдованіе (impeachements). Когда онъ засѣдаетъ съ этою цѣлью, его члены должны дать присягу или утвержденіе. Когда производится судъ надъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, верховный судья долженъ предсѣдательствовать. Никто не можетъ быть признанъ виновнымъ иначе, какъ двумя третями присутствующихъ членовъ.

7. Въ случаѣ уголовнаго преслѣдованія обвинительный приговоръ долженъ ограничиваться удаленіемъ отъ должности и запрещеніемъ занимать въ Соединенныхъ Штатахъ какую-либо должность, съ которой соединяется почетъ, довѣріе или выгода; но лицо, признанное виновнымъ, тѣмъ не менѣе можетъ быть предано суду и наказанію по законамъ.

Отдѣлъ 4. 1. Время, мѣсто и способъ избранія сенаторовъ и представителей должны быть установлены въ каждомъ штатѣ его законодательнымъ собраніемъ; но конгрессъ можетъ во всякое время издать законъ, установляющій или измѣняющій правила этого рода; онъ только не можетъ ничего измѣнять касательно мѣста избранія сенаторовъ.

2. Конгрессъ долженъ собираться по меньшей мѣрѣ одинъ разъ въ годъ, именно въ первый понедѣльникъ декабря, если не будетъ издано закона, назначающаго какой-нибудь другой день.

Отдѣлъ 5. 1. Каждая палата должна сама быть судьею въ вопросахъ касательно выборовъ, касательно возраженій противъ ихъ правильности и касательно того, имѣютъ ли ея члены всѣ требуемыя качества. Большинство каждой палаты должно считаться достаточнымъ для производства дѣлъ; но менѣе многочисленное собраніе можетъ откладывать засѣданія со дня на день и имѣетъ право принуждать отсутствующихъ членовъ къ явкѣ такимъ способомъ и подъ угрозой такихъ наказаній, которыя будутъ установлены каждой палатой.

2. Каждая палата можетъ установлять правила для своего дѣлопроизводства, наказывать своихъ членовъ за неприличное поведеніе и исключать ихъ изъ своего состава двумя третями голосовъ.

3. Каждая палата должна вести протоколъ своихъ разсужденій, и должна отъ времени до времени опубликовывать его, за исключеніемъ тѣхъ частей, которыя, по ея мнѣнію, слѣдуетъ хранить въ тайнѣ, а утвердительные и отрицательные отвѣты членовъ каждой палаты по какому бы то ни было вопросу должны быть записаны въ протоколъ по требованію одной пятой части присутствующихъ членовъ.

4. Ни одна изъ палатъ не должна во время сессіи конгресса отсрочивать свои засѣданія долѣе, чѣмъ на три дня безъ согласія другой палаты и не должна куда-либо переносить свои засѣданія изъ того мѣста, гдѣ должны засѣдать обѣ палаты.

Отдѣлъ 6. 1. Сенаторы и представители должны получать за свою службу денежное вознагражденіе, которое должно быть назначено закономъ и уплачиваться изъ казначейства Соединенныхъ Штатовъ. Ни въ какомъ случаѣ, за исключеніемъ измѣны, уголовнаго преступленія и нарушенія общественнаго спокойствія, они не могутъ быть арестованы ни во время ихъ присутствія на засѣданіяхъ, ни въ то время, когда они отправляются на засѣданія, или возвращаются оттуда; а за свои рѣчи и мнѣнія, высказанныя въ каждой изъ палатъ, не могутъ быть подвергаемы отвѣтственности ни въ какомъ другомъ мѣстѣ.

2. Ни сенаторы, ни представители въ теченіе того времени, на которое были выбраны, не могутъ быть назначены ни на какую гражданскую должность при Соединенныхъ Штатахъ, которая учреждена, или за которую увеличено жалованье въ теченіе этого времени, а тотъ, кто занимаетъ какую-либо должность при Соединенныхъ Штатахъ, не можетъ быть членомъ которой-либо палаты во время своего нахожденія при должности.

Отдѣлъ 7. 1. Всѣ билли касательно собиранія доходовъ должны исходить изъ палаты представителей; но сенатъ можетъ предлагать поправки точно такъ же, какъ и относительно другихъ биллей.

2. Каждый билль, утвержденный палатой представителей и сенатомъ, прежде чѣмъ обратиться въ законъ, долженъ быть представленъ президенту Соединенныхъ Штатовъ; если президентъ одобритъ его, то долженъ подписать его, если же не одобритъ, то долженъ возвратить его со своими возраженіями въ ту палату, которою онъ былъ составленъ, а палата должна внести въ свой журналъ всѣ эти возраженія и приступить къ пересмотру билля. Если послѣ этого пересмотра двѣ трети этой палаты утвердятъ билль, то его слѣдуетъ отослать вмѣстѣ съ возраженіями въ другую палату, которая также должна снова разсмотрѣть его, и если одобритъ его двумя третями голосовъ, то онъ дѣлается закономъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ голосованіе должно происходить въ обѣихъ палатахъ посредствомъ утвердительныхъ и отрицательныхъ отвѣтовъ, а имена лицъ, подавшихъ голоса за билль, или противъ него, должны быть внесены каждой палатой въ журналъ. Если какой-либо билль не будетъ возвращенъ президентомъ въ теченіе десяти дней (за исключеніемъ воскресныхъ дней) со времени его представленія, то онъ дѣлается закономъ точно такъ же, какъ еслибы былъ подписанъ президентомъ; если же билль не можетъ быть возвращенъ по причинѣ отсрочки засѣданій конгресса, то онъ не признается закономъ.

3. Всякое предписаніе, резолюція или голосованіе, для которыхъ необходимо совокупное участіе и сената и палаты представителей (за исключеніемъ тѣхъ, которыя касаются отсрочки засѣданій), должны быть представляемы президенту Соединенныхъ Штатовъ и только послѣ его одобренія вступаютъ въ силу; если же они не будутъ имъ одобрены, то должны быть снова утверждены двумя третями сената и палаты представителей сообразно съ тѣми правилами и ограниченіями, какія установлены относительно биллей.

Отдѣлъ 8. Конгрессъ долженъ имѣть право: налагать и собирать пошлины, налоги, подати, акцизы, уплачивать долги и принимать мѣры для общей обороны и для общаго благосостоянія Соединенныхъ Штатовъ; но всѣ подати, налоги и акцизныя пошлины должны быть одинаковы для всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ;

Дѣлать займы на кредитъ Соединенныхъ Штатовъ;

Регулировать торговлю съ иностранными государствами, между различными штатами и съ индѣйскими племенами;

Установлять однообразныя правила натурализаціи и однообразные законы о банкротствахъ для всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ;

Чеканить монету, регулировать какъ ея цѣнность, такъ и цѣнность иностранныхъ монетъ, и установлять норму для мѣръ и вѣсовъ;

Принимать мѣры для наказанія за поддѣлку бумажныхъ денежныхъ знаковъ и ходячей монеты Соединенныхъ Штатовъ;

Учреждать почтовыя конторы и устраивать большія почтовыя дороги;

Поощрять развитіе наукъ и полезныхъ искусствъ, обезпечивая за авторами и изобрѣтателями на опредѣленный срокъ исключительное право пользованія ихъ произведеніями и открытіями;

Учреждать суды, низшаго разряда, чѣмъ верховный судъ;

Опредѣлять, что́ должно считаться морскимъ разбоемъ, преступленіемъ, совер-

шеннымъ въ открытомъ морѣ, и нарушеніемъ международнаго права, и подвергать за нихъ наказанію;

Объявлять войну, выдавать каперскія свидѣтельства и разрѣшенія на отобраніе захваченныхъ непріятелемъ судовъ и издавать правила о захватѣ добычи на сушѣ и на морѣ;

Набирать и содержать армію, но ассигновка суммъ на этотъ предметъ не должна дѣлаться на болѣе длинный срокъ, чѣмъ два года;

Снаряжать и содержать флотъ;

Издавать правила для администраціи и организаціи сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ;

Дѣлать распоряженія о созывѣ милиціи для исполненія законовъ Союза, для подавленія возстаній, для отраженія нашествій;

Принимать мѣры для организаціи милиціи, ея вооруженія и обученія дисциплинѣ и для завѣдыванія тою ея частью, которая можетъ быть употреблена на службу Соединенныхъ Штатовъ, предоставляя каждому штату назначеніе офицеровъ и право обучать милицію по тѣмъ правиламъ, какія предписаны конгрессомъ;

Пользоваться во всякихъ случаяхъ исключительною законодательною властью въ томъ округѣ (не превышающемъ десяти квадратныхъ миль), который можетъ сдѣлаться мѣстопребываніемъ правительства Соединенныхъ Штатовъ вслѣдствіе уступки, сдѣланной которымъ-нибудь изъ штатовъ и принятой конгрессомъ, и пользоваться такою же властью во всѣхъ мѣстахъ, купленныхъ въ какомъ-либо штатѣ, съ согласія его законодательнаго собранія, для сооруженія фортовъ, постройки магазиновъ, арсеналовъ, адмиралтействъ и другихъ необходимыхъ зданій; и наконецъ

Издавать всякіе законы, какіе окажутся необходимыми и умѣстными для пользованія какъ вышеисчисленными правами, такъ и всѣми другими правами, какія предоставлены этой конституціей правительству Соединенныхъ Штатовъ, или которому-либо изъ его департаментовъ или должностныхъ лицъ.

Отдѣлъ 9. 1. Переселеніе, или ввозъ такихъ людей, которыхъ согласенъ принять у себя который-либо изъ существующихъ въ настоящее время штатовъ, не должны быть воспрещаемы конгрессомъ до тысяча восемьсотъ восьмого года, но на такой ввозъ можно налагать таксу, или пошлину, не превышающую десяти долларовъ съ каждаго человѣка.

2. Права, предоставленныя актомъ о личной свободѣ (Writ of habeas corpus), не должны быть на время отмѣняемы, если это не окажется необходимымъ для общественной безопасности по причинѣ возстанія или непріятельскаго нашествія.

3. Запрещается издавать билли о наказаніи за государственную измѣну, или законы, имѣющіе обратную силу.

4. Запрещается облагать подушною податью, или другими прямыми налогами иначе, какъ соразмѣрно съ цензомъ или съ переписью, о производствѣ которой упомянуто выше.

5. Запрещается облагать пошлинами или налогами товары, вывозимые изъ котораго-либо штата. Запрещается отдавать предпочтеніе гаванямъ одного штата передъ гаванями другого штата посредствомъ введенія какихъ-либо торговыхъ или финансовыхъ постановленій, а корабли, направляющіеся къ какому-нибудь штату, или выходящіе изъ его гавани, не могутъ быть принуждены входить въ гавань другого штата, разгружаться тамъ и уплачивать пошлины.

6. Запрещается брать изъ казначейства деньги иначе, какъ на основаніи ассигновокъ, сдѣланныхъ легальнымъ способомъ; а отъ времени до времени слѣдуетъ опубликовывать подробные отчеты о государственныхъ доходахъ и расходахъ.

7. Соединенные Штаты не могутъ раздавать дворянскіе титулы, и всякій, кто занимаетъ при нихъ какую-либо должность, приносящую выгоды или основанную на

довѣріи, не можетъ принимать безъ разрѣшенія конгресса никакихъ подарковъ, жалованья, должностей или титуловъ отъ какого-либо короля, принца или иностраннаго государства.

Отдѣлъ 10. 1. Ни одинъ изъ штатовъ не имѣетъ права: заключать трактаты, вступать въ союзъ или въ конфедерацію; выдавать каперскія свидѣтельства или разрѣшенія на отобраніе захваченныхъ непріятелемъ судовъ; чеканить монету; выпускать кредитные билеты; назначать что-либо, кромѣ золотой и серебряной монеты, способомъ для уплаты долговъ; издавать билли о наказаніи за государственную измѣну, законы съ обратной силой или законы, ослабляющіе обязательную силу договоровъ; раздавать какіе-либо дворянскіе титулы.

2. Ни одинъ изъ штатовъ не имѣетъ права облагать, безъ согласія конгресса, какими-либо пошлинами или налогами предметы ввоза и вывоза; исключеніе допускается только въ томъ размѣрѣ, какой безусловно необходимъ для приведенія въ исполненіе законовъ штата касательно надзора; а всякій чистый доходъ отъ пошлинъ и налоговъ, которыми были обложены въ штатѣ предметы ввоза или вывоза, долженъ поступать въ пользу казначейства Соединенныхъ Штатовъ; всѣ законы этого рода должны подвергаться пересмотру и контролю конгресса. Ни одинъ изъ штатовъ не имѣетъ права, безъ согласія конгресса: налагать какія-либо пошлины на корабельные грузы, содержать въ мирное время войска или военные корабли, вступать въ какія-либо соглашенія или договоры съ другимъ штатомъ, или съ иностраннымъ правительствомъ, или предпринимать войну иначе, какъ вслѣдствіе непріятельскаго нашествія, или въ случаѣ такой неминуемой опасности, которая не допускаетъ никакихъ проволочекъ.

Статья II.

Отдѣлъ 1. 1. Исполнительная власть должна быть предоставлена президенту Соединенныхъ Штатовъ Америки. Онъ долженъ состоять въ должности въ теченіе четырехъ лѣтъ, а его избраніе, точно такъ же, какъ избраніе вице-президента на такой же срокъ, должно производиться слѣдующимъ способомъ:

2. Каждый штатъ долженъ назначить тѣмъ способомъ, который будетъ установленъ его законодательнымъ собраніемъ, выборщиковъ въ числѣ равномъ тому числу сенаторовъ и представителей, какое онъ имѣетъ право посылать въ конгрессъ; но выборщикомъ не можетъ быть назначенъ ни сенаторъ, ни представитель, ни всякій занимающій при Соединенныхъ Штатахъ какую-либо должность, основанную на довѣріи, или доставляющую выгоды.

3. Выборщики должны собраться въ своихъ штатахъ и посредствомъ баллотировки подавать голоса за двухъ лицъ, изъ которыхъ по меньшей мѣрѣ одно не должно принадлежать къ числу жителей одного съ ними штата. Они должны составить списокъ всѣхъ лицъ, за которыя подавались голоса, и всѣхъ голосовъ, поданныхъ за каждое изъ этихъ лицъ; этотъ списокъ они должны подписать и удостовѣрить и прислать его запечатаннымъ въ мѣстопребываніе правительства Соединенныхъ Штатовъ на имя предсѣдателя сената. Предсѣдатель сената долженъ вскрыть всѣ удостовѣренные списки въ присутствіи сената и палаты представителей, и сосчитать поданные голоса. Тотъ, кто получилъ самое большое число голосовъ, долженъ быть президентомъ, если это число составляетъ большинство всѣхъ выборщиковъ; если же нѣсколько лицъ получили такое большинство голосовъ и если за нихъ подано равное число голосовъ, то палата представителей должна немедленно выбрать одного изъ нихъ въ президенты посредствомъ баллотировки; если же никто не получилъ большинства голосовъ, то та же палата должна тѣмъ же способомъ выбрать президента изъ тѣхъ пяти лицъ, которыя стоятъ первыми въ спискѣ по числу голосовъ. Но при выборѣ президента слѣдуетъ подавать голоса по штатамъ,

такъ что представительство каждаго штата имѣетъ одинъ голосъ; для этой цѣли необходимо присутствіе одного члена, или нѣсколькихъ членовъ отъ двухъ третей штатовъ, а для выбора необходимо большинство присутствующихъ всѣхъ штатовъ. Во всякомъ случаѣ, послѣ выбора президента долженъ быть признанъ вице-президентомъ тотъ, за кого было подано выборщиками самое большое число голосовъ; но еслибы оказалось, что два или болѣе лица получили одинаковое число голосовъ, то сенатъ долженъ выбрать изъ нихъ вице-президента посредствомъ баллотировки.

Конгресъ можетъ опредѣлить время для назначенія выборщиковъ и день, въ который они должны подавать голоса; этотъ день долженъ быть одинъ и тотъ же для всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ.

Въ должность президента можетъ быть избранъ только гражданинъ, родившійся въ Соединенныхъ Штатахъ, или бывшій ихъ гражданиномъ во время утвержденія конституціи; не можетъ быть избранъ на эту должность тотъ, кто не достигъ тридцатипятилѣтняго возраста и не имѣлъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ постояннаго жительства въ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ случаѣ удаленія президента отъ должности, или въ случаѣ его смерти, выхода въ отставку, или неспособности пользоваться правами и исполнять обязанности его должности, его замѣняетъ вице-президентъ, а конгрессъ можетъ посредствомъ изданія закона принять мѣры на случай удаленія отъ должности, смерти, отставки, или неспособности президента и вице-президента и объявить, какое должностное лицо должно въ такомъ случаѣ замѣнять президента; это лицо должно замѣнять президента, пока не прекратится причина удаленія этого послѣдняго отъ должности, или пока не будетъ выбранъ новый президентъ.

Президентъ долженъ получать за свою службу въ назначенные сроки вознагражденіе, которое не можетъ быть ни увеличено, ни уменьшено въ теченіе того періода, на который онъ выбранъ, и онъ не долженъ получать въ теченіе этого періода никакого другого денежнаго вознагражденія ни отъ Соединенныхъ Штатовъ ни отъ котораго-либо изъ нихъ.

Передъ вступленіемъ въ исполненіе своихъ обязанностей онъ долженъ дать слѣдующую присягу или обѣщаніе:

«Я торжественно клянусь (или утверждаю), что буду честно исполнять обязанности президента Соединенныхъ Штатовъ и буду по мѣрѣ моихъ силъ соблюдать, охранять и защищать конституцію Соединенныхъ Штатовъ».

Отдѣлъ 2. 1. Президентъ будетъ главнокомандующимъ арміи и флота Соединенныхъ Штатовъ и милиціи отдѣльныхъ штатовъ, когда она будетъ призвана на службу Соединенныхъ Штатовъ; онъ можетъ требовать отъ высшихъ должностныхъ лицъ каждаго изъ административныхъ департаментовъ письменно изложеннаго мнѣнія о всякомъ предметѣ, входящемъ въ сферу ихъ вѣдомства, и ему должно быть предоставлено право помилованія и уменьшенія наказанія за преступленія противъ Соединенныхъ Штатовъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда возбуждено уголовное преслѣдованіе.

2. Ему должно принадлежать право заключать трактаты по совѣту и съ одобренія сената съ тѣмъ, чтобъ это одобреніе было выражено двумя третями присутствующихъ сенаторовъ; онъ будетъ назначать, по совѣту и съ одобренія сената, пословъ, другихъ уполномоченныхъ и консуловъ, членовъ верховнаго суда и всѣхъ другихъ должностныхъ лицъ, о способѣ назначенія которыхъ не сдѣлано никакихъ постановленій и должности которыхъ будутъ учреждены закономъ; но конгрессъ можетъ по своему усмотрѣнію закономъ предоставить назначеніе такихъ низшихъ должностныхъ лицъ или одному президенту, или судамъ, или начальникамъ департаментовъ.

3. Президентъ долженъ имѣть право замѣщать открывающіяся во время закрытія сессіи сената ваканціи, выдавая патенты на должности, срокъ которыхъ долженъ кончаться съ окончаніемъ слѣдующей сессіи.

Отдѣлъ 3. Онъ долженъ отъ времени до времени доставлять конгрессу свѣдѣнія о положеніи Союза и предлагать на его усмотрѣніе такія мѣры, какія считаетъ необходимыми и полезными; онъ можетъ въ экстренныхъ случаяхъ созывать обѣ палаты, или одну изъ нихъ и, въ случаѣ разномыслія между ними касательно времени закрытія засѣданій, можетъ отлагать ихъ засѣданія на столько времени, на сколько заблагоразсудитъ; онъ долженъ принимать пословъ и другихъ уполномоченныхъ, долженъ заботиться о точномъ исполненіи законовъ и долженъ выдавать патенты всѣмъ должностнымъ лицамъ Соединенныхъ Штатовъ.

Отдѣлъ 4. Президентъ, вице-президентъ и всѣ гражданскія должностныя лица Соединенныхъ Штатовъ должны быть удаляемы отъ должностей въ случаѣ преданія суду и обвиненія въ измѣнѣ, во взяточничествѣ, или въ другихъ важныхъ преступленіяхъ и проступкахъ (misdemeanours).

Статья III.

Отдѣлъ 1. Судебная власть Соединенныхъ Штатовъ должна быть предоставлена одному верховному суду и тѣмъ низшимъ судамъ, которые конгрессъ будетъ отъ времени до времени учреждать. И члены верховнаго суда, и члены низшихъ судовъ должны оставаться въ своихъ должностяхъ, пока будутъ вести себя безукоризненно; они должны получать за свою службу въ назначенные сроки денежное вознагражденіе, которое не можетъ быть уменьшено, пока они остаются въ должности.

Отдѣлъ 2. 1. Судебная власть должна простираться: на всѣ дѣла, разрѣшаемыя по закону и по справедливости, какія могутъ возникнуть изъ этой конституціи, изъ законовъ Соединенныхъ Штатовъ и изъ трактатовъ, которые заключены или будутъ заключены Соединенными Штатами; на всѣ дѣла, касающіяся пословъ, другихъ уполномоченныхъ и консуловъ; на всѣ дѣла, касающіяся адмиралтейства и морской юрисдикціи; на тяжбы, въ которыхъ одною изъ тяжущихся сторонъ являются Соединенные Штаты; на тяжбы между двумя или болѣе штатами, между штатомъ и гражданами другого штата, между гражданами различныхъ штатовъ, между гражданами одного штата, предъявляющими свои права на земли, въ силу уступки ихъ различными штатами, и между штатомъ или его гражданами съ одной стороны и иностранными государствами, гражданами или подданными съ другой.

2. Во всѣхъ дѣлахъ, касающихся пословъ, другихъ уполномоченныхъ и консуловъ, и въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ штатъ является одною изъ тяжущихся сторонъ, верховному суду должна принадлежать первоначальная юрисдикція. Во всѣхъ другихъ ранѣе упомянутыхъ дѣлахъ верховному суду должна принадлежать юрисдикція по апелляціямъ и относительно закона и относительно фактовъ съ тѣми исключеніями и по такимъ правиламъ, какія будутъ установлены конгрессомъ.

3. Всѣ преступленія, за исключеніемъ тѣхъ, за которыя возбуждено уголовное преслѣдованіе, должны судиться судомъ присяжныхъ; судъ долженъ происходить въ томъ штатѣ, въ которомъ совершено преступленіе; но если оно не совершено ни въ одномъ изъ штатовъ, то судъ долженъ происходить въ томъ мѣстѣ, или въ тѣхъ мѣстахъ, которыя будутъ указаны закономъ, изданнымъ отъ конгресса.

Отдѣлъ 3. 1. Измѣною Соединеннымъ Штатамъ слѣдуетъ признавать только возстаніе противъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, присоединеніе къ ихъ врагамъ, оказываніе помощи и содѣйствіе этимъ врагамъ. Никто не можетъ быть признанъ виновнымъ въ измѣнѣ иначе, какъ на основаніи двухъ свидѣтельскихъ показаній о томъ, что преступное намѣреніе перешло въ дѣйствіе, или на основаніи собственнаго признанія, сдѣланнаго на судѣ.

2. Конгрессу должно быть предоставлено право назначать наказаніе за измѣну, но обвинительный приговоръ не долженъ подвергать лишенію правъ состоянія, или штрафу, иначе, какъ въ теченіе жизни осужденнаго.

Статья IV.

Отдѣлъ 1. Въ каждомъ штатѣ слѣдуетъ относиться съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ къ публичнымъ актамъ, оффиціальнымъ документамъ и судебнымъ рѣшеніямъ каждаго другого штата. А конгрессъ можетъ общими законами установить способъ, которымъ слѣдуетъ удостовѣрять эти акты, документы и рѣшенія и ихъ значеніе.

Отдѣлъ 2. 1. Гражданамъ каждаго штата должны быть предоставлены всѣ привилегіи и права гражданъ въ другихъ штатахъ.

2. Если человѣкъ, обвиняемый въ которомъ-либо изъ штатовъ въ измѣнѣ, или въ другомъ преступленіи, спасется бѣгствомъ отъ судебнаго преслѣдованія и будетъ отысканъ въ другомъ штатѣ, то по требованію исполнительной власти того штата, изъ котораго онъ бѣжалъ, онъ долженъ быть выданъ для отправки въ тотъ штатъ, вѣдомству котораго подсудно преступленіе.

3. Кто обязанъ исполнять какую-нибудь службу или работу въ одномъ изъ штатовъ на основаніи мѣстныхъ законовъ и убѣжитъ въ другой штатъ, тотъ не можетъ быть освобожденъ отъ этой службы или работы на основаніи какихъ-либо законовъ или постановленій этого другого штата; онъ долженъ быть выданъ по требованію того, кому долженъ былъ исполнять службу или работу.

Отдѣлъ 3. 1. Новые штаты могутъ быть принимаемы конгрессомъ въ этотъ Союзъ; но никакой новый штатъ не можетъ быть организованъ или учрежденъ въ сферѣ юрисдикціи какого-либо другого штата; никакой штатъ не можетъ быть организованъ посредствомъ соединенія двухъ или болѣе штатовъ, или частей штатовъ, безъ согласія, какъ законодательныхъ собраній этихъ штатовъ, такъ и конгресса.

2. Конгрессу должно быть предоставлено право распоряжаться территоріей или другой собственностью, принадлежащей Соединеннымъ Штатамъ, и издавать относительно этой собственности всѣ необходимыя правила и руководства, а въ этой конституціи ничто не должно быть объясняемо въ такомъ смыслѣ, который былъ бы нарушеніемъ правъ Соединенныхъ Штатовъ, или одного изъ штатовъ.

Отдѣлъ 4. Соединенные Штаты должны обезпечить каждому штату, вступившему въ этотъ Союзъ, республиканскую форму правленія и должны охранять каждый штатъ отъ непріятельскихъ нашествій, а по просьбѣ законодательнаго собранія или исполнительной власти (когда законодательное собраніе не можетъ собраться) должны охранять каждый штатъ и отъ внутреннихъ насилій.

Статья V.

Если двѣ трети членовъ обѣихъ палатъ признаютъ это необходимымъ, конгрессъ долженъ предложить поправки этой конституціи, или же по просьбѣ законодательныхъ собраній двухъ третей штатовъ долженъ созвать конвентъ для предложенія поправокъ, которыя въ обоихъ случаяхъ будутъ имѣть обязательную силу въ качествѣ составныхъ частей этой конституціи, если будутъ утверждены законодательными собраніями трехъ четвертей штатовъ или конвентами въ трехъ четвертяхъ штатовъ,—такъ какъ и тотъ и другой способъ утвержденія можетъ быть предложенъ конгрессомъ; но никакая поправка, утвержденная ранѣе тысяча восемьсотъ восьмого года, не должна касаться перваго и четвертаго постановленій въ девятомъ отдѣлѣ первой статьи, и ни одинъ штатъ не можетъ быть безъ его согласія лишенъ равнаго съ другими штатами права голоса въ сенатѣ.

Статья VI.

1. Всѣ долги, которые были сдѣланы, и всѣ условія, которыя были заключены до утвержденія этой конституціи, должны считаться обязательными для Соединен-

ныхъ Штатовъ при этой конституціи точно такъ же, какъ они были обязательны при Конфедераціи.

2. Эта конституція и законы Соединенныхъ Штатовъ, которые будутъ издаваться въ исполненіе ея, равно какъ всѣ трактаты, которые заключены, или будутъ заключены Соединенными Штатами, должны считаться верховнымъ закономъ страны, а судьи въ каждомъ штатѣ должны подчиняться этому закону, хотя бы нѣкоторыя постановленія въ конституціи или въ законахъ какого-либо штата и находились въ противорѣчіи съ нимъ.

3. Вышеупомянутые сенаторы и представители, равно какъ члены законодательныхъ собраній различныхъ штатовъ и всѣ административныя и судебныя должностныя лица какъ Соединенныхъ Штатовъ, такъ и отдѣльныхъ штатовъ должны дать присягу или обѣщаніе, что будутъ поддерживать эту конституцію; но никогда не слѣдуетъ требовать никакой вѣроисповѣдной присяги, какъ необходимаго условія для занятія какой-либо должности или для исполненія какихъ-либо общественныхъ обязанностей въ Соединенныхъ Штатахъ.

Статья VII.

Утвержденіе конвентами девяти штатовъ должно считаться достаточнымъ для введенія этой конституціи въ тѣхъ штатахъ, которые утвердили ее этимъ способомъ.

Утверждена на конвентѣ съ единогласнаго одобренія присутствующихъ штатовъ семнадцатаго сентября 1787 года отъ Р. Х. и въ двѣнадцатомъ году независимости Соединенныхъ Штатовъ Америки.

Въ удостовѣреніе чего мы подписались подъ ней нашими именами.

Подписано: Джорджъ Вашингтонъ,
Президентъ и депутатъ отъ Виргиніи.

Статьи, дополняющія и исправляющія конституцію.

Статья I.

Конгрессъ не долженъ издавать законовъ о введеніи какой-либо религіи, или о запрещеніи свободно исповѣдывать какую-либо религію, или о стѣсненіи свободы слова и прессы, или объ ограниченіи правъ народа мирно собираться и обращаться къ правительству съ просьбами о прекращеніи злоупотребленій.

Статья II.

Такъ какъ хорошо организованная милиція необходима для безопасности свободнаго государства, то не можетъ быть ограничено право народа имѣть у себя и носить оружіе.

Статья III.

Въ мирное время нельзя помѣщать солдатъ ни въ какомъ домѣ безъ согласія его владѣльца, а въ военное время можно помѣщать только такимъ способомъ, который будетъ предписанъ закономъ.

Статья IV.

Запрещается нарушать право народа на то, чтобы личность, домъ, бумаги и вещи каждаго были ограждены отъ неосновательныхъ обысковъ и захватовъ, а

приказы о произведеніи розысковъ должны быть выдаваемы только на основаніи правдоподобныхъ мотивовъ, подкрѣпленныхъ присягой, или аффирмаціей, и въ нихъ должно быть точно указано мѣсто, въ которомъ слѣдуетъ произвести розыски, и должны быть указаны то лицо и тѣ вещи, которыя должны быть задержаны.

Статья V.

Никто не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности по обвиненію въ уголовномъ или позорящемъ преступленіи иначе, какъ по почину или обвинительному акту большаго состава присяжныхъ, за исключеніемъ дѣлъ возникающихъ въ сухопутной арміи, или во флотѣ, или въ милиціи въ то время, какъ они находятся на дѣйствительной службѣ по случаю войны или общественной опасности; никто не можетъ быть подвергнутъ два раза за одно и то же преступленіе уголовному наказанію; никто не можетъ быть принужденъ въ какомъ-либо уголовномъ дѣлѣ свидѣтельствовать противъ самого себя; никто не можетъ быть лишенъ жизни, свободы, или собственности безъ легальнаго судебнаго разбирательства; частную собственность нельзя отбирать на общественное употребленіе безъ справедливаго вознагражденія.

Статья VI.

При всѣхъ разбирательствахъ уголовныхъ дѣлъ обвиняемый долженъ пользоваться правомъ на скорый и публичный судъ безпристрастныхъ присяжныхъ того штата и округа, гдѣ было совершено предполагаемое преступленіе, а этотъ округъ долженъ быть предварительно опредѣленъ закономъ; онъ имѣетъ право на то, чтобы его извѣстили о свойствѣ и о причинѣ обвиненія, чтобы его поставили на очную ставку съ свидѣтелями, дающими показанія не въ его пользу, чтобы ему дозволили вызвать свидѣтелей въ его пользу и пользоваться совѣтами защитника.

Статья VII.

Для тяжебныхъ дѣлъ, основанныхъ на обычномъ правѣ и цѣнностью иска превышающихъ двадцать далларовъ, сохраняется право судиться судомъ присяжныхъ, и никакой фактъ, бывшій на разсмотрѣніи присяжныхъ, не можетъ быть подвергнутъ пересмотру въ какомъ-либо судѣ Соединенныхъ Штатовъ иначе, какъ на основаніи обычнаго права.

Статья VIII.

Запрещается требовать слишкомъ большія обезпеченія, налагать слишкомъ большія денежныя пени и приговаривать къ жестокимъ и необычнымъ наказаніямъ.

Статья IX.

Перечисленіе въ конституціи нѣкоторыхъ правъ, не должно быть объясняемо въ такомъ смыслѣ, который бы уничтожалъ, или умалялъ другія права, принадлежавшіе народу.

Статья X.

Права, не предоставленныя конституціей Соединеннымъ Штатамъ и не отнятыя ею у штатовъ, принадлежатъ штатамъ, или народу.

Статья XI.

Судебная власть Соединенныхъ Штатовъ не должна быть объясняема въ такомъ смыслѣ, который далъ бы возможность распространять ее на какія-либо тяжебныя дѣла, начатыя или ведущіяся противъ одного изъ штатовъ гражданами другого штата, или гражданами и подданными какого-либо иностраннаго государства.

Статья XII.

1. Выборщики должны собираться въ своихъ штатахъ и выбирать посредствомъ баллотировки президента и вице-президента, изъ которыхъ по меньшей мѣрѣ одинъ не долженъ принадлежать къ числу жителей одного съ выборщикомъ штата; они должны называть въ своихъ избирательныхъ запискахъ то лицо, которое они выбираютъ въ президенты, и въ особыхъ запискахъ то лицо, которое выбираютъ въ вице-президенты; они должны составить отдѣльные списки всѣхъ лицъ, въ пользу которыхъ были поданы голоса для замѣщенія должности президента, и всѣхъ лицъ, за которыхъ были поданы голоса для замѣщенія должности вице-президента, и должны указать число голосовъ, поданныхъ за каждаго; эти списки они должны подписать и скрѣпить и затѣмъ отправить запечатанными въ мѣстопребываніе правительства Соединенныхъ Штатовъ на имя предсѣдателя сената; предсѣдатель сената долженъ вскрыть всѣ письменныя удостовѣренія въ присутствіи сената и палаты представителей, и затѣмъ должны быть сочтены поданные голоса; то лицо, которое получило самое большое число голосовъ при выборѣ президента, должно быть президентомъ, если это число составляетъ большинство всѣхъ назначенныхъ выборщиковъ; если же никто не получилъ такого большинства голосовъ, то палата представителей должна немедленно выбрать посредствомъ баллотировки президента изъ тѣхъ трехъ лицъ, которыя получили самое большое число голосовъ. Но при выборѣ президента голоса должны быть отбираемы по штатамъ такъ, чтобы представительство каждаго штата имѣло одинъ голосъ; для этой цѣли должны присутствовать одинъ членъ или нѣсколько членовъ отъ двухъ третей штатовъ, а большинство всѣхъ штатовъ необходимо для выбора. Если же палата представителей не выберетъ до четвертаго числа слѣдующаго марта мѣсяца президента въ томъ случаѣ, когда право такого выбора предоставлено ей, то вице-президентъ долженъ дѣйствовать за президента точно такъ же, какъ и въ случаѣ смерти президента или его неспособности къ отправленію должности.

2. Лицо, получившее самое большое число голосовъ при выборѣ вице-президента, должно быть вице-президентомъ, если это число составляетъ большинство всѣхъ собравшихся выборщиковъ; если же никто не получитъ большинства голосовъ, то сенатъ долженъ выбрать вице-президента изъ двухъ лицъ, получившихъ наибольшее число голосовъ; для этой цѣли должны присутствовать двѣ трети всего числа сенаторовъ, а большинство всего числа необходимо для выбора.

3. Никакое лицо, не соотвѣтствующее установленнымъ конституціею условіямъ для избранія въ президенты, не можетъ быть выбрано въ вице-президенты Соединенныхъ Штатовъ.